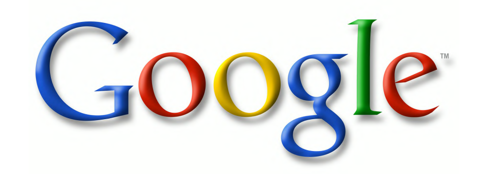


B 1,100,250

C
HOE

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1878

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. БРАТЬЯ ПОТЕМКИНЫ НА КАВКАЗѢ. Гл. I—III. Н. Ѳ. Дубровина.

II. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. LXIX—LXXII. А. Л. Зиссермана.

III. ИЗЪ ДНЕВНИКА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ЭРЗЕРУМѢ ВЪ 1878 ГОДУ. В. Ѳ. Духовской.

IV. О ДРАМѢ. Отдѣлъ четвертый. Гл. I—IV. Д. В. Аверкіева.

V. ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. LXIX—LXXXII. Б. М. Маркевича.

VI. НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗИКИ. Телефонъ, фонографъ и микрофонъ. Я. Я. Вейнберга.

VII. СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ. Романъ. Окончаніе. В. Г. Авсѣенка.

VIII. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. LXXXIV—XCII. Андрея Печерскаго.

IX. МОЛИТВА. Стихотвореніе. А. Н. Майкова.

X. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ: I. *Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.* Е. Шмида. Переводъ съ нѣмецкаго А. Нейлисова. — II. Книга доктора Буша о Бисмаркѣ. Dr. Moritz Busch: *Graf Bismarck und Seine Leute während des Kriegs mit Frankreich.* 1878, 2 Bände.—III. *Новая исторія культуры въ Греціи и Римѣ.* Jakob von Falke: *Hellas und Rom, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums.* 1878.

XI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

Съ январьской книжки предстоящаго года начнется печатаніе новаго романа Ѳ. М. Достоевскаго *Братья Карамазовы.*

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

138

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

БРАТЬЯ ПОТЕМКИНЫ НА КАВКАЗѢ*

I.

Просьба Грузинскаго царя Ираклія о принятіи его подъ покровительство Россіи.—Условія на которыхъ онъ желалъ признать верховную власть императрицы.—Участіе въ этомъ дѣлѣ князя Потемкина-Таврическаго.—Назначеніе генералъ-поручика П. С. Потемкина командующимъ войсками на новой Моздокской линіи.—Отправленіе въ Грузію полковника Бурнашева и подполковника Тамары.—Цѣль посылки этихъ лицъ. — Заключеніе трактата о покровительствѣ.—Исправленіе дороги въ Грузію.—Прибытіе въ Тифлисъ русскихъ войскъ.—Торжество въ Тифлисѣ по поводу присылки ратификацій трактата и знаковъ инвеституры. — Присяга царя Ираклія II.—Награды и подарки пожалованные императрицей.—Прибытіе въ Петербургъ двухъ сыновей Ираклія и князя Чавчавадзе въ качествѣ министра.

Постоянно тревожное состояніе въ которомъ находилась Грузія, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными ей сосѣдями, и внутреннее неустройство страны заставили царя Ираклія II искать сильной помощи и защиты въ лицѣ ближайшей и единовѣрной ему Россіи. Въ концѣ 1782 года царь отправилъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять Грузію подъ верховную власть Русской державы и заключить съ нимъ торжественный трактатъ о покровительствѣ.

---

* Изъ приготовленнаго къ изданію сочиненія *Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ*.

Въ случаѣ согласія императрицы, Ираклій просилъ утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ, оставить въ Грузіи званіе католикоса, какъ главы духовенства; прислать въ его отечество 4.000 русскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты отъ враговъ и покоренія отпадшихъ отъ него провинцій, и наконецъ снабдить его деньгами на содержаніе войскъ, обязуясь всю пожалованную ему сумму выплатить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ своей стороны царь, по азіятскому обычаю, обѣщалъ прислать въ Петербургъ аманатами (заложниками вѣрности) одного изъ своихъ сыновей, нѣсколькихъ князей и дворянъ; обѣщалъ вносить въ казну половину прибыли отъ обработки рудъ, платить подати по семидесяти копѣекъ съ каждаго двора, отбывать рекрутскую повинность наравнѣ съ русскими подданными, посылать ежегодно для двора императрицы двѣ тысячи ведеръ лучшаго кахетинскаго вина и четырнадцать лошадей самыхъ высокихъ статей. Съ жителей тѣхъ областей и провинцій которыя могли быть покорены и возвращены Грузіи въ послѣдствіи, Ираклій II обязывался вносить ежегодно по двѣсти пудовъ шелку, платить также по семидесяти копѣекъ съ каждаго двора и сверхъ того половину той платы которую вносили съ души русскіе помѣщичьи крестьяне.

Соглашаясь на принятіе Грузіи подъ свое покровительство, императрица Екатерина II простирала свои виды гораздо далѣе тѣхъ мелочныхъ условій которыя предлагалъ ей царь Ираклій. Россія не нуждалась въ обязательствахъ служившихъ къ приращенію ея казны, тѣмъ болѣе что при тогдашнемъ состояніи Грузіи и ея народонаселенія царь при самыхъ выгодныхъ условіяхъ могъ внести въ русскую казну не болѣе 250.000 рублей, то-есть такую сумму которая была недостаточна даже на содержаніе просимыхъ имъ русскихъ войскъ. Не денежная дань привлекала вниманіе императрицы, а желаніе устроить нравственное и имущественное благосостояніе единовѣрнаго ей населенія Закавказья. Екатерина II мечтала объ образованіи по ту сторону Кавказскихъ горъ одного христіанскаго государства ни отъ кого кромѣ Россіи не зависящаго. Она хлопотала объ освобожденіи всего христіанскаго населенія отъ несноснаго ему магометанскаго ига Персіянъ и Турокъ и потому охотно согласилась на просьбу Ираклія II о покровительствѣ, ибо видѣла въ желаніи Грузинскаго царя первый шагъ къ упроченію нашего вліянія за Кавказомъ и къ осуществленію своихъ предположеній.

Ближайшій сподвижникъ императрицы князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, какъ человѣкъ прежде другихъ понявшій виды и намѣренія Екатерины II, былъ избранъ исполнителемъ ея воли и предначертаній. Предоставляя въ непосредственное завѣдываніе князя Потемкина всѣ дѣла съ Персіей и Грузіей, императрица тѣмъ самымъ передала въ его руки и всѣ наши сношенія съ Востокомъ. Она дала ему широкое полномочіе распоряжаться самовластно, по своему усмотрѣнію, и поручила заключить окончательный трактатъ съ царемъ Ираклiемъ. Князь Григорій Александровичъ принялся за дѣло со свойственными ему пылкостію и увлеченіемъ. Отправляя двоюроднаго брата генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина для командованія войсками расположенными на *новой Моздокской линіи*, онъ писалъ ему *:

„Какъ высочайшая ея императорскаго величества воля есть, чтобы имѣть связь съ прилеглыми границамъ нашимъ владѣльцами, какъ-то съ Грузіей и Армянами въ Карабагѣ и Карадагѣ находящимися, то и должны вы частыя, подъ разными предлогами, имѣть съ ними сношенія и поставить себя въ знакомство, черезъ что̀ и приготовиться для видовъ и предпріятій впредь назначаемыхъ.

„На мѣстѣ же пребыванія вашего вы должны войти въ точное свѣдѣніе о народахъ Большой и Малой Кабарды, до коей всѣ касающіяся дѣла получите вы изъ моей походной канцеляріи. Вамъ предлежитъ (предстоитъ) связать ихъ собственными ихъ выгодами съ Россіей и развязать давно вкорененныя междуусобія; развѣдать кто изъ нихъ сильнѣе между князьями и кто надежнѣе; какова связь между сими и подлымъ народомъ и сіи двѣ части не худо держать въ нѣкоторой другъ ко другу зависти."

Приступая къ исполненію весьма обширной политической программы, князь Потемкинъ желалъ ознаменовать начало своей дѣятельности особыми милостями царю Ираклію, милостями которыя могли бы указать и другимъ владѣльцамъ что исканіе покровительства Россіи ведетъ ихъ ко многочисленнымъ выгодамъ и преимуществамъ. По его ходатайству императрица не только согласилась удовлетворить всѣ просьбы Ираклія, но и предоставила ему гораздо болѣе чѣмъ онъ

* Въ секретномъ предписаніи отъ 6го сентября 1782 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13.

самъ могъ желать. Царю разрѣшено употреблять въ свою пользу ту дань которую онъ обязывался вносить въ знакъ подданства и еще до заключенія трактата одинъ изъ сыновей Ираклія былъ награжденъ орденомъ Св. Анны *.

Въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ, сообщая Ираклію что ему поручены всѣ дѣла съ Грузіей, писалъ что для заключенія съ царемъ трактата онъ уполномочилъ своего двоюроднаго брата П. С. Потемкина и въ помощь ему назначилъ подполковника Тамару, съ которымъ и посылаетъ ему проектъ трактата **. Такъ какъ всѣ просьбы царя были не только удовлетворены, но сдѣлано даже гораздо болѣе чѣмъ онъ желалъ, то князь выражалъ увѣренность что Ираклій конечно не встрѣтитъ затрудненія въ заключеніи условій и въ самомъ непродолжительномъ времени пришлетъ своихъ полномочныхъ на линію, въ то мѣсто которое будетъ назначено генералъ-поручикомъ Потемкинымъ. Послѣднему въ то же время предписано приготовить для отправленія въ Грузію два баталіона, Горскій и Кабардинскій, съ четырмя орудіями, но до повелѣнія ихъ не отправлять, а озаботиться только починкой дороги, причемъ одна половина ея должна быть исправлена нами, а другая Грузинами ***.

Въ половинѣ мая 1783 года подполковникъ Тамара оставилъ Кавказскую линію и отправился въ Грузію съ проектомъ трактата. Генералъ-поручикъ Потемкинъ снабдилъ его письмомъ къ царю Ираклію, въ которомъ просилъ прислать въ Георгіевскъ не менѣе двухъ полномочныхъ и заготовить провіантъ для войскъ назначенныхъ къ отправленію въ Грузію ****. Онъ поручилъ Тамарѣ убѣдить царя поспѣшить

---

* Ираклій съ восторгомъ принялъ эту награду и благодарилъ за нее Потемкина. „При вашемъ письмѣ, писалъ царь отъ 18го мая, получили мы такую радость которую не ожидали. По посредству вашему отъ всемилостивѣйшей нашей государыни получили присланный орденъ для нашего сына. Хотя мы вамъ не заслужили, чтобы вы оказывали намъ такую дружбу, однако же постараемся конечно за все вами оказанное пріятство отслужить. Какъ изъ меньшихъ нашихъ сыновъ былъ старѣе Юлонъ, то разсудили оную ленту надѣть на него.“

** Ордеръ генералъ-поручику Потемкину 3го апрѣля 1783 года, № 106. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

*** То же отъ 3го апрѣля, № 103. Тамъ же.

**** Письмо П. С. Потемкина Ираклію отъ 9го мая 1783.

высылкой полномочныхъ и не раздроблять своихъ владѣній раздѣломъ поровну между сыновьями.

Принимая Грузію подъ свое покровительство на вѣчныя времена, Русское правительство, конечно, не могло допустить раздробленія владѣній между различными лицами рѣдко единомысленными, а потому писалъ П. С. Потемкинъ подполковнику Тамарѣ: * „Рекомендую, объясняясь съ царемъ Ираклiемъ о содержаніи трактата, упомянуть,—если подлинно сіе есть его намѣреніе, — что слава его дѣлъ, его имени и польза его народа требуютъ того чтобъ область его соединенною навсегда осталась. Прямое свѣдѣніе ваше по сей статьѣ и обстоятельства откроютъ должно ли будетъ при заключеніи трактата составить о семъ сепаратный артикулъ.“

Тамарѣ не трудно было убѣдить въ этомъ Ираклія, но гораздо труднѣе было согласить его къ скорѣйшему назначенію полномочныхъ и къ отправленію ихъ въ Георгіевскъ. Преданность самого Ираклія къ Россіи была безгранична; на всѣ предложенія съ нашей стороны онъ отвѣчалъ однимъ безусловнымъ согласіемъ и только весьма часто повторялъ свое желаніе видѣть какъ можно скорѣе русскія войска въ Грузіи. Царь надѣялся что въ половинѣ іюня они будутъ уже въ его владѣніяхъ и, не заключивъ еще трактата, хотѣлъ торжественно праздновать въ Тифлисѣ свое вступленіе подъ покровительство Россіи. Хотя такая торопливость обусловливалась политическими видами, ибо царь хотѣлъ этимъ торжествомъ показать Персіи что имѣетъ могущественнаго союзника, тѣмъ не менѣе генералъ-поручикъ Потемкинъ принужденъ былъ удержать Ираклія отъ излишней поспѣшности. Онъ писалъ царю что прибытіе войскъ въ Грузію можетъ послѣдовать не ранѣе того какъ будетъ подписанъ трактатъ и просилъ Ираклія, отложивъ торжество до окончанія переговоровъ, поторопиться присылкой полномочныхъ. ** Подполковникъ Тамара настаивалъ на томъ же, но царь Ираклій въ дѣлѣ назначенія полномочныхъ былъ до крайности нерѣшителенъ и медлилъ до невозможности. Причиной тому было совершенное незнаніе царемъ и его окружающими тѣхъ обрядовъ и условій которые обыкновенно соблюдаются европейскими дворами

---

* Въ ордерѣ отъ 9го мая. Государствен. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

** Ордеръ генералъ-поручика Потемкина Тамарѣ отъ 4го іюня и письмо его царю Ираклію отъ 7го іюня 1783 года.

при заключеніи государственныхъ договоровъ. Тамарѣ пришлось самому составить отъ имени царя полномочіе, по нѣскольку разъ объяснить каждое слово въ немъ написанное какъ самому царю, такъ и его совѣтникамъ. Врожденная недовѣрчивость Ираклія къ своимъ подданнымъ, составляющая характеристическую особенность всѣхъ азіятскихъ владѣтелей, имѣла мѣсто въ Грузіи и была второю причиной медленности въ назначеніи полномочныхъ. Ираклій не только не довѣрялъ своимъ помощникамъ по управленію, но не вѣрилъ и своимъ ближайшимъ родственникамъ, такъ что долгое время не могъ установиться въ выборѣ довѣренныхъ лицъ, „у которыхъ, доносилъ Тамара, * хотя для одной наружной формы въ семъ случаѣ посылаемыхъ, ищетъ прежде отгадать мысли для того что боится рѣчей, кои считаетъ уже неоднократно ему повредили". Царь назначалъ то одного, то другаго, перемѣнялъ, снова назначалъ и тѣмъ затягивалъ дѣло. Имѣя порученіе князя Потемкина съѣздить въ Имеретію для увѣренія царя Соломона въ расположеніи къ нему Русскаго правительства и доставить письмо свѣтлѣйшаго князя, ** подполковникъ Тамара рѣшился отправиться въ Кутаисъ, не ожидая окончательнаго рѣшенія царя Ираклія. Онъ успѣлъ только заручиться обѣщаніемъ что въ тотъ промежутокъ времени который онъ употребитъ на поѣздку и возвращеніе изъ Имеретіи Ираклій непремѣнно назначитъ полномочныхъ и приготовитъ все необходимое для ихъ отъѣзда настолько чтобъ они могли вмѣстѣ съ Тамарой отправиться на линію.

Путешествіе послѣдняго въ Имеретію продолжалось гораздо долѣе предполагаемаго. Страшная распутица отъ безпрерывныхъ сильныхъ дождей и болѣзнь нѣкоторыхъ лицъ сопровождавшихъ подполковника Тамару задержали наше посольство въ пути, заставили ѣхать медленно и все-таки оставить на дорогѣ нѣсколькихъ человѣкъ больныхъ. Въ Кутаисъ Тамара прибылъ 5го іюня, а на третій день послѣ его пріѣзда заболѣлъ царь Соломонъ, такъ что Тамара принужденъ былъ

* Генералъ-поручику Потемкину 27го мая 1783 года.

** Имеретинскій царь Соломонъ просилъ императрицу защитить его отъ Турокъ, которые по его словамъ прислали своихъ чиновниковъ для осмотра границъ Имеретіи и устройства тамъ крѣпостей. См. письмо астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 11го октября 1782 года. Государствен. Арх. XXIII, № 13.

прожить тамъ девять дней и могъ отправиться только 14го числа.

По возвращеніи въ Тифлисъ онъ узналъ что полномочными назначены князь Отій Андрониковъ и князь Сулханъ Тумановъ, но утромъ 24го іюня царь прислалъ сказать что онъ измѣнилъ свой выборъ и окончательно назначаетъ: первымъ полномочнымъ своего зятя, главнаго совѣтника въ дѣлахъ провинціи Эриванской и генерала войскъ отъ лѣвой руки князя Ивана Константиновича Багратіона, а вторымъ своего генералъ-адъютанта и начальника Казахской провинціи, князя Герсевана Ревазовича Чавчавадзе, ассистентомъ при нихъ назначенъ архимандритъ Гаіосъ, знавшій русскій языкъ, одинъ секретарь посольства и человѣкъ двадцать свиты. Ираклій обѣщалъ снабдить посылаемыхъ особъ полномочіемъ, въ силу котораго каждый изъ нихъ по какому-либо непредвидимому случаю могъ подписать трактатъ безъ своего товарища *.

Отправляя князей Багратіона и Чавчавадзе въ Георгіевскъ царь поручилъ имъ передать генералъ-поручику Потемкину свое желаніе съ нимъ видѣться, хотя бы на половинѣ пути въ горахъ Кавказскихъ, тамъ гдѣ разрабатывалась дорога нашими рабочими. Предложеніе это обусловливалось сколько желаніемъ лично познакомиться съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ столько же недовѣріемъ къ полномочнымъ и опасеніемъ чтобы не было пропущено чего-либо въ трактатѣ. Ниже мы увидимъ что желаніе Ираклія и въ этомъ случаѣ было удовлетворено въ гораздо большей степени чѣмъ онъ могъ ожидать. Послѣ заключенія трактата Потемкинъ посѣтилъ его въ Тифлисѣ и имѣлъ случай познакомиться со всѣми членами Грузинскаго царскаго дома. Теперь же былъ посланъ въ Грузію въ качествѣ коммиссіонера или посредника въ сношеніяхъ царя съ Русскимъ правительствомъ полковникъ Бурнашевъ, къ которому Ираклій могъ обращаться со всѣми своими просьбами и желаніями.

Полковникъ Бурнашевъ былъ отправленъ въ Тифлисъ почти одновременно съ подполковникомъ Тамарой. Назначая его состоять при царѣ Ираклііи, князь Потемкинъ поставилъ Бурнашеву въ непремѣнное условіе ближе ознакомиться какъ со внутреннимъ состояніемъ Грузіи и Имеретіи, такъ и съ политическимъ положеніемъ ихъ относительно сосѣдей.

* Рапортъ Тамары генералу Потемкину 24го іюня 1783 года.

Бурнашевъ долженъ былъ осмотрѣть границы обоихъ владѣній, составить по возможности вѣрную карту и описаніе Грузіи и Имеретіи и опредѣлить наиболѣе важные пункты въ стратегическомъ отношеніи, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи можно было на указанныхъ имъ пунктахъ построить рядъ укрѣпленій для обезпеченія страны отъ вторженій непріятеля. Не придавая имъ характера обширныхъ построекъ,. князь Потемкинъ поручилъ Бурнашеву проектировать укрѣпленія небольшія, но достаточно сильныя для отраженія сосѣднихъ нападеній. *

Совокупныя и единодушныя дѣйствія царей Грузіи и Имеретіи противъ общаго врага, конечно, могли бы значительно облегчить защиту ихъ владѣній, но взаимная вражда возникшая изъ фамильныхъ интересовъ' не допускала единодушія. Полковникъ Бурнашевъ какъ посредникъ между Русскимъ правительствомъ и обоими царями, одинаково преданными Россіи и стремившимися къ одной и той же цѣли, долженъ былъ принять мѣры къ примиренію и возстановленію между ними дружественныхъ отношеній.

Въ концѣ мая полковникъ Бурнашевъ въ сопровожденіи доктора и переводчика отправился въ Грузію, имѣя при себѣ двадцать два человѣка казаковъ, назначенныхъ для постояннаго пребыванія съ нимъ въ Тифлисѣ. ** Ираклій II принялъ его весьма ласково и объявилъ что безъ его согласія и одобренія не будетъ имѣть никакихъ сношеній и переписки съ сосѣдними владѣльцами. ***

Вскорѣ послѣ прибытія Бурнашева въ Тифлисъ, уполномоченные вмѣстѣ съ подполковникомъ Тамарой отправились въ Георгіевскъ. Принявъ безусловно всѣ параграфы трактата, они просили только оставить царю титулъ *Умаглесо*— „высочества“, который давался ему во всей Азіи, оставить за царями право при вступленіи на престолъ короноваться;

* Полковникъ Бурнашевъ находилъ необходимымъ построить два укрѣпленія: одно въ Имеретіи, по дорогѣ въ Ахалцыхъ, на рѣчкѣ Цхенисъ-Цхали, у зáмка Богдада, а другое въ Грузіи на рѣкѣ Алазани, при урочищѣ Кумбатъ. Представленные имъ проектъ и смѣта оставлены однако же княземъ Потемкинымъ безо всякаго исполненія.

** Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Бурнашеву 21го мая 1783. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

*** Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 16го іюня. Тамъ же.

образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, дозволить имъ имѣть собственную монету и немедленно ввести въ ихъ отечество два баталіона русскихъ войскъ. * Генералъ-поручикъ Потемкинъ обѣщалъ ходатайствовать объ удовлетвореніи просьбъ полномочныхъ и тѣмъ устранить всѣ недоразумѣнія.

24го іюля 1783 года трактатъ былъ подписанъ. Грузинскій царь, устранясь отъ сношеній съ Персіей и вассальной отъ нея зависимости, обязался за себя и своихъ преемниковъ не признавать надъ собой иной державной власти кромѣ власти Русскихъ императоровъ. Онъ обѣщалъ содѣйствовать пользѣ Русскаго государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда отъ него потребуется такое содѣйствіе. Ираклій II обязывался, безъ предварительнаго сношенія съ русскимъ пограничнымъ начальствомъ и безъ совѣта съ аккредитованнымъ при немъ русскимъ министромъ, не вступать ни въ какія сношенія съ окрестными владѣльцами, не принимать ихъ посланныхъ или писемъ и не давать ни обѣщаній, ни обнадеживаній и даже отвѣтовъ. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ пограничныхъ начальниковъ и охранять въ своихъ владѣніяхъ русскихъ подданныхъ ото всякихъ обидъ и притѣсненій.

Съ своей стороны императрица, ручаясь за сохраненіе цѣлости владѣній царя Ираклія II, обѣщала распространить это ручательство и на такія владѣнія которыя современемъ будутъ имъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ утверждены. Императрица обѣщала сохранить престолъ наслѣдственнымъ въ родѣ Ираклія II, съ тѣмъ чтобы преемники его, вступая на царство, извѣщали тотчасъ же Русское правительство, испрашивали утвержденія Русскихъ императоровъ и по полученіи разрѣшенія и знаковъ инвеституры ** присягали на вѣрность.

Обѣщая защищать Грузію ото всякихъ непріятельскихъ покушеній и считать враговъ этой страны за своихъ собственныхъ, императрица предоставляла грузинскимъ поддан-

---

* См. параграфъ 4 секр. условій. Воен.-Уч. Арх. отд. I, дѣло № 183.

** Инвеституру составляли: грамота, знамя съ россійскимъ гербомъ, имѣющимъ внутри себя гербъ царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго, сабля, повелительный жезлъ и мантія или епанча горностаевая.

нымъ одинаковыя права и преимущества съ русскими относительно торговли, права селиться въ Россіи, въѣзжать въ нее и возвращаться. Она обѣщала не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны, предоставить царю судъ, расправу и сборъ податей въ его пользу. Для болѣе удобныхъ взаимныхъ сношеній Русское правительство постановило имѣть при царѣ Ираклiи II своего министра или резидента, точно также какъ принять и его резидента или министра наравнѣ съ прочими владѣтельныхъ князей министрами. Относительно духовныхъ дѣлъ положено образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, съ тѣмъ чтобы католикосъ, или начальствующій архіепископъ грузинскій, имѣя навсегда титулъ члена Св. Синода, занялъ мѣсто въ числѣ русскихъ архіереевъ въ 8 степени, именно послѣ Тобольскаго *.

Для защиты страны отъ враговъ внѣшнихъ, хотя и постановлено было особыми секретными статьями содержать въ Грузіи, на туземномъ продовольствіи, два полные баталіона русскихъ войскъ съ четырьмя орудіями полковой артиллеріи, но посовѣтовано Ираклію, для пріобрѣтенія наибольшей самостоятельности, сохранять дружбу и поддерживать постоянную связь съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ и прочимъ христіанскимъ населеніемъ Закавказья. Пребывая въ союзѣ и совершенномъ согласіи, христіанское населеніе, при единодушіи въ дѣйствіяхъ, могло оказать довольно сильное сопротивленіе всѣмъ покушеніямъ на ихъ свободу, спокойствіе и благоденствіе. Поэтому при заключеніи условій Русское правительство настаивало чтобъ Ираклій II устранилъ всѣ недоразумѣнія бывшія между нимъ и Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, чтобъ онъ помирился съ нимъ и дѣйствовалъ единодушно. Царь обѣщалъ исполнить требованіе и далъ слово въ будущемъ всѣ могущія случиться недоразумѣнія представлять на рѣшеніе императрицы.

Съ своей стороны Русское правительство для обезпеченія независимости и самостоятельности Грузіи обѣщало не ограничивать своей помощи двумя только баталіонами, но увеличивать число войскъ по мѣрѣ надобности и по взаимному соглашенію царя съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ.

---

* *Полн. Собр. Закон.* Т. XXI, № 15.835.

„Ея императорское величество“, сказано въ трактатѣ, * „обѣщаетъ, въ случаѣ войны, употребить всевозможное стараніе пособіемъ оружія, а въ случаѣ мира настояніемъ о возвращеніи земель и мѣстъ издавна къ царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавшихъ, кои и останутся во владѣніи царей тамошнихъ, на основаніи трактата о покровительствѣ и верховной власти Всероссійскихъ императоровъ надъ ними заключеннаго.“

17го августа подписанный уполномоченными трактатъ о подданствѣ Грузіи достигъ до Петербурга. „Вчерашній день“, писала императрица князю Потемкину, ** „я письмо твое отъ 5го сего мѣсяца получила чрезъ подполковника Тамару, который привезъ и грузинское дѣло, за которое снова тебѣ же спасибо. Прямо ты—другъ мой сердечный! Voilà bien des choses de faites en peu de temps. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ. По представленіямъ твоимъ дѣла не будутъ залеживаться, изволь присылать.“

Вмѣстѣ съ трактатомъ полковникъ Тамара представилъ и дополнительныя просьбы грузинскихъ уполномоченныхъ, которыя и удостоились высочайшаго утвержденія. Императрица оставила Ираклію II титулъ „высочества“, пожаловала ему корону и особымъ параграфомъ трактата *** предоставила право какъ Ираклію, такъ и его преемникамъ совершать обрядъ коронованія и миропомазанія. **** Сверхъ того царямъ

---

* См. параграфъ 4й секретныхъ условій. Военн.-Учен. Архивъ. Отд. I, дѣло № 183.

** Въ письмѣ отъ 18го августа 1783 года. Письмо это съ пропускомъ напечатано въ *Русской Старинѣ* 1876 года, № 5.

*** Утвержденнымъ 30го сентября 1783 года. *Полн. Собр. Зак.*, т. XXI, № 15.840.

**** Царь Ираклій, не довольствуясь обѣщаніемъ даннымъ полномочнымъ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ и опасаясь что разрѣшеніе короноваться не будетъ введено въ трактатъ, вскорѣ послѣ заключенія его отправилъ къ князю Потемкину своего перваго секретаря и любимца князя Сулхана Туманова. „Князь Тумановъ, доносилъ свѣтлѣйшій императрицѣ отъ 7го октября, человѣкъ благоразумный, весьма хорошаго просвѣщенія и со многими дарованіями; нельзя казалось таковымъ себѣ представить жителя тифлисскаго. Виной сего посланія—вѣнчаніе царское, коего желаетъ Ираклій и о которомъ возобновляетъ просьбы свои къ престолу

милостями какъ членамъ царскаго дома, такъ и лицамъ непосредственно участвовавшимъ въ заключеніи трактата. „Что принадлежитъ до подарковъ,“ писалъ князь Потемкинъ генералъ-майору Безбородко, „то сверхъ назначенныхъ посламъ со свитами и контрасигнировавшимъ полную мочь царскую, не излишнимъ я считаю нѣкоторыя награжденія и первѣйшимъ въ царствѣ людямъ. Какъ католикосъ имѣетъ камилавку съ крестомъ, то и можетъ ему таковой крестъ быть пожалованъ съ камнями. Въ бытность еще въ Петербургѣ докладывалъ я ея императорскому величеству о готовящемся къ сей степени сынѣ Ираклiевѣ (Антоніи), который и носитъ уже санъ діаконскій *; не угодно ли будетъ повелѣть сдѣлать ему въ Москвѣ посвященіе въ епископы и въ такомъ случаѣ богатый крестъ и панагія весьма важнымъ будутъ ему даромъ. Для царицы нѣтъ лучшаго подарка какъ орденъ Св. Екатерины; для прочихъ же дому царскаго—вещи съ брилліантами.“

Мнѣніе князя Потемкина было вполнѣ одобрено императрицей, и полковникъ Тамара отправился въ Грузію съ нѣсколькими тюками подарковъ. Втораго января онъ выѣхалъ изъ Моздока и въ шесть переходовъ достигъ до подошвы снѣговой горы. Перевалившись на противоположную сторону Кавказскаго хребта, онъ нашелъ дороги въ Закавказьѣ покрытыми столь необыкновеннымъ количествомъ снѣга что подвигался весьма медленно, несмотря на всѣ усилія присланныхъ къ нему навстрѣчу князей и дворянъ. Послѣдніе, желая ускорить путешествіе, разбирали вещи Тамары и въ трудныхъ мѣстахъ перевозили ихъ на своихъ лошадяхъ **. Наконецъ 17 января 1784 года въ Тифлисѣ узнали что царь Ираклій, получивъ извѣстіе о приближеніи полковника Тамары, отправилъ къ нему навстрѣчу князя Ивана Константиновича Багратіона съ нѣкоторыми лицами изъ числа своихъ придворныхъ, и что они встрѣтивъ посланнаго, проводили его инкогнито въ городъ. ***

---

* Когда князь Потемкинъ писалъ это письмо, царевичъ имѣлъ уже санъ архимандрита.

** Рапортъ Тамары генералу Потемкину 30 января 1784. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

*** За неимѣніемъ внѣ столицы домовъ сколько-нибудь удобныхъ для помѣщенія, полковникъ Тамара препровожденъ былъ въ Тифлисъ безъ офиціальной встрѣчи.

Тамара дѣйствительно въ этотъ день пріѣхалъ въ Тифлисъ, * а на слѣдующій имѣлъ приватную аудіенцію у Ираклія. Онъ передалъ ему письмо князя Потемкина и условился относительно предстоящихъ церемоній. Для торжественнаго вступленія русскаго посланнаго въ столицу Грузіи было избрано 22е января и наканунѣ царь разослалъ по городу своихъ герольдовъ, одѣтыхъ въ панцыри „по образцу древнихъ персидскихъ воиновъ", на лучшихъ лошадяхъ съ богатымъ уборомъ. Въ сопровожденіи хора музыкантовъ и значительнаго числа дворянъ, герольды, проѣзжая по главнѣйшимъ улицамъ Тифлиса, возвѣщали народу о предстоящемъ торжествѣ.

Съ разсвѣтомъ 22го января, сто одинъ выстрѣлъ изъ русскихъ орудій далъ знать о началѣ церемоніи, и площади Тифлиса покрылись народомъ несмотря на затрудненія въ сообщеніи. При тѣснотѣ улицъ, покрытыхъ къ тому же глубокимъ снѣгомъ, церемоніальный кортежъ могъ слѣдовать только по главнѣйшимъ, и потому для сбора участвующихъ въ церемоніи былъ избранъ домъ полковника Бурнашева, какъ представлявшій бо́льшія удобства и расположенный въ лучшей части города. Отсюда собравшіеся направились къ царскому дворцу по улицамъ обѣ стороны которыхъ были уставлены вооруженными жителями города Тифлиса.

Впереди ѣхали герольды, а за ними конный конвой изъ Грузинъ при младшемъ церемоніймейстерѣ и царскомъ генералъ-казначеѣ. Позади слѣдовали два взвода русскихъ войскъ, а за ними 24 человѣка придворныхъ дворянъ, предводительствуемыхъ старшимъ церемоніймейстеромъ и первымъ царскимъ секретаремъ княземъ Бегтабеговымъ.

За придворными ѣхалъ верхомъ подполковникъ Мерлинъ, а за нимъ слѣдовали оберъ-офицеры несшіе по порядку: знамя, саблю, царскую мантію, скипетръ, корону и грамоту. По обѣимъ сторонамъ регалій слѣдовали придворные дворяне. За грамотой шелъ полковникъ Тамара, имѣя по одной сторонѣ оберъ-шталмейстера князя Абашидзе, а съ другой царскаго генералъ-адъютанта князя Баратова. Процессію замыкали два взвода егерей и конный грузинскій конвой.

Приближаясь къ царскому дворцу, кортежъ былъ встрѣченъ

* Бутковъ въ своемъ сочиненіи (ч. II, 129) говоритъ что ратификація трактата и знаки инвеституры были доставлены въ Грузію въ ноябрѣ 1783 года, но это не вѣрно.

музыкой находившихся въ строю русскихъ баталіоновъ, „а при царскомъ дворѣ трубнымъ гласомъ, бубнами и другихъ музыкъ звуками“.

При вратахъ царскаго двора процессія была встрѣчена полковникомъ Бурнашевымъ и царевичемъ Миріаномъ, а у крыльца и на лѣстницѣ и при входѣ въ залу—первѣйшими царскими чиновниками.

Въ аудіенцъ-залѣ поставленъ былъ тронъ съ присланнымъ отъ Русскаго двора богатымъ балдахиномъ. Впереди трона стоялъ царь, а по сторонамъ его царевичи, внуки царскіе, католикосъ, архіереи, министры и многочисленная свита изъ знатныхъ особъ. Полковникъ Тамара послѣ привѣтствія его высочества передалъ ему поочередно всѣ регаліи и наконецъ грамоту.

Царь принималъ ихъ стоя у ступеней трона. Знамя и саблю онъ вручилъ старшимъ изъ княжескихъ фамилій имѣющихъ древнее право носить ихъ за царями; мантію приняли придворные чиновники; корону и скипетръ царь приказалъ держать на подушкахъ близь себя, а грамоту чрезъ старшаго царевича передалъ князьямъ Орбельяни и Багратіону. Передача послѣдней сопровождалась сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. По полученіи грамоты и по окончаніи рѣчи полковника Тамары,—въ которой онъ удостовѣрилъ Ираклія въ непремѣнномъ желаніи императрицы оказывать покровительство Грузіи,—царь взошелъ на тронъ, на ступеняхъ котораго поставилъ семь своихъ сыновей и двухъ внуковъ.

„Все сіе“, доносилъ полковникъ Тамара *, „въ самомъ дѣйствіи представлено имъ съ такою важностію и изображеніемъ какъ бы окончилъ онъ у ступеней престола прошедшія времена земли своей и далъ начало новымъ.“

Оставаясь на тронѣ Ираклій высказалъ Тамарѣ самую глубокую благодарность императрицѣ за ея милости и потомъ принималъ поздравленія отъ присутствовавшихъ, причемъ всѣ подданные царя цѣловали его руку **.

Торжество принятія регалій закончилось во дворцѣ роскошнымъ обѣдомъ, на который приглашены были всѣ офицеры двухъ русскихъ баталіоновъ. Многочисленные тосты,

---

* Генералу Потемкину отъ 30го января 1784 года. Госуд. Арх. XXIII. № 13й, карт. 47.

** Описаніе торжества и пр. Бурнашева. Тамъ же.

музыка и орудійные выстрѣлы сопровождали пиршество *. Въ теченіе цѣлаго дня въ городѣ былъ колокольный звонъ, а вечеромъ и во всю ночь улицы Тифлиса были иллюминованы.

На слѣдующій день движеніе русскихъ войскъ къ царскому дворцу привлекло новыя толпы любопытныхъ.

Въ десятомъ часу утра полковники Бурнашевъ и Тамара отправились во дворецъ и войдя въ залу нашли тамъ царя окруженнаго членами царскаго дома, министрами и прочими знатными особами. По прибытіи представителей русской власти, царь предшествуемый регаліями отправился въ соборную церковь для принесенія присяги.

Взойдя на тронъ, поставленный посреди церкви, Ираклій надѣлъ царскую мантію, а по обѣимъ сторонамъ его расположились лица державшія остальныя регаліи; на ступенькахъ трона стали царевичи и ихъ дѣти. Впереди трона и нѣсколько правѣе его на столѣ покрытомъ золотымъ глазетомъ лежала ратификація императрицы Екатерины II, а лѣвѣе ея, на столѣ покрытомъ бархатомъ, ратификація Ираклія II.

Католикосъ совершалъ богослуженіе. Во время литургіи, при первомъ возглашеніи имени Русской императрицы, во всѣхъ церквахъ Тифлиса раздался колокольный звонъ, а по окончаніи молебна Ираклій подписалъ ратификацію и приступилъ къ присягѣ. Предъ трономъ царскимъ поставлены были Крестъ и Евангеліе, по правую сторону царя сталъ полковникъ Бурнашевъ, по лѣвую—полковникъ Тамара, и обрядъ начался.

„Азъ нижеименованный, произносилъ царь предъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ, обѣщаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ что хощу и долженъ ея императорскаго величества всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея любезнѣйшему сыну, пресвѣтлѣйшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному Всероссійскаго импера-

* Тостъ за здоровье императрицы сопровождался сто однимъ выстрѣломъ; за здоровье членовъ императорской фамиліи и царя Ираклія произведено по 51 выстрѣлу, а за здоровье царицы, членовъ царской фамиліи и свѣтлѣйшаго князя Потемкина—по 31 выстрѣлу.

торскаго престола наслѣднику и всѣмъ высокимъ преемникамъ того престола вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ быть, признавая именемъ моимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ моихъ и всѣхъ моихъ царствъ и областей на вѣчныя времена высочайшее покровительство и верховную власть ея императорскаго величества и ея высокихъ наслѣдниковъ надо мною и моими преемниками, царями Карталинскими и Кахетинскими. Вслѣдствіе того, отвергая всякое надо мною и владѣніями моими, подъ какимъ бы то титуломъ или предлогомъ ни было, господствованіе или власть другихъ государей и державъ и отрицаяся отъ покровительства ихъ, обязываюся, по чистой моей христіанской совѣсти, непріятелей Россійскаго государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей, быть послушнымъ и готовымъ во всякомъ случаѣ гдѣ на службу ея императорскаго величества и государства Всероссійскаго потребенъ буду и въ томъ во всемъ не щадить живота своего до послѣдней капли крови, съ военными и гражданскими ея величества начальниками и служителями обращаться въ искреннемъ согласіи; и ежели какое-либо предосудительное пользѣ и славѣ ея величества и ея имперіи дѣло или намѣреніе узнаю, тотчасъ давать знать; однимъ словомъ, такъ поступать, какъ по единовѣрію моему съ Россійскими народами и по обязанности моей въ разсужденіи покровительства и верховной власти ея императорскаго величества прилично и должно. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь."

За присягой послѣдовалъ обмѣнъ трактатовъ: полковникъ Тамара вручилъ царевичу Вахтангу трактатъ ратификованный императрицей, а царевичъ передалъ Тамарѣ трактатъ подписанный Иракліемъ.

По возвращеніи изъ церкви царь вторично давалъ обѣдъ русскимъ офицерамъ, и вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. „При дворѣ царскомъ", доносилъ полковникъ Бурнашевъ, „была особливая иллюминація въ лавкахъ украшенныхъ парчами, разными персидскими и индійскими матеріями. Купцы тифлисскіе ужинали и забавлялись музыкой и танцами; на площади, наполненной множествомъ народа, играла во многихъ мѣстахъ музыка; словомъ весь народъ старался изъяснять свою радость происходящую отъ столь благополучной съ нимъ перемѣны."

Такъ кончились эти два дня ознаменованные многими милостями императрицы. Супругѣ Ираклія царицѣ Дарьѣ

пожалованъ орденъ Св. Екатерины со звѣздой украшенною драгоцѣнными камнями, * перстень въ 5.500 рублей и богатое платье, „которое какъ носить посылается кукла“. Супругѣ старшаго сына Ираклія царевича Георгія пожалованы бриллiантовыя серьги въ 3.500 рублей. Такъ какъ два старшіе сына Ираклія, царевичи Георгій и Юлонъ, получили ордена еще ранѣе заключенія трактата, то третьему сыну, царевичу Вахтангу, былъ присланъ тростяной набалдашникъ съ бриллiантами. Четвертый по старшинству сынъ Ираклія, царевичъ Антоній, поступившій въ монашество и имѣвшій всего двадцать лѣтъ отъ роду, призывался въ Москву для посвященія въ архіепископы. ** Младшій по немъ братъ, царевичъ Миріанъ, семнадцатилѣтній молодой человѣкъ, произведенъ въ полковники *** и назначенъ командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Грузинскій католикосъ Антоній получилъ бриллiантовый крестъ на клобукъ, **** а царскій генералъ-адъютантъ князь Герсеванъ Чавчавадзе, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ заключеніи трактата, принятъ при Петербургскомъ дворѣ въ качествѣ министра. Многія лица знатнѣйшихъ грузинскихъ фамилій также получили разные подарки, общая цѣнность которыхъ простиралась до 30.500 рублей. †

* Грамота императрицы царю Ираклію отъ 30го сентября 1783 года. Орденъ этотъ царь Ираклій самъ возложилъ на нее въ церкви, гдѣ царица Дарья была въ первый разъ съ непокрытымъ лицомъ. Въ запасъ было послано еще три простыя звѣзды и двѣ ленты.

** „По волѣ его свѣтлости“, писалъ царь Ираклій генералу Потемкину отъ 26го января 1784 года, „ваше превосходительство изволите сообщать мнѣ о сынѣ моемъ архимандритѣ Антоніи, чтобъ его отправить для посвященія въ престольномъ градѣ въ епископское достоинство. Сія новая благость прилагается къ числу многихъ щедротъ всеавгустѣйшей государыни и благоволеніе ея превыше всякой благодарности.“

*** Указъ военной коллегіи 18го августа 1783 года. Арх. Кабинета ея императорскаго величества, св. 440.

**** Письмо Антонія генералу Потемкину отъ 31го января 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, пап. 47. См. также указъ кн. Потемкину 30го сентября 1783 года. Арх. Кабинета ея императорскаго величества св. 440.

† Князьямъ Орбеліани и Челокаеву пожаловано по табатеркѣ съ бриллiантами; князю Бегтабекову, перстень бриллiантовый (см. Реестръ подаркамъ. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 48). Генералъ-

23го мая, согласно желанію императрицы, оба сына Ираклія въ сопровожденіи князя Герсевана Чавчавадзе выѣхали въ Россію. * Побывавъ въ Кременчугѣ у князя Потемкина, они въ сентябрѣ достигли Петербурга, гдѣ и были приняты императрицею. Князю Герсевану Чавчавадзе, какъ прибывшему въ качествѣ министра, была назначена особая аудіенція. **

Въ пятницу 26го сентября, по окончаніи церковной службы, князь Чавчавадзе былъ введенъ въ аудіенцъ-залу Зимняго Дворца, гдѣ находились особы обоего пола имѣвшія входъ во внутренніе покои. Сдѣлавъ три поклона грузинскій посолъ обратился къ императрицѣ съ особою рѣчью отъ имени Ираклія II.

„Царь Карталинскій и Кахетинскій“, сказалъ онъ, „удовлетворяя обязательствамъ своимъ и тому благоговѣнію которое онъ, со всѣмъ его домомъ и со всѣми народами имъ обладаемыми, питаетъ къ верховной своей государынѣ и покровительницѣ церкви нашей православной, избралъ меня быть свидѣтелемъ таковыхъ чувствъ своихъ. Сугубо счастіе мое, когда бывъ однимъ изъ участниковъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ съ утвержденіемъ зависимости отечества моего отъ Имперіи Всероссійской, утверждены на вѣки и наше благоденствіе и безопасность,

---

поручикъ Потемкинъ, уполномоченный для заключенія трактата, получилъ табатерку съ портретомъ императрицы и единовременно 6.000 руб. Трудившіяся вмѣстѣ съ нимъ лица получили 2.000 рублей. См. рескриптъ кн. Потемкину отъ 23го августа 1783 года. Арх. Кабинета, св. 440.

* Отправляя своихъ дѣтей, Ираклій писалъ императрицѣ: „Всемилостивѣйшее покровительство дарованное дому моему изъ призрѣнія простирается даже до того что ваше императорское величество благоволили повелѣть дѣтямъ моимъ предстать предъ высочайшимъ престоломъ вашего императорскаго величества. Почему всенижайше представляя ихъ при семъ какъ наипослѣднѣйшихъ рабовъ, желаю дабы чрезъ вѣрныя и рабскія свои услуги удостоились пріобрѣсть себѣ матернее милосердіе вашего императорскаго величества и дабы я пребылъ пренаисчастливѣйшимъ въ настоящемъ моемъ состояніи.“ (Письмо Ираклія отъ 23го мая. Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка владѣтельныхъ особъ съ высочайшимъ дворомъ, д. № 455.)

** Письмо Безбородка канцлеру 18го сентября 1784 года. Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

удостоиваюся нынѣ въ лицѣ владѣтеля моего и всѣхъ согражданъ нашихъ приближаться ко священному престолу вашего императорскаго величества и пасть къ столамъ вашимъ."

„Ея императорскому величеству", отвѣчалъ на это канцлеръ, „служитъ къ особливой угодности жертвоприношеніе царя Карталинскаго и Кахетинскаго и всѣхъ обладаемыхъ имъ народовъ, основывающееся на собственномъ ихъ благоденствіи. Ея величество, даровавъ его высочеству и подданнымъ его свое покровительство и усыновя ихъ единожды подъ благословенный свой скипетръ, не оставитъ, конечно, пещись всегда о постоянномъ ихъ благосостояніи. Лицо изъявителя предъ ея престоломъ благоговѣнія и усердія питаемыхъ царемъ Карталинскимъ и его подданными сугубо пріятно ея величеству, потому что онъ самъ былъ участникомъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ, съ утвержденіемъ зависимости отечества его отъ Имперіи Всероссійской, утверждено на вѣки благоденствіе и безопасность его, посему онъ и можетъ полагаться на особенное ея величества благоволеніе и милость."

Допущенный къ рукѣ императрицы князь Чавчавадзе сдѣлалъ три поклона и не оборачиваясь спиной вышелъ изъ залы. Этою аудіенціей закончился актъ вступленія Грузіи подъ покровительство Россіи.

II.

Впечатлѣніе произведенное на закавказскихъ владѣтелей вступленіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи.—Положеніе Армянъ въ Закавказьѣ.—Просьба ихъ о защитѣ отъ притѣсненій Карабагскаго хана.—Намѣреніе князя Потемкина устроить будущность Армянъ и образовать особое христіанское государство по ту сторону Кавказскихъ горъ.—Дѣятельность и участіе въ этомъ армянскаго архіепископа Іосифа.—Переговоры съ Карабагскимъ ханомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ заключенія трактата князь Потемкинъ извѣстилъ всѣхъ Адербеджанскихъ хановъ и другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ что Грузія признала надъ собой верховное покровительство Русской императрицы. Туземное населеніе приняло это извѣщеніе съ большимъ волненіемъ, еще болѣе усилившимся когда въ Закавказьѣ узнали что Русскіе

исправляютъ дорогу въ Грузію, строятъ мосты и даже двинули туда часть своихъ войскъ. Каждый изъ смежныхъ владѣльцевъ смотритъ на Россію съ крайнимъ недоброжелательствомъ и опасеніемъ. Поводомъ къ этому были совершившіяся въ короткое время крупныя событія: присоединеніе къ Россіи Крыма, Кубани и подчиненіе Грузіи.

Опасаясь за свою будущность ханы и владѣльцы объясняли движеніе нашихъ войскъ въ Закавказьѣ непремѣннымъ желаніемъ Русскаго правительства захватить въ свои руки часть владѣній принадлежавшихъ Персіи и Турціи. Всѣ пограничные съ Грузіей владѣльцы, считавшіе свое поведеніе не безгрѣшнымъ относительно Россіи, торопились принять мѣры противъ завоевательныхъ ея видовъ. Послѣ неоднократныхъ взаимныхъ совѣщаній, одни рѣшились съ приближеніемъ русскихъ войскъ защищаться до послѣдней крайности, а другіе предпочитали оставить свои владѣнія и спасаться у сосѣдей. Окружающіе Фетхъ-Али-хана Дербентскаго увѣряли его что съ прибытіемъ русскихъ войскъ въ Грузію онъ будетъ непремѣнно свергнутъ съ ханства „и будешь ты, говорили они, у Русскихъ свинопасомъ". * Фетхъ-Али-ханъ трусилъ и высказывалъ намѣреніе въ случаѣ крайности бѣжать въ Персію.

Наиболѣе другихъ безпокоился Сулейманъ-паша Ахалцыхскій, часть владѣній котораго входила нѣкогда въ составъ Грузинскаго царства. Происходя изъ древняго поколѣнія князей Грузинскихъ, Сулейманъ-паша считалъ себя наслѣдственнымъ владѣтелемъ Саатабаго (Ахалцыха)—древней провинціи Грузіи. Желая сдѣлаться независимымъ отъ Порты и при тогдашней слабости Турецкаго правительства надѣясь достигнуть этого, Сулейманъ непріязненно встрѣтилъ извѣстіе о вступленіи Грузіи подъ покровительство Россіи. При болтливости свойственной всѣмъ азіятскимъ народамъ Грузины не могли скрыть главнѣйшихъ статей трактата, и Сулейманъ, не безъ страха за свою будущность, узналъ о существованіи втораго параграфа секретныхъ условій, въ которомъ Русская императрица не только ручалась за сохраненіе въ цѣлости настоящихъ владѣній царя Иракія, но обѣщала распространить это ручательство и на всѣ тѣ

* Секретное извѣстіе отъ 18го августа 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

владѣнія которыя будутъ имъ пріобрѣтены въ послѣдствіи. Сулейманъ-пашѣ такъ и казалось что составляя этотъ параграфъ, Русскіе имѣли въ виду прежде всего овладѣть Ахалцыхскимъ пашалыкомъ и подчинить его власти Грузинскаго царя. Естественно что при такимъ настроеніи Сулейманъ, лишь только получилъ извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ въ Грузію, тотчасъ же отправилъ нарочнаго въ Константинополь просить помощи Порты.

Посланный явился въ резиденцію султана съ донесеніемъ что движеніе русскихъ войскъ навело ужасъ на всю Анатолію и въ Малой Азіи убѣждены что Русскіе намѣрены громить Турокъ со стороны Грузіи. Побѣды нашихъ войскъ въ Европейской и Азіатской Турціи, во время послѣднихъ войнъ навели столь большой страхъ на жителей что они съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за всякимъ движеніемъ русскихъ войскъ и часто придавали ихъ перемѣщенію весьма преувеличенное значеніе. Паника охватывала населеніе каждый разъ когда оно узнавало о появленіи Русскихъ. Такъ въ іюнѣ 1783 года всѣ поморскіе жители Трапезунта бѣжали въ глубь страны отъ одного извѣстія что нашъ флотъ появился въ виду береговъ. Хотя въ послѣдствіи и оказалось что то было стадо плавающихъ птицъ, но туземцы съ трудомъ и неохотно возвращались въ покинутыя ими селенія. * Ожиданіе скораго появленія Русскихъ заставило всѣхъ жителей Эрзерума и его окрестностей переходить въ укрѣпленныя мѣста и побудило Сулейманъ-пашу просить членовъ Дивана оказать ему помощь.

— Царь Ираклій, говорилъ посланный Сулеймана,—есть колеблющаяся скала, паденія которой нужно опасаться. Онъ поддерживается русскими войсками, потому что ищетъ нашего разрушенія, и если не будетъ помощи, то безъ сомнѣнія мы погибли. Помогите намъ...

— Мы съ Россіей въ мирѣ, отвѣчала Порта посланному,—но если вы замѣтите какія-либо непріязненныя дѣйствія съ ея стороны или встрѣтите враговъ, то должны обращать ихъ въ бѣгство.

Принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи не было нарушеніемъ мирныхъ трактатовъ съ Портой Отоманскою,

---

* Отношеніе генералъ-поручика Потемкина полковнику Бурнашеву отъ 13го августа 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

ибо Грузія была независима отъ Турціи. Не имѣя повода къ открытому вмѣшательству въ дѣла наши въ Закавказьѣ и сознавая свою слабость, Турецкое правительство не отказывалось однако же отъ тайныхъ дѣйствій и интригъ. Офиціально отказавъ въ помощи посланному Ахалцыхскаго паши, Константинопольскій дворъ втайнѣ обнадежилъ своею поддержкой не только Сулеймана, но и всѣхъ Адербеджанскихъ хановъ. Эмиссары съ султанскими фирманами разсылались по Дагестану и Закавказью, и приглашали всѣхъ соединиться воедино для защиты вѣры и на разореніе Грузіи. Порта совѣтовала пашѣ Ахалцыхскому войти въ сношеніе съ Персидскими ханами и пригласить къ себѣ Лезгинъ, на содержаніе которыхъ и отправила ему пятьдесятъ мѣшковъ денегъ. Послѣдній тотчасъ же послалъ нарочнаго ко властвовавшему тогда въ Персіи Али-Муратъ-хану и разослалъ письма ко всѣмъ Адербеджанскимъ ханамъ и Дагестанскимъ владѣльцамъ.

Призывая ихъ къ совокупному дѣйствію противъ общаго врага, Сулейманъ просилъ вспомнить что „всякъ кто въ ревности своей ищетъ истреблять враговъ, угоденъ Богу, а кто поразитъ единаго изъ невѣрныхъ, тотъ обрящетъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ и вѣчный рай будетъ ему воздаяніемъ“. *

„Со слезами молимъ васъ, писалъ паша въ другомъ письмѣ, ** помогите намъ, защитите насъ. Примите мѣры опровергнуть невѣрныхъ отъ предѣловъ нашихъ.“

Сулейманъ просилъ Лезгинъ прислать къ нему до 3.000 человѣкъ, обѣщая доставить имъ продовольствіе и давать такое жалованье какое сами назначатъ. Большинство Лезгинскихъ владѣльцевъ, не желая стѣснять себя никакими обязательствами, отвѣчали уклончиво. Они говорили что съ Русскими и Грузинами согласны никогда не будутъ и что готовы служить султану какъ своему единовѣрному государю, но только тогда когда получатъ отъ него фактическую помощь. Видя что переговоры съ Дагестанцами не приводятъ къ желаемымъ результатамъ и не надѣясь на поддержку Лезгинъ, Сулейманъ старался привлечь на свою сторону Адербеджанскихъ хановъ. Онъ предлагалъ имъ соединиться воедино и тогда, говорилъ онъ, мы будемъ сильны чтобы разсѣять бурю собирающуюся сокрушить насъ.

---

* Письмо Сулеймана уцмію Каракайдагскому. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** Къ народамъ Дагестанскимъ. Тамъ же.

„Проклятые Русскіе, писалъ Сулейманъ Ибраимъ-хану Шушинскому (Карабагскому), * проложили путь черезъ Кавказъ и дорога ими сдѣланная дозволяетъ везти не только нужныя вещи, но и артиллерію и все что къ продовольствію потребно. Ихъ войска вступаютъ исподоволь въ Грузію и въ исходѣ лѣта всѣ они соберутся съ тѣмъ чтобы власть въ Персію и въ предѣлы оттоманскіе и поглотить насъ какъ быстрый лѣтній потокъ поглощаетъ все гдѣ протечетъ.“

Ахалцыхскій паша совѣтовалъ Ибраиму оглянуться на свое положеніе, принять мѣры противъ неожиданнаго бѣдствія и стараться потушить огонь, по словамъ паши, пожрать ихъ готовящійся.

Отправляя свое письмо Шушинскому хану, Сулейманъ зналъ куда ему должно направить ударъ. Ибраимъ-ханъ былъ лицомъ наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Бо́льшая часть его подвластныхъ состояла изъ Армянъ исповѣдывавшихъ христіанскую религію, ненавидѣвшихъ хана и склонявшихся на сторону Россіи.

Подпавъ подъ власть хановъ Шушинскаго (Карабагскаго) и Карадагскаго, Армяне находились въ крайнемъ порабощеніи и сверхъ личныхъ оскорбленій весьма часто лишались матеріальнаго благосостоянія и даже жизни. Каждый Армянинъ принужденъ былъ тщательно скрывать свое имущество, потому что если ханъ узнавалъ о немъ, то или отбиралъ силой, или умерщвлялъ Армянина чтобы завладѣть его богатствомъ. Такъ, въ 1781 году Ибраимъ лишилъ жизни Дизахскаго мелика Исая и завладѣлъ его сокровищами, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступилъ точно также и съ его наслѣдникомъ.

Устрашенные такимъ поступкомъ остальные мелики заперлись въ крѣпкихъ мѣстахъ и рѣшились сопротивляться хану. Они искали защиты у царя Ираклія II, какъ союзника Ибраима и единаго сильнаго владѣльца въ Закавказьѣ. Но не получивъ отъ него удовлетворенія, Армяне отправили тайно своихъ депутатовъ въ Россію, поручивъ имъ умолять императрицу объ освобожденіи ихъ отъ несноснаго ига.

Представители Армянской націи были приняты въ Петербургѣ съ большимъ сочувствіемъ и съ полною готовностью протянуть руку помощи угнетенному народу. Опытъ

* Госуд. Арх. XIII, № 13, карт. 47.

прошедшихъ временъ показывалъ однако же нашему правительству что при помощи однихъ письменныхъ сношеній съ владѣльцами невозможно избавить Армянъ отъ безчисленныхъ притѣсненій которымъ они подвергались и что для полнаго освобожденія ихъ необходимо удалить магометанскихъ правителей и соединить въ одно цѣлое все христіанское населеніе Закавказья. Такое соединеніе возможно было только при единодушіи, достаточной долѣ мужества, энергіи и самопожертвованія со стороны туземнаго населенія. Насколько то и другое имѣло мѣсто среди Армянъ, въ Петербургѣ судить было трудно и потому князь Потемкинъ, отправляя на линію своего брата П. С. Потемкина, поручилъ ему ближе познакомиться съ Армянами, съ ихъ политическимъ настроеніемъ, характеромъ и матеріальными средствами.

Воспользовавшись тѣми постоянными сношеніями которыя находившійся въ Россіи армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій поддерживалъ со своими соотечественниками, П. С. Потемкинъ обратился къ нему какъ человѣку ближе другихъ знакомому съ положеніемъ дѣла и характеромъ народа. Задавая Іосифу рядъ вопросовъ, командовавшій войсками на Моздокской линіи писалъ ему что желаніе получить на нихъ отвѣты вызывается не простымъ любопытствомъ, а политическими соображеніями относительно той земли „которая древностію толь знаменита и которая нынѣ представляетъ жалостное позорище, напоминающее человѣчеству тщетность вещей“ *.

„Земля великой Арменіи, спрашивалъ П. С. Потемкинъ архіепископа, владъ въ руки нечистыхъ по закону Турокъ и Персіянъ, чрезъ толико долговременную неволю сохраняетъ ли силу духа, нужную для свободной души? Порабощенія и разныя притѣсненія не истребили ли благородныхъ въ сердцахъ чувствованій? Сила разума, законъ и крѣпость вѣры толиколь дѣйствуютъ, чтобы внутреннее сердецъ расположеніе клонилось свергнуть иго ихъ утѣсняющее?“

Имѣя въ виду что главное занятіе Армянъ составляли торговля и промыслы, генералъ-поручикъ Потемкинъ спрашивалъ: пожелаютъ ли они настоящее состояніе перемѣнить на лучшее будущее, „ибо, говорилъ онъ, генеральное примѣ-

* Записка Потемкина архіепископу Іосифу отъ 21го декабря 1783 года, № 64.

чаніе сдѣлано что всѣ тѣ люди кои обращаются въ торговлѣ, всякое другое чувствованіе заглушаютъ кромѣ жадности къ корысти своей. Вѣра сильно ли дѣйствуетъ въ Армянскомъ народѣ и благочестіе можетъ ли быть поводомъ къ побужденію народному? Санъ патріаршій въ какомъ между ними почтеніи? Мелики сохраняютъ ли къ священному чину должное благоговѣніе, а народъ къ меликамъ повиновеніе, а наконецъ какія средства угодить народу, присоединить вѣрность меликовъ и привязать духовенство."

Коснувшись политическихъ особенностей Армянскаго народа, нельзя было оставить безъ вниманія и окружавшихъ его сосѣдей. „Я прошу ваше преосвященство, писалъ П. С. Потемкинъ Іосифу, замѣтить мнѣ какъ далеко простирается союзъ Грузинскаго царя Ираклія съ Армянами и какую поверхность имѣетъ онъ надъ тѣми ханами кои прилежатъ къ предѣламъ его земель. Принадлежащая земля Армянамъ нынѣ во владѣніи кому принадлежитъ? Сколько меликовъ въ Карабагской провинціи и сколько можно полагать народу? Какія важнѣйшія мѣста встрѣтятся если проходить черезъ Тифлисъ, а равно съ другой стороны ежели бы путь взять отъ Дербента? Какъ далеко можно полагаться на услуги и обѣщанія князей или владѣльцевъ и на народъ тѣхъ мѣстъ еслибы туда идти слѣдовало?"

Потемкинъ просилъ указать ему на болѣе укрѣпленныя мѣста лежавшія на пути отъ Тифлиса къ Эривани и изъ Дербента черезъ Шемаху къ Нахичевани. Онъ желалъ имѣть свѣдѣнія о характерѣ владѣльцевъ и естественныхъ богатствахъ провинцій лежавшихъ по ту сторону Кавказскихъ горъ. „Можно ли, спрашивалъ П. С. Потемкинъ, получить намъ продовольствіе для войскъ, хлѣбъ, фуражъ и проч? Какія есть рѣки судоходныя, чрезъ кои можно бы было облегчить доставленіе провіанта? Въ которой землѣ (провинціи) болѣе онаго, въ которой менѣе; въ которыхъ мѣстахъ и какого рода хлѣбъ, ибо сіе есть основаніе дѣлъ: гдѣ войско сыто, тамъ оно дѣйствительно. Горе тому начальнику который о пропитаніи войскъ не помыслитъ."

Предложенные архіепископу Іосифу вопросы скоро сдѣлались извѣстны всѣмъ Армянамъ и произвели на нихъ самое радостное впечатлѣніе. Въ собираемыхъ нами свѣдѣніяхъ, и притомъ весьма обширныхъ, туземцы видѣли желаніе Русскаго правительства возстановить древнюю Арменію и

навсегда избавить населеніе отъ притѣсненій магометанскихъ правителей. Въ коллективномъ письмѣ подписанномъ двумя патріархами (Іоанномъ и Лукою), всѣми меликами и другими знатнѣйшими лицами Армяне просили поспѣшить прибытіемъ на ихъ избавленіе и обѣщали доставить русскому войску самое изобильное продовольствіе; они увѣряли что въ плодородномъ отечествѣ ихъ можно содержать въ теченіе пяти лѣтъ до тридцати тысячъ человѣкъ и даже болѣе.

Князь Потемкинъ, принимавшій живѣйшее участіе въ судьбѣ Армянскаго народа, именемъ императрицы обнадежилъ Армянъ и объявилъ депутатамъ что въ скоромъ времени желанія ихъ будутъ исполнены.

„Шушинскаго (Карабагскаго) хана Ибраима свергнуть должно, писалъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину; * ибо послѣ сего Карабагъ составитъ армянскую независимую, кромѣ Россіи, никому область. Вы тутъ употребите все стараніе чтобы новая сія область устроилась наивыгоднѣйшимъ образомъ для народа; чрезъ сіе и прочія сильныя армянскія провинціи послѣдуютъ ихъ примѣру.“

Ибраимъ самъ не считалъ своего положенія прочнымъ и обезпеченнымъ; по своему двуличію, онъ не могъ разсчитывать на расположеніе къ нему Петербургскаго двора. Ханъ то прикидывался искренно преданнымъ Россіи, писалъ льстивыя письма пограничнымъ нашимъ начальникамъ и высказывалъ желаніе поступить подъ покровительство императрицы, то вдругъ измѣнялъ свое поведеніе, переходилъ на сторону нашихъ противниковъ, грабилъ и притѣснялъ своихъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія. Таково было поведеніе хана и не удивительно что когда онъ узналъ о сношеніяхъ Армянъ съ нашимъ правительствомъ, то, опасаясь наказанія за свои поступки, снова прикинулся преданнымъ Россіи и написалъ что давно желаетъ поступить подъ покровительство ея, но до сихъ поръ не рѣшался только высказать своего желанія. „Давно уже, писалъ Ибраимъ, имѣлъ я расположеніе быть вѣрнымъ и усерднымъ рабомъ всемилостивѣйшаго Всероссійскаго трона и царствующей съ несмѣтными щедротами императрицы. Не имѣя ни знакомыхъ, ни малѣйшей связи, какъ могъ я отважиться ступить на стези ведущія къ толикому блаженству. Ожидая отъ Провидѣнія Всевышняго пристойнаго

* Въ ордерѣ отъ 6го апрѣля 1783 года. Арх. Главн. Штаба.

случая къ изъявленію моей ревности, скорбѣлъ внутри души моей“. Ибрагиму сообщено что скорбь его и застѣнчивость были напрасны, ибо до сихъ поръ никто изъ искавшихъ покровительства Россіи не былъ еще отвергнутъ императрицей и положеніе всѣхъ прибѣгающихъ подъ ея защиту обезпечивалось наилучшимъ образомъ.

— Быть подвластнымъ великой Екатеринѣ, говорилъ П. С. Потемкинъ Карабагскому хану,—значитъ заимствовать сіяніе тѣхъ лучей которые украшаютъ ея священную корону. Подчиненіе ея скипетру не только не уменьшитъ, но утвердитъ ваше владычество, чему примѣромъ можетъ служить Крымскій Шагинъ-Гирей-ханъ, при помощи русскаго оружія два раза возставленный владѣтелемъ. Потемкинъ совѣтовалъ Ибрагиму поспѣшить изъявленіемъ покорности и просить о принятіи его подъ покровительство Россіи. Ханъ отвѣчалъ что онъ искренно желаетъ такого покровительства и даже готовъ платить дань. Несмотря на предыдущее поведеніе владѣтеля Карабага, поведеніе враждебное Россіи, императрица Екатерина II готова была согласиться на просьбу Карабагскаго владѣльца. „Что касается до Ибраимъ-хана, писала она князю Таврическому, * если въ принятіи его подъ россійское покровительство не встрѣтится никакого затрудненія или сомнительства, кажется можно взять за руководство то что̀ сдѣлано съ царемъ Ираклiемъ, и въ такомъ случаѣ вы не оставите поручить генералу Потемкину заключить съ нимъ договоръ о подчиненіи его Россійскому императорскому престолу и о признаніи имъ моей и преемниковъ моихъ верховной власти надъ нимъ и его преемниками. Принятіе на подобныхъ условіяхъ можетъ служить доказательствомъ кроткаго здѣшняго обладанія и побужденіемъ для многихъ тамошнихъ нашихъ сосѣдей подражать примѣру сихъ двухъ владѣтелей.“

Князь Потемкинъ, близко знакомый съ характеромъ Ибраимъ-хана, не вѣривъ въ чистосердечность его намѣреній и въ готовность платить дань, поручилъ отвѣчать хану что самая лучшая дань которую уважаетъ Русская императрица—есть вѣрность, и если Ибраимъ сохранитъ ее и будетъ всегда

* Въ рескриптѣ отъ 5го мая 1783 года. Госуд. Арх.

исполнять высочайшія повелѣнія, то только тогда можетъ надѣяться что будетъ принятъ въ русское подданство *.

Сухость такого отвѣта испугала Ибраима и онъ торопился укрѣпить городъ Шушу и обезпечить себя отъ нападеній. Генералъ-поручикъ Потемкинъ заявилъ хану что укрѣпленія его не грозны для русскихъ войскъ, но двоеличіе хана будетъ неудобно для него самого и въ особенности въ томъ случаѣ если онъ не поспѣшитъ заявить о своей покорности **. Карабагскій ханъ предпочелъ однакоже не возобновлять вопроса о подданствѣ и въ послѣдствіи перемѣну своего поведенія объяснялъ обидой нанесенною ему царемъ Ираклiемъ, при заключеніи трактата не включившаго вмѣстѣ съ Грузіей и Карабага. Генералъ Потемкинъ отвѣчалъ что дѣло это легко исправить, если ханъ пришлетъ довѣренное лицо для заключенія желаемыхъ имъ условій. Ибраимъ довѣренныхъ не присылалъ, и князь Таврическій, не особенно желавшій его подданства, былъ весьма радъ такому стеченію обстоятельствъ. Свѣтлѣйшій имѣлъ въ виду при удобномъ случаѣ лишить Ибраима ханскаго достоинства и всю его область, населенную преимущественно Армянами, передать въ управленіе одного изъ наиболѣе уважаемыхъ армянскихъ меликовъ. „Чрезъ то, писалъ онъ императрицѣ ***, возобновится въ Азіи христіанское государство сходственно высочайшимъ вашего императорскаго величества обѣщаніямъ, даннымъ чрезъ меня армянскимъ меликамъ.“

„Армянъ извольте ваше превосходительство ласкать, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину **** и питать благое въ нихъ расположеніе къ Россіи, дабы имѣть ихъ всегда усердными и готовыми къ совершенію предпріятій, которыхъ обстоятельства и польза дѣлъ нашихъ востребуетъ.“

Обстоятельства эти клонились исключительно на пользу Армянскаго народа и потому естественно возбуждали въ населеніи всеобщее тяготѣніе къ Россіи. Не только закавказскіе Армяне, но и тѣ которые жили среди Кумыковъ, Кабар-

* Ордеръ князя Потемкина-Таврическаго генералу Потемкину, отъ 19го мая 1783 года.

** Письма П. С. Потемкина царю Ираклію 28го іюня 1783 года.

*** Отъ 19го мая 1783 года.

**** Въ ордерѣ отъ 19го мая 1783 Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

динцевъ и закубанскихъ Черкесовъ хлопотали о соединеніи христіанскаго населенія въ одно цѣлое. Они просили разрѣшенія переселиться на линію и основать особую армянскую колонію. Князь Потемкинъ, соглашаясь на эту просьбу, поручилъ генералъ-поручику Потемкину избрать и назначить мѣсто для ихъ населенія, которое и назвать именемъ Св. Григорія Армянскаго, патрона свѣтлѣйшаго. „Отъ стеченія туда народа, говорилъ онъ, * и отъ распространенія сего селенія будетъ зависѣть учрежденіе тамо города."

Между тѣмъ карабагскіе Армяне прождавъ весь 1783 годъ и испытывая притѣсненія хана, рѣшились напомнить о себѣ вторично. Они отправили письмо архіепископу Іосифу, прося его ходатайства о скорѣйшемъ принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. ** Армяне писали ему что Ибраимъ-ханъ, узнавъ о сношеніяхъ ихъ съ Русскимъ правительствомъ, сталъ ихъ притѣснять еще болѣе; что бѣдственное ихъ состояніе причиной что они рѣшились вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправить своего депутата на Кавказскую линію къ генералъ-поручику Потемкину съ просьбой о защитѣ и помощи. Армяне просили прислать имъ два полка, которые въ соединеніи съ двумя баталіонами находившимися въ Грузіи и съ войсками самихъ Армянъ, были по ихъ мнѣнію достаточны для освобожденія христіанъ отъ несноснаго магометанскаго ига, „ибо, писали они, *** нынѣ время свободное ко всякому предпріятію, потому что львы въ норахъ почиваютъ, равно и лисицы въ поляхъ безъ пристрастія (страха) прохлаждаются".

Депутатъ карабагскихъ Армянъ Даніилъ Авамѣсовъ увѣрялъ П. С. Потемкина что при первомъ извѣстіи о движеніи русскихъ войскъ армянскіе мелики соберутъ не менѣе пяти тысячъ человѣкъ самыхъ храбрыхъ воиновъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ; что они приложатъ все свое стараніе къ ниспроверженію Ибраимъ-хана, нѣкоторые родственники котораго также находятся въ сообществѣ съ Армянами; что Русскіе могутъ при посылкѣ своихъ войскъ не ограничивать ихъ числа и быть увѣренными что сколько бы ихъ прислано ни было всѣ они найдутъ обильное продовольствіе и на неопредѣ-

---

* Письмо П. С. Потемкина царю Ираклію 28го іюня 1783 года.

** Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

*** Въ письмѣ генералъ-поручику Потемкину, отъ 30го мая 1784. Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

ленное время. По словамъ Авамѣсова у жителей скрыто было въ погребахъ множество хлѣба и заготовлено значительное количество рыбы собственно для русскихъ войскъ. * Архіепископъ Іосифъ подтверждалъ послѣднія слова армянскаго депутата и вообще выказывалъ необыкновенную дѣятельность. Онъ нарочно отправился изъ Астрахани на Кавказскую линію чтобы лично повидаться съ П. С. Потемкинымъ и переговорить съ нимъ; писалъ нѣсколько писемъ князю Г. А. Потемкину и наконецъ просилъ позволенія отправиться на шесть мѣсяцевъ въ Арменію для свиданія съ патріархомъ и меликами. Іосифъ мечталъ не только о сверженіи магометанскаго ига, но и о возстановленіи ладшей короны и умолялъ князя Потемкина подать руку помощи Армянамъ. „Будьте, ваша свѣтлость, писалъ онъ, ** виновникомъ къ избавленію ихъ и напечатлѣнію священнѣйшаго портрета великой императрицы въ самой нутри Арарата, въ монументъ всего свѣта, да восклицаютъ непрестанно всѣ роды что сей есть спаситель армянскій и прославятъ имя вашей свѣтлости во вѣки.“ Іосифъ просилъ чтобы въ случаѣ принятія Ибраимъ-хана Шушинскаго подъ покровительство Россіи не подчинять ему меликовъ армянскихъ. Просьба эта была, конечно, равносильна низложенію Ибраима, такъ какъ бо́льшую часть населенія Карабага составляли Армяне подвластные меликамъ. Безъ подчиненія ихъ ханской власти Ибраимъ не согласился бы поступить подъ покровительство Россіи. Армянскій архіепископъ зналъ это лучше другихъ, но вѣдь онъ и добивался возстановленія царства *Великой Арменіи*. Онъ разсчитывалъ на возможность осуществленія своихъ надеждъ тѣмъ болѣе что Армяне жившіе въ другихъ мѣстахъ Персіи и даже Турціи, стремясь къ объединенію и осуществленію идеи возстановленія ихъ отечества, искали содѣйствія Россіи. Такъ въ маѣ 1784 года прибылъ въ Тифлисъ депутатъ отъ ассирійскихъ христіанъ живщихъ въ Урміи. Сынъ мелика Саргошева Ассиріянинъ Илія явился сначала къ царю Ираклію, а потомъ къ полковнику Бурнашеву съ просьбой объ освобожденіи его соотечественниковъ отъ угнетенія магометанъ.

По свидѣтельству Иліи въ Урміи находилось до тысячи

* Показанія Даніила Авамѣсова. Тамъ же.

** Въ письмѣ отъ 10го сентября 1874 года. Государственный Архивъ XV, № 149.

семей или до пяти тысячъ человѣкъ ассирійскихъ христіанъ несторіанскаго закона и до двадцати тысячъ семей жило въ турецкихъ владѣніяхъ. * Всѣ они желали выйти изъ-подъ власти магометанъ, готовы были переселиться въ Грузію, но переходить въ Россію согласія не изъявляли **.

Желая содѣйствовать Армянамъ къ возстановленію ихъ отечества, князь Потемкинъ предполагалъ отправить отрядъ русскихъ войскъ изъ Кизляра и занять сначала Дербентъ, съ тою цѣлью чтобы при началѣ военныхъ дѣйствій за освобожденіе Арменіи городъ этотъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для Армянъ. Утвердившись въ Дербентѣ, предполагалось дѣйствовать съ двухъ сторонъ: одинъ отрядъ войскъ двинуть вдоль морскаго берега до самаго Гиляна, а другой направить со стороны Грузіи. Генералъ-поручику Потемкину были отпущены суммы на заготовленіе въ Астрахани провіанта на шесть тысячъ человѣкъ и фуража на тысячу пятьсотъ лошадей. Доставку этого провіанта какъ въ Дербентъ, такъ и далѣе предполагалось производить на судахъ Каспійской эскадры ***.

Предположеніямъ этимъ однакоже не суждено было осуществиться. Открывшіяся сношенія наши съ Али-Муратъ-ханомъ Испаганскимъ, владѣвшимъ въ то время большею частью Персіи, давали князю Потемкину надежду окончить дѣло Армянъ болѣе легкимъ, мирнымъ способомъ; походъ русскихъ войскъ былъ отмѣненъ, но приготовленія къ нему не сохранились въ тайнѣ и устрашили многихъ.

Прежде другихъ испугался, конечно, Ибраимъ-ханъ, получившій письмо Сулейманъ-паши Ахалцыхскаго съ извѣщеніемъ о вступленіи части русскихъ войскъ въ Грузію и о скоромъ прибытіи новыхъ. Не считая себя достаточно сильнымъ чтобы противиться Россіи, Ибраимъ торопился обезпечить себя союзомъ съ сосѣдями. Войдя въ соглашеніе съ ханами Хойскимъ, Шекинскимъ и Бакинскимъ, онъ заключилъ съ ними условіе дѣйствовать совокупно и единодушно при всякомъ покушеніи Россіи, на кого бы оно сдѣлано ни было ****.

* Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 26го мая №46.

** Показаніе Ильи Саргошева на заданные вопросы 10го іюня 1784.

*** Ордеръ князя Таврическаго генералу Потемкину отъ 6го апрѣля. Архивъ Главнаго Штаба.

**** Письмо армянскаго діакона Василія Попова 15го апрѣля. Государственный Архивъ XXIII, № 13, картонъ 45.

Союзники положили однакоже не обнаруживать своего согласія и до времени оказывать Россіи всѣ видимые знаки своего доброжелательства. Они рѣшились воспользоваться обстоятельствами и отправить въ Тифлисъ своихъ посланныхъ не столько съ цѣлью поздравить Ираклія со вступленіемъ подъ покровительство Россіи сколько разузнать о происходящемъ и заявить полковнику Бурнашеву о своей преданности императрицѣ. Увѣряя царя Ираклія въ дружественномъ къ нему расположеніи Ибраимъ просилъ у него помощи противъ Лезгинъ разорявшихъ его владѣніе.

Пригласивъ къ себѣ двѣнадцать тысячъ Лезгинъ для дѣйствія противъ хановъ Нухинскаго и Дербентскаго и получивъ свѣдѣнія о движеніи русскихъ войскъ, Ибраимъ отложилъ свои завоевательные виды и хотѣлъ распустить собранныя войска, но Лезгины требовали жалованья и не уходили безъ полученія условленной платы. Ибраиму заплатить было нечѣмъ, и Лезгины, разсылавшись по Карабагу, грабили его жителей. Ираклій II не могъ на этотъ разъ удовлетворить просьбѣ своего прежняго союзника и совѣтовалъ ему искать покровительства Россіи. Въ январѣ 1784 года Ибрагимъ отправилъ своего посланнаго на Кавказскую линію, прося принять его въ подданство Россіи, оставить его ханомъ и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла. На это князь Потемкинъ снова отвѣчалъ что желательно было бы чтобы ханъ въ дѣлѣ столь важномъ оставилъ всякое недовѣріе и положился на великодушіе императрицы. Все еще опасаясь за свою будущность Ибраимъ просилъ царя Ираклія чтобъ онъ поклялся ему въ томъ, что если онъ вступитъ въ подданство Россіи, то будетъ оставленъ въ ханствѣ, утвержденъ владѣтелемъ на вѣчныя времена и что никакая часть его владѣній ни подъ какимъ видомъ и никуда не отойдетъ. Ибраимъ спрашивалъ можетъ ли онъ разчитывать при этомъ что его честь и достоинство не будутъ унижены. При посредствѣ полковника Бурнашева Ираклій отвѣчалъ хану что вступая подъ покровительство Россіи, ханъ можетъ ожидать только благополучія, но во всемъ долженъ положиться на щедроты и великодушіе императрицы, предавая себя въ ея волю безо всякихъ условій и ограниченій *.

„Письмо ваше, отвѣчалъ Ибраимъ царю Ираклію II, ** въ

* Рапортъ Бурнашева Потемкину 12го мая и письмо Ираклія ему же отъ 13го мая. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

** Въ письмѣ полученномъ 6го мая 1784 года.

коемъ меня извѣщаете о вашемъ благополучіи и приказываете дабы я послалъ моего чиновника къ высочайшему двору Русской государыни, мною получено.

„Всему народу уже извѣстно что прежде весь свѣтъ погибнетъ и день днемъ не будетъ нежели между нами братская любовь и дружескій союзъ прекратиться можетъ. Вы находитесь подъ покровительствомъ высочайшаго двора и оному вѣрность оказываете. Я равно готовъ съ Божіею помощью отдать свою голову въ число тѣхъ кои вѣрны высочайшему и съ небесами равному двору Россійской государыни и со временемъ человѣка пошлю.“

Хотя въ іюлѣ 1784 года Ибраимъ-ханъ и отправилъ своего посланнаго въ Россію съ просьбой о подданствѣ *, но переговоры съ нимъ по этому дѣлу не привели ни къ какимъ результатамъ.

III.

Поѣздка П. С. Потемкина въ Тифлисъ.—Свиданіе его съ царемъ Ираклiемъ. — Характеристика лицъ Грузинскаго царскаго дома и ихъ взаимныя отношенія.—Безпорядки во внутреннемъ управленіи Грузіи.—Плата Лезгинамъ.—Военное устройство Грузинъ.—Вторженіе Лезгинъ въ Грузію и отраженіе ихъ при помощи русскихъ войскъ.—Происшествіе въ Ганджинскомъ ханствѣ.

Обширные виды которые имѣлъ князь Потемкинъ на край Адербеджанскій требовали того чтобъ исполнители его предначертаній, генералъ-поручикъ Потемкинъ и царь Ираклій, короче познакомились другъ съ другомъ и личнымъ свиданіемъ утвердили между собою связь и дружбу. „Пріобрѣтя его довѣренность, писалъ свѣтлѣйшій своему брату, несомнѣнно вы управлять имъ будете.“ Съ этою цѣлью П. С. Потемкину приказано было отправиться въ Грузію и взглянуть на страну избираемую театромъ всѣхъ будущихъ дѣйствій.

Мы видѣли что царь Ираклій давно искалъ этого свиданія и когда узналъ что дѣла задерживаютъ поѣздку Потемкина въ Тифлисъ, то хотѣлъ самъ отправиться въ Стефанъ-Цминду съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды ѣхать даже и на Кавказскую линію. Готовность эта была отклонена въ видахъ того что поѣздка Потемкина въ Грузію обусловливалась не

* Рапортъ Бурнашева Потемкину 6го іюля 1784 года, № 53й.

однѣми только политическими нуждами царя, но изученіемъ внутренняго состоянія страны и собраніемъ по возможности подробныхъ свѣдѣній объ окрестныхъ владѣльцахъ и ихъ отношеніяхъ какъ къ Грузіи, такъ и къ своимъ подданнымъ.

Въ началѣ сентября генералъ-поручикъ Потемкинъ, въ сопровожденіи генералъ-майора Самойлова, отправился въ Грузію. Встрѣченный тамъ всеобщимъ восторгомъ, онъ привезъ однакоже неудовлетворительныя свѣдѣнія о странѣ и уѣхалъ съ убѣжденіемъ въ совершенномъ разстройствѣ механизма управленія. Свѣдѣнія доставленныя ему полковникомъ Бурнашевымъ, докторомъ Рейнегсомъ и личныя наблюденія самого Потемкина убѣждали въ справедливости такого заключенія.

Потемкинъ такъ рисовалъ членовъ Грузинскаго царскаго дома.

Въ царѣ Ираклін онъ встрѣтилъ шестидесяти-двухлѣтняго старца, средняго роста, нѣсколько согбеннаго, но бодраго. Ираклій сохранялъ еще пылкость характера и остроту взгляда, который онъ устремлялъ изъ-подлобья при всякомъ разговорѣ, дѣлая это по замѣчанію Потемкина „можетъ-быть для того чтобы примѣтить движеніе лица того съ кѣмъ говоритъ“. Человѣкъ умный и опытный, Ираклій былъ одинъ изъ тѣхъ людей которые могли отвѣчать двусмысленно * и вполнѣ усвоить всѣ особенности азіятской политики. Въ молодости и въ зрѣлые годы онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ, вспыльчивъ, нетерпѣливъ и отправлялъ самъ всѣ дѣла государства. Любя свое отечество онъ стремился къ улучшенію быта своихъ подданныхъ и старался дать имъ европейское образованіе. Человѣкъ въ высшей степени набожный, онъ не только не пропускалъ ни одной церковной службы, но сверхъ того ежедневно часа по два молился въ своемъ кабинетѣ и никакое происшествіе не могло прервать его молитвы.

Удрученный годами и ощущая бремя въ правленіи Ираклій, года за четыре до пріѣзда П. С. Потемкина въ Тифлисъ, сталъ вводить въ дѣла свою супругу царицу Дарью, женщину съ большимъ здравымъ смысломъ, но хитрую и суровую Происходя изъ рода князей Тархановыхъ царица Дарья была третьею супругой Ираклія и имѣла тогда около сорока пяти

* Изъ ордера генералъ-поручика Потемкина подпоручику Чарбѣ отъ 1го февраля 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

лѣтъ отъ роду. Женщина до крайности властолюбивая, она пользуясь расположеніемъ мужа и преклонностью его лѣтъ, мало-по-малу забирала власть въ свои руки, входила во всѣ дѣла, участвовала въ царскихъ совѣтахъ и внушивъ Ираклію неограниченную къ себѣ довѣренность, скоро умѣла поставить себя такъ что все дѣлалось не иначе какъ съ ея согласія. Это слѣпое довѣріе царя, передача власти въ руки жены, имѣло въ послѣдствіи самое гибельное вліяніе на судьбу Грузіи. Оно было поводомъ къ раздорамъ въ царскомъ семействѣ, едва не приведшимъ Грузіи къ погибели. Покровительствуя своимъ дѣтямъ и ненавидя родившихся отъ прежнихъ женъ Ираклія, царица Дарья была источникомъ всѣхъ раздоровъ, неурядицъ и многихъ бѣдствій въ странѣ, достойной лучшей участи.

Происки царицы Дарьи были причиной что Ираклій совершенно устранилъ отъ дѣлъ своего старшаго сына царевича Георгія, имѣвшаго тогда около тридцати пяти лѣтъ отъ роду, но родившагося отъ втораго брака Ираклія съ Анной, княжной Абашидзе. Царевичъ Георгій былъ чрезвычайно тученъ, нѣсколько апатиченъ, но человѣкъ не глупый. Онъ имѣлъ лицо доброе, душу откровенную и подобно отцу отличался набожностію, былъ свѣдущъ въ Священномъ Писаніи и постоянно окруженъ духовными. Георгій не искалъ военной славы, былъ миролюбивъ и склоненъ къ благоустройству. Женатый на княжнѣ Андрониковой онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ старшій Давидъ былъ любимъ Ираклíемъ за его остроту ума, находчивость, смѣлость, а въ послѣдствіи и за военныя способности.

Второй сынъ Ираклія и первый отъ царицы Дарьи, царевичъ Юлонъ, пользовался особеннымъ ея покровительствомъ, но былъ скрытенъ, имѣлъ лицо притворное и не отличаясь умомъ любилъ пощеголять.

Царевича Вахтанга, третьяго сына Ираклія, въ бытность Потемкина въ Тифлисѣ тамъ не было. Онъ отправился въ Имеретію сочетаться бракомъ съ княжной Цилукидзе. Остальныя дѣти Ираклія были несовершеннолѣтни.

Въ короткое пребываніе свое въ Грузіи генералъ-поручикъ Потемкинъ вынесъ то убѣжденіе что всѣ члены царскаго дома „привязаны къ Россіи, всѣ учатся русской грамотѣ и нѣсколько уже объясняться могутъ“.

„Дворъ царскій, доносилъ онъ, * въ разсужденіи положенія земли не безъ великолѣлія, по обычаю Персіянъ. Чиноначальники, яко всѣ Азіятцы, горды и низки, взирая съ кѣмъ имѣютъ дѣло; раболѣпны предъ царемъ и худо исполняютъ его повелѣнія. Неустройство въ управленіи велико; всѣ доходы и расходы царства на откупу. Бояре обкрадываютъ царя; народъ низкій утѣсненъ.“

Что касается положенія сосѣднихъ хановъ, то съ принятіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи всѣ оказались союзниками ей; всѣ они прислали въ Тифлисъ своихъ представителей чтобы поздравить Ираклія съ совершившимся событіемъ. Ханы Хойскій и Шекинскій клялись въ своей преданности Россіи, причемъ послѣдній просилъ царя Ираклія, въ знакъ союза и дружбы, разрѣшить ему выпускъ хлѣба изъ Грузіи, такъ какъ его подданные крайне нуждались въ этомъ. Ираклій II не отказалъ въ просьбѣ, но, желая придать себѣ большее значеніе въ глазахъ хана, ** объявилъ его посланному что многаго дать не можетъ, ибо заготовляетъ продовольствіе для русскихъ войскъ, имѣющихъ скоро вступить въ Грузію.

Хойскій Ахметъ-ханъ искалъ покровительства Россіи, и въ іюлѣ 1784 года князь Потемкинъ писалъ хану что если онъ, по примѣру шамхала Тарковскаго, пришлетъ письменное прошеніе, то будетъ принятъ подъ покровительство Россіи, утвержденъ въ ханскомъ достоинствѣ и получитъ многія милости отъ императрицы. *** Вмѣшательство Порты и тайные ея происки отклонили хана отъ преданности къ Россіи. Зная что по своей предпріимчивости и богатству Ахметъ-ханъ пользуется большимъ уваженіемъ въ своемъ Адербеджанѣ, Порта пожаловала ему титулъ сераскира и передала въ управленіе часть Адербеджана. **** Надѣясь сдѣлаться незави-

* Въ рапортѣ князю Потемкину Таврическому отъ 10го октября, № 461.

** „Азіатскіе народы, писалъ Ираклій въ одномъ изъ писемъ Потемкину, не прилагаютъ проницанія о прямой важности и величествѣ, а ограничиваютъ свое заключеніе по единому токмо зрѣлищу какое представляется. Всякое великолѣпіе поражающее ихъ очи подчиняетъ и ихъ сердца.“

*** Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 48.

**** Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 10го октября; № 461, Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

симымъ отъ властителей Персіи, Ахметъ-ханъ прервалъ переговоры о покровительствѣ Россіи.

Ближайшіе сосѣди Грузіи ханы Эриванскій и Ганджинскій считались въ зависимости отъ царя Ираклія. Когда въ концѣ 1783 года скончался Гуссейнъ-Али-ханъ Эриванскій, то жители ханства отправили въ Тифлисъ армянскаго архіерея, двухъ сыновей умершаго хана и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ съ просьбой утвердить на ханствѣ старшаго сына умершаго хана. Царь утвердилъ этотъ выборъ и по обычаю послалъ подарки вновь избранному Гуссейнъ-Али-Гуламъ-Али-хану *.

Ганджинское ханство не имѣло тогда хана, который былъ ослѣпленъ и находился въ заточеніи у Ибраимъ-хана Шушинскаго. Звѣрскіе поступки Мегметъ-хана Ганджинскаго со своими подданными и неисполненіе данныхъ имъ обязательствъ заставили царя Ираклія и Ибраимъ-хана Шушинскаго, соединившись вмѣстѣ, двинуться въ Ганджу и силой принудить хана признать надъ собою власть царя Грузіи. Мегметъ хотѣлъ сопротивляться, но былъ взятъ въ плѣнъ, ослѣпленъ и ввергнутъ въ заточеніе. Ганджа поступила въ управленіе союзниковъ, имѣвшихъ тамъ своихъ представителей или губернаторовъ. Совмѣстное управленіе шло довольно удовлетворительно, но когда Ираклій сталъ искать покровительства Россіи, то Шушинскій Ибрагимъ-ханъ началъ склонять ганджинскихъ жителей на свою сторону. Онъ образовалъ нѣсколько партій, произвелъ волненіе въ народѣ, кончившееся однакоже тѣмъ что въ концѣ 1783 года Ганджинцы выгнали изъ города обоихъ правителей. Ираклій не хотѣлъ отказаться отъ обладанія Ганджинскимъ ханствомъ и для подчиненія его своей власти просилъ содѣйствія русскихъ войскъ. Князь Потемкинъ находилъ притязанія Ираклія на Ганджу справедливыми и писалъ что царь во всякомъ случаѣ долженъ имѣть преимущество предъ Шушинскимъ Ибрагимъ-ханомъ **.

Во время пребыванія генералъ-поручика Потемкина въ Тифлисѣ, Ираклій просилъ его упрочить власть царя Грузіи въ Ганджѣ и Эривани, истребовать отъ Порты повелѣніе пашамъ Ахалцыхскому и Карсскому чтобъ они не держали Лезгинъ и не дѣлали хищническихъ вторженій въ Грузію.

* Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 20го ноября. Тамъ же, карт. 46.

** Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 22 апрѣля 1784 года. Тамъ же, карт. 47.

Хотя ближайшій и довольно сильный въ Дагестанѣ лезгинскій владѣлецъ Омаръ-ханъ Аварскій и присылалъ своего посланнаго въ Тифлисъ поздравить Ираклія и узнать о его благополучіи; хотя посланный хана и увѣрялъ полковника Бурнашева что Омаръ готовъ пожертвовать для Россіи собственными интересами, но въ дѣйствительности это былъ одинъ изъ владѣльцевъ самыхъ враждебныхъ и недоброжелательныхъ. На требованіе генерала Потемкина прекратить вторженія въ Грузію, Омаръ отвѣчалъ что Лезгины вообще жадны до денегъ и добычи, а онъ человѣкъ бѣдный, не имѣетъ чѣмъ платить имъ и потому не можетъ удержать отъ грабежей и хищничества. Охотникъ до всякаго рода поборовъ и подарковъ, Аварскій ханъ разчитывалъ что Русское правительство назначитъ ему жалованье, лишь бы прекратить хищничества, но въ Дагестанѣ было много вольныхъ обществъ, не зависящихъ отъ Аварскаго хана, и слѣдовательно жалованье ему было бы напрасною тратой денегъ. Неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ Омаръ-ханъ сбросилъ личину и какъ увидимъ ниже сталъ дѣйствовать непріязненно.

Изъ прочихъ владѣльцевъ Дагестана шамхалъ Тарковскій и уцмій Каракайдагскій были дѣйствительно намъ преданы и искали покровительства.

Муртазалій шамхалъ Тарковскій еще въ январѣ 1784 года отправилъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять его со всѣми подвластными ему народами въ подданство Россіи. „Повелите, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ, * присоединить принадлежащіе мнѣ предѣлы къ пространному своему государству и включить меня съ народомъ мнѣ зависимымъ въ число своихъ вѣрноподданныхъ." Особымъ письмомъ Муртазалій просилъ, при заключеніи условій о подданствѣ, подчинить ему народъ Ингушевскій, отъ него зависимый, на которомъ остались еще подати шамхалу неуплаченныя.

Удовлетворяя желанію Муртазалія императрица пожаловала ему шубу, саблю и въ данной ему грамотѣ ** писала что постановленіе окончательныхъ условій о подданствѣ поручаетъ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину, какъ главному въ томъ краѣ начальнику. Кончина Муртазалія

---

* Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 46.

** Отъ 27го февраля, *П. С. З.* т. XXII, № 15.942.

прервала на время переговоры и была причиной что шамхальство было принято въ подданство Россіи гораздо позже.

Второй владѣлецъ Дагестана Амиръ-Хамза уцмій Каракайдагскій также писалъ что повергаетъ себя къ подножію престола и что „не соблазнятъ его въ противную сторону ни деньги и никакое сокровище“. * Уцмій обѣщалъ не допускать своихъ подданныхъ вторгаться въ Грузію и дѣйствовать заодно съ прочими лезгинскими обществами, отношенія къ которымъ царя Ираклія были странны и запутаны. Онъ дѣлилъ всѣ лезгинскія селенія на мирныхъ и немирныхъ. Первыми Ираклій показывалъ тѣхъ которымъ самъ платилъ жалованье, обязывающее ихъ не дѣлать набѣговъ на Грузію; всѣ же остальные аулы были въ числѣ немирныхъ. Такимъ образомъ спокойствіе Грузіи зависѣло отъ количества отпускаемыхъ царемъ денегъ, и лезгинское селеніе одинъ годъ мирное, не получивъ жалованья, переходило на слѣдующій годъ въ число немирныхъ. Случалось и нѣсколько иначе; если селеніе получало жалованье, а старшина его не получалъ особыхъ подарковъ, то собиралъ себѣ партію и грабилъ Грузинъ не стѣсняясь.

Пріученные къ тому что Грузинскій царь откупался отъ нихъ подарками и деньгами Лезгины пользовались этимъ. Обыкновенно за полученіемъ жалованья отправлялся старшина и приводилъ съ собою огромную толпу вооруженныхъ, число которыхъ доходило иногда отъ 600 до 700 человѣкъ. Во все время пребыванія своего въ Тифлисѣ прибывшіе вели себя весьма нагло и производили буйства, нерѣдко оканчивавшіяся убійствами и грабежами. Царь не смѣлъ перечить незваннымъ гостямъ, потому что находился въ ихъ рукахъ и могъ поплатиться за то жизнію или всѣмъ своимъ достояніемъ.

Пока вся эта толпа находилась въ Грузіи царь обязанъ былъ продовольствовать ее на свой счетъ. „Ежели у котораго изъ нихъ лошадь падетъ, доносилъ полковникъ Бурнашевъ, ** ружье или сабля испортится, царь за все платитъ. Когда жь военные ихъ люди домой возвращаются, царь даетъ имъ подарки. Сверхъ того всегда у царя живутъ на царскомъ

* Письмо уцмія Потемкину. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** См. списокъ дагестанскихъ уѣздовъ и деревень. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

содержаніи до 300 или 400 человѣкъ Лезгинъ; ежели и тѣ отъѣзжаютъ, даетъ царь и имъ подарки."

Ежегодный расходъ денегъ на Лезгинъ простирался отъ 50.000 до 60.000 рублей. Года за три до описываемаго времени Ираклій потребовалъ отъ мирныхъ Лезгинъ вспомогательныя войска, и когда они пришли, то далъ имъ кромѣ подарковъ въ первый разъ 100.000, въ другой разъ 110.000 рублей и сверхъ того нѣкоторые взяли и платье.

Таковы были отношенія Грузинскаго царя къ такъ-называемымъ имъ жителямъ мирныхъ селеній; всѣ же остальные жители горъ принадлежали къ числу немирныхъ и собираясь небольшими партіями дѣлали весьма частыя вторженія въ Грузію и разоряли жителей безо всякой пощады. Почти всѣ пограничныя грузинскія селенія были опустошены и уничтожены, поля выжжены, а жители уведены въ плѣнъ и томились въ неволѣ. Страна съ каждымъ годомъ разорялась все болѣе и болѣе; царь Ираклій не видѣлъ исхода и не зналъ какъ помочь горю. Съ прибытіемъ русскихъ войскъ въ Грузію Ираклій умолялъ полковника Бурнашева защитить страну отъ хищническихъ вторженій и сознавался ему откровенно что самъ, собственными средствами, сдѣлать этого не можетъ. „Никто не станетъ, конечно, упрекать грузинское дворянство въ недостаткѣ храбрости, но", доносилъ полковникъ Бурнашевъ, * „по безначалію ихъ и безпорядку, а особливо въ небытности царя и простые Грузины худо слушаются своихъ начальниковъ, а дворяне—никого. Сумнительно производить съ ними дѣла заблаговременно распоряженныя, да и въ самомъ сраженіи ожидать точнаго исполненія приказовъ невозможно. Для преподанія имъ образца порядка и послушанія не безполезно бъ было видѣть имъ предъ собою какъ въ обыкновенной службѣ, такъ и во время сраженія нашихъ регулярныхъ легкихъ войскъ. Небольшая часть оныхъ могла бы послужить къ совершенному воспрещенію владеній частыхъ лезгинскихъ, какъ чрезъ недремлющее надзираніе, такъ и чрезъ конечное пораженіе въ преслѣдованіяхъ."

Для удовлетворенія этимъ условіямъ пришлось бы ввести новыя войска въ Грузію, но полковникъ Бурнашевъ самъ признавалъ это если не совершенно невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ по недостатку продовольствія.

* Потемкину въ рапортѣ отъ 2го мая 1784 года.

„Хотя, писалъ онъ, усердіе и готовность царская служить и споспѣшествовать намъ не имѣетъ поистинѣ предѣловъ, но по безсилію, по неимѣнію властей подчиненныхъ, по крайнему небреженію исполнителей его указовъ, не слѣдуетъ весьма часто по его разчетамъ. Прибавлю къ сему видимый недостатокъ въ деньгахъ, но и изъ тѣхъ похищаютъ немилосердно, ибо почти нѣтъ не только книгъ расходныхъ, но съ нуждою и отчетъ словесный.“

Возвысившіяся цѣны на хлѣбъ и вообще недостатокъ его заставляли даже опасаться и за продовольствіе тѣхъ двухъ баталіоновъ которые находились уже въ Грузіи, а между тѣмъ Ираклій увѣрялъ всѣхъ что хлѣба въ Грузіи много и просилъ прислать ему 4.000 русскихъ войскъ, собственно для наказанія Лезгинъ. Онъ настаивалъ на этомъ тѣмъ болѣе что на разсвѣтѣ 15го іюля партія Лезгинъ, переправившись черезъ рѣку Алазань, напала на Кизихское селеніе Чугань. Хотя селеніе это было расположено на высокой горѣ, но жители его по безпечности, по неимѣнію карауловъ и разъѣздовъ были атакованы совершенно неожиданно. Грузины не видѣли какъ весьма значительная партія хищниковъ спокойно подошла къ подошвѣ горы, спѣшилась и атаковала селеніе. Застигнутые врасплохъ жители, бросивъ свое имущество, спасались кто куда могъ. Хищники въ теченіе двухъ часовъ грабили и опустошали селеніе, убивали противящихся, забирали сколько могли людей, пожитки и весь скотъ. Грузины потеряли при этомъ нападеніи тринадцать человѣкъ убитыми, до семидесяти человѣкъ было уведено въ плѣнъ, все имущество разграблено и самая деревня зажжена въ пяти мѣстахъ.

При первомъ нападеніи на Чугань Кизихскій моуравъ (управитель) собралъ въ селеніи Бодби всѣхъ вооруженныхъ Грузинъ, но не рѣшился идти съ ними на помощь атакованнымъ, а ограничился тѣмъ что отправилъ посланнаго къ командиру Горскаго егерскаго баталіона съ извѣстіемъ о нападеніи непріятеля. Посланный имѣлъ дурную лошадь, и хотя подполковникъ Квашнинъ-Самаринъ тотчасъ же выступилъ со своимъ баталіономъ, но не могъ придти во время, ибо до селенія Чугань было двадцать пять верстъ отъ нашего лагеря. Егеря шли все время бѣглымъ шагомъ, но пришли тогда когда все уже было кончено, лишь горѣла деревня, да пылали стоги сѣна. „Отчего грузинскія войска собравшіяся въ

Бодби", доносилъ Самаринъ,* „благовременной помощи подать не успѣли,—отъ робости ли сіе произошло или не чаяли себя быть въ состояніи, по небытности моей въ то время тамъ, мнѣ неизвѣстно.

„При семъ также за необходимое нахожу донести что находящаяся здѣсь грузинская артиллерія, а особливо отъ вчерашняго перехода, почти вся разсыпалась, такъ что чуть держится. Въ случаѣ какого движенія взять оную съ собою будетъ опасно, дабы изломавшись не замѣшкала баталіону и не причинила бы затрудненія оставлять для нея въ томъ мѣстѣ прикрытіе. Дѣйствія же отъ нея никакого надѣяться не можно." **

Матеріальная часть артиллеріи была вообще въ плохомъ состояніи въ Грузіи; патроновъ и зарядовъ было недостаточно, а порохъ хотя и былъ въ небольшомъ запасѣ, но „вовсе негодный, грузинской фабрики". *** Получивъ свѣдѣнія о такомъ неустройствѣ, императрица Екатерина II пожаловала Ираклію двадцать четыре орудія различныхъ калибровъ и приказала отправить ихъ въ Грузію съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ и снарядовъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ бытность свою въ Тифлисѣ также обращалъ вниманіе царя Ираклія на необходимость улучшенія всѣхъ боевыхъ средствъ, но Ираклій откровенно признавался что онъ не въ силахъ этого сдѣлать. Онъ говорилъ П. С. Потемкину что хотя подданные его и весьма храбры, но не могутъ устоять противъ Лезгинъ, одно имя которыхъ наводитъ на нихъ страхъ и робость. Царь просилъ прислать въ Грузію шесть полковъ пѣхоты съ полнымъ содержаніемъ, и когда ему было въ томъ отказано, то просилъ разорить Джары и Бѣлоканы, главныя лезгинскія селенія, тѣми двумя баталіонами которые были уже въ Грузіи. Царь обѣщалъ обезпечить наши баталіоны продовольствіемъ и для содѣйствія имъ собрать до четырехъ тысячъ человѣкъ грузинскихъ войскъ. П. С. Потемкинъ отвѣчалъ что для истребленія селеній, удаленныхъ отъ

---

* Въ рапортѣ полковника Бурнашева отъ 16го іюля. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 48.

** Бурнашевъ послалъ Самарину одинъ двѣнадцатифунтовой единорогъ русской артиллеріи.

*** Рапортъ полковника Бурнашева П. С. Потемкину 2го мая 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

границъ Грузіи, необходимы значительныя силы, которыхъ нѣтъ и взять неоткуда; что къ тому же отъ такой экспедиціи нельзя предвидѣть никакой пользы, потому что завладѣвъ этими селеніями Ираклій не въ состояніи будетъ удержать ихъ за собою. Царь принялъ этотъ отказъ съ крайнимъ огорченіемъ, и Потемкинъ, видя что безпрестанныя вторженія Лезгинъ „столь сердце его надсадили, что казалось и расположеніемъ однимъ наказать услаждался уже не мало", предложилъ Ираклію наказать ближайшія къ его границамъ селенія, дабы Лезгины видѣли что не всегда они могутъ дѣлать нападенія безнаказанно. Оставшись вполнѣ доволенъ этимъ предложеніемъ Ираклій просилъ только привести его въ исполненіе какъ можно скорѣе.

Возвращаясь изъ Тифлиса въ Георгіевскъ генералъ-поручикъ Потемкинъ оставилъ въ Грузіи прибывшаго съ нимъ генералъ-майора Самойлова, которому и поручилъ начальство надъ экспедиціей. Въ составъ отряда были назначены оба егерскіе баталіона съ четырмя полевыми орудіями и конвоировавшіе въ Грузію Потемкина эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка и около ста человѣкъ Донскихъ и Уральскихъ казаков̀ъ *.

Наступавшая осень заставляла Самойлова торопиться выступленіемъ въ походъ и окончаніемъ экспедиціи, но всѣ усилія его въ этомъ отношеніи оставались совершенно напрасными. Обѣщанныя для содѣйствія нашимъ баталіонамъ грузинскія войска не были готовы и собрались весьма медленно; они не имѣли ни боевыхъ припасовъ, ни продовольствія. Запасовъ продовольствія для нашихъ баталіоновъ также не было, и генералу Самойлову стоило большихъ заботъ и усилій чтобы снабдить свои войска только десятидневнымъ провіантомъ. „Я голову свою вскружилъ, доносилъ онъ генералу Потемкину, ** и съ ногъ сбилъ подполковника Кашинскаго чтобы достать у Грузинъ нужное войску нашему пропитаніе и для такого подвига который прямо имъ пользу принести долженъ. Я ни мало не могу въ томъ на царя пенять—онъ всею душой готовъ исполнить все что̀ ни требуется отъ него, но

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10го октября, № 14. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

** Въ рапортѣ отъ 1го октября 1784 года. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, папка 47.

подданные его совсѣмъ иные люди. Прежде нежели захотятъ они сдѣлать то что̀ имъ приказывается надобно мнѣ нѣсколько разъ къ царю, къ архимандриту, къ мелику и къ какимъ-то казначеямъ посылать, которыхъ тщаніе только въ томъ состоитъ чтобъ окрадывать царя. Я исключаю изъ числа сего архимандрита Гаіоса, который всякое отъ меня нужное требованіе тщился не только доводить до царя, но еще и ему представлять о скорѣйшемъ по оному рѣшеніи."

Обезпечивъ себя десятидневнымъ продовольствіемъ, Самойловъ рѣшился выступить не дожидаясь сбора грузинскихъ войскъ и надѣялся 4го октября быть въ Кизихахъ, куда въ тотъ же день обѣщалъ прибыть и царь съ тѣмъ ополченіемъ которое къ этому времени успѣетъ собраться. Ираклій увѣрялъ Самойлова что въ Кизихахъ они найдутъ достаточно продовольствія и что русскія войска будутъ имъ обезпечены совершенно.

„Дай Боже, говорилъ Самойловъ, чтобъ они сдержали свое слово вѣрнѣе прежняго", но Ираклій и въ этомъ случаѣ не исполнилъ данныхъ обѣщаній.

Вмѣсто того чтобы 4го октября быть въ Кизихахъ, онъ только въ этотъ день оставилъ Тифлисъ и лишь вечеромъ 7го числа соединился съ генераломъ Самойловымъ въ селеніи Мачханѣ. Царь привелъ туда вмѣстѣ со своими войсками и сто двадцать человѣкъ Имеретинъ подъ начальствомъ князя Георгія Цилукидзе, конвоировавшаго новобрачныхъ царевича Вахтанга и его супругу *.

Въ Мачханѣ генералъ-майору Самойлову пришлось испытать то же что̀ испытывалъ онъ въ Тифлисѣ и видѣть во всемъ затрудненія и крайній безпорядокъ. Почти въ виду соединенныхъ силъ Лезгины грабили и опустошали селенія, жители которыхъ просили помощи. Самойловъ настаивалъ на скорѣйшемъ движеніи впередъ, но Ираклій хотя и сознавалъ что движеніе это необходимо, медлилъ, отговариваясь тѣмъ что ожидаетъ умноженія своихъ силъ. Царь не составилъ еще себѣ программы будущихъ дѣйствій. Онъ говорилъ Самойлову что слѣдуетъ идти къ Бѣлоканамъ и разорить ихъ, а нѣсколько часовъ спустя замѣчалъ что хорошо бы было нанести первый ударъ селенію Джарамъ. Ежеминутныя

* Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 4го октября. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 48.

перемѣны эти заставляли генерала Самойлова сожалѣть что Ираклій самъ принялъ начальство надъ грузинскими войсками, а не прислалъ одного изъ своихъ военачальниковъ, „ибо, доносилъ онъ, того я бы принудилъ ко всему, а царю только представлять лишь могу. Его высочество соглашается совсѣмъ на резоны мои, но только и всего, а поспѣшности не прибавляется ни мало".

Желая прервать бездѣятельность, Самойловъ предложилъ Ираклію два плана дѣйствій: или идти прямо на Бѣлоканы, и разоривъ ихъ продолжать путь къ Джарамъ, или же разорить лежащія за Алазанью лезгинскія селенія и потомъ идти другою дорогой также къ Джарамъ. Царь предпочелъ послѣдній планъ, какъ наносящій пораженіе большему числу селеній, но все еще не рѣшался выступить, говоря что войска его не всѣ еще собрались *.

Время уходило и Самойловъ опасался что экспедиція вовсе не состоится. Наступала глубокая осень; прекрасные дни смѣнились ненастьемъ и въ теченіе четырехъ сутокъ шелъ безпрерывно проливной дождь; вода въ рѣкѣ Алазани быстро подымалась и можно было ожидать что переправа въ бродъ окажется невозможною. Между тѣмъ въ лагерѣ было получено извѣстіе что партія Лезгинъ, вторгшаяся въ предѣлы Грузіи, переправившись черезъ рѣку Алазань и соединившись съ нѣсколькими стами новыхъ хищниковъ, двинулась было къ Ганджѣ, но узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ вернулась обратно. Генералъ-майоръ Самойловъ, видя что намъ представлялся удобный случай встрѣтиться съ непріятелемъ не переходя рѣки Алазани, не сталъ уже болѣе спрашивать мнѣнія Ираклія, но тотчасъ же выступилъ изъ лагеря, и утромъ 14го октября, близь урочища Муганлу, настигъ Лезгинъ тянувшихся къ близь лежавшему лѣсу, съ намѣреніемъ черезъ него пробраться къ Алазани. Какъ ни старался Самойловъ пресѣчь непріятелю дорогу въ лѣсъ, онъ не могъ успѣть въ этомъ, ибо Лезгины, замѣтивъ наши войска, пошли на рысяхъ и скрылись въ лѣсу. „Царь весьма желалъ, доносилъ Самойловъ, ** чтобъ ихъ въ то же время наказать, но до прибытія пѣхоты нашей ни одинъ изъ Грузинъ къ

* Рапорты Самойлова генералу Потемкину 8го и 9го октября. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

** Потемкину въ рапортѣ отъ 14го октября. Тамъ же.

лѣсу не подвинулся и самые ихъ князья стали неподвижно".

Какъ только прибыла пѣхота Самойловъ тотчасъ же приступилъ къ атакѣ лѣса. Онъ составилъ двѣ колонны, изъ коихъ одна въ двѣсти егерей, подъ командой подполковника Артеневскаго, назначалась для атаки лѣса съ правой стороны; другая—изо ста егерей, подъ начальствомъ поручика Голостіанова, должна была наступать съ лѣвой стороны. Общее завѣдываніе этими двумя колоннами поручено было подполковнику принцу Гессенъ-Рейнсфельдскому. Въ резервѣ правой колонны находился подполковникъ Квашнинъ-Самаринъ съ Бѣлорусскимъ баталіономъ, а въ резервѣ лѣвой—подполковникъ Мерлинъ съ Горскимъ баталіономъ. На правомъ флангѣ пѣхоты стали казаки съ нѣсколькими стами лучшихъ грузинскихъ стрѣлковъ; между баталіонами были драгуны, а лѣвѣе всѣхъ на открытой полянѣ расположилась артиллерія и притомъ такъ что могла обстрѣливать противоположный берегъ рѣки Алазани. Позади всѣхъ стояли грузинскія войска, при которыхъ находился и царь Иракли̇й.

Распорядившись такимъ образомъ Самойловъ двинулся въ атаку. Взобравшіеся на деревья и все время слѣдившіе за движеніемъ нашихъ войскъ Лезгины встрѣтили наступавшихъ весьма сильнымъ огнемъ, но послѣ упорнаго пятичасоваго боя принуждены были отступить и поспѣшно переправляться черезъ рѣку подъ огнемъ нашей артиллеріи. Непріятель оставилъ до двухсотъ тѣлъ на мѣстѣ, не считая тѣхъ которые были увезены или утонули въ рѣкѣ; у насъ было семнадцать убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ принцъ Рейнсфельдскій.

Переночевавъ на полѣ сраженія Самойловъ, чрезъ урочища Карагачъ, Стагансъ-Цминду и Мачханы, 20го октября возвратился въ Тифлисъ. Побѣда эта не принесла никакихъ ощутительныхъ результатовъ, такъ какъ все дѣло ограничилось однимъ разсѣяніемъ толпы хищниковъ.

„Весьма бы было полезнѣе, писалъ князь Потемкинъ, еслибы начальный ударъ на Лезгинъ произведенъ былъ сильнѣйшимъ образомъ, по умноженіи войскъ въ Грузіи и еслибы при самомъ первомъ случаѣ испытали они всю тягость нашихъ пораженій, чрезъ то бы навсегда облегчились наши предпріятія. Страхъ оружія россійскаго наипаче бы распро-

странился повсюду и сіи разбойники не дерзнули бы уже когда-либо схватиться съ нами.“ Хотя замѣчаніе это было вполнѣ справедливо, но съ другой стороны нельзя отрицать и того что въ глазахъ туземцевъ этотъ незначительный успѣхъ произвелъ огромное нравственное вліяніе не только на Грузинъ, но и на самого Ираклія.

Обрадованный побѣдой царь устроилъ торжество при вступленіи русскихъ войскъ въ свою столицу и пригласилъ Самойлова прямо въ соборъ, гдѣ патріархъ ожидалъ ихъ для служенія благодарственнаго молебствія за дарованную побѣду. При провозглашеніи многолѣтія императрицѣ произведены были пушечные выстрѣлы. * На слѣдующій день царь объявилъ Самойлову что въ патріаршей церкви будетъ совершено молебственное служеніе о здравіи князя Потемкина-Таврическаго какъ покровителя Грузіи. Самойловъ пригласилъ въ церковь всѣхъ офицеровъ, а по окончаніи службы ѣздилъ къ царю поблагодарить его за такое „къ главному начальнику нашему уваженіе“. **

Ираклій радовался этой побѣдѣ вдвойнѣ: вопервыхъ, потому что ненавистные ему Лезгины потерпѣли пораженіе, а вовторыхъ, что послѣдствіемъ ея была покорность Ганджинцевъ.

Узнавъ о движеніи русскихъ войскъ къ рѣкѣ Алазани и видя что Лезгины ихъ оставляютъ, жители Ганджи отправили своихъ посланныхъ къ Ираклію съ объявленіемъ что они попрежнему отдаютъ себя въ царское правленіе. Депутаты пріѣхали въ Тифлисъ наканунѣ прибытія Ираклія, для котораго подобное событіе было самымъ лучшимъ плодомъ побѣды, ибо Ганджинское ханство приносило ему наибольшую часть доходовъ. Занятый покорностью Ганджи Ираклій оставилъ безъ вниманія то обстоятельство что вскорѣ послѣ побѣды при Муганлу, Лезгины снова вторглись въ его владѣнія со стороны Ахалцыха, разорили деревню князя Орбельяни, лежавшую близь рѣки Куры, взяли въ плѣнъ 27 человѣкъ Грузинъ и отогнали около 1.500 штукъ рогатаго скота. ***

---

* Рапортъ Самойлова Потемкину, 20го октября 1784 года.

** Рапортъ Самойлова Потемкину, 22го октября 1784 года.

*** Рапортъ Бурнашева Потемкину 2го ноября, № 79. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 47.

Не Лезгины, а Ганджа привлекала теперь къ себѣ вниманіе Грузинскаго царя. Онъ вошелъ попрежнему въ сношеніе съ Ибраимъ-ханомъ Шушинскимъ и союзники дали другъ другу взаимное обѣщаніе завладѣть снова Ганджой, имѣть тамъ своихъ губернаторовъ и попрежнему дѣлить пополамъ всѣ доходы ханства. Союзниковъ безпокоило только вмѣшательство въ ихъ дѣла Нухинскаго хана, рѣшившагося поддержать Ганджинцевъ.

Одновременно съ отправленіемъ депутатовъ въ Тифлисъ Ганджинцы послали депутатовъ и къ Ибраимъ-хану Шушинскому съ просьбой чтобъ онъ освободилъ заключеннаго хана съ братьями и отпустилъ его въ Ганджу. Ибраимъ прогналъ посланныхъ и приказалъ усилить надзоръ за заключеннымъ ханомъ. Тогда Ахметъ-ханъ Нухинскій отправилъ въ Ганджу сына Ганджинскаго хана Али-Бега, котораго жители приняли съ восторгомъ и назвали своимъ бекомъ. Нухинскій ханъ прислалъ ему подарки и провозгласилъ ханомъ; жители встрѣтили присланные подарки съ музыкой и пальбой. Не ограничиваясь этимъ Ахметъ-ханъ предложилъ Ираклію прервать свои сношенія съ Ибраимъ-ханомъ Шушинскимъ и тогда обѣщалъ содѣйствовать въ подчиненіи Ганджинскаго ханства царю Грузіи, но съ условіемъ чтобы тамъ былъ поставленъ ханомъ кто-либо изъ фамиліи прежнихъ Ганджинскихъ хановъ. Не встрѣтивъ въ Ираклія сочувствія своему предложенію, Нухинскій ханъ пригласилъ въ Ганджу Лезгинъ, которые въ началѣ ноября въ числѣ 3.000 человѣкъ переправились черезъ Алазань и двинулись къ Ганджѣ. Желая преградить путь этой партіи въ Ганджу Ираклій просилъ полковника Бурнашева поддержать его русскими войсками. Взявъ по три роты отъ полковъ Егерскаго и Бѣлорусскаго и два единорога, Бурнашевъ, 8го ноября, выступилъ изъ Тифлиса, по дорогѣ къ Ганджѣ. Въ селеніи Марнгули, послѣ трехъ переходовъ, получено было извѣстіе что Лезгины слѣдовавшіе въ Ганжу повернули къ Ахалцыху. Ираклій бросился ихъ преслѣдовать, а полковникъ Бурнашевъ пошелъ слѣдомъ за нимъ. * Наши егеря дѣлали усиленные переходы, тащили на себѣ орудія,

---

* Рапортъ Бурнашева Потемкину 8го ноября, № 82. Журналъ похода приложенный къ рапорту Бурнашева отъ 25 ноября, № 84.

испытывали всѣ лишенія похода, но Лезгинъ не догнали и по выраженію князя Потемкина ходили „попустому, изнурительно для россійскихъ войскъ и несовмѣстно со славой ими пріобрѣтенною“. *

Лезгины успѣли пробраться въ Ахалцыхъ, куда призывалъ ихъ Сулейманъ-паша, для совокупнаго дѣйствія съ турецкими войсками противъ царя Имеретинскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. ДУБРОВИНЪ.

---

* Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 11го января 1785 года.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

LXIX.

Я уже упоминалъ выше что баронъ Вревскій какъ-то особенно налегалъ на меня, задавая усиленную работу и самыя разнородныя порученія. Подъ часъ приходилось тяжеловато, хотѣлось бы и отдохнуть, и пожуировать въ Грозной или Владикавказѣ, но я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать что эта разнообразная, усиленная дѣятельность была мнѣ весьма полезна, расширяя кругъ моихъ свѣдѣній въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ, давая мнѣ случай знакомиться со многими мѣстностями, съ ихъ населеніемъ и разными служебными дѣятелями, выше и ниже поставленными.

Въ промежуткѣ описанныхъ въ предшествовавшихъ главахъ военныхъ дѣйствій и поѣздокъ, баронъ Вревскій возложилъ на меня одно дѣло, о которомъ хочу разказать подробнѣе.

Въ концѣ сентября 1855 года были мы во Владикавказѣ; въ одинъ день требуютъ меня къ барону. Прихожу и застаю его, по обыкновенію, въ кабинетѣ за бумагами.

— Я хочу передать вамъ одно дѣло, весьма меня интересующее и чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ въ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 3, 4 и 12й 1876; 1, 2 и 3й 1877; 2, 3, 4 и 10й 1878.

будущемъ. Вамъ извѣстно что не только среди Осетинъ, но и у всѣхъ почти горскихъ обществъ, населяющихъ центральную часть главнаго хребта, сохранились памятники доказывающiе что они были христiанами. Лишенные въ теченiе многихъ лѣтъ священниковъ, они частью обратились въ мусульманство, преимущественно на плоскости, частью сдѣлались полуязычниками и эксплуатируются разными жрецами и штукарями. Было бы чрезвычайно важно возстановить между всѣми этими обществами православную вѣру; современемъ отсюда христiанство могло бы распространиться и дальше по горамъ, гдѣ населенiе далеко еще не такъ привержено къ мусульманству какъ въ Закавказскомъ краѣ. Духовное вѣдомство уже больше тридцати лѣтъ взялось за это, но такимъ канцелярски-казеннымъ образомъ что результатовъ никакихъ не оказывается. Я, полагаю, гораздо лучше привлечь къ этому дѣлу частныхъ лицъ, ревнителей христiанской религiи, преимущественно такихъ которые и сами могутъ жертвовать, и другихъ привлечь къ крупнымъ пожертвованiямъ. Мы можемъ тогда прiискивать хорошихъ священниковъ, увеличивая ихъ казенное содержанiе, можемъ заводить школы, строить церкви, снабжать ихъ принадлежностями и проч. Такъ дѣйствуютъ Англичане и Французы на дальнемъ Востокѣ. А? Э? (покойный Ипполитъ Александровичъ имѣлъ привычку вставлять эти вопросительные звуки въ свою рѣчь, какъ бы вызывая на отвѣты, хотя не очень любилъ чтобъ его прерывали и еще болѣе—возражали). Я уже вошелъ въ сношенiя съ нѣкоторыми извѣстными лицами по этому предмету, продолжалъ баронъ,—и мнѣ выслали много разныхъ прекрасныхъ церковныхъ вещей. Нужно ихъ раздать, нужно сообразить гдѣ и въ чемъ болѣе нуждаются, вообще что̀ полезно было бы сдѣлать для начала, и, главное, какъ распространить въ обществѣ наше предпрiятiе. Возмитесь-ка за это дѣло и дайте ему толчокъ. Вотъ вамъ вся моя переписка съ Татьяной Борисовной Потемкиной, сенаторомъ Казначеевымъ и другими лицами; примите всѣ высланныя вещи, скажите въ канцелярiи чтобы вамъ дали все что̀ нужно для разъѣздовъ, да съ Богомъ; теперь хорошее осеннее время, самое удобное для поѣздки по горамъ.

— Слушаю-съ, постараюсь исполнить, хотя долженъ доложить вашему превосходительству что это для меня совершенно новое дѣло и я боюсь не оправдать вашихъ надеждъ на меня.

— А? боитесь? а я увѣренъ что вы сдѣлаете все хорошо Идите и не теряйте времени; я буду ожидать вашихъ донесеній.

И вотъ я обратился чуть не въ миссіонера. Собравъ всѣ бумаги и письма наколившіяся въ теченіи года и въ канцеляріи, и въ кабинетѣ барона Вревскаго, взявъ часть пожертвованныхъ вещей, въ томъ числѣ два колокола, обезпечивъ себя подорожными, открытыми приказами, письмами къ разнымъ мѣстнымъ властямъ и проч., я 8го октября пустился въ странствіе по новымъ, еще незнакомымъ мнѣ мѣстамъ Кавказа.

Стояла прекрасная, теплая погода, такъ-называемое „бабье лѣто"; блестящее солнце разливало яркій свѣтъ на сѣверныя вершины кавказскихъ громадъ, золотило синеватую чащу лѣсовъ Черныхъ горъ, составляющихъ какъ бы подножіе главнаго хребта, и по зеленѣющимъ обширнымъ равнинамъ Кабарды разбрасывало свои лучи, то исчезавшіе за какими-нибудь кустами, то сверкавшіе въ волнахъ быстрыхъ рѣчекъ. Было, однимъ словомъ, великолѣпное кавказское осеннее время и кругомъ чудная, разнообразная картина, которою не перестаешь любоваться десятки лѣтъ сряду.

Проѣхавъ въ нѣсколько часовъ три станціи, я въ сумерки очутился въ Алагирѣ, у начальника этого сребро-свинцоваго завода, горнаго инженеръ-полковника Иваницкаго, къ которому имѣлъ письмо отъ барона Вревскаго. Это была первая моя встрѣча съ А. Б. Иваницкимъ—человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, въ послѣдствіи начальникомъ всей горной части на Кавказѣ и извѣстнымъ всему краю, особенно Тифлису, своими ораторскими способностями. Весьма радушно принятый, я остался въ Алагирѣ слѣдующій день, познакомился съ помощникомъ начальника завода Д. В. Пиленко, тогда кажется поручикомъ, осмотрѣлъ заводъ, прекрасныя постройки и чисто русскую слободу сибирскихъ переселенцевъ-горнорабочихъ. Какъ не имѣющій никакого понятія о горномъ дѣлѣ, я само собою не могъ судить ведется ли дѣло какъ слѣдуетъ или нѣтъ, предстоитъ ли заводу хорошая будущность, или онъ составляетъ одно изъ тѣхъ казенныхъ предпріятій которыя выгодны лишь на бумагѣ. Общая молва причисляла заводъ именно къ этой категоріи на томъ основаніи что содержаніе завода, военнорабочей роты, трехсотъ семействъ заводскихъ крестьянъ, значительнаго обоза занятаго перевозкой руды изъ-за тридцати верстъ отъ рудниковъ и пр., обходится казнѣ, не

помню хорошенько, что-то въ *полтораста тысячъ* рублей, а серебра добываютъ чуть ли не *полпуда*. Заводъ однако существуетъ до сихъ поръ и вѣроятно доставляетъ же какую-нибудь пользу казнѣ, иначе двадцатипятилѣтній опытъ заставилъ бы упразднить его. Странно во всякомъ случаѣ что нигдѣ, ни въ мѣстныхъ, ни въ столичныхъ газетахъ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать хоть бы два слова объ Алагирѣ; о немъ какъ бы забыли и живетъ онъ себѣ какою-то замкнутою, отрѣзанною отъ остальнаго міра жизнію.

Черезъ день, вмѣстѣ съ г. Пиленко, выѣхали мы въ Садонъ, гдѣ находятся рудники. Дорога на разстояніи тридцати верстъ была прекрасно разработана и шоссирована—явленіе тогда на Кавказѣ чуть ли не единственное. Въ легкомъ тарантасѣ, не взирая на нѣкоторые крутые спуски и подъемы надъ глубокими обрывами, мы доѣхали меньше чѣмъ въ три часа. Дорога идетъ по лѣвому берегу рѣки Ардона, быстро катящагося по усѣянному крупными камнями руслу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холодные сѣрные источники вливаются въ рѣку, придавая ей зеленоватый цвѣтъ и распространяя кругомъ тяжелый, непріятный запахъ. Ѣзда по ущелью была совершенно безопасна, благодаря отдаленности отъ непокорныхъ обществъ и мирнымъ наклонностямъ Осетинъ. Рудники охранялись маленькимъ фортомъ, очень хорошо и удобно построеннымъ, имѣвшимъ казармы для рабочихъ. Тутъ мы провели ночь, спускались въ *штольни* и *штреки*, гдѣ на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ аршинъ въ основаніи громадной скалистой горы, при свѣтѣ тусклыхъ сальныхъ огарковъ, въ тяжеломъ спирающемъ дыханіе воздухѣ, наполненномъ пороховымъ дымомъ, въ слякоти образуемой просачивающеюся вездѣ водой, копошились съ кирками и ломами въ рукахъ люди, ради добычи нѣсколькихъ фунтовъ *презрѣннаго металла*... Мракъ, воздухъ подземелья, невольное чувство страха при мысли какая громада виситъ надъ головами этихъ людей, днемъ и ночью здѣсь работающихъ, какая-то тоска сдавливавшая грудь при невольномъ представленіи о возможности быть запертыми въ *штрекѣ* (узенькій корридоръ въ скалѣ) внезапно обрушившеюся каменною глыбой,—нѣтъ, не хотѣлъ бы я тамъ оставаться! Что̀ свистъ пуль и ядеръ, смерть носящаяся кругомъ головы въ минуты возбужденія, въ сравненіи съ этимъ подавленнымъ состояніемъ какъ бы заживо погребеннаго человѣка остающагося въ теченіе двѣнадцати часовъ, до

смѣны, внѣ свѣта и свѣжаго воздуха, съ тяжелымъ ломомъ въ рукахъ!

Зрѣлище было для меня совершенно новое, интересное; но пробывъ какіе - нибудь полчаса, я съ большимъ удовольствіемъ взобрался по вертикальной лѣстницѣ на верхъ и радостно взглянувъ на свѣтъ солнца, широко вдохнулъ свѣжаго горнаго воздуха.

Изъ Садона уже не было дальше колеснаго сообщенія и я отправился верхомъ, переѣхавъ на правый берегъ рѣки; дорожка тянулась лѣсомъ, поднимаясь кое-гдѣ такъ высоко по обрыву что гулъ рѣки едва доносился до слуха. Въ восьми верстахъ, на такъ-называемомъ урочищѣ Св. Николая, я къ удивленію своему увидѣлъ прекрасный европейской архитектуры домикъ; оказалось что тутъ имѣетъ пребываніе офицеръ путей сообщенія, производящій изысканія для шоссейной дороги по ущелью Ардона къ перевалу черезъ главный хребетъ въ Имеретію, къ верховьямъ Ріона. Понятно, я заѣхалъ познакомиться и встрѣтилъ весьма любезнаго капитала Есаулова, жившаго среди горъ и лѣса совершеннымъ отшельникомъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ что не имѣя никакихъ замѣтокъ, вынужденъ полагаться на свою слабѣющую память, и потому многое изъ моихъ наблюденій во время постоянной кочевой жизни, при безпрестанныхъ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣнявшихся мѣстностяхъ и лицахъ, представлявшихъ не мало интереснаго, ускользаетъ и совершенно смутно носясь предо мною не ложится подъ перо. И въ этотъ разъ, напримѣръ, хоть и помню дико-угрюмую природу ущелій и бѣдныхъ ауловъ Осетинъ, во многомъ схожихъ съ Хевсурскими, ночи проведенныя въ дымныхъ грязныхъ сакляхъ, длинные разговоры о житьѣ-бытьѣ этихъ заброшенныхъ въ трущобы бѣдныхъ первобытныхъ людей, ихъ дикія понятія о религіи и прочее, но ничего подробнаго объ этой поѣздкѣ вспомнить и разказать не могу. Осмотрѣлъ я нѣсколько жалкихъ, выстроенныхъ въ наше время *осетинскою коммиссіей* синодальной конторы церквей, стоимостью въ *триста* рублей каждая, церквей больше похожихъ на сараи или амбарчики чѣмъ на храмы; видѣлъ нѣсколько развалинъ древнихъ церквей, неизвѣстно когда и кѣмъ построенныхъ, съ сохранившеюся отчасти живописью на стѣнахъ, церквей при сравненіи коихъ съ возведенными въ наше время приходилось краснѣть;

видѣлъ двухъ-трехъ священниковъ, получающихъ по 150 р. въ годъ жалованья, точно такихъ какъ я уже описывалъ въ Хевсуріи, поставленныхъ въ самое жалкое унизительное положеніе среди своей полудикой, полуязыческой паствы; видѣлъ вообще нищету и какой-то безпробудный мракъ... Вынесъ я тогда, помню, убѣжденіе что раздачей нѣсколькихъ колоколовъ и дорогихъ, по бархату вышитыхъ церковныхъ принадлежностей, ни христіанства возстановить, ни просвѣтить этого мрака невозможно, что для этого требуется нѣчто большее, много матеріальныхъ средствъ, много дѣятельныхъ, усердныхъ и подготовленныхъ людей.

У меня сохранилось нѣсколько черновыхъ бумагъ писанныхъ мною тогда барону Вревскому, и я приведу ихъ здѣсь въ извлеченіи; читатель увидитъ результатъ моей командировки и взглядъ мой на дѣло, выраженный двадцать три года тому назадъ, а также нѣкоторыя свѣдѣнія о самой мѣстности. Вотъ что̀ я, между прочимъ, доносилъ 31го октября 1855 года:

„Исполняя возложенное на меня порученіе, я отправился въ Осетію и посѣтилъ всѣ деревни въ которыхъ есть церкви, роздалъ назначенныя имъ вещи подъ расписки священниковъ и собралъ при этомъ свѣдѣнія какъ о положеніи церквей, о недостаткахъ церковной утвари, такъ равно о степени уваженія Осетинъ къ христіанской вѣрѣ и исполненіи ея обрядовъ. Изъ прилагаемаго списка видно какія церкви чѣмъ еще нужно снабдить; но при этомъ считаю долгомъ доложить что одно украшеніе церквей не можетъ имѣть того благотворнаго вліянія на утвержденіе между Осетинами христіанства, которое могло бы быть достигнуто другими болѣе дѣйствительными мѣрами. Первымъ условіемъ для достиженія цѣли, о важности результатовъ коей нечего и распространяться, я полагаю назначеніе въ эти мѣста священниковъ которые *при знаніи туземнаго языка* имѣли бы достаточно силы воли и ума чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на легковѣрный, полудикій народъ, и болѣе поученіями, выраженными въ простыхъ наглядныхъ формахъ, а не единственно церковнымъ священнодѣйствіемъ, горцамъ едва ли понятнымъ, заставили бы ихъ обратиться на истинный, христіанскій путь. Это тѣмъ болѣе возможно что живо сохранились еще преданія о нѣкогда бывшемъ здѣсь христіанствѣ. Осетины чтятъ божественность Спасителя, память нѣкоторыхъ св. угодниковъ, исполняютъ нѣкоторые обряды

церкви, но тутъ же подчиняются своимъ жрецамъ (дэканози), исполняютъ разные языческіе обряды, приносятъ въ жертву животныхъ и т. п. Хорошій священникъ, съ настойчивостью и терпѣніемъ, въ нѣсколько лѣтъ непремѣнно достигъ бы въ своемъ приходѣ такого нравственнаго вліянія что слова его исполняли бы безпрекословно. Подобныхъ пастырей, безъ сомнѣнія, могли бы дать воспитанники кончающіе въ Тифлисской семинаріи курсъ, но имъ необходимо назначить достаточныя средства существованія; теперешніе священники получаютъ отъ 150 до 200 рублей въ годъ; этихъ денегъ недостаточно на пріобрѣтеніе насущнаго хлѣба для семьи нерѣдко въ 6—7 душъ. (Поэтому священниками въ горы и отправлялись только полуграмотные пономари.) Отъ жителей священникъ никакого вспомоществованія не имѣетъ, да и не долженъ имѣть; напротивъ, нерѣдки случаи когда священникъ долженъ оказать помощь, сдѣлать подарокъ и этимъ путемъ пріобрѣсти уваженіе среди людей, которые при своей крайней бѣдности чуть не благоговѣютъ предъ всякимъ, обладающимъ скромными достатками.

Второе и весьма важное условіе къ утвержденію христіанства между Осетинами—есть *заведеніе сельскихъ школъ*. Въ Мамисонскомъ ущельѣ іеромонахъ Дометu (единственный встрѣченный мною въ горахъ священникъ соотвѣтствовавшій своему назначенію, обладавшій собственными средствами) содержитъ на свой счетъ 12 мальчиковъ, успѣхи коихъ въ короткое время меня удивили: они порядочно читаютъ по-русски и по-грузински, а нѣкоторые уже довольно хорошо пишутъ. Способностей у горцевъ вообще отнять нельзя и можно надѣяться что нѣсколько лѣтъ ученія сдѣлаютъ изъ нихъ людей полезныхъ въ своемъ обществѣ. И теперь уже старики смотрятъ на этихъ едва грамотныхъ дѣтей съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а когда они дойдутъ до того чтобы сумѣть въ своемъ кругу объяснять идею о Богѣ, о святости христіанской религіи, о величіи Русскаго монарха, о главныхъ обязанностяхъ христіанина и члена благоустроеннаго общества, тогда эти люди пріобрѣтутъ безъ сомнѣнія немалое значеніе и это принесло бы прекрасные плоды.

„Іеромонахъ Домети имѣлъ средства привести въ исполненіе это хорошее дѣло; другіе же священники, даже при искреннемъ желаніи, не въ состояніи послѣдовать его примѣру. Мальчиковъ отдаваемыхъ родителями въ обученіе нужно

содержать, но средствъ на это ни у кого нѣтъ. Въ селѣ Зруги священникъ Іосифъ Сургуладзе по моему совѣту съ полною готовностью соглашался завести у себя школу, на первый случай хоть на шесть мальчиковъ; этому примѣру послѣдовали бы вѣроятно и еще нѣкоторые, но имъ нужно отпустить для этого по крайней мѣрѣ по *двадцати* рублей на каждаго мальчика въ годъ. (И на такое-то дѣло у насъ не было источника чтобы расходовать какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ рублей! Но за то для меблированія квартиры какого-нибудь чиновника IV класса въ Тифлисѣ легко находились многія тысячи...)

„При этомъ считаю нужнымъ доложить обстоятельство о постройкѣ церкви въ селѣ Зруги. Тамъ, на берегу рѣки, есть развалины древняго храма во имя Божіей Матери, столь уважаемыя всѣми Осетинами что они не рѣшаются проѣзжать мимо верхомъ и на дальнемъ разстояніи сходятъ съ лошадей, снимаютъ папахи и съ большимъ благоговѣніемъ обходятъ эту святыню. Теперь вблизи этихъ развалинъ предположено выстроить новую церковь, для которой уже привезенъ и лѣсъ. Я полагаю что возобновленіе древняго храма было бы гораздо полезнѣе. Не говорю уже что сохранился бы памятникъ прекрасной древней архитектуры, памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ; но когда въ этихъ возобновленныхъ развалинахъ раздался бы благовѣстъ и началась бы церковная служба, не только жители Зрурги, но и всѣхъ сосѣднихъ ущелій стекались бы туда для молитвы. Возобновленіе этого древняго храма не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій; двѣ стѣны совершенно цѣлы, камень отъ остальныхъ лежитъ на мѣстѣ и главный матеріалъ почти готовъ; мѣстами сохранилась до сихъ поръ живопись на стѣнахъ. Просвѣщенное содѣйствіе полковника Иваницкаго, принимающаго въ этомъ дѣлѣ живое участіе, вызвавшагося весной съѣздить для осмотра развалинъ и изъявляющаго готовность взять на себя ихъ возобновленіе, даетъ надежду на полный успѣхъ. Деньги отпущенныя на новую церковь могутъ быть обращены на этотъ предметъ, а при ихъ недостаткѣ вѣроятно найдутся ревнители богоугодному дѣлу и пополнятъ сумму приношеніями.

„Къ удовлетворенію желанія г. тайнаго совѣтника Казначеева, изложенному въ переданной мнѣ памятной его запискѣ, прилагаю при семъ планъ церкви въ селѣ Тибы съ масшта-

бомъ иконостаса, рисунокъ Садонской церкви и записку заключающую въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы его превосходительства.

„1. Книжка для записыванія жертвуемыхъ вещей и именъ приносителей заведена.

„2. О полученіи вещей будутъ посылаться увѣдомленія.

„3. При передачѣ вещей въ церкви священникамъ даны замѣтки объ именахъ жертвователей, для поминовенія въ церквахъ.

„4. Жителей въ горной Осетіи приблизительно въ шестидесяти деревушкахъ около восьмисотъ семействъ.

„5. Церкви въ Осетіи существуютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Садонѣ, въ Зрамаги, въ Тибы, въ Нары, въ Сіонѣ, въ Абано. Кромѣ того предположено строить: въ Зругѣ, въ Кисакави и въ Лисры.

„6. Особенно чтимые святые у Осетинъ: болѣе всѣхъ Святый Георгій, архангелы Михаилъ и Гавріилъ и Святая Марія. Они знаютъ также Илію, Θеодора, Іоанна Крестителя, Авраама, Исаака и Іакова.

„7. Источникъ близь села Калаки, которому приписываютъ сверхъестественное дѣйствіе останавливаться или течь по молитвѣ пришельцевъ, я посѣтилъ. Молитва моя и другихъ присутствовавшихъ со мною лицъ не была услышана: источникъ не останавливалъ своего теченія. Но многіе изъ жителей говорили что они были свидѣтелями какъ источникъ по молитвѣ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ то останавливался, то опять продолжалъ свое теченіе. Судя по торфяному болотистому грунту, изъ котораго источникъ вытекаетъ, можно полагать что рыхлая земля, обрушиваясь, задерживаетъ теченіе воды пока она напоромъ не просочитъ себѣ пути, что̀ можетъ случиться и нѣсколько разъ въ часъ. Не выдаю впрочемъ этого предположенія моего за непреложную истину, тѣмъ болѣе что точное наблюденіе потребовало бы много времени. Вода въ этомъ источникѣ цвѣтомъ и вкусомъ обыкновенная; говорятъ, зимой она гораздо теплѣе другихъ водъ и не замерзаетъ.

„8. Статья въ газеты вмѣстѣ съ симъ посылается. (Статья была воззваніемъ о пожертвованіяхъ; въ какую газету я ее отослалъ, гдѣ была она напечатана—рѣшительно не помню. Должно думать въ *Кавказѣ* или *Русскомъ Инвалидѣ*. Въ концѣ заявлялась благодарность жертвователямъ и поименовывались

нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ: Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ семьей, вдова генерала Тимоѳеева, князь Суворовъ, Оливъ, Кроткая, Карабановъ, княгиня Марія Волконская, и другія извѣстныя Москвѣ лица.)

Проживъ около двухъ недѣль въ разныхъ осетинскихъ деревушкахъ, я по обыкновенію не ограничивался исполненіемъ одного лишь своего порученія, но началъ собирать свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ жителей, записывать слова, выслушивать длинные разказы стариковъ о разныхъ давно минувшихъ дѣлахъ, ѣздилъ въ глухія боковыя ущелья гдѣ на едва доступныхъ отвѣсахъ скалистыхъ горъ ютились пять-шесть закопченныхъ сакель, съ неизмѣнною башней, составлявшихъ деревню. Все угрюмо, мрачно, дико, бѣдно. Какое, казалось, существованіе возможно въ такихъ мѣстахъ, какую цѣну должна имѣть жизнь для обитателей такихъ трущобъ? А между тѣмъ и жизнью своею дорожатъ, и къ родинѣ привязанность питаютъ такую что не уступятъ въ этомъ отношеніи многимъ обитателямъ лучшихъ цивилизованныхъ мѣстностей...

Уѣзжая я попросилъ іеромонаха Домети и священника Сургуладзе по начатымъ мною замѣткамъ продолжать записку объ обычаяхъ и нравахъ горныхъ Осетинъ, конечно на грузинскомъ языкѣ, и доставить мнѣ этотъ матеріалъ для напечатанія при случаѣ. Почтенные отцы исполнили мою просьбу и ниже читатели найдутъ не безынтересный очеркъ Осетіи.

Возвратился я тѣмъ же путемъ черезъ урочище Святаго Николая и Алагиръ во Владикавказъ, откуда черезъ нѣсколько дней, забравъ новый запасъ пожертвованныхъ церковныхъ вещей, отправился по другому направленію, по Военно-Грузинской дорогѣ до станціи Коби, отсюда верхомъ въ Трусовское общество, населяющее дикое узкое ущелье верховья Терека. Осматривая мѣсторожденіе этой столь извѣстной всѣмъ ѣдущимъ за Кавказъ, одной изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ рѣкъ, я пришелъ къ предположенію что названіе Теркъ (это мы уже называемъ Терекъ) имѣетъ основаніемъ латинское слово *Ter*, данное рѣкѣ потому что она образуется *тремя* потоками изъ одной горы, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи, и тутъ же у подножія ея сливающимися въ одну; истоки эти составляютъ подобіе треугольника съ основаніемъ внизу. Конечно можетъ-быть это и пустая догадка съ моей стороны, но я тѣмъ болѣе могъ ее допустить что и сами

Осетины, повидимому, потомки европейскихъ выходцевъ и въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова напоминающія латинскія, нѣмецкія, даже славянскія.

Въ Трусовскомъ обществѣ я не нашелъ ни одного священника, и сколько помнится, одну жалкую, никогда не открываемую церковь казенной постройки. Жители съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣли на привезенныя вещи, глаза ихъ жадно разбѣгались при видѣ бархатныхъ, золотомъ шитыхъ церковныхъ принадлежностей и они не могли понять ихъ назначенія. Впрочемъ я засталъ все населеніе нѣсколькихъ Трусовскихъ ауловъ въ разгарѣ пиршествъ и пьянства, повторяющагося каждую осень по случаю поминовенія покойниковъ. При всей подавляющей бѣдности, Осетины такіе рабы древняго обычая что живя весь годъ впроголодь, дрожа надъ каждымъ кусочкомъ ячменной лепешки, доходя до того что не довѣряютъ собственнымъ женамъ, когда тѣ отправляются на мельницу съ гудою (кожаный мѣшокъ) за плечами и *посылаютъ дѣтей присматривать чтобы мать тамъ не полакомилась горстью муки*,—фактъ поразительной дикости, не встрѣченный мною ни у Хевсуръ, ни у Кистинъ,—разоряются въ нѣсколько дней на поминки, какъ бы совершенно игнорируя предстоящій впереди тяжелый недостатокъ пропитанія!..

LXX.

На этихъ поѣздкахъ не окончилось однако мое знакомство съ Осетіей. Побывавъ между тѣмъ, какъ я уже описывалъ выше, въ двухъ зимнихъ экспедиціяхъ въ Большой и Малой Чечнѣ, проѣхавъ можетъ-быть десятокъ-другой разъ изъ Владикавказа въ Грозную и обратно, я 13го января 1856 года получилъ отъ генерала Вревскаго опять новое порученіе. Въ этотъ разъ я превращался изъ миссіонера въ полуинженера и полуинтендантскаго чиновника.

Дѣло въ томъ что во время тогдашней войны въ Азіатской Турціи доставка продовольствія для войскъ, особенно Гурійскаго отряда, сдѣлалась до такой степени затруднительною, не взирая на баснословную цѣну, свыше тридцати рублей за четверть ржаной муки въ семь пудовъ, что въ случаѣ продолженія войны можно было опасаться оставить войска безъ хлѣба. Провіантъ заготовленный частью на Кавказской линіи

и привозимый изъ Россіи двигался единственнымъ путемъ черезъ Владикавказъ, по Военно-Грузинской дорогѣ до Душета, оттуда сворачивалъ на Гори и черезъ Сурамскій перевалъ и Кутаисъ доставлялся къ расположенію Гурійскаго отряда. Кто не видѣлъ этихъ дорогъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, кто не проѣхалъ по нимъ въ осеннее, вообще въ ненастное время года и не видѣлъ какъ тащились разнокалиберныя осетинскія арбы то на бычкахъ, то въ одну лошадь съ грузомъ двухъ и не болѣе трехъ кулей муки, то на верблюдахъ, трупы коихъ валялись десятками, тотъ не въ состояніи себѣ представить что̀ за ужасное мученіе людей и животныхъ тутъ происходило! А вдругъ снѣжный завалъ или громадная каменная осыпь, или бѣшеный вздутый дождями потокъ загораживали часть дороги и прекращали сообщенія на цѣлыя недѣли, захватывая транспорты въ такихъ мѣстахъ гдѣ не было возможности достать какого-нибудь корма для животныхъ. А му̀ки ротъ высылавшихся на дорогу для ремонтировки, страданія разныхъ командъ двигавшихся взадъ и впередъ изъ Россіи за Кавказъ и обратно! Ужасно вспомнить...

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, новый главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ предписалъ начальнику Владикавказскаго военнаго округа сдѣлать опытъ доставки части провіанта войскамъ Гурійскаго отряда прямо съ линіи по ущелью Ардона черезъ Мамисонскій перевалъ въ Имеретію. Баронъ Вревскій возложилъ на нѣсколькихъ милиціонныхъ офицеровъ изъ Осетинъ, въ качествѣ подрядчиковъ, доставить двѣ тысячи четвертей муки съ пропорціей крупъ въ мѣстечко Они Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, откуда уже тамошнее начальство должно было позаботиться дальнѣйшимъ транспортированіемъ до расположенія отряда, а мнѣ поручилъ имѣть наблюденіе какъ за успѣхомъ перевозки этого количества хлѣба, такъ равно и за исправностью дороги по Алагирскому и Мамисонскому ущельямъ до Они. Для этого я долженъ былъ отправиться тотчасъ въ селеніе Тиби, куда имѣли было прибыть рабочіе Осетины, а также команда саперъ и взводъ пѣхоты при офицерѣ. Затѣмъ, по возвращеніи изъ Тифлиса инженеръ-капитана Есаулова, заботы о дорогѣ вмѣстѣ съ рабочими я долженъ былъ предоставить ему, а на моей обязанности оставалось уже только наблюденіе за перевозкой провіанта, въ чемъ мнѣ должны были содѣйствовать всѣ мѣстныя власти. Проводивъ первый рейсъ до Они и

переговоривъ подробно съ тамошнимъ уѣзднымъ начальникомъ о мѣстѣ для склада и дальнѣйшемъ транспортѣ, я долженъ былъ возвратиться во Владикавказъ для дачи отчета о ходѣ и положеніи всего дѣла. Передавая мнѣ это предписаніе, баронъ Вревскій на словахъ поручилъ мнѣ воспользоваться пребываніемъ въ Осетіи, еще разъ вникнуть въ положеніе этой части края и представить ему въ послѣдствіи подробный докладъ какъ о церковныхъ дѣлахъ, такъ и о мѣстномъ управленіи, съ моими соображеніями о мѣрахъ для лучшаго ихъ устройства. Но прежде всего, конечно, посвятить главнѣйше всю дѣятельность успѣшному исполненію порученія о доставкѣ черезъ горы провіанта.

7го февраля я отправилъ генералу Вревскому слѣдующее донесеніе:

„Для исполненія порученія по наблюденію за ходомъ перевозки провіанта черезъ Осетію въ Они я прибылъ 20 января въ Алагиръ, и принявъ тамъ взводъ егерей 6го резервнаго баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, выступилъ въ Садонъ. Здѣсь, присоединивъ 10 саперъ при унтеръ-офицерѣ, я съ 23 числа приступилъ къ разработкѣ дороги отъ Садонскаго моста до деревни Нузалъ чтобы сюда могли проѣхать свободно арбы съ провіантомъ; по неимѣнію въ баталіонѣ шанцоваго инструмента я вытребовалъ таковой изъ Горнозаводской конторы. 25го числа когда арбяное сообщеніе съ Нузаломъ возстановилось, я перешелъ къ урочищу Св. Николая и занялся исправленіемъ осыпавшейся во многихъ мѣстахъ дороги до такъ-называемаго Греческаго Лагеря (тутъ когда-то жили Греки отыскивавшіе серебряную руду). 27го числа я перешелъ со всею командой къ этому лагерю и началъ работу далѣе по Касарскому ущелью. На разстояніи болѣе пяти верстъ дороги не существовало и туземцы съ трудомъ пробирались пѣшіе. Въ двухъ мѣстахъ лежали два большіе снѣжные завала, мостики едва держались на полусгнившихъ балкахъ, грозя ежеминутно обрушиться, а въ одномъ мѣстѣ узенькая тропа покрылась льдомъ и дѣлала проходъ невозможнымъ. Я долженъ былъ провести новую дорогу по лѣвому берегу Ардона, сдѣлать три новые, исправить два старые моста, прокладывать по уступамъ горъ тропинки. Громадные камни, мерзлая земля, недостатокъ инструмента — все это весьма затрудняло работу, но преодолѣвая всѣ препятствія, я ко 2 февраля открылъ свободное сообщеніе до села Зрамаги. Въ тотъ же день перевьюченные съ арбы на лошадей кули

провіанта тронулись отъ Нузала и я перешелъ въ село Тиби чтобы содѣйствовать дальнѣйшему ихъ слѣдованію къ селу Калаки. Ночью началась страшная метель, которая въ теченіе трехъ сутокъ прервала сообщеніе даже между деревнями Мамисонскаго ущелья. О переходѣ черезъ перевалъ нельзя было и думать: ужасные сугробы снѣга покрыли все видимое пространство, а безпрерывный вихорь затемнялъ воздухъ. По неимѣнію здѣсь, въ Мамисонѣ, топлива для варки солдатамъ пищи, я вынужденъ былъ отвести всю команду назадъ къ Греческому Лагерю, а участковому засѣдателю поручилъ, какъ только стихнетъ буря, расчищать жителями дорогу до Калаки.

„Затѣмъ къ дальнѣйшему безпрепятственному слѣдованію вьюковъ мною приняты слѣдующія мѣры: мамисонскій засѣдатель расчищаетъ снѣгъ отъ Тиби и оказываетъ вьюкамъ помощь въ трудныхъ мѣстахъ; въ Калаки очищены мѣста для склада провіанта въ бунты; прибывшему вчера капитану Есаулову я сдалъ всю команду солдатъ и онъ съ ними и рабочими изъ Нарскаго участка исправляетъ дорогу въ Касарскомъ ущельѣ. Такимъ образомъ сообщеніе не прекращается и провіантъ изъ складочнаго магазина въ Нузалѣ до подножія перевала черезъ хребетъ слѣдуетъ теперь безостановочно. До сихъ поръ уже перевезено до семисотъ четвертей, а къ половинѣ марта, можно надѣяться, будутъ тамъ и всѣ двѣ тысячи.

„Что касается перевозки этого количества хлѣба черезъ горы, то по самымъ подробнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія, оказывается что раньше половины марта приступить къ этому нѣтъ никакой возможности; да и тогда только можно будетъ переносить мѣшки черезъ гору на людяхъ, а уже отъ села Кадисара, лежащаго по ту сторону хребта, опять везти на вьюкахъ. Для этого, какъ только будетъ малѣйшая возможность перейти горы, я намѣренъ переваляться въ Они и условиться съ рачинскимъ уѣзднымъ начальникомъ чтобы при его содѣйствіи имѣть съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей, такъ что Осетины будутъ доставлять до вершины, а Рачинцы уже далѣе. Иначе на однихъ людяхъ нѣтъ возможности переносить мѣшки муки въ три съ половиной пуда вѣсомъ. При этомъ условіи и если погода будетъ не особенно неблагопріятна, я почти увѣренъ что къ концу

апрѣля двѣ тысячи четвертей будутъ доставлены изъ Калаки въ Они. Съ конца же мая, когда откроется свободное сообщеніе черезъ горы, въ теченіе лѣта удобно можно перевезти уже на лошадяхъ болѣе десяти тысячъ четвертей.

„Считаю нужнымъ доложить что нарскому и мамисонскому участковымъ засѣдателямъ необходимо предписать безотлучно оставаться до окончанія всей операціи—первому въ Зрамаги, второму въ Тиби, ибо безъ нихъ отъ жителей никакого содѣйствія ожидать нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ жителей на переноску провіанта черезъ горы за одну лишь плату предлагаемую имъ подрядчиками склонить нельзя, то мѣстное начальство должно внушить имъ что они обязаны сдѣлать это отчасти какъ службу правительству, которое за такую преданность не оставитъ ихъ безъ вниманія, и если уже нельзя заставить подрядчиковъ увеличить плату, то было бы полезно тѣхъ Осетинъ которые займутся переноской провіанта и вообще окажутъ дѣлу усердное содѣйствіе, освободить отъ взноса въ казну на нынѣшній годъ взыскиваемой съ нихъ подати, по 50 копѣекъ съ дома.“

Я привелъ здѣсь эту сухую оффиціальную бумагу для того чтобы читатель могъ видѣть какого рода порученіе выпало въ этотъ разъ на мою долю, но по ней нельзя и приблизительно себѣ представить что̀ пришлось мнѣ вынести въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ недѣль тогдашняго пребыванія въ Осетинскихъ горахъ. Нужно было крѣпкое здоровье, нуженъ былъ большой запасъ энергіи и, главное, нужна была моя привычка къ трудамъ и лишеніямъ жизни въ горахъ, жизни, суровую школу коей я прошелъ смолоду въ Тушетіи, Хевсуріи, на Лезгинской линіи, чтобы не только не избѣгать и не заявлять неудовольствія, а напротивъ быть совершенно довольнымъ полученіемъ такихъ служебныхъ порученій.

Большею частью всѣ переходы между аулами, между пунктами на которыхъ совершались дорожныя работы, приходилось дѣлать пѣшкомъ по тропкамъ и безъ нихъ, карабкаясь и цѣпляясь за что̀ попало; застигнутый метелью въ одномъ изъ самыхъ жалкихъ аульчиковъ, я трое сутокъ провелъ въ темномъ, полномъ дыма, грязномъ логовищѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Осетинами и ихъ животными, имѣя постелью бурку, а пищею нѣсколько ячменныхъ, въ золѣ испеченныхъ лепешекъ, съ кусочкомъ соле-

наго мѣстнаго сыра; но хуже всего было трое сутокъ провести въ бездѣйствіи, въ невозможности даже походить. Я выскакивалъ, наглотавшись дыма и тяжелаго воздуха, на дворъ чтобы вдохнуть свѣжаго, совершенно какъ кочегары на пароходахъ, но больше двухъ-трехъ минутъ нельзя было оставаться: неистовый вѣтеръ крутилъ густыя тучи снѣга застилавшія свѣтъ, засыпавшія всякій попадавшійся предметъ сухимъ, твердымъ какъ песокъ снѣгомъ; кругомъ полумракъ, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно, только гулъ и вой то какъ будто утихающій, то усиливающійся, мѣняющій тоны визжащіе на глухіе, да по временамъ вдали какіе-то раскаты... (вѣроятно шумъ обрушивающихся заваловъ). Такова была приблизительно картина, которая могла бы дать богатый матеріалъ для самаго поэтическаго эффектнаго описанія и въ чтеніи производила бы отличное впечатлѣніе испытывать же ее на себѣ было не совсѣмъ пріятно.

Въ отвѣтъ на мое донесеніе, баронъ Вревскій, одобряя всѣ мои распоряженія и предположенія, предписывалъ не упустить первой возможности для перехода черезъ хребетъ въ Имеретію чтобы, не полагаясь на разказы туземцевъ, лично убѣдиться въ возможности переноски части провіанта и вообще въ состояніи какъ этого пути, такъ и дальше до Они; для опыта же, если окажется возможнымъ, взять съ собою хотя небольшое число муки на людяхъ.

Какъ только погода разгулялась, безоблачное небо, полная луна и сильный морозъ предвѣщали продолжительное затишье, я рѣшился приступить къ исполненію этой второй части порученія и перейти черезъ хребетъ. Триста Осетинъ согласились взять на себя по мѣшку муки ($3^1/_2$ пуда) для доставки до первой деревни на южномъ склонѣ хребта. Тронулись мы изъ села Калаки часовъ въ 8 утра и пустились въ сплошное пространство ослѣпительнаго бѣлаго снѣга, покрывавшаго кругомъ громады горъ, придавшихъ подъ этимъ саваномъ однообразный, мертвенный видъ: ни лѣсовъ, ни обрывовъ, ни причудливыхъ очертаній, ни просвѣчивающихъ серебристыхъ водопадовъ. Все исчезло подъ одною бѣлою оболочкой! Ни движенія, ни звука, никакого признака жизни, одна какая-то величественная, торжественная тишина кругомъ.

Второй разъ приходилось мнѣ дѣлать попытку зимняго перехода черезъ главный хребетъ безъ дороги, по цѣлинному снѣгу. Первый разъ это было въ ноябрѣ 1847 въ Хевсуріи,

что̀ разказано уже во главѣ X (*Русск. Вѣстн.* апрѣль 1876). Но въ этотъ разъ дѣло вышло удачнѣе, снѣгъ былъ тверже и намъ почти нигдѣ не приходилось проваливаться по поясъ, а вѣдь это и составляетъ главную трудность движенія.

Впереди на всякій случай шли человѣкъ тридцать рабочихъ съ лопатами, за ними я съ нѣсколькими мѣстными старшинами, далѣе тянулся черною ленточкой длинный рядъ Осетинъ съ мѣшками на спинахъ. Щеки у всѣхъ насъ были намазаны растертымъ порохомъ (испытанное хорошее средство противъ рѣжущей глаза бѣлизны снѣга); пройдешь съ полверсты, потъ градомъ катится, все влажно, но захватываетъ дыханіе, ноги дрожатъ, приходится останавливаться и присѣсть на снѣгъ; черезъ минуту весь остынешь, чувствуешь какъ влажное бѣлье на тѣлѣ прохватывается морозомъ и торопишься опять въ путь, глотая по временамъ изъ бутылки краснаго вина. Шагъ за шагомъ, выше и выше, мы къ солнечному закату очутились уже почти на самомъ перевалѣ. Что̀ это былъ за видъ, когда красное солнце, опускаясь на нашихъ глазахъ прямо предъ нами за вершину перевала, освѣтило лучами весь этотъ снѣжный океанъ! Что̀ за разнообразіе красокъ отражалось въ искрившемся снѣгѣ; какія лилово-фіолетовыя, пурпурно-зеленоватыя тѣни громаднѣйшихъ размѣровъ ложились по склонамъ горъ! Какіе переходы на всемъ фонѣ этой картины совершались, когда исчезъ послѣдній солнечный лучъ, когда на одно мгновеніе все померкло, покрылось какою-то дымкой и вдругъ полная взошедшая луна облила все однимъ чистымъ серебристо-матовымъ свѣтомъ!... Что̀ за волшебная декорація, и какъ она дѣйствовала на меня, хотя я ее и не въ первый разъ видѣлъ,—до сихъ поръ у меня подобныя картины предъ глазами, какъ-будто я только наканунѣ ими любовался... Нѣсколько минутъ наслажденія подобнымъ видомъ вознаграждали за нѣсколько дней мерзѣйшей жизни въ осетинскомъ хлѣвѣ; все забывалось, все исчезало въ какомъ-то возвышенномъ настроеніи, вызывавшемъ другія мечты и помыслы!

Перебравшись благополучно черезъ высшую точку перевала (полагаю не менѣе 7—8 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря), мы часовъ около девяти вечера добрались до первой маленькой деревушки Нешретинъ, у самаго истока Ріона, близь коей и должны были провести ночь; ноги рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшей службы. На другое утро, въ

нѣсколькихъ верстахъ ниже, въ болѣе населенной деревнѣ, я сложилъ принесенные триста мѣшковъ муки, поручивъ ихъ попеченію старшины, отпустилъ своихъ Осетинъ обратно, а самъ съ нѣсколькими сопровождавшими меня людьми и съ мѣстнымъ участковымъ начальникомъ верхомъ отправился въ мѣстечко Они, замѣнявшее уѣздный городъ Рачинскаго уѣзда. Самого начальника майора Васильева я не засталъ дома и по дѣлу долженъ былъ вѣдаться съ его помощникомъ и секретаремъ. За то съ семействомъ г. Васильева (всѣ они старые Темиръ-Ханъ-Шуринцы и коренные дагестанскіе жители, отецъ ихъ былъ когда-то командиромъ въ Дербентѣ и покровительствовалъ Марлинскому) я провелъ вечеръ съ величайшимъ удовольствіемъ, въ европейски обставленной комнатѣ, за чайнымъ столомъ, за русскою рѣчью и разказами о Шурѣ, тамошнихъ общихъ знакомыхъ и пр. Легко себѣ представить какимъ раемъ покажется подобное пребываніе въ гостепріимномъ семействѣ послѣ жизни въ осетинскихъ трущобахъ и послѣ перехода пѣшкомъ черезъ снѣговой хребетъ. Къ сожалѣнію, я не могъ терять времени и тѣмъ болѣе долженъ былъ торопиться что малѣйшая перемѣна погоды могла воспрепятствовать обратному переходу черезъ горы. Поэтому, отдохнувъ только однѣ сутки въ Они, я уѣхалъ ночевать въ ту же деревню гдѣ оставилъ сложенный провіантъ, а на другой день со своими нѣсколькими спутниками благополучно перебрался назадъ черезъ хребетъ въ Калаки. Легко разказывать о такихъ путешествіяхъ, но каково ихъ совершать можетъ понять только тотъ кто самъ испыталъ что-нибудь подобное. Какое напряженіе силъ, какое усиленное сердцебіеніе и дрожаніе во всѣхъ членахъ, какая рѣзь въ глазахъ и звонъ въ ушахъ при этомъ происходятъ—передать трудно. Привыкшему съ малолѣтства горцу и то подъ часъ тяжела становится такая борьба съ суровою природой, а намъ, съ нашими привычками, съ нашими, ослабленными умственными занятіями, нервами и такія путешествія, и такая жизнь въ аулахъ—просто мучительная пытка. Но „что̀ прошло, то будетъ мило“, и я теперь, вспоминая о подобныхъ эпизодахъ моей четвертьвѣковой кавказской службы, представляю себѣ ихъ какъ нѣчто пріятное, нѣчто что̀ съ удовольствіемъ готовъ бы пережить еще разъ...

По возвращеніи на сѣверную сторону хребта, я осмотрѣлъ еще разъ подробно дорогу по ущельямъ и убѣдив-

шись что вьюки двигаются безостановочно, уѣхалъ во Владикавказъ для подробнаго личнаго доклада барону Вревскому. Вспоминаю при этомъ одинъ эпизодъ, подтверждающій мои описанія жалкаго положенія священниковъ въ Осетіи и вообще въ горныхъ округахъ. Въ селеніи Нузалѣ, какъ я уже говорилъ, складывали провіантъ привозимый на арбахъ и здѣсь являлись нанятые подрядчиками и вообще желающіе люди съ лошадьми и навьючивали мѣшки для доставки въ Калаки за о пре ленную плату, размѣръ коей не помню, но во всякомъ случаѣ весьма умѣренную. Пріѣхавъ въ Нузалъ, я засталъ толпу человѣкъ во сто съ лошадьми на которыхъ вьючили муку; обыкновенный въ такихъ случаяхъ гамъ и крикъ меня конечно не удивили, но вдругъ стали раздаваться слишкомъ громкія бранныя слова и казалось дѣло доходитъ до драки. Послалъ я узнать что̀ тамъ происходитъ, и представьте мое непріятное положеніе, когда мнѣ сказали что шумъ и ссору произвелъ *священникъ, нанявшійся со своею лошадью возить мѣшки* и не захотѣвшій брать лежащихъ въ складѣ по очереди, а начавшій разбрасывать и выбирать какіе поменьше и полегче, чему воспротивились другіе погонщики... Попросилъ я къ себѣ этого пастыря одного изъ осетинскихъ приходовъ и превѣжливо упрекнулъ его въ такомъ несвойственномъ ему занятіи, подрывающемъ уваженіе къ нему его прихожанъ и тѣмъ болѣе еще конфузномъ что большинство вощиковъ мусульмане, мулла коихъ не станетъ заниматься возкой вьюковъ.

— Я получаю полтораста рублей въ годъ, а у меня семья въ семь душъ, которыхъ нужно кормить, отвѣчалъ онъ;—въ той же деревнѣ гдѣ я живу бо́льшая половина жителей мусульмане, мулла ихъ жалованья не получаетъ, но имѣетъ такіе доходы что живетъ богато, всѣми уважаемъ и почитаемъ, даже нашимъ русскимъ начальствомъ, а я нищій и на меня никто вниманія не обращаетъ. Я воспользовался случаемъ заработать нѣсколько рублей.

Я не нашелся что̀ и сказать ему. Особенно конфузило меня присутствіе нѣсколькихъ осетинскихъ офицеровъ и почетныхъ людей, увѣшанныхъ разными орденами и знаками отличія, принадлежавшихъ безъ исключенія къ исповѣдующимъ мусульманскую вѣру. Они весьма иронически посматривали на несчастнаго христіанскаго священника, наряженнаго въ ободранный полушубокъ и родъ лаптей, и съ большимъ

изумленіемъ взглянули на меня, когда я подошелъ къ нему подъ благословеніе...•

Не изумительная ли непослѣдовательность нашей политики? Вмѣсто того чтобы покровительствовать христіанскому элементу среди горцевъ, оказывать ему если уже не явное предпочтеніе предъ мусульманскимъ, то по крайней мѣрѣ не равнодушіе и даже явное пренебреженіе, чтобъ опираться на него въ борьбѣ со враждебнымъ фанатическимъ исламомъ, мы въ какой-то непостижимой слѣпотѣ дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. И нигдѣ это не выказывалось такъ рѣзко какъ именно во Владикавказскомъ округѣ, этомъ центрѣ кавказскаго горскаго населенія. Вы встрѣчали здѣсь цѣлую массу штабъ- и оберъ-офицеровъ, увѣшанныхъ орденами, получающихъ пенсіи, занимающихъ разныя видныя административныя должности, пользующихся большимъ почетомъ у высшихъ русскихъ властей и поэтому значительнымъ влiяніемъ среди туземнаго населенія, и все это были исключительно мусульмане. Думаю что память не измѣняетъ мнѣ и потому говорю „исключительно". Я рѣшительно не помню ни одного офицера Осетина христіанина; даже въ числѣ низшихъ лицъ награжденныхъ медалями, солдатскими Георгіевскими крестами, темляками и т. п., едва ли на двадцать пять человѣкъ мусульманъ приходился одинъ христіанинъ! Кто составлялъ „сливки туземнаго общества"? Мусульмане. Кого вы могли встрѣтить въ числѣ гостей, вѣжливо, съ почтеніемъ принимаемыхъ нашими высшими начальственными лицами? Почетныхъ туземцевъ мусульманъ, ихъ чалмоносныхъ эфендіевъ и гаджи (побывавшихъ въ Меккѣ). Къ кому обращались за совѣтами, за содѣйствіемъ въ разныхъ важныхъ мѣстныхъ дѣлахъ? Къ нимъ же. Кому предоставляли выгодныя, доходныя поставки, начальствованія надъ милиціями и т. п.? Все имъ же, мусульманамъ. Исканіе популярности среди туземцевъ—слабость которою было одержимо большинство нашихъ главныхъ начальниковъ—къ кому обращалось? Къ мусульманамъ же. Тотъ же баронъ И. А. Вревскій, одинъ изъ первыхъ обратившій вниманіе на вопросъ о возстановленіи и поддержаніи христіанства среди горцевъ, такъ энергически взявшійся за это, какъ читатели могли видѣть изъ вышеописаннаго, по необъяснимому противорѣчію, дѣйствовалъ совершенно въ томъ же направленіи и оказывая всякое уваженіе и снисхожденіе почетнымъ вліятельнымъ туземцамъ мусуль-

манамъ и ихъ духовенству, не показалъ ни одного примѣра отличіемъ и возвышеніемъ котораго-нибудь изъ туземцевъ-христіанъ. Я вовсе не партизанъ религіозныхъ преслѣдованій и преимуществъ одной религіи противъ другой; но именно, въ силу принципа равноправности, казалось бы болѣе умѣстнымъ христіанскому государству не быть мачихой своимъ единовѣрцамъ, уже не говоря о политической сторонѣ дѣла. И выходило такъ что мусульманское населеніе, пользуясь покровительствомъ своихъ вліятельныхъ лицъ, вездѣ и во всемъ стояло впереди христіанскаго; оно жило сравнительно въ гораздо большемъ благосостояніи, смотрѣло свысока и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на своихъ христіанскихъ сосѣдей, возбуждая въ нихъ зависть и нерѣдко желаніе обратиться въ мусульманъ... При такихъ условіяхъ не удивительно что мусульманская часть туземнаго населенія отличалась и большею степенью своего рода интеллигентности, бóльшимъ наружнымъ лоскомъ и приличіемъ, тогда какъ христіане были бѣднѣе, грубѣе, необтесаннѣе, менѣе развиты, хотя принадлежали къ одному и тому же племени. Короче сказать, мусульмане были господа, а христіане мужичье.

Нѣтъ ли тутъ аналогіи съ нашею извѣстною слабостью оказывать предпочтеніе всему иностранному въ ущербъ своему, родному? Съ чужимъ, хоть бы то былъ даже Чеченецъ, пополитичнѣе, „въ перчаткахъ", со всяческимъ снисхожденіемъ, а со своимъ—ну, тутъ нечего церемониться... Для примѣра, вотъ одно распоряженіе изъ относительно недавняго прошлаго: предписывалось закавказскимъ мѣстнымъ начальствамъ въ случаяхъ тѣлеснаго наказанія туземцевъ не обнажать, а бить по шароварамъ, такъ какъ обнаженіе считается де у нихъ за великій стыдъ; но въ то же время и въ тѣхъ же мѣстахъ русскаго солдата и русскую бабу можно было сѣчь безъ великихъ церемоній. Было это конечно въ тѣ времена когда еще никому не приходило въ голову уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній: но все же какая несообразительность: уважать стыдъ туземца, не думая что вѣдь и у Русскаго должно быть такое же чувство стыда... Женщинъ туземныхъ и вовсе воспрещалось подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, но для русскихъ этого исключенія не было сдѣлано....

LXXI.

Между тѣмъ въ составѣ высшей военной администраціи произошла важная перемѣна. Надежды барона Вревскаго не сбылись: начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи и двадцатой пѣхотной дивизіи былъ назначенъ генералъ-майоръ Евдокимовъ (до того бывшій начальникомъ праваго фланга), а баронъ оставленъ въ прежней своей должности начальника Владикавказскаго округа. Узналъ я объ этомъ совершенно неожиданно по пріѣздѣ въ Алагиръ.

Пришлось опять призадуматься о своемъ положеніи. Что же теперь со мною будетъ? Какъ офицеръ Дагестанскаго полка двадцатой дивизіи, я былъ подчиненный генерала Евдокимова и не могъ уже оставаться въ распоряженіи генерала Вревскаго; слѣдовало, значитъ, возвратиться въ Грозную, ожидать тамъ рѣшенія своей судьбы. А если Евдокимовъ прикажетъ отправляться въ полкъ? Вѣдь онъ меня совсѣмъ не знаетъ, да безъ сомнѣнія привезетъ съ собою своихъ приближенныхъ съ праваго фланга, какъ это всегда водится, и сочтетъ меня совершенно лишнимъ. Однако въ этотъ разъ я не особенно тревожился, въ полной увѣренности что баронъ Вревскій оставитъ меня при себѣ, для чего стоило ему только представить о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ девятнадцатой дивизіи, расположенныхъ въ его округѣ. Я поспѣшилъ во Владикавказъ чтобы поскорѣе разрѣшить всѣ эти сомнѣнія.

Сдѣлавъ подробный докладъ по дѣлу о провіантѣ, а также о моихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ насчетъ церковнаго и административнаго положенія Осетіи, выслушавъ благодарность и нѣсколько незаслуженныхъ лестныхъ отзывовъ о моей служебной дѣятельности, я приступилъ къ своимъ личнымъ дѣламъ и спросилъ барона какъ мнѣ теперь быть послѣ совершившихся перемѣнъ.

— О себѣ не безпокойтесь, сказалъ мнѣ Ипполитъ Александровичъ. — Я напишу генералу Евдокимову что вы мнѣ необходимы для окончанія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ и онъ прикажетъ считать васъ во временной откомандировкѣ. А послѣ посмотримъ какъ лучше устроить. Приготовьте сейчасъ же офиціальное письмо отъ меня и отошлите въ Грозную.

— Позвольте мнѣ самому съѣздить съ письмомъ въ Грозную; у меня тамъ вѣдь квартира, лошади, вещи; я уже два мѣсяца не былъ и нужно кое-чѣмъ распорядиться.

— Хорошо, только больше шести-семи дней я не разрѣшаю вамъ быть въ отсутствіи; вы должны довести провіантское дѣло до конца, а это предметъ важный и спѣшный.

На слѣдующій день я уже трясся на перекладной по знакомой дорогѣ черезъ Сунженскія станицы *домой*.

Въ Грозной я никакого начальства не засталъ: генералъ Евдокимовъ выступилъ съ отрядомъ на Аргунъ, гдѣ тогда строилось укрѣпленіе Бердыкель. Письмо къ нему я передалъ въ штабъ для отсылки, а самъ занялся своими хозяйственными дѣлишками, которыя нашелъ въ плохомъ состояніи: квартира моя была обворована, пропало много вещей, и воинскій начальникъ утѣшилъ меня тѣмъ что воры ни кто иной какъ Донскіе казаки недавно смѣненнаго полка, выступившаго на Донъ, и что онъ хотя принималъ всѣ возможныя мѣры, но ничего не нашелъ; виноватъ же во всякомъ случаѣ деньщикъ, вѣроятно отлучавшійся ночью изъ дома. На этомъ утѣшеніи дѣло и кончилось.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней проведенныхъ мною тогда въ Грозной (грязь была невылазная) я имѣлъ удовольствіе повидаться съ моей милою второю мушкатерскою ротой Дагестанскаго полка, пришедшею въ составѣ своего баталіона въ Чечню на время зимней экспедиціи; баталіонъ былъ оставленъ однако въ Грозной до особаго приказанія. Почтенный майоръ Д. Б. (о которомъ я уже такъ подробно разказывалъ въ предшествовавшихъ главахъ) на мое письмо съ просьбой позволить мнѣ видѣть вторую роту отвѣтилъ согласіемъ; рота построилась въ станицѣ и я часа два ходилъ по рядамъ, называлъ поименно моихъ старыхъ сослуживцевъ, что̀ ихъ чрезвычайно радовало, разспрашивалъ гдѣ и что̀ они дѣлали въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ нашей разлуки и т. д. Какъ съ родными встрѣтился я со всѣми этими Черкашиными, Сливками, Максимовыми, какъ объ родныхъ пожалѣлъ о нѣкоторыхъ успѣвшихъ уже сложить свои кости въ разныхъ дагестанскихъ лазаретахъ и лагеряхъ.... На прощанье ротные пѣсенники пропѣли мнѣ мою любимую

„Зеленая роща всю ночь прошумѣла“...

получили на два ведра къ ротному празднику и на рукахъ

провесли меня къ дому станичнаго начальника, гдѣ я оставилъ свою лошадь...

— Прощайте, братцы, авось Богъ дастъ еще когда-нибудь увидимся; будьте счастливы, выходите цѣлыми, коли придется встрѣтиться съ Чеченцами.

— Покорнѣйше благодаримъ, никогда васъ не забудемъ.

Военный читатель пойметъ какія чувства руководятъ мною когда я вношу въ свои воспоминанія такія мелочныя, повидимому, событія. Для инвалида не можетъ быть ничего пріятнѣе воспоминаній о тѣхъ съ которыми приходилось выносить всякія невзгоды, тянуть тяжелую походную службу, пролеживать ночи въ секретахъ, карауля врага и ежеминутно готовясь услышать свистъ пуль. Трудно было, подъ часъ невыносимо трудно, а вспоминать все-таки великое удовольствіе.

Къ назначенному сроку я возвратился во Владикавказъ, гдѣ казалось уже суждено мнѣ было оставаться. надолго. Жилъ я тогда съ адъютантомъ генерала Вревскаго А. А. Нуридомъ (нынѣ генералъ и батумскій комендантъ), а бóльшую часть дня проводилъ въ такъ-называемой крѣпости, въ домѣ начальника округа или въ канцеляріи. Занятій по всегдашнему было довольно; но о провіантскомъ дѣлѣ, потерявшемъ вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о заключенномъ перемиріи и близости мира свою экстренность, уже не столько безпокоились; ѣхать въ Осетію, къ большому удовольствію, мнѣ уже не пришлось. Я занялся составленіемъ подробнаго донесенія и представилъ его барону Вревскому. Оно по моему мнѣнію и теперь еще не лишено нѣкотораго интереса для читателей, которыхъ занимаетъ положеніе Кавказа и особенно для такихъ которые незнакомы съ этимъ разнообразнѣйшимъ краемъ и потому я не думаю утомить ихъ вниманія приведя его почти цѣликомъ.

„Возлагая на меня нѣсколько служебныхъ порученій въ ущельяхъ Осетіи вы изволили выразить желаніе чтобъ я старался ознакомиться съ мѣстностью, съ бытомъ населенія, съ его нуждами, съ положеніемъ духовенства и мѣстной власти и затѣмъ представилъ вамъ обзоръ съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ были бы полезны въ смыслѣ болѣе прочнаго утвержденія христіанства, образованія осетинскихъ дѣтей и водворенія административнаго порядка.

„Посѣтивъ въ теченіе нынѣшней зимы нѣсколько разъ

Осетію, вникая во все что̀ могло относиться къ видамъ вашимъ, я настолько познакомился съ этою страной что позволяю себѣ изложить здѣсь нѣсколько мыслей насчетъ лучшаго въ будущемъ ея устройства.

„Племя Осетинъ, за исключеніемъ нѣкоторой части живущей за Кавказомъ, населяетъ ущелья сѣвернаго склона хребта. Ущелья эти слѣдующія: Трусовское, по верховьямъ Терека, Тагаурское, Савадакское, Куртатинское и Алагирское, выходящія на плоскость Владикавказскаго округа; Нарское и Мамисонское, соединяющіяся сліяніемъ своихъ рѣчекъ въ одно подъ названіемъ Касарскаго и примыкающія къ Алагирскому, затѣмъ нѣсколько Дигорскихъ, въ сосѣдствѣ съ Большою Кабардой. Жители всѣхъ этихъ ущелій Осетины (по ихнему Иронъ), говорятъ однимъ языкомъ, совершенно сходны между собою по обычаямъ, нравамъ, образу жизни, степени развитія, отчасти и благосостоянію. Нѣкогда христіане, они въ теченіе долгаго времени и силой смутныхъ обстоятельствъ долго волновавшихъ Кавказъ потеряли истинную вѣру, смѣшали темныя преданія христіанства съ языческими обрядами, освятили давностью лѣтъ много безсмысленныхъ суевѣрій, усвоили не мало правилъ ислама и упали на весьма низкую ступень.

„Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ еще при Екатеринѣ II, выразившихся присылкой миссіонеровъ, объ Осетинахъ какъ бы забыли и только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія правительство опять обратило вниманіе на христіанскихъ горцевъ. Туда стали посылать священниковъ, строить церкви, учреждать гражданское управленіе. Но отдаленность этихъ мѣстъ отъ пребыванія высшихъ властей, трудность и большею частью отсутствіе сообщеній, назначеніе туда духовныхъ и гражданскихъ лицъ большею частью безо всякаго образованія, были причиной что принятыя мѣры оставались на одной точкѣ; онѣ не подвергались измѣненіямъ къ лучшему на основаніи опыта и ближайшаго знакомства съ мѣстными условіями и, само собою, принесли самые ничтожные результаты. Кромѣ того, разъединеніе ущелій въ административномъ отношеніи было поводомъ отсутствія совокупности въ усиліяхъ правительства достигнуть предположенной цѣли. Такъ Трусовское и Нарское ущелья вошли въ составъ Тифлисской губерніи, Мамисонское Кутаисской, Дигорскія

въ управленіе центромъ Кавказской линіи, остальныя во Владикавказскій округъ.

„Достаточно одного взгляда на карту чтобъ убѣдиться въ неправильности подобнаго раздѣленія, противнаго этнографическому и географическому положенію страны. Между южнымъ и сѣвернымъ склонами главнаго хребта встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевалы, бо́льшую часть года непроходимые, а единственный удобный доступъ во всякое ущелье есть дорога съ плоскости, по теченію рѣки. Такъ и здѣсь: изъ Владикавказскаго округа сообщеніе со всѣми главными осетинскими ущельями никогда не прекращается, тогда какъ съ Тифлисскою или Кутаисскою губерніями оно можетъ быть только въ четыре лѣтніе мѣсяца и то съ трудомъ. Поэтому жители въ постоянныхъ сношеніяхъ только съ плоскостью кругомъ Владикавказа, сбывая сюда кое-какія произведенія и пріобрѣтая здѣсь все нужное.

„Гражданское управленіе, введенное прямо среди дикихъ не подготовленныхъ обитателей ущелій, подчиненныхъ Тифлисской и Кутаисской губерніямъ, не могло достигнуть цѣли; они и теперь еще весьма далеки отъ того состоянія при коемъ гражданскіе законы съ ихъ часто отвлеченными видами, съ ихъ безчисленными формальностями, канцелярскими обрядами, становятся доступными пониманію населенія; имъ нужна была мѣстная власть съ бо́льшими правами и значеніемъ чѣмъ участковый начальникъ, имъ нуженъ справедливый быстрый судъ, примѣненный къ народнымъ обычаямъ, съ содѣйствіемъ выборныхъ лучшихъ людей. Иногда неизбѣжна строгость, предупреждающая развитіе важныхъ преступленій, и то что̀ могло кончиться на мѣстѣ наказаніемъ или временною высылкой одного безпокойнаго человѣка, вслѣдствіе слабости и безправія мѣстнаго начальства, принимало бо́льшіе размѣры, превращалось въ цѣлыя возстанія, требовавшія посылки цѣлыхъ отрядовъ войска, многихъ кровавыхъ жертвъ, какъ это и было въ Нарскомъ и Мамисонскомъ ущельяхъ (имѣвшихъ гражданское управленіе губерній) въ 1840, 43, 47 и 50 годахъ, когда отрядамъ въ нѣсколько баталіоновъ съ артиллеріей приходилось совершать боевыя экспедиціи.

„Полагаю что всѣхъ Осетинъ живущихъ на сѣверномъ склонѣ хребта слѣдовало бы включить въ составъ Владикавказскаго округа и подчинить управленію одного началь-

ника, избравъ человѣка знакомаго съ мѣстностью, обычаями, по возможности и съ языкомъ, снабдивъ его подробною инструкціей. Подъ его руководствомъ дѣйствія всѣхъ приставовъ, совокупно направленныя къ одной цѣли, повѣряемыя на мѣстѣ, безъ сомнѣнія привели бы къ желаемому успѣху. Къ этому нужно присовокупить проложеніе дорогъ, поддержаніе христіанства, заведеніе школъ, — главныхъ оплотовъ церкви и правительства, нуждающихся однако въ энергическомъ содѣйствіи мѣстной власти, безъ которой начальное развитіе ихъ невозможно.

„Подобно управленію мѣстному разъединено и духовное. Священники Нарскаго и Мамисонскаго ущелій подчинены благочинному живущему въ селѣ Джави на границѣ Горійскаго уѣзда (Карталинія). Ихъ раздѣляетъ едва проходимый хребетъ и духовенство остается безъ надзора и наставленій, дѣйствіямъ ихъ нѣтъ ни одобреній, ни порицаній. За полученіемъ своего скуднаго жалованья они должны отправляться въ Джави, проходя большею частью пѣшкомъ черезъ Рачу и Имеретію, употребляя на это цѣлые мѣсяцы, перенося неимовѣрные труды и лишая приходы своего присутствія. Семейства ихъ живутъ въ Имеретіи, за неимѣніемъ въ Осетіи помѣщеній—второй поводъ продолжительныхъ отлучекъ и издержекъ. Есть и еще много другихъ неудобствъ подобнаго положенія, очевидныхъ для всякаго хоть немного знакомаго съ этимъ краемъ.

„Что касается мѣръ необходимыхъ здѣсь для возстановленія христіанства, то я уже имѣлъ честь доносить 31го октября 1855 года о главнѣйшей, заключающейся въ назначеніи соотвѣтствующихъ священниковъ, знающихъ туземный языкъ, могущихъ поученіями, выраженными въ доступныхъ понятіямъ народа формахъ, внушить уваженіе къ религіи и оказать вліяніе на общественное благоустройство, и поступками милосердія и участія къ нуждающимся подтвердить на дѣлѣ свои слова. Къ такимъ дѣйствіямъ священниковъ, присоединивъ наружное благолѣпіе церквей, торжественность богослуженія и ревностное исполненіе требъ, можно въ нѣсколько лѣтъ постигнуть народъ на истинный путь, безъ опасеній за легкость уклоненій на ложную дорогу. Выборъ подобныхъ священниковъ безспорно весьма затруднителенъ, но не невозможенъ. Нужно взять ихъ изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ семинаріи, дать имъ содержаніе по крайней мѣрѣ 350 р. въ годъ,

нужно построить для нихъ приличное помѣщеніе чтобъ они могли оставаться неразлучно со своими семействами, обезпечить ихъ надеждой на полученіе за трехлѣтнюю службу наградъ, а за дальнѣйшее добросовѣстное исполненіе обязанностей полученіемъ такихъ приходовъ которые дали бы имъ возможность отдохнуть отъ трудовъ и тяжелой жизни среди дикихъ горъ. Въ центрѣ Нарскаго и Мамисонскаго ущелій, въ селѣ Зрамага, долженъ жить благочинный или вообще старшее духовное лицо, обладающее познаніями и подготовкой къ миссіонерской дѣятельности. Отсюда ему удобно наблюдать за всѣми приходами, онъ же черезъ Алагиръ долженъ бы получать всю корреспонденцію и суммы на содержаніе духовенства, избавивъ священниковъ отъ далекихъ, трудныхъ странствованій. Кромѣ того, по случаю отдаленія этихъ мѣстъ и неудобствъ сообщеній съ мѣстопребываніемъ экзарха Грузіи, священники лишены возможности пользоваться его поученіями и ободреніями на подвиги самоотверженія; поэтому было бы весьма полезно назначеніе во Владикавказъ кого-либо изъ достойнѣйшихъ архимандритовъ, знакомыхъ съ краемъ, могущихъ въ удобное время посѣщать горскіе приходы, вникать въ нужды духовенства и церквей, убѣждаться на мѣстѣ въ необходимыхъ улучшеніяхъ, представлять о нихъ преосвященному владыкѣ и ходатайствовать у мѣстныхъ начальствъ о нужномъ содѣйствіи. Было бы крайне полезно также: 1) позаботиться о напечатаніи нѣсколькихъ молитвенниковъ на осетинскомъ языкѣ; 2) привести въ извѣстность число мусульманъ-Осетинъ, опредѣливъ норму муллъ, примѣрно на сто дворовъ одного, съ запрещеніемъ затѣмъ шляться подъ видомъ муллъ разнымъ подозрительнымъ пропагандистамъ; 3) воспретить жителямъ переходы изъ христіанскихъ въ мусульманскіе аулы, для постояннаго поселенія, что̀ ведетъ къ отступничеству и соблазну, а также заключеніе браковъ между ними, подъ опасеніемъ взысканій. На этой мѣрѣ настаиваетъ все духовенство, приводя примѣры крайняго вреда такихъ отношеній. Въ этомъ же селѣ Зрамага слѣдуетъ устроить школу, на первый разъ для двадцати четырехъ мальчиковъ ближайшихъ деревень. Живя въ одномъ зданіи, подъ надзоромъ хорошаго наставника, они при врожденныхъ горцамъ способностяхъ окажутъ быстрые успѣхи, нѣкоторые подготовятся къ переходу въ другія высшія учебныя заведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь на глазахъ своихъ родныхъ и односель-

цевъ, убѣдятъ ихъ въ пользѣ поступить также съ прочими дѣтьми. Почетнѣйшіе жители, съ которыми я говорилъ о подобномъ учрежденіи, съ готовностью вызвались оказать возможное содѣйствіе. На расходы по постройкѣ зданія и на содержаніе воспитанниковъ, полагая на каждаго по сорока рублей въ годъ, кромѣ могущихъ быть пожертвованными частными лицами, необходимо и содѣйствіе правительства, въ которомъ оно безъ сомнѣнія и не откажетъ: такая цѣль достойна незначительныхъ пожертвованій. Въ случаѣ соединенія Нарскаго и Мамисонскаго ущелій въ одно управленіе, въ этомъ же селѣ Зрамага должно назначить и мѣстопребываніе начальника. Оно одно изъ удобнѣйшихъ, защищено отъ холодныхъ вѣтровъ, близко къ лѣсу, къ нему во всякое время года свободенъ доступъ и черезъ него проходитъ дорога изъ Осетіи въ Рачу.

„За всѣмъ тѣмъ еще одна во всѣхъ отношеніяхъ важная и благодѣтельная мѣра это—проложеніе черезъ Осетію въ Имеретію удобной, на первый случай хоть бы вьючной дороги, ибо возведеніе предполагаемаго постояннаго шоссированнаго пути требуетъ очень много времени и значительныхъ суммъ. Движеніе ли войска, подвозъ провіанта, пересылка легкихъ почтъ, переѣзды лицъ по служебнымъ обязанностямъ, мѣстная торговля, сближеніе искони христіанскаго населенія Имеретіи съ Осетинами, все это получило бы облегченіе и развитіе отъ удобной дороги. Подробности ея устройства—дѣло инженеровъ, но я полагаю что съ 250 человѣками рабочихъ въ два лѣта можно бы ее окончить, устроивъ для зимнихъ переходовъ черезъ перевалъ нѣсколько пріютовъ, снабженныхъ заблаговременно топливомъ и нѣкоторыми другими необходимыми предметами, и расположивъ въ нихъ по нѣскольку человѣкъ, періодически смѣняемыхъ.

„При подобныхъ условіяхъ можно надѣяться на хорошіе результаты по всѣмъ отраслямъ управленія не только однимъ Осетинскимъ племенемъ, но и сосѣдними обществами. Отсюда какъ изъ центра могли бы постепенно проникнуть лучи христіанской вѣры и школы съ одной стороны въ Дигорію, Сванетію, Карачай, съ другой чрезъ Военно-Грузинскую дорогу въ Хевсурію, Пшавію, гдѣ положеніе дѣлъ и мѣстныя обстоятельства почти тождественны съ Осетіею, а также въ Галгай и другія Кистинскія общества, населяющія хребетъ до верховьевъ рѣки Аргуна, среди коихъ до сихъ поръ оста-

лись слѣды и преданія христіанства и гдѣ мусульманство почти не успѣло еще вкорениться.

„Въ заключеніе считаю долгомъ доложить что усилія къ украшенію и снабженію церквей разными предметами сами по себѣ не обѣщаютъ результатовъ. Отсутствіе во многихъ приходахъ церквей, неудовлетворительное состояніе существующихъ, недостатокъ мало-мальски соотвѣтствующихъ священниковъ, причиной что жертвуемые предметы не исполняютъ своего назначенія. Колокола, образа, разныя богатыя украшенія должны бы служить средствами внушенія такому полудикому народу какъ Осетины бо́льшаго благоговѣнія къ торжеству церковной службы и значенію храмовъ, а равно убѣжденія ихъ въ безкорыстной заботливости нашей о ихъ благѣ. Въ настоящее же время почти всѣ пожертвованныя вещи хранятся въ сырыхъ дымныхъ сакляхъ безъ употребленія, а въ селѣ Тиби даже колоколъ отданъ подъ сохраненіе одному изъ жителей, изъ опасенія *чтобъ его не украли*... Поэтому я полагаю что съ раздачей полученныхъ въ послѣднее время изъ Москвы многихъ дорогихъ церковныхъ вещей слѣдуетъ пріостановиться до принятія другихъ необходимыхъ мѣръ."

Какая судьба постигла мой докладъ и вообще всѣ предположенія генерала Вревскаго, я разкажу ниже; а теперь представлю небольшой очеркъ Осетіи, согласно матеріаламъ доставленнымъ мнѣ священниками.

LXXII.

Осетины, называющіе себя *Иронъ* (потому что они будто бы выходцы изъ Рима), населяютъ значительное пространство главнаго Кавказскаго хребта и часть плоскости по обоимъ его склонамъ. Языкъ, обычаи, нравы у всѣхъ одинаковы; религія, какъ я уже упоминалъ, смѣсь христіанства съ язычествомъ и исламомъ, а часть прилегающая къ плоскостямъ Малой и Большой Кабарды чисто мусульмане.

Занятыя ими горныя ущелья чрезвычайно суровы и бѣдны; пахотныхъ мѣстъ мало, а пастбища обильны только въ нѣкоторыхъ частяхъ и болѣе по южному склону. Встрѣчаются холодные сѣрные и кислые источники, послѣдніе носятъ общее названіе *Нарзанъ*. Есть признаки желѣзныхъ и сребро-свинцовыхъ рудъ. Народъ большею частію рослый, стройный

въ горахъ болѣе русый и довольно красивый, женщины же преимущественно красивы. Одѣваются въ костюмъ болѣе всего подходящій къ черкесскому. Охотники до верховыхъ лошадей, до украшеній на сбруѣ, одеждѣ и оружіи, какъ и всѣ кавказскія племена. До работы не охочи, взваливая почти всю тягость ея на женщинъ. Живутъ въ каменныхъ, дымныхъ двухъэтажныхъ сакляхъ съ башнями, а на плоскости въ деревянныхъ домахъ; въ первыхъ внизу помѣщается скотъ, а люди за перегородкой; выходятъ же по приставнымъ деревяннымъ лѣстницамъ черезъ верхній, съ одной стороны открытый этажъ. По недостатку въ лѣсѣ, у большинства кроватей нѣтъ, а вмѣсто стульевъ стоятъ большіе камни; огонь раскладывается по срединѣ сакли, надъ нимъ висить желѣзная цѣпь съ котломъ для варки пищи, а для печенія хлѣба привѣшиваютъ также каменныя плитки, и кладутъ прѣсныя лепешки въ горячую золу; хлѣбъ большею частію ячменный (карджинъ). Освѣщаютъ сакли лучинами. Пища самая скудная: лепешки съ сывороткой, кусочекъ сыра, иногда копченая баранина; свѣжее мясо изрѣдка, въ случаѣ прибытія гостя, при свадьбахъ, поминкахъ и т. п. Мущины садятся у огня на стульяхъ, а женщины и дѣти на землю; впрочемъ невѣстка, особенно недавно вступившая въ семью, въ присутствіи свекра и старшихъ мущинъ не смѣетъ сѣсть, не должна вмѣшиваться въ разговоръ и даже на вопросы отвѣчаетъ наклоненіемъ головы, закрывая лицо; зять предъ своимъ тестемъ тоже отчасти обязанъ держать себя такъ. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ заправляетъ старшая женщина, у которой подъ замкомъ всѣ припасы.

Осетины не отличаются щепетильною нравственностью; почти каждый изъ нихъ ищетъ связей внѣ дома; женщины слѣдуютъ примѣру мущинъ. Мѣста для свиданій преимущественно мельницы. Ни особой строгости, ни преслѣдованій въ такихъ случаяхъ не замѣтно.

Пашутъ какъ и другіе горцы маленькою сохой, парой, рѣдко двумя парами своихъ невзрачныхъ бычковъ; молотятъ гоняя скотъ по разбросаннымъ на площадкѣ снопамъ.

Празднуютъ пятницу, субботу, воскресенье и понедѣльникъ. Соберутся на площадку и покуривая трубочки болтаютъ, дремлютъ. Пріѣздъ гостя большое удовольствіе. Послѣ обычныхъ привѣтствій: „Гастваи?"—„Хорзчарп", примутъ и уберутъ его лошадь, снимутъ оружіе и какъ только усѣлись

„наогъ-жирдъ?“ (что новаго?) начинаются длинные разказы, плоды собственной фантазіи. Начинаются угощенія, смотря по значенію пріѣхавшаго, съ приглашеніемъ сосѣдей и родныхъ. Обычай требуетъ оберегать гостя, не допустить до него обиды, вступиться за него хоть бы съ оружіемъ въ рукахъ и даже мстить какъ за родного.

Осетины очень самолюбивы и горды; это не мѣшаетъ имъ однако быть дерзкими и часто изъ-за пустяковъ затѣять ссору, ругань, доходящія до употребленія оружія. Сейчасъ являются миротворцы, разнимутъ, но нерѣдко остается затаенная месть и при первомъ случаѣ возникаютъ кровавыя происшествія. Для разбора избираются посредники, иногда нѣсколько разъ, пока они придутъ къ единогласному рѣшенію. Удовлетворенія назначаются матеріальныя и единицей принято считать корову, совершенно также какъ и у Хевсуръ, обычаи коихъ я уже описалъ подробно. Вообще у этихъ двухъ племенъ есть много сходныхъ обычаевъ, хотя они и совсѣмъ не знаютъ другъ друга и говорятъ совершенно разными языками.

Въ бракъ вступаютъ не раньше какъ по достиженіи мущиной двадцатилѣтняго, а дѣвушкой пятнадцатилѣтняго возраста, хотя родители задолго до того условливаются и обручаютъ дѣтей. За дочерей берутъ плату обыкновенно шестьдесятъ коровъ, кромѣ необходимыхъ домашнихъ вещей; счетъ коровъ не слѣдуетъ понимать буквально: едва ли во всей горной Осетіи у кого-нибудь и найдется шестьдесятъ коровъ; въ этотъ счетъ идутъ всякія животныя и вещи, оцѣниваемыя по стоимости, лишь бы сумма равнялась предполагаемой стоимости шестидесяти коровъ или около трехсотъ рублей.

Въ назначенный день женихъ отправляется съ компаніей въ домъ невѣсты, имѣя съ собой достаточный запасъ пива (бачанъ) и араки. Старшій въ домѣ беретъ въ одну руку поднесенный ему кусокъ вареной баранины, въ другую рогъ съ пивомъ, и произноситъ молитву: „Хучау агасъ ваджe“, обращеніе къ Богу о дарованіи жизни, дарованіи счастія невѣстѣ и пр. Въ заключеніе обращается къ разнымъ церквамъ, о коихъ онъ слышалъ, со словами: „о церковь, на горѣ сіяющая, да будетъ сія моя молитва тебѣ угодна и ниспошлешь ты намъ милость щедрую; а ты Христосъ, ознаменуй насъ тѣми самыми благословеніями которыми освятился день Твоего рожденія“. Послѣ этого другой, откусивъ кусокъ баранины и глот-

нувъ пива, говоритъ, обращаясь къ первому: „да благословятъ насъ всѣ тѣ святыя имена о которыхъ ты сейчасъ уломиналь, а равно и тѣ о коихъ ты забылъ вспомнить“. Всѣ присутствующіе громко произносятъ „омеенъ, омеенъ“ (аминь). У невѣсты въ это время глаза и уши закрыты платкомъ, хотя къ ней поочередно обращаются съ такими молитвами.

Предъ отправленіемъ невѣсты въ домъ жениха, родители ея приносятъ новый бѣлый войлокъ, а сопровождающіе жениха завертываютъ въ него всѣ назначенныя ей въ приданое вещи: платья, нитки, ножницы и пр. Одинъ изъ нихъ подаетъ невѣстѣ лѣвую руку, въ правой держитъ обнаженную шашку, обводитъ ее три раза кругомъ огня, ударяя каждый разъ шашкой о желѣзную цѣпь висящую надъ очагомъ; при каждомъ ударѣ невѣста, все еще съ закрытыми глазами, должна кланяться на всѣ стороны, откуда раздаются дружные голоса, молящіе преимущественно Святаго Георгія о дарованіи новобрачнымъ и ихъ родителямъ счастія. Затѣмъ вложивъ шашку въ ножны, ведетъ невѣсту въ домъ жениха, который между тѣмъ долженъ постараться незамѣтно ускользнуть впередъ, а то гости начнутъ бить его всю дорогу палками, конечно шутя. Прибывъ въ домъ, повторяютъ ту же церемонію обвода вокругъ огня.

Прибывъ и пропировавъ у жениха день, иногда два, гости расходятся получивъ въ подарокъ, кто корову, барана, кто свинью (этихъ держатъ впрочемъ мало и то больше на южномъ склонѣ хребта).

Молодая жена въ теченіе трехъ лѣтъ не должна говорить ни съ кѣмъ и даже съ мужемъ при другихъ, хотя бы ближайшихъ родныхъ; на вопросы должна отвѣчать или наклоненіемъ головы, или передавая шепотомъ кому-нибудь изъ меньшихъ дѣтей. Все это время она закрывается, прячется въ темные углы и т. п. Если у нея въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ не будетъ дѣтей, она не смѣетъ показаться въ домъ своихъ родителей.

Молодой мужъ первые четыре дня тоже не смѣетъ показываться родителямъ своимъ; они пригласятъ гостей, угостятъ ихъ и пошлютъ за нимъ. При этомъ шафера и родственники гости отнимаютъ у невѣсты все ея свадебное платье и дѣлятъ между собою; родители ея должны ее снабдить новымъ и одѣвать цѣлый годъ; послѣ уже это становится обязанностью мужа.

Какъ у всѣхъ горцевъ на Кавказѣ, такъ и у Осетинъ смерть вызываетъ страшное гореваніе и множество разныхъ педантически исполняемыхъ обрядовъ. Женщины поднимаютъ душу раздирающіе вопли, рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лица такъ что кровь течетъ ручьями, шрамы остаются надолго, у нѣкоторыхъ навсегда обезображенныя лица, жены отрѣзываютъ косы и кладутъ въ могилу мужа. Мущины подходя къ дому умершаго въ какомъ-то изступленіи начинаютъ бить себя плетьми по шеѣ и не перестаютъ пока совсѣмъ не приблизятся къ покойнику; каждый мущина входя въ домъ втыкаетъ палку съ привязаннымъ къ ней кускомъ ситца въ стѣну поближе мѣста гдѣ лежитъ умершій, при этомъ раздается громкій плачъ. Но при смерти женщины, даже жены, мущина не долженъ ни плакать, ни показывать признаковъ скорби и быть видимо равнодушнымъ. Затѣмъ приносятъ оружіе, приводятъ осѣдланную лошадь, обводятъ ее три раза кругомъ покойника и приговариваютъ: „отправляйся верхомъ на тотъ свѣтъ, если желаешь, а то пѣшкомъ трудно тебѣ будетъ совершить такой длинный путь; смотри въ дорогѣ хорошенько за конемъ, не жалѣй ему корма, а по прибытіи на тотъ свѣтъ, разсѣдлай и поставь его въ золотое стойло“. За тѣмъ кладутъ ему въ могилу и плетку чтобы погонялъ коня, огниво, трутъ, бритву, шило, табакъ. Женщинамъ же даютъ *въ дорогу на тотъ свѣтъ* иголку, нитки, гребешокъ, кусокъ мыла.

Покойникамъ брѣютъ бороду и голову, одѣваютъ ихъ какъ можно богаче и вообще такъ какъ при жизни не одѣвался; если онъ былъ бѣденъ, то всѣ родственники и даже общество жертвуютъ на это сколько кто въ состояніи. Могилы дѣлаютъ въ родѣ склеповъ изъ большихъ камней и заваливаютъ отверстіе наглухо; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ обыкновенно въ землю и у головы ставятъ бутылку араки, а за пазуху кладутъ хлѣбъ, сыръ и пр. (фандакавъ, провизія на дорогу). Всѣхъ присутствующихъ угощаютъ щедро аракой, пивомъ, бараниной. Многіе зажиточные предъ погребеніемъ устраиваютъ стрѣльбу въ цѣль съ призами и лазаніе на высокій столбъ, къ верхушкѣ коего прикрѣпляется кусокъ красной бязи.

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ смерти справляютъ поминки, рѣжутъ быковъ, барановъ, и такія угощенія продолжаются по пяти-шести разъ. Кто побогаче дѣлаетъ еще въ концѣ

общія поминки, убиваютъ до сорока или пятидесяти головъ скота, съ соотвѣтствующимъ количествомъ пива и араки. При семейныхъ поминкахъ безъ гостей кладутъ отъ всѣхъ приготовленныхъ кушаній понемногу въ мѣшочекъ и вѣшаютъ его за дверью въ темный уголъ въ предположеніи что покойникъ незамѣтно появится и покушаетъ; въ то же время съ нѣкоторою таинственностью не особенно громко старшій изъ сидящихъ за ужиномъ обращается къ углу и говоритъ: „жалуйте, дорогой нашъ, жалуйте; кушайте, не стѣсняйтесь"... Вообще, какъ я уже упоминалъ, нелѣпый обычай безконечныхъ поминокъ разоряетъ Осетинъ и поглащаетъ ихъ скудные достатки на много лѣтъ.

Послѣ похоронъ мать, жена и сестры должны находиться цѣлый годъ въ траурѣ, одѣваться въ черное, не ѣсть ничего скоромнаго, не имѣть никакихъ сношеній съ мущинами. Въ теченіе этого времени женщины считаются скорбящими (савдарагъ), всѣ должны относиться къ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ, а если кто дерзнетъ ихъ обидѣть, то обязанъ немедленно испросить прощенія и удовлетворить въ такой мѣрѣ чтобъ обиженная могла устроить поминки... Мущины же, ближніе и дальніе родственники, въ теченіе года не должны брить бороды, не стричь волосъ и не ѣсть мяса. Послѣ года они должны устроить поминки, пригласить гостей, всѣхъ угостить и за это отъ семьи умершаго получаютъ вознагражденіе по состоянію, отъ десяти до двадцати коровъ. На поминкахъ устраиваютъ скачки съ друмя призами, первый цѣнностью въ двѣнадцать, второй въ девять коровъ. Всадники пускаютъ лошадей разомъ, сначала медленно, постепенно прибавляя скорости, и во всю прыть пускаются уже обратно. Разстояніе въ оба пути доходитъ до двадцати, тридцати, даже пятидесяти верстъ; по дорогѣ ставятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ наблюдателей. Иногда, при сильномъ утомленіи лошадей, всадники мгновенно пересаживаются на лошадей наблюдателей, а своихъ ведутъ за узду. Такимъ образомъ скачка ведетъ не столько къ испытанію лошадей, сколько самихъ всадниковъ, ихъ выносливости и умѣнья выдержать на далекомъ разстояніи по горнымъ, каменистымъ тропинкамъ скачку крайне утомительную и рискованную.

При посѣщеніи родственниковъ умершаго, каждый долженъ произнести (кигъ-мануди) прискорбное привѣтствіе, въ извѣстныхъ установленныхъ словахъ: „мнѣ очень чувствительно

ваше горестное положеніе; да пошлетъ вамъ Богъ впередъ только благополучные дни“ и т. д.

Если покойнику случилось быть преданнымъ землѣ въ праздникъ Вознесенія, то въ годовщину раскрываютъ могилу, осматриваютъ тѣло, зарѣжутъ барана, обмазываютъ кровью трупъ, а печенку и легкія животнаго кладутъ въ могилу и сооружаютъ надъ нею четырехъугольный каменный памятникъ вышиной до трехъ аршинъ; затѣмъ уже всякимъ поминкамъ конецъ.

Роды должны непремѣнно совершаться внѣ дома и потому женщины заранѣе переселяются въ отдѣленіе гдѣ содержится домашній скотъ. Послѣ извѣстнаго времени она возвращается въ домъ, предварительно освящаемый. Радость вызывается рожденіемъ сына и день этотъ празднуется особо, преимущественно въ одно изъ воскресеній іюня мѣсяца. При этомъ угощаютъ сосѣдей пивомъ, мясомъ и выслушиваютъ разныя благопожеланія. Матери сами не воспитываютъ дѣтей, а отдаютъ постороннимъ.

Праздниковъ у Осетинъ безконечное число. Главнѣйшіе: въ ноябрѣ цѣлую недѣлю, иногда и больше, въ честь Святаго Георгія (васкиргъ), при этомъ истребляется множество скота, пива, араки и пр. Рождество Христово (Члурсъ), предъ которымъ постятся отъ двухъ до семи дней. Послѣ Рождества во вторникъ, ночью, молятся *діаволу* (банатхи-чавъ-ахсавъ), приносятъ ему въ жертву козла, свинью или курицу, араки, но никого этимъ не угощаютъ. Новый Годъ (Наогъ-бонъ); въ этотъ день ходятъ съ поздравленіемъ, держа въ рукѣ пучекъ соломы и желая размноженія дѣтей *мужескаго пола*, скота и всякаго имущества, при этомъ разбрасываютъ солому по полу. Крещеніе (Данисъ-Кафанъ) празднуютъ безъ водосвятія. Всеядная недѣля (Комъ-Охсанъ), въ теченіе коей самый бѣдный Осетинъ долженъ зарѣзать двѣ-три скотины. Сырная недѣля (Урсъ-Квиръ), во время коей не ѣдятъ мяса. Великій Постъ соблюдаютъ довольно строго. День Святаго Ѳеодора (Тутръ). Въ этотъ день нѣкоторыя женщины выходятъ на дороги, останавливаютъ проходящихъ мущинъ и не отпустятъ безъ подарка. На третьей недѣлѣ поста опять поминки по усопшимъ съ трапезой на столахъ освѣщаемыхъ маленькими свѣчками. Лазарево воскресенье (Засхасанъ) и Вербное воскресенье (Куту-Гананъ). Пасха (Истиръ-Коад-

жанъ). Ѳомина недѣля (Болдаранъ). Вознесеніе (Зардиванъ). Сошествіе Святаго Духа (Карданъ-Хасанъ). Первое воскресенье въ іюнѣ (Атенагъ). Во всѣ эти праздники большинство отправляется на поклоненіе святымъ угодникамъ, къ мѣстамъ обозначеннымъ кучами камней, къ которымъ приставлютъ свѣчи, прибиваютъ рога и пр. Имена этихъ чтимыхъ, кромѣ Георгія, Михаила, Гавріила, Иліи, Богородицы, вообще Архангела (Тафъ-анджелъ), бываютъ и чисто языческія: богиня грязи, богиня двери, пернатый Илья, землевладѣлецъ, защитникъ пашни, сатана, четыре ангела по временамъ года и т. п. Образовъ въ домахъ нѣтъ; отправляясь на поклоненіе берутъ съ собою запасы, и тамъ, послѣ произнесенія кѣмъ-нибудь изъ старшихъ нѣсколькихъ молитвенныхъ словъ, садятся вмѣстѣ за ѣду, оканчивающуюся попойкой. Молодежь должна прислуживать, поднося рогъ съ водкой, хлопать въ ладоши, пѣть, до тѣхъ поръ пока рогъ будетъ осушенъ. Вертела на которыхъ жарились шашлыки обматываютъ моточками сырца шелка и втыкаютъ въ кучу камней изображающую памятникъ святому.

Пѣсни у Осетинъ преимущественно любовнаго содержанія и крайне циническія. Одинъ запѣваетъ, другіе подхватываютъ, образуютъ кругъ и двигаются какими-то неграціозными прыжками (симгъ). Женщины, особенно незамужнія, должны избѣгать показываться въ такое время, а то раздадутся прескверныя слова. Женщины отдѣльно также поютъ и составляютъ хороводъ; главные припѣвы: „приди ко мнѣ мое солнце, мой ангелъ", и т. п. Вообще нравственностью похвастать Осетины не могутъ; имѣть любовницъ и любовниковъ не только не предосудительно, но даже какъ бы требуется обычаемъ.

Для обнаруженія истины при разбирательствѣ дѣлъ о воровствѣ, убійствѣ и т. п., употребляютъ присягу, которая бываетъ двухъ родовъ. Приводятъ на площадь осла, собаку или кошку; заподозрѣнное лицо, въ присутствіи общества, должно взять лѣвою рукой животное, а правою кинжалъ или шашку, произнести: „пусть ближайшіе мои у*мершіе* родственники съѣдятъ мясо сего животнаго, если я солгу что-нибудь"; затѣмъ разсѣкая животное повторяетъ то же, прибавляя „если я солгалъ". Всѣ зрители стараются отойти подальше чтобы не коснулась къ нимъ кровь изрубленнаго животнаго, а заподозрѣнный считается оправданнымъ, хотя часто подозрѣніе все еще

тяготѣетъ надъ нимъ. Или же приводятъ человѣка къ развалинамъ древней церкви, къ кучамъ сложенныхъ въ память святаго камней, гдѣ онъ въ присутствіи свидѣтелей, держа въ рукѣ палку, долженъ произнести: „да проклянетъ меня сіе священное мѣсто, если я виновенъ въ томъ въ чемъ меня подозрѣваютъ“ и воткнуть палку въ землю. Такая присяга остается надолго въ памяти народной и произнесшій ее тоже остается подъ какимъ-то общимъ упрекомъ. Что же касается присяги по нашему закону, предъ крестомъ, Евангеліемъ и въ *новой церкви*, то она для Осетинъ никакого значенія не имѣетъ.

За убійство кого бы то ни было, взрослаго или ребенка, умышленно или безъ умысла, виновный долженъ заплатить 314 коровъ; если онъ не въ состояніи исполнить этого вдругъ, то ему даютъ разсрочку, а между тѣмъ ежегодно въ видѣ процентовъ онъ долженъ отдавать роднымъ убитаго по одному быку и извѣстное количество пива. Въ противномъ случаѣ ему грозитъ смерть.

Бѣднымъ помогаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ родные, даже дальніе.

Въ случаѣ воровства, обиженный беретъ осла или собаку и подойдя къ дому подозрѣваемаго, громогласно объявляетъ объ украденныхъ у него предметахъ и что если воръ не сознается или кто знаетъ о немъ не обнаружитъ его, то онъ, обиженный, зарѣжетъ осла или собаку въ память и въ пищу ихъ близкихъ покойниковъ. Угроза эта наводитъ такой страхъ что самъ воръ или въ случаѣ его отсутствія знающіе о немъ торопятся сознаться. Бываетъ что обиженный воровствомъ путешествуетъ такимъ образомъ въ двѣ-три деревни, гдѣ онъ подозрѣваетъ кого-либо въ воровствѣ, пока не откроетъ виновнаго. Посторонніе указавшіе вора получаютъ извѣстное вознагражденіе. Для рѣшенія дѣла избирается обѣими сторонами третейскій судъ, который большею частью присуждаетъ удовлетвореніе втрое противъ украденнаго; судьи сами же и исполняютъ роль экзекуторовъ.

Изъ этихъ обычаевъ слѣдуетъ вывести заключеніе что ослы и собаки считаются какъ бы скверными животными, а между тѣмъ необъяснимое противорѣчіе: старшіе всегда внушаютъ младшимъ что осла и собаку слѣдуетъ почитать и беречь, ибо кто ихъ презираетъ будетъ грѣшенъ и несчастливъ...

Страненъ обычай у Осетинъ при встрѣчѣ двухъ человѣкъ враждующихъ почему-либо между собою. Всякій старается предупредить противника, схватить его за ухо и крикнуть: „будь слугой моихъ покойниковъ“. Это считается большою обидой, ведетъ къ жалобамъ, удовлетворенію въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, а если произошло по недостаточно основательной причинѣ, то обидчикъ подвергается нареканію и нерѣдко презрѣнію общества. Если же оба встрѣтившіеся успѣютъ одновременно схватить другъ друга за уши и произнести означенныя слова, то дѣло остается безъ послѣдствій.

При относительной всеобщей бѣдности, богатыми считаются тѣ у которыхъ больше мѣдной посуды, оружія, одежды, лошадей и скота. Изъ цѣнныхъ металловъ признаютъ только серебро и если кому попадется въ руки серебряная монета, то приберегаютъ ее крѣпко, запрятывая въ землю. Корова, какъ я уже упоминалъ, служитъ монетною единицей, въ родѣ рубля, франка и т. п. Всякая вещь цѣнится не на деньги (исключая мелочей, жизненныхъ продуктовъ и проч.) а на коровы. Напримѣръ: корова равна пяти баранамъ, девяти фунтамъ мѣдной посуды, три коровы—одному быку; лошади, оружіе, одежда по достоинству цѣнятся во столько-то коровъ. Вообще счетъ ведется не на деньги, а на разные предметы: козелъ равенъ стоимости шерсти отъ восьми овецъ, а козленокъ отъ четырехъ, молодой барашекъ цѣнится высоко и равняется цѣнѣ шерсти отъ 15 овецъ, потому что его овчинка идетъ на папаху.

О торговлѣ или промышленности Осетинъ и сказать нечего. Если не считать незначительнаго количества продаваемыхъ масла сыра, овчинокъ, скота, да грубаго домашней ручной работы сукна, сбываемыхъ большею частью странствующимъ мелкимъ торгашамъ мѣной на разные дешевые товары, то собственно говоря никакой торговли у нихъ не существуетъ. Часть Осетинъ, населяющая плоскости и пользующаяся обширными пастбищами, владѣетъ значительными количествами скота и сбываетъ его на ближайшихъ базарахъ; у многихъ есть довольно крупное пчеловодство; живущіе ближе ко Владикавказу занимаются извознымъ промысломъ и выручаютъ не мало денегъ, перевозя на своихъ двуколкахъ тяжести по Военно-Грузинской дорогѣ до Тифлиса. Нѣкоторые Осетины позажиточнѣе занимаются своего рода

процентными оборотами: они отдаютъ нѣсколько овецъ или ровъ взаймы бѣдному съ тѣмъ что по истеченіи трехъ или шести лѣтъ онъ обязанъ возвратить ихъ съ придачей половины всего приплода за это время.

Ремесла ограничиваются умѣньемъ сложить саклю и башню изъ камня безъ извести, дѣлать косы, топоры, ножики вкладываемые въ кинжальныя ножны, сѣдла, мѣдныя пуговицы и пряжки для конской сбруи и т. п. мелочи, все самаго грубаго качества. Есть много доморощенныхъ лѣкарей, подобно всѣмъ горцамъ успѣшно пользующихъ раны.

Въ пищѣ Осетины крайне неприхотливы и ѣдятъ вообще мало; но при посѣщеніи почетнаго гостя или во время свадебъ и поминокъ объѣдаются мясомъ и упиваются пивомъ, особенно аракой до безобразія. Верхъ празднества считается если зарѣжутъ быка; это дѣлается для особенно важнаго гостя и тогда всѣ мущины и женщины стоя угощаютъ его. Когда рѣжутъ скотъ, то недопускаютъ кровь течь на землю, а подставляютъ чашки и когда она сгустится варятъ ее и ѣдятъ. Мясомъ палой отъ болѣзни скотины тоже не брезгаютъ.

Кромѣ пѣнія и пляски любимое препровожденіе времени у мущинъ игра на балалайкѣ, сидѣніе кучками на какой-нибудь площадкѣ и пустая болтовня или споры о родословныхъ, которыми они очень интересуются. Осенью затѣваются джигитовки, скачка на лошадяхъ со стрѣльбой въ цѣль, съ мелкими призами въ складчину.

Письменности у Осетинъ нѣтъ; живущіе ближе къ Грузіи весьма рѣдкіе выучиваются грузинской грамотѣ, а на сѣверной плоскости русской. Путешествовавшій когда-то по Кавказу академикъ Ширренъ составилъ осетинскую азбуку, но она осталась неизвѣстною мѣстному населенію.

Имена у мусульманской части обыкновенныя магометанскія; христіане же хотя и окрестятъ ребенка, но никогда не оставятъ ему имени нареченнаго священникомъ, а дадутъ ему свое имя или скорѣе кличку, въ родѣ Савкузъ, (черная собака), Ковдинъ (щенокъ), Кыбылъ (поросенокъ), Бадо, Гадо, Бесланъ и т. п.

Всѣ эти краткія свѣдѣнія объ Осетинахъ относятся главнѣйшимъ образомъ къ горнымъ, населяющимъ ущелья главнаго хребта и числящимся исповѣдующими православную вѣру. Что касается мусульманской части, болѣе зажиточной,

менѣе дикой, живущей исключительно на плоскости по сѣверную сторону Кавказскаго хребта, то хотя и у нея много тождественныхъ съ горными повѣрій, обычаевъ, нравовъ, но есть и нѣкоторые совершенно особые, очевидно явившіеся уже вслѣдствіе принятія ислама и сближенія съ Кабардой, которая искони считалась на всемъ сѣверѣ Кавказа образцомъ достойнымъ подражанія. Кабардинцы были въ нѣкоторомъ родѣ кавказскими Французами, какъ за Кавказомъ Персіяне; оттуда распространялась мода на платье, на вооруженіе, на сѣдловку, на манеру джигитовки; тамошніе обычаи родившіеся при условіи существованія высшей и низшей аристократіи (князей и узденей) и холоповъ (рабовъ) прельщали и въ другихъ обществахъ людей, занимавшихъ видное положеніе между своими и побуждали перенимать и утверждать у себя такіе же порядки. Въ Осетіи это и удалось, но только отчасти: образовалось сословіе „алдаръ“ (дворянъ) пользовавшихся нѣкоторыми прерогативами и очутившихся собственниками большихъ земельныхъ участковъ, что̀, какъ водится, подчинило имъ массу населенія, нуждавшуюся въ ихъ земляхъ. Тогда какъ въ горахъ сохранилось полное равенство и никакой Осетинъ не считаетъ себя ниже другаго, на плоскости уже замѣтно подчиненіе и нерѣдко раболѣпіе къ алдарамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ; въ горахъ тоже есть болѣе или менѣе зажиточные люди, превращающіеся по свойственной человѣческой природѣ алчности въ кулака и эксплуататора своихъ ближнихъ, но тамъ и размѣры такъ ничтожны, и кулаки такъ скромны что ни одинъ Осетинъ даже не замѣчаетъ нѣкотораго вліянія пріобрѣтаемаго такимъ кулакомъ на дѣла своего маленькаго общества, а гордость не допускаетъ его открыто признавать чье бы то ни было превосходство надъ собой; на плоскости сословныя преимущества играютъ уже важную роль, масса тѣмъ болѣе еще подчинена вліянію ихъ что Русское правительство оказало имъ, т.-е. алдарамъ, особое вниманіе, возвышая, награждая и призывая къ административной дѣятельности. Что всѣ они тоже были нѣкогда христіанами, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; у нихъ въ старыхъ домахъ сохранились нѣкоторые христіанскіе обычаи, даже, какъ я слышалъ, старинные образа и т. п. вещи, весьма чтимыя; но не только возвратиться къ православію, а хотя бы отказаться отъ тѣхъ мусульманскихъ взглядовъ

вслѣдствіе коихъ образуется неизсякаемая затаенная вражда ко всему христіанскому, они едва ли когда-нибудь согласятся. Да, впрочемъ, это вопросъ потерявшій для насъ политическое значеніе: съ одной стороны мы уже достаточно твердо стали на сѣверномъ Кавказѣ чтобы то или другое отношеніе незначительнаго численностью населенія могло намъ въ чемъ-нибудь угрожать, съ другой ихъ собственные матеріальные интересы такъ связаны съ нашимъ пребываніемъ въ краѣ что всегда перетянутъ на вѣсахъ отвлеченные религіозные вопросы и симпатіи.

Со времени моего перваго знакомства съ Осетіей прошло двадцать три года. Какія произошли тамъ въ это время перемѣны по вопросамъ церковному, административному, школьному и другимъ, о которыхъ я считалъ нужнымъ говорить офиціально, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Слѣдуетъ думать что все двинулось къ лучшему и я бы теперь не встрѣтилъ уже такую дичь какъ въ 1855 году...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ЭРЗЕРУМѢ *

ВЪ 1878 ГОДУ

1го мая.

Вотъ мы дожили въ Эрзерумѣ до 1го мая, а объ отъѣздѣ ни слуху, ни духу. Сегодня съ утра былъ хорошій день, ясный и сравнительно теплый; природа какъ будто и здѣсь начала улыбаться; на поляхъ и горахъ мѣстами сошелъ снѣгъ и показалась зелень. По случаю хорошей погоды встали рано, пили кофе на крышѣ, гдѣ у насъ разбита американская палатка. Слѣдили за поднимавшеюся на Топъ-Дагъ группой всадниковъ; это Кузьминскій съ провожатыми данными мужемъ поѣхалъ отыскивать объѣздъ того мѣста почтовой дороги гдѣ повозки и фургоны тонутъ въ грязи. Персіянинъ Гаибовъ (переводчикъ), совсѣмъ больной, приходилъ проститься; онъ уѣзжаетъ къ себѣ домой и счастливъ неимовѣрно. На память подарилъ мнѣ маленькое круглое зеркальце, прося, когда мы пріѣдемъ въ Тифлисъ, дать знать ему и онъ сейчасъ же поспѣшитъ придти и приведетъ познакомить со мной свою молодую жену. На прощанье онъ въ десятый разъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

разказалъ какъ турецкіе офицеры удивлялись поэтичности его слога и красотѣ почерка.

Вздумали мы отпраздновать 1е мая. Послѣ обѣда послали за зурной съ барабаномъ, за хоромъ драгунской музыки. Пригласили Жильберовъ, Чавчавадзе, Лабунскаго, Туманова, Ерицева и многихъ другихъ пойти на скатъ Топъ-Дага пить чай. Съ первымъ же звукомъ зурны со всѣхъ сторонъ сталъ сбираться народъ. Впередъ послали людей съ коврами, чаемъ, ликерами, потомъ пошли и мы въ сопровожденіи толпы знакомыхъ и народа съ музыкой, на крутизнѣ горы нѣсколько разъ останавливались чтобы перевести духъ и наконецъ расположились на болѣе ровномъ мѣстѣ, откуда весь городъ виденъ какъ на ладони. Народу все прибавлялось. У саперъ и драгунъ были обѣды по случаю 1го мая, послѣ которыхъ офицеры верхами отправились кататься въ нашу сторону; всѣ они присоединились къ намъ. Возложили мы на Ерицева санъ церемоніймейстера и подъ его руководствомъ начались туземные танцы. Сначала танцовали мальчики, потомъ прехорошенькая маленькая Армяночка граціозно выдѣлывала разные па; ей надавали пропасть денегъ. Затѣмъ составился кругъ взрослыхъ Армянъ: взявшись за руки, поднявъ ихъ кверху, медленно движутся они впередъ, назадъ, постепенно подвигаясь вправо; первый танцоръ въ правой рукѣ держитъ платокъ. Танецъ однообразный, но Армяне исполняютъ его съ одушевленіемъ, постепенно усиливая ритмъ. Протанцовали и мы двѣ кадрили, несмотря на покатость горы и на камни, попробовали даже вальсъ и мазурку. Всѣ развеселились. Смѣшно было видѣть когда гигантскій интендантскій чиновникъ съ очень маленькимъ саперным офицеромъ танцовалъ вальсъ; казалось будто первый желалъ проглотить послѣдняго или по крайней мѣрѣ перескочить черезъ него. Заиграли лезгинку, потомъ казачка; наши казаки и многіе офицеры пошли танцовать, нѣкоторые удивительно ловко. Въ толпѣ вокругъ насъ Турокъ совсѣмъ не было видно; только Гамидъ-бекъ и два-три заптіе мужа глядѣли насупившись. Вдали группа Армянокъ въ чадрахъ съ любопытствомъ смотрѣла на насъ; но когда я съ Ерицевымъ подошла къ нимъ предлагая принять участіе въ туземныхъ танцахъ онѣ отказывались, говоря: „амоте“ (стыдно). Подъ конецъ только нѣкоторыя изъ нихъ заразились общимъ весельемъ и присоединились къ кругу танцующихъ Армянъ.

Въ заключеніе явился на сцену взводъ армянскихъ мальчиковъ съ палками вмѣсто ружей, подъ предводительствомъ маленькаго храбреца въ русской солдатской шапкѣ, бумажныхъ эполетахъ и крестахъ, онъ съ усердіемъ выкрикивалъ команды по-русски, а его войско отчетливо ворочалось, двигалось, дѣлая разныя пріемы палками. Эти мальчики сами, подсматривая на ученьяхъ нашихъ солдатъ, втихомолку стали подражать имъ и теперь въ первый разъ явились предъ Русскими. Офицеры раздавали имъ деньги. Гамидъ-бекъ окончательно повѣсилъ носъ.

Подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Все общество поднялось, насъ до квартиры провожала музыка, многіе изъ гостей, толпа народа, по пути крыши были усыпаны женщинами. Подъ нашимъ балкономъ народъ не расходился до поздняго вечера, давка была ужасная, особенно когда бросали съ балкона горсти серебра въ кучу мальчишекъ. У взводнаго командира при этомъ вытащили всѣ пожалованныя за усердную службу деньги, онъ былъ весь въ слезахъ и едва утѣшился, получивъ новую награду.

Вечеромъ предстояло еще развлеченіе. Генералъ Кавтарадзе, сдавъ полкъ, уѣзжаетъ завтра, и новый командиръ Дербентскаго полка, Козловскій, пригласилъ насъ на прощальный вечеръ даваемый въ лагерѣ. Кавтарадзе былъ всегда ко мнѣ такъ внимателенъ что я не могла отказаться. Вѣтеръ стихъ, поднялась полная луна, и мы цѣлою кавалькадой отправились въ загородный большой лагерь. Подъѣзжая, слышу общее пѣніе; это послѣ вечерней зари выстроенные солдаты пѣли „Отче нашъ". Мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать при этой общей молитвѣ и я была поражена трогательностью сцены. Полковой командиръ встрѣтилъ насъ, повелъ до мѣста гдѣ былъ разбитъ рядъ офицерскихъ палатокъ въ видѣ галлереи. Солдаты окружали это мѣсто, пѣсенники пѣли, музыка играла. Пріѣхали князь Чавчавадзе, виновникъ вечера Кавтарадзе и многіе другіе. Кавтарадзе со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ какъ трудно ему разставаться съ полкомъ, которымъ онъ командовалъ семь лѣтъ. Какъ ни уговаривали насъ остаться подольше, мы вскорѣ уѣхали. Я совсѣмъ утомилась.

5го мая.

Отдавая визитъ madame Lavini, я была снова непріятно удивлена ненависти этой семьи ко всему русскому и привязанности ко всему турецкому. Квартира ихъ убрана по-

европейски, что здѣсь рѣдкость. Прехорошенькій пятилѣтній мальчикъ сынъ madame Lavini при мнѣ вернулся съ гулянья со слезами, потому что входя въ домъ увидѣлъ казака провожавшаго меня. Когда его спросили кого онъ больше любитъ русскихъ или турецкихъ солдатъ, онъ поспѣшилъ отвѣтить „турецкихъ". Общество русскихъ офицеровъ затѣяло на дняхъ устроить танцовальной вечеръ въ казино; когда я спросила: посѣтитъ ли его madame Lavini съ дочерью, она отвѣтила отрицательно, потому что по ея словамъ офицеры устраиваютъ этотъ вечеръ только для того чтобъ увидѣть les demoiselles d'Erzeroum, а католическія сестры находятъ что это грѣшно и грозятъ не принимать болѣе въ классъ ея дочь, если она будетъ на этомъ вечерѣ. Madame Gilbert сопровождавшая меня горячо протестовала противъ такого неразумнаго разсужденія, а меня оно окончательно возмутило. Послѣ оказалось что сестры ничего подобнаго не говорили.

Наконецъ-то получилась почта, которой мы были лишены болѣе трехъ недѣль; надо быть самому въ такомъ отрѣзанномъ отъ всего міра положеніи чтобы понять что за праздникъ полученіе почты, послѣ долгаго ожиданія.

Приходило ко мнѣ съ визитомъ семейство Бастурмаджи; кромѣ молодой черноокой жены старшаго брата Бастурмаджи, были двѣ его сестры и подруга сестеръ—типъ восточной красавицы, одѣты всѣ по-европейски, въ шелковыхъ платьяхъ. Жаль что онѣ только говорятъ по-армянски и по-турецки; переводчикомъ былъ Егеши. Армянки въ комнатахъ свободно разговариваютъ съ мущинами, но если на улицѣ какой-нибудь хоть самый близкій знакомый заговорилъ бы съ ними, то это окончательно скомпрометтировало бы ихъ.

На дняхъ вечеромъ слышу что въ гостиной очень громко разговариваютъ, я знала что у мужа сидитъ персидскій консулъ съ драгоманомъ, пришедшіе по дѣлу, и очень удивилась что могло вызвать шумъ. Оказалось вышелъ слѣдующій казусъ. Двое изъ нашихъ чиновниковъ хорошо говорящихъ по-турецки, проходя мимо Персидскаго консульства, услышали рѣзкую брань обращенную къ нимъ какъ къ христіанамъ и Русскимъ однимъ изъ сидѣвшихъ у порога Персіянъ служащихъ въ консульствѣ. Справившись объ имени этого субъекта, чиновники пришли жаловаться какъ разъ въ то время когда у мужа сидѣлъ персидскій консулъ. Послали отыскать

рыни, Германскаго императора, Греческаго короля и королевы, султана Абдулъ-Азиза и Бисмарка въ желѣзной каскѣ: всѣ они висѣли и прежде на этихъ мѣстахъ.

На вечеръ я должна была пріѣхать ранѣе всѣхъ гостей. Предъ домомъ толпилась масса народа, игралъ хоръ нашей военной музыки; въ передней сидѣли турецкіе пѣвцы и музыканты, изъ нихъ лучшіе персидскіе, но эти лишь только завидѣли издали своего консула, съ быстротой молніи исчезли; оказалось, они принадлежали къ числу почетныхъ здѣшнихъ купцовъ и боялись упасть въ глазахъ консула въ роли увеселителей невѣрныхъ. Понемногу стали съѣзжаться, залы наполнились; начались танцы: полонезъ, кадрили, мазурка, котильйонъ, легкіе танцы, а въ промежуткахъ лезгинка, казачокъ и туземные танцы. Общество развеселилось; кромѣ большой массы нашихъ офицеровъ, было много Армянъ и Грековъ въ красныхъ фескахъ, нѣсколько Турокъ. Изъ дамъ кромѣ madame Gilbert были невѣста Егеши съ сестрами, madame Lavini съ дочерью (не знаю чьихъ силъ достало уговорить ее пріѣхать на сей пагубный по ея мнѣнію вечеръ), madame Синицына (жена одного доктора), сестра милосердія Валянская съ сербскимъ орденомъ, и около тридцати безмолвно сидѣвшихъ у стѣнъ и подъ часъ клевавшихъ носами разодѣтыхъ въ золото и бархатъ Армянокъ. Многихъ изъ приглашенныхъ туземныхъ дамъ не было. Все утро по поводу посѣщенія вечера въ армянскихъ семьяхъ шли большія распри, женщины желали непремѣнно ѣхать, мущины же подняли шумъ: „ни за что̀!“ Одинъ изъ здѣшнихъ наиболѣе богатыхъ домовладѣльцевъ, Баларіонъ, то и дѣло бѣгая изъ дома въ домъ, говорилъ: „Кто посмѣетъ повести на русскій вечеръ свою семью, тотъ по возвращеніи въ Эрзерумъ Турокъ увидитъ что̀ съ нимъ будетъ“. Ужинъ на двѣсти персонъ длился очень долго, по обыкновенію были тосты и крики *ура*. Послѣ ужина снова танцы; офицеры пѣли хоромъ русскія пѣсни; въ четыре часа утра мы вернулись домой верхомъ, ясною и холодною ночью; музыка провожала насъ маршемъ.

8го мая.

Вчерашняя продѣлка Баларіона не прошла ему даромъ. Давая совѣты Армянамъ не ходить на вечеръ къ Русскимъ, онъ въ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ переходилъ предѣлы приличія и за то получилъ достойную головомойку. Я

видѣла какъ этотъ богатый Армянинъ туркофилъ сконфуженный выходилъ отъ мужа, вмѣстѣ съ другими мѣстными жителями, взявшими его на поручительство. Тотчасъ по городу распространился слухъ будто Баларіону назначено самое постыдное азіатское наказаніе: цѣлый мѣсяцъ запрещено ѣздить верхомъ.

Обѣдали сегодня два Турка: полковникъ Измаилъ-бей и майоръ Максюдъ-эфенди. Я едва удерживалась отъ смѣха видя ихъ отчаянное стараніе обращаться къ помощи ножа и вилки. Такъ и бросили бъ они эти истязательныя орудія и принялись бы пальцами разрывать мясо. Максюдъ-эфенди былъ вѣренъ себѣ, уничтожалъ стаканъ вина за стаканомъ.

Давно уже, смотря изъ оконъ на теченіе Евфрата, мы соблазнялись совершить поѣздку къ этой рѣкѣ. Наконецъ собрались. Большою кавалькадой выѣхали черезъ Ольтинскія ворота и проѣхавъ верстъ семь по гладкой Эрзерумской дорогѣ, приблизились къ насыпной уложенной сверху камнями дамбѣ. И самый мостъ, и дамба точно будто построены какими-то гигантами, камни до того крупны что удивляешься какими усиліями ихъ сложили. Богъ знаетъ кто и когда строилъ эту дорогу; почти безъ исправленій она стоитъ вѣка и по ней проѣзжали многія поколѣнія. На Эрзерумской дорогѣ есть три подобные моста. Евфратъ широко здѣсь разливается. Около мѣста сошли мы съ лошадей и долго любовались рѣкой. Она была въ полномъ разливѣ, вся заросшая зелеными камышами. Теченіе почти незамѣтно, только по отсутствію камыша можно прослѣдить главное русло, точь въ точь наши тихія дремотныя малороссійскія рѣчки. Лодка выдѣланная изъ толстаго бревна и лодочникъ палкой отталкивающій ее отъ неглубокаго дна, тысячи квакающихъ лягушекъ, все это напоминало мнѣ родные края. Дикихъ утокъ и гусей бездна; они спокойно плавали и ныряли въ десяти шагахъ отъ насъ; видно что выстрѣлы не часто нарушаютъ ихъ покой.

Дорогой назадъ заѣхали въ большое подгородное село Кянъ. При нашемъ приближеніи тамъ вышла настоящая суматоха. Все населеніе, особенно женщины и дѣти, бросились къ намъ навстрѣчу. Сельскіе Армяне несравненно добродушнѣе и искреннѣе городскихъ. Женщины ходятъ не закрывшись и вообще держатъ себя свободнѣе. Онѣ вѣроятно слышали что въ городѣ появилась русская женщина, которая ѣздитъ верхомъ сидя сбоку, и любопытствовали посмотрѣть эту

На улицахъ, на крышахъ, всюду кишилъ народъ; лица особенно женщинъ сіяли: „Вонъ, вонъ, смотрите!“ то и дѣло слышались восклицанія. Нѣсколько разъ дѣти и женщины приближались ко мнѣ и радостно кричали своимъ: „Тронула, тронула, живая!“ Не думали ли онѣ что предъ ними восковая фигура. На минуту остановились предъ домомъ старшины, хотѣли войти, но бывшій съ нами докторъ убѣдилъ этого не дѣлать; и въ этомъ селѣ всю зиму была масса тифозныхъ. Старикъ старшина совсѣмъ растерялся, все кланялся, что-то бормоталъ. Оказалось онъ упрашивалъ насъ остаться ночевать; когда ему отвѣтили что̀ это невозможно, онъ умолялъ пріѣхать другой разъ, предлагая выслать арбу съ быками за нами; большей любезности онъ не въ силахъ былъ сдѣлать.

11го мая.

Что̀ значатъ деньги; какъ при нуждѣ въ нихъ и прадѣдовскіе обычаи мѣняются. При мнѣ смѣло вошла въ кабинетъ мужа Турчанка съ маленькимъ мальчикомъ одѣтымъ въ костюмъ паши, съ игрушечною саблей, сѣла и бойко начала разказывать исторію и подвиги своихъ предковъ, кончая просьбой помочь ей выѣхать въ Константинополь, гдѣ находится вся ея родня. Сколько ни возражали ей что всѣ заслуги ея покойнаго мужа и отца касаются Турецкаго правительства, она настаивала, говоря что Турки никогда никого не оцѣнятъ. Получивъ маленькое пособіе, она стала умолять чтобы Турки не узнали о посѣщеніи ею русскаго губернатора. Уходя мальчикъ подошелъ къ переводчику и сталъ ему шептать: „А мнѣ-то? то матери, вѣдь и мнѣ надо что-нибудь дать“. Съ каждымъ днемъ число просителей денежныхъ пособій изъ мусульманокъ увеличивается; лицъ ихъ не видно, можетъ-быть нѣкоторыя приходятъ по два раза въ день.

Сегодня посѣщали мы здѣшнія школы; начали съ ближайшей отъ насъ греческой.

Всѣ попечители школы, директоры и учителя встрѣтили насъ, усердно все показывали. Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ до двѣнадцати лѣтъ; для болѣе взрослыхъ есть особыя отдѣленія. Всѣхъ учениковъ до 200; учатъ ихъ исключительно чтенію и письму по-гречески и турецки, ариѳметикѣ; другимъ предметамъ учатся очень немногіе въ старшемъ классѣ. Школа считается при церкви, но помѣщается вдали отъ нея и ни одинъ священникъ не принимаетъ участія въ обученіи,

да впрочемъ здѣшніе греческіе священники мало образованы и не въ состояніи были бы учить. Главное участіе принимаетъ старикъ Георгъ-эфенди. Мужъ выговаривалъ имъ за то что они не учатъ дѣтей по-русски; попечители говорятъ что съ будущаго года будутъ учить. Школьная зала устроена довольно удобно, обвѣшена прописями и разными изреченіями. На краю каждой скамьи старшій ученикъ помогаетъ учителю въ обученіи остальныхъ. Школа эта, какъ православная, получала до войны отъ Русскаго консульства по шести рублей въ мѣсяцъ. Съ началомъ войны выдача прекратилась; за то и за говѣнье въ греческой церкви во время Великаго Поста нашихъ офицеровъ и солдатъ ей разрѣшено выдать изъ русской казны 1.000 рублей: 250 роздано причту, остальное пополамъ церкви и школѣ. Человѣкъ сорокъ Грековъ приходили благодарить мужа за эту милость къ нимъ, говоря что это останется у нихъ и у дѣтей вѣчно въ памяти, представили письменную благодарность съ большимъ числомъ подписей.

Зашла въ армяно-католическую школу, устроенную отдѣльно для мальчиковъ и для дѣвочекъ; здѣсь видно самое близкое и дѣятельное участіе духовенства. Зданіе школы какъ разъ возлѣ церкви; директоръ священникъ, учителя у мальчиковъ тоже, у дѣвочекъ армянскія сестры милосердія, изъ коихъ одна родная сестра архіепископа Мельхиседека. Самъ архіепископъ принимаетъ живое участіе въ образованіи дѣтей; самъ водилъ насъ всюду Классныя комнаты просторныя, чистыя, учебныхъ пособій гораздо больше чѣмъ у Грековъ, есть библіотека, комната для учителей. Нѣкоторые мальчики по окончаніи ученія посылаются насчетъ церкви въ Венецію и Римъ для дальнѣйшаго образованія. Дѣвочки учатся рукодѣлію, очень хорошо вышиваютъ иконы, вяжутъ, шьютъ; учатся музыкѣ на небольшомъ піанино, французскому языку. Мы застали до 250 учениковъ обоего пола. Въ этой и въ греческой школѣ намъ ученики читали и пѣли привѣтствія въ стихахъ и прозѣ съ восхваленіемъ Императора Александра II, съ выраженіемъ благодарности за Его покровительство христіанамъ. Изо всѣхъ турецкихъ пашей когда-либо бывавшихъ въ Эрзерумѣ, одинъ лишь Самихъ-паша когда-то посѣтилъ христіанскія школы; армяно-католическая школа тоже получила денежное пособіе. Посѣщеніе другихъ школъ мы отложили на нѣкоторое время.

13го мая.

Съ турецкой телеграфной станціи прибѣжалъ запыхавшійся заптіе, вручилъ мужу экстренную депешу изъ Константинополя. Оказалось она послана отъ перваго министра Садыкъ-паши во всѣ пункты гдѣ находятся турецкія высшія власти. Итакъ въ число турецкихъ пашей попалъ и мой мужъ; меня очень это забавляло. Въ депешѣ сообщалось о неудавшейся попыткѣ Суави-эфенди свергнуть съ престола султана Гамида и воцарить Мурада. Армяне и Турки узнавъ это повторяли: „пропала Турція, пойдутъ снова придворныя убійства, на этой попыткѣ не остановятся". Вообще воинственное настроеніе все здѣсь не прекращается. Нѣкоторые офицеры, особенно одинъ инженеръ, попрежнему страшатся избіенія всѣхъ христіанъ Турками.

Вчера въ шесть часовъ вечера поѣхали взглянуть на любимое мѣсто лѣтнихъ прогулокъ здѣшнихъ жителей, это такъ-называемое „Абдурахманъ - Кази"; старинная мечеть съ гробницей какого-то турецкаго святаго. Здѣсь были комнаты для приходящихъ богомольцевъ, кофейня, которыя за надобностью лѣса во время блокады разломали и теперь остались однѣ стѣны безъ потолковъ. Возлѣ превосходный источникъ съ бассейномъ. Этотъ мусульманскій монастырь находится на склонѣ Палантекенскихъ горъ, высоко надъ поляной; видъ на лагерь и на городъ восхитительный. Здѣсь всегда тремя, четырьмя градусами прохладнѣе чѣмъ въ Эрзерумѣ и воздухъ замѣчательно чистый, зелень кругомъ роскошная, нѣсколько развѣсистыхъ деревьевъ окружаютъ монастырь. Къ этому монастырю должна была выйти изъ-за горъ по ущелью колонна Авинова 28го октября прошлаго года, когда предполагался штурмъ Эрзерума; она уже показалась на разсвѣтѣ. Турки много стрѣляли въ нее и мы видѣли дорогой нѣсколько разорванныхъ и неразорванныхъ громадныхъ гранатъ, осторожно проѣзжали мимо нихъ. На другой день послѣ нашей прогулки, маленькій пастушокъ сталъ ворочать одну такую гранату, она разорвалась и несчастнаго мальчика разнесло на куски. Всего замѣчательнѣе видъ съ Абдурахманъ-Кази на захожденіе солнца. Оно садится за горы Гяуръ-дагъ, точно тонетъ въ морѣ горъ. Изъ-за ближайшаго хребта солнца уже не видно, а остальныя горы все еще точно въ огнѣ. Отливы цвѣтовъ при этомъ, особенно если есть по близости облака, такъ эффектны что поневолѣ буду

вѣрить теперь. въ вѣрность красокъ картинъ Айвазовскаго. Въ здѣшнихъ краяхъ, на такой высотѣ гдѣ воздухъ рѣдокъ, освѣщеніе не имѣетъ ничего общаго съ сѣвернымъ.

Сегодня вечеромъ ѣздили въ цитадель большою компаніей; оттуда по всему городу раздавались звуки Бакинскаго хора музыки и пѣсенниковъ. Толпы солдатъ вылѣзли изъ своихъ палатокъ; Бакинскіе офицеры угощали насъ чаемъ.

14го мая.

Изыскивая всевозможныя развлеченія для ободренія нашей колоніи, все еще не совсѣмъ оправившейся духомъ послѣ тяжелаго тифознаго времени, мы вздумали устроить скачку. Мужъ назначилъ два приза—во 100 и въ 50 рублей. Искали желающихъ между жителями; но ихъ почти не оказалось—у всѣхъ лошади послѣ тощей зимы не въ силахъ скакать. За Ольтинскими воротами есть ровное мѣсто, куда по давнему обычаю въ извѣстные дни выѣзжала мѣстная молодежь покрасоватся верхомъ, щеголять своими кровными лошадьми; въ этомъ году послѣ блокады этого зрѣлища ни разу не было.

Вызвались скакать нѣсколько казаковъ, милиціонеровъ и два-три жителя. Мѣсто выбрано между Карсскими воротами и лагеремъ; разбитъ двухверстный кругъ, поставлены красные и бѣлые флаги, выбраны распорядители, старшіе изъ нихъ артиллерійскій генералъ Проскуряковъ и драгунскій полковникъ Батіевскій. Въ этотъ день утромъ, услышавъ почтовый колокольчикъ, что̀ здѣсь рѣдкость, я подошла къ окну и увидѣла подъѣзжающаго къ намъ въ коляскѣ инженернаго генерала Рерберга. Мы очень обрадовались его пріѣзду, велѣли скорѣе внести его багажъ, позавтракали и вмѣстѣ съ нимъ верхомъ отправились на скачку. Два хора музыки, пропасть офицеровъ, почетныхъ жителей верхами, нѣсколько тысячъ солдатъ, перемѣшавшихся съ Армянами и Турками, уже были на мѣстѣ. Долго ждали князя Чавчавадзе, и узнавъ что онъ не пріѣдетъ мужъ велѣлъ начать скачку. Первый разъ кажется было семь скачущихъ, въ томъ числѣ два жителя; они должны были объѣхать кругъ три раза, то-есть сдѣлать шесть верстъ. Пустились. Всѣ напряженно слѣдили, боялись какъ бы жители не оказались впереди казаковъ. Но вотъ при громкихъ аплодисментахъ первымъ пришелъ ко флагу молоденькій Оренбургскій казакъ на лошади принадлежавшей одному

казачьему офицеру, купленной въ Хивѣ за $17\frac{1}{2}$ рублей. Тотчасъ же эта лошадь пошла на вторую скачку на четыре версты, съ нѣсколькими новыми скакунами, и опять пришла первою, взявъ оба приза. Оживленіе было общее. Диковинную лошадь проводили въ городъ съ хоромъ музыки; молодой казачокъ сидя на ней нисколько не конфузился подобною помпой, спокойно оглядывался на провожавшій его народъ, какъ будто такой тріумфъ давно знакомъ ему. Вечеромъ разразилась гроза, чисто горная, кратковременная, но обильная дождемъ.

21го мая.

Мужъ былъ встревоженъ происшествіемъ случившимся въ срединѣ города: днемъ былъ услышанъ выстрѣлъ и пуля попала въ одинъ изъ караульныхъ домовъ, пролетѣвъ мимо часоваго. Начались розыски и на другой день жители выдали полоумнаго бѣглаго турецкаго солдата, который увѣрялъ будто ходилъ отбирать у одного изъ жителей турецкое казенное ружье и, перелѣзая чрезъ стѣну, такъ неловко его уронилъ что оно выстрѣлило... Виновникъ арестованъ, начато слѣдствіе.

Изъ обыкновенной толпы ежедневныхъ просителей мужу подаетъ на дняхъ какой-то Персіянинъ очень серіозно бумагу, говоря что это стихи его сочиненія, посвящаемые мужу. Авторъ ихъ—субъектъ исходившій чуть не полсвѣта; былъ онъ и на Западѣ, и въ Кашгарѣ, въ Кабулѣ, Афганистанѣ, Индіи, теперь просится на русскую службу. Стихи написаны на вычурной персидской бумагѣ; вотъ ихъ переводъ:

Великій Аллахъ былъ за тебя, Государь,
Русь твоя всегда восторжествовала и теперь
Мечъ твой возсіялъ надъ головами враговъ,
Недруговъ же твоихъ обуялъ трепетъ.
Сравнить ли тебя, Государь, съ могущественнымъ
Сулейманомъ Ирана? или съ двурогимъ
Искандромъ? * О нѣтъ;
Сравненія для тебя не припомнитъ моя память,
Слава тебѣ, Царь Россіи, слава вождямъ и войскамъ твоимъ!
Она водрузила всюду знамя блистательныхъ побѣдъ,
Безсмертные же лавры украсили любимцевъ братьевъ твоихъ.
Худшій врагъ человѣка—уныніе было недоступно
Твоимъ войскамъ. Вожди твои безъ удержу
Стремились къ цѣли. Цѣль ихъ была
Сбить съ главы Св. Софіи высокій полумѣсяцъ.

* Александръ Македонскій.

Мѣткіе выстрѣлы могучихъ рукъ исполнили это
И мнѣ, бѣдному пѣвцу, Курбану, дали
Случай выразить свой восторгъ
Представителю Бѣлаго Царя, генералу Эрзерума.

Въ день Свв. Константина и Елены назначено освященіе могилъ павшихъ подъ Азизіе Бакинцевъ. Какъ извѣстно, 28го октября прошлаго года Бакинскій полкъ взялъ штурмомъ Азизіе, но потомъ долженъ былъ отступить, вслѣдствіе несоразмѣрности силъ съ силами непріятеля. Много легло при этомъ людей; прошло болѣе полугода; судьба Эрзерума измѣнилась; Бакинцы стоятъ гарнизономъ въ томъ же Азизіе; здѣшніе жители намъ разказываютъ подробности звѣрствъ дѣланныхъ турецкими солдатами, а отчасти здѣшними женщинами мусульманскими надъ нашими ранеными; указывали особенно на одну Турчанку, которая, мстя за смерть своего мужа, собственноручно на глазахъ всѣхъ перерѣзала горло болѣе двадцати нашимъ солдатамъ. Лишь только снѣгъ сталъ сходить, начали обнаруживаться трупы, бóльшая часть которыхъ оказались тѣла Русскихъ. Стали собирать эти трупы: Турокъ хоронили гдѣ попало, своихъ болѣе ста тѣлъ (всего полкъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ болѣе 300 человѣкъ) сносили въ одно мѣсто, въ глубину оврага между Азизіе и Меджидіе, устроили тутъ общую могилу, обдѣлали ее камнями, вокругъ отводъ дождевой воды, поставили большой деревянный крестъ. Товарищи павшихъ воиновъ, когда все было готово, захотѣли отслужить панихиду. Я тоже поѣхала и издали смотрѣла на эту трогательную картину. У каждаго изъ молившихся на колѣняхъ солдатъ было по нѣскольку товарищей въ числѣ тѣхъ кому здѣсь, среди мусульманской земли, православный священникъ провозглашалъ вѣчную память. Послѣ панихиды мы отправились въ сопровожденіи Чавчавадзе и Бакинскихъ офицеровъ осматривать штурмованное укрѣпленіе. Молодецкій полкъ: въ немъ теперь Георгіевскихъ кавалеровъ пять офицеровъ и до пятисотъ солдатъ. Командиръ Бакинскаго полка—Ивановъ, Чавчавадзе, Тумановъ и еще нѣсколько лицъ обѣдали у насъ на крышѣ въ палаткѣ. За обѣдомъ вздумали съѣздить въ армянскій монастырь Лусаворичъ-Ванкъ, находившійся въ семи верстахъ отъ города. Тумановъ далъ знать объ этомъ нѣсколькимъ сапернымъ офицерамъ, мужъ—двумъ-тремъ знакомымъ, и такимъ образомъ составилась экспромптомъ большая кавалькада. Послали мы впередъ вьючную лошадь съ коврами и чаемъ.

Монастырь расположенъ высоко на горѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій окруженныхъ каменною стѣной. Надо всѣмъ царитъ крестъ на церковномъ куполѣ. Въ общемъ этотъ монастырь напоминаетъ старинные замки. Съ трехъ сторонъ крутые обрывы, съ четвертой, гдѣ въѣздъ, группа деревьевъ, составляющихъ пріятный контрастъ со скалами и и камнями. Мы пробирались по крутой горной тропинкѣ и я порядочно побаивалась какъ бы не упасть съ кручи.

Въ монастырѣ всего два монаха, изъ нихъ одинъ архимандритъ. Издали завидѣвъ насъ, стали звонить въ колокола, монахи съ крестами вышли навстрѣчу. Изъ города и сосѣднихъ деревень собрался народъ, зурна играла. Слѣзли съ лошадей, подошли ко кресту, потомъ насъ торжественно повели въ ярко освѣщенную церковь. Архимандритъ отслужилъ молебенъ, помянувъ нашу Царскую фамилію. Спустились мы въ потаенную яму гдѣ по преданіямъ три дня скрывался Св. Григорій, просвѣтитель Арменіи. Осматривали древнюю, подземную сырую церковь; ведутъ къ ней низкія, темныя и длинныя галлереи. Я рада была выйти на свѣжій воздухъ. На зеленомъ лужкѣ, откуда открывается чудный видъ на всю долину верхòваго Евфрата, разостлали ковры, мы разсѣлись. Американскій миссіонеръ Mr Coal съ женой и сыномъ присоединились къ намъ. Они каждый годъ выѣзжаютъ сюда какъ на дачу, закрывая на время жаровъ свою школу; живутъ они въ Эрзерумѣ уже восемь лѣтъ; два года тому назадъ Mis Coal ѣздила на родину въ Южную Америку, какъ говоритъ съ визитомъ къ роднымъ (близкій визитъ!). Когда мы вошли въ ихъ крошечное помѣщеніе, маленькій Coal (на видъ настоящій Американецъ) сейчасъ сталъ показывать свое искусство въ стрѣльбѣ изъ карабина, стрѣляя въ цѣль нарисованную на двери.

Ерицевъ по обыкновенію устроилъ туземные танцы; оказалось на это много маленькихъ искусниковъ и искусницъ. Монахи уговаривали насъ, но напрасно,—остаться ночевать, угощали чѣмъ могли. Предъ отъѣздомъ зашли опять въ церковь. Возвращались дальнею, но болѣе ровною дорогой, по которой свободно ходятъ арбы; становилось темно хоть глазъ выколи; замѣтно свѣжѣло. Должна сознаться что рада была увидѣть издали городскіе огоньки, предвѣстники конца поѣздки, довольно-таки меня утомившей.

25го мая.

Почти ежедневно идетъ дождь; на горахъ снѣгъ быстро таетъ, обращаясь въ густыя чёрныя тучи. У здѣшнихъ жителей вершины Палантекена служатъ вѣрнымъ барометромъ: если надъ ними нѣтъ тучъ, хотя бы съ другихъ сторонъ небо совсѣмъ заволокло, дождя въ городѣ не будетъ, и наоборотъ. Изъ оконъ нашей квартиры этотъ барометръ хорошо виденъ и часто приноситъ пользу при нашихъ прогулкахъ. Третьяго дня вечеромъ разразилась сильная гроза; на сѣверѣ я никогда не видала такого сверканія молніи и такихъ перекатовъ грома отъ эхо горъ. На меня всегда гроза очень дѣйствуетъ, а тутъ я просто не знала куда дѣться, не могла спать всю ночь. Особенно страшила меня высокая мачта флага на нашей крышѣ, все казалось что молнія непремѣнно ударитъ въ нее. Почти во всѣхъ комнатахъ у насъ протекало съ потолковъ, воображаю чтὸ дѣлалось въ другихъ домахъ при земляныхъ крышахъ.

На дняхъ получила понятіе чтὸ такое турецкая кофейня. Катаясь по обыкновенію подъ вечеръ верхомъ, мы остановились предъ одною кофейней и вошли въ нее. Увидѣли нѣсколько комнатъ, дворъ съ каменнымъ бассейномъ чистой воды по срединѣ и бьющимъ въ немъ фонтаномъ. Бассейнъ разукрашенъ яркими красками и желтыми цвѣтами, нанизанными на длинныя палки; это букеты восточной формы; кругомъ на низкихъ и широкихъ тахтахъ сидятъ посѣтители, нѣкоторые пьютъ кофе à la tourqua, бо́льшая часть курятъ кальянъ, передавая его по очереди сосѣдъ сосѣду. Турки при этомъ молча мечтаютъ и созерцаютъ небо, Армяне и Греки, перебивая одинъ другаго, шепчутся и спорятъ про какія-нибудь коммерческія дѣла. Въ первой комнатѣ Персіянинъ, содержатель кофейни, важно стоитъ за прилавкомъ, на которомъ варится кофе, на полкахъ цѣлыя шеренги кальяновъ разной величины и отдѣлки. Иногда они бываютъ превосходно украшены золотомъ и серебромъ. Недавно намъ приносили кальянъ необыкновенно красивой отдѣлки, но за то просили за него, какъ и за все здѣсь теперь, невообразимую цѣну. Въ сосѣдней комнатѣ бородобрѣйня или вѣрнѣе головобрѣйня, вся комната увѣшена зеркалами, предъ ними кресла. На Востокѣ бородобрѣи почетные люди, тотъ кого брѣютъ видимо чувствуетъ себя если не на седьмомъ

небѣ, то по крайней мѣрѣ на пятомъ. Въ другой комнатѣ горячимъ утюгомъ на деревянныхъ колодкахъ разглаживаютъ фески, составляющія одну изъ первыхъ потребностей турецкаго щегольства. Кофейня вообще чистая, хозяева привѣтливы, впрочемъ такихъ кофеенъ здѣсь много.

Съ появленіемъ подножнаго корма, кое-гдѣ стали показываться разбойничьи шайки Кюрдовъ. Въ здѣшнемъ краѣ такъ къ этому привыкли что на продѣлки ихъ—воровство, угонъ скота, грабежъ проѣзжающихъ, не обращаютъ вниманія. Конечно, Русскіе не могли смотрѣть на это такъ покойно, и вотъ нѣсколько разъ я видѣла какъ къ мужу приводили пойманныхъ разбойниковъ. Боже, что это за пародія на человѣческій родъ. Какіе-то звѣри въ лохмотьяхъ, черные, взглядъ какъ у гіены, точно будто боящійся дневнаго свѣта и людей. Говорятъ что большая часть этихъ Кюрдовъ трусы, они пускаются на добычу только тогда когда увѣрены въ успѣхѣ; когда распространился слухъ что въ мѣстахъ занятыхъ Русскими разбойничать не даютъ, ихъ стало меньше. Только безпечность Турецкаго правительства могла какъ видно допустить развитіе продѣлокъ этихъ полу-людей. На дняхъ получено извѣстіе, будто шайка Лазовъ собирается напасть на армянскій монастырь Кармиръ-Ванкъ; туда послали десять казаковъ, и храбрые Лазы исчезли. Въ городѣ опять стрѣляли, пуля попала въ стѣну дома гдѣ жили два наши чиновника. Собраны были всѣ старшины и имамы городскихъ кварталовъ и отдано приказаніе немедленно сдавать всѣ ружья; Турецкое правительство во время блокады раздало жителямъ мусульманамъ нѣсколько сотенъ казенныхъ ружей разныхъ системъ. Толпа чалмоносцевъ, повѣся носъ, выслушала это приказаніе, однако на слѣдующій день ружья понемногу стали сноситься. Имамамъ было велѣно найти кто стрѣлялъ, иначе будетъ отвѣчать весь кварталъ. Они сегодня попробовали представить единственнаго въ кварталѣ христіанина, очевидно не виновнаго. Да, пришлось теперь имамамъ и мулламъ казаться ягненками и затаивать свою ненависть къ Русскимъ. Воображаю что они будутъ выдѣлывать когда мы оставимъ Эрзерумъ и они почувствуютъ въ себѣ вновь обузданную на время силу.

Намъ часто приходилось слышать по утрамъ военную музыку, во время тифозной эпидеміи; то были все похоронные марши, и если на улицахъ виднѣлся строй солдатъ, то почти

всегда провожавшіе въ вѣчность своихъ офицеровъ. Можно себѣ представить какъ я обрадовалась сегодня увидѣвъ какъ съ музыкой мимо нашей квартиры вступаютъ въ городъ первыя укомплектованія здѣшнихъ войскъ. Молодые рекрутики шли весело и бойко, съ любопытствомъ озираясь кругомъ; не очень пріятно мусульманамъ увидѣть прибыль въ нашемъ лагерѣ; до сихъ поръ нашихъ солдатъ все убавлялось. Вечеромъ получена телеграмма что конгрессъ назначенъ въ Берлинѣ 12го іюня. Новый лучъ надежды.

29го мая.

Извѣстіе о вторичномъ покушеніи на жизнь Германскаго императора произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Въ отдаленныхъ закоулкахъ Эрзерума и христіане и мусульмане всѣ возмущены, то и дѣло слышны возгласы: неужели опять соціалисты на сценѣ?

Персидскій консулъ поднесъ мужу большой фотографическій портретъ своего шаха, съ красивою персидскою подписью, въ которой сказано что Эрзерумское Персидское консульство подноситъ этотъ портретъ русскому губернатору въ выраженіе признательности за оказываемое здѣсь персидскимъ подданнымъ вниманіе и участіе. Ужъ не хотѣлъ ли этимъ консулъ загладить вину одного изъ своихъ Персіянъ на дняхъ противъ нашихъ чиновниковъ?

Въ послѣднее время, пользуясь улучшеніемъ дорогъ, въ Эрзерумѣ появились много турецкихъ офицеровъ и солдатъ; съ разныхъ сторонъ стали они пріѣзжать повидать свои семьи и захватить оставленное ими имущество. Вчера былъ у насъ бимбаши, бывшій начальникъ пограничнаго турецкаго кордона, котораго мы до начала войны знали въ Александрополѣ. Эта встрѣча напомнила мнѣ другую болѣе оригинальную: на турецкомъ посту, противъ Александрополя, одинъ юзбаши очень любезно принималъ насъ когда мы посѣщали постъ; однажды обѣщалъ мнѣ привезти изъ Карса, гдѣ жила его семья, великолѣпнаго мохнатаго кота. Съ мѣсяцъ спустя послѣ начала войны, я посѣтила турецкихъ плѣнныхъ въ Александропольской крѣпости, и къ удивленію вижу этого самаго юзбаши. И онъ и я сейчасъ вспомнили о котѣ; юзбаши сталъ очень извиняться что „обстоятельства“ не позволяютъ ему теперь исполнить его обѣщаніе, но что рано или поздно котъ этотъ будетъ у меня непремѣнно.

Третьяго дня вечеромъ ѣздили кататься по направленію къ деревнѣ Шехъ; выѣхавъ мы обратили вниманіе на быстро образовавшаюся надъ Палантекеномъ тучу, спускавшуюся въ направленіи города, поѣхали рысью чтобъ избѣжать дождя. Въ селеніи Шехъ зашли въ домъ священника, который служилъ въ это время въ церкви всенощную. На стѣнахъ его комнатъ приклеено много листовъ *Всемірной Иллюстраціи* съ портретами Д. Комарова и другихъ героевъ теперешней войны. Братъ хозяина объяснилъ что это подарки русскаго офицера квартировавшаго у нихъ. Думали ли лица, портреты которыхъ помѣщены въ *Иллюстраціи*, что они останутся можетъ-быть на десятки лѣтъ на стѣнахъ священническаго дома въ глубинѣ Малой Азіи? Пошли мы въ церконь и были удивлены если не богатствомъ, то полнымъ достаткомъ ея; священникъ въ прекрасномъ облаченіи, два хора пѣвчихъ, хорошая живопись, множество горящихъ свѣчей, толпа молящихся. Но чтобы проникнуть въ церковь надо пройти черезъ четверо темныхъ сѣней и нѣсколько низкихъ корридоровъ; въ Турціи достатокъ можетъ сохраняться только за такими таинственными ходами. Насъ провожали черезъ корридоры со свѣчкой; надо было нагибаться чтобы не ушибить головы. Выйдя изъ церкви собрались въ обратный путь; народъ провожалъ насъ. Любовались дорогой великолѣпными всходами хлѣбовъ; на Эрзерумской равнинѣ всѣ поля орошаются водой, всюду продѣланы канавки, неурожаи очень рѣдки. Подъѣзжая къ городу, видимъ что въ мѣстахъ гдѣ была пыль стало грязно; уже успѣлъ выпасть сильный дождь, а насъ ни одна капля не промочила; въ нашей квартирѣ опять полы вымокли.

Вчера не успѣли мы такъ благополучно убѣжать отъ дождя какъ третьяго дня. Когда выѣхали черезъ Карсскія ворота было совершенно ясно; но Жильберъ, указывая на Палантекенъ, сказалъ намъ: „черезъ полчаса грянетъ дождь". Дѣйствительно, не успѣли подъѣхать къ лагерю стало накрапывать; поспѣшили подъѣхать къ стрѣлкамъ, и мнѣ въ первый разъ пришлось просидѣть въ палаткѣ во время грозы. Но какой же былъ ливень! Разомъ по всему лагерю пошли быстрые потоки (лагерь на скатѣ и всю воду несло внизъ). Казалось вотъ-вотъ все затопится; тучи надъ самыми головами, страшная молнія, градъ. Зашли мы сперва въ палатку моего кума Попова; но она самая крайняя, и Поповъ раз-

казывалъ что нѣсколько дней назадъ, молнія ударила въ 15 шагахъ отъ его палатки и разбила фонарь. Я поспѣшила уйти оттуда въ палатку баталіоннаго командира Сагинова; эта кромѣ парусины покрыта сукномъ, и окошки закрываются. Почти два часа продолжалась гроза. Дорогой назадъ съ трудомъ переѣзжали черезъ нѣсколько вновь образовавшихся рытвинъ, гдѣ вода стремилась съ шумомъ и пѣной. Подъѣзжая къ городу слышимъ гвалтъ; оказалось стадо, возвращаясь съ поля, должно было переходить черезъ оврагъ, гдѣ два часа тому назадъ было сухо, а теперь образовался быстрый и глубокій потокъ. Съ одного берега толпа народа съ криками и жестами силились вогнать скотъ въ воду; волы и коровы сопротивлялись, но все-таки шли, нѣкоторыхъ теченіе сшибало съ ногъ; но ослы—ни за что; ихъ толкали палками, чѣмъ попало, и насилу переправили. Множество любопытныхъ, особенно женщинъ и дѣтей, смотрѣли на эту сцену; мы тоже простояли съ четверть часа.

30го мая.

Армянинъ, хозяинъ дома гдѣ отведена квартира Ерицеву (здѣсь всѣмъ квартиры отводятся по военному положенію безплатно), человѣкъ очень добрый и внимательный; только въ томъ бѣда что тщеславіе его переходитъ границы. Вбилъ себѣ въ голову непремѣнно получить русскій орденъ; чего ужь онъ для этого не дѣлалъ. Больше всего разумѣется достается постояльцу; надо же извлечь изъ него пользу чтобы не даромъ прожилъ въ его домѣ. Ежедневно онъ входитъ къ Ерицеву по нѣскольку разъ, какъ бы тотъ ни былъ занятъ; садится предъ нимъ и иногда молча, заискивающе глядя русскому чиновнику въ глаза, просиживаетъ часы. Когда можно говорить, любимая тема его, какъ бы онъ желалъ быть полезнымъ Русскому правительству. Это до того надоѣло Ерицеву что тотъ рѣшился его проучить; и вотъ какъ это сдѣлалъ.

Однажды Ерицевъ вернувшись поздно домой призываетъ хозяина, таинственно объявляетъ ему: „случай представился". Разказываетъ что ему, Ерицеву, сейчасъ дано экстренное, важное и секретное порученіе по которому надо ѣхать въ Багдадъ; при этомъ разрѣшено взять съ собой переводчика и онъ предлагаетъ своему хозяину это мѣсто. Тотъ въ восторгѣ. Но ему говорятъ что надо хорошо снарядиться быть представительнымъ. „Не пожалѣю ничего, все куплю",

возражаетъ обрадованный хозяинъ. На другой же день утромъ онъ пошелъ разоряться. Купилъ бѣлый англійскій каучуковый плащъ, лакированныя ботфорты, нѣсколько чемодановъ, сѣдло и наконецъ лошадь; всѣ издержки, какъ онъ ни былъ скупъ, блѣднѣли предъ перспективой носить въ петличкѣ ленточку, а на ней орденъ, настоящій, россійскій! Родные, особенно жена, не понимали куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ; но повинуясь судьбѣ, цѣловали, обнимали его, плакали съ нимъ на прощаньи. Наконецъ насталъ торжественный день отъѣзда; Ерицевъ съ хозяиномъ въ сопровожденіи товарищей, съ багажемъ и вьюками, должны были собраться у Абдурахманъ-Кази (мусульманскій монастырь) на прощальный обѣдъ, а оттуда предстояло отправиться прямо въ путь-дороженьку; во время обѣда долженъ былъ прискакать казакъ съ конвертомъ извѣщающимъ объ отмѣнѣ командировки Ерицева. На этотъ пикникъ пригласили и меня; но только секретъ кто-то разоблачилъ до обѣда. Тѣмъ не менѣе затѣянная исторія доставила всѣмъ большую забаву. Пресмѣшно было видѣть Армянина въ его походномъ плащѣ, ботфортахъ съ огромными шпорами, съ сумкой черезъ плечо и пистолетами за кушакомъ. Онъ вовсе не сердился; напротивъ, предобродушно смѣялся, разказывалъ какъ грустно было разставаться съ семьей, но лестно получить отъ русскихъ властей порученіе; показывалъ мнѣ купленные для дороги часы и угощалъ всѣхъ апельсинами наполнявшими его карманы для освѣженія во время жары путешествія. Онъ вспоминалъ какую-то персидскую пѣсню на тему: „въ три дня съѣздилъ въ Багдадъ", говоря: „а я съѣздилъ еще быстрѣе".

Съ этимъ же Армяниномъ на дняхъ былъ другой казусъ: поздно возвращался онъ съ Ерицевымъ домой, было совсѣмъ темно на улицахъ, какъ всегда въ Эрзерумѣ ночью тишина, нигдѣ ни души. На перекресткѣ, близь своего дома, возлѣ фонтана, видитъ что кто-то притаился и куритъ; конецъ папиросы по временамъ вспыхиваетъ. „Кто тамъ?" Нѣтъ отвѣта. „Кто, говори сейчасъ, зачѣмъ бродишь ночью?" Полное безмолвіе. „Разбойники", говоритъ Армянинъ и опрометью бросается въ домъ за пистолетомъ, взводитъ курокъ и съ угрозами приступаетъ къ спокойно продолжавшему курить разбойнику. Какія далѣе были сцены и долго ли продолжались, Ерицевъ съ хозяиномъ умалчиваютъ; но наконецъ оказалось что никакого разбойника не было, а лишь окурокъ

папиросы забытый какимъ - нибудь прохожимъ на нишѣ фонтана, разгоравшійся по временамъ отъ вѣтра. Мы очень много смѣялись услышавъ объ этомъ приключеніи.

31го мая.

Въ Эрзерумъ пріѣхалъ назначенный вмѣсто умершаго Геймана корпусный командиръ генералъ Лазаревъ. Толки о его пріѣздѣ давно ходили между населеніемъ. Армяне ждали съ нетерпѣніемъ этотъ день и гордились тѣмъ что вотъ уже второй корпусный командиръ (первый былъ Лорисъ) Армянинъ родомъ. Особенно лестно должно это быть турецкимъ Армянамъ: Турки самыхъ почетныхъ изъ нихъ словно въ грязь толчутъ, не считаютъ за равныхъ себѣ людей, а теперь первый воинъ и глава края изъ среды ихъ. Какія розовыя мечты являются у каждаго Армянина на будущее. Лазаревъ кромѣ того возбуждалъ общее любопытство вслѣдствіе молвы которая ходила въ народѣ про его внушительную наружность, храбрость и грозное управленіе Лезгинами въ Дагестанѣ.

Въ день его пріѣзда съ утра городъ былъ въ суетѣ. Приготовили ему квартиру на консульской площади, противъ главной гаултвахты, убрали ее какъ только возможно по здѣшнимъ средствамъ. Много народу, въ томъ числѣ ученики школъ, выходили за ворота города навстрѣчу, почетные жители въ шитыхъ золотомъ мундирахъ и орденахъ, на кровныхъ лошадяхъ осѣдланныхъ богатыми бархатными съ дорогимъ шитьемъ сѣдлами гарцовали по улицамъ; многіе изъ нихъ заѣхали къ намъ чтобы вмѣстѣ съ мужемъ отправиться на встрѣчу русскому муширу.

Я пошла къ Жильберамъ, балконъ которыхъ выходилъ на площадь, гдѣ собрался почетный караулъ, хоръ музыки, много офицеровъ въ мундирахъ.

Говорятъ встрѣча за городомъ была необыкновенно торжественная; народъ верстъ шесть за городъ вышелъ навстрѣчу, бѣжалъ толпой возлѣ ѣхавшаго верхомъ Лазарева и безъ умолку кричалъ *ура*. Плоскія крыши домовъ были буквально залиты народомъ; женщины махали платками и кланялись, еще съ ранняго утра многія женщины усѣлись на крышахъ чтобы не пропустить встрѣчи. Мѣстами играла зурна, на улицахъ тѣснилось такъ много Армянъ, Грековъ и даже мусульманъ что полицейскіе должны были ихъ расталкивать.

Около Карскихъ воротъ мужъ встрѣтилъ Лазарева, съ чинами управленія, почетными жителями, городскими имамами и мухтарами (старшинами).

Наконецъ и мы услышали шумъ и крики *ура*; видимъ впереди бѣжитъ масса красныхъ фесокъ, за ними двѣ сотни казаковъ съ большими значками, далѣе Лазаревъ раскланивавшійся направо и налѣво, съ обѣихъ сторонъ его мужъ и Чавчавадзе, за ними много военныхъ, опять казаки, а закрываетъ шествіе неисчислимая толпа жителей. Флагъ на домѣ французскаго консула отсалютовалъ, русскій флагъ на домѣ корпуснаго командира взвился на верхъ высокой мачты, какъ только процессія показалась. Все вышло эффектно до поразительности; здѣшніе жители не запомнятъ подобнаго торжества.

Всѣ пріѣзжіе и главные здѣшніе начальники обѣдали у Чавчавадзе; мы все время слушали музыку, такъ какъ онъ квартируетъ недалеко отъ Жильберовъ. Послѣ обѣда мужъ зашелъ за мной, а вечеромъ поѣхали верхомъ.

Выѣхавъ черезъ Трапезонтскія ворота повернули вправо и ѣдемъ снаружи ряда земляныхъ укрѣпленій. Слышимъ — выстрѣлы. Что̀ такое? Милиціонеры и казаки поскакали узнать въ чемъ дѣло; одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади и побѣжалъ черезъ валъ къ показавшимся тремъ чернымъ фигурамъ. Продолжаемъ ѣхать далѣе, вдругъ слышимъ свистъ пули какъ разъ надъ головами, такъ что лошадь моя отшатнулась. Это уже слишкомъ, казаки только-что собрались опустить ружья, какъ оказалось что это саперные офицеры вздумавшіе стрѣлять въ цѣль приставивъ мишени къ валамъ и не замѣчая что пули ихъ перелетаютъ черезъ валъ. Они были очень сконфужены, тѣмъ болѣе что съ нами же ѣхалъ ихъ командиръ. Теперь я сдѣлалась совсѣмъ боевая; j'ai reçu le baptême du feu, слышала свистъ пули надъ головой.

1го іюня.

Сегодня Лазаревъ ѣздилъ осматривать городъ и лагерь. Начальникъ дивизіи Цитовичъ давалъ большой обѣдъ, говорятъ, очень шумный.

2го іюня.

Съ утра стали съѣзжаться къ намъ чиновники и почетные жители, въ тѣхъ же парадныхъ мундирахъ въ какихъ они были на встрѣчѣ Лазарева третьяго дня. Мужъ повелъ ихъ

представить корпусному командиру, который съ перваго же раза покорилъ ихъ себѣ: „въ каждомъ словѣ этого человѣка,—говорили потомъ при мнѣ нѣкоторые изъ Турокъ, слышится твердость, сила; настоящій русскій муширъ, ему можно вѣрить". Сегодня познакомилась я съ Лазаревымъ, какъ видно онъ не изъ тѣхъ людей которымъ высокій постъ кружитъ голову.

4го іюня.

Меня возмутила корреспонденція *„Голоса"* изъ Эрзерума подписанная Крыжановскимъ. Удивительно откуда онъ могъ слышать такія небылицы, чтеніе которыхъ вызвало общій смѣхъ; всѣ интересовались узнать кто это Крыжановскій: оказалось, онъ находится при складѣ Общества Краснаго Креста. Въ корреспонденціи говорилось про какія-то будто бы найденныя плавающими въ своей крови тѣла нашихъ офицеровъ, и про другія убійства, на дѣлѣ вовсе не бывшія. Между тѣмъ эта корреспонденція надѣлала тревогу: наши офицеры то и дѣло стали получать телеграммы отъ своихъ семействъ и знакомыхъ въ которыхъ сказывалось сильное опасеніе за ихъ жизнь.

Ходила къ madame Gilbert пригласить ее съ мужемъ къ намъ на обѣдъ, даваемый по случаю пріѣзда Лазарева. Я очень рада что madame Gilbert въ подобныхъ случаяхъ выручаетъ меня отъ того чтобы мнѣ не быть единственною женщиной среди большаго мужскаго общества. За обѣдомъ по обыкновенію были оживленные тосты: смѣшно было видѣть какъ персидскій коснулъ спѣшилъ сказать рѣчь ранѣе французскаго консула, и какъ Жильберъ замѣтно досадовалъ что позволилъ Азіятцу опередить спичемъ Европейца. Вообще здѣсь до прибытія Русскихъ всѣ европейскіе консулы держали себя какъ очень важныя, вліяющія на управленіе краемъ лица, и Жильберу видимо чувствительна потеря, при русскихъ властяхъ, своего прежняго величія.

На прежнихъ офиціальныхъ обѣдахъ почетные туземцы держали себя съ Русскими немного натянуто, теперь же какъ старые знакомые. Послѣ обѣда, когда вышли на балконъ, дружескимъ изліяніемъ не было конца: и епископы, и мусульмане, то и дѣло выражали Русскимъ свою признательность за равную ко всѣмъ благосклонность и справедливость. Массы народа опять весело шумѣли подъ балкономъ, стараясь раз-

смотрѣть новаго русскаго мушира. Зурна не умолкала, подъ ея звуки составилось нѣсколько кружковъ танцующихъ Армянъ.

Когда наши гости разошлись, пошли мы въ армяно-католическую церковь; у католиковъ сегодня fête-Dieu, и Monseigneur пригласилъ насъ къ торжественной вечернѣ. Дворъ католической церкви обнесенъ каменною стѣной вышиною въ три сажени (это въ видѣ предосторожности отъ мусульманъ). Послѣ вечерни крестный ходъ совершался внутри двора вокругъ церкви: епископъ со святыми дарами, въ роскошномъ облаченіи, шелъ подъ богатымъ балдахиномъ, впереди его по два въ рядъ пѣвчіе въ бѣломъ съ вѣнками на головахъ, и священники; двое мальчиковъ бросали подъ ноги Monseigneur'а лепестки цвѣтовъ, двое другихъ несли поднось съ курящимся ѳиміамомъ и окрапывали епископа розовымъ масломъ. У изящно устроеннаго для этого случая и изукрашеннаго цвѣтами алтаря процессія остановилась, всѣ стали на колѣни. Очень удивилась я, замѣтивъ на навѣсѣ подъ этимъ временнымъ алтаремъ рисунки турецкихъ полумѣсяцевъ и звѣздъ; Армяне-католики очень умѣютъ быть пріятными Туркамъ; такой же большой бронзовый полумѣсяцъ красуется надъ входомъ въ домъ епископа; за то Армяне-католики менѣе всѣхъ другихъ христіанъ терпятъ отъ Турокъ.

5го іюня

Шведъ служившій подрядчикомъ у Турокъ при постройкѣ эрзерумскихъ укрѣпленій недавно умеръ отъ тифа, не дождавшись разчета за свои работы; жена его въ совершенной бѣдности отправляется на родину съ малолѣтними дѣтьми. Жильберы, всегда помогавшіе кому только могли, снабдили ее деньгами на дорогу. По ихъ просьбѣ и мы приняли участіе въ этой бѣдняжкѣ отправляющейся изъ Эрзерума проклиная Турокъ. Сколько на нашихъ глазахъ было подобныхъ примѣровъ людей выручениыхъ Европейцами изъ бѣды причиненной Турками. Разказамъ о безцеремонности турецкихъ чиновниковъ, особенно мелкихъ, нѣтъ конца; это точно саранча все пожирающая и со своихъ, а особенно съ христіанъ. Во время войны за все что бралось Турками для войскъ жители получали квитанціи; когда пришло время расплачиваться по этимъ квитанціямъ, весьма многимъ не платили подъ тѣмъ предлогомъ что подъ квитанціей приложена печать не чиновника, а какого-то неизвѣстнаго лица. Какъ тутъ защититься бѣдняку жителю?

Шабаніанъ сдѣлалъ вечеръ, на который пригласилъ болѣе двадцати русскихъ офицеровъ и генераловъ; изъ туземцевъ, кромѣ его семьи, не было рѣшительно никого. Садъ былъ иллюминованъ разноцвѣтными фонарями, пріемъ гостей въ kіоскѣ. Здѣсь только немногіе, самые богатые жители имѣютъ садики, окруженные со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами (какъ институтскіе сады) и всегда такъ запрятанные что пробираться къ нимъ надо черезъ длинные, извилистые, темные проходы. Въ углу садика обыкновенно kіоскъ (бесѣдка) съ фонтаномъ по срединѣ, широкими тахтами вокругъ; стѣны обращенныя въ садъ почти сплошь изъ стеколъ. Въ хорошенькомъ садикѣ Шабаніана и kіоскѣ съ фонтаномъ отдѣланнымъ мраморомъ, при разноцвѣтныхъ фонаряхъ, бенгальскомъ огнѣ, фейерверкѣ и женщинахъ одѣтыхъ въ азіятскіе костюмы, воображеніе разыгрывалось, думалось что находишься въ какомъ-то волшебномъ мірѣ или видишь сцену изъ *Тысячи и одной ночи.* Игралъ хоръ нашей музыки. Ужинать перешли въ столовую; Шабаніанъ сказалъ по-армянски длинную рѣчь, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: „Россія съ царствованія Петра Великаго быстро расширяется и крѣпнетъ, благодаря энергіи и другимъ достоинствамъ ея представителей, на которыхъ выпадаетъ доля имѣть дѣло съ сосѣдями; ознакомившись ближе съ Русскими въ Эрзерумѣ, онъ убѣдился что нынѣшніе сыны Россіи могутъ гордиться этими же свойствами не менѣе своихъ предковъ; съ глубокимъ уваженіемъ смотритъ онъ на силу этой великой державы и на ея вѣрныхъ сыновъ."

Лазаревъ получилъ нѣсколько медалей вновь отчеканенныхъ въ память минувшей войны. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на эти новыя медали.

7го іюня.

Генералъ Бобоховъ, старый нашъ знакомый, останавливался недалеко отъ насъ, въ домѣ Армянина-католика Петроса-эфенди. Прійдя въ садъ этого дома проститься съ Бобоховымъ, который уѣзжаетъ обратно въ Карсъ, увидѣли мы очень красивую Армянку, блондинку, совершенную Гретхенъ, удивились когда она заговорила по-французски. Со времени войны 1853—56 годовъ среди католиковъ въ Анатоліи сохранилось сильное вліяніе Франціи; почти во всякомъ домѣ висятъ портреты Наполеона и императрицы Евгеніи. Сестры милосердія ревностно стараются распространять между своими ученицами французскій языкъ.

Обѣдали на крышѣ въ палаткѣ; за обѣдомъ насъ смѣшили разказами о томъ какъ въ Карсѣ появилась манія закупать мохнатыхъ кошекъ. Какой-то докторъ, платя по рублю за кота, считалъ что имъ куплено до 50 и удивлялся что вновь покупаемые очень похожи на прежде купленныхъ и убѣжавшихъ изъ его гостепріимнаго кошачьяго пріюта. Оказалось что жители очень выгодно для себя подсмѣялись надъ докторомъ: коты черезъ печную трубу выбѣгали обратно къ хозяевамъ, и тѣ по нѣскольку разъ продавали ихъ тому же покупщику. По этому поводу вспоминали какъ въ Красноводскѣ послѣ отъѣзда какого-то натуралиста солдаты, не зная о его выѣздѣ, массами ловили змѣй, приносили ихъ въ штабъ, искали „купца который торгуетъ змѣями". Когда имъ наконецъ объявили что ихъ покупщикъ уѣхалъ, они очень досадовали, зачѣмъ онъ такъ поторопился выѣхать.

9го іюня.

Посѣтили мы мельницу на мѣстѣ называемомъ Киркъ-Булахъ и поле битвы 28го октября прошлаго года.

Киркъ-Булахъ въ переводѣ значитъ сорокъ водъ. Это мѣсто находится вблизи отъ Палантекенскихъ горъ, въ ущельи, въ восьми верстахъ отъ города; изъ естественнаго русла быстрый потокъ отведенъ широкою канавой, расходящеюся тутъ же на нѣсколько рукавовъ, съ пѣной и шумомъ по камнямъ падающихъ каскадами. Около живописно прилѣпившейся здѣсь мельницы разрослось много деревьевъ, придающихъ большую привлекательность этому мѣстечку; нигдѣ далеко вокругъ нѣтъ столько зелени. Здѣсь у воды всегда прохладно, а съ закатомъ солнца становится очень холодно и поднимается сильный вѣтеръ. Эрзерумскіе жители верхомъ съ женщинами на арбахъ часто ѣздятъ проводить весь день на Киркъ-Булахъ. Возвращаясь черезъ Ольтинскія ворота, мы нечаянно наткнулись на сидящихъ на травѣ возлѣ крѣпостнаго рва Жильберовъ; M. Gilbert имѣлъ очень сумрачный и недовольный видъ, оказалось что нашъ часовой у воротъ крѣпости, имѣя приказаніе не пропускать военныхъ Турокъ безъ билета, остановилъ ихъ каваса. Увидѣли мы его каваса съ весело-безпечнымъ лицомъ сидящаго поджавъ ноги на верху вала; мужъ велѣлъ его пропустить, объявивъ все-таки Жильберу что часовой былъ правъ исполнивъ въ точности данное ему приказаніе.

Забрались мы на ту самую гору гдѣ стоялъ Гейманъ 28го октября; подробно осматривали тропинки и оврагъ по

которымъ лѣзли Бакинцы на штурмъ Азизіе; кругомъ все еще лежатъ обломки гранатъ, латроны, картечь; осторожно проѣзжали около двухъ неразорванныхъ гранатъ. На этихъ мѣстахъ по стаяніи снѣга и были собраны трупы похороненные Бакинцами въ общей могилѣ. Проѣхали мимо лагеря вновь прибывшихъ Кубанскихъ казаковъ; пріятно было смотрѣть на ихъ воинственныя открытыя русскія лица.

Сегодня познакомилась я съ генераломъ Проскуряковымъ, командиромъ 39й артиллерійской бригады, у котораго три сына во все время кампаніи служили въ его же бригадѣ; меня очень тронуло когда онъ разказывалъ какъ онъ послѣ каждаго сраженія съ замираніемъ сердца справлялся всѣ ли сыновья живы.

11го іюня.

Мусульманинъ Али-эфенди сдѣлалъ большой обѣдъ Русскимъ въ томъ самомъ казино гдѣ былъ нашъ танцовальный вечеръ. На площади противъ казино толпился народъ, въ срединѣ котораго стоялъ хоръ музыкантовъ. Длинная, широкая наружная галлерея казино была полна приглашенными; русскіе мундиры и фески перемѣшались; изъ дамъ опять только двѣ, madame Gilbert и я. Все общество разсѣлось за отдѣльные круглые столики, составленные изъ обыкновенныхъ турецкихъ круглыхъ металлическихъ подносовъ, подъ которыми сдѣланы деревянныя подставки. Лазареву поставили кресло подъ портретомъ нашего Государя; онъ предложилъ мнѣ сѣсть на него, но конечно я не согласилась. Люди прислуживающіе за столами одѣты были въ одинаковыя сѣрыя блузы. Блюдъ подавали до двадцати, все турецкія. Присматривалъ за всѣмъ молодой расторопный турецкій офицеръ. Провозглашали много тостовъ; общее выраженіе любезности между Русскими и Турками не умолкало, насколько искренне—знаетъ Богъ.

Послѣ обѣда всѣ вышли на галлерею; народъ внизу кричалъ *ура*; мальчишкамъ опять бросали сверху деньги. Всѣ были довольны; умный Али-эфенди мастерски угодилъ и представителямъ населенія, и Русскимъ.

Вечеромъ катаясь, заѣхали въ лагерь, дорогой увидѣли казаковъ съ распущеннымъ значкомъ, выѣхавшихъ встрѣтить генерала Шереметева, назначеннаго начальникомъ эрзерумскихъ войскъ вмѣсто князя Чавчавадзе.

11го іюня

Утромъ у Жильберовъ продавались съ аукціона вещи умершаго австрійскаго доктора, находившагося на турецкой службѣ. Старшій крикунъ громко выкрикивалъ цѣны продажныхъ предметовъ; изъ толпы слышались голоса покупателей. Въ Турціи объявленія не вывѣшиваются какъ у насъ, а узнаются посредствомъ публичныхъ крикуновъ, которые ходя по улицамъ кричатъ во все горло объ разныхъ распоряженіяхъ начальства, о предстоящихъ аукціонахъ и другихъ животрепещущихъ мѣстныхъ новостяхъ. Уморительныя сцены происходили при аукціонѣ: продавались сапоги; одинъ Армянинъ купилъ ихъ не помѣривъ, въ полной увѣренности что коли заплачены за сапоги деньги они должны быть ему въ пору.

Предъ вечеромъ прибѣгаетъ впопыхахъ къ Жильберу одинъ изъ его турецкихъ кавасовъ, перебиваетъ серіозный разговоръ его съ нѣсколькими лицами, торопясь сообщить о невиданномъ доселѣ казусѣ въ Эрзерумѣ: проходя мимо казино, видитъ онъ какъ казачій офицеръ верхомъ на своемъ конѣ въѣхалъ по довольно крутой деревянной лѣстницѣ казино въ верхній этажъ, спокойно объѣхалъ всѣ комнаты, закусилъ у буфета, проѣхался по наружной галлереѣ и выѣзжая обратно слѣзъ съ лошади только при спускѣ; офицеръ былъ совсѣмъ трезвъ, никого не задѣвалъ и чинно расплатился за закуску; эта выходка произвела на зрителей потрясающее впечатлѣніе, разказы о ней быстро разнеслись по городу между жителями; Турки въ ужасѣ говорили: „вотъ на что̀ способенъ русскій офицеръ, навѣрно въ немъ шайтанъ (дьяволъ)".

Въ одной изъ принесенныхъ мужу для осмотра турецкихъ телеграммъ, Измаилъ-паша дѣлаетъ выговоръ Максюдъ-эфенди за его не совсѣмъ приличное поведеніе; вѣроятно это за то что послѣ обѣда у Али-эфенди, развеселившійся Максюдъ-эфенди подошелъ со стаканомъ вина къ щепетильному персидскому консулу (истому мусульманину, никогда не пьющему вина) говоря: „пей" и когда тотъ наотрѣзъ отказалъ, съ искаженнымъ лицомъ вылилъ ему стаканъ на голову: „не хочешь добромъ, пей силой" говорилъ при этомъ расходившійся Максюдъ-эфенди; персидскій консулъ сталъ въ ужасѣ отряхиваться, читая мусульманскія молитвы, чтобъ очиститься отъ оскверненія виномъ (онъ даже на большихъ

обѣдахъ, при провозглашеніи тостовъ льетъ вмѣсто вина шербетъ, сахарную воду.

Бастурмаджи тоже устроилъ для Русскихъ вечеръ съ такою же затѣйливою обстановской какъ и у Шабаніана; его кіоскъ даже еще роскошнѣе былъ изукрашенъ цвѣтами. Кругомъ сада на крышахъ играли нѣсколько зурнъ, послѣ ужина составились туземные танцы; нѣсколько Русскихъ становились въ кругъ, стараясь выдѣлывать армянскія па. Очень многочисленное семейство Бастурмаджи состоитъ изъ двадцати двухъ человѣкъ живущихъ всѣ вмѣстѣ. Отецъ молодаго Бастурмаджи (теперешняго главы дома) два года назадъ убитъ среди бѣла дня какимъ-то фанатикомъ Туркомъ, причемъ турецкія власти на всѣ жалобы и просьбы семьи убитаго о разысканіи убійцы остались глухи и нѣмы.

Получено обрадовавшее всѣхъ извѣстіе что между Россіей, Англіей и Австріей состоялось предварительное соглашеніе. Теперь дастъ Богъ война не возобновится.

13го іюня.

Четвертый стрѣлковый баталіонъ долго находился еще въ Дагестанѣ подъ начальствомъ генерала Лазарева, а въ эту кампанію не разъ дѣйствовалъ въ сраженіяхъ подъ его же командой. Офицеры баталіона, желая выразить Ивану Давыдовичу свое почитаніе и признательность, устроили ему вечеръ въ лагерѣ. Замѣчательно затѣйливо и мастерски обставили стрѣлки свой праздникъ. Приближаясь къ стрѣлковому лагерю не вѣришь своимъ глазамъ: поле, которое нѣсколько дней назадъ было усыпано камнями, волшебствомъ преобразилось въ садъ; поставлено нѣсколько арокъ и великолѣпно сдѣланныхъ транспарантовъ съ названіями разныхъ блистательныхъ для Русскихъ сраженій и взятыхъ крѣпостей; аллеи покрыты пескомъ, разставлены зеленыя скамейки, вывѣшены разноцвѣтные флаги, а въ глубинѣ сада цѣлое роскошное зданіе, устроенное изъ палатокъ, кибитокъ и деревяннаго навѣса; тутъ была и большая гостиная, вся обитая коврами, шалями; въ ней диваны, кресла, столы, зеркала, люстры, тахты, канделябры, потомъ столовая, нѣсколько уютно устроенныхъ комнатъ съ карточными столами, дамская уборная (лишь для двухъ дамъ, тоже madame Gilbert и я),—все это разукрашено гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ зари съ церемоніей зажгли всѣ фонари и свѣчи, обстановка при этомъ стала еще роскошнѣе. Въ саду стояли два хора музыки и нѣсколько хоровъ пѣсенниковъ.

Праздникъ вышелъ на славу, настоящій fête-monstre; приглашенныхъ была масса. До ужина устроились танцы; многіе офицеры въ томъ числѣ и мужъ танцовали за дамъ; веселье было общее. Офицеры, составивъ хоръ, очень стройно пѣли, особенно понравилась мнѣ задушевная пѣсня выражающая тоску русскаго сердца по далекой родинѣ, по своей матери благословляющей сына на войну. За ужинъ сѣло приблизительно человѣкъ полтораста; тостамъ не было конца; пріятно было видѣть съ какою любовью офицеры пили за здоровье солдатъ; послѣдніе хоромъ пропѣли пѣсню недавно сложенную про подвиги Лазарева. Послѣ ужина снова танцовали; пустили очень удачный фейерверкъ.

Праздникъ кончился въ четыре часа утра. Когда мы вернулись домой уже разсвѣло; хоръ музыки шелъ за нами; многіе офицеры верхомъ провожали насъ; ракеты отдавали намъ салюты. Видно стрѣлки держатся пословицы: коли дѣлать такъ на славу. Офицеры другихъ полковъ кусали себѣ губы говоря: теперь никому нельзя ничего затѣять, все будетъ блѣдно и скучно сравнительно съ блистательнымъ праздникомъ у стрѣлковъ.

15го іюня.

Теперь, когда Русскіе въ Эрзерумѣ немного оправились отъ страшной эпидеміи и какъ могли веселились, стараясь забыть перенесенную тяжелую долю, когда мѣстные жители, особенно христіане, подъ вліяніемъ слуха что Эрзерумъ остается совсѣмъ за Россіей, наперерывъ старались выказать намъ свое дружелюбіе, а истые мусульмане спрятались такъ что ихъ не видать и не слыхать,—въ это время въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ *Голосѣ*, съ удивленіемъ снова читаемъ статьи объ ужасахъ и убійствахъ будто бы совершающихся въ Эрзерумѣ. Мужъ написалъ оффиціальное опроверженіе такихъ ложныхъ корреспонденцій.

Погода наконецъ и у насъ установилась совсѣмъ теплая; лунныя ночи восхитительныя; на горахъ снѣгу почти нѣтъ; но все-таки по временамъ суровая горная природа даетъ себя знать. Вчера ѣздили мы кататься въ сторону Киркъ-Булаха; насъ засталъ дождь, надѣли мы каучуковые пальто съ башлыками и представляли собою точно группу разбойниковъ; возвращаясь домой видимъ всѣ дороги бѣлы, это въ какіе-нибудь полчаса выпалъ такой градъ.

Сегодня утромъ близь Кереметли повѣшены три разбойника изъ мусульманъ, приговоренные къ смертной казни нашимъ военнымъ судомъ за разбой и убійства, которые они совершили еще 27го апрѣля надъ семью Армянами въ селѣ Чифтликѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ города. При мнѣ мужу докладывалъ чиновникъ о подробностяхъ казни: собралось много народу, преимущественно мусульманъ, которые въ роковую минуту стали говорить вслухъ свои молитвы.

Въ два часа, въ большомъ зданіи армянской митрополіи Армяне-Григоріане съ ихъ архіепископомъ во главѣ давали Лазареву большой обѣдъ; прислуживали за столомъ молодые люди изъ здѣшнихъ почетнѣйшихъ семействъ, имѣвшіе въ петлицахъ фраковъ цвѣтные банты; одинъ изъ тостовъ архіепископа былъ за ихъ здоровье; Армяне выражали свою благодарность Русскимъ за справедливое управленіе краемъ.

Общество Грековъ также выразило желаніе дать Русскимъ обѣдъ.

Опять нежданно-негаданно попали на пиръ. Поѣхали по обыкновенію кататься; этотъ разъ въ сторонѣ лагеря, проѣзжая мимо орудій одной батареи, видимъ вдали между палатками толпу; спрашиваемъ солдата: что̀ тамъ такое? тотъ важно отвѣтилъ „балъ"; мы попытались поскорѣе удалиться, но не успѣли отъѣхать нѣсколько шаговъ какъ заиграла музыка и генералъ Проскуряковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ съ бокалами вышелъ намъ навстрѣчу. Оказалось, артиллеристы провожаютъ отъѣзжающаго завтра на воды командира ихъ бригады Проскурякова. Какъ отказаться присоединиться къ ихъ компаніи? Сошли съ лошадей. Сейчасъ устроились танцы, хотя мнѣ въ амазонкѣ было очень неудобно танцовать. Гамидъ-бекъ участвовавшій въ нашей кавалькадѣ все удивлялся: что̀ это за обычай у Русскихъ, лишь только соберутся, сейчасъ гуляютъ; „вотъ вамъ и дорога къ водопроводамъ", повторялъ онъ (предпринимали мы сегодняшнюю прогулку чтобъ осмотрѣть начало подземнаго большаго городскаго водопровода). Гамидъ-бекъ долго былъ насупившись, но когда офицеры, взявъ его подъ руки, подвели къ столу на которомъ стояли бутылки шампанскаго, и стали его угощать, онъ просвѣтлѣлъ. Солдатъ кругомъ насъ собралось очень много, засіяли ихъ лица, когда произнесенъ былъ тостъ за здоровье ихъ семействъ; мнѣ пріятно было увидѣть дружелюбные взгляды солдатъ, когда Проскуряковъ говорилъ

-имъ что и я перенесла вмѣстѣ съ ними здѣсь на далекой чужбинѣ самое тяжелое время.

Сегодня съ балкона Жильберовъ смотрѣли мы на вступающихъ въ Эрзерумъ Тверскихъ драгунъ и казачью батарею. Приходъ каждой новой части видимо ободряетъ всѣхъ Русскихъ и сердитъ Турокъ.

16го іюня.

Генералъ Лазаревъ сегодня уѣхалъ, обѣщаетъ опять къ намъ вернуться; будемъ его ждать.

Ѣздили большою компаніей навѣстить семейство Бастурмаджи; дорогой опять увидѣли на площади взводъ мальчишекъ со значкомъ и бумажными декораціями, выдѣлывающихъ разные русскіе военные пріемы; это рѣшительно сдѣлалось любимымъ занятіемъ здѣшняго молодаго поколѣнія христіанъ.

Вечеромъ въ армянскомъ соборѣ была свадьба служащаго въ канцеляріи мужа переводчикомъ астраханскаго Армянина Кузнецова. Женился онъ на четырнадцатилѣтней мѣстной Армяночкѣ, довольно хорошенькой и очень бойкой (что рѣдко случается между Армянками). Кузнецовъ еще въ Гассанъ-Кала заболѣлъ тифомъ, квартировалъ онъ въ домѣ родителей своей теперешней жены, ухаживавшихъ за нимъ во все время его болѣзни; онъ убѣжденъ что только благодаря ихъ уходу выздоровѣлъ и вотъ изъ признательности женится на хозяйской дочери. Мать и отецъ ея совсѣмъ молодые люди, матери лишь двадцать семь лѣтъ, они сіяли отъ счастія выдавать дочь за русскаго чиновника. Насъ также пригласили на свадьбу; въ девять часовъ вечера отправились мы верхомъ къ собору, перегнали свадебную процессію съ факелами и фонарями медленно потянувшуюся въ церковь. Соборъ былъ великолѣпно освѣщенъ, служилъ архіепископъ съ нѣсколькими священниками. Обрядъ армянскаго вѣнчанія много отличается отъ православнаго: женихъ съ невѣстой становятся лицомъ къ лицу, бокомъ къ алтарю, наклоняютъ другъ ко другу головы, связываемыя вмѣстѣ шнурочкомъ. Послѣ вѣнца уговорили мы Шереметева войти съ нами къ молодымъ. Предъ домомъ новобрачныхъ вся процессія остановилась у накрытаго стола съ виномъ и печеньемъ; тутъ пили за здоровье молодыхъ, потомъ не понимаю почему намъ, а не молодымъ поднесли подъ ноги барана. Войдя въ квартиру послѣ поздравленій сѣли ужинать; посаженый отецъ Камсараканъ былъ

тулумбашемъ (распорядителемъ). Послѣ ужина туземныя женщины танцовали свои монотоные танцы, молодая танцовала соло. Когда мы возвратились домой, опять откуда ни возьмись преслѣдующій насъ баранъ, насилу мы отъ него отдѣлались.

24го іюня.

Перечитывая мой предыдущій дневникъ, вижу что мнѣ приходилось говорить преимущественно о разныхъ праздникахъ и веселіяхъ. Дѣйствительно, въ послѣднее время въ Эрзерумѣ Русскіе старались заглушить въ своей памяти тяжелое прошлое, къ тому же и пріѣздъ генерала Лазарева служилъ поводомъ къ оваціямъ. Но я пишу только то что видѣла и слышала лично, поэтому дневникъ мой не есть конечно полное изображеніе здѣшней жизни. Наши офицеры въ лагерѣ, говорятъ, порядочно-таки скучали и томились, да это и понятно въ такой дали отъ своихъ семействъ при неопредѣленности будущаго. Солдаты ежедневно ходили на ученіе и развлекались лишь прогулками по базарамъ; служащіе по управленію краемъ возились съ народомъ; доктора все еще едва успѣвали бѣгать отъ одного больнаго къ другому; много, много труднаго времени пришлось пережить Русскому человѣку въ Эрзерумѣ.

Мусульманскія семьи давно уже стали выѣзжать отсюда въ разныя стороны, болѣе къ Трапезонду, Эрзиньйяну, Діарбекиру; порядочное число домовъ опустѣло. Али-эфенди получилъ офиціальную телеграмму отъ Измаилъ-паши съ вопросомъ о причинахъ такого выселенія; на что Али-эфенди, переговоривъ съ муллами, отвѣтилъ что главныя причины слѣдующія: 1) самъ Измаилъ-паша говорилъ предъ отъѣздомъ изъ Эрзерума что пока здѣсь будутъ Русскіе вѣрному мусульманину не приходится оставаться въ городѣ; 2) самъ Измаилъ-паша безпрестанными приказаніями о томъ чтобы послѣдніе турецкіе доктора и больные, а также разные склады скорѣе были увезены изъ Эрзерума даетъ поводъ мусульманамъ вѣрить что Турки болѣе не вернутся; 3) и главное, чрезъ запрещеніе Измаилъ-пашой подвоза въ Эрзерумъ разныхъ продуктовъ жизнь становится черезчуръ дорогою для бѣдныхъ жителей.

Давно мнѣ хотѣлось прокатиться въ туземномъ дамскомъ экипажѣ—арбѣ. Добрая и веселая madame Gilbert очень сочувствовала мнѣ въ этомъ и вотъ я отправилась съ нею въ

этомъ шикарномъ экипажѣ къ мусульманскому монастырю Абдурахманъ-Кази, гдѣ сослуживцы мужа устроили пикникъ; быковъ мы украсили цвѣтами, лентами; арбу убрали коврами и подушками; меня очень забавлялъ этотъ первобытный способъ передвиженія. Очень пріятно провели мы день, пикникъ удался вполнѣ.

27го іюня.

На дняхъ артиллерійскіе офицеры обѣдали у своего товарища въ городѣ; послѣ обѣда одинъ изъ нихъ, хорошо намъ знакомый, гуляя по крышѣ упалъ на землю, ударился головой о камень и сильно расшибъ себѣ голову. Мужъ заходилъ къ больному и нашелъ его въ очень опасномъ положеніи, доктора даютъ бѣдному молодому офицеру лишь три дня жизни. Замѣчательно что туземныя дѣти цѣлые дни проводятъ на крышахъ и никогда не падаютъ.

Бакинскій полковой командиръ Ивановъ произведенъ въ генералы и получилъ другое назначеніе; его очень любили и уважали въ полку; офицеры устроили ему прощальный обѣдъ, на который и я была приглашена, но не могла быть.

Мужъ съ военными начальниками, докторами и многими Турками ѣздилъ осматривать оконченныя работы по ассенизаціи турецкихъ военныхъ кладбищъ. Онѣ, говорятъ, стоили до двадцати пяти тысячъ рублей и отлично исполнены; громадную пользу должны онѣ принести когда наступятъ жары, такъ какъ отъ дурно зарытыхъ тѣлъ (какъ бывало послѣ прежнихъ войнъ) могла опять развиться тифозная эпидемія. Когда Русскіе уйдутъ отсюда, эти работы конечно придется подарить Туркамъ.

Ѣздили мы осматривать минеральный холодный источникъ находящійся въ селѣ Саукъ-Чармукъ (вблизи отъ Эрзерума). Въ этомъ селеніи живутъ и Армяне и Турки; когда мужъ спросилъ собравшихся жителей, дружно ли живутъ мусульмане съ христіанами, сѣдой имамъ въ доказательство дружбы крѣпко обнялъ армянскаго священника; я невольно подумала: врядъ ли они будутъ такъ обниматься и послѣ возвращенія сюда Турокъ.

Пріѣхала въ Эрзерумъ жена нашего чиновника Ерицева; впрочемъ она по-русски не говоритъ и родомъ изъ константинопольскихъ Армянокъ. Вчера ѣздили мы съ ней въ Клянъ, куда давно уже обѣщали пріѣхать погулять; многіе жители вышли навстрѣчу нашей большой кавалькадѣ, а зурна съ барабаномъ и безчисленное множество дѣтей встрѣтили насъ

еще за три версты; заблаговременно послали мы въ Кянъ арбы съ коврами и закуской; расположились на лужайкѣ около ручейка; радушные жители (Армяне) съ веселыми лицами окружали насъ. Мусульманскій бекъ, живущій здѣсь между Армянами, тоже вышелъ къ намъ, принесъ азіятское угощеніе, просилъ зайти въ его домъ. Сотни крестьянскихъ дѣвушекъ, подъ пискъ зурны и громъ барабановъ, взявшись за руки стали медленно кружиться. Предъ отъѣздомъ зашли мы къ беку, чѣмъ доставили ему видимо громадное удовольствіе и успокоили его мусульманское самолюбіе. Домой ѣхали полною рысью; луна прекрасно освѣщала дорогу, городъ и окрестныя горы.

29го іюня.

Рано утромъ пришелъ къ намъ князь Тумановъ чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Илиджу, гдѣ сегодня у Тверскихъ драгунъ полковой праздникъ. Дни стали жаркіе и до Илиджи было 18 верстъ; тѣмъ не менѣе туда и назадъ съѣздили верхомъ; Жильберы обогнали насъ въ очень плохомъ фаэтонѣ взятомъ у Рессулъ-паши, единственнаго Турка имѣющаго экипажъ. При проѣздѣ нашемъ черезъ селеніе Гёзъ и въ Илиджѣ населеніе вышло навстрѣчу мужу, священникъ во главѣ его въ ризахъ, со крестомъ. Илиджа славится своими горячими сѣрными водами; здѣсь устроено двѣ довольно хорошія и большія купальни; зимой въ этомъ селеніи было одно изъ гнѣздъ самаго ужаснѣйшаго тифа; на здѣшнемъ кладбищѣ похоронено 12 офицеровъ и до 900 солдатъ квартировавшаго здѣсь Дербентскаго полка. Драгунскій лагерь въ двухъ верстахъ отъ Илиджи, на берегу Евфрата. Послѣ молебна сѣли за оживленный обѣдъ; потомъ Шереметевъ велѣлъ протрубить тревогу и не болѣе чѣмъ черезъ три минуты драгуны и казачья батарея совсѣмъ готовые уже шли церемоніальнымъ маршемъ; дѣлали атаки, батарея дала нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Устроили и скачку казаковъ; страшно было видѣть что̀ выдѣлывали казаки при джигитовкѣ, казалось вотъ-вотъ совсѣмъ расшибутся. Приглашенные къ драгунскому празднику Турки дивились лихости нашихъ войскъ. Мужъ очень обрадовался увидавъ въ числѣ драгунскихъ офицеровъ своего стараго знакомаго по Кавказской войнѣ Гріельскаго, служившаго въ этомъ же самомъ полку въ 1864 году во время Кавказской войны съ горцами, когда мужъ только-что пріѣхавъ изъ Военной Академіи поступилъ на службу на Кавказъ.

1го іюля.

Что значитъ любящій отца сынъ: къ Сѣменникову, правителю канцеляріи мужа, пріѣхалъ изъ Тифлиса сынъ, гимназистъ лѣтъ 16—17, воспользовавшись своими каникулами чтобы навѣстить отца (ближнее мѣсто).

Сегодня мужъ со многими другими верхомъ, а я съ Mme Gilbert на арбѣ отправились на престольный праздникъ въ Лусаворичъ-Ванкъ; уже подъѣзжая къ монастырю встрѣтили возвращающагося оттуда армянскаго архіепископа, подъ большимъ зонтикомъ верхомъ на катерѣ, онъ извинялся что не зная заранѣе о пріѣздѣ мужа въ монастырь, не встрѣчаетъ его тамъ, что теперь спѣшитъ въ городъ, съ гордостью сообщилъ что на праздникъ собралось съ ранняго утра много русскихъ офицеровъ и что играетъ военная музыка. Мы пріятно провели время, расположившись пить чай подъ стѣнами монастыря, окруженные многочисленною толпой; монахи подчивали насъ пловью и бараномъ; многіе офицеры остались ночевать въ Лусаворичъ-Ванкѣ.

На дняхъ милиціонерская сотня состоящая въ распоряженіи мужа (все болѣе головорѣзы, нѣкоторые изъ извѣстной шайки турецкаго разбойника Мехрали) со своимъ начальникомъ турецкимъ офицеромъ Темиръ-агой собралась около нашего дома; мужъ требовалъ ихъ для повѣрки, исправно ли они получаютъ жалованье. Во время войны эти люди были намъ необходимы, а теперь приходится зорко смотрѣть чтобъ они не обижали мирныхъ жителей; ихъ начальникъ Темиръ-ага преоригинальная личность; ему болѣе 80 лѣтъ, но онъ бодръ и быстръ какъ молодой человѣкъ, огромнаго роста, съ громкимъ басомъ и страшною наружностью, лѣтъ 40 тому назадъ онъ былъ атаманомъ разбойничьей шайки наводившей ужасъ въ окружностяхъ Тортума, Испира и Байбурта. Потомъ Турецкое правительство, не найдя другаго способа укротить его, назначило каймакамомъ, уѣзднымъ начальникомъ, въ томъ же Байбуртѣ: тутъ онъ заставилъ трепетать предъ собою весь уѣздъ, уже какъ офиціальная власть. Теперь онъ при малѣйшей возможности увѣряетъ мужа въ своей привязанности, говоря что готовъ положить за него свою голову, и правда, онъ служитъ вполнѣ добросовѣстно; пренебрегая упреками Турокъ за усердную службу Русскимъ, Темиръ-ага старался увѣрить насъ что это именно онъ со своими милиціонерами водворялъ порядокъ на празднествѣ въ Лусаворичъ-Ванкѣ.

3го іюля.

Берлинскій трактатъ заключенъ окончательно; миръ навѣрно. Слава Богу! Не чувствую себя отъ радости!

4го іюля.

Кромѣ посѣщенныхъ нами прежде греческой и двухъ армяно-католическихъ школъ, въ Эрзерумѣ есть еще нѣсколько другихъ. Лазаревъ посѣтивъ всѣ школы кромѣ протестантской, которая закрыта на все лѣто, пожертвовалъ для нихъ значительныя суммы денегъ. Посѣтили мы на дняхъ армяно-григоріанскую женскую и мужскую школу; помѣщены онѣ возлѣ собора, очень просторно, но все-таки для расширенія ихъ строится новое большое зданіе, для окончанія котораго армянскому архіепископу разрѣшено вырубить безплатно въ нашихъ Саганлугскихъ лѣсахъ большое количество лѣса. Въ мужской школѣ мы застали 350 мальчиковъ, а въ женской 250 учеництъ. Архіепископъ самъ сопровождалъ насъ по всѣмъ комнатамъ. Вообще я никакъ не воображала чтобы въ Эрзерумѣ народное образованіе было такъ развито; часто мнѣ приходится видѣть оборванныхъ мальчишекъ сидящихъ у порога бѣдной сакли съ книгой въ рукахъ. У мусульманъ тоже при каждой мечети школа, но въ нихъ учатъ только Коранъ. Въ частной армянской школѣ, директоръ только что пріѣхавшій изъ Константинополя экзаменовалъ при насъ мальчиковъ, его метода и обхожденіе съ дѣтьми заслуживаютъ всякой похвалы. Въ церковныхъ школахъ попечители показывали намъ рисунки учениковъ, а попечительницы — разныя рукодѣльныя работы учеництъ; старшіе ученики и ученицы говорили и читали привѣтственныя рѣчи на армянскомъ и французскомъ языкахъ.

8го іюля.

За Палантекенскими горами живутъ Кюрды, мѣста тамъ очень гористыя и снѣга поздно сходятъ; турецкія власти не имѣя никакого понятія о географическихъ картахъ претендовали что кюрдинскія селенія должны находиться въ ихъ управленіи, и подбивали Кюрдовъ не слушаться Русскихъ. Изъ-за этого между Кюрдами и посланными къ нимъ мужемъ милиціонерами вышло столкновеніе, при которомъ трое милиціонеровъ ранены, а нѣсколько захвачено въ плѣнъ. Бѣдовый Темиръ - ага доставилъ оттуда заарестованныхъ Кюрдовъ. Воображаю какъ пріятно возиться съ этимъ

дикимъ народомъ. Вчера Темиръ-ага привезъ ихъ старшину, завѣшеннаго оружіемъ, въ богатомъ шитомъ золотомъ костюмѣ. Этотъ Садулва-ага казался овечкой, но я думаю что онъ быстро измѣняется когда находится среди своихъ, на свободѣ.

Я достала себѣ катера подъ верхъ; великолѣпно ходитъ! Въ Азіи мода ѣздить на катерахъ, самые богатые жители преимущественно ѣздятъ на нихъ; съ непривычки странно смотрѣть на это маленькое замундштученное животное подъ рослымъ сѣдокомъ.

9го іюля.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера пошли мы съ Жильберами и Шереметевымъ на вѣнчаніе Егеши Азарлетова. Эта свадьба была гораздо пышнѣе свадьбы Кузнецова. Азарлетовъ, будучи восемь лѣтъ при Русскомъ консульствѣ, знаетъ весь городъ и семья его невѣсты одна изъ почетнѣйшихъ въ Эрзерумѣ. Мужъ былъ посаженымъ отцомъ; во время произношенія архіепископомъ длинной рѣчи, среди служенія, мужъ и по его сторонамъ женихъ и невѣста, сѣли на трое креселъ поставленныхъ какъ разъ возлѣ алтаря. Посаженый отецъ у Армянъ принимаетъ такое дѣятельное участіе въ обрядѣ вѣнчанія что мнѣ смѣясь говорили не безпокоиться что это не мужа вѣнчаютъ. Послѣ вѣнца родители молодой устроили пиръ въ квартирѣ Геймана. Со времени пребыванія здѣсь Русскихъ, это второй случай женитьбы русскаго служащаго на мѣстной Армянкѣ. Они были впрочемъ женихомъ и невѣстой еще до начала войны.

11го іюля.

Вчера, несмотря на мирный исходъ Берлинскаго трактата, въ Эрзерумѣ произошло ожесточенное сраженіе: мусульманскіе мальчишки давно уже караулили армянскіе взводы маршировавшіе à la русскіе солдаты и собравшись большою гурьбой атаковали ихъ. Тѣ дали сильный отпоръ, храбро защищались, а по прибытіи подкрѣпленій атаковали въ свою очередь непріятелей и побили ихъ поголовно; собралось нѣсколько сотъ мальчиковъ; свалка, визгъ были неописанные. Армяне во время битвы кричали „*ура* Императоръ Александръ“. Полиція насилу разогнала безстрашныхъ бойцовъ.

Сегодня, день тезоименитства Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны отпраздновали сначала молебномъ въ лагерѣ съ пушечною пальбой съ цитадели, потомъ офиціальнымъ обѣдомъ

у. насъ. За обѣдомъ епископы и представители населенія съ благоговѣніемъ говорили о хорошо извѣстныхъ имъ участіи и помощи оказанныхъ Великою Княгиней раненымъ; просили присоединить ихъ имена въ поздравительной телеграммѣ посланной Ея Высочеству. Изъ многаго слышаннаго мною за обѣдомъ у меня осталась въ памяти умная фраза сказанная католическимъ архіепископомъ про Турцію: „Посмотрите, сказалъ онъ, на эмблему Турціи, на ней звѣзда начала было восходить, но луна упорно установившаяся на первой четверти задержала ее; чтобы звѣзда тронулась дальше, Турція должна перемѣнить свою эмбдему, иначе вѣчный застой.“

23го іюля.

День идетъ за днемъ, а столь ожидаемое нсѣми нами извѣстіе объ оставленіи Эрзерума не приходитъ. Увѣренность что война не возобновится успокоила всѣхъ, но неизвѣстность когда уйдемъ просто томительна; къ тому же настали жары; къ счастію ночи прохладныя; болѣзненность слава Богу. прекратилась. Турки, на видъ смиренные, стали изподтишка угрожать Армянамъ разными ужасами послѣ ухода Русскихъ; Армяне распускаютъ слухъ что мы не покинемъ Эрзерума пока Турція не заплатитъ всей контрибуціи, то-есть никогда; Греки по обыкновенію прислуживаютъ и нашимъ и вашимъ. Изъ Лондона стали получаться письма о назначеніи во всѣ города Анатоліи какихъ-то всемогущихъ англійскихъ чиновниковъ; въ сущности во всемъ краѣ тихо. Удивительно какъ въ такомъ большомъ городѣ, населенномъ преимущественно мусульманами, все покойно, тогда какъ сейчасъ же по сосѣдству, гдѣ начинаются турецкія владѣнія, безпрестанные разбои. Часто приходили въ Эрзерумъ депутаціи отъ селеній управляемыхъ Турками, съ наивною просьбой приказать ихъ мутесарифамъ и каймакамамъ строже смотрѣть за порядкомъ, думая что если Русскіе распоряжаются въ Эрзерумѣ, то могутъ приказывать и во всей Анатоліи.

На дняхъ былъ пикникъ, данный, кто бы могъ подумать, докторами, изъ которыхъ кажется три четверти пали жертвой своей профессіи. Артиллеристы пригласили многочисленную компанію къ.Киркъ-Булаху, на цѣлый день, фейерверщикомъ у нихъ былъ Персіанинъ, мѣстный артистъ, пускающій ракеты изъ рукъ безо всякихъ станковъ. Теперь

никомъ не поставили креста чтобы въ послѣдствіи Турки не разрушили его; небольшой крестъ выточенъ только на мраморной доскѣ подъ надписью. На время освященія памятникъ былъ украшенъ большимъ крестомъ изъ свѣжей зелени.

Вліяніе Русскихъ на жизнь здѣшнихъ Армянъ дошло до того что они вздумали устроить театръ (роскошь неслыханная при Туркахъ). Въ просторномъ сараѣ на одной изъ лучшихъ улицъ сдѣлали сцену, болѣе двадцати ложъ, партеръ съ креслами и стульями. Между армянскою молодежью составилось общество театраловъ, принявшихъ на себя расходы по устройству театра, приготовленіе декорацій и исполненіе ролей. На занавѣси искусно изобразили аллегорическую фигуру Арменіи на своихъ развалинахъ. Мужъ на устройство театра далъ антрепренерамъ довольно большую сумму, за что̀ они написали благодарственный адресъ по-французски. Представленія въ театрѣ открылись пятиактною драмой *Нашествіе Тамерлана на Арменію*". Оказалось что эта драма весьма тенденціозная, въ ней Армяне-патріоты упрекаютъ свой народъ въ паденіи Арменіи, вслѣдствіе разныхъ внутреннихъ раздоровъ; въ послѣднемъ актѣ является Надежда въ ярко-зеленомъ платьѣ (всѣ женскія роли исполнялись мущинами) и торжественно предсказываетъ Армянамъ лучшую будущность, если только они соединятся всѣ воедино. Въ заключеніе читались армянскіе стихи, приведшіе въ восторгъ всю армянскую публику; оваціямъ не было конца когда поэтъ громко произнесъ слова: „Арменія не умретъ, она добьется свободы". Давали также въ переводѣ: *Лѣкаря по неволѣ* Мольера. Игра актеровъ никогда не видавшихъ настоящаго театра напоминала отвѣты учениками уроковъ. Весь театръ былъ полонъ.

1го августа.

У здѣшнихъ жителей повѣріе что затмѣніе луны это драконъ желающій проглотить луну; во избѣжаніи этого мусульманки при появленіи затмѣнія выбѣгаютъ на крыши, неистово стучатъ въ мѣдную посуду, въ надеждѣ испугать дракона, а мусульмане открываютъ въ него общую пальбу. Вчера было затмѣніе, но жителямъ строго запрещено стрѣлять. Сегодня у Турокъ fête des morts, они проводятъ всю ночь на кладбищахъ, въ увѣренности что души умершихъ имѣютъ въ эту ночь сообщеніе съ ними. Видѣли мы армянскихъ гадаль-

щицъ, пользующихся здѣсь громадною славой, много смѣялись при предсказаніи ими нашей будущности. Появился въ Эрзерумѣ шарманщикъ (небывалое прежде явленіе), онъ только что пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано, гдѣ надоѣлъ должно-быть русскимъ солдатамъ и теперь выбралъ Эрзерумъ лишь потому что здѣсь Русскіе: весь вечеръ игралъ онъ предъ нашимъ домомъ: толпа окружала его, съ любопытствомъ осматривая его инструментъ.

5го августа.

Кто бы могъ думать что Русскіе такъ долго здѣсь останутся! Сегодня ровно полгода какъ мужъ вступилъ въ Эрзерумъ! По этому случаю у насъ обѣдали всѣ служащіе по управленіи областью, въ томъ числѣ полковникъ Пржецлавскій, назначенный недавно на должность помощника мужа; прежній помощникъ полковникъ Петавдаръ до сихъ поръ не можетъ поправиться отъ сильнѣйшаго тифа перенесеннаго имъ еще въ январѣ; онъ уѣхалъ въ Тифлисъ такъ и не видавъ Эрзерума.

Вечеромъ прибѣжалъ, весь въ слезахъ, Гуссейнъ-чаушъ съ жалобой что армянскій заптіе (полицейскій) сорвалъ съ его лѣвой руки унтеръ-офицерскую нашивку; плача навзрыдъ онъ все повторялъ: „Падишахъ мнѣ пожаловалъ нашивку, а заптіе снялъ“. Видно было что ему такъ и хотѣлось сказать: „армянскій заптіе“, но онъ не посмѣлъ, боясь выказать предъ русскимъ начальникомъ пренебреженіе къ христіанамъ. Вообще Армяне въ теченіе своего кратковременнаго торжества часто заносились предъ Турками и раздражали ихъ. Совершенно иначе держали себя хитрые Греки.

10го августа.

Затѣяли мы большую поѣздку за Евфратъ; жара еще не настала, когда въ сопровожденіи Ерицева и обычнаго конвоя мы перебрались на правый берегъ Евфрата, гдѣ я еще ни разу не бывала; долго ѣхали роскошною долиной, сплошь заростшею хлѣбами; отдохнули въ старинныхъ пещерахъ прорытыхъ въ дикихъ скалахъ. Мѣстность кругомъ ихъ прекрасная; много деревьевъ, быстрая рѣчка съ холодною, чистою водой; тутъ же недалеко большой бассейнъ минеральной воды и лучшія въ краѣ каменныя ломки, изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ которыхъ выстроена бо́льшая часть домовъ въ Эрзерумѣ. Эти пещеры имѣютъ видъ комнатъ, эхо въ нихъ замѣчательно звонкое. Въ прежнія времена

служили онѣ, какъ говорятъ, убѣжищемъ отшельникамъ, а теперь отдыхаютъ въ нихъ богомольцы по пути въ монастырь Хачка - Ванкъ. Отдохнувъ немного тронулись мы дальше, несмотря на томительную жару. Въ Хачка-Ванкѣ всего три семьи Армянъ и нѣсколько десятковъ мусульманскихъ домовъ; монастырь очень бѣдный, въ немъ лишь одинъ монахъ, встрѣтившій насъ съ ликующимъ видомъ. Церковь внутри довольно хорошо убрана; приложившись къ Евангелію, обошли весь церковный дворъ и отправились на лужайку, за селеніемъ; подъ тѣнью деревьевъ разсѣлись на коврахъ возлѣ большой, шумящей водопроводной канавы. Жители принесли намъ отличнаго молока, каймаку, масла и пойманныхъ тутъ же вблизи форелей; сварили ихъ сами, на походной cuisine à la minute, и легли отдохнуть. Для нашего конвоя добыли барановъ; всѣ были въ отличномъ расположеніи духа. Монахъ занималъ насъ интересною бесѣдой про бытъ христіанъ въ Турціи и про себя лично (во время войны Турки подозрѣвали его въ шпіонствѣ и онъ едва - едва спасся отъ смерти).

Часа въ три отправились дальше, проѣхали чрезъ село Омудумъ въ Арзыты. Дѣлали здѣсь привалъ, возлѣ дома Котанъ-бека, сосланнаго недавно въ Карсъ за какія-то проказы. Старшая жена его со слезами приходила просить о помилованіи ея мужа. У нихъ высокій двухъэтажный домъ, съ мощенымъ большимъ дворомъ, густой гаремный садъ, обнесенный высокою каменною стѣной. У нѣсколькихъ другихъ здѣшнихъ бековъ имѣнье въ такомъ же родѣ, много рогатаго скота, лошадей, пропасть постоянныхъ рабочихъ, большею частью изъ христіанъ. Вообще только въ городахъ нѣкоторые Армяне и Греки, благодаря успѣшной торговлѣ, имѣютъ значеніе въ населеніи, но въ селахъ бо́льшая часть земли въ рукахъ мусульманъ, нанимающихъ работниками незажиточныхъ христіанъ.

Поздно вечеромъ вернулись въ Эрзерумъ, сдѣлавъ болѣе сорока верстъ.

15го августа.

Утромъ, на городскомъ христіанскомъ кладбищѣ, возлѣ Армяно-Григоріанскаго собора, была закладка большаго памятника надъ похороненными здѣсь до 400 человѣкъ русскими офицерами, докторами и солдатами. На этомъ мѣстѣ оставались русскія могилы еще съ войны 1829 года. (9го

іюня минуло 49 лѣтъ со дня вступленія Паскевича въ Эрзерумъ; въ память его въ этотъ день нашими военными чинами была отслужена панихида въ Греческой церкви.) Возлѣ памятника будетъ построена часовня, съ надписью снаружи на четырехъ сторонахъ: „Упокой Господи души усопшихъ рабъ Твоихъ, за вѣру царя и отечество животъ свой положившихъ“. По срединѣ лицевой стѣны на мраморной доскѣ надпись: „Русскимъ воинамъ павшимъ въ 1878 году“; внутри часовни названія полковъ участвовавшихъ въ расходахъ на постройку памятника и имена павшихъ генераловъ и полковниковъ. Рисунки памятника составилъ саперный офицеръ Янушъ, взявшій на себя постройку памятника. Хотѣли написать имена всѣхъ умершихъ офицеровъ, но оказалось невозможно составить вѣрный списокъ именъ. Хотятъ на верху часовни поставить крестъ, въ надеждѣ что здѣсь, на городскомъ кладбищѣ, онъ будетъ обезпеченъ отъ Турокъ. Послѣ молебна, въ фундаментъ задѣлали свинцовую доску съ надписью дня закладки и именами присутствовавшихъ при этомъ генераловъ: Шереметева, мужа, Цитовича и коменданта полковника Казбека. Послѣ закладки многіе въ томъ числѣ Шереметевъ и мужъ въ полной формѣ зашли къ армянскому архіепископу, прося его принять будущій памятникъ подъ свое попеченіе. Онъ конечно это обѣщалъ. Часовня, судя по рисунку очень красивая, должна быть окончена къ 1му октября. Послѣ ухода Русскихъ изъ Эрзерума она останется памятью и о павшихъ офицерахъ и солдатахъ и о всѣхъ трудахъ перенесенныхъ Русскими въ бытность здѣсь.

Вотъ до чего мы дожили: въ Эрзерумѣ былъ любительскій русскій спектакль. Давали піесы: *Нервная женщина* и *Осенній вечеръ*. Изъ дамъ играли Mme Цамсараканъ и Валянская, бывшая сестра милосердія. Не выходя никогда въ жизни на сцену, я не рѣшалась играть. Въ день спектакля вышло недоразумѣніе: генералъ Ц—чъ не разрѣшалъ нанять въ театръ пѣхотную музыку, за то что распорядители не оставили ему заранѣе ложу. Между тѣмъ ложи никому не разсылались, а желающіе покупали за нѣсколько дней билеты. Отправились мы въ театръ, входимъ—всѣ ложи полны, также и партеръ, а музыки дѣйствительно нѣтъ, хотя она была на всѣхъ репетиціяхъ; четыре офицера со скрипками и кларнетомъ замѣняли оркестръ. Вдругъ въ концѣ перваго антракта,

неожиданно у входа театра грянулъ хоръ музыки, оказалось это драгунскіе музыканты выписанные за 18 верстъ и пріѣхавшіе на рысяхъ. И актерамъ и публикѣ этотъ сюрпризъ былъ очень по душѣ. Спектакль прошелъ весьма хорошо. Съ нами въ ложѣ былъ адъютантъ Великаго Князя Гельмерсенъ, присланный собственно для присутствованія при сдачѣ Туркамъ Эрзерума.

Вернувшись домой, застали офиціальную телеграмму, извѣщающую что сейчасъ же послѣ сдачи Батума Русскіе уйдутъ изъ Эрзерума и чтобы теперь же войти въ переговоры объ этомъ съ турецкими властями.

16го августа.

Послѣ долгихъ стараній въ Эрзерумѣ добыли хорошаго фотографа. Здѣсь есть одинъ мѣстный фотографъ-Армянинъ протестантъ; американскій миссіонеръ выучилъ его снимать портреты, но приборы его ужасно плохи, и онъ не имѣетъ никакого понятія о ретушевкѣ. Говорятъ, сюда пріѣзжалъ до войны отличный русскій фотографъ Ермаковъ, много путешествовавшій вообще по Малой Азіи, и снялъ нѣкоторыя достопримѣчательности, но видовъ снимать не могъ, такъ какъ Турки это запрещали, боясь нарушенія тайнъ своихъ укрѣпленій. Мужъ поручилъ вновь прибывшему фотографу Куркчянцу снять видъ города съ русскимъ лагеремъ. У Куркчянца весь день толпятся посѣтители, часто приходятъ и солдаты; снимаетъ онъ подъ открытымъ небомъ, въ садикѣ старика Хаджи-Окоба, который тридцать семь лѣтъ служилъ драгоманомъ при Русскомъ консульствѣ; помнитъ приходъ въ Эрзерумъ Паскевича и съ гордостью показываетъ хранящійся у него портретъ этого знаменитаго генерала.

17го авгута.

Думали съѣздить въ Ольту, но не имѣя достаточно времени на эту длинную поѣздку рѣшились поѣхать лишь въ Гассанъ-Кала, мужу по службѣ нужно было быть тамъ. Въ Ольтѣ должно начаться обезоруженіе жителей селеній входящихъ по Берлинскому трактату въ предѣлы Россіи... Отправились мы верхомъ, на перевалѣ чрезъ Деве-Бойну, дождь все время мочилъ насъ; разразилась гроза съ градомъ, вѣтеръ чуть не сбивалъ съ лошади. Въ Чифтликѣ отдохнули немного въ саклѣ, и оттуда по ровной дорогѣ очень быстро доѣхали до Гассанъ-Кали. Остановились

у Кондратьева, оказавшаго мнѣ гостепріимство еще зимой. Ночевать перешли къ окружному начальнику Перумову. Видѣла я у него Турка Баба-эфенди, все время служившаго помощникомъ окружнаго начальника, съ замѣчательно умнымъ лицомъ, въ зеленой чалмѣ и подбитомъ мѣхомъ халатѣ. Къ вечеру пріѣхалъ Зарса Тиграновъ, хоросанскій окружный начальникъ, съ конвоемъ многихъ Кюрдовъ въ живописныхъ костюмахъ, съ пиками въ рукахъ. На другой день вернулись мы въ Эрзерумъ; погода была отличная, безъ малѣйшаго вѣтра. Кондратьевъ поѣхалъ насъ провожать на своей любимой лошади, пріобрѣтенной при штурмѣ Карса; онъ увѣряетъ что это чистокровный *Арабъ*, хотя смотря на эту лошадь и подозрѣвать нельзя въ ней такого благороднаго происхожденія. Вѣроятно для того чтобы поддержать свою репутацію этотъ *Арабъ* понесъ своего сѣдока. Кондратьевъ упалъ и сильно расшибся. Я порядочно перепугалась. Мы долго сидѣли и ждали около рѣчки пока Кондратьеву мочили голову водой. Подъѣзжая къ Чифтлику, видимъ расположенный бивуакомъ Оренбургскій казачій полкъ, а на буркахъ нѣсколько офицеровъ и дама кончаютъ свой походный завтракъ; это оказалась Mme Валянская ѣдущая съ полкомъ до самаго Оренбурга. Казаки имѣютъ очень бодрый и веселый видъ,—еще бы, идутъ домой! Какъ пріятно видѣть войско покидающее Эрзерумъ, а то все не вѣрится, уйдемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ на родину. Сдѣлали привалъ у родника, предъ подъемомъ на Деве-Бойну. Вернувшись домой, сейчасъ же легла, чувствуя сильную усталость.

24го августа.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ у мусульманъ начался Рамазанъ; весь день они не пьютъ, не ѣдятъ и не курятъ; за то вечеромъ, послѣ выстрѣла изъ пушки, наѣдаются и напиваются до невозможности; немногіе изъ самыхъ передовыхъ и образованныхъ Турокъ не отказываются отъ чашки кофе или отъ папироски предложенной имъ днемъ. Туркамъ разрѣшено по обычаю дѣлать выстрѣлы съ цитадели: два при закатѣ солнца, два въ половинѣ втораго ночи, когда садятся за утренній завтракъ, и въ три часа утра одинъ выстрѣлъ, послѣ котораго начинается постъ до выстрѣла послѣ заката солнца. Эти выстрѣлы очень безпокойны и постоянно будятъ меня. Вѣчно голодный и обладающій удивительнымъ аппетитомъ Гамидъ-Бекъ предъ вечеромъ то и дѣло посма-

триваетъ на цитадель, и какъ только увидитъ дымокъ и услышитъ выстрѣлъ, спѣшитъ закурить папироску и бѣжитъ домой къ голоднымъ тоже женамъ пить кофе. Каждую пятницу всѣ минареты освѣщаются фонарями, эта иллюминація очень эффектна, особенно издали въ темныя ночи. Фанатики мусульмане во время Рамазана стали заносчивѣе предъ христіанами.

Жильберы уѣхали. Съ вечера около ихъ квартиры стояли два огромные фургона, одинъ изъ нихъ служилъ экипажемъ, а другой для багажа. Въ Турціи нѣтъ ни почтовыхъ каретъ, ни перекладныхъ, ни станцій; всякій ѣдетъ собственными средствами. Да и то прогрессъ что мѣстные жители. взявъ примѣръ съ Русскихъ, завели сотни двѣ-три фургоновъ въ четыре лошади; лѣтомъ ходятъ они съ товарами по шоссе въ Трапезондъ. Желая проводить Жильберовъ, встали очень рано, застали у нихъ сестеръ милосердія, Mme и Mlle Lavini, монаха-капуцина, французскаго драгомана съ женой и дочерью. Послѣ насъ пришли Шереметевъ, Борхъ и Камсараканъ съ женой. Когда все было готово, Mme Gilbert съ трудомъ влѣзла въ фургонъ, а за нею ея мужъ въ консульской фуражкѣ съ золотымъ галуномъ; *экипажъ* загрохоталъ со страшными толчками по мостовой, и исчезла моя милая Mme Gilbert; но я утѣшала себя мыслію что и мы скоро пустимся въ путь-дороженьку.

Молодой Голландецъ, туристъ, приходилъ къ мужу просить паспортъ въ Эрзиньйянъ. Онъ высадился въ Батумѣ, проѣхалъ черезъ страшныя трущобы и все это просто изъ любопытства. Но какъ видно очень разочаровался своимъ путешествіемъ. Должно-быть онъ очень богатъ и большой оригиналъ, ѣздитъ въ сопровожденіи своего человѣка и проводника. Костюмъ его совсѣмъ дорожный и поношенный; говоритъ онъ по-французски со страннымъ акцентомъ.

26го августа.

Только что получена депеша о занятіи Батума; завтра послѣдуетъ приказаніе о сдачѣ Эрзерума Туркамъ. Лишнее и говорить о всеобщей радости! Она понятна каждому.

Было еще нѣсколько армянскихъ спектаклей. Театралы очень безпокоятся что Турки закроютъ ихъ театръ.

30го августа.

Въ 10 часовъ утра всѣ почетные жители разодѣтые въ пухъ и прахъ собрались въ нашей квартирѣ съ поздравленіемъ по случаю нашего Царскаго праздника. Потомъ всѣ они верхомъ вмѣстѣ съ мужемъ отправились въ лагерь на парадъ. Я заѣхала за семействомъ Coal, они въ своемъ американскомъ кабріолетѣ, а я верхомъ отправились также на парадъ. Сначала отслужили молебенъ подъ навѣсомъ съ пальбой изъ пушекъ. Потомъ всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, драгуны и казачья батарея проскакали въ карьеръ, бросая всѣмъ пыль въ глаза, особенно присутствовавшимъ Туркамъ. Мужъ остался обѣдать въ лагерѣ по случаю Дербентскаго полковаго праздника. Несмотря на дождь я вечеромъ поѣхала въ лагерь за мужемъ, но меня не выпустили оттуда до поздняго вечера. Между прочими развлеченіями насъ потѣшалъ фокусникъ, простой солдатъ Дербентскаго полка, очень ловкій (еще мальчикомъ служилъ у фокусника). Все повторялъ иностранныя слова, посылалъ воздушные поцѣлуи, обращаясь ко мнѣ говорилъ „madame", словомъ со всѣми ужимками фокусника de profession. Всѣ отъ души хохотали. Я не могла смотрѣть какъ онъ вкладывалъ себѣ въ горло цѣлый штыкъ.

31го августа.

Насъ разбудилъ рано утромъ громкій разговоръ подъ окнами. Человѣкъ двадцать Армянъ, изъ нихъ одинъ весь въ крови, пришли жаловаться на слѣдующее происшествіе: ночью нѣсколько Турокъ ворвались въ домъ одного Армянина, бросились на хозяина, поранили его, связали ему руки и хотѣли увесть его молодую 15тилѣтнюю жену. Этотъ случай надѣлалъ большой переполохъ. Извѣстіе о скоромъ выходѣ Русскихъ окончательно перепугало Армянъ, они съ ужасомъ говорили: Русскіе только собираются уходить, а Турки уже начали исполнять свои угрозы. Какъ нарочно въ этотъ день произошла другая ссора мусульманина съ христіаниномъ, а за городомъ какіе-то три Кюрда ограбили Армянина. Двое изъ виновниковъ ночнаго приключенія уже были арестованы. Мужъ разспросилъ обо всемъ подробно, сказалъ что виновные будутъ наказаны и что по случаю Рамазана и опасенія Армянъ съ сегодняшняго дня будутъ усилены караулы. Успокоенные жители разошлись по домамъ.

Черезъ полчаса даютъ знать что лавочники закрыли всѣ лавки, стали звонить въ колокола чтобы собирать народъ и что предъ домомъ архіепископа собралось нѣсколько тысячъ Армянъ, по всему городу большое движеніе. Выхожу на балконъ и вижу къ нашему дому стремится огромнѣйшая бушующая толпа, въ срединѣ едва замѣтенъ архіепископъ съ членами Армянскаго народнаго совѣта. Видимо они всѣ растерялись, вообразивъ что пришелъ ихъ конецъ. Архіепископъ съ представителями Армянъ вошелъ къ мужу; народъ запрудилъ всю улицу. Новыя толпы какъ волны продолжали подкатывать. Я испугалась, не знала куда дѣться, особенно когда въ толпѣ, какъ разъ противъ нашего балкона, какой-то человѣкъ высоко поднялъ руку и взмахнулъ громаднымъ пистолетомъ. (Послѣ оказалось что этотъ человѣкъ показалъ пистолетъ архіепископу говоря ему „убей лучше меня тутъ же".) Народъ говорилъ что пойдетъ вмѣстѣ съ нами, не уйдетъ отъ нашей квартиры пока ему не разрѣшатъ переселяться. „Лучше сейчасъ умремъ, чѣмъ будемъ убиты Турками", кричали раздраженные Армяне. Мужъ долго говорилъ съ Архіепископомъ и представителями народа. Они успокоились когда узнали что Русскіе не уйдутъ пока въ Эрзерумъ не вступятъ турецкія власти съ войсками и не примутъ на нашихъ глазахъ всѣ мѣры для строгаго порядка; они думали что мы уйдемъ и бросимъ ихъ на произволъ фанатиковъ мусульманъ и Кюрдовъ. Но не такъ легко было успокоить толпу, шумящую и жестикулирующую внизу. Архіепископъ и члены совѣта обратились къ народу съ утѣшительными словами. Полицеймейстеръ и другіе полицейскіе чины выйдя на улицу стали убѣждать народъ чтобъ онъ разошелся. Въ это время на площади вели двухъ арестованныхъ ночью Турокъ. Народъ съ озлобленіемъ бросился и чуть не разорвалъ ихъ; солдаты едва отстояли. Толпы по нашей улицѣ понемногу отхлынула за архіепископомъ и безъ особенныхъ происшествій разошлась. Весь день всѣ лавки и базары были закрыты. Я первый разъ въ жизни присутствовала при такомъ народномъ движеніи; мужъ отправился на главную площадь, куда пришли войска для усиленія карауловъ; по городу стали ѣздить разъѣзды, въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ поставлены взводы солдатъ. Вечеромъ мы нарочно проѣхались верхомъ по главнымъ улицамъ и базарамъ: это хорошо для успокоенія встревоженнаго народа.

1го сентября.

Съ утра лавокъ все еще не открывали. Мужъ долго ходилъ по базарамъ, успокоивая испуганныхъ Армянъ; понемногу стали они отворять лавки, и къ вечеру все вошло въ обычную колею. Но отголосокъ испуга дошелъ и до окрестныхъ деревень; около нашего дома опять собралась толпа—на этотъ разъ сельскихъ жителей; они пришли просить позволенія немедленно выселиться. Бѣдные такъ растерялись что дѣйствительно были готовы бросить все свое имущество и идти на неизвѣстность, лишь бы избавиться отъ ненавистнаго ига Турокъ. Вечеромъ, по обыкновенію, поѣхали кататься; христіане особенно усердно кланялись; значительно уменьшившійся лагерь пріятно мнѣ бросился въ глаза. Сегодня выступилъ Елисаветпольскій полкъ съ двумя батареями, остальныя войска будутъ уходить черезъ день.

3го сентября.

Въ Англійскомъ магазинѣ просто нѣтъ прохода. Офицеры запасаются разными дорожными вещами. Цѣны на все сильно упали: напримѣръ бутылка шампанскаго, стоившая зимой 20 рублей, а потомъ 12, 10, 7 и 6, теперь продается за три рубля. Шампанскаго прежде въ Эрзерумъ почти не привозили, послѣ же прихода Русскихъ многія лавки имъ наполнились. Офицеры, обрадовавшись дешевизнѣ, закупаютъ цѣлые ящики шампанскаго. Въ городѣ покойно. Получено извѣстіе что 5го числа пріѣдетъ турецкій губернаторъ, а вскорѣ послѣ него начальникъ штаба Анатолійской арміи съ турецкими войсками. Измаилъ-паша прислалъ строгое приказаніе мулламъ и другимъ представителямъ мусульманскаго населенія держать себя смирно въ отношеніи христіанъ. Лазаревъ прислалъ прокламацію Армянамъ, убѣждающую ихъ не переселяться, такъ какъ мѣста свободнаго въ Россіи для нихъ нѣтъ. Мужъ получилъ приказаніе, лишь только вступятъ въ городъ турецкіе караулы, тотчасъ выйти всѣмъ русскимъ офицерамъ и чиновникамъ въ лагерь. Я ни за что не выѣду впередъ, а переѣду тоже въ палатку. Вечеромъ ѣздили выбирать мѣсто для нашего полеваго дома.

4го сентября.

Турецкій губернаторъ Хаджи-Гуссейнъ-паша ночуетъ сегодня въ Илиджѣ, завтра будетъ здѣсь. О назначеніи въ Эрзерумъ русскаго консула ничего не слышно. На Камсара-

кана выпала доля исправлять эту должность до прибытія консула, такъ какъ городъ невозможно оставить безъ русскаго агента; при немъ остаются Ерицевъ, Егеши Аварлетовъ и Кузнецовъ—всѣ женатые. Въ домѣ гдѣ живетъ Камсараканъ (бывшая квартира Геймана) будетъ центръ русской колоніи, туда переходятъ Ерицевъ и Янушъ, остающійся въ Эрзерумѣ пока не кончитъ постройки памятника и часовни.

5го сентября.

Въ девять часовъ утра пріѣхалъ Хаджи-Гуссейнъ-паша съ турецкимъ полицеймейстеромъ, другими лицами и эскадрономъ сувари (драгунъ). Я собиралась ѣхать къ Трапезондскимъ воротамъ посмотрѣть на его въѣздъ, но опоздала,—его ждали въ двѣнадцать часовъ. Однакожь Камсараканъ успѣлъ его встрѣтить. Остановился онъ недалеко отъ гауптвахты и въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ со свитой къ мужу. Лошадь его осѣдлана какимъ-то необыкновеннымъ тигровымъ позолоченнымъ сѣдломъ; нѣсколько турецкихъ солдатъ и его адъютантъ *бѣжали* возлѣ его стременъ. Видѣла я его съ балкона; это сгорбленный, сѣдой старикъ, съ безсмысленнымъ лицомъ. Мужъ отдалъ ему визитъ, но серіознаго разговора съ нимъ не могъ вести, такъ какъ Гуссейнъ-паша, какъ истый мусульманинъ, отказался приниматься за что-либо до вечера—по случаю Рамазана. (Какъ успѣшно могутъ идти турецкія дѣла, если всѣ сановники также ревностны къ службѣ.) Предъ вечеромъ пришелъ явиться турецкій полицеймейстеръ; оказалось что это тотъ самый маіоръ Ибрагимъ-бей, который заставилъ въ Хнысѣ съѣсть салоги мальчика виновнаго въ разрытіи тѣла нашего драгуна. Армяне, особенно женщины, пріуныли, но я замѣтила что когда мимо нихъ проходитъ турецкій солдатъ, они быстро мѣняютъ выраженіе лица, стараясь казаться веселыми.

6го сентября.

Дня три уже разныя депутаціи приходятъ прощаться, выражаютъ свою глубокую признательность и симпатію Русскимъ. Многіе изъ туземцевъ (мусульманъ и христіанъ), исполнявшіе у насъ разныя должности, награждены подарками, медалями. Послѣднія къ сожалѣнію давно высланы почтой изъ Тифлиса, но еще не получены, и вмѣсто нихъ даются свидѣтельства. Собрались сегодня всѣ городскіе заптіе,

до ста двадцати человѣкъ, всѣмъ имъ выдано жалованье по 15е сентября по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, и мужъ спрашивалъ ихъ все ли они получили, во избѣжаніе недоразумѣній послѣ нашего ухода. Всѣ они очень безпокоятся чтобы Турки не преслѣдовали ихъ за службу Русскимъ. Нѣкоторые христіане говорили: „Что̀ дѣлать, видно судьба наша снова терпѣть иго Турокъ; благодаримъ Бога и за то что за пятьсотъ лѣтъ хоть разъ свободно вздохнули.“ Большая депутація Армянъ-Григоріанъ съ архіепископомъ во главѣ очень благодарила мужа за успокоеніе населенія въ послѣдніе тревожные дни. Депутація католиковъ со своимъ епископомъ, Грековъ — со своими священниками (митрополитъ уѣхалъ на Аббастуманскія воды) также приходили проститься. Были многіе мусульмане, но не изъ духовныхъ лицъ, и каждый отдѣльно, боясь вѣроятно чтобъ ихъ прощальные визиты не имѣли вида общаго сожалѣнія мусульманъ по случаю ухода Русскихъ.

Къ вечеру всѣ управленія въ городѣ переданы Туркамъ. Шереметевъ со своимъ штабомъ перешелъ въ лагерь; въ городѣ остались только служащіе по управленію области. Распространился слухъ что извѣстный разбойникъ Мехради, обрадовавшись передачѣ города Туркамъ, поспѣшилъ пріѣхать въ Эрзерумъ и свободно расхаживаетъ по улицамъ.

7го сентября.

Съ ранняго утра началось въ городѣ большое оживленіе по случаю пріѣзда Мусса-паши. Навстрѣчу ему выѣхалъ эскадронъ Тверскихъ драгунъ съ хоромъ музыки и комендантъ полковникъ Казбекъ. У квартиры Мусса-паши былъ поставленъ почетный караулъ тоже съ музыкой. Народъ толпами двигался къ Трапезондскимъ воротамъ, на крышахъ усаживались женщины, преимущественно Турчанки съ закрытыми лицами. Въ десять часовъ отправились мы къ зданію военнаго турецкаго училища, взобрались на террасу, откуда далеко видна Трапезондская дорога; кругомъ насъ скоро образовалась толпа знакомыхъ и Турокъ. Наконецъ вдали показалась пыль; всѣ насторожили уши, должно-быть турецкое войско; такъ и есть. Скоро можно было различить движущіеся ряды солдатъ. Вотъ они входятъ подъ Трапезондскія ворота, слышна музыка, впереди идутъ наши драгуны—вводятъ въ городъ турецкаго пашу, запыленнаго и

окруженнаго своею свитой, перемѣшавшеюся съ русскими офицерами, выѣхавшими также посмотрѣть на любопытный въѣздъ Турокъ. Какъ только Мусса увидѣлъ мужа, замахалъ рукой и крикнулъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ: „Ваше превосходительство, я жажду васъ видѣть.“ (Мусса, Осетинъ родомъ, воспитывался въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, нося фамилію Кундухова, долго служилъ и въ чинѣ генерала выселился въ Турцію.) Смотримъ, весь кортежъ остановился. Кундуховъ слѣзаетъ съ лошади и идетъ къ намъ. Поздоровавшись съ мужемъ быстрымъ шагомъ подходитъ ко мнѣ, на глазахъ тысячъ мусульманъ цѣлуетъ мою руку. Сѣлъ между мной и мужемъ, велѣлъ своимъ войскамъ идти далѣе. Выражалъ удовольствіе что я не уѣхала ранѣе его пріѣзда, говорилъ что слухъ о моемъ прибытіи въ Эрзерумъ облетѣлъ всю Анатолію, и что были случаи когда лѣнивымъ турецкимъ офицерамъ и солдатамъ ставили меня въ примѣръ. Однимъ словомъ распространялся въ любезностяхъ. Пропустивъ впередъ баталіонъ гвардейской турецкой пѣхоты, Мусса распростился съ нами и уѣхалъ далѣе. Когда вся пѣхота прошла, потянулась батарея; очень удивились мы увидя верхомъ возлѣ пушки стараго знакомаго нашего Максюдъ-эфенди. Такъ странно было видѣть тѣ самыя турецкія войска, недавно сражавшіяся противъ Русскихъ, чинно отдающія теперь честь русскимъ начальникамъ. Впереди каждаго баталіона шли саперы, рослые и хорошо одѣтые, съ топорами (какъ я видѣла въ Парижѣ у французскихъ саперъ), только безъ бородъ и безъ фартуковъ. Всѣ солдаты имѣли бодрый видъ и шли стройно, но за то офицеры какіе-то сгорбленные старики. Съ обозами везли гаремы (офицеровъ и солдатъ) въ закрытыхъ арбахъ; одна изъ затворницъ женъ полюбопытствовала выглянуть изъ-подъ навѣса, но одинъ изъ солдатъ грубо толкнулъ ее за это. Сувари въ красивыхъ мундирахъ, расшитыхъ красною и желтою тесьмой, ѣхали на хорошо подобранныхъ по мастямъ лошадяхъ, огромная толпа уланъ шла со значкомъ Пророка, пѣла молитвы изъ Корана; ученики мусульманскихъ школъ, съ Кораномъ на головѣ у одного изъ нихъ тоже пѣли молитвы, другіе мусульманскіе мальчики громко кричали турецкія привѣтствія; они всегда косились когда армянскіе мальчики при каждомъ удобномъ случаѣ кричали русское *ура*, теперь пришла ихъ очередь.

Было условлено что турецкія войска тотчасъ смѣнятъ наши караулы. Мнѣ очень хотѣлось видѣть эту церемонію. Отправились мы на балконъ дома гдѣ жилъ Лазаревъ, какъ разъ противъ гаултвахты, гдѣ должна была происходить смѣна главнаго караула. Пришлось долго намъ ожидать, наконецъ стали появляться турецкіе патрули; вотъ идутъ десять человѣкъ солдатъ съ чаушемъ размахивающимъ сломанною вѣткой: не можетъ быть чтобъ это былъ караулъ! Офицеръ нашего караула объявилъ имъ что такой неизвѣстной командѣ они не сдадутъ гаултвахты. Черезъ нѣсколько времени пришелъ большой взводъ Турокъ съ нѣсколькими офицерами и комендантомъ.(нашъ комендантъ также присутствовалъ при этомъ). Наши выстроились, отдали честь, турецкіе солдаты сами безъ команды сдѣлали на караулъ, потомъ одновременно повернулись, наши дали мѣсто Туркамъ, которые прямо потянулись въ караульный домъ, и городъ сталъ турецкимъ.

Сѣли обѣдать въ послѣдній разъ въ Эрзерумѣ, съ Шереметевымъ, Гельмерсеномъ и Егеши съ женой. Вдругъ слышимъ внизу шумъ. Пріѣхалъ съ визитомъ Мусса-паша, въ мундирѣ и орденахъ. Съ нимъ былъ турецкій полицеймейстеръ, но въ гостиную онъ не входилъ, а ждалъ въ столовой. Я изъ открытой двери видѣла какъ онъ, несмотря на Рамазанъ, набросился на черный хлѣбъ и выпилъ вина, пользуясь тѣмъ что паша его не видитъ. Послѣ обѣда мужъ отдалъ визитъ Мусса-пашѣ и быстро покончилъ съ нимъ свои дѣла. Затѣмъ подали намъ верховыхъ лошадей и мы выѣхали изъ города въ лагерь. Нѣсколько Армянокъ вышедшія насъ проводить плакали.

Неописанное чувство радости овладѣло мною при въѣздѣ въ лагерь; кончилась наша тяжелая эрзерумская жизнь. Мужъ совсѣмъ повеселѣлъ и успокоился. Наша палатка разбита на валу, вблизи отъ Бакинскаго лагеря. Сдѣлали лагерный визитъ полковому командиру Казбеку, потомъ напились чаю въ нашей палаткѣ. Когда стало смеркаться отправились верхомъ уже въ турецкій городъ, гостями, на обѣдъ къ Али-эфенди, куда были приглашены русскіе начальники и Мусса-паша со своими Турками. Когда мы подъѣзжали къ освѣщенному дому Али-эфенди, турецкій хоръ музыки грянулъ маршъ. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у подъѣзда; въ гостиной сидѣло много гостей. Мусса-паша подъ руку повелъ меня въ сто-

ловую, сѣлъ между мною и мужемъ и расточался въ любезностяхъ. Между прочимъ разказывалъ что набожный Измаилъ-паша очень сердился слыша что я ѣзжу верхомъ по городу, не закрывая лица, вмѣстѣ съ мужемъ, говоря что это совсѣмъ собьетъ съ толку Армянокъ и мусульманокъ, произведетъ въ ихъ семьяхъ революцію. Подавали безчисленное множество блюдъ, пили за здравіе всѣхъ присутствовавшихъ. Турецкая музыка все время играла; сначала она поразила меня своею визгливостью, нó если вслушаться въ національные мотивы, то привыкаешь къ ней, хотя все-таки что-то дикое, азіятское сказывается въ каждой нотѣ. На обратномъ пути въ лагерь насъ провожалъ взводъ щегольски одѣтыхъ суварп на сѣрыхъ лошадяхъ, съ фонарями въ рукахъ.

8го сентября.

Звуки трубъ и грохотъ барабановъ игравшихъ генералъмаршъ къ выступленію разбудили меня. Странно было просыпаться слыша надъ собою дождь стукавшій о полотно палатки. Солдаты въ лагерѣ закопошились какъ муравьи, и черезъ четверть часа уже всѣ палатки были сняты. Бакинцы выстроились; полковой командиръ объѣхалъ ихъ ряды, поздравилъ съ походомъ домой. Солдаты сжигали все ненужное трялье; сотни жителей какъ коршуны налетѣли на мѣсто гдѣ былъ лагерь и рылись въ дыму, собирая кто остатки сѣна, кто цыновки, словомъ разную брошенную и уцѣлѣвшую отъ огня рухлядь. Въ восемь часовъ пришли греческіе священники (русскихъ не оказалось) и начали служить молебенъ въ рединѣ полка; офицеры и чиновники составили хоръ пѣвчихъ. Сегодня день рожденія Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны; по этому случаю во время молебна дали двадцать одинъ выстрѣлъ изъ пушекъ нашей батареи, нарочно для этого подъѣхавшей. Всѣ сѣли на коней и подъ звуки Бакинскаго хора двинулись къ Карсскимъ воротамъ. Еще до начала молебна мы услышали вдали турецкую музыку, это турецкій баталіонъ шелъ къ Карсскимъ воротамъ проводить русскія войска. Онъ выстроился вдоль дороги, и пока не прошла послѣдняя повозка русскаго обоза турецкіе солдаты держали на караулъ и музыка играла. Шереметевъ и мужъ остановились у воротъ, пропустили мимо себя войска; лишь только сталъ проходить обозъ, видимъ

ѣдетъ Мусса-паша со своею свитой и большимъ конвоемъ. Началось прощаніе русскихъ и турецкихъ властей и всѣ разъѣхались въ противоположныя стороны. Народа кругомъ было много, все любопытствующіе Турки. Армяне боялись показываться, опасаясь чтобъ имъ не досталось за это.

Насъ поѣхали провожать до Чифтлика всѣ остающіеся въ Русскомъ консульствѣ лица съ ихъ дамами, конечно верхомъ. Обгоняли мы всѣ войска, кавалькада наша была очень весела несмотря на дождь. Въ Чифтликѣ слѣзли съ лошадей, закусили чѣмъ Богъ послалъ и, распростившись съ нашими любезными спутницами и спутниками, поѣхали далѣе. Очень смѣялись мы видя впереди Попова, неистово скачущаго и махавшаго руками: онъ думалъ что мы уѣхали впередъ и скакалъ догнать насъ; мы же изъ Чифтлика проѣхали немного влѣво завидя приближающагося Казбека съ полкомъ; застали мы Попова въ Гассанъ-Кала совсѣмъ измученнаго. Остановились у окружнаго начальника Перумова. Остались здѣсь ночевать. Весь вечеръ мужъ былъ занятъ приготовленіемъ округа къ передачѣ Туркамъ. Умный Баба-эфенди, многіе члены меджлиса и старшины приходили проститься, всѣ выражая свою благодарность.

15го сентября.

Вотъ мы и въ Карсѣ. Всю дорогу изъ Эрзерума, двѣсти верстъ, сдѣлали верхомъ въ четыре съ половиной дня; иногда на день приходилось болѣе пятидесяти верстъ. Я порядочно-таки утомилась и потому три дня не выходила изъ комнаты. Спутники наши какъ видно тоже устали: изъ Эрзерума выѣхали съ нами до тридцати офицеровъ и чиновниковъ, а до Карса доѣхали изъ нихъ лишь трое; прочіе на каждой станціи отставали, а нѣкоторые присоединились къ обозу.

9го выѣхали съ разсвѣтомъ. Около селенія Карачуки встрѣтилъ мужа хоросанскій окружной начальникъ Тиграновъ съ большимъ конвоемъ кюрдинскихъ всадниковъ, между ними особенно бросался въ глаза глава одного изъ племенъ, на великолѣпной бѣлой арабской лошади; онъ казался очень доволенъ тѣмъ что его земли отходятъ къ Россіи, хотя имѣніе его двухъ братьевъ осталось за Турціей. Хоросанскій округъ новою границей дѣлится на двѣ части, такъ что напримѣръ изъ пяти членовъ окружнаго меджлиса (суда) лишь одинъ

дѣлается русскимъ подданнымъ. Въ Зареѣ ночевали у Тиганова. Мужъ подробно объяснялъ мѣстнымъ жителямъ гдѣ будетъ новая граница между двумя государствами. Здѣсь полученъ отвѣтъ Великаго Князя на посланное поздравленіе со днемъ рожденія Великой Княгини и донесеніе объ окончательномъ очищеніи Эрзерума, весьма благосклонный съ благодарностію за усердную и полезную службу. Изъ туземцевъ и здѣсь, какъ въ Гассанъ-Кала, многіе получили подарки и свидѣтельства на медали. 10го сентября проѣхали до Еныкёва съ долгимъ приваломъ въ Зивинѣ. Дорогой обогнали большой транспортъ съ армянскими переселенцами изъ Алашкерта и другихъ мѣстъ. Они, боясь Кюрдовъ, не слушая никого и ничего, собравъ послѣдніе свои пожитки, идутъ на полную неизвѣстность въ Карсъ. 11го на самомъ Сагандугскомъ перевалѣ догнали 4й стрѣлковый баталіонъ; солдаты отдыхали, офицеры пѣли хоромъ. Кумъ мой и его товарищи угостили насъ кофеемъ, мы сидѣли съ ними на бурках, пока не заигралъ горнистъ и баталіонъ не тронулся далѣе. Въ Сарокамышѣ на поляхъ подъ сосновымъ лѣсомъ увидѣли цѣлый лагерь, здѣсь назначена постоянная штабъ-квартира Елисаветпольскому полку (не завидую ему), кромѣ нихъ стояли проходомъ саперы, артиллерія. Князь Тумановъ просилъ остаться пообѣдать. Къ ночи едва добрались до села Карагалеза; переѣзжали совсѣмъ въ темноту черезъ рѣчки, казавшіяся мнѣ морями (ихъ глубина четыре вершка). Въ Бегли-Ахметѣ увидѣли нѣсколькихъ жителей Армянъ въ фескахъ. На вопросъ почему они не замѣнили ихъ шапками, Армяне наивно отвѣчали что еще не увѣрены дѣйствительно ли они достались Россіи, а если Русскіе ихъ отдадутъ обратно, что̀ тогда Турки съ ними сдѣлаютъ увидя на ихъ головахъ шапки?

Карсъ очень измѣнился за послѣдніе мѣсяцы, всюду русскія вывѣски, на улицахъ слышенъ преимущественно русскій разговоръ, открылись гостиницы. Когда мы въѣзжали въ городъ въ ресторанѣ Пьери играла музыка: выступающіе домой на другой день Волжскіе казаки давали обѣдъ и прощались со своими боевыми товарищами. Мы подъѣхали къ гостиницѣ „Лондонъ", и только-что пообѣдали, пріѣзжаетъ карсскій губернаторъ Франкини съ помощникомъ своимъ Шелковниковымъ и приступомъ беретъ насъ къ себѣ на квартиру, прося въ ней остаться до нашего отъѣзда изъ Карса. Его

квартира очень просторная, но безъ печей, ее недавно начали отдѣлывать; въ этомъ домѣ помѣщался госпиталь; со стороны Карсъ-чая большой балконъ съ отличнымъ видомъ на цитадель.

Понемногу подъѣхали отставшіе отъ насъ дорогой спутники. Сегодня Лазаревъ давалъ обѣдъ мужу и его управленію, я тоже была приглашена, но не могла быть по нездоровью.

Въ Карсѣ случайно я узнала что въ Эрзерумѣ напали на слѣдъ Турокъ принадлежавшихъ къ тайному обществу „мстителей", которые намѣревались въ случаѣ возобновленія войны измѣннически истребить всѣхъ русскихъ начальниковъ. Здѣсь уже получено извѣстіе что двое Армянъ выѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами изъ Эрзерума и отставшихъ отъ насъ дорогой среди бѣла дня убиты на пути въ Зивинъ; ѣхавшій съ ними бывшій окружный эрзерумскій начальникъ долженъ былъ оставаться въ какомъ-то селеніи до прибытія войскъ съ которыми поѣхалъ далѣе.

17го сентября.

Изъ Карса въ Александрополь ѣхали въ экипажѣ. Бывшіе сослуживцы мужа по корпусному штабу и по управленію области пожелали проводить насъ. Многіе изъ нихъ верхами ѣхали возлѣ нашего экипажа до первой станціи селенія Мацра. Здѣсь мы были удивлены видя разбитыя палатки, хоръ музыки заигравшій когда мы подъѣзжали. Мужу приготовленъ сюрпризъ: отпечатанный приказъ генерала Лазарева въ которомъ говорится объ отличномъ управленіи возвращеннаго Туркамъ края; онъ составленъ и отпечатанъ въ одну ночь. Угостили насъ великолѣпнымъ завтракомъ; много вспоминали про перенесенные труды и перечувствованныя тяжелыя минуты за цѣлые два года со дня образованія дѣйствующаго корпуса. Слава Богу, теперь все кончено такъ хорошо что даже не вѣрится. Сколько, сколько людей не дожили до подобной минуты. Провели мы въ Мацра болѣе часу; меня очень тронуло это прощаніе, давшее случай высказаться многимъ чистымъ и теплымъ чувствамъ.

Въ Александрополѣ остановились въ томъ самомъ домѣ гдѣ я провела столько невыразимо тоскливыхъ дней.

Тотчасъ по пріѣздѣ уже въ сумерки пересѣли въ извощичій фаэтонъ и поѣхали на могилы нашихъ близкихъ знакомыхъ павшихъ жертвами этой ужасной войны. Могилу Губскаго намъ указалъ попавшійся артиллерійскій солдатъ: она

у крѣпостной церкви, отмѣчена врытыми на половину въ землю гранатами въ видѣ креста. Гейманъ, генералъ Соловьевъ, Толстой и многіе другіе похоронены одинъ возлѣ другаго. Ни у кого изъ нихъ пока еще нѣтъ памятника; свѣжая насыпь земли и деревянный крестъ, вотъ все что̀ мы застали; надъ нѣкоторыми могилами нѣтъ даже надписи; сторожъ помогъ намъ разыскать нашихъ знакомыхъ. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ выразить что́ было у меня на сердцѣ, когда мы уже поздно вечеромъ вернулись на квартиру. Но и тутъ каждая вещь, каждый уголъ воскрешаетъ новыя тяжелыя воспоминанія. Скорѣй, скорѣй отсюда, изъ этого города тоски, болѣзни и смерти, скорѣй на свѣтъ Божій, гдѣ люди живутъ для того чтобы жить.

20го сентября.

Послѣ двухъ дней дороги мы бросили якорь въ Тифлисѣ.

В. ДУХОВСКАЯ.

О ДРАМѢ*

ОТДѢЛЪ IV

ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ТРАГЕДІИ

I.

Этическая цѣль трагедіи должна быть выведена изъ ея сущности.—Постановка вопроса.—Какія именно страсти можетъ очищать трагедія.—Общее рѣшеніе вопроса объ очищеніи страстей.

Мы приступаемъ къ важнѣйшему отдѣлу нашего изслѣдованія, долженствующему составить какъ бы вѣнецъ всего предыдущаго, а именно къ разбору ученія *объ очищеніи* трагедіей возбуждаемыхъ ею страстей или аффектовъ; иначе, къ изученію этическаго или духовно-нравственнаго значенія трагическаго искусства. Такое значеніе трагедіи, если оно дѣйствительно существуетъ, должно какъ все предыдущее, какъ всѣ доселѣ выведенные ея законы и правила, вытекать непосредственно изъ самой ея сущности, быть органически съ нею связано, неотдѣлимо отъ ея художественныхъ достоинствъ. Ибо не будь этого, существованіе трагедіи какъ самостоятельнаго рода искусства ничѣмъ бы не оправдывалось. Мы должны, другими словами, разъяснить этико-художествен-

* См. *Русск. Вѣстн.* 1877. №№ 3, 5 и 8.

ную цѣль трагедіи, заключающуюся въ извѣстной духовно-нравственной пользѣ, которую ей свойственно приносить по самой ея сущности; цѣль нераздѣлимую отъ этой сущности. Цѣль эта не есть внѣшняя цѣль рѣшенія нѣкоторой внѣ трагедіи лежащей задачи, нравоучительной или иной, къ чему стремился бы трагическій поэтъ, подчиняя таковому стремленію свободу своего творчества; нѣтъ, она органически слита съ самимъ творческимъ процессомъ; истинный поэтъ исполняетъ ее независимо отъ того сознаетъ ли онъ ее или нѣтъ, независимо отъ степени ясности такого сознанія, независимо отъ того есть ли онъ человѣкъ только творящій, или же съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣкъ изучающій законы творчества. Нельзя однако не замѣтить что поэты, конечно, чаще думаютъ о сущности своего искусства, чѣмъ то обычно полагается на томъ основаніи что творчество безсознательно. Точно также зритель или читатель можетъ наслаждаться трагедіей или инымъ поэтическимъ произведеніемъ, чувствовать ихъ освѣжающее и цѣлящее душу дѣйствіе, не сознавая въ чемъ именно оно заключается и какимъ образомъ совершается. Подобно: всѣ знаютъ что воздухъ послѣ грозы становится чище, что груди тогда легче дышется и всѣ наслаждаются этимъ независимо отъ знанія или незнанія причины и сущности этихъ явленій. Дѣло науки уяснить какое именно дѣйствіе оказываетъ гроза на воздухъ, отъ чего послѣ нея вольнѣе дышется и т. д. Точно также научная теорія трагическаго искусства должна разъяснить въ чемъ именно заключается его духовно-нравственная польза, какіе безсознательные духовные процессы возбуждаетъ оно въ насъ, и къ чему ведутъ такія возбужденія. „Всѣ роды поэзіи", говоритъ Лессингъ, „должны улучшать насъ; печально когда это приходится доказывать; еще печальнѣе когда встрѣчаются поэты въ этомъ сомнѣвающіеся. Но не всѣмъ родамъ свойственно улучшать все; по крайности, не всякому въ столь же совершенной степени, какъ другому; но что данное искусство улучшаетъ совершеннѣе другихъ, въ чемъ съ нимъ не можетъ сравниться никакой иной родъ, въ томъ единственно и состоитъ его настоящее назначеніе." * Намъ, стало-быть, предстоитъ показать истинное назначеніе трагедіи; уяснить какія „добрыя чувства" можетъ „возбуждать лирой" поэтъ

* *Hamb. Dram.* St. 77.

именно трагическій, и какимъ образомъ онъ именно можетъ быть полезенъ „живою прелестью стиховъ".

Указаніемъ гдѣ именно слѣдуетъ искать пользы трагическаго искусства мы установили вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія. Обычная ошибка въ этомъ отношеніи заключается въ томъ что польза искусства вообще отыскивается не въ немъ самомъ, но полагается произвольно и притомъ *внѣ* предмета. Всякій, сообразно со своими склонностями, вкусами и воззрѣніями, требуетъ дабы искусство оказывало то именно вліяніе или дѣйствіе которое онъ считаетъ наиполезнѣйшимъ. Такъ моралистъ желаетъ чтобъ искусство было нравоучительно, дѣйствовало изображеніемъ примѣровъ доблести и порока, не постигая что есть болѣе возвышенная точка зрѣнія, уясняющая этическое значеніе художественныхъ произведеній. Доктринеръ той или иной политической партіи сердится на искусство почему оно не проповѣдуетъ доктринъ ему любезныхъ. Не достаетъ чтобъ агрономы и статистики рѣшили что искусство будетъ тогда только полезно, когда займется распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ или статистическихъ свѣдѣній. * Нелѣпость такихъ требованій очевидна; это все равно что сердиться на луну зачѣмъ она не грѣетъ. Ясно также что причина такихъ ошибочныхъ требованій коренится въ ненаучномъ отношеніи къ предмету.

Трагедія, какъ мы знаемъ, возбуждаетъ въ насъ страсти или аффекты страха и состраданія. Теперь предстоитъ вопросъ: безцѣльно ли такое возбужденіе или же оно заключаетъ само въ себѣ извѣстную цѣль? Аристотель, въ извѣстной уже намъ формулѣ, ** отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. „Трагедія", говоритъ онъ, „есть такое подражаніе дѣйствію которое не

---

* Искусство въ своихъ ложныхъ родахъ, въ своихъ блужданіяхъ, порой и оправдываетъ такія требованія. Есть піесы нравоучительныя, историческія, этнографическія, даже просто географическія. Подобное видимъ и въ романѣ. Странно однако что въ наше время роману приписывается особое значеніе потому именно что въ немъ много родовъ. Не говоря о томъ что драма способна страдать и страдаетъ подобнымъ же обиліемъ родовъ, нельзя не замѣтить что процвѣтаніе *родовъ* какого-либо искусства свидѣтельствуетъ о забвеніи сущности и стало-быть о паденіи истиннаго искусства. Критика восхищающаяся преимущественно *родами* не отличается глубиной изслѣдованія; судитъ по признакамъ внѣшнимъ, искусственнымъ.

** Отд. I, гл. III.

разказомъ, но страхомъ и состраданіемъ совершаетъ очищеніе *этихъ и имъ подобныхъ* страстей".

Итакъ, цѣль трагедіи ясна; она изображеніемъ извѣстнаго рода дѣйствій возбуждаетъ и страхъ, и состраданіе; мы видѣли * что всѣ правила хорошей трагедіи разчитаны именно на произведеніе высшаго впечатлѣнія, какое только возможно для трагическаго искусства; но цѣль трагедіи не ограничивается однимъ возбужденіемъ страха и состраданія: самымъ этимъ возбужденіемъ она должна очищать эти страсти, то-есть дѣлать ихъ болѣе чистыми и возвышенными; правила нами выведенныя изъ сущности трагедіи стало-быть имѣютъ еще другое, доселѣ не разсмотрѣнное нами, этическое значеніе: они разчитаны не только на сильнѣйшее возбужденіе извѣстныхъ страстей, но и на самое высокое ихъ очищеніе. Это новое важное значеніе выведенныхъ изъ сущности трагедіи правилъ и предстоитъ раскрыть въ предлежащемъ отдѣлѣ.

Прежде всего слѣдуетъ твердо помнить что трагедія способна очищать именно возбуждаемыя ею въ зрителѣ страсти, а не изображенныя въ дѣйствіи,—ошибка въ которую впалъ Корнель въ своемъ разъясненіи Аристотелевой теоріи: ошибка весьма важная, умаляющая значеніе трагическаго искусства. Именно, Корнель полагалъ что трагедія очищаетъ въ насъ посредствомъ страха и состраданія изображенныя въ ней страсти, то-есть любовь, когда герой погибаетъ отъ любви, или любопытство, если оно является причиной изображеннаго въ трагедіи злосчастія; другими словами, приписывалъ трагедіи только нѣкоторое нравоучительное значеніе. Въ письмѣ къ Николаи, отъ ноября 1756 года, Лессингъ ** дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, ведущихъ къ весьма наглядному опроверженію такихъ толкованій. Дабы трагедія могла очищать

* Отд. II и III.

** Письма къ Николаи и Моисею Мендельсону о трагедіи, писанныя за двѣнадцать лѣтъ до *Гамбургской Драматургіи*, весьма интересны для изученія исторія развитія мыслей Лессинга о трагедіи. Въ письмахъ онъ еще во многомъ разнится отъ Аристотеля, вслѣдствіе невѣрнаго пониманія „страха" или „ужаса", какъ онъ пишетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ. Но Лессингомъ уже сдѣланъ важный шагъ къ правильному пониманію сущности трагедіи, а именно что она возбуждаетъ состраданіе, указана также важность такого возбужденія, затронутъ вопросъ объ идеализаціи трагическихъ и эпическихъ героевъ, и. т. п.

извѣстную страсть, эта страсть должна быть налицо, присутствовать въ зрителѣ. Но развѣ мы бываемъ гнѣвны, видя справедливый или капризный гнѣвъ Лира? Развѣ мы влюбляемся сами, будучи свидѣтелями любви Ромео и Джульеты? Правда, могутъ замѣтить что видя правдивое изображеніе страсти, зритель можетъ исправить свое понятіе о ней, получить понятіе болѣе правильное. Нельзя отвергать такого предположенія, какъ нельзя отрицать что въ данномъ частномъ случаѣ подобное изображеніе заставитъ человѣка строже смотрѣть за собой, или удерживаться отъ вспышекъ гнѣва, отчаянія, вообще страсти ведущей къ гибели трагическаго героя. Подобнымъ же образомъ, зритель можетъ порой научиться тому или другому въ трагедіи, ибо въ уста одного изъ лицъ могутъ быть вложены мысли здравыя, полныя житейской или государственной мудрости, или даже научныя истины; можетъ вывести извѣстное нравоученіе изъ изображеннаго въ трагедіи. Но такая польза приносимая трагедіей не составляетъ ея отличительнаго признака; нравоученіе напримѣръ гораздо проще, яснѣе, короче и удобозапоминаемѣе можетъ быть изложено въ формѣ басни, притчи или аполога *; здравыя мысли въ формѣ разсужденія и т. д. Далѣе, художественное изображеніе не только личностей и характеровъ, но типовъ, даже отдѣльныхъ типическихъ чертъ также не лишено извѣстной доли поучительности. Но эта поучительность обща трагедіи съ эпосомъ, даже съ произведеніями писателей-наблюдателей, имѣющими съ поэзіей только внѣшнее формальное свойство. Въ трагедіи наконецъ могутъ встрѣчаться лица и сцены комическія, и смѣхъ, ими возбуждаемый, также имѣетъ свою пользу; стало-быть трагедія можетъ приносить, хотя конечно только отчасти, ту пользу которую свойственно приносить комедіи. Но опять-таки не въ этомъ ея истинное назначеніе.

Существенное обстоятельство трагическаго дѣйствія, его отличительный признакъ, оправдывающій особенность такъ-называемой драматической формы, есть, какъ мы знаемъ, *страданіе*. Возбуждаемые такимъ изображеніемъ *страхъ* и *состраданіе* суть именно тѣ страсти или аффекты которые сильнѣе чѣмъ другими родами поэзіи возбуждаются трагедіей; тутъ ея область, ея сила и власть. И въ этой-то области, а не въ иной, должно искать и нравственнаго значенія трагедіи.

* Ср. Лессинга: *Abhandlungen über die Fabel.*

Если трагедія способна очищать какія-либо страсти, то именно тѣ которыя возбуждаетъ въ зрителѣ напсильнѣйшимъ чѣмъ иные роды поэзіи образомъ. Аристотель прибавляетъ что кромѣ страха и сострадакія трагедія способна очищать также страсти *имъ подобныя*. „Онъ говоритъ“, толкуетъ Лессингъ, „*эти* и *имъ подобныя*, а не просто *эти* (страсти), дабы доказать что понимаетъ подъ состраданіемъ не только собственно такъ-называемое состраданіе, но вообще всѣ филантропическія ощущенія, также какъ подъ страхомъ не только непріятное чувство (Unlust) относительно предстоящаго злосчастія, но также всѣ родственныя ему непріятныя ощущенія, также скорбь о настоящемъ или предстоящемъ несчастіи, огорченія и печали.“ *

По мысли греческаго философа, человѣкъ достойный этого имени долженъ страшиться извѣстнаго рода несчастія, долженъ быть страшливъ, безъ чего онъ не можетъ быть сострадателенъ. Къ такимъ страшливо-сострадательнымъ людямъ онъ причисляетъ людей высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, людей могущихъ разсудить въ чемъ истинное несчастіе и вѣрующихъ что есть на свѣтѣ честные люди; людей любящихъ своихъ семейныхъ и друзей. Желательно чтобы люди вообще, по мѣрѣ возможности, были таковыми; назначеніе трагедіи приближать ихъ къ сказанному идеалу, возбуждая въ нихъ тѣ именно „добрыя чувства“ которыя ей свойственно возбуждать.

Далѣе, по его опредѣленію, какъ страхъ, такъ и состраданіе есть нѣкоторая скорбь или соболѣзнующее чувство при видѣ зла болѣзненнаго или разрушительнаго. Въ изображеніи такого зла, и сопряженнаго съ нимъ страданія, заключается главная стихія трагедіи, и принимая ее во вниманіе можно опредѣлить трагедію какъ изображеніе въ дѣйствіи страданія, но не ради его самого, а ради изображенія человѣческой и человѣчной личности. Только такое строго обусловленное изображеніе страданія возбуждаетъ въ насъ *и* страхъ, *и* состраданіе, въ томъ смыслѣ въ какомъ Аристотель разумѣетъ эти страсти или аффекты. Такимъ образомъ строго опредѣляется по истинѣ *достойное* страха и состраданія. Другими словами, трагедія только въ томъ случаѣ будетъ въ состояніи очищать возбужденныя ею страсти, когда будетъ

---

* *Hamb. Dramat.* St. 77.

возбуждать ихъ къ предметамъ того достойнымъ; тутъ сходятся требованія эстетическія съ требованіями этическими, художественныя понятія съ нравственными. Удовлетвореніе однихъ безъ удовлетворенія другихъ немыслимо; данная трагедія явится постольку же произведеніемъ не художественнымъ поскольку она не будетъ отвѣчать этическому идеалу.

Лессингъ, въ перепискѣ о которой упомянуто выше, принимая во вниманіе только возбужденіе состраданія, приписываетъ трагедіи высокое значеніе, на томъ основаніи что *„наиболѣе сострадательный человѣкъ есть человѣкъ наилучшій*, наиболѣе расположенный ко всякимъ общественнымъ доблестямъ, ко всяческому великодушію“. Очищеніе состраданія состоитъ именно въ томъ что человѣкъ подъ вліяніемъ трагедіи становится правильно сострадателенъ, становясь въ то же время правильно страшливымъ. Поэтому, въ приведенной сейчасъ формулѣ Лессинга слѣдуетъ сдѣлать поправку, замѣнивъ выраженіе *наиболѣе сострадательный* выраженіемъ *правильно сострадательный* *.

Остается прибавить что сказанное очищеніе страстей совершается не посредствомъ возбужденія размышленія, не нравоучительными примѣрами, не при помощи дѣйствія на какую-нибудь отдѣльную способность души человѣческой, но на всѣ одновременно и нераздѣльно (чѣмъ и достигается очищающее дѣйствіе трагедіи на всѣхъ людей безъ различія какъ на мудрыхъ, такъ и на неодаренныхъ мудростью) и именно посредствомъ состраданія и страха возбуждаемыхъ созерцаніемъ поистинѣ достойнаго ихъ человѣческаго злосчастія.

Таково общее рѣшеніе вопроса насъ занимающаго; теперь подвергнемъ его дробному анализу.

---

* Шекспиръ считалъ состраданіе неотъемлемымъ качествомъ хорошаго человѣка. Какъ мы видѣли, злодѣй Ричардъ III хвалится тѣмъ что не знаетъ состраданія; въ Лирѣ оно просыпается подъ вліяніемъ страданія; Коріоланъ совершаетъ свой подвигъ подъ вліяніемъ словъ матери возбудившихъ въ немъ состраданіе, и т. д.

II.

Програма Лессинга.—Частный разборъ перваго и втораго пункта его положеній.

Желающій вполнѣ исчерпать этическое значеніе приписываемое Аристотелемъ трагедіи долженъ, по словамъ Лессинга, „показать раздѣльно какъ могутъ очищать и дѣйствительно очищаютъ: 1) трагическое состраданіе наше состраданіе, 2) трагическій страхъ нашъ страхъ, 3) трагическое состраданіе нашъ страхъ, 4) трагическій страхъ наше состраданіе". Разъясняя эту программу, германскій критикъ прибавляетъ: „домогающійся составить себѣ правильное и полное понятіе объ Аристотелевскомъ очищеніи страстей увидитъ что каждый изъ этихъ четырехъ пунктовъ заключаетъ въ себѣ два случая. Говоря кратко, такъ какъ это очищеніе состоитъ именно не въ чемъ иномъ какъ въ преобразованіи страстей въ добродѣтельный навыкъ, а во всякой добродѣтели, по нашему философу, встрѣчаются крайности въ ту или иную сторону, между коими ея настоящее мѣсто,—то трагедія, дабы превратить наше состраданіе въ добродѣтель, должна смочь очистить насъ отъ обѣихъ крайностей состраданія; то же слѣдуетъ разумѣть и о страхѣ. Трагическое состраданіе, по отношенію къ состраданію, должно очищать души не только тѣхъ кто излишне сострадателенъ, но также и тѣхъ кто чувствуетъ мало состраданія. Трагическій страхъ, относительно страха, долженъ очищать не только души тѣхъ которые совершенно и вполнѣ не боятся несчастія, но также и тѣхъ кого несчастіе, даже отдаленнѣйшее, даже неправдоподобнѣйшее, повергаетъ въ страхъ. Равнымъ образомъ, трагическое состраданіе, въ разсужденіи страха, должно не допускать ни излишка, ни скудости; точно то же долженъ исполнять трагическій страхъ относительно состраданія." *

Вотъ полная программа разбора ученія объ очищеніи страстей, которую намъ подъ руководствомъ Лессинга предстоитъ исполнить по мѣрѣ силъ. Предварительно замѣтимъ: 1) что трагедія всею своею совокупностью, всѣмъ своимъ

* *Hamb. Dram.* Stück 78.

строемъ и постепеннымъ ходомъ, своимъ миѳомъ, какъ совокупленіемъ извѣстнаго рода дѣйствій и какъ планомъ произведенія, должна производить дѣйствіе раздробленное Лессингомъ, для ясности и удобства анализа, на четыре пункта; что раздробленное въ изслѣдованіи на дѣлѣ производитъ дѣйствіе какъ нѣчто цѣлое; 2) что достодолжное очищеніе страстей невозможно безъ таковаго же возбужденія; что очищеніе совершается именно тѣмъ что страсти возбуждаются въ должной мѣрѣ; возбужденіе какой-либо изъ двухъ крайностей страха и состраданія, очевидно, не можетъ повести къ ихъ очищенію, а приведетъ къ результату противоположному, къ большему затемненію страсти, къ укорененію въ душѣ зрителя той или другой ея крайности. Въ этомъ-то смыслѣ Лессингъ и противополагаетъ *трагическіе* страхъ и состраданіе *нашимъ*, то-есть свойственнымъ людямъ вообще, темнымъ, неочищеннымъ, неустойчивымъ и колеблющимся между двумя крайностями, часто подъ вліяніемъ чисто-физическаго ихъ возбужденія, свойственнаго не только людямъ, но и животнымъ. Ибо, какъ извѣстно, и животныя обнаруживаютъ паническій страхъ предстоящаго бѣдствія; обнаруживаютъ въ извѣстной степени и состраданіе, напримѣръ собаки при видѣ больнаго хозяина тѣснятся другъ къ другу, причемъ порой забывается инстинктивная враждебность къ животному иной породы (напр. собаки къ кошкѣ). Очищенная же страсть есть такая которая свойственна только людямъ; очищеніе трагедіей данныхъ страстей ведетъ къ укорененію понятія человѣчности въ истинномъ значеніи слова.

Теперь приступимъ къ раздѣльному разбору Лессинговыхъ пунктовъ.

Пунктъ первый: трагическое состраданіе должно очищать и дѣйствительно очищаетъ наше состраданіе.

Условіе хорошей трагедіи, выведенное изъ понятія состраданія, состоитъ въ томъ что страдающее лицо должно подвергаться злосчастію незаслуженно, не по дѣло́мъ. Эта незаслуженность отнюдь не означаетъ полной невинности страдальца: видѣть страданія совершеннаго праведника только тяжело и непріятно; она обусловливается тѣмъ что злосчастіе превышаетъ вину страдальца, она состоитъ въ несоразмѣрности вины и причиняемаго ею бѣдствія.

Лиръ, безъ сомнѣнія, виновенъ въ томъ что падокъ на лесть и допускаетъ въ другихъ только угодное себѣ выраженіе чувства;

онъ не правъ лишая Корделію ея доли наслѣдства и изгоняя Кента; не правъ отвѣчая обидой на любовь. Злосчастіе однако безмѣрно превосходитъ его вину: онъ лишенъ не только того что̀ оставилъ себѣ изъ прежняго богатства и могущества, но лишенъ крова; наконецъ, онъ лишается любимой дочери съ которой едва примирился, и въ ту минуту, когда для него остается одна надежда: быть утѣшителемъ ея въ темничномъ заключеніи. Отелло виновенъ въ излишней довѣрчивости къ Яго; убѣдиться въ коварствѣ друга благовременно было бы печально, но эту печаль можно считать равномѣрною винѣ; убѣдиться же въ этомъ когда зло причиненное довѣрчивостью велико и неисправимо, есть несчастіе превышающее заблужденія. Отелло виновенъ, кромѣ того, въ убійствѣ Десдемоны: соверши онъ этотъ актъ въ пылу ревности, въ одержаніи страстью, мученія изъ онаго проистекающія были бы равноцѣнны винѣ; но онъ пришелъ къ страшному дѣлу вслѣдствіе слѣпаго поклоненія чести, онъ принесъ кровавую жертву божеству которое чтилъ выше своего счастія, спокойствія, жизни; „ничего онъ не сдѣлалъ изъ ненависти, все изъ чести"; честь была его руководительницей, заставившею его отчасти забыть любовь, но не превратившею ее въ ненависть; онъ не теряетъ сознанія, замысливъ страшное дѣло. „Я долженъ плакать", говоритъ онъ, „но то жестокія слезы; моя печаль божественна: она губитъ то что̀ любитъ." Страданіе заключающееся главнымъ образомъ въ мучительномъ сознаніи что онъ погубилъ существо любившее его и предъ нимъ невинное, что онъ сослужилъ дурную и гнусную службу, думая совершить дѣло хотя жестокое, но справедливое,—вотъ злосчастіе превышающее вину. Борисъ виновенъ въ убійствѣ невиннаго младенца; открытіе убійства, казнь за него были бы бѣдствіями равными винѣ. Но сознавать что единое случайное пятно на совѣсти есть причина порождающая общее недовѣріе ко всѣмъ твоимъ дѣламъ и намѣреніямъ; видѣть что все добро которое ты думаешь дѣлать и дѣйствительно дѣлаешь обращается тебѣ же во зло; что даже несчастіе поражающее тебя какъ отца приписывается твоей злой волѣ; предвидѣть наконецъ возможность гибели дѣтей вслѣдствіе того же страшнаго дѣла, вотъ рядъ несчастій превышающихъ вину. Антигона нарушаетъ повелѣніе царя; наказаніе проистекающее изъ желанія оскорбить святость власти было бы равномѣрно преступленію; но ею руководитъ иное — любовь къ

погибшему брату, желаніе исполнить святой долгъ; ея проступокъ вслѣдствіе этого является несоразмѣрнымъ съ постигающимъ ее злосчастіемъ. Эдипъ виновенъ въ убійствѣ отца и кровосмѣшеніи съ матерью; такое преступленіе, будь оно совершено сознательно, заслуживало бы всякой кары; но оно совершено невольно и по невѣдѣнію, а потому Эдипъ, впавшій въ тяжкій грѣхъ и страдающій отъ сознанія всей его громадности, заслуживаетъ состраданія.

Изъ этихъ примѣровъ, число коихъ легко можно было бы увеличить, ясно что условіе вытекающее изъ понятія состраданія соблюдается истинно-трагическими поэтами. Итакъ, наше состраданіе будетъ законно и правильно, когда мы будемъ сострадать при видѣ злосчастія превышающаго виновность страдальца. Такое состраданіе способно очищать какъ излишекъ, такъ и скудость нашего состраданія. Какимъ же образомъ?

Излишекъ состраданія заключается въ его неразборчивости: человѣкъ поражается простымъ фактомъ страданія, его родомъ или степенью, его внѣшнимъ значеніемъ; условіе же незаслуженности бѣдствія либо упускается изъ вида, либо принимается во вниманіе не въ достаточной мѣрѣ. Трагическое же искусство, поставляя на видъ именно незаслуженность страданія, его несоразмѣрность съ виной страдальца, наглядно изображая примѣры этой несоразмѣрности, возбуждая закономѣрно состраданіе, тѣмъ самымъ исправляетъ излишекъ сострадательнаго чувства. Оно какъ бы говоритъ: „не всякое страданіе заслуживаетъ въ равной мѣрѣ нашего состраданія, злосчастіе другаго достойно полнаго проявленія этого высокаго чувства только тогда когда превышаетъ вину страдальца".

Скудость состраданія состоитъ въ противоположной крайности, а именно въ укоренившемся взглядѣ что всякое страданіе заслужено, что люди страдаютъ по дѣламъ или даже меньше чѣмъ того заслуживаютъ своею глупостью и злобой. Эта крайность очищается тѣмъ же способомъ какъ и предыдущая, то-есть изображеніемъ злополучія незаслуженнаго страдальцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіемъ вѣры что такое страданіе возможно, что сомнѣваться въ этомъ можетъ только нашъ самомнительный эгоизмъ, происходитъ ли онъ отъ того что мы считаемъ себя вполнѣ счастливыми или

несчастнѣе всѣхъ, а равно проистекающее изъ онаго презрѣніе къ ближнимъ.

Такимъ образомъ, трагическое сострадание является понятіемъ строго опредѣленнымъ, не допускающимъ уклоненія въ крайности; люди крайніе въ проявленіи сострадания въ томъ или иномъ смыслѣ, созерцая бѣдствія вполнѣ достойныя высокаго соболѣзнующаго чувства, чувствуютъ состраданіе въ должной мѣрѣ и тѣмъ очищаются отъ сказанныхъ крайностей; это очищеніе происходитъ не при помощи разсужденія и не инымъ какимъ способомъ, а именно достодолжнымъ, соразмѣрнымъ и цѣлесообразнымъ возбужденіемъ страсти.

Пунктъ второй: трагическій страхъ долженъ очищать и дѣйствительно очищаетъ нашъ страхъ.

Мы сострадаемъ правильно, когда обнаруживаемъ это чувство при видѣ несчастія превышающаго вину страдальца. Чего же должны мы страшиться? Ибо, по мысли философа, идеалъ отнюдь не въ полномъ безстрашіи, какъ и не въ излишествѣ страха. Онъ утверждаетъ что слѣдуетъ доказывать людямъ черезчуръ безстрашнымъ что и имъ есть чего бояться, что и они повинны страданію, что страдали люди и могущественнѣе, и лучше ихъ, и притомъ когда того не чаяли и отъ тѣхъ отъ кого не чаяли; доказывать, словомъ, что есть такія несчастія которыхъ слѣдуетъ страшиться.

Изъ понятія страха выводится то правило хорошей трагедіи что трагическое лицо должно быть равно намъ или выше насъ по честности и правдивости *, чтобъ оно обладало честнымъ нравомъ; такое лицо вслѣдствіе грѣха, ошибки или заблужденія впадаетъ въ злосчастіе. И такое именно злосчастіе такого именно человѣка есть то чего мы должны страшиться для себя или для близкихъ намъ.

Разберемъ отдѣльно мотивъ равенства и мотивъ впаденія въ злосчастіе вслѣдствіе ошибки и т. п.

Во второмъ и третьемъ отдѣлѣ настоящаго разсужденія мы привели достаточное количество примѣровъ въ доказа-

* Неточное пониманіе въ чемъ должно состоять равенство намъ трагическаго лица породило ложный родъ искусства, такъ-называемую *мѣщанскую* трагедію. Равенство внѣшнее было выдвинуто на первое мѣсто, подобающее равенству внутреннему. Кто бы ни былъ героемъ трагедіи, царь или рабъ, онъ одинаково долженъ обладать извѣстными нравственными совершенствами.

тельство того что герои трагедіи обычно бываютъ равны или выше насъ по человѣческимъ достоинствамъ. Есть правда случай когда въ герои избирается лицо не вполнѣ честнаго нрава; такова именно трагедія возбуждающая филантропическое чувство. Мы пока устранимъ изъ разбора этотъ случай *. Видя злосчастіе равнаго намъ по честности и правдивости человѣка, во всемъ намъ подобнаго, мы легче можемъ представить что подобное же можетъ случиться съ нами или близкими насъ, чѣмъ и пробудится въ насъ чувство страха. Если мы страдаемъ излишкомъ страха, то боимся всякаго несчастія, всякой скорби и огорченія; изображеніе страданій героя совершенно безупречнаго (не говоря объ отвратительности такого явленія) могло бы усилить этотъ недостатокъ: если полный праведникъ не изъятъ отъ несчастія, то мы подавно всякую минуту должны его опасаться страданія полнаго злодѣя также усиливали бы излишекъ страха, дѣлая его неразборчивымъ, обращая слишкомъ усиленное вниманіе на самый фактъ злосчастія. Подобное и по отношенію къ скудости страха. Созерцаніе страданій полнаго злодѣя укореняло бы этотъ недостатокъ: только для злодѣевъ де существуетъ возможность подвергнуться злосчастію, только имъ слѣдуетъ страшиться такой возможности; изображеніе страданій полнаго праведника также мало способно очистить скудость страха, всегда связанную съ невѣріемъ въ людей; можетъ ли въ такомъ разѣ пробудиться страхъ возможности злосчастія для себя у того кто не только не вѣритъ что полные праведники возможны, но вообще съ презрительнымъ сомнѣніемъ судитъ о достоинствѣ своихъ ближнихъ.

Мотивъ равенства или превосходства страдальца есть условіе непремѣнное для возбужденія страха, но оно ни чѣмъ не опредѣляетъ что̀ именно достойно проявленія этого аффекта. Всякаго ли злосчастія человѣка намъ равнаго должны мы страшиться и для себя? Далеко нѣтъ. Опредѣляющее значеніе имѣетъ второй мотивъ: человѣкъ, равный намъ или лучшій чѣмъ мы, впадаетъ во грѣхъ, заблужденіе или ошибку и тѣмъ навлекаетъ на себя бѣду. Трагически-страшно стало-

* См. ниже, глава III настоящаго отдѣла: добавленіе къ первому пункту.

быть не злополучіе само по себѣ или не одно оно, но и тотъ путь которымъ можетъ придти къ нему человѣкъ; страшна и причина злосчастія, коренящаяся въ винѣ страдальца, въ нарушеніи имъ законовъ Божескихъ или человѣческихъ; страшно самому быть виновникомъ собственнаго несчастія. Изображеніе этой вины, изображеніе грѣховнаго пути которымъ навлекается злосчастіе,—вотъ что̀ можетъ возбудить трагическій страхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очистить нашъ страхъ.

Пояснимъ примѣрами преимущественно тѣхъ же трагическихъ лицъ о которыхъ говорили при разборѣ перваго пункта. Тамъ мы обращали вниманіе на несоразмѣрность вины съ несчастіемъ; теперь разсмотримъ самую вину. Отелло убійца изъ чести. Честь есть безспорно сокровище, которымъ слѣдуетъ дорожить, но не божество, ему же довлѣетъ слѣпое поклоненіе. Отелло совершилъ убійство не изъ ненависти; но мало не ненавидѣть, надо любить; надо больше вѣрить въ чистоту другихъ. Предъ честью онъ не виновенъ, но ради ея онъ преступилъ болѣе важные законы Божескіе и человѣческіе. Трагически-страшенъ тотъ путь которымъ Отелло пришелъ къ убійству Десдемоны и проистекающимъ изъ него мученіямъ. Лиръ навлекаетъ на себя несчастіе гордымъ самолюбіемъ, тѣмъ что внѣшнее выраженіе любви и покорности къ себѣ цѣнитъ если не выше, то наравнѣ съ самими чувствами; трагически-страшно вслѣдствіе такой вины навлечь на себя бѣдствія. Причина несчастій Бориса „единое случайное пятно“; трагически-страшно не просто страдать, какъ онъ, но навлечь на себя несчастіе подобнымъ же образомъ. Въ *Орлеанской Дѣвѣ* мы видимъ избранницу Небесъ впадающую въ несчастіе въ силу невольнаго грѣха; подвигъ на который она призвана оказывается для нея тяжелъ: она полюбила врага своей родины, въ освобожденіи коей отъ враговъ и состоитъ ея призваніе. Любовь къ нему превозмогаетъ въ ней навремя всѣ другія чувства и помыслы; того не довольно: она переходитъ въ ропотъ противъ Богоматери, избравшей ее на подвигъ. Трагически-страшно оказаться недостойнымъ избранія, дозволить человѣческой слабости, хотя навремя, побороть въ себѣ сознаніе святости долга и во имя ея роптать на то что волей Провидѣнія поставленъ на дѣло великаго служенія, и тѣмъ навлечь на себя бѣдствія. Антигона изъ любви къ брату

преступаетъ гражданскій законъ, волю царя; трагически-страшно быть вынуждену преступить постановленія власти, хотя бы по причинамъ весьма уважительнымъ, и тѣмъ навлечь на себя злосчастіе. Наконецъ, въ *Эдипѣ царѣ* трагически-страшно невольно и по невѣдѣнію впасть въ тяжкій грѣхъ и затѣмъ страдать и мучиться отъ сознанія его огромности. Два послѣдніе примѣра показываютъ, какое высокое понятіе имѣли язычники о трагическомъ страхѣ. Слѣдуетъ ли прибавлять что намъ, христіанамъ, стыдно быть позади ихъ въ этомъ отношеніи.

Сводя все сказанное къ одному, мы видимъ что подъ трагическимъ страхомъ разумѣется нѣчто весьма опредѣленное; достойна страха возможность нарушеніемъ, хотя бы порою невольнымъ и по невѣдѣнію *, законовъ человѣческихъ и Божескихъ, впасть во грѣхъ, заблужденіе или ошибку и тѣмъ навлечь на себя злосчастіе.

Такой страхъ способенъ одновременно очищать обѣ крайности нашего страха. У людей трепещущихъ всякаго несчастія, даже мало вѣроятнаго, а равно у тѣхъ у кого слишкомъ скоро и неразборчиво пробуждается подобное страху непріятное чувство при видѣ, слухѣ или воспоминаніи о горѣ,—трагедія исправляетъ излишекъ страха тѣмъ что изображаетъ несчастія, происходящія по строгой необходимости или вѣроятію, привлекаетъ вниманіе къ тѣмъ путямъ и причинамъ которые могутъ сдѣлаться источникомъ нашего бѣдствія; причинамъ находящимся въ насъ самихъ, а не внѣ; ибо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ *Эдипѣ царѣ*, грѣхъ обусловливающій злосчастіе произошелъ по невѣдѣнію, источникъ страданія заключается въ сознаніи грѣха; мученія проистекаютъ не отъ того что внѣшнее горе обрушилось на страдальца, а въ его сознаніи тяжести грѣха. Не сознавай онъ этого, о чемъ бы онъ сталъ крушиться?

Людей воображающихъ что никакія бѣдствія для нихъ не страшны, потому ли что они пользуются великимъ счастіемъ, либо потому что извѣдали уже всѣ несчастія, трагедія очищаетъ отъ скудости страха изображеніемъ такого злосчастія которому можетъ подвергнуться всякій. Тѣмъ что человѣкъ владѣетъ благами міра или много видѣлъ горя никакъ

* Этимъ обстоятельствомъ конечно не слѣдуетъ злоупотреблять. У Софокла оно гармонируетъ съ огромностью грѣха.

не можетъ быть исключена возможность для него власть въ ошибку, заблужденіе или грѣхъ, и тѣмъ навлечь на себя злосчастіе.

Элементъ страха, будучи необходимымъ ингредіентомъ состраданія, имѣетъ и независимо отъ того весьма важное значеніе въ трагедіи. Лессингъ, замѣчая что еслибъ Аристотель хотѣлъ насъ научить только тому какія страсти возбуждаетъ трагедія, то онъ, можетъ-быть, и поостерегся бы упомянуть отдѣльно о страхѣ, продолжаетъ такъ: „но онъ хотѣлъ въ то же время научить насъ какія страсти должны очищаться страстями возбуждаемыми въ насъ трагедіей, и потому-то долженъ былъ отдѣльно упомянуть о страхѣ. Ибо хотя по его мнѣнію аффектъ состраданія ни въ театрѣ, ни внѣ онаго не можетъ быть безъ страха за насъ самихъ; хотя страхъ есть необходимый ингредіентъ состраданія, но это неприложимо обратно, и состраданіе къ другому не есть ингредіентъ страха за насъ самихъ. Какъ только кончается трагедія, исчезаетъ и наше состраданіе и изо всѣхъ испытанныхъ нами душевныхъ ощущеній въ насъ остается только вѣроподобный страхъ что то злосчастіе которому мы соболѣзновали возможно и для насъ самихъ. Это чувство уносимъ мы съ собой, и какъ раньше оно, будучи ингредіентомъ состраданія, помогало очищенію состраданія, такъ теперь, какъ продолжающаяся сама по себѣ страсть, помогаетъ очищенію самое себя. Конечно, для того чтобы показать что она можетъ совершать и дѣйствительно совершаетъ это, Аристотель счелъ необходимымъ упомянуть о ней отдѣльно.“ *

Замѣтимъ, вопервыхъ, что впечатлѣнія испытываемыя зрителемъ въ театрѣ принадлежатъ къ числу весьма сложныхъ, причемъ возбужденіе страха является то отдѣльно отъ состраданія, то совмѣстно съ нимъ; эти простыя и совмѣстныя впечатлѣнія чередуются въ различныхъ сочетаніяхъ; далѣе, напряженіе всѣхъ этихъ впечатлѣній бываетъ различно, хотя, говоря вообще, къ концу трагедіи напряженіе должно увеличиваться. Говоря что трагедія возбуждаетъ страхъ и состраданіе, мы только указываемъ на основные мотивы возбуждаемыхъ ею впечатлѣній. Вовторыхъ, что хотя Лессингъ и правъ что по окончаніи трагедіи пробуждается чувство

---

* *Hamb. Dram.* St. 77.

страха (конечно, всякій въ большей или меньшей степени испытывалъ это на себѣ), но это уже страхъ которому предшествовало состраданіе, страхъ очищенный состраданіемъ. Поэтому-то мы думаемъ что высказанное германскимъ критикомъ положеніе требуетъ нѣкоторой оговорки, именно въ томъ смыслѣ что пробужденіе страха, несомнѣнное въ указанномъ имъ мѣстѣ, есть не единственное проявленіе этого аффекта. Состраданіе начинается при видѣ злосчастія трагическаго лица, при видѣ его мученій; оно достигаетъ однако полной зрѣлости только тогда когда злосчастіе превыситъ вину страдальца. Въ то же время когда злосчастіе только подготовляется, когда оно только грозитъ,—нѣтъ еще мѣста состраданію: тутъ область трагическаго страха.

Возьмемъ для примѣра послѣднюю сцену *Отелло* и для ясности разсмотримъ отдѣльно впечатлѣнія получаемыя отъ дѣйствій Отелло; на дѣлѣ къ нимъ присоединяются многія другія, напримѣръ впечатлѣнія отъ страданій Десдемоны и т. д., но, какъ уже замѣчено, впечатлѣнія переживаемыя нами въ театрѣ принадлежатъ къ числу сложнѣйшихъ. Мы беремъ въ примѣръ самого Отелло, потому что онъ до конца трагедіи есть все-таки средоточіе всѣхъ впечатлѣній и что возбуждаемыя его дѣйствіями душевныя движенія суть напряженнѣйшія; другія впечатлѣнія только усиливаютъ ихъ, входятъ въ нихъ какъ составныя части. Такъ, даже смерть Десдемоны въ планѣ трагедіи имѣетъ значеніе какъ причина сильнѣйшаго злополучія Отелло. Предъ нами спальня; Десдемона спитъ; входитъ Отелло. Онъ готовится къ страшному дѣйствію, проистекающему изъ ряда предыдущихъ дѣйствій какъ его самого, такъ и другихъ лицъ, главнѣйше Яго. Въ его первомъ монологѣ слышится правда отзвукъ страданія, но главное наше вниманіе обращено на то намѣреніе которое онъ готовится исполнить. Намъ страшно что онъ его исполнитъ; намъ страшно когда оно переходитъ въ дѣло; намъ страшно наконецъ самое совершеніе преступленія. Въ душѣ нашей нѣтъ еще ни капли состраданія къ Отелло, только одинъ страхъ. Или состраданіе существуетъ только какъ возможность, въ скрытомъ видѣ; оно подъ спудомъ страха, подавляется имъ. Въ такіе-то моменты трагедіи, когда впечатлѣніе страха если не всевластно, то преобладаетъ въ сильной степени, поэтъ и долженъ остерегаться переступить должныя границы, дабы не возбудить страхъ къ недостой-

кому, страхъ не способный очистить нашъ страхъ. Несомнѣнно что страхъ возбужденный сказанными дѣяніями Отелло въ послѣдствіи поможетъ созрѣть состраданію, но пока онъ властвуетъ надъ нами нераздѣльно. Страданія Отелло начинаются вскорѣ, раньше чѣмъ онъ узнаетъ о невинности Десдемоны, раньше даже чѣмъ входитъ Эмилія, но эти порывы страданія еще долго не овладѣютъ нашею душой: въ ней есть мѣсто и страху возбужденному раньше, и страху за будущую судьбу страдальца; страху еще не слившемуся съ состраданіемъ. Когда узнаніе кончено, когда одно страданіе остается въ Отелло; когда становится ясно что какъ ни велика его вина, страданія все-таки превышаютъ ее, тогда начинается состраданіе; къ этому моменту созрѣетъ вполнѣ и страхъ, но онъ уже перестаетъ проявляться самостоятельно; такой созрѣвшій страхъ не уничтожится, не перейдетъ въ состраданіе, какъ его ингредіентъ. Страхъ еще разъ на мгновеніе всецѣло овладѣетъ нашею душой въ моментъ самоубійства Отелло и затѣмъ уже ему нѣтъ мѣста до конца трагедіи.

Итакъ, страху есть мѣсто раньше окончанія трагедіи; а если есть мѣсто возбужденію аффекта, то есть мѣсто и его очищенію; ибо, по мысли Аристотеля, трагедія ни чѣмъ инымъ очищаетъ въ насъ страхъ и состраданіе, какъ ихъ возбужденіями.

Посмотримъ же какъ въ дѣйствительности происходитъ такое очищеніе, чрезъ что̀ еще нагляднѣе выяснится важность этого элемента въ трагедіи. Страшимся мы, по мысли Аристотеля, несчастія возможнаго для насъ самихъ. Но видя изображеніе страданія трагическаго лица, страшимся ли прямо и непосредственно за самихъ себя? Нельзя отрицать что порой это бываетъ; намъ приходилось наблюдать почти сознательное проявленіе такого чувства. Обычно однако страхъ за самихъ себя или близкихъ намъ присутствуетъ въ аффектѣ возбужденномъ трагедіей въ безсознательномъ, такъ-сказать скрытомъ видѣ. Послѣднее, впрочемъ, не даетъ права заподозривать основательность Аристотелева положенія, какъ то напримѣръ дѣлаетъ французскій переводчикъ *Піитики* г. Бартелеми Сентъ-Илеръ. „Зритель“, говоритъ онъ „рѣдко совершаетъ это эгоистическое приложеніе къ самому себѣ, и онъ чувствуетъ страхъ предъ нѣкоторыми событіями, изображенными предъ его глазами, безъ мысли что онъ можетъ

подвергнуться когда-либо подобнымъ катастрофамъ". * Подобное возраженіе слышится не рѣдко. Противъ него мы имѣемъ замѣтить слѣдующее: 1) что если зритель дѣлаетъ рѣдко приложеніе къ себѣ возможности того несчастія которое предъ нимъ изображается, то это еще не значитъ что онъ не дѣлаетъ этого никогда и возможенъ вопросъ: достигаетъ ли въ случаѣ отсутствія такого приложенія трагедія своей цѣли; 2) отсуствіе сознательной мысли о сказанной возможности не исключаетъ ея существованія въ скрытомъ видѣ; если я считаю катастрофу возможною, то считаю ее возможною не для одного дѣйствующаго лица, а вообще для людей въ его положеніи, въ томъ числѣ и для себя; если я ощущаю при этомъ страхъ, то не страхъ того что такое злополучіе *непремѣнно* постигнетъ меня, но страхъ его возможости для всѣхъ, а стало-быть и для себя; считай я данное злополучіе возможнымъ единственно для одного лица, я тѣмъ самымъ заподозривалъ бы его вѣроятность; но въ этомъ случаѣ я не страшился бы изображеннаго несчастія, какъ невозможнаго или слишкомъ мало вѣроятнаго; исключенія представляли бы только тѣ кто чрезмѣрно страшливъ, но для чрезмѣрно страшливаго и мало вѣроятное несчастіе страшно и для самого себя; 3) эпитетъ эгоистическій, употребленный французскимъ переводчикомъ, какъ сейчасъ убѣдимся, совершенно неумѣстенъ.

Условіе страха—вотъ чтó забылъ возражатель Аристотеля — требуетъ равенства трагическаго лица съ нами, или его превосходства надъ нами. Мы ощущаемъ страхъ когда Отелло готовится убить невинную жену, или когда наговоры Яго овладѣваютъ его душой. Мы страшимся, скажутъ, *не за себя*, а за Отелло, который при этомъ владаетъ въ несчастіе; когда же онъ владетъ въ несчастіе, то мы будемъ сострадать ему. Но для того чтобы страшиться за кого-либо и ощущать затѣмъ его страданія, необходимо какъ бы переживать то чтò онъ переживаетъ. Послѣднее, очевидно, не возможно пока мы мысленно, хотя и безсознательно, не поставимъ себя на его мѣсто; когда не увлечемся его судьбой настолько что онъ покажется намъ если не другимъ нашимъ *я*, то человѣкомъ намъ весьма близкимъ, своимъ. Но это возможно

* *Poétique d'Aristote*, traduite par J. Barthélemy Saint-Hilaire. Paris. 1858, стр. 66, въ примѣчаніи.

только въ томъ случаѣ когда онъ равенъ намъ, во всемъ намъ подобенъ. Только тогда мы станемъ страшиться за него, какъ за близкаго намъ человѣка; только тогда поймемъ или вѣрнѣе безсознательно почувствуемъ возможность такого же несчастія и для себя. И въ этомъ чувствѣ не будетъ ничего эгоистическаго, ибо мы страшимся того для себя чему въ другомъ сострадаемъ; страшимся для себя возможности того что̀ страшно видѣть и въ другомъ. Не должно также забывать что несчастіе не въ одной катастрофѣ, но и въ пути къ ней ведущемъ. Не всякое бѣдствіе трагически страшно, а то которое произошло вслѣдствіе грѣха, ошибки или заблужденія страдальца. Только та катастрофа трагически и страшна которая имѣла сказанныя причины. Голая катастрофа сама по себѣ не страшна въ трагическомъ смыслѣ, ибо страхъ ею возбуждаемый не способенъ очистить нашъ страхъ отъ крайнихъ проявленій. Точно также изображеніе одного владенія въ грѣхъ, или заблужденіе, безъ сопровождающихъ его мученій и страданій, не страшно трагически по той же причинѣ. Что страхъ возбуждаемый трагедіей способенъ умѣрить, уравновѣсить, словомъ очистить нашъ страхъ—показано выше. Это очищеніе состоитъ въ томъ именно что при созерцаніи истинно трагическаго бѣдствія мы становимся страшливы закономѣрно; при трагическомъ возбужденіи страха нѣтъ мѣста ни его избытку, ни его скудости; трагическій страхъ есть самъ по себѣ страхъ очищенный отъ крайностей; проявляясь въ насъ, онъ исключаетъ возможность проявленія крайностей, и въ этомъ исключеніи и заключается очищеніе нашего страха. Источникъ страха коренится въ свойственномъ человѣку благоговѣйномъ чувствѣ предъ судьбой или Промысломъ; въ такомъ же чувствѣ предъ святостью законовъ, вопервыхъ, Божескихъ и, вовторыхъ, человѣческихъ.

III.

Разборъ третьяго и четвертаго пункта Лессинговой программы.— Условія очищенія филантропическаго чувства.

Пунктъ третій: трагическое состраданіе должно очищать и дѣйствительно очищаетъ нашъ страхъ.

По опредѣленію греческаго философа, страшно то что̀ случись съ другимъ или угрожай другому возбуждаетъ въ насъ

состраданіе *. Мы сейчасъ показали на примѣрѣ какъ въ теченіе трагедіи возбуждается въ насъ страхъ при видѣ бѣдствія еще не вполнѣ совершившагося, но угрожающаго трагическому лицу; словомъ, при видѣ бѣдствія въ моментъ его становленія (Werden). Въ примѣрѣ нами выбранномъ, опасность бѣдствія близка и притомъ бѣдствія конечнаго; мы могли бы указать на другія сцены въ той же трагедіи гдѣ есть мѣсто страху; онъ просыпается, напримѣръ, когда Яго обнаруживаетъ впервые свои черные замыслы; онъ еще сильнѣе, когда Яго отъ намѣреній переходитъ къ дѣйствію, возбуждая въ душѣ Отелло сомнѣніе и ревность; когда въ душѣ зрителя возникаетъ вопросъ: повѣритъ ли благородный Мавръ наговорамъ своего прапорщика или нѣтъ? Онъ повѣрилъ, и душа его поверглась въ бездну отчаянія; въ насъ возбуждается состраданіе при видѣ его мученій. Страхъ, который мы недавно еще ощущали, сливается съ этимъ вновь возбужденнымъ чувствомъ, становится его ингредіентомъ. То же бываетъ, какъ замѣчено, и въ концѣ трагедіи; во всѣхъ случаяхъ гдѣ возбуждается страхъ, онъ долженъ быть возбужденъ закономѣрно; иначе онъ не будетъ способенъ очистить нашъ страхъ, не будетъ также въ состояніи помогать очищенію нашего состраданія, какъ укажемъ при разборѣ четвертаго пункта.

Трагедія окончена; катастрофа совершилась; мы перестали быть свидѣтелями трагическаго событія и въ душѣ нашей нѣтъ уже мѣста дѣятельному состраданію; оно замолкаетъ, ибо того что̀ его возбуждаетъ, страданія, нѣтъ въ наличности. Лессингъ неоспоримо правъ указывая что въ это время пробуждается чувство страха. Хотя предметъ состраданія исчезъ и обо всемъ видѣнномъ осталось одно воспоминаніе, но оно слишкомъ еще свѣжо чтобъ уничтожиться сразу, ничѣмъ не отразясь въ душѣ взволнованнаго зрителя. Это отраженіе и знаменуется новымъ пробужденіемъ страха. Оно разнится отъ предыдущихъ возбужденій того же аффекта не только по силѣ напряженія, ибо конечно возможность стать предметомъ состраданія сильнѣе возможности только становиться имъ, или другими словами: страшнѣе что бѣдствіе дѣйствительно обрушится чѣмъ только будетъ грозить; разнится не только потому что его именно, какъ вѣрно замѣтилъ

* Ср. Отд. I, гл. III.

Лессингъ, мы уносимъ изъ театра, между тѣмъ какъ предшествовавшія возбужденія терялись въ чувствѣ состраданія; оно разнится по своему качеству: мы назвали этотъ страхъ страхомъ очищеннымъ состраданіемъ, потому что на немъ отразилось уже непремѣнное условіе состраданія; мы видѣли уже что бѣдствіе превзошло вину страдальца. Могутъ сказать что это условіе состраданія должно соблюдаться въ теченіе всей трагедіи, что всякій разъ, какъ возбуждается въ насъ состраданіе, мученія трагическаго героя должны превосходить его вину. Безъ сомнѣнія такъ; иначе возбуждаемое состраданіе грозило бы впасть въ крайность, не было бы трагично. И въ приведенной сценѣ III акта страданія Отелло превосходятъ его вину, насколько она въ этотъ моментъ обнаружилась въ дѣйствіи. Онъ допустилъ только возможность нечистоты Десдемоны, и вотъ уже не видитъ ничего для себя въ будущемъ. Словами: „кончено дѣло Отелло", тоесть мнѣ больше ничего не остается дѣлать на землѣ изо всѣхъ доблестныхъ дѣлъ, служенію которымъ я посвятилъ себя,—выражается вся глубина его отчаянія. Но это страданіе, превышающее наличную вину, не отражается на послѣдующихъ возбужденіяхъ страха; они обнаруживаются всякій разъ при приближеніи новой опасности, при новой возможности для человѣка, не только намъ равнаго по честности и правдивости, но во многомъ лучше насъ, впасть въ новую, тягчайшую прежней, вину и тѣмъ навлечь на себя новое тягчайшее злополучіе. Теперь же, по окончаніи трагедіи, такой опасности для Отелло уже не существуетъ. Остается только страхъ подобнаго злополучія для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ, и для близкихъ намъ; и именно страхъ впасть въ злополучіе превышающее вину.

Вообразимъ навремя что послѣдняго обстоятельства не существуетъ: не страдалъ ли бы въ такомъ случаѣ возбужденный въ насъ трагедіей страхъ все еще нѣкоторою крайностію. Въ случаѣ положительнаго отвѣта мы должны будемъ признать его неспособнымъ очистить вполнѣ нашъ страхъ. Дѣйствительно, онъ питалъ бы излишекъ нашего страха тѣмъ что возможность *всякаго* несчастія, хотя и происшедшаго при опредѣляющихъ его значеніе обстоятельствахъ, полагалась бы достойнымъ полнаго проявленія нашего страха. Онъ способствовалъ бы, другими словами, уравненію всѣхъ несчастій предъ страхомъ. Истинно-трагическій страхъ состоитъ въ

возможности для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ, *стать предметомъ сострданія* и разумѣется сострданія въ полномъ смыслѣ слова. А такой страхъ обнаружится только тогда когда на немъ отразится условіе сострданія (незаслуженность бѣдствія); оно-то и будетъ способствовать окончательному очищенію все еще возможной крайности излишка нашего страха. Подобное и по отношенію ко скудости этого аффекта. Она, какъ разъяснено выше, очищается изображеніемъ такого злополучія которому повиненъ всякій, въ томъ числѣ и мнящій себя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, изъятымъ отъ бѣдствій. Теперь такимъ людямъ трагедія какъ бы говоритъ: „ты не только, какъ и всѣ, повиненъ страданію, но повиненъ ему въ степени превышающей ту вину которая можетъ навлечь страданія“.

Чувство страха, пробуждающееся по окончаніи трагедіи, еще строже, еще опредѣленнѣе чѣмъ возбуждаемое въ теченіе ея. Страшно сдѣлаться самому предметомъ сострданія; но для того чтобы въ случаѣ постигнувшаго насъ злополучія мы могли стать вполнѣ достойными сострданія, мы должны, во-первыхъ, удовлетворять извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ; далѣе, при непремѣнномъ условіи обладанія сказанными достоинствами, страшно впасть въ ошибку, заблужденіе, болѣе или менѣе тяжкій грѣхъ, и тѣмъ навлечь на себя злополучіе; наконецъ, при совмѣстной наличности обстоятельствъ проистекающихъ изъ обоихъ указанныхъ условій, страшно впасть въ злополучіе превышающее нашу вину. Именно такой страхъ пробуждается въ насъ трагедіей; ясно что въ немъ нѣтъ мѣста эгоизму, который могъ бы питать которую-либо изъ крайностей аффекта. И этотъ-то страхъ, по словамъ Лессинга, уносимъ мы съ собою изъ театра послѣ хорошей трагедіи.

Пунктъ четвертый: трагическій страхъ долженъ очищать и дѣйствительно очищаетъ наше сострданіе.

Припомнимъ недавніе примѣры возбужденія страха въ теченіе трагедіи; возбужденія предшествующія проявленію сострданія. Какъ въ сценѣ третьяго акта, такъ и въ послѣдней сценѣ мы видимъ Отелло, вслѣдствіе нѣкотораго заблужденія или грѣха, впадающимъ въ злосчастіе. Обстоятельство виновности, какъ мы знаемъ, есть одинъ изъ мотивовъ необходимыхъ для возбужденія трагическаго страха; другой же мотивъ заключается въ томъ чтобы лицо впадающее такимъ обра-

зомъ въ бѣдствіе было равно намъ или превосходило насъ по нравственнымъ качествамъ. И этотъ мотивъ имѣется въ наличности въ *Отелло*. Эти-то два мотива трагическаго страха, какъ предшествующіе проявленію сострадапія, и должны послужить къ очищенію послѣдняго; дополнить то̀ чего не достаетъ въ условіяхъ сострадапія, выведенныхъ изъ понятія самого аффекта.

Оба мотива страха какъ наличность извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, такъ и наличность нѣкоторой виновности, сводятся къ одному—къ возможному приближенію героя къ намъ. И именно: требуется совокупность обоихъ мотивовъ; если будетъ присутствовать только одинъ изъ нихъ, то подобіе героя намъ, его равенство съ нами будетъ нарушено. А какъ показано при разборѣ третьяго пункта, возбужденіе страха за насъ самихъ или близкихъ намъ при видѣ бѣдствія угрожающаго герою, или его постигшаго, возможно только въ случаѣ сказаннаго равенства. То обстоятельство что герой можетъ быть выше насъ по нравственнымъ достоинствамъ не нарушаетъ равенства, ибо мы легко представляемъ себѣ высшую степень доблести, свойственной человѣку; болѣе, всѣ мы испытывали на себѣ, хотя бы временный, подъемъ нравственныхъ силъ, подъемъ духа. Отсутствіе же виновности, напротивъ, нарушаетъ условіе равенства. Всѣ мы повинны грѣху, и когда извиняемъ проступокъ другаго, то вспоминаемъ что „всѣ мы люди, всѣ человѣки"; другими словами, признаемъ возможность и для себя извиняемаго проступка. Праведность есть идеалъ къ коему человѣкъ обязанъ стремиться, но люди наиболѣе приближающіеся къ нему, конечно, первые не согласятся признать себя изъятыми отъ грѣха, ошибокъ или заблужденій; только самолюбивая пошлость готова считать себя непогрѣшимою.

При разборѣ перваго пункта мы показали, какъ сострадапіе, обусловленное незаслуженностью бѣдствія, способно очищать крайности нашего соболѣзнующаго чувства. Такое узакономѣренное сострадапіе мы возьмемъ теперь за исходный пунктъ. Если привнесеніе условій страха способно содѣлывать его чище и возвышеннѣе, то конечно оно еще въ большей степени способно совершать то же относительно ничѣмъ не умѣреннаго чувства соболѣзнованія. Въ трагедіи мы имѣемъ дѣло не съ однимъ фактомъ злосчастія, но и съ личностью страдальца; выборъ его ограниченъ извѣстными

условіями и именно условіями вытекающими изъ понятія страха. * Поэтому, въ трагедіи не только нѣтъ мѣста состраданію безъ страха, но и тому очищенію сострадавія которое изложено при разборѣ перваго пункта, безъ одновременнаго и совмѣстнаго очищенія его трагическимъ страхомъ. Приступая къ разбору Лессинговыхъ пунктовъ, мы поэтому и оговорили что въ видахъ большей ясности придется раздроблять изслѣдованіе сложныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, намъ легче будетъ понять очищеніе трагическимъ страхомъ нашего сострадавія, когда мы предположимъ послѣднее уже лишеннымъ грубыхъ крайностей, уже очищеннымъ трагическимъ состраданіемъ.

Припомнимъ вкратцѣ сказанное при разборѣ перваго и третьяго пунктовъ. При разсмотрѣніи какъ трагическое состраданіе очищаетъ наше чувство соболѣзнованія, главное вниманіе было обращено на несоразмѣрность между злополучіемъ постигающимъ трагическое лицо и его виновностью, на незаслуженность бѣдствія, или точнѣе на неполную его заслуженность. Будь злополучіе равно винѣ, оно было бы заслужено, оно стало бы простымъ наказаніемъ: изображеніе такого злосчастія, возбуждая соболѣзнованіе у людей черезчуръ чувствительныхъ, питало бы именно его излишекъ, дѣлая его неразборчивымъ, полагая всѣ несчастія равно достойными сострадавія. Но такъ какъ страхъ не только присутствуетъ въ состраданіи какъ его ингредіентъ, но и предшествуетъ его проявленію въ трагедіи, то въ то же время и подобнымъ же образомъ питался бы и излишекъ страха. Люди скудные состраданіемъ (а такіе скудны и страхомъ) при видѣ разбираемаго злополучія оставались бы холодны и укрѣплялись бы какъ въ этой холодности, такъ и въ скудости страха. Будь злополучіе менѣе вины, оно не достигало бы даже той степени когда достойно имени наказанія. При видѣ такого злополучія, какъ понятно безъ объясненій, у людей чрезмѣрно чувствительныхъ еще бы сильнѣе возбуждался излишекъ обоихъ аффектовъ какъ сострадавія, такъ и страха; у людей холодныхъ еще бы сильнѣе питалась скудость проявленія обоихъ аффектовъ. При разборѣ перваго пункта показано какъ присутствіе условія незаслуженности

---

* Ср. Отд. II, гл. III.

въ изображаемомъ несчастіи умѣряетъ обѣ крайности проявленія состраданія; при разборѣ третьяго пункта—какъ то же условіе способствуетъ умѣренію обоихъ крайнихъ проявленій страха. Въ обоихъ случаяхъ одновременно умѣряются обѣ крайности; не будь этого, трагедія не достигала бы цѣли: вѣдь она одна для всевозможныхъ зрителей. И это умѣреніе или очищеніе производится ни чѣмъ инымъ какъ закономѣрнымъ возбужденіемъ аффектовъ, возбужденіемъ ихъ ко вполнѣ достойному ихъ полнаго проявленія.

Теперь представимъ себѣ случай гдѣ злосчастіе превосходитъ виновность страдальца, но самъ страдалецъ не равенъ намъ; положимъ онъ будетъ ниже насъ и если не полнымъ злодѣемъ, то человѣкомъ не честнаго нрава. Безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ условіе способствующее очищенію нашего соболѣзнованія трагическимъ состраданіемъ останется въ силѣ, но возбужденное чувство не будетъ тѣмъ что̀ Аристотель называетъ собственно состраданіемъ; при обнаруженіи его отсутствовалъ бы страхъ возможности подобнаго бѣдствія для насъ самихъ или намъ близкихъ. Какъ мы знаемъ, греческій философъ называетъ такое соболѣзнующее чувство филантропіей, жалостью по человѣчеству. И такъ, присоединеніе условій страха содѣлываетъ наше чувство соболѣзнованія вполнѣ достойнымъ имени состраданія, еще болѣе возвышаетъ его. Въ этомъ и заключается его очищеніе трагическимъ страхомъ.

Мы тогда легче всего поймемъ какъ трагическій страхъ способенъ очищать наше состраданіе, когда укажемъ какъ происходитъ это очищеніе. Предъ нами во всемъ подобный намъ, равный намъ человѣкъ; ему угрожаетъ нѣкоторая опасность, но не внѣшняя, а такая которую онъ навлекаетъ, или навлекъ уже самъ на себя ошибкой, заблужденіемъ или грѣхомъ. Мы чувствуемъ, хотя бы безсознательно, что опасность бѣдствія вслѣдствіе подобныхъ причинъ возможна и для насъ: это пробуждаетъ въ насъ страхъ. Но для себя и близкихъ намъ мы страшимся только *возможности* того что̀ для трагическаго лица есть *наличность*. Еслибы такая наличность существовала для насъ, то очевидно намъ уже поздно было страшиться ея возможности; сознавая опасность, мы принимали бы мѣры для ея отвращенія. Далѣе, еслибы подобная опасность грозила намъ лично или кому-либо изъ

близкихъ насъ, то мы боялись бы *только* за себя или *только* за него и притомъ *только* въ данную минуту грозящей опасности. Опасность однако грозитъ не намъ лично; она обнаруживается только для человѣка равнаго намъ; страшась возможности ея для себя, мы страшимся не простаго повторенія для себя того что̀ видимъ, но того что при подобныхъ обстоятельствахъ и мы вслѣдствіе подобнаго заблужденія, ошибки или грѣха можемъ навлечь на себя бѣдствіе. Еще: еслибы трагическое лицо видѣло также ясно какъ мы что ему грозитъ бѣдствіе, то и оно, конечно, постаралось бы предупредить его; страшна и для насъ возможность подобной немощи предупредить грозящую опасность. Но именно то обстоятельство что для насъ лично не представляется ни малѣйшей необходимости предупреждать опасность заставляетъ насъ не только страшиться возможности ея для себя, но ощущать страхъ и за судьбу трагическаго лица. Послѣднее однако было бы невозможно, еслибъ опасность коей подвергается трагическое лицо казалась намъ мало вѣроятною или даже вовсе немыслимою для насъ самихъ. Какъ скоро мы начинаемъ принимать къ сердцу опасность грозящую другому, очевидно мы обнаруживаемъ къ нему нѣкоторое любовное, братское отношеніе; къ его горю мы никакъ не останемся равнодушны; болѣе, оно отразится въ насъ въ высокой степени. За опасностью бѣдствія слѣдуетъ оно само; мы видимъ страданія трагическаго лица и сострадаемъ ему. Это состраданіе пробудилось въ насъ и возрасло до значительной степени именно потому что мы сказаннымъ образомъ почувствовали страхъ за его судьбу. Не будь послѣдняго, наше соболѣзнующее чувство было бы холоднѣе. Но страхъ, который мы ощутили, былъ трагическій страхъ, то-есть закономѣрный, не допускающій проявленія ни излишка, ни скудости этого аффекта. И этотъ-то страхъ довелъ наше состраданіе до полной зрѣлости; онъ содѣлалъ его не только напряженнѣе, но и возвышеннѣе и чище; возвелъ его на степень братской любви въ томъ видѣ въ какомъ она можетъ проявляться при злосчастіи самыхъ близкихъ намъ людей, впавшихъ въ злосчастіе равноцѣнное изображенному въ трагедіи. Будь герой ниже насъ по нравственнымъ качествамъ, побудительною причиной состраданія была бы только незаслуженность бѣдствія; теперь мы видимъ что такое бѣдствіе возбуждаетъ состраданіе въ полной степени только въ томъ

разѣ, когда постигаетъ лицо обладающее извѣстными нравственными качествами. Такимъ образомъ аффектъ трагическаго состраданія опредѣляется еще строже и съ тѣмъ вмѣстѣ проявленія крайностей нашего соболѣзнующаго чувства становятся еще менѣе возможны. Повторяемъ: по мысли Аристотеля только эта степень аффекта и достойна названія состраданія; привнесеніе условій страха разграничиваетъ его отъ того что̀ онъ называетъ филантропіей, отъ чувства высокаго и подобнаго состраданію, но менѣе теплаго и сердечнаго.

Выше мы замѣтили что въ случаѣ когда героемъ трагедіи является лицо лучшее чѣмъ мы, условіе равенства не можетъ считаться нарушеннымъ. Избраніе такого лица въ герои, какъ мы знаемъ *, есть одно изъ обстоятельствъ усиливающихъ трагическое впечатлѣніе; сюда же принадлежатъ избраніе въ герои человѣка пользовавшагося большимъ почетомъ или счастіемъ (Отелло, Лиръ, Эдипъ, Борисъ и т. д.), а равно нечаянность злосчастія, заключающаяся въ томъ что люди подвергаются бѣдствіямъ чрезъ тѣхъ чрезъ кого не чаяли (напримѣръ Отелло чрезъ Яго, котораго считаетъ другомъ, или Лиръ отъ дочерей, которыхъ облагодѣтельствовалъ), или когда того не чаяли (напримѣръ Борисъ достигнувъ власти, когда никто не смѣетъ обличить его виновности и кромѣ того чрезъ неожиданное имъ появленіе Самозванца, или Отелло въ ту минуту когда считаетъ себя полнымъ счастливцемъ), или когда злосчастіе, цѣлый рядъ бѣдствій постигаетъ человѣка уже много страдавшаго, напримѣръ Эдипа въ *Эдипѣ въ Колонѣ*, или Лира, послѣ ряда несчастій и т. д. Что эти обстоятельства могутъ способствовать наибольшему очищенію скудости нашего страха и сопряженной съ нимъ скудости состраданія, понятно безъ особыхъ толкованій. Въ самомъ дѣлѣ, такая скудость проявляется у людей воображающихъ себя изъятыми отъ бѣдствій, потому что они считаютъ себя либо наверху счастія, либо испытавшими всякое горе. Трагедія, изображая что люди и въ подобныхъ обстоятельствахъ не изъяты отъ горя, тѣмъ самымъ способствуетъ къ еще большему устраненію сказанной скудости. Но не могутъ ли названныя обстоятельства питать излишекъ нашего страха и состраданія? Нѣтъ, потому что всѣ условія способствующія очищенію назван-

* См. Отд. III, гл. IV.

ныхъ страстей отъ излишка при этомъ нисколько не нарушаются. Нечаянность, напримѣръ, должна быть вѣроятна, а потому не можетъ пробудить страха къ злосчастію мало правдоподобному. Пусть герой трагедіи выше насъ и по нравственнымъ качествамъ, и по внѣшнему положенію,—мотивъ его виновности и послѣдующаго за нимъ бѣдствія превышающаго вину остаются въ полной силѣ. Страхъ попрежнему обращенъ на возможность быть причиной собственнаго несчастія; состраданіе на незаслуженность бѣдствія. Обѣ страсти въ подобныхъ трагедіяхъ возбуждаются только глубже и сильнѣе, ничего не теряя въ своей закономѣрности.

Но когда страдальцемъ явится полный праведникъ, условіе равенства будетъ нарушено. Предъ нами будетъ не живой человѣкъ; предъ нами будетъ нѣкоторое идеальное представленіе, лишенное плоти и крови. Но ошибка художника не ограничится этимъ; заставивъ страдать полнаго праведника, онъ произведетъ впечатлѣніе противоположное тому на которое разчитывалъ. „Тутъ нѣтъ ни страха, ни страданія, говоритъ Аристотель; это просто отвратительно". Мы приводили толкованіе Лессинга на эти слова *. Ссылаясь на него, мы ограничимся теперь немногими замѣчаніями, имѣя въ виду преимущественно слѣдствія вытекающія изъ положенія Аристотеля.

Г. Бартѐлеми Сентъ-Илеръ, на мнѣніе котораго относительно трагическаго страха мы обратили вниманіе при разборѣ третьяго пункта, старается слѣдующими доводами заподозрить основательность Аристотелева положенія. „Можно, впрочемъ", говоритъ онъ, ** „оспаривать справедливость этой мысли: и добродѣтель, какъ бы совершенна она ни была, владая въ злосчастіе, можетъ еще вмѣстѣ (à côté) съ удивленіемъ возбудить состраданіе. Безъ сомнѣнія, такая отвратительная несправедливость возмущаетъ; но мы сочувственно относимся къ незаслуженнымъ страданіямъ."

По мнѣнію возражателя, страданія полнаго праведника

* Отд. II, гл. III.

** *Poétique d'Aristote* etc., стр. 65, въ примѣчаніи. Къ сожалѣнію приходится замѣтить что почтенный переводчикъ Аристотеля въ этомъ случаѣ не столько руководствуется любовью къ истинѣ сколько заднею мыслью (не рѣдкою у французскихъ критиковъ) оправдать нѣкоторыя ошибки Корнеля или Расина.

возбуждаютъ въ насъ чувство сложное, въ которомъ есть однако мѣсто и состраданію. Если даже и согласиться съ нимъ, то все-таки придется замѣтить что такое состраданіе не есть трагическое: оно ни мало не способно устранить проявленіе крайности нашего соболѣзнующаго чувства. * Далѣе, въ сложномъ чувствѣ возбужденномъ разбираемымъ зрѣлищемъ, по мнѣнію возражателя, первое мѣсто принадлежитъ удивленію, состраданіе только сопутствуетъ ему. Къ сожалѣнію, возражатель не находитъ нужнымъ даже возбудить вопроса о томъ будетъ ли въ данномъ случаѣ удивленіе возбуждено въ надлежащей степени и дѣйствительно ли драматическая форма есть та при помощи коей поэтъ удобнѣе всего достигнетъ такого возбужденія. Въ дѣйствительности, чувство соболѣзнованія будетъ мѣшать полному обнаруженію удивленія. Мы удивляемся совершенству, но дабы наше удивленіе могло созрѣть, ничто не должно затемнять совершенства; въ данномъ же случаѣ мы призваны удивляться праведности и видимъ воліющую несправедливость: можно ли придумать вящую помѣху обнаруженію нашего удивленія? Воліющая несправедливость отвратительна, она возмущаетъ насъ; съ этимъ согласенъ и возражатель, но онъ какъ бы забываетъ что именно мысль что предъ нами совершается нѣчто отвратительное не дастъ созрѣть ни удивленію, ни состраданію; она осилитъ ихъ. Драматическіе авторы впадающіе въ подобную ошибку какъ бы инстинктивно чувствуютъ что негодованіе возбудится въ чрезмѣрной степени, а потому и выставляютъ единственною причиной злосчастія какого-либо неслыханнаго злодѣя, на котораго и обрушивается все негодованіе; не будь такого отвода, негодованіе обратилось бы на самаго автора, что̀ было бы и справедливо.

Сказаннаго достаточно чтобъ убѣдиться въ малой основательности возраженія противъ справедливости Аристотелева положенія; посмотримъ теперь на слѣдствія вытекающія изъ положенія. Невольно является мысль что для очищенія нашего состраданія или (что̀ все равно) для возбужденія въ насъ состраданія поистинѣ трагическаго, необходима извѣстная соразмѣрность между величиной вины и величиной злосчастія которое она навлекаетъ на трагическое лицо. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ малая вина, сопровождаемая непо-

* Сравни выше разборъ перваго пункта.

мѣрно огромнымъ страданіемъ, можетъ питать мысль что изображенное въ дѣйствіи почти что отвратительно. Съ другой стороны, слишкомъ большая вина, сопровождаемая слишкомъ ничтожнымъ злосчастіемъ, способна возбудить развѣ крайности сострадапія. Весьма поучительно взглянуть какъ великіе поэты поступали въ случаяхъ близко подходящихъ въ сказаннымъ.

Вина Корделіи (нѣкоторая гордость предъ отцомъ) ничтожна въ сравненіи съ бѣдствіями которыя постигаютъ ея въ теченіи трагедіи; правда, эти бѣдствія не суть прямыя послѣдствія ея вины, они связаны съ нею только косвенно и суть какъ бы отраженія злосчастія отца, но тѣмъ не менѣе они существуютъ. Не возможно ли при зрѣлищѣ ихъ пробужденіе мысли что изображено нѣчто отвратительное? Нѣтъ, и это избѣгнуто тѣмъ что въ теченіе трагедіи мы не видимъ Корделіи страдающей; въ первой сценѣ она слишкомъ увѣрена въ своей правотѣ чтобы чѣмъ-либо выразить свое огорченіе; притомъ несправедливость отца уравновѣшивается любовью Французскаго короля; далѣе, она обращается только съ полуукоромъ къ своимъ сестрамъ. Вниманіе зрителя сосредоточено не на оскорбленномъ чувствѣ Корделіи, а на *винѣ* самого Лира, на его грѣхѣ, изъ котораго проистекутъ его несчастія, а равно на пробужденіе страха что причиной такого несчастія будутъ именно облагодѣтельствованныя отцомъ дочери. Корделія огорчена поступкомъ сестеръ съ отцомъ, но ея огорченія мы не видимъ; мы слышимъ только разказъ о немъ джентльмена Кенту (д. IV, сц. III). Въ слѣдующей сценѣ мы видимъ ее заботящеюся объ отцѣ, грустною, но не страдающею въ трагическомъ смыслѣ. Сцена въ палаткѣ (д. IV, VII) есть сцена примиренія отца съ дочерью, сцена умиляющая зрителя. Въ сценѣ (д. V, III), когда предъ зрителями проводятъ плѣнными Лира и Корделію, она ни словомъ не выражаетъ страданія; вся сцена имѣетъ цѣлью показать какъ много душевной бодрости, какъ много любви въ душѣ Лира въ минуту несчастія. Затѣмъ Лиръ выноситъ трупъ Корделіи; предъ нами отецъ оплакивающій дочь, *его* страданіе: отстрадавшая дочь есть только поводъ къ выраженію *его* горя. Такимъ образомъ, во всей трагедіи нѣтъ ни одной сцены гдѣ бы Корделія непосредственно являлась предметомъ сострадапія. И конечно Шекспиръ въ этомъ отношеніи руководился ничѣмъ инымъ, какъ художественно - этическимъ

чувствомъ; внѣшней преграды для написанія сценъ гдѣ страдала бы Корделія у него не было: онъ дробилъ актъ на столько отдѣльныхъ сценъ на сколько ему казалось необходимымъ, хотя бы сцена заключала въ себѣ не болѣе десяти строкъ.

Второй случай: злосчастіе почти не превышаетъ вины. Возьмемъ въ примѣръ *Макбета.* Говоря объ условіяхъ характера трагическаго лица мы сдѣлали очеркъ личности Макбета *. Его злодѣянія безспорно велики, но проявленіе сострàданія въ зависимости не отъ однихъ страданій сопровождающихъ вину; оно обусловливается также и личностью страдальца. Въ началѣ трагедіи мы видимъ доблести Макбета; путь которымъ онъ приходитъ къ преступленіямъ изображенъ съ большою постепенностью; мы не остаемся холодны къ паденію доблестной души, паденію обусловленному прямымъ вмѣшательствомъ адскихъ силъ. Наконецъ, когда преступленія достигли своего апогея, поэтъ рисуетъ намъ пробужденіе хорошихъ качествъ Макбета не въ конецъ еще убитыхъ; послѣднимъ обстоятельствомъ несомнѣнно *оживляется* чувство нашего состраданія. Такой пріемъ, въ случаяхъ подобныхъ разбираемому, не рѣдокъ у трагическихъ поэтовъ и онъ-то и способствуетъ въ высокой степени закономѣрному возбужденію состраданія. Вспомнимъ послѣдній актъ *Маріи Стюартъ.* Конечно, безъ сцены исповѣди наше состраданіе къ злополучію Шотландской королевы не было бы столь живо и чисто.

Добавленіе къ первому пункту: филантропическое чувство, возбуждаемое трагедіей, должно очищать и дѣйствительно очищаетъ наше филантропическое чувство.

При разборѣ Лессинговыхъ пунктовъ мы опускали тотъ случай когда трагическое лицо не равно намъ по нравственнымъ качествамъ, когда оно обладаетъ не вполнѣ честнымъ нравомъ. Чувство возбуждаемое страданіями такого лица, какъ извѣстно, Аристотель называетъ филантропіей; мы соболѣзнуемъ злосчастію и такихъ страдальцевъ, но не въ столь сильной степени какъ когда герой равенъ намъ; это конечно зависитъ отъ того что намъ трудно поставить себя на его мѣсто, какъ бы переживать его страданія, страшиться за его судьбу, какъ за судьбу человѣка намъ близкаго. Трагедіи герои коихъ таковы не рѣдки; онѣ однако только тогда будутъ заслуживать имени художественныхъ произведеній когда будутъ

* Отд. III, гл. II.

возбуждать филантропическое чувство въ законной мѣрѣ; иначе всякую піесу гдѣ изображено злосчастіе злодѣя пришлось бы считать хорошею. Возбужденія жалости не должны быть грубы; они не должны способствовать проявленію какой-либо изъ крайностей этого чувства. Но гдѣ искать условій опредѣляющихъ правильное возбужденіе филантропіи? Условіе состраданія, то-есть незаслуженность злосчастія, здѣсь непримѣнимо или примѣнимо только условно; условіе страха также; герой и въ разбираемомъ случаѣ, конечно, можетъ впадать въ грѣхъ, ошибку и заблужденіе, и тѣмъ навлекать на себя несчастіе, но этотъ мотивъ возбужденія страха, какъ мы видѣли, достигаетъ цѣли только въ соединеніи съ мотивомъ нравственнаго равенства.

Человѣкъ ниже средняго уровня по честности и правдивости можетъ быть, однако, равенъ, даже выше насъ, по другимъ человѣческимъ достоинствамъ: онъ можетъ обладать умомъ, храбростью, талантомъ, вообще качествами присутствіе которыхъ не исключается сказаннымъ недостаткомъ. Аристотель, указывая на примѣры трагедій разбираемаго вида, отнюдь не совѣтуетъ выбирать въ герои полнаго злодѣя; именно, какъ на примѣры подобающаго героя онъ указываетъ на человѣка умнаго, но не безъ подлости, попадающаго въ разставленныя имъ самимъ сѣти, и на человѣка храбраго, но несправедливаго *. Другими словами на людей, при отсутствіи нравственныхъ качествъ, обладающихъ извѣстными достоинствами. Человѣкъ вполнѣ порочный и только порочный, чистый злодѣй, совсѣмъ не годится въ герои трагедіи; его страданія могутъ въ однихъ возбудить только излишекъ жалости, укрѣпляя въ то же время въ другихъ ея скудость. Изъ разбора вышеприведенныхъ примѣровъ, а равно трагедіи о Ричардѣ III, мы вывели правило что филантропическое чувство будетъ тѣмъ ближе къ состраданію, а стало-быть тѣмъ способнѣе очищать наше филантропическое чувство „чѣмъ сильнѣе будетъ возможность представить что тотъ же человѣкъ при иныхъ склонностяхъ или при обузданіи своихъ безчестныхъ (порочныхъ) склонностей могъ бы явить тѣ или иныя положительныя доблести“ **.

Филантропическое чувство, при существованіи въ трагедіи

---

* Ср. Отд. III, гл. I.

** Ср. Отд. III, гл. III.

указаннаго условія, будетъ обращено на злосчастіе лица не лишеннаго извѣстныхъ достоинствъ; на лицо въ которомъ мы не откажемся признать человѣка, если не равнаго, то подобнаго намъ; оно станетъ такимъ образомъ опредѣленнѣе; съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлается возможнымъ проявленіе, если не страха въ Аристотелевскомъ смыслѣ слова, то чувства ему подобнаго; при видѣ злосчастія такого героя, въ насъ пробудится не столько желаніе видѣть его наказаннымъ за злыя дѣянія сколько желаніе возможности для него исправленія. Это чувство невольнаго участія къ судьбѣ героя и дастъ созрѣть истинной филантропіи, жалости по человѣчеству. Намъ станетъ жаль въ героѣ человѣка. Возбужденная трагедіей жалость по человѣчеству будетъ способна очистить обѣ крайности проявленія нашей жалости; излишекъ ея возбуждается простымъ видомъ страданія не только человѣка, но и животнаго: люди черезчуръ жалостливые слишкомъ неразборчивы въ проявленіи своей чувствительности; трагедія указываетъ имъ достойное вполнѣ человѣческой жалости: злополучіе человѣка, хотя и порочнаго, но въ которомъ мы ясно видимъ существо вполнѣ намъ подобное; жаль что оно погибаетъ неисправленнымъ отъ склонностей дѣлающихъ его намъ не равнымъ. Скудость жалости исправляется пробужденіемъ вѣры въ то что и въ своемъ паденіи человѣкъ все-таки остается существомъ достойнымъ во многомъ нашего сочувствія: совсѣмъ не жалѣть можно только вполнѣ недостойнаго.

Уяснимъ высказанныя соображенія примѣрами. Ричардъ III злодѣй. Сравнивая его первый монологъ съ монологомъ Эдмунда въ *Лирѣ* (*Природа мой богъ*), Лессингъ замѣчаетъ что въ послѣднемъ случаѣ онъ слышитъ дьявола, но въ образѣ свѣтлаго духа, а въ первомъ и слышитъ и видитъ дьявола въ такомъ образѣ который свойственъ только дьяволу *. Ричардъ дѣйствительно изо всѣхъ извѣстныхъ въ художествѣ образовъ болѣе другихъ напоминаетъ дьявола. Нельзя отказать ему въ умѣ, но умъ его цѣликомъ направленъ на злое дѣло, вполнѣ подчиненъ злой волѣ. Сцена сновидѣній, подъ вліяніемъ коихъ Ричардъ чувствуетъ омерзѣніе къ себѣ, ко всему своему прошлому, заставляетъ насъ вспомнить что и онъ человѣкъ. Когда, кромѣ того, мы видимъ его храбрость въ такой моментъ когда и смѣлому есть причина расте-

* *Laokoon*, XXIII.

теряться,—то мы убѣждаемся что въ этомъ злодѣѣ есть качества высокія, свойственныя не многимъ изъ насъ. Отсюда жалость по человѣчеству при видѣ его страданій. Сравнимъ эти моменты возбужденія филантропіи съ таковыми же по отношенію къ леди Макбетъ. Еслибы мы стали искать въ этой женщинѣ чертъ приближающихъ ее къ намъ, то конечно увидѣли бы ихъ только въ любви къ мужу. Любовь сильная, страстная, но неразумная, слѣпая. Леди Макбетъ понимаетъ только внѣшнее величіе и ея цѣль—видѣть мужа на высшей ступени такого величія какая только возможна для человѣка, какой можетъ позавидовать самое честолюбивое воображеніе. Для того чтобы добыть мужу тронъ, она ни предъ чѣмъ не остановится; тутъ она будетъ смѣла и храбра и превзойдетъ безстрашіемъ даже своего мужа. Итакъ, любовь къ мужу, къ чему бы она ни вела, есть черта заставляющая насъ видѣть въ леди Макбетъ существо намъ подобное; мы жалѣемъ что столь высокое и сильное чувство направлено столь превратно. Леди Макбетъ страдаетъ глубоко и сильно; мы свидѣтели этого страданія, сопровождаемаго укорами совѣсти, не дремлющей и во время сна страдалицы: новая человѣческая черта. Этотъ видъ страданій способенъ возбудить нашу жалость. Шекспиръ не идетъ дальше; онъ не рисуетъ намъ конечной гибели гордой женщины. Внѣшнихъ причинъ для этого у него не могло быть; въ его трагедіяхъ мы нерѣдко видимъ смерть нѣсколькихъ лицъ, нѣсколько труповъ одновременно лежатъ предъ нами. Должна быть внутреняя причина такой умѣренности великаго поэта, и она конечно заключается въ томъ что въ сценѣ сонамбулизма наша жалость проявляется правильно; изображеніе же конечной гибели леди Макбетъ только бы возбудило его крайности: нашему филантропическому чувству не было бы достаточной пищи. Требовалось бы чтобы въ моментъ своей гибели леди Макбетъ обнаружила нѣкоторое достоинство, которое было бы способно оживить чувство нашей жалости. Проявленіе его, конечно, казалось великому поэту несовмѣстнымъ съ самою личностью леди. Не то въ Ричардѣ III.

Ричардъ, какъ замѣчено, возбуждаетъ впервые филантропическое чувство въ той сценѣ когда подъ вліяніемъ страшнаго сновидѣнія въ немъ пробуждается отвращеніе ко всѣмъ своимъ мерзостнымъ дѣламъ, сознаніе что изо всѣхъ людей на землѣ для него страшенъ только онъ самъ, какъ злодѣй

и безчеловѣчный убійца. Сцена, по основному мотиву, имѣетъ подобіе со сценой сонамбулизма леди Макбетъ. Шекспиръ не оставляетъ однако Ричарда на этомъ моментѣ; онъ доводитъ его до конечной погибели. Почему же? развѣ этотъ моментъ, какъ подобный въ *Макбетѣ*, не есть въ свою очередь самый удобный для правильнаго возбужденія чувства жалости по человѣчеству? Нѣтъ, есть моментъ когда Ричардъ возбудитъ его столь же правильно, но въ болѣе сильной степени. И то именно моментъ его смерти. Филантропическое чувство возбудится тогда въ должной мѣрѣ не самымъ фактомъ смерти, не болѣе сильною степенью страданія, но тѣмъ именно обстоятельствомъ что въ свой предсмертный часъ Ричардъ обнаружитъ нѣкоторую положительную доблесть, именно беззавѣтную храбрость. Будь наоборотъ, явись Ричардъ въ предсмертный часъ болѣе или менѣе трусомъ; не будь при этомъ возможна мысль что Ричарду мѣшаетъ быть героемъ злое направленіе его воли, развязка трагедіи смертью была бы не художественна, трагедія была бы не способна очищать наше филантропическое чувство. Замѣтимъ кстати что такое возрастаніе энергіи въ Ричардѣ, въ минуту грозящей опасности, весьма вѣроятно по всему складу его личности; оно было бы несообразно съ женскою природой леди Макбетъ, какъ уже замѣчено при разборѣ Аристотелевыхъ положеній касательно изображенія характера. Вотъ новый случай убѣдиться какими тонкими и въ то же время неразрывными нитями связаны между собой всѣ правила теоріи, основанной на изученіи сущности трагическаго искусства.

Возьмемъ еще примѣръ. Въ послѣдней сценѣ *Отелло* мы зрители трехъ смертей: Отелло, Десдемоны и Эмиліи. Мы подробно говорили о нихъ; * изображеніе конечной гибели этихъ лицъ вполнѣ правильно возбуждаетъ наше состраданіе. Главный виновникъ всей катастрофы, Яго, остается живъ; Шекспиръ не торопится наказать его за злодѣяніе. Яго, правда, раненъ, но не сильно; онъ не страдаетъ отъ боли, а только выражаетъ радость что опасность счастливо миновалась. Онъ, пожалуй, наказывается, но не страданіемъ, а исключеніемъ изъ числа людей (слова Лудовико, заключающія трагедію). Такой приговоръ конечно не можетъ опеча-

* См. Отд. II, гл. II.

лить злодѣя, умѣющаго восхищаться своею преступною ловкостью. Всякое, даже малое страданіе Яго было бы не художественно; оно бы вело къ возбужденію крайностей жалости. Поэтъ, исключая его изъ числа людей, въ то же время изъемлетъ его изъ числа достойныхъ возбудить въ насъ человѣколюбивое чувство.

IV.

Обзоръ предыдущаго.—Въ чемъ заключается удовольствіе получаемое отъ трагедіи.

Мы окончили разсмотрѣніе трагедіи въ существенныхъ ея частяхъ; оглянемся, на пройденный путь. Трагедія есть, вопервыхъ, подражаніе дѣйствію; въ этомъ ея сходство не только съ родственнымъ родомъ искусства, комедіей, но и съ эпосомъ. Условія эпоса и драмы въ этомъ отношеніи одинаковы. Оба изображаютъ жизнь человѣческую, но не какъ событія просто, а какъ дѣйствія людей. Такое изображеніе называется драматическимъ; сей эпитетъ, какъ мы видѣли, приложимъ не только къ комедіи и трагедіи, но и къ произведеніямъ эпическимъ. Еслибы поэты изображали одни событія, то они ничѣмъ бы не отличались отъ разкащиковъ, повѣствующихъ о видѣнномъ и слышанномъ; событіе должно явиться какъ произведеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и внутренняго міра человѣка, которому приходится поступатъ такъ или иначе въ различныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми. Изображеніе дѣйствія немыслимо безъ изображенія дѣйствующаго, между тѣмъ какъ событіе можетъ быть разказано, какъ совершившееся съ людьми вообще, причемъ мы не узнаемъ ничего о внутреннихъ побужденіяхъ этихъ людей или узнаемъ весьма мало. Люди различаются между собою по уму и характеру: оба эти качества должны быть изображены поэтомъ. Дѣйствія человѣческія зависятъ однако не отъ нихъ однихъ; тутъ важную роль играютъ чувства, страсти, различныя впечатлѣнія, возбужденія и одержанія. Умъ и характеръ могутъ быть изображены независимо отъ дѣйствій человѣка, внѣ ихъ; можно описать или разказать что такой-то ученый обладалъ такимъ или инымъ умомъ, точно опредѣлить качества и особенности этого ума; подобное же можно сдѣлать и относительно характера, представивъ его

анализъ, что̀ и дѣлается напримѣръ историками. Поэтъ ближе достигнетъ своей цѣли не тогда когда ясно изобразитъ особенности ума и характера того или иного человѣка, а когда хорошо изобразитъ его дѣйствія. Цѣль поэзіи вообще заключается въ закономѣрномъ возбужденіи чувствъ или аффектовъ. Положимъ, поэтъ желаетъ возбудить въ насъ восторгъ предъ храбростью. Онъ тогда достигнетъ своей цѣли когда изобразитъ избраннаго героя въ такомъ дѣйствіи гдѣ ясно обнаружится сказанное качество; если при этомъ особенности ума или характера героя будутъ очерчены не особенно ясно и отчетливо, то цѣль все-таки будетъ достигнута; наоборотъ, безъ изображенія подобающихъ дѣйствій, при удивительномъ даже описаніи ума и характера, цѣль достигнута не будетъ. Поэтому-то изображеніе ума и характера лица должно быть подчинено изображенію дѣйствія; они должны быть изображены не непосредственно, но чрезъ дѣйствіе. * Правило это равно относится и къ эпосу и драмѣ. Въ частности мы указали на *Ромео и Юлію* какъ на трагедію гдѣ изображеніе характеровъ сравнительно слабо. Равно Эврипидъ и Шиллеръ не всегда отчетливо рисуютъ характеръ дѣйствующихъ, но ихъ трагедіи весьма достигаютъ цѣли, свойственной такого рода произведеніямъ, потому что дѣйствія въ нихъ изображенныя носятъ на себѣ всѣ признаки дѣйствій трагическихъ.

Изъ понятія дѣйствія выводятся правила о его единствѣ, вѣроятности или необходимости, о величинѣ произведенія, о важности *миѳа* какъ плана произведенія и т. д. И эти правила общи для обоихъ родовъ поэзіи. Различіе собственно драмы и эпоса заключается въ томъ что драма изображаетъ дѣйствіе совершающимся какъ бы предъ глазами зрителя, его *становленіе*; эпосъ же повѣствуетъ о дѣйствіи какъ о

* Замѣтимъ кстати что область поэзіи вообще есть изображеніе не только людей, но и предметовъ въ дѣйствіи или движеніи. Такъ красота, напримѣръ, будетъ изображена нагляднѣе когда поэтъ изобразитъ ее въ движеніи, или то дѣйствіе которое она оказываетъ на другихъ, а не тогда когда поэтъ пустится въ дробное описаніе частностей. (Ср. Лессинга *Лаокоонъ*.) Лирическіе поэты также изображаютъ внутреннія движенія души человѣческой. Слово вообще способно къ такому именно изображенію; оттого-то поэзія, равно какъ музыка, и называются искусствами *во времени*, въ противоположность другимъ искусствамъ *въ пространствѣ*.

совершившемся. Поэтому-то въ драмѣ эпизоды или вставки менѣе допустимы; ими прерывалось бы теченіе дѣйствія. Дѣйствіе изображается въ драмѣ какъ непрерывно-становящееся, но въ преемственности не времени, а фазъ самого дѣйствія. Завязавшееся дѣйствіе можетъ повлечь за собою другія не тотчасъ же, но чрезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени.

Становленіе дѣйствія есть поэтому одинъ изъ признаковъ драмы вообще, то-есть и комедіи и трагедіи. Имъ обусловливается отчасти и самая форма этого рода произведеній. Но мало изобразить дѣйствіе какъ бы совершающимся предъ глазами зрителя; надо избрать для такого изображенія такое именно дѣйствіе которое по своимъ качествамъ требуетъ сказанной формы, которое, будучи изображено именно такъ, произведетъ не только наисильнѣйшее, но и наиболѣе довлѣющее впечатлѣніе.

Обстоятельства дѣйствія многообразны. Аристотель указываетъ на переломъ, узнаніе и страданіе какъ на главнѣйшія; два первые общи и эпосу и драмѣ вообще; послѣднее можетъ быть изображено и въ эпосѣ и въ трагедіи. Но изображенное въ трагедіи оно произведетъ большее впечатлѣніе, ибо и въ жизни непосредственное зрѣлище страданія производитъ впечатлѣніе сильнѣйшее чѣмъ разказъ о немъ. Страданіе поэтому есть непремѣнное обстоятельство трагическаго дѣйствія; изображеніемъ его въ становленіи объясняется удовлетворительно такъ-называемая драматическая форма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность сценическаго представленія.

Такимъ образомъ, непремѣннымъ условіемъ трагическаго миѳа является изображеніе страданія, нѣкотораго зла болѣзненнаго и разрушительнаго, зрѣлище коего способно возбудить въ насъ и страхъ, и сострадание. Страсти или аффекты вообще могутъ проявляться въ насъ въ своихъ крайностяхъ, то-есть страдать излишкомъ или скудостью; то же надо повторить и о страхѣ и состраданіи. Еслибы трагедія возбуждала ихъ крайности, она не имѣла бы никакого этическаго значенія; она *должна* возбуждать ихъ закономѣрно, то-есть къ предметамъ поистинѣ того заслуживающимъ. Такимъ возбужденіемъ она очищаетъ въ насъ названные аффекты именно тѣмъ что исключаетъ возможность возбужденія ихъ крайностей.

Какъ совершается такое очищеніе — сейчасъ показано.

вѣчнаго состраданія. Ошибки подобныя указаннымъ существовали и въ греческомъ театрѣ, какъ видно изъ оговорокъ Аристотеля: и въ древней Греціи существовала не одна трагедія, но и произведенія подобныя современнымъ мелодрамѣ или слезной комедіи.

Заключимъ: ученіе объ очищеніи трагедіей страстей ею возбуждаемыхъ есть вѣнецъ Аристотеле-Лессинговой теоріи; только оно даетъ истинное мѣрило художественности произведенія и его этическаго значенія нераздѣльнаго отъ художественнаго. Теорія, повторимъ сказанное во вступленіи, никого не научитъ писать трагедіи, но она есть вѣрный и заботливый другъ таланта, предостерегающій его отъ ошибокъ, способствующій его художественному самовоспитанію. Самонадѣянность свойственна художникамъ не менѣе чѣмъ остальнымъ смертнымъ; она ведетъ къ тому что художникъ ограничивается первыми болѣе или менѣе удачными опытами и затѣмъ начинаетъ подражать самому себѣ, чрезъ что впадаетъ въ собственную рутину. Отъ такого-то великаго несчастія, неправильно называемаго паденіемъ таланта, и спасетъ его теорія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

LXIX.

Гундуровъ медленными шагами поднялся опять по лѣстницѣ и направился въ комнату тетки. Онъ зналъ что она будетъ ждать его, не уснетъ не повидавшись съ нимъ.

Она еще не раздѣвалась, и въ своей robe feuille-morte de madame Cottin ходила по комнатѣ, часто и озабоченно понюхивая изъ своей маленькой золотой табатерки.

— А, вотъ ты! Ну, садись!... Не надолго, поспѣшила она примолвить,—надо будетъ тебѣ пойти опять туда, ко всѣмъ....

Онъ сѣлъ—опустился въ большое готическое кресло, въ которомъ утромъ сидѣла Лина, и уронилъ руки на колѣни.

Она внимательно поглядѣла на него сбоку. Ей показалось что онъ даже похудѣлъ съ этого утра.

— Усталъ?

— Да, немножко, отвѣтилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, послѣ такой роли. Ты прекрасно игралъ, я даже удивилась.... И она въ свою очередь насилованно улыбнулась.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 6, 7, 8 и 10.

Сергѣй зналъ тетку, и эту ея привычку ходить по комнатѣ и торопливо нюхать когда она была чѣмъ-нибудь очень взволнована, и то что вслѣдъ за этими „посторонними словами“ она разомъ приступитъ къ предмету озабочивавшему ее.

Онъ не ошибался.

— Чтò у тебя вышло съ княжной? спросила она ex abrupto, оборачиваясь на ходу и глядя ему прямо въ лицо.

Онъ ожидалъ почему-то этого вопроса, и все-таки смутился.

— Кто вамъ сказалъ что у насъ что-то вышло, и почему вы думаете....

— Никто мнѣ не говорилъ; но я знаю тебя съ пеленъ, и ее успѣла узнать достаточно въ это короткое время. Я поняла это изъ выраженія вашихъ лицъ тамъ, на сценѣ.... и поняла также что виноватымъ тутъ никакъ не можетъ быть она, строго примолвила Софья Ивановна.

Ему тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ упрекъ чѣмъ громче слышался онъ ему въ его собственной совѣсти. Онъ, какъ говорится, повернулъ съ больной головы на здоровую.

— И поэтому, тетя, слегка раздраженнымъ тономъ сказалъ онъ,—вы сочли нужнымъ сообщить о....—онъ не находилъ слова—о... обо всемъ этой свѣтской графинѣ, которую я сейчасъ приводилъ и по словамъ которой я не могъ не понять что она знаетъ... Я не говорю, она прелестная, милая женщина, и была такъ внимательна ко мнѣ что я могу быть ей только чрезвычайно благодаренъ, тѣмъ болѣе что не знаю чѣмъ могъ я заслужить... Но, признаюсь вамъ, мнѣ нисколько не были пріятны намеки на то чтò, я думалъ, знаете только вы и.... и еще одна особа, договорилъ онъ черезъ силу.

— Ты думаешь? съ невеселымъ выраженіемъ шевельнувшихся губъ молвила она на это:—ты думаешь что ни у кого глазъ нѣтъ, слуха, что никто не въ состояніи видѣть, сообразить и вывести заключеніе?... Эта Аглая развѣ со своею невозможною глупостью ничего не замѣтила,—а кто же не видѣлъ что у васъ тамъ шли не роли, не заученный разговоръ актера съ актрисой, а разыгрывалось что-то настоящее, личное между вами!... Графиня,—она дѣйствительно прелестная женщина, не даромъ весь Петербургъ былъ у ея ногъ,—она съ первыхъ словъ поняла что въ тебѣ говорило настоящее отчаяніе, „un vrai désespoir“, какъ она выразилась, а что она, княжна, насилу на ногахъ держалась. Какое заключеніе съ умомъ ея, со свѣтскимъ опытомъ, могла она изъ этого

вывести? А мнѣ что же лгать ей было, клясться что ничего подобнаго нѣтъ? Повѣрила бы она мнѣ, да и къ чему было мнѣ лгать?... Или ты думаешь что этотъ петербургскій, выписанный Аглаей женихъ ничего не замѣтилъ? Такъ я углядѣла съ какимъ выраженіемъ лица слѣдилъ онъ за каждымъ словомъ васъ обоихъ.... Или князь Ларіонъ? Вотъ его фраза мнѣ. Я его спросила нарочно, когда мы вернулись наверхъ послѣ театра, почему мы были лишены удовольствія слышать пѣніе княжны и вообще цѣлая ея сцена пропущена; а онъ мнѣ этимъ своимъ дипломатическимъ тономъ и явно со шпилькой по твоему адресу: „ей было не въ мочь, говоритъ, она слишкомъ серіозно, къ сожалѣнію, вошла въ свою роль Офеліи“.

— Онъ это сказалъ? воскликнулъ Сергѣй.

— Да, сказалъ, и я....

Онъ не далъ ей продолжать, вскочилъ:

— Отчаяніе, да, тетя, эта графиня была права, настоящее отчаяніе! вырвалось у него неудержимо изъ груди;—что я перечувствовалъ, перестрадалъ съ утра, вы не знаете!.. Я воображать даже не могъ что изо всего этого такая мука выйдетъ!.. И какіе-то враги, ненавистники, уколы... униженія, тетя!... Я будто виноватъ предъ нею, будто оскорбилъ ее тѣмъ что осмѣлился.... и всякій нахалъ считаетъ себя въ правѣ вступаться за нее, спѣсь съ меня сбить. Вы бы послушали что говорили тамъ при мнѣ, нарочно.... „Она цѣну должна себѣ знать“, она „не про московскихъ соловьевъ“.... Это я, вы понимаете, „соловей“, то-есть я авантюристъ, прощалыга, ворона залетѣвшая въ высокія хоромы.... Я едва... я бы кажется растерзалъ его на мѣстѣ, восклицалъ Сергѣй со сверкающими отъ негодованія глазами,—но то что говоритъ какой-нибудь Свищовъ, вѣдь это думаетъ и вашъ свѣтъ, то пресловутое общество которое вы называете „хорошимъ“.... а я кромѣ мерзости и гнуснаго разчета ничего, ничего въ немъ не вижу.... Скажите, ради Бога, этотъ пріѣзжій женихъ, вѣдь онъ ея не знаетъ, онъ понять, оцѣнить ея не могъ.... Онъ ея не любитъ, не способенъ.... развѣ такіе люди могутъ!.. Онъ прямо пріѣхалъ схватить кушъ.... Онъ возьметъ ея деньги, а съ ними ужь и ее въ придачу.... Я, тетя, вы знаете, думалъ ли я о ея деньг.... А выходитъ такъ что на его сторонѣ всѣ права.... сочувствіе къ нему, одобреніе.... а меня, меня, по ихъ мнѣнію, вытурить отсюда слѣдуетъ.... за мою продерзость....

Что же это, скажите, что так...

Страстный молодой гнѣвъ ожигалъ его губы; будто спаленныя на половину, не доканчиваясь, путаясь, обрываясь, падали изъ нихъ слова.... Онъ дрожавшею какъ въ лихорадкѣ рукой налилъ себѣ стаканъ воды изъ стоявшаго на столѣ графина, выпилъ его залпомъ, и упалъ снова въ кресло, порывисто дыша и судорожно моргая рѣсницами.

Софья Ивановна не прерывая слушала эту горячую вспышку. Она почти радовалась ей. „Все равно чтò у дѣтей корь, думала она, — высыпало, на половину сбыто.“ Но она сама была взволнована, не тѣмъ чтò заставляло негодовать племянника, а чѣмъ-то чтò она прозрѣвала въ немъ за этимъ негодованіемъ.

— Пошло, безобразно, отвѣчала она, садясь насупротивъ его,—но въ отчаяніе приходить отъ этого все-таки безумно. Ты долженъ былъ это предвидѣть заранѣе. Какъ ты до сихъ поръ ни поглощенъ былъ твоими книгами, но не можешь же ты не знать, въ какой строй сложилось, на какихъ понятіяхъ живетъ наше общество; тебѣ и по исторіи должно быть это наконецъ извѣстно.... Ну да, ты по происхожденію тотъ же Рюриковичъ чтò и Шастуновы, а дѣдъ этого Анисьева—выслужившійся Гатчинецъ, одной породы съ Аракчеевымъ; въ другой странѣ съ понятіями о „naissancee“, какъ это разумѣется тамъ, не могло бы и рѣчи быть, кто изъ васъ болѣе въ правѣ претендовать на руку княжны. Но у насъ, милый мой, этихъ взглядовъ нѣтъ, родовая наша знатность—миражъ, и всѣ знаютъ что за нимъ пустота одна и туманъ. Отсюда и складъ понятій соотвѣтствующій. Хорошъ онъ или дуренъ, и почему не сумѣли мы выработать другаго,—иной вопросъ, но онъ логиченъ и его ты не перевернешь. Иллюзій себѣ нечего намъ съ тобою дѣлать: въ глазахъ свѣта нашего, его огромнаго большинства во всякомъ случаѣ, этотъ флигель-адъютантъ—партія для княжны, а выходя за тебя она дѣлала бы „mésalliance“, потому что ты—ничего, кандидатъ какихъ сотни, а онъ—un personnage, въ милости, близокъ къ солнцу, предъ нимъ кар...

— Вотъ видите, вы тоже, вспыльчиво прервалъ ее еще разъ Гундуровъ,—вы тоже признаете за нимъ всѣ права, а за мной никакихъ!...

— Самое священное изъ нихъ, воскликнула его тетка:—она платитъ тебѣ взаимностью... Но самъ ты, говори по совѣсти, стòишь ли ты ея?... Послушай, Сережа, ты мнѣ съ дѣтства

никогда не лгалъ, говори,—и отъ пронимавшаго ея волненія красныя пятна выступили на лицѣ Софьи Ивановны,—что̀ ты сказалъ княжнѣ? Я все время тамъ слѣдила за твоимъ лицомъ: у тебя были нехорошіе глаза когда ты говорилъ съ ней, они были злѣе чѣмъ того требовала даже твоя роль; она видимо такъ страдала что на нее смотрѣть нельзя было безъ жалости. Не изъ-за одного же это утренняго разговора здѣсь? Было еще что-то потомъ, въ театрѣ? Что̀ ты ей сказалъ?

Лицо Сергѣя поблѣднѣло:

— Я былъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ оскорбленій, того что̀ сказано было... и предъ самымъ, какъ нарочно, выходомъ моимъ на сцену... Я... передалъ объ этомъ, чуть слышно договорилъ онъ.

— Счелъ нужнымъ сообщить ей то что̀ говорилъ какой-нибудь Свищовъ!... Отлично! Что̀ же дальше?

— Что̀ „дальше"? переспросилъ онъ безцѣльно, не зная куда дѣться отъ неотступнаго взгляда тетки, который онъ чувствовалъ и сквозь опустившіяся его вѣки.

— Отъ того что̀ могъ говорить господинъ Свищовъ ей не могло быть ни тепло ни холодно, я въ этомъ увѣрена, рѣзко промолвила Софья Ивановна;—ты къ этому долженъ былъ прибавить своего чтобы довести ее до того что она не могла даже доиграть до конца?...

Въ душѣ Гундурова происходило въ эту минуту нѣчто подобное тому что̀ испытываетъ человѣкъ стоящій на скалѣ надъ глубокою рѣкой и чувствующій что у него кружится голова, и онъ сейчасъ, сейчасъ упадетъ съ высоты въ эти темныя волны...

— Что̀ могъ я сказать въ такомъ состояніи, проговорилъ онъ не своимъ, визгливымъ, чуть не плачущимъ голосомъ,—когда я видѣлъ что все противъ этого... когда она сама утромъ сказала что ея мать никогда... Я сказалъ...

Онъ словно захлебнулся.

— Что̀? Что̀ сказалъ? настаивала Софья Ивановна, не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Я сказалъ что былъ сонъ... Онъ остановился опять.

— „Сонъ", повторила она,—то-есть, то что ты любилъ и надѣялся—сонъ? Такъ?... Ну, а за этимъ что̀ же?

— Что̀ же послѣ сна? пылко, грубо воскликнулъ Сергѣй, понимая что скала обрушилась и онъ безнадежно летитъ въ воду:—послѣ сна пробужденіе...

Софья Ивановна перегнулась всею грудью черезъ столъ, какъ бы желая дотянуться глазами до самыхъ глазъ племянника, причемъ блонды ея чепчика чуть не вспыхнули отъ пламени одной изъ стоявшихъ тутъ свѣчъ. Гундуровъ только успѣлъ схватить ее и отставить.

— Ты это сказалъ княжнѣ? Ты, значитъ, отказался... отказался отъ нея?...

Она такимъ же порывистымъ движеніемъ, упершись руками о столъ, встала на ноги:

— Сергѣй Михайлычъ Гундуровъ наплевалъ на ангела, котораго слѣды онъ не достоинъ цѣловать!... Что же мы здѣсь дѣлаемъ? Для чего я не у себя, въ Сашинѣ, а маюсь здѣсь и участвую во всемъ этомъ уродствѣ?.. Пошли мнѣ Машу! Я ни минуты не останусь здѣсь!.. Я какъ предчувствовала, боялась увидать княжну послѣ этого театра... Я ее болѣе и не увижу никогда, мнѣ слишкомъ стыдно и больно было бы взглянуть ей въ глаза. Пошли мнѣ горничную!...

И съ дрожащею челюстью, схватившись за ручку кресла, она быстро сѣла, чувствуя что ноги не держатъ ея.

Гундуровъ всталъ, сдѣлалъ шагъ впередъ, дрогнулъ отъ затылка до пятокъ, и съ судорожнымъ рыданіемъ повалился головой ей въ колѣни.

— Тетя, ради Бо-о-га! могъ только проговорить онъ.

Нѣкоторое время ничего не было слышно въ комнатѣ кромѣ этого нервнаго рыданія которое Сергѣй тщетно старался заглушить прижимаясь губами къ складкамъ знаменитой robe feuille-morte de madame Cottin; иногда только удалые звуки далекой мазурки врывались сюда на мгновеніе, когда какой-нибудь слуга отворялъ дверь корридора, соединявшаго эту часть дома съ его парадными комнатами, и замирали вновь какъ бы изъ уваженія къ этой безвластной надъ собою молодой скорби... Безучастною казалась къ ней Софья Ивановна; она не оттолкнула племянника отъ своихъ колѣнъ, но и не испугалась его отчаянія какъ испугалась бы во всякое другое время; она предоставляла его собственному его теченію, не пытаясь успокоить его словомъ участія, утѣшенія. Она еще сама не справилась съ собою, съ гнѣвомъ своимъ на это „балованное дѣтище“, на этого вынянченнаго, выхоленнаго ею питомца своего, который теперь „совсѣмъ такъ какъ дѣлалъ онъ это ребенкомъ, когда чувствовалъ себя виноватымъ“, пряталъ голову въ складкахъ ея юпки. „Только

свѣтлые кудрявые волосики разсылаются по ней, бывало", вдругъ вспоминала она невольно... „И цвѣтомъ они у него теперь точно у матери его покойницы, у бѣдной моей Саши", сказала она себѣ, опустивъ глаза на эти все также слегка взвившіеся, желтоватые волосы... И неожиданнымъ для нея самой движеніемъ рука ея приподнялась и притронулась къ этимъ шелковистымъ волосамъ...

— Избаловала я тебя слишкомъ, проговорила она неестественно уже теперь строгимъ тономъ, испугавшись тутъ же этой невольной своей ласки,—ты эгоистъ сталъ, не деликатенъ...

— Тетя, пощадите, пролепталъ онъ, вставая на ноги и избѣгая ея взгляда,—у меня и такъ въ душѣ адъ!...

Ей вдругъ сдѣлалось неимовѣрно его жаль.

— Надо же однако рѣшить, Сережа. У насъ утромъ сегодня положено было что я завтра должна была говорить съ ея матерью, но если ты отка...

— Боже мой, прокричалъ онъ, отчаяннымъ жестомъ закидывая себѣ обѣ руки за затылокъ,—да скажите же себѣ сами, могу ли я, могу ли отъ нея отказаться!...

— Хорошо, сказала Софья Ивановна послѣ довольно долгаго молчанія наступившаго за этимъ,—я спрошу княжну, и если она все также согласна будетъ и теперь, я переговорю съ этою Аглаей.

— Она откажетъ! тоскливо выговорилъ Сергѣй.

— Кто?

— Княгиня..

— Лишь бы княжна не отказала.... Я бы на ея мѣстѣ навѣрное это сдѣлала послѣ твоей безсмысленной, неделикатной выходки! съ новымъ пыломъ воскликнула Софья Ивановна. — Какъ ты хоть чутьемъ не понялъ, ужь если сердца у тебя на это не хватило, какъ много обѣщала *она* тебѣ сегодня утромъ, и какъ безконечно счастливъ и благодаренъ долженъ бы ты ей быть за это?

Гундуровъ недоумѣло воззрился на нее.

— Она сказала, тетя, что не пойдетъ противъ воли матери...

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала что не пойдетъ за *того*... И не пойдетъ, не такая она дѣвушка! И этого тебѣ мало? И ты не понялъ до сихъ поръ сколько надеждъ подаетъ она тебѣ этимъ, и на какую муку обрекаетъ себя въ предстоящей ей за это борьбѣ съ матерью, со

— Такъ позвольте мнѣ, въ видѣ объясненія, сообщить вамъ нѣкое подражаніе этому стихотворенію.

— Пожалуста!

Духонинъ началъ медленно и отчетливо, видимо смакуя каждое произносимое имъ слово (онъ былъ авторъ „подражанія"):

Дама московская, вѣчная сплетница,
Въ пору ненастную, пору туманную
Мчишься куда ты, поспѣшная вѣстница,
Съ дальней Остоженки, вверхъ на Басманную?

Что тебя гонитъ? Души ли спасеніе,
Помощь ли тайная, думушка ль думная,
Или любви молодой увлеченіе,—
Жажда свиданья, иль ревность безумная?

Нѣтъ, ей слова надоѣли безплодныя:
„Время-молъ, время сыграть мнѣ въ открытую!..."
Злобно смѣются черты благородныя,
Шепчутъ уста клевету ядовитую...

— О, какъ это зло! воскликнула Лина,—и неужели...

Она не успѣла договорить.... За ея стуломъ очутилась въ эту минуту сама княгиня Додо.

— Poétique Ophélie, я просто молюсь на васъ, съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ кинула она, проходя, Линѣ, словно букетъ на сцену, и поплыла далѣе, къ дочери.

Женни все такъ же невинно глядѣла въ потолокъ, широко опахиваясь вѣеромъ.

— Нечего любоваться тамъ всякими nudités, могла бы приличнѣе себя держать! прошипѣла маменька, наклоняясь къ ея уху.

Дочка будто и не слыхала:

— Что, maman, кончилъ папа свою партію? Мы могли бы уѣхать, громко выговорила она.

— Нѣтъ еще! отрѣзала княгиня. „И все лжетъ, все обманъ, говорила она себѣ удаляясь,—и только я уйду, начнется опять кокетство съ этимъ мерзкимъ фатишкой. Никогда замужъ не выйдетъ! А Лоло до ужина и не говори объ отъѣздѣ. Et mon mal de dos qui recommence... Нѣтъ, это не жизнь, а каторга!..."

А другая маменька, хлопая глазами и улыбаясь заискивающею улыбкой, говорила въ это время графу Анисьеву:

— Вы не очень скучаете, mon cher comte?

— Можете ли вы предполагать, княгиня! живо возразилъ флигель-адъютантъ, любезно и почтительно наклоняя голову предъ своею дамой:—развѣ возможно скучать въ такомъ обществѣ?

— Конечно, sans doute, пропѣла Аглая Константиновна,— Olga a beaucoup d'esprit dans son genre: mais vous êtes habitué aux conversations du grand monde de la capitale...

Она хотѣла что-то прибавить еще въ разъясненіе этого глубокомысленнаго размышленія, но почему-то воздержалась, уперлась круглыми глазами въ затылокъ не оборачивавшейся на ея голосъ Лины, и въ очевидномъ чаяніи что дочь услышитъ ея слова, промолвила громко и съ разстановкой:

— Vous avez autant *d'indulgence* que d'esprit, mon cher comte.

На счастіе Анисьева гоготавшій какъ гусь на болотѣ „Сенька" Водоводовъ подлетѣлъ къ нему въ эту минуту съ двумя дамами, надрываясь со смѣху отъ провинціальной невинности избранныхъ ими „qualités":

— Тюльпанъ или гвоздика?

— Тюльпанъ.

И флигель-адъютантъ, откинувъ свой эполетъ, торопливо вскочилъ со стула и полетѣлъ по залѣ съ выпавшею ему на долю „пуляркой" Eulampe.

— Ольга, ты не знаешь почему онъ не танцуетъ съ Линой? прошептала ей на ухо Аглая.

— Не знаю, коротко отвѣтила барышня; она сидѣла вся красная и разобиженная....

Княгиня глянула еще разъ въ затылокъ дочери, вздохнула такъ что при этомъ лопнула одна изъ петлей ея шнуровки и направила стопы свои въ гостиную.

LXXI.

Только что успѣлъ вернуться на свое мѣсто графъ Анисьевъ какъ къ Ольгѣ подошелъ капитанъ Ранцевъ, держа за руку какую-то уже выбранную имъ блондинку. Онъ глянулъ избока на флигель-адъютанта, и протягивая съ поклономъ руку барышнѣ, проговорилъ скороговоркой:

— *Перметe дангаже пур калитe!*

Ольга скорчила ужасную гримасу и съ видимою неохотой поднялась со стула:

— Ignorance! уронила она свысока, не глядя на него, и чуть притрогиваясь кончиками перчатки къ его раскрытой рукѣ.

— Connaissance! поспѣшила сказать за нею блондинка, невѣдомо почему хихикнувъ при этомъ.

Бѣдный капитанъ побагровѣлъ какъ піонъ, и подавляя вздохъ повелъ ихъ къ Толѣ Карнаухову, танцовавшему съ прехорошенькою женой уѣзднаго лѣкаря, которую онъ видимо увлекалъ плясаньемъ своимъ на канатѣ напыщеннѣйшихъ романтическихъ фразъ.

— Скажите пожалуста, по возвращеніи Ольги на мѣсто, спросилъ ея кавалеръ, — кто это васъ сейчасъ выбиралъ? Я его будто гдѣ-то уже видѣлъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, не правда ли?

— Да, герой даже, говорятъ. Ранцевъ его фамилія, капитанъ отставной, тѣмъ же пренебрежительнымъ тономъ отвѣчала она,—въ Венгріи отличился.

— Такъ, при Коморнѣ, я его тамъ видѣлъ; онъ съ ротой, перебитою на половину, первый вошелъ въ городъ. Владиміра съ бантомъ получилъ за это; очень храбрый офицеръ... И теперь во фракѣ! Какая же теперь его position sociale?

Ольга широко засмѣялась:

— Главная его position быть безъ памяти и безъ надежды влюбленнымъ въ меня, объявила она напрямикъ.

Анисьевъ наклонилъ голову и пустилъ въ ходъ свою многозначительную улыбку.

— Я полагаю что имѣющимъ то же положеніе имя легіонъ, сказалъ онъ, обнимая сдержанно-жаднымъ взглядомъ ея искрившіеся глаза, сверкавшіе зубы, ея матово-бѣлую, низко оголенную спину, и говоря себѣ мысленно: „Jour de Dieu, quel morceau de roi!“—И другихъ занятій у него нѣтъ? продолжалъ онъ спрашивать.

— Нѣтъ. Да и что̀ ему дѣлать: онъ богатъ!...

— Богатъ? повторилъ нѣсколько удивленно блестящій воинъ.

— Да. Ему съ неба просто свалилось огромное наслѣдство. Былъ у насъ въ уѣздѣ помѣщикъ одинъ, страшный скупердяй, холостой, бездѣтный; онъ сорокъ лѣтъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, гроша на себя не тратилъ, а все скупалъ земли кругомъ и деньги копилъ. И вдругъ онъ умеръ отъ удара, не оставивъ никакого завѣщанія, и все это богатство

досталось этому Ранцеву, который приходился ему какимъ-то двоюроднымъ племянникомъ, и даже въ глаза его никогда не видалъ.

— И много досталось? заинтересовался ея кавалеръ.

— Очень много, всѣ говорятъ. Онъ самъ какъ-то разъ сказалъ при мнѣ что въ нынѣшнемъ году надѣется получить тридцать и даже сорокъ тысячъ дохода. У него тамъ всякія винокурни есть, заводы....

— И вы оставляете его „безъ на-деж-ды“? протянулъ, внимательно глядя ей въ глаза, Анисьевъ.

Она повела плечомъ и тутъ же взглянула на него въ свою очередь, какъ бы удивляясь его вопросу:

— Вѣдь онъ tout-à-fait impossible! Вы слышали какъ онъ говоритъ по-французски?

— Нѣсколько.... фантастично, не спорю. Но....

— Что̀ „но“?

— Сорокъ тысячъ дохода на полу не найдешь....

Въ богатой сообразительностью головѣ петербургскаго карьериста мелькалъ уже цѣлый планъ зданія, которое представлялся ему случай соорудить....

Пышныя губы барышни сложились еще разъ въ презрительную усмѣшку:

— Есть Жиды еще богаче, но вѣдь не выходятъ же за Жидовъ замужъ! Для жены не однѣ деньги.... У меня совсѣмъ другія мечтанія....

— Можно, sans indiscrétion, спросить у васъ—какія?

Она чуть-чуть пріостановилась отвѣтомъ.

— Вамъ.... я скажу, одному вамъ; вѣдь мы съ вами союзники, прошептала она, подмигивая ему обоими глазами:— вотъ видите ли, у меня очень хорошій голосъ.... Ахъ, Боже мой, вдругъ вспомнила барышня,— неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете ѣхать завтра до спектакля, не услышите меня?

— Услышу въ Петербургѣ, надѣюсь, отвѣчалъ онъ такимъ же шепотомъ.

— Да, конечно; она вся загорѣлась отъ радужныхъ представленій, соединявшихся въ ея мысли со словомъ „Петербургъ“,—но развѣ надо такъ спѣшить?

— „Не откладывай на завтра то что̀ можешь совершить сегодня“, вѣщаетъ древняя мудрость. Это у васъ вѣроятно въ прописяхъ въ институтѣ даже было? промолвилъ весело графъ Анисьевъ.

— Ахъ, да, поторопилась сообщить Ольга, — вамъ это, можетъ-быть, интересно будетъ знать. Я узнала, говорила она осторожно озираясь,—узнала навѣрное что l'oncle отговариваетъ ее насчетъ.... вы знаете о комъ я говорю....

— А, а! вырвалось невольно у Анисьева.

— И она сама съ нимъ сегодня на спектаклѣ.... у нихъ что-то вышло.

— Querelle d'amoureux, ничего не значитъ! пропустилъ онъ сквозь зубы, откинулъ свой эполетъ и примолкъ....

— Нѣтъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ, — я давно привыкъ вѣрить женскому инстинкту.... Какъ вы изволили приказывать, такъ мы и исполнимъ, — перемѣна декораціи, Петербургъ! домолвилъ онъ, шутливо сообщая ей этими словами о безповоротномъ по этому предмету рѣшеніи.

— И вы, спросила она съ нѣкоторою задержкой,—такъ и уѣдете не.... не объяснившись ни съ кѣмъ?...

Флигель-адъютантъ нахмурился:

— Позвольте оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта.... И при этомъ осмѣлюсь просить васъ, добавилъ онъ, почти строго, чуть слышно пропуская слова подъ громъ мазурки и глядя въ сторону, — чтò бы вамъ обо мнѣ, послѣ моего отъѣзда, ни случилось услышать, отъ княгини ли, или отъ кого другаго, и виду не показывать что вамъ извѣстно что-либо еще помимо того чтò можетъ быть вамъ сказано.... Съ вашимъ умомъ вы, не сомнѣваюсь, поймете что это въ вашихъ же интересахъ.

Ольга все это скорѣй угадала чѣмъ разслышала.

— Вы меня еще не знаете, сказала она: — Я могила pour les secrets!... Да еще когда отъ этого зависитъ такое счастіе... Я и не знаю, право, чтò я готова сдѣлать чтобы наши планы удались!...

Этотъ горячій взрывъ молодаго желанія перенесъ нашего озабоченнаго Петербуржца къ строю помышленій болѣе игриваго свойства. Онъ устремилъ опять загорѣвшіеся глаза въ сіяющее лицо своей дамы:

— А, скажите пожалуста, заговорилъ онъ прежнимъ шутливымъ тономъ: — чтò тянетъ васъ такъ страстно въ Петербургъ? Повеселиться хочется?...

— Веселье своимъ чередомъ.... Но у меня другое въ виду. Я вамъ начала говорить что у меня хорошій голосъ... Очень хорошій, всѣ даже говорятъ замѣчательный, поясняла Ольга;— и я поэтому дѣйствительно страстно желала бы...

— Поступить на сцену? первою мыслью представилось ея собесѣднику.

— Quelle horreur, я, на сцену, Богъ знаетъ съ кѣмъ! вскрикнула барышня, вскинувъ на него полный упрековъ взглядъ,— можете ли вы это обо мнѣ думать!... Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Простите великодушно, засмѣялся онъ,—я думалъ что вы стремитесь сдѣлаться второю Madame Malibran.... Ce n'est déjà pas si mal!

Барышня слегка надулась.

— Я вижу вы надо мной смѣетесь, и я конечно послѣ этого ничего уже не могу вамъ сказать.

— Напротивъ, все, бархатнымъ голосомъ наклоняясь на мигъ почти къ самому ея плечу пропустилъ Анисьевъ, — я весь слухъ, и весь преданность вашимъ желаніямъ.

Его быстрое, горячее дыханіе пробѣжало у нея по кожѣ. Она слегка вздрогнула, вспыхнула и не глядя на него протянула руку за вѣеромъ своимъ, которымъ онъ небрежно игралъ все время.

— Я совсѣмъ не о сценѣ, начала она, — я думала что съ моимъ пѣніемъ я могла бы попасть... ко двору, домолвила она скороговоркой.

— Ко двору? повторилъ онъ. — Вы желали бы чтобы васъ пригласили туда пѣть?

— Нѣтъ, совсѣмъ... словно проглотила барышня.

— Какъ „совсѣмъ“?

— Д-да... Вотъ какъ попала фрейлина Вер...

Она не договорила, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, прежде чѣмъ увидала она выраженіе его лица, поняла какимъ-то внезапно сказавшимся въ ней теперь чутьемъ что то о чемъ она сейчасъ говорила, тотъ планъ, который она съ такою любовью лелѣяла и носила такъ долго въ головѣ своей, что все это представляло собою нѣчто совершенно несбыточное и невозможное.

— Или это глупость, вы думаете? торопливо примолвила она тутъ же, оборачиваясь на него смущенно вопрошающими глазами.

Онъ старательно разглаживалъ свои прекрасные усы чтобы не дать ей замѣтить улыбки въ которую невольно складывались его губы.

— Я никогда не посмѣю назвать это такъ какъ вы, но смѣю думать что это принадлежитъ къ міру тѣхъ неожидан-

ныхъ и мгновенныхъ фантазій, которыя часто загораются и проходятъ въ женскихъ головкахъ... Вы позволите мнѣ говорить откровенно? спросилъ онъ уже болѣе серіознымъ тономъ.

— Je vous prie, сказала Ольга, опуская глаза и усиленно дыша высокою грудью.

— Примѣръ на который вы ссылаетесь—de l'histoire ancienne, и именно потому что онъ былъ, всѣ шансы противъ того чтобъ онъ повторился. Къ тому же тамъ и условія были другія, примолвилъ какъ бы вскользь флигель-адъютантъ.

Но она поняла.

— Да, тамъ все-таки извѣстная, свѣтская, а я — уѣздная барышня, дочь исправника... „Исправника", со злобнымъ отчаяніемъ повторяла мысленно Ольга, быстрымъ переходомъ, какъ это всегда случалось съ нею, чувствовавшая себя въ эту минуту настолько униженною и „презрѣнною", насколько возносилась она надъ остальными смертными тому полчаса.

— На свѣтѣ, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, продолжалъ ея кавалеръ,—но насколько я могу судить, для того чтобы вы могли достичь желаемаго, нужна была бы цѣлая комбинація благопріятныхъ обстоятельствъ, на подготовку которыхъ,—протянулъ онъ,—требуется много такого что̀ дается только многолѣтнимъ опытомъ и тонкимъ знаніемъ Петербурга... И къ чему, заговорилъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ,—стали бы вы тратить на это лучшіе дни вашей молодости, идти на непріятности, отказы, когда вамъ сто́итъ только руку протянуть чтобы получить положеніе гораздо болѣе прочное и блестящее чѣмъ то которое только издали, и въ ваши лѣта, можетъ казаться завиднымъ!

— Это про что̀ же вы говорите? спросила недоумѣло Ольга.

Анисьевъ глядѣлъ на нее какъ будто отмѣчая въ своей памяти каждую подробность ея соблазнительнаго облика.

— Вы такъ хороши, говорилъ онъ, — въ васъ такъ много огня, вы чувствуете въ себѣ столько законныхъ правъ на наслажденіе жизнью, что вамъ душно, невыносимо въ захолустьи,—я разумѣю подъ этимъ и Москву, вставилъ онъ смѣясь, — васъ тянетъ туда, гдѣ представляется широкій просторъ для осуществленія вашихъ мечтаній, не такъ ли?

— О да, еслибы вы знали, воскликнула она неудержимо;— мнѣ всего, всего хочется!

— Вотъ видите, я угадалъ! Но для того чтобы достать рукой до этого „всего" нуженъ пьедесталъ, лѣстница... Въ

наше время пьедесталъ этотъ, прежде всего средства, деньги... А повидимому отъ васъ зависитъ....

— Это все опять капиташка? забѣгая впередъ его рѣчи вскликнула еще разъ барышня.

Воспитанный Петербуржецъ невольно поморщился отъ вульгарности этого выраженія. Ольга тотчасъ же замѣтила это, и слегка сконфузилась.

— Я такъ, шутя, называю... monsieur Ранцева, быстро промолвила она. — И вы бы мнѣ совѣтовали?...

Анисьевъ только утвердительно головой повелъ.

— Но онъ, вы видѣли, жалобнымъ тономъ, сказала она, — онъ совсѣмъ простой... И потомъ деньги не все; въ Петербургѣ опять-таки нужно une position. А изъ него что же можно было бы сдѣлать? Тридцать пять лѣтъ — и отставной капитанъ! Куда меня съ нимъ примутъ?

Флигель-адъютантъ засмѣялся:

— А черезъ годъ, почетный членъ дѣтскихъ пріютовъ, на которые онъ пожертвуетъ пять-шесть тысячъ рублей, и камеръ-юнкеръ, а слѣдовательно для молодой красавицы жены право представиться ко двору и затмить на выходѣ въ Бѣлой Залѣ всѣхъ городскихъ дамъ магнифиценціей своего платья, а всѣхъ ихъ вообще свѣжестью и прелестью своей особы.

У барышни огни въ глазахъ запрыгали. Она никогда объ этомъ не думала, не знала, и вдругъ цѣлый новый горизонтъ открывается предъ нею...

— И это въ самомъ дѣлѣ, сказала она съ воскресшимъ блескомъ въ глазахъ, — это можно было бы такъ скоро?

— Еслибы вамъ въ такомъ случаѣ угодно было поручить мнѣ ваши интересы, отвѣтилъ онъ, проницательно глядя въ эти глаза, — я могъ бы указать вамъ и, надѣюсь, апланировать всѣ надлежащіе къ тому пути.

Ольга въ первую минуту и не подумала поблагодарить его за предложеніе. Она все еще не могла справиться внутренно съ такимъ неожиданнымъ для нея открытіемъ: то къ чему она стремилась и чего разчитывала достигнуть далекимъ — и она никогда не скрывала отъ себя это — труднымъ путемъ, это совершенно легко и просто могло быть ей доставлено тѣмъ самымъ, страстно влюбленнымъ въ нее человѣкомъ, котораго звала она „капиташкой“, отвергала самымъ рѣшительнымъ образомъ, всячески оскорбляла и огорчала!... „Черезъ годъ она можетъ быть въ Бѣлой Залѣ en robe de cour... Ранцевъ

камеръ-юнкеръ... и тогда ужь разумѣется, далѣе и далѣе,— она ужь тамъ сумѣетъ подвигать его"....

Мысли у барышни прыгали теперь что альпійскія козы, перескакивая невѣроятныя пространства.

Она вдругъ засмѣялась и обернулась на Анисьева съ сіяющимъ лицомъ.

— У меня ужасное воображеніе, расходится, нѣтъ конца!.. Я чувствую что могу сдѣлать много глупостей, если у меня не будетъ вѣрный совѣтчикъ, который бы мнѣ все говорилъ что̀ надо дѣлать, а я бы его ужь такъ слушалась, такая была бы паинька...

— И онъ могъ бы разчитывать дѣйствительно что вы были бы ему во всемъ послушны? быстро проговорилъ блестящій Петербуржецъ тѣмъ особымъ, вкрадчивымъ шептаніемъ которое Нѣмцы выражаютъ весьма удачнымъ звукоподражательнымъ „flüstern".

Глаза его договорили ей что̀ разумѣлъ онъ подъ этимъ „послушаніемъ"... Она засмѣялась опять, но не отвѣчала, и опустила вѣки.... Въ первый еще разъ въ этихъ „искоркахъ", которыя привыкла она вызывать въ глазахъ каждаго мущины, было, она чувствовала, что-то оскорбительное для нея. Это было не то что-то неудержимо страстное, захватывающее и сообщающееся что̀ говорило во всемъ существѣ Ашанина, напримѣръ... „А гдѣ онъ однако скрывается? онъ не танцуетъ? какъ хорошъ онъ былъ въ своемъ костюмѣ! прыгали опять мысли Ольги.... А у *этого* точно торгъ какой-то, даже гадко..."

„И съ нимъ опасно, думала она далѣе; если только дать ему немножко взять себя въ руки, отъ него ужь не вывернешься... И точно ли все такъ можно сдѣлать какъ онъ говоритъ, и только чрезъ него?... Главное, не надо спѣшить. Я уѣду съ княгиней въ Петербургъ, и все сама тамъ пойму. Капитанъ не уйдетъ, его только поманить, и онъ всегда будетъ *тутъ*, когда только я захочу..."

Чижевскій начиналъ новую, очень сложную какую-то фигуру въ четыре пары разомъ. Каждый кавалеръ долженъ былъ выбрать даму, дама кавалера.

Ольга медленнымъ шагомъ направилась въ конецъ залы, гдѣ скромно и уныло, рядомъ съ пуляркой Eulampe, сидѣлъ ея будущій камеръ-юнкеръ.

Она не подошла къ нему, а остановилась въ трехъ шагахъ

и, какъ намѣревалась мысленно, „поманила“ его къ себѣ кончиками двухъ пальцевъ.

Онъ всталъ и приблизился, темный какъ туча.

Она подала ему руку и глянула прямо въ глаза.

— Это что̀ за лицо такое? Вы знаете что я этого не люблю! Я люблю когда оно у васъ хорошее, веселое, и я могу каждую минуту прочесть на немъ что вы думаете обо мнѣ.

— Для васъ, Ольга Елпидифоровна, особенное удовольствіе составляетъ конфузить меня при всякомъ случаѣ, пробормоталъ Ранцевъ черезъ силу, чувствуя теперь въ широкой ладони своей *всю* ея горячую и сквозь перчатку руку...

— А вы, отвѣчала она, тихо двигаясь съ нимъ по залѣ и глядя на него избока тѣмъ знакомымъ ему взглядомъ, отъ котораго всѣ волосы топорщились у него на головѣ,—а вы и потерпѣть не можете?... А если я, положимъ, нарочно васъ мучаю, хочу испытать, вѣрно ли что вы меня такъ любите... Что̀ тогда?...

— Для васъ все шутки, а для меня каково? едва могъ онъ договорить отъ волненія.

— Кто знаетъ! Поживете, можетъ-быть и увидите... Вы очень хорошо мазурку танцуете, я замѣтила; гдѣ вы это выучились, въ Польшѣ? заключила она, становясь съ нимъ въ кругъ фигуры.

Еслибы нашъ храбрый капитанъ вмѣсто Владиміра получилъ за Коморнъ Георгія и даже изъ рукъ самого фельдмаршала, онъ конечно не былъ бы такъ безумно счастливъ какъ въ эту минуту....

LXXII.

— Messieurs, grande promenade avec vos dames! подхватывая первый свою даму подъ руку, крикнулъ на всю залу дирижеръ Чижевскій, которому Костя Подозеринъ, по порученію хозяйки, только что передалъ что партіи окончены и пора ужинать.—Польскій! далъ онъ знакъ оркестру.

И до смерти усталыя, но все также оживленно двигавшіяся молодыя пары съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ потянулись за нимъ къ давно открытымъ для протока воздуха, но завѣшеннымъ отъ свѣта своими тяжелыми штофными портьерами дверямъ залы, выходившимъ на балконъ со стороны сада.

— День, день! словно при видѣ чего-то совершенно неожиданнаго, послышались возгласы въ веселомъ роѣ высыпавшемъ на балконъ.

— И смотрите, какъ высоко ужь солнце. Ужасъ! визжали *пулярки.*

— А вы думаете, который часъ? гаерничалъ Шигаревъ.

— А который?

— Часъ купаться идти. Пойдемте!

Пулярки завизжали снова.

— Не смѣйте такъ *моветонничать*! крикнула, обернувшись на него Eulampe, шедшая предъ нимъ подъ руку съ капитаномъ, и треснула его вѣеромъ по рукаву.

— Сломаете, я вамъ новаго не подарю! засмѣялся Шигаревъ.

— Очень мнѣ нужно! Я бы и не приняла! фыркнула она на это.

— А ты попробуй преподнести! хихикалъ сзади Свищовъ,— примутъ навѣрное!...

Чижевскій съ Женни и ближайше слѣдовавшія за ними пары уже сбѣгали по ступенямъ лѣстницы въ садъ.

— Останемся здѣсь, я не могу, устала, шепнула Лина своему кавалеру, роняя руки на перила балкона и глядя вдаль мигавшими отъ свѣта глазами.—Ахъ, какъ сладокъ этотъ чистый воздухъ!...

— Господа, mesdames, раздался голосъ выбѣжавшаго изъ залы Кости Подозерина,—куда вы? Княгиня проситъ сейчасъ же въ столовую, ужинать!

— Мы сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ снизу Чижевскій;—мы пройдемъ туда садомъ кругомъ дома.

— Графъ Анисьевъ, графъ Анисьевъ!

Подозеринъ поспѣшно сбѣжалъ къ нему.

— Васъ княгиня проситъ....

Флигель-адъютантъ сморщилъ брови.

— Что̀ ей угодно?

— Она желаетъ чтобы вы повели ее къ столу.

— Но вы видите, я съ дамой...

— Идите, идите, графъ, сказала вполголоса Ольга,—а то *мнѣ* за это достанется....

— Въ такомъ случаѣ mille pardons!...

И онъ, посылая мысленно нашу княгиню къ чорту, отправился за Подозеринымъ вверхъ.

Ольга отошла въ сторону. Всѣ остальные пробѣжали мимо нея въ садъ... Она спустилась тоже....

Въ головѣ у нея стояло прежнее: этотъ разговоръ съ Анисьевымъ, открывшій ей то о чемъ она и не догадывалась, собственный богатый домъ въ Петербургѣ, слера, рысаки, Бѣлая Зала, toilette de cour, мужъ—этотъ самый „капиташка", въ золотомъ мундирѣ.... „И не будетъ онъ смѣшонъ? прыгали ея мысли.... Онъ все же mauvais genre, говорить не умѣетъ... И эти усы щеткой, и онъ съ ними цѣловать меня полѣзетъ. Брр..."

— Какъ же это вы однѣ?

Она вздрогнула... Предъ нею стоялъ Ашанинъ.

— Владиміръ Петровичъ! вскрикнула она; — гдѣ это вы скрывались?

— Я никогда не танцую, холодно отвѣтилъ онъ; — игралъ въ карты, потомъ вышелъ пройтись, утро, видите, какое... А гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Его потребовала княгиня... Дайте мнѣ вашу руку, вы будете моимъ кавалеромъ за ужиномъ.

Онъ съ раскрытыми широко глазами взглянулъ на нее.... Она чуть-чуть вздрогнула...

И въ то же мгновеніе какимъ-то нежданно, разомъ закипѣвшимъ въ обоихъ ихъ ощущеніемъ поняли они оба: онъ— что она опять въ его власти, она—что человѣкъ этотъ безконечно ей нравился и что никто не былъ въ состояніи внушить ей то что этотъ человѣкъ....

Они были одни въ аллеѣ. Сквозь частую листву низкіе лучи солнца разбивались золотыми брызгами о розы ея вѣнка, о матовую гладь ея плечъ и шеи....

Онъ закинулъ обѣ руки за ея станъ и привлекъ къ себѣ. Она не противилась....

— Ольга, могъ только проговорить онъ, отрываясь отъ ея губъ,—за что̀ промучила ты меня сегодня такъ, за что̀?...

— Намъ пора... тамъ ужинаютъ... пойдемте, говорила она, едва въ свою очередь приходя въ себя... За что̀? повторила она, налегая на его руку и сдвигая его съ мѣста,—знаю ли я? Я говорила вамъ, я такая капризная, безумная... Нѣтъ, знаю! воскликнула она вдругъ, какъ бы вспомнивъ, и остановилась. — Я когда васъ вижу... вы видите, совсѣмъ... безсильная. Она нажала свободною рукой грудь, ходившую горой подъ ея корсетомъ, — но этого не нужно болѣе никогда, никогда...

— Опять то же? Ольга, ради Бога! отчаянно вскрикнулъ Ашанинъ.—Ну, хорошо, хорошо, зашепталъ онъ тутъ же, не давая ей времени возразить, — я никогда ужь болѣе, никогда не стану просить.... но сегодня, я тебѣ говорилъ, изъ твоей комнаты, по маленькой лѣстницѣ, прямо въ корридоръ, гдѣ уборная... я буду ждать тебя...

— Теперь?.. Глядите — день, дрожащими устами пробормотала она,—мало вамъ что̀ было вчера...

— Лѣстница темная... въ уборныхъ... вездѣ занавѣсы спущены... послѣ этого бала все, и слуги, будетъ спать мертвымъ сномъ... Я буду ждать... да?...

Она вся горѣла... О, этотъ человѣкъ съ его палящими глазами и этимъ голосомъ, проницающимъ, мягкимъ, неотразимымъ!... Тамъ, впереди, что̀ еще будетъ? Тамъ — торгаши Анисьевы, мужъ „съ усами щеткой“, насильныя ласки, среди блеска неволя... А тутъ, сейчасъ... „Одинъ лишь мигъ!“ пронесся у нея вдругъ какимъ-то страстнымъ откровеніемъ мотивъ Глинкинскаго романса....

— Послушайте... обѣщайтесь... Клянитесь мнѣ, промолвила она вдругъ на низкихъ нотахъ своего густаго контральтоваго голоса, — клянитесь всѣмъ что̀ вамъ дорого, что это—въ послѣдній разъ, что послѣ этого вы никогда не будете стараться видѣться со мной, будете избѣгать меня даже... Да, я васъ прошу, умоляю, мнѣ это необходимо чтобы не встрѣчаться съ вами болѣе, не видѣть....

— Я уѣзжаю отсюда совсѣмъ завтра въ ночь, послѣ вашего спектакля, какая еще клятва нужна послѣ этого, шепталъ прерывающимся голосомъ красавецъ,—но ты придешь, придешь?...

Она не отвѣчала и только вся внезапнымъ движеніемъ прижалась къ нему....

— Скорѣе, скорѣе, идемъ, тамъ могутъ замѣтить! вскинулась она разомъ за этимъ, увлекая его съ собою по дорогѣ къ дому...

У дверей столовой, сверкавшей огнями зажженныхъ люстръ и канделябръ, на большихъ и малыхъ столахъ, за которые шумно размѣщалось теперь многочисленное и проголодавшееся общество Сицкаго, ждалъ Ольгу капитанъ Ранцевъ... Онъ весь перемѣнился въ лицѣ, увидѣвъ ее подъ руку съ Ашанинымъ.

Она досадливо и строго подняла на него глаза:

— Что̀ это вы?..

— Вы остались безъ кавалера, Ольга Елпидифоровна; такъ я....

— А вы только теперь замѣтили? прервала она его смѣясь; — и я такъ бы за ужинъ одна и сѣла еслибы вотъ сейчасъ Владиміръ Петровичъ не встрѣтился... А ваша же дама гдѣ?

— Тамъ-съ, за особымъ столикомъ, ожидаетъ, указалъ капитанъ,—тамъ свободно, я два стула даже пригнулъ къ столу для отмѣтки что занято.

— Пригните три!.. Вамъ все равно гдѣ ужинать? обернулась она къ Ашанину.

— Гдѣ вамъ угодно! сказалъ тотъ, поводя плечами самымъ равнодушнымъ образомъ.

— Такъ пойдемте; я сяду между васъ двухъ, рѣшила барышня, взглянувъ еще разъ на капитана и при этомъ, замѣтно лишь для него одного, погрозила ему съ улыбкой пальцемъ.

Ранцевъ снова просіялъ душой и побѣжалъ впередъ указывать имъ мѣста.

LXXIII.

Бѣдный капитанъ, онъ былъ такъ счастливъ за этимъ ужиномъ! Ольга сидѣла подлѣ него, улыбалась... старалась улыбнуться каждый разъ когда онъ обращалъ къ ней рѣчь, и отвѣчала ему ласково—и разсѣянно... Она какъ-то механически сознавала что надо было обращаться съ нимъ съ этою ласковостью, надо было „не отталкивать его“. Но она старалась не глядѣть на него, не видѣть этихъ „щетинистыхъ усовъ“... и этихъ честныхъ, добрыхъ глазъ, устремлявшихся на нее съ такою безпредѣльною, простодушною любовью. Въ головѣ ея стоялъ туманъ, сердце билось ускоренно и сладко, все существо ея млѣло неодолимо охватывавшимъ ее предвкушеніемъ нѣги, счастья... „Одинъ лишь мигъ“, пѣлъ въ ней опять внутренній голосъ молодой, торжествующей страсти.... Но этотъ „мигъ“, она не въ силахъ отказаться отъ него, она извѣдаетъ до дна его сладость. Какъ говорила она наканунѣ Ашанину, она „свободная“, она „понимаетъ что̀ такое жизнь, и хочетъ все, все испробавать въ ней“.... А онъ такъ хорошъ, и ни въ чьихъ уже болѣе другихъ мужскихъ глазахъ не прочтетъ она того что̀ въ состояніи сказать ей эти глаза....

Онъ, онъ думалъ объ одномъ: „какъ только дожить до той минуты!“ Онъ уже теперь, заранѣе переживалъ ее... Она придетъ—вздумалось бы ей не придти, онъ на все готовъ, онъ ворвется къ ней, ухватитъ, унесетъ ее какъ левъ свою добычу, заглушая крикъ ея своими поцѣлуями,—она придетъ.... И среди гула и смѣха трапезовавшей кругомъ толпы въ этой залитой огнями столовой ему слышался въ безмолвіи и тьмѣ робкій, сдержанный скрипъ женской обуви, скользящей внизъ по ступенямъ узенькой лѣстницы, чувствовалось прикосновеніе, и благоуханіе, и трепетъ всей этой женской прелести, идущей къ нему, замирающей въ его объятіяхъ.... Онъ не глядѣлъ на нее, боялся обернуться въ ея сторону, чтобы глаза не измѣнили ему, не выдали того безумнаго чувства блаженнаго и нестерпимаго ожиданія которое владѣло имъ. Онъ не говорилъ съ ней—только кончикъ его бальной ботинки нажималъ слегка подъ столомъ ея бальной башмачокъ—и кровь горячечно билась о его виски, и онъ съ трудомъ осиливалъ дрожь, отъ которой то и дѣло принимались стучать его зубы... Онъ почти ничего не ѣлъ, какъ и не ѣла Ольга, и только отъ времени до времени отпивалъ глотками изъ стакана холодную воду, въ которую вылилъ налитую ему рюмку шампанскаго.

— Давно ль въ водѣ ты горе сталъ топить? продекламировалъ ему по этому случаю сидѣвшій насупротивъ его Свищовъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на него и не отвѣчалъ.

Свищовъ перегнулъ голову по направленію Ольги, между которою и имъ стояла большая японская ваза съ цвѣтами:

— Не скажете ли вы, Ольга Елпидифоровна, какое мрачное дѣло замышляетъ сосѣдъ вашъ съ лѣвой стороны?

Ваза и цвѣты помѣшали ему замѣтить яркую краску покрывшую мгновенно все лицо барышни....

Ашанинъ на сей разъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Я замышляю освистать первый балетъ который ты поставишь на сцену.

Кругомъ засмѣялись; засмѣялся даже капитанъ Ранцевъ, крѣпко недолюбливавшій Ашанина за его пассажъ съ Ольгой прошлою ночью, но которому Свищовъ еще болѣе претилъ своимъ нахальствомъ.

— Хорошо сдѣлаешь, отшучивался между тѣмъ со смѣхомъ тотъ,—потому что я намѣренъ изобразить въ этомъ балетѣ всякое твое коварство и безобразіе.

Дѣвица Eulampe, давно втайнѣ таявшая по московскомъ Донъ-Жуанѣ, почувствовала себя вдругъ ужасно обиженною за него такими словами.

— Можетъ-быть дѣйствительно и есть такіе, громогласно отпустила она,—которые въ самомъ дѣлѣ и коварные, и безобразные, только ужь конечно не monsieur Ашанинъ!

Новый дружный смѣхъ отвѣчалъ на выходку пламенной „пулярки". Свищову рѣшительно не везло...

Ашанинъ откинулся въ свое кресло, и изъ-за спинъ Ольги и капитана послалъ своей неожиданной защитницѣ глубокій благодарственный поклонъ, приложивъ при этомъ руку къ сердцу. Она вспыхнула до бровей, поспѣшно схватила лежавшій подлѣ ея тарелки букетъ свой и погрузила въ него свое счастливое лицо....

Княгиня Аглая Константиновна, державшаяся того правила что за ужиномъ не должно быть хозяйскаго мѣста, предоставила гостямъ своимъ разсаживаться по собственному ихъ усмотрѣнію, а сама со своимъ блестящимъ петербургскимъ кавалеромъ, котораго, къ немалой его злости, предварительно долго таскала съ собою, нѣжно налегая на его руку своимъ грузнымъ тѣломъ, по всѣмъ угламъ столовой, какъ бы на показъ присутствующимъ, направилась къ небольшому столу у окна, за который, не чая грозы, помѣстилась Лина съ Духонинымъ. Чижевскій сидѣлъ по другой рукѣ ея, рядомъ со своею дамой, Женни Карнауховой. Княгиня безцеремонно попросила ихъ передвинуться на два сосѣдніе свободные стула....

— Et nous nous mettrons là, en famille, шепнула она игриво на ухо Анисьеву,—vous serez entre ma fille et moi.

Онъ дорого бы далъ въ эту минуту чтобъ имѣть право крикнуть ей на всю залу: „Дура, непроходимая, зловредная дура!..." Но дѣлать было нечего,—онъ отставилъ стулъ и скользнулъ чтобъ усѣсться, мимо Лины, нагибаясь предъ ней съ изысканною учтивостью и извиненіемъ...

Она безмолвно и поспѣшно, не глядя на него, прижала рукой волны газа своей юпки, давая ему мѣсто пройти....

„Я ей внушаю отвращеніе, просто!" заключилъ чуткій Петербуржецъ изъ одного этого торопливаго, нѣмаго, какъ бы гадливаго движенія; „je lui fais l'effet d'un cloporte," перевелъ онъ это себѣ по-французски, морщась и закусывая губу.

Онъ не привыкъ внушать такія чувства, и серіозно озлился на ту которую почиталъ ихъ главнымъ источникомъ.

— Какія порученія дадите вы мнѣ въ Петербургъ, княгиня? проговорилъ онъ отчетливо и громко, развертывая свою салфетку.

— Почему въ Петербургъ? тревожно спросила она, держа вилку надъ глазурною поверхностью подносимаго ей въ эту минуту блюда майонеза.

— Потому что я ѣду завтра и буду тамъ черезъ три дня, спокойно отвѣчалъ онъ.

Тяжелая серебряная вилка выскользнула изъ рукъ Аглаи и ударившись о край блюда съ грохотомъ упала на ея тарелку, растрескавъ ее на три большіе куска.

— Это говорятъ къ счастію, княгиня! невозмутимо улыбнулся графъ Анисьевъ, учтиво спѣша обмѣнить своею обломки ея тарелки и передавая ихъ, вмѣстѣ съ виновною вилкой подбѣжавшему съ испуганнымъ лицомъ слугѣ.

Тарелка была саксонская, дорогая, съ рѣдкимъ, вѣнчаннымъ королевскою короной вензелемъ A. R. * на ея оборотѣ, но сломайся въ эту минуту и весь цѣнный сервизъ, къ которому принадлежала она, наша разчетливая княгиня осталась бы къ этому равнодушною. Она была совершенно уничтожена.

— Comment, vous nous quittez, mon cher comte? могла она только вымолвить, растерянно воззрясь на него.

— Къ сожалѣнію моему, обязанъ! отвѣчалъ онъ съ соотвѣтствующимъ пожатіемъ плечъ.

— Mais ce n'est pas du tout ce que j'ai cru comprendre dans nôtre conversation d'hier? воскликнула она, переводя съ весьма недвусмысленнымъ для него и еще болѣе озлившимъ его намѣреніемъ круглые глаза свои съ него на затылокъ дочери, спокойно разговаривавшей въ это время со своимъ кавалеромъ.

— Я бы почелъ себя совершенно несчастливымъ, княгиня, отвѣчалъ ей опять по-русски Анисьевъ (въ досадѣ своей онъ какъ бы наказывалъ ее тѣмъ что не удостоивалъ ея французскую рѣчь отвѣтомъ на томъ же языкѣ),—еслибы вамъ угодно было искать въ моихъ словахъ то чего въ нихъ нѣтъ. Я уже потому не могъ говорить вамъ о продолжительномъ

* Augustus Rex, штемпель фарфора Мейсенской фабрики времени основателя ея Августа Іго.

пребываніи въ вашемъ прекрасномъ Сицкомъ что я, какъ вы знаете, принадлежу не себѣ....

Онъ не досказалъ и легкимъ движеніемъ руки указалъ на свои эполеты.

Она почтительно какъ бы испуганно взглянула на нихъ:

— Конечно, mon cher comte, если вы нужны à Sa Majesté l'Empereur....

— И къ тому же я жду изъ-за границы матушку на ближайшемъ пароходѣ, сказалъ онъ.

— La comtesse vôtre mère! воскликнула Аглая;—но въ послѣднемъ письмѣ, которое я получила отъ нея три недѣли назадъ, она обѣщала мнѣ très catégoriquement что какъ только вернется въ Россію, то пріѣдетъ непремѣнно къ намъ сюда....

— Въ настоящую минуту, къ сожалѣнію, это будетъ для нея очень трудно сдѣлать, сухо возразилъ флигель-адъютантъ,—у нея дѣла, которыя на довольно долгое время задержатъ ее въ Петербургѣ.

„Да это отказъ! Lina l'a degouté avec ses grands airs, съ ужасомъ пронеслось въ головѣ нашей княгини;—мать найдетъ ему другую невѣсту въ Петербургѣ!..“

— Послушайте, mon cher comte, заговорила она вся красная и рѣшительнымъ тономъ,—я не довольствуюсь всѣмъ тѣмъ что̀ вы мнѣ сказали; я желаю знать настоящее.... *les vraies raisons*, подчеркнула она,—которыя заставляютъ васъ покидать насъ такъ скоро?

И она при этомъ еще разъ, многозначительно и гнѣвно, повела взглядомъ въ сторону княжны.

Лина все также, обернувшись къ нимъ своею увѣнчанною длинною гирляндой полевыхъ цвѣтовъ головкой, продолжала разговаривать съ Духонинымъ.... Разобиженной княгинѣ нашей рѣшительно было суждено въ этотъ вечеръ видѣть дочь только съ затылка...

Но тотъ изъ-за котораго она такъ негодовала на эту, равнодушную къ нему дочь взглянулъ на нее самую въ это время такимъ холоднымъ, чуть не враждебнымъ взглядомъ что она разомъ оплѣшила и смутилась.

— Вы думаете ѣхать завтра.... непремѣнно? молвила она чуть не плача.

Онъ наклонилъ утвердительно голову.

— Вы зайдете ко мнѣ проститься? уже совсѣмъ робко пролепетала Аглая.

— Помилуйте, княгиня, можете ли вы въ этомъ сомнѣваться,—это мой долгъ! всkликнулъ онъ на это съ отмѣнною любезностью, кланяясь ей въ полоборота....

— Я васъ буду ждать... одна, потому что намъ непремѣнно нужно объясниться, добавила она съ новымъ взрывомъ рѣшительности.

Онъ взглянулъ на нее загадочными глазами и чуть-чуть усмѣхаясь:

— Если вы этого непремѣнно желаете, промолвилъ онъ скороговоркой и понижая голосъ... И тотчасъ же перемѣняя тонъ:—Матушка въ послѣднемъ письмѣ, началъ онъ,—много говоритъ мнѣ о маркизѣ Кампанари, которую вы, кажется, часто видѣли у нея въ Римѣ....

Онъ говорилъ уже ей объ этомъ наканунѣ,—вспомнилъ, и отъ маркизы Кампанари перескочилъ поспѣшно къ какому-то приключенію случившемуся съ нимъ самимъ въ campagna di Roma четыре года тому назадъ. Онъ разказывалъ бойко и весело, и успѣлъ привлечь самое Лину къ разговору, обратившись къ ней съ какимъ-то вопросомъ объ Италіи, на который она не могла не отвѣтить, послѣ чего уже не представлялось для нея возможности уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды. Она говорила мало, но слушала его съ учтивою внимательностью, тихо улыбаясь когда случалось ему сказать что-либо остроумное или оригинальное... Онъ былъ гость ея матери, и она была слишкомъ благовоспитана чтобы не оказать ему все то на что онъ въ этомъ качествѣ гостя имѣлъ право. Но это вниманіе и улыбки дочери лили цѣлебный бальзамъ въ растревоженную душу Аглаи Константиновны. Страхи ея стихали... „Je lui expliquerai tout demain!“ говорила она себѣ, возвращаясь мало-по-малу ко врожденному ей оптимизму, хотя весьма затруднена была бы сказать даже себѣ самой что именно полагала она нужнымъ „expliquer“ этому очаровательному, но мудреному „favori de la cour“, который, вмѣсто ожидавшагося ею на завтра формальнаго предложенія ея дочери, такъ неожиданно объявилъ ей сегодня о своемъ отъѣздѣ.... „Онъ уѣдетъ, je le veux bien, но скоро вернется опять, et avec la comtesse sa mère!“ осѣнило вдругъ ея многодумную голову, и она шумно и радостно вздохнула, найдя этотъ ключъ къ недававшейся ей до этой минуты задачѣ....

LXXIV.

Откровеніе это такъ подняло настроеніе нашей княгини что она восчувствовала какой-то внезапный приливъ необычайнаго благоволенія ко всему ея окружающему, и желаніе тутъ же выразить это на дѣлѣ... Гости ея доѣдали сладкое, ужинъ кончался. Трапезные обычаи видѣнные ею въ незабвенномъ Шилмоунткаслѣ пронеслись въ ея памяти... Она встала и широко озираясь кругомъ громко проговорила:

— Messieurs les hommes, à l'anglaise, можете, когда уйдутъ дамы, оставаться здѣсь курить et boire du champagne кому угодно!...

Среди грохота отодвигавшихся стульевъ послышались смѣхъ и возгласы одобренія со стороны „господъ мущинъ". Сенька Водоводовъ кинулся съ другаго конца столовой цѣловать ея ручку.

— Вы, княгиня, мать утѣхъ, радостей и всякаго человѣческаго благополучія! вопилъ онъ, надрываясь своимъ дикимъ хриплымъ хохотомъ;—позвольте жженку устроить!

— Je ne sais pas ce que c'est, но позволяю! величественно произнесла она;—если что̀ нужно, adressez vous à Vittorio.

Дамы направлялись къ ней благодарить и прощаться.

— Merci, merci, princesse, за восхитительный день, который провели мы у васъ сегодня! чуть не съ умиленіемъ, закатывая глаза и любовно пожимая ей руку, говорила княгиня Додо. И обращаясь къ стоявшему подлѣ графу Анисьеву (въ первый разъ въ теченіе всего дня):—Я понимаю что для этого можно, какъ вы, пріѣхать сюда нарочно съ края свѣта! отпустила она.—Женни, мы сейчасъ ѣдемъ! И она повелительно взглянула на дочь.

— Et vous, ma poétique enfant (это уже относилось къ Линѣ),—вы ужасно устали, n'est-ce pas?

— Да, очень, сказала невольно княжна.

— Ахъ, Боже мой, что же вы тутъ стоите! Послѣ всего что̀ вы должны были перечувствовать сегодня вамъ необходимъ покой. Mais renvoyez là donc, princesse, вы видите какъ она блѣдна!

— C'est vrai, vous êtes très pâle, Lina, проговорила Аглая, только теперь замѣчая изнеможенный видъ дочери.

— Affreusement pâle! жалостливо заголосила опять княгиня Додо,—и при ея деликатномъ сложеніи... Ступайте, ступайте, моя прелестная, не съ нами же вы будете faire des façons...

— Пойдемъ, Лина, я отведу тебя, я тамъ у тебя оставила всякое мое добро! воскликнула Женни, кидаясь страстно обнимать ее; она вся еще была подъ обаяніемъ сладостныхъ вещей наговоренныхъ ей Чижевскимъ, и ей нуженъ былъ предметъ на который могла бы она теперь излить всю переполнявшую существо ея нѣжность.

— Вы, надѣюсь, не заставите насъ съ отцомъ дожидаться васъ? тутъ же выговорила ей княгиня Додо тѣмъ кислымъ тономъ съ которымъ неизмѣнно обращалась она къ дочери.

Лина простилась съ нею, съ матерью, и двинулась къ двери столовой рядомъ съ обвившею ее за талію, крупною и блаженствовавшею Женни.

Онѣ поднялись на лѣстницу... Надъ ними на площадкѣ, ярко озаренный бившимъ на него свѣтомъ люстры, показался Гундуровъ, выходившій со шляпой въ рукахъ изъ пустынныхъ теперь покоевъ бельэтажа.

Онъ безсознательно остановился увидѣвъ княжну.

Женни быстро наклонилась къ ея уху:

— Lina dear, вѣдь это онъ, *твой*, правда?...

Лина не отвѣчала, и только рука ея тѣснѣе прижалась къ глади дубовыхъ перилъ, за которыя держалась она, всходя на лѣстницу, чтобы не упасть отъ усталости.

— Принцъ Гамлетъ, откуда вы, изъ Англіи? со смѣхомъ крикнула ему снизу Женни (Чижевскій успѣлъ представить его ей во время бала).

— Я искалъ свою шляпу, которую оставилъ здѣсь въ гостиной...

Обѣ добрались до площадки.

— Вы не ужинали? спросила Лина.

— Д-да... Конечно... ужиналъ, нѣсколько растерянно отвѣтилъ онъ.

— Я васъ не видѣла, робко проговорила она.

— Нѣтъ, я былъ тамъ... Я сидѣлъ далеко отъ васъ... но я васъ видѣлъ, княжна... Слова видимо съ трудомъ выпадали изъ его устъ...

„Ихъ надо оставить однихъ. Имъ уже вѣрно есть что̀ сказать другъ другу", великодушно рѣшила вдругъ въ головѣ своей Женни.

— Лина, ты устала, отдохни здѣсь, а я сейчасъ добуду у тебя мой бурнусъ и перчатки, et je descends!

Она разомъ прыгнула съ мѣста и понеслась вверхъ, въ третій этажъ.

Наши влюбленные остались одни, другъ противъ друга, оба съ опущенными отъ смущенія глазами, оба съ невыносимо трепетнымъ сердцемъ въ груди.

— Елена Михайловна, простите мнѣ! заговорилъ первый Гундуровъ. Онъ былъ полотна блѣднѣе...

— Я не сержусь на васъ, медленно промолвила она. И ея лазоревые глаза заискрились какъ двѣ загорающіяся звѣзды подъ ея поднявшимися на него рѣсницами.

— Вы не сердитесь? повторилъ онъ, погружаясь всѣмъ взглядомъ въ эти глаза, свѣтившіе ему теперь такимъ божественнымъ, всепрощающимъ пламенемъ;—вы забыли тѣ безсмысленныя слова которыя грѣшный языкъ мой произнесъ предъ вами тамъ, на сценѣ?... Какое-то безуміе охватило меня тамъ, княжна... Не даромъ видно дается близкое общеніе съ этимъ опаснымъ типомъ Гамлета, промолвилъ Гундуровъ, чуть-чуть усмѣхнувшись,—невольно заражаешься его нездоровьемъ, его сомнѣніями, его ожесточеніемъ... Вы не сердитесь, а я въ моемъ явленіи съ вами такъ грубо, дерзко, такъ субъективно передавалъ его жестокія слова... а потомъ... И вы... вы не были въ силахъ продолжать послѣ этого, доиграть роли... Не такъ ли?...

Она молча повела головой, продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же лучистымъ, всепрощающимъ пламенемъ глазъ.

— О, Елена Михайловна!...

Шляпа выпала у него изъ рукъ, и онъ, горя неодолимою краской стыда закрылъ себѣ ими глаза.

— Вы были взволнованы... предъ вами говорили такія вещи... Я понимаю что вы могли оскорбиться ими, сказала она какъ бы въ извиненіе его предъ нимъ самимъ.

— Да, слышалъ, воскликнулъ онъ горячо,—слышалъ и непростительно принялъ ихъ къ сердцу. А теперь готовъ былъ бы кажется съ радостію выслушать ихъ опять и казниться ими. Въ этихъ оскорбительныхъ словахъ есть правда, Елена Михайловна, жестокая для меня правда,—я не достоинъ васъ!...

Вѣки ея безпокойно и болѣзненно заморгали...

Онъ замѣтилъ это, и продолжалъ съ возрастающею горячностью:

— Недостоинъ вашего милосердія, вашего нравственнаго совершенства... Еслибы вы знали какъ гадокъ я кажусь себѣ предъ вами.

Она улыбнулась.. и какою улыбкой!..

— Это мнѣ знать, „гадки" ли вы, прошептала она вся зардѣвшись.

— Елена Михайловна, заговорилъ онъ задыхаясь,—я не знаю что̀ ожидаетъ насъ, какія испытанія суждены мнѣ... и вамъ, но знайте что я сумѣю теперь перенести все, все, сумѣю „терпѣть и не роптать" (это были ея слова ему наканунѣ). Я вашъ, вашъ, вашъ...

— Навсегда? промолвила Лина,—и все лицо ея озарилось выраженіемъ безмѣрнаго счастья.

— До послѣдняго моего вздоха!..

Она протянула ему руку... Онъ страстно прижался къ ней губами...

— Вотъ и я, вотъ и я! на голосъ Гунглевой польки пѣла на возвратномъ пути Женни Карнаухова, спускаясь съ верхняго этажа.

Гундуровъ поспѣшилъ поднять свою шляпу.

„Онъ вѣрно стоялъ сейчасъ предъ нею на колѣнахъ, рѣшила тутъ же мысленно крупная княжна;—ахъ, какъ жаль что я этого не видѣла!.."

— Ну, прощай, Лина, начала она цѣловаться съ нею,—спи хорошо, золотые сны видь! Надѣюсь какъ-нибудь урваться опять къ тебѣ пріѣхать; I have so much interesting to tell you *, прошептала она ей на ухо.—Bon soir, prince Hamlet,— она подала Сергѣю руку,—и съ вами надѣюсь, до свиданія... Вы куда теперь, внизъ, въ столовую? Тамъ теперь идетъ, должно-быть, un léger кутежъ.

— Я до кутежей не охотникъ, сказалъ онъ.

— Фи, какъ стыдно! вскрикнула Женни;—это очень не хорошо когда мущина скроменъ какъ дѣвушка! Еслибъ я не была женщина...

— Вы были бы не хорошій мущина? засмѣялся Гундуровъ.

— Именно, именно!.. Да вы презлой,—я это очень люблю... Ну, пойдемте, довольно вамъ любезничать! Good night, Lina dear! Я увожу твоего кавалера до границы нашихъ mamans,

---

* Я имѣю такъ много интереснаго сказать тебѣ.

а тамъ отпущу его кутить въ мущинское царство. Прикажи ему непремѣнно de se donner une petite pointe въ честь твою и здравіе!..

— Прощайте, Сергѣй Михайловичъ, сказала Лина, счастливо улыбаясь всей этой болтовнѣ,—до завтра!..

Когда она вернулась въ свою комнату, ожидавшая ее Глаша вручила ей запечатанную записку:

— Генеральша приказала отдать вамъ предъ тѣмъ какъ изволите спать ложиться.

Лина подошла къ столу и прочла:

„Милая княжна,—писала ей Софья Ивановна,—не знаю какъ увижу васъ завтра утромъ, а нужно мнѣ знать непремѣнно. Ради Бога отвѣчайте просто, да или нѣтъ: то ли же все ваше расположеніе какъ нынче утромъ? Короче, могу ли я говорить съ вашею матушкой о чемъ вы знаете? Отвѣтъ, прошу васъ, пришлите сейчасъ же какъ прочтете, горничная моя будетъ ждать.

„С. П.“

Лина схватила перо, и подъ этими „С. П.“ начертала крупными буквами „Да, да и да,“ и подписалась полнымъ именемъ: „Елена Шастунова“.

— Отнеси сейчасъ горничной генеральши, она не спитъ, сказала она, запечатавъ, Глашѣ.

Глаша не успѣла повернуться, какъ княжна внезапно опустилась на стулъ, нажимая что есть силы грудь рукой и закусивъ губу чтобы не крикнуть отъ боли.

„Опять, опять, Боже мой! проносилось у нея въ головѣ:— этотъ докторъ въ Ниццѣ былъ правъ, у меня что-то въ сердцѣ: оно не въ состояніи переносить ни муки, ни счастія!..“

LXXV.

— А, Гундуровъ, гдѣ это вы скрываетесь, батюшка? воскликнулъ Духонинъ, завидѣвъ его въ дверяхъ столовой;—къ намъ сюда, скорѣе!

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, уже слегка возбужденный выпитымъ имъ виномъ, и препирался о чемъ-то со стоявшимъ насупротивъ его съ сигарой въ зубахъ дипломатомъ, прозваннымъ „больнымъ попугаемъ“ (онъ былъ какая-то родня Духонину). Кругомъ нихъ въ волнахъ табачнаго дыма

то показывались, то исчезали внимавшія лица Чижевскаго, Факирскаго, Толбухина и Ранцева, безъ фраковъ, со стаканами въ рукахъ...

Дамы и пожилые люди всѣ уже разъѣхались или разошлись по своимъ комнатамъ, вслѣдъ за княгиней Аглаей Константиновной, за которою послѣдовали и Зяблинъ съ Шигаревымъ, хранившіе себя отъ излишествъ. Слуги кончали убирать со столовъ. На среднемъ, уже опростанномъ до-гола досокъ столѣ, уставленномъ стаканами и опорожненными бутылками шампанскаго, въ большой серебряной кострюлѣ варилась жженка. Толя Карнауховъ, взъерошенный и красный, рѣзалъ къ ней тонкими ломтями ананасъ, сопровождая свое занятіе какими-то нецензурными куплетами, которымъ подпѣвалъ вторымъ голосомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Свищовъ. Кругомъ ихъ кучились молоденькіе офицеры артиллерійской батареи, которыхъ командиръ ихъ, красивый полковникъ Шнабельбергъ, представилъ наконецъ послѣ спектакля хозяйкѣ дома, и которые затѣмъ, отработавъ самымъ усерднымъ образомъ ногами въ танцахъ, чувствовали себя въ настоящую минуту, въ виду новой предстоящей имъ „сладости жизни“, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа... Огромный кусокъ сахара, уложенный на лезвіяхъ двухъ перекрещенныхъ сабель, ронялъ съ гулкимъ шипѣніемъ свои золотистыя капли въ пылавшій подъ нимъ ромъ, могильно-фантастическій пламень котораго страннымъ образомъ отсвѣчивался на весело взиравшихъ на него молодыхъ, оживленныхъ лицахъ. Одинъ Костя Подозеринъ со своею стерляжьею физіономіей, безмолвно и внушительно помѣшивавшій въ кострюлѣ большою суповою ложкой, походилъ на какую-то каррикатуру Изидина жреца, совершающаго свои заклинанія при таинственномъ мерцаніи сіяющаго ему съ небесъ божества...

На противоположномъ мѣсту Духонина и друзей его концѣ стола помѣщалась другая группа, центромъ которой состоялъ блестящій петербургскій флигель-адъютантъ... Онъ попытался было послѣ ужина ускользнуть незримо изъ столовой, но его замѣтили. Неугомонный Водоводовъ кинулся за нимъ. „Mon cher, mon cher, куда ты? хрипѣлъ и гоготалъ онъ, цѣпляясь за его рукавъ,—за компанію Жидъ удавился; тутъ, братъ, выпивка сейчасъ, и свои гвардейцы, Шнабельбергъ, Подозеринъ, я. Не чванься предъ старыми камрадами!..“

Анисьевъ безпрекословно вернулся назадъ. Онъ съ глубокимъ пренебреженіемъ относился въ душѣ вообще къ „камрадству“ и въ особенности къ этому „Сенькѣ пустой башкѣ“, товарищу его по выпуску, но далеко отставшему отъ него теперь по службѣ, и „фамильярство“ котораго давно уже коробило его. Но тутъ былъ намекъ на „чванство“,—а этому, по его понятіямъ, „никакъ не надо было дать распространиться“... По выработанному Анисьевымъ ad usum suum кодексу житейской морали можно было утопить „тонкимъ путемъ“ служебное или общественное положеніе лучшаго друга, еслибъ этотъ другъ какимъ-либо образомъ сталъ тебѣ поперекъ дороги, но слѣдовало, рядомъ съ этимъ, держаться строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ которыми обезпечивается званіе „добраго малаго“ и „товарища“, столь цѣнимое въ томъ свѣтско-военномъ кругу къ которому принадлежалъ Анисьевъ. Анисьевъ почиталъ себя вполнѣ въ правѣ смотрѣть на каждаго изъ сослуживцевъ своихъ какъ на пѣшку, годную лишь для комбинаціи того или другаго хода собственной его игры, но зазнаваться предъ ничтожнѣйшимъ изъ нихъ онъ не дозволилъ бы себѣ уже потому только, что въ этой чертѣ „ближе всего сказывается un parvenu“, а быть почитаемымъ за parvenu онъ боялся пуще грома небеснаго...

А потому, какъ ни мало расположенъ онъ былъ теперь пить въ этой компаніи людей, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды, ниже удовольствія, онъ сидѣлъ тутъ со Шнабельбергомъ, Сенькой, и присоединившимися къ нимъ всякими московскими свѣтскими господами и, разстегнувъ мундиръ, но сохраняя все то же сдержанное и изящное выраженіе которымъ неизмѣнно отличалась его придворная особа, попивалъ шампанское изъ большаго стакана стоявшаго предъ нимъ, и повѣствовалъ, къ величайшей потѣхѣ своихъ собесѣдниковъ, недавнюю пикантную исторію нѣкоей Florence, высланной изъ Петербурга за скандалъ учиненный ею въ одномъ изъ тамошнихъ театровъ.

— Гундуровъ, говорилъ въ то же время Чижевскій, зацѣпляя кончикомъ ботинки ножку сосѣдняго, не занятаго стула, и подвигая его къ подходившему къ нимъ герою нашему,—интересный споръ у насъ идетъ...

— О чемъ?

— О Венгерской кампаніи, промолвилъ Петя Толбухинъ

съ лѣниво-насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ, говорившимъ: и чортъ ли въ ней!..

— Ну да, да, заговорилъ Духонинъ, кивая на стоявшаго насупротивъ его дипломата,—онъ вотъ доказываетъ... Повтори то что ты сейчасъ сказалъ: „Политика Россіи"...

Дипломатъ опустился на стулъ, закинулъ ногу за ногу и глядя на кончикъ своего сапога снисходительно повторилъ:

— Я говорилъ что политика Россіи въ концѣ прошлаго вѣка... создала между раздѣлившими Польшу державами традиціонную солидарность, необходимымъ послѣдствіемъ которой является наше вмѣшательство въ дѣло возстанія Венгріи въ прошломъ году. C'est une nécessité historique.

— Мое почтеніе! Хороша историческая необходимость играть роль пугала, къ которому прибѣгаютъ чужеземныя правительства, когда оказываются сами не въ силахъ подавить исторически-законныя стремленія своихъ народовъ къ свободѣ, къ политической самостоятельности... За то и любятъ же насъ въ Европѣ, и возблагодарятъ насъ за нашу опеку при случаѣ!..

— Австріяковъ, дѣйствительно, не любятъ въ Венгріи, нѣсколько нежданно отозвался на это капитанъ Ранцевъ, — а насъ по всей землѣ ихней, можно сказать, вездѣ отлично-съ принимали, даже съ угощеніемъ.

Духонинъ не могъ не улыбнуться:

— Ну, а еслибы вы пришли въ эту землю сражаться не за „Австріяковъ", а противъ нихъ, меньше или больше „угощали" бы васъ тамъ, какъ вы полагаете?

Храбрый капитанъ нѣсколько опѣшилъ:

— Никаноръ Ильичъ, сказалъ ему смѣясь Гундуровъ, — а спросите-ка его въ вашу очередь, какъ онъ полагаетъ: еслибы вы помогли Венгерцамъ отстоять отъ „Австріяковъ" ихъ „политическую самостоятельность", лучше или хуже стало бы жить тѣмъ не-Венгерскимъ народностямъ которыя очутились бы подъ ихъ властью?

— Ну, само собою, кто о чемъ, а вы о Славянахъ,—и Духонинъ пожалъ плечами:—vous êtes orfèvre, monsieur Josse!

Гундуровъ взглянулъ на него ласково улыбающимися глазами:

— О Славянахъ, любезный другъ, все о тѣхъ же достойныхъ всякаго вашего презрѣнія Славянахъ, которые, въ силу, надо думать, своей исторической отсталости, отстояли своего

государя-Нѣмца противъ возставшихъ на него Нѣмцевъ-подданныхъ.

— Съ чѣмъ ихъ и поздравляю! возгласилъ, къ общему хохоту Духонинъ, комически разводя руками.

Дипломатъ, страдавшій катарромъ желудка, воспользовался случаемъ подняться съ мѣста, и торопливо, съ позеленѣвшимъ и смущеннымъ лицомъ, выскользнулъ изъ залы...

— А и хорррошенькая женщина эта Florence, говорилъ между тѣмъ на другомъ концѣ стола красивый полковникъ Шнабельбергъ,—я разъ съ ней ужиналъ, у Владзи Броницкаго...

— Съ Marcellin Любарскимъ? спросилъ съ улыбкой графъ. Анисьевъ.

— Ну да, ну да, расхохотался, словно ужасно обрадовавшись этому вопросу, Шнабельбергъ, очень дорожившій знакомствомъ съ людьми большаго свѣта,—онъ ее безъ себя никуда не пускалъ, Marcellin, съ видимымъ удовольствіемъ повторилъ это имя полковникъ,—влюбленъ былъ можно сказать до сумашествія...

Анисьевъ небрежно качнулъ головой:

— Чего ужь, коли рѣшился удрать за нею за границу безъ позволенія.

— Нну-у! Можетъ ли это случиться? вскрикнулъ Шнабельбергъ съ выраженіемъ совершеннѣйшаго ужаса на своемъ красивомъ и благочинномъ нѣмецкомъ лицѣ.

— Mon cher, mon cher, загоготалъ кидаясь къ нему „Сенька" Водоводовъ,—неужели ты этого не зналъ?.. А, Анисьевъ, до него не дошло, а!.. Удралъ, mon cher, въ бочкѣ... именно, именно, въ бочкѣ! Когда Florence посадили въ часть, онъ сейчасъ же за паспортомъ. Ну, само-собою, не получилъ,—заранѣе приказано было. Онъ прямо въ Кронштадтъ, на американскій корабль который тутъ стоялъ...

— На американскій корабль... это ужасно! повторилъ разводя руками Шнабельбергъ.

— Его тамъ чтобы скрыть и посадили въ бочку... Я все это знаю подробно, хрипѣлъ, надрываясь хохотомъ, Водоводовъ,—а тамъ прежде скипидаръ былъ, и онъ чуть не задохся отъ вони... А, какъ ты находишь, mon cher, а! Ламуръ-то куда ведетъ, а?..

— Этто... этто даже совсѣмъ вѣрить нельзя, говорилъ все съ тѣмъ же благочиннымъ недоумѣніемъ Нѣмецъ-полковникъ,—чтобъ изъ такого государства какъ наше оттечество можно

было удрать—онъ сильно наперъ на это слово:—безъ вида отъ начальства, и даже въ бочка, гдѣ былъ прежде терпентинъ. Пфуй!..

— Господа, готово! громко возгласилъ Подозеринъ, зачерпывая своею ложкой горячую влагу жженки и медленно выливая ее опять въ кострюлю, въ которой послѣдними струйками индѣ еще пробѣгали синеватые огоньки алкоголя.

— Наливай, наливай, я раздавать буду!.. отозвался „Сенька", бросаясь къ нему съ мѣста,—а вы подавайте сюда стаканы! крикнулъ онъ Толѣ и Свищову...

Духонинъ не угомонился между тѣмъ. Въ обыкновенное время онъ былъ всегда весьма сдержанъ, но вино возбуждало его къ спору и приставанію... Онъ вызвалъ Гундурова на новое преніе. Какъ ни поглощенъ былъ нашъ герой своимъ личнымъ чувствомъ, но это самое чувство подымало всего его и несло на какихъ-то побѣдныхъ крылахъ. Въ противоположность тому что дано было ему прочувствовать предъ выступленіемъ его на сцену подъ траурнымъ плащомъ Гамлета, внутри его звучалъ теперь какой-то могучій мажорный аккордъ, возбуждавшій въ немъ никогда еще не испытанное имъ доселѣ въ такой степени сознаніе бодрости и силы... Неотступно стоялъ предъ нимъ обаятельный образъ княжны, шепталъ въ глубинѣ его мозга ея тихій, проницающій голосъ—и все настойчивѣе просилась наружу, искала внѣшняго мотива эта тайная музыка счастія, переполнявшая его душу... Онъ до сихъ поръ уклонялся отъ серіознаго препирательства съ Духонинымъ, ограничиваясь, какъ мы видѣли, шутливыми и поверхностными возраженіями. Но антагонистъ его коснулся основныхъ положеній той школы къ которой принадлежалъ Гундуровъ, называя ихъ „произвольными" и „крайне идеальными", и Гундурову сказалось внезапно что никогда еще эти положенія и этотъ самый „идеализмъ", въ которомъ упрекали ихъ, не были такъ дороги и близки его душѣ... Онъ весь загорѣлся на защиту ихъ. Горячія слова полились красно и свободно изъ его устъ. Онъ заговорилъ о „призваніи", объ историческихъ и бытовыхъ особливостяхъ „Русской земли", о блестящемъ періодѣ до-татарской, Кіевской Руси; онъ доказывалъ что съ перваго момента нашей исторіи указанъ былъ Россіи путь совершенно иной чѣмъ государствамъ Запада...

— Вы съ этимъ не можете не согласиться, говорилъ Гундуровъ, — не можете отвергать основательности нашихъ положеній...

— Это, то-есть, то что „Западъ гніетъ", а мы цвѣтемъ и благоухаемъ яко кринъ сельній? спросилъ насмѣшливо Духонинъ.

— То, продолжалъ не смущаясь Сергѣй,—что въ основаніи западныхъ государствъ лежатъ — завоеваніе, вѣковая жизнь племенъ, побѣдившаго и побѣжденнаго, борьба церкви съ гражданскою властью; въ основаніи государства Русскаго — добровольно призванная народомъ власть, единство духа всей „земли", и надъ „землею"—непричастная дѣламъ мірскимъ церковь какъ любовь... Любовь, повторилъ онъ съ невольнымъ повышеніемъ голоса и усиленнымъ блескомъ въ глазахъ.

— И застой, и болото, и мертвечина! горячо возражалъ *западникъ* Духонинъ; — вся культура, вся цивилизація человѣческая вышла изъ этой борьбы, отсутствіемъ которой у насъ вы такъ кичитесь. Въ вашемъ „единствѣ", въ вашей „одинаковости", въ вашей „святости" нѣтъ мѣста человѣку, развитію человѣческой личности! Ваша „земля", ваша „община", ваша „любовь" засасывали или душили эту человѣческую личность въ продолженіе вѣковъ...

— Мы говорили въ дни Батыя
Какъ на поляхъ Бородина:
Да возвеличится Россія
И гибнутъ наши имена! *

отвѣчалъ на это Гундуровъ цитатой изъ стихотворенія только что написаннаго тогда, и пользовавшагося большимъ сочувствіемъ въ лагерѣ къ которому принадлежалъ онъ. Смиреніе—сила, примолвилъ онъ, выражаясь словами сказанными ему Линой въ первые дни ихъ знакомства, и счастливая улыбка пробѣжала при этомъ по его губамъ;—тотъ не пойметъ русской исторіи кто не разумѣетъ что сила эта легла въ основаніе жизни Русскаго народа, что она составляетъ субстанцію его духа, его историческаго бытія...

Его прервалъ гудящій голосъ „Сеньки" Водоводова, разносившаго стаканы со жженкой (слуги давно были всѣ отосланы):

— Mon cher, mon cher, господа, вкусите душеспасительнаго напитка!...

Капитанъ Ранцевъ воспользовался этимъ перерывомъ чтобы подойти къ нашему герою:

---

* *Разговоръ въ Кремлѣ*, стихотвореніе К. К. Павловой.

— Позвольте пожать вашу руку, молвилъ онъ восторженно сверкая глазами (у него также, у бѣдняги, пѣли въ этотъ вечеръ райскія птицы на душѣ); — никогда, могу сказать, не слышалъ-съ такихъ умныхъ словъ... а главное-съ, потому все правда... Смиреніе народа, любовь... „Святая Русь", дѣйствительно-съ! заключилъ онъ, быстро смахивая рукавомъ сорочки слезу, нежданно набѣжавшую ему на глаза.

Гундуровъ пожалъ ему крѣпко руку, поднялъ со стола стаканъ жженки и чокнулся съ нимъ, а затѣмъ съ Духонинымъ...

И снова загорѣлся споръ... Предметомъ его теперь былъ Петръ и „Петербургскій періодъ русской исторіи", безъ чего не могло обойтись въ ту пору никакое подобнаго рода преніе. Кружокъ слушателей тѣснѣе пододвинулся къ нашимъ пріятелямъ. Примолкъ самъ „Сенька", опустился на стулъ и сталъ слушать, но сидѣвшій въ немъ дьяволъ гама и суеты поднялъ его съ мѣста черезъ пять минутъ и перекинулъ на другой конецъ стола, гдѣ Шнабельбергъ, съ умиленіемъ въ чертахъ, доказывалъ отставному Подозерину что еслибъ онъ остался во второй гвардейской батареѣ, онъ еще въ прошломъ году произведенъ былъ бы по линіи въ штабсъ-капитаны, а въ нынѣшнемъ, вслѣдствіе открывшихся неожиданно трехъ полковничьихъ вакансій, „снялъ бы звѣздочки съ рогожки эполетъ", то-есть попалъ бы въ капитаны.

— Ну, mon cher, захрипѣлъ Водоводовъ, относясь къ Анисьеву,—такія ужь тамъ умныя рѣчи ведутъ!..

— Кто это?

— А вотъ тамъ этотъ Гамлетъ, и другой вотъ съ нимъ... Д-да,—онъ вдругъ ни съ того ни съ сего, громчайшимъ образомъ вздохнулъ и принялся мрачно ерошить черные и лоснившіеся какъ смола волосы, росшіе густымъ лѣсомъ надъ его низколобымъ и узкоглазымъ татарскимъ лицомъ,—это не то что̀ наше лагерное воспитаніе!

Анисьевъ поморщился:

— О чемъ же это они?

— О Петрѣ Великомъ, mon cher, и такъ это, знаешь, à fond, какъ по книгѣ... Когда вдругъ этакъ невзначай натолкнешься на этихъ... университетскихъ, ученыхъ, тутъ и поймешь всю нашу пустоту, ничтожество, невѣжество наше, mon cher... Вѣдь что̀ мы всѣ, по правдѣ сказать?—онъ повелъ руками кругомъ,—de la chair à canon, больше ничего, mon cher...

— Parlez donc pour vous! досадливо тряхнувъ эполетомъ проговорилъ на это флигель-адъютантъ, подымаясь съ мѣста.— А интересно послушать...

И онъ направился въ сторону Гундурова.

Всѣ такъ были заняты преніемъ что и не замѣтили какъ онъ присѣлъ на стулъ подлѣ Пети Толбухина, медленно, глотокъ за глоткомъ, опоражнивавшаго свой стаканъ жженки, и все шире и шире улыбавшагося блаженною улыбкой, по мѣрѣ того какъ сладостная влага переливалась изъ этого стакана въ его горло.

Жженка производила свое дѣйствіе и не на одного его. Все звончѣе слышался въ столовой гулъ голосовъ и смѣха Свищовъ и Толя пили брудершафтъ съ артиллеристами подъ громкій аккомпаниментъ пѣсни „Наливай, братъ, наливай!“ Шнабельбергъ зычно чмокался съ Подозеринымъ и перекинувъ ему руку за плечо хлопалъ его широкою ладонью по спинѣ, приговаривая плачущимъ голосомъ: „Старый камрадъ, старый камрадъ!“ Вальковскій, съ самаго начала попойки забившійся въ уголъ съ пріятелемъ своимъ, режиссеромъ, декламировалъ ему стихи изъ *Бориса Годунова*, и Сенька Водоводовъ, очутившійся теперь подлѣ нихъ и успѣвшій уже откинуть въ сторону всякую заботу о своей дѣйствительной „пустотѣ и ничтожествѣ“, надрывался оглушительнымъ хохотомъ, глядя какъ „фанатикъ“, страшно выпучивая налитые кровью глаза и неистово стуча кулачищемъ своимъ по груди ревѣлъ какъ изъ бочки:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла...

Самый споръ пріятелей нашихъ принималъ болѣе возбужденный, болѣе нетерпѣливый оттѣнокъ. Чаще слышались въ голосахъ ихъ крикливыя ноты, чаще перебивали они себя и не давали другъ другу договаривать...

— Ну да, извольте, восклицалъ Духонинъ,—Кіевская Русь я согласенъ... когда Норманскіе конунги бились на моряхъ во славу Русскихъ князей, когда Гаральды, Кануты... когда Французскіе короли посылали за ними сватовъ въ городъ, гдѣ чуть ли не болѣе было школъ чѣмъ въ тогдашнемъ Парижѣ... А не ваши собиратели-кулаки, не ваши Московскіе ханы!..

— Безъ нихъ не было бы Россіи, возражалъ Гундуровъ,— не было бы единственно свободнаго, самостоятельнаго славянскаго государства! Вы объ этомъ какъ бы знать не хотите, для васъ русская исторія словно начинается съ минуты основанія Русскимъ царемъ нѣмецкаго города на болотахъ Ингерманландіи.

— Именно, именно, вы не ошиблись, съ той минуты когда этотъ царь, эта вѣнчанная сила генія спаиваетъ опять звенья цѣпи нашего общенія съ Европой, порваннаго четырьмя вѣками настоящей и московской татарщины...

— Какою цѣной, пылко молвилъ Гундуровъ,—какою цѣной? Измѣной землѣ, поруганіемъ народа, оторваннаго имъ отъ исконныхъ источниковъ его жизни... Онъ революціоннымъ путемъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева...

— Выраженіе, быть-можетъ, нѣсколько рискованное! послышался голосъ графа Анисьева.

— Чего-съ?..

И Духонинъ и Сергѣй одновременно обернулись на него, затѣмъ взглянули другъ на друга, и сочувственно усмѣхнулись... *Этотъ* голосъ разомъ мирилъ ихъ и прекращалъ ихъ разногласіе...

Блестящій флигель-адъютантъ улыбался въ свою очередь самымъ кроткимъ и любезнымъ образомъ, и слегка помаргивая глядѣлъ на нашихъ молодыхъ людей, растягивая во всю его длину свой изящный гвардейскій усъ.

— Извините, сказалъ ему Гундуровъ,—я не понялъ... Вамъ кажется, что-то изъ сказаннаго мною не понравилось... Что̀ именно?

— Ахъ, помилуйте, воскликнулъ Анисьевъ,—я былъ бы совершенно несчастливъ если бы вы такъ приняли слова мои.... Вашъ разговоръ касается предмета столь интереснаго для всѣхъ насъ... русскихъ людей, подчеркнулъ онъ,—и я позволилъ себѣ вмѣшаться въ него...

— Да, такъ что̀ же вы именно замѣтили?

— Маленькую неточность, если вы мнѣ дозволите такъ выразиться... Говоря о Петрѣ Великомъ вы сейчасъ употребили слово „революція“, не такъ ли? Не находите ли вы сами это выраженіе, вырвавшееся у васъ, безъ сомнѣнія, нехотя, въ пылу разговора, не совсѣмъ идущимъ къ дѣлу?

— Почему такъ? воскликнулъ Духонинъ.

— Les Robespierres дѣлаютъ *революціи*, но геніальный импе-

раторъ, каковъ былъ нашъ Великій Петръ, извлекшій свой народъ изъ тьмы невѣжества и, какъ вы прекрасно выразились, связавшій звенья нашей цѣпи съ Европой... Онъ произвелъ благодѣтельнѣйшую реформу, можно сказать, а не... а не „ре-во-люцію".

— Реформа совершенная путемъ насилія называется „ре-во-люціей", отвѣчалъ на это, подчеркивая въ свою очередь Гундуровъ.

— Сверху ли, или снизу совершается она, все равно, прибавилъ Духонинъ.

Флигель-адъютантъ сложилъ губы въ ту же кроткую, но уже съ оттѣнкомъ многозначительности улыбку:

— Все зависитъ отъ того что̀ мы будемъ разумѣть подъ „насиліемъ", промолвилъ онъ, подымая глаза на Гундурова.

Сергѣй взглянулъ въ эти моргавшіе, холодные и лживые лаза, и почувствовалъ вновь приливъ неодолимаго отвращенія къ этому человѣку:

— На это, проронилъ онъ,—сторонники Софьи Алексѣевны, стрѣльцы, старовѣры и окончательно закрѣпощенный Петромъ народъ Русскій могутъ послужить вамъ самымъ лучшимъ отвѣтомъ.

— Вы кажется большой поклонникъ русской старины, замѣтилъ на это съ изысканною учтивостью графъ Анисьевъ,—позвольте же вамъ замѣтить что Іоаннъ Грозный, напримѣръ, со своею опричиной гораздо более жестокостей дѣлалъ чѣмъ Петръ Первый, не имѣя и половины его генія...

— Табель о рангахъ почище опричины!

— Браво! вырвалось у Факирскаго, жадно слѣдившаго за разговоромъ.

— Это точно-съ! захихикалъ за нимъ и капитанъ Ранцевъ.

Анисьевъ поглядѣлъ на нихъ искоса съ тутъ же сдержанною досадой во взглядѣ:

— Позвольте, какое же отношеніе?..

— Есть-то, есть! И Духонинъ смѣясь утвердительно закачалъ головой.

— Такое отношеніе, счелъ нужнымъ пояснить Гундуровъ,— что то что̀ въ художнической * натурѣ Ивана было дѣломъ страсти, порывомъ страшнымъ, но временнымъ, исходитъ изъ холоднаго ума Петра въ формѣ совершенно ясно опредѣленной,

---

* Извѣстное воззрѣніе К. Аксакова на Грознаго.

безпощадной регламентаціи. Регламентація эта нараждаетъ касту, цѣлое сословіе людей оторванныхъ отъ земли, съ теченіемъ поколѣній все болѣе и болѣе становящихся чуждыми ей, до потери ими наконецъ уже всякаго пониманія, всякаго чутья народности. Создается положеніе безобразное, воскликнулъ Сергѣй (вся одіозность вынесенныхъ имъ изъ Петербурга впечатлѣній заговорила въ немъ въ этотъ мигъ съ новымъ, ноющимъ раздраженіемъ):—сверху, эти оторванные отъ почвы, играющіе въ европейство высшіе классы, съ вашимъ петербургскимъ чиновничествомъ всякихъ наименованій во главѣ, правящіе землей какъ съ луны, презирающіе ее за вѣрность ея своимъ исконнымъ преданіямъ; внизу—настоящій, крѣпкій отъ корня народъ, и за то самое подавленный, безгласный....

— Безправный, ввернулъ Духонинъ.

— Какія же это „права" желали бы вы ему предоставить? язвительно вырвалось на это у флигель-адъютанта.

— А самое простое, человѣческое право,—не состоять у насъ съ вами на положеніи вещи или скота, отвѣчалъ насмѣшливо московскій западникъ.

— Д-да-съ, протянулъ петербургскій дѣлецъ,—это конечно; желаніе весьма... человѣколюбивое, и вы мнѣ можете сказать что въ Европѣ давно... Но, къ сожалѣнію (онъ вздохнулъ), мы не Европа, и...

— И Русскій народъ долженъ вслѣдствіе этого остаться закрѣпощеннымъ на вѣки вѣковъ? вскрикнулъ весь покраснѣвъ отъ негодованія Гундуровъ.

— Я этого не говорю-съ; но позволяю себѣ думать что разсужденіе о такомъ серіозномъ предметѣ можно отложить до того времени когда мы будемъ... plus civilisés, договорилъ флигель-адъютантъ уже съ нѣсколько строгимъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ну, конечно, горячо зазвучалъ голосъ Сергѣя,—изъ-за чего намъ безпокоиться! Какое намъ дѣло до этихъ милліоновъ нашихъ братій по Христу и крови, какое дѣло что ихъ рабство позоритъ насъ еще болѣе чѣмъ ихъ, и что при этомъ рабствѣ ваше „просвѣщеніе" одинъ лишь звукъ ложный и пустой,—было бы только намъ хорошо, лишь бы на насъ лилась всякая земная благодать....

Онъ вдругъ сдержался, оборвалъ и отвернулся. „Не стóитъ!" сказалось въ его мысли...

Графъ Анисьевъ обѣжалъ быстрымъ взглядомъ окружающія его лица... На всѣхъ ихъ онъ прочелъ полное одобреніе и сочувствіе къ прослушаннымъ имъ сейчасъ рѣчамъ.

— Да онъ въ самомъ дѣлѣ преопасный, этотъ Гамлетъ изъ профессоришекъ! сказалъ онъ себѣ, хмурясь и закусывая кончикъ уса.

Онъ всталъ, выпрямляясь всѣмъ своимъ высокимъ, стройнымъ станомъ и глядя черезъ голову Гундурова:

— Вы мнѣ позволите уклониться отъ дальнѣйшаго разговора! выговорилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Духонинъ вскочилъ съ мѣста въ свою очередь, и отвѣсилъ ему учтиво ироническій поклонъ, причемъ не совсѣмъ удачно шаркнулъ слабо уже повиновавшимися ему ногами.

— Мы должны тѣмъ болѣе сожалѣть объ этомъ, сказалъ онъ,—что сами мы вызывать васъ на разговоръ съ нами никогда бы не осмѣлились.

Петя Толбухинъ, ничего уже не слышавшій, но видѣвшій предъ собою подгибающіяся поджарыя колѣнки шаркающаго Духонина, уронилъ голову на свои скрещенныя на спинкѣ стула руки, и залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ....

Блестящаго Петербуржца передернуло. Онъ повелъ кругомъ глазами съ невольнымъ смущеніемъ и какъ бы недоумѣвая какъ слѣдовало отнестись ему къ отвѣту этому, и къ этому смѣху....

Выручилъ Сенька Водоводовъ:

— Mon cher, mon cher, хрипѣлъ онъ уже съ трудомъ шевеля языкомъ, несясь къ Анисьеву,— умора!.. Пойдемъ, я тебѣ... покажу... Вотъ этотъ, вотъ (онъ тыкалъ рукой по направленію Вальковскаго, который, обнявъ пріятеля своего, режиссера, за шею, рыдалъ навзрыдъ, икалъ и причитывалъ: „да, сорокъ тысячъ братьевъ тебя любить не могутъ такъ какъ я!“) Готовъ, mon cher! Совсѣмъ... готовъ! Пойдемъ, я тебѣ....

— Пойдемъ спать, давно пора! громко вымолвилъ флигель-адъютантъ, отстраняя его рукой, и твердою поступью перекинувшись по пути нѣсколькими словами со Шнабельбергомъ и Подозеринымъ, вышелъ изъ столовой.

Шнабельбергъ, за которымъ поднялись и всѣ его артиллеристы, потянулъ за нимъ... Московскіе господа исчезли тоже... Зала стала пустѣть...

— Да развѣ все, что̀ ли? завылъ вдругъ Сенька, кидаясь

къ кострюлѣ въ которой варилась жженка и погружаясь въ нее глазами.

— Все, все, отвѣчалъ ему Подозеринъ, тыкаясь туда же своимъ стерляжьимъ носомъ,—все, до капли... вызюзили... А ты пріѣзжай обѣдать... къ Шна... къ Шнабельбергу... въ городъ... Анисьева провожаютъ. Можно будетъ у... устроить опять... и бан... чашку...

— Mon cher, mon cher... что жь онъ мнѣ, Нѣмчура проклятая, ничего... не сказалъ? Ѣду... сейчасъ... сейчасъ... За нимъ...

И цѣпляясь за стулья и столы онъ побѣжалъ къ дверямъ...

— И меня возьми, и меня! крикнулъ ему вслѣдъ Свищовъ, вскакивая изъ-за стола, у котораго сидѣли они съ Толей Карнауховымъ.

— И я, слабо пискнулъ за нимъ студентъ, у котораго голова совсѣмъ уже моталась на плечахъ.

— А ты спи, телецъ! захохоталъ Свищовъ, толкая его ладонью въ затылокъ.

Толя упалъ носомъ на столъ, и тутъ же заснулъ сномъ младенца.

— „Любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы“, читалъ нараспѣвъ тѣмъ временемъ Духонинъ, подражая голосу актера Ольгина, игравшаго въ ту пору роль Скалозуба на Московской сценѣ.—А вѣдь хорошъ, Гундуровъ, а? хорошъ? захихикалъ онъ, подмигивая по направленію двери за которою исчезъ флигель-адъютантъ.

Гундуровъ разсѣянно повелъ плечомъ: его мысли были уже далеко отъ предмета о которомъ онъ сейчасъ такъ горячо спорилъ...

— А скажите пожалуста, спросилъ онъ вспомнивъ вдругъ и озираясь,—что это Ашанина не видно, куда онъ дѣлся?

— А у него страшно голова разболѣлась, отозвался капитанъ Ранцевъ,—мы съ нимъ тутъ вмѣстѣ ужинали, ничего даже ѣсть не могъ; какъ встали, онъ спать ушелъ... Ольга Елпидифоровна Акулина, примолвилъ онъ съ засіявшимъ лицомъ,—„суркомъ“ его даже прозвали, потому онъ говорилъ что всѣ болѣзни у него сномъ проходятъ...

— Господа, заголосилъ вдругъ Духонинъ, подымаясь и тутъ же падая опять на стулъ,—мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу...

— Погибъ на полѣ чести! расхохотался Чижевскій, помогая ему приподняться опять.—Отведите его zu Haus, Гундуровъ, а мы съ капитаномъ остальныхъ убитыхъ приберемъ...

— Ничего-съ, отличнѣйшіе дебаты сегодня были! заключилъ Факирскій, подхватывая Духонина подъ другую руку...

Былъ шестой часъ утра; все въ домѣ уже спало мертвымъ сномъ... Только во флигелѣ, гдѣ помѣщался театръ, въ полутемномъ коррпдорѣ, въ концѣ котораго подымалась узенькая лѣстница въ верхній этажъ, слышался шепотъ двухъ молодыхъ голосовъ:

— Еще одинъ... послѣдній... на прощанье...

— Милый, довольно, пусти... Боже мой, что ты сдѣлалъ со мной! И я, безумная...

— О, прости, прости! Ты такъ хороша, я... Ты сердишься?

— Нѣтъ, не знаю, я... счастлива. Но ты помнишь, ты обѣщалъ... Ты сдержишь?.. Не ищи, не соблазняй опять!.. Милый, да? Никогда, никогда больше?..

— Обѣщалъ... сдержу!.. А ты, ты меня забудешь?..

— „Тебя ль забыть", * изнемогающими отъ нѣги звуками прозвенѣли у самаго уха счастливца очаровательныя ноты груднаго контральто, и горячій, послѣдній поцѣлуй ожегъ его губы.

— Ольга, божество мое!..

Онъ охватилъ ея упругій, трепетавшій сквозь легкія ткани подъ его рукой станъ... Но она вырвалась изъ его объятія,— и легкій шумъ ея торопливыхъ шаговъ замолкъ чрезъ мигъ на поворотѣ лѣстницы...

---

* Извѣстный цыганскій романсъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

LXXVI.

На цѣлый часъ позднѣе обыкновеннаго проснулась на другой день аккуратная княгиня Аглая Константиновна, и послѣ обычныхъ омовеній, облекшись въ широкій утренній пеньюаръ, усѣлась причесываться къ зеркалу, и потребовала къ себѣ Витторіо со счетами. Италіянецъ явился съ вытянутымъ и строгимъ лицомъ, заранѣе предчувствуя бурю и готовясь къ ней.... Дѣйствительно, княгиня такъ и ахнула взглянувъ на цифру поданнаго имъ расхода за минувшій день: на одинъ столъ съ винами истрачено было болѣе полуторы тысячи рублей, одного шампанскаго выпито до ста бутылокъ....

— A la campagne! воскликнула Аглая, ужасаясь почему-то что въ деревнѣ можно было пить столько же сколько въ городѣ,—il n'y a que les Russes capables de ça!

Прибавляя къ этому издержки на театръ, освѣщеніе и иные второстепенные расходы вчерашній день обходился ей въ четыре тысячи рублей слишкомъ.

— Seize mille francs! перевела она себѣ громко по-французски, воззрясь укорительно на безмолвно стоявшаго предъ нею Витторіо,—c'est effrayant!

— Tout est cher dans ce pays, проговорилъ съ достоинствомъ мажордомъ приподнимая плечи.

Началось слишкомъ знакомое ему и надоѣвшее ему до смерти кропотливое, сопровождаемое всякими взвизгиваніями и придирками перебираніе княгинею каждой копѣйки его счетовъ, кончавшееся обыкновенно тѣмъ что выведенный изъ терпѣнія Италіянецъ объявлялъ ей что „если madame la princesse сомнѣвается въ его безкорыстіи и усердіи, онъ съ своей стороны готовъ сегодня же отойти отъ нея", а madame la princesse, испугавшись этой угрозы, принималась улыбаться и томно упрекать его за его „mauvais caractère", послѣ чего брала перо и, съ неизмѣннымъ вздохомъ, подписывала ордеръ о полученіи имъ уплаты по счетамъ изъ ея конторы.

То же произошло и теперь, съ тою только разницей что въ виду значительности суммы княгиня вздохнула такъ какъ будто вздохъ этотъ исходилъ уже не изъ груди, а изъ самаго желудка ея, и молча, забывъ упрекнуть Витторіо въ его „дурномъ характерѣ“, подписала его счеты и меню повара, и отпустила величественнымъ мановеніемъ руки.

Затѣмъ, оставшись одна со своими горничными, Аглая Константиновна, поводя мелкимъ гребнемъ по своимъ густымъ „en arc de Cupidon“ бровямъ, стала разсуждать что день рожденія Лины обошелся ей такъ дорого, что она затѣяла этотъ театръ и танцы изъ-за того только чтобъ имѣть предлогъ пригласить въ Сицкое „ce jeune comte,“ который такъ неожиданно вчера за ужиномъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ.... При этомъ воспоминаніи черепаховый гребешокъ тревожнѣе замахалъ по „arc de Cupidon“ Аглаиныхъ бровей; ее ужасала вся та экстраобычная умственная работа которая ожидала ее въ этотъ день... Ей предстояло непремѣнно объясниться съ нимъ, „lui expliquer tout cela“... Но, къ несчастію, она до сихъ поръ никакъ не могла составить себѣ понятіе что̀ именно это „cela“, которое должна она объяснить ему, а потому перешла къ соображенію о томъ, почему Лина не танцовала съ нимъ мазурки вчера и что можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть чтобъ этотъ „jeune comte, un si beau parti“, ей не нравился?... „Il faut aller au fond des choses“, съ нѣкоторою мрачностью говорила себѣ наша княгиня, предвидя что для этого надо поговорить серіозно съ дочерью,— чего она изъ какой-то инстинктивной боязни избѣгала всегда когда могла это сдѣлать... Внезапная мысль осѣнила вдругъ многодумную голову ея:

— Прежде всего надо спросить Ольгу. C'est une fine mouche, она навѣрное все знаетъ!...

И обратившись къ первой камеристкѣ своей „Lucrèce“, закалывавшей ей косу шпильками:

— Сходи сейчасъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ и попроси ихъ ко мнѣ! сказала она.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ что „Ольга Елпидифоровна еще почиваютъ и не велѣли себя будить къ первому завтраку, потому очень устали отъ танцевъ и должны играть на театрѣ сегодня вечеромъ,—а въ *будуваръ* Надежда Ѳедоровна и спрашиваютъ, могутъ ли видѣть ваше сіятельство?“

Княгиня слегка нахмурилась:

— Первый завтракъ я велѣла сервировать сегодня въ двѣнадцать часовъ; могла бы, кажется, подняться къ этому времени... А Надеждѣ Ѳедоровнѣ скажи чтобы подождала,—я выйду, примолвила Аглая, допускавшая не всѣхъ къ тайнамъ своего туалета.—А мои шлейфы и прочее что̀ я давала имъ двумъ надѣвать вчера для театра получила ты въ цѣлости?

— Въ аккуратѣ, ваше сіятельство... И отъ Евгенія Владиміровича Зяблина брилліанты и все прочее сейчасъ все принесли по счету.

— Ну, у этого не пропадетъ ничего... И стоявшее предъ нею зеркало отразило не то счастливую, не то смущенную улыбку, заигравшую при этомъ имени на крупныхъ губахъ Аглаи.

— Первѣющій баринъ насчетъ всего-съ, прошептала на это, даже прижмурившись отъ избытка чувства, насквозь видѣвшая свою барыню, невысокая, съ плутовскимъ выраженіемъ курносаго, недурнаго лица и непомѣрно развитою грудью, прожженная что̀ говорится „Lucrèce“...

— Что̀ вамъ, ma chère? спросила затѣмъ, окончивъ свой туалетъ и входя въ будуаръ, княгиня ожидавшую ее тамъ Надежду Ѳедоровну.—Ah, mon Dieu, что̀ съ вами, вы больны? вскрикнула она даже, внезапно пораженная восковымъ цвѣтомъ губъ, желтизною лица и опухшими вѣками стоявшей предъ нею особы.

— Я двѣ ночи не спала и... извините, princesse... не могу стоять, разбитымъ голосомъ проговорила дѣвица Травкина, безсильно падая въ кресло, съ котораго только что встала поклониться княгинѣ.

— Ah, mon Dieu, вы совсѣмъ, совсѣмъ больны, испуганно возгласила та,—надо скорѣй за докторомъ... Велите сейчасъ, je vous prie, запречь старую маленькую коляску, и послать за нимъ въ городъ. Ему надо непремѣнно посмотрѣть васъ. Vous avez peut-être quelque maladie contagieuse!... И она всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ подалась назадъ, какъ бы собираясь бѣжать...

— Не тревожьтесь, княгиня, съ горько-ироническою улыбкой возразила Надежда Ѳедоровна,—болѣзнь моя не заразитъ никого изъ счастливыхъ вашего дома... Я не тѣломъ, а душой больна, добавила она чуть слышно;—за докторомъ посылать безполезно, но я была бы вамъ очень благодарна еслибы вы мнѣ позволили велѣть запречь коляску... или какой вамъ угодно экипажъ, для меня собственно...

— Для васъ? Вы хотите ѣхать? Куда?

— До ближайшаго мѣста, гдѣ я могла бы взять почтовыхъ или нанять лошадей въ Москву...

— Въ Москву? Mon Dieu, mais pourquoi? ошеломленно спрашивала Аглая Константиновна.

Компаніонка приложила руку ко груди, вздохнула, низко опустила голову, и вскинувъ ее чрезъ мигъ опять вверхъ, взглянула прямо въ глаза княгини, какъ бы желая не упустить ничего изъ того впечатлѣнія какое должны были произвести ея слова:

— Я пришла проститься съ вами, княгиня... проститься навсегда, повторила она подчеркивая.

— Проститься! Vous nous quittez?

— Да, я не могу... я должна, я обязана! торопливо повторяла дѣвица Травкина, какъ бы заранѣе протестуя противу всякаго уговариванія ея остаться.

— Я не понимаю ce que vous entendez par là ma chère Надежда Өедоровна, промолвила, надувъ губы княгиня—j'ai toujours été très polie съ вами, жалованье ваше вы получали даже всегда впередъ, et deux fois l'an de très beaux cadeaux toujours...

— Я вамъ очень благодарна, очень благодарна вамъ и всѣмъ вашимъ, прервала ее та,—и повѣрьте что рѣшеніе мое оставить васъ нисколько не происходитъ отъ того чтобы мнѣ было дурно здѣсь... Мнѣ многое здѣсь дорого было,—искреннее чувство зазвучало рыданіемъ въ голосѣ бѣдной дѣвы,—я любила Лину какъ сестру... и никогда, никогда ее не забуду... А ваши подарки, какъ бы припомнила она съ новымъ взрывомъ горечи,—я ихъ оставлю, раздамъ въ вашемъ же домѣ... Тамъ, куда я иду, тамъ этого ничего не нужно...

— Не нужно? Княгиня даже вспыхнула вся.—Вы надѣетесь что вамъ будутъ давать тамъ больше чѣмъ я, et que vous pouvez faire fi de mes cadeaux?..

Надежда Өедоровна не то печально, не то презрительно пожала плечами:

— Богъ дастъ то чего не въ состояніи дать никто изъ живущихъ, проговорила она, подымая съ нѣкоторою театральностью глаза въ потолокъ:—Онъ даетъ страждущей душѣ успокоеніе и миръ... Я иду въ монастырь, княгиня! заключила она какъ бы черезъ силу...

Круглые зрачки Аглаи Константиновны непомѣрно расширились:

— Въ монастырь! повторила она;—vous voulez entrer au couvent?..

Надежда Ѳедоровна молча повела головой сверху внизъ.

Та поглядѣла на нее, поглядѣла и вдругъ сообразила:

— C'est encore ce Hamlet, je suis sûre, который посылаетъ всѣхъ въ монастырь! воскликнула она всплеснувъ руками;—Надежда Ѳедоровна, ma chère, я васъ считала всегда такою умною... Я даже не понимаю какъ слова d'un personnage какой-нибудь драмы,—des conseils très bêtes qu'il donne, я нахожу, quoique la pièce soit de Shakespeare, какъ это можетъ сводить васъ съ ума и заставляетъ дѣлать une bêtise comme cela!..

Какъ ни была мало расположена къ веселости Надежда Ѳедоровна, но эта комическая рѣчь вызвала невольно усмѣшку на ея поблеклыя губы.

— Гамлетъ никакого вліянія на меня не имѣлъ, княгиня, тихо промолвила она, тономъ горестной шутки,—въ немъ нѣтъ той любви которая заставляетъ принимать тѣ или другія слова человѣка на вѣру.

— Ah, mon Dieu, пронеслось теперь въ головѣ Аглаи новое умозаключеніе,—elle est amoureuse de ce monsieur Goundouroff!.. Она воззрилась участливыми глазами на сидѣвшую предъ ней перезрѣлую дѣвицу и заговорила тѣмъ мягкимъ, увѣщевательнымъ голосомъ какимъ говорятъ съ больными или съ дѣтьми:

— Mais aussi ma chère Надежда Ѳедоровна, зачѣмъ же требовать невозможнаго?... Il faut être raisonnable! Вы хотите чтобы человѣкъ васъ любилъ. Mais songez donc, онъ гораздо моложе васъ et puis malheureusement у васъ гроша нѣтъ, ma chère...

Болѣзненнымъ, лихорадочнымъ румянцемъ покрылось все лицо бѣдной дѣвы. „Это объ Ашанинѣ; княгиня все знаетъ, Ольга передала ей все!“ поняла она...

Она поднялась на ноги:

— Пощадите меня, княгиня!... Упреки ваши безполезны... Я покидаю вашъ домъ!...

— Mais ma chère, я васъ ни въ чемъ не упрекаю! растерянно возразила Аглая,—les sentiments sont permis à tout le monde... Если вы желаете впрочемъ непремѣнно оставить меня,

перебила себя она, принимая снова обиженный видъ,—я васъ не могу удерживать насильно. Я только надѣюсь что вы останетесь пока я найду кого-нибудь замѣнить васъ?

— Ни одного дня, ни одного часа долѣе! пылко вскрикнула Надежда Θедоровна;—если вамъ не угодно будетъ приказать дать мнѣ сейчасъ лошадей, я пѣшкомъ убѣгу отсюда...

И шатаясь, невѣрными, но быстрыми шагами она вышла изъ будуара... Добравшись до лѣстницы она отъ изнеможенія должна была присѣсть на ступеньку:

— Смиренія, Господи, о смиреніи молю Тебя, Отецъ небесный! прошептала она, сознавая что этого „смиренія“, которое такъ красиво рисовалось предъ нею предъ входомъ въ будуаръ княгини, не хватило у нея на все теченіе предыдущаго разговора, и чувствуя вслѣдствіе того смертельную охоту заплакать... Но слезы не пришли на этотъ разъ:—она словно всѣ ихъ выплакала за эти два дня... Она встала и тяжело опираясь рукой на перила поднялась въ верхній этажъ. Она шла къ Линѣ—прощаться...

— L'amour lui a complétement tourné la cervelle! разсудила княгиня, проводивъ глазами бѣдное созданіе, уходившее во мракъ кельи отъ жизни отъ которой ждала она дѣйствительно только „невозможнаго“ романа...—Mais quelle indélicatesse! сказала себѣ затѣмъ Аглая,—оставить меня такъ, вдругъ, когда у меня еще никого нѣтъ въ виду на ея мѣсто... Надо будетъ сказать Ольгѣ чтобъ она теперь разливала чай et tout le reste... Но эта Ольга est une dormeuse et une étourdie, она никогда не будетъ такъ аккуратна... Только что встала я сегодня и уже двѣ такія непріятности: ce gros compte de Vittorio и вотъ это опять...

И Аглая Константиновна раздумчиво сжавъ брови закачала своею жирною, лоснившеюся головой... Несчастная, она и не догадывалась что это все были одни цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками которыя ожидали ее въ этотъ день...

На низенькомъ столѣ у низенькаго дивана, обычнаго мѣста ея сидѣнья, вошедшій съ подносомъ личный камердинеръ ея сіятельства, имѣвшій одинъ изъ слугъ право проникать въ святилище ея внутреннихъ аппартаментовъ, уставлялъ въ это время чайный приборъ со всѣми его принадлежностями. Княгиня машинально повела взглядомъ въ эту сторону—и набѣжавшія морщины на половину сгладились съ ея чела. Этотъ объемистый, круглый, сверкающій своею серебряною

гладью tea kettle *, съ весело пылавшимъ надъ нимъ въ конфоркѣ спиртовымъ огнемъ вызвалъ въ ней мысль о Зяблинѣ съ которымъ неизмѣнно пила она чай въ эти часы.

— Il n'est pas encore là, подумала она, и только-что собралась приказать камердинеру „сходить за Евгеніемъ Владиміровичемъ“ какъ дверь изъ будуара въ „ситцевый кабинетъ“ полуотворилась и кто-то выглянулъ изъ-за нея...

— Entrez, entrez! громко возгласила княгиня.

— Можно? спросилъ чей-то голосъ,—но это не былъ голосъ Зяблина.

Княгиня прищурилась—и привстала...

LXXVII.

Вошла Софья Ивановна Переверзина.

Легкая досада, а еще болѣе удивленіе сказались въ первую минуту на лицѣ Аглаи Константиновны. Но она тотчасъ же приняла радостно-любезный видъ и пошла на встрѣчу своей гостьѣ.

— Chère madame, какъ я рада васъ видѣть! Vous venez prendre le thé avec moi, n'est-ce pas?

— Я сейчасъ пила у себя, благодарю васъ, молвила въ отвѣтъ Софья Ивановна. Она была блѣдна и руки ея были холодны...

— J'espére que vous allez bien? замѣтивъ это, подавая ей руку, спросила тономъ участія и безпокойства хозяйка.

— Я здорова, спасибо вамъ!... Извините что обезпокоила васъ такъ рано, но я... мнѣ необходимо было видѣть васъ, выговорила съ видимымъ усиліемъ надъ собою госпожа Переверзина.

— Mais asseyez vous donc, chère madame, приглашала ее княгиня, усаживаясь сама за чайный столикъ;—мы, кажется, съ вами только однѣ въ домѣ на ногахъ въ этотъ часъ. Уже девять скоро, а всѣ, les dames et les messieurs, послѣ нашихъ вчерашнихъ удовольствій все еще въ постеляхъ. Nest-ce pas que cela a bien reussi hier... Les messieurs ont fait une жженка après souper... Вы впрочемъ ушли къ себѣ сейчасъ послѣ спектакля,—я такъ жалѣла! Le bal a été vraiment charmant. И графиня Воротынцева такъ рано уѣхала... Quelle femme charmante, n'est-ce pas?

* Чайный котелъ.

— Очень мила, коротко подтвердила Софья Ивановна.

— La bonne femme a décidément oublié son français, сказала себѣ Аглая, видя что ея гостья настойчиво отвѣчала русскою рѣчью на ея французскую болтовню.

Тѣмъ изумленнѣе была она, когда въ это же время гостья эта, взглянувъ на стоявшаго въ ожиданіи приказаній въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ нихъ слуги, обратилась къ ней на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ со слѣдующими неожиданными словами:

— Я пришла, княгиня, переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, а потому буду просить васъ подарить мнѣ полчаса бесѣды *наединѣ*, подчеркнула она.— Я была бы вамъ очень благодарна еслибы на это время вы дали приказаніе чтобы намъ никто не помѣшалъ.

— C'est donc bien sérieux? съ нѣкоторымъ испугомъ спросила Аглая.

— Въ противномъ случаѣ я бы васъ не побезпокоила, отвѣтила гостья.

Хозяйка со вздохомъ обратилась къ камердинеру:

— Ты можешь идти, Ѳиногенъ, и пока я не позвоню, никого сюда не принимать!...

— Слушаю-съ, почтительно склонивъ голову проговорилъ слуга, двинулся нерѣшительнымъ шагомъ по направленію двери и не доходя до нея обернулся, въ видимомъ намѣреніи сдѣлать какой-то вопросъ.

Аглая поняла:

— Никого! повторила она, торопливо махнувъ ему рукой и слегка краснѣя... Ей показалось почему-то неудобнымъ чтобы предъ Софьею Ивановной произнесено было теперь имя Зяблина.

Онѣ остались вдвоемъ.

— Eh bien, chère madame? начала первая хозяйка, прерывая наставшее молчаніе.

Софьѣ Ивановнѣ очевидно было трудно приступить къ разговору... Она медленно вытащила табатерку изъ-подъ своей шведской перчатки и дрожащими пальцами, ущипнула въ ней щепоть...

— Я пришла переговорить съ вами о моемъ племянникѣ, выговорила она внезапно съ рѣшимостью человѣка кидающагося въ студеную воду, выпуская табакъ изъ этихъ пальцевъ и судорожно захлопывая крышку табатерки.

Ah, mon Dieu, c'est pour ce sot amour de Надежда Θедоровна, sans doute! тотчасъ же сообразила многодумная Аглая Константиновна. И принявъ игривый видъ:

— Она только что предъ вами ушла отъ меня, прошептала она, подмигивая и нагибаясь черезъ столъ къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Кто, княжна? недоумѣло воскликнула та.

— Ma fille? не менѣе недоумѣло воскликнула и Аглая.— Mais non, я говорю о Надеждѣ Θедоровнѣ, ma demoiselle de compagnie, вы ее знаете...

— Что же общаго между вашею компаніонкой и моимъ племянникомъ? недовольнымъ тономъ быстро проговорила госпожа Переверзина.

— Vous ne savez pas? Она совсѣмъ съ ума сошла, cette pauvre Надежда Θедоровна... Сейчасъ пришла мнѣ сказать qu'elle me quitte и идетъ въ монастырь, и когда я ее спросила, что заставляетъ ее faire cette bêtise, она мнѣ отвѣчала что le prince Hamlet никогда ее не любилъ... Вы понимаете, c'était monsieur Serge qui jouait le rôle...

— Княгиня, прервала ее Софья Ивановна,—все это похоже на дурную шутку, и если компаніонка ваша дѣйствительно говорила вамъ то что вы мнѣ передаете, она въ самомъ дѣлѣ сумашедшая... или ужь черезчуръ лукава, примолвила тетка Сергѣя, вспоминая разговоръ свой съ Ашаниным о его жертвѣ.—Во всякомъ случаѣ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, что племянникъ мой здѣсь ни при чемъ...

— Ah, mon Dieu, je sais bien что тутъ ничего не можетъ быть закивала Аглая,—она его гораздо старше, et puis elle n'a pas le sou, la malheureuse.

Какъ ни хотѣлось Софьѣ Ивановнѣ приступить скорѣе къ „дѣлу", она сочла нужнымъ возразить противъ этой послѣдней фразы.

— Я позволю себѣ замѣтить вамъ, княгиня, что соображеніе о деньгахъ не существуетъ для моего племянника; онъ въ нихъ, вопервыхъ, не нуждается, а вовторыхъ...

Она оборвала вдругъ, поглядѣла на княгиню, погрузила еще разъ пальцы въ табатерку и еще разъ выпустивъ изъ нихъ табакъ:

— Я пришла вамъ сказать, быстро проговорила она—что онъ... что Сергѣй любитъ вашу дочь...

— Votre neveu? Il aime Lina, ma fille! съ ужасомъ пролепетала Аглая, отчаянно хлопая глазами.

— Да, и я имѣю честь просить у васъ руки ея для него, заключила Софья Ивановна торопливо и рѣшительно, какъ бы говоря себѣ: перчатка брошена, а теперь посмотримъ!...

Аглая Константиновна поражена была до того что долго не могла собраться съ мыслями. Она уперлась глазами въ лицо своей собесѣдницы съ такимъ выраженіемъ будто старалась допытаться въ немъ, не въ шутку ли было сказано то что̀ дано ей было сейчасъ услышать.... И вдругъ, къ немалому изумленію Софьи Ивановны, поднесла платокъ къ собственному лицу, и громко всхлипнула:

— Madame Pereverzine, тономъ глубокой обиды промолвила она,—j'ai été toujours si polie envers vous, что̀ я вамъ сдѣлала pour que vous m'offensiez comme cela?

Софья Ивановна такъ и привскочила:

— Я оскорбляю васъ? Предложеніе мое вы принимаете за оскорбленіе!.. Не потрудитесь ли вы объяснить мнѣ что̀ вы понимаете подъ этимъ, княгиня? добавила она спокойнѣе, сдерживаясь на сколько позволялъ ей только ея пылкій характеръ, между тѣмъ какъ багровыя пятна, обычные признаки внутренняго волненія въ ней, выступали на ея лицѣ.

— Вы должны сами знать, madame Pereverzine, отвѣчала Аглая тѣмъ же плачущимъ голосомъ,—что дочь моя, une princesse Schastounof, которой я даю пятьсотъ тысячъ—deux millions de francs, перевела она сквозь слезы, — въ приданое, кромѣ ея законной части въ имѣніи отца, что такая невѣста peut faire un parti plus beau чѣмъ выходить за monsieur Гундурова.

— Этотъ „monsieur Гундуровъ", обидчиво въ свою очередь воскликнула теперь его тетка,—ведетъ свой родъ отъ того же корня что̀ и князья Шастуновы и не уступаетъ слѣдовательно дочери вашей по рожденію. Что же касается ея богатства, то я уже вамъ сказала что Сергѣй равнодушенъ къ деньгамъ и повѣрьте что и онъ и я мы были бы счастливы еслибъ онъ могъ получить княжну Лину безо всякаго приданаго.

Княгиня иронически усмѣхнулась на это заявленіе и многозначительно затѣмъ повела головой:

— Permettez, chère madame Pereverzine, замѣтить вамъ что ma fille и monsieur Гундуровъ совсѣмъ не одно и то же. Elle est titrée et lui est un *simple* (она хотѣла сказать *простой*, то-

есть не титулованный дворянинъ; несмотря на свой неизмѣнный французскій языкъ у нашей княгини прорывались иной разъ такіе невѣроятные руссизмы)... Et puis у него нѣтъ никакого position dans le monde.... Потому что вы понимаете, chère madame, фыркнула она уже совсѣмъ высокомѣрно,—что я никогда не позволю чтобы дочь моя, la princesse Lina, сдѣлалась какою-нибудь Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!..

„Я всего этого ожидала, и потому сердиться было бы смѣшно, тѣмъ болѣе что ужь очень она забавна въ своей глупости", молвила себѣ между тѣмъ Софья Ивановна, глядя на окончательно расходившуюся Аглою и смиряя такимъ разсужденіемъ клокотавшее въ ней самой чувство негодованія противъ этой агрессивной, оскорблявшей ее глупости... И громко:

— Все это очень можетъ быть, Аглая Константиновна, выговорила она это имя и отчество съ такимъ оттѣнкомъ интонаціи что та ёрзнула на своемъ диванѣ, словно уколотая вылѣзшею оттуда булавкой,—но мы съ вами дожили до того вѣка когда рѣшать судьбу дѣтей безъ ихъ спроса родителямъ уже не приходится.... Увѣрены ли вы что княжна Елена Михайловна раздѣляетъ ваше презрительное мнѣніе о профессорскомъ званіи?

— О, съ этой стороны я совершенно спокойна, вскликнула раздувъ ноздри княгиня,—Lina se sent trop bien née pour descendre à une mésalliance!...

Софья Ивановна помолчала.... То что̀ приходилось ей сказать сейчасъ должно было, она знала, отозваться для княжны Лины, которая такъ дорога была ей, цѣлымъ рядомъ мучительныхъ дней борьбы, оскорбленій, слезъ.... Ея губы внезапно побѣлѣли и дрогнули.

— Вы повидимому, княгиня, не совсѣмъ точно знакомы съ понятіями и желаніями вашей дочери, сказала она съ невеселою усмѣшкой:—я должна вамъ сказать что я съ дозволенія княжны Елены Михайловны прошу у васъ ея руки для племянника моего Сергѣя Михайловича Гундурова....

Аглая и перепугалась и разгнѣвалась въ одно и то же время:

— Mais c'est affreux что̀ вы мнѣ говорите!... Je n'aurais jamais crû cela de vous, madame Pereverzine! чуть не кричала она, вся красная....—Потому что я позволила моей дочери играть на сценѣ съ вашимъ племянникомъ il s'est imaginé,

и вы тоже, какъ я вижу, qu'il pouvait prétendre à sa main.... Вы воспользовались неопытностью,—de l'inexpérience et de la trop grande bonté de ma pauvre enfant, всплакнула она еще разъ при этомъ, чтобы выманить у нея какое-то согласіе....

— Княгиня, довольно! остановила ее Софья Ивановна, сама вся дрожа отъ сдержаннаго гнѣва;—вы забываете что вы у себя и что я ваша гостья.... Оправдываться я предъ вами не стану,—вы бы не поняли меня, полагаю, проронила она съ вырвавшимся у нея помимо воли оттѣнкомъ презрѣнія,—а способна ли я „выманивать" и пользоваться чьею-либо „неопытностью" можетъ вамъ сказать beau-frère вашъ, князь Ларіонъ Васильевичъ, къ которому я и пойду сейчасъ переговорить окончательно объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ дальнѣйшій разговоръ съ вами, княгиня, былъ бы, я вижу, по меньшей мѣрѣ безполезенъ, докончила тетка Гундурова, вставая съ мѣста и, поклонившись хозяйкѣ, направилась къ двери.

Та вдругъ струхнула.... Тонъ Софьи Ивановны, переписка ея „avec feu l'Impératrice mère," вчерашняя крайняя любезность съ нею графини Воротынцевой, и наконецъ перспектива „d'une scène affreuse avec Larion" изъ-за нея,—все это разомъ нагрянуло въ многодумную голову нашей княгини и поразило ее нѣкіимъ ужасомъ.... Она кинулась за своею гостьей:

— Mais ma chère madame Pereverzine, pourquoi est ce que vous vous fâchez? Я ничего обиднаго для васъ и вашего племянника не думала сказать.... Je vous respecte beaucoup tous les deux, но у меня для Лины совсѣмъ другая партія en vue....

Софья Ивановна остановилась:

— Я это знала, сказала она,—и если, несмотря на это, я пришла говорить съ вами сегодня, то это потому что мнѣ также извѣстно какъ смотритъ Елена Михайловна на эту „партію", которую вы „имѣете для нея въ виду".

Аглая Константиновна надулась вдругъ опять:

— Я вижу что ma fille vous dit tout et à moi rien! вскликнула она съ упрекомъ и досадой.

— А вы съ ней говорили объ этомъ? спросила просто Софья Ивановна.

Княгиня наша опѣшила и не найдя отвѣта захлопала растерянно глазами.

Госпожа Переверзина еще разъ поклонилась ей, и вышла изъ комнаты.

Княгиня тяжело и усиленно дыша опустилась снова на

диванъ и, захвативъ съ близь стоявшаго столика въ одну руку вѣеръ, а въ другую колокольчикъ, принялась одновременно и съ равною долей энергіи опахиваться и звонить:

— Спроси у Lucrèce, приказала она вбѣжавшему камердинеру,—мои капли для нервовъ, и попроси сейчасъ сюда Евгенія Владиміровича!...

LXXVIII.

Князь Ларіонъ только что вернулся со своей обычной утренней прогулки, когда Софья Ивановна вошла въ его кабинетъ.

Онъ увидалъ ее изъ глубины покоя и пошелъ ей учтиво навстрѣчу.

— Вы вѣроятно удивляетесь моему визиту? сказала она ему съ насилованною улыбкой.

— Очень радъ ему во всякомъ случаѣ, съ холодною любезностью промолвилъ онъ, провожая ее къ креслу у своего письменнаго стола.

Софья Ивановна опустилась въ него... Онъ сѣлъ насупротивъ.

Она была „на полномъ ходу", какъ выражала она сама возбужденное состояніе своего духа въ рѣшительныя минуты жизни, и начала прямо:

— Я сейчасъ отъ Аглаи Константиновны...

— Отъ умной женщины, протянулъ князь въ видѣ вводнаго предложенія, глядя на свои ногти.

— Умъ—Богъ съ нимъ! А вотъ побольше сердца можно было бы, дѣйствительно, кажется, ей пожелать, не могла не сказать на это Софья Ивановна.

Князь Ларіонъ чуть-чуть шевельнулъ плечьми, поднялъ на нее на мигъ свои словно какъ бы отяжелѣвшія вѣки и снова сталъ глядѣть на свои пальцы.

— Я была у нея просить руки княжны Елены Михайловны для моего племянника, отчетливо выговорила вслѣдъ за тѣмъ его собесѣдница.

— А! пропустилъ онъ только на это сквозь зубы, не пере-

мѣняя положенія,—но все тѣло его, показалось ей, дрогнуло за этимъ восклицаніемъ.—И она... началъ онъ вопросительно— и не договорилъ.

— Отказала мнѣ, досказала Софья Ивановна,—и при этомъ разгнѣвалась до слезъ, и до того что позволила себѣ упрекнуть меня будто бы я „воспользовалась неопытностью и добрымъ сердцемъ“ княжны чтобы „выманить“ у нея согласіе на это предложеніе... Я сказала ей на это что попрошу васъ, человѣка знающаго меня издавна, объяснить ей, способна ли я на что-нибудь подобное.

Князь откинулъ голову отъ спинки своего кресла и перегнулъ ее съ низкимъ поклономъ въ сторону Софьи Ивановны, какъ бы говоря: порученіе ваше будетъ въ точности исполнено.

И ни слова при этомъ... Онъ продолжалъ все также не глядѣть на нее.

Это показалось ей страннымъ:

— Я поэтому пришла переговорить съ вами, князь, чуть-чуть нетерпѣливо сказала она;—вѣдь вы все знаете!..

— Чтò именно? И онъ нахмурился.

— Все! Княжна мнѣ говорила: вы обѣщали ей ваше содѣйствіе, рѣзко вымолвила тетка Гундурова.

Онъ помолчалъ:

— Когда говорила она это вамъ, можно полюбопытствовать? спросилъ онъ затѣмъ.

— Вчера утромъ.

— Да, сказалъ князь,—но со вчерашняго утра могли возникнуть обстоятельства за которыми сама Hélène быть-можетъ... одумалась?..

— Я знаю на чтò вы намекаете, торопливо воскликнула Софья Ивановна:—то чтò было между ними въ театрѣ?.. Сергѣй былъ виноватъ, непростительно виноватъ, и я такъ хорошо понимала что его безумство могло измѣнить все расположеніе къ нему княжны что вчера же ночью послала ей вотъ эту записку, примолвила госпожа Переверзина, шаря въ карманѣ своей „robe feuille-morte... — Вотъ она! Прочтите! Вы увидите что я прямо ставила ей этотъ вопросъ о ея намѣреніяхъ на да или нѣтъ, — и ея отвѣтъ. Мнѣ принесли его въ четвертомъ часу утра, послѣ бала.... *Они* успѣли объясниться тамъ, все осталось попрежнему...

Князь Ларіонъ дрожавшею рукой взялъ протягиваемую ему записку, поднялся и отошелъ къ окну... „Да, да и да. Елена Шастунова“, начертанное крупнымъ почеркомъ Линою словно молніей ослѣпило ему глаза. Потухалъ послѣдній лучъ надежды,—онъ всю ночь напролетъ лелѣялъ себя ею,—это было полное „примиреніе между ними“... Безмолвно опустилъ онъ руки....

Онъ долго оставался такъ, недвижный и нѣмой, погруженный въ глубокое, мучительное размышленіе.

— Что же князь? спросила наконецъ Софья Ивановна.

— Иди, значитъ, и дѣйствуй! иронически проговорилъ онъ вдругъ, какъ будто пробужденный этимъ голосомъ и возэрясь на нее загорѣвшимися зрачками;—вы *этого* хотите?

— А вы не хотите? живо возразила она,—и лицо ея все покраснѣло опять.

Онъ не отвѣчая прошелся мимо оконъ, разсѣянно глядя на дальнія вершины дубовой рощи за рѣкой, облитыя горячимъ золотомъ лѣтняго солнца....

— Она простила, она хочетъ, началъ онъ наконецъ, возвращаясь къ Софьѣ Ивановнѣ;—я бы не простилъ....

— Вы никогда, значитъ, молоды не были, вскликнула она,—или забыли.... Вы забыли какъ чутко молодое сердце, какъ способно оно воспринимать самыя разнообразныя впечатлѣнія, и страдать, и мучиться ими....

— Молодое сердце не умѣетъ любить! почти злобно прервалъ ее князь Ларіонъ,—оно только ищетъ себя въ предметѣ любимомъ, ищетъ въ немъ только своего отраженія, и тупо, и жестоко-безжалостно угнетаетъ, по капризу своихъ личныхъ ощущеній, нравственную волю чужой души отдающейся ему....

— Вы правы, я не спорю, заволновалась Софья Ивановна,—и не то еще я говорила Сережѣ... Но молодыя души понимаютъ лучше другъ друга и снисходительнѣе другъ къ другу чѣмъ мы съ вами къ нимъ.

— А чѣмъ платится за это снисхожденіе знаете ли вы? крикнулъ онъ;—я бы вамъ показалъ ее тамъ вчера, въ уборной... Она изнемогала... Я не спрашивалъ,—я и знать не хочу, примолвилъ князь съ быстрымъ и презрительнымъ движеніемъ руки,—чѣмъ довелъ онъ ее до такого состоянія, но позвольте же мнѣ думать послѣ такого что онъ не тотъ именно идеалъ... супруга — и новая злобно-ироническая усмѣшка

пробѣжала по губамъ князя, — который можно было бы призывать въ мечтаніяхъ для такого существа какъ Hélène...

— Сергѣй... начала было Софья Ивановна... Но онъ не далъ ей продолжать. Глаза его засверкали, голосъ зазвучалъ неудержимою страстностью:

— Понимаетъ ли онъ *чтò такое* Hélène, чувствуетъ ли, какъ слѣдуетъ это чувствовать, каждымъ фибромъ своего существа что она одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій, предъ душевнымъ совершенствомъ которыхъ преклоняться, благоговѣть надо!... Заслуживаетъ ли онъ любовь такого созданія, способенъ ли заслужить ее?

Софья Ивановна разсердилась:

— Чтò же князь, если всего этого не понимаетъ и не заслуживаетъ мой племянникъ, то заслуживаетъ, какъ видно, этотъ флигель-адъютантъ выписанный вашею невѣсткой изъ Петербурга. Не онъ ли и по вашему тотъ „идеалъ супруга" о которомъ вы мечтаете для Елены Михайловны?

Страстное возбужденіе князя Ларіона какъ бы сразу соскочило съ него отъ этихъ словъ:

— Я не Аглая Константиновна, вы знаете, сказалъ онъ, слегка поморщившись и поникая взглядомъ, и примолкнувъ на мигъ заговорилъ опять:

— Я всегда видѣлъ въ васъ умную женщину, Софья Ивановна, и потому дозволилъ себѣ говорить съ вами сейчасъ совершенно прямо и откровенно.... Я надѣялся что вы не разсердитесь, и поймете чтò руководитъ меня при этомъ.... Дѣло идетъ о всемъ будущемъ Hélène, моей племянницы. Вы знаете точно также какъ я на сколько въ этомъ отношеніи можно ожидать здраваго сужденія со стороны ея матери. Я поэтому стараюсь взвѣсить и обсудить все до этого касающееся такъ, какъ сдѣлалъ бы это отецъ ея, покойный братъ мой, еслибъ онъ живъ былъ въ эту минуту.

— Я знала князя Михайлу, какимъ-то строгимъ тономъ сказала на это Софья Ивановна;—онъ поступилъ бы не такъ какъ вы,—онъ судилъ бы спокойнѣе и безпристрастнѣе.

Угадала ли она почему не „безпристрастенъ" онъ князь сказать себѣ не могъ, но вся кровь прилила ему мгновенно въ голову. Онъ отвернулся и быстрыми шагами заходилъ снова по комнатѣ.

Глаза Софьи Ивановны машинально слѣдили за нимъ....

— Я прошу васъ не томить меня долѣе! воскликнула она наконецъ.—Какъ думаете вы поступить, князь?

— Какъ поступить? повторилъ онъ на ходу, и вернувшись къ своему креслу сѣлъ, уперся локтями въ колѣни, и глянулъ ей прямо въ глаза:—какъ поступили бы вы? Рѣшайте!

Въ его голосѣ было теперь что-то такое страдальческое что Софья Ивановна почувствовала себя глубоко тронутою: она дѣйствительно начинала догадываться....

— Если вы требуете моего мнѣнія, начала она тихимъ, ласковымъ голосомъ,—такъ вотъ оно. Я на вашемъ мѣстѣ постаралась бы отрѣшиться ото всякихъ личныхъ впечатлѣній, забыть о всякихъ „взвѣшиваніяхъ“ и „обсужденіяхъ“... Вы говорите съ восторгомъ о вашей племянницѣ, о ея душевномъ совершенствѣ, и вы тысячу разъ правы, и никто не въ состояніи болѣе меня сочувствовать вамъ въ этомъ отношеніи. Повѣрьте же ей, этой душѣ, повѣрьте тому высшему чутью которое говоритъ ей что чувство ея право, что тотъ кого она любила заслуживаетъ ея любовь! Эти „избранныя созданія“,—вы это прекрасно сказали—не ошибаются, они не въ состояніи любить дурное, божественный смыслъ говоритъ въ нихъ сильнѣе, проницательнѣе чѣмъ у обыкновенныхъ натуръ. Отдайтесь же не разсуждая ея инстинкту, поступите такъ какъ она желаетъ чтобы вы поступили!... И вы увидите, князь, примолвила какъ бы невольно Софья Ивановна, участливо остановившись на немъ взглядомъ,—вы увидите какъ у самихъ у васъ станетъ легко на душѣ!...

Все лицо его повело; онъ поспѣшно всталъ и отошелъ опять къ окну чтобъ она не замѣтила какъ покраснѣли его глаза отъ охватившаго его внезапно умиленія....

— Аглая Константиновна, спросилъ онъ съ мѣста, осиливъ себя, своимъ обыкновеннымъ, ровнымъ голосомъ,—говорила вамъ объ этомъ Анисьевѣ?

— Да, она мнѣ говорила что имѣетъ въ виду „партію“ для княжны,—разумѣется его, я поняла.

— Само собою... Одного поля ягодки, пропустилъ онъ, презрительно усмѣхнувшись.

— Но Елена Михайловна прямо сказала мнѣ что не пойдетъ за него.

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее и повелъ одобрительно головой:

— Онъ это, кажется, чувствуетъ самъ, и отказывается отъ

своихъ плановъ... или по крайней мѣрѣ откладываетъ ихъ на время. Я сейчасъ на прогулкѣ узналъ что онъ къ двумъ часамъ заказалъ себѣ лошадей.

— Онъ уѣзжаетъ! съ невольнымъ взрывомъ радости вскрикнула тетка Гундурова.

— Да... Но я или очень ошибаюсь, сказалъ раздумчиво князь,—или съ этимъ отъѣздомъ послѣднее слово его еще не сказано. Я эту породу людей знаю!..

— Но какъ старый дипломатъ, возразила она со слабою улыбкой,—знаете также, надѣюсь, какъ и вести съ ними борьбу?

Онъ повелъ губами:

— Отобьемся отъ одного, развѣ она не найдетъ другаго, по той же мѣркѣ скроеннаго!... Она въ конецъ измучаетъ ими Hélène!

— Но этого нельзя допустить... Вы должны вмѣшаться, у васъ же все авторитетъ есть... Но вы, кажется, вовсе говорить съ нею не умѣете, Ларіонъ Васильевичъ, съ какимъ-то отчаяніемъ промолвила Софья Ивановна.

— А вы умѣете? живо возразилъ онъ съ безсознательно-комическимъ оттѣнкомъ; — вѣдь надо быть господиномъ Зяблинымъ чтобы стать на уровень ея пониманія и находить соотвѣтствующія ему слова... И какой прокъ оттого что ей скажешь? Вѣдь у нея натура раба, натура той кабацкой асы изъ которой она вышла:—струситъ и смолчитъ, и тутъ же солжетъ и обманетъ...

Онъ прервалъ себя вдругъ, провелъ рукой по лицу,—и, къ нѣкоторому удивленію Софьи Ивановны, взялъ подойдя ея руку и поцѣловалъ ее:

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ онъ,—что скажу все чтò только можетъ, по моимъ понятіямъ, содѣйствовать желаніямъ Hélène и вашимъ,—и даже постараюсь „сумѣть говорить" такъ чтобы меня послушали. Не взыщите, если потерплю крушеніе... Во всякомъ случаѣ, налаживаясь на шутливый тонъ и какъ бы обрывая примолвилъ онъ,—ваша маленькая сейчасъ проповѣдь безслѣдно не пройдетъ. Спасибо вамъ за нее!...

— Спасибо и вамъ за доброе обѣщаніе, сказала Софья Ивановна,—я не сомнѣваюсь что вы его исполните. Но признаюсь вамъ, я болѣе надѣюсь на время и на самую Елену

Михайловну чѣмъ на то что̀ можетъ выйти изъ вашего разговора съ ея маменькой.

Онъ какъ бы сообразилъ что-то о чемъ не думалъ до сихъ поръ,—и наклонилъ утвердительно голову:

— Конечно... если только здоровье ея выдержитъ.

— Здоровье княжны?

— Да. У нея сердце нездорово... Я говорю въ буквальномъ, а не въ условномъ значеніи этого слова, пояснилъ онъ съ улыбкой, но въ этой улыбкѣ было столько муки и за *нее*, и своей собственной, что у Софьи Ивановны дыханіе сперлось....

— Что̀ это? воскликнулъ вдругъ князь Ларіонъ устремляя глаза на отворившуюся дверь кабинета:—Hélène и еще кто-то съ нею!

Это были дѣйствительно Лина и тяжело опиравшаяся на ея руку, блѣдная въ дорожной шляпкѣ съ полуопущенною вуалью, Надежда Ѳедоровна.

LXXIX.

But who, alas, can love and then be wise?

Byron.

Князь Ларіонъ поспѣшно подошелъ къ племянницѣ.

— Что̀ случилось? Ты плакала, тревожно спросилъ онъ, замѣтивъ сразу влажные еще отъ слезъ глаза ея.

— Надежда Ѳедоровна насъ покидаетъ, отвѣтила она,—она пришла съ вами проститься, дядя.

Онъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на компаньонку...

— Да, князь, проститься, глухо повторила та, откидывая вуаль свою на шляпку, какъ бы для того чтобъ онъ могъ свободно разсмотрѣть ея „страданіемъ измятыя черты“.

— У васъ семейное несчастіе? было его первою мыслью.

— У меня нѣтъ семьи, нѣтъ близкихъ, я одна на землѣ, проговорила она пѣвучимъ голосомъ, поднося платокъ къ глазамъ.

— Но что̀ же побуждаетъ васъ!...

— Не спрашивайте, князь, не спрашивайте! словно только и ждала этого вопроса, прервала его дѣвица Травкина, простирая руки впередъ,—это мое личное, никому неизвѣстное

горе, которое я и унесу съ собою... въ пустыню, договорила она уже съ рыданіемъ.

Князь недоумѣло повелъ глазами кругомъ; на лицѣ Софьи Ивановны, изъ глубины своего кресла пристально слѣдившей за этою сценой, онъ прочелъ какую-то странную смѣсь жалости и недовѣрія...

— Она идетъ въ монастырь, отвѣтила съ своей стороны шепотомъ на взглядъ его Лина.

— Но неужели,—онъ сморщивъ лобъ внимательно поглядѣлъ на „страдалицу",—все это необходимо такъ скоро?... Вы кажется совсѣмъ, совсѣмъ собрались?

— Да, да, князь, сейчасъ!... Тутъ одна дама (она назвала „образованную окружную") ѣдетъ въ городъ и беретъ меня съ собой... Я тамъ найду лошадей въ Москву... Позвольте сказать вамъ прости... „ein ew'ges Lebewohl", невѣдомо къ чему примолвила она изъ Шиллера...

Князь Ларіонъ еще разъ пристально поглядѣлъ на нее:

— У меня правило уважать личную волю каждаго и не допытываться причинъ чужихъ поступковъ, какъ бы они мнѣ собственно иной разъ и ни казались странными или неосновательными. Вслѣдствіе того я въ настоящемъ случаѣ могу вамъ только выразить искреннее сожалѣніе что намъ приходится разстаться.

Будто ушатомъ холодной воды окатилъ онъ ее; она ждала (какъ сейчасъ было у нея съ княжной) допрашиваній, „увѣщаній дружбы", возможности еще разъ порисоваться своимъ „неисходнымъ горемъ",—а тутъ такъ просто, холодно, „безжалостно!"...

— Конечно, князь, я понимаю, еще разъ забывая о необходимомъ „смиреніи", колко проговорила она,—сожалѣніе съ вашей стороны можетъ простираться лишь до той минуты когда вы найдете кого-нибудь вмѣсто меня читать вамъ газеты.

Уколъ пропалъ даромъ: князь Ларіонъ слегка усмѣхнулся и отвѣчалъ съ учтивымъ наклономъ головы:

— Замѣнить васъ въ этомъ отношеніи такъ трудно что я и искать не буду.

Лина между тѣмъ, замѣтивъ Софью Ивановну, побѣжала къ ея креслу. Онѣ нѣжно поцѣловались.

— Мнѣ такъ жаль ее, бѣдную, прошептала княжна,—она

идетъ съ отчаянія въ монастырь, отъ любви къ человѣку который ее не любитъ...

— Къ Сергѣю Михайловичу Гундурову, не такъ ли? досадливо договорила Софья Ивановна.

— Да совсѣмъ нѣтъ! Кто это могъ вамъ сказать? И живой румянецъ заалѣлъ мгновенно на изумленномъ лицѣ княжны.

— Она увѣрила въ этомъ вашу матушку, или та не такъ поняла, но я отъ нея слышала.

— Отъ maman? Вся краска также мгновенно сбѣжала теперь съ ея щекъ. Вы уже были у нея?.. Не говорите! тутъ же спѣшно промолвила Лина,—я знаю... я вижу по вашимъ глазамъ какой данъ былъ вамъ отвѣтъ... И вы для этого теперь у дяди?..

— Я говорила съ нимъ, предупреждая дальнѣйшіе вопросы, спѣшила въ свою очередь сообщить Софья Ивановна, крѣпко пожимая въ обѣихъ своихъ похолодѣвшую руку княжны и любовно глядя въ самую глубь ея отуманенныхъ васильковыхъ глазъ,—онъ за насъ, я имъ довольна... Но, милая, я не скрываю отъ васъ, я боюсь... все это если должно быть, то не скоро... А до того терпѣть сколько?..

Лина только головой качнула, но въ движеніи этомъ Софья Ивановна прочла непоколебимое рѣшеніе...

— А здоровье, милая? тревожно зазвучалъ ея голосъ.

Черная тѣнь какъ бы легла на мигъ на черты дѣвушки... Она подавила вздохъ, подняла глаза на окно, въ которое горячею синью отливало высокое небо, и прошептала улыбаясь:

— Богъ его дастъ если нужно...

— Лина, прощайте, я ухожу! послышался голосъ Надежды Ѳедоровны, подходившей къ нимъ съ почтительнымъ издали поклономъ Софьѣ Ивановнѣ.

— Сейчасъ, Надежда Ѳедоровна, я васъ провожу, отозвалась княжна. И наклоняясь къ Софьѣ Ивановнѣ проговорила ей на ухо:—мнѣ еще хочется поговорить съ вами; пожалуста, зайдите въ первую гостиную, я ее сейчасъ провожу и приду туда.

Проходя мимо дяди, вслѣдъ за Надеждой Ѳедоровной, она пріостановилась и подала ему руку:

— Merci, oncle, сказала она только, но князь Ларіонъ

безсознательно прижмурилъ глаза, какъ бы не выдержавъ сіянія взгляда, сопровождавшаго эти два слова...

На лѣстницѣ ждала Надежду Ѳедоровну готовая къ отъѣзду „образованная окружная“ съ двумя сынишками своими, изображавшими лакей во вчерашнемъ спектаклѣ (она отвозила ихъ въ городъ, съ тѣмъ чтобы возвратиться самой къ представленію *Льва Гурыча Синичкина*). Завидѣвъ свою спутницу, сопровождаемую княжной, она сочла своимъ долгомъ завздыхать и закачать головой самымъ трогательнымъ образомъ, протягивая ей съ мѣста руку, какъ бы готовясь поглотить ее въ своихъ обширныхъ объятіяхъ. Но дѣвица Травкина, какъ это часто случается, весьма склонная, какъ мы видѣли, къ утрировкѣ своихъ собственныхъ чувствъ, особенно чутко замѣчала и ненавидѣла ее въ другихъ, а потому на жестикуляцію образо́ванной дамы отвѣчала лишь короткимъ „ѣдемте!“ и первая спустилась съ. лѣстницы.

Не успѣла дойти она однако до послѣдней ступеньки, какъ неожиданное обстоятельство наладило ее вдругъ опять на тотъ романическій строй понятій который составлялъ какъ бы субстрактъ всего ея существа. Къ ней кинулась толпа женскихъ прислужницъ Сицкаго, между которыми, какъ заявила она заранѣе княгинѣ, раздѣлила она на прощанье всякое свое добро, и принялась со всякими возгласами и причитаніями благодарности подходить къ ней къ ручкѣ... Въ воображеніи начитанной дѣвицы тотчасъ же зарисовалась сцена прощанья Маріи Стюартъ со своими женщинами. Рябая „Lucrèce,“ стоявшая впереди всѣхъ, должна была натурально изображать собою вѣрную Анну Кеннеди, и она съ новымъ водопадомъ слезъ упала шляпкой на ея двухбашенную грудь...

Но это было еще не все. Покончивъ съ Кеннеди и К° и расцѣловавшись окончательно съ княжной она выходила на крыльцо, у котораго въ ожиданіи ея сидѣла уже въ своей бричкѣ „образованная“ окружная какъ вдругъ между этою бричкой и ею какъ изъ земли выросъ стройный, чернокудрый, слишкомъ хорошо знакомый ей мужской обликъ....

Онъ стоялъ спиной къ ней и своимъ свѣжимъ, беззаботнымъ голосомъ громко спрашивалъ:

— Куда это вы собрались, Катерина Ивановна?

Окружная быстро нагнулась къ нему изъ экипажа и что-то зашептала.... Онъ также быстро обернулся на дверь.

Надежда Ѳедоровна ухватилась за ея руку чтобы не упасть.... Они стояли въ двухъ шагахъ другъ отъ друга...

Онъ сдѣлалъ еще шагъ къ ней, заслоняя ее высокимъ станомъ своимъ отъ любопытныхъ глазъ сидѣвшей въ бричкѣ:

— Правда это? Вы хотите поступить въ мо.... Онъ не договорилъ; голосъ его дрожалъ слегка.

О, какъ загребло на сердцѣ у нея въ эту минуту, какія жестокія слова запросились у нея на языкъ.... Къ счастію, она на этотъ разъ вовремя вспомнила о „смиреніи"..... Къ тому же за ея спиной, тѣснясь, стояла цѣлая женская арава, норовившая какъ бы скорѣе вылиться вслѣдъ за нею на крыльцо.... Она наклонила предъ нимъ голову, какъ дѣлаютъ это инокини съ тарелочками на церковь, и разбитымъ голосомъ проговорила:

— Простите, какъ и я вамъ прощаю!...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но она послѣшнымъ движеніемъ опустивъ со шляпки вуаль и нажавъ его рукой къ лицу, скользнула мимо него, и вскочила въ бричку. Арава горничныхъ повалила изъ дверей чуть не сбивъ съ ногъ молодаго человѣка въ усердіи провожанія „милой барышни"... Экипажъ тронулъ....

Ашанинъ, прищурившись, довольно долго глядѣлъ ему вслѣдъ: „Эхъ, вретъ! разсмѣялся онъ вдругъ, какъ бы выводя мораль этой басни—искренняго тутъ ни фунта, а „хвантазія" одна, какъ разказываетъ Акулинъ про своихъ хохловъ....

LXXX.

Alles Edle ist von stiller Natur und scheint zu schlafen bis es durch Widerspruch herausgefordert ist.
Göthe.

— Милая моя, хорошая, говорила Софья Ивановна Переверзина въ пустой гостиной, держа обнявъ княжну Лину, склонившуюся къ ней головой на плечо—что же дѣлать. Намъ съ нимъ придется уѣхать сегодня же, если Ларіонъ Васильевичъ не успѣетъ склонить ее.

— А гдѣ онъ? тихо спросила Лина;—спитъ еще послѣ вчерашняго?

— Спитъ? Онъ всю ночь не спалъ, и послѣ этой ихъ жженки проходилъ по полямъ. Не успѣла я одѣться какъ онъ уже сидѣлъ у меня и погонялъ къ княгинѣ... Ждетъ— умираетъ тамъ, должно-быть.... Удивляюсь какъ не вздумалось ему придти сюда, узнать отъ меня скорѣе....

Въ сосѣдней залѣ послышались приближавшіеся къ нимъ шаги.

— Вотъ онъ! воскликнула дѣвушка.

Но это былъ не онъ, а Ѳиногенъ, камердинеръ Аглаи Константиновны.

— Я васъ повсюду ищу-съ, ваше сіятельство, обратился онъ со внушительнымъ видомъ ко княжнѣ:—ихъ сіятельство княгиня проситъ васъ къ себѣ.

Лина поблѣднѣла чуть-чуть.

— Хорошо, скажи—я сейчасъ буду.

Слуга вышелъ.

Софья Ивановна потянула ее за обѣ руки:

— Голубка моя, дай перекрещу тебя!..

Онѣ пали въ объятія другъ другу.... Въ это же время портьера надъ дверью второй гостиной слегка колыхнулась, и изъ-за нея выглянуло блѣдное лицо Гундурова.

— Ну вотъ и хорошо что пришли, обратилась къ нему Лина съ насилованною веселостью,—легче будетъ... Меня требуютъ къ допросу, Сергѣй Михайловичъ! И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Довольно! тихо сказала она, вся зааливъ и высвобождая пальцы свои изъ его рукъ.

— Елена Михайловна, что̀ же значатъ ваши слова?.

— Тетя вамъ все разкажетъ.... А я пойду! примолвила она вставая.

— Если найдете время до завтрака, торопливо сказала ей Софья Ивановна,—приходите ко мнѣ....

Гундуровъ растерянно, дрожа какъ въ лихорадкѣ, сдѣлалъ за нею нѣсколько шаговъ... Дойдя до дверей залы она остановилась, обернулась къ нему и глядя на него глаза въ глаза, нѣжно и твердо проговорила серебрянымъ голосомъ своимъ и съ какою-то восторженною улыбкой на устахъ:

— Я вамъ вѣрю, вѣрьте и мнѣ....

У княгини была компанія: Зяблинъ, князекъ ея сынъ и Англичанинъ-гувернеръ его. Еще изъ ситцеваго кабинета услыхала Лина говоръ ихъ голосовъ... „Не сейчасъ, значитъ, начнется", промелькнуло въ головѣ ея... Она ошибалась.

Едва успѣла она войти въ будуаръ какъ на нее такъ и кинулся братишка ея. На странно уже опредѣлившихся для его лѣтъ чертахъ мальчика читалась настоящая злость,—ноздри его раздувались, глазенки неестественно расширились и сверкали....

— O, naughty, naughty Lina, восклицалъ онъ топая ногою;— I'll n't allow you to marry a rogue of teacher! Uou must n't forget you are a princess. For shame! * Онъ очевидно повторялъ по-своему нѣчто сейчасъ имъ слышанное...

Княжна съ измѣнившимся лицомъ взглянула на него, на мать...

Аглая Константиновна сидѣла въ подушкахъ своего дивана, развязавъ, въ знакъ скорби душевной, ленты своего утренняго чепца, и терла глаза кружевнымъ платкомъ.

Англичанинъ, весь покраснѣвъ отъ досады, схватилъ воспитанника своего за локоть:

— Will you hold your tongue, bad fellow! ** крикнулъ онъ на него.

— Order him not to touch me, *** онъ хочетъ бить меня, заревѣлъ мальчикъ отбиваясь и руками и ногами отъ желѣзной руки гувернера.

— Monsieur Knox, laissez le, je vous prie! залопотала маменька, махая ему съ мѣста словно развинченною рукой.

Но Англичанинъ не взирая на его визгъ и ляганья, потащилъ своего князька изъ комнаты.

— Ахъ, finissez, Basile, ne criez pas!... Я просто умру ото всего этого сегодня! захныкала княгиня, покосившись на безмолвно стоявшую еще у дверей дочь, и какъ бы въ подтвержденіе такого рѣшенія, скинула окончательно чепчикъ съ головы и схватила вѣеръ со столика.

Зяблинъ, сидѣвшій противъ нея на низенькомъ креслѣ,

---

* О, дурная, дурная Лина, я не позволю тебѣ выходить за дрянь учителишку, ты должна помнить что ты княжна! Стыдно тебѣ.

** Замолчите ли вы, скверный мальчишка!

*** Прикажи ему не трогать меня!

взглянулъ на нее, потомъ на княжну, и испустилъ глубокій вздохъ.

Лина подошла къ матери:

— Bonjour, maman, проговорила она еще дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, склоняясь надъ ея рукой.

Та отдернула ее.....

— Asseyez vous! величественно промолвила она.

Княжна сѣла неподалеку отъ Зяблина.

„Бригантъ“ еще разъ повелъ на нее своими воловьими глазами, откатилъ почему-то свое кресло нѣсколько назадъ, и еще разъ вздохнулъ.

— Même vôtre jeune frère, начала сразу княгиня нервно обмахиваясь своимъ вѣеромъ,—и тотъ понимаетъ l'inconvenance вашего поведенія.

Лина холодно и вопросительно подняла глаза на нее.

— Вы знаете о чемъ я говорю, фыркнула Аглая:—эта madame Pereverzine была у меня сейчасъ просить вашей руки pour monsieur sôn neveu, и сказала что это съ вашего согласія.... J'en ai été si saisie что до сихъ поръ не могу придти въ себя.

Княжна молчала.

— C'est donc vrai? Чтò же вы не отвѣчаете?

— Мы не однѣ, maman, также холодно и не поворачивая головы промолвила она.

— Ça, c'est un ami, un vrai, указывая кивкомъ на Зяблина, возразила на это умная маменька,—можете говорить при немъ, je ne lui cache rien.

Но самъ „бригантъ“ почувствовалъ какъ была глупа роль которую заставляла она его играть. Онъ поспѣшно всталъ, и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Между матерью и дочерью третій всегда лишній; позвольте же мнѣ удалиться!

Княгиня проводила его нѣсколько растерянымъ взглядомъ и заерзала на своемъ диванѣ:—въ присутствіи „vrai ami“, отъ котораго она повидимому ждала поддержки въ данныя трудныя минуты предстоявшаго ея объясненія съ дочерью, она чувствовала себя какъ бы болѣе въ ударѣ чѣмъ наединѣ съ нею теперь.

Лина сама теперь начала это объясненіе:

— Вы меня спрашивали, maman, съ моего ли согласія Софья Ивановна Переверзина просила у васъ моей руки для

своего племянника? Да, maman, я сказала ей да, и прошу васъ съ своей стороны позволить мнѣ выйти за него замужъ.

— Mais vous êtes folle, complètement folle! завизжала Аглая Константиновна не хуже сынка своего сейчасъ,—я этого не хочу, не хочу даже слышать! Si vous avez oublié ce que vous devez à vôtre nom, величественно возгласила она,—я этого не забываю, я, ваша мать, vôtre mère qui vous a mis au monde; я знаю какая прилична для васъ партія... И когда вы сами знаете что тотъ кого я для васъ выбрала здѣсь и ждетъ, vous m'arrivez avec ce galopin de professeur manqué!

Княжна слабо усмѣхнулась:

— Я бы вамъ могла сказать, maman, что ничего этого мнѣ неизвѣстно, потому что вы мнѣ до этой минуты еще ни одного слова не сказали про этого... господина. Но я не лгу никогда и скажу вамъ что дѣйствительно знаю что вы его выписали сватать меня... Но онъ мнѣ не по сердцу и я не могу идти за него....

Княгиня въ первую минуту опѣшила и отъ силы аргумента, и отъ того крайне спокойнаго тона съ которымъ говорила дочь. Она захлопала своими круглыми глазами, глядя на нее не то гнѣвно, не то недоумѣло.

— Я вамъ ничего не говорила, попробовала она вдругъ иронизировать,—потому что не знала что у меня дочь—une républicaine. Я думала что вы... que vous avez les goûts qui conviennent à une demoiselle de vôtre rang, и выбрала такого и жениха для васъ... Я вижу что ошиблась!.. Вамъ другое надобно, извините mademoiselle la princesse, я этого не знала. Je vous offre ce jeune comte qui a tout pour lui... вы можетъ-быть не знаете что онъ un des plus brillants cavaliers et des plus en vue de Pétersbourg, и его дядя premier favori, и самъ онъ intime à la Cour, карьера, bientôt général и непремѣнно долженъ быть министромъ un jour, какъ мнѣ говорила la comtesse sa mère à Rome... Cette princesse Dodo qui est si méchante увѣряетъ что будто у него trois cent mille de dettes, но это неправда, elle ment, она это все изъ зависти, потому что сама она хочетъ l'attraper для своей Женни, une fille évaporée et qui n'a pas le sou... И вы, une princesse Schastounof, такому jeune homme distingué предпочитаете un petit monsieur de rien, sans position и которому, вы слышали, даже не позволили за границу ѣхать, потому что онъ,

j'en suis sûre, un sans-culotte, хотя madame sa tante и увѣряетъ qu'il descend du même roi Rurik какъ и наша фамилія...

Лина терпѣливо, не моргнувъ бровью, выслушала всю эту невѣроятную рацею.

— Что же дѣлать, тихо сказала она только, когда мать кончила,—когда я его люблю, maman, а того нѣтъ?

Иронія не вывезла; Аглая принялась за драму:

— Вы любите! заголосила она уже рыдая,—противъ желанія матери, contre son gré! Вамъ все равно de me rendre malheureuse! У васъ, я вижу теперь, такой же характеръ какъ у вашего отца qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie... Я его любила, j'avais cette bêtise d'être amoureuse de lui, когда выходила за него замужъ, et après, и даже всегда... Я его спасла de la misère, потому что все ихъ имѣніе продавалось съ аукціона, и я все выкупила на свое имя чтобъ онъ не могъ se ruiner во второй разъ... А онъ сейчасъ же après nôtre mariage началъ съ этой lady Blackdale à Londres... и она мнѣ разъ dans le monde кинула даже апельсинною коркой въ лицо,—а онъ все-таки ее не оставилъ, а потомъ, когда она сама его кинула pour épouser son ténor, онъ нашелъ une actrice française qui avait de fausses dents, а потомъ была Венгерка, et puis la marquise Ruffo, une Italienne, et puis...

— Maman, ради Бога!.. воскликнула, пытаясь остановить ее, княжна.

Но та не слушала,—плотина была прорвана, вода уже неудержимо падала на колесо мельницы...

— А я сама была молода, fraiche et bien portante... et de l'imagination... J'avais besoin d'amour!.. А онъ со мною ужасы дѣлалъ, il me dédaignait, онъ отъ меня запирался, не ночевалъ дома et d'autres horreurs comme cela... И это когда я ему принесла два милліона, huit millions en assignats, de fortune... Bien des fois il m'a mis dans un tel désespoir что я даже два раза писала письмо à Sa Majesté l'Empereur—j'en ai encore les brouillons,—pour me plaindre de son aversion pour sa femme légitime, но мнѣ тогда сказали что онъ могъ чрезъ это мѣсто свое потерять, и я par noblesse de coeur ихъ не послала... Вотъ что ваша бѣдная мать вытерпѣла pendant quinze ans de sa vie!.. Il m'est revenu quand il ne valait plus rien, больной грудью, épuisé,—и вы сами видѣли какъ я за нимъ ходила, le soignant точно какъ будто онъ всегда былъ хорошій мужъ...

Все это лилось безъ остановки, сопровождаемое слезами, возгласами, драматическою икотой, сморканіемъ, утираніемъ глазъ и стукомъ вѣера по косточкѣ корсета, обнимавшаго дебелыя красы княгини... Лина закрыла ладонью глаза,—эти упреки, эти грубыя разоблаченія рѣзали ее по самому нѣжному, самому чувствительному мѣсту ея нравственнаго существа. Грязью закидывала циническая рука тотъ идеальный, изящный и скорбящій образъ отца который она такъ любовно, такъ свято хранила въ сердцѣ своемъ,—и рука эта была ея матери... Это было ей невыносимо больно!..

А та продолжала стонать и причитывать:

— Я ему все простила, il s'est repenti, pauvre Michel, que le bon Dieu ait son âme!.. Умирая онъ просилъ у меня прощенія comme un vrai pénitent... И при этомъ вы забыли, вы, sa fille bienaimée,—потому что онъ, не знаю почему, il n'a jamais aimé Basile, забыли что онъ говорилъ вамъ какъ вы не должны огорчать меня и...и...и должны ста-араться expier ses torts en-vers... envers... moi? договорила чувствительная вдова сквозь новое, истерическое рыданіе. Очень ужь сильно завела она машину...

Лина невольнымъ движеніемъ поднялась съ мѣста:

— Богъ видитъ, со внезапною восторженностью выраженія во всѣмъ ея обликѣ проговорила она,—что не прошло дня съ тѣхъ поръ какъ его не стало чтобъ я не вспоминала этихъ словъ его и не старалась сообразовать съ ними мои поступки! Я прошу сказать васъ, maman, подавала ли я вамъ когда-нибудь поводъ къ огорченію?

— Parceque je ne vous ai jamais rien demandé, оставляла васъ до сихъ поръ дѣлать что вы хотѣли, заголосила Аглая Константиновна;—а теперь, quand il s'agit de vôtre bonheur, вы позволяете себѣ отвергать того котораго выбрала ваша мать, vótre mère qui vous a mis au monde (фраза эта была особенно любима княгиней)... и даже вчера не танцовали съ нимъ мазурку (вдругъ вспомнила она), когда вы были къ этому обязаны уже изъ одной учтивости, comme fille de la maison.... Это вы называете исполнять волю de ce pauvre Michel, и не огорчать меня?

— Maman, сказала княжна, почти строго глядя ей въ глаза,— я не ребенокъ болѣе, я понимаю что могъ требовать мой отецъ и чего онъ никогда не потребовалъ бы отъ меня. Онъ вѣровалъ какъ и я.... Онъ не потребовалъ бы отъ меня

грѣха..... Если—голосъ ея задрожалъ—вы не захотите согласиться на выборъ моего сердца, въ которомъ единственно я могу найти счастіе, какъ я его понимаю, я склоню голову и покорюсь, и вы никогда не услышите отъ меня упрека, не увидите слезъ моихъ.... Но я, maman, я поступила бы бы противъ Христа и совѣсти еслибы рѣшилась обмануть человѣка, выходя за него замужъ безъ любви.... и даже съ отвращеніемъ....

Раскаталовская натура Аглаи—она почувствовала себя вдругъ глубоко оскорбленною словами дочери—вылилась тутъ же на полный просторъ:

— И склоняйтесь, и покоряйтесь, и плачьте, и убивайтесь, потому что я умру, а не соглашусь чтобы вы выходили за этого monsieur de rien du tout!... И вы отъ меня ни гроша не получите если не пойдете за графа Анисьева, предваряю васъ.... Базилю больше достанется, cela sera un vrai prince lui!...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ прислали сказать что желаютъ повидаться съ вашимъ сіятельствомъ, доложилъ у дверей Ѳиногенъ,—такъ будете ли однѣ спрашиваютъ.

Какъ ни возбуждена была наша княгиня, но имя ея деверя прозвучало для нея въ родѣ Нептуновскаго Quos ego! расходившимся не въ мѣру волнамъ. Она заметалась на своемъ диванѣ будто ища чего-то, потомъ вдругъ разомъ притихла и съежилась (искала она чепчикъ, который тутъ же и вздѣла себѣ на голову).

— Скажи что прошу, отвѣтила она слугѣ на свой уже обычный, пѣвучій ладъ, приведя себя такимъ образомъ во внѣшній и внутренній порядокъ.—Сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку, сказала она въ полоборота блѣдной и недвижной Линѣ,—я васъ прошу сойти et présider à ma place. Вы скажете всѣмъ что у меня голова болитъ, и что я къ завтраку не буду.

Княжна поняла: ея мать боялась чтобы дядя не засталъ ее тутъ, не угадалъ по ея лицу выдержанной ею бури.... Она поклонилась и вышла.

LXXXI.

Было ли то нервное возбужденіе, или сила воли возобладавшая надъ ея физическою слабостью, но Лина шла твердо, болѣе блѣдная чѣмъ обыкновенно, но съ тѣмъ же спокойно сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое быть-може

болѣе всего остальнаго раздражало княгиню Аглаю Константиновну въ теченіе переданнаго нами сейчасъ разговора ея съ дочерью.... „Нести надо“, какъ бы машинально шептала внутри себя Лина слово Писанія, давно обычное ея мысли. „И бороться“, припоминала она тутъ же отвѣтъ Сергѣя на это слово въ одну изъ первыхъ ихъ бесѣдъ.... Да, бороться,— и она началась теперь, эта борьба....

Она направлялась въ комнату Софьи Ивановны Переверзиной, разчитывая что успѣетъ до минуты когда позвонятъ къ завтраку передать ей и Гундурову о результатахъ объясненія съ матерью,—откинула полуспущенный портьеръ надъ дверью отдѣлявшею первую гостиную отъ внутреннихъ комнатъ княгини.... и безсознательно остановилась....

Прямо навстрѣчу ей шелъ графъ Анисьевъ, изящный, расчесанный и продушенный отборно-тонкими духами, со своими свисшими à la grognard эполетами и приподнятыми крючкомъ усами, щеголевато скользя по паркету сапогами лоснившимися какъ зеркало на небольшихъ, съ высокимъ подъемомъ, „аристократическихъ“ ногахъ.

Онъ чуть-чуть прищурился, узналъ ее въ просвѣтѣ двери, и скользнулъ уже какъ по льду—тѣмъ разбѣгомъ съ какимъ кидаются за стуломъ своей дамы иные усердные юноши на первыхъ порахъ своихъ дебютовъ въ свѣтѣ—какъ бы съ тѣмъ чтобы не дать тяжелому штофному занавѣсу смять опускаясь легкія складки ея кисейнаго платья.

Она въ свою очередь поспѣшила инстинктивно опустить за собою этотъ занавѣсъ чтобы не имѣть за что благодарить его.

Они глянули въ лицо другъ другу.... Онъ низко поклонился. Она отвѣчала такимъ же учтивымъ и холоднымъ поклономъ и хотѣла пройти мимо.... Онъ остановилъ ее вопросомъ:

— Pardon, mademoïselle, puis-je vous demander si madame la princesse vôtre mère est visible? J'allais chez elle.

— Она ждетъ сейчасъ дядю, князя Ларіона, отвѣтила княжна по-русски, и жалуется на головную боль. Она мнѣ даже поручила просить за нее извиненія у всѣхъ за то что не сойдетъ къ завтраку.

Онъ тотчасъ же перешелъ на русскій языкъ:

— Надѣюсь однако что въ этомъ нездоровьѣ нѣтъ ничего серіознаго?

— Я не думаю, и она, по всей вѣроятности, приметъ васъ съ удовольствіемъ послѣ завтрака.

Лина еще разъ поклонилась ему съ тѣмъ чтобъ уйти... Онъ еще разъ остановилъ ее.

— Княжна, заговорилъ онъ голосомъ почтительнымъ до робости,—дозволите ли вы мнѣ воспользоваться неожиданнымъ случаемъ который даетъ мнѣ въ эту минуту судьба чтобы попросить у васъ пять минутъ аудіенціи?

„Боже мой, еще объясненіе съ нимъ“! подумала съ ужасомъ Лина.—Я право не знаю, графъ, что̀ вамъ можетъ быть угодно отъ меня, пробормотала она смущенно и досадливо.

— Пять минутъ, не болѣе! сказалъ онъ, простирая къ ней руку умоляющимъ жестомъ;—и по истеченіи ихъ, я надѣюсь, добавилъ онъ какимъ-то нѣжно-меланхолическимъ тономъ, что вы не будете глядѣть на меня такъ враждебно какъ теперь!..

— Враждебно? повторила она невольно, съ невольнымъ пожатіемъ плечъ, — я ни къ кому вражды не чувствую, а къ вамъ...

— Le mot est ambitieux, я знаю, живо возразилъ онъ и чуть-чуть вздохнулъ:—внушать вамъ вражду была бы своего рода честь на которую я никоимъ образомъ не имѣю права.... Я долженъ былъ сказать „не благосклонно“, и съ глубокою скорбію долженъ сознаться что вы имѣете поводы смотрѣть именно такъ на меня.

— Я васъ не понимаю! молвила Лина, дѣйствительно не понимая куда онъ велъ....

— Еслибы вамъ угодно было присѣсть, княжна,—разговаривать стоя такъ неудобно,—я бы позволилъ себѣ вамъ это объяснить...

Онъ съ тѣмъ же почтительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и движеніяхъ указалъ ей на диванъ у стѣны, подлѣ двери... Она опустилась на него, рѣшившись выслушать его терпѣливо, такъ какъ другаго ничего не оставалось ей дѣлать.

Онъ сѣлъ на стулъ, сбоку, живописно провелъ по лицу красивою бѣлою рукой, съ крупнымъ сафиромъ en cabochon на мизинцѣ, и началъ:

— Княгиня, матушка ваша, и моя мать, какъ вамъ это извѣстно княжна, встрѣтившись въ позапрошломъ году въ Римѣ, сошлись и очень подружились другъ съ другомъ... и какъ это часто случается съ матерями взрослыхъ дѣтей... de deux sexes différents, прибавилъ онъ, позволяя себѣ слегка усмѣхнуться,—стали строить насчетъ ихъ будущности всякіе заманчивые планы...

— О которыхъ мнѣ ничего не говорили и къ которымъ я никакъ не причастна, холодно и рѣшительно прервала его этими словами Лина.

Онъ вздохнулъ уже громче:

— Вамъ не надо было давать себѣ труда говорить мнѣ это, княжна:—съ первой встрѣчи нашей въ Сицкомъ я въ глазахъ вашихъ прочелъ какъ эфемерны были эти планы и какъ.... (онъ искалъ и не находилъ слова по-русски)—la réalité des choses, сказалъ онъ наконецъ,—давала мало надеждъ на ихъ осуществленіе... Я лично впрочемъ никогда и не давалъ имъ никакой цѣны!

Она взглянула на него полуудивленно, полунедовѣрчиво... Онъ какъ бы не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, склонивъ голову на грудь, съ выраженіемъ красивой печали на чертахъ:

— Но я былъ бы истинно несчастливъ, еслибъ, уѣзжая отсюда,—я уѣзжаю сегодня же, княжна,—я долженъ былъ увезти убѣжденіе что съ именемъ моимъ соединяется для васъ понятіе о чемъ-то.... (онъ опять искалъ слова и не находилъ его)—que je vous fais l'effet d'un objet repoussant, досказалъ онъ, и заговорилъ затѣмъ уже сплошь по-французски, рѣшивъ мысленно что „отечественный языкъ est décidement trop rebelle à l'expression des choses dèlicates“:—Я ни за что̀ не хотѣлъ бы оставить въ васъ это впечатлѣніе, княжна,— и это дало мнѣ смѣлость просить васъ выслушать меня... Я не хотѣлъ бы чтобы вы могли хотя одну минуту думать что пріѣздъ мой сюда былъ послѣдствіемъ... уговора нашихъ матерей, что это былъ для меня тотъ же какъ и для нихъ первый, такъ-сказать, этапъ заранѣе предначертаннаго и рѣшеннаго плана дѣйствій. Нѣтъ, княжна, я точно также какъ и вы „непричастенъ“ тому что̀ предположено было другими безъ моего вѣдома.... Я только улыбался всегда сладкимъ мечтаніямъ моей бѣдной матери (aux doux rêves de ma pauvre mère) въ тѣхъ ея письмахъ изъ Рима въ которыхъ съ такими восторгами говорила она мнѣ о васъ... Но эти письма, я сознаюсь вамъ въ этомъ, возбудили во мнѣ горячее желаніе увидѣть васъ... И я увидѣлъ, понялъ... Это было прошлою зимой въ Москвѣ, если угодно вамъ будетъ вспомнить... Я унесъ изъ этого перваго знакомства съ вами впечатлѣніе о которомъ не стану вамъ говорить, поспѣшилъ прибавить флигель-адъютантъ, и голосъ его весьма эффектно

задрожалъ произнося эти слова,—но при которыхъ уже трудно было мнѣ отвѣчать отказомъ на любезное приглашеніе княгини, матери вашей, пріѣхать сюда ко дню вашего рожденія...

Онъ передохнулъ тяжело, какъ бы подавленный избыткомъ нѣжныхъ чувствованій, и повелъ все такимъ же робкимъ взглядомъ на безмолвно-внимавшую ему княжну. Она сидѣла сложивъ руки и глядѣла на него своими лазуревыми глазами съ невольнымъ, какъ могъ онъ замѣтить, любопытствомъ.

— Никакихъ предвзятыхъ намѣреній, никакихъ разчетовъ, заговорилъ онъ опять,—не везъ я съ собою сюда, княжна. Я ѣхалъ съ мыслью... увидѣть васъ еще разъ, прожить нѣсколько дней среди воздуха которымъ вы дышете, послѣ холода всякихъ скучныхъ служебныхъ дѣлъ отогрѣться немного душой въ сіяніи вашего свѣта („aux rayonnements de vôtre lumière,“ удачно воспользовался онъ фразой вычитанною имъ недавно въ *Revue des deux mondes*)... Я претендовалъ никакъ не болѣе какъ на то чѣмъ вы дарите каждаго изъ окружающихъ васъ... малѣйшаго изъ тѣхъ, напримѣръ, кто вчера участвовалъ съ вами въ представленіи *Гамлета*... Никакого дальнѣйшаго притязанія у меня не было въ мысли, точно также какъ въ убѣжденіи моемъ не было за мною никакихъ исключительныхъ правъ на ваше вниманіе... Къ несчастію моему,—голосъ его звучалъ теперь чуть уже не отчаяніемъ,—я долженъ былъ убѣдиться что съ первой же минуты моего появленія въ Сицкомъ вы составили себѣ самое невыгодное... самое оскорбительное для меня, смѣю сказать, понятіе обо мнѣ... Я вамъ представился, неправда ли, княжна,—онъ какъ бы сквозь слезы улыбнулся,—чѣмъ-то въ ролѣ того невѣдомаго и ненавистнаго жениха котораго жестокій братъ навязываетъ Лучіи ди Ламмермуръ—когда ея сердце занято совершенно другимъ человѣкомъ, вставилъ совершенно невиннымъ тономъ Анисьевъ,—и который такъ слѣпо и самодовольно улыбается на сценѣ въ своемъ бѣломъ атласѣ и кружевахъ?..

Она хотѣла отвѣтить какимъ-нибудь учтивымъ возраженіемъ—и не нашла: она именно видѣла въ немъ до сей минуты этого щеголя-жениха Лучіи, „невѣдомаго и навязываемаго“ ей...

Онъ горячо заговорилъ опять, сопровождая слова свои движеніями рукъ соотвѣтственнаго, благороднаго характера:

— Я это понялъ, княжна, и уѣзжаю сегодня чтобы не оставить въ васъ и тѣни сомнѣнія насчетъ неосновательности того что въ вашей мысли соединялось тяжелаго и непріятнаго съ моею личностью.... уѣзжаю чтобы вамъ опять было жить совершенно легко и свободно.... Я сейчасъ шелъ ко княгинѣ проститься, сказалъ онъ, помолчавъ и многозначительно отчеканивая каждое свое слово;—позвольте просить васъ отвѣтить мнѣ совершенно откровенно, полагаете ли вы что, сообщивъ ей все то что̀ я сейчасъ имѣлъ честь передать вамъ, я могу этимъ послужить тому полному душевному успокоенію вашему которое въ настоящую минуту составляетъ предметъ самаго горячаго моего желанія?

Лина почувствовала себя тронутою этимъ „рыцарствомъ“.

— „Послужите ли“—не знаю, отвѣчала она съ невеселою улыбкой,—но скажите во всякомъ случаѣ, и примите мою искреннюю благодарность за доброе намѣреніе.... и за прямоту вашихъ словъ.... Но, графъ, промолвила она ласково,—зачѣмъ же послѣ этого уѣзжать вамъ такъ скоро, если вамъ нуженъ отдыхъ, и Сицкое кажется вамъ пригоднымъ для этого мѣстомъ?

Блестящій Петербуржецъ глянулъ на нее страстнымъ взглядомъ и тотчасъ затѣмъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, княжна, проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—это было бы свыше силъ моихъ: уйти—можно; видѣть и молчать нельзя!

Лина заалѣла:

— На это я ничего сказать вамъ не могу, тихо промолвила она и встала съ мѣста.

Онъ поспѣшно всталъ тоже, и съ глубокимъ поклономъ и тѣмъ же какъ бы разбитымъ отъ сдержаннаго чувства голосомъ сказалъ ей:

— Мнѣ остается одно послѣднее слово, княжна: если приведетъ судьба встрѣтиться намъ опять, смѣю просить васъ видѣть во мнѣ человѣка для котораго ваше счастіе будетъ всегда дороже его собственнаго, и который ничего такъ не желаетъ какъ имѣть случай доказать это вамъ на дѣлѣ!...

— Вы уже многое доказали сегодня, чего я не въ правѣ забыть! сказала въ мгновенномъ порывѣ благодарности Лина.

Онъ вздохнулъ уже теперь слышно, во всю грудь:

— Княжна, прошепталъ онъ,—я уѣзжаю отсюда съ сокрушеннымъ сердцемъ, но уношу съ собою слова ваши какъ

высшее утѣшеніе.... и лучшую награду за все что̀ я... Онъ не договорилъ, какъ бы уже безсильный побороть свое волненіе, низко наклонился еще разъ предъ нею и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной по направленію лѣстницы.... Онъ уходилъ довольный собою такъ какъ еще рѣдко случалось ему быть въ жизни....

— Неужели все это искренно? спрашивала себя въ свою очередь Лина—и тихо закачала головой....

LXXXII.

Сцена другаго рода шла въ это время въ будуарѣ княгини Аглаи Константиновны между ею и ея деверемъ.... Князь Ларіонъ начиналъ терять терпѣніе:

— Вотъ уже битыхъ полчаса, говорилъ онъ,—какъ я вамъ объясняю что Hélène, что дочь ваша не безсловесное существо, не кукла, которую вы могли бы заставить садиться, пищать, ложиться или вѣнчаться съ такою же куклой, какъ дѣлаютъ это дѣти, по вашему произволу.

Аглая сидѣла вся багровая и злая донельзя. Какъ ни рѣшительно намѣренъ былъ князь Ларіонъ, по обѣщанію своему Софьѣ Ивановнѣ, „постараться сумѣть“ въ разговорѣ съ любезною невѣсткой говорить съ ней такъ чтобъ она „поняла“ и послушала,—но онъ былъ дѣйствительно не Зяблинъ: онъ не умѣлъ находить *подходящихъ* подъ ея пониманіе словъ, способныхъ произвести на нее впечатлѣніе и заставить ее уклониться отъ прямаго предмета ея хотѣнія, къ которому она, какъ рогатыя животныя, неслась неизмѣнно головой внизъ, не видя ничего по сторонамъ и топча подъ ногами съ безжалостною тупостью четвероногаго все что̀ ни попадалось ей при этомъ на пути. Въ каждомъ его даже самомъ спокойномъ, самомъ миролюбивомъ словѣ она инстинктивно чуяла нерасположеніе его, его глубокое пренебреженіе къ ней, къ ея понятіямъ, къ ея „породѣ“—и чувствовала себя глубоко оскорбленною имъ. Она его и боялась и ненавидѣла въ одно и то же время во глубинѣ своей, какъ выражался онъ, „рабской“ натуры—и цѣплялась тѣмъ упорнѣе за рѣшеніе свое выдать дочь за графа Анисьева что (какъ далъ это понять ей однажды „бригантъ“) общественное положеніе этого предполагаемаго будущаго зятя ея должно было быть настолько

же блестящимъ насколько и положеніе ея beau frère, и что это давало ей возможность не нуждаться въ немъ болѣе, уйти отъ его гнета, отъ того чтò, говоря о князѣ Ларіонѣ графинѣ Анисьевой въ Римѣ, она называла „l'insupportable tyrannie de son grand air"....

— Моя дочь упряма, отвѣчала она хныча на его слова,— et volontaire comme l'était feu vôtre frére Michel, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie!...

— Ну, это еще неизвѣстно, кто былъ несчастнѣе, вы или мой братъ, такъ и вырвалось на это у князя Ларіона.

— Я, я, j'ai rendu Michel malheureux? возопила въ свою очередь Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своихъ подушкахъ;— докажите это, докажите!...

— Ничего я доказывать не стану, сказалъ онъ сдерживаясь—и готовъ даже признать что вы были несчастнѣйшею женщиной въ свѣтѣ и заслуживаете поэтому всякой жалости и слезъ, участія если вамъ угодно.... Но, признавъ это въ ваше удовольствіе, я осмѣлюсь спросить васъ далѣе: то именно что вы были несчастны сами не должно ли оно внушать вамъ самое горячее желаніе уберечь отъ такого же несчастія дочь вашу?

Аглая не поняла и захлопала глазами:

— Но о чемъ же я думаю какъ не о ея счастіи, Larion?

— По-вашему, счастіе для нея—этотъ флигель-адъютантъ, а по ней—это смерть и гибель; какъ не хотите вы это понять?

— Mais ce n'est qu'un caprice de sa part, Larion. Почему бы ей было не любить ce charmant jeune homme qui a tout pour lui?

— „Tout", презрительно сказалъ онъ,—кромѣ того чтò нужно чтобы заговорило сердце такого созданія какъ Hélène.. Впрочемъ, дѣйствительно, вамъ этого не понять! проговорилъ онъ сквозь зубы, поспѣшно вставая съ мѣста и принимаясь шагать по комнатѣ, какъ дѣлалъ онъ это всегда когда одолѣвало его волненіе.

— И какъ она можетъ предпочитать ему ce petit monsieur de rien, продолжала не слушая Аглая,—qui n'a aucune position dans le monde, и за котораго она теперь вздумала вдругъ выходить замужъ!... Развѣ можно позволить ей faire une mésalliance comme cela, Larion?

Онъ быстро повернулъ на нее изъ противоположнаго конца комнаты съ какимъ-то внезапнымъ нервнымъ порывомъ:

— Ну да, ну да, отрывисто, черезъ силу пропускалъ онъ слово за словомъ на ходу,—предпочитаетъ, любитъ, обожаетъ!... И что же мы съ вами противъ этого сдѣлать можемъ!... Что про-тивъ э-то-го сдѣлать можно? съ какою-то злобой отчеканивалъ онъ. — Никакого тутъ „mésalliance“ нѣтъ, все это вздоръ и пустяки ваши,—онъ и по рожденію своему, и по воспитанію развѣ только въ вашихъ понятіяхъ не пара Hélène. Онъ молодъ, *не жилъ*,—вотъ единственное что можно развѣ сказать противъ него... Но будь онъ и не то что онъ есть, будь онъ негодяй, бездѣльникъ, отъявленный мерзавецъ, что же вы сдѣлаете, что сдѣлаете, повторялъ князь Ларіонъ неестественнымъ, крикливымъ голосомъ,—когда она его любитъ... любитъ... понимаете ли вы, лю-битъ!

— Elle ne doit pas l'aimer, Larion! уперишсь какъ волъ въ стѣну, возглашала на это Аглая.

— „Ne doit pas“! повторилъ онъ ея интонаціей, совершенно выходя изъ себя;—ну, подите, помѣшайте, упросите или заставьте ее не любить, не думать, не страдать по немъ!... Ну, какъ, какъ, хотѣлъ бы я посмотрѣть, взялись бы вы за это?... Я знаю, вы способны на многое... но что же изъ этого? Ну, вы ее убьете, въ гробъ положите, а все же она за вашего селадона-іезуита въ аксельбантахъ не выйдетъ, а умретъ съ именемъ этого Гундурова на устахъ и въ сердцѣ... Господи, какъ бы вдругъ осиливъ себя, заговорилъ онъ другимъ, почти спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ, — да неужели все это не дается понять собственному вашему разсудку!... Ну, вы бы хоть на себѣ когда-нибудь испытали, легко ли сердце заставить отказаться отъ того что его влечетъ... Не велика сравнительно жертва, а попробуйте, напримѣръ, отказаться отъ удовольствія пить съ утра до вечера чай съ господиномъ Зяблинымъ вдвоемъ... Какъ вы это дѣлаете!

Этого Аглая не ожидала, и не въ силахъ была вытерпѣть; слова девера били ее по самому, чтобы не сказать единственному, чувствительному мѣсту ея толстокожаго существа: они задѣвали ея чувство къ „бриганту“,—а „бригантъ“ не на шутку состоялъ уже теперь на положеніи кумира въ сердечномъ храмѣ нашей княгини. Князь Ларіонъ и не думалъ чтобы былъ такъ мѣтокъ нанесенный имъ ударъ... Она вся вдругъ облилась оцтомъ и желчью:

— Я не позволяю вамъ говорить со мною такъ, князь Ларіонъ! Michel умеръ, и никто не имѣетъ права говорить мнѣ des impertinences... Je suis veuve и я могу дѣлать что хочу, pour vu qu'il n'y ait rien des scabreux... Я еще не старая женщина, и если захочу je puis me remarier à monsieur Ziabline et avoir d'autres enfants, и тогда дѣтямъ вашего брата достанется только половина моего состоянія. Но я этого не хочу, parceque je ne veux pas changer de nom... Monsieur Зяблинъ est un vrai ami, и это правда что онъ всегда льетъ чай со мною, parce qu'il aime le чай comme moi, но между нами il n'y a pas du tout ce que veus creyez, и вы это нарочно говорите чтобъ обижать меня, потому что сами вы, я знаю, amoureux fou de vôtre nièce, и не хотите чтобъ она выходила замужъ...

Она не успѣла договорить... и вдругъ вскрикнула и съ ужасомъ на лицѣ откинулась въ спинку своего дивана...

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, наклонившись до уровня ея глазъ, и, блѣдный какъ смерть, съ исковерканными отъ гнѣва чертами, шипѣлъ сквозь стиснутые зубы обрывающимся, бѣшенымъ голосомъ:

— Какъ смѣете это вы говорить! Кто сказалъ вамъ?... Это не ваше... Кто вамъ сказалъ?..

Она перепугана была такъ какъ никогда еще въ жизни:

— Au nom du ciel, Larion, забормотала она вся растерянная,—не сердитесь!.. Я ничего не хотѣла сказать вамъ... de désobligeant... Я только такъ, Larion...

— Кто вамъ сказалъ... Говорите! съ безумнымъ гнѣвомъ повторилъ онъ.

— Mon Dieu, Larion, за что вы такъ сердитесь!.. Vous aimez beaucoup Lina, это всѣ знаютъ... и если я даже сказала что вы немножко... il n'y a pas de mal... потому что уже мущины не могутъ, ils font toujours du sentiment... Это Ольга мнѣ сказала, Larion, вдругъ такъ и выпустила она, сама не вѣдая какъ, подъ вліяніемъ неодолимаго страха, который внушалъ онъ ей въ эту минуту.

— А! сказалъ онъ только, выпрямляясь во весь ростъ,— эта дѣвчонка!..

Онъ нѣсколько минутъ затѣмъ, тяжело дыша и не спуская съ нея своихъ, полныхъ отвращенія и какой-то безконечной тоски, глазъ, оставался безмолвнымъ, какъ бы соображая что-то.. Аглая, подъ тяжестью этого взгляда, не знала

съ своей стороны куда дѣвать глаза и металась грузнымъ тѣломъ своимъ по мягкому дивану не находя себѣ на немъ мѣста.

— Послѣ того что̀ вы сказали, молвилъ онъ наконецъ,— мнѣ слѣдовало бы немедленно выѣхать изъ вашего дома, и никогда болѣе въ жизни не видать васъ... Я этого не сдѣлаю, не могу сдѣлать, потому что я нуженъ Hélène, *дочери брата моего*, подчеркнулъ онъ:—безъ меня вы ее дѣйствительно въ гробъ вгоните. А этого я вамъ не дозволю, пока живъ!.. Но оставаясь здѣсь, вы понимаете что я не желаю встрѣчаться съ вашею... наушницей, съ этою презрѣнною дѣвчонкой... Вы попросите ее сегодня же выбраться отсюда,—а не то я самъ ей скажу!..

— Mon Dieu, Larion, залопотала отчаяннымъ голосомъ Аглая,—но какъ же это сдѣлать?.. Vous savez что она сегодня вечеромъ должна играть на театрѣ... nôtre second spectacle... и у насъ гости...

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было,—дѣлайте какъ знаете, а не то я самъ объ этомъ постараюсь,—хуже будетъ... А Hélène, разъ она этого не желаетъ, за вашего Анисьева не выйдетъ,—знайте это разъ навсегда!

Онъ выговорилъ это медленно, отчетливо, спокойно, тѣмъ рѣшительнымъ тономъ который какъ бы и не предполагаетъ возможности возраженія—Аглаѣ и въ голову не пришло возражать,—и не глядя на нее обернулся и вышелъ изъ комнаты.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗИКИ

телефонъ, фонографъ, микрофонъ и ихъ приложенія *

Исторія физики представляетъ намъ много примѣровъ того какъ иногда весьма важное и полезное открытіе въ началѣ остается какъ бы незамѣченнымъ и лишь въ послѣдствіи находитъ себѣ достаточную оцѣнку. Весьма рѣдко, напротивъ того, случается чтобы какое-либо изобрѣтеніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе, заставляло бы говорить о себѣ и ученыхъ, и неспеціалистовъ.

Спрашивается: что̀ же было причиной громадной популярности недавно изобрѣтенныхъ: телефона, фонографа и микрофона, что̀ способствовало тому что о нихъ заговорили повсюду, что каждый почти день печать приноситъ намъ новыя о нихъ извѣстія, разказы въ значительной степени преувеличенные? Причину этого слѣдуетъ искать какъ въ геніальности самыхъ изобрѣтеній и великой будущности пред-

---

* Читано (въ извлеченіи) въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы 3го октября 1878 года.

стоящей этимъ снарядамъ, такъ и въ томъ обстоятельствѣ что никогда быть-можетъ болѣе значительные, изумительные, можно сказать, результаты не были достигнуты болѣе простыми средствами. Но кромѣ того кажется что причину успѣха новыхъ изобрѣтеній слѣдуетъ искать и въ присущей нашему духу особенности, заключающейся въ томъ что̀ ближе всего и дороже всего человѣку—самъ человѣкъ. Такъ напримѣръ, какъ бы совершенъ ни былъ музыкальный инструментъ, какіе волшебные звуки мы бы изъ него ни извлекали, все же человѣческій голосъ привлекаетъ насъ всего болѣе и въ сравненіи съ нимъ ничтоженъ даже звукъ скрипки, обладающей наибольшею пѣвучестью, наибольшею музыкальною выразительностью. Это потому что между тѣмъ какъ музыкальные инструменты передаютъ намъ *тоны*, голосъ человѣческій передаетъ намъ *слова* и не одни только слова, не одну только интонацію голоса, но и мысль говорящаго и душевное его настроеніе въ данную минуту.

Мысль нашу уже давно, благодаря телеграфу, мы имѣемъ возможность передавать на громадныя разстоянія съ быстротой почти молніи; мало того, посредствомъ пантелеграфа Казелли имѣется возможность передать и почеркъ руки, даже портретъ; телефонъ же передаетъ живое наше слово, и вотъ что̀ намъ всего дороже. Нашъ собесѣдникъ не только распознаетъ кто говоритъ съ нимъ посредствомъ телефона; ему понятно даже расположеніе духа говорящаго: его удовольствіе, когда слова передаются хорошо, его нетерпѣніе, если бесѣда не идетъ такъ плавно какъ бы желательно. Вотъ почему открытый Бостонскимъ профессоромъ Белломъ (Alexander Graham Bell) *телефонъ* обратилъ на себя всеобщее вниманіе публики и справедливо знаменитый В. Томсонъ уже на Филадельфійской Всемірной Выставкѣ (лѣтомъ 1876) назвалъ этотъ снарядъ чудомъ изъ чудесъ электрической телеграфіи.

Но не успѣла еще европейская публика достаточно ознакомиться съ изобрѣтеніемъ Белла, какъ въ началѣ января текущаго года американскія газеты принесли намъ вѣсть о еще болѣе чудесномъ, почти невѣроятномъ открытіи, сдѣланномъ Эдисономъ въ Нью-Йоркѣ. Снарядъ имъ придуманный и названный *фонографомъ* можетъ говорить человѣческимъ голосомъ, можетъ повторять сколько угодно разъ и спустя какой угодно промежутокъ времени произнесенныя предъ нимъ фразы и мелодіи. Въ маѣ же текущаго года

дошло до насъ извѣстіе о новомъ открытіи, сдѣланномъ Юзомъ (извѣстнымъ изобрѣтателемъ пишущаго электрическаго телеграфа), также въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (въ Louisville). Посредствомъ придуманнаго имъ *микрофона* можно передавать самые слабые звуки (напримѣръ бой карманныхъ часовъ и треніе другъ о друга ихъ зубчатыхъ колесъ) на значительное разстояніе; этого мало: недосягаемые даже для человѣческаго уха звуки, напримѣръ движеніе мухи, также передаются этимъ снарядомъ.

Слухи объ этихъ чудесныхъ открытіяхъ приняты были сначала въ Европѣ весьма недовѣрчиво, и должно признаться что долгое время считали ихъ за одну изъ тѣхъ газетныхъ утокъ коими такъ изобилуетъ американская печать. Когда же удалось видѣть самые снаряды и воочію убѣдиться въ удивительныхъ ихъ дѣйствіяхъ, то прежній скептицизмъ уступилъ мѣсто безграничному удивленію, породившему въ скоромъ времени самые фантастическіе разказы и анекдоты.

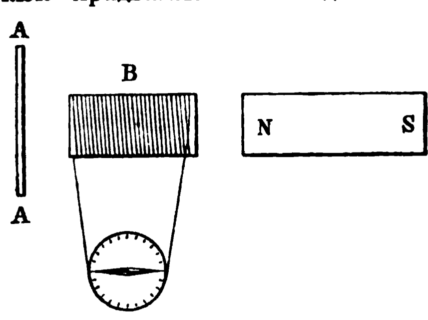
Мы намѣрены предложить нашимъ читателямъ описаніе этихъ снарядовъ, заслужившихъ въ столь короткое время такую популярность, а также теорію на которой основано ихъ устройство.

I.

Устройство *телефона* основано на слѣдующихъ теоретическихъ началахъ:

1. Вообразимъ себѣ мѣдную проволоку, покрытую шелкомъ или гуттаперчей (изолированную); проволока эта извивается улиткообразно. Если внутрь ея вложимъ брусокъ мягкаго желѣза и концы проволоки соединимъ съ полюсами гальванической батареи, то въ моментъ замыканія тока (то-есть прохожденія его по проволокѣ) брусокъ намагнитится и останется магнитомъ во все время прохожденія тока. При прекращеніи же тока магнетизмъ исчезаетъ, но проявляется вновь какъ скоро замкнемъ токъ. Итакъ мы видимъ что гальваническій токъ можетъ въ желѣзѣ возбудить магнетизмъ. Обратно: если въ улиткообразную металлическую проволоку, концы которой соединены между собою или непосредственно, или же посредствомъ гальванометра (снаряда обнаруживающаго присутствіе тока), быстро вложимъ

магнитную полосу, то въ этотъ моментъ по проволокѣ пробѣгаетъ токъ, именуемый *индуктивнымъ* или *наведеннымъ*. Появленіе этого тока лишь *мгновенное*, послѣ чего онъ прекращается и появляется лишь въ моментъ удаленія магнитной полосы, но также на мгновеніе и притомъ по направленію обратному первоначально появившемуся току. Вмѣсто вложенія и вынимaнія магнитной полосы достаточно мгновенно приближать или удалять ее отъ проволоки или же послѣднюю придвигать или отодвигать отъ магнита.



(фиг. 1)

2. Сдѣлаемъ еще шагъ: вообразимъ себѣ (фиг. 1) цилиндръ мягкаго желѣза B, обмотанный изолированною проволокой; это называется *бобиной*. Если концы проволоки соединены между собою и вблизи бобины находится магнитъ NS, то, несмотря на то что подъ вліяніемъ послѣдняго желѣзо бобины также намагничено, въ проволокѣ никакого тока не замѣчается. Но послѣдній появится тотчасъ, если быстро станемъ магнитъ къ бобинѣ приближать или же его быстро отодвигать. Въ обоихъ случаяхъ мгновенно появляются индуктивные токи, имѣющіе разное направленіе, ибо очевидно это все равно что еслибы мы въ проволоку быстро вложили или изъ нея быстро вынули магнитъ.

3. Вообразимъ себѣ наконецъ что магнитъ NS мы относительно бобины не двигаемъ; что все остается неподвижнымъ, но что мы внезапно, какимъ-либо образомъ, мгновенно измѣнили силу магнетизма магнита или бобины, то очевидно это все равно что внезапно приблизить или удалить другой магнитъ. Мы должны ожидать появленія индуктивныхъ токовъ, и дѣйствительно это такъ будетъ. Измѣнить же магнетизмъ бобины весьма легко, придвигая къ ней быстро даже весьма тонкую желѣзную пластинку A, а затѣмъ быстро отодвигая оную. При каждомъ приближеніи или удаленіи желѣзной пластинки A относительно бобины B, магнетизмъ бобины дѣйствуетъ на пластинку; послѣдняя при приближеніи магнитится и теряетъ свой магнетизмъ при удаленіи.

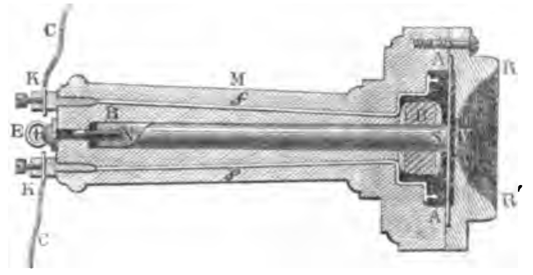
Въ свою очередь, магнетизмъ возбужденный въ пластинкѣ А оказываетъ взаимодѣйствіе на магнетизмъ бобины—усиливая или уменьшая его при послѣдовательномъ своемъ приближеніи или удаленіи, а слѣдствіемъ такого внезапнаго измѣненія магнетизма бобины, какъ уже видѣли прежде, будетъ появленіе индуктивнаго тока въ сомкнутой проволокѣ.

На этотъ послѣдній случай просимъ читателя обратить особенное вниманіе: на немъ, какъ увидимъ тотчасъ, Беллъ основалъ свой телефонъ.

Когда въ 1837 году Педжъ (Page) замѣтилъ что длинный желѣзный брусокъ, обвитый изолированною металлическою проволокой, при быстро другъ за другомъ слѣдующихъ намагничиваніяхъ и размагничиваніяхъ его (вслѣдствіе быстрыхъ замыканій и размыканій бѣгущаго въ проволокѣ тока гальванической батареи), издаетъ звукъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ переходить въ музыкальный тонъ, то конечно не могла не возникнуть мысль—нельзя ли передать и человѣческій голосъ на извѣстныя разстоянія? На практикѣ однакоже это удалось сдѣлать лишь въ 1861 году Рейсу, учителю въ Фридрихсдорфѣ недалеко отъ Франкфурта на Майнѣ. Снарядъ его состоялъ изъ двухъ различныхъ частей: аппарата принимающаго звукъ (récepteur) и снаряда его передающаго (transmetteur). Первый главнымъ образомъ состоялъ изъ ящика, снабженнаго широкою трубкой къ которой прикладывалъ ротъ поющій. Пузырь, натянутый на одной сторонѣ ящика, отъ сотрясенія воздуха при пѣніи приходилъ въ колебаніе и посредствомъ прикрѣпленнаго въ центрѣ его металлическаго штифта замыкалъ или прерывалъ гальваническій токъ. На другой станціи находился снарядъ Педжа, который при быстрыхъ появленіяхъ и исчезаніяхъ тока издавалъ звукъ, соотвѣтственный звуку издаваемому лицомъ поющимъ на первой станціи. Таковъ былъ снарядъ Рейса, который не былъ въ состояніи передавать человѣческій голосъ, а лишь мелодію и то весьма несовершенно. Очень недавно на улицахъ Парижа во множествѣ продавались такъ-называемые телефоны съ нитью (téléphones à ficelle), чрезвычайно простыя и дешевыя игрушки, могущія на незначительныхъ разстояніяхъ довольно хорошо передавать не только мелодію, но и разговоръ. Телефонъ этотъ состоялъ изъ маленькой трубки, на одномъ концѣ

которой натягивался пергаменъ. Шелковый или нитяный шнурокъ, прикрѣпленный въ центрѣ перепонки, другимъ концомъ своимъ прицѣплялся къ центру пергамена другаго телефона. При *туго натянутомъ* шнуркѣ два лица, снабженныя каждый телефономъ и говорящія въ открытый конецъ трубки, могли хорошо и внятно переговариваться между собою на разстояніи ста и даже полутораста метровъ, благодаря сотрясенію пергамена и *механической* передачѣ этихъ сотрясеній пергамену другаго телефона посредствомъ шнурка.

Не упоминая о различныхъ болѣе и менѣе удачныхъ попыткахъ устроить снарядъ могущій на значительныя разстоянія передавать голосъ человѣческій, * перейдемъ прямо



(Фиг. 2.)

къ описанію телефона Белла въ наиболѣе употребительной его формѣ(фиг. 2). Въ круглой на одномъ концѣ расширенной деревянной трубкѣ M находится магнитный брусокъ NS, прикрѣпленный съ одного конца своего къ трубкѣ посредствомъ винта *t*; винтъ этотъ, управляемый посредствомъ ручки E, придвигаетъ или отодвигаетъ магнитный брусокъ NS отъ желѣзной тонкой пластинки A, A, вложенной въ пазахъ трубки, но могущей совершать весьма малыя движенія взадъ и впередъ. На свободномъ концѣ магнита S насажена бобина B, состоящая изъ цилиндра мягкаго желѣза, обвитаго изолированною проволокой; два конца этой тонкой проволоки прикрѣплены неподвижно къ болѣе толстымъ проволокамъ *f*, *f* оканчивающимся клеммами съ винтами K, K, куда прикрѣпляются металлическіе проводники C. C, идущіе къ

---

* Наиболѣе удачная мысль принадлежитъ Грею въ Чикаго и это подало поводъ къ спору послѣдняго съ Белломъ касательно первенства открытія. Даже патентъ взятъ ими въ одинъ и тотъ же день 14го (2) февраля 1876 года.

двумъ другимъ винтамъ другаго такого же телефона, находящагося на другой станціи. Губы говорящаго въ телефонъ приближаются къ воронкообразному углубленію RR' телефона, имѣющему въ V отверстіе, вблизи коего находится пластинка AA. Послѣдняя, вслѣдствіе колебанія воздуха говорящимъ въ воронку, приходитъ въ сотрясеніе и тѣмъ измѣняетъ въ каждое мгновеніе свое положеніе относительно бобины B. Вслѣдствіе этого, какъ мы уже видѣли выше, измѣняется магнетизмъ послѣдней, а это обстоятельство вызываетъ въ проволокѣ бобины индуктивный токъ, идущій чрезъ концы f', f, винты K, K и проволоки C, C къ другому телефону. Такимъ образомъ явленія происходящія въ обоихъ телефонахъ во время разговора представляются въ слѣдующей послѣдовательности: 1) сотрясеніе воздуха во время произнесенія словъ (или мелодіи) въ первомъ телефонѣ; 2) приближеніе или удаленіе вслѣдствіе этого его упругой пластинки A относительно ближайшаго къ ней полюса магнитнаго бруска и бобины B; 3) возбужденіе индуктивнаго тока въ проволокѣ бобины B; 4) этотъ токъ, проходя по проволокѣ бобины B' телефона другой станціи, измѣняетъ магнетизмъ этой бобины; 5) вслѣдствіе этого измѣняется относительное положеніе ея упругой пластинки A', приходящей вслѣдствіе этого въ колебаніе; 6) колебаніе пластинки обусловливаетъ колебаніе воздуха, а слѣдовательно и повтореніе словъ или тоновъ произносимыхъ на первой станціи.

Вглядываясь въ устройство и дѣйствіе телефона легко замѣтить особенности его, состоящія въ слѣдующемъ: 1) телефонъ дѣйствуетъ безо всякой гальванической батареи; 2) будучи разъ установленъ, онъ дѣйствуетъ неопредѣленное время, не требуетъ ни издержекъ, ни научной подготовки со стороны говорящихъ. 3) Между телефономъ принимающимъ депешу (récepteur) и передающимъ оную (trasmetteur) нѣтъ ни малѣйшаго различія и каждый изъ нихъ очевидно можетъ служить для обѣихъ цѣлей. Было бы неправильно сказать что слова и звуки *передаются* отъ одного телефона другому: передается лишь индуктивный токъ, а послѣдній уже *воспроизводитъ* все то что̀ говорено было въ первый снарядъ.

Надлежало ожидать что телефонъ, предназначенный для всеобщаго употребленія, несмотря на весьма недавнее свое появленіе, обратитъ на себя общее вниманіе и вызоветъ многія

разновидности и усовершенствованія. Такъ и случилось; но намъ нѣтъ нужды упоминать о всѣхъ до сего времени появившихся системахъ телефоновъ. Мы ограничимся существенными усовершенствованіями, уже получившими практическое приложеніе:

1) Хотя для переговоровъ одной станціи съ другой необходимы, какъ мы уже видѣли, двѣ проволоки, идущія отъ обоихъ концовъ проволоки одного телефона къ таковымъ же другаго (обѣ эти проволоки можно даже сплести вмѣстѣ, такъ какъ обѣ онѣ изолированы); но можно, подобно какъ въ электрическомъ телеграфѣ, довольствоваться одною только проволокой; роль же другой проволоки принимаетъ на себя земля. Для этого достаточно на каждой станціи погрузить въ землю мѣдный листъ, металлически соединенный съ однимъ изъ концовъ проволоки обмотанной вокругъ бобины. Этимъ расходъ на проложеніе телефонной линіи значително сокращается.

2. Для усиленія звуковъ въ телефонѣ, вмѣсто магнитной полосы, недавно стали употреблять магнитъ подковообразный, полюсами своими дѣйствующій на одну и ту же пластинку; благодаря этому сила звука въ значительной степени увеличивается.

3. Такъ какъ звуки передаваемые телефономъ доходятъ до другой станціи довольно слабо и большею частью слышны бываютъ лишь при приближеніи снаряда къ уху, то явилась необходимость въ устройствѣ особаго сигнала, который увѣдомлялъ бы принимателя депеши всякій разъ когда отправитель оной желаетъ съ нимъ бесѣдовать. Въ обыкновенномъ электрическомъ телеграфѣ это достигается весьма легко посредствомъ электрическаго звонка, приводимаго въ движеніе тѣмъ же гальваническимъ токомъ батареи который движетъ самый телеграфный аппаратъ. Въ телефонѣ же, гдѣ гальванической батареи нѣтъ вовсе, а индуктивный токъ чрезвычайно слабъ, устройство звонка представляетъ большое затрудненіе, если только мы не пожелаемъ придать къ телефону особенный электрическій звонокъ, что̀, съ одной стороны, обусловливало бы употребленіе батареи и требовало бы расходовъ и ухода за гальваническими элементами, а съ другой стороны лишило бы телефонъ самостоятельности и главное— простоты и дешевизны. Къ счастію, весьма недавно неудобство это устранено способомъ, придуманнымъ знаменитымъ Симен-

сомъ, столь же простымъ какъ и остроумнымъ—простымъ свисткомъ. Свистокъ этотъ (подобно гармоникѣ) основанъ на дрожаніи упругой пластинки вслѣдствіе вдуванія воздуха; дрожаніе приводитъ въ колебаніе маленькій металлическій лестикъ, прикасающійся къ пластинкѣ. Если свистокъ этотъ поставить въ отверстіе телефона, то лестикъ, по тяжести своей опускаясь, прикасается къ желѣзной пластинкѣ телефона и при вдуваніи воздуха въ свистокъ начинаетъ стучать объ эту пластинку и колебать ее. Происшедшій индуктивный токъ въ свою очередь заставляетъ колебаться желѣзную пластинку находящагося на другой станціи телефона. Это колебаніе сообщается лестику надѣтаго на этотъ телефонъ свистка и послѣдній немедленно даетъ знать присутствующему въ комнатѣ о желаніи находящагося на первой станціи собесѣдника начать переговоры.

Но какъ бы хорошъ ни былъ телефонъ, очевидно что первоначальная сила звука говорящаго должна много терять во время передачи именно вслѣдствіе того что часть ея потребляется на движеніе воздуха и обѣихъ пластинокъ, на возбужденіе тока и главнымъ образомъ на побѣжденіе сопротивленія представляемаго послѣднему проволоками по коимъ онъ проходитъ. Изъ опытовъ дознано что въ телефонѣ звукъ говорящаго ослабляется въ 2.000—8.000 разъ, и вотъ причины почему телефонъ въ большей части случаевъ долженъ быть подносимъ къ уху.

Любопытенъ вопросъ: какъ велика сила индуктивнаго тока воспроизводящаго въ телефонѣ человѣческій голосъ? Оказывается что она совершенно ничтожна, почти въ *билліонъ* разъ менѣе силы тока дѣйствующаго въ обыкновенныхъ телеграфахъ, и по этой причинѣ обыкновенными нашими гальванометрами даже ощущаемъ быть не можетъ; одинъ лишь крайне чувствительный гальванометръ Томсона можетъ указать намъ на присутствіе тока въ телефонѣ. Ничтожность этого тока возбудила въ нѣкоторыхъ даже сомнѣніе: вслѣдствіе ли тока дѣйствуетъ телефонъ, не происходитъ ли тутъ простая *механическая* передача звука, подобно какъ мы видимъ это въ телефонѣ съ нитью? Неосновательность этого мнѣнія можно доказать просто тѣмъ что если одна изъ проволокъ связывающихъ оба телефона будетъ порвана, то телефонъ молчитъ, хотя бы другая проволока была совершенно цѣла. Кромѣ того, изъ опытовъ Зетче оказывается

что передача звука посредствомъ телефона происходитъ гораздо скорѣе чѣмъ какъ надлежало бы ожидать, зная скорость механическаго распространенія звука чрезъ металлическую проволоку. А тѣмъ не менѣе ничтожная, какъ мы видѣли, сила индуктивнаго тока способствуетъ не только отчетливой передачѣ человѣческаго голоса, съ малѣйшими его модуляціями, но дозволяетъ эту передачу даже на весьма значительное разстояніе. Изъ числа многихъ уже проложенныхъ телефонныхъ линій (въ одной Германской имперіи въ настоящее время около полутораста такихъ линій находятся въ дѣйствіи), наидлиннѣйшая, между Бостономъ и Нью-Йоркомъ, имѣетъ протяженіе болѣе 400 километровъ. Весьма хорошо также дѣйствуетъ телефонъ посредствомъ подводнаго кабеля, проложеннаго между Дувромъ и Кале.

Замѣчательно что телефонъ дозволяетъ переговариваться не только двумъ лицамъ, но и большему числу. Въ Нью-Йоркѣ пять лицъ были одновременно помѣщены въ цѣпь связывающую двѣ станціи; каждое изъ нихъ снабженное телефономъ могло весьма явственно разслышать все о чемъ между собою разговаривали остальныя лица; перекрестные вопросы и отвѣты слышались совершено явственно. Равнымъ образомъ два собесѣдника снабженные телефонами могли ясно слышать разговоръ передаваемый посредствомъ проволоки находившейся отъ ихъ проволоки на разстояніи пятидесяти сантиметровъ, причемъ весьма хорошо можно было различать даже тембръ говорящихъ лицъ.

Нѣкоторые ошибочно полагаютъ будто для болѣе успѣшной передачи рѣчи посредствомъ телефона, въ послѣдній нужно кричать. Слишкомъ громкій разговоръ заставляетъ пластинку телефона не только сотрясаться, но и звучать и издавать тонъ ей свойственный, вслѣдствіе чего самыя слова заглушаются. Всего лучше говорить членораздѣльно, ясно и стараясь чтобъ издаваемые звуки по возможности подходили къ тонамъ музыкальнымъ. Губы слѣдуетъ держать близко къ воронкѣ телефона, впрочемъ не касаясь къ пластинкѣ и не приближая рта слишкомъ близко къ послѣдней. Иногда удается передавать рѣчь даже шепотомъ; подобная передача произведена была успѣшно на протяженіи почти ста верстъ, между Лондономъ и Ипсвичемъ. Лучше всего передаются гласныя буквы, хуже—согласныя, въ особенности: ж, к, м, н. Мелодія передается весьма хорошо и можетъ быть слышна

лицами находящимися отъ телефона на разстояніи даже 10—15 саженъ.

Кромѣ приложеній въ практической жизни, телефонъ сумѣлъ уже сослужить службу и наукѣ: оказывается что онъ можетъ быть употребляемъ какъ самый чувствительный изъ гальваноскоповъ для узнаванія присутствія гальваническаго тока. Если въ предполагаемый токъ введенъ будетъ телефонъ и токъ этотъ будетъ прерываться посредствомъ приводимаго въ колебаніе камертона, то, несмотря на звукъ издаваемый послѣднимъ, въ телефонѣ ничего не будетъ слышно. Если же токъ дѣйствительно пробѣгаетъ по проволокѣ, то телефонъ звучитъ въ унисонъ съ камертономъ.

Благодаря своей чувствительности, телефонъ можетъ легко передавать звуки происходящіе вблизи его и весьма удобно можетъ быть употребляемъ во время войны для перехватыванія телеграфной депеши. Для этого надобно вблизи телеграфной проволоки, на тѣхъ же самыхъ столбахъ, проложить телефонный проводникъ (двѣ свитыя, но изолированныя другъ отъ друга проволоки) и соединить его съ телефономъ: послѣдній весьма ясно передаетъ уху депешу телеграфную. Общеупотребительный телеграфъ Морза передаетъ, какъ извѣстно, депеши посредствомъ сочетанія точекъ и черточекъ проводимыхъ на бумажной лентѣ остріемъ. Для этого на передающей депешу станціи, посредствомъ такъ-называемаго ключа, гальваническій токъ замыкается весьма короткое время для произведенія на лентѣ точки или же на время нѣсколько болѣе продолжительное — для черточки. Происходящіе отъ замыканія и размыканія тока послѣдовательные удары ключа о металлическую пластинку (tic-tac) весьма хорошо слышны будутъ посредствомъ телефона и, будучи переводимы также на бумагѣ, легко обнаруживаютъ передаваемую депешу. А такъ какъ эта передача телефономъ особенно хорошо удается ночью (по причинѣ отсутствія посторонняго шума и болѣе однородныхъ слоевъ воздуха) и въ это именно время особенно легко непріятелю проложить телефонную проволоку, то понятно что слѣдуетъ тогда быть особенно осторожнымъ.

Телефонъ можетъ съ пользой быть употребленъ въ крѣпостяхъ для передачи приказаній и командъ разнымъ частямъ войскъ и батареямъ, а также во время поднятія на воздушномъ шарѣ, съ цѣлью развѣдки непріятельской позиціи: къ

веревкѣ за которую удерживается шаръ (ballon captif) могутъ легко быть привязаны проволоки идущія отъ телефона и посредствомъ послѣдняго аэронавтъ немедленно можетъ передавать свои наблюденія. Попытка употребленія телефона сдѣлана была въ русскихъ войскахъ во время послѣдней Турецкой компаніи. Проводъ длиной отъ четырехсотъ до пятисотъ саженъ легко былъ прокладываемъ однимъ человѣкомъ и звуки передавались ясно, несмотря на дурную погоду. Во время же сраженія шумъ и грохотъ орудій значительно препятствовалъ ясной передачѣ словъ и для уменьшенія этого вреднаго вліянія принуждены были голову переговаривавшихъ накрывать широкимъ башлыкомъ. Телефонъ оказываетъ отличную пользу при переговорахъ между собою стоящихъ на рейдѣ кораблей, а также во время погруженія человѣка на дно моря. Если въ непроницаемый для воздуха и воды головной уборъ, который надѣваетъ водолазъ (scaphandre) помѣстить телефонъ, то можно весьма легко переговариваться съ водолазомъ, и нѣтъ надобности вытаскивать его для этого на поверхность воды, какъ это вынуждены были дѣлать до сего времени.

Начиная съ осени 1878 года телефонъ употребляется въ Англіи и Сѣверной Америкѣ въ каменно-угольныхъ копяхъ. Теперь нѣтъ болѣе нужды пріучать рудоколовъ къ пониманію телеграфныхъ знаковъ и передачѣ депешъ посредствомъ телеграфа, требующаго установки батареи и постояннаго поддержанія оной въ исправности: всякій рудоколъ безъ труда можетъ переговариваться посредствомъ телефона какъ съ товарищами своими, находящимися въ отдаленной шахтѣ, такъ и съ лицами на поверхности земли находящимися. Послѣднія могутъ даже убѣдиться каждый разъ, происходитъ ли въ шахтѣ вентиляція съ желаемою правильностію: телефонъ, установленный вблизи вентилятора, передаетъ другому телефону, находящемуся въ рукахъ инженера, шумъ производимый вертушкой; какъ скоро вентиляторъ почему-либо пріостановился телефонъ также умолкаетъ.

На дняхъ газеты принесли извѣстіе о новомъ телефонѣ, изобрѣтенномъ г. Полларомъ (Pollard) и съ успѣхомъ испробованномъ г. Дю-Монселемъ. Если взять тетрадку бумаги и между ея листками положить листики оловянные, за тѣмъ верхній и нижній листикъ сообщить съ полюсами гальванической батареи и въ цѣпь ввести извѣстную индуктивную

катушку Румкорфа и телефонъ, то если въ послѣдній станемъ пѣть, бумага, находящаяся въ значительномъ удаленіи отъ телефона, начнетъ также повторять пѣніе до того громко что оно можетъ быть слышно на всю комнату.

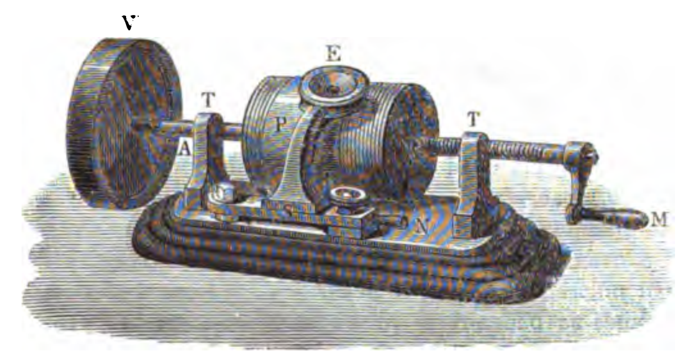
Уже прежде изъ опытовъ Дюбуа-Реймона и Ціона извѣстно было что индуктивный токъ телефона можетъ приводить въ сокращеніе нервы лягушки и, стало-быть, можетъ служить при физіологическихъ изслѣдованіяхъ. Если проволоки телефона соединить съ нервомъ лягушки, то произнося въ телефонъ различныя слова, и слѣдовательмо производя въ телефонѣ индуктивные токи разной силы, можно дѣйствовать ими на нервы и на мышцы лягушки, причемъ различныя гласныя буквы производятъ различное дѣйствіе: сильнѣе всего дѣйствуютъ *а*, *о*, *у*, слабѣе всего *и*, *е*. Поэтому если произносить въ телефонъ слова *zucke* или *secousse*, то лапка лягушки сокращается, но остается въ покоѣ если произнесены будутъ слова: *liege* или *tranquille*.

II.

Еще не успѣла Европа достаточно ознакомиться съ телефономъ Белла, какъ 18го января новаго стиля 1878 года американская газета *Scientific American* принесла читателямъ слѣдующую поразительную новость: „Томасъ Эдисонъ, разказываетъ газета, на дняхъ (15го января) пришелъ въ нашу контору, поставилъ на столъ маленькую машину, началъ вертѣть рукоятку, и машина спросила насъ: какъ ваше здоровье? нравится ли вамъ фонографъ? и въ заключеніе пожелала намъ спокойной ночи. Эти слова слышны были не только намъ (редактору), но и двѣнадцати другимъ лицамъ, стоявшимъ вокругъ стола. Они произнесены были маленькимъ приборомъ, коего описаніе и рисунокъ здѣсь прилагаются.“

Таково было первое извѣстіе о фонографѣ, которое можно было принять за совершенно фантастическій разказъ еслибъ оно не было такъ категорически заявлено редакціей и вскорѣ подтверждено другими органами американской печати, въ томъ числѣ и весьма серіознымъ журналомъ *Engineering*. Когда же истина изумительнаго изобрѣтенія Эдисона стала внѣ всякаго сомнѣнія, то всѣ ожидали увидать снарядъ

сложный, дорогой и громоздкій. Ожиданія эти оказались совершенно неосновательными: никогда болѣе изумительный результатъ не былъ достигнутъ болѣе простымъ снарядомъ, менѣе сложнымъ механизмомъ!..

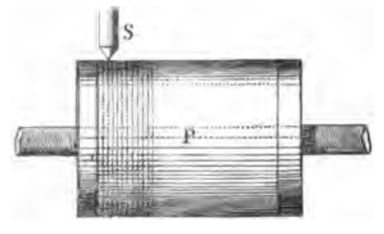


(Фиг. 3).

Вообразимъ себѣ (фиг. 3) металлическій цилиндръ P, ось коего AA, опирающаяся на подставкахъ TT, можетъ быть приводима во вращеніе посредствомъ ручки M, и подобно винту въ гайкѣ, благодаря винтовымъ нарѣзкамъ находящимся на оси, а также внутри T T цилиндръ P при вращеніи ручки будетъ медленно подвигаться въ горизонтальномъ направленіи впередъ и назадъ, смотря по тому въ какую сторону происходитъ вращеніе ручки. Для большей равномѣрности самаго вращенія ось снабжена маховымъ колесомъ V. На поверхности цилиндра находятся точно такія же винтовыя нарѣзки какъ на оси AA, слѣдовательно, при полномъ обращеніи ручки, цилиндръ поступитъ каждый разъ на длину винтоваго хода. Вблизи цилиндра находится стойка S, на концѣ которой укрѣплена металлическая воронка E. Дно воронки образуетъ или весьма тонкая, упругая металлическая пластинка, или же просто пергаменъ, туго натянутый, къ центру коего прикрѣплено маленькое стальное остріе, касающееся поверхности цилиндра. Такъ какъ стойка S съ воронкой внизу утверждена къ дощечкѣ, вращающейся около оси C, то ослабляя винты R и N, можно отодвинуть стойку отъ цилиндра и опять, придвинувъ ее къ нему, закрѣпить винтомъ R, для того чтобъ остріе пергамена постоянно касалось поверхности цилиндра. Вообразимъ себѣ что предъ опытомъ поверхность цилиндра покрыта была тонкимъ оловяннымъ

листомъ; воронка съ остріемъ придвинута къ цилиндру и цилиндръ приведенъ предварительно ручкой M въ такое положеніе что остріе касается почти края цилиндра (тамъ гдѣ начинаются винтовыя нарѣзки). Если остріе попало разъ въ углубленіе нарѣзки, то оно во все время вращенія (а слѣдовательно и поступленія впередъ цилиндра) будетъ оставаться внутри нарѣзки и станетъ бороздить поверхность оловяннаго листа, проводя по немъ также винтовую борозду.

Но что̀ будетъ, если во время вращенія цилиндра ручкой M, мы, прикладывая плотно ротъ къ воронкѣ E, станемъ громко говорить? Каждый произносимый нами звукъ, каждый слогъ заставляетъ воздухъ въ воронкѣ колебаться, и колебанія эти послѣдовательно передаются острію. Очевидно что послѣднее на оловянной пластинкѣ станетъ чертить рядъ точекъ или линій, смотря по силѣ и продолжительности сотрясеній ему передаваемыхъ. Другими словами: произносимая нами фраза стенографировалась какими-то точками и штрихами, то-есть азбукой изобрѣтенною какъ бы самимъ остріемъ и столь мелкою что глазъ едва можетъ усмотрѣть ее. (Фиг. 4 показываетъ цилиндръ и остріе въ большемъ видѣ.)



(Фиг. 4).

Итакъ, фонографъ отпечаталъ наши слова или мелодію, закрѣпилъ ихъ для прочтенія кому и когда угодно! Но какъ читать подобные іероглифы?

Заставимъ самъ фонографъ прочесть намъ громко имъ написанное. Ослабимъ винтъ R, отодвинемъ немного воронку и остріе отъ цилиндра, послѣ чего станемъ вертѣть ручку M въ сторону обратную предыдущей, для того чтобъ опять, приблизивъ остріе, оно попало въ то самое мѣсто, откуда оно начало чертить на пластинкѣ въ первый разъ. Что̀ будетъ, если, приблизивъ опять остріе къ цилиндру, станемъ вертѣть ручку попрежнему? Очевидно что остріе пройдетъ по знакамъ имъ же самимъ начертаннымъ и попадая каждый разъ на точку или черточку оно, а также и пергаменъ придутъ въ сотрясенія и что послѣднія будутъ повторяться *въ томъ же*

самомъ порядкѣ какъ прежде, во время произнесенія словъ (или мелодіи) въ фонографъ. Колебанія пергамена передаются посредствомъ воздуха нашему уху и послѣднее слышитъ тѣ же звуки какіе произнесены были прежде говорившимъ въ фонографъ; другими словами: мы слышимъ повтореніе сказаннаго и фонографъ читаетъ громко и человѣческимъ же голосомъ воспринятое имъ изъ устъ человѣческихъ! Голосъ или слово наше произвело на фонографъ извѣстное впечатлѣніе (начертило рядъ точекъ и линій); фонографъ, въ свою очередь, воспроизводитъ слово, передаетъ голосъ.

Всякое необычайное открытіе часто сопровождается разказами о случайностяхъ подававшихъ поводъ къ оному. Такъ и открытіемъ своего фонографа Эдисонъ обязанъ будто бы цилиндрической своей шляпѣ, въ которую случилось ему произносить слова, въ то время какъ руки его опирались на наружную сторону дна шляпы. Дрожаніе воздуха сообщалось послѣднему и пальцы могли ощущать большее или меньшее колебаніе, смотря по качеству произносимыхъ звуковъ. По другимъ разказамъ, Эдисонъ при опытахъ съ телефономъ, къ упругой пластинкѣ коего прикрѣплено было остріе, почувствовалъ сильный уколъ въ тотъ моментъ когда остріе, случайно касавшееся его пальца, пришло въ колебаніе отъ передачи разговора посредствомъ телефона. Если остріе подъ вліяніемъ человѣческаго голоса въ состояніи уколоть палецъ до крови, сказалъ себѣ Эдисонъ, то оно конечно будетъ въ состояніи производить уколы на болѣе тонкомъ еще веществѣ чѣмъ кожа (напримѣръ на оловянной пластинкѣ), и слѣдовательно есть возможность передавать голосъ человѣческій! Какъ бы то ни было, несомнѣнно что Эдисонъ, коему всего теперь тридцать одинъ годъ отъ роду и который давно уже извѣстенъ множествомъ своихъ изобрѣтеній (до сего времени взято имъ 157 привилегій), принадлежитъ къ числу величайшихъ геніевъ нашего времени по части механики, и много есть разказовъ какъ о его необычайной дѣятельности (онъ работаетъ около осьмнадцати часовъ въ сутки), такъ и о множествѣ различныхъ его изобрѣтеній въ области физики, механики и химіи. Замѣчательно что Эдисонъ, страдающій глухотой, сначала самъ не могъ разслышать звуковъ издаваемыхъ фонографомъ, и впервые показывая снарядъ

своему пріятелю, просилъ выслушать фонографъ, который, по его мнѣнію, *долженъ говорить*. Впрочемъ, первоначальная мысль о снарядѣ могущемъ передать голосъ человѣческій высказана была французскимъ ученымъ г. Кро (Charles Cros). Въ запечатанномъ пакетѣ, переданномъ имъ Французской Академіи Наукъ 30го апрѣля 1877 года и вскрытомъ лишь 3го декабря того же года, изложена идея о приборѣ весьма похожемъ на нынѣшній фонографъ Эдисона: острокопечіе прикрѣпленное къ упругой пластинкѣ, подъ вліяніемъ человѣческаго голоса, рисуетъ на закопченной стеклянной пластинкѣ разные знаки, которые потомъ переводятся рельефно (съ выпуклостями и вогнутостями) на сталь, послѣ чего остріе, проходя по этимъ же знакамъ, воспроизводитъ человѣческую рѣчь.

Для полученія санкціи своего прибора отъ ученаго міра, Эдисонъ рѣшился представить его Парижской Академіи Наукъ. Никогда быть-можетъ знаменитое собраніе не отличалось бо́льшимъ оживленіемъ чѣмъ въ засѣданіи 11го марта 1878 года, когда посланный Эдисона, г. Паскесъ (Paskas) заставилъ говорить фонографъ. Громкія рукоплесканія, необычныя въ ученой корпораціи, раздались повсюду, но не надолго. Вскорѣ послышался ропотъ что Академія обманута г. Паскесомъ, обладающимъ будто бы искусствомъ чревовѣщанія (ventriloque) и что произноситъ слова не фонографъ, а онъ. На бѣду, академикъ Дюмениль, пожелавшій, для прекращенія сомнѣнія, самъ произвесть опытъ, оказался по непривычкѣ весьма неискуснымъ; фонографъ не говорилъ, а издавалъ хрипъ, что̀ еще болѣе укрѣпило въ мысли объ обманѣ. Прибѣгли наконецъ къ рѣшительному опыту: Паскеса заставили удалиться въ другую отдаленную залу и тамъ произнести слова въ фонографъ, послѣ чего послѣдній, *запасшись словомъ*, принесенъ былъ въ залу засѣданія и приведенъ во вращеніе. Блистательный успѣхъ разомъ прекратилъ всѣ сомнѣнія.

Читатели изъ описанія фонографа Эдисона могли убѣдиться въ удивительной простотѣ этого снаряда, не требующаго ни гальваническаго тока, ни иныхъ вспомогательныхъ приборовъ и чрезвычайно простаго по идеѣ. Тѣмъ не менѣе фонографъ въ настоящемъ своемъ видѣ еще весьма далекъ отъ совершенства и опыты съ нимъ требуютъ особой

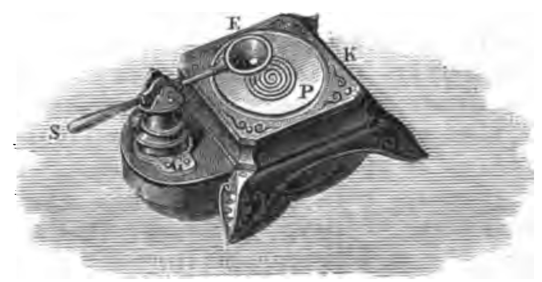
тщательности, безъ чего издаваемые имъ звуки, довольно гнусливые, слышны бываютъ весьма слабо и не отчетливо. Весьма важно чтобы пластинка снабженная остріемъ обладала достаточною упругостью. Если вмѣсто металлической пластинки употребляется перепонка изъ искусственнаго пергамена (какъ дѣлается это въ фонографахъ изготовляемыхъ въ Москвѣ въ мастерской г. Швабе), то она должна быть тщательно выбираема, не имѣть жилъ и не заключать сырости, слѣдствіемъ которой бываетъ значительное ослабленіе упругости. Остріе должно быть неупругое, такъ какъ оно назначено лишь для передачи колебаній перепонки; съ этою цѣлью оно дѣлается довольно толстымъ сравнительно съ малою своею величиной. При началѣ опыта остріе должно быть тщательно установлено посредствомъ побочнаго винта, такъ чтобъ оно попало въ винтовую нарѣзку, въ противномъ случаѣ оно не можетъ чертить углубленныхъ знаковъ. Прежде чѣмъ произносить слова, должно удостовѣриться достаточно ли глубока черта проводимая остріемъ на оловянномъ листкѣ; если глубина ея незначительна и слѣдовательно углубленія обозначающія разные звуки не ясны, то таково же будетъ и произношеніе фонографа. Въ такомъ случаѣ посредствомъ винта слѣдуетъ немного приблизить остріе къ цилиндру, наблюдая впрочемъ чтобы черты были не слишкомъ глубоки, въ противномъ случаѣ легко можетъ произойти разрывъ оловяннаго листа. Послѣдній лучше употреблять толстый чѣмъ тонкій; съ тонкими листами опыты удавались намъ хуже. Листъ долженъ быть обращенъ гладкою, полированною своею стороной къ острію, плотно облекать поверхность цилиндра, къ коему онъ краями своими прикрѣпляется лакомъ. Лакъ долженъ быть нанесенъ кистью весьма тонко, иначе малѣйшее отсюда происходящее въ одномъ мѣстѣ возвышеніе оловяннаго листка вредно отзывается на передачѣ звуковъ. Весьма важно соблюдать возможно-равномѣрное вращеніе во время обоихъ періодовъ опыта. Если желательно чтобы слова говорящаго или мелодія передаваемы были фонографомъ совершенно съ тою же высотой тона, тѣмъ же тембромъ и тѣми же модуляціями, то необходимо вертѣть ручку съ тою же скоростію какъ и во время произнесенія звуковъ въ отверстіе воронки. Если же вращеніе во второй періодъ опыта произведено

будетъ вдвое скорѣе чѣмъ въ первый, то произнесенная рѣчь или мелодія передана будетъ фонографомъ ясно, но октавой выше. Существенный вредъ оказываетъ неравномѣрное вращеніе, слова слышны бываютъ весьма неясно, а мелодія измѣняется до неузнаваемости. Хотя, благодаря маховому колесу, ошибки въ равномѣрности вращенія цилиндра уменьшаются, но очевидно что ошибки эти могутъ быть совершенно устранены лишь вращеніемъ цилиндра посредствомъ особаго часоваго механизма. По Эдисону наилучшая скорость вращенія фонографа—80 оборотовъ въ минуту. Говорить въ отверстіе воронки надлежитъ приближая губы къ самому отверстію; слова должны быть произносимы громко и отчетливо, причемъ полезно тонъ нѣсколько разнообразить. Низшіе тоны (басъ) передаются болѣе отчетливо. Особенно хорошо передаются фонографомъ слова краткія и изобилующія буквами: *а*, *о*, *у*, въ особенности же *р* (напримѣръ: здŏрō-вŏ рёбя̄-тā, нā-прā-вŏ, ȳ-рā, разъ, два, три и т. п.). Мелодіи передаются очень отчетливо если только вращеніе цилиндра равномѣрное.

Мы сказали что посредствомъ фонографа слова и звуки могутъ быть вновь воспроизведены сколько угодно разъ и черезъ произвольные промежутки времени. Еслибы дѣйствительно такъ было, то заставивъ, напримѣръ, знаменитую пѣвицу пѣть въ фонографъ, сохранивъ оловянный листокъ, навертѣвъ его опять на цилиндръ фонографа и вращая съ тою же скоростью какъ было во время пѣнія, мы спустя много лѣтъ могли бы наслаждаться дивными звуками сколько угодно разъ. Такъ выходитъ по теоріи, но иное на практикѣ. Оказывается что оловянный листокъ, при снятіи съ цилиндра, почти всегда рвется на куски и кромѣ того всѣ точки и черточки проведенныя на немъ остріемъ весьма скоро стираются и теряютъ свою рельефность, такъ что заставляя фонографъ повторять фразу или мелодію въ третій разъ, мы уже едва могли различить то что̀ съ перваго раза снарядъ передавалъ весьма отчетливо. Кромѣ того, довольно трудно вертѣть ручку фонографа съ *совершенно* такою же скоростью какъ въ первый разъ.

Эти затрудненія недавно устранены отчасти Эдисономъ посредствомъ новаго устроеннаго имъ фонографа, въ коемъ остріе скользитъ не по винтовымъ нарѣзкамъ цилиндра, а по

таковымъ же, проведеннымъ на плоскомъ листѣ олова или тонкой мѣди. На фиг. 5й изображенъ этотъ листъ налагаемый на круглую пластинку P, на которой находится спиральная нарѣзка; пластинка приводится во



(Фиг. 5).

вращеніе съ извѣстною скоростью посредствомъ часоваго механизма, находящагося внутри ящика K. Поверхъ листа находится рычагъ SE, снабженный при E воронкой съ упругою пластинкой и остріемъ, какъ въ обыкновенномъ фонографѣ. Если вообразимъ себѣ что тотъ же часовой механизмъ который вращаетъ листъ P сообщаетъ прямолинейное движеніе рычагу SE, притомъ такъ что при полномъ оборотѣ листа P рычагъ поступаетъ впередъ лишь на ширину спиральной нарѣзки, то-есть на разстояніе равное разстоянію одного спиральнаго витка отъ другаго, то очевидно что при такомъ вращеніи листа совокупномъ съ движеніемъ рычага, остріе, будучи при началѣ опыта установлено въ центрѣ спирали, во время всего дѣйствія часоваго механизма будетъ прикасаться къ спиральнымъ нарѣзкамъ, а во время произнесенія словъ или пѣсни въ отверстіе воронки E будетъ чертить знаки. При повтореніи движенія, начиная отъ центра, остріе вновь принуждено будетъ двигаться по спиральной нарѣзкѣ, и передавать намъ начертанные имъ же прежде звуки.

При подобномъ устройствѣ фонографа листъ снимается съ него несравненно легче и знаки остаются на немъ долѣе. Кромѣ того, разъ полученный на листѣ отпечатокъ можетъ легко быть воспроизведенъ въ произвольномъ числѣ экземпляровъ посредствамъ гальванопластики и потому сохраняться сколько угодно времени. Равномѣрность вращенія во время опыта, благодаря часовому механизму, соблюдается совершенно, и очевидно что скорость этого вращенія весьма легко воспроизвести черезъ какое угодно время, если извѣстно

число колесъ, число зубцовъ на каждомъ и величина движущей силы.

Посредствомъ своего усовершенствованнаго фонографа Эдисонъ надѣется достигнуть того что можно будетъ *фонографически* печатать цѣлыя сочиненія, а потомъ заставлять фонографъ читать намъ ихъ. Такимъ образомъ мы болѣе не будемъ нуждаться ни въ типографскомъ наборѣ, ни въ чтецѣ, ни даже въ глазахъ, такъ какъ и слѣпые одинаково могутъ пользоваться чтеніемъ фонографа. Слышно что Эдисону удалось уже фонографически отпечатать на одной пластинкѣ повѣсть въ 50.000 словъ, причемъ на одномъ квадратномъ дюймѣ удобно помѣщаются 400 словъ. Эдисонъ разказываетъ что лаборантъ его могъ легко понимать нѣсколько столбцовъ газетной статьи, произнесенной въ фонографъ въ его отсутствіи однимъ лицомъ, причемъ затруднялся только когда вопросъ касался произношенія этого лица. По мнѣнію Эдисона это не бѣда, такъ какъ фонографъ произноситъ рѣчь иногда лучше чѣмъ человѣкъ (!), ибо послѣднему не достаетъ часто зубовъ, а иногда и самъ языкъ не довольно поворотливъ и губы исполняютъ свою обязанность не совсѣмъ исправно.

Впрочемъ мы долгомъ считаемъ предостеречь нашихъ читателей отъ чрезмѣрно увеличенныхъ и подъ часъ совершенно фантастическихъ разказовъ о фонографѣ, коими изобилуетъ американская печать и отъ коихъ не совсѣмъ свободенъ даже мемуаръ самого Эдисона, помѣщенный въ *North-American Review* (май и іюнь 1878 года). Если вѣрить этимъ разказамъ, то примадоннѣ нѣтъ болѣе нужды лично исполнить ангажементы, а достаточно ей прислать въ любую дирекцію оловянный листокъ на коемъ отчеканенъ ея дивный голосъ. По словамъ Эдисона, фонографъ можетъ служить учителемъ музыки; можетъ передать завѣщаніе долгое время послѣ смерти завѣщателя и его же голосомъ. Нынѣшнее наше произношеніе на разныхъ языкахъ, благодаря фонографу, передастся изъ рода въ родъ и не можетъ теряться подобно произношенію Грековъ и Римлянъ. Часы не станутъ болѣе тревожить насъ ударами колокола или звонка, но учтиво повѣдаютъ намъ человѣческимъ голосомъ который часъ и т. п. Все это можетъ быть со временемъ, но пока фонографъ требуетъ еще много усовершенствованій для того чтобы въ него не нужно было говорить почти крикомъ и чтобы произ-

носимыя имъ слова были слышны ясно и не напоминали бы собою звуки пульчинеля.

Эдисонъ прилагаетъ колебанія упругой пластинки не только къ воспроизведенію, но и къ передачѣ человѣческаго голоса на значительное разстояніе и притомъ чрезвычайно усиленно. Въ устроенномъ имъ *аэрофонѣ* пластинка, вмѣсто того чтобы записывать слова наши на листкѣ, открываетъ и закрываетъ клапанъ паровой трубы и паръ воспроизводитъ громовымъ голосомъ слова произнесенныя въ аэрофонѣ даже тихимъ голосомъ и передаетъ ихъ на нѣсколько верстъ. Этимъ приборомъ Эдисонъ надѣется достигнуть того что оратору возможно будетъ держать рѣчь предъ множествомъ народа на открытомъ воздухѣ: для этого стóитъ лишь помѣстить близъ него малую паровую машину съ аэрофономъ. Съ судовъ возможно будетъ передавать громко приказанія; локомотивъ на полномъ ходу будетъ сообщать текущія новости и конечно громче всякихъ газетъ, и т. д.

На дняхъ журналы принесли намъ новое извѣстіе: Эдисонъ заставляетъ человѣческій голосъ производить механическое дѣйствіе, могущее въ свою очередь служить ему мѣрителемъ. Посредствомъ *фонометра*, состоящаго главнымъ образомъ также изъ воронки имѣющей на днѣ упругую пластинку, онъ заставляетъ волны звука нашего голоса производить вращеніе колеса. Вращеніе это, по словамъ Эдисона, во время произнесенія словъ, столь быстро что для остановки колеса приходится употребить значительную силу, и механическая сила колеса столь велика что легко можетъ быть употребляема для просверленія дыры въ доскѣ.

III.

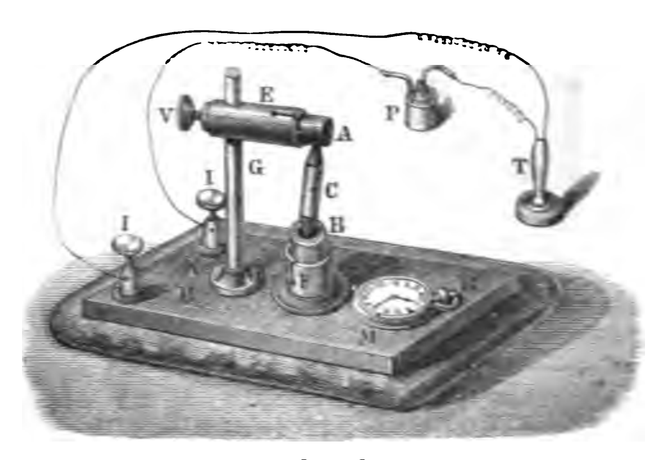
Изобрѣтеніемъ *микрофона*, которому, безъ сомнѣнія, предстоитъ столь же блестящая будущность какъ телефону и фонографу, мы обязаны изобрѣтателю печатающаго телеграфа Юзу (Hughes). Изобрѣтеніе это основано на одномъ явленіи, въ высшей степени интересномъ и важномъ, совершено случайно подмѣченномъ имъ въ маѣ 1878 года. Уже давно извѣстно было что температура оказываетъ вліяніе на электрическую проводимость различныхъ тѣлъ. Замѣчено было также и вліяніе въ этомъ отношеніи лучей свѣта: такъ, бóльшая или меньшая степень освѣщенія куска селенія

(selenium), отзывается на способности этого вещества проводить гальваническій токъ. Такъ какъ, по современному ученію, теплота, свѣтъ и электричество суть не что иное какъ разныя формы колебанія вещества (вѣсомой матеріи и невѣсомаго эѳира), то Юзу пришло на мысль испытать, не вліяетъ ли передача проволокой звуковыхъ волнъ на способность ея проводить гальваническій токъ. Если да, то измѣненіе силы тока должно бы дѣйствовать на телефонъ и послѣдній долженъ былъ бы передавать намъ звукъ. Долгое время опыты Юза съ туго-натянутою проволокой оставались безуспѣшными: но къ счастію, по причинѣ сильнаго натяженія, проволока порвалась. Не желая пріостановить опытъ, Юзъ наскоро связалъ другъ съ другомъ порвавшіеся концы и къ удивленію своему замѣтилъ что послѣ перерыва проволоки телефонъ началъ передавать звуки гораздо лучше. Подробно изслѣдуя это явленіе, онъ скоро убѣдился что передача телефономъ звуковъ происходитъ всего лучше въ то время когда концы проволоки очень легко прикасаются другъ къ другу, а еще лучше когда они взаимно находятся даже въ нѣкоторомъ разстояніи, и между ними, *касаясь ихъ слегка*, находится другое вещество, хорошо проводящее электричество, напримѣръ, желѣзная или мѣдная пластинка или кусокъ угля. Малѣйшій звукъ или шумъ производимый близъ этого куска угля, заставляетъ естественно послѣдній колебаться (хотя колебанія эти для глаза и незримы). Слѣдствіемъ этихъ колебаній бываетъ большее или меньшее соприкосновеніе между собою проводниковъ тока, а потому послѣдній встрѣчаетъ въ цѣли различное сопротивленіе, а слѣдовательно и сила его мѣняется. Но, какъ мы уже объяснили выше, послѣднее обстоятельство вліяетъ на магнетизмъ бобины телефона, а потому пластинка послѣдняго передаетъ намъ даже такіе звуки кои человѣческимъ ухомъ не слышны (напримѣръ ходъ мухи, треніе между колесами карманныхъ часовъ, и т. д.) и передача эта можетъ совершаться на далекія разстоянія.

Изъ сказаннаго нами читатели поймутъ всю важность открытія Юза и вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрятъ что самъ микрофонъ долженъ представлять собою довольно простой и малоцѣнный приборъ, который всякій можетъ самъ устроить. Для этого стоитъ, напримѣръ, на два бруска угля (подобные тѣмъ кои употребляются для электрическаго освѣщенія) поло-

жить слегка третій брусокъ, и снарядъ готовъ. Остается каждый изъ первыхъ двухъ кусковъ угля соединить съ полюсами батареи (достаточно двухъ, трехъ элементовъ Бунзена или Лекланше) и въ цѣпь ввести телефонъ.

Несмотря на недавность изобрѣнія, мы имѣемъ нѣсколько системъ микрофоновъ. Ограничимся описаніемъ двухъ, наиболѣе употребительныхъ и дающихъ очень хорошіе результаты. Фигура 6 представляетъ микрофонъ сдѣланный Гефомъ

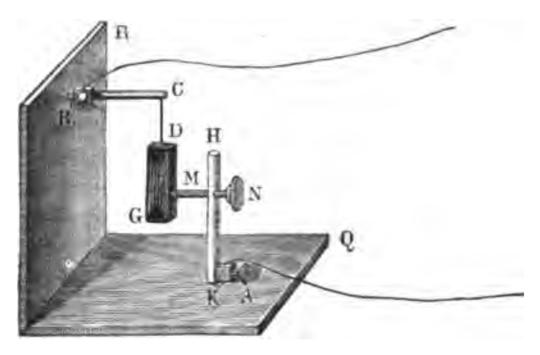


(Фиг. 6.)

(Gaiffe—парижскій механикъ). На деревянной дощечкѣ R устанавливается малый угольный цилиндръ B въ металлической трубкѣ F. Металлическая стойка G снабжена наверху металлической трубкой E, въ которую вставляется другой кусочекъ угля A. Оба куска угля A и B имѣютъ маленькія углубленія, въ кои вставляется третій заостренный уголекъ C. Посредствомъ винта V, уголь A устанавливаются такимъ образомъ чтобы цилиндрикъ C слегка прикасался углей A и B. (Во время опыта легко узнается при какомъ наклонѣ угольнаго цилиндра C получается наилучшій результатъ.) Два металлическіе винта I, I, соединенные такими же проволоками K и R съ металлическими стойками F, G, служатъ для проведенія электродовъ гальванической батареи P, соединенной также съ телефономъ T. Поставивъ предварительно микрофонъ на вату или войлокъ, на дощечку R можно положить карманные часы M, и если мы даже въ весьма отда-

ленномъ мѣстѣ приблизимъ къ уху телефонъ T, то не только весьма отчетливо услышимъ бой часовъ, но даже треніе ихъ колесъ.

Другой еще болѣе простой микрофонъ представленъ на фигурѣ 7. Нижняя дощечка PQ снабжена металлическимъ



(Фиг. 7).

стержнемъ KH съ винтомъ NM. Къ другой вертикальной деревянной дощечкѣ PR прикрѣплена металлическая упругая лента BC (напримѣръ платиновая), на которой привѣшенъ угольной брусокъ DG. Къ клеммамъ A и B проводятся электроды батареи. При началѣ опыта винтъ NM устанавливается такъ чтобы конецъ его M слегка прикасался къ угольному параллелепипеду DG. При малѣйшемъ сотрясеніи микрофона (напримѣръ если провести слегка по дощечкѣ PQ бородкой пера или поставить на ней маленькій ящикъ въ коемъ заперта муха) уголь GD начинаетъ колебаться (хоть не видно для глаза) и стало-быть токъ начинаетъ испытывать разное сопротивленіе, обнаруживаемое звукомъ въ телефонѣ. Этого мало: малѣйшій шумъ (напримѣръ хожденіе человѣка возлѣ телефона и сотрясеніе пола) заставляетъ уголь GD колебаться, причиняетъ перерывъ тока, обнаруживаемый чуть видимыми искрами въ точкѣ перерыва M. Тѣмъ не менѣе этого уже достаточно чтобы телефонъ, помѣщеный въ значительномъ отъ микрофона разстояніи, издавалъ весьма рѣзкій звукъ, раздающійся на всю комнату и похожій на шумъ слышимый при кипѣніи воды въ паровомъ котлѣ, или же на звукъ который при зацѣпленіи своемъ издаютъ большія металлическія зубчатыя колеса. Вообще же, касательно свойства передачи нашему уху малѣйшихъ звуковъ, микрофонъ играетъ ту же роль что

и микроскопъ для глаза, и по всѣмъ вѣроятностямъ, благодаря этому удивительному прибору, нашему органу слуха откроется сфера звуковъ о какихъ человѣкъ до сего времени не только не имѣлъ понятія, но и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Уже зоологами высказана мысль изслѣдовать посредствомъ микрофона музыкальный органъ скорпіона, а ботаники намѣреваются услыхать *травъ прозябаніе!* И все это—снарядомъ умѣщающимся на ладони!

Когда 23 мая нынѣшняго года опыты съ микрофономъ повторены были въ Лондонскомъ Телеграфномъ Обществѣ, и телефонъ находившійся въ отдаленной комнатѣ передавалъ весьма отчетливо слова произнесенныя тихо предъ микрофономъ, то присутствовавшій въ засѣданіи извѣстный лордъ Аргайль (Argyle), справедливо восхищаясь новымъ изобрѣтеніемъ, воскликнулъ: „Если снарядъ можетъ до такой степени быть чувствительнымъ, то онъ весьма опасенъ. Мы, напримѣръ, находимся въ Downing-Street и если теперь происходитъ засѣданіе министровъ въ кабинетѣ ея величества и въ карманѣ одного изъ министровъ находится микрофонъ, то намъ отсюда легко могутъ быть слышны всѣ секреты и такимъ образомъ кабинетная тайна вскорѣ можетъ распространиться по всей Европѣ!“ Опытъ недавно произведенный въ Галифаксѣ какъ бы оправдываетъ опасенія благороднаго лорда: на каѳедрѣ знаменитаго проповѣдника одной изъ церквей помѣщенъ былъ микрофонъ, соединенный посредствомъ проволокъ съ батареей и телефономъ, находившимся близь постели больнаго; послѣдній могъ явственно разслышать не только проповѣдь, но и молитвы и пѣніе и это—на разстояніи почти трехъ верстъ! Въ швейцарскомъ городѣ Беллинцонѣ, на театрѣ коего, 19го іюня сего года, давалась опера *Don-Pasquale*, въ одной изъ ложъ бель-этажа, близь сцены, помѣщенъ былъ микрофонъ, соединенный посредствомъ двухъ проволокъ $1^1/_2$ миллиметра толщиной съ четырьмя телефонами, находившимися въ одной изъ театральныхъ залъ, куда звуки со сцены проникнуть не могли; въ цѣль введены были лишь два малые гальваническіе элемента. Опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: лицамъ снабженнымъ телефонами не только совершенно явственно слышна была каждая нота издаваемая инструментами или пѣвицами, но и слова каждой аріи; послѣднія воспроизводились совершенно вѣрно и отчетливо, со всѣми оттѣнками piano и forte и, по заявленію участвовавшихъ въ

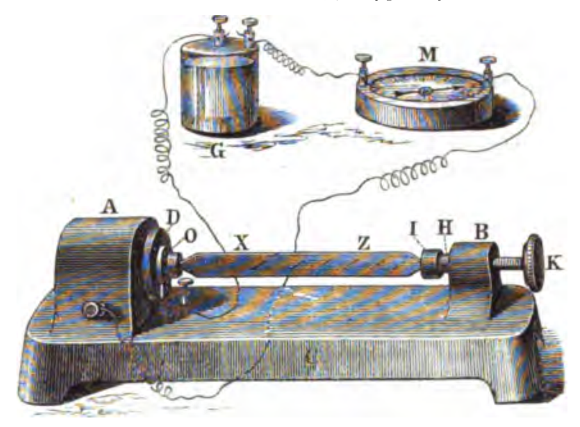
опытѣ лицъ, музыкальныя красоты, достоинства голосовъ пѣвцовъ и пѣвицъ и вообще ходъ піесы они могли оцѣнить столь же хорошо, какъ и публика находившаяся въ залѣ гдѣ происходило представленіе.

Но этимъ не ограничивается примѣненіе микрофона. Весьма важныя услуги онъ можетъ оказать въ медицинѣ и хирургіи. Біеніе пульса, ритмическое біеніе сердца могутъ быть имъ передаваемы медику, находящемуся даже въ далекомъ разстояніи и послѣдній имѣетъ возможность сообщить посредствомъ телефона свои совѣты больному. Подобные опыты недавно сдѣланы были въ Англіи докторомъ Ричардсономъ и самимъ Юзомъ, и хотя результаты были не вполнѣ удачны, но нужно надѣяться что весьма чувствительный микрофонъ, спеціально для этого недавно придуманный парижскимъ механикомъ Дюкрете, приведетъ къ желаемой цѣли. Гораздо удачнѣе оказалось примѣненіе микрофона къ распознаванію каменной болѣзни и вообще присутствія въ тѣлѣ твердыхъ посторонних веществъ. Соединивъ зондъ съ микрофономъ, знаменитый англійскій хирургъ Генри Томпсонъ могъ узнать присутствіе въ мочевомъ пузырѣ малѣйшихъ даже песчинокъ. По опытамъ профессора Мааса во Фрейбургѣ, зондъ соединенный съ микрофономъ не только можетъ указывать на присутствіе въ организмѣ малѣйшихъ постороннихъ тѣлъ, но даже изъ какого вещества состоятъ эти тѣла: опытное ухо каждый разъ слышитъ различный звукъ, смотря по тому ударяется ли зондъ просто о стѣнки раны. или же о кость, камень, металлъ или стекло.

Въ заключеніе мы познакомимъ читателей съ весьма важнымъ снарядомъ, недавно изобрѣтеннымъ Эдисономъ и названнымъ имъ *микро-тазиметромъ* (измѣритель малыхъ давленій). Снарядъ этотъ обнаруживаетъ намъ малѣйшія измѣненія давленія, а посредствомъ ихъ и чрезвычайно малыя измѣненія температуры, совершенно недоступныя существующимъ нынѣ термометрамъ и даже термо-мультипликатору. Идею которою руководился Эдисонъ легко понять изъ вышесказаннаго измѣненія электрической проводимости разныхъ тѣлъ отъ дѣйствія теплоты. Но такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе послѣдней производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе или сокращеніе въ тѣлахъ, то понятно что послѣднее свойство, въ свою очередь, обусловливаетъ измѣненіе въ электрической проводимости того вещества на которое оказы-

ваетъ давленіе другое тѣло, удлинняющееся вслѣдствіе нагрѣванія.

Устройство микро-тазиметра, напоминающее собою микрофонъ, состоитъ въ слѣдующемъ (фигура 8): на подставкѣ С



Фигура 8.

утверждены неподвижно два металлическіе устоя А и В. Тонкій угольный кружокъ D придерживается плотно къ устою А посредствомъ цилиндрика О, снабженнаго гнѣздомъ, въ которое вкладывается одинъ конецъ того вещества XZ удлинненіе отъ теплоты коего мы хотимъ испытать. Другимъ своимъ концомъ тѣло упирается въ гнѣздо I, сдѣланное въ винтѣ НК, движущемся внутри устоя В. Винтъ этотъ устанавливаютъ такъ чтобъ испытуемое тѣло своими концами плотно упиралось въ оба гнѣзда O и I. Къ устою А и платиновому цилиндрику О идутъ проволоки отъ гальваническаго элемента G и кромѣ того въ токъ введенъ гальванометръ М. Какъ видно изъ чертежа, токъ вынужденъ проходить чрезъ угольный кружокъ D. Вообразимъ себѣ что при самомъ началѣ опыта, при извѣстномъ давленіи тѣла XZ на кружокъ D, гальваническій токъ имѣетъ извѣстное напряженіе, отклонившее магнитную стрѣлку гальванометра М на извѣстное число градусовъ. Легко видѣть что при малѣйшемъ измѣненіи длины тѣла XZ (вслѣдствіе измѣненія температуры или иныхъ причинъ) давленіе производимое имъ на угольный кружокъ D измѣнится. Слѣдствіемъ этого будетъ измѣненіе и электрической проводимости послѣдняго, обнаруживаемое передвиженіемъ магнитной стрѣлки. Какова чувствительность этого

снаряда можно видѣть изъ слѣдующаго: если между устоями положить кусокъ каучука и приблизить руку на разстояніи даже нѣсколькихъ дюймовъ, то стрѣлка отклоняется на нѣсколько градусовъ. Охлажденіе испытуемаго тѣла производитъ движеніе стрѣлки въ обратную сторону. Если же тазиметръ соединить съ отражательнымъ гальванометромъ В. Томсона, то приближенія руки къ положенному въ тазиметръ каучуковому бруску на разстояніи даже восьми дюймовъ достаточно чтобы такъ сильно отклонить зеркало гальванометра что лучъ свѣта совершенно выходитъ изъ предѣловъ скалы.

Эдисонъ надѣется примѣнить свой микро-тазиметръ къ измѣренію весьма малыхъ движеній и дать чрезъ это нашимъ барометрамъ, термометрамъ и гигрометрамъ небывалую до сего времени чувствительность.

Вообще телефонъ, микрофонъ и фонографъ, въ особенности же два первые, вводятъ насъ въ новую область изслѣдованій. Кромѣ практическихъ приложеній имъ вѣроятно предстоятъ важныя научныя примѣненія къ распознаванію такъ-называемыхъ молекулярныхъ силъ.

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

IX.

Поѣздка пикникомъ съ Олжанской и Аннетъ, съ Луховецкими и съ ихъ знакомыми вовсе не обѣщала Безбѣдному такъ много удовольствія чтобъ изъ-за этого стоило ссориться съ Липочкой. Еслибъ она съ самаго начала попросила его отказаться, онъ вѣроятно уступилъ бы ея желанію. Но выходка Олжанской его озлобила, а тяжелые упреки Липочки раздразнили его упрямство. Онъ не любилъ уступать когда отъ него требовали. Притомъ написать къ Олжанской такое письмо какого хотѣла Липочка значило бы навсегда потерять Аннетъ и разорвать съ ея отцомъ, съ этимъ милліонеромъ Каричемъ, которому молодой адвокатъ въ сущности былъ обязанъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Съ такими людьми не разрываютъ если не хотятъ сойти со сцены. Наконецъ самое требованіе представлялось Безбѣдному унизительнымъ и онъ былъ того мнѣнія что одна подобная уступка навсегда испортитъ его положеніе.

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* №№ 11 и 12й 1877 и 1, 2, 3, 5, 9 и 10й 1878.

„Откуда у нея взялся такой характеръ? Эта несчастная идея выйти за меня замужъ положительно сведетъ ее съ ума", думалъ онъ подъ впечатлѣніемъ только что разыгравшейся сцены.

Къ завтраку Лилочка не вышла и онъ уѣхалъ не повидавшись съ нею. Олжанская тотчасъ замѣтила что онъ не въ духѣ и догадалась что у него дома произошло непріятное объясненіе.

— Я не могу поблагодарить васъ за то что̀ вы сдѣлали, сказалъ онъ ей сухо.—Я васъ просилъ не предпринимать безъ меня ничего для этого вашего проекта.

— Это выговоръ? сказала нѣсколько формализованная такимъ тономъ Олжанская; но тотчасъ улыбаясь прибавила:— Всегда немножко сердятся на доктора въ ту минуту какъ льютъ скверное лѣкарство. Послѣ вы скажете что я была права и что я спасла васъ. Но пожалуста не дѣлайте такого суроваго лица, вы насъ всѣхъ заморозите своимъ видомъ.

Аннетъ, только что окончившая свой туалетъ, выбѣжала изъ уборной такая свѣжая и блистающая, точно сегодняшнее солнце сосредоточило на ней самые горячіе свои лучи. При видѣ нахмуреннаго лица Безбѣднаго она вдругъ громко расхохоталась.

— Что̀ съ вами? Можно подумать что вы только что встрѣтились съ покойнымъ барономъ Грабеномъ! безжалостно бросила она ему.

Безбѣднаго передернуло. Онъ ужасно не любилъ намековъ на послѣднее его столкновеніе съ барономъ и не сомнѣвался что Аннетъ именно хотѣла напомнить ему о баронскомъ хлыстѣ. Онъ зналъ что несмотря на всѣ принятыя имъ мѣры свѣдѣніе объ этомъ хлыстѣ проникло въ кружки его знакомыхъ и безъ сомнѣнія Аннетъ тоже кое-что слышала. Во всякомъ случаѣ онъ нашелъ ея шутку очень глупою и неумѣстною.

— Нѣтъ, я съ нимъ не встрѣчался, отвѣтилъ онъ нѣсколько вызывающимъ тономъ.

Аннетъ сдѣлала гримаску губами.

— Ну, не будьте букой, сказала она.—Я ни за что̀ не хотѣла бы чтобы вы мнѣ испортили сегодняшнюю прогулку. Еще въ первый разъ такой чудный день. Или можетъ-быть на васъ погода производитъ обратное дѣйствіе? Имѣйте въ

виду что вы берете меня къ себѣ въ шарабанъ, добавила она, улыбнувшись глазами и ямочками на уголкахъ рта.

Къ крыльцу подъѣхало великолѣпное ландо, изъ котораго вышла Полина, вся блистающая красотой и изяществомъ и „идеей“ своего необычайнаго дачнаго туалета (въ счетѣ присланномъ ей модисткой такъ и стояло: idée 50 г.). Волынскій, сидѣвшій визави и первый выскочившій изъ экипажа, съ нѣсколько преувеличенною деликатностью поддержалъ ее подъ локоть, тогда какъ Кокò, стоя на подножкѣ, отдавалъ кучеру какія-то сложныя приказанія на англійскомъ языкѣ. Онъ только наканунѣ нанялъ кучера-Англичанина и теперь его ужасно безпокоило чтобы рѣшительно всѣ и какъ можно скорѣе объ этомъ узнали. Держать кучера-Англичанина представлялось ему въ такой же степени высоко-фашонабельнымъ какъ и имѣть выѣзднаго негра.

— Ну, я не знаю зачѣмъ вы взяли съ собой этотъ макферланчикъ, процѣдилъ онъ сходя и зацѣпивъ ногой за длинный гороховаго цвѣта плащъ, который Волынскій по привычкѣ опытнаго ревматика всюду возилъ за собою.

Кокò въ послѣднее время при всемъ своемъ благоговѣніи къ Волынскому сталъ обращаться съ нимъ съ нѣкоторою вольностью и даже позволялъ себѣ трунить надъ просѣдью его министерскихъ бакеновъ и надъ предосторожностями его противъ петербургскаго климата и невской воды.

— Вы меня совсѣмъ нынче забыли, Евгеній Саввичъ, сказала Полина, подавая руку Безбѣдному. — На васъ впрочемъ всѣ жалуются, вы никого не хотите знать. Mais vous allez toujours bien? добавила она, внимательно прищуривъ на него свои русалочные глаза.

Адвокатъ отвѣтилъ обычною фразой.

— А бѣдный баронъ какъ ужасно кончилъ! продолжала Полина.—Мнѣ говорили что его смерть произвела на васъ очень тяжелое впечатлѣніе. Вѣдь это случилось почти на вашихъ глазахъ?

„Чего они всѣ хотятъ отъ меня съ этимъ барономъ?“ внутренно озлобляясь подумалъ Безбѣдный.

Ученый полковникъ, съ наглостью свойственною всѣмъ шибко-преуспѣвающимъ людямъ, опоздалъ на цѣлый часъ и заставилъ все общество ждать себя. Небрежно извинившись, онъ объяснилъ что долженъ былъ съѣздить въ городъ получить какія-то деньги, и въ доказательство вытащилъ изъ кар-

мана толстѣйшую пачку ассигнацій, вложенную въ книжку чековъ.

— Ахъ, сколько денегъ! восторженно сказала Олжанская и по лицу ея словно пробѣжали солнечные лучи. Она ужасно любила видѣть такія толстыя пачки.

— Пс! произнесъ Кокò, какъ-то безпокойно шевеля пальцами.

Ученый полковникъ, улыбаясь и чуть-чуть покачивая затянутымъ станомъ, медленно засовывалъ деньги назадъ въ карманъ.

Общество наконецъ разсѣлось въ экипажахъ. Полковникъ взялъ Олжанскую въ свою коляску, Аннетъ сѣла съ Безбѣднымъ въ шарабанъ, а въ ландо попрежнему размѣстились Полина съ мужемъ и Волынскій. Такимъ образомъ Кокò оказывался какъ бы сверхъ комплекта и потому находилъ что все это очень скучно.

— Отчего ты не пригласила Дину Ловацкую? Elle est très bien, по крайней мѣрѣ мнѣ было бы съ кѣмъ разговаривать попрекнулъ онъ жену.

— Она носитъ трауръ по барону, возразила съ легонькимъ оттѣнкомъ злословія Полина.

Волынскій только усмѣхнулся, представляя себѣ Кокò разговаривающимъ съ Диной.

— Въ другой разъ ты ужь самъ позаботься приглашать для себя дамъ, сказала мужу Полина.

— Пс, стану я еще! процѣдилъ Кокò, толкая ногами полы гороховаго макферланчика, который онъ кажется окончательно сегодня возненавидѣлъ.

Аннетъ и Безбѣдный ѣхали позади всѣхъ. Солнце пекло немилосердно, такъ что безъ зонтика было неудобно и Аннетъ бросила вожжи.

— Вы замѣтили туалетъ madame Луховецкой? спросилъ ее Безбѣдный.

— Не дурно, отвѣтила съ небрежною снисходительностью Аннетъ. Но въ сущности она была совсѣмъ поражена и раздражена элегантностью этого туалета и мысленно рѣшила непремѣнно шить тамъ же гдѣ шьетъ Полина. Она никакъ не хотѣла признать что тутъ много помогаютъ ростъ и талія Полины и приписывала все исключительно удачному выбору модистки.

— Я знаю отчего вы сегодня такъ не въ духѣ, перемѣнила

она разговоръ и сбоку взглянула на Безбѣднаго уголкомъ глаза.—Кто-то былъ очень недоволенъ что вы ѣдете съ нами и сдѣлалъ вамъ маленькую scène du boudoir...

— Я дѣйствительно очень не люблю никакихъ сценъ, отвѣтилъ Безбѣдный.

— И что̀ жь, вамъ сильно досталось? продолжала съ задержаннымъ смѣхомъ Аннетъ.

— Не знаю почему это можетъ васъ интересовать.

— Очень можетъ, потому что это опредѣляетъ вашъ характеръ. Теперь я знаю что женскіе капризы на васъ сильно дѣйствуютъ и что это хорошее средство держать васъ въ рукахъ, объяснила Аннетъ.

Безбѣдный ничего не отвѣтилъ и подумалъ, не слишкомъ ли преждевременна такая предусмотрительность? Аннетъ по этому молчанію сообразила что сегодня ей вовсе не слѣдуетъ дразнить молодаго адвоката. Такъ какъ экипажи въ это время въѣхали въ тѣнистую аллею, то она опустила зонтикъ и чтобы сѣсть поудобнѣе выставила изъ-подъ юпки обѣ ножки, обутыя въ изящныя туфельки и розовые чулки.

— Я шучу, сказала она.—Я ненавижу женщинъ дѣлающихъ сцены. Мущина женясь всегда нѣчто теряетъ, кругъ его личной жизни суживается, онъ имѣетъ право требовать по крайней мѣрѣ полнаго bien-aise въ этомъ маленькомъ пространствѣ, отмѣренномъ ему взамѣнъ холостой воли. Право, если я рѣшусь выйти замужъ, то только потому что могу предложить мужу очень сожеоное вознагражденіе за то что̀ онъ потеряетъ и сумѣю сдѣлать такъ что онъ потеряетъ очень не много.

— Я думаю что онъ очень много выиграетъ, возразилъ Безбѣдный.

Аннетъ повела на него своимъ бархатнымъ взглядомъ.

— Да, кое-что... Богатство—это вѣдь что-нибудь значитъ? И характеръ очень удобный для того чтобы создать домашнее bien-aise. Вамъ не кажется что я слишкомъ расхваливаю себя?

— Напротивъ, я нахожу что вы умалчиваете о самомъ главномъ: о вашей молодости и красотѣ, возразилъ Безбѣдный.

Аннетъ переставила ножки повыше, на лакированный щитокъ тарабана.

— Я не замѣчала чтобы вы были высокаго мнѣнія о моей

красотѣ, сказала она. — Впрочемъ вѣдь ваше сердце уже не свободно...

— Такого рода свобода—очень относительная вещь, уклончиво отвѣтилъ Безбѣдный.

Аннетъ опять повела на него бархатными глазами.

— Развѣ ваша теперешняя привязанность не совершенно серіозная? поставила она тотъ же вопросъ.

Безбѣдный въ смущеніи поглядѣлъ на развѣвающееся по вѣтру перо Полины, ѣхавшей впереди.

— Я вамъ опять скажу: все это очень относительно, отвѣтилъ онъ.—По-моему между бракомъ и другими отношеніями такая большая разница...

— Но когда любишь серіозно, развѣ можно думать о бракѣ съ другою женщиной? возразила Аннетъ, обнаруживая намѣреніе довести его такъ или иначе до опредѣленнаго отвѣта.

— Чтò значитъ любить серіозно? переставилъ вопросъ Безбѣдный.—Я не считаю своего чувства минутною прихотью, но бракъ соединяетъ такъ много другихъ существенныхъ условій что я не позволилъ бы себѣ жениться по указанію одного только чувства. Я слишкомъ разсудительный человѣкъ, какъ вы знаете, и немножко даже матеріальный.

Аннетъ сбоку посмотрѣла на него и одобрительно пошевелила головой.

— Я не могу сказать чтобъ очень близко васъ знала, Евгеній Саввичъ, но вы мнѣ внушаете довѣріе, сказала она съ легкимъ оттѣнкомъ застѣнчивости, съ какимъ обыкновенно молодыя дѣвушки высказываютъ очень искреннія, задушевныя вещи.—То-есть понимаете, именно мнѣ, въ томъ смыслѣ что мы на самое серіозное въ жизни смотримъ совершенно одинаково и кажется всегда будемъ въ состояніи понять другъ друга и довѣрять другъ другу.

— Я могу только благодарить васъ за такое отношеніе! отвѣтилъ тоже очень сердечнымъ тономъ Безбѣдный.

Ему это вниманіе хорошенькой Аннетъ въ самомъ дѣлѣ было очень пріятно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ замѣчалъ что она заставила его объясняться о такихъ вещахъ которыхъ ему еще не хотѣлось ставить на очередь. Онъ словно ощущалъ руку, тихо, но твердо подвигавшую его, и опять испытывалъ что-то жуткое и какъ будто радостно-возбуждающее...

Экипажи подъѣхали къ усадьбѣ, и все небольшое общество вышло въ паркъ. Ученый полковникъ, какъ всегда такъ и тутъ почувствовавшій потребность распоряжаться, тотчасъ послалъ за сливками и земляникой. Кокò въ сознаніи своего сверхкомплектнаго положенія очень долго оставался подлѣ лошадей, но оскорбленный молчаливостью англійскаго кучера, отвѣчавшаго на всѣ его заговариванія какимъ-то односложнымъ свистомъ, вставилъ въ глазъ стеклышко и пожелалъ присоединиться къ остальному обществу.

Земляника была быстро съѣдена и „пикникъ" разсѣялся по парку.

X.

Полина подъ руку съ Волынскимъ шла длинною тѣнистою аллеей надъ рѣчкой. Несмотря на то что солнце почти не проникало сквозь разросшіяся верхушки липъ и березъ, въ аллеѣ было жарко, неподвижный воздухъ раздражалъ не освѣжая. Лицо Полины раскраснѣлось, хотя она не переставала обмахиваться вѣеромъ. Впрочемъ не одна только жара вызвала краску на ея лицѣ: она была сегодня очень взволнована, потому что сознавала себя наканунѣ большаго шага въ жизни.

Вчера Кокò, возвратясь изъ города, объявилъ что ему на дняхъ нужны будутъ значительныя деньги чтобы заплатить по нѣкоторымъ счетамъ. Полина удивилась, такъ какъ въ послѣднее время у Кокò постоянно были деньги. Она почти знала что онъ ихъ таскаетъ изъ акціонерной кассы и была отчасти смущена этимъ, отчасти даже какъ будто довольна: отношенія ея къ мужу уже настолько опредѣлились что ей чуть ли даже не пріятно было узнать за нимъ всякія гадости, и возможность увидѣть его въ близкомъ будущемъ въ томъ самомъ грязномъ ящикѣ окружнаго суда откуда недавно вылѣзъ Каричъ—пугала ее въ самой незначительной степени.

— Пс, какъ ты хорошо разсуждаешь! Ты, кажется, знаешь что лавочка закрылась и тамъ не выскребешь больше ни копѣйки, возразилъ Кокò, когда она выразила удивленіе по поводу его безденежья.—Мнѣ даже жалованье за этотъ мѣсяцъ не заплатили. Еще слава Богу что этотъ полоумный баронъ размозжилъ себѣ голову: онъ собирался меня къ суду притянуть.

— Вѣроятно было за что̀, замѣтила Полина.

— Ну, однако я еще цѣлъ, а онъ отправился прогуляться, возразилъ Коко.—Впрочемъ это тебя не касается. Я бы лучше желалъ чтобы ты достала свое приданое у стараго князя. Пора наконецъ кончить съ этимъ фарсеромъ, j'en ai assez. А пока ты мнѣ выдай вексель.

— Что̀ еще такое? удивилась Полина.

— Выдай мнѣ вексель, на всю сумму. Кажется ясно. Я не хочу больше чтобы всѣ эти долги были на мнѣ: въ одно прекрасное утро ко мнѣ можетъ явиться приставъ и позвать меня прогуляться. Я замѣчаю что сталъ слишкомъ часто объ этомъ думать и это вредно дѣйствуетъ на мое здоровье. У меня и сегодня какая-то горечь во рту. У насъ есть дома шампанское? Я хочу съ сельтерскою водой.

— Никакого векселя я тебя не дамъ, сказала Полина.

— А я не пущу тебя за границу, пригрозилъ очень находчиво Коко̀.

Полина пожелтѣла отъ досады.

— Очень глупо съ твоей стороны думать что я нуждаюсь въ твоемъ разрѣшеніи! отозвалась она.

— А вотъ увидимъ, отвѣтилъ Коко̀, защипывая губами кончики усовъ.—Ты воображаешь что если Волынскій пообѣщалъ мнѣ какое-то мѣсто въ своей канцеляріи, такъ я ему буду въ ноги кланяться? Пс, я не такъ дешево цѣню себя. Мнѣ надо окупить мою обстановку.

Полина только посмотрѣла на него—и въ первый разъ въ своей брачной жизни проплакала всю ночь.

По поводу вотъ этого самаго вчерашняго объясненія у нея и шелъ теперь разговоръ съ Волынскимъ.

— Какой же онъ однако... дрянненькій господинъ, не удержался Волынскій, возмущенный ея разказомъ.—Разумѣется, нечего и думать выдавать ему вексель. Вамъ надо поскорѣе уѣхать.

Полина была такъ взволнована что должна была сильно опереться на его руку.

— Уѣхать... а потомъ? сказала она.

— На такой вопросъ никогда не бываетъ отвѣта, отозвался Волынскій.—Отъ сложившейся жизни уходятъ потому что нельзя и не зачѣмъ переносить ее, а что̀ будетъ дальше, какой будетъ окончательный итогъ прибылей и убытковъ—этого никто не можетъ знать.

— Если уходить, то надо совсѣмъ, сказала Полина и взглянула на него.

— Да, совсѣмъ, повторилъ за нею Волынскій.

На лицѣ его отразилось усиліе, какъ-будто онъ что-то перемогалъ въ себѣ.

— Я это уже давно рѣшилъ, сказалъ онъ.

Полина опять повела на него глазами и съ выраженіемъ почти злобы на лицѣ стиснула затянутыя въ перчатки руки.

— А какое право вы имѣли рѣшать? сказала она.

— По праву такого чувства какъ мое! отвѣтилъ Волынскій съ нѣкоторою принужденностью.

— Ахъ, это такъ трудно—знать цѣну своему чувству! вырвалось у Полины.

Она пошла скорѣе, путаясь въ своемъ узкомъ платьѣ и цѣпляясь вѣеромъ за бахрому. Мука несложившагося рѣшенія раздражительно тянула ей нервы и словно что-то ломало въ ней. Волынскій сосредоточенно смотрѣлъ въ пустую глубину аллеи.

— Вамъ трудно? сказалъ онъ замѣтно дрогнувшимъ голосомъ.—А мнѣ труднѣе. Мнѣ потомъ ужь ничего не останется.

— Что̀ такое потомъ? что̀ значитъ потомъ? съ оттѣнкомъ злобы бросила ему Полина.

— Потомъ—то-есть если окажется что мы оба ошиблись, что такого счастья какого я жду уже не можетъ быть, объяснилъ почти не разжимая губъ Волынскій.

Полина обернула къ нему взволнованное лицо.

— Если мы оба ошиблись? Да, конечно.... Я не знала что вы объ этомъ думаете... проговорила она съ ядовитою ироніей.

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что ваше счастье слишкомъ дорого для меня, возразилъ Волынскій.

— Ахъ, не безпокойтесь пожалуста о моемъ счастьѣ, потому что вы не можете знать что̀ для него надо, и я сама не знаю! отвѣтила Полина, и повернувъ скоро-скоро пошла по той же аллеѣ назадъ. Лицо ея какъ будто остыло, и что-то страдальческое отражалось въ изгибѣ ея гордыхъ губъ.

Между тѣмъ Кокò медленно и уединенно прохаживался на другомъ концѣ той же аллеи и уже порядкомъ соскучился. Онъ находилъ что вся эта поѣздка очень глупо устроена и что надо было предоставить ему самому всѣмъ распорядиться. Тогда по крайней мѣрѣ было бы шампанское и все

такое. А теперь даже воды негдѣ напиться, надо идти по жарѣ чортъ знаетъ куда.

Онъ оглянулся, помахалъ тросточкой и сѣлъ на траву. Прямо подъ его ногами была рѣчка, а надъ нимъ старыя березы раскинули густую тѣнь. Кокò пришла счастливая идея выкупаться. Мѣсто было такое уединенное, вода глядѣла такъ соблазнительно что онъ рѣшился тотчасъ привести свою мысль въ исполненіе. Сойдя по невысокому оврагу онъ раздѣлся, тщательно сложилъ всѣ свои вещи и погрузился въ воду.

Онъ очень любилъ купанье въ такую жаркую пору и потому не торопился. Ему хотѣлось даже попробовать выйти на тотъ берегъ и поискать мѣста поглубже, какъ вдругъ онъ замѣтилъ какую-то двигавшуюся между березками фигуру. Такъ какъ съ нимъ не было теперь монокля, то онъ могъ разглядѣть ее только когда она приблизилась къ тому мѣсту гдѣ онъ раздѣвался. Оказалось что это былъ мужикъ, довольно уже старенькій, лохматенькій и въ заплатанномъ кафтанишкѣ. Кокò успокоился.

— Эхъ хорошо! вотъ хорошо-то! заговорилъ мужичокъ, прищуриваясь на него изъ-подъ обломаннаго козырька.—Вода-то здѣсь чистая-пречистая, словно на Іордани; испить можно, не то что искупаться.

Голосокъ у мужика былъ необыкновенно сладенькій, елейный, и глаза у него глядѣли съ такимъ сахарнымъ выраженіемъ что Кокò даже почувствовалъ удовольствіе.

— А ты здѣшній? удостоилъ онъ спросить.

— Здѣшній, батюшка, здѣшній, самый здѣшній, отвѣтилъ нараспѣвъ мужичокъ.—Эхъ хорошо; не вылѣзъ бы кажется изъ воды! Мѣсто-то скромное, чистое... Іордань, повторилъ онъ еще слаще, и обвелъ глазами вокругъ.—Ишь пустыня какая, живой души не видать, человѣчьяго голоса не слыхать. Хоть караулъ кричи, никто тебя не услышитъ.

Кокò, найдя наконецъ мѣсто поглубже, съ наслажденіемъ нырнулъ по самое горло. Но въ эту минуту нѣчто ужасное представилось его глазамъ: мужичокъ захвативъ въ охапку лежавшее на берегу платье, поспѣшно удалялся по направленію въ поле!

Кокò позеленѣлъ и отъ неизобразимаго волненія даже присѣлъ въ водѣ. Онъ хотѣлъ крикнуть—въ груди не было голоса. А ужасъ положенія съ каждымъ мгновеніемъ все ярче и ярче рисовался уму. Самая вода вдругъ какъ будто похо-

лодѣла, и въ тѣло его словно вонзились ледяныя иглы. Онъ выползъ на берегъ посмотрѣть что такое еще бѣлѣется на томъ мѣстѣ гдѣ онъ раздѣвался. Оказалось что мужичокъ не все захватилъ. Кокò нашелъ на травѣ свою соломенную шляпу, тросточку, монокль и даже нѣчто болѣе существенное— ботинки и жилетъ. Но хотя всѣ эти вещи могли прекрасно дополнить туалетъ, обойтись ими одиѣми очевидно не представлялось возможности. Жилетъ въ особенности показался Кокò очень глупою шуткой, и онъ въ первый разъ въ жизни задумался надъ цѣлесообразностью этой необходимой принадлежности гардероба. Затѣмъ онъ опять влѣзъ въ воду, инстинктивно предпочитая это положеніе пребыванію на открытомъ воздухѣ.

Невыразимая ярость наполнила все существо его, душила за горло. Онъ теперь сожалѣлъ что въ первое мгновеніе не бросился въ погоню; положимъ онъ рисковалъ представить своимъ знакомымъ совершенно необыкновенное зрѣлище, но тѣмъ хуже для нихъ. Онъ вспомнилъ что вмѣстѣ съ платьемъ у него пропали часы, стоившіе съ цѣпочкой почти пятьсотъ рублей, знаменитый золотой портсигаръ отъ Сазикова и рублей сто деньгами. Онъ опять почувствовалъ какъ тысячи ледяныхъ иголокъ вонзились ему въ тѣло.

— Брр! фыркнулъ онъ, стукнувъ зубами.

Однако надо было что-нибудь придумать. Онъ опять приподнялся изъ воды и заглянулъ вверхъ на берегъ. За деревьями ему мелькнуло чье-то свѣтлое платье. „Ахъ еслибъ это жена!“ взмолился Кокò и вдругъ рѣшившись крикнулъ что было силы:

— Полина!

Свѣтлое платье остановилось.

—Полина! уже не крикнулъ, а завизжалъ Кокò, узнавъ жену.

Къ несчастью она была не одна, а съ Волынскимъ, который заслышавъ этотъ странный крикъ, пошелъ впередъ къ къ берегу. Кокò стыдливо нырнулъ въ воду.

— Для чего жь это вы такъ визжите? укоризненно послалъ ему Волынскій, чрезвычайно изумленный представившимся ему зрѣлищемъ.

Кокò чувствовалъ такой упадокъ духа что уже не могъ заботиться скрыть свое положеніе.

— Меня ограбили, унесли все мое платье! простоналъ онъ,

чуть-чуть приподымаясь надъ водой.—Вонъ тамъ осталась одна жилетка. Я съ ума схожу, я уже полчаса въ водѣ.

Волынскій даже не разсмѣялся—до того онъ былъ пораженъ этимъ пассажемъ, и только всплеснулъ руками и оглянулся на Полину.

— Придумайте же чтò мнѣ дѣлать! умоляющимъ голосомъ простоналъ Кокò.—Вѣдь не могу же я оставаться здѣсь пока мнѣ привезутъ изъ дома новое платье.

— Чтò жь тутъ можно придумать? развелъ руками Волынскій.—Развѣ дать вамъ мой плащъ? Онъ вамъ будетъ до самыхъ пятъ и вы отлично можете въ него задрапироваться.

Полина наконецъ не выдержала, отвернулась и зажала ротъ платкомъ. Волынскій дѣлалъ серіозное лицо.

— Гороховый макферланчикъ? Чтò жь, это въ самомъ дѣлѣ можно, согласился съ нѣкоторымъ колебаніемъ Кокò.—И вы думаете что я въ немъ могу доѣхать домой?

— А вотъ прикиньте, убѣждалъ Волынскій, развертывая макферланчикъ.

— Я пойду предупредить чтобы никто не ходилъ въ эту сторону, предложила Полина.

Кокò, уже порядкомъ продрогшій, не столько впрочемъ отъ холода сколько отъ нервнаго волненія, вылѣзъ изъ воды и кое-какъ обтерся носовымъ платкомъ, любезно предложеннымъ Волынскимъ.

— Жарко, не простудитесь, успокоивалъ его тотъ, скромно отходя въ сторону.

Кокò сталъ одѣваться.

— Я думаю все-таки надѣть жилетку? посовѣтовался онъ.

— Надѣвайте, отвѣтилъ издали Волынскій.

— Надо сознаться онъ чертовски мало мнѣ оставилъ, продолжалъ причитать Кокò.—Ужасно трудно безъ носковъ надѣвать ботинки. Положительно не можетъ быть ничего глупѣе жилетки. Я однако буду жаловаться. Вы угадали, макферланчикъ отлично меня костюмируетъ.

Онъ наконецъ вышелъ на дорожку, застегнутый по самое горло, съ поднятымъ воротникомъ и мрачно нахлобученною шляпой. Увы, это совсѣмъ не былъ прежній Кокò: онъ боязливо переступалъ ногами, пряталъ руки, глядѣлъ внизъ. На всей его внѣшности лежала печать сознанія что малѣйшее неосторожное движеніе можетъ обнаружить прискорбную недостаточность его туалета.

— Мы сейчасъ и поѣдемъ? жалобно спросилъ онъ Волынскаго.

— Что жь дѣлать, надо ужь васъ везти! отвѣтилъ тотъ.—Я скажу что вы заболѣли.

Благодаря неожиданному приключенію съ Коко, обратное путешествіе въ Павловскъ представляло нѣсколько странный видъ. Самъ Коко, облеченный въ гороховый макферланчикъ, полулежалъ въ ландо, не смѣя пошевельнуть ни однимъ членомъ. Полина, отвернувшись въ сторону, щипала зубами платокъ и кусала губы. Волынскій дѣлалъ серіозное лицо и тоже глядѣлъ по сторонамъ. Смѣшливая Аннетъ нѣсколько разъ нагоняла ихъ чтобъ освѣдомиться о здоровьѣ Коко.

— Благодарю васъ, мнѣ все еще нехорошо, слабымъ голосомъ отвѣчалъ несчастный.

— Но зачѣмъ вы надѣли чужое пальто? неужели вамъ холодно? приставала Аннетъ, и ѣхавшіе въ ландо слышали какъ она поравнявшись съ Олжанской заливалась на нѣсколько минутъ неудержимымъ хохотомъ.

Полина почти до крови искусала себѣ губы.

XI.

До самой послѣдней минуты Липочкѣ все не вѣрилось что Безбѣдный уѣдетъ. Вѣдь долженъ же онъ понять что это не ссора, не сцена, что не могутъ же ихъ отношенія оставаться попрежнему послѣ того какъ онъ даже не далъ себѣ труда хоть обмануть ее чтобы разсѣять самыя мучительныя ея подозрѣнія. Изъ окна своей комнаты она видѣла какъ закладывали тарабанъ. „И все-таки онъ не поѣдетъ", повторяла она съ ощущеніемъ удушья въ груди.

Но онъ уѣхалъ. Она не вышла посмотрѣть, она по скрипу колесъ на шоссе и по особенной наставшей въ домѣ тишинѣ догадалась что его нѣтъ. Чувство удушья сильнѣе стѣснило ей грудь, голова наполнилась тягостнымъ туманомъ. Въ этомъ туманѣ мысль лѣниво шаталась и билась, какъ птица бьется подъ грозой отяжелѣлыми крылами. Что же наконецъ будетъ?

Она нѣсколько минутъ ходила изъ угла въ уголъ по своей нарядно отдѣланной комнатѣ, испытывая странное облегченіе отъ физическаго усилія, требовавшагося чтобы преодо-

лѣть усталость. Но потомъ ноги перестали повиноваться, она присѣла на бочокъ дивана и прислонилась спиной къ стѣнѣ. Темные глаза ея глядѣли не мигая на что-то невидимое, какъ будто находившееся прямо предъ нею, а мысль все также лѣниво и тупо шевелилась.

Ей припомнился одинъ вечеръ—самый скверный вечеръ въ ея жизни—когда она послѣ музыкальнаго завтрака у Безбѣднаго, оскорбленная и напуганная, вернулась въ свой крошечный нумеръ въ гостиницѣ. Тамъ подъ окномъ, на залитой огнями улицѣ суетливо и радостно волновалась толпа, слышался гулъ напрягающейся жизни, а у нея въ сердцѣ болѣла рана, и эта рана казалась смертельною, и ей не хотѣлось умереть. Нѣтъ, нѣтъ, лишь бы не смерть! стоналъ ея внутренній голосъ, и въ каждомъ нервѣ, въ каждой каплѣ крови разгоралось сопротивленіе этой мысли о смерти. А теперь усталое чувство гнуло ее внизъ и она вся была словно насыщена желаніемъ смерти. Ей не хотѣлось жить, не было силы жить. Въ этой нарядной комнатѣ, среди яркаго солнечнаго блеска, лежавшаго веселыми пятнами на атласѣ и бронзѣ, жизнь казалась ей неизмѣримо труднѣе, мучительнѣе и противнѣе чѣмъ въ неряшливомъ нумерѣ гостиницы. Умереть, перестать жить—это такъ хорошо!

Авениръ осторожно пріотворилъ дверь.

— Чтò вы хотите? точно сквозь сонъ спросила Липочка.

— Сергѣй Михайловичъ изъ города пріѣхали, доложилъ Авениръ.

„Кто такой Сергѣй Михайловичъ?“ удивилась Липочка, съ усиліемъ перебирая въ мысли цѣлую вереницу какихъ-то вдругъ сдѣлавшихся ей непонятными лицъ. „Ахъ, да вѣдь это Молостовъ,“ припомнила она наконецъ и пошла къ нему на встрѣчу.

Съ самаго переѣзда на дачу она не видала его и даже не думала о немъ. Онъ остался въ городѣ наблюдать за нѣкоторыми неважными дѣлами, кое-какъ тянувшимися во время лѣтняго затишья. Въ этомъ положеніи онъ могъ дѣйствовать самостоятельнѣе, и Безбѣдный выражался о немъ что онъ „начинаетъ привыкать“. Встрѣчались однако спѣшныя обстоятельства, по которымъ надо было лично переговорить съ адвокатомъ, и именно потому онъ пріѣхалъ сегодня въ Павловскъ.

Липочка разсѣянно протянула ему руку.

— Вы къ Евгенію Саввичу? онъ уѣхалъ, сказала она.

Молостовъ разглядывалъ ее своими любопытными, подозрительными глазами.

— Еслибы знать что онъ скоро вернется, я бы подождалъ. А можетъ-быть завтра онъ самъ въ городъ пріѣдетъ? Надо бы, дѣла есть! разсуждалъ онъ вслухъ.—Какъ же вы тутъ поживаете, Олимпіада Васильевна? добавилъ онъ со своимъ обычнымъ поёживаньемъ плечами.

Лилочка не отвѣчая прилегла на кушетку.

— Хотите курить? предложила она.

Молостовъ усѣлся, зажегъ папироску и продолжалъ поглядывать на Лилочку такими же подозрительными глазами.

— Похудѣли очень, и выраженіе у васъ явилось какое-то... нехорошее, сказалъ онъ. — Тамъ въ нумерахъ, когда я въ первый разъ имѣлъ честь быть у васъ и когда вы безпокоились насчетъ уроковъ, вы гораздо лучше смотрѣли.

— Больна я, Сергѣй Михайловичъ! отвѣтила Лилочка, конфузясь подъ его подозрительнымъ взглядомъ.

Молостовъ пыхнулъ изъ папироски.

— Климатъ здѣсь скверный, не привыкнете пожалуй! сказалъ онъ. — Вамъ бы, Олимпіада Васильевна, домой вернуться...

Лилочка раздражительно вздрогнула головой.

— Вы все свое, Сергѣй Михайловичъ, молвила она.

— Да, все свое, все одно и то же... какъ же быть-то если лучшаго ничего не придумывается? возразилъ Молостовъ.— Такъ ужь жизнь складывается: нравится, не нравится, а выбирать не изъ чего. Очень не великъ выборъ-то, да и старо все.

— Я не вернусь въ Т*, Сергѣй Михайловичъ, сказала Лилочка.—Я умру.

Она такимъ страннымъ тономъ промолвила эти слова что Молостовъ невольно вздрогнулъ.

— Вы такъ дурно себя чувствуете? спросилъ онъ быстро подходя къ ней съ того мѣста гдѣ сидѣлъ.—Но вы лѣчитесь? васъ видѣлъ докторъ?

Лилочка не отвѣчая глядѣла на него глубокими притихшими глазами. Ей припоминалось какъ она постоянно спорила съ нимъ и какое у нея было инстинктивное враждебное чувство къ нему. Теперь она не сознавала въ себѣ этого чувства, она только удивлялась почему онъ съ самаго начала

лучше и больше ея понималъ въ ея отношеніяхъ къ Безбѣдному и какъ это она тогда не хотѣла объяснить себѣ его точку зрѣнія. Мысль что можно было еще тогда, съ самаго начала знать все мучительно переживаемое ею теперь, эта мысль особенно безпокоила и раздражала ее. Неужели все въ жизни такъ старо, такъ рутинно, такъ общеизвѣстно?

— Вы никогда не одобряли... моей петербургской жизни сказала она.—Но вѣдь вы не могли знать. И я не знала.

— Я со стороны, Олимпіада Васильевна; со стороны виднѣе, отвѣтилъ Молостовъ.

— И что̀ же вамъ было видно?

Молостовъ какъ-то хихикнулъ сквозь зубы.

— Да вотъ это самое, проговорилъ онъ, взглянувъ на нее въ упоръ своими сѣрыми, желчными зрачками.

— Что̀ же дѣлать, Сергѣй Михайловичъ? Посовѣтуйте мнѣ, я стала такая глупая, сказала она.

Молостовъ пожалъ плечами.

— Если можете, уѣзжайте домой, отвѣтилъ онъ.

— А дальше?

— А дальше—ничего. Вамъ кажется что непремѣнно надо что-нибудь съ собой сдѣлать? Закончить романъ эффектною развязкой? Такъ вѣдь этого только отъ авторовъ требуютъ, а въ жизни обыкновенно все такъ бываетъ: пытаются, пробуютъ выскочить изъ своего ничего и опять въ него возвращаются. Вернетесь домой, будете потихоньку жить, вспоминать, скучать. Спросятъ васъ: какъ поживаете? скажете: да ничего. Это „ничего“ самая важная вещь на свѣтѣ, потому что имъ милліоны людей живутъ. А потомъ, обтерпѣвшись, можетъ-быть и замужъ выйдете, это тоже бываетъ.

Липочка нетерпѣливо тряхнула головой.

— Вы не сознаете сколько злости въ томъ что̀ вы говорите! сказала она.

Молостовъ опять поёжился плечами.

— Сознаю. Только почему жь я долженъ непремѣнно безъ злости говорить? возразилъ онъ.—Къ вамъ я никакого злаго чувства не имѣю, ну а кое къ чему имѣю. Не могу же я васъ успокоивать что-молъ потерпите немножко, Евгеній Саввичъ на васъ женится. Или проповѣдывать вамъ о какой-то борьбѣ: идите-молъ съ гордо поднятымъ челомъ, ищите вознагражденія въ вашемъ артистическомъ призваніи, и такъ далѣе...

— Я ужь перестала и думать объ этомъ призваніи, сказала Лилочка, и вдругъ закашлявшись вынула платокъ и обтерла губы. На платкѣ остались кровавыя пятна.

— И хорошо сдѣлали что перестали, подтвердилъ Молостовъ.—Потому что какая же вы пѣвица? Вѣдь на сценѣ можно жить только когда царствуешь на ней, а иначе лучше бѣлошвейнымъ мастерствомъ заняться. Вы вотъ и покашливаете очень скверно.

Лилочка поставила локти на столъ и наклонивъ голову сжала пальцами холодные виски.

— Ахъ, оставьте меня, сказала она съ тоской.—Я умру.

Молостовъ нахмурился.

— Если вы сами не хотите спастись, то никто не спасетъ васъ, сказалъ онъ.—Надо или оторваться отъ этой жизни, или примириться съ нею.

— Вамъ легко говорить, возразила Лилочка сквозь сжатыя на лицѣ руки.

— Чтò жь я могу еще сдѣлать? я только и могу говорить, отозвался почти съ усмѣшкой Молостовъ.—И скажите пожалуста, чтò же тутъ во всемъ этомъ удивительнаго? продолжалъ онъ съ желчнымъ оживленіемъ.—Да въ каждомъ домѣ есть такая драма. Вѣдь бѣдности люди не умѣютъ сносить, имъ хоть сгорѣть да лишь бы на золотомъ огнѣ. О, много, много этихъ сгорающихъ жизней. Вы искали того чтò блеститъ, чтò тянетъ къ себѣ какъ сила—а чтò такое блеститъ, какая такая сила... Эхъ, о чемъ тутъ толковать! Я ужъ вѣрно не дождусь Евгенія Саввича, оставлю ему записочку.

Онъ поднялся и взялъ со стола свою шляпу. Яркое солнце, проникая сквозь частую зелень березокъ, играло на его лицѣ желтыми пятнами. Лилочкѣ показалось что онъ или больной какой-то, или ужь очень злой.

— Уходите? сказала она все съ тою же тоской въ голосѣ.—Ну, прощайте.

Ей вдругъ стало страшно что она опять останется одна. За чтò? чѣмъ же она наконецъ такъ виновата предъ всѣми что никому, никому до нея нѣтъ дѣла? Она подняла голову.

— Сергѣй Михайловичъ, значитъ вамъ нисколько, нисколько не жалко меня? сказала она.

Молостова какъ будто передернуло.

— Какое жь я имѣю право? И притомъ вы кажется никогда не интересовались моими чувствами къ вамъ, отозвался онъ натянуто.

— Вы когда-то говорили что я могу относиться къ вамъ какъ къ другу... что вы меня считаете такою хорошею, хорошею... Помните, тамъ, у Пелагеи Прохоровны? напомнила Липочка.

— Помню, отвѣтилъ почти злобно Молостовъ; — только зачѣмъ же мы будемъ теперь говорить объ этомъ?

Липочка взглянула на него и вдругъ яркая краска обожгла ей лицо.

— Потому что я теперь стала гадкая? потому что я теперь не стóю вашего участія? объяснила она его слова и упавъ головой на подушку закрыла лицо руками.

У Молостова губы покривились.

— Да нѣтъ же, Олимпіада Васильевна, сказалъ онъ горломъ, не замѣчая что пальцы его обламываютъ поля шляпы.—Вы гадкая? Да вы не можете быть гадкая, вы... Зачѣмъ вы объ этомъ говорите? Посмѣяться надо мной вамъ захотѣлось, или посмотрѣть какъ меня будетъ коверкать?

Липочка съ удивленіемъ подняла на него глаза. По лицу его въ самомъ дѣлѣ пробѣгала судорога, точно его „коверкало".

— Богъ съ вами, Сергѣй Михайловичъ, чтò вы такое говорите? сказала она.

Онъ вдругъ сѣлъ на стулъ, довольно далеко отъ нея.

— Какъ же вы могли подумать? неужели вы въ самомъ дѣлѣ не поняли? Когда я чуть съ ума не сошелъ, когда у меня душа разрывалась—вы не знали? Вамъ и въ голову не приходило что я люблю васъ какъ только такіе дикіе, смѣшные люди какъ я и могутъ любить? говорилъ онъ страннымъ задыхающимся, плаксивымъ голосомъ.—И вдругъ бы я сталъ судить васъ... Да хоть бы вы въ самомъ дѣлѣ гадкая сдѣлались, такъ мнѣ и тогда одно ваше ласковое слово было бы дороже жизни. Я злобствовалъ, я грызъ свою собственную душу, я можетъ-быть хотѣлъ бы васъ ногами растоптать—вотъ какія бывали минуты—и все-таки я не переставалъ любить васъ, и скажи вы одно слово... Да чтò тутъ говорить!

Онъ вдругъ замолчалъ и злобно обвелъ глазами комнату. Липочка тихо поднялась съ кушетки и подошла къ нему. Глаза ея все еще сохраняли удивленное, но уже болѣе ласковое выраженіе.

— Сергѣй Михайловичъ, это такъ странно... Я въ самомъ дѣлѣ никогда не думала... Вы всегда такимъ злымъ тономъ говорили со мной, мнѣ скорѣе казалось что я возмущаю васъ... проговорила она смущенно.

— Я вѣдь сказалъ что мнѣ иногда хотѣлось бы ногами васъ растоптать! отвѣтилъ Молостовъ тономъ почти бѣшенства.— Развѣ я съ первой минуты не видѣлъ что не долженъ любить васъ, что какая-то злая сила толкаетъ васъ туда гдѣ мы не могли больше встрѣтиться? Развѣ я не понималъ что вы презираете меня, что вы во мнѣ ничего не можете понять, потому что что̀ же я для васъ такое? О, Евгеній Саввичъ другое дѣло. Онъ наглъ, ему везетъ, онъ блистаетъ, онъ знаетъ средство владѣть людьми, развращая ихъ. Да, развращая, дѣлая изъ нихъ какую-то падаль. Иныя хищныя животныя вѣдь только и питаются падалью — особенная въ этомъ гастрономія есть! Ну и что̀ же? Много вамъ далъ счастья вашъ блистающій герой? Легче вамъ среди этихъ атласовъ, ковровъ, кружевъ? Ахъ, простите что я съ такою злостью говорю объ этомъ, продолжалъ онъ какъ бы упавшимъ голосомъ. — Вѣдь есть инстинктъ отомщенія съ которымъ человѣческая природа не въ силахъ совладать. Но я только злобствую, я не сужу васъ. Я знаю что вы жертва той мерзкой силы которая давитъ всѣхъ. Я все также люблю васъ. Для меня вы все такая же. Скажите одно слово, и я отдамъ вамъ мою жизнь, мое будущее, мои надежды, мою кровь. Вѣдь не ничтожество же я! вѣдь имѣютъ же какую-нибудь цѣну честная страсть, честное сердце. Я бѣденъ, но предо мной еще много впереди, я могу работать и не опасаюсь нужды.

Липочка слушала его съ возраставшею тревогой, ясно выражавшеюся на ея блѣдномъ лицѣ. Для нея такою неожиданностью были эти злобныя и страстныя признанія, эти упреки, эта странная смѣсь обожанія съ циническою оцѣнкой ея увлеченій, что она не находила словъ. Она была удивлена и оскорблена, и невольно тронута жаромъ и искренностью чувства, слышавшагося въ безпорядочной рѣчи. Но что̀ могла она дать за это чувство? Ея глаза печально улыбнулись въ отвѣтъ на смущенный, ожидающій взглядъ Молостова.

— Сергѣй Михайловичъ, для меня такъ ново то что̀ вы сказали. Я напротивъ всегда думала что у васъ есть нѣчто въ родѣ антипатіи ко мнѣ... молвила она съ чувствомъ тайнаго состраданія.—Но зачѣмъ же вы... допускали себя любить меня, когда вы знали что я люблю другаго?

Молостовъ только нервно покривилъ губами.

— Что̀ же я могъ съ собою сдѣлать? сказалъ онъ послѣ

томительной паузы.—Я ждалъ. Я зналъ что вашъ праздникъ кончится, бенгальскіе огни погаснутъ, и у меня оставалась надежда. Теперь вы можете отнять ее, и тогда ничего не останется. Нѣтъ, останется опытъ жизни, боль, и можетъ-быть немножко болѣе презрѣнія и отвращенія...

Липочка въ волненіи сжала руки.

— А моя любовь развѣ что-нибудь оставила мнѣ? Ахъ, Сергѣй Михайловичъ, какое это несчастіе что никто изъ насъ не имѣетъ власти надъ своимъ чувствомъ! молвила она съ тоской.—Я вамъ безконечно благодарна за ваше участіе, за то что вы не хотите безжалостно осудить меня, но подумайте же, развѣ я могу еще дать кому-нибудь то чувство котораго вы ждете отъ меня? Я вся изстрадалась, изныла, мнѣ кажется что я ужь не живу больше.

Молостовъ мрачно взглянулъ на нее блиставшими желчью глазами.

— Я ждалъ когда вы любили другаго; что̀ для меня значитъ ждать когда вы уже свободны? возразилъ онъ.

Липочка нетерпѣливо покачала головой.

— Нѣтъ, Сергѣй Михайловичъ, не ждите, этого не будетъ, не можетъ быть, отвѣтила она.—Забудьте, бросьте, не томите себя даромъ. Я васъ уважаю и цѣню больше прежняго, но я не сто́ю васъ и я знаю—простите меня—я знаю что никогда не могу любить васъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру, опустилась на стулъ и отвернулась. По лицу Молостова опять пробѣжала судорога, потомъ оно приняло застывшее бронзовое выраженіе.

— Прощайте, сказалъ онъ съ безпомощнымъ хрипомъ въ голосѣ.

Липочка молча протянула руку. Все что̀ она могла сказать было бы такъ ничтожно и ненужно въ эту минуту...

XII.

Безбѣдный остался у Олжанской обѣдать и вернулся домой очень поздно, а на другой день, когда Липочка еще не выходила изъ своей комнаты, уѣхалъ въ городъ. Онъ еще наканунѣ обѣщалъ Аннетъ что будетъ у нихъ обѣдать, и управившись съ дѣлами поѣхалъ на Аптекарскій. У Каричъ его задержали весь вечеръ, такъ что возвращаться въ Павловскъ

было уже поздно и онъ ночевалъ на своей городской квартирѣ.

Эти два дня Липочка прожила словно въ какомъ-то мучительномъ снѣ. Она чувствовала себя опять въ томъ страшномъ закоулкѣ гдѣ нельзя оставаться и откуда некуда выйти. Ничѣмъ не наполненные часы тянулись невыразимо долго, а когда она оглядываясь замѣчала что мысль ея все также безпомощно кружится около одной и той же задачи, ей казалось что время уходитъ съ безпощадною быстротой и что въ этой быстротѣ невозможно ничего сдѣлать, ни къ чему приготовиться. Она пробовала садиться къ роялю, но клавиши издавали какіе-то деревянные, безсмысленные звуки. Она вставала и въ продолженіе цѣлыхъ часовъ до усталости ходила взадъ и впередъ по пустымъ комнатамъ, не замѣчая что̀ именно думала въ это время ея изнеможенная мысль. Часы уходили, Безбѣдный не возвращался. Съ вечера еще перваго дня она стала ждать съ безпокойнымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ и это нетерпѣніе все разросталось, какъ будто въ окружающей ее пустотѣ и мглѣ мерцало одно свѣтящееся пятно, призракъ надежды, раздражающій интересъ недосказаннаго слова... Что̀ именно выражалъ этотъ призракъ? Она знала что все кончено, но пока этотъ призракъ мерцалъ предъ ея измученнымъ взоромъ, пока ей еще предстояло видѣть Безбѣднаго—она могла ждать.

Онъ пріѣхалъ только на третій день, за часъ до обѣда, и къ ужасу Липочки привезъ гостей. Одинъ былъ его собратъ по адвокатурѣ, а другой... другой былъ самъ великій Флютенталь! У Липочки и руки опустились, а Авениръ стремглавъ полетѣлъ на кухню.

Знаменитый піанистъ только что совершилъ маленькую экскурсію въ Эмсъ, гдѣ что-то такое сыгралъ предъ императоромъ Вильгельмомъ, но почувствовавъ въ воздухѣ залахъ пороха и крови возвратился въ Петербургъ, непріятно недоумѣвая, отчего это всѣ вдругъ занялись какими-то совершенно посторонними музыкѣ интересами? Въ Петербургѣ воздухъ тоже показался ему тяжелымъ и неудобнымъ. Общество, придавленное вѣстями изъ-подъ Плевны, глухо волновалось, страдало и негодовало. Рояли Беккера и Шредера, таскаемые изъ одного концерта въ другой, стояли подъ чехлами въ пыльномъ углу залы. Вмѣсто привычныхъ его слуху именъ Патти, Котоньи, Таузига, слышались имена Радецкаго, Скобелева, Гурко... Очевидно дѣлалось что-то совсѣмъ новое,

удивительное и крайне для него непріятное. Даже петербургскіе Жиды, которыхъ онъ такъ любилъ за ихъ музыкальность, толковали о какой-то саложной юфти, сухаряхъ и прессованномъ сѣнѣ и другъ за другомъ летѣли куда-то въ такія мѣста гдѣ несомнѣнно нельзя было организовать ни одного хорошенькаго концерта. Непріятность усиливалась еще тѣмъ что за границей Флютенталь могъ по крайней мѣрѣ ловить на каждомъ шагу отголоски бѣшеной ярости и злораднаго смѣха, а тутъ въ Петербургѣ эта ярость и смѣхъ звучали робко и въ нихъ слышалась какая-то другая, больная нота. Случилось даже что когда Флютенталь сказалъ однажды то самое что̀ столько разъ съ такимъ успѣхомъ говорилъ за границей, у него чуть не вышла непріятность. Единственное пріобрѣтеніе сдѣланное Флютенталемъ заключалось въ томъ что онъ вдругъ, въ нѣсколько дней понялъ какъ страстно и злобно ненавидитъ онъ Россію, русскую жизнь, русскихъ людей, русскіе интересы. Прежде онъ никогда не сознавалъ этого, онъ даже благодушествовалъ находя что хотя Россія ужасно отстала отъ Европы, но въ ней можно продавать билеты въ концертъ дороже чѣмъ гдѣ-нибудь. Теперь онъ вдругъ почувствовалъ что даже видъ Филипповскаго калача производитъ въ немъ нестерпимое раздраженіе, и по совѣту доктора сталъ принимать кремортартаръ. Въ такомъ угнетенномъ состояніи онъ охотно отозвался на приглашеніе Безбѣднаго, такъ какъ сфера званыхъ обѣдовъ въ той же степени для него сузилась какъ и сфера инструментально-вокальныхъ концертовъ.

Лилочка въ ужасѣ не знала что̀ ей дѣлать. „Неужели онъ не понимаетъ что я не могу сидѣть съ его гостями, что я не могу здѣсь оставаться?“ спрашивала она себя, глубоко оскорбленная. Она хотѣла не выходить, запереться у себя въ комнатѣ, но Безбѣдный поспѣшно прошелъ къ ней и цѣлуя ея руку сказалъ радостно возбужденнымъ голосомъ:

— Пожалуста! у меня Флютенталь! докажите что вы умѣете быть любезны!

— Евгеній Саввичъ, я васъ ждала совсѣмъ не затѣмъ, возразила тономъ оскорбленнаго недоумѣнія Лилочка.

— Нѣтъ, я васъ прошу! вѣдь это Флютенталь! повторилъ Безбѣдный и поспѣшно вернулся къ гостямъ. На ходу ему пришла мысль что въ виду такого необычайнаго посѣщенія кстати будетъ пригласить также Олжанскую, и онъ тотчасъ отправилъ къ ней Авенира.

У Липочки голова шла кругомъ. „Не понимаетъ онъ, или ужь до такой степени презираетъ меня?“ думала она, еще не зная о его послѣднемъ распоряженіи. А она два дня ждала этой минуты, ей казалось что ничего не могло быть важнѣе тѣхъ первыхъ словъ которыя они скажутъ другъ другу. Злоба сжала ей сердце „Не выйду, не пойду“, рѣшила она окончательно, и крупныя, злыя слезы капля за каплей побѣжали по ея блѣднымъ щекамъ.

Черезъ полчаса Авениръ тихонько постучалъ къ ней въ дверь.

— Чтò вамъ надо? спросила съ досадой Липочка.

— Евгеній Саввичъ васъ проситъ, сейчасъ обѣдать будемъ, доложилъ Авениръ.

— Я не выйду, отвѣтила Липочка.

Авениръ за дверью переступилъ съ ноги на ногу.

— Евгеніи Саввичъ приказали очень просить: Софья Александровна Олжанская здѣсь; такъ неловко если вы не пожалуете, объяснилъ онъ.

— Да не выйду же я! почти крикнула на него Липочка.

Извѣстіе что къ обѣду приглашена Олжанская совсѣмъ ошеломило ее. Такъ онъ, значитъ, рѣшительно не придаетъ никакого значенія тому чтò произошло третьяго дня! Онъ не только не хотѣлъ оправдаться предъ нею, заступиться за нее по поводу нанесеннаго ей оскорбленія, но онъ даже не признаетъ никакаго оскорбленія. Вмѣсто того чтобы разорвать знакомство съ этою женщиной, онъ приглашаетъ ее къ обѣду и требуетъ чтобъ она же, Липочка, принимала ее...

Злое чувство все больше тѣснило ей грудь. Слезы высохли, и глаза мстительно горѣли. „Надо кончить, надо умѣть кончить“, припомнились ей слова Андрея. Сдвинувъ брови и сжавъ блѣдныя, нервно вздрагивавшія на уголкахъ губы, она ходила взадъ и впередъ по маленькому пространству отгороженному въ ея спальной, и горькія, злыя мысли кружились въ горячей головѣ.

Незапертая дверь быстро отворилась.

— Да полно же пожалуста! сказалъ тономъ явнаго неудовольствія Безбѣдный, входя къ ней. — Тамъ Флютенталь, Олжанская—въ какое же глупое положеніе ты меня ставишь! Флютенталь хочетъ слышать твое пѣніе. Одѣвайся поскорѣе.

Липочка смѣрила его съ головы до ногъ сверкнувшими глазами.

— Евгеній Саввичъ, вы кажется все позабыли! сказала она задыхающимся голосомъ.

Безбѣдный нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ахъ, право теперь не время. Вѣдь я оставилъ ихъ однихъ. Перестань пожалуста, одѣнься и выходи поскорѣе, послѣ мы потолкуемъ, проговорилъ онъ торопливо.

Лилочка чувствовала какъ лицо ея вспыхнуло сухимъ жаромъ.

— Я выйду къ обѣду только въ такомъ случаѣ если тамъ не будетъ Олжанской и если вы тутъ же, сейчасъ, торжественно дадите мнѣ ваше честное слово что не имѣете намѣренія жениться на mademoiselle Каричъ! проговорила она, становясь между нимъ и дверью.

— Ну полно же, повторилъ Безбѣдный, хмурясь и наклоняясь чтобы поцѣловать ея руку. Она злобно отдернула обѣ руки и спрятала ихъ за спиной.

— Я не шучу, не капризничаю, Евгеній, продолжала она срывающимся голосомъ, неровно дыша раздутыми, вздрагивающими ноздрями.—Я уже сказала что не пойду дальше тѣхъ жертвъ которыя принесла. Я оставила себѣ такъ мало что хочу сохранить эти остатки. Тебѣ кажется глупостью мое требованіе разорвать съ Олжанской? О, еслибы дѣло было въ Олжанской, ты не боялся бы потерять ее. Я не изъ мщенія, а потому что разрывъ съ этою женщиной помѣшаетъ твоимъ разчетамъ, и я не имѣю другаго средства помѣшать имъ. Евгеній, ты не уйдешь отсюда пока это не будетъ кончено. Или я буду знать что Олжанская клеветала на тебя, что ты вовсе не хотѣлъ жениться на Каричъ, или ты никогда больше не увидишь меня.

Безбѣдный внутренно бѣсился. Онъ ненавидѣлъ голосъ глубокой, измученной страсти, все драматическое въ жизни дѣйствовало на него раздражающимъ образомъ. Притомъ мысль о Флютенталѣ неделикатно оставленномъ въ кабинетѣ не давала ему покоя.

— Я допускаю что вы любите трагическія сцены, но умѣйте же по крайней мѣрѣ выбрать для нихъ время! отвѣтилъ онъ съ нескрываемою досадой.—Если вы поставите меня въ смѣшное положеніе предъ обществомъ, я вамъ никогда не прощу этого. И что̀ за нелѣпость: ты не хочешь подумать что тебѣ можетъ-быть никогда въ жизни не представится больше случая обѣдать съ Флютенталемъ! добавилъ онъ невольно смягчившимся голосомъ.

Липочка сжала руки, такъ что тонкіе пальцы ея хрустнули.

— Евгеній, да неужели же ты не понимаешь? простонала она, жмуря глаза отъ нестерпимой внутренней боли.

— Я понимаю что это становится нестерпимо, отвѣтилъ съ раздраженіемъ Безбѣдный, и сдѣлалъ шагъ къ двери.

Липочка молча посторонилась чтобы дать ему дорогу и шатаясь подошла къ кушеткѣ. Силы совсѣмъ оставили ее, въ глазахъ прыгали какія-то красныя и синія пятна.

Прошло можетъ-быть съ четверть часа. Она стояла на колѣняхъ на коврѣ, прижавшись лицомъ къ мягкой обивкѣ кушетки, пережидая боль, нестерпимо рвавшую ей грудь. Потомъ она съ усиліемъ поднялась на ноги, провела рукой по разстроенной прическѣ, обвела глазами комнату, отыскивая въ ней что-то. Вспомнивъ, она прошла за перегородку достала маленькій саквояжъ съ которымъ пріѣхала въ Петербургъ, уложила кое-какія свои собственныя, привезенныя изъ дома вещи, надѣла шляпку и пальто и вышла на улицу.

Безбѣдный опять вернулся къ своимъ гостямъ и съ сокрушеніемъ объявилъ что у Липочки сдѣлался ужаснѣйшій мигрень и что она должна лечь въ постель. Онъ былъ очень разстроенъ и золъ и находилъ что поступилъ неосторожно, запутавшись въ такія отношенія изъ которыхъ всегда трудно выпутаться.

— Я пройду къ ней на минутку? предложила Олжанская, сразу догадавшаяся что дѣло совсѣмъ не въ мигрени.

— Она васъ не пуститъ, отвѣтилъ Безбѣдный, и пригласилъ всѣхъ въ столовую.

Несмотря на привычку къ самообладанію, онъ на этотъ разъ никакъ не умѣлъ пересилить въ себѣ дурнаго расположенія духа и во все время обѣда говорилъ очень мало и въ очень брюзгливомъ тонѣ. Огромный рыжій адвокатъ, привезенный Безбѣднымъ, тоже оказался не изъ самыхъ разговорчивыхъ. Онъ молча подошелъ къ столу, выпилъ сразу двѣ рюмки водки и не закусилъ, а только какъ-то дунулъ предъ собой, сложивъ губы трубочкой. Олжанская, замѣтивъ что Безбѣдный разстроенъ, старалась занять Флютенталя и вообще дѣлать какъ можно больше шуму. Великій піанистъ не обращалъ впрочемъ ни на нее, ни на хозяина рѣшительно никакого вниманія и положивъ себѣ на тарелку значительное количество какого-то рыбнаго суфлé, старался припомнить гдѣ онъ ѣлъ это кушанье раньше.

— А знаете какъ въ Эмсѣ одинъ знаменитый нѣмецкій генералъ объяснялъ мнѣ наши неудачи? обратился онъ наконецъ съ довольною улыбкой къ Безбѣдному.—Надо вамъ сказать что этотъ генералъ, какъ всѣ вообще Нѣмцы, чрезвычайно остроумный человѣкъ. Онъ говоритъ что Русскимъ недостаетъ четырехъ вещей, которыя всѣ начинаются съ буквы G: Geld, Geduld, Gelingen и Genie.

И онъ засмѣялся громкимъ, довольнымъ смѣхомъ.

— Это очень остроумно! отозвалась Олжанская.

— Чрезвычайно! подтвердилъ Флютенталь.—Вообще, вы знаете, за границей на нашъ счетъ не стѣсняются, и еслибъ я вамъ передалъ всѣ остроты которыя тамъ ходятъ... Говорятъ однако что второй штурмъ стоилъ намъ двадцать тысячъ? добавилъ онъ понижая голосъ.

— Ахъ какой ужасъ! воскликнула Олжанская.

— Ну, ужь и двадцать тысячъ! усомнился рыжій адвокатъ.

— Говорятъ! подтвердилъ Флютенталь, сбрасывая себѣ въ тарелку какую-то завернутую въ тончайшій жиръ птичку.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! отозвался Безбѣдный, не поясняя относится ли это восклицаніе ко вранью великаго піаниста или къ нашимъ военнымъ неудачамъ.

Онъ собственно не интересовался ни тѣмъ, ни другимъ, а думалъ объ упрямствѣ Липочки и о томъ какъ она ему испортила весь день. Приглашая Флютенталя онъ заранѣе мечталъ что Липочка споетъ въ его присутствіи свою лучшую арію и что затѣмъ самого великаго піаниста можно будетъ просить сыграть что-нибудь, и изъ любезности къ хорошенькой пѣвицѣ онъ конечно не откажетъ. Теперь вмѣсто всего этого предстояло занимать гостей разговорами—задача особенно обременительная при томъ неспокойномъ и раздраженномъ состояніи духа въ какомъ онъ находился.

Послѣ хорошаго обѣда,—а его кормили только очень хорошими обѣдами,—Флютенталь имѣлъ привычку сказать что-нибудь пріятное хозяину.

— Прелестная дача, замѣтилъ онъ переходя изъ столовой въ кабинетъ;—сейчасъ видно когда дѣла идутъ блистательно!

— О, чортъ съ ними совсѣмъ, съ дѣлами! брюзгливо отозвался Безбѣдный.

Піанистъ сдѣлалъ удивленные глаза, а рыжій адвокатъ остановилъ въ нѣкоторомъ разстояніи ото рта рюмку съ ликеромъ.

— Да право, надоѣдаетъ это, объяснилъ Безбѣдный.— Хочется наконецъ чего-то другаго. Очень можетъ быть что я скоро выйду изъ адвокатуры.

— Но вѣдь вы отъ этой адвокатуры имѣете такія большія выгоды! удивился Флютенталь.

Безбѣдный загадочно повелъ глазами по карнизу.

— Правду сказать, я никогда не смотрѣлъ на нее какъ на окончательное призваніе, сказалъ онъ.—Это хорошо для начала... Я думаю что съ нѣкоторою предстоящею мнѣ перемѣной въ жизни матеріальныя выгоды потеряютъ для меня значеніе и тогда я получу возможность удовлетворить другимъ потребностямъ. У меня есть другаго рода честолюбіе.

Флютенталь уже не слушалъ, тогда какъ рыжій адвокатъ напротивъ смотрѣлъ на Безбѣднаго совершенно сладкими, точно покрывшимися леденцомъ глазами.

— Я предполагаю искать карьеры на коронной службѣ, пояснилъ Безбѣдный.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь надо помнить что мы живемъ въ Россіи, гдѣ человѣкъ какъ-то не полонъ если ему не говорятъ „ваше превосходительство". Въ Европѣ я разумѣется искалъ бы политической роли, но честолюбіе русскаго человѣка должно двигаться по табели о рангахъ. Надо смотрѣть на вещи практически. У насъ на верху бюрократія; будемъ толкаться въ бюрократію! Будемъ ловить превосходительство!

— Да, да, въ Россіи... „ваше превосходительство!" выговорилъ съ безсознательною улыбкой Флютенталь, отрываясь отъ процесса пищеваренія.

XIII.

Липочка съ саквояжемъ въ рукѣ торопливо шла паркомъ. Полные слезъ глаза ея безо всякаго опредѣленнаго выраженія скользили по песку дорожки, какъ будто для нея еще не осмыслилось мучительное значеніе того что̀ случилось. „Когда? какимъ образомъ?" спрашивала она себя и не понимала. Когда же началось собственно то что̀ заставило ее теперь бѣжать въ какую-то пустоту, гдѣ она не видѣла цѣли, куда она бѣжала только повинуясь инстинктивному стремленію спастись изъ-подъ обломковъ чего-то рухнувшаго надъ нею?

Она старалась припомнить все съ самаго начала, весь

процессъ созиданія этого рухнувшаго храма, и въ недоумѣніи видѣла только иллюзіи, призраки, ошибки. Словно вдругъ погасли обманчивые огни, и жалкая ветошь декорацій представилась удивленному взгляду. Какъ могло случиться что она такъ долго искала своего счастья среди этихъ размалеванныхъ тряпокъ?

Она шла, и всѣ подробности пережитой драмы, весь жалкій путь обмана и ошибокъ припоминались ея измученной мысли. Тамъ, дома, среди безлюдья и скуки провинціальнаго прозябанія, ей такъ легко было увлечься его возбужденною рѣчью, постоянно звавшею впередъ, туда гдѣ вѣчно бьется, разрушая и творя, волна цивилизованной жизни, гдѣ люди борются, падаютъ и торжествуютъ. Когда онъ уѣхалъ, она не роптала, она знала что его мѣсто тамъ. Но если она любила его, развѣ могла она оставить его одного въ этомъ водоворотѣ, гдѣ каждый всплескъ волны относилъ его все дальше и дальше отъ нея? И она тоже уѣхала, унося очень мало положительныхъ надеждъ на новое счастье и очень много ненависти къ постылому провинціальному существованію, которое оставляла назади.

Дальше ей не хотѣлось вспоминать. Сердце ныло, чувство уязвленнаго самолюбія отравляло кровь. Все, все представлялось ей дѣтскою ошибкой, самонадѣянностью глупца, жалкимъ своеволіемъ страсти. Путь пройденъ до конца, путь обмана и ошибокъ, которыхъ не искупитъ безполезный поздній ропотъ.

Она и не заботилась объ искупленіи. Найти хоть какую-нибудь внѣшнюю форму жизни, хоть что-нибудь чѣмъ можно жить не возвращаясь къ прошлому, вотъ все чего она хотѣла. У нея было немного собственныхъ денегъ, оставленныхъ отцомъ, и больше ничего. Мѣсяцъ, другой она въ состояніи прожить, а тамъ, если эта внѣшняя форма не будетъ отыскана, если жить будетъ нечѣмъ... коробочка фосфорныхъ спичекъ или горшокъ съ горячими угольями, и всему конецъ. Да еще и нужно ли будетъ насиліе чтобъ оборвать истертую нитку жизни? Она чувствовала себя такъ дурно что ей казалось лишнимъ заглядывать за мѣсяцы впередъ.

— Въ городъ ѣдете? вдругъ услышала она надъ собой знакомый голосъ, и вздрогнувъ отъ неожиданности оглянулась. Подлѣ нея стоялъ баронъ Андрей. Онъ какъ и прошлый разъ точно изъ-подъ земли выросъ, и опять въ ту минуту когда она вся изнемогала отъ нестерпимой душевной боли.

— Я кажется испугалъ васъ, простите, извинился Андрей, идя съ ней рядомъ.—Позвольте-ка вашъ сакъ, вамъ должно-быть тяжело.

Липочка молча отдала ему свою ношу. Онъ заглянулъ ей въ лицо любопытными и какъ бы радостными глазами и чуть-чуть усмѣхнулся.

. — Я тоже въ городъ, и должно-быть дня два тамъ промаюсь, продолжалъ Андрей.—У меня видите ли кузина есть, только дальняя очень, съ матерью моей жила послѣднее время. Теперь, послѣ этого несчастнаго случая съ братомъ—вы вѣдь знаете?—все какъ-то разстроилось у насъ, точно никто мѣста себѣ не находитъ. Братъ впрочемъ былъ самое дѣятельное лицо въ семьѣ, поэтому и не мудрено. Такъ вотъ это кузина моя, mademoiselle Ловацкая, хлопочетъ теперь въ Петербургѣ...

Онъ остановился и снова любопытными глазами взглянулъ на Липочку. Онъ очевидно говорилъ только для того чтобы занять время, такъ какъ по разстроенному лицу Липочки видно было что ей самой не подъ силу вести разговоръ.

— Этой кузинѣ моей вздумалось вдругъ получить какую-нибудь роль тамъ на Дунаѣ... знаете, по госпиталямъ... продолжалъ Андрей. — Что жь, вѣдь нужно, война, ужасы всякіе... Многія ужь уѣхали. Ей тутъ дѣла никакого нѣтъ, и притомъ она... какъ бы вамъ сказать... у нея всегда было что-то отзывающееся сестрой милосердія. Барышня она хорошая, хотя по-моему... Ну, да пусть себѣ ѣдетъ, тамъ вѣдь дѣло настоящее, не то что съ нашимъ братомъ тутъ возиться... спасать отъ нравственнаго паденія...

Онъ усмѣхнулся уголками своихъ толстыхъ губъ, какъ будто это воспоминаніе расшевелило въ немъ старое недружелюбное чувство къ Динѣ.

— Она вѣроятно отличная дѣвушка, эта ваша кузина, сказала Липочка.

— Ну да, разумѣется отличная, подтвердилъ Андрей. То-есть, собственно говоря, это вотъ тамъ видно будетъ, когда за настоящее дѣло возьмется. А такъ какъ я теперь въ семьѣ единственный мущина, такъ и долженъ все это устроить, снарядить ее въ дорогу. Сама-то она еще вчера въ городъ переѣхала.

Они дошли до вокзала. Андрей купилъ билеты и усадилъ Липочку въ вагонъ. Дорогой онъ продолжалъ одинъ поддерживать разговоръ, но наконецъ изобрѣтательность его

изсякла и онъ замолчалъ. Липочка какъ будто даже рада была что не должна больше слушать не интересовавшія ее рѣчи, и отодвинувшись въ уголъ мрачно глядѣла на покрытыя болотною ржавчиной поля, мелькавшія мимо оконъ. Лицо ея приняло оцѣпенѣлое выраженіе, всѣ черты какъ будто выпрямились и заострились. Андрей нѣсколько минутъ молча вглядывался въ это полуживое лицо, и странное, злое и какъ будто радостно подымающее и тревожащее чувство понемногу наполнило его и отразилось блескомъ въ глазахъ.

— Вы совсѣмъ уѣзжаете? вдругъ спросилъ онъ, глядя на нее этими блистающими глазами.

Липочка вздрогнула и съ удивленіемъ повернула къ нему голову. Но въ ту же минуту она почувствовала что ей совсѣмъ не будетъ трудно отвѣтить на его вопросъ.

— Да, сказала она.

Андрей продолжалъ глядѣть на нее, крутя пальцами конецъ широкой оконной тесьмы, на которой лежала ея рука.

— Какъ странно, сказалъ онъ,—въ ту ночь когда я увидѣлъ васъ въ первый разъ—помните, на балконѣ?—я подумалъ что вы непремѣнно убѣжите и именно вотъ такъ какъ я теперь васъ вижу, съ саквояжемъ и въ одномъ поѣздѣ со мною. И до того живо мнѣ это представилось, и нѣсколько разъ, что я сталъ припоминать не видалъ ли все это во снѣ. Но что жь вы будете дѣлать въ городѣ?

— Я найму комнату и потомъ буду искать какъ-нибудь устроиться... Мнѣ бы хотѣлось найти уроки или даже мѣсто какое-нибудь, объяснила Липочка, и вдругъ глаза ея наполнились слезами и лицо стало прозрачно какъ мертвое.

— Но есть ли у васъ кто-нибудь въ городѣ? вѣдь вы въ такомъ положеніи что вамъ невозможно оставаться безо всякой помощи! испугался за нее Андрей.

Липочка достала платокъ и молча прижала его къ губамъ. Она вспомнила о Молостовѣ, но послѣ того что произошло между ними ни за что не рѣшилась бы обратиться къ нему.

— Если у васъ есть время, то помогите мнѣ найти комнату, сказала она.

Андрей охотно взялся поѣхать вмѣстѣ съ нею и повезъ ее прямо въ одинъ знакомый ему домъ, гдѣ какая-то чиновница, большая любительница чистоты и спокойствія, содержала меблированныя квартиры. Комнатка которую показали Липочкѣ ей понравилась и она тотчасъ оставила ее за собой. Андрей сталъ прощаться.

— Посидите если вамъ нечего дѣлать, предложила Липочка.

Онъ остался, удивляясь что въ первый разъ испытываетъ такое серіозное участіе къ „барышнѣ“ которая въ сущности вѣроятно ничѣмъ не лучше всѣхъ этихъ кисейныхъ созданій, возбуждавшихъ въ немъ почти враждебное чувство. Непривычное, невольно сложившееся отношеніе къ Липочкѣ даже раздражало его. „Что̀ мнѣ за дѣло до ея страданій? Обманули ее или сама она захотѣла быть обманутою—не все ли равно? Налетѣла на огонь, обожгла крылышки—ну и пускай. А пожалуй завтра же вернется къ нему и опять будетъ страдать, а тамъ привыкнетъ. Всѣ онѣ не дорогаго сто́ятъ!“

Липочка бросила на комодъ свой сакъ, облокотилась обѣими руками на столъ и подняла полные слезъ глаза. Андрею при встрѣчѣ съ этими глазами стало совѣстно своихъ презрительныхъ, злыхъ мыслей.

— Вы ужь не вернетесь туда... въ Павловскъ? сказалъ онъ тономъ ласковой довѣрчивости.

— Если я бросила все, значитъ не вернусь. Это не такъ легко разорвать съ тѣмъ что̀ составляло всю мою жизнь, отвѣтила Липочка.

— Но какъ вы могли довѣриться этому человѣку? продолжалъ думать вслухъ Андрей.—Я не очень близко его знаю, но мнѣ кажется что онъ не способенъ даже прикинуться человѣкомъ искренне чувствующимъ.

— Ахъ, развѣ можно въ этихъ случаяхъ добиться—какъ и почему? возразила Липочка.—Начинаешь понимать когда ужь все кончилось. Но онъ не былъ такой. Я полюбила его три года назадъ, въ провинціи. Я была почти ребенкомъ, онъ былъ умнѣе, интереснѣе, образованнѣе всѣхъ кого я раньше встрѣчала. Его разговоры, его взгляды на жизнь, его стремленія показались мнѣ откровеніемъ...

Она закрыла лицо руками, охваченная трепетомъ воспоминаній.

— Вамъ трудно говорить, простите что я завелъ этотъ разговоръ, извинялся Андрей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу разказать вамъ все, я еще не могу ни говорить, ни думать ни о чемъ другомъ, отвѣтила Липочка.—Надо же хоть разъ кому-нибудь высказать все что̀ давитъ душу. Эти муки которыя я перенесла... отъ нихъ

теряешь разсудокъ. Мнѣ иногда кажется что я такая дурная, гадкая женщина что не стòю состраданія. Выслушайте, вамъ лучше судить...

И она, торопясь и волнуясь, разказала всю печальную исторію своей любви. Она не хотѣла щадить себя, ей какъ будто доставляло злую радость пережить въ этомъ страстномъ разказѣ всю горечь обиды, весь стыдъ обманутаго чувства.

Андрей какъ-то странно хмурился, кидалъ на нее короткіе безпокойные взгляды и водилъ рукой отъ затылка ко лбу и по лицу.

— Чтò жь вы такъ все и будете волноваться? Кончили— ну и слава Богу, чего жь еще на потухшихъ головешкахъ горѣть, проговорилъ онъ почти грубо.

Лилочка невольно улыбнулась этому оригинальному сравненію.

— Ахъ, баронъ, вѣдь все чтò я вамъ разказала тутъ единственныя впечатлѣнія моей жизни. Я еще не жила никакою другою жизнію, сказала она.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... какъ бы проворчалъ Андрей.— Жизнь зла, кого не надо она сводитъ, а тѣхъ которые можетъ были бы счастливы—тѣхъ разъединяетъ... Обыкновенное дѣло! Я даже замѣчалъ что хорошія женщины гораздо чаще влюбляются въ дурныхъ мущинъ, а хорошіе мущины въ дурныхъ женщинъ. Въ родѣ того какъ говорятъ что брюнетамъ чаще нравятся блондинки, а блондинамъ брюнетки. Только знаете ли чтò я думаю? Уѣзжали бы вы лучше отсюда куда-нибудь подальше... право лучше было бы, добавилъ онъ тѣмъ же какъ бы ворчливымъ тономъ.

Лилочка съ тоской повела глазами.

— Некуда, сказала она.

Андрей только поглядѣлъ на нее и ничего не сказалъ. „Значитъ домой не вернется“, подумалъ онъ.

— Если вы хотите сдѣлать доброе дѣло, похлопочите нельзя ли мнѣ уроковъ найти, или мѣсто какое-нибудь... попросила Лилочка.

Андрей всталъ и прошелся по маленькому пространству комнаты.

— Найти разумѣется можно; только я думаю... А не рѣшились бы вы поѣхать съ моею кузиной сестрой милосердія? вдругъ предложилъ онъ.—По крайней мѣрѣ новыя мѣста, новое дѣло...

У Лилочки эта мысль уже мелькала во время сегодняшняго разговора съ Андреемъ, но сама первая она не рѣшилась бы ее высказать. Лицо ея быстро оживилось.

— Но вѣдь я плоха очень, гожусь ли я для такого тяжелаго дѣла? возразила она.

— Пустяки, какъ вырветесь отсюда, да стряхнете съ себя всю эту дрянь, живо поправитесь, отвѣтилъ Андрей.—Коли хотите я сейчасъ же скажу кузинѣ, она въ родѣ уполномоченной, отъ нея это и зависитъ. Въ одинъ день все вамъ устроимъ, вмѣстѣ и поѣдете. Для васъ это въ нѣкоторомъ родѣ даже противоядіемъ будетъ.

Лилочка вопросительно взглянула на него.

— Да какъ же? Вѣдь вы тутъ что видѣли: жидовство, хищничество, мыльная пѣна носящаяся надъ поверхностью жизни, шарлатанство словомъ и дѣломъ... А тамъ кровь, русская кровь... Подъ русскимъ мундиромъ русскіе люди, русскія сердца... Смерть, страданія, ужасы—и нѣчто такое чего мы не замѣчаемъ въ другое время, какая-то страшная сила ненавистная всему жидовствующему, лгущему, носящемуся надъ жизнію безъ здоровыхъ корней въ ней. Удивительные люди, спокойно умирающіе за чужое дѣло... и сознаніе чего-то вѣчнаго, неизмѣримо сильнѣйшаго всѣхъ нашихъ земныхъ интересовъ—вѣдь этого сознанія больше нигдѣ нѣтъ!

Андрей кажется самъ удивлялся своей горячности и съ застѣнчивымъ видомъ повторилъ свой любимый жестъ отъ затылка ко лбу. Лилочка въ волненіи встала и глядя мимо него протянула руку.

— Такъ скажите вашей кузинѣ... Я поѣду! рѣшилась она.

XIV.

Дина была дома. Весь день она провела въ хлопотахъ, и теперь, немножко усталая и немножко раздосадованная тѣми несносными затрудненіями съ которыми сопряжено всякое дѣло, ждала Андрея чтобы передать ему порученія на завтрашній день. Она была совершенно одна въ огромномъ необитаемомъ въ лѣтніе мѣсяцы домѣ, гдѣ только ея собственная комната представляла признаки хлопотливой дѣятельности: на полу стояли сундуки, огромные ящики казенной наружности, на диванахъ лежали кипы еще не упако-

ванныхъ госпитальныхъ принадлежностей, письменный столикъ былъ весь покрытъ телеграммами, счетами, письмами на бланкахъ и безъ бланковъ. Комната, остававшаяся на лѣтнемъ положеніи, то-есть безъ ковровъ и драпировокъ, и заваленная всѣми этими разнообразными предметами, имѣла дѣловой, неуютный видъ. Но Дина очевидно не замѣчала этой неуютности, и забравшись съ ногами на единственную свободную кушетку, почти цѣлый часъ лежала въ бездѣйствіи со сложенными на груди руками и выраженіемъ спокойной задумчивости въ полузакрытыхъ синихъ глазахъ. Ей была нужна эта неподвижность тѣла, потому что она чувствовала физическую усталость и потому что не хотѣла нарушить тихое круженье мысли.

Она была рада что уѣзжаетъ. Ее занимало серіозное, нужное дѣло, за которое ей предоставляли взяться. Она испытывала неопредѣленное, но радостное облегченіе при мысли что черезъ день, черезъ два вся эта теперешняя жизнь отойдетъ отъ нея—и отойдетъ такъ удобно, безъ разрыва, безъ ропота.

Когда стало совсѣмъ смеркаться, она спросила лампу, удивилась что Андрей все еще не пріѣхалъ, пересмотрѣла небольшое количество книгъ на столѣ и взяла одну изъ нихъ.

Когда наконецъ Андрей пріѣхалъ, она уже съ сожалѣніемъ оторвалась отъ заинтересовавшаго ее чтенія.

— Я ждала васъ раньше; вы вѣроятно не прямо изъ Павловска? спросила она.

Андрей вмѣсто того чтобы сѣсть принялся въ нѣкоторой ажитаціи ходить взадъ и впередъ предъ кушеткой на которой она лежала.

— У меня къ вамъ просьба. Тутъ есть одна дѣвушка, совсѣмъ несчастная. У нея былъ романъ съ Безбѣднымъ. Вы можетъ-быть слышали? заговорилъ онъ неспокойно.

Дина съ удивленіемъ раскрыла на него глаза.

— Что-то такое слышала, сказала она.

— Ну да. Я ее почти не знаю, случайно какъ-то пришлось нѣсколько разъ заговорить, продолжалъ Андрей.—Но ее всю можно съ перваго взгляда понять. Дѣвушка съ горячимъ сердцемъ и какъ обыкновенно безо всякаго знанія жизни и людей. Влюбилась, думала замужъ выйти—однимъ словомъ извѣстная исторія. Кажется чахотку нажила; наконецъ рѣшилась бросить. Средствъ у нея разумѣется никакихъ,

вернуться домой къ отцу не хочетъ—пропадетъ тутъ совсѣмъ, или того и гляди опять къ нему вернется. Я ей обѣщалъ съ вами поговорить—можетъ-быть вы ее въ Болгарію возьмете?

Дина приподняла голову и напряженно посмотрѣла на Андрея своими синими глазами.

— Вы думаете что больше ничего нельзя для нея сдѣлать? сказала она.

— Я думаю что самое лучшее поскорѣе увезти ее отсюда и занять какимъ-нибудь серіознымъ дѣломъ, отвѣтилъ Андрей.—А главное, пока я буду знать что она съ вами, я буду считать ее въ самыхъ лучшихъ рукахъ, въ какія только можно пристроить несчастную дѣвушку, добавилъ онъ застѣнчиво.

— Отчего вы не привезли ее прямо ко мнѣ? Завтра поутру проводите меня пожалуста къ ней если это не стѣснитъ ее, предложила Дина.

Андрей подвинулся къ кузинѣ и съ какою-то ему одному свойственною неловкостью поцѣловалъ ея руку.

— Ну да, я вѣдь знаю что вы добрая, объяснилъ онъ.

Лицо Дины сохраняло печальную задумчивость и глаза глядѣли напряженно, какъ будто она чувствовала въ нихъ боль.

— Страданіе, горе, больные, несчастные—все одно и то же, одно и то же! сказала она.—Или такое веселье которое хуже несчастья, и такіе счастливцы которыхъ не хочется видѣть... Вы говорили у этой дѣвушки хорошая натура, горячее сердце?

— И натура, и сердце, и образованіе, и даже талантъ—она вѣдь пѣнью училась, на сцену думала поступить, отвѣтилъ Андрей, рѣшившись наконецъ поставить себѣ стулъ и сѣсть.—Но что жь вы будете дѣлать? Пріѣзжаетъ она одна въ Петербургъ, попадаетъ прямо въ такую дѣйствительность гдѣ подъ часъ и опытный человѣкъ не сразу различитъ гдѣ добро, а гдѣ самая мерзость. Воздухъ отравленъ, онъ одуряетъ. Никто толкомъ не знаетъ куда идти, какимъ богамъ покланяться. Ищешь живой души, и видишь какую-то падаль. Но эта падаль хищничаетъ, развратничаетъ, гніетъ сама и заражаетъ другихъ, и безстыдно или наивно выкрикиваетъ тѣ самыя громкія фразы отъ которыхъ у молодежи голова кружится. О, я вѣдь всегда говорилъ что это мерзость и всегда ненавидѣлъ этихъ людей, это общество... Братъ за это почти

презиралъ меня—и пустилъ пулю себѣ въ лобъ. И другая жертва готова, и еще сотни, тысячи, можетъ-быть десятки тысячъ! Кто ихъ станетъ считать? Да и какую цѣну имѣетъ человѣческая жизнь, человѣческое счатіе? Какая жизнь, какое счастіе? Фальшивые чеки и векселя, рестораны и шпицъ-балы, газеты руководимыя отставными штыкъ-юнкерами, кокотки, ломберные столы, уголовные процессы, банкирскія конторы... Съ чѣмъ, скажите пожалуста, какая-нибудь Лилочка войдетъ въ эту жизнь? Въ головѣ сумбуръ, какіе-то сбоку стоящіе идеалы (дескать или мы упразднимъ дѣйствительность, или она насъ упразднитъ), въ нервахъ раздраженіе, въ крови напрягающаяся сила молодости... Можетъ-быть „честныя идеи" спасутъ? Да онѣ у любаго плута съ языка не сходятъ, ими какъ цвѣтами вся падаль разукрасилась!

Андрей всталъ и потянулъ въ себя воздухъ. Онъ никогда такъ много и такъ горячо не говорилъ. Лицо его было красно, въ сѣрыхъ глазахъ блистали какія-то словно вспыхнувшія изъ-подъ пепла искры.

Дина молчала, только говорило печальное и ласковое выраженіе ея задумчивыхъ глазъ. Прошло можетъ-быть около минуты.

— Знаете что̀ я читала когда вы пришли? сказала она наконецъ, отыскивая въ книгѣ страницу на которой остановилась.—Старая вещь, но сегодня на меня почему-то произвело особенное впечатлѣніе одно мѣсто. Прежде я не замѣчала его, оно какъ-то скрадено общею шириной картины. При Неронѣ, на пиру у Декія, среди безобразной оргіи, адвокатъ восхищается прогрессомъ своего вѣка, величіемъ цезаря и говоритъ:

.... Прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли—тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ—
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Тогда встаетъ великій жрецъ и возражаетъ адвокату:

Все хорошо на первый взглядъ,
Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
Вездѣ оракулы молчатъ!
Вонъ въ Дельфахъ: пиѳію насильно
Ввели въ святилище: молчитъ,

Блѣднѣетъ, льется потъ обильно,
Всѣ ждутъ—и вдругъ она бѣжитъ
Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры
И какъ упала—умерла!
Въ боговъ умалилося вѣры,
И боги покидаютъ насъ
На произволъ судьбы *...

Вы понимаете почему я заговорила объ этихъ стихахъ? продолжала Дина.—Потому что вы повторили слова великаго жреца. „Уходятъ боги"—развѣ это не то самое что вы сейчасъ сказали? Мнѣ представляется этотъ пустѣющій Олимпъ, это жалкое человѣческое стадо, покинутое безсмертными, и этотъ старый жрецъ, противопоставляющій восторгамъ адвоката свое безнадежное: „уходятъ боги!" Гдѣ для него радость, гдѣ смыслъ жизни, если боги уходятъ? А вѣдь уходящіе боги—это идеалы культурно-нравственной жизни, это огонь низведенный съ неба Прометеемъ...

Она закрыла книгу и повела плечомъ, какъ будто почувствовала холодъ.

— Но вы обѣщали мнѣ назавтра вашу помощь, André, заговорила она совсѣмъ другимъ тономъ.—Я припасла для васъ цѣлую массу порученій...

И разговоръ ихъ принялъ дѣловое направленіе.

Прежде чѣмъ лечь спать, Андрей по пріобрѣтенной имъ привычкѣ зашелъ въ маленькій и довольно скверненькій ресторанчикъ поужинать. Этотъ ресторанчикъ привлекалъ его, вопервыхъ, тѣмъ что тамъ никогда не бывало посѣтителей изъ ненавистнаго ему круга и, вовторыхъ, тѣмъ что тамъ подавали какое-то необыкновенно густое и крѣпкое кахетинское, къ которому онъ въ послѣднее время пристрастился.

Сегодня онъ испытывалъ особенную жажду. Впечатлѣніе недавней встрѣчи съ Липочкой, ея разказъ, разговоръ съ Диной за которымъ онъ такъ неожиданно увлекся и обнаружилъ не подозрѣваемую имъ самимъ горячность возмущеннаго, ненавидящаго чувства, все это взволновало и разожгло его. У него всегда были органическія, упрямыя антипатіи; но онъ довольствовался тѣмъ что просилъ оставить его въ покоѣ, не мѣшать ему жить такъ какъ онъ хочетъ. Та другая жизнь какою жилъ его братъ была для него не понятна и не интересна. Она представлялась ему прежде всего въ формѣ

* *Два Міра*, лирическая поэма А. Майкова.

неудобнаго галстука, тѣсныхъ перчатокъ, барынь къ которымъ не знаешь какъ подойти изъ-за ихъ длиннаго шлейфа, и барышень которыхъ надо ангажировать на контрдансъ. Тамъ дальше, въ извилинахъ этой жизни, за этими перчатками и контрдансами существовало что-то нехорошее, но онъ лѣнился объ этомъ думать. Теперь, послѣ катастрофы съ братомъ, послѣ пережитой унизительной развязки собственнаго романа, послѣ скорбнаго разказа Липочки, онъ находилъ въ себѣ гораздо болѣе серіозный и злой взглядъ на эту жизнь. Онъ чувствовалъ что ненавидитъ ее страстно, и что эта ненависть составляетъ одну изъ радостей его существованія.

Выпивая маленькими глотками свое кахетинское, онъ думалъ о томъ что такое чувство должно связывать людей, что въ немъ есть такая же сила какъ въ любви. Оно требуетъ чтобъ его раздѣляли, и въ этой потребности заключается свойственное человѣческой природѣ исканіе счастья, предчувствіе счастья. Онъ, Андрей, былъ счастливъ своимъ злобнымъ возбужденіемъ, потому что Липочка и Дина—онъ сознавалъ это неотразимо и радостно—раздѣляли его возбужденіе. И онъ вдругъ почувствовалъ себя сильнѣе связаннымъ съ ними чѣмъ съ тѣми женщинами которыхъ любилъ.

XV.

Черезъ два дня въ вокзалѣ Варшавской дороги собралось предъ отходомъ заграничнаго поѣзда довольно много народа.

Баронесса Ксенія Михайловна пріѣхала изъ Павловска чтобы проводить Дину. Въ короткій промежутокъ времени со смерти Поля она такъ постарѣла что была неузнаваема. Путаясь въ своемъ длинномъ траурномъ платьѣ она съ трудомъ прошла въ пассажирскую залу и опустилась на диванчикъ. Видъ суетливой, шумной толпы, озабоченно толкавшейся около платформы, былъ ей тягостенъ. Это движеніе, эти люди стремившіеся впередъ, вдаль, напоминали объ утраченной молодости и заставляли сильнѣе чувствовать остановившееся движеніе собственной жизни.

— Скоро? спросила она стоявшаго подлѣ нея Андрея.

На дебаркадерѣ ударилъ первый звонокъ. Дина наблюдавшая за установкой багажа (она хотѣла непремѣнно сама все дѣлать и видѣть) вернулась въ залу. Ксенія Михайловна поцѣловала ее и перекрестила.

— Я ужь не пойду на платформу: затолкаютъ... Ну, Господь да хранитъ васъ, моя дорогая, да и сами берегите себя. Я вѣдь любила васъ какъ родную дочь... проговорила старушка.

Онѣ еще разъ поцѣловались. Лицо Ксеніи Михайловны было мокро.

— Когда будете молиться, не забывайте *его*... сказала она сдавленнымъ голосомъ.

Андрей отвелъ ее подъ руку, посадилъ въ карету и бѣгомъ вернулся назадъ.

На другомъ концѣ залы Полина, одѣтая въ изящный полу-дорожный, полу-дачный костюмъ, показала глазами Волынскому на составленныя подлѣ нея картонки.

— Велите же снести, вѣдь пора, сказала она тономъ нетерпѣнія.

Волынскій, въ томъ самомъ гороховомъ макферланчикѣ который такъ пригодился Кокò, и въ какой-то странной мяконькой фуражечкѣ съ прямымъ козырькомъ принялся нагружать артельщика. На лицѣ его лежало стыдливо озабоченное и нѣсколько смѣшное выраженіе, какое бываетъ иногда у пожилыхъ жениховъ.

— Да скорѣе же! проводите же меня наконецъ въ вагонъ торопила Полина.

Волынскій, котораго его странный костюмъ дѣлалъ похожимъ на извѣстную фигуру путешествующаго Англичанина, подалъ ей руку. Въ другой онъ держалъ цѣлую коллекцію пледовъ и зонтиковъ.

— Пс, вы еще не усѣлись! произнесъ Кокò, появляясь изъ буфета имъ навстрѣчу.

Онъ тоже отправлялся „вояжировать". Это была внезапная, но блестящая идея. Со свойственною ему геніальностью онъ сообразилъ что Волынскій, ѣдущій за границу при такихъ исключительныхъ условіяхъ, будетъ непремѣнно тратить тамъ очень много денегъ, и что поэтому находиться около него и жены положительно стóитъ. Съ ликвидаціей общества столичной ассенизаціи ничто больше не удерживало его въ Петербургѣ, дачная жизнь ему до смерти опротивѣла, а знакомыхъ онъ просто возненавидѣлъ за постоянные разспросы: отыскались ли украденныя у него вещи? Всѣ эти обстоятельства усиливали въ немъ потребность пріятнаго и легкаго развлеченія, и онъ рѣшился сопутствовать женѣ. Онъ призанялъ немножко денегъ и

купилъ въ Англійскомъ магазинѣ удивительнѣйшій сакъ, на ремешкѣ черезъ плечо. Въ этомъ сакѣ были отдѣленія для сигаръ, для писемъ и газетъ, для золота и книжки чековъ, для бинокля и содовыхъ порошковъ, и кромѣ того спичечница, чернильница, записная книжка и револьверъ. Съ этимъ сакомъ можно было отправиться въ неизвѣстныя страны Африки на поиски Ливингстона. Кромѣ того въ томъ же Англійскомъ магазинѣ ему дали удивительнѣйшую фуфайку съ конскими и песьими головами, какую носятъ на континентѣ члены Жокей-клуба. Снабженный этими необходимыми принадлежностями дорожнаго комфорта, Кокò съ чувствомъ счастливой обезпеченности съѣлъ нѣсколько пирожковъ въ буфетѣ вокзала.

— Пойдемте я вамъ покажу гдѣ лучше сѣсть. Зачѣмъ вы надѣли свой противный макферланчикъ? Вы хотите чтобъ я и за границей постоянно помнилъ эту глупую исторію? процѣдилъ онъ нѣсколько недовольнымъ тономъ.

Онъ вдругъ увидѣлъ барона Андрея, разговаривавшаго съ кѣмъ-то черезъ опущенное стекло вагона, и заглянувъ узналъ Дину и Липочку. На лицѣ его отразилось пріятное изумленіе.

— Ахъ да, вѣдь вы чѣмъ-то такимъ по эвакуаціи, вспомнилъ онъ вслухъ, раскланиваясь и поправляя свой удивительный сакъ.—Но это отлично что мы вмѣстѣ. Я не зналъ. Жена тоже ѣдетъ, и Волынскій. Мы предпринимаемъ втроемъ маленькую экскурсію, кажется въ Швейцарію. Ну, я разумѣется могу ихъ бросить если будетъ скучно.

Затѣмъ онъ подкинулъ монокль и уставился на Липочку.

— Но гдѣ же Безбѣдный? вдругъ спросилъ онъ.

Липочка сдѣлала видъ что не разслышала.

— Пс! произнесъ какъ-то загадочно Кокò.

На платформѣ дали второй звонокъ. Кокò приподнялъ свое шелковое кепи, въ родѣ тѣхъ какія носятъ нѣмецкіе студенты, и отправился разыскивать жену, продолжая загадочно поводить глазами и губами.

А на другомъ концѣ поѣзда, въ вагонѣ втораго класса разсаживались тоже знакомыя намъ лица: Настенька Яничъ съ братомъ, Баломутовъ, Зонненштраль, Дыбаевъ и Попрункина. Они также ѣхали за границу, потому что въ Россіи, гдѣ все занято войной и славянскимъ движеніемъ, имъ рѣшительно нечего было дѣлать. Стышинъ уѣхалъ еще раньше и настоятельно звалъ ихъ. Хорошенькая Кронгольдъ тоже

должна была быть съ ними, но въ самую послѣднюю минуту измѣнила, увлекшись уланскимъ юнкеромъ.

Раздался послѣдній звонокъ.

— Прощайте, сказала Дина, протягивая черезъ окно руку Андрею.—Будете писать?

Лилочка, сидѣвшая дальше, встала и подошла къ окну.

— Прощайте, баронъ, сказала и она.—Если я вернусь жива и здорова, то этимъ я буду вамъ обязана!

— О, что̀ это вы! возразилъ Андрей, и перегнувшись въ окно поцѣловалъ имъ обѣимъ руки. Въ глазахъ у него стояли слезы.

— Прощайте! сказали еще разъ съ обѣихъ сторонъ.

Поѣздъ тронулся, медленно выдвигаясь изъ-подъ полумрака дебаркадера.

Осенью того года нѣкоторый кругъ петербургскаго общества былъ очень заинтересованъ двумя свадьбами, послѣдовавшими скоро одна за другою: Каричъ женился на Олжанской, и Безбѣдный женился на Аннетъ Каричъ. Приглашенія на оба торжества разсылались въ огромномъ количествѣ и все было обставлено самымъ блестящимъ образомъ. По городскимъ слухамъ, Каричъ дѣйствительно далъ за дочерью около полумилліона, но можетъ-быть это не совсѣмъ вѣрно. Во всякомъ случаѣ Безбѣдный имѣетъ видъ очень богатаго человѣка. Онъ уже вышелъ изъ адвокатуры, и въ разговорѣ съ пріятелями любитъ вспоминать, съ нѣсколько вольнодумною улыбкой на красивомъ лицѣ, восклицаніе великаго Флютенталя: „Да, да, въ Россіи... ваше превосходительство!"

Молостовъ еще въ томъ же году разошелся съ нимъ, разсчитывая пріобрѣсти кое-какую самостоятельную практику. Что̀ изъ него выйдетъ—неизвѣстно.

Неизвѣстно пока и многое другое... Но комедія жизни не даетъ отдыха актерамъ. Занавѣсъ спущенъ, но онъ взовьется опять, и лицедѣи снова наполнятъ сцену. Иные перемѣнятъ парики и костюмы, но мы узнаемъ ихъ въ толпѣ новыхъ лицъ—и можетъ-быть встрѣтимъ благосклонно, какъ старыхъ знакомцевъ.

А пока повѣствованіе наше кончено. Иного читателя не удовлетворитъ такая развязка—публика все еще любитъ видѣть на послѣдней страницѣ книги торжествующую добродѣтель и наказанный порокъ. Ея нравственное чувство

хочетъ хоть этимъ путемъ возмѣстить неправду и ложь дѣйствительной жизни. Богатый, преуспѣвающій, благополучный Безбѣдный, „его превосходительство" Безбѣдный—это не хорошо. Но, вопервыхъ, авторъ думаетъ что нѣкоторая мораль заключается и въ той развязкѣ которую онъ смѣетъ предложить, а вовторыхъ.... развѣ Безбѣдный герой романа? Онъ „герой нашего времени", герой дѣйствительной жизни; а внѣ этой жизни есть къ счастью нѣчто такое что̀ никогда не примирится съ нею. Лицедѣи комедіи заслонили это „нѣчто", но оно существуетъ. Имъ живетъ настоящій герой романа, и этотъ герой названъ въ заглавіи.

В. АВСѢЕНКО.

НА ГОРАХЪ*

РАЗКАЗЪ

LXXXIV.

Умаялись люди Божьи отъ радѣльныхъ трудовъ. Солнце давно ужь съ полдёнъ своротило, а они все покоятся. Дуня прежде всѣхъ пробудилась. Тихо поднялась съ постели, опасаясь разбудить Вареньку, и не одѣтая сѣла на кровати.

Сидитъ и сновидѣнья вспоминаетъ... Вспоминаетъ и видѣнное въ Сіонской горницѣ. Мутится на умѣ и не можетъ она различить что̀ видѣла во снѣ и что̀ наяву...

Не того ждала она отъ Божьихъ людей. Не такіе обряды, не такое моленіе духомъ она до того представляла себѣ. Инаго она страстно желала, къ иному стремилась ея душа. Бѣшеная скачка, изувѣрное круженье, прыжки, пляска, топотъ ногами, дикіе вопли и завыванья мущинъ, изступленный визгъ женщинъ, неистовый ревъ дьякона, безсмысленные крики юрода казались ей необычными, странными и возбуждали сомнѣнье въ святости видѣннаго и слышаннаго. Ни о чемъ подобномъ въ мистическихъ книгахъ Дунѣ читать не

---

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 10й 1875; №№ 8 и 10й 1876; №№ 5, 6, 7, 9, 10й 1877 и №№ 1, 5 и 8й 1878.

доводилось. Говорили ей про тайные обряды и Марья Ивановна, и Варенька, но не думала Дуня что это будетъ такъ дико, неистово, безсмысленно.

„Не врагъ ли меня смущаетъ? всладаетъ ей на мысль... Можетъ-быть хочется ему не допускать меня до общенiя съ людьми Божьими? Такъ и Марья Ивановна говорила, и Варенька и всѣ... Хитрой, злобной силой ополчается онъ на меня... Прочь, лукавый!.. Не смутить тебѣ меня, не совратить... Помню Писанiе: „безумное Божiе премудрѣй человѣческой мудрости“.

А на сердцѣ болѣзненно. То сомнѣнья пронесутся въ отуманенной головѣ, то былая, давнишняя жизнь вдругъ ей вспомнится.

Вотъ завываетъ вьюга, закидало снѣгомъ оконныя стекла. Въ жарко натопленной кельѣ Манеѳы обительскiя дѣвицы усѣвшись кругомъ стола въ строгомъ молчаньи слушаютъ мать казначею Таифу. Читаетъ она *Стоглавъ* и послѣ каждаго „отвѣта“ * Манеѳа толкуетъ прочитанное. Всѣ за рукодѣльемъ, кто шьетъ, кто вяжетъ, Дуня кончаетъ бисерный голубой кошелекъ отцу въ подаренье. До того мѣста доходитъ Таифа гдѣ соборъ отцовъ хулитъ и порицаетъ пляски, скаканья, плещеванiя руками, ножной топотъ и кличъ неподобный. „Все сiе отъ дiавола, учительно говоритъ Манеѳа, сими кобями приводитъ онъ къ себѣ людей, дабы души ихъ въ вѣчной гибели мучились съ нимъ.“ И начнетъ бывало потомъ разказывать про адскiя муки, уготованныя уловленнымъ въ сѣти врага Божiя, отца лжи и всякаго зла. „Не то ль и у нихъ въ Сiонской горницѣ?.. приходитъ въ голову Дунѣ. Не то ли же самое о чемъ въ *Стоглавѣ* говорится?“ И сильнѣе и шире ростутъ сомнѣнья, колеблются мысли, и тяжелое раздумье нападаетъ на Дуню....

Вотъ она еще маленькая, ее только что привезли въ Комаровъ... Лѣто, въ небѣ ни облачка, вѣтерокъ не шелохнется, кругомъ кузнечики кричатъ, высоко въ поднебесьи заливается пѣснями жаворонокъ, душно, знойно... Съ матерью Манеѳой да съ тетенькой Дарьей Сергѣевной идетъ Дуня по полю возлѣ Каменнаго Вражка. Пробираются онѣ въ перелѣсокъ

---

* *Стоглавъ* состоитъ изъ вопросовъ царя Ивана Васильевича и отвѣтовъ Московскаго собора.

на прохладѣ въ тѣни посидѣть... Вотъ яркая зеленая луговина, вся она усѣяна цвѣтами — тутъ и голубыя незабудки, и бѣлоснѣжные кувшинчики, и яркожелтыя кулавки, и пестроалые одолѐни. Вскрикнула отъ радости маленькая Дуня, и въ дѣтскомъ восторгѣ вихремъ помчалась къ красивымъ цвѣточкамъ... Манеѳа не можетъ за нею бѣжать, Дарьѣ Сергѣевнѣ тоже не подъ силу догнать рѣзваго ребенка.... „Стой, Дуня, стой! кричитъ ей Манеѳа... Тутъ болото!.. Загрязнешь, утонешь!...“ И теперь только что вспомнитъ она про радѣнье, голосъ Манеѳы ей слышится: „загрязнешь, утонешь!...“

„Отъ чего жь во время радѣнья такъ горѣло у меня въ головѣ, отъ чего пылало такъ нà сердцѣ? размышляетъ Дуня.... Отъ чего душа замирала въ восторгѣ? Марья Ивановна говорила, что благодать тогда меня озарила, святой Голубь пречистымъ крыломъ коснулся души моей... Такъ ли?...“

И стали одно за другимъ вспоминаться ей только что оставившія ее сновидѣнья... Вотъ она въ какомъ-то чудномъ саду. Высокія, чуть не дó неба пальмы, рощи банановъ, цвѣты орхидей и кактусовъ, да не такіе чтò цвѣтутъ въ Луповицкихъ теплицахъ, а больше, ярче, красивѣй, душистѣй. Бездна ихъ, бездна... Тутъ и диковинныя деревья—золотыя на нихъ яблоки, серебряныя груши, а на листочкахъ не капли росы, а все крупные брилліанты... И птицы на разные голоса распѣваютъ, и тихая музыка играетъ гдѣ-то вдали. А вотъ и усыпанная цвѣтами луговина, да не такими чтò видѣла она когда-то у Каменнаго Вражка, здѣсь все чудные, нигдѣ не виданные.... А какъ свѣтло, хоть солнышка и нѣтъ. Какъ тепло, хорошо... И вдругъ мракомъ все подернулось. Гремитъ несмолкаемый громъ, по всѣмъ сторонамъ сверкаютъ синепламенныя молніи... Мчатся въ воздухѣ крылатыя чудища, раскрыты ихъ пасти, высунуты страшные клыки, распущены острые когти, зелеными огнями сверкаютъ глаза. И по землѣ со всѣхъ сторонъ ползутъ седмиглавые зміи, пламенемъ пышутъ ихъ пасти, все вкругъ себя пожигаютъ, громадными хоботáми ломаютъ они кусты и деревья. А изъ-подъ земли, изъ-за кустовъ, изо всѣхъ овраговъ выбѣгаютъ какіе-то ужасные, невѣдомые люди,—дикіе крики ихъ трепетъ наводятъ, въ рукахъ топоры и ножи... Все на Дуню. Все кидается на беззащитную... Ножъ у груди, кто-то взмахнулъ топоромъ надъ ея головой... Хочетъ бѣжать—недвѝ-

жимы ноги, хочетъ кричать—безгласны уста... И вдругъ—Петръ Степанычъ... Не то на землѣ онъ, не то на воздусѣхъ... Недвижно стоитъ въ величавомъ покоѣ, свѣтлые взоры съ любовью смотрятъ на Дуню, проникая въ глубь ея сердца... Въ рукѣ у него пальмовая вѣтка. Разъ махнулъ—изчезли чудовища, еще разъ махнулъ—скрылись страшные люди... Опять свѣтло, опять дивный садъ, опять поютъ птички и слышится вдали упоительная, тихая музыка... Нѣтъ, это не музыка—это поютъ... Мужскіе голоса... Поютъ они стройно и громко. Страстью, любовью дышетъ ихъ пѣсня:

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
На бѣлу̀ю грудь цѣпочку,
На шеюшку жемчужокъ.
Ты гори, гори цѣпочка,
Разгорайся жемчужокъ!...
Полюби меня Дуняша,
Люби миленькій дружокъ!...

Замерло у Дуни сердце... Вспомнила пѣсню... Вотъ по сонной, широкой рѣкѣ, тихо плыветъ разубранная, расцвѣчённая лодка... Вечерѣетъ, темновишневыми пятнами стелятся тѣни облаковъ по зеркальному водному лону, разноцвѣтными переливами блистаетъ вечернее небо... Вотъ красавецъ собой, удало̀й молодецъ со стаканомъ „волжскаго кваса"... стоитъ передъ нею... Низко склоняется онъ и слышно Дунѣ перерывчатое, жаркое дыханье удала́го до̀бра мо̀лодца... „Пожалуйте-съ! сдѣлайте такое ваше одолженіе!.." говоритъ онъ, глядя на нее палючими глазами... Но гдѣ жь онъ, гдѣ избавитель отъ страшныхъ чудовищъ, отъ ужасныхъ людей?... Исчезъ... „Да, онъ уѣхалъ, уѣхалъ", всладаетъ на умъ Дунѣ. „Покинулъ, къ Фленушкѣ уѣхалъ!... Богъ съ нимъ!... Не надо мнѣ его, не надо!"

И смѣняются вспоминанья сновидѣній воспоминаньями о Манефиной кельѣ. Сидитъ игуменья середи дѣвицъ. Вотъ и бойкая, разбитная Фленушка, вотъ и задумчивая Настя, и сонливая Параша, и всѣмъ недовольная Марья головщица... Вотъ и сама Дуня съ бисернымъ кошелькомъ въ рукахъ. Перебирая лѣстовку, кротко, любовно, учительно говоритъ имъ игуменья: „Блюдитесь, дѣвицы, да не како лукавый кос-

нется васъ своими наважденьями — тѣлесною страстью или душевнымъ бѣснованіемъ. Ежечасно, ежеминутно строитъ онъ, окаянный врагъ Божій, кови и козни, всякими способами соблазняетъ правовѣрующихъ, хотя отъ благочестія къ нечестію привести. Всякіе соблазны творитъ онъ — даже въ свѣтлую ризу ангеловъ облекается и яко бы ко спасенію ведетъ слабыхъ въ ровъ вѣчной погибели. Чудеса даже творитъ премерзкій, яко бы отъ Господа бываемыя— ложныхъ пророковъ воздвигаетъ, влагая въ уста ихъ словеса неправды яко бы слово Господней истины.“

Смущаютъ Дуню давно забытыя ею слова Манеѳы... „А ту пророчицу что́ мнѣ судьбу прорекала неужели и ее онъ воздвигъ?... Что̀ если она отъ врага?... Но нѣтъ!... Ясно было, видимо наитіе свыше на Катеньку. Въ Духѣ была она, въ восторгѣ неизреченномъ, благодати была преисполнена... Лицо сіяло, огненные лучи лились изъ глазъ... Дрожа и млѣя, въ священномъ трепетѣ не свои слова она изрекала—Духъ вселившійся въ нее устами ея говорилъ... Никогда меня она не знавала, никогда слыхать обо мнѣ не слыхала, а что̀ говорила!.. Ровно по книгѣ читала въ душѣ моей!... Нѣтъ... Нѣтъ тутъ ни спора, ни сомнѣній... За чѣмъ же этотъ „кличъ неподобный“, за чѣмъ эти круженья, неистовые крики, бѣшеныя пляски? О! кто бы меня научилъ, вразумилъ!..“

И рѣшила Дуня въ мысляхъ своихъ Богу помолиться,. и трижды по трижды прочесть псаломъ *Да воскреснетъ Богъ* на отогнаніе супротивнаго. „Тогда по вѣрѣ моей, Господь пошлетъ извѣщенье гдѣ истина... тамъ ли откуда уйти хочу, тамъ ли куда иду... Пускай Онъ спасаетъ меня, какими знаетъ путями!.. Пожалѣетъ же Онъ Свое созданье!.. Долженъ же Онъ пожалѣть, долженъ вразумить, указать на путь истинный, правый!... Если нѣтъ—такъ что̀ жь за Богъ Онъ!...“ И вотъ Дуня еще такъ недавно стоя на молитвѣ говорившая въ сердечномъ сокрушеньи: „Не вниди въ судъ съ рабой Твоей“, теперь гордостно и высокомѣрно сама вздумала судить Бога Вышняго!...

Встала съ кровати чтобы стать предъ иконой и нечаянно задѣла стоявшій у изголовья столикъ. Онъ упалъ. Варенька отъ испуга проснулась.

—

— Что̀ я надѣлала! подбѣгая къ ней вскрикнула Дуня.—Ты такъ крѣпко спала, а я разбудила!.. Господи!.. Да что̀ жь это!... Прости меня глупую, прости, Варенька, не опасливую.

— Полно, полно, потягиваясь и зѣвая на постелѣ говорила Варенька.—Вставать пора. Который часъ?

— Третій, отвѣтила Дуня.

— Вонъ какъ долго я нѣжилась, молвила Варенька.—А плоти вѣдь не надо угождать, не надобно нѣжиться, не надо въ лѣности пребывать, не то Марѳа какъ разъ поборетъ Марію.

И быстро спрыгнувши съ кровати стала надѣвать утреннее платье.

— А ты давно проснулась? спросила она.

— Давненько ужь, отвѣтила Дуня.—Часа полтора.

— Видишь какая ты! улыбнувшись молвила Варенька.— Нѣтъ чтобъ разбудить меня сонливую, нерадивую. Что̀ же ты дѣлала сидя одна?

— Все думала, чуть слышно проговорила Дуня.

— О чемъ?

— Да все о томъ... о вашемъ радѣньи...

— Что̀ жь ты думала?

— Чудно̀ мнѣ это, Варенька, прошептала Дуня.

— Да. Ты правду сказала. Дѣла̀ по истинѣ чудныя. Устами людей самъ Богъ говоритъ... При тебѣ это было. И чѣмъ говорилъ Онъ превѣчный, всесовершенный, всевысочайшій Разумъ? Тѣлесными устами ничтожнаго человѣка, снѣдью червей, созданьемъ врага!... По истинѣ тутъ чу́дное дѣло Его милосердья къ душамъ человѣческимъ.

— Не про то я говорю, молвила Дуня.—То мнѣ чудно̀, то не понятно, за чѣмъ у васъ скачутъ, за чѣмъ кружа́тся, кричатъ такъ безчинно?

— Врагъ тебя соблазняетъ, строго сказала Варенька ставъ передъ Дуней.—Сколько разъ я тебѣ говорила, сколько и тетенька говорила тебѣ: чѣмъ ближе часъ привода тѣмъ сильнѣй лукавый строитъ свои козни... Ежели теперь, именно теперь напало на тебя невѣріе въ тайну сокровенную, явленную однимъ только избра́ннымъ—его это дѣло. Не хочется ему чтобы ты вышла изъ-подъ его злой и темной власти, жаль ему потерять рабыню грѣха. Всегда такъ бываетъ... Погоди не то еще будетъ. Тоску онъ на тебя нагонитъ, такую тоску, что хоть руки на себя наложить. Ему вѣдь польза отъ того, барышъ,

ежели руки на себя наложишь... Къ нему тогда пойдешь... Лишнее тогда ему козлище...

— Ахъ, Варенька! въ сильномъ смущеньи, всплеснувши руками вскликнула Дуня.

И опустилась на стулъ и закрыла лицо руками.

— Сама я, медленно продолжала Варенька, не глядя на Дуню,—сама я передъ самымъ приводомъ хотѣла съ тоски посягнуть на душу свою... Изъ петли вынули... Вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ... Видишь крюкъ въ потолкѣ, лампа тутъ прежде висѣла.. И быть бы мнѣ теперь въ работѣ лукаваго, быть бы вѣковѣчно въ его тьмѣ кромѣшной!.. Но избавлена была Богомъ бѣдная душа моя. Наблюдали тогда за мной, на шагъ не отступали отъ меня... И я не отступлю теперь отъ тебя, ночи не буду спать сидючи надъ тобою.... И всѣ будутъ наблюдать чтобы врагъ не овладѣлъ тобою... Надо, скорѣй надо „привести" тебя. Тогда наважденье врага какъ рукой снимется, и Святый Духъ освятитъ твою душу. Какъ дымъ исчезнутъ тогда всѣ сомнѣнья, какъ восходящее солнце вознысится душа твоя во свѣтѣ, и посрамленный врагъ убѣжитъ... И съ того часа навсегда пребудешь ты въ неизглаголанномъ блаженствѣ, въ общеніи съ самимъ Творцомъ.

— Охъ ужъ не знаю я, Варенька, что̀ и сказать тебѣ на это, съ отчаянной тоской отвѣчала ей Дуня.—Влечетъ меня сокровенная тайна. Но за чѣмъ же эти скаканья, за чѣмъ эти прыганья и круженья? Соблазняетъ... За чѣмъ кричатъ, за чѣмъ машутъ полотенцами?... Ей-Богу ровно пьяные...

— Правду ты сказала, сказала Варенька.—Не ты первая говоришь это.... Тысяча восемьсотъ лѣтъ, даже побольше того то же самое говорили язычники, увидавъ людей Божіихъ, когда сошелъ на нихъ Духъ Святый. Да, мы всѣ были пьяны, напившись духовнаго пива... Не глумись!... Вспомни что̀ сказано въ Писаніи о сошествіи Святаго Духа на апостоловъ? Невѣрные, глядя на нихъ, говорили что они пьяны. „*Ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнены суть.*" Не новое ты сказала, Дунюшка; восьмнадцать вѣковъ тому назадъ... рабами лукаваго твое слово уже было сказано.

— Да вѣдь апостолы не плясали, не кружились? сказала Дуня.

— О томъ прямо въ Писаніи не говорится, но преданіе есть. А въ самомъ Писаніи нигдѣ нѣтъ отрицанья чтобъ у апостоловъ не было тѣхъ самыхъ радѣній какія до насъ дошли,

сказала Варенька.—Говорится тамъ: „вселюся въ нихъ и похожду“. Вотъ Онъ и ходитъ въ Своихъ людяхъ, и тогда не своей волей они движутся, но волей Создателя душъ ихъ.... И прежде, гораздо прежде временъ апостольскихъ бывало то же самое. Вспомни царя Давида, какъ плясалъ онъ передъ кивотомъ. Что ты ни видѣла въ Сіонской горницѣ, что ни слышала тамъ—все это земное выраженье небесной радости... Пока ты еще не можешь постигнуть священнаго таинства, поймешь его когда будешь приведена. Разверзутся тогда твои очи, и все непонятное станетъ тебѣ ясно какъ день... О!.. велика благодать постигнуть тайну сокровенную!

Задумалась Дуня. Спустилась съ ея плечъ сорочка, обнажилась бѣлоснѣжная грудь. Стыдливо взглянула она и торопливо закрылась.

— Что? На тѣло свое полюбовалась? съ усмѣшкой спросила ее Варенька.—Что?.. Хороша пища для могильныхъ червей? Красиво созданье врага? На темницу своей души залюбовалась!.. Есть чѣмъ любоваться!.. Что росинка въ морѣ-океанѣ, то жизнь земнаго тѣла въ вѣчности!... Не замѣтишь какъ жизнь кончится и станешь ты прахомъ.... Гадко тогда будетъ живому человѣку прикоснуться къ твоей красотѣ... Презирай, угнетай, умерщвляй свое лакостное тѣло, одну душу блюди, ее возвышай, покорила бъ она скверную плоть твою!... Да будетъ тебѣ мерзка красота!... Она отъ врага!... Презирай, губи ее, губи ее гадкую, мерзкую!...

Такъ говорила дѣвушка въ полномъ цвѣтѣ молодости, пышная, здоровая, несмотря на давнее ужь умерщвленіе плоти.

Промолчала Дуня.

— Что жь однако это за тайна сокровенная? промолвила она послѣ недолгаго молчанья.—Сколько времени слышу я про нее!.... Вотъ и на собраньи была, а тайны все-таки не узнала.... Гдѣ жь она, въ чемъ?... Не въ пляскѣ же, не круженьи, не въ безумныхъ рѣчахъ Софронушки, не въ дурацкомъ ревѣ дьякона...

— Тайна отъ вѣковъ сокровенная избраннымъ только открыта, строгимъ, не допускающимъ противорѣчія голосомъ, садясь на диванъ проговорила Варенька.—Тайну отъ вѣковъ и родовъ сокровенную, нынѣ жь однимъ святымъ только открытую, которымъ восхотѣлъ Богъ показать сколь велико богат-

ство славы Его сокрытое отъ язычниковъ въ тайнѣ сей. * Поняла?

Молчала Дуня.

— Ты внѣшній только образъ сокровенной тайны видѣла, продолжала Варенька,—и пока остаешься язычницей, не можешь принять „внутренняя" этой тайны. Когда приведутъ тебя—все поймешь, все уразумѣешь. Тогда тайна покажетъ тебѣ богатство славы Господней... Помнишь что̀ сказалъ Онъ тебѣ устами Катеньки?... Не колебли же мыслей, гони лукаваго прочь и будешь избра̀ннымъ сосудомъ славы... Истину тебѣ говорю.

А Дунѣ голосъ Манеѳинъ слышится: „Болото!.. Загрязнешь, Утонешь!.."

— Не знаю что̀ тебѣ сказать... молвила она Варенькѣ послѣ долгаго раздумья.—Сомнѣнье... чуть слышно она прибавила.

— А ты кто что̀ споришь съ Богомъ? восторженно воскликнула Варенька.—Господь тебя сотворилъ сосудомъ избра̀ннымъ, а ты спорить смѣешь, сомнѣваться?.. Что̀ Катенька сказала тебѣ?.. Не ея было то слово, слово Вышняго... „Дамъ тебѣ ризу свѣтлу, серафимскія крылья, семигранный вѣнецъ и тутъ милости моей не конецъ!..." Вотъ слова Духа Святаго о тебѣ, а ты вздумала съ Богомъ бороться!.. Онъ тебя призываетъ, а ты врага слушаешь!.. Не внимай его козням, плюнь на сулостата, отвернись отъ него, обратись къ Богу истинному.... Пощади свою душу, милая Дунюшка!

— Боюсь я... Страшно... послѣ недолгаго молчанья трепетнымъ голосомъ тихо промолвила Дуня.—Все у васъ такъ странно!.. Какъ же можно Богу пляской молиться?

— Боязнь твоя отъ лукаваго. Онъ вселяетъ въ тебя страхъ, сказала Варенька.—Не въ тѣлесныхъ движеньяхъ, не въ круженьяхъ, не въ пляскѣ Богъ силу являетъ, но въ откровеньяхъ... Наитіе Святаго Духа—вотъ цѣль радѣній... Инаго средства призвать Его сошествіе мы не знаемъ. Но такъ ли, этакъ ли привлечь Его на себя—не все ль равно?... Видѣла Катеньку? Какова была она въ святомъ восторгѣ?.. А не все ли равно какимъ путемъ благодать ни сошла на нее? Скаканьемъ ли, пляской ли, земными ли поклонами? Подумай

* Посланіе къ Колоссеямъ I.—26.

объ этомъ хорошенько, обсуди безъ пристрастья... Пойми что слава Божія, какимъ бы путемъ ни сошла она на избранныхъ—спасательна. Сомнѣнья твои—хула на Духа Святаго, а этотъ грѣхъ не прощается. И въ Писаніи такъ сказано... Помнишь?

— Не то я въ книгахъ читала, дрожащимъ голосомъ скорбно промолвила Дуня.

— А ты хочешь чтобъ сокровенная тайна въ книгахъ была открыта?... возразила Варенька.—Да вѣдь книгу-то всякій можетъ читать, а тайна Божія совершается тайно.... Нельзя ее всякому открывать—сказано „не мечите бисера передъ свиньями"....Ты только тѣлесными очами видѣла, и тѣлесными ушами слышала какъ совершается тайна; но вѣдь ты еще не познала ея. Вотъ когда будешь приведена, тогда очи твоей души откроются, и уши ума твоего разверзутся. Тогда и въ прочитанныхъ тобой книгахъ все поймешь, сотканная врагомъ темная завѣса спадетъ тогда съ глазъ твоихъ и со слуха.

Молчала Дуня. Борьба вѣры съ сомнѣньями всю ее потрясала.... И къ тайнѣ влекло, и радѣльные обряды соблазняли. Чувствовала что разумъ мутится у ней. Послѣ долгаго колебанья сказала она Варенькѣ:

— Ни Марья Ивановна, ни ты мнѣ не говорили про то что̀ видѣла и слышала я на радѣньяхъ. Я представить себѣ не могла чтобъ это было такъ изступленно, безъ смысла, безъ разума.

— „Безумное Божіе превыше человѣческой мудрости". Кто сказалъ это? вскликнула Варенька.—Да, ни я ни тетенька тебѣ всего не открыли, а сдѣлано это не безъ разума. Скажи мы тебѣ обо всемъ прежде времени, еще не такъ бы врагъ осѣтилъ твою душу. Впрочемъ, я говорила что радѣльные обряды похожи на пляску, на хороводы... Говорила я?

— Говорила, тихо промолвила Дуня.

— Говорила что въ минуты священнаго восторга Самъ Богъ вселяется въ людей и ходитъ въ нихъ по Писанію: „вселюся въ нихъ и похожду"! съ жаромъ продолжала Варенька.

— Говорила, чуть слышно отвѣтила Дуня.

— А про то говорила что въ эти минуты люди все забываютъ, землю покидаютъ, въ небесахъ пребываютъ? еще съ большей горячностью въ страстномъ порывѣ вскликнула Варенька.

— Да, помню... Подъ пальмами ты это говорила, отвѣтила Дуня.

— Чтò дѣлаютъ въ то время избрáнные люди они не знаютъ, не помнятъ, не понимаютъ.... Одинъ только Духъ Святый знаетъ, Онъ ими движетъ. Угодно Ему—люди Божьи скáчутъ и пляшутъ, не угодно пребываютъ недвйжны... Угодно Ему—они говорятъ, не угодно—безмолвствуютъ. Тутъ не человѣческое дѣло, но Божіе. Страшись его осуждать, страшись изрекать хулу на Духа Святаго.... Сколько ни кайся потомъ—не будетъ прощенья.

— Непостижно уму и страшно, тихо, чуть слышно промолвила Дуня.

— Вражья мысль!... вскликнула Варенька.—Гони губителя душъ, гони отъ себя!... Безъ разсужденій вѣруй, безъ колебаній!... Вѣруй, вѣра твоя спасетъ тебя. На Господа возложи тревожныя думы—Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловчей и отъ словъ мятежныхъ.

Долго говорила съ Дуней Варенька. Одѣвшись онѣ пошли въ пальмовую теплицу и тамъ еще много говорили. Разсѣялись отчасти сомнѣнія Дуни.

LXXXV.

Идýтъ дни за днями, идетъ въ Луповицахъ обычная жизнь своей чередой. На другой день послѣ радѣнья разошлись по домамъ и матросъ, и дьяконъ, уѣхали и Строинскій, и Кисловъ, Катенька осталась погостить. Остался на пасѣкѣ и блаженный Софронушка; много было хлопотъ съ нимъ старому пасѣчнику Кириллѣ... Нѣтъ отбою отъ бабъ... Изъ за пятнадцати, изъ за двадцати верстъ старыя и молодыя гурьбами приходили въ Луповицы узнавать у юрода судьбу свою. Съ пасѣки его никуда не пускали, бѣдъ бы не натворилъ, потому Кириллина пасѣка съ утра дó ночи бывала въ бабьей осадѣ.

Катеньку помѣстили въ комнатѣ возлѣ Вареньки и Дуни. Всѣ вечера дѣвушки втроемъ проводили въ бесѣдахъ, иной разъ зайдетъ бывало къ нимъ Марья Ивановна либо Варвара Петровна. А день почти весь гуляли дѣвушки пó саду или просиживали въ теплицѣ; тогда изъ богадѣльни приходили къ нимъ Василиса съ Лукерьюшкой. Эти бесѣды совсѣмъ

почти утвердили колебавшуюся Дуню въ вѣрѣ людей Божіихъ и снова стала она съ нетерпѣньемъ ждать той ночи, когда примутъ ее во „святый блаженный кругъ вѣрныхъ праведныхъ". Тоска однако не покидала ее.

Грустить, а сама не знаетъ о чемъ тоскуетъ. По отцѣ Дуня не соскучилась, къ Дарьѣ Сергѣвнѣ давно ужь охладѣла, Груню забыла, забыла и скитскихъ пріятельницъ. „По разнымъ пошли мы дорогамъ, думаетъ она, за чѣмъ же думать объ нихъ? Имъ своя доля, мнѣ иная выпала..." Не могла однако равнодушно вспомнить про Фленушку. Не знала Дуня чѣмъ кончилась поѣздка къ ней Самоквасова и хоть всячески старалась забыть все былое, но каждый разъ только что вспомнится ей Фленушка ревность такъ и закипитъ въ ея сердцѣ. И всладаетъ тогда ей на память либо сонъ что̀ видѣлся послѣ радѣнья, либо катанье въ косной по Окѣ. Нѣтъ, нѣтъ и послышится пѣсня гребцовъ удалыхъ:

Полюби меня Дуняша
Люби миленькій дружокъ.

„Да вѣдь не мнѣ была та пѣсня пѣта!..." думаетъ она, а тоска щемитъ да щемитъ ей сердце. „Наташа замужемъ теперь, а онъ покинулъ.... Не надо его, не надо!... Думать о немъ не хочу!"

А сама все думаетъ.

Разъ вдвоемъ съ Катенькой сидѣла Дуня въ тѣнистой аллеѣ цвѣтущихъ липъ. Тихо было, безмолвно въ прохладномъ и благовонномъ мѣстечкѣ, только пчелы гудѣли въ верху, сбирая сладкую добычу съ душистыхъ цвѣтовъ липы. Разговорились дѣвушки и обмолвилась Дуня, помянула про Самоквасова.

— Когда я въ первый разъ увидала тебя, Дунюшка, была тогда я въ Духѣ, и ничто земное тогда не касалось, ни о чемъ земномъ я не могла помышлять, сказала Катенька взявши Дуню за́ руку.—Но помню что какъ только я взглянула на тебя—увидала въ твоемъ сердцѣ не исцѣлѣвшія язвы страстей.... Знаю я ихъ, сама болѣла тѣми язвами, больше болѣла чѣмъ ты.

— Ахъ, нѣтъ, вѣдь я покинутая. Какъ мнѣ было горько, какъ обидно, низко склонивъ голову и зардѣвшись чуть слышно промолвила Дуня.

— Цѣловалъ онъ тебя?... Обнималъ? блѣднѣя и пылая глазами спросила Катенька.

— Какъ можно!... пуще прежняго зардѣвшись отвѣтила Дуня.—Развѣ бы я позволила.

— Говорила ему что полюбила его?

— Что̀ ты?... съ ужасомъ почти вскликнула Дуня.

— Такъ онъ одинъ говорилъ тебѣ про любовь?... Что̀ жь онъ? Увѣрялъ, заклиналъ, что вѣкъ будетъ любить?... Сватался?... спрашивала Катенька.

А глаза такъ и пышутъ у ней, и трепетно поднимается высокая грудь. Едва переводитъ дыханье.

— Никогда того не бывало, потупившись отвѣчала Дуня.

— Вѣрно говоришь?

— Вѣрно.

— Значитъ межь васъ ничего и не было, молвила Катенька.—Не о чемъ и говорить—не язва у тебя на̀ сердцѣ, а пустая царапинка.... Не то я испытала... Не то я перенесла....

— Ахъ, Катенька, не знаешь ты каково мнѣ было тогда... Изстрадалась тогда я совсѣмъ, крѣпко прижимаясь къ подругѣ вскликнула Дуня.—Даже и теперь больно какъ вспомню... Царапина!... Не царапина, а полсердца оторвалось, покой на̀ вѣкъ рушился, душа растерзана.

И махнувъ стремительно рукой, вперила на Катеньку страстно загорѣвшіяся очи.

— Слушай теперь мою исповѣдь, съ грустной улыбкой молвила Катенька.—Слушай, не пророни словечка, а потомъ и равняй себя со мной....

— Твоихъ лѣтъ я была, какъ спозналась съ любовью. Собой красавецъ, тихій, добрый, умница, скромникъ какихъ мало, богатъ, молодъ, со всей петербургскою знатью родня, военный, князь... Мнѣ бѣдной, незнатной, неученой въ голову не пришло бы что могу я понравиться такому человѣку.... А онъ ищетъ моей любви, открывается въ ней... И полюбила я его.... И какъ любила-то!... Присватался... Батюшка съ матушкой согласны, обо мнѣ и говорить нечего—себя не помнила отъ радости и счастья.... И не видала я какъ пролетѣли три мѣсяца, пролетѣли они ровно три минутки... Однѣ были у насъ съ нимъ чувства, однѣ думы, и ни въ чемъ желанья наши не расходились.... Страстенъ и пылокъ онъ былъ, но смирялъ порывы.... Предупреждалъ каждое мое желанье, а когда бывало по неумѣнью не такъ что̀ скажу, научитъ такъ кротко, съ

такою любовью.... Наглядѣться на него не могла я.... Возненавидѣла ночи, нельзя было по ночамъ оставаться съ нимъ, жадно желала вѣнца, чтобы послѣ вѣнчанья ни на мигъ не разлучаться съ нимъ.... Пришла ему надобность быть въ Петербургѣ, поѣхалъ не надолго, и уговорились мы на другой же день послѣ его возврата вѣнчаться.... Сколько было слезъ на разставаньѣ, и онъ рыдалъ, плакалъ жгучими слезами, а я ужь ничего и не помню, была внѣ ума.... Писалъ... Сколько счастья, сколько радостей письма его приносили!... Въ разлукѣ еще сильнѣй я его полюбила.... И вдругъ!... Женился на другой, уѣхалъ за границу.... Съ ума, слышь, сходила я .... Поднялъ меня Всемогущій Отецъ, возвратилъ потерянный разумъ, возвратилъ и память... Тогда возненавидѣла я князя.... Еслибы кажется попался онъ мнѣ я бъ на куски его разтерзала.... Никому ни слова о немъ не говорила и думали что онъ у меня изъ памяти вонъ... Но я ничего не забыла... Все думала какъ бы зломъ за зло ему заплатить.... Не могла придумать... Писать къ нему, осы́пать проклятьями, но въ объятьяхъ жены онъ и не взглянетъ на мое писанье, а ежель и прочитаетъ, такъ развѣ только насмѣется... Ѣхать къ нему собралась было я, пощечиной думала его въ глазахъ жены осрамить, либо подкупить кого-нибудь чтобъ его осрамили— на поѣздку средствъ не достало... Да и то я разсудила — оплеуха женщины мущинѣ не безчестье, они цѣлуютъ ударившую руку и потомъ всякому поперечному разказываютъ объ этомъ и вмѣстѣ смѣются.... Станутъ говорить о тебѣ какъ о брошенной наложницѣ... Будь чиста, будь свята и непорочна—все-таки безчестье на тебѣ...

Съ каждымъ словомъ Катенька воспламенялась больше и больше. И вдругъ облокотившись на столикъ руками и закрывъ лицо ладонями она замолкла, сдерживая подступавшія рыданья. Дуня ни слова.

Отвела руки отъ лица Катенька, гордо закинула назадъ красивую головку, сказала ровно отчеканила:

— Что̀ было то минуло. Отъ прожита̀го ничего не осталось.

Глаза горѣли, но ужь не попрежнему. Иной огонь, яркій и рѣзкій, блисталъ въ ея взорахъ,—то былъ огонь изступленья, огонь изувѣрства.

— Все сошло съ меня, все во мнѣ исчезло, восторженно она продолжала. — Утолились сердечныя боли, насталъ душевный покой. Новое счастье, ни съ чьимъ несравнимое,

познала я... Не можетъ разказать о немъ языкъ человѣческій... Самое полное счастье земной любви ничто передъ тѣмъ блаженствомъ небесной любви что̀ ощущаешь въ себѣ во время наитія Святаго Духа. То мракъ, а это свѣтъ лучезарный, то земля полная горя и плача, а это свѣтлое небо, полное невообразимыхъ радостей, то блужданье во тьмѣ кромѣшной, это—паренье души въ небеса.

— Въ чемъ же то счастье? Въ чемъ блаженство? Я еще все не могу понять, послѣ короткаго молчанья спросила Дуня.

— Когда Духъ Святый снидетъ на тебя, и душа твоя и тѣло тогда обратятся въ ничто, сказала Катенька. — Ни тѣло тогда не чувствуетъ, ни душа. Нѣтъ ни мыслей, ни памяти, ни воли, ни добра, ни зла, ни разума, ни безумія... Ты паришь тогда въ небесныхъ кругахъ и нѣтъ словъ разказать про такое блаженство.... Не испытавши его невозможно понять... Одно слово—съ Богомъ соединенье. Въ самомъ раю нѣтъ радостей и наслажденья больше тѣхъ, какія чувствуешь когда Духъ Святый озаритъ твою душу.

— А въ другое время? спросила подумавши Дуня.—Тоскуешь? Вѣдь ежели кто узналъ хорошее, и потомъ его нѣтъ, тутъ и скорбь, и грусть, и тоска.

— Душѣ коснувшейся огненнаго языка Святаго Духа, озаренной Его свѣтомъ, ни тоски нѣтъ, ни скорби, ни грусти. Нѣтъ для нея ни горя, ни печали, нѣтъ и грѣховныхъ земныхъ радостей... Безстрастна та душа—и бѣды, и счастье, и горе, и радость, и скорбь, и веселье не могутъ ее коснуться... Она безстрастна—нѣтъ для нея ни злобы, ни любви, ни желаній, ни стремленій... Она спитъ въ вѣчномъ невозмутимомъ покоѣ... Сердце умерло, страстей нѣтъ—сожжены онѣ огненнымъ языкомъ Святаго Духа, ихъ нѣтъ, и ничего нѣтъ что̀ исходитъ изъ страстей: злобы, лжи, вражды, зависти, нѣтъ и добра, нѣтъ и любви, нѣтъ и заботъ о чемъ бы то ни было... Одна только забота, одно желанье — поскорѣй разбить темницу для души врагомъ построенную, умертвить грѣховную плоть.... Все остальное чуждо таинственно умершему и таинственно воскресшему.... Еслибъ передъ его глазами и земля и весь небесный сводъ разрушились, и тогда бы онъ съ полнѣйшимъ безстрастьемъ глядѣлъ безучастно на такое разрушенье. Оно бы его не коснулось, разрушилось бы только тлѣнное тѣло, но ему туда и дорога!

Еще долго говорила Катенька и совсѣмъ склонила Дуню на прежнее. И душой и сердцемъ стала она теперь стремиться къ „приводу“.

И ночь привода не замедлила.

LXXXVI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ собора Божьихъ людей, также въ субботу по́дъ вечеръ пріѣхали въ Луповицы Кисловъ и Строинскій, пришли матросъ Фуркасовъ и дьяконъ Мемнонъ. Былъ назначенъ приводъ Дуни и Василисутки.

Смерклось и собрались Божьи люди передъ входомъ въ Сіонскую горницу. Когда Николай Александрычъ освѣтивъ ее отворилъ двери, прежде всѣхъ вошли Дуня съ Марьей Ивановной, Варенькой и Катенькой, а за ней Василисутка съ Варварой Петровной, съ Матренушкой и еще съ одной богадѣленной старушкой. Изъ Сіонской горницы онѣ тотча́съ пошли въ корридоръ. Тамъ въ одной комнатѣ Дуню стали одѣвать въ „бѣлыя ризы“, въ другой Василисутку.

Когда всѣ другіе Божьи люди облеклись въ „бѣлыя ризы“ другъ за другомъ пошли они въ Сіонскую горницу, а Дуня и Василисутка остались въ своихъ комнатахъ въ полномъ уединеньи.

— Углубись въ себя, Дунюшка, помни какое время для души твоей наступаетъ, говорила ей передъ уходомъ Марья Ивановна.—Отложи обо всемъ попеченіе, о Богѣ только и о своей душѣ размышляй.... Близиться ты къ свѣтозарному источнику благодати Святаго Духа — вся земля, весь міръ да будетъ скверной въ глазахъ твоихъ и во всѣхъ твоихъ помышленьяхъ. Оставь безъ сожалѣнья житейскія мысли, забудь все что̀ было—новая жизнь для тебя наступаетъ.... Всѣмъ пренебрегай, презирай, возненавидь все мірское. Помни—оно отъ врага... Молись!!.

Поцѣловала Дуню, перекинула ей черезъ плечо „знамя“, а сама тихими шагами пошла въ Сіонскую горницу.

Долго оставала́сь Дуня въ одиночествѣ. Пока у Божьихъ людей было общее прощеніе, пока кормщикъ читалъ житія и говорилъ поученіе, она была въ пустой комнатѣ. И чего тогда, чего ни передумала.

Вспомнила наставленье Марьи Ивановны—думать лишь о Богѣ и душѣ и стала молиться на стоявшій въ углу образъ.

Въ небреженьѣ тотъ образъ былъ—весь въ паутинѣ.... Молилась Дуня, какъ съ дѣтства привыкла—съ крестнымъ знаменьемъ, съ земными поклонами....

Много разъ говаривала ей Марья Ивановна, говорила и Варенька что вступая на путь Божій должно отречься отъ міра, отъ отца съ матерью, ото всего рода, племени. Сказано вѣдь, думаетъ стоя на молитвѣ Дуня: „оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и грядетъ по Мнѣ“.... Ахъ тятя, тятя!... Ахъ ты милый мой, милый тятенька!... Какъ же мнѣ покинуть тебя, какъ забыть что я дочь твоя, рожденье твое?... Притворяйся, намедни говорила мнѣ Марья Ивановна, притворяйся чтобъ отецъ не замѣтилъ въ тебѣ перемѣны.... Не умѣю я, не смогу притворяться.... Вѣдь это значитъ лукавить.... А лукавить—лукавому служить, его волю творить.... А я бѣжать отъ него хочу .... Какъ же это?...“

Съ того времени какъ познакомилась Дуня съ Марьей Ивановной и начиталась мистическихъ книгъ, ко всѣмъ ближнимъ своимъ, даже къ отцу она стала холодна и непривѣтлива. Не то чтобъ она разлюбила отца, но какъ-то, сама не понимая отъ чего, сдѣлалась она къ горячей, беззавѣтной любви его совсѣмъ равнодушною. Не заботили ее отцовскія заботы, не радовали его радости, не печалили его неудачи. А когда поддаваясь увлеченьямъ крутаго, вспыльчиваго нрава Марко Данилычъ оскорблялъ кого-нибудь, тогда Дуня его почти ненавидѣла. Охлажденье росло съ каждымъ днемъ и особенно усилилось во время разлуки подъ вліяньемъ Марьи Ивановны и другихъ людей Божіихъ. По нѣскольку дней отецъ ей даже на память не приходилъ.... И вдругъ передъ самымъ тѣмъ часомъ когда должна она навсегда разорвать сердечныя съ нимъ связи, въ ея душѣ воскресла прежняя любовь. Такъ бы вотъ вольной пташкой и полетѣла къ нему, такъ бы вотъ и бросилась въ его объятья, такъ бы и прижалась къ груди родительской.

Припоминаетъ Дуня ласки отцовскія, вспоминаетъ его доброту къ ней и заботливость, вспоминаетъ и тотъ день когда онъ подалъ ей обручальное кольцо.... „Къ чему оно теперь?... Кому?...“ думаетъ Дуня, и вотъ передъ ея душевными очами встаетъ Петръ Степанычъ.... Неясные, однообразные звуки чтенія Николая Александрыча едва доносятся изъ Сіонской горницы, но вмѣсто ихъ Дунѣ пѣсенка слышится:

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой....

Вздрогнула она, перекрестилась.... „Искушеніе, подумала она, князь міра смущаетъ.... Отыди, изчезни!...“ Но не слышитъ князь міра ея заклинаній, попрежнему слышится ей:

На бѣлую грудь цѣпочку,
На шеютку жемчужокъ,
Ты гори, гори цѣпочка,
Разгорайся жемчужокъ!..

„Господи, Господи! молится Дуня, взирая на подернутый паутиною образъ. Запрети лукавому.... Къ Тебѣ иду.. Порази его, супротивнаго, Своей яростью!...“

А Петръ Степанычъ все ровно живой стоитъ передъ ней. Вьются темнорусыя кудри, пышетъ страстью лицо, горятъ любовью искрометныя очи, гордо, отважно смотритъ онъ на Дуню; а гулъ чтенія въ Сіонской горницѣ кажется ей страстнымъ напѣвомъ:

Полюби меня Дуняша,
Люби миленькій дружокъ!

Бросилась она на колѣни и опершись локтями на кресло закрыла руками лицо. Слезы ручьями текутъ по блѣднымъ щекамъ.

Звонъ на колокольнѣ—двѣнадцать.

Тихо, безвучно дверь растворилась,—въ бѣлой радѣльной рубахѣ съ пальмовой вѣткой въ рукѣ, съ пылающимъ взоромъ вошла Марья Ивановна.

— Молилась? Это хорошо! сказала она.—Идемъ.

И не выждавъ отвѣта, торопливо схватила Дуню за руку и повлекла въ Сіонскую горницу.

Тамъ сидѣли Божьи люди, у всѣхъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, пальмы лежали возлѣ. Стоя у стола Николай Александрычъ держалъ Крестъ и Евангеліе.

Дуня остановилась въ дверяхъ, рядомъ съ ней воспріемница ея Марья Ивановна. Божьи люди запѣли церковную пѣснь: *Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу.* Дьяконъ Мемнонъ такъ и заливался во всю мочь богатырскаго горла.

— Зачѣмъ пришла ты сюда? строгимъ голосомъ спросилъ Дуню Николай Александрычъ.

Дуня смѣшалась. Забыла наставленья, изъ памяти вонъ что̀ надо ей отвѣчать. Марья Ивановна подсказала и она опускаясь на колѣни, слабымъ голосомъ отвѣтила:

— Душу спасти.

— Доброе дѣло, спасённое дѣло, сказалъ Николай Александрычъ.—Благо твое хотѣніе, дѣвица. Но безъ крѣпкой поруки мірскому войти во святый кругъ вѣрныхъ праведныхъ нельзя. Кого порукой дашь?

— Матушку Царицу Небесную, чуть слышно промолвила Дуня.

— Хорошо если такъ, сказалъ Николай Александрычъ.— Смотри же блюди себя опасно, не была бъ тобою поругана Царица Небесная.

— Всегда обѣщаюсь пребывать въ заповѣдяхъ истинной вѣры, никогда не поругаю свою поручительницу.

— Доброй ли волей пришла въ сей освященный соборъ? продолжалъ Николай Александрычъ.—Не по страху ли, или по неволѣ, не отъ празднаго ли любопытства?

— Доброй волей пришла. Спасенье получить желаю, отвѣчала Дуня.

— А извѣстны ль тебѣ тягости и лишенія что̀ тебя ожидаютъ? Не легко знать, не легко и носить утаенную отъ міра тайну, сказалъ Николай Александрычъ.—Иго тяжелое, неудобносимое хочешь ты возложить на себя. Размыслила ли объ этомъ? Надѣешься ли на свои силы?

— Размыслила, рѣшилась и надѣюсь на себя, подсказала Дунѣ Марья Ивановна, и та повторила.

— Должна ты отречься отъ міра и ото всего что̀ въ немъ есть, продолжалъ Никалай Александрычъ.—Должна забыть отца и мать, братьевъ, сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять что̀ бъ тебѣ ни повелѣли, хотя бъ и подумалось тебѣ что это зазорно или неправедно.... Должна ты даже не помышлять о грѣховной мірской любви, ничего не вспоминать, ни о комъ не думать. Должна избѣгать суеты, въ гости не ходить, на пирахъ не бывать, мяснаго и хмѣльнаго не вкушать, пѣсни пѣть только тѣ что̀ въ соборахъ вѣрныхъ поются. Должна ты быть смиренною, изо всѣхъ грѣховъ нѣтъ ни одного тяжелѣй гордости, это самый великій грѣхъ, за гордость свѣтлѣйшій архангелъ былъ

низвергнутъ во адъ. Ничѣмъ не должна ты гордиться, ни даже своимъ цѣломудріемъ.... Еслибъ даже было тебѣ повелѣно лишиться его — не колеблясь должна исполнить сказанную тебѣ волю.... О тайнѣ же сокровенной, о святомъ служеніи Богу и Агнцу не должна никому сказывать: ни отцу родному, ни отцу духовному, ни царю и никому кто во власти... Доведется пострадать за тайну, должна безропотно принять и гоненія, и всякія муки — огонь, кнутъ, плаху, топоръ, но тайны сокровенной никому не повѣдать... Если же предашь ее — будетъ тебѣ одна участь съ Іудой. Исполнишь ли все что̀ я говорю?

— Исполню, дрожа отъ волненья, прошептала Дуня.

— Поди сюда, сказалъ Николай Александрычъ.

Дуня подошла къ столу. Положивъ Крестъ и Евангеліе, кормщикъ взялъ ее за̀ руку и трижды по̀солонь обвелъ вокругъ стола. Марья Ивановна, шла за нею. Всѣ пѣли: *елицы отъ Христа въ Христа крестистеся, во Христа облекостеся.*

Поставивъ Дуню передъ Крестомъ и Евангеліемъ, Николай Александровичъ велѣлъ ей говорить за собою:

— Пришла я къ Тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія не по неволѣ, а по своей волѣ, по своему хотѣнью. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не открыть даже предъ смертною казнію, въ чемъ порукою даю Царицу Небесную Пресвятую Богородицу. Обѣщаюсь я, Тебѣ, Господи на всякій день и на всякій часъ удаляться отъ міра и всей суеты его, и всего разврата его. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, не имѣть своей воли, во всемъ творить волю старшихъ, что̀ бъ они ни повелѣли мнѣ—все исполнять, безо всякаго сомнѣнья.... Прости меня Господи, прости Владычица Богородица, простите ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся сила небесная!.. Прости небо, прости солнце, простите мѣсяцъ, звѣзды, земля, озёра, горы, рѣки и всѣ стихіи небесныя и земныя!...

Послѣ того Дуня приложилась ко Кресту и Евангелію, и кормщикъ сказалъ ей:

— Въ сіе время Божій ангелъ сходилъ съ неба. Онъ стоялъ передъ тобой и записывалъ твои обѣщанья. Помни это.

По слову Марьи Ивановны Дуня перекрестилась обѣими руками и поклонилась въ землю Николаю Александрычу. Онъ тѣмъ же ей отвѣтилъ. Потомъ Марья Ивановна подво-

дила ее къ каждому изъ людей Божіихъ и на каждаго она крестилась и каждому отдавала земной поклонъ. И они тѣмъ же ей отвѣчали, поздравляя съ обновленіемъ души, съ крещеніемъ Святымъ Духомъ. Поздравляли и другъ друга съ прибылью для ихъ корабля, съ приводомъ новой праведной души.

Подала Марья Ивановна Дунѣ бѣлый батистовый платокъ, пальмовую вѣтку и рядомъ съ собой посадила. Послѣ того былъ приводъ Василисушки. Затѣмъ обращаясь къ обѣимъ новымъ сестрамъ Божьи люди запѣли „приводную пѣснь“:

Ай вы дѣвушки, дѣвицы,
Вы духовныя сестрицы,
Когда Богомъ занялись,
Служить ему задались—
Вы служите, не робѣйте,
Живу воду сами пейте,
На́ землю ее не лейте,
Не извольте унывать,
А на Бога уповать,
Рая въ небѣ ожидать.

Потомъ запѣли—*Дай къ намъ Господи* и началось радѣнье. Сначала тихо и робко Дуня ходила въ женскомъ кругу, но потомъ стала прыгать съ увлеченьемъ, потрясая пальмой и махая батистовымъ покровцемъ.

LXXXVII.

На другой день послѣ привода Дуни привезли къ Луповицкимъ почту изъ города. Между письмами было и къ Дунѣ отъ Марка Данилыча. Послано изъ Казани. Было въ немъ писано:

„Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Любезной и дражайшей дочкѣ моей Авдотьѣ Марковнѣ при семъ кланяюсь и посылаю родительское мое благословеніе, на вѣки нерушимое. Желаю ото всего моего родительскаго сердца знать про здоровье и благополучно ли ты доѣхала съ почтеннѣйшей и нами завсегда уважаемой госпожею Марьей Ивановной до своего мѣста. Потому отпиши безпремѣнно, единаго дня не медля, на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубова, для того что тамъ я располагаю пристать, а въ Саратовъ намѣреніе имѣю сплыть изъ Казани на паро-

ходѣ послѣ завтрашняго числа. А еще болѣе того желаю знать каково тебѣ въ гостяхъ, ты еще николи не покидала родительскаго дома и для того мнѣ оченно желательно знать какъ съ тобой господа обходятся, потому что ежели что̀ не хорошее, такъ я свое рожденіе въ обиду не дамъ, и будь обидчикъ хоша разгенералъ, добромъ со мной не раздѣлается. Всего имѣнія и капиталовъ не пожалѣю, а до него доберусь и сдѣлаю надъ нимъ свое дѣло. Ты такъ и скажи господамъ Луловицкимъ и другимъ господамъ которы компанію съ ними водятъ, что молъ тятенька за какую ни на есть обиду полмилліона, а надо такъ и больше того не пожалѣетъ, а ужь обидчика молъ доѣдетъ. Скажи имъ всѣмъ — потому они и поопасятся. Ежели какую хоша самую малую обиду отъ кого получила, отпиши безъ замедленія на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубову, а я тѣмъ же часомъ сряжусь и пріѣду, и тогда обидчикъ милосердія и ожидать не моги. А ежели тебѣ, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, житіе въ Луловицахъ хорошее и безобидное, то живи у Марьи Ивановны дольше того срока какой я тебѣ на прощаньи далъ, для того что я изъ Саратова сплыву въ Астрахань, а управившись тамъ, проѣду можетъ-статься въ Оренбургъ по нѣкоему обстоятельству, а домой ворочусь развѣ къ Макарью. А потому или я самъ пріѣду за тобой или Дарью Сергѣвну съ Корнеемъ пришлю, а не то съ Васильемъ Ѳадѣевымъ, чтобы доставила тебя домой въ сохранности, когда Марья Ивановна заблагоразсудила долго гостить у сродниковъ. А мнѣ желательно по прошлогоднему свозить тебя на ярманку и потѣшить въ Нижнемъ, какъ было прошлаго года. А ежели, паче чаянія, отпишешь ко мнѣ про обиды, тогда не токмѣ въ Оренбургъ—и въ Астрахань не поѣду, Корнея за мѣсто себя пошлю, а самъ самолично пріѣду въ Луловицы и за зло воздамъ сторицею. Такъ они это и знай, такъ имъ и скажи. Оченно мнѣ гребтитъ что ты, любезная дочка, возлюбленное мое рожденіе, отчуждена, живучи у господъ, отъ истинныя, святоотеческой древле-православной вѣры — смотри же у меня не вступай во дворъ козлищъ, иже имутъ лѣвое стояніе предъ Господомъ на страшномъ судѣ. Въ ихнюю церковь входить не дерзай и ото всякихъ ересей блюди себя опасно, дабы не погрѣшить и къ осужденнымъ на вѣчныя муки не быть сопричтенной. А на счетъ рыбы дѣла плохія, одначе сего

не сказывай никому. Веденѣевъ съ Меркуловымъ все дѣло испортили. Убытковъ хоша не приму, а барышей и половины не дослѣю, супротивъ того какъ по веснѣ разчитывалъ. Одно только и есть утѣшеніе, что Орошину при такихъ цѣнахъ совсѣмъ не сдобровать и ежели явитъ Господь такую милость—такъ пожалуй ему по скорости придется и несостоятельнымъ объявиться. Оченно вздонжили его Веденѣевъ съ Меркуловымъ—изо рта кусокъ вырвали. А здѣсь будучи въ Казани повстрѣчалась мнѣ въ Коровинской часовнѣ комаровская мать Таифа. Покамѣсть до Макарья поѣхала за сборами на Низъ, сказывала она про подругъ твоихъ: Флена Васильевна благую часть избра, яже не отымется отъ нея—ангельскій чинъ приняла и постриженіе, и какъ надо полагать, по кончинѣ матушки Манеѳы сидѣть ей въ игуменьяхъ. А Патапа Максимыча дочка Прасковья Патаповна тяжела, на сносяхъ, а затька ихняго Таифа не одобряетъ — былъ де архіерейскій посолъ, а сталъ собачій мосолъ — отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ. Такъ этими самыми словами и говоритъ. Аксинья Захаровна, сказывала мать Таифа, оченно скорбнà, вся разболѣлась, на ладонъ, слышь, дышетъ. Аграфена Петровна тоже, все не домогаетъ. Отъ Дарьи Сергѣевны третьяго дня письмо получилъ — въ домѣ у насъ все благополучно, только Василій Ѳадѣевъ ненарокомъ ногу себѣ топоромъ порубилъ. А здѣсь, въ Казани, въ Рыбнорядскомъ трактирѣ третьяго дня видѣлся съ Петромъ Степанычемъ съ Самоквасовымъ—можетъ не забыла, тотъ самый чтò въ прошедшемъ году у матери Манеѳы въ обители съ нами на Петровъ день кантовалъ, * а послѣ того у Макарья насъ съ Дорониными въ косной по рѣкѣ каталъ. Еще рыбу тогда ловили. Дѣльцо у него есть съ дядей по наслѣдству. Хоша его дѣло и чисто, да у дяди надо думать рука сильна, не миновать слышь Петру Степанычу чтобъ до Московскаго Сената не дойти — посудятъ ли тамъ божески его дѣло — покамѣсть теперь закрыто. А Петръ Степанычъ ровно самъ не свой — „одинъ конецъ, говоритъ, въ омутъ головой!“ А на счетъ Коровинской часовни дѣла происходятъ не очень того чтобы ладныя; склоняются многіе на единовѣріе. За симъ прекратя сіе письмо еще посылаю тебѣ, любезная дочка Авдотья Марковна, заочное мое родительское благословеніе на вѣки неруши-

---

* *Кантовать* — пировать, съ гульбой, съ пѣснями.

мое, и ото всего моего сердца желаю тебѣ добраго здравія и всякаго рода благополучія, а за симъ остаюсь любящій тебя отецъ твой Марко Смолокуровъ. А отъ бояръ и ото всякихъ господъ мужеска пола всячески берегись, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, блюди себя во всякой сохранности, дабы не было безчестья, на то посылаю тебѣ строгій мой родительскій приказъ. Сколько ни люблю тебя и ни жалѣю, а ежели помилуй Богъ такой грѣхъ случится, тогда не токмо ему треклятому, но и тебѣ, моей дочкѣ, съ плечъ голову сорву. Болѣе сего писать не предвижу и потому прекративъ сіе письмо посылаю тебѣ родительское благословеніе, на вѣки нерушимое."

Равнодушно прочитала отцовское письмо Дуня. Тому лишь порадовалась, что можно ей дольше гостить въ Луповицахъ. Что̀ ей за дѣло до разъѣздовъ отца, до Параши, до Аксиньи Захаровны, до всѣхъ, даже до Груни. Иныя теперь мысли, иныя стремленья. Злорадно однако жь подумала она о по̀стригѣ Фленушки....

„Ото всякихъ ересей блюди себя опасно..." при первомъ чтеніи письма эти слова прошли незамѣченными, но потомъ то и дѣло стали звучать въ ушахъ Дуни. Слышала она, ясно слышала, особенно въ ночной тиши, голосъ отца, тихій и ласковый, какимъ всегда онъ говаривалъ съ ней. И задумывалась Дуня, вспоминая гдѣ она теперь, куда ее привели... Всѣми силами старается прогнать тревожную мысль. „Вражье искушеніе! думаетъ, отецъ — человѣкъ плоти, надъ нимъ власть лукаваго. Онъ ему эти слова подсказалъ... Какая тутъ ересь?.. Служеніе Богу и Агнцу!"

А все-таки ни одной ночи не можетъ провести спокойно: то отцовскія слова звучатъ, то видится Петръ Степанычъ, скорбный, унылый... И становится ей жалко отца, жалко становится и Петра Степаныча.

Изъ писемъ къ Николаю Александрычу, одно всѣхъ порадовало. Прислано было оно изъ Тифлиса племянникомъ Варвары Петровны Егоромъ Сергѣичемъ Денисовымъ. Ѣздилъ онъ за Кавказъ по какому-то порученью. Вотъ что̀ писалъ онъ между прочимъ:

„Дѣла подходятъ къ концу, скоро ворочусь въ Россію, сверну съ прямой дороги и заѣду къ вамъ въ Луловицы. Былъ въ Ленкоранѣ и вкругъ Александрополя, видѣлъ, бесѣдовалъ, лично обо всемъ разкажу.“

Всѣ кромѣ не знавшей Денисова Дуни просіяли отъ его посланія.

— Егорушка пріѣдетъ, Егорушка Денисовъ! радостно говорилъ Николай Александрычъ женѣ, брату, невѣсткѣ и племянницѣ. И тѣ также были въ восторгѣ.

Егоръ Сергѣичъ Денисовъ вездѣ у хлыстовъ былъ великъ человѣкъ. Знали его и образованные люди Божьи, и монахи съ монахинями, и сестры женскихъ общинъ, приведенныя къ познанію тайны сокровенной, слыхали о немъ по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ только ни живутъ хлысты. Не радѣньями, не пророчествами достигъ онъ такой славы, а своими бесѣдами когда объяснялъ собратьямъ правила сокровенной вѣры, служеніе Богу и Агнцу. Былъ онъ еще молодой человѣкъ, съ небольшимъ тридцати лѣтъ. Былъ бы рѣдкимъ красавцемъ, еслибъ не мертвенная блѣдность истомленнаго лица, не видъ полуживаго человѣка. За то черные большіе глаза горѣли у него такимъ огнемъ и было въ нихъ такъ много жизни, что онъ смотря на человѣка казалось въ душу его проникалъ. Никто не могъ долго смотрѣть на Денисова, невольно потуплялись глаза, не вынося блеска его проницательныхъ глазъ. Еще въ дѣтствѣ лишившись отца съ матерью, былъ онъ подъ опекой Луловицкаго. Въ ранней молодости служилъ морякомъ и тогда въ Кронштадтѣ хаживалъ въ „братское общество“ гдѣ ужь тогда мало оставалось людей образованныхъ. Татаринову изъ Петербурга ужь выслали, одновѣрцевъ ея тоже разослали по монастырямъ. * Еще въ Луловицахъ, гдѣ жилъ онъ въ дѣтствѣ до поступленія въ Морской Корпусъ, Денисовъ зналъ кое-что про людей Божіихъ, но былъ такъ еще малъ что ему не рѣшались показать радѣнья. Въ Кронштадтѣ онъ случайно узналъ что тамошнее „братское общество“ тѣ же Божьи люди, чтò и въ Луловицахъ. Сталъ онъ туда похаживать, но матросы не могли объяснить ему таинственной своей вѣры.

* Это было въ 1837 году. Татаринова сослана въ Кашинскій монастырь, тайный совѣтникъ Поповъ въ Зилантовъ монастырь въ Казани, Ѳедоровы мужъ и жена въ Новгородскіе монастыри и т. д.

Тогда рѣшился Денисовъ искать ея разъясненій по хлыстовскимъ кораблямъ. Разсудивъ что на морскомъ кораблѣ не доѣхать ему ни до какого корабля людей Божіихъ, вышелъ онъ въ отставку и въ гражданской службѣ занялъ должность не большую, но и не маленькую. То было ему дорого что она требовала дальнихъ разъѣздовъ. Сряду нѣсколько лѣтъ разъѣзжалъ Егоръ Сергѣичъ то по серединной Россіи, то по Волгѣ, то по Новороссіи, былъ даже въ Сибири и за границей въ Молдавіи. Вездѣ сводилъ онъ знакомство съ людьми Божьими, и теперь возвращался познакомившись съ „вѣденцами", * извѣстными больше подъ именемъ „прыгунковъ".

Съ нетерпѣньемъ ждали Луповицкіе Егора Сергѣича. Ѣхалъ онъ съ подошвы Арарата, съ верховьевъ Евфрата, изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ былъ земной рай и гдѣ, по вѣрованьямъ людей Божіихъ, вновь откроется онъ для блаженнаго пребыванія святыхъ праведныхъ, для вѣчнаго служенія Богу и Агнцу. Доходили до Луповицъ слухи что тамъ, гдѣ-то у подножія Арарата явился царь, пророкъ и первосвященникъ, что онъ торжественно короновался, что облачась въ порфиру и надѣвъ корону съ другими отличіями царскаго сана онъ, подражая Давиду, съ гуслями въ рукахъ, радѣлъ среди многочисленной толпы на широкой улицѣ деревни Никитиной. ** Доходило до Луповицъ что царь Комаръ опричь плотской жены взялъ еще духовную, что у каждаго араратскаго святаго есть по одной, по двѣ и по три духовныя

---

* *Вѣденцами* (отъ слова *вѣдать*) они только сами себя зовутъ, утверждая что вѣдаютъ Духа Святаго. Зовутъ еще себя *духовными*. Посторонніе, за то что они радѣютъ какъ и хлысты, зовутъ ихъ *прыгунками*, *трясунами*, а потому что они увѣряютъ будто „вѣдаютъ Духа"—*духами*. Эта секта—смѣсь молоканства съ хлыстовщиной—возникла между сосланными за Кавказъ съ Молочныхъ Водъ молоканами. Она считаетъ своимъ основателемъ Лукьяна Соколова. Бо́льшая часть прыгунковъ живетъ въ деревнѣ Никитиной близь Александрополя. Есть они и въ Эриванскомъ уѣздѣ, и въ Ленкоранскомъ и по другимъ мѣстамъ Закавказья. Преемникомъ Соколова былъ Максимъ Рудометкинъ или Комаръ—христосъ, пророкъ, первосвященникъ и царь духовныхъ. Онъ торжественно короновался въ деревнѣ Никитиной.

** Тутъ анахронизмъ. Комаръ коронованъ позже, именно 19 декабря 1857 года.

супруги. О духовныхъ супругахъ Луповицкіе имѣли самыя неясныя понятія. Читывали они про нихъ въ мистическихъ книгахъ, знали что тотчасъ послѣ паденія Бонапарта явились духовные супруги въ высшемъ прусскомъ обществѣ между придворными принявшими секту Мукеровъ, знали что есть духовныя жены у сектантовъ Америки, знали что изъ Пруссіи духовное супружество проникало и въ Петербургъ, но не могли понять какъ это ученіе проникло за Кавказскія горы, и какъ ссыльный крестьянинъ Комаръ могъ усвоить ученіе кенигсбергскаго архидіакона Эбеля, графини Грёбенъ, графини Финкенштейнъ и другихъ знатныхъ дамъ и государственныхъ людей Пруссіи.... „Денисовъ знакомъ съ царемъ Комаромъ, онъ все разъяснитъ“, думали Луповицкіе... Больше другихъ ожидала желаннаго гостя Марья Ивановна, ей хотѣлось хорошенько разузнать о духовныхъ супругахъ. Дуня съ перваго знакомства то и дѣло приставала къ ней съ вопросами о духовномъ супружествѣ, но старая дѣва не умѣла ей вполнѣ объяснить въ чемъ тутъ дѣло.

Управившись съ дѣлами въ Астрахани и раздумавши ѣхать въ Оренбургъ къ Субханкулову, Марко Данилычъ домой поспѣшилъ. Дуня еще не возвращалась, и онъ написалъ къ ней письмо, съ приказомъ ѣхать скорѣе домой. „Макарій на носу, писалъ онъ, а мнѣ желательно тебя на ярманку свозить, и потѣшить по прошлогоднему.“

— Чтò жь теперь дѣлать? спрашивала Дуня Марью Ивановну.

— Не ѣхать, отвѣтила та.

— Какъ же можно? возразила Дуня.—Вѣдь онъ ждать будетъ; а не дождется, самъ пріѣдетъ либо пришлетъ за мной....

— На ярманку что ли хочется? улыбнувшись спросила Марья Ивановна.

— Чтò мнѣ до ярманки? презрительно промолвила Дуня.— Чего я тамъ не видала? Въ лодкѣ катанья, или театра?...

— Такъ вотъ чтò, сказала Марья Ивановна.—Пиши отцу что тебѣ на ярманку не хочется, а желаешь ты до осени прогостить въ Луповицахъ, а впрочемъ, молъ, полагаюсь на всю твою волю. Поласковѣй пиши, такъ пиши чтобъ ему не вспало какого подозрѣнья. Я тоже напишу.

Какъ сказано такъ и сдѣлано. Марья Ивановна писала

Марку Данилычу что Дунѣ у Макарья будетъ скучно, что дѣвушка она строгая, степенная, веселостей и развлеченій не любитъ. Изо всего дескать видно, что она дочь благочестиваго отца и выросла въ истинно христіанскомъ домѣ.

Льстивыя слова знатной барышни понравились надмѣнному купчинѣ. „Видите, Дарья Сергѣвна, говорилъ онъ, видите какъ знатные господа, генеральскія дѣти объ насъ отзываются! Спасибо Дунюшкѣ, спасибо голубушкѣ что такъ заслужила у господъ Луповицкихъ!“ Онъ согласился оставить Дуню у Луповицкихъ до сентября. Дарья Сергѣвна была тѣмъ не довольна. Расплакалась даже.

А плакала она при Маркѣ Данилычѣ, такія слова приговаривая:

— Погубятъ ее! Съ толку собьютъ сердечную!.. Ея ли дѣло съ господами водиться? Не пристанетъ она къ нимъ, никогда съ ними не сравняется... Глядятъ на нее свысока—„ты дескать глупа ворона, залетѣла въ высоки хоромы“. А есть господа молодые—до грѣха не далеко.... Имъ ни по чемъ, а ей вѣкъ мучиться.

— Закаркала!... рѣзкимъ голосомъ, сурово вскликнулъ Марко Данилычъ.—Чѣмъ бы радоваться что Дунюшка со знатными людьми въ компаніи, она ни вѣсть чтò плететъ. Я на Марью Ивановну въ полной надеждѣ, она не допуститъ Дуню ни до чего худаго, да и Дуня не такая чтобъ идти на дурныя дѣла.

— Дай Богъ чтобы было по вашему, Марко Данилычъ, съ тоской и рыданьями отвѣчала Дарья Сергѣвна.—А все-таки заботно, все-таки опасливо мнѣ за нее. Во снѣ ее то и дѣло я вижу, да все таково не хорошо: либо разодѣтую, разубранную въ шелкахъ, въ бархатахъ, въ жемчугахъ да въ золотѣ, либо мстится мнѣ что пляшетъ она съ какимъ-то бариномъ, а не то вижу всю въ цвѣтахъ какихъ-то диковинныхъ... Не къ добру такіе сны, Марко Данилычъ.

— Ужь вы пойдете, съ досадой промолвилъ Марко Данилычъ.... А самъ задумавшись поспѣшно вышелъ изъ горницы.

Долго, еще долго плакала Дарья Сергѣевна по любимой воспитанницѣ. Причитаетъ въ горючихъ слезахъ, таки рѣчи приговариваетъ: „Не носила, не родила, не кормила я

тебя, Дунюшка, а любила завсегда и теперича люблю какъ родную дочь. Будь жива покойница Оленушка, и ей бы не любить такъ дочку свою рожоную да кормлёную.... Я ростила тебя ненаглядная, учила тебя доброму, на твою пользу душевную, сердце свое положила въ тебя, свѣтъ очей моихъ!... И всегда-то одну я завѣтную думушку думывала, какъ выростешь ты, заневѣстишься, да выйдешь зáмужъ за человѣка добраго, за хорошаго молодчика, изъ честнàго роду-племени.... А и думала я, горемычная, что на старости лѣтъ повожусь за твоими дѣточками, стану учить ихъ уму-разуму, наставлять въ Божьихъ заповѣдяхъ.... По грѣхамъ моимъ не такъ сталось - случилося, не по моимъ гаданьямъ дѣло содѣялось!... Умчали бѣлу лебедушку во чужіе люди во завистливые, что̀ завистливые, гордые, высокоумные!... Счастливая была ты дѣвушка, счастлйвая, таланная: ни тяжелой работой не была ты огрýжена, ни браннымъ словечкомъ огрýблена!... Думала ль, гадала ль я что придетъ такое горе великое?... Думала ль я что придется жить безъ тебя въ тоскѣ, въ бѣдѣ, въ печаляхъ да въ горестяхъ?... Бьется сердце по тебѣ, убивается, а некому меня успокоить, утѣшити!.. Ни заѣмъ, ни залью моего горя великаго!... Ты душа ль моя Дунюшка — была ты бѣлая голубушка бѣлѣй снѣгу бѣлаго, была ты румяная красавица румянѣй солнца краснаго, была ты свѣтъ зорюшка ясная милѣй мѣсяца серебрянаго!... Поднялись метели со снѣгами, расходилась сизы тучи вьюгой грозною — унесли отъ насъ ненаглядный цвѣтъ... Ахъ ты крошечка-малиновка, золотая моя рыбонька!... Воротись скорѣй подъ батюшкинъ кровъ, убѣги отъ людей недобрыихъ, пріѣзжай въ свою свѣтлую горенку, во родительскій домъ бѣлокаменный..."

И ни на мигъ не вспомянулась горько плакавшей Дарьѣ Сергѣевнѣ холодность къ ней Дуни.

LXXXVIII.

Первый Спасъ на дворѣ—къ Макарью пора. Собрáлся Марко Данилычъ безъ дочери, и поселился на Гребновской пристани въ своемъ караванѣ. Не хорошо попахивало, да Марку Данилычу это ни по чемъ—съ малыхъ лѣтъ привыкъ онъ съ рыбой возиться. Дня черезъ два либо черезъ три послѣ его

пріѣзда пришелъ на Гребновскую огромный рыбный караванъ. Былъ онъ „Зиновья Доронина съ затьями“.

— Грому на васъ нѣтъ! стоя на своей палубѣ вскричалъ Марко Данилычъ когда тотъ караванъ длиннымъ строемъ ставился по Окѣ.—Совсѣмъ завладали молокососы рыбной частью! ворчалъ онъ въ сильной досадѣ.—Что ни помню себя никогда такого большаго каравана на Гребновской не бывало.... Не дай вамъ Богъ торговъ, не дай барышей!... Новости заводить затѣяли!... Дуй васъ горой!.. Умничать задумали, ровно мы старые посѣдѣлые рыбники дураками до васъ жили набитыми.

А самъ дивуется. Стали баржи на мѣстѣ безъ руготни, безъ суетни, даже безъ лишнихъ криковъ, никого не задѣли, никого не зацѣпили, никому выхода на плесъ не загородили. Много баржéй пришло, а постановкой каравана только двое распоряжались, Меркуловъ съ Веденѣевымъ. На крайнихъ баржахъ подавали они сигналы свистками. Смѣялся на такое новшество Марко Данилычъ, но въ его смѣхѣ слышались зависть и злоба. Хохотали по Гребновской и хозяева, и прикащики, и рабочіе. Не мало было и такихъ что̀ досадовали и злились на тихую постановку каравана—никого не затронулъ онъ и не было ни брани, ни драки, ни свалки, а у иныхъ Гребновскихъ молодцовъ кулаки-то давно ужь почесывались.

Сталъ караванъ и рабочіе отъ перваго до послѣдняго остались на мѣстахъ, никто не сбѣжалъ, никто ничего не украль, никто не запьянствовалъ, все шло тихо и мирно. Много дивились тому.

Оба зятя Зиновья Алексѣича съ женами пріѣхали на ярманку, съ тестемъ и съ тещею. Пристали они въ той же гостинницѣ Бубнова, гдѣ и прошлаго года жили. Самъ Зиновій Алексѣичъ рыбнымъ дѣломъ не занимался, даже не взглянулъ на караванъ носившій его имя, но Меркуловъ съ Веденѣевымъ каждый день съ утра до сумерекъ по очереди бывали тамъ.

Едва успѣлъ установиться караванъ, на немъ, какъ водится, явились покупатели. Не настоящіе то были покупатели, а ищейки. Сами они ничего не покупаютъ, но покупщики рыбнаго товара подсылаютъ ихъ разузнать цѣны, да посмотрѣть какова рыба. Рыбники, особенно прикащики охотно принимаютъ ищеекъ, хоть и знаютъ что ни одинъ изъ нихъ фунта не купитъ, но всего

товара имъ ни за что̀ не покажутъ и прямыхъ цѣнъ сразу не скажутъ, а заломятъ несомѣрныя. Явились ищейки и на баржи „Зиновья Доронина съ зятьями“. Тамъ имъ все показали, а Меркуловъ каждому сорту товара сказалъ настоящую цѣну. Подсыльные подивились — очень низки ужь были объявленныя цѣны. За то другая новинка смутила ихъ — въ кредитъ только третья доля товара отпускалась, за остальное наличныя деньги клади на столъ.

—

Вечеромъ въ Рыбномъ трактирѣ собрались и рыбники и покупатели. Былъ тутъ Орошинъ, былъ Марко Данилычъ, лысый Сусалинъ и копнѣ подобный богатырь, писклывый Иванъ Ермолаичъ Сѣдовъ. И другихъ рыбниковъ, большаго и малаго полета, было довольно тутъ. Сидѣли они въ круговую за столомъ уставленнымъ чайниками и мирно, благодушно опрастывали дюжины чашекъ съ отваромъ китайской травки. Только и рѣчи было у всѣхъ что про зятьевъ Доронина. Ругали ихъ ругательски, особливо Орошинъ, а покупатели подшучивали надъ рыбниками. Однако и они говорили что безъ отдачи рыбы въ кредитъ дѣло не можетъ идти.

— А все-таки Меркуловъ-отъ открылъ настоящія цѣны, и спасибо ему за то, съ усмѣшкой глядя въ упоръ на Орошина сказалъ маленькій, тщедушный старичокъ Лебякинъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ покупателей.—Теперича, примѣрно сказать, ужь нельзя будетъ хоть вашей милости, Онисимъ Самойлычъ, оченно-то высоко̀ заламывать, потому что прямыя цѣны намъ ужь извѣстны.

— Мы свою цѣну знаемъ, надменно взглянувъ на Лебякина прошипѣлъ Орошинъ.—Хочешь дешево у нихъ купить, припасай больше наличныхъ. Мы свое возьмемъ, у насъ все будетъ по старинѣ—кредитъ какъ бывало, а цѣны какія межь собой постановимъ.... Такъ али нѣтъ, Марко Данилычъ?

— Вѣстимо, пробурчалъ молчаливый на этотъ разъ Смолокуровъ.

— А ежель и мы со своей стороны войдемъ въ сговоръ? вскричалъ Колодкинъ Алексѣй Никифорычъ, широкоплечій, объемистый тѣломъ купчина, съ богатырской головой обросшей рыжими курчавыми волосами.—Ежели значитъ и мы межь собой свои цѣны установимъ и свыше ихъ копѣйки не наки-

немъ? Куда тогда рыбу-то сбудете? Не въ Оку жь ее повышвырять.

— Найдемъ мѣсто, сурово взглянувъ на Колодкина сквозь зубы промолвилъ Орошинъ.—Не одни вы покупатели.

— Оптòвые здѣсь всѣ на перечетъ, сказалъ Лебякинъ.—Вы станете сговариваться, а мы глядя на васъ. Тогда хочешь не хочешь вся рыба-то у васъ на рукахъ и останется.

— Нешто по фунтикамъ станете продавать, ну тогда пожалуй расторгуетесь, со смѣхомъ подхватилъ слова Лебякина Колодкинъ.—Тогда можно будетъ васъ съ барышами поздравить.

— Развѣ только и свѣту въ окошкѣ что вы? насмѣшливо пропищалъ подбоченясь Сѣдовъ.—Не фунтиками, а тысячами пудовъ продавать станемъ, и все распродадимъ безпремѣнно.

— Кому, кому распродать-то, Иванъ Ермолаичъ? поворотивъ къ Сѣдову громадную голову медленно проговорилъ Колодкинъ. — Развѣ по мелочнымъ лавочкамъ думаете разсовать, такъ у мелочниковъ ни денегъ, ни мѣста на то не хватитъ.

— Сыщутся люди и помимо мелочниковъ, пропищалъ Сѣдовъ. — Будьте спокойны, мы тоже знаемъ чтò знаемъ: не вчера торговать-то зачали.

— Да кто сыщется-то? приставалъ Колодкинъ къ Сѣдову.— Нешто зазимуете здѣсь, да морожену рыбу мужикамъ въ развозъ продавать * будете?

— А хоша бъ и въ развозъ, пискнулъ Сѣдовъ.—А вы все-таки ни съ чѣмъ останетесь. Нешто кладъ выроете да наличными уплатите.

— И безъ клада Богъ поможетъ обойдемся, молвилъ Колодкинъ.

— Вотъ это такъ. Чтò дѣло, то дѣло.... Это какъ есть совершенно вѣрно, захохоталъ Сѣдовъ.—Ежели Богъ наличными поможетъ вамъ, ежели значитъ деньги на васъ съ неба свàлятся, тогда можно вамъ и безъ клада обойтись.

— Не извольте безпокоиться, Иванъ Ермолаичъ—обернемся, это ужь наше дѣло, задорно проговорилъ Колодкинъ и поднялся съ мѣста.—Счастливо оставаться! примолвилъ онъ. И поклонясь честнòй компаніи вонъ пошелъ.

---

* Зимой торговые крестьяне, покупая въ Саратовѣ соленую и вяленую рыбу, развозятъ ее на продажу по базарамъ средняго и верхняго Поволжья. Это называется „торговать въ развозъ“.

За нимъ ушелъ Лебякинъ, а потомъ и всѣ остальные. Остались одни рыбники. Молча поглядывали они другъ на друга.

— Чтò, братцы, дѣлать-то? послѣ долгаго молчанья, вытирая вспотѣвшее отъ чая лицо бумажнымъ платкомъ заговорилъ Степанъ Ѳедорычъ Сусалинъ.

— По моему надо объ эвтомъ дѣлѣ посудить, молвилъ Марко Данилычъ.

— Надо безпремѣнно, подхватили и Сѣдовъ, и Сусалинъ, и другіе рыбники.

— Только чуръ напередъ уговоръ, началъ долго молчавшій Орошинъ:—Ежели на чемъ порѣшимъ, кажду малость дѣлать сообща, по совѣту значитъ со всѣми. Другъ отъ дружки дѣлъ не таить, другъ дружкѣ ножки не подставлять. Безъ того всѣмъ можно разориться, а ежели будемъ вести дѣла свои вкулѣ, тогда и барыши возьмемъ хорошіе и насмѣемся досыта и надъ Лебякинымъ, и надъ Колодкинымъ, и надъ зятьями Доронина.

— Самъ-отъ только не сфинти, Онисимъ Самойлычъ, мы-то будемъ за одно, насмѣшливо промолвилъ Марко Данилычъ.

— Чего мнѣ финтить-то? гордо взглянувъ на недруга, заносчиво воскликнулъ Орошинъ.

— Не знаю чтò будетъ напредки, а доселева еще ни одной ярманки не бывало чтобъ ты кого-нибудь не подкузмилъ, сказалъ ему на отвѣтъ Марко Данилычъ и захохоталъ на всю комнату.—На всѣхъ шлюсь, на всѣхъ сколько здѣсь насъ ни на есть, продолжалъ онъ.—Нечего узоры-то разводить, другъ любезный!... Всѣ достаточно тебя знаемъ. Всѣмъ извѣстно что ловокъ ты на обманы-то.

Замѣтно было что Смолокурову смертная охота пришла разозлить Орошина чтобъ ушелъ онъ изъ бесѣды. Орошинъ того не замѣчалъ.

— Чтò жь? хихикнулъ онъ, окинувъ нахальнымъ взглядомъ собесѣдниковъ.—На войнѣ обманомъ города берутъ, на торгу неумѣлаго чтò липку обдерутъ. Для того не плошай да не глазѣй, рядись да оглядись, дѣло верши да не спѣши... Такъ-то, почтеннѣйшій Марко Данилычъ.

— Да полно вамъ тутъ! во всю мочь запищалъ Сѣдовъ.— Чѣмъ бы дѣло судить, они на брань лѣзутъ. У Бога впереди дней много, успѣете набраниться, а теперь надо рѣшать какъ дѣлу помогать. У Доронинскихъ зятьевъ видѣли каковъ караванъ! Страсть!... Какъ имъ цѣнъ не сбить? Какъ разъ собьютъ, тогда и сиди мы у праздника!

Кой-кто присталъ къ Сусалину, и общими силами убѣдили Орошина со Смолокуровымъ на брань не лѣзть, а держать „разсужденіе“.

Молчатъ пріятели, другіе рѣчей не заводятъ.

— Что жь не зачинаете, пропищалъ Сѣдовъ.—Молчанкой дѣлу не пособить. Говори хоть ты, Марко Данилычъ.

— Пущай Онисимъ Самойлычъ начинаетъ. Его дѣло большое, наше маленькое, сказалъ съ усмѣшкой Смолокуровъ.

— Маленькое! Хорошо маленькое! прошипѣлъ Орошинъ.— А кто верховодитъ на Гребновской?.. Кто третьяго года у всѣхъ цѣны сбилъ?

— А кто нынѣшней весной въ Астрахани всю икру и всю рыбу хотѣлъ скупить?... А?... Ну-ка скажи! Да видно бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Не то быть бы всѣмъ намъ у праздника, всѣмъ бы ты карманы-то на изнанку повыворотилъ... Не выкинь Меркуловъ съ Веденѣевымъ своей штуки, всѣмъ бы намъ пришлось теперь по твоей милости зубы на полку класть.

— Да перестаньте Христа ради! вступился опять Сусалинъ. — Эдакъ толку никогда не дождаться. Успѣете, говорю, набраниться. Дѣло теперь не въ спорѣ, а въ сговорѣ. Говори что ли въ прямь, Онисимъ Самойлычъ.

И всѣ стали просить Орошина, сказалъ бы свое слово о томъ что надо дѣлать. Одинъ Марко Данилычъ молча сидѣлъ. Отвернувшись отъ Орошина, барабанилъ онъ по столу пухлыми, красными своими пальцами.

Поломался Онисимъ Самойлычъ, потомъ зачалъ рѣчь говорить:

— Если примѣрно будь сказано теперича намъ сложиться наличными сколько у кого есть и скупить у Доронинскихъ зятьевъ весь ихній товаръ, тогда бы ставь покупатели цѣны какія хотятъ, пуда никому изъ нихъ негдѣ будетъ купить. По неволѣ придутъ къ намъ и заплатятъ сколько мы ни запросимъ. А купивши у Меркулова съ Веденѣевымъ весь караванъ по объявленной ими цѣнѣ какіе барыши мы получимъ!...

— Что жь это такое будетъ? перебилъ Орошина Марко Данилычъ.—Складчина, компанія на акціяхъ, какъ нонѣ стали называть?

— А хоша бъ и такъ, тряхнувъ окладистой бобровой съ

искрой бородой и нахмуря брови молвилъ Онисимъ Самойлычъ слѣсиво поглядѣвъ на Смолокурова.

— Склáдчиной торгъ барышей не даетъ, отвернувшись отъ него сказалъ Марко Данилычъ.

Всѣ почти согласились со Смолокуровымъ. То было у всѣхъ на умѣ, что ежели складочныя деньги попадутъ къ Орошину, онъ охулки нà руку не положитъ—возись послѣ съ нимъ, выручай денежки. И за то „слава Богу“ скажеть ежель свои-то изъ лапъ его вытянешь, а на счетъ барышей лучше и не думай... Марку Данилычу поручить складчину — тоже нельзя, да и никому нельзя. Кто себѣ врагъ?... Никто во грѣхъ не поставитъ зажилить чужую копѣйку.

Зубами даже скрипнулъ Онисимъ Самойлычъ, видя что лакомой складчинѣ въ руки его не попасть. Замолчалъ.

— А вѣдь Онисимъ-отъ Самойлычъ говоритъ правду, нѣсколько помолчавъ, сказалъ Сусалинъ.—Ежели бы значитъ весь товаръ въ нашихъ рукахъ былъ, барышей столько бы пришлось что и вздумать нельзя. Ежели другъ дружку не подсиживать, рубль на рубль можно получить. Потому всѣ цѣны будутъ въ нашихъ рукахъ... Чтò захотимъ, то и возьмемъ.

„Рубль на рубль!“ подумалъ каждый изъ рыбниковъ. „Да вѣдь это золотое дно, сто лѣтъ живи такого случàя въ другой разъ не выпадетъ. Только вотъ бѣда—складчину кому поручить?.. Кому ни поручи—всякъ надуетъ...“

Долго молчали, потомъ опять запищалъ дородный Сѣдовъ.

— Хоша я давича надъ покупателями и подтрунилъ, а вѣдь надо сказать правду они пожалуй наличными-то раздобудутся. Нонче вонъ эти банки завели чтò подъ закладъ товаровъ деньгами за малые проценты ссужаютъ.

— Да вѣдь товаръ-отъ надо прежде купить, безъ того банкъ денегъ не дастъ, промолвилъ одинъ рыбникъ мелкая сошка, человѣкъ небогатый.

— Нешто Доронински зятья на каку-нибудь недѣлю либо дёнъ на десятокъ не повѣрятъ. Векселя возьмутъ, сказалъ Сѣдовъ.

— Какъ не повѣрить?... Повѣрятъ, заговорили рыбники.

— Тогда значитъ у насъ по усамъ текло, а въ ротъ не попало, продолжала та же мелкая сошка.—Бьемъ на барыши, а пожа-

луй получимъ голыши.* Безпремѣнно надо у нихъ перебить. А начинать тотчасъ—завтра же.

— Что правда, то правда, вступился Бѣлянкинъ Евстратъ Михайлычъ. Родомъ и жительствомъ былъ Костромичъ, рыбникъ не крупный, такая же мелкая сошка.—Дѣло тутъ самое спѣшное, сказалъ онъ,—товарищества на вѣрѣ составить намъ некогда, складочны деньги въ однѣ руки отдать нельзя, потому что въ смерти и въ животѣ каждаго Богъ волёнъ. Примѣромъ сказать поручили бы вы мнѣ свои капиталы. Не къ тому говорю чтобы въ самомъ дѣлѣ такое довѣріе вы мнѣ сдѣлали, человѣкъ я махонькій и мнѣ этого ни въ какомъ разѣ нельзя ожидать. Единственно для ради примѣру говорю. Ну-съ вотъ вы мнѣ свои капиталы и препоручили, чтобъ я завтрашній день ранымъ-ранехонько сдѣлалъ покупку. Хорошо. А я пришедши отсюда, изъ Рыбнаго трактира, возьми да и помри. Потому въ смерти и животѣ Богъ волёнъ. Ну, вотъ я и померъ, а деньги-то ваши у меня налицо, а у васъ документовъ никакихъ на меня нѣтъ. Нешто вы думаете наслѣдники-то мои отдадутъ вамъ деньги?... Какъ же? держи карманъ... Ни въ какомъ разѣ! Припрячутъ и вся недолга. И всякъ то же сдѣлаетъ до кого ни доведись... Сами не хуже меня знаете. Послѣ тамъ судись да возись, а денежки—пиши пропало... Потому какія у васъ доказательства?... Какіе документы можете вы въ судѣ предъявить?...

— Векселя можно взять, замѣтилъ Сусалинъ.

— Ладно-съ, оченно даже хорошо-съ. Можно и векселя взять, сказалъ Бѣлянкинъ.—Да вѣдь дѣло-то, Степанъ Ѳедорычъ, завтра раннимъ утромъ надо покончить. Когда жь векселя-то писать? Ночью ни одинъ маклеръ не засвидѣтельствуетъ... А послѣ давишняго разговора съ Лебякинымъ да съ Колодкинымъ они завтра же пойдутъ умасливать Доронинскихъ зятьевъ чтобъ повѣрили имъ на недѣлю тамъ что ли... Вѣрно о томъ знаю, самъ своими ушами вечоръ слышалъ какъ они сговаривались.

Замолчали всѣ, а Марко Данилычъ ровно ото сна проснулся, и лѣниво зѣвая промолвилъ:

— Надо желѣзо ковать пока горячо.

---

* *Голыш*—твердый камешекъ, окатанный и огла женный водою

Орошинъ словечка не выронилъ, другіе рыбники, и тузы и мелкая сошка, тоже помалчиваютъ себѣ.

А Бѣлянкинъ свое говоритъ:

— Къ примѣру я вамъ про себя говорилъ. А ежели бъ у меня своего капитала не тридцать тысячъ, а три милліона было, а вы векселей-то съ меня не взяли, тогда бы наслѣдникамъ моимъ и прятать вашихъ денегъ не было надобности. „Тятенькины", да и дѣло съ концомъ. Вотъ оно что̀!

Всѣ молчали. Злобно смотрѣлъ Орошинъ на Бѣлянкина.

— Что̀ жь дѣлать-то? спросилъ наконецъ, оглядывая собесѣдниковъ Сусалинъ.

Никто ни полслова. Немного подумавши молвилъ Сусалинъ:

— А по моему вотъ бы какъ. Складчи́ны не надо, ну ее совсѣмъ!... Пущай всякъ при своемъ остается. — Смекнем-тека много-ль денегъ потребуется на закупъ всего каравана и сколь у кого наличныхъ. Можемъ ли собрать столько чтобы все закупить? Кто знаетъ чего стоитъ весь товаръ по заявленнымъ цѣнамъ?

— Тысячъ триста, пожалуй и больше, молвилъ Бѣлянкинъ.

— Хорошо, сказалъ Сусалинъ и постучалъ ложечкой о чайную чашку. Стремглавъ вбѣжалъ половой, широ̀ко размахивая салфеткой.

— Вотъ что̀, любезный, сказалъ ему Сусалинъ,—попроси ты у буфетчика чистый листочекъ бумажки да перышко съ черниленкой. На минутку молъ.

— Сейчасъ-съ, отрывисто промолвилъ проворный половой и полетѣлъ изъ комнаты.

Подали бумагу, перо, чернила. Сказалъ Сусалинъ:

— Пущай каждый подпишетъ сколько кто можетъ внести Доронинскимъ зятьямъ наличными деньгами. Когда подпишетесь, тогда и смѣкнемъ какъ надо дѣломъ орудовать. А по моему бы такъ: пущай завтра пораньше ѣдетъ кто къ Меркулову, кто къ Веденѣеву и каждый свою часть покупаетъ. Складчины тогда не будетъ, всякъ при своемъ останется, а товаръ весь цѣликомъ все-таки изъ нашихъ рукъ не уйдетъ, и тогда какія цѣны мы ни захотимъ, такія и поставимъ... Ладно ль придумано?..

— Ладно, ладно, заголосили всѣ опричь Орошина, Марка Данилыча и Бѣлянкина. У всѣхъ у троихъ было что-то свое на умѣ.

— Съ молодшихъ начинай, пропищалъ Сѣдовъ.—Большаки добавятъ чего у мелкоты не хватитъ.

Бѣлянкинъ протянулъ руку за бумагой, примолвивъ:

— Слабѣй меня никого здѣсь нѣтъ.

И подписалъ. Листъ пошелъ въ круговую. Когда всѣ кромѣ первѣйшихъ тузовъ подписали его, листъ подали Орошину.

Надменно передвинулъ онъ его къ Смолокурову.

— Марко Данилычъ завсегда говоритъ, будто я много его богаче, съ усмѣшкой сказалъ Онисимъ Самойлычъ,—Хоша это и не справедливо, да ужь пущай будетъ по его. Уступаю... Пущай напередъ меня пишетъ.

Усмѣхнулся Марко Данилычъ, переглянувшись съ Бѣлянкинымъ. Не говоря ни слова взялъ онъ перо, сосчиталъ на сколько подписано и затѣмъ подписавшись на триста тысячъ, подвинулъ листъ къ Орошину.

Вздѣлъ очки Онисимъ Самойлычъ и весь посоловѣлъ взглянувъ на бумагу.

— Мнѣ-то что̀ жь осталось? злобно вскликнулъ онъ, глядя звѣремъ на Марка Данилыча?

Ни слова никто, а Онисимъ Самойлычъ больше да больше злобится, крѣпче и крѣпче колотитъ кулакомъ по столу. Двѣ чайныхъ чашки на полъ слетѣло.

— Подписывайтесь, съ легкой усмѣшкой сказалъ ему Бѣлянкинъ.—Послѣ разверстку сдѣлаемъ.

— Убирайся ты къ чорту со своей разверсткой!... зарычалъ Орошинъ, бросая на столъ подписной листъ.—Ни съ кѣмъ не хочу дѣла имѣть. Завтра чѣмъ свѣтъ управлюсь одинъ... Меня хватитъ на̀ это. Дуракъ я былъ что въ Астрахани всего не скупилъ у нихъ, да тогда они, подлецы, цѣнъ еще не объявляли.... А теперь Доронинской рыбы вамъ и понюхать не дамъ.

И плюнувъ, скорыми шагами пошелъ изъ комнаты вонъ.

Рыбники кромѣ Марка Данилыча да Бѣлянкина головы повѣсили... „Рубль на рубль въ двѣ-три недѣли и вдругъ ни гроша̀!“ думали они. Злобились на Орошина, злобились и на Марка Данилыча.

Взялъ Смолокуровъ подписной листъ и громко сказалъ честно̀й компаніи:

— Себѣ я возьму этотъ листъ. Каждый изъ васъ отъ меня получитъ за наличныя деньги товару на сколько кто под-

писался. Только чуръ уговоръ—чтобъ завтра же были деньги у меня въ карманѣ. Пущай Орошинъ хоть сейчасъ ѣдетъ къ Меркулову съ Веденѣевымъ — ни съ чѣмъ оглобли поворотитъ... Я ужь купилъ весь караванъ... Извольте разсматривать.

— Только, господа, деньги безпремѣнно завтра сполна, сказалъ Марко Данилычъ, когда рыбники разсмотрѣли документъ.—Кто опоздаетъ, на себя пеняй—фунта не получитъ. Согласны?

— Согласны, согласны, закричали рыбники и каждый отъ усердія старался всѣхъ перекричать.

Поднялись благодарности Марку Данилычу. Заказали ужинъ, какой только можно было состряпать въ Рыбномъ трактирѣ. Холодненькаго выпили. Пили за здоровье Марка Данилыча, за здоровье Авдотьи Марковны, на рукахъ качали благодѣтеля, „многолѣтіе“ ему пѣли. Долго на весь Рыбный трактиръ раздавались радостно пьяные голоса:

Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Здравствовати!
Господину, господарю,
Господину, господарю
Нашему!...
Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку,
Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку
Даниловичу!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Многая, многая,
Многая лѣта!
Многая лѣта!

Благодушно улыбался Марко Данилычъ, глядя на почетъ ему воздаваемый. А больше всего тѣмъ былъ счастливъ онъ, тѣмъ доволенъ что подставилъ подножку Онисиму Самойлычу. „Лопнетъ съ досады песъ смердящій! въ радостномъ восторгѣ думалъ Марко Данилычъ; передернетъ его всего какъ услышитъ что весь караванъ я скупилъ.“

LXXXIX.

А обработалъ Марко Данилычъ это дѣльцо тайкомъ и совсѣмъ невзначай. Не онъ товара искалъ, самъ товаръ привалилъ къ нему.

Узнавъ что Марко Данилычъ живетъ на караванѣ, Меркуловъ улучилъ минутку чтобъ по прежнему знакомству повидаться съ нимъ, узнать про Авдотью Марковну, и справить ей поклоны отъ жены, отъ тещи и свояченицы.

Не очень привѣтливо встрѣтилъ его Смолокуровъ, но какъ обычаевъ рушить нельзя, тотчасъ велѣлъ Василью Ѳадѣеву чайку собрать, мадерцы подать, водочки, и разныхъ соленыхъ и сладкихъ закусокъ.

— Ну что̀? Каково тестюшка поживаетъ? спросилъ гостя Марко Данилычъ.

— Помаленьку, отвѣчалъ Меркуловъ.—Здѣсь теперь, у Макарья. Съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ.

— Вотъ какъ! А я и не зналъ... Гдѣ онъ на квартирѣ-то присталъ?

— Да тамъ же все въ той же гостиницѣ, что̀ и въ прошломъ году.

— Надо будетъ навѣстить стараго пріятеля, безпремѣнно надобно. Да вотъ все дѣла, да дѣла, говорилъ Марко Данилычъ.—А Татьяна Андревна тоже пріѣхала?

— Здѣсь, отвѣчалъ Меркуловъ.

— А вы съ супругой?

— Какъ же, и Дмитрій Петровичъ съ Натальей Зиновьевной. Всей семьей пріѣхали.

— Вотъ какъ! Весело значитъ всѣмъ-то, не скучно въ чужо̀мъ городу̀.

— Конечно, замѣтилъ Меркуловъ.—А вы Авдотьи-то Марковны видно не привезли?

— Нѣтъ, не привезъ, сухо отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Что̀ жь такъ?

— Да не случилось.

— Какъ она въ своемъ здоровьѣ?

— Ничего, слава Богу здорова.

— Жена много ей кланяется и Татьяна Андревна, и Наталья Зиновьевна. Надѣялись повидаться съ ней, молвилъ

Меркуловъ.—Что жь это она?... Такъ и не пріѣдетъ вовсе на ярманку?

— Такъ и не пріѣдетъ, сказалъ Марко Данилычъ.—Въ гостяхъ теперь гоститъ.

— У сродниковъ?

— У господъ Луповицкихъ въ Рязанской губерніи, съ важностью приподнявъ голову, съ разстановкой проговорилъ Марко Данилычъ.—Люди они съ большимъ достаткомъ, знатные, генеральскіе дѣти — наши хорошіе знакомые.... Ихняя сестрица Алымова сосѣдка намъ будетъ. Съ нашимъ городомъ по сосѣдству имѣнье купила. Дунюшку она очень полюбила и выпросила ее у меня погостить покодь я буду на ярманкѣ.

— Алымова? Марья Ивановна? спросилъ удивленный Меркуловъ.

— Такъ точно, подтвердилъ Марко Данилычъ.

— Не та ли что прошлаго года въ той же гостиницѣ жила, гдѣ и вы и батюшка тесть останавливались?...

— Она самая, отвѣтилъ Марко Данилычъ.—А что?

— Нѣтъ... такъ ничего, съ недоумѣньемъ молвилъ Меркуловъ.

— Знакомы что ли съ ней? спросилъ Марко Данилычъ.

— Нѣтъ. Въ прошломъ году на одномъ пароходѣ съ ней ѣхалъ, отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Хорошая барышня, замѣтилъ Марко Данилычъ,—разумная такая и ласковая. А ежели взять ее на счетъ доброты, такъ лучше и не надо. И хоша знатная, а ни спѣси, ни гордости въ ней ни на капельку.

Пересталъ разспрашивать Меркуловъ, а самъ про себя думаетъ: „Съ какой стати связалась Авдотья Марковна съ фармазонкой? Вотъ наши-то удивятся, какъ узнаютъ.“

— Ну что какъ дѣла пошли? немножко погодя спросилъ Марко Данилычъ.—Караванище-то какой пригнали вы на Гребновскую!... Сколько ни торгую такого у Макарья не видывалъ. Теперь вы у насъ изъ рыбниковъ самые первые....

— Да вѣдь тутъ не я одинъ, сказалъ Меркуловъ. — Дѣло общее: тутъ и мой капиталъ, и женнинъ, и Дмитрія Петровича, и его жены, и батюшки Зиновья Алексѣича доля есть.

— Значитъ и онъ въ рыбники записался, съ добродушной

усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ. -А бывало какъ вздумаешь уговаривать его рыбой заняться такъ—„ни за̀ что̀ на свѣтѣ“ говоритъ.

— Онъ и теперь не входитъ въ эти дѣла, сказалъ Меркуловъ.—Капиталомъ только участвуетъ.

— Такъ, протянулъ Марко Данилычъ.—Продали сколько ни на есть рыбки-то?

— Гдѣ жь еще! отозвался Меркуловъ.—Рано. Кажется ни съ одного каравана не было еще продажъ.

— Опричь мелочéй точно что не было, подтвердилъ Смолокуровъ.—Какъ же вы на счетъ цѣнъ располагаете? Заодно со всѣми будете уставлять, аль особнякомъ дѣло поведете.

— У насъ напередъ все разчитано, сказалъ Меркуловъ.—Сегодня отдадимъ объявленіе о цѣнахъ печатать и объ нашихъ условіяхъ, наклеимъ на столбахъ, разошлемъ по рыбнымъ покупателямъ, въ газетѣ напечатаемъ.

Повернулся на стулѣ Марко Данилычъ. „Всю торговлю вверхъ дномъ повернуть хотятъ, проклятые. Эки штуки откалываютъ!“ подумалъ онъ.

— Не сходнѣй ли будетъ вамъ, Никита Ѳедорычъ, келейно съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться? умильнымъ голоскомъ заговорилъ Марко Данилычъ.—А то эти объявленія да газеты!... Перво дѣло — расходы, а другое, что васъ же могутъ на̀ смѣхъ поднять.

— Расходы пустячные, сказалъ Никита Ѳедорычъ,—а станутъ смѣяться такъ мы за обиду того не поставимъ. Смѣйся на здоровье, коль другаго смѣха нѣтъ.

— Такъ вы не будете цѣнъ таить? спросилъ Марко Данилычъ, зорко глядя въ глаза Меркулову.

— И не подумаемъ, тотъ отвѣчалъ.

— И условій таить не станете?

— Да какъ же таить-то ихъ, Марко Данилычъ, ежели на фонарныхъ столбахъ объявленія объ нихъ приколотимъ?.. Отвѣчалъ смѣясь Никита Ѳедорычъ.—Вотъ наши условія, читайте.... Въ кредитъ на двѣнадцать мѣсяцевъ третья доля, а двѣ трети получаемъ наличными здѣсь на ярманкѣ при самой продажѣ.

— Тяжеленьки условія, Никита Ѳедорычъ, оченно даже тяжеленьки, покачивая головой говорилъ Марко Данилычъ.—Эдакъ чего добраго пожалуй и покупателей вамъ не найти.... Вѣрьте моему слову — люди мы бывалые, рыбное

дѣло давно намъ за обычай. Еще вы съ Дмитріемъ-то Петровичемъ на свѣтъ не родились, а я ужъ давно всю Гребновскую и вдоль и поперекъ зналъ.... Изстари на ней по всѣмъ статьямъ повелось что безъ кредита дѣла нельзя сдѣлать. Смотрите не пришлось бы вамъ товаръ-отъ у себя на рукахъ оставить.

— Ну и оставимъ, равнодушно сказалъ Никита Ѳедорычъ.— Анбары наймемъ, зима придетъ—рыбу гужомъ повеземъ на продажу.

— Въ накладѣ останетесь, Никита Ѳедорычъ, съ притворнымъ участьемъ, покачивая головой сказалъ Марко Данилычъ.—За анбары тоже вѣдь платить надо, гужевая перевозка теперь дорогà, по неволѣ цѣны-то надо будетъ повысить. А кто станетъ покупать дороже базарной цѣны? Да еще за наличныя... Не разчетъ, право не разчетъ. Дѣло видимое: хоть по всей Россіи развезите — фунта никто не купитъ у васъ.

— Купятъ, да какъ еще раскупятъ-то!... Съ руками оторвутъ, спокойно улыбаясь, сказалъ Меркуловъ.

— Какъ же это такъ? съ недоумѣньемъ спросилъ Марко Данилычъ.—Развѣ тайна какая?

— Нашу тайну черезъ три либо четыре дня на фонарныхъ столбахъ можно будетъ читать... А вамъ пожалуй сію же минуту открою ее. Вотъ она, сказалъ Меркуловъ, подавая Марку Данилычу приготовленное къ печати объявленіе о цѣнахъ.—Извольте читать.

Глазамъ не вѣритъ Марко Данилычъ—по каждой статьѣ цѣны поставлены чуть не въ половину дешевле тѣхъ что въ тотъ день Гребновскіе тузы собрались установить за чаемъ въ Рыбномъ трактирѣ.

— Никакъ съ ума вы сошли, Никита Ѳедорычъ! вскочивъ со стула вскричалъ Марко Данилычъ.—По міру хотите насъ пустить?... Ограбить?.... И себя разорите и насъ всѣхъ!... Хорошее ли дѣло съ ближними такъ поступать?

— Съ какими жь это ближними, Марко Данилычъ? спокойно спросилъ Меркуловъ.

— Съ нами значитъ, со всѣми съ нами, съ Гребновскими рыбниками!... кричалъ Смолокуровъ.

— Не одни рыбники, Марко Данилычъ, наши ближніе, отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ, оглядывая Смолокуровскую каюту.

— Да вамъ-то какая тутъ польза? горячился Марко Данилычъ.—Вѣдь вы десяти копѣекъ на рубль не получите.

— Не получимъ, Марко Данилычъ, отвѣчалъ Меркуловъ.— Мы только на пять разчитали. Пó этому разчету и цѣны назначили. Пять процентовъ право довольно. Мы вѣдь за скорой наживой не гонимся. За границей купцы-то много побогаче насъ, а довольствуются и меньше чѣмъ пятью процентами.

— Да ну ее ко псамъ вашу заграницу-то! вскричалъ во всю мочь Марко Данилычъ.—Вы должны вести дѣла по-русски, а не по-басурмански?... А то всѣхъ разорять... Грабить!.

И вдругъ стихъ Марко Данилычъ. Вдругъ прояснилось его мрачное лицо. Блеснула мысль: „А не скупить ли весь караванъ цѣликомъ? Тогда по ихней дурости какіе можно барыши взять!"

— На сколько у васъ въ караванѣ-то, Никита Ѳедорычъ?... кротко и ласково спросилъ онъ Меркулова.

— Тысячъ на триста по нашей разцѣнкѣ, отвѣтилъ тотъ.

— Покупатели предвидятся?

— Пока еще нѣтъ, сказалъ Меркуловъ.—Приходили вчера, имъ цѣны и условія сказали и товаръ показали весь. Да это не настоящіе покупатели,—ищейки.

— А если бъ изъ рыбниковъ кто предложилъ вамъ купить весь караванъ до-чиста. Продали бы? нѣсколько подумавши спросилъ Марко Данилычъ.

— Отъ чего жь не продать? отвѣтилъ Меркуловъ.

— И уступочка будетъ?

— Ни копѣйки.

— Хоть бы процентикъ одинъ, прикинувшись казанскимъ сиротой молвилъ Марко Данилычъ. — Важная вещь копѣйка въ рублѣ! Пустое дѣло, плюнуть не на чтò.

— Сейчасъ вы сами говорили, Марко Данилычъ, что наши пять процентовъ чуть не смертный грѣхъ, а теперь хотите чтобы мы взяли четыре, съ ясной усмѣшкой отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Да вы все шутите!... Балагуръ вы эдакій!... Ей-Богу балагуръ... съ веселымъ смѣхомъ заговорилъ Марко Данилычъ.— Скиньте процентикъ-отъ... Право надобно скинуть.

Меркуловъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Тогда Марко Данилычъ на иныя штуки поднялся, говоритъ ему:

— Такъ хоша условійца-то посмягчите. Третью бы долю

наличными послѣ спуска флаговъ получить вамъ, а двѣ трети на предбудущей ярманкѣ.

— Ни отъ единой буквы условій не отступимъ. Ни отъ единой буквы, сказалъ Меркуловъ.

— Такъ вотъ что̀, Никита Ѳедорычъ, молвилъ Марко Данилычъ, подойдя къ Меркулову и дружески положивши ему на плечо увѣсистую руку.—Съ батюшкой съ тестемъ вашимъ, какъ сами знаете, мы старинные пріятели.

— Нельзя, нельзя, ни по какой причинѣ нельзя мѣнять условій, Марко Данилычъ, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Меркуловъ.

— Послушайте меня старика, почтеннѣйшій Никита Ѳедорычъ, продолжалъ Марко Данилычъ, положивъ и другую руку на плечо Меркулова.—Хоша для того облегчите условія насчетъ наличныхъ, что я завсегда любилъ и уважалъ вашу супругу Лизавету Зиновьевну. Ей-ей любилъ не меньше чѣмъ свою Дунюшку. И теперь люблю, ей Богу. Мнѣ не вѣрите, Богу повѣрьте... Сдѣлайте такое ваше одолженіе—сейчасъ же бы заключили мы съ вами условіе: третью долю наличными тутъ же вы бы съ меня получили, другую по вашему условію оставили бы до предбудущей ярманки, а третью потерпите мѣсяцовъ шесть — на Ростовской бы съ вами полный разчетъ учинилъ...

— Нельзя, Марко Данилычъ, никакъ нельзя, сказалъ Меркуловъ. — Мы положили іоты одной не опускать изъ условій.

— Я бы запись особую далъ... Неустойку назначьте.... Какую хотите такую и назначьте.

— Нельзя, Марко Данилычъ.

— Хоть на мѣсяцъ....

— Нельзя.

— На три недѣли?

— Нельзя.

— На двѣ?

— Нельзя.

— Дёнъ на десять.

— Нельзя, нельзя и нельзя, Марко Данилычъ. Лучше и не говорите... Лучше совсѣмъ оставимъ это, сказалъ вставая Меркуловъ.—Прощайте... Засидѣлся я у васъ—давно ужъ пора кой-куда съѣздить.

— Послушайте, крѣпко ухватившись за̀ руку Никиты

Ѳедорыча задыхающимся почти голосомъ вскричалъ Смолокуровъ.—Хоть на три дня!... Всего только на три денька!... Въ три-то дня вѣдь пятой доли товару не свезти съ вашего каравана.... Значитъ не выйду изъ вашихъ рукъ... На три дня, Никита Ѳедорычъ, только на три денечка!... Будьте милостивы, при случаѣ самъ заслужу.

Подумалъ Меркуловъ и согласился, но съ тѣмъ что ежели Смолокуровъ черезъ три дня не уплатитъ до послѣдней копѣйки всего что̀ слѣдуетъ, то условіе уничтожается и Марко Данилычъ заплатитъ неустойку въ двадцать тысячъ.

Рѣшились и поѣхали къ маклеру условіе писать.

Возвращаясь отъ маклера на баржу Марко Данилычъ увидѣлъ на Гребновской Бѣлянкина. Садился тотъ въ лодку на свою тихвинку ѣхать.

— Евстратъ Михайлычъ! Куда, другъ, спѣшишь? крикнулъ ему Смолокуровъ.

— До своей до тихвинки, снимая картузъ и почтительно кланяясь рыбному тузу, отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— Что̀ за спѣхъ такой приспѣлъ? весело спросилъ у мелкой рыбной сошки тузистый рыбникъ Марко Данилычъ.

— Самый важнѣйшій спѣхъ, шутливо отвѣчалъ Бѣлянкинъ.—На всемъ свѣтѣ больше того спѣху нѣтъ—ѣсть, сударь, хочу, обѣдать пора.

— Охота ѣсть одному!... Скучно. Айда ко мнѣ на баржу — пообѣдаемъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ. У меня щи знатныя изъ свѣжей капусты, щецъ похлѣбаемъ, стерлядку въ разварѣ съѣдимъ, барашка пожуемъ, винца малу толику выпьемъ.

— Да мнѣ право какъ-то совѣстно, Марко Данилычъ, говорилъ Бѣлянкинъ, смущенный необычной привѣтливостью спѣсиваго и надменнаго Марка Данилыча. Прежде Смолокуровъ и шапки передъ нимъ не ломалъ, а теперь вдругъ обѣдать зоветъ.

Схвативъ Бѣлянкина за̀ руку, Марко Данилычъ безъ дальнихъ разговоровъ увезъ его въ своей косной на баржу.

За обѣдомъ разказалъ Смолокуровъ про сдѣлку съ зятьями Доронина... Бѣлянкинъ даже ротъ разинулъ отъ удивленья.

— Говори ты мнѣ, Евстратъ Михайлычъ, прямо, на чистоту, безо всякой значитъ утайки, наливая рюмку диковинной вишневки сказалъ ему Смолокуровъ.—Сколько у тебя наличныхъ?

— Какія у меня деньги, Марко Данилычъ! смиренно отвѣчалъ Бѣлянкинъ.—Вѣдь я человѣкъ маленькій. Есть конечно невеликая сумма—кой-чего для дома въ ярманкѣ надо искупить... А товаръ еще Богъ знаетъ когда продамъ.

— Да сколько, спрашиваю я, наличныхъ то теперь у тебя? сказалъ Марко Данилычъ.

— Тысченки двѣ наберется, смиренно промолвилъ Бѣлянкинъ.

— Хочешь третью нажить, а можетъ и четвертую? пристально глядя на Бѣлянкина, спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ не хотѣть, Марко Данилычъ? съ веселой улыбкой отвѣтилъ Евстратъ Михайлычъ.

— Такъ вотъ что̀: парень ты рѣчистый, разговоры водить мастеръ.—Такого мнѣ теперь и надо, сказалъ Марко Данилычъ.—Сегодня вечеркомъ приходи въ Рыбный трактиръ, тамъ будутъ всѣ наши. А дѣло будетъ тебѣ вотъ какое...

И подробно разсказалъ что̀ надо дѣлать и что̀ говорить.

Затѣя Марка Данилыча вполнѣ удалась.

На другой день послѣ сидѣнья рыбниковъ въ Рыбномъ трактирѣ, чуть не на разсвѣтѣ Орошинъ подъѣхалъ въ лодкѣ къ каравану зятьевъ Доронина. Ему сказали что они еще не бывали. Спросилъ гдѣ живутъ, и погналъ извощика на Нижній Базаръ. Ровно молоденькій вбѣжалъ онъ на лѣстницу Бубновской гостиницы, спрашиваетъ Меркулова, а ежели его дома нѣтъ, такъ Веденѣева.

— Еще почиваютъ, ему отвѣчали.

Досадно, а нечего дѣлать. Пришлось обождать. Ему, никого выше себя не признававшему, пришлось теперь дожидаться слетышковъ, молокососовъ!... За то никто изъ рыбниковъ раньше его съ зятьями Доронина не увидится, никто не перебьетъ лакомаго кусочка. А все-таки жутко надмѣнному гордецу дожидаться... Да еще пожалуй кланяться имъ придется, упрашивать. Что̀ дѣлать? Выпадетъ случай— и свиньѣ въ ножки поклониться.

Ходитъ по гостиницѣ Онисимъ Самойлычъ, а самъ

такъ и лютуетъ. Чаю спросилъ чтобъ безъ дѣла взадъ и впередъ не бродить. Полусонный половой подалъ чайный приборъ и, принимая Орошина за какую-нибудь дрянь, усѣлся по другую сторону столика, гдѣ Онисимъ Самойлычъ принялся было чаи распивать. Положивъ руки на столъ, склонилъ половой на нихъ сонную голову и то́тчасъ захрапѣлъ. Взорвало Орошина, толкнулъ онъ половаго, крикнулъ на всю гостиницу:

— Нѣтъ что ли тебѣ другаго-то мѣста?

— А ты, братъ, не больно толкайся, нахально отвѣчалъ половой.

Вскочилъ Орошинъ, схватилъ его за шиворотъ и прочь отпихнулъ.

— Мотри ты, проходимецъ! закричалъ Ярославецъ.—Тронька еще, попробуй. Половины зубовъ не досчитаешься.

Онисимъ Самойлычъ вышелъ изъ себя, поднялъ палку. Быть бы непремѣнно побоищу, еслибъ вошедшій прикащикъ Доронина не сказалъ что господа проснулись.

Бросилъ Орошинъ деньги за чай, молча погрозилъ палкой половому и пошелъ вслѣдъ за прикащикомъ.

Встрѣтилъ его Веденѣевъ. Онисимъ Самойлычъ не видалъ его съ того вечера какъ у нихъ въ Рыбномъ трактирѣ вышла маленькая схватка изъ-за письма о тюленѣ.

— Онисимъ Самойлычъ!... привѣтливо встрѣтилъ его Дмитрій Петровичъ.—Какими судьбами?... Да еще въ такую рань?... Садитесь пожалуста.... Чаю скорѣе, прибавилъ онъ, обращаясь къ приведшему Орошина прикащику.

Угрюмо и мрачно молчалъ Онисимъ Самойлычъ. Маленькіе хитрые глазки его такъ и прыгали. Помолчавъ, на прямки повелъ онъ рѣчь къ Веденѣеву.

— Наслышанъ я, Дмитрій Петровичъ, что вы на свой товаръ цѣны пустили въ объявку. Нахожу для себя ихъ подходящими. И о томъ наслышанъ что желаете вы двѣ трети уплаты теперь же наличными получить. Я бы у васъ весь караванъ купилъ. Да чтобы не тянуть останной уплаты до будущей ярманки, сейчасъ же бы отдалъ всѣ деньги сполна... Вотъ извольте—тутъ на триста тысячъ билетовъ. Только бы мнѣ желательно чтобы вы сейчасъ же поѣхали со мной въ маклерскую, потому что мнѣ неотложная надобность есть завтра же дёнъ на десятокъ въ Москву отлучиться.

— Не можемъ продать вамъ, Онисимъ Самойлычъ, пожавъ плечами сказалъ Веденѣевъ.

— Отъ чего жь это? повысивъ голосъ, промолвилъ озадаченный Орошинъ.

— Продано все, отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Какъ?... Кому?... Да когда жь это вы успѣли? вскочивъ со стула, заговорилъ Онисимъ Самойлычъ и голосъ его задрожалъ отъ волненья.

— Вчера подписано условіе и деньги получены.

— Да кому? Кому, я спрашиваю. Цѣлый караванъ!... Нѣтъ такого человѣка въ ярманкѣ чтобы могъ все купить... Кто, говорю, купилъ, кто?

— Кому ни продано, Онисимъ Самойлычъ, Сидору ли, Карпу ли, не все ли равно? улыбаясь отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Тайности что ли у васъ тутъ какія?... Сказывайте—вѣдь все одно, не сегодня такъ завтра узнаю, задыхающимся отъ злобы голосомъ вскричалъ Орошинъ.

— Никакихъ тайностей нѣтъ у насъ, да и быть не можетъ. Мы со свойкомъ дѣла ведемъ въ открытую, на чистоту. Скрывать намъ нечего, молвилъ Дмитрій Петровичъ.—А если ужь вамъ очень хочется узнать кому достался нашъ караванъ, такъ я пожалуй скажу—Марку Данилычу Смолокурову.

— Чортъ!.... Дьяволъ!... Издохнуть бы ему! неистово вскрикнулъ Онисимъ Самойлычъ, хвативъ изо всей мочи кулакомъ по столу. Схватилъ картузъ, и надѣвъ его въ комнатѣ кивнулъ головой Веденѣеву и вонъ побѣжалъ.

— Чайку-то, Онисимъ Самойлычъ? сказалъ ему вслѣдъ Дмитрій Петровичъ, увидя прикащика вошедшаго съ чайнымъ приборомъ.

— Ну его къ чорту! крикнулъ взбѣшенный Орошинъ и скрылся.

XC.

Только что проснулся Марко Данилычъ, опрометью вскочилъ съ постели, и Богу не молясь, чаю не напившись, неумывкой поспѣшилъ ко вчерашнимъ собесѣдникамъ. Къ первому Бѣлянкину подъѣхалъ въ косной. Тотъ еще не просыпался, но племянникъ его, увидавъ такаго важнаго гостя, стремглавъ бросился въ казенку дядю будить. Минуты черезъ двѣ,

протирая глаза и пошатываясь съ просонья, Евстратъ Михайлычъ стоялъ передъ козырнымъ тузомъ Гребновской пристани.

— Здорово, дружище, протягивая руку, молвилъ ему Марко Данилычъ.—Спасибо за вчерашнее. Ловко сварганилъ, надо тебѣ чести приписать. Заслушался даже я какъ ты пошелъ валять. За то и мной вполнѣ доволенъ останешься. Пойдемъ въ казенку, потолкуемъ.

Бѣлянкинъ повелъ гостя въ грязную, неприглядную казенку. Все тамъ было невзрачно и неряшливо: у одной стѣны стояла не прибранная постель, на ней весь въ пуху дубленый тулупъ, у другой стѣны хромой на трехъ ножкахъ столъ, и на немъ давно не чищенный, и совсѣмъ почти позеленѣвшій самоваръ, немытыя чашки, растрепанныя счетныя книги, засиженные мухами счеты, засохшія корки калача и рѣшетнаго хлѣба, порожніе полуштофы и косушки тутъ же и приготовленное въ портомойну грязное бѣлье. Обмахнувъ полой совсѣмъ почти развалившійся деревянный некрашенный стулъ, Бѣлянкинъ просилъ присѣсть Марка Данилыча.

Присѣлъ тотъ. Предложилъ было ему Бѣлянкинъ чайку напиться, но Марко Данилычъ отказался наотрѣзъ, хоть и говаривалъ при всякомъ приглашеньи: „отъ чаю, отъ сахару отказовъ у меня нѣтъ.“

— На двѣ тысячи подписалъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, Марко Данилычъ, отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— Давай.

Замялась мелкая сошка. Самъ ни слова, только вздыхаетъ да суётся изъ угла въ уголъ.

— Чего сталъ? Не ждать тебя! нахмуривъ брови и повышая голосъ, сказалъ Марко Данилычъ.

— Да я ей Богу... Марко Данилычъ.... не знаю.... Сами изволите знать... въ смерти, въ животѣ Богъ волёнъ, робко заговорилъ Бѣлянкинъ, увидавъ что Смолокуровъ даже побагровѣлъ весь отъ досады.

— Что̀ тутъ еще? крикнулъ тотъ.—Деньги!... Не задерживай!.. Много васъ, надо ко всѣмъ поспѣть.

— Да помилуйте, Марко Данилычъ, вѣдь тутъ весь мой наличный капиталъ... дрожа отъ робости, чуть слышно проговорилъ Бѣлянкинъ.

— Украду что ль я твои двѣ тысченки? вскинулся на него Марко Данилычъ.—Зажилю?... Сегодня вечеромъ получай товаромъ, а теперь—задерживать не смѣй!

— Въ смерти и животѣ Богъ волёнъ... шепталъ Бѣлянкинъ.

— Да говори толкомъ, чего тебѣ надо?.. зарычалъ Марко Данилычъ. Бѣлянкинъ въ уголъ со страха прижался.

— Векселекъ.... потому въ смерти и животѣ.... забормоталъ онъ, а самъ ровно въ лихоманкѣ трясется.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и помрешь, грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ, и плюнулъ чуть не въ самого Бѣлянкина.—Чтò жь, съ каждымъ изъ васъ мнѣ къ маклеру ѣздить?... Вашего брата цѣла орава — однимъ днемъ со всѣми не управишься.... Вотъ вѣдь какія въ васъ душонки-то, какъ посмотришь, сидятъ... Имъ добро дѣлаешь, рубль на рубль предоставляешь, а они: „векселекъ"!... Честно по твоему, благородно?.. Давай бумаги да чернилъ, расписку напишу, а ты по по ней хоть сейчасъ товаромъ получай. Яви приказчику на караванѣ и бери съ Богомъ свою долю.

Покорно исполнилъ Бѣлянкинъ приказанье Марка Данилыча. Смолокуровъ сталъ писать, выговаривая вслухъ каждое слово:

— Предъявителю сего... Перо-то какое анаѳемское! вовсе не пишетъ... приказа... По Костромѣ что ли въ гильдіи?

— По Парѳентьеву посаду, подати тамъ маленько полегче, перебирая пальцами, отвѣтилъ Бѣлянкинъ.

— Парѳентьева посада... купцу... По которой гильдіи пишешься?

— По третьей, Марко Данилычъ, мы вѣдь люди маленькіе, чуть концы съ концами сводимъ, проговорилъ Бѣлянкинъ.

— Третьей гильдіи... Евстрату Михайлову сыну... Бѣлянкину... отпустить подъ собственноручную... его расписку безъ промедленія!... Видишь какія тебѣ милости: „безъ промедленія"... изъ купленнаго мною отъ господъ Меркулова и Веденѣева... рыбнаго... каравана слѣдующее: Сказывай чтò требуется.

Бѣлянкинъ сталъ говорить, а Марко Данилычъ писалъ. Наконецъ приказъ былъ подписанъ и Евстратій Михайлычъ обмѣнялся двумя тысячами на тотъ приказъ со Смолокуровымъ.

— Прощай, Евстратъ Михайлычъ, сказалъ Марко Данилычъ, выходя спѣшными шагами изъ казенки. — Разживайся съ моей легкой руки! А это, братъ, не похвально, что мнѣ не довѣряешь.

Цѣлый почти день разъѣзжалъ Марко Данилычъ взадъ и

впередъ по Гребновской, а все-таки подписныхъ денегъ не собралъ. И Сѣдовъ и Сусалинъ половину только отдали, а ихъ подписки были самыя крупныя. Посчиталъ собранныя деньги Марко Данилычъ, тридцати тысячъ нѣтъ. Чтò дѣлать, какъ извернуться? Въ банкѣ товаръ заложить, да когда-то еще изъ банка-то пріѣдутъ его смотрѣть, а деньги нужны черезъ двое сутокъ. Поѣхалъ по должникамъ — двадцать пять тысячъ должны они были ему выплатить, но до срока платежа еще цѣлый мѣсяцъ оставался. Христомъ Богомъ проситъ, молитъ ихъ, кланяется, унижается, чуть не плачетъ и всѣми святыми заклинаетъ поплатиться раньше срока. На скидки даже пошелъ—пять, потомъ десять копѣекъ съ рубля скидывалъ, только ради Господа уплатите... И рады бы должники идти на такую сдѣлку, да нѣтъ ни у кого въ сборѣ наличныхъ. Пустились должники рыскать по ярманкѣ денегъ искать, нашли самую малость. Ярманка была безденежная, только-что начиналась, платежей никто не получалъ, свободныхъ денегъ ни у кого не было. Измучился Марко Данилычъ, измучились и должники его, а все-таки не доставало на расплату съ зятьями Доронина.

—

На другой день рано поутру подплылъ Марко Данилычъ къ Доронинскому каравану и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Есть ли кто изъ хозяевъ?

— Есть, отвѣчалъ рабочій съ палубы.

— Который?

— Дмитрій Петровичъ.

„Этотъ будетъ помягче, скорѣй Меркулова отсрочку дастъ, подумалъ Марко Данилычъ. Онъ же поди не забылъ какъ мы въ прошломъ году съ нимъ кантовали здѣсь на ярманкѣ, и ужинали бывало вмѣстѣ и по рѣкѣ катались, разокъ согрѣшили — въ театръ даже съѣздили... Обласканъ онъ былъ у меня... Дастъ чай вздохнуть, согласится на маленьку отсрочку!... Охъ, вынеси Господи!“ сказалъ онъ самъ про себя влѣзая на палубу.

А на баржѣ снялъ шапку и три раза набожно перекрестился.

Въ просторной каютѣ, по убранству во всемъ походившей на торговую контору, Веденѣевъ радушно встрѣтилъ Марка Данилыча.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Какъ поживаете? Авдотья Марковна какъ въ своемъ здоровьѣ?

И засыпалъ Марка Данилыча вопросами, усадилъ его въ мягкое кресло, чаю приказалъ подать, былъ любезенъ съ гостемъ какъ нельзя больше.

Отлегло отъ души у Марка Данилыча. „Съ этимъ Богъ дастъ сладимъ", подумалъ онъ.

— Такъ вы нашимъ покупателемъ стали, Марко Данилычъ, подавая стаканъ лянсина, съ веселой улыбкой сказалъ ему Веденѣевъ.—Да еще покупатель-отъ какой?... Главный!... Единственный даже!...

— Привелъ Господь и съ вами, Дмитрій Петровичъ, дѣлишки завести, потирая руки, отвѣчалъ Марко Данилычъ.— Напредки просимъ не оставить. А я ото всей души и во всякое время желаю вашимъ покупателемъ быть... Условійца только стѣснительны. Такъ я думаю, что сколько ни стоитъ Макарьевска ярманка такихъ условій на ней никогда еще не бывало...

— Чѣмъ же тяжелы-то? спросилъ Веденѣевъ.

— Какъ же? Помилуйте! Слыхано ль по всей нашей коммерціи чтобы двѣ трети платежа наличными сейчасъ на столъ выкладывать? сказалъ Смолокуровъ.

— А слыхано ли, Марко Данилычъ, чтобы рыбу гдѣ-нибудь такъ дешево покупали? молвилъ Веденѣевъ.

— Это особливый разчетъ, Дмитрій Петровичъ. Въ цѣнѣ воленъ хозяинъ, а въ торговыхъ порядкахъ воли ему нѣтъ, замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Дѣло добровольное: хотите берите, не хотите—просить не станемъ, съ улыбкой молвилъ Веденѣевъ.

— Конечно, въ этомъ спору быть не можетъ, сильно нахмурясь отозвался Марко Данилычъ. — Только послушайте вы меня, Дмитрій Петровичъ. Жизнь моя, сами вы знаете, не коротенькая. Чего живучи на свѣтѣ я не навидался, вотъ ужь именно какъ пословица молвится: „и въ людяхъ живалъ, и топоръ на ногу обувалъ и топорищемъ подпоясывался". Такъ я по моей старости и по опытности скажу вамъ, Дмитрій Петровичъ: старые обычаи преставлять не годится — наши отцы, дѣды, прадѣды не глупѣе насъ были, а заведенныхъ порядковъ держались крѣпко. Съ умомъ значитъ дѣлали. И по Писанію то же выходитъ. Сказано: „горе народу иже отеческая преданія преставляетъ." Гдѣ,

сударь Дмитрій Петровичъ, новизна, тамъ и кривизна. Повѣрьте мнѣ—не даромъ дожилъ я до сѣдыхъ волосъ.

— Да нельзя же вѣдь, Марко Данилычъ, и старымъ-то однимъ жить, сказалъ Веденѣевъ.—Времена и лѣта переходчивы. Что̀ въ старь бывало хорошо, то въ новѝ зачасту̀ю никуда не годится.

— А все-таки не слѣдъ ломать старое, молвилъ Марко Данилычъ.—Крой кафтанъ, да къ старому почаще прикидывай, а то пожалуй не въ пору сошьешь.

Ничего не отвѣтилъ Веденѣевъ. Смолокуровъ межь тѣмъ вынулъ узелокъ изъ кармана, развязалъ его и подалъ пачки ассигнацій.

— Должокъ прилась, сказалъ онъ.—Извольте сосчитать и росписочку какъ водится.

— Какой вы поспѣшный! улыбнувшись молвилъ Веденѣевъ. — Срокъ-отъ вѣдь завтра еще...

— Не опоздано значитъ, сказалъ Марко Данилычъ, смакуя лянсинъ.—Чаекъ-отъ новый видно купили? спросилъ онъ.

— Гдѣ жь еще новаго теперь достать? развязывая пачки сказалъ Дмитрій Петровичъ. — У кяхтинскихъ дѣла еще не начинались. Это чай прошлогодній, а не дуренъ, нынѣшній, говорятъ, будетъ поплоше, а все-таки дороже.

— Не слыхалъ, промолвилъ Марко Данилычъ, и снова принялся за стаканъ. Веденѣевъ продолжалъ деньги считать.

— Семьдесятъ пять тысячъ? сказалъ Дмитрій Петровичъ, вопросительно посмотрѣвъ на Смолокурова.

— Семьдесятъ пять, подтвердилъ тотъ.

— Двадцать пять завтра додадите?

— Постараюсь, сказалъ Марко Данилычъ.—Признаться въ наличности такихъ денегъ теперь при себѣ не имѣю, да не знаю буду ли и завтра имѣть, дружески улыбаясь прибавилъ онъ.—Теперича не то что двадцати пяти тысячъ — ста рублей во всей ярманкѣ не сыщете на самый короткій срокъ. Такое безденежье, что просто хоть волкомъ вой...

— Да, сказалъ Веденѣевъ.—Денегъ на ярманкѣ въ самомъ дѣлѣ недостаточно.

— Такъ я ужь вамъ векселя принесъ, кладя на столъ три векселя, сказалъ Смолокуровъ. — Водопьянова на десять тысячъ, Столбова на пять, Сумбатова на пять. Останныя пять тысячъ до спуска флаговъ пожалуста обождите.

Взглянулъ Веденѣевъ на векселя и сказалъ Смолокурову.

— Мы съ Никитой Өедорычемъ рѣшили вести дѣла безо всякаго кредита, на чистыя. Сами не будемъ векселей давать и отъ другихъ не станемъ брать. Нѣтъ спора, что эти векселя надежные — и Столбовъ, и Сумбатовъ люди крѣпкіе, объ Васильѣ Васильичѣ Водольяновѣ нечего и говорить, да вѣдь уплата-то по ихъ векселямъ послѣ спуска флаговъ.

— Да какъ же вы съ меня-то на сто тысячъ векселей получили?... прищуривъ правый глазъ спросилъ съ усмѣшкой Марко Данилычъ.

— Ошиблись. Въ другой разъ этого не будетъ, сказалъ Веденѣевъ.—Еслибъ знали мы, что на другой же день какъ съ вами мы покончили явится другой покупатель и всѣ триста тысячъ на столъ выложитъ, не такъ бы распорядились, не согласились бы отдать вамъ третью долю товара на векселя...

Побагровѣлъ Марко Данилычъ. Спрашиваетъ Веденѣева:

— Кто жь это былъ у васъ?... Триста тысячъ разомъ на столъ!... Шутка сказать!... При такомъ-то безденежьи!... Куетъ что ли онъ деньги-то?...

— Орошинъ Онисимъ Самойлычъ, отвѣчалъ Веденѣевъ.

— Такъ и есть, проворчалъ себѣ подъ носъ Смолокуровъ и въ досадѣ вскочивъ со стула прошелся раза три взадъ и впередъ по каютѣ.

Потомъ остановился и закинувъ руки за́ спину сказалъ Веденѣеву:

— Такъ какъ же будетъ у насъ, Дмитрій Петровичъ?

— Завтра въ полдни будемъ васъ ждать съ полной уплатой, съ равнодушнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ Веденѣевъ.

— Надо обождать, Дмитрій Петровичъ, перебирая пальцами сказалъ Смолокуровъ.

— Нельзя. На то условіе. А въ немъ что̀? Извольте-ка посмотрѣть.

— И вынувъ условіе, прочелъ:

„По уплатѣ всей суммы сполна, я, Смолокуровъ, немедленно вступаю во владѣніе купленнымъ у насъ, Меркулова и Веденѣева, товаромъ; если же паче чаянія вся сумма сполна мною, Смолокуровымъ, къ назначенному сроку уплачена не будетъ, условіе сіе уничтожается, при чемъ мы, Меркуловъ и Веденѣевъ, повинны уплатить мнѣ, Смолокурову, деньги съ меня ими полученныя немедленно, за вычетомъ двадцати тысячъ неустойки.“

Холодный потъ выступилъ на широкомъ, совсѣмъ побагровѣвшемъ лицѣ Марка Данилыча. Такъ и растерзалъ бы онъ въ ту минуту на клочки Орошина.

— Кстати, сказалъ Веденѣевъ.—Приходили къ намъ на караванъ кой-кто изъ рыбниковъ съ вашими приказами на счетъ рыбы. Имъ не отпустили.

— Отъ чего жь такъ?... вспыхнувши весь вскликнулъ Марко Данилычъ.—Нешто я, ста тысячъ рублевъ вамъ не заплатилъ?.. Не што я на другую сотню тысячъ векселей вамъ не выдалъ?.. На что̀ жь это похоже, сударь мой?...

— А въ условіи-то, Марко Данилычъ, что̀ написано? хладнокровно отвѣчалъ Веденѣевъ раскипятившемуся Смолокурову. Извольте-ка читать: „по уплатѣ же всей суммы сполна согласно сему условію я, Смолокуровъ, вступаю во владѣніе товаромъ.“ Значитъ какъ отдадите вторыя сто тысячъ сполна, тогда и будете хозяиномъ купленнаго вами товара, а до тѣхъ поръ хозяева мы.

— Да вамъ бы, почтеннѣйшій Дмитрій Петровичъ, ей Богу не грѣшно было по дружески со мной обойдтись, мягко и вкрадчиво заговорилъ Смолокуровъ.—Хоть попомнили бы какъ мы съ вами въ прошломъ году жили здѣсь у Макарья. Опять же въ вѣкъ я не забуду вашей милости какъ вы меня отъ большихъ убытковъ избавили, — помните показали въ Рыбномъ трактирѣ письмо изъ Петербурга. Завсегда помню ваше благодѣяніе и во всякое время желаю заслужить...

— Въ дѣлѣ я не одинъ, Марко Данилычъ. Со мной Никита Ѳедорычъ, сказалъ Веденѣевъ.

Передернуло Смолокурова. Вспомнилъ какъ хотѣлъ онъ въ прошломъ году Меркулова на тюленѣ разорить... Однако не смутился.

— Вотъ вамъ расписка въ семидесяти пяти тысячахъ рублей, а двадцать пять тысячъ ожидаемъ завтра въ полдень, сказалъ Дмитрій Петровичъ, написавши расписку и подавая ее Смолокурову.

— А ежели не исправлюсь? спросилъ Марко Данилычъ.

— Тогда условіе будетъ нарушено. За вычетомъ неустойки, тогда вы сто пятьдесятъ пять тысячъ и векселя получите обратно, а мы караванъ продадимъ Онисиму Самойлычу. Онъ и вчера вечеромъ и сегодня чѣмъ свѣтъ присылалъ развѣдать совсѣмъ ли мы покончили съ вами, сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ не будетъ милости? сумрачно спросилъ Смолокуровъ.

— Что̀ за милости?... Помилуйте, Марко Данилычъ! сказалъ Веденѣевъ.

— Въ такомъ разѣ прощенья просимъ, сказалъ Смолокуровъ и поспѣшно ушелъ.

—

Ругаетъ мысленно Марко Данилычъ Веденѣева за его несговорчивость, злобится на Орошина что того и гляди выхватитъ онъ у него изъ рукъ такое выгодное дѣло, какого на Гребновской еще никогда не бывало, а пуще всего свирѣпѣетъ на Сѣдова, на Сусалина и на другихъ рыбниковъ что не дали ему столько денегъ на сколько подписались. Не правитъ и себя Марко Данилычъ, на себя досадуетъ, самъ съ собой разсуждая. „Какъ это я обмишурился?... На такое условіе согласился. Заживо себѣ гробъ сколотилъ... своей волей отдалъ себя недругамъ!... Конечно—не уганешь * гдѣ упадешь, гдѣ потонешь, на всякъ часъ ума не напасешься, а все-таки обидно... Молокососы, слетышки объѣхали стараго воробья!... Видно старъ становлюсь.... Одурѣлъ годами—пустобородые мальчишки загнали въ тенёта травлённаго волка.“

А тутъ какъ нарочно Сѣдовъ. Пищитъ Иванъ Ермолаичъ на всю Гребновскую, обманщикомъ, мошенникомъ Марка Данилыча обзываетъ.

— Чужой товаръ облыжно за свой выдавать!... Обманомъ денежки изъ насъ вытягивать!... Вотъ твой приказъ! смѣются только надъ нимъ.—Бери его, деньги назадъ подавай, не то въ полицію.

Сусалинъ тоже подходитъ, ругается, въ драку даже лѣзетъ. Другіе рыбники сбираются и всѣ съ яростью кидаются на Марка Данилыча. Одинъ Бѣлянкинъ одаль стоитъ. Самъ ни слова, слезы дрожатъ на рѣсницахъ: „Пропали кровныя, годами нажитыя денежки!“ Такую горькую думу онъ думаетъ.

Закричалъ во всю мочь Марко Данилычъ на рыбниковъ:

— Эй вы, остолопы!.. Черти этакіе!... Дичь необразованная!... Чего попусту горла̀-то дерете? Слушай что̀ хочу говорить.

Полюбились ли, не полюбились ли рыбникамъ такія рѣчи Марка Данилыча, но онъ добился своего. Безъ ругани, безъ крику, безъ шуму выслушали его рыбники. А сказалъ онъ имъ вотъ что̀:

* Вмѣсто „угадаешь“.

— Глядите: вотъ расписка въ моихъ ста тысячахъ, что̀ внесъ третьяго дня. Вотъ расписка въ семьдесятъ пять тысячъ рублей, что̀ съ васъ собралъ. Двадцати пяти тысячъ не хватаетъ, а завтра въ полдень надо ихъ уплатить. Есть у меня векселей на двадцать на пять тысячъ — смотрите — люди вѣрные: Водольяновъ, Столбовъ, Сумбатовъ, а Веденѣевъ ихъ за грошъ не принимаетъ. А если завтра къ полднямъ останныхъ двадцати пяти тысячъ не уплачу — все дѣло пиши пропало. Орошинъ перебьетъ — онъ имъ сполна триста тысячъ на столъ кладетъ... И ежель мы завтра всѣхъ денегъ не внесемъ—всѣмъ убытокъ.... Орошинъ завладаетъ рыбнымъ дѣломъ и каждаго изъ насъ подъ свой коготь подогнетъ... То-то будетъ издѣваться надъ вами!... То-то заважничаетъ!... Да и покупатели и сторонвіе люди вдоволь надъ вами насмѣются!... Хотите того?...Аль не охота сраму такого принимать?

Крики осиплыхъ голосовъ, вопли, гамъ, даже дикія завыванья раздались по Гребновской. Ругательства, проклятья, угрозы, стоны и оханья съ каждой минутой усиливались...

— Да что̀ жь вы ровно псы только воете да лаетесь? Путнаго слова видно отъ васъ не дождаться? въ источный голосъ закричалъ Марко Данилычъ и покрылъ всѣ голоса.—Хотите барышей, такъ нечего галдѣть — двадцать пять тысячъ гдѣ хотите добывайте, а если вамъ барыши ни по чемъ, въ такомъ разѣ орите, ругайтесь, покамѣсть печенка не лопнула... А если жалко заведеннаго дѣла, ежель не охота вамъ вѣрныхъ барышей псу смердящемуОрошину подъ хвостъ метать— такъ галдѣть тутъ нечего.... Хоть изъ земли копайте, а завтра къ полудню двадцать пять тысячъ чтобъ были у меня въ рукахъ.... Вотъ вамъ векселя на Водольянова, на Столбова, на Сумбатова.. Давайте за нихъ чистоганомъ, а я на васъ векселя переведу.... Чего еще вамъ?... Тутъ главное дѣло чтобъ треклятаго Орошина одурачить... Не то онъ, песъ треклятый, и барыши-то одинъ заграбастаетъ, и дѣломъ-то всѣмъ на Гребновской завладаетъ и надо всѣми надъ нами насмѣется: „было дескать у собачонокъ мясцо во рту, да проглотить не удалось щенкамъ.“ А щенки то кто? Вы, вы, Гребновскіе рыбники!

Примолкли рыбники—кто въ затылкѣ чешетъ, кто бороду гладитъ. Будто и не бывало въ нихъ ни ярости, ни злобы на Марка Данилыча. Тузы призадумавшись молчали, но изъ мелкой сошки иные покрикивали:

— Отъ чего жь намъ по твоимъ распискамъ не выдаютъ товару?

— Такъ поди вотъ съ ними толкуй! кроткимъ, обиженнымъ голосомъ, вздохнувъ даже отъ глубины души, отвѣчалъ имъ Марко Данилычъ.—Тогда, говоритъ Веденѣевъ, будешь хозяиномъ въ караванѣ, когда все до копѣйки заплатишь.

— Съ чего жь они бѣсовы угодники такъ взбѣленились? Съ роду на Гребновской такъ не водилось, кричала мелкая сошка, кромѣ Бѣлянкина. Тотъ молча столбомъ стоялъ.

— Поди вотъ съ ними! говорилъ Марко Данилычъ.— Сколько ни упрашивалъ, сколько ни уговаривалъ,—все одно что къ стѣнѣ горохъ. Самъ не знаю какъ быть теперь. Ежель сегодня двадцати пяти тысячъ не добудемъ — все прахомъ пойдетъ, а Орошинъ цѣны какія захочетъ, такія и уставитъ, потому будетъ онъ тогда сила, и мы всѣ съ перваго до послѣдняго въ ножки тогда ему кланяйся, милости проси у него. Захочетъ миловать — помилуетъ, не захочетъ — хоть въ гробъ ложись.

Призадумалась и мелкая сошка. Стали рыбники совѣтоваться.

— Чтò же намъ дѣлать-то? пропищалъ наконецъ Сѣдовъ Марку Данилычу.

— Двадцать пять тысячъ добывать! Вотъ чтò надо дѣлать! сказалъ Марко Данилычъ.—Берите векселя мои на Водопьянова, на Столбова, на Сумбатова. Останныя пять тысячъ собирайте какъ знаете.... Чтò?.. И на пять-то тысячъ видно силенки не хватитъ у васъ?... А еще торговцы Гребновскіе!.. Мочалка вы поганая, а не торговцы—вотъ чтò!... На Гребновской у всѣхъ милліона на три рыбныхъ товаровъ стоитъ, а плевыхъ пяти тысячъ не могутъ достать!... Эхъ вы!.. Не рыбой бы вамъ торговать, а лапти плести — да и на тотъ промыселъ врядъ ли сгодитесь!

Толковали, толковали рыбники. Наконецъ Сѣдовъ, Сусалинъ еще двое-трое согласились купить векселя у Марка Данилыча и тутъ же деньги ему выложили. А пяти тысячъ все-таки нѣтъ.

Въ Рыбный трактиръ пошли. Тамъ за московской селянкой, да за подовыми пирогами дѣло сладили.

Чуть свѣтъ на другой день кинулись къ ростовщикамъ. Этого народа у Макарья всегда бываетъ довольно. Подъ залогъ чего ни попало—пять тысячъ добыли.

Къ полудню всѣ собрались на Гребновской. Шумно вели разговоры, и когда Марко Данилычъ поплылъ къ каравану, молча съ напряженнымъ вниманьемъ слѣдили за нимъ пока онъ не спустился въ каюту.

И Онисимъ Самойлычъ то же глядѣлъ со своей палубы. Невольно у него сжимались кулаки.

Мало погодя показался Марко Данилычъ. Весело махнулъ онъ картузомъ рыбникамъ. У всѣхъ нахмуренныя лица прояснились.

Волкомъ взглянулъ на нихъ Орошинъ, плюнулъ и тихо спустился въ каюту свою.

XCI.

Веселъ радошенъ Марко Данилычъ по каютѣ похаживаетъ. Хоть и пришлось ему безъ малаго половину дешевой покупки уступить товарищамъ, а все - таки остался онъ самымъ сильнымъ рыбникомъ на всей Гребновской. Установилъ по своему хотѣнью цѣны и на рыбу, и на икру, и на клей, и на тюленя. Властвовалъ на пристани, и какъ ни вертѣлся Орошинъ, долженъ былъ подчиниться недругу.

„Вѣрныхъ семьдесятъ тысячъ, не то и побольше прилѣну отъ этой покупки, размышляетъ Марко Данилычъ. Дураки же, да какіе еще дураки пустобородые зятья Доронина!.. Сколько денегъ зря упустили, все одно что въ печкѣ, сожгли. Вотъ они и торговцы на новый ладъ!.. Вотъ и новые порядки!... Бить-то васъ некому!... Да пускай ихъ — у Дунюшки теперь лишнихъ семьдесятъ тысячъ—это главное дѣло!“

Съ Сусалинымъ встрѣтился. Тотъ говоритъ:

— Слышалъ, Марко Данилычъ, новости какія? Меркуловъ да Веденѣевъ только-что получили наши деньги въ другую коммерцію пустились. Красный товаръ закупаютъ, и все безъ кредита, на чистоганъ. А товаръ все такой что̀ къ Киргизамъ да къ Калмыкамъ идетъ — красные плисы, позументы, бахту, бязь, и разное другое по этой же самой части.

— Рыбой промышлять видно не хотятъ, съ насмѣшливой улыбкой молвилъ Марко Данилычъ.

— Кто ихъ знаетъ, сказалъ Сусалинъ.—Только слышалъ я отъ вѣрнаго человѣка что краснаго товара они тысячъ на двѣсти накупили, и завтра, слышь, хотятъ на баржу грузить, да и на Низъ.

Въ самомъ дѣлѣ Меркуловъ съ Веденѣевымъ на выру-

ченныя деньги тотчасъ накупили азіятскихъ товаровъ, а потомъ быстро распродали ихъ за наличныя Калмыкамъ и по Киргизской степи и въ какіе-нибудь три мѣсяца оборотили свой капиталъ. Вырученныя деньги въ степяхъ же остались—тамъ они накупили пушнаго товара, всякаго сырья, а къ Рождеству распродали скупленное по заводамъ. Значитъ ееще оборотъ.

А рыбники смѣются надъ ними, да потѣшаются. „Всякой всячиной торговать зачали, говорятъ они. Обожди маленько—избойной, да пареной рѣпой, да грушевымъ квасомъ зачнутъ торговать.“ Но по скорости зятьевъ Доронина считали въ двухъ милліонахъ, опричь того что̀ получатъ они послѣ тестя.

Чего ни хотѣлось Марку Данилычу—все исполнилось. Рыбой въ томъ году торговали бойко, къ Ивану Постному на Гребновской все до послѣдняго фунта было раскуплено, и кромѣ того, были сдѣланы большіе заказы на будущій годъ. Покончивъ такъ удачно дѣла, Смолокуровъ домой собрался, а оттуда думалъ въ Луповицы за дочерью отправиться. Сильно соскучился онъ по Дунѣ, совсѣмъ истосковался, и во снѣ и на яву только у него и думъ что про нее. Ходитъ по лавкамъ, покупаетъ ей гостинцы — брилліанты, жемчуга̀, дорогую шубу чернобурой лисицы и другіе подарки... „Все годится на приданое... Охъ, поскорѣй бы оно понадобилось!... Тогда бы много заботъ у меня съ плечъ долой“, думаетъ онъ. Марьѣ Ивановнѣ въ благодарность за Дуню тоже хорошую шубу купилъ. „Совсѣмъ исправился, завтра домой“, рѣшилъ онъ наконецъ, и сталъ укладываться.

Тутъ только вспомнилъ онъ про брата полонянника, да про Татарина Субханкулова. Въ ярманочныхъ хлопотахъ они совсѣмъ у него изъ ума и памяти вонъ, а ежели когда и вспоминалъ о Мокеѣ, такъ каждый разъ откладывалъ въ долгій ящикъ—„успѣю да успѣю“. Такъ дѣло и затянулось до самаго отъѣзда.

„Надо будетъ повидать Татарина, подумалъ Марко Данилычъ, укладывая дорогіе подарки купленные для Дуни... Дорого запроситъ собака!.. Хлябинъ говоритъ меньше тысячи цѣлковыхъ нельзя!... Шутка сказать!... На улицѣ не подымешь!... Лучше бъ на эту тысячу еще что-нибудь Дунюшкѣ купить. Ну да такъ ужь и быть—пойду Махметку искать.“

Въ темномъ углу каюты стоялъ у него небольшой деревянный ящикъ, весь закиданный хламомъ. Открывъ его Марко Данилычъ вынулъ бутылку вишневки и сунулъ ее въ карманъ сибирки. Отправляясь на ярманку, вспомнилъ онъ какъ выходецъ изъ полону ему сказывалъ что Махметъ Субханкуловъ русской наливкой Хивинскаго царя поитъ, потому и велѣлъ на всякій случай уложить въ дорогу три дюжины бутылокъ. А вишневку у Смолокурова Дарья Сергѣвна такую дѣлала, что такой по другимъ мѣстамъ и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Надѣясь соблазнить Татарина наливкой, Марко Данилычъ тихимъ, ровнымъ шагомъ пошелъ съ Гребновской въ казенный гостинный дворъ.

Тамъ въ Бухарскомъ ряду скоро отыскалъ онъ лавку Субханкулова. Богатый, именитый Татаринъ, почитавшійся потомкомъ Тамерлана, былъ тоже на отъѣздѣ. Передъ лавкой его стояло десятка полтора роспусковъ, * нанятыхъ для отвоза товара на пристань, вся лавка была заставлена тюками. Человѣкъ шесть, либо семь сергачскихъ Татаръ, сильныхъ, крѣпкихъ, съ широкими плечами и голыми жилистыми руками упаковывали макарьевскіе товары накупленные Субханкуловымъ для развоза по Бухарѣ, по Хивѣ, по Киргизскимъ степямъ. Другіе Татары слегка покрякивая перетаскивали на богатырскихъ своихъ спинахъ задѣланные тюки на роспуски. Возни было много, но не было слышно ни шуму, ни криковъ, ни ругани, столь обычныхъ въ ярмаочныхъ лавкахъ русскихъ торговцовъ когда у нихъ грузятъ или выгружаютъ товары. Въ сторонѣ въ углу за грязнымъ деревяннымъ столикомъ сидѣлъ старый Татаринъ въ полинялымъ, засаленномъ архалукѣ изъ аладжи и всѣмъ распоряжался. По сторонамъ сидѣло еще двое Татаръ прикащиковъ; одинъ что-то записывалъ въ толстую, засаленную книгу, другой на счетахъ клалъ.

Пробираясь между тюками подошелъ Марко Данилычъ къ старому Татарину и немножко приподнявъ картузъ сказалъ ему:

— Мнѣ бы надо хозяина повидать.

— Махметъ Бактемирычъ на верхъ пошла. У палатка, отвѣчалъ Татаринъ, оглянувъ съ ногъ до головы Смолокурова.— Айда на верхъ!

Вошелъ Марко Данилычъ на верхъ въ домашнее помѣще-

---

* Дроги для возки клади.

ніе Субханкулова. И тамъ короба да тюки, готовые къ отправкѣ. За легкой перегородкой съ растворенной дверью сидѣлъ самъ бай * Махметъ Бактемирычъ. Былъ онъ въ архалухѣ изъ тармаламы, съ толстой золотой часовой цѣпочкой по борту, на головѣ сіяла золотомъ и бирюзами расшитая тюбитейка, и чуть не на каждомъ пальцѣ было по дорогому перстню. Изъ себя Субханкуловъ широкъ былъ въ плечахъ и дороденъ, съ важнымъ видомъ крупнаго богача. Широкое, скулистое лицо было какъ въ маслѣ, а узенькіе, черные, быстро бѣгавшіе глазки изобличали человѣка хитраго, умнаго и такого плута, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ. Бай сидѣлъ на низенькихъ нарахъ, крытыхъ персидскимъ ковромъ и подушками въ полушелковыхъ чехлахъ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ кунганъ съ горячей водой, чайникъ, банка въ вареньемъ и принесенныя изъ татарской харчевни кабартма̀, куштылѝ и баурса̀къ. ** Бай пилъ чай и завтракалъ.

— Сала̀ маликамъ, *** Махметъ Бактемирычъ! сказалъ Марко Данилычъ подходя къ Субханкулову и протягивая ему руку.

— Алейкюмъ селямъ, знако̀мъ! **** обѣими руками принимая руку Смолокурова и слегка приподымаясь на нарахъ, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Какъ зовутъ?

— А я буду купецъ Смолокуровъ, Марко Данилычъ, рыбой въ Астрахани и по всему Низовью промышляемъ, и на морѣ у меня свои ватаги есть. Сюда къ Макарью рыбу продавать вожу.

Кивнулъ головой Субханкуловъ и пристально сталъ разглядывать Марка Данилыча, но въ отвѣтъ ему не сказалъ ни слова.

— Дѣльцо до тебя у меня есть, Махметъ Бактемирычъ, немножко помолчавъ заговорилъ Марко Данилычъ.—Покалякать надо съ тобой.

— Караша̀, садіись, калякай, сказалъ Субханкуловъ подви-

---

* *Бай*—богачъ, сильный, вліятельный человѣкъ.

** Татарскія печенья къ чаю: *кабартма* въ родѣ нашихъ пышекъ, *куштыли*—то же что̀ у насъ хворосты или розаны, *баурсакъ*—куски пшеничнаго тѣста вареные въ маслѣ.

*** Вмѣсто *эсселямъ алейкюмъ*—обыкновенное татарское привѣтствіе при встрѣчѣ, то же что̀ наше „здравствуй“. *Алейкюмъ селямъ*—отвѣтное привѣтствіе.

**** Татары всякаго и преимущественно незнакомыхъ обыкновенно зовутъ „знако̀мъ“.

гаясь на нарахъ и давая мѣсто Марку Данилычу.—Чай пить хочешь?

— Чашечку хлебну пожалуй, молвилъ Смолокуровъ.

Тяжело поднявшись съ наръ Субханкуловъ подошелъ къ стоявшему въ углу шкапчику, отперъ его, досталъ чайную чашку и повернувъ назадъ голову съ масляной широкой улыбкой молвилъ черезъ плечо Марку Данилычу.

— Арышъ-маи хочешь?

— Какой такой арышъ? не понимая словъ бая спросилъ Смолокуровъ.

— Ржано масло, пояснилъ Махметъ Бактемирычъ, и чтобъ гостю было еще понятнѣй, вынулъ изъ шкапчика бутылку со сладкой водкой и показалъ ее Марку Данилычу.

Улыбнулся Марко Данилычъ и сказалъ что не прочь отъ рюмочки ржанаго масла.

Заваривъ свѣжаго чаю Субханкуловъ налилъ двѣ рюмки водки и поставилъ одну передъ гостемъ.

— Хватымъ! тряхнувъ головой и принимаясь за рюмку сказалъ веселый бай Марку Данилычу.

Выпили. Махметъ Бактемирычъ пододвинулъ къ гостю тарелку съ кабартмой, говоря:

— Кўсай, кусай. Карашá.

— А нѐшто можно это употреблять тебѣ, Махметушка? съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ, показывая на водку.— Кажись бы по вашему татарскому закону не слѣдовало.

— Законъ вино не велитъ, сказалъ бай, такъ прищурившись что совсѣмъ не стало видно его узенькихъ глазокъ.—Вино не велитъ; „арышь-маи“ можнà. Вотъ тебѣ чай, кусай, карашà, три рубля фунтъ.

Принялся за чай Марко Данилычъ, а Субханкуловъ, развалясь на подушкахъ, сказалъ ему:

— Калякай, Марка Данылышъ, калякай!

Откашлянулся Марко Данилычъ и сталъ про свое дѣло разказывать, но не сразу заговорилъ о полонянникѣ, издалёка повелъ разговоръ.

— Въ Оренбургѣ проживаешь? спросилъ онъ.

— Аранбургъ, такъ—Аранбургъ, отвѣчалъ бай.—Перва гильдя кулса, три мендаль на шея, съ важностью отвѣчалъ Татаринъ.

— А торговлю, слыхалъ я, въ степяхъ больше ведешь? продолжалъ Марко Данилычъ.

— Киргизка степа торгумъ, Бухара торгумъ, Коканъ торгумъ, Хива торгумъ, вездѣ торгумъ, съ важностью молвилъ Татаринъ и подвигая къ Марку Данилычу тарелку съ куштылій, ласково примолвилъ:—Кусай куштылій, Марка Даныльшъ—болна карашà.

— Такъ впрямь и въ Хивѣ торгуешь? сказалъ Смолокуровъ.—Далекò слышь это Хивинско-то царство.

— Далекà, болна далекà, отвѣчалъ бай.—Съ Макаръ на Астрахань дорога знашь?

— Какъ не знать? Хорошо знаю, сказалъ Марко Данилычъ.

— Два дорòга, три дорòга, четыре дорòга—Хива, сказалъ Субханкуловъ пригибая палецъ за пальцемъ правой руки.

— Ой, ой, даль какая! покачавъ головой отозвался Марко Данилычъ. — А правду ль говорятъ, Махметушка, что въ Хивинскомъ царствѣ наши русскіе полонянники есть?

— Минòга естъ, очинна минòга на Хива русска кулъ *, даволна минòга естъ, сказалъ Субханкуловъ.

— Чтò жь? Такъ имъ и нѣтъ возвороту? спросилъ Марко Данилычъ.

— Не можнà... Ни-ни! жмуря глаза и тряся головой сказалъ Субханкуловъ.—Кулъ бѣгàлъ—бай ловилъ, кулу—такъ.

И чтобъ пояснить Марку Данилычу чтò значитъ это „такъ", стукнулъ себя по затылку ребромъ ручной кисти.

— А выкупить можно? немного помолчавъ спросилъ Марко Данилычъ.

— Можнà, очинна можнà, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Я болна многа купалъ, очинна даволна. Нашъ ампаратаръ золоту мендаль съ парсуной ** давалъ, красна лента на шея. Гляди!

И вынувъ изъ шкапчика золотую медаль на аннинской лентѣ, показалъ ее Марку Данилычу.

— А какъ цѣна за русскаго полонянника? спросилъ Марко Данилычъ, разглядывая медаль и не поднимая глазъ на Субханкулова.

— Разна цѣна—болшà бывать, мàла бывать, отвѣтилъ Субханкуловъ.—Карашà кулъ—минòга деньгà, худà кулъ—малà деньгà.

---

* *Кулъ*—рабъ.

** „Парсуна"—персона, царскій портретъ.

— У меня бы до тебя просьбица была, Махметушка, хотѣлось бы мнѣ одного полонянника изъ Хивы высвободить.... Не возьмешься ли?...

— Можнà, болна можнà, сказалъ бай, и узенькіе его глазки, чуя добычу, вспыхнули. А ты куштанàчи * кусай, Марка Даньлыштъ, кусай — вотъ тебѣ баурсàкъ, кусай — караштà. Друга рюмка арыштъ-маи кусай!...

И наливъ двѣ рюмки водки одну самъ нà лобъ хлопнулъ, другую Марку Данилычу подалъ.

— Видишь ли, Махметушка, надо мнѣ нѣкоего полонянника высвободить, выпивъ водки и закусивъ вкусной кабартмóй молвилъ Марко Данилычъ.—Годовъ двадцать пять какъ онъ въ полонъ попалъ. А живетъ, слышь, теперь у самого Хивинскаго царя во дворцѣ. Можно ль его оттуда высвободить?

— Можна, болна можна, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Толко дорогà кулъ. Ханъ дорогà за кула бралъ, очинна дорогà.

— А не случалось тебѣ, Махметушка, у самого у ихняго царя полонянниковъ выкупать? спросилъ Марко Данилычъ.

— Кулалъ, многа кулалъ русска кулà.... Кулалъ у мяхтара, кулалъ у кушь-бека **, у хана кулалъ, поднявъ самодовольно голову отвѣчалъ Субханкуловъ.—А ты кусай баурсàкъ, Марка Даньлыштъ—болна караша баурсакъ, сладка.

— А чтò бъ ты взялъ съ меня, Махметушка, чтобъ того полонянника высвободить? спросилъ Марко Данилычъ.—Человѣкъ онъ ужь старый, моихъ этакъ лѣтъ, ни на каку работу сталъ не годенъ, задаромъ только царскій хлѣбъ ѣстъ. Ежели бы царь-отъ Хивинскій и даромъ отпустилъ его, изъяну его казнѣ не было бы, потому зачѣмъ же понапрасну поить-кормить человѣка? Какая по твóему, Махметушка, тому старому полоняннику цѣна будетъ?

— Тысяча тилле и болше тысячи тилле ханъ за кула бралъ.... Давай пять тысячъ рублевъ хану, тысячу минѣ!... Шесть тысячъ цалкова, Марка Даньлыштъ.

— Чтò ты, Махметушка? Въ умѣ ли, почтенный? вскликнулъ Марко Данилычъ. Хоть и думалъ онъ что бай оренбургскій заломитъ непомѣрную цѣну, но не ожидалъ такою запроса.—Экъ, какое слово сказáлъ ты, Махметъ Бактемирычъ!... Вѣдь этотъ кулъ и съ молоду-то ста рублей не сто-

---

* *Куштаначъ*—гостинецъ.

** Мяхтяръ— знатный вельможа. Кушь-бекъ—министръ.

илъ, а ты вдругъ его стараго старика ни на какую работу не годнаго въ шесть тысячъ цѣлковыхъ цѣнишь!... Ай, ай, не хорошо, Махметушка, ай, ай, больно стыдно!

— Шесть тысячъ, крѣпко прищурясь, сказалъ Субханкуловъ.—Дешева не можнà. Кулъ у хана—дешева не можнà.

— А какъ же ты, Махметушка, Махрушева-то, астраханскаго купца Ивана Филипыча у царя за семьсотъ съ чѣмъ-то цѣлковыхъ выкупилъ?... сказалъ Марко Данилычъ, вспоминая слова Хлябина.—А Махрушевъ-отъ вѣдь былъ не одинъ, съ женой да съ двумя ребятками. За что̀ жь ты съ меня за одинокаго старика такую непомѣрную цѣну хочешь взять? Побойся Бога, Махметъ Бактемирычъ, вѣдь и тебѣ тоже придется помирать и тебѣ Богу отвѣтъ надо будетъ давать. За что̀ жь ты меня хочешь обидѣть?

— Кто калякалъ Махрушева я купалъ? встрепенувшись весь спросилъ Субханкуловъ.

— Слухомъ земля полнится, Махметушка, съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ.—И про то знаемъ мы какъ ты лѣтошній годъ солдатку Палагею Аѳанасьевну выкупалъ, взялъ меньше двухсотъ цѣлковыхъ, а за мѣщанина города Енотаевска за Илью Гаврилыча всего на все триста рублевъ.

— Кто калякалъ? смущаясь отъ словъ Смолокурова спрашивалъ бай.

— Да ужь кто бы тамъ ни калякалъ, а ты самъ знаешь что говорю не облыжно, отвѣчалъ Марко Данилычъ, глядя пристально на прищуренные глазки Татарина.

Субханкуловъ что-то пробормоталъ самъ съ собой по-татарски.

— Такъ какъ же у насъ дѣло-то будетъ, Махметушка? спросилъ Марко Данилычъ.

Не съ разу отвѣтилъ Татаринъ. Подумалъ, подумалъ онъ, на пальцахъ посчиталъ и наконецъ сказалъ:

— Давай, Марка Даньлышъ, пять тысячъ цалкова. Вывезу кула. Весна—получай.

— Не многонько ль будетъ, Махметушка? усмѣхнувшись молвилъ Смолокуровъ.—Слушай: хоть тотъ кулъ и старикъ, а Махрушевъ молодой, да къ тому жь у него жена еще съ ребятками, да ужь такъ и быть, не хочу обижать — получай семьсотъ цѣлковыхъ и дѣло съ концомъ.

— Не можнà, Марка Даньлышъ, не можнà, горячо заговорилъ Татаринъ.—Не можнà семьсотъ цалкова. Четыре тысяча.

— Не дамъ, сказалъ Смолокуровъ и вставши съ наръ взялся за картузъ.—Дѣла намъ съ тобой не сдѣлать, видно Махметушка, прибавилъ онъ.—Вотъ тебѣ мое послѣднее слово— восемьсотъ цѣлковыхъ, не то прощай. Согласенъ — деньги сейчасъ, не хочешь, какъ хочешь... Прощай.

— Не хады, Марка Даныlышъ, не хады, схвативъ за руку Смолокурова торопливо заговорилъ Субханкуловъ.—Караша дѣла—караша сдѣламъ. Три тысячи дай.

— Не дамъ, рѣшительно сказалъ Марко Данилычъ, выдергивая свою руку у Субханкулова. — А чтобъ дольше еще съ тобой не толковать, такъ и быть даю тысячу, а больше за хочешь, такъ я и калякать съ собой не хочу....

— Калякай, Марка Даныlышъ, пажалыста калякай, перебилъ Субханкуловъ хватая его, за обѣ руки и загораживая дорогу. Слушай — караша дѣла: тащи съ карманъ два тысяча.

— Жирно будетъ, Махметушка — водой обольешься! Сказано тысяча—мѣдной копѣйки не прикину. Прощай — недосугъ мнѣ, некогда съ тобой балы-то точить, молвилъ Марко Данилычъ, вырываясь изъ жилистыхъ рукъ Татарина.

— Тысяча?... Карашà. Еще палтысяча, умильно, жалобно даже не сказалъ, а пропѣлъ Субханкуловъ.

— Сказано: копѣйки не прибавлю, молвилъ Марко Данилычъ.—А какъ вижу я что ты человѣкъ хорошій, такъ я отъ усердія моего дюжину бутылокъ самой лучшей вишневки тебѣ подарю. Наливка не покупная. Нигдѣ такой въ продажѣ не сыщешь, хоть всю Россію исходи. Домашняго налива — густая ровно масло, и такая сладкая, что ежель не пооблизишься, языкъ проглотишь.

У Татарина глазки запрыгали. Зачмокалъ даже.

— Такой тебѣ, Махметъ Бактемирычъ, наливки предоставлю, что Хивинскій царь за нее со всѣхъ твоихъ товаровъ копѣйки пошлинъ не возьметъ. Вѣрь слову—не лгу, голубчикъ.... Говорю тебѣ какъ передъ Богомъ.

Субханкуловъ только рѣдкую бородку свою пощипываетъ. „У, какой Урусъ,* думаетъ онъ!... Какъ онъ узналъ?... Муллѣ скажетъ—ай, ай.... ахунъ узнаетъ—бѣда..."

— Ни калякай, ни калякай, Марка Даныlышъ, тревожно заговорилъ онъ.—Не можнà калякать! Пажалыста ни калякай.

---

* *Урусъ*—Русскій.

— Что мнѣ калякать? Тебѣ одному сказываю, добродушно усмѣхаясь весело молвилъ Марко Данилычъ.—За чѣмъ до времени вашимъ абызамъ сказывать что ты, Махметушка, вашей вѣры царя наливкой спаиваешь.... Вотъ ежели бы въ цѣнѣ не сошлись, тогда иное дѣло—молчать не стану. Всѣмъ абызамъ, всѣмъ вашимъ мулламъ и ахунамъ буду разказывать, какъ ты, Махметушка, Богу своему не вѣруешь, и бусурманскаго вашего закона царей вишневкой отъ вѣры отводишь.

— Малшù, пажалыста малшù, тревожно сталъ упрашивать Татаринъ Марка Данилыча.

Не на шутку боялся бай чтобъ служители Аллаха не провѣдали про тайную его торговлю. Тогда бѣда, со́ свѣта сживутъ, а въ степяхъ чего добраго, и подъ пулю Киргизовъ либо подъ саблю Трухменъ попадешь.

— А доведется тебѣ, Махметушка, съ царемъ вашей вѣры бражничать, да попотчуешь ты его царское величество моей вишневочкой, такъ онъ—вѣрь ты мнѣ, хорошій человѣкъ—бутылку-то на изнанку выворотитъ да всю ее и вылижетъ, подзадоривалъ Субханкулова Марко Данилычъ.

— Съ ханомъ не можнà наливка пить, чинно и сдержанно отвѣтилъ Татаринъ.—Ханъ балшой человѣкъ. Одинъ пьетъ, никаво не глядитъ. Не можнà глядѣть—ханъ голова руби, шея на веревка, ножà на горла.

— Экой грозный какой! усмѣхаясь, шутливо молвилъ Марко Данилычъ.—А ты полно-ка, Махметушка, скрытничать, я вѣдь слава Богу не вашего закона. По мнѣ цари вашей вѣры всѣ хоть до единаго передохни, либо перетопись въ винѣ, аль въ иномъ хмѣльномъ пойлѣ. Намъ то не обидно. Стало-быть, умный ты человѣкъ—со мной тебѣ можно обо всемъ калякать по правдѣ и по истинѣ.... Понялъ, Махметка?... А ужь я бы тебя такой вишневкой наградилъ что вѣкъ бы сталъ хорошимъ словомъ меня поминать. Да на-ка вотъ попробуй....

И съ этимъ словомъ Марко Данилычъ вытянулъ изъ кармана бутылку вишневки и налилъ ее въ рюмки. У бая такъ и разгорѣлись глазенки, а губы въ широкую улыбку растянулись.

— На-ка, Махметка, отвѣдай, да отвѣдавши и скажи по правдѣ, пивалъ ли ты когда такую, привозилъ ли когда эдакую Хивинскому царю.

Отвѣдалъ Субханкуловъ и ровно котъ зажмурилъ глаза.

— Якши, болна якши! * промолвилъ онъ внѣ себя отъ удовольствія.

И осушивъ рюмку поспѣшно протянулъ ее къ Марку Данилычу говоря:

— Якши!... Давай!... Ешшо давай!... Болна карашà.

— Что жь молчишь, Махметка? Говори—пивалъ ли такую? спрашиваетъ Марко Данилычъ, а самъ другую рюмку наливаетъ.

— Ни.... молвилъ Субханкуловъ принимая рюмку. И дрожала рука Татарина отъ удовольствія и волненья.

— Идетъ что ли дѣло-то? спросилъ Марко Данилычъ, держа въ рукѣ бутылку и не наливая вишневки въ рюмку подставленную баемъ.—Тысячу рублевъ деньгами да этой самой наливки двѣнадцать бутылокъ.

— Ладна.... Пошла дѣла!... Хлопай рукамъ!...

И ударили по рукамъ. Татаринъ тòтчасъ же протянулъ рюмку, говоря:

— Ешшо, Марка Даныдышъ, пажалыста ешшо давай!

Покончили бутылку. Грустно вздохнулъ Махметъ Бактемирычъ глядя на порожнюю посудину.

— Какъ кула звать? спросилъ онъ, вынимая изъ шкапчика бумажки клочокъ.

— Мокей.... Мокей Даниловъ, сказалъ Смолокуровъ.

Не назвалъ брата по прозванью, не въ догадку было бы Татарину что полонянникъ братомъ ему доводится. Узнаетъ некрещеный лобъ, такую пожалуй цѣну заломитъ, что только ахнешь.

— Давно въ Хивѣ? продолжалъ разспросы свои Субханкуловъ, записывая на бумажкѣ отвѣты Марка Данилыча.

— Лѣтъ двадцать пять, сказалъ Смолокуровъ.—Съ первоначалу Трухмени Зерьяну Худаеву его продали, отъ Худаева къ царю поступилъ. Высокой такой, рослый, чернявый.

— Зерьянъ Худаевъ, знакòмъ, кунакъ до меня, сказалъ Субханкуловъ.—Якши купса, болна карашà.

Дѣло сладилось. Марко Данилычъ на прощанье съ баемъ даже маленько пошутилъ.

— Слушай, Махметъ Бактемирычъ, сказалъ онъ ему,—хоть ты и некрещеный, а все-таки я тебя полюбилъ. Каж-

---

* *Якши*—хорошо.

дый годъ стану тебѣ по дюжинѣ бутылокъ этой вишневки дарить.... Вотъ еще что̀: любимая моя сука щенна — самаго хорошаго кутенка Махметкой прозову, и будетъ онъ завсегда при мнѣ, чтобъ мнѣ не забывать что кажду ярманку надо пріятелю вишневку везить.

Ни мало на то не обидѣлся Субханкуловъ. Осклабился даже, головой потряхивая. Наливка-то ужь очень хороша была.

Выдалъ Марко Данилычъ деньги, а вишневку обѣщалъ на другой день принести. Субханкуловъ далъ расписку. Было въ ней писано что ежели Субханкулову не удастся Мокея Данилова выкупить, такъ повиненъ онъ на будущей ярманкѣ деньги Марку Данилычу отдать обратно.

Разстались. Развалясь на подушкахъ Махметъ Бактемирычъ думалъ о томъ, какъ угодитъ онъ хану рѣдкостной наливкой, за десятокъ бутылокъ Мокея выкупитъ, а тысячу рублей себѣ въ карманъ положитъ.

А Марко Данилычъ шагая на Гребновскую такъ размышлялъ: „Тысяча цѣлковыхъ бритой плѣши!... Лбу некрещеному!... Легко сказать!... Дунюшкѣ изъянъ — вотъ оно главное дѣло!“

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

МОЛИТВА

Изобилья, славы, знанья
Всѣ тебѣ желаютъ Русь!
И—да сбудутся желанья!
Но—поэтъ—еще молюсь:

Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
Что̀ тебя въ дни бѣдъ народныхъ
И хранило и спасло;

Чтобы ты была готова —
Сердце чисто, духъ великъ —
Встать на судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица Святая,
Міръ влекла бы за собой

Въ свѣтъ, къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты.

А. МАЙКОВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Е. Шмида. *Переводъ съ нѣмецкаго* А. Нейлисова, *съ дополненіями по указанію автора.*

Авторъ этой книги, Нѣмецъ по происхожденію, давно уже находится въ русской службѣ. Трудъ его появился сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ *Encyclopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens*, издаваемой его отцомъ, извѣстнымъ педагогомъ г. Шмидомъ, а теперь онъ переведенъ по-русски, но съ такими дополненіями и измѣненіями что многія его части представляются въ совершенно новомъ видѣ.

Любопытная и поучительная книга! Она содержитъ исторію тѣхъ мытарствъ чрезъ которыя проходило наше бѣдное учебное дѣло пока наконецъ въ самое послѣднее время было оно поставлено съ невѣроятными усиліями на твердую почву. Россія поздно стала заботиться объ учрежденіи у себя сколько-нибудь правильныхъ школъ; въ XVIII вѣкѣ было у насъ собственно только три училища носившія названіе гимназій; не прежде какъ съ начала нынѣшняго столѣтія распространяются они мало-по-малу въ Имперіи; слѣдовательно

средніе учебныя заведенія. безъ которыхъ немыслимы успѣхи просвѣщенія, существуютъ у насъ всего три четверти вѣка. Но если мы поздно взялись за дѣло, то хоть бы по крайней мѣрѣ вели его правильно и разумно. Къ несчастію этого-то и не видимъ. Въ правительственныхъ сферахъ встрѣчалось мало людей отличавшихся яснымъ сознаніемъ условій необходимыхъ для успѣшнаго хода истиннаго образованія, и эти люди, не находя сочувствія ни въ своей средѣ, ни въ массѣ публики, упорно сторонившейся отъ науки, осуждены были на тяжкую и часто неблагодарную борьбу. Собственно уставъ 1828 года пытался поставить наши гимназіи на одинаковый уровень съ существующими въ Европѣ. Задача эта была выполнена имъ далеко не надлежащимъ образомъ,—между тѣми и другими замѣчалось лишь отдаленное сходство,—но все-таки сравнительно съ прежнимъ это былъ значительный шагъ впередъ. Изъ книги г. Шмида читатели могутъ убѣдиться какого труда стóилъ этотъ подвигъ. Честь его преимущественно принадлежитъ С. С. Уварову, а Уваровъ много былъ обязанъ академику Х. Ф. Грефе, человѣку отличавшемуся глубокою ученостью и явившемуся у насъ поборникомъ здравыхъ педагогическихъ понятій. Была минута, когда стараніямъ Уварова и Грефе угрожала полнѣйшая неудача: все настойчивѣе слышались голоса что благоразумнѣе было бы усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, главнымъ образомъ французскаго, исключить вовсе языкъ греческій, а латинскій хотя и удержать, но въ возможно скромныхъ размѣрахъ. „Всякую науку, писалъ по этому поводу Грефе, можно свести къ курсу съ бóльшими или меньшими предѣлами; этотъ курсъ можно выучить наизусть и издали покажется что наука постигнута,—вѣдь наши экзамены, какъ ихъ обыкновенно производятъ, служатъ печальнымъ тому доказательствомъ. Относительно же древнихъ языковъ это не можетъ имѣть мѣста даже для вида. Даже если выучить наизусть слово въ слово всю грамматику со словаремъ, то это ни къ чему не повело бы безъ продолжительнаго упражненія въ чтеніи и письмѣ. Къ языку слѣдуетъ относиться съ живою самодѣятельностью; только такимъ образомъ можно усвоить его себѣ, такъ-сказать сродниться съ нимъ. Если въ комитетѣ восторжествуетъ противный взглядъ, то я прошу поручить это дѣло другому лицу, для

котораго древніе языки имѣютъ менѣе значенія чѣмъ для меня....“ Противникамъ раціональной реформы удалось было даже расположить въ свою пользу императора Николая Павловича. На протоколахъ комитета была поставлена государемъ резолюція: „Я считаю что греческій языкъ есть роскошь, когда французскій—родъ необходимости, а потому на это (введеніе въ учебный курсъ греческаго языка) согласиться не могу и требую подробнаго изложенія причинъ.“ Трудъ разъяснить эти причины предпринялъ знаменитый Сперанскій. Справедливо замѣтилъ онъ въ началѣ своей записки, что если дѣло идетъ о роскоши, то именно усиленныя, въ ущербъ основнымъ предметамъ, занятія новѣйшими языками способны породить своего рода роскошь—„роскошь полупознаній“. Вообще записка Сперанскаго верхъ совершенства съ начала до конца, и императоръ высокимъ умомъ своимъ тотчасъ же оцѣнилъ всю силу содержавшихся въ ней аргументовъ.

Дѣло было сдѣлано, хотя только на половину, и оставалось заботиться чтобъ оно принесло по возможности добрые плоды. Опять не легкая задача! Хорошихъ учителей не было, надлежало готовить ихъ, но учительское званіе казалось весьма мало привлекательнымъ въ виду презрительнаго отношенія къ нему массы полудикой публики. „Учитель“ было что-то среднее между лакеемъ и чиновникомъ. Трудно теперь повѣрить этому, а между тѣмъ это такъ. Не задолго до устава 1828 одинъ директоръ училищъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ въ официіальной бумагѣ положеніе учителей: „Въ чиновныхъ людяхъ иначе нельзя снискать благосклонности какъ частыми по праздникамъ визитами и поздравленіями. Но учителямъ трудно располагаться на такое исканіе съ ихъ пѣшеходствомъ, когда всякій чиновникъ то на той, то на другой улицѣ, разлегшись въ какомъ-либо экипажѣ, обгоняетъ учителей, шагающихъ въ грязи въ мундирахъ со шпагами...“ Средства были скудны. Чтобы нѣсколько помочь злу одинъ директоръ предлагалъ такое средство: „Замѣчено что учители женатые болѣе дорожатъ своимъ званіемъ, болѣе имѣютъ основательности и постоянства какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ своихъ, болѣе прилично и наставительно обходятся съ дѣтьми чѣмъ холостые, а потому не благоугодно ли будетъ высшему правительству для побужденія учителей вступать въ брачное состояніе назначать женатымъ учителямъ

жалованье одною третью болѣе нежели холостымъ?" Начальство старалось возбудить самодѣятельность учителей, расположить ихъ къ научнымъ занятіямъ, требовало отъ нихъ письменныхъ работъ, но не всѣ педагоги могли удовлетворить этимъ требованіямъ. Большею частью ссылались они на недостатокъ времени, а одинъ въ началѣ уже сороковыхъ годовъ оправдывался тѣмъ что „не пріобыкъ скоро и легко изливать мысли свои на бумагу" и продолжалъ повторять это даже когда директоръ объявилъ ему что „будетъ представлено о немъ куда слѣдуетъ не яко о неспособномъ чиновникѣ, но яко о поступающемъ вопреки приказаніямъ начальства." Тѣмъ болѣе велика заслуга Уварова что онъ умѣлъ преодолѣть трудности и подготовилъ учителей изъ которыхъ многіе и теперь могли бы съ честью и пользой занимать мѣсто въ средѣ учительской корпораціи.

Сознавая недостатки устава 1828 года, Уваровъ заботился о томъ чтобы по крайней мѣрѣ уставъ этотъ, въ томъ видѣ въ какомъ онъ прошелъ, былъ огражденъ отъ вредныхъ на него посягательствъ. Тщетныя усилія! Книга г. Шмида показываетъ намъ какимъ образомъ министръ—конечно съ сокрушеніемъ сердца—вынужденъ былъ отступать шагъ за шагомъ. Противодѣйствіе обнаружилось прежде всего со стороны дворянскаго сословія, которое, будучи ограждено отъ житейскихъ невзгодъ крѣпостнымъ правомъ, относилось къ наукѣ весьма равнодушно и желало чтобы наука, если ужь она нужна, подносилась его дѣтямъ въ возможно легкой формѣ. Чрезъ пять лѣтъ послѣ утвержденія устава возникла попытка обойти его учрежденіемъ наряду съ гимназіями такъ-называемыхъ дворянскихъ иститутовъ—и попытка эта увѣнчалась успѣхомъ. Сначала появился дворянскій институтъ въ Москвѣ, съ пятью классами, затѣмъ шестиклассный институтъ въ Вильнѣ, такіе же институты въ Пензѣ и Кіевѣ, Нижегородскій Александровскій институтъ и преобразована С.-Петербургская гимназія: отличительною чертой всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній было то что ученье было въ нихъ менѣе продолжительно чѣмъ въ гимназіяхъ и греческій языкъ исчезъ изъ учебнаго ихъ курса (въ нѣкоторыхъ дворянскихъ институтахъ, какъ напримѣръ въ Московскомъ, онъ былъ преподаваемъ желающимъ). Цѣлью подобнаго отступленія отъ устава было „подготовлять однихъ изъ дѣтей дворянъ къ

дальнѣйшему образованію въ университетѣ, а другимъ доставлять достоточныя свѣдѣнія въ домашнемъ и общественномъ быту.“ Министръ полагалъ что такая мѣра будетъ „сильно содѣйствовать къ успокоенію умовъ какъ учащихся, такъ и ихъ родителей.“ „Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Шмидъ, классически образованному министру суждено было нанести тяжелый ударъ классическому образованію.“ Что онъ самъ ясно сознавалъ весь вредъ допущенныхъ имъ преобразованій—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; это видно изъ тѣхъ неловкихъ, запутанныхъ и бездоказательныхъ объясненій которыя печатались въ офиціальномъ органѣ министерства и принадлежали бойкому перу И. И. Давыдова. Чего только не писалъ этотъ педагогъ когда требовались его услуги! Съ одинаковымъ одушевленіемъ и восхвалялъ онъ классическую систему, и привѣтствовалъ почти каждое уклоненіе отъ нея, и наконецъ пропѣлъ ей надгробную пѣснь въ 1849 году...

Кромѣ необходимости содѣйствовать „успокоенію умовъ“ родителей, Уваровъ долженъ былъ дѣлать уступки различнымъ вѣдомствамъ, которыя принимали на себя задачу радѣть объ успѣхахъ отечественнаго просвѣщенія, хотя это и не входило прямо въ ихъ обязанность. Въ сороковыхъ годахъ поборникомъ распространенія такъ-называемыхъ реальныхъ свѣдѣній въ Россіи былъ тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ. Дѣло это было конечно полезное, но для осуществленія его требовались особыя реальныя училища. Гимназіи тутъ были ни при чемъ. Онѣ преслѣдовали свою опредѣленную задачу, а между тѣмъ господствовало желаніе возложить именно на нихъ содѣйствіе цѣли не имѣвшей ничего общаго съ ихъ дѣйствительнымъ назначеніемъ. Въ 1836 году Канкринъ сообщилъ Уварову что вслѣдствіе всеподданнѣйшаго его доклада о средствахъ къ усиленію и умноженію фабрикъ и къ развитію чрезъ то полезныхъ отраслей промышленности въ Россіи, состоялось высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при гимназіяхъ реальныхъ отдѣленій. Это дало толчокъ. Отсюда возникла третья реальная гимназія въ Москвѣ, реальныя отдѣленія въ Тулѣ, Курскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Г. Шмидъ справедливо указываетъ на гибельное вліяніе этихъ нововведеній: типъ гимназій началъ искажаться, а большинство публики, питав-

шей отвращеніе къ солидному европейскому образованію, задавало себѣ вопросъ: съ какой стати считать классическое образованіе единственно раціональнымъ, когда само правительство какъ бы склоняется къ противному воззрѣнію? Если приходилось дѣлать уступки графу Канкрину, то дѣлаемы были онѣ также и военному вѣдомству. Въ 1843 году возникъ вопросъ: могутъ ли ученики гимназіи быть увольняемы отъ изученія латинскаго языка если они намѣреваются поступить по окончаніи курса въ военную службу? Министръ нашелся вынужденнымъ допустить и это, хотя не иначе какъ съ разрѣшенія попечителей округовъ и по особенно уважительнымъ причинамъ.

Очевидно, всѣми подобными уступками Уваровъ разсчитывалъ спасти сущность дѣла, но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Наступилъ 1848 годъ, событія коего въ Западной Европѣ отозвались у насъ коренною и пагубною ломкой учебныхъ заведеній. Такъ какъ зрѣлая и самостоятельная мысль — явленіе весьма рѣдкое въ нашемъ обществѣ, то неудивительно что всякій самый нелѣпый парадоксъ сбиваетъ насъ съ толку. Г. Шмидъ упоминаетъ между прочимъ что сильнѣйшее впечатлѣніе въ высшихъ петербургскихъ сферахъ произвелъ памфлетъ французскаго аббата Гома (Gaume): „Le ver rongeur des sociétés modernes ou le paganisme dans l'éducation.“ По истинѣ печально что самъ графъ Уваровъ счелъ возможнымъ наложить руку на зданіе надъ которымъ такъ много трудился онъ. Нельзя читать иначе какъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія тѣ доводы которыми онъ пытался оправдать новую злополучную реформу. Главнымъ аргументомъ былъ тотъ что послѣ двадцатилѣтняго своего существованія классическая система „уже достаточно упрочилась“ въ нашемъ обществѣ, что русская публика вполнѣ сознаетъ необходимость общаго образованія (!) и что наступилъ моментъ „съ большею опредѣлительностью перейти отъ общаго образованія къ спеціальному...“ „По истинѣ трагическимъ представляется, говоритъ г. Шмидъ, тотъ фактъ что государственному человѣку, который еще въ 1811 году, когда дѣятельность его ограничивалась не столь обширною сферой, заботился объ утвержденіи у насъ классическаго образованія, суждено было теперь вырвать съ корнемъ плоды, сѣмена коихъ были по-

сѣяны его же рукою. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе прискорбенъ что человѣкъ столь свѣтлаго ума, столь многосторонняго и глубокаго образованія, какимъ безспорно былъ Уваровъ, не могъ не сознавать всѣхъ послѣдствій совершеннаго имъ дѣла. Реформой 1849 года онъ задержалъ успѣхи народнаго просвѣщенія на цѣлые десятки лѣтъ."

Послѣ Уварова дѣло разгрома учебныхъ заведеній пошло еще быстрѣе. Любопытны записки которыя представлялъ по этому поводу новый министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ доказывалъ что древніе языки могли бы быть съ пользой замѣнены естественными науками и это по двумъ причинамъ: вопервыхъ потому что означенныя науки, „составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже и въ состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ", а вовторыхъ потому что „естественными науками довершилась бы полнота образованія молодыхъ людей намѣревающихся поступить изъ гимназій въ гражданскую службу". Взглядъ князя Ширинскаго-Шихматова на значеніе греческаго языка для науки выразился между прочимъ въ томъ что онъ предложилъ удержать преподаваніе этого языка въ гимназіяхъ Нѣжинской, Кишеневской и Таганрогской, ибо значительная часть торговаго населенія означенныхъ городовъ состоитъ изъ природныхъ Грековъ! Вообще же на всю Россію сохранено было лишь девять классическихъ или вѣрнѣе псевдоклассическихъ гимназій...

Въ заключеніе нѣсколько словъ о статистическихъ свѣдѣніяхъ сообщаемыхъ авторомъ разбираемой нами книги. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1847 году, всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній было у насъ 84; въ настоящее время находится ихъ 264, въ томъ числѣ классическихъ 205 и реальныхъ училищъ 59. Громадное увеличеніе это произошло въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, ибо при предшественникѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, въ 1863 году. было лишь 94 среднихъ учебныхъ заведеній. Любопытно что гибельныя послѣдствія реформы предпринятой въ 1849 году отразились не только на достоинствѣ учебныхъ заведеній, но и на численности ихъ: вмѣсто 84 оказалось ихъ въ 1854 году только 77. Учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ

было тридцать лѣтъ тому назадъ 22.730, а въ настоящее время число это простирается до 65.765 (впрочемъ и эта цифра менѣе дѣйствительной, ибо г. Шмидъ извлекъ ее изъ отчета министра народнаго просвѣщенія лишь за 1876 годъ). Какъ извѣстно, мы имѣемъ право гордиться нынѣ не обиліемъ только нашихъ гимназій, но и вполнѣ раціональною внутреннею ихъ организаціей: громадный результатъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, но читатели оцѣнятъ его еще болѣе, ознакомившись изъ книги г. Шмида, какимъ путемъ, послѣ сколькихъ недоразумѣній, колебаній и вопіющихъ ошибокъ былъ онъ наконецъ достигнутъ....

II.

Книга доктора Буша о Бисмаркѣ. Dr. Moritz Busch. *Graf Bismarck und Seine Leute* während des Kriegs mit Frankreich. Nach Tagebuchblättern. Leipzig, Grunow, 1878, 2 Bände.

Книга Буша о князѣ Бисмаркѣ едва успѣла появиться въ свѣтъ какъ возбудила громадный интересъ, по газетнымъ извлеченіямъ сдѣлалась извѣстною всему читающему міру и выйдетъ скоро вторымъ изданіемъ. Газеты принесли намъ также извѣстіе о впечатлѣніи произведенномъ этими выдержками изъ дневника, о вызванныхъ ими недоразумѣніяхъ, и непріятностяхъ, о предположенныхъ даже будто бы нѣкоторыми лицами процессахъ противъ князя Бисмарка за то или другое изъ употребленныхъ имъ выраженій, за ту или другую изъ его характеристикъ. Впечатлѣніе это становится весьма понятнымъ послѣ того какъ читатель одолѣетъ около восьмисотъ страницъ мелкой убористой печати заключающихся въ двухъ томахъ книги Буша. Дневникъ его дѣйствительно даетъ чрезвычайно полную и многостороннюю характеристику князя Бисмарка, этого политическаго дѣятеля возбуждающаго теперь почти такой же интересъ какъ тотъ съ которымъ Европа прислушивалась прежде ко всему что̀ касалось Лудовика Наполеона. Читатель чувствуетъ необыкновенную правдивость разлитую во всемъ разказѣ Буша, чувствуетъ что авторъ ничего не прикрасилъ, что на каждой

страницѣ дѣйствительно встрѣчаются подлинныя выраженія, мысли и мнѣнія Бисмарка о событіяхъ, предметахъ и людяхъ, и съ невольною улыбкой долженъ по временамъ сознаться что сужденія германскаго канцлера о разныхъ лицахъ не таковы чтобы могли особенно польстить тому кого они касаются. Такихъ сужденій, впрочемъ, немного, хотя разумѣется было совершенно достаточно и ихъ чтобы взволновать тѣ или другіе кружки и партіи въ Германіи. Въ виду интереса возбужденнаго книгой, мы постараемся по возможности подробно познакомить съ нею читателей и передадимъ въ извлеченіи тѣ мѣста дневника которыя заключаютъ наиболѣе характеристичныя сужденія, взгляды и разказы князя Бисмарка. Читатели полагающіе быть-можетъ что вся книга состоитъ только изъ болѣе или менѣе глубокомысленныхъ или сатирическихъ сужденій канцлера о людяхъ, скоро убѣдятся что это представленіе ошибочно. Книга Буша дѣйствительно *дневникъ*, въ которомъ рядомъ съ описаніями мѣстностей, природы и военныхъ событіи Франко-Прусской войны, почти изо дня въ день записаны разговоры ведшіеся за столомъ въ квартирѣ канцлера, разказы его самого и его гостей, собственныя занятія автора, слухи, отрывки изъ газетныхъ статей. Впечатлѣніе полученное при чтеніи газетныхъ извлеченій изъ книги Буша значительно видоизмѣняется при чтеніи самого дневника. Мы постараемся чтобы нашъ разказъ, сосредоточиваясь преимущественно на характеристикѣ князя Бисмарка, въ то же время могъ дать понятіе объ общемъ тонѣ въ которомъ написана книга. Придерживаясь хронологіи дневника, группируя въ другихъ случаяхъ разбросанные по немъ матеріалы, мы будемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передавать и тѣ общія картины которыя рисуетъ авторъ.

Такою жанровою картинкой открывается книга Буша. „31 іюля 1870 года, въ половинѣ шестаго часа вечера, канцлеръ выѣхалъ изъ своего дома на дебаркадеръ желѣзной дороги чтобъ отправиться вмѣстѣ съ королемъ сначала въ Майнцъ, а потомъ на театръ войны. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ пріобщился Святыхъ Тайнъ у себя на дому. Его провожали жена и дочь; нѣсколько совѣтниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, секретарь центральнаго бюро, два шифрера и три-четыре канцелярскихъ служителя назначены были отправиться вмѣстѣ съ канцлеромъ. Мы, остающіеся, сопро-

вождали его только нашими пожеланіями, въ то время какъ онъ съ каской на головѣ сходилъ по лѣстницѣ и садился въ карету. Я также уже помирился съ мыслію слѣдить за войной лишь по газетамъ и картамъ. Случилось иначе. 6го августа вечеромъ въ министерствѣ была получена телеграмма о побѣдѣ при Вёртѣ. Чрезъ полчаса я принесъ это не остывшее еще извѣстіе нѣсколькимъ знакомымъ, ожидавшимъ новостей въ ресторанѣ на Потсдамской улицѣ. Всѣмъ извѣстно *какъ* любитъ праздновать нѣмецкій человѣкъ добрую вѣсть. Эта вѣсть была очень добрая и поэтому ее отпраздновали усердно, нѣкоторые даже быть-можетъ слишкомъ усердно; во всякомъ случаѣ празднованіе затянулось очень долго. На слѣдующее утро я еще не вставалъ съ постели когда явился разсыльный и вручилъ мнѣ копію съ телеграммы въ силу которой я долженъ былъ въ этотъ же день отправиться въ главную квартиру.“

Въ теченіи семи мѣсяцевъ Бушъ находился при канцлерѣ въ качествѣ одного изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Я имѣлъ при этомъ случай“, говоритъ онъ, „не только присутствовать при нѣкоторыхъ рѣшительныхъ военныхъ дѣлахъ, но также въ непосредственной близости видѣть и слышать многія другія важныя событія. Предъ моими глазами совершался процессъ имѣющій всемірно - историческое значеніе. Не менѣе драгоцѣнны и важны были тихіе и трезвые часы усиленнаго труда, въ продолженіи которыхъ можно было заглядывать въ тайникъ откуда исходила значительная часть этого процесса, въ которомъ взвѣшивались, обсуждались и прилагались къ дѣлу результаты сраженій и побѣдъ.“ Находясь при канцлерѣ, авторъ ежедневно видѣлъ, особенно въ Ферьерѣ и Версали, людей пользующихся всеобщею извѣстностью, коронованныхъ особъ, принцевъ, министровъ, генераловъ, всевозможныхъ посредниковъ, представителей различныхъ партій рейхстага, множество людей интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. „Само собою разумѣется что въ настоящее время не можетъ быть сообщена значительная часть того что̀ я могъ бы сообщить. Многое изъ того что̀ я разказываю или описываю покажется, быть-можетъ, мелочнымъ и внѣшнимъ. Мнѣ кажется что мелочи нерѣдко позволяютъ яснѣе нежели громкіе подвиги узнать существо человѣка и настроеніе въ ко-

торомъ онъ находится. Самыя незначительныя вещи и положенія могутъ послужить поводомъ для такихъ ассоціацій идей, для такихъ вспышекъ мысли которыя оказываются въ будущемъ плодотворными и обильными своими послѣдствіями. Во время великихъ событій малое кажется еще меньшимъ. Въ послѣдующія затѣмъ эпохи отношеніе измѣняется: великое становится еще бо́льшимъ, то что̀ казалось не имѣющимъ значенія дѣлается многозначущимъ. Тогда часто сожалѣютъ что нельзя составить себѣ о тѣхъ или другихъ событіяхъ и личностяхъ живаго представленія, что недостаетъ нужнаго матеріала, не записаннаго и не собраннаго въ свое время подъ предлогомъ отсутствія въ немъ какой-либо важности. Кому было бы не интересно знать теперь подробности о важныхъ и великихъ дняхъ и минутахъ въ жизни Лютера, даже еслибы подробности эти состояли лишь въ самыхъ невинныхъ и незначительныхъ обстоятельствахъ, отношеніяхъ, чертахъ? Черезъ столѣтіе князь Бисмаркъ займетъ въ сознаніи Германскаго народа мѣсто рядомъ съ Виттенбергскимъ докторомъ богословія. Пусть тотъ или другой говоритъ что я въ моемъ разказѣ касаюсь преимущественно внѣшности: быть-можетъ въ послѣдствіи мнѣ будетъ позволено сдѣлать скромную попытку изобразить князя Бисмарка съ его внутренной, духовной стороны; быть-можетъ изображеніе это будетъ отличаться нѣсколькими новыми чертами. Въ настоящее время я собираю крохи для того чтобы ничего не пропало. Основаніемъ для моего разказа служитъ дневникъ, въ который я по возможности подробно и вѣрно вносилъ событія и разговоры происходившія въ моемъ присутствіи въ то время когда я находился въ непосредственномъ общеніи съ канцлеромъ. Послѣдній вездѣ стоитъ на первомъ планѣ и вокругъ него группируются остальныя лица. Первоначальною моею задачей было отмѣчать для меня самого какъ держалъ себя канцлеръ во время великой войны, какъ онъ жилъ и работалъ во время похода, какъ онъ судилъ о современныхъ событіяхъ, что̀ онъ разказывалъ за обѣдомъ, за чаемъ и при другихъ случаяхъ о прошломъ. Мнѣ помогало при выполненіи этой задачи, вопервыхъ, мое вниманіе изощренное какъ глубокимъ личнымъ уваженіемъ къ канцлеру, такъ и моими предшествовавшими служебными отношеніями къ нему, вовторыхъ, память развившаяся на службѣ

до такой степени что я могъ удерживать ею даже довольно длинныя рѣчи князя вплоть до той минуты когда являлась возможность ввѣрить ихъ бумагѣ. Впрочемъ всѣ записи моего дневника дѣлались почти безъ исключенія не позднѣе какъ черезъ часъ послѣ слышаннаго мною, а бо́льшая часть изъ нихъ—тотчасъ же. Кто помнитъ стиль канцлера въ его домашнихъ бесѣдахъ, тотъ сейчасъ же его узнаетъ въ моемъ разказѣ."

Сотрудники канцлера жили по его распоряженію во время похода по возможности въ одномъ домѣ съ нимъ, считались какъ бы домашними людьми и обѣдали за его столомъ. Князь былъ весьма нетребователенъ относительно помѣщенія. Въ то время какъ въ Версали полковники и майоры занимали иногда цѣлый рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, квартира канцлера въ продолженіи его пятимѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, изъ которыхъ одна служила въ то же время кабинетомъ и спальней; въ нижнемъ этажѣ у него была, кромѣ того, небольшая и очень простая пріемная. Разъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней не имѣлъ во время остановки въ какой-то деревнѣ даже постели и спалъ на полу. Когда во время похода главная квартира гдѣ-нибудь останавливалась, хотя бы на одну только ночь, князь немедленно приказывалъ приступать къ устройству канцеляріи; неутомимо работая самъ, онъ до поздней ночи давалъ занятія своимъ подчиненнымъ. Почти сверхестественная (*übermenschlich*) способность канцлера къ работѣ и къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ задачъ по мнѣнію Буша никогда не выражалась съ такою изумительною неистощимостью какъ въ это время. Особенно изумительнымъ кажется ему то обстоятельство что князь Бисмаркъ при такой усиленной дѣятельности возстановлялъ свои силы лишь самымъ непродолжительнымъ сномъ. Если какое-нибудь предстоящее сраженіе не призывало его съ разсвѣтомъ къ войскамъ и къ королю, канцлеръ обыкновенно вставалъ поздно, по большей части около десяти часовъ утра. Но за то онъ не спалъ цѣлыя ночи и ложился лишь когда первые утренніе лучи начинали падать чрезъ окна. Едва поднявшись, часто не успѣвъ даже одѣться, онъ уже опять принимался читать депеши и газеты, дѣлать инструкціи, предлагать вопросы, ставить самыя разнообразныя задачи, пи-

еать, диктовать. Затѣмъ слѣдовали пріемы или доклады королю, потомъ опять чтеніе депешъ, изученіе ландкартъ, исправленіе сдѣланныхъ по его порученію работъ, писаніе писемъ, отправка телеграммъ, составленіе проектовъ и плановъ, указанія на то какъ должны быть редактированы тѣ или другія сообщенія въ газеты. Въ промежуткахъ между этими занятіями нужно было по необходимости иногда опять принимать посѣтителей. Въ три часа канцлеръ давалъ себѣ отдыхъ и предпринималъ верхомъ прогулку по окрестностямъ. Послѣ прогулки опять слѣдовала работа продолжавшаяся до пяти или шести часовъ, вплоть до самаго обѣда. Чрезъ полтора часа послѣ этого канцлеръ опять уже сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и часто полночь заставала его еще за чтеніемъ или письмомъ. Какъ въ отношеніи сна, такъ и въ отношеніи къ пищѣ онъ держался своеобразнаго порядка. Утромъ онъ выпивалъ чашку чая и иногда съѣдалъ пару яицъ, и затѣмъ ничего не ѣлъ до самаго обѣда. Такимъ образомъ князь Бисмаркъ, собственно говоря, питался только одинъ разъ въ продолженіи сутокъ, но за то, по примѣру Фридриха Великаго, любилъ плотно пообѣдать. „У насъ въ семьѣ всѣ ѣдуны", шутя говорилъ Бисмаркъ, „и еслибы въ Пруссіи было много такихъ, то государству нельзя было бы существовать." Обѣды князя были всегда хороши, иногда роскошны, особенно въ Версали. Сервизъ состоялъ изъ оловянныхъ тарелокъ; кружки и чашки были изъ какого-то серебровиднаго металла и вызолочены внутри. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ похода изъ Германіи присылалось канцлеру въ подарокъ множество разныхъ гастрономическихъ припасовъ, дичь, рыбы, фазаны, пироги, превосходное пиво, дорогое вино и различныя тому подобныя вещи. Впрочемъ канцлеръ отзывался неодобрительно о распространившейся привычкѣ къ потребленію пива и говорилъ что объ этомъ слѣдуетъ сожалѣть. „Пиво дѣлаетъ человѣка глупымъ, лѣнивымъ и безсильнымъ (*impotent*). Оно виной демократической болтовни про политику; болтовня эта всегда завязывается когда усядутся пить пиво. Хорошая хлѣбная водка заслуживала бы предпочтенія."

До прибытія главной квартиры въ Версаль, дневникъ Буша часто прерывается описаніемъ мѣстностей и военныхъ событій. Оставляя въ сторонѣ эту часть книги, хотя и она пред-

ставляетъ много интересныхъ подробностей,—въ одномъ городкѣ автору пришлось, напримѣръ, жить въ комнатѣ наполненной разными этнографическими рѣдкостями въ числѣ которыхъ висѣли русскіе образа (*moskovitische Heiligenbilder*) и, въ рамкѣ подъ стекломъ, листъ французской газеты со статьей зачеркненной русскою цензурой,—мы постараемся собрать здѣсь нѣсколько выдержекъ относящихся въ первыхъ восьми главахъ собственно къ личности князя Бисмарка.

Какъ относится германскій канцлеръ къ свободѣ вѣроисповѣданій? По разказу Буша, князь Бисмаркъ очень опредѣленно высказался по этому вопросу во время разговора зашедшаго о мормонахъ и ихъ многоженствѣ. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ вѣротерпимости, но прибавилъ что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть совершенно безпристрастнымъ. „Каждый долженъ имѣть возможность спасаться на свой образецъ. Я какъ-нибудь подниму этотъ вопросъ, и рейхстагъ навѣрное выскажется въ мою пользу. Церковныя имущества разумѣется должны остаться за тѣми кто пребываетъ въ лонѣ прежней, пріобрѣтшей ихъ церкви. Кто выступаетъ изъ этого лона, тотъ долженъ быть въ состояніи принести жертву своимъ убѣжденіямъ, или вѣрнѣе, своему невѣрію. Если католикъ строгъ въ своей вѣрѣ, на это изъявляется мало претензіи, если Еврей—всякая претензія исчезаетъ. Претензіи въ этомъ отношеніи изъявляются только на лютеранъ, имъ это качество ставится въ большую вину, и только и слышны постоянные упреки въ страсти къ гоненію, если лютеранская церковь отвергаетъ тѣхъ кто не строго исповѣдуетъ ея правила. Напротивъ то обстоятельство что въ жизни и въ печати преслѣдуютъ строгихъ приверженцевъ лютеранской церкви считается совершенно въ порядкѣ вещей.“

По поводу разговора о миѳологіи, князь Бисмаркъ объявилъ „что никогда не могъ терпѣть Аполлона. Онъ изъ самолюбія и зависти содралъ кожу съ Марзія и по тѣмъ же побужденіямъ застрѣлилъ дѣтей Ніобеи. Аполлонъ—истый типъ Француза: не можетъ вынести чтобы кто-нибудь игралъ на флейтѣ лучше его или также хорошо какъ онъ. Не нравится мнѣ и то что онъ былъ на сторонѣ Троянцевъ.“ Честный Вулканъ былъ за то по душѣ канцлеру; но еще болѣе

нравился ему Нептунъ, „быть-можетъ за его *Quos ego!*“ прибавляетъ Бушъ, „но этого онъ не сказалъ“.

Во время кавалерійской атаки при Марсъ-ла-Турѣ старшій сынъ канцлера, графъ Гербертъ, былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу. Бисмаркъ нашелъ его лежащимъ въ числѣ другихъ раненыхъ на одной мызѣ. Главный докторъ не успѣлъ достать для больныхъ воды и не рѣшался употребить въ пищу для раненыхъ бѣгавшихъ по двору индѣекъ и куръ. „Онъ говорилъ что не смѣетъ сдѣлать этого,“ разказывалъ канцлеръ, „и никакія представленія не въ состояніи были на него подѣйствовать. Тогда я пригрозилъ ему сначала что изъ револьвера перестрѣляю куръ, а потомъ далъ ему двадцать франковъ на которые онъ долженъ былъ купить пятнадцать штукъ изъ бѣгавшихъ по двору птицъ. Наконецъ я вспомнилъ что я вѣдь тоже прусскій генералъ и *приказалъ* ему взять куръ: тутъ онъ послушался. Воду пришлось мнѣ отыскивать самому и затѣмъ велѣть доставить ее въ бочкахъ.“ Канцлеръ вообще заботился о томъ чтобы солдаты были сыты. Какъ-то разъ ему вздумалось спросить у часоваго стоявшаго предъ его квартирой, хорошо ли ихъ кормятъ, и онъ узналъ что бѣднякъ не ѣлъ цѣлые сутки. Бисмаркъ немедленно самъ пошелъ въ кухню, отрѣзалъ огромный ломоть хлѣба и вынесъ его солдату.

Интересны взгляды Бисмарка на Альзасъ и Лотарингію, и на положеніе французскихъ провинцій. Идеаломъ его—онъ признавался самъ въ неисполнимости своихъ предположеній—„было бы образованіе на французской границѣ нейтральнаго государства съ населеніемъ въ восемь или десять милліоновъ, нѣчто въ родѣ германской колоніи. Въ государствѣ этомъ не было бы конскрипціи, и налоги его поступали бы въ пользу Германіи. Такимъ образомъ Франція лишилась бы мѣстностей откуда она беретъ своихъ лучшихъ солдатъ, и стала бы безвредною.“ „Намъ нужны Мецъ и Страсбургъ, крѣпости, вотъ что̀ намъ нужно и что̀ мы себѣ возьмемъ. Альзасъ—это профессорская идея.“ „Альзасцы и Лотаринцы поставляютъ Франціи множество хорошихъ людей, въ особенности для арміи, но Французы ни во что̀ не ставятъ ихъ и рѣдко даютъ имъ въ государственной службѣ видныя должности; Парижане рисуютъ на нихъ каррикатуры и всячески издѣваются надъ ними. Впрочемъ то же самое дѣлается

и по отношенію къ другимъ французскимъ провинціаламъ, хотя и не въ такой степени. Франція распадается какъ бы на двѣ націи: на Парижанъ и провинціаловъ, и послѣдніе вступили въ добровольное рабство къ первымъ. Кто изъ провинціаловъ надѣется что онъ можетъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться, тотъ переселяется въ Парижъ, вступаетъ тамъ во владычествующую касту, и въ свою очередь принимаетъ участіе въ правленіи (*herrscht mit*). Удастся ли намъ въ наказаніе навязать имъ царя (*einen Strafkaiser*)? Это возможно. Поселяне не хотятъ находиться подъ тиранніей Парижа. Франція—нація нулей, стадо. У нихъ есть деньги и изящество, но у нихъ нѣтъ лицъ, нѣтъ индивидуальнаго самосознанія: оно существуетъ только въ массѣ." Когда зашла рѣчь о жестокостяхъ Французовъ, князь Бисмаркъ сказалъ: „если съ такого Галла снять его бѣлую кожу, подъ нею окажется *un turco*".

Сигара сама по себѣ очень неважная вещь, но когда ее однажды закурилъ Бисмаркъ, обстоятельство это сдѣлалось событіемъ въ дипломатическомъ мірѣ Германіи. „При засѣданіяхъ военной коммиссіи", разказываетъ канцлеръ, „когда Роховъ былъ представителемъ Пруссіи, курила одна только Австрія. Роховъ былъ страстный любитель куренія и охотно сталъ бы также курить, но не отваживался этого сдѣлать. Когда я вступилъ въ коммиссію, мнѣ захотѣлось покурить и такъ какъ я не видѣлъ почему бы мнѣ этого не сдѣлать, то и попросилъ у предсѣдателя огня. И онъ, и всѣ остальные члены съ удивленіемъ и неудовольствіемъ взглянули на этотъ поступокъ. Очевидно что это было для нихъ событіемъ. На этотъ разъ курили только Австрія и Пруссія. Но остальные члены сочли это настолько важнымъ что увѣдомили свои правительства. Дѣло требовало серіознаго обсужденія; прошло почти полгода, въ продолженіи котораго курили только великія державы. Затѣмъ Шренкъ, баварскій посланникъ, также началъ соблюдать достоинство своего положенія и тоже закурилъ сигару. Представитель Саксоніи, Постицъ, очевидно весьма желалъ сдѣлать то же самое, но вѣроятно еще не имѣлъ разрѣшенія отъ своего министра. Когда онъ увидалъ, однако, въ слѣдующее засѣданіе что ганноверскій уполномоченный, Ботмеръ, разрѣшилъ себѣ куреніе, онъ вѣроятно столковался съ предсѣдателемъ и также задымилъ. Теперь оставались только представители Виртем-

берга и Дармштадта, но тѣ вообще не курили. Однако честь и значеніе ихъ государствъ настоятельно требовали куренія. На слѣдующее засѣданіе Виртемберժецъ вынулъ сигару, — я еще теперь ее вижу: длинная, тонкая, свѣтложелтая—и выкурилъ ее почти до половины, какъ жертву сожженія на алтарѣ отечества."

За обѣдомъ зашла однажды рѣчь о Евреяхъ. Канцлеръ заявилъ что въ нихъ есть „что-то общеевропейское, космополитическое, скитальческое. Только у Жидовъ простаго класса существуетъ нѣчто въ родѣ любви къ отечеству; между ними же встрѣчаются хорошіе, честные люди. У насъ въ Помераніи былъ одинъ такой Жидъ который торговалъ кожами и тому подобными вещами. Дѣло у него должно-быть не пошло; онъ сдѣлался несостоятельнымъ. Приходитъ онъ ко мнѣ и проситъ чтобъ я его пощадилъ и не предъявлялъ моей претензіи; я, говоритъ, вамъ уплачу по возможности, мало-по-малу. По старой привычкѣ я согласился, и онъ дѣйствительно мнѣ все заплатилъ. Когда я уже былъ посланникомъ во Франкфуртѣ, онъ все еще продолжалъ мнѣ свои платежи, и я думаю что если я что-нибудь и потерялъ въ этомъ дѣлѣ, то менѣе нежели другіе. Такихъ Жидовъ теперь вѣроятно осталось немного. Впрочемъ и у Евреевъ есть свои добродѣтели: увѣряютъ что у нихъ существуетъ почтеніе къ родителямъ, супружеская вѣрность и благотворительность." По поводу зашедшаго какъ-то разговора о кулинарномъ искусствѣ, Бушъ сообщаетъ, между прочимъ, что какъ Бисмаркъ, такъ и Мольтке оказались изобрѣтателями въ этой области. Канцлеръ объявилъ что онъ въ молодости оказалъ жителямъ Ахена такую же услугу какую Церера оказала роду человѣческому изобрѣтеніемъ земледѣлія: онъ научилъ ихъ *жарить устрицы*. „Если я хорошо понялъ", замѣчаетъ Бушъ, „устрицы нужно посыпать сухарями и пармезаномъ и жарить ихъ потомъ вмѣстѣ съ раковинами на угольяхъ". Что касается до Мольтке, то онъ придумалъ въ Версали новый родъ пунша составленнаго изъ шампанскаго, горячаго чаю и хереса. Канцлеръ разказывалъ потомъ что Мольтке храбро одолѣлъ этотъ пуншъ и что онъ вообще сталъ веселѣе чѣмъ когда-либо. „Все это происходитъ отъ войны. Она его ремесло. Я помню что когда загорѣлся испанскій вопросъ, Мольтке сейчасъ помолодѣлъ на десять лѣтъ.

Когда я сказалъ ему что принцъ Гогенцоллернскій отказался отъ испанскаго престола, онъ тотчасъ же сдѣлался совсѣмъ старымъ и утомленнымъ. А когда Французы этимъ отказомъ не удовольствовались, Мольтке вдругъ опять сталъ свѣжимъ и молодымъ."

Зашла рѣчь о томъ что въ Германскомъ народѣ существуетъ сознаніе того что умереть за честь и за отечество прекрасно даже и безъ признательности за этотъ подвигъ. Указавъ на то что это сознаніе распространяется въ народѣ все болѣе и болѣе, канцлеръ продолжалъ: „унтеръ-офицеръ имѣетъ у насъ, Нѣмцевъ, въ сущности тѣ же воззрѣнія и тѣ же чувства какъ поручикъ и полковникъ. Это явленіе проникаетъ у насъ вообще очень глубоко чрезъ всѣ слои націи. Французы—масса которую очень легко посадить подъ одну палку, и тогда эта масса дѣйствуетъ очень могущественно. У насъ—каждый имѣетъ свое мнѣніе. Если какое-либо мнѣніе раздѣляется значительнымъ количествомъ людей,—съ Нѣмцами можно много сдѣлать. Они были бы всемогущи, еслибы всѣ были одного мнѣнія. Французы не имѣютъ того чувства долга, въ силу котораго человѣкъ можетъ позволить застрѣлить себя въ темнотѣ и въ одиночествѣ. Это все происходитъ отъ того что въ нашемъ народѣ есть остатокъ вѣры, отъ того что я знаю что меня Нѣкто видитъ даже и тогда когда меня не видитъ начальство."

— Вы полагаете что они объ этомъ думаютъ? спросилъ канцлера его собесѣдникъ.

„Нѣтъ, не думаютъ. Это чувство, настроеніе, инстинктъ, называйте какъ хотите. Когда они начинаютъ думать, они утрачиваютъ это чувство (*kommen sie darüber hinweg*). Они тогда сами разубѣждаютъ себя. Я не понимаю какимъ образомъ возможна упорядоченная общественная жизнь безъ вѣры въ откровеніе и религіи, безъ вѣры въ Бога который хочетъ добра, безъ вѣры въ высшаго Судію и будущую жизнь, не понимаю какъ можно безъ такой вѣры исполнять свои обязанности и воздать каждому свое. Еслибы я не былъ христіаниномъ, я часу не остался бы болѣе на моемъ мѣстѣ. Еслибъ я не надѣялся на Бога, я бы навѣрное не ставилъ ни во что земныхъ владыкъ. Я довольно знатенъ и имѣлъ бы чѣмъ жить. Зачѣмъ мнѣ надрываться и безъ устали работать на этомъ свѣтѣ, подвергать себя затрудненіямъ и

непріятностямъ, если во мнѣ не существуетъ сознанія что я обязанъ предъ Богомъ исполнять свой долгъ? Еслибъ я не вѣровалъ въ Божественное Провидѣніе предназначившее Германскую націю къ великимъ и добрымъ цѣлямъ, я бы сейчасъ отказался отъ ремесла дипломата, даже и совсѣмъ бы за него не брался. Ордена и титулы меня не прельщаютъ. Твердость которую я въ продолженіи десяти лѣтъ обнаруживалъ противъ всѣхъ возможныхъ нелѣпостей (*Absurditäten*) я почерпалъ только изъ моей непоколебимой вѣры. Отнимите у меня эту вѣру—и вы отнимете у меня отечество. Еслибъ я не былъ твердо-вѣрующимъ христіаниномъ, еслибъ я не имѣлъ удивительной почвы религіи, вы никогда не имѣли бы такого союзнаго канцлера (*Bundes kanzler*). Создайте мнѣ преемника съ такою почвой и я сейчасъ уступлю ему мое мѣсто. Но я живу между язычниками. Я не хочу дѣлать этими словами прозелитовъ, но я чувствую потребность исповѣдать свою вѣру. Какъ охотно оставилъ бы я свою должность! Я люблю сельскую жизнь, лѣсъ, простоту. Отнимите у меня общеніе съ Богомъ—и я завтра уложусь, укачу въ Фарцинъ и примусь сѣять овесъ.“

Въ другой разъ разговоръ опять коснулся вопроса о вѣротерпимости и канцлеръ опять высказался въ ея пользу. „Свободно мыслящіе (*die Aufgeklärten*),“ сказалъ онъ, „также не отличаются терпимостью. Они преслѣдуютъ вѣрующихъ, правда не кострами, теперь этого нельзя, но насмѣшками и глумленіемъ въ печати; народъ, поскольку въ немъ есть невѣрующіе, также не далеко ушелъ отъ прежняго времени.“ Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ что по Боклю Гугеноты были рьяными реакціонерами и что это замѣчаніе относится вообще къ реформатамъ того времени. „Они были не реакціонерами,“ отвѣтилъ канцлеръ, „но маленькими тиранами. Каждый пасторъ считалъ себя папой въ миніатюрѣ.“ Разговоръ перешелъ на празднованіе воскресенья въ Англіи. Князь припомнилъ что когда онъ въ первый разъ былъ въ Англіи и въ Гуллѣ засвисталъ въ воскресенье на улицѣ, то одинъ знакомый Англичанинъ сказалъ ему чтобъ онъ этого не дѣлалъ; это такъ его разсердило что онъ сейчасъ же взялъ билетъ на пароходъ отходившій въ Эдинбургъ. „Я ничего не имѣю противъ того чтобы чтить воскресный день“, продолжалъ канцлеръ. „Напротивъ, какъ помѣщикъ, я изъ всѣхъ силъ стараюсь объ этомъ. Я только не

хочу чтобы людей принуждали. Каждый долженъ самъ знать какъ ему лучше приготовить себя къ будущей жизни. Я не рѣшился бы оговорить въ контрактахъ съ моими арендаторами чтобъ они не смѣли по воскресеньямъ возить съ поля сѣно или рожь. Нужно было бы позаботиться только о томъ чтобы по воскресеньямъ не работали вблизи церквей люди занимающіеся шумными ремеслами, напримѣръ, кузнецы и т. п.“

Дойдя въ своемъ дневникѣ до перенесенія главной квартиры въ Версаль, Бушъ посвящаетъ цѣлую главу описанію житья-бытья канцлера въ этомъ городѣ, его квартиры, въ которой подписано было перемиріе съ Французами, порядка занятій и пр.

„Въ свѣтлыя лунныя ночи на дорожкахъ парка виднѣлась высокая фигура канцлера въ бѣлой фуражкѣ. Она выступала по временамъ изъ тѣни кустовъ на мѣста освѣщенныя луной и медленно двигалась далѣе. О чемъ думалъ онъ въ продолженіи своихъ безсонныхъ ночей? Какія мысли вращалъ онъ въ своей головѣ во время одинокой прогулки? Какіе планы зарождались или созрѣвали въ полуночной тиши? Совсѣмъ иное впечатлѣніе возбуждалъ другой любитель нашего сада, вѣчно юный Абекенъ, когда онъ по вечерамъ, далеко не мелодическимъ голосомъ декламировалъ здѣсь строфы изъ греческихъ трагиковъ или стихи Гёте. Впечатлѣніе становилось почти комическимъ когда этотъ древній лѣтами юноша сентиментально искалъ утромъ по землѣ между сухими листьями цвѣты которые отсылалъ затѣмъ въ Берлинъ къ тайной совѣтницѣ, своей супругѣ. Мнѣ, впрочемъ, не слѣдуетъ внутренно улыбаться надъ нимъ. Я долженъ сознаться что зараженный его примѣромъ, я самъ послалъ моей женѣ нѣсколько цвѣтковъ и тѣмъ доставилъ ей большое удовольствіе.“ Впрочемъ, не одни служащіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ искали цвѣты. Бушъ разказываетъ что подъ выстрѣлами Французовъ нѣмецкіе солдаты нарвали букетъ розъ и поднесли его канцлеру. Другой подарокъ съ ихъ стороны состоялъ въ блюдѣ шампиньоновъ, которые они отыскали въ какомъ-то погребѣ и принесли князю. Домъ въ которомъ канцлеръ вмѣстѣ съ своею канцеляріей жилъ въ Версали принадлежалъ госпожѣ Жессé. Въ числѣ другихъ предметовъ въ гостиной канцлера стояли старинные столовые часы, украшенные бронзовымъ изображеніемъ какого-то крылатаго демона кусавшаго себѣ палецъ. Когда

канцлеръ уѣзжалъ въ Германію, гжа Жессé предложила ему купить у ней эти часы какъ восломинаніе о происшедшихъ въ его квартирѣ историческихъ событіяхъ. Она запросила за нихъ пять тысячъ франковъ. Бисмаркъ отклонилъ предложеніе говоря что не хочетъ лишать ее предмета съ которымъ, въ образѣ очевидно семейнаго портрета, вѣроятно связаны восломинанія дѣлающія эти часы столь дорогими.

Читателямъ безъ сомнѣнія извѣстны уже отзывы канцлера о прусскомъ посланникѣ графѣ Гольцъ, о Жюль-Фаврѣ и т. д. Отзывы эти были помѣщены во всѣхъ газетахъ и едва ли нуждаются въ повтореніи. Но можетъ-быть не многимъ извѣстно какъ князь Бисмаркъ избавилъ отъ опасности княгиню Орлову. „Однажды", разказываетъ онъ, „я находился въ южной Франціи у Point de Gare съ цѣлымъ обществомъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ были Орловы. Point de Gare—это древній водопроводъ изъ римской эпохи, идущій въ нѣсколько этажей черезъ долину. Княгиня Орлова, очень живая женщина, предложила идти вверху по водопроводу. Устроено тамъ это такъ: глубокая каменная труба, подлѣ нея очень узкій проходъ, фута въ полтора, не болѣе, а по другую сторону опять стѣна выложенная плитами. Дѣло было рискованное, но я не могъ же допустить чтобы женщина была смѣлѣе меня. Мы вдвоемъ предприняли этотъ фокусъ, а Орловъ пошелъ съ другими внизу, по долинѣ. Нѣсколько времени мы хорошо шли по плитамъ и по узкому краю, съ котораго можно было глядѣть внизъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Но затѣмъ оказалось мѣсто гдѣ плиты обвалились: пришлось идти прямо по узкой стѣнѣ. Нѣсколько далѣе опять пошли плиты, но затѣмъ снова явилась опасная стѣна съ ея узкими камнями. Я собрался съ духомъ, быстро подошелъ ко княгинѣ, обхватилъ ее одною рукой и спрыгнулъ съ нею въ трубу имѣвшую четыре или пять футовъ глубины. Тѣ которые шли внизу ужасно испугались не видя насъ болѣе, и успокоились только когда мы появились опять на другомъ концѣ водопровода." Разказовъ о приключеніяхъ съ канцлеромъ встрѣчается нѣсколько въ дневникѣ Буша. Бисмаркъ разказывалъ что онъ разъ пятьдесятъ падалъ въ своей жизни съ лошадей. „Со мною случилось разъ замѣчательное происшествіе, показывающее до какой степени мышленіе человѣка находится въ зависимости отъ физическаго состоянія его мозга. Я возвращался домой вмѣстѣ съ братомъ и

мы скакали во весь галопъ. Вдругъ братъ, ѣхавшій нѣсколько впереди, слышитъ сильный трескъ. Это моя голова стукнулась объ шоссе. Лошадь моя испугалась фонарей кареты ѣхавшей на встрѣчу намъ, опрокинулась назадъ вмѣстѣ со мною, и я ударился головой. Я потерялъ сознаніе, и когда пришелъ въ себя, то сознаніе вернулось ко мнѣ лишь на половину, то-есть: одна половина моей мыслительной способности была совершенно въ порядкѣ и совершенно ясна, а другая половина совсѣмъ исчезла. Я осмотрѣлъ мою лошадь и замѣтилъ что сѣдло сломалось. Тогда я позвалъ рейткнехта, взялъ его лошадь и поѣхалъ домой. Когда наши собаки съ радостнымъ визгомъ бросились ко мнѣ на встрѣчу, я счелъ ихъ за чужихъ, разсердился и началъ ихъ бранить. Потомъ я объявилъ что рейткнехтъ упалъ вмѣстѣ съ своею лошадью, велѣлъ послать за нимъ носилки и очень горячился когда, по знаку моего брата, меня не послушали. Неужели же вы хотите оставить бѣдняка лежать на дорогѣ? кричалъ я. Я не зналъ что все это случилось со мною самимъ, что я дома. Я былъ и самимъ собою и рейткнехтомъ. Потомъ я попросилъ ѣсть, легъ спать и на другой день всталъ совершенно здоровымъ. Это былъ удивительный случай. Я изслѣдовалъ сѣдло, велѣлъ дать себѣ другую лошадь и такъ далѣе, слѣдовательно я дѣлалъ все практически нужное. Въ этомъ отношеніи паденіе не вызвало путаницы въ намѣреніяхъ. Это любопытный примѣръ того что въ мозгу скрываются различныя духовныя силы; только одна изъ нихъ была на болѣе продолжительное время притуплена паденіемъ.“ Въ доказательство того какъ природа помогаетъ сама себѣ безъ помощи врачей, канцлеръ разказалъ что онъ однажды совсѣмъ больной участвовалъ на охотѣ устроенной въ имѣніи какого-то герцога. „Мнѣ не помогли ни два дня движенія, ни постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. На слѣдующій день я пріѣхалъ въ Бранденбургъ, къ кирасирамъ, которые только что получили въ подарокъ новый кубокъ по случаю празднованія юбилея. Я первый долженъ былъ изъ него выпить, а потомъ уже кубокъ предназначался идти въ круговую. Въ немъ помѣщалась почти цѣлая бутылка. Я сказалъ свою рѣчь, выпилъ кубокъ и поставилъ его на столъ пустымъ, что̀ очень ихъ удивило, ибо они не ожидали этого отъ человѣка проводящаго свою жизнь въ кабинетныхъ занятіяхъ. Но это было еще воспоминаніемъ студенческаго времени въ Гёттингенѣ. Любопытно или, ско-

рѣе, весьма естественно что я цѣлый мѣсяцъ послѣ этого чувствовалъ себѣ такъ хорошо какъ никогда. Потомъ я пытался опять лѣчить себя такимъ же способомъ, но такой успѣшный результатъ уже болѣе не повторялся. Я помню еще что разъ, во время придворной охоты, нужно было выпить кубокъ особаго устройства изъ временъ Фридриха - Вильгельма I. Кубокъ былъ сдѣланъ въ формѣ оленьихъ роговъ. Въ него входило около трехъ четвертей бутылки; отверстіе нельзя было приблизить прямо къ губамъ, а между тѣмъ уговоръ былъ не пролить ни капли. Я выпилъ кубокъ, хотя въ немъ было налито шампанское холодное какъ ледъ, и на моемъ бѣломъ жилетѣ не оказалось ни одной капельки вина. Всѣ вытаращили глаза, а я сказалъ: налейте-ка мнѣ еще. Но король закричалъ: нѣтъ, этого не будетъ,—и на этомъ дѣло остановилось. Прежде такіе фокусы составляли необходимое требованіе дипломатическаго ремесла. Дипломаты подпаивали своихъ слабоголовыхъ товарищей до тѣхъ поръ пока они не сваливались подъ столъ, выспрашивали у нихъ то что̀ имъ хотѣлось узнать и заставляли ихъ соглашаться на такія дѣла на которыя тѣ не были уполномочены. Ихъ заставляли тутъ же подписываться, и потомъ, отрезвившись, они не могли понять какимъ образомъ на бумагахъ оказывалась ихъ подпись.“

Интересенъ приводимый разговоръ о Польшѣ. Рѣчь шла о побѣдахъ одержанныхъ на Востокѣ Великимъ Курфюрстомъ и о его союзѣ съ Карломъ X, королемъ Швеціи, союзѣ обѣщавшемъ Курфюрсту большія выгоды. Канцлеръ выразилъ сожалѣніе что отношенія къ Голландіи воспрепятствовали Курфюрсту развить свои планы и воспользоваться дружбой Швеціи. „Ему предстояла возможность распространить свою власть на западную Польшу.“ Когда Дельбрюкъ возразилъ на это что Пруссія не осталась бы въ такомъ случаѣ нѣмецкимъ государствомъ, канцлеръ возразилъ: „Ну, до этого бы не дошло. Впрочемъ и это была бы не бѣда, тогда на сѣверѣ существовало бы нѣчто въ родѣ того что̀ Австрія представляетъ на югѣ. Что̀ для Австріи Венгрія, тѣмъ сдѣлалась бы для насъ Польша.“ Канцлеръ прибавилъ къ этому что онъ совѣтовалъ наслѣдному принцу учить своего сына по-польски и что, къ сожалѣнію, этого не сдѣлали. Мысль эта повидимому весьма интересовала германскаго канцлера. Когда наслѣдный принцъ обѣдалъ разъ въ Версали у князя Бисмарка,

послѣдній завелъ разговоръ на эту тему. Онъ разказалъ какъ обрадовались раненые солдаты изъ польскихъ провинцій когда онъ, во время посѣщенія лазарета, заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Затѣмъ канцлеръ прибавилъ:

— Можетъ-быть хорошо было бы, еслибъ ихъ полководецъ могъ разговаривать съ ними.

— Бисмаркъ, вы опять пристаете ко мнѣ съ тѣмъ что̀ уже нѣсколько разъ мнѣ говорили, улыбаясь возразилъ наслѣдный принцъ. — Нѣтъ, я не стану, я не хочу теперь учиться по-польски.

— Но вѣдь они хорошіе солдаты и честные люди, ваше высочество, возразилъ канцлеръ. — Намъ враждебны только бо̀льшая часть духовенства, дворянство съ ихъ поденщиками и то что̀ группируется вокругъ нихъ. Польскій дворянинъ, который самъ ничего не имѣетъ, кормитъ множество людей состоящихъ у него въ услуженіи. Они тоже шляхтичи, но исполняютъ у него должность слугъ, управителей, писцовъ. Они да поденщики, коморники, стоятъ на сторонѣ дворянства. Свободные поселяне не пойдутъ съ нимъ, даже если ихъ начнетъ поджигать духовенство которое всегда противъ насъ. Мы видѣли примѣръ этому въ Познани. Польскіе полки только потому должны были быть оттуда выведены что слишкомъ жестоко обращались со своими соотечественниками. Я помню что недалеко отъ нашего помѣстья, въ Помераніи, была разъ ярмарка. Во время торга вышелъ споръ изъ-за того что Нѣмецъ сказалъ Кашубу: я не продамъ тебѣ корову, ты Полякъ. Кашубъ очень на это обидѣлся. Ты говоришь что я Полякъ, а я такой же Прусакъ какъ ты, отвѣтилъ онъ. Въ дѣло вмѣшались другіе Поляки и Нѣмцы, и кончилось большою дракой.

И пользуясь этою нитью разговора, канцлеръ прибавилъ еще что Великій Курфюрстъ говорилъ по-польски также хорошо какъ по-нѣмецки и что послѣдующіе за нимъ короли также говорили по-польски. Только Фридрихъ Великій не занимался польскимъ языкомъ. Но за то онъ говорилъ по-французски лучше чѣмъ по-нѣмецки.

— Все это прекрасно, сказалъ наслѣдный принецъ,—но я не хочу учиться по-польски. Поляки должны учиться нѣмецкому языку.

На этомъ разговоръ кончился.

Любопытна сдѣланная Бисмаркомъ характеристика Берлинцевъ и населенія большихъ городовъ вообще. „Берлинцы счи-

таютъ своимъ долгомъ всегда составлять оппозицію и поступать непремѣнно на основаніи собственныхъ воззрѣній. У нихъ есть много хорошихъ сторонъ, заслуживающихъ полнаго уваженія; они хорошо дерутся, но сочли бы себя не достаточно умными, еслибы не знали все лучше чѣмъ правительство. Этотъ недостатокъ принадлежитъ не однимъ Берлинцамъ. Онъ существуетъ во всѣхъ большихъ городахъ, въ нѣкоторыхъ даже еще въ бо́льшей степени. Населеніе большихъ городовъ вообще непрактичнѣе нежели деревенское населеніе, ближе прикасающееся къ жизни, находящееся въ непосредственномъ сношеніи съ природой; эти два обстоятельства вызываютъ болѣе естественныя сужденія, приспособленныя къ дѣйствительности, принимающія въ соображеніе возможность практическаго осуществленія идеи. Тамъ гдѣ живетъ другъ подлѣ друга громадное множество людей, индивидуальность легко исчезаетъ. Индивидуальности сливаются. Изъ воздуха, изъ слуховъ зараждается повтореніе разнаго рода чужихъ мнѣній, мало или совсѣмъ не основанныхъ на фактахъ. Эти мнѣнія распространяются газетами, собраніями, разговорами за пивомъ, и затѣмъ устанавливаются и дѣлаются неискоренимыми. Является вторая, фальшивая природа, стоящая рядомъ съ дѣйствительною, возникаетъ вѣра массы, суевѣріе толпы. Люди приходятъ къ убѣжденію въ томъ что̀ на самомъ дѣлѣ не существуетъ, считаютъ за долгъ и обязанность оставаться при такихъ убѣжденіяхъ, воодушевляются пошлостями и нелѣпостями. Такъ происходитъ во всѣхъ большихъ городахъ: въ Лондонѣ, гдѣ *cokneys* составляютъ совсѣмъ другую расу нежели остальные Англичане, въ Копенгагенѣ, въ Нью-Іоркѣ, и въ особенности въ Парижѣ. Парижане со своими политическими суевѣріями составляютъ во Франціи совершенно особый народъ, упорный и ограниченный въ своихъ представленіяхъ превращающихся въ священныя преданія, а въ сущности состоящія только изъ фразъ и вздора.“

Какое изъ европейскихъ государствъ могло бы дать пріютъ папѣ, еслибы послѣдній принужденъ былъ бѣжать изъ Рима? По мнѣнію германскаго канцлера государство это— Германія. Когда зашла рѣчь о занятіи Квиринала Италіянцами, и возбудился поставленный выше вопросъ, Бисмаркъ заявилъ что папа уже спрашивалъ можетъ ли Германія доставить ему убѣжище. „Я ничего не имѣю противъ того

чтобъ онъ поселился въ Кельнѣ или въ Фульдѣ. Это было бы неслыханнымъ поворотомъ судьбы, но онъ можетъ имѣть свое объясненіе. Для насъ было бы чрезвычайно полезно еслибы мы предстали глазамъ католиковъ тѣмъ что̀ мы въ дѣйствительности, то-есть единственною въ настоящее время державой (*Macht*) которая можетъ и хочетъ оказать защи́ту высшему владыкѣ ихъ церкви. Всякій предлогъ для оппозиціи ультрамонтановъ немедленно бы исчезъ — въ Бельгіи, въ Баваріи. Люди съ преобладающимъ развитіемъ фантазіи, въ особенности женщины, могутъ почувствовать въ Римѣ, при видѣ торжественной обстановки служенія и папы преподающаго среди дыма кадильницъ благословеніе съ своего трона, склонность перейти въ католичество. Въ Германіи, гдѣ всѣ видѣли бы въ папѣ старца ищущаго помощи, добраго старика епископа который подобно всѣмъ другимъ ѣстъ и пьетъ, нюхаетъ табакъ и пожалуй даже куритъ сигары, опасность эта была бы не велика. Ну да еслибы, наконецъ, въ Германіи нѣсколько человѣкъ стали бы опять католиками—я католикомъ не сдѣлаюсь,—это было бы не важно: пусть бы только они были вѣрующими христіанами. Дѣло не въ исповѣданіяхъ, а въ вѣрѣ.“ Эту тему канцлеръ развилъ въ чрезвычайно интересныхъ подробностяхъ, которыя не могутъ быть однако сообщены, замѣчаетъ по этому поводу Бушъ.

Между записанными Бушемъ разказами князя Бисмарка находится много интересныхъ воспоминаній о лицахъ и событіяхъ прежняго времени и много чертъ изъ личной жизни канцлера. Къ числу такихъ воспоминаній относится разказъ про Александра Гумбольдта. „При жизни нашего покойнаго государя“, разказываетъ Бисмаркъ, „я былъ единственною жертвой когда Гумбольдтъ вечеромъ по-своему занималъ общество. Онъ обыкновенно читалъ — часто по цѣлымъ часамъ — жизнеописаніе какого-нибудь французскаго ученаго или архитектора, не интересовавшее никого кромѣ его самого. Онъ имѣлъ при этомъ обыкновеніе стоять и держать рукопись подлѣ самой лампы. По временамъ Гумбольдтъ опускалъ бумагу и начиналъ распространяться въ ученыхъ замѣчаніяхъ. Никто его не слушалъ, но говорить предоставлялось все-таки ему. Королева вышивала и навѣрное не слушала его лекцію. Король разсматривалъ картины, гравюры и политипажи, съ шумомъ перевертывалъ листы, вѣроятно съ тайною цѣлью ничего не слышать. Молодые люди не стѣсняясь

разговаривали между собою; смѣялись и совершенно заглушали чтеніе. А Гумбольдтъ, не останавливаясь, журчалъ точно ручеекъ. Герлахъ обыкновенно сидѣлъ на маленькомъ кругломъ стулѣ и спалъ. Разъ король даже разбудилъ его: Герлахъ! да не храпите же! Я былъ единственный терпѣливый слушатель, притворяясь будто слушаю чтеніе, а самъ думалъ про себя разныя разности, пока наконецъ не наступало время ужинать. Старику всегда бывало очень досадно, если ему нельзя было говорить. Я помню что разъ кто-то завладѣлъ бесѣдой, потому что очень мило умѣлъ разказывать про вещи которыя всѣхъ интересовали. Гумбольдтъ былъ внѣ себя. Онъ надулся и наложилъ себѣ на тарелку вотъ какую кучу— канцлеръ показалъ рукой — страсбургскаго паштета, рыбы и разныхъ другихъ трудно перевариваемыхъ вещей, словомъ цѣлую гору: удивительно, сколько старикъ могъ съѣсть. Когда ему уже ничего болѣе не шло въ душу, онъ не могъ остаться спокойнымъ и попытался овладѣть разговоромъ. „На вершинѣ Попокатепетля", началъ онъ. Но разкащикъ не давалъ себя перебить. „На вершинѣ Попокатепетля, на высотѣ семи тысячъ туазовъ" — опять никакого толку, разкащикъ все говоритъ далѣе. „На вершинѣ Попокатепетля, на высотѣ семи тысячъ туазовъ надъ уровнемъ моря", заговорилъ Гумбольдтъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ, но и это не удалось. Разкащикъ продолжалъ свою рѣчь и общество слушало только его. Это было неслыханною вещью, преступленіемъ! Гумбольдтъ въ бѣшенствѣ сѣлъ и погрузился въ размышленіе о неблагодарности людей, даже при дворѣ. Либералы его очень цѣнили, считали его своимъ. Но онъ былъ человѣкъ чувствовавшій себя хорошо только при лучахъ придворнаго солнца. Это впрочемъ не мѣшало ему разсуждать потомъ съ Варнгагеномъ про дворъ и разказывать ему о немъ весьма неблаговидныя исторіи. Варнгагенъ на основаніи этихъ разказовъ писалъ книги, которыя я себѣ тоже купилъ. Они ужасно дорого стóятъ, когда подумаешь что на страницѣ всего нѣсколько строчекъ крупной печати. Въ частности онѣ не имѣютъ большаго значенія, но въ общемъ служатъ выраженіемъ берлинскаго сарказма той эпохи когда ничего не было (*wo est nichts gab*). Въ то время всѣ разговаривали съ этимъ ядовитымъ безсиліемъ. Если кто самъ не видалъ этого времени, тотъ не можетъ себѣ представить его безъ помощи такихъ книгъ. Я помню,—

дѣло было должно-быть въ 1821 или 1822 году, я былъ еще тогда совсѣмъ маленькимъ, — министры считались тогда очень важными птицами (*sehr grosse Thiere*), на нихъ смотрѣли съ любопытствомъ, они казались чѣмъ-то таинственнымъ.“ Канцлеръ не докончилъ разказа, который, повидимому, приходилъ ему на умъ, и снова возвратился къ Гумбольдту. „Гумбольдтъ“, продолжалъ онъ, „разказывалъ впрочемъ наединѣ много интересныхъ вещей изъ времени Фридриха-Вильгельма III, и въ особенности изъ времени своего перваго пребыванія въ Парижѣ. Такъ какъ онъ благоволилъ ко мнѣ за то что я всегда внимательно его слушалъ, то я узналъ отъ него не одинъ любопытный анекдотъ. Со старикомъ Меттернихомъ было то же самое. Разъ я прожилъ съ нимъ недѣли двѣ въ Іоганнисбергѣ. Тунъ говорилъ мнѣ потомъ: не знаю что̀ вы сдѣлали со старымъ княземъ, но онъ считаетъ васъ сокровищемъ и говоритъ что уже если васъ не оцѣнятъ, такъ никого не сумѣютъ оцѣнить.— Я вамъ это объясню, отвѣтилъ я Туну. Я спокойно слушалъ исторіи которыя онъ мнѣ разказывалъ и время отъ времени подталкивалъ его точно колокольчикъ, чтобъ онъ продолжалъ звенѣть далѣе. Такимъ старикамъ, охотникамъ до разказовъ, это очень нравится.“

Бисмаркъ вспоминаетъ свое дѣтство и случившійся въ это время пожаръ Берлинскаго театра:

„Мнѣ было тогда года три. Родители мои въ то время жили на Моренъ-Штрасѣ, на углу противъ *Hôtel de Brandenbourg*, въ бельэтажѣ. Я не помню видѣлъ ли я самъ пожаръ. Но какъ эгоистъ я помню,—быть-можетъ также и потому что мнѣ потомъ часто напоминали про это,—что я влѣзалъ на окна (предъ ними была ступенька и на ней стояли стулья и рабочій столикъ моей матери) и прикладывалъ руку къ стекламъ. Стекла были горячія и руку приходилось сейчасъ же отдергивать. Потомъ я подходилъ къ другому окну и дѣлалъ то же самое. Я помню еще что разъ убѣжалъ изъ дома потому что меня обидѣлъ братъ. Я добѣжалъ до улицы *Unter den Linden*, и тутъ меня поймали. Собственно меня нужно было бы наказать, но за меня заступились.“ Потомъ канцлеръ разказалъ что онъ съ шести до двѣнадцати лѣтъ учился въ Берлинѣ въ институтѣ Пламанна; это было учебно-воспитательное заведеніе устроенное по системѣ Песталоцци и Яна. У князя остались непріятныя воспоминанія объ этомъ

заведеніи. По его словамъ тамъ господствовало „искусственное спартанство“. Ни разу онъ не бывалъ за все это время сытъ, за исключеніемъ отпусковъ. Говядина была здѣсь „эластичная“, не то чтобы совершенно жесткая, „но зубами нельзя было съ нею управиться. А морковь! Сырую я ее ѣлъ охотно, но тутъ подавали вареную, а въ ней четырехъугольные куски твердаго картофеля.“

Въ Геттингенѣ молодой Бисмаркъ долженъ былъ изучать минералогію. „Мои родители вѣроятно вспоминали при этомъ про Леопольда фонъ-Бухъ; имъ вѣроятно представлялось какъ будетъ для меня хорошо сдѣлать себѣ карьеру подобно Буху и молоточкомъ отбивать камни со скалъ. Ну да случилось иначе. Лучше было бы если меня послали бы въ Боннскій университетъ; тамъ я нашелъ бы земляковъ. Въ Геттингенѣ у меня ихъ не было, и я не прежде встрѣтился съ моими знакомыми по университету какъ уже въ рейхстагѣ, гдѣ засѣдали нѣкоторые изъ нихъ.“

Во все время своего пребыванія въ непосредственной близости канцлера, Бушъ имѣлъ случай только одинъ разъ внести въ свой дневникъ отзывъ князя Бисмарка о произведеніяхъ беллетристики. Канцлеръ прочиталъ романъ Шпильгагена *Problematische Naturen* и отозвался о немъ довольно одобрительно, но прибавилъ: „во второй разъ я его разумѣется не стану читать. Случается, впрочемъ, что министръ заваленный дѣлами возьметъ иногда въ руки такого рода книгу и часа на два прильнетъ къ ней, прежде чѣмъ опять приниматься за свои дѣловыя бумаги.“ Совѣтникъ Абекенъ, принимавшій живое участіе въ этомъ разговорѣ, замѣтилъ что онъ также не можетъ два раза перечитать какой-либо изъ современныхъ романовъ, и что бóльшая часть современныхъ сочинителей написали только по одной хорошей книгѣ. „Ну, послушайте“, возразилъ канцлеръ, „изъ вашего Гёте я вамъ тоже уступлю три четверти. Объ остальномъ я не говорю. Если изъ его сорока томовъ выбрать семь или восемь,—съ ними я согласился бы прожить нѣсколько времени на необитаемомъ островѣ.“ Кто-то упомянулъ про Фрица Рейтера. „Да“, сказалъ канцлеръ, „его разказы изъ 1813 года очень хорошая вещь, но только это не романъ.“ Назвали другое сочиненіе Рейтера, *Stromtid*. „Гм.“, сказалъ князь, „это — дѣйствительно романъ. Въ немъ есть и хорошія и посредственныя вещи; но какими изображены въ немъ крестьяне, таковы они на самомъ дѣлѣ.“

Сынъ канцлера былъ прикомандированъ къ генералу Мантейфелю. Канцлеръ сказалъ что въ его время такое назначеніе было бы невозможно для восемнадцатилѣтняго юноши и по этому поводу опять вспомнилъ про старину.

„Я помню, мнѣ разказывали что прежде были вотъ какіе порядки. Офицеры въ полкахъ обѣдали вмѣстѣ, кухня была на рукахъ полковника. За обѣдомъ къ музыкантамъ на хоры являлось человѣкъ пять-шесть драгунъ и во время тостовъ они стрѣляли изъ своихъ карабиновъ. Въ то время вообще были странные обычаи. Существовалъ, напримѣръ, въ родѣ наказанія деревянный оселъ съ острыми краями. На немъ должны были сидѣть драгуны въ чемъ-нибудь провинившіеся, а сидѣть приходилось иной разъ часа два, что̀ было очень больно. Всякій разъ въ день рожденія полковника, а также и другихъ лицъ, солдаты отправлялись на мостъ и съ него кидали этого деревяннаго осла въ рѣку, но всякій разъ являлся опять новый оселъ.Ословъ этихъ перемѣнили по крайней мѣрѣ штукъ сто.“

Оказалось что почти всѣ предки князя Бисмарка сражалась противъ Французовъ; въ числѣ ихъ былъ одинъ котораго самъ канцлеръ называетъ *оригинальнымъ человѣкомъ*. „У меня еще сохранились его письма къ шурину, въ которыхъ встрѣчаются, напримѣръ, такія выраженія: если господинъ мой шуринъ утверждаетъ такія вещи, то я надѣюсь, буде Господь Богъ продлитъ намъ обоимъ жизни, такъ его проучить что ему не поздоровится. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: я истратилъ на полкъ двѣнадцать тысячъ талеровъ и надѣюсь, если съ Божіею помощію проживу, со временемъ выбрать ихъ путемъ полковаго хозяйства.— Вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этимъ „выбираніемъ“ существовавшую въ то время манеру полковыхъ командировъ брать отъ казны деньги на людей находившихся въ отпускахъ и вообще не состоявшихъ въ полку. Да! тогда полковые командиры иначе были поставлены чѣмъ теперь.“ Кто-то замѣтилъ что то же самое повторялось и въ послѣдствіи, когда полки набирались, обмундировывались и содержались своими командирами, которые только отдавали ихъ въ наемъ государямъ; быть-можетъ старые порядки въ полковомъ хозяйствѣ встрѣчаются кое-гдѣ и теперь. На это канцлеръ отвѣтилъ: „Да, въ Россіи, напримѣръ, въ большихъ конныхъ полкахъ на югѣ, гдѣ полкъ имѣетъ иногда шестнадцать эс-

кадроновъ. Тамъ существовали и вѣроятно существуютъ еще и теперь особые доходы. Мнѣ разказывалъ одинъ Нѣмецъ что когда онъ получилъ полкъ, кажется въ Курскѣ или Воронежѣ, словомъ гдѣ-то въ этихъ богатыхъ губерніяхъ, то къ нему явились мужики съ возами сѣна и соломы: не будетъ ли, батюшка, милость ваша принять. Тотъ не понялъ чего они хотятъ, сказалъ чтобъ они оставили его въ покоѣ и убирались. Мужики начали упрашивать, говорили что прежній начальникъ довольствовался этимъ, что они бѣдные люди и не могутъ дать болѣе. Нѣмцу это наконецъ надоѣло, особенно когда мужики стали на колѣни и начали приставать; онъ ихъ прогналъ. Но когда вслѣдъ за тѣмъ явились другіе мужики съ возами овса и пшеницы, тогда онъ понялъ въ чемъ дѣло и взялъ, какъ брали другіе. А когда первые мужики опять вернулись и привезли еще болѣе сѣна, то онъ объяснилъ имъ что они его прежде не поняли, что съ него довольно и того что̀ они привозили въ первый разъ, чтобъ остальное они везли назадъ. Такимъ образомъ онъ каждый годъ наживалъ тысячъ двадцать рублей, ставя овесъ и сѣно на счетъ казны. Это онъ разказывалъ открыто и при всѣхъ въ одной петербургской гостиной", прибавилъ канцлеръ, „и я былъ очень удивленъ."

Въ книгѣ Буша встрѣчаются еще нѣсколько другихъ воспоминаній и отзывовъ Бисмарка о Россіи. „Обыкновенно полагаютъ что русская политика особенно хитра, что она исполнена увертокъ, уловокъ, крючковъ. Это неправда. Еслибы Русскіе не были честны, они не стали бы дѣлать никакихъ заявленій (разговоръ зашелъ по поводу русской ноты касательно одной части трактата 1856 года), а спокойно строили бы себѣ корабли въ Черномъ Морѣ и ждали бы пока ихъ спросятъ что̀ это значитъ. Тогда они отвѣтили бы что ничего не знаютъ, что они наведутъ справки, и такимъ образомъ дѣло бы затянулось. При русскихъ порядкахъ (*bei russischen Verhältnissen*) затяжка могла бы продолжатся очень долго и наконецъ къ этому бы привыкли."

„Въ Лондонѣ," сказалъ канцлеръ при другомъ разговорѣ, „не хотятъ прямо согласиться на предложеніе отдать Россіи и Турціи обратно Черное Море и полное господство надъ его берегами. Они боятся общественнаго мнѣнія Англіи, и Россель все возвращается къ тому что можно было бы найти эквивалентъ. Онъ спрашивалъ не присоединимся ли мы,

напримѣръ, къ соглашенію 16 апрѣля 1856 года. Я возразилъ что Германія не имѣетъ въ немъ дѣйствительныхъ интересовъ. Или не обяжемся ли мы оставаться нейтральными, если тамъ когда-нибудь дойдетъ до столкновенія. Я сказалъ ему что не люблю политику предположеній (*Conjectural-Politik*), къ области которыхъ относится такое обязательство; все зависитъ отъ обстоятельствъ. Пока мы не видимъ основанія принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, и этого пусть будетъ съ него довольно. Далѣе я сказалъ ему что не раздѣляю мнѣнія будто бы благодарность не можетъ имѣть мѣста въ политикѣ. Нынѣ царствующій Государь всегда оказывался къ намъ дружественнымъ и благорасположеннымъ, Австрія напротивъ была до настоящаго времени не надежна и иногда очень двусмысленна, а что касается Англіи, то она сама знаетъ чѣмъ мы ей обязаны. Дружба Императора есть остатокъ старыхъ отношеній, частію основанныхъ и на родственныхъ связяхъ, но она опирается также и на сознаніи что наши интересы не приходятъ въ столкновеніе съ его интересами. Каково будетъ это отношеніе въ будущемъ, этого знать нельзя, а слѣдовательно нечего про это и говорить. Наше положеніе теперь не то что прежде. Мы единственная держава имѣющая основаніе быть довольною. Намъ нѣтъ надобности оказывать одолженіе кому-либо о комъ мы не знаемъ, окажетъ ли онъ намъ въ свою очередь услугу. Россель все возвращался къ эквиваленту и наконецъ спросилъ, не предложу ли я ему какого-нибудь. Я сталъ говорить про открытіе Дарданеллъ и Чернаго Моря для всѣхъ націй. Это было бы пріятно Россіи, потому что она могла бы тогда выходить изъ Чернаго Моря въ Средиземное, было бы также пріятно Турціи, такъ какъ она имѣла бы сейчасъ подъ рукой своихъ друзей, было бы пріятно и Американцамъ, у которыхъ черезъ это удовлетворялось бы одно изъ желаній соединяющихъ Американцевъ съ Русскими, а именно—желаніе безпрепятственно плавать на своихъ корабляхъ по всѣмъ морямъ. Русскимъ, впрочемъ, не слѣдовало предъявлять такихъ умѣренныхъ требованій, имъ нужно было требовать бо̀льшаго. Тогда они безъ всякихъ затрудненій уладили бы какъ имъ хотѣлось съ Чернымъ Моремъ."

По отношенію къ воззрѣніямъ князя Бисмарка на политику вообще, интересенъ разговоръ который германскій канцлеръ

имѣлъ за столомъ въ Версали въ присутствіи Фавра и нѣсколькихъ другихъ Французовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что послѣдовательность въ политикѣ часто превращается въ недостатокъ и упрямство. Нужно измѣняться приспособительно къ фактамъ, къ положенію вещей, къ возможности; нужно принимать въ соображеніе обстоятельства и служить отечеству сообразно съ ними, а не съ своими мнѣніями, которыя часто бываютъ предразсудками. Когда канцлеръ въ первый разъ вступилъ на политическое поприще неопытнымъ и юнымъ, его мнѣнія и цѣли были совершенно иныя нежели теперь. Но разсудивъ хорошенько, онъ измѣнился и не побоялся частію или и совсѣмъ пожертвовать своими желаніями потребностямъ дня для того только чтобы принести пользу. Не слѣдуетъ навязывать отечеству свои склонности и желанія, прибавилъ онъ и заключилъ словами: *La patrie veut être servie et pas dominée.* Это изреченіе произвело большое впечатлѣніе (разумѣется болѣе по своей формѣ, замѣчаетъ Бушъ) на Французовъ, и Фавръ сказалъ: *Cest bien juste, monsieur le comte, c'est profond!* Другой Французъ также съ энтузіазмомъ сказалъ: *oui messieurs, c'est un mot profond.* Но Французы, на которыхъ главнымъ образомъ была разчитана рѣчь канцлера, не оставили однако безъ возраженія высказаннаго имъ основнаго правила политической мудрости. Жюль-Фавръ заявилъ что néanmoins c'est un beau spectacle de voir un homme qui n'a jamais changé ses principes. Другой изъ французскихъ гостей замѣтилъ что принципъ „la patrie veut être servie et pas dominée“ сводится къ подчиненію геніальной личности волѣ и мнѣнію большинства, а большинство всегда имѣетъ мало разума, мало знанія дѣла и мало характера. Въ отвѣтѣ на это возраженіе канцлеръ остановился на своей отвѣтственности предъ Богомъ, какъ на одной изъ своихъ путеводныхъ звѣздъ, и противопоставилъ праву геніальности (*droit du genie*) долгъ, какъ нѣчто высшее и болѣе могущественное.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Бисмаркъ получалъ двадцать пять тысячъ талеровъ содержанія и восемь тысячъ талеровъ на наемъ помѣщенія. „На эти деньги я имѣлъ“, разказываетъ онъ, „такой большой и прекрасный домъ какъ любой дворецъ въ Берлинѣ. Но мебель въ немъ была старая, полинявшая, оборванная, а если считать починки и другія мелочи, то мнѣ это обошлось бы въ годъ тысячъ

въ девять талеровъ. Я нашелъ что вовсе не обязанъ тратить болѣе того сколько мнѣ отпускалось, и вышелъ изъ затрудненія рѣшивъ не дѣлать пріемовъ. Французскій посланникъ получалъ триста тысячъ франковъ содержанія и кромѣ того могъ ставить на счетъ своего правительства всѣ пріемы которые ему угодно было считать за офиціальные.

— Но вамъ вѣдь не нужно было платить за дрова, а расходъ на топливо въ Петербургѣ составляетъ въ годъ порядочную сумму, замѣтилъ ему одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ, позвольте, возразилъ канцлеръ,—за дрова я также долженъ былъ платить. Дрова, впрочемъ, стоили бы не дорого еслибы чиновники (*die Beamten*) не поднимали ихъ цѣны. Я помню что разъ увидалъ прекрасныя дрова на какой-то финской лодкѣ. Спрашиваю у мужиковъ про цѣну; цѣна очень дешевая. Но когда я рѣшилъ купить дрова, они спросили, для казны это или нѣтъ. Я былъ такъ неостороженъ и отвѣтилъ что не для казны, а для Прусскаго посольства. Что̀ же вы думаете? когда я опять пришелъ чтобы велѣть взять дрова, мужики всѣ разбѣжались. Еслибъ я далъ имъ адресъ купца, съ которымъ между тѣмъ могъ бы сговориться, я получилъ бы дрова за третью часть той цѣны которую я обыкновенно платилъ. Прусскій посланникъ очевидно представлялся мужикамъ чиновникомъ отъ казны и они думали: нѣтъ, какъ дойдетъ дѣло до расплаты, онъ скажетъ что дрова у насъ краденыя и велитъ насъ засадить пока мы не отдадимъ ихъ ему даромъ." Въ другой разъ канцлеръ разказалъ ту же исторію съ нѣкоторыми добавленіями. Вмѣсто мужиковъ продавцомъ является купецъ. „Когда я сказалъ ему что покупаю дрова для Прусскаго посольства, купецъ очевидно былъ озадаченъ. Онъ спросилъ не для казны ли дѣлается эта покупка, и не русская ли губернія эта Пруссія. Я сказалъ что нѣтъ, но что посольство имѣетъ дѣло съ казной. Съ моей стороны это было неосторожно, недипломатично и очевидно мой отвѣтъ не удовлетворилъ купца, хотя я тутъ же хотѣлъ отдать ему деньги. На другое утро онъ не явился."

— Разкажи-ка исторію про Жида въ разорванныхъ сапогахъ, которому всыпали двадцать пять розогъ, крикнулъ черезъ столъ двоюродный братъ канцлера, Бисмаркъ-Боленъ.

И канцлеръ началъ разказывать:

„Да; дѣло это было такъ. Разъ приходитъ къ намъ въ канцелярію посольства Жидъ и проситъ переправить его въ

Пруссію. Онъ былъ весь отрепанный; въ особенности плохи были у него сапоги. Ему сказали что его переправятъ. Но онъ требовалъ сначала новыхъ сапоговъ, говорилъ что имѣетъ на это право и велъ себя такъ дерзко и нагло, такъ кричалъ и бранился, что служащіе не знали что съ нимъ дѣлать. Даже прислуга не рѣшалась къ нему подступить. Наконецъ, когда уже онъ очень разбезобразничался, позвали на помощь меня, въ надеждѣ на мою физическую силу. Я сказалъ ему чтобъ онъ не шумѣлъ, а не то я велю его посадить подъ арестъ. Онъ мнѣ дерзко отвѣтилъ: „вы не можете этого сдѣлать, вы не имѣете на это права въ Россіи.—Посмотримъ, говорю я. На родину я долженъ васъ переправить, но сапоговъ я вамъ не обязанъ давать, хотя можетъ-быть и далъ бы, еслибы вы не вели себя такъ непристойно. Послѣ этихъ словъ я открылъ окно и махнулъ городовому который стоялъ неподалеку на посту. Жидъ продолжалъ кричать и браниться, какъ вошелъ городовой, высокій, здоровый мущина. Я сказалъ ему.... (тутъ канцлеръ произнесъ нѣсколько русскихъ словъ, которыя Бушъ не умѣетъ передать) и высокій городовой увелъ маленькаго Жида и посадилъ его подъ арестъ. На слѣдующее утро приходитъ мой Жидъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ и объявляетъ что готовъ ѣхать безъ новыхъ сапогъ. Я спросилъ какъ онъ провелъ время со вчерашняго дня.—Плохо, говоритъ, провелъ, очень плохо.—Спрашиваю что же съ нимъ сдѣлали.—Да что, говоритъ, сдѣлали, что сдѣлали? тѣлесную, говоритъ, мнѣ боль причинили.—Я выразилъ ему сожалѣніе по этому поводу и спросилъ не хочетъ ли онъ жаловаться. Но онъ предпочелъ скорѣе уѣхать, и я болѣе о немъ не слыхалъ.“

Въ виду проникавшихъ въ печать слуховъ объ участіи Бисмарка въ разнаго рода биржевыхъ спекуляціяхъ, интересны отзывы его касательно отношенія между биржей и политическими дѣятелями. Канцлеръ отрицалъ чтобы при всегда ограниченной возможности предузнанія политическихъ событій спекуляція биржевыми бумагами представлялась вообще болѣе легкою и вѣрною для людей политическихъ сравнительно съ другими. Событія только въ послѣдствіи оказываютъ вліяніе на биржу; нельзя предвидѣть день когда это случится. „Другое дѣло если было бы возможно вызывать пониженіе бумагъ посредствомъ искусственнаго устройства событій (*durch Einfädelung solcher Dinge*); но это было бы безчестно.

Французскій министръ Г. поступалъ такимъ образомъ, какъ мнѣ недавно разказывали. Онъ удвоилъ этимъ свое состояніе; можно даже сказать что и война начата съ этою цѣлію. Если кто захочетъ пользоваться своимъ положеніемъ, то это можно устроить такимъ образомъ чтобы биржевыя телеграммы со всѣхъ биржъ присылались вмѣстѣ съ политическими депешами при посредствѣ чиновниковъ посольствъ. Политическія телеграммы прежде другихъ пересылаются телеграфомъ, и такимъ образомъ можно выгадать двадцать или тридцать минутъ. Затѣмъ нужно имѣть проворнаго Жида который извлекалъ бы практическую пользу изъ такого преимущества. Говорятъ, есть люди которые такъ и поступали. Такимъ способомъ можно ежедневно получать барышъ отъ полутора до пятнадцати тысячъ талеровъ, и года въ два составить себѣ порядочное состояніе. Но мой сынъ не долженъ сказать о своемъ отцѣ чтобъ онъ сдѣлалъ его богатымъ человѣкомъ посредствомъ такого способа или подобныхъ ему. Онъ можетъ, если ужь это нужно, разбогатѣть другимъ путемъ. Прежде, когда я былъ только союзнымъ канцлеромъ, мое положеніе было лучше нежели теперь. Меня разорили дотаціей. Теперь я чувствую себя стѣсненнымъ. Прежде я смотрѣлъ на себя какъ на простаго провинціальнаго дворянина; теперь я принадлежу до нѣкоторой степени къ перамъ, требованія возрастаютъ, а помѣстья не приносятъ того что̀ нужно.“ Въ дневникѣ Буша нѣсколько разъ встрѣчаются указанія на то что канцлеръ особенно любитъ деревенскую жизнь и что онъ лучше всего чувствуетъ себя въ лѣсу и въ полѣ. Очевидцы разказывали автору что въ Фарцинѣ князь часто говоритъ во время прогулки тому или другому изъ своихъ гостей: „я знаю что насъ ждутъ обѣдать, но мы все-таки пройдемъ еще далѣе: я вамъ покажу прекрасный видъ“. „Повѣрьте мнѣ, говорила Бухеру княгиня Бисмаркъ, моего мужа рѣпа интересуетъ болѣе всей вашей политики.“ Канцлеръ разказывалъ еще, что въ прежнее время онъ много игралъ въ карты. Его интересуетъ только большая игра, „но теперь это не пристойно для отца семейства.“

Мы далеко не исчерпали подробностей для характеристики князя Бисмарка, во множествѣ разсыпанныхъ въ книгѣ Буша. Было бы конечно преждевременнымъ выводить на основаніи этого дневника какія бы то ни было окончательныя заключенія о лицѣ составляющемъ главный предметъ разказа; по-

этому мы старались отмѣтить только наиболѣе крупныя черты его воззрѣній, выдѣляющіяся изъ массы подробностей и фактовъ. Окончательные выводы были бы тѣмъ болѣе невозможны что по различнымъ соображеніямъ Бушу часто приходилось про многое умалчивать и замѣнять черточками тѣ или другія мысли и слова канцлера. Чтобы познакомить читателей съ самымъ способомъ изложенія автора, мы приведемъ въ заключеніе почти цѣликомъ страницу дневника.

„31 января, вторникъ. Утромъ я телеграфировалъ о различныхъ мелкихъ побѣдахъ одержанныхъ въ юго-восточныхъ департаментахъ, на которые перемиріе еще не распространяется. Шведскій король произнесъ воинственную тронную рѣчь. Къ чему, о боги? Я написалъ по порученію шефа двѣ статьи, а потомъ и третью, въ которой указывается на бѣдствія перенесенныя во время осады нѣсколькими невинными нѣмецкими семьями по различнымъ причинамъ оставшимися въ Парижѣ, а также и на заслуги посланника Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ участи этихъ несчастныхъ. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ въ этомъ направленіи много заслуживающаго полной признательности, а подчиненныя ему лица усердно ему содѣйствовали въ этомъ.

„Господа Парижане опять у насъ въ дому, въ томъ числѣ Фавръ, который телеграммой настоятельно проситъ Гамбетту уступить. Можно опасаться что тотъ этого не сдѣлаетъ. По крайней мѣрѣ Марсельскій префектъ беретъ очень высокій тонъ и отвѣчаетъ бѣдному Фавру патріотическою фразою: *Je n'obéis le capitulé de Bismarck. Je ne le connais plus.* Очень гордо и самостоятельно; стрѣляетъ, находясь самъ внѣ выстрѣла. О Бурбаки еще нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній, застрѣлился ли онъ или только ранилъ себя; но съ его арміей дѣло очевидно плохо. Вѣроятно она не лучше остальныхъ твореній диктатора въ Турѣ.

„Французы опять обѣдаютъ съ шефомъ. Я обѣдалъ съ Вольманомъ въ отелѣ Резервуаровъ, гдѣ обѣдала также маркиза дела-Торре. Она бѣлокурая, высокая, худощавая, сильно помятая жизнію (*stark verlebte*) дама, которую я вмѣстѣ съ ея собаками уже нѣсколько разъ встрѣчалъ на улицѣ и въ паркѣ. Она пріѣхала изъ Лондона и служитъ въ обществѣ Краснаго Креста.

„У насъ опять нѣсколько градусовъ холода. За чаемъ Бухеръ разказываетъ мнѣ что шефъ за столомъ опять гово-

рилъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ про Гарибальди, этого стараго фантазёра, когда Фавръ объявилъ что считаетъ его героемъ. Послѣ десяти часовъ министръ сошелъ съ верху и присѣлъ къ намъ. Сначала онъ заговорилъ опять про непрактичность Французовъ которые работали съ нимъ въ продолженіи этихъ дней. Два министра—Фавръ и пріѣхавшій сегодня съ нимъ министръ финансовъ Мансаъ—мучились съ полчаса надъ телеграммой. Затѣмъ онъ перешелъ къ сужденію о Французахъ и Латинской расѣ вообще, и къ сравненію ихъ съ Германскими народами. „Нѣмецкая, Германская раса", сказалъ онъ, „есть, такъ-сказать, мужское начало проходящее по Европѣ,—начало оплодотворяющее. Кельтическіе и Славянскіе народы женскаго рода. Германское начало идетъ до Нѣмецкаго Моря и черезъ него переходитъ въ Англію." Я позволилъ себѣ замѣтить: „Оно идетъ до Америки, проникаетъ на западъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ наши люди образуютъ лучшую часть населенія и вліяютъ на нравы остальныхъ."— „Да", отвѣтилъ онъ, „это дѣти, это плоды Германіи. Правда, Нѣмцы безъ помѣси (*ungemischt*) тоже це Богъ вѣсть что̀ такое. Такъ на югѣ и на западѣ, когда они были предоставлены самимъ себѣ, только и было что имперскіе рыцари, имперскіе города и имперскія деревни; каждый зналъ только себя, все шло врозь. Нѣмцы хороши когда они объединены принужденіемъ или гнѣвомъ. Тогда они превосходны, неотразимы, непобѣдимы. Нѣтъ этого, — и всякій хочетъ дѣлать по-своему. Собственно говоря, благонамѣренный, справедливый и разумный абсолютизмъ есть лучшая форма правленія. Гдѣ нѣтъ хоть частицы его, тамъ все идетъ врозь, одинъ хочетъ одно, другой—другое, и происходитъ вѣчное колебаніе, вѣчныя задержки. Но у насъ нѣтъ уже настоящихъ абсолютистовъ — —. Они исчезаютъ, этотъ сортъ вымираетъ — — —." Я позволилъ себѣ разказать что ребенкомъ я представлялъ себѣ короля такимъ какъ онъ изображается на картахъ, въ коронѣ, горностаевой мантіи, со скипетромъ и державой, постоянно одинакимъ и находящимся все въ одномъ и томъ же положеніи; я былъ очень разочарованъ когда нянька свела меня разъ въ проходъ между Дрезденскимъ дворцомъ и католическою церковью и тамъ показала короля Антона, маленькаго, дряхлаго старичка. Шефъ сказалъ: „Да, крестьяне у насъ тоже имѣли удивительныя представленія. Говорили что нѣсколько изъ насъ, молодыхъ людей, сидѣли

будто бы гдѣ-то въ общественномъ мѣстѣ, и что-то сказали тамъ про короля, который неузнанный сидѣлъ тутъ же. Вдругъ онъ, будто бы, всталъ, распахнулъ плащъ и показалъ звѣзду на своей груди. Другіе испугались, но я будто бы не обратилъ на это вниманія и грубо обошелся съ нимъ. За это меня посадили на десять лѣтъ въ тюрьму и не позволили бриться. Дѣйствительно, я носилъ въ то время бороду, привыкнувъ къ этому въ 1842 году во Франціи, гдѣ это было въ то время модой, и вотъ крестьяне говорили что каждый годъ ко мнѣ является въ ночь подъ первое января палачъ и брѣетъ мнѣ бороду. Разказывали это богатые и совсѣмъ не глупые крестьяне; они говорили это не потому чтобъ имѣли что-нибудь противъ меня; напротивъ, все это говорилось очень добродушно, и они чувствовали большое состраданіе къ моей молодости."

III.

Новая исторія культуры въ Греціи и Римѣ. Jakob von Falke: *Hellas und Rom*, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums. Stuttgart, Verlag von Spemann, 1878.

Требуетъ ли какого-либо оправданія появленіе новой исторіи культуры у народовъ классической древности?

Поставивъ этотъ вопросъ, авторъ и издатель новаго изданія, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, отвѣчаютъ на него слѣдующимъ образомъ.

Преимущество всѣхъ твореній оставленныхъ этими народами заключается въ ихъ вѣчныхъ неизмѣнныхъ достоинствахъ, независимыхъ отъ смѣны вѣковъ. Пока человѣчество будетъ стремиться къ культурѣ, къ облагороженію своей духовной жизни, классическая древность будетъ содѣйствовать достиженію этой цѣли. Придутъ времена, и они уже близки, когда художественные вкусы примутъ болѣе реальное направленіе, когда естественныя науки и техника съ могучею силой выступятъ впередъ; они будутъ оспаривать почву у классической литературы, они ограничатъ вліяніе греческаго искусства, но имъ никогда не удастся совершенно устранить какъ то, такъ и другое. Могутъ настать времена войнъ, завоеваній, переворотовъ, эпохи въ которыя міръ

повидимому погрузится обратно въ варварство. Когда этѣ эпохи минуютъ, культура съ новымъ блескомъ будетъ возстановлена классическою древностью. Такимъ образомъ какъ эта древность, такъ и литература занимающаяся ею и ея исторіей всегда спокойно будутъ идти своимъ путемъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ свою теоретическую точку зрѣнія, авторъ и издатель излагаютъ планъ практическаго осуществленія ихъ предпріятія. Они надѣются что новое сочиненіе тѣмъ болѣе найдетъ себѣ мѣсто между массой однородныхъ трудовъ что оно появляется „въ новой и своеобразной формѣ“. Форма эта столько же соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ, сколько сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе усовершенствованія современной иллюстраціи и, спеціально, ксилографіи. „Нашъ трудъ, разчитанный на самый широкій кругъ образованныхъ людей, примыкаетъ къ тѣмъ сочиненіямъ которыя поставили себѣ задачей передавать массѣ результаты науки. Мы не довѣряемъ одному только слову. Мы не хотимъ только разказывать про жизнь Грековъ и Римлянъ, про созданія ихъ рукъ и ихъ духа. Мы хотимъ пробудить въ душѣ читателя ясныя, живыя и свѣтлыя представленія которыя прочно останутся въ его памяти и будутъ дѣйствовать съ цивилизующею силой.“

Для достиженія этой цѣли новое сочиненіе прибѣгаетъ къ помощи иллюстрацій въ формѣ политипажей и отдѣльныхъ рисунковъ; иллюстраціи этѣ отчасти будутъ представлять копіи подлинныхъ античныхъ произведеній, отчасти составлять оригинальныя композиціи художниковъ вполнѣ знакомыхъ съ древностью. „Мы дадимъ читателю изображенія предметовъ служившихъ для жизненнаго обихода и картины самой жизни, мы будемъ изображать людей и окружавшія ихъ вещи. Изображая произведенія искусства, мы, по возможности, будемъ давать также изображенія ихъ творцовъ. Мы будемъ изображать мѣста на которыхъ развивалась античная культура, и портреты людей снискавшихъ себѣ славу среди этихъ мѣстностей; мы дадимъ картины природы и городовъ и, насколько возможно, возсоздадимъ послѣдніе изъ ихъ развалинъ. Мы думаемъ что представленіе получаемое читателемъ изъ реставраціи свѣдущаго художника одареннаго въ то же время поэтическимъ воображеніемъ живѣе и ближе къ правдѣ нежели то которое мы можемъ составить себѣ при видѣ развалинъ. Мы хотимъ знать не то положеніе въ которомъ теперь

находятся эти предметы, но то въ которомъ они находились въ минувшія времена, въ эпоху полнаго и роскошнаго цвѣта жизни. Для насъ важны не столько начало и конецъ, неразвитое и искаженное, сколько изображеніе законченнаго и совершеннаго, изображеніе цвѣтущей жизни, развитой культуры и ея произведеній. Не теряя изъ вида историческаго развитія античной культуры, мы въ особенности остановимся на времени ея процвѣтанія.“

Согласно этой программѣ, Фальке предполагаетъ раздѣлить матеріалъ на три части. Какъ по отношенію къ Грекамъ, такъ и по отношенію къ Римлянамъ онъ намѣревается предпосылать въ широкихъ и крупныхъ чертахъ обозрѣніе ихъ политической исторіи. Обозрѣніе это должно служить введеніемъ, помочь воспоминаніямъ читателя и выдвинуть на первый планъ исторію государственнаго развитія, какъ весьма существенный культурный элементъ. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ будетъ посвященъ изображенію античнаго человѣка, мущинъ и женщинъ, ихъ внѣшняго вида, одежды, воспитанія и обученія, ихъ игръ, праздниковъ, нравовъ и обычаевъ, воззрѣній, вѣрованій, мышленія, частной и общественной жизни. За изображеніемъ человѣка послѣдуетъ въ третьемъ отдѣлѣ изображеніе его твореній, являющихся плодами культуры въ области религіи, искусства и литературы.

Новое сочиненіе Фальке, имя котораго слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ интересующимся исторіей искусства и его культурнымъ значеніемъ въ жизни человѣка чтобы нуждаться въ какихъ-либо объясненіяхъ, должно выходить выпусками и будетъ заключать въ себѣ 300 большихъ листовъ текста, 50 большихъ рисунковъ Альма-Тадемы, Фридриха Преллера, Анзельма Фейербаха, Книлле, Гоффмана и другихъ лучшихъ художниковъ, равно какъ значительное количество политилажей въ самомъ текстѣ. Всѣхъ выпусковъ предполагается 30 и каждый будетъ стóить только полторы марки. Цѣна эта, замѣчательно недорогая по себѣ, становится особенно невысокою при ближайшемъ ознакомленіи съ тѣмъ что̀ получаетъ за нее читатель. Предъ нами лежитъ первый выпускъ, заключающій въ себѣ краткое обозрѣніе миѳической эпохи Греціи и начало эпохи образованія государствъ. Не касаясь пока текста, къ которому мы надѣемся возвратиться когда онъ будетъ представлять собою законченный отдѣлъ, мы остановимся только на рисункахъ и внѣшнемъ видѣ изданія

и должны сознаться что намъ еще не приходилось встрѣчаться съ такою художественно задуманною и выполненною иллюстраціей древняго міра въ его природѣ и бытѣ. Представьте себѣ нѣчто въ родѣ роскошныхъ современныхъ французскихъ иллюстрированныхъ изданій путешествій и вы получите приблизительное понятіе о томъ что̀ можно получить за *полторы марки* по отношенію къ наглядной картинѣ древней Греціи. Два превосходно выполненныхъ большихъ рисунка изображаютъ намъ Аѳинскій Акрополисъ, по реставраціи Тирша, и Олимпійскія игры, воспроизведенныя карандашомъ Книлле. Въ текстѣ помѣщены хухожественные политипажи представляющіе видъ на Аѳины съ Елевзинской дороги, Парнасскіе дубы, мѣстоположеніе Додоны, долину Темпе съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ, равнину Трои въ настоящемъ ея положеніи, панораму Шлимановскихъ раскопокъ Микены, видъ острова Итаки, изображеніе микенскихъ и кипрскихъ сосудовъ, площадь въ Спартѣ, гимнастическія упражненія спартанскаго юношества. Особенно интересными кажутся намъ рисунки художественно воспроизводящіе ландшафты, виды природы и реставраціи древняго быта. Мы болѣе или менѣе имѣемъ понятіе о той или другой подробности античной жизни, намъ предносятся довольно опредѣленныя понятія о щитахъ, копьяхъ, сосудахъ, колов-нахъ, одеждѣ. Но представленія эти не связаны въ цѣлостную, общую картину и, въ особенности, не пріурочены къ опредѣленному мѣсту, къ природѣ, къ почвѣ, къ ландшафту. Они носятся въ формѣ отрывочныхъ образовъ, находящихся внѣ связи между собою и съ окружающимъ реальнымъ міромъ людей, земли, воды и воздуха. Сочиненіе Фальке должно, повидимому, въ значительной степени содѣйствовать установленію связующаго начала въ нашихъ представленіяхъ объ античномъ мірѣ. Достаточно взглянуть хотя бы на рисунокъ изображающій долину Темпе съ рѣкой Пенеемъ для того чтобы безсодержательныя имена облеклись посредствомъ художественнаго представленія въ реальный образъ поэтическаго ландшафта, глубоко врѣзывающагося въ память. Излишне было бы прибавлять что бумага, печать и вся современная роскошь украшеній типографскаго искусства не оставляютъ желать ничего лучшаго. Сочиненію Фальке предстоитъ, кажется намъ, почетное мѣсто въ ряду лучшихъ пособій при изученіи античнаго міра. Чтобы нѣ-

сколько познакомить читателей съ тѣмъ горячимъ убѣжденіемъ въ неизмѣнномъ художественномъ значеніи античнаго міра которое питаетъ авторъ, мы окончимъ нѣсколькими строками изъ его введенія:

„Послѣдуй за нами, читатель, въ страну и къ народу вѣчной красоты, въ тѣнистыя рощи Эллады и на ея горы озаренныя солнцемъ, на ея облитыя свѣтомъ берега и острова. Послѣдуй за нами къ народу который, давно погибнувъ подъ пятою варваровъ, тѣмъ не менѣе является предназначеннымъ снова и снова выносить нашу культуру въ міръ идеала не давая ей погрязать въ матеріализмѣ. Два или три раза Греція уже выполнила это призваніе и выполнила его не въ послѣдній разъ. Изумительное совершенство ея твореній служитъ намъ ручательствомъ въ томъ; оно ручается намъ и за то что въ наше время перевѣса матеріальныхъ интересовъ и реальнаго направленія культъ прекраснаго также не погибнетъ.“

Прекрасное не погибаетъ. Но чувство прекраснаго слабѣетъ и мельчаетъ, извращается подъ исключительнымъ господствомъ „матеріальныхъ интересовъ и реальнаго направленія“. Нельзя не пожелать успѣха труду который ставитъ себѣ цѣлью поддержать, развить и укрѣпить это чувство.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20го ноября 1878 года.

Требуется чтобы постановленія Берлинскаго конгресса были исполнены. Зачѣмъ же стало дѣло? Порѣшила ли Турція вопросъ объ исправленіи греческой границы? Нѣтъ. Отдала ли Турція все что̀ присуждено конгрессомъ Персіи въ Азіи и Черногоріи въ Европѣ? Нѣтъ. Обезпечила ли она безопасность христіанскихъ населеній въ очищенныхъ русскими войсками мѣстахъ? Нѣтъ; безчинства и злодѣйства надъ Армянами, Греками, Болгарами продолжаются попрежнему, и въ послѣдніе дни приняли ужасающіе размѣры: тысячу двѣсти душъ Болгаръ перерѣзано! Указала ли Турція на время и способы уплаты Россіи хотя бы малѣйшей части контрибуціи или издержекъ на содержаніе ея плѣнныхъ, вознагражденіе прибрежныхъ жителей и другихъ русскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ ея дѣйствій во время войны? На непрерывающіяся вооруженія и уплату американскимъ оружейнымъ заводамъ изыскиваетъ же она однако средства и при этомъ продолжаетъ упражняться въ обычныхъ интригахъ, въ наглыхъ и оскорбительныхъ извѣтахъ на русскія войска, въ писаніи нотъ и циркуляровъ направленныхъ къ возбужденію повсюду враждебнаго настроенія къ Россіи и къ славянскимъ племенамъ. Гдѣ же ея готовность *въ точности* исполнить постановленія конгресса?

Предположимъ однако что Турція рѣшается наконецъ исполнить въ точности постановленія Берлинскаго кон-

гресса, постановленія, о „буквѣ и духѣ“ коихъ такъ настойчиво твердитъ лордъ Беконсфильдъ и, подражая ему, графъ Андраши. Да есть ли возможность исполнить неисполнимое? Имѣетъ ли Турція достаточно нравственной и матеріальной силы справиться съ Курдами, Черкесами, Зейбеками и всякимъ инымъ сбродомъ, заставивъ ихъ прекратить истязанія и истребленія своихъ христіанскихъ подданныхъ? Можетъ ли она сломить сопротивленіе Албанцевъ и отдать присужденныя Черногоріи земли? Можетъ ли она не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ ввести реформы обезпечивающія жизнь, собственность и религію христіанскаго населенія, когда это противно вѣрѣ, вѣковымъ преданіямъ и привычкамъ ея самой и всѣхъ мусульманскихъ жителей, на силѣ коихъ зиждется ея жалкое, предсмертное существованіе? Нѣтъ, не можетъ, иначе она перестала бы быть Турціей, а султанъ калифомъ, главою мусульманства. Обѣщать извольте все чтò хотите, пока лезвее ножа у горла; но какъ только ножъ отнятъ, ближайшая опасность миновала, Турокъ становится опять Туркомъ, и христіанинъ для него гауръ, невѣрный, собака, рабъ, истребленіе коего богоугодное дѣло.

Это могутъ не понимать господа дипломаты или, вѣрнѣе, этого они не хотятъ понимать по своимъ циническимъ разчетамъ; но тѣ несчастныя христіанскія населенія Турціи, на долю коихъ выпала ужасная судьба пять вѣковъ выносить турецкій гнетъ, которыя очень хорошо знаютъ чтò такое обѣщанія Порты, чтò такое, наконецъ, гарантіи и опеки западныхъ христіанскихъ правительствъ, эти племена, еще не опомнившіяся отъ ужасовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, не могутъ вѣрить ни въ обѣщанія, ни въ бумажныя гарантіи; они видятъ что съ первымъ поворотомъ назадъ русскаго войска прежніе палачи выростаютъ какъ изъ земли и, разсвирѣпѣвъ отъ только-что испытанныхъ пораженій, съ яростію кинутся вымещать на нихъ весь запасъ своей безпощадной злобы. Все забалканское христіанство, особенно Болгары, столь ненавистные не только Туркамъ, но и представителямъ высоко цивилизованныхъ націй, очень хорошо понимаетъ какая участь предстоитъ имъ съ устройствомъ Восточной Румеліи, съ возвращеніемъ назначенныхъ изъ Константинополя губернаторовъ, каймакамовъ, заптіевъ и жандармскихъ офицеровъ, хотя бы на бумагѣ и ограниченныхъ разными якобы представительными и т. п. условіями, наконецъ съ возвращеніемъ турецкихъ войскъ на Балканы,

которыя при помощи просвѣщенныхъ западныхъ друзей будутъ укрѣплены наилучшимъ образомъ, населенію этому вполнѣ основательно представляется перспектива, отъ которой невольно морозъ по кожѣ пробѣгаетъ... И неужели можно допустить что оно добровольно подчинится такой участи, особенно послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ другой жизни, проведенной подъ покровительствомъ нашей арміи, что оно безъ сопротивленія пойдетъ опять подъ батакскіе ножи Шевкетовъ и К°? А когда начнется наше отступленіе и раздастся общія стонъ и вопль, развѣ мы въ состояніи будемъ безмолвно продолжать нашъ маршъ, умывая руки?... Развѣ сердце русскаго человѣка сможетъ равнодушно заткнуть уши отъ этихъ стоновъ и воплей или подобно англійскимъ политикамъ сказать: „не важность если нѣсколько тысячъ этихъ непокорныхъ рабовъ, не умѣющихъ цѣнить отеческаго правленія султана и заботъ Европы, будутъ зарѣзаны?“ Мы предоставляетъ русскимъ людямъ отвѣчать на эти вопросы.

А Австрія развѣ можетъ и захочетъ отказаться отъ захваченнаго куска, послѣ столькихъ *славныхъ побѣдъ* своихъ армій, послѣ издержанныхъ полутораста милліоновъ гульденовъ? Мало того, захочетъ ли она еще удовольствоваться только этимъ кускомъ и не воспользоваться первымъ удобнымъ предлогомъ для *расширенія сферы своего могущества* (хорошее это выраженіе...) по направленію къ Салоникамъ? Положимъ, дѣло это произвело внутренній переполохъ въ разношерстной имперіи, министерскіе кризисы, разныя демонстраціи оппозиціонныхъ правительству или вѣрнѣе мадьярскому премьеру партій, финансовыя затрудненія и пр., но въ концѣ концовъ все обойдется благополучно, оппозиція удовольствуется тѣмъ что ей удалось покричать и погрозить кулакомъ въ карманѣ.... Не революцію же въ самомъ дѣлѣ сочинять изъ-за этого? Прекрасно; только при чемъ же тутъ *духъ и буква* Берлинскаго трактата?

Лордъ Биконсфильдъ выказываетъ ужасъ при одномъ намекѣ на раздѣлъ Турціи. „Еслибы меня поставили на высокой горѣ и показали множество прекрасныхъ владѣній съ богатѣйшими городами, сказавъ: все это будетъ твоимъ, только согласись на раздѣлъ Турціи я отвергъ бы съ негодованіемъ такое предложеніе. Я отправился въ Берлинъ чтобы возстановить могущество, обезпечить цѣлость и независимость лучшаго друга Англіи, Турецкаго султана.“ Это слова

самого правителя Англіи. И въ то же время Кипръ былъ у него уже въ карманѣ, какъ и постепенный захватъ Малой Азіи подъ видомъ протектората, а Австріи отдавались Спица и двѣ провинціи, съ негласнымъ позволеніемъ сдѣлать шагъ и еще къ кое-чему дальнѣйшему. При этомъ прибирали къ рукамъ Египетъ... О, дружба, это ты!

„Духъ и буква“ Берлинскаго трактата, по плохо скрываемому толкованію англійскаго и мадьярскаго графовъ (въ чемъ повидимому соглашаются и большинство другихъ дипломатовъ, даже пожалуй и самъ честный маклеръ), заключается въ томъ чтобы Россія удовольствовалась Батумомъ и Карсомъ, отступила въ назначенный срокъ за Дунай и отложила бы затѣмъ разъ навсегда всякое дальнѣйшее попеченіе о Балканскомъ полуостровѣ, о разрѣшеніи Восточнаго вопроса, которымъ ихъ сіятельства уже займутся сами. Въ удобный моментъ они заявятъ своему другу въ Константинополѣ что на немъ лежитъ непомѣрное бремя, отъ котораго они и желаютъ освободить его, избавивъ уже кстати и отъ кредиторовъ. Одинъ присоединитъ всю западную часть полуострова до Салоникъ, а Сербію, Черногорію и Болгарію облагодѣтельствуетъ включеніемъ въ сферу своего вліянія, своимъ высокимъ покровительствомъ даровавъ имъ военно-торговыя конвенціи и сѣть желѣзныхъ дорогъ съ какимъ-нибудь Гиршемъ во главѣ; другой окажетъ великодушную щедрость Грекамъ, бросивъ имъ подачку въ видѣ клочка Эпира или Ѳессаліи, а можетъ и Критъ, вступитъ во владѣніе Дарданеллами и Босфоромъ съ Константинополемъ включительно. Для успокоенія Франціи и Италіи найдутся какія-нибудь подходящія мѣста въ Сиріи, Тунисѣ или еще гдѣ-нибудь. Вотъ и рѣшеніе Восточнаго вопроса къ общему удовольствію и успокоенію Европы отъ нескончаемаго кошмара именуемаго панславизмомъ, угрожающаго ея „свободѣ и цивилизаціи“!...

Но Россіи вѣдь, чего добраго, не понравится такой выгодный исходъ изъ запутаннаго дѣла. На этотъ случай нужно принять мѣры. Прежде всего чтобъ она не могла обезпокоить Англію въ щекотливомъ мѣстѣ, въ Индіи, гдѣ двѣсти милліоновъ облагодѣтельствованныхъ жителей, въ безпредѣльной преданности своей императрицѣ, при одномъ приближеніи сильнаго врага могутъ возстать и причинить нѣкоторое безпокойство,—необходимо обезпечить себя *научною* границей съ сѣверо-западной стороны — единственно доступной

для вторженій. На этой границѣ сидитъ Афганскій эмиръ, грубый азіатскій обладатель нѣсколькихъ милліоновъ горцевъ, не умѣвшій оцѣнить ни вѣжливыхъ предложеній на счетъ пріема къ себѣ англійскихъ резидентовъ, ни предложенныхъ ему подарковъ, и осмѣлившійся не принять даже экстреннаго посольства, хотя оно было съ умысломъ такъ послано чтобы его не впустили. Долготерпѣніе правительства ея величества истощилось и особенно въ виду принятія дерзновеннымъ эмиромъ русскаго посольства оно вынуждено прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ: нѣсколько генераловъ съ 35 тысячами войска двигаются въ Афганистанъ, и если имъ удастся разбить эмира (въ чемъ едва ли можетъ быть сомнѣніе), они распорядятся устроить *научную* границу; послѣ чего, какъ игриво выразился Беконсфильдъ за обѣдомъ лорда-мера, онъ надѣется жить въ дружбѣ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ— Ширъ-али, а можетъ-быть и *съ дальнимъ*... (Россіей).

Война противъ Афганистана открыта и начало ея увѣнчалось якобы блестящими успѣхами; форты падаютъ одинъ за другимъ, Афганцы бросаютъ свои лагери, пушки, оружіе, припасы и спасаются бѣгствомъ; англійскія колонны уже приблизились къ Джелалабаду, а эмиръ Ширъ-Али собирается бросить свою столицу Кабулъ и ретироваться въ Гератъ, куда за нимъ должно будто бы послѣдовать и русское посольство... Мало этого, если вѣрить послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, то и Персія производитъ какую-то военную демонстрацію во вредъ несчастному эмиру, слѣдовательно въ пользу вездѣсущей Англіи. Почему сопротивленіе эмира оказывается такимъ ничтожнымъ, почему Англичанамъ такъ легко достаются почти безкровныя побѣды и занятія мѣстъ которыя при мало-мальски энергической защитѣ могли бы стóить имъ большихъ жертвъ, неизвѣстно; измѣна ли подвластныхъ эмиру племенъ, трусость ли его войскъ, недостатки ли вооруженія, или все вмѣстѣ? Но если такъ продлится еще нѣсколько дней, то пожалуй Англичане очутятся въ Кабулѣ, и владычеству Ширъ-Али конецъ. На его мѣсто посадятъ другаго, можетъ-быть непокорнаго сына Якубъ-хана, отъ Кабула до своей индійской границы займутъ нѣсколько лучшихъ позицій своими укрѣпленіями и гарнизонами; англійскіе агенты засядутъ прочно и откроютъ дѣйствія по извѣстной системѣ, и Британія не только обезпечитъ свою сѣверо-западную индійскую границу чтобы не чувствовать оттуда никакой тревоги,

но и сама еще станетъ въ угрожающее положеніе къ русскимъ среднеазіятскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ, первое важнѣйшее дѣйствіе всего плана будетъ исполнено и можно будетъ приступить къ слѣдующимъ частямъ; а между тѣмъ Россія держитъ за Балканами армію, а Турція усиливаетъ укрѣпленія вокругъ Константинополя и увеличиваетъ боевыя силы до внушительныхъ размѣровъ...

Но такъ или иначе, мы твердо убѣждены что какъ ни многочисленъ, какъ ни хитеръ, богатъ и силенъ врагъ Россіи, какъ ни небрезгливы средства его борьбы, ему все же не удастся осуществить всѣ свои фантазіи и окончательно насмѣяться надъ нами. Мы убѣждены что „rira bien qui rira le dernier", а кто будетъ послѣдній еще весьма трудно рѣшить. „Цыплятъ по осени считаютъ", говоритъ наша поговорка, а можетъ-быть ее знаетъ и эмиръ Афганскій....

Да нужно сказать и то что даже въ случаѣ полнѣйшей удачи, занятія и укрѣпленія Англичанами всѣхъ этихъ проходовъ Хайберскихъ, Балянскихъ и т. д., *научно* обезпеченной границы создать имъ не удастся если они будутъ продолжать вражду къ намъ и вынуждать насъ на отплату. Хайберы и Джелалабады также не помогутъ какъ не помогли Дунай и Балканы и Карсскія твердыни; для человѣческаго генія, его предпріимчивости и изобрѣтательности нѣтъ предѣловъ; что̀ казалось плодомъ болѣзненной фантазіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то сегодня стало фактомъ. Отвратить опасность отъ Индіи можно прекращеніемъ противодѣйствія Россіи въ довершеніи ея неизмѣнныхъ стремленій, а не завоеваніями въ Афганистанѣ.

У насъ двѣ цѣли: освободить всѣ христіанскія племена Балканскаго полуострова отъ мусульманскаго владычества и обезпечить себя въ Черномъ Морѣ отъ всякихъ попытокъ непрошенныхъ гостей. Для Россіи, какъ государства, это жизненные вопросы, послѣ удовлетворительнаго разрѣшенія коихъ никакихъ дальнѣйшихъ притязаній у нея быть не можетъ. Если же она, кромѣ того, дѣлаетъ шаги въ направленіи къ Индіи, то это есть не болѣе какъ репрессалія, вынужденная оборонительная мѣра противъ слѣпой, упорной враждебности Англіи. Англія, напротивъ, силится увѣрить и своихъ, и чужихъ что всѣ ея дѣйствія на Востокѣ, до порабощенія Болгаръ и поддержки „гнуснаго" турецкаго правительства включительно, только мѣры къ обезпеченію

Индіи, которой угрожаетъ Россія. Но это ложь: еслибы Англія не являлась постоянно со своею заклятою враждебностью къ Россіи, происходящею изъ убѣжденія что Россія главнѣйшая помѣха ея алчнымъ стремленіямъ захватить и Черное Море и пути въ Персію и повсюду стать единственною силой на моряхъ, единственною обладательницей торговыхъ оборотовъ на дальнихъ восточныхъ рынкахъ, куда съ выгодой можно сбывать все что̀ будетъ произведено ея населеніемъ, почти исключительно существующимъ фабричною работой,—еслибы не эта упорная, говоримъ мы, вражда, парализовавшая результаты войны 1828—29 годовъ, возбудившая Крымскую войну и истребленіе нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ Морѣ, проявляющаяся вездѣ съ постоянствомъ и дьявольскою изобрѣтательностью, то никакихъ угрозъ Индіи съ нашей стороны и въ поминѣ бы не было. Британскіе министры понимаютъ однако что откровеннымъ заявленіемъ своихъ цѣлей возбудишь неудовольствіе большинства благоразумнаго англійскаго населенія, что оно откажетъ въ деньгахъ нужныхъ для дѣйствія, и потому постоянно прибѣгаютъ къ изношенному, но сохраняющему свою силу средству: возбуждать руссофобію изъ страха предъ грозящими Индіи опасностями.

Мы, со своей стороны, остаемся при неоднократно уже высказанномъ мнѣніи: сила обстоятельствъ оказывается сильнѣе всѣхъ самыхъ сильныхъ міра сего. Благоразуміе требуетъ быть вполнѣ готовыми и обезпеченными ото всякихъ неожиданностей; необходимо обставить себя со всѣхъ сторонъ прочными рогатками, чтобы не только чаемый непріятель, но и *другъ сердечный* не появился вдругъ гдѣ-нибудь на флангѣ, въ тылу или на единственномъ пути сообщенія. Вотъ и Варна еще до сихъ поръ въ рукахъ Турокъ, ободряемыхъ присутствіемъ англійскаго военнаго судна, съ дерзкимъ нахальствомъ расположившагося въ Черномъ Морѣ для надзора за нами.

Начатая Англичанами война съ Афганистаномъ давала бы очень удобное средство перемѣнить наконецъ тонъ рѣчей нашихъ съ надменными лордами. Можетъ-быть поѣздка генерала Столѣтова въ Кабулъ въ апрѣлѣ 1877, или и еще раньше, принесла бы совсѣмъ иные результаты; но и тѣми которые являются послѣ теперешняго его путешествія можно воспользоваться не безъ успѣха. Противъ зазнавшагося нахальства—мягкость и уступчивость едва ли подходящая система.

Изъ только что обнародованной въ Лондонѣ переписки по Афганскому вопросу оказывается что насъ все запрашиваютъ, отъ насъ требуютъ отчета, объясненій, а мы не то оправдываемся и извиняемся, не то избѣгаемъ прямыхъ отвѣтовъ. Почему же, когда Англичане въ 1875 году, безо всякаго благовиднаго предлога, заняли Кветту, мы не обратились къ нимъ съ запросами и требованіями объясненій? Заключивъ въ 1873 году конвенцію о „нейтральной полосѣ", конвенцію гораздо болѣе полезную Англіи чѣмъ намъ, мы однако не настаивали на ея точномъ исполненіи; а теперь, когда вслѣдствіе явно враждебнаго образа дѣйствій Англіи, бывшаго и причиною послѣдней кровопролитной войны, и уменьшенія результатовъ ея, когда наконецъ ежеминутно должно было ожидать прямаго разрыва съ нею, Россія вынуждена была сдѣлать шагъ въ направленіи этой „нейтральной полосы", отъ насъ не только требуютъ отчета, но и прямо нарушили конвенцію открывъ войну подъ такими предлогами что читая, напримѣръ, обвинительный актъ британскаго министра колоній Кранбрука противъ эмира Ширъ-Али не знаешь чему больше удивляться: беззастѣнчивости предъ своею собственною публикой, въ числѣ коей есть такія компетентныя лица какъ лорды Лоренсъ и Норткотъ, не говоря о массѣ умныхъ и добросовѣстныхъ людей, которыхъ такими измышленіями нельзя же провести, или же, выражаясь мягко, легкости съ коею въ такой архи-конституціонной странѣ можно начинать войны...

Неужели не на нашей сторонѣ теперь право и предъявить запросъ, и потребовать объясненій, и поставить дѣло категорически, ребромъ? Когда у нашего врага, поставившаго себѣ задачей вредить, ослаблять, истощать и унижать насъ всѣми возможными способами, есть единственный слабый пунктъ, слѣдуетъ направить на него таранъ и бить насколько силъ хватитъ. Такъ намъ, не мудрствующимъ дипломатически, кажется, и такъ дѣйствуютъ вездѣ тѣ же Англичане, ловкости и энергіи коихъ мы удивляемся. Намъ многіе „свои" конечно сейчасъ скажутъ: вы *прежде* подумайте о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, устройте ихъ такъ чтобы имъ удивлялись и пр., а теперь вы только шовинисты на подкладкѣ квасного патріотизма; куда вамъ воевать, да другихъ освобождать! и все тому подобное, достаточно извѣстное изъ нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Здѣсь не мѣсто вступать по этому поводу въ пространныя препирательства, да и едва ли мы другъ

друга убѣдимъ: мы заговорили объ этомъ только именно съ цѣлью намекнуть читателямъ, что не взирая на нападки не „шовинистовъ“ и приводимые ими доводы, мы продолжаемъ стоять на своемъ: на крѣпкомъ, до послѣдняго человѣка и до послѣдней копѣйки, стояніи за честь, за достоинство и интересы Россіи *какъ государства*, а не какъ артели, имѣющей единую заботу о своихъ экономическихъ дѣлахъ. Мы ни чуть не отвергаемъ важности экономической стороны, и всего что̀ ведетъ къ возможному внутреннему улучшенію, благосостоянію матеріальному, мы говоримъ только что заняться этимъ *прежде* мы могли бы тогда еслибы враги сказали намъ: ну, хорошо, займитесь вашими внутренними дѣлами, устройте все такъ чтобы вы были и богаты, и просвѣщенны, а тогда мы начнемъ противъ васъ дѣйствовать; это дѣйствительно было бы хорошо и можетъ-быть министерство финансовъ, вмѣсто отсылки за границу ста милліоновъ рублей золотомъ для поддержки вексельныхъ курсовъ (бывшихъ тогда 325 франковъ за рубль и упавшихъ послѣ до 240), нашло бы возможнымъ запасти вдобавокъ другихъ двѣсти милліоновъ. Можетъ-быть мы бы и лучшую интендантскую систему изобрѣли, и армію шанцевыми инструментами снабдили бы, и много, много кое-чего другаго хорошаго устроили бы. Но горе въ томъ что противники не такъ наивны и не ждутъ, а слѣдовательно теперь не о томъ говорить надо что̀ слѣдовало дѣлать *прежде*, а о томъ что̀ нужно дѣлать *сейчасъ*, чтобы спасать свои кровные государственные интересы. А всѣ эти іереміады, страдающія обыкновено крайнею преувеличенностью, могли бы быть оставлены на послѣ, когда „враги не у дверей“. Да если посмотрѣть внимательно, вѣдь и у другихъ внутреннее экономическое положеніе не Богъ знаетъ уже насколько болѣе блестяще нашего, а между тѣмъ что̀ же мы видимъ: Англія или Австро-Венгрія занялись *прежде* этими недугами, а послѣ уже возьмутся за *шовинистскія* дѣйствія и преслѣдованіе своихъ цѣлей? Нѣтъ, они давно за нихъ взялись, и не взирая ни на что̀, ни даже на оппозицію, у нихъ вполнѣ законную, рвутъ и мечутъ лишь бы только не допустить Россію достигнуть ея цѣлей, лишь бы причинить ей гдѣ и какъ можно наибольшій вредъ. Ну, а вѣдь ихъ-то намъ и ставятъ въ предметъ удивленія и подражанія....

А. ЗИССЕРМАНЪ.

БРАТЬЯ ПОТЕМКИНЫ НА КАВКАЗѢ *

IV.

Соломонъ, царь Имеретинскій, ищетъ покровительства Россіи.—Посылка въ Имеретію полковника Тамары и его переговоры съ царемъ. — Прошеніе Имеретинъ.—Кончина Соломона.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Борьба партій.—Провозглашеніе Давида Георгіевича царемъ Имеретіи.—Поѣздка Бурнашева и ея послѣдствія.—Князь Попуна Церетели и его интриги.—Князь Абашидзе какъ претендентъ на Имеретинскій престолъ.—Намѣреніе Турокъ вторгнуться въ Имеретію.—Подложное письмо царя Давида.—Имеретинскіе послы въ Петербургѣ.—Инструкціи нашему посланнику въ Константинополѣ.—Вторженіе Турокъ въ Грузію.—Отраженіе непріятеля.—Внутреннія дѣла въ Имеретіи.

Переговоры о покровительствѣ, веденные царемъ Ираклiемъ II съ Русскимъ правительствомъ, возбудили зависть въ Имеретинскомъ царѣ Соломонѣ. Человѣкъ искренно преданный Россіи, Соломонъ давно желалъ подчиниться верховной власти Русскихъ императоровъ и настолько любилъ Россію что одно слово о ней производило въ немъ „нѣкоторое особливое чувствованіе". Посылаемыхъ къ нему русскихъ чиновниковъ Имеретинскій царь принималъ всегда съ особымъ почетомъ, уваженіемъ и нѣкоторымъ подобострастіемъ. Подъ видомъ сообщенія заграничныхъ извѣстій, Соломонъ весьма часто

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

присылалъ своихъ посланныхъ на линію съ письмами къ генералъ-поручику Потемкину, присылалъ ему подарки * и вообще всѣми силами старался выказать свою преданность Россіи.

Зависимость Имеретіи отъ Порты по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату лишала насъ возможности приступить къ немедленному исполненію желаній царя Соломона. Хотя князь Потемкинъ и находилъ шагъ принятія Имеретіи подъ покровительство Россіи до времени весьма скользкимъ, ** тѣмъ не менѣе Русское правительство старалось поддержать расположеніе царя Соломона и обѣщало принять Имеретію подъ свое покровительство при первой возможности.

„Ея императорскому величеству благоугодно, писалъ князь Потемкинъ, *** что послѣ сего знаменитаго для имперіи Россійской дѣла (принятія подъ покровительство Грузіи) примѣру царя Карталинскаго и Кахетинскаго могъ подражать и царь Имеретинскій Соломонъ, котораго расположенія согласуютъ уже сей высочайшей волѣ. Но какъ нѣкоторая зависимость его отъ Порты Оттоманской заставляетъ удержаться произведеніемъ сего въ дѣйство, покуда не откроются удобныя обстоятельства, то и нужно не упускать всего того что̀ только можетъ способствовать утвержденію преданности къ Россійскому престолу Имеретинскаго владѣтеля и его подданныхъ.“

Руководствуясь этимъ наставленіемъ, генералъ-поручикъ Потемкинъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Соломономъ, просилъ его чаще присылать извѣщеніе о состояніи дѣлъ въ Имеретіи и Турціи, и наконецъ обнадеживалъ царя въ постоянномъ расположеніи къ нему Русской императрицы. Взаимныя сношенія эти не имѣли серіознаго характера до тѣхъ поръ пока Соломонъ не узналъ что трактатъ съ Грузіей

---

* Царь Соломонъ прислалъ генералу Потемкину сначала двухъ мальчиковъ, а потомъ и дѣвушку *„для услуженія“*. Потемкинъ благодарилъ царя и писалъ что принимаетъ мальчиковъ только потому что желаетъ ему сдѣлать угодное, но въ услугахъ ихъ никакой нужды не имѣетъ. Дѣвушку же возвратилъ обратно и при этомъ послалъ царю въ подарокъ зрительную трубу, кусокъ матеріи и нѣсколько пудовъ желѣза, въ которомъ Соломонъ нуждался для покрытія церковной крыши.

** Письмо князя Потемкина А. А. Безбородко 5го сентября 1785 г.

*** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 3го апрѣля 1783 года. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

уже подписанъ, но лишь только извѣстіе о семъ дошло до Имеретіи, царь тотчасъ же отправилъ письмо П. С. Потемкину, въ которомъ просилъ принять и его подъ покровительство Россіи, на такомъ же точно основаніи на какомъ принята Грузія. * Потемкинъ послалъ Соломону подарки ** и просилъ прислать довѣренное лицо съ которымъ бы можно было переговорить объ условіяхъ подданства ***.

Между тѣмъ, не ожидая присылки такого лица, князь Потемкинъ воспользовался отправленіемъ въ Грузію полковника Тамары со знаками инвеституры и поручилъ ему, по окончаніи всѣхъ празднествъ въ Тифлисѣ, отправиться въ Кутаисъ, для переговоровъ съ царемъ Имеретинскимъ. Тамара долженъ былъ увѣрить Соломона въ искреннемъ расположеніи къ нему императрицы и свѣтлѣйшаго князя Потемкина и предложить ему отправить въ Петербургъ за подписью всѣхъ сословій народа на высочайшее имя прошеніе, проектъ котораго былъ переданъ полковнику Тамарѣ. Въ этомъ прошеніи царь долженъ былъ заявить что главнѣйшую причину, побуждающую его искать покровительства Россіи, составляютъ частые и весьма трудные болѣзненные припадки, опасеніе оставить Имеретію въ рукахъ малолѣтнихъ и неопытныхъ наслѣдниковъ и наконецъ желаніе избавиться отъ набѣговъ Турокъ, ихъ грабежей и разоренія его отечества. Эти три пункта, долженствовавшіе служить основаніемъ прошенія, не были приняты Соломономъ. При томъ неограниченномъ самовластіи которымъ пользовался царь надъ своими подданными, ему трудно было сознаться публично въ своей неспособности къ правленію хотя бы и вслѣдствіе тяжкой болѣзни; точно также по его понятію несовмѣстно было съ его достоинствомъ видѣть вмѣстѣ со своею подписью подписи его подданныхъ, и наконецъ по характеру азіятскаго населенія опасно было заявлять о малолѣтствѣ и неопытности своихъ наслѣдниковъ. Основываясь на этомъ Соломонъ говорилъ что прошеніе должно быть подписано имъ однимъ и основано единственно на личномъ его желаніи вступить подъ покровитель-

* Письмо Соломона генералу Потемкину 6го сентября 1783 года. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

** Часы золотые англійскіе съ репетиціей, табатерку, соболій и горностаевый мѣха, нѣсколько бумаги, сургучу и календарь.

*** Письмо П. С. Потемкина Соломону 24 сентября 1783 года.

ство Россіи. Упорство Соломона и несогласіе его исполнить наше требованіе задержали Тамару въ Имеретіи и онъ долженъ былъ прожить тамъ три недѣли чтобы добиться какого-либо отвѣта. Царь долгое время не высказывалъ окончательнаго рѣшенія и тѣмъ затягивалъ дѣло.

Человѣкъ безусловно храбрый, рѣдкихъ правилъ, обладавшій особою способностью управлять своимъ народомъ, Соломонъ былъ малограмотенъ, умѣлъ только читать и къ сожалѣнію предавался въ сильной степени пьянству, убивавшему въ немъ всякую дѣятельность мысли. „Несчастная склонность къ вину, доносилъ Тамара, * которая въ немъ кажется умножилась послѣ того какъ былъ я здѣсь въ первый разъ, препятствуетъ объясненіямъ. Рѣдко такой часъ случается въ который поговорить съ нимъ можно по надлежащему.“

Послѣ долгихъ усилій полковнику Тамарѣ удалось наконецъ уговорить Соломона написать прошеніе отъ имени всего народа и поводомъ къ исканію покровительства выставить вторженія Турокъ въ Имеретію. Въ Кутаисѣ были собраны представители всѣхъ сословій, которые послѣ взаимнаго совѣщанія сами составили прошеніе и подписали его 4го марта 1784 года.

„Всему свѣту извѣстна великая самодержица, писали Имеретины, ** милосердіе и неусыпное попеченіе твое о всѣхъ единовѣрныхъ тебѣ народахъ, какъ бы оные отдалены ни были, Богомъ данная десницѣ твоей сила возстановляетъ народы кровію Христовою искупленные и вѣру его исповѣдующіе.

„Въ числѣ тѣхъ народовъ и народъ сея земли, непобѣдимымъ твоимъ оружіемъ защищенный, предъ очима враговъ стоитъ и привлекаетъ на себя ненасытный взоръ ихъ и сердце жаждущее нашей погибели... Отдѣли, всемилостивѣйшая государыня, хотя малую частицу этого вѣчно славы исполненнаго времени твоего на выслушаніе по дѣлу вѣры и совѣсти приносимаго къ престолу твоему отъ толикихъ христіанъ прошенія.

„Положеніе наше въ разсужденіи ближайшей беззаконной Турецкой державы не можетъ быть ни твердо, ни спокойно,

* Потемкину въ рапортѣ отъ 6го марта. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

** Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

пока не будемъ мы подъ защищеніемъ вашего императорскаго величества. Чувствованія народа сего къ намъ ложны; ихъ желаніе—отмстить намъ междуусобіемъ, порабощеніемъ и поруганіемъ; время часто открываетъ глубину ихъ сердецъ.“

Высказавъ что Турки всегда были непримиримыми врагами христіанства и перечисливъ всѣ разоренія претерпѣнныя Имеретіей отъ нихъ въ послѣднее время, подписавшіеся просили защиты и покровительства. Припадая „съ преклоненіемъ головъ“ къ престолу Всероссійскому, царь Соломонъ, его наслѣдникъ, князья, архіереи, начальники, служители и весь народъ Имеретинскій „повергали себя навѣки подданными и рабами“ Русской императрицы.

„Помилуй, великая монархиня, говорили они, толикое множество единовѣрныхъ тебѣ христіанъ, и, ограждая насъ навсегда силою твоею, буди вѣчною избавительницей нашею; даруй намъ, землѣ, народамъ и потомкамъ нашимъ,—желающимъ быть вѣчно твоими подданными,—отнынѣ навсегда покровительство твое и преемниковъ престола твоего, прими на себя имя покровительницы нашей и государыни и возложи на насъ долгъ и званіе подданныхъ твоихъ, да будетъ то извѣстно врагамъ нашимъ, чтобы прекратилось въ нихъ, одинъ разъ навсегда, желаніе господствовать надъ нами...

„Не менѣе другихъ трудилася земля сія и народъ для защищенія вѣры христіанской, а съ тѣхъ временъ какъ озарилъ насъ свѣтъ покровительства твоего, болѣе пролито здѣсь крови и болѣе претерпѣлъ непріятель. Не нужны и не полезны мы, государыня, ни тебѣ, ни преемникамъ твоимъ, но христіанскаго закона ради, который равно какъ и Грузины исповѣдаютъ, просимъ быть приняты на равномъ съ ними основаніи подъ сильное покровительство твое.

„Даруй, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ и преемникамъ моимъ ту же самую защиту которая дарована тобою Карталинскому и Кахетинскому царю Ираклію и свѣтлѣйшаго дома его наслѣдникамъ. Сохрани равно въ лицѣ моемъ и наслѣдниковъ моихъ права и преимущества прежнихъ царей Имеретинскихъ. Лучъ милости и самодержавія твоего, всемилостивѣйшая государыня, да просвѣтитъ наконецъ царство сіе, настоящаго онымъ владѣтеля, князей, воинство и народъ. Всѣ въ сердцахъ своихъ суть рабы, всѣ единогласно желаютъ быть подъ защитой освященнаго твоего престола, всѣ отвергаемъ въ лицѣ всего свѣта всякую власть надъ нами

кого-либо другаго, кромѣ Всероссійскаго престола и сіе всеподданнѣйшее наше прошеніе подтверждаемъ подписаніемъ и печатями нашими." *

Прошеніе это не достигло еще до С.-Петербурга когда въ Имеретіи произошла перемѣна въ правительствѣ. Въ два часа пополудни, 23го апрѣля, Соломонъ скончался апоплексическимъ ударомъ. Утромъ въ день Св. Георгія, онъ всталъ совершенно здоровымъ, и по отправленіи утренней молитвы, хотѣлъ одѣваться, но едва надѣлъ половину одного чулка какъ упалъ и лишился языка. Находившійся при царѣ Соломонѣ докторъ Виттенбергъ, посланный въ Имеретію нашимъ правительствомъ, хотя и принималъ всѣ возможныя мѣры ко спасенію, но усилія его остались напрасными. **

За три дня до своей смерти царь Соломонъ отправилъ было депутатами въ Россію своего шурина князя Зураба Церетели и князя Христова, но кончина царя остановила ихъ въ Имеретіи. Вопросъ о томъ кто будетъ преемникомъ скончавшагося царя живо интересовалъ депутатовъ и всю Имеретію. Соломонъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола и потому скоропостижная кончина его поставила въ недоумѣніе первѣйшихъ людей Имеретіи. Не зная на что рѣшиться, они отправились къ доктору Виттенбергу и спрашивали, что имъ дѣлать?

— Вы, какъ мужи разумные, отвѣчалъ тотъ,—лучше меня знаете пользу отечества своего.

Послѣ взаимныхъ совѣщаній представители власти положили, по окончаніи церемоніи погребенія царя, избрать ему преемника, и тѣхъ же депутатовъ съ письмами покойнаго и вновь избраннаго царя отправить въ Россію.

Въ Имеретіи въ то время были два претендента на престолъ и оба они имѣли имя Давида; одинъ изъ нихъ былъ

* Прошеніе подписали: царь Соломонъ, два царевича Давыда: одинъ двоюродный братъ царя, другой племянникъ его, сынъ Арчила брата Соломона и внукъ царя Ираклія; затѣмъ подписали внукъ царя Соломона, владѣтель Гуріи князь Георгій со своими сыновьями: Симеономъ и Вахтангомъ, князья, митрополиты, архіереи и многіе дворяне.

** Рапортъ доктора Виттенберга Потемкину 25го апрѣля 1784 года.

двоюродный братъ умершаго, * лѣтъ тридцати отъ роду, а другой племянникъ—одиннадцатилѣтній юноша. ** Оба они имѣли сторонниковъ и располагали бóльшими или меньшими партіями своихъ приверженцевъ. Еще при жизни Соломона царь Ираклій старался примирить его съ двоюроднымъ братомъ Давидомъ Георгіевичемъ и настаивалъ на томъ чтобы наслѣдникомъ Имеретинскаго престола былъ внукъ его царевичъ Давидъ Арчиловичъ. Соломонъ уступилъ желанію Ираклія, дозволилъ Давиду Георгіевичу возвратиться въ Имеретію и отдалъ принадлежавшія ему деревни, а одиннадцатилѣтняго племянника Давида Арчиловича призналъ своимъ наслѣдникомъ. Признаніе это не имѣло однакоже никакого значенія и послѣ смерти Соломона произошла обыкновенная борьба партій. Одни желали возвести на престолъ племянника, другіе—двоюроднаго брата ***.

— Намъ надобенъ такой царь, говорили приверженцы послѣдняго,—который могъ бы владѣть саблей и защищать свою землю, со всѣхъ сторонъ окруженную непріятелемъ.

Споры и борьба партій продолжались до тѣхъ поръ пока сардарь (фельдмаршалъ) князь Папуна Церетели, пользовавшійся большимъ уваженіемъ соотечественниковъ, не провозгласилъ царемъ своего шурина царевича Давида Георгіевича. Женатый на родной сестрѣ послѣдняго, князь Церетели надѣялся что по родству и содѣйствію къ возведенію на престолъ онъ пріобрѣтетъ при новомъ царѣ еще бóльшія преимущества, вліяніе и значеніе. Предложеніе князя Папуны Церетели было принято большинствомъ, и 27го апрѣля Давидъ Георгіевичъ былъ объявленъ царемъ Имеретіи. На слѣдующій день онъ торжественно присягалъ и обязался защищать права своихъ подданныхъ, править ими по законамъ и

* Отецъ Давида царь Георгій былъ младшій братъ отца Соломона. Этотъ царевичъ Давидъ за сопротивленіе Соломону былъ изгнанъ имъ изъ Имеретіи и жилъ въ Тифлисѣ, на содержаніи царя Ираклія его родственника. Супруга Давида Анна Матвѣевна, урожденная княжна Орбеліани, была внукой княгини Анны Теймуразовны Орбеліани, родной сестры царя Ираклія. (Рапортъ Бурнашева Потемкину 7го мая, № 34, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.)

** Молодой человѣкъ этотъ былъ сынъ Арчила роднаго брата Соломона и внукъ царя Ираклія и царицы Дарьи.

*** Рапорты Виттенберга Потемкину 25го и 26го апрѣля. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

быть вѣрнымъ подданнымъ Русской императрицы. Давидъ Георгіевичъ тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ вступленіи на престолъ генералъ-поручика Потемкина и полковника Бурнашева, причемъ отправилъ къ обоимъ прошеніе духовенства, князей и народа, въ которомъ они просили исходатайствовать вновь избранному царю утвержденіе Русскаго правительства. Съ своей стороны царь Давидъ, высказывая желаніе идти по стезямъ своего предшественника и отправить посольство къ высочайшему двору, съ изъясненіемъ нуждъ и желаній Имеретинскаго народа, просилъ сохранить къ нему ту довѣренность которую Русское правительство имѣло къ покойному *.

Между тѣмъ устраненный отъ престолонаслѣдія царевичъ Давидъ Арчиловичъ, по совѣту своихъ приверженцевъ, обратился къ Ираклію, своему дѣду, съ просьбой защитить его право основанное на торжественномъ признаніи его покойнымъ царемъ Соломономъ наслѣдникомъ престола **. Эта просьба царевича Давида и борьба партій готовы были породить междуусобіе въ Имеретіи, гдѣ раздѣльность интересовъ имѣла мѣсто гораздо болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Лишь только скончался царь Соломонъ какъ владѣтель Мингреліи князь Дадіанъ, въ послѣднее время отложившійся отъ власти Имеретинскаго царя, желая пріобрѣсти еще бóльшую самостоятельность и независимость, сталъ интриговать противъ Имеретіи, стараясь усилить борьбу партій и произвести всеобщее волненіе. Дадіанъ отправилъ нарочнаго къ изгнанному изъ Имеретіи князю Абашидзе, призывая его въ Имеретію и обнадеживая своею помощью. Ходили слухи что точно такой же посланный отправленъ былъ Дадіаномъ и въ Константинополь съ увѣдомленіемъ что Соломонъ скончался и что Портѣ представляется теперь самый удобный случай привести къ покорности народъ Имеретинскій.

Интриги Дадіана не остались безслѣдными. Князь Абашидзе прибылъ въ Трапезондъ съ намѣреніемъ пробраться въ Имеретію и произвести тамъ волненіе. Солейманъ-паша Ахалцыхскій, узнавъ о вступленіи на престолъ Давида,

* Письма царя Давида генералу Потемкину 1го мая 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** Рапортъ Бурнашева П. С. Потемкину 7го мая 1784 года, № 34й. Тамъ же.

требовалъ чтобъ онъ по зависимости Имеретіи отъ Порты отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбой объ утвержденіи его на престолѣ.

Опасаясь чтобы Турецкій дворъ не воспользовался неизбѣжнымъ волненіемъ при перемѣнѣ правленія въ Имеретіи, наше правительство признавало необходимымъ какъ можно скорѣе упрочить власть царя Давида, и потому Ираклію внушено было не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Имеретіи и признать установившійся тамъ образъ правленія. Ираклій хотя и считалъ себя оскорбленнымъ за то что престолъ вопреки обѣщанію покойнаго Соломона не перешелъ ко внуку его Давиду Арчиловичу, согласился однакоже признать законнымъ избраніе Давида Георгіевича. „Опасаясь какого-либо безпорядка или междуусобія въ Имеретіи, писалъ Ираклій П. С. Потемкину, * я въ настоящее время уклонился отъ моего права и далъ свое согласіе на признаніе Давида Георгіевича царемъ, но когда мой внукъ придетъ въ совершенный возрастъ, тогда судьба его будетъ зависѣть отъ императорскаго двора.“

Грузинскій царь просилъ чтобы Русское правительство обязало царя Давида отдать во владѣніе его внука всѣ тѣ имѣнія которыми владѣлъ отецъ его Арчилъ, чтобы царь Давидъ призналъ своего племянника наслѣдникомъ по немъ и чтобы кромѣ имѣній уступилъ ему двѣ вооруженныя крѣпости со всѣми принадлежащими къ нимъ землями. Для болѣе успѣшнаго достиженія желаемаго Ираклій старался соединить свое требованіе съ видами политическими и говорилъ что такая уступка крѣпостей необходима въ случаѣ уклоненія царя Имеретинскаго отъ интересовъ Россіи, ибо тогда онъ можетъ быть ослабленъ противодѣйствіемъ царевича Давида Арчиловича **. Въ сущности же Грузинскій царь главнѣйшимъ образомъ хлопоталъ о томъ чтобы внукъ его могъ безопасно жить въ Имеретіи, такъ какъ опасался чтобы люди услужливые, изъ угожденія новому царю, не отравили его.

Образованіе государства внутри государства не могло быть допущено нашимъ правительствомъ, какъ вещь крайне вредная,

---

* Въ письмѣ отъ 3го мая 1784 года. Тамъ же.

** Письмо Ираклія полковнику Бурнашеву 12го мая 1784 года Тамъ же.

и потому требованія Ираклія остались неудовлетворенными. Во избѣжаніе же взаимной вражды между членами царскаго дома и возможнаго междуусобія, генералъ-поручикъ Потемкинъ поручилъ полковнику Бурнашеву отправиться въ Имеретію и устроить тамъ дѣла царства. Бурнашевъ пригласилъ ѣхать съ собою имеретинскаго католикоса Максима, давно оставившаго свое отечество и жившаго въ Грузіи *.

Максимъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Имеретіи, гдѣ его присутствіе, какъ человѣка преданнаго Россіи, могло быть весьма полезно, не только для нашихъ интересовъ, но для подкрѣпленія царя Давида и удержанія знатнѣйшихъ лицъ отъ взаимной вражды и своеволія. Царь Давидъ, сознавая то огромное вліяніе которое имѣлъ Максимъ на его подданныхъ и нуждаясь въ его содѣйствіи, также приглашалъ его въ Имеретію. Максимъ и на этотъ разъ отказывался ѣхать, но принужденъ былъ уступить настоянію полковника Бурнашева. **

„Одна только всеподданнѣйшая вѣрность къ ея императорскому величеству, говорилъ онъ, и повиновеніе на кои я въ бытность въ Россіи присягалъ, заставляютъ меня туда слѣдовать. Если угодно великой всемилостивѣйшей государынѣ, то я готовъ и жизнію пожертвовать.“ 1го іюня полковникъ Бурнашевъ вмѣстѣ съ католикосомъ Максимомъ выѣхали изъ Тифлиса. Непроходимость рѣкъ, вслѣдствіе бывшихъ предъ тѣмъ сильныхъ дождей, задержали ихъ путешествіе, и только 9го іюня достигли они до резиденціи Давида селенія Цха-цхоро, находившагося по Сурамской дорогѣ, верстахъ въ сорока отъ Кутаиса. Царь, духовенство, князья и множество народа выѣхали версты за три отъ селенія на встрѣчу прибывшимъ. „Я нашелъ ихъ всѣхъ, доносилъ Бурнашевъ, *** вооруженныхъ партіями, съ примѣтнымъ безпокойствомъ, какъ будто въ ожиданіи отъ пріѣзда моего своего успокоенія. Всякъ жаждалъ слушать слова обнадеживающія

* Поводомъ къ удаленію Максима изъ Имеретіи было несогласіе его на бракосочетаніе сына царя Соломона, царевича Александра, желавшаго вторично жениться при живой женѣ оставленной имъ въ Тифлисѣ. Покойный царь Соломонъ нѣсколько разъ предлагалъ Максиму возвратиться въ Имеретію, но тотъ, зная непостоянство соотечественниковъ, оставался въ Грузіи.

** Рапортъ Бурнашева Потемкину отъ 25го мая № 44.

*** Рапортъ полковника Бурнашева Потемкину 13го іюня № 51.

ихъ въ высочайшей милости и покровительствѣ Екатерины Великой."

Всегда предупредительные къ Русскимъ, Имеретины на этотъ разъ казалось хотѣли превзойти себя. Нуждаясь теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ покровительствѣ и поддержкѣ Россіи, царь, вельможи и даже простой народъ заискивали въ полковникѣ Бурнашевѣ. Они опасались чтобы со смертію царя Соломона не прекратилось и расположеніе Русской императрицы къ Имеретіи. Ихъ успокоивало только присутствіе католикоса Максима, прибытіе котораго въ Имеретію объясняли тѣмъ что страна эта вѣроятно не лишилась еще покровительства Россіи. Максимъ былъ принятъ съ особеннымъ восторгомъ какъ царемъ, такъ и всѣми его подданными. Давидъ тотчасъ же возвратилъ ему всѣ права, имѣнія и въ своемъ письмѣ П. С. Потемкину * называлъ Максима украшеніемъ страны; народъ же смотрѣлъ на своего католикоса какъ на святаго человѣка и единственнаго примирителя всѣхъ партій враждебныхъ другъ другу **.

Причина безпокойнаго настроенія Имеретинъ скоро объяснилась: оно происходило отъ непрочности новаго правительства, отъ недовѣрчивости другъ къ другу и отъ неопредѣленности положенія каждаго изъ присутствовавшихъ. Бурнашевъ замѣтилъ среди собравшихся двѣ партіи если не вполнѣ враждебныя, то по крайней мѣрѣ не вошедшія въ соглашеніе другъ съ другомъ: одна болѣе многочисленная поддерживала сторону царя, другая—царевича Давида Арчиловича. Послѣдняя состояла изъ толпы вооруженныхъ, но бѣдныхъ и ничтожныхъ людей, преимущественно изъ тѣхъ у коихъ отняты были имѣнія покойнымъ царемъ Соломономъ. Терять имъ было нечего, а поддерживая царевича, они надѣялись въ случаѣ успѣха улучшить свое состояніе.

Обѣ партіи смотрѣли на полковника Бурнашева какъ на лицо присланное Русскимъ правительствомъ установить въ Имеретіи правленіе, а слѣдовательно и спокойствіе. Въ ожиданіи такого рѣшенія всѣхъ занималъ вопросъ о томъ, какое участіе будетъ принято въ судьбѣ царевича Давида

---

* Письмо Давида Потемкину отъ 13-го іюня 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

** Письмо ему же безъ числа отъ всѣхъ сословій народа. Тамъ же, карт. 47.

Арчиловича, и если вновь избранный царь будетъ оставленъ на престолѣ, то удержатъ ли свою власть и чины тѣ лица которыя были при покойномъ царѣ Соломонѣ? До окончательнаго разъясненія этого вопроса обѣ партіи не сходились другъ съ другомъ.

„Необычайно видѣть сіи толпы вооруженныя, писалъ Бурнашевъ *; каждый бояринъ имѣетъ свою немалую за собою свиту таковыхъ людей. Хотя они и всѣ стекаются подъ единое покровительство всеавгустѣйшей нашей государыни, но безпокойство отъ незнанія своей участи и недовѣрчивость между собою содержала ихъ въ крайнемъ мыслей кипѣніи. Не имѣя страха къ строгости царя Соломона, считаютъ они, какъ кажется, новаго своего царя яко по милости ихъ избраннаго и не сильнаго сдѣлать имъ никакого прещенія.“

При содѣйствіи католикоса Максима полковнику Бурнашеву удалось примирить враждовавшія партіи и возстановить спокойствіе въ Имеретіи. Царь Давидъ рѣшился дать письменное обязательство, въ которомъ высказалъ будущія отношенія къ своимъ подданнымъ. Онъ объявилъ непремѣнное желаніе отправить посольство въ Россію, съ просьбой о покровительствѣ; обѣщалъ обезпечить царевича Давида и поручилъ его опекѣ католикоса Максима, какъ его крестнаго отца. Князей и дворянъ царь обѣщалъ оставить при занимаемыхъ ими должностяхъ и званіяхъ и во всемъ поступать по сущей справедливости. Съ своей стороны князья, духовенство и дворяне письменно обязались быть вѣрными царю и исполнять всѣ его повелѣнія безпрекословно **.

Бурнашевъ уѣхалъ изъ Имеретіи, но спокойствіе въ ней не установилось. Сардарь князь Папуна Церетели первый подалъ поводъ къ новымъ замѣшательствамъ. Провозглашая своего шурина царемъ Имеретинскимъ, Церетели разчитывалъ на многія преимущества, но къ сожалѣнію замѣтилъ что Давидъ не оказываетъ ему никакихъ предпочтеній предъ другими. Онъ надѣялся быть первымъ лицомъ въ Имеретіи, но увидѣлъ что царь обращается за совѣтами къ Бурнашеву и католикосу Максиму, какъ человѣку наиболѣе свѣдущему и опытному. Папуна Церетели возненавидѣлъ этихъ

* Генералу Потемкину отъ 13го іюня № 51.

** Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 26го іюня, № 52.

лицъ и рѣшился противодѣйствовать царю во всемъ что̀ не исходило изъ его совѣтовъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда полковника Бурнашева онъ подговорилъ князя Беро Цилукидзе и другихъ знатнѣйшихъ лицъ заявить что они несогласны на отправленіе посольства въ Россію, и когда царь сталъ настаивать на этомъ, то партія Церетели и Цилукидзе рѣшилась оставить Давида. Покинувъ царскую резиденцію они разъѣхались по домамъ. Удивленный такимъ поступкомъ Давидъ послалъ спросить ихъ о причинѣ удаленія и требовалъ чтобы всѣ князья оставались при немъ до отправленія посольства.

— Мы о посольствѣ ничего не знаемъ, отвѣчали князья посланнымъ,—и если царь хочетъ, то можетъ самъ ѣхать въ Россію, а изъ насъ никто не поѣдетъ.

Пріѣха̀въ самъ въ Кутаисъ и зная что источникомъ всѣхъ волненій князь Папуна Церетели, царь Давидъ просилъ бывшаго при немъ доктора Виттенберга узнать о причинѣ неудовольствій.

— Отчего вы такъ поспѣшно оставили царя, спросилъ Виттенбергъ Папуну Церетели,—вы который содѣйствовали возведенію его на престолъ?

— Намъ досадно было, отвѣчалъ тотъ,—что царь переговаривался съ полковникомъ Бурнашевымъ безъ нашего согласія.

— Но вѣдь вы всѣ тутъ были и также съ Бурнашевымъ говорили.

— Правда, мы съ нимъ говорили, но мы просили царя чтобъ онъ съ нимъ никакого дѣла не имѣлъ, а царь дѣлалъ все это намъ въ досаду.

— Что̀ же вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ Виттенбергъ.

— Возведемъ на престолъ малолѣтняго Давида, отвѣчалъ Церетели.

Это извѣстіе встревожило Давида тѣмъ болѣе что не упрочивъ еще за собою власти онъ получалъ неуспокоительныя извѣстія изъ Турціи. Порта объявила царемъ Имеретіи находившагося въ изгнаніи князя Кайхосро Абашидзе, искавшаго престола, обѣщавшаго Турецкому правительству платить дань и посылать ежегодно въ Константинополь 190 мальчиковъ и дѣвочекъ *. Князь Абашидзе отправилъ письма къ

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10го октября, № 461.

первѣйшимъ князьямъ Имеретіи, въ которыхъ сообщалъ что Порта обѣщала дать ему двѣнадцать тысячъ войска и что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ явится въ Имеретію.

— Мы получили письмо изъ Турціи, говорилъ загадочно князь Зурабъ Церетели лѣкарю Виттенбергу,—и скоро въ Имеретіи произойдетъ нѣчто новое.

Виттенбергъ зналъ на что намекаетъ Зурабъ, зналъ что дѣло идетъ о прокламаціяхъ князя Абашидзе и потому старался представить князю Зурабу Церетели то бѣдствіе въ которое будетъ вовлечена Имеретія, если опять подпадетъ подъ власть Турокъ, и при этомъ замѣтилъ что Россія не придетъ уже тогда вторично къ ней на помощь.

— Конечно, говорилъ Виттенбергъ,—Россіи до Имеретіи очень мало нужды, но вспомните что потомки ваши будутъ оплакивать это несчастіе.

— Я всею душой радъ бы былъ, отвѣчалъ Зурабъ,—и желаю чтобы Россія приняла Имеретію подъ свое покровительство, но что мнѣ сдѣлать, когда братъ и Беро Цилукидзе не хотятъ чтобы послы были посланы въ Россію.

— Уговорите вашего брата, оставьте Цилукидзе и обратитесь къ царю; Цилукидзе одному нечего будетъ дѣлать.

Совѣтъ Виттенберга подѣйствовалъ и князья Церетели помирились съ Давидомъ *. Царь хотѣлъ воспользоваться этимъ примиреніемъ и наказать князей Цилукидзе. Онъ приказалъ окружить домъ ихъ въ Кутаисѣ, съ намѣреніемъ захватить всю фамилію въ свои руки. Въ то время одна изъ дочерей князя Цилукидзе была сговорена уже за царевича Вахтанга, сына царя Ираклія, и женихъ долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени пріѣхать въ Кутаисъ. Узнавъ объ опасности угрожающей фамиліи князей Цилукидзе, царевичъ Давидъ Арчиловичъ, какъ родственникъ царевича Вахтанга, собралъ толпу вооруженныхъ и отправился на выручку осажденныхъ. Опасаясь кровопролитія, а главное вмѣшательства Ираклія II, царь Давидъ оставилъ свое намѣреніе захватить Цилукидзе и, чтобы задобрить царевича Давида, рѣшился уступить ему, въ области Рачѣ, крѣпость Минду, со всѣми принадлежащими къ ней домами и вотчинами **.

---

* Письмо доктора Виттенберга генералу Потемкину отъ 9го августа 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

** Письмо царевича Давида царю Ираклію безъ числа. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

Князья Цилукидзе примирились съ царемъ и присягнули быть ему вѣрными, а Давидъ не только простилъ ихъ, но въ послѣдствіи ходатайствовалъ даже одному изъ нихъ, и именно сардарю, награду отъ щедротъ императрицы *. Царевичъ Давидъ Арчиловичъ пріобрѣлъ своимъ поступкомъ большое значеніе въ Имеретіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерасположеніе царя и всей преданной ему партіи. „Мы и Давидъ племянникъ нашъ, писалъ царь полковнику Бурнашеву **, спокойны не будемъ и между нами согласіе и любовь совершенна быть не можетъ, да и жизнь наша благополучна. Для того просимъ донести его высочеству царю (Ираклію), дабы онъ дозволилъ сего молодаго человѣка воспитать порядочно и приказалъ непостоянныхъ людей отдать на малое время для нашей общей пользы."

Имеретинскій царь видѣлъ въ царевичѣ Давидѣ опаснаго себѣ соперника и потому естественно искалъ случая или ослабить его, или вовсе удалить изъ Имеретіи. Возникшая между ними вражда, какъ увидимъ, была поводомъ ко многимъ волненіямъ въ странѣ и безъ того отличавшейся полнѣйшимъ безначаліемъ, въ странѣ, гдѣ власть царя не была еще упрочена, гдѣ князья и народъ привыкли къ своеволію, гдѣ каждый искалъ случая ловить рыбу въ мутной водѣ и обогатиться насчетъ ближняго. Только участіе Россіи, которое принимала она въ единовѣрномъ ей народѣ, удерживало Имеретію отъ разложенія и конечной погибели.

Зная о покровительствѣ Россіи, владѣтель Мингреліи князь Дадіанъ оставилъ свои происки и призналъ надъ собой верховную власть царя Имеретинскаго; его примѣру послѣдовалъ и владѣтель Гуріи. На взаимномъ свиданіи царь Давидъ и оба эти владѣльца постановили жить въ мирѣ, содѣйствовать другъ другу во всемъ что̀ касается спокойствія и цѣлости Имеретіи и въ особенности дѣйствовать единодушно противъ внѣшнихъ враговъ, которые готовы уже были вторгнуться въ Имеретію.

Владѣтель Гуріи и Дадіанъ Мингрельскій получили по нѣскольку писемъ отъ князя Кайхосро Абашидзе, увѣдомлявшаго о скоромъ прибытіи въ Батумъ со многочисленнымъ

---

* Письмо царя Давида князю Потемкину 7го сентября 1784 года. Госуд. Арх. XV, 210.

** Въ письмѣ отъ 1го іюля, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

турецкимъ войскомъ и призывавшаго ихъ на соединеніе съ нимъ, если не желаютъ своей погибели. *

Въ маѣ князь Кайхосро Абашидзе прибылъ къ анатольскому пашѣ Аджи-Алію и вручилъ ему фирманъ Порты, повелѣвающій пашѣ собрать тридцать тысячъ человѣкъ войска и отправиться съ ними, послѣ праздника Байрама, въ Имеретію для возведенія князя Абашидзе на престолъ Имеретинскій.

— Самъ-то я не поѣду и изъ ближнихъ своихъ чиновниковъ тоже никого не отправлю, говорилъ паша одному изъ нашихъ чиновниковъ; **—а пошлю кого-нибудь изъ посторонниковъ. Если Россія или Грузія вступятся за Имеретію, то, не принимая въ томъ участія, буду смотрѣть на это дѣло какъ человѣкъ посторонній.

Не смѣя ослушаться повелѣній Порты Аджи-Али-паша отправилъ въ Поти нѣсколько судовъ съ провіантомъ и приготовлялъ войска для отправленія туда же.

Получивъ свѣдѣнія о намѣреніи князя Абашидзе вторгнуться въ Имеретію съ турецкими войсками, царь Давидъ сталъ готовиться къ оборонѣ. Онъ собиралъ войска и чтобы подвинуть успѣшнѣе дѣло защиты отечества прибѣгнулъ къ хитрости. Царь составилъ подложное письмо, будто бы присланное къ нему генераломъ Потемкинымъ, и прочелъ его въ собраніи знатныхъ вельможъ и народа. Выслушавъ содержаніе письма, въ которомъ обѣщалась помощь Россіи въ томъ случаѣ если Имеретины будутъ дѣйствовать единодушно противъ общихъ враговъ отечества, всѣ собравшіеся клялись защищаться до послѣдней капли крови и постановили отправить немедленно посольство въ Россію ***.

---

* Письмо князя Кайхосро Абашидзе къ Гуріелю. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, пап. 47.

** Посланному съ письмомъ пашѣ отъ генералъ-поручика Потемкина. Тамъ же.

*** Письмо Виттенберга генералу Потемкину отъ 9го августа 1784 года. Вотъ переводъ письма написаннаго царемъ Давидомъ отъ имени П. С. Потемкина и читаннаго въ собраніи. „Извѣстіе о приближеніи Турокъ до меня дошло и равно я слышалъ что идутъ напасть на васъ и на вашу землю. Ими предводитъ одинъ изъ Имеретинцевъ именемъ Абашидзе Кайхосро, которому обѣщано царство Имеретинское. Съ нимъ идутъ двѣнадцать тысячъ Турокъ воцарить его, за обѣщаніе султану поставить Имеретію какъ она прежде была въ рабствѣ и съ непремѣнною платой отроками обоихъ

Въ составъ посольства были назначены католикосъ Максимъ, сардарь и салтъ-ухуцесъ князь Зурабъ Церетели, первый мдиванъ-бегъ князь Давидъ Квенихидзе и князь Бессаріонъ Габановъ. Въ концѣ августа послы оставили Имеретію и отправились въ Петербургъ, куда и прибыли въ день Рождества Христова, 25го декабря.

На третій день послѣ пріѣзда посольство было принято княземъ Потемкинымъ, величественный видъ и веселое лицо котораго, по выраженію католикоса Максима *, „обѣщали намъ покровительство". Свѣтлѣйшій обнадежилъ ихъ милостію императрицы, которая пожаловала посланнымъ 8.000 руб. ** и 29го декабря удостоила ихъ своею аудіенціей. Послы были въ восторгѣ отъ привѣта великой монархини, отъ ея обнадеживаній и наконецъ самой церемоніи съ которою производилось ихъ представленіе императрицѣ.

Въ то время когда въ Петербургѣ для посольства праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, въ Имеретіи происходили другаго рода событія: тамъ вторгнувшіеся Турки грабили и разоряли страну.

Въ половинѣ сентября князь Кайхосро Абашидзе дѣйствительно пріѣхалъ въ Батумъ, куда вмѣстѣ съ нимъ прибыла и часть турецкихъ войскъ; другая часть высадилась въ Поти. Новый претендентъ на Имеретинскій престолъ разсылалъ повсюду письма, приглашая Имеретинъ принять его сторону.

половъ. Но кто смѣетъ напасть на ту землю которую защищаетъ ея императорское величество. Можетъ-быть они не вѣдаютъ что ея императорское величество покровительствуетъ Имеретіи и что Имеретины наивѣрнѣйшіе подданые императорскаго трона.

„Покойный царь Соломонъ давно уже находился подъ сѣнію щедрой десницы всеавгустѣйшей государыни. Ваша свѣтлость, дайте всѣмъ вѣдать что ежели Турки приближутся къ Имеретіи, я имѣю повелѣніе имъ воспрепятствовать не только разорять, но и входить въ оную. Какъ скоро вы о томъ извѣстите, я приму надлежащія мѣры; войска здѣсь готовы и никто не можетъ имъ противостать. Я имѣю повелѣніе никого не пускать и нынѣ будьте вы осторожны и храбры. Извѣщайте обо всемъ меня и присылайте пословъ, дабы они увидѣли величіе и великолѣпіе высочайшаго двора." (См. Госуд. Архивъ XV, № 210.)

* Госуд. Арх. XV, № 210.

** Католикосу 2.000, князьямъ Церетели и Квенихидзе по 1.500 р., свитѣ 1.000 и на столъ 2.000.

Князь Абашидзе сначала предлагалъ Гуріелю и Дадіану союзъ и дружбу, но не успѣвъ склонить ихъ на свою сторону сталъ требовать аманатовъ. *

Не нарушая трактатовъ и мирныхъ постановленій съ Портой, наше правительство могло оказать Имеретіи только косвенно помощь и содѣйствіе противъ замысловъ Турокъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ отправилъ къ царю Давиду нѣкоторую сумму денегъ на военныя потребности; для привлеченія къ нашимъ интересамъ Дадіана Мингрельскаго и подъ видомъ засвидѣтельствованія сестры его царицы Дарьи объ усердіи Дадіана къ Россіи, императрица Екатерина II пожаловала ему, 18го ноября, орденъ Св. Александра Невскаго съ жемчужною звѣздой, штуку лентъ и десять звѣздъ безъ украшеній. При этомъ владѣльцу Мингреліи сообщено что если онъ сохранитъ расположеніе къ Россіи и останется вѣрнымъ ей, то можетъ разчитывать и на бóльшія милости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица поручила своему посланнику въ Константинополѣ Булгакову настоять у Порты чтобъ она оставила всякія покушенія на Имеретію и Грузію. Булгаковъ уполномоченъ былъ заявить Турецкому правительству что Россія, вступаясь за единовѣрные ей народы и избавляя ихъ отъ угнетеній, дѣлала это съ тою цѣлью чтобъ они навсегда были обезпечены совершенною безопасностью и имѣли собственное правленіе и что Русское правительство не можетъ смотрѣть равнодушно на новыя бѣдствія „имъ пріуготовляемыя“. Желая сохранить дружбу и доброе согласіе съ Портой Оттоманскою, Русское правительство будетъ крайне сожалѣть, если держава эта подастъ поводъ къ новымъ распрямъ своими дѣйствіями, клонящимися на угнетеніе народа единовѣрнаго Россіи. Оставляя народъ Имеретинскій въ настоящемъ его состояніи, подъ управленіемъ нынѣшняго царя избраннаго народною волей и по указанію покойнаго Соломона, Порта сохранитъ тишину въ томъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ докажетъ свое миролюбіе, тогда какъ напротивъ всякое покушеніе противъ Грузіи и Имеретіи Петербургскій дворъ не можетъ принять иначе какъ за непріязненное дѣйствіе противъ Россіи.

Въ послѣднее время, и именно по принятіи Грузіи подъ

---

* Письмо царя Давида католикосу Максиму 26го сентября. Рап. Потемкина князю Таврическому 10го октября, № 461.

покровительство Россіи, пограничные съ нею турецкіе паши, стараясь вредить царю Ираклію, разсылали къ Лезгинамъ возмутительныя письма „съ выраженіями непристойными" для Россіи, а потому чтобы „министерство турецкое отнюдь не думало что можетъ оно мало-по-малу производить въ дѣйствіе вредныя намъ ихъ намѣренія", императрица поручила Булгакову спросить Порту, по ея ли повелѣнію разсылаются подобныя возмутительныя воззванія или по своеволію пашей? Въ первомъ случаѣ дать ей почувствовать что дальнѣйшая разсылка подобныхъ воззваній можетъ произвести непріятныя послѣдствія, а во второмъ, то-есть если Турецкое правительство сложитъ всю вину на пограничныхъ пашей, требовать строгаго съ нихъ взысканія, какъ подающихъ поводъ къ нарушенію мира и добраго согласія между двумя союзными державами. *

„Быть-можетъ, писала императрица Екатерина въ другомъ рескриптѣ Булгакову, ** что министерство турецкое станетъ говорить о народѣ Имеретинскомъ что оный есть подданный Порты Оттоманской и присвоять потому право перемѣнять тамъ владѣтелей по своей волѣ, но таковой перемѣны мы никоимъ образомъ попустить не можемъ, а ежели бы вы не могли успокоить Порту до такой степени чтобъ она оставила всякое движеніе въ томъ краѣ безъ дальнѣйшихъ изъясненій, то позволяемъ вамъ обратить дѣло сіе въ негоціацію, настоя однако жь непремѣнно, чтобы до окончанія сихъ переговоровъ, никакое препятствіе не дѣлано было нынѣшнему царю Имеретинскому въ его правленіи и чтобы войска въ сію землю и противъ оной посылаемы не были. Что же принадлежитъ до царя Карталинскаго и его земель и вообще до дѣлъ въ Персіи, въ томъ никакой вопросъ со стороны Порты настоять не можетъ."

Инструкціи эти не достигли до Булгакова, когда Турки 30го октября въ числѣ 6.000 человѣкъ вторглись въ Персію. Дойдя до Озургетъ, они разграбили и выжгли семь селеній, разсѣяли жителей, но въ плѣнъ захватить ни одного не могли, ибо Гурійцы, узнавъ о приближеніи непріятеля, заблаго-

---

* Рескриптъ Булгакову отъ 7го октября. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, карт. 49.

** Рескриптъ отъ того же числа. Тамъ же.

временно скрылись въ безопасныя мѣста *. Царь Давидъ, собравъ до 4.000 Имеретинъ, выступилъ съ ними изъ Кутаиса и 3го ноября прибылъ въ селеніе Саджевахо, въ которомъ и остановился на нѣсколько дней чтобы выждать прибытія къ нему новыхъ войскъ. Онъ отправилъ нарочнаго къ генералъ-поручику Потемкину, прося помощи и увѣряя его что всѣ собравшіеся подъ его знамя Имеретины горятъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ **.

На послѣднемъ переходѣ, наканунѣ предполагаемаго сраженія къ Давиду прибылъ нарочный съ письмомъ отъ генерала Потемкина. Царь воспользовался этимъ и просилъ посланнаго объѣхать его войска, причемъ приближенные Давида распустили слухъ будто нѣсколько русскихъ полковъ отправлены съ Кавказской линіи для подкрѣпленія Имеретинъ, и что посланный опередилъ ихъ только для того чтобы поторопиться доставить это извѣстіе въ лагерь имеретинскихъ войскъ. Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они ободрили христіанское ополченіе настолько что въ послѣдствіи Давидъ сожалѣлъ что ему не пришлось сразиться съ Турками ***.

Зайдя въ тылъ непріятелю и занявъ всѣ пути отступленія царь Давидъ намѣренъ былъ въ ночь на 12е ноября атаковать Турокъ, но „къ оскорбленію моему, писалъ онъ ****, невѣдомо кто изъ нашего общества предостерегъ враговъ моихъ". Терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, Турки какъ только услышали о мнимомъ приближеніи русскихъ войскъ и узнали что путь отступленія имъ отрѣзанъ и что Имеретины намѣрены атаковать ихъ, не выждали нападенія. Разсѣявшись въ разныя стороны, они небольшими партіями перебрались въ Поти, оставивъ въ добычу Имеретинамъ весь свой лагерь, обозъ, тяжести, аммуницію, 1.400 ружей и даже

* Письмо царя Давида католикосу Максиму въ декабрѣ безъ числа. Госуд. Арх. XV, № 210.

** Письмо Давида генералу Потемкину 3го ноября. Госуд. Арх. XXIII № 13, карт. 48. Рапортъ Бурнашева ему же, отъ 8го ноября. Тамъ же карт. 47.

*** Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22го января 1785 года № 6. Письмо Давида Потемкину безъ числа. Госуд. Арх. XXIII, № 13, пап. 49 и 50.

**** Въ декабрѣ католикосу Максиму. Госуд. Арх. XV, № 210.

навьюченныхъ лошадей *. Предводитель Турокъ и виновникъ бѣдствія своего отечества князь Кайхосро Абашидзе бѣжалъ въ Трапезонтъ, откуда болѣе не возвращался.

Давидъ торжествовалъ. „Ваше превосходительство, писалъ онъ Потемкину, подтверждаете намъ о соединеніи непоколебимомъ; я имѣю честь увѣдомить что единодушіе нынѣ столь твердо что какъ будто сердца всѣхъ составляли единое. Всѣ единодушно готовы защищаться; всѣ единогласно молятъ Бога за августѣйшую нашу государыню.“

Съ удаленіемъ Турокъ Имеретія вздохнула свободнѣе отъ внѣшнихъ враговъ, но не избавилась отъ внутреннихъ безпорядковъ. Царь Давидъ для управленія народомъ не имѣлъ тѣхъ способностей какія имѣлъ покойный царь Соломонъ, не умѣлъ поставить себя относительно своихъ подданныхъ и потому постоянно враждовалъ съ вельможами. Наиболѣе уважаемые Имеретинами, князья Церетели, Цилукидзе и другія лица, не пользуясь довѣренностію царя, отказались отъ чиновъ и, удалившись въ свои имѣнія, не принимали никакого участія въ управленіи страной. Простой народъ своевольничалъ, не слушалъ ни царя, ни поставленныхъ имъ правителей, избранныхъ большею частію изъ числа лицъ не заслуживавшихъ уваженія. Всѣми дѣлами царства управлялъ бѣжавшій изъ Грузіи князь Элиздаръ Эристовъ, женившійся на дочери покойнаго царя Соломона, но мало способный къ управленію государственными дѣлами. Царь Давидъ по безграмотности, по неопытности въ дѣлахъ и наконецъ по слабости характера только запутывалъ дѣла и обыкновенно слѣдовалъ первому совѣту кого-либо изъ окружающихъ, набранныхъ изъ людей бѣдныхъ и безпокойныхъ. Пользуясь безхарактерностію царя, его приближенные обкрадывали Давида, претерпѣвавшаго крайнюю бѣдность и бывавшаго часто безъ хлѣба. Царь принужденъ былъ, въ началѣ 1785 года, для собственнаго пропитанія наложить на народъ новые налоги, но Имеретины отказались платить ихъ и послѣ народнаго собранія, постановили давать царю съ каждаго двора по червонцу, по 60 копѣекъ вмѣсто барана, по 6 пудъ гоми, по 15 ведеръ вина, а за тѣмъ болѣе ничего не давать.

Примирившись съ Дадіаномъ Мингрельскимъ, царь Давидъ

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22го января 1785 года, № 6.

считалъ его самымъ близкимъ себѣ другомъ и до того подпалъ подъ его вліяніе что безъ совѣта Дадіана не рѣшался предпринять ничего сколько-нибудь важнаго ни по дѣламъ внѣшнимъ, ни по внутреннимъ *. Онъ отдалъ въ управленіе Дадіана до 700 дворовъ, доходы съ которыхъ предоставилъ въ его пользу, но Дадіанъ, въ знакъ благодарности, старался усилиться насчетъ царя и поддерживалъ постоянные раздоры въ Имеретіи **.

V.

Положеніе Грузіи относительно сосѣдей.—Внутреннее состояніе страны.—Намѣреніе Ираклія подчинить своей власти хана Ганджинскаго.—Вторженіе Лезгинъ и отраженіе ихъ русскими войсками.— Интриги Порты и ихъ послѣдствія.

Введенные въ Грузію два егерскіе баталіона не могли одни защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ со всѣхъ сторонъ ея окружавшихъ и не могли оказать большаго вліянія на внутренній порядокъ или скорѣе безпорядокъ бывшій тогда въ Грузіи. Подданные магометанскаго закона дурно или вовсе не повиновались царю, а карталинскіе Татары были готовы къ бѣгству. Въ Адербеджанѣ, послѣ усиленія Хойскаго хана, Ираклій потерялъ свое прежнее вліяніе и лишился подарковъ которые получалъ прежде; Ганджа почти отложилась отъ него; Эриванскій ханъ не платилъ дани и, поддерживаемый ханомъ Хойскимъ и пашой Ахалцыхскимъ, не признавалъ надъ собою власти царя Грузинскаго. Давнишній союзникъ Ираклія Ибраимъ ханъ Шушинскій (Карабахскій) также сталъ уклоняться отъ союза, а сосѣдніе съ Грузіей Лезгины грабили и опустошали страну, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Защита страны находи-

* Вскорѣ послѣ возвращенія своего изъ похода въ Кутаисъ Давидъ нашелъ тамъ посланнаго съ письмомъ отъ Солейманъ-паши Ахалцыхскаго. Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо паши, Давидъ отправился за совѣтомъ къ Дадіану, имѣлъ съ нимъ свиданіе на рѣкѣ Цхенисъ-Цхали и только по возвращеніи отправилъ посланнаго съ отвѣтомъ.

** Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 19го августа 1785 года, № 34.

лась въ рукахъ наемниковъ худо радѣвшихъ о пользѣ Грузинъ. Усилить число своихъ войскъ Ираклій не находилъ возможнымъ, и на предложеніе генерала Потемкина платить своимъ войскамъ жалованье и давать продовольствіе отъ казны царь отвѣчалъ что это не въ обыкновеніи въ ихъ землѣ. „Если сію плату, писалъ Ираклій *, будемъ производить нашему народу, то невозможно будетъ умножать нашихъ войскъ другими народами и потому содержимъ наши войска безъ платы, а на сіи деньги умножаемъ ихъ число другими народами.“

Несмотря на свое безсиліе, Ираклій пытался возстановить потерянное имъ вліяніе въ Адербеджанѣ и упрочить свою власть въ Эриванѣ и Ганджѣ. Собравъ свои войска онъ отправилъ ихъ къ Ганжѣ подъ начальствомъ бывшаго въ Ганджѣ губернаторомъ князя Андроникова и Шамшадыльскаго Али-султана. Ганджинцы встрѣтили Грузинъ въ садахъ окружающихъ городъ, но послѣ непродолжительной перестрѣлки принуждены были запереться въ крѣпости. Этотъ незначительный успѣхъ подалъ надежду Ираклію что Ганджинцы покорятся и безъ содѣйствія русскихъ войскъ, если только Фетъ-Али-ханъ Дербентскій не помѣшаетъ Ибраимъ-хану Шушинскому прислать свои войска въ помощь Грузинамъ. Опасаясь чтобы вражда возникшая между Дербентскимъ и Шушинскимъ ханами не помѣшала Ибраиму оказать содѣйствіе въ покореніи Ганджи, Ираклій просилъ Фетъ-Али оставить свои непріязненныя дѣйствія противъ Карабага. Посланный царя мирза Мисаилъ встрѣтилъ Дербентскаго хана на пути къ Карабагу, въ мѣстечкѣ Сальянахъ, гдѣ онъ принужденъ былъ остановиться со своими войсками по недостатку въ запасахъ продовольствія. Почти въ одно время съ мирзой Мисаиломъ прибылъ къ Фетъ-Али-хану посланный паши Ахалцыхскаго, его казначей съ тремя тысячами червонныхъ, собольею шубой и часами усыпанными бриліантами. Посланный паши увѣрилъ Дербентскаго хана въ непремѣнной помощи со стороны Турецкаго двора и передалъ ему письмо возбуждающее его къ дѣйствіямъ противъ Россіи.

„Милости и обогащеніе Карталиніи со стороны Россійскаго двора, писалъ Солейманъ, имѣютъ ту наклонность чтобъ

* Въ письмѣ П. С. Потемкину 29го декабря 1781 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

обладать всѣмъ Ираномъ. Предувѣдомляемъ васъ заблаговременно о томъ; будьте готовы къ начатію (военныхъ дѣйствій) сего лѣта, а я вамъ отвѣчаю казною. Вы отъ тѣхъ мѣстъ начнете свое дѣло, а мы отсюда нападемъ на Грузію. Совѣтую вамъ соединить всѣ свои силы; въ противномъ случаѣ раскаитесь и скоро, когда ослабѣютъ всѣ ваши члены.“

Фетъ-Али-ханъ хотя и не вѣрилъ всѣмъ этимъ обѣщаніямъ, но хотѣлъ извлечь возможную пользу отъ такой присылки. Онъ отправилъ къ генералу Потемкину своего чиновника Садыкъ-мирзу съ извѣщеніемъ что къ нему прибылъ посланный отъ турецкаго паши съ подарками, которыхъ онъ не только не принялъ, но и письма не читалъ, что посланный отправился потомъ въ Карабагъ къ Ибраимъ-хану, который принялъ его съ особенными почестями, пушечною пальбой и въ присутствіи всѣхъ надѣлъ на себя халатъ присланный ему въ подарокъ.

„Вы изволите всегда мнѣ писать, говорилъ Фетъ-Али-ханъ въ письмѣ своемъ П. С. Потемкину *, что Ибраимъ-ханъ состоитъ подъ покровительствомъ ея величества и чтобъ его не притѣснять, но увѣряю васъ что онъ посылаетъ къ Турецкому султану посланниковъ съ секретными переписками и за то получаетъ себѣ подарки и вмѣшивается въ непристойныя дѣла, а я и поднесь состою въ вѣрности ея величеству.“

Надѣясь получить одобреніе за мнимую преданность къ Россіи, Фетъ-Али-ханъ вмѣсто того получилъ отъ генерала Потемкина выраженіе сожалѣнія что отпустилъ посланнаго, и не задержалъ его въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы слѣдовало поступить человѣку преданному Россіи **. Ошибшійся въ разчетахъ Дербентскій ханъ видѣлъ что интрига его противъ Ибраимъ-хана Шушинскаго также не удалась. Онъ сознавалъ что военныя его предпріятія противъ Ибраима не могутъ быть успѣшны, такъ какъ бо́льшая часть его войскъ, не имѣя средствъ къ пропитанію, расходилась по домамъ, а между тѣмъ жители Карабага оставивъ селенія со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ и семействами, удалились въ горы и засѣвъ въ крѣпкихъ мѣстахъ, готовы были встрѣтить непріятеля.

---

* Отъ 10 января 1785 года, Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

** Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 22го января, № 7й. Тамъ же.

Затруднительное положеніе въ которомъ очутился Фетъ-Али-ханъ было причиной что онъ встрѣтилъ посланнаго Ираклія съ особою предупредительностью. Онъ увѣрялъ мирзу Мисаила что желаетъ сохранить съ царемъ Иракліемъ дружбу и доброе согласіе и, не имѣя никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Грузіи, не можетъ однако же примириться съ Ибраимъ-ханомъ. Дербентскій ханъ предлагалъ раздѣлить Карабагъ на двѣ части,—одну взять себѣ, а другую предоставить Ираклію, но съ тѣмъ чтобы въ этомъ раздѣлѣ Русскіе не имѣли никакого участія.

— Намъ нужно, говорилъ Дербентскій ханъ мирзѣ Мисаилу,— утвердить союзъ съ царемъ Иракліемъ присягой, аманатами или свиданіемъ. Я не требую отъ его высочества большаго числа войскъ, а только пятьсотъ человѣкъ для завоеванія Карабага. Когда я возьму и разорю Шушу, я поселю жителей на равнинѣ. Татарскую орду принадлежащую Грузіи возвращу, а остальныхъ раздѣлимъ между нами, или такъ: Армяне достанутся его высочеству, а магометане мнѣ. Буде царю угодно будетъ, то сдѣлаемъ брата Ибраимъ-хана начальникомъ Карабага: пусть онъ намъ обоимъ служитъ. Если мои предположенія исполнятся, я не хочу имѣть никакого участія въ дѣлахъ Ганджи и тогда вся область перейдетъ къ царю.

— Его высочество, отвѣчалъ на это Мисаилъ,—находится подъ покровительствомъ Россійской императрицы и безъ совѣта русскаго начальника ни въ какія дѣла входить не станетъ.

Отвѣтъ этотъ не нравился Фетъ-Али-хану, желавшему отклонить отъ союза съ Ибраимъ-ханомъ.

— Коронованъ былъ вашъ царь? спросилъ Фетъ-Али-ханъ, какъ бы перемѣняя разговоръ.

— Корона въ родѣ нашихъ царей не новость, отвѣчалъ Мисаилъ;—они съ давнихъ временъ были всегда коронованы. Остановка въ семъ произошла отъ того что свѣтлѣйшій князь (Потемкинъ) намѣренъ прибыть въ Моздокъ, а оттуда въ Карталинію, чтобы короновать царя при себѣ.

— Царь и предъ симъ ввелъ Россіянъ въ свое отечество, замѣтилъ Фетъ-Али-ханъ,—но никакого прока отъ нихъ не видалъ.... Чего вы отъ нихъ теперь ожидаете?

— Такія слова простительно говорить кому-нибудь другому, а не вамъ, когда вы существуете единственно подержкой Россіи.

— Я не намѣренъ, отвѣчалъ Фетъ-Али-ханъ,—имѣть какое-либо дѣло съ Русскими и дѣлать ихъ соучастниками въ моихъ поступкахъ. Если его высочество содержитъ нѣсколько войскъ россійскихъ для своей стражи, пусть съ ними и совѣтуется, а я усильно стараться буду завладѣть Карабагомъ.

Спустя нѣсколько дней Фетъ-Али-ханъ дѣйствительно подошелъ къ Карабагу. Ибраимъ вышелъ на встрѣчу непріятеля и расположившись въ четырехъ миляхъ отъ него, въ одной изъ своихъ крѣпостей, просилъ помощи Ираклія. * Не имѣя въ своемъ распоряженіи свободныхъ войскъ, Грузинскій царь принужденъ былъ послать приказаніе Али-Султану и князю Андроникову чтобъ они, снявъ осаду Ганджи, слѣдовали на соединеніе съ Ибраимъ-ханомъ.

Ганджинцы торжествовали, тѣмъ болѣе что получили увѣреніе со стороны Фетъ-Али-хана что онъ употребитъ всѣ свои силы къ освобожденію заключеннаго хана и возвращенію ему владѣнія. Чтобы скорѣе достигнуть желаемаго и поддержать Фетъ-Али-хана, Ганджинцы стали склонять на свою сторону подданныхъ Ираклія Шамшадыльскихъ и Шамхорскихъ Татаръ, которые, видя временный успѣхъ Ганджинцевъ, намѣрены были также отложиться отъ власти царя. Ираклій обратился тогда къ помощи русскихъ войскъ. Онъ просилъ полковника Бурнашева поддержать его въ экспедиціи противъ Ганджи. Бурнашевъ приказалъ тремъ ротамъ Горскаго баталіона слѣдовать въ селеніе Муганлу; одной ротѣ Бѣлорусскаго полка изъ Сурама и тремъ изъ Кизиховъ прибыть въ Тифлисъ, съ тѣмъ чтобы выступить оттуда вмѣстѣ съ грузинскими войсками. Общее соединеніе обоихъ нашихъ отрядовъ было назначено на рѣкѣ Алгетѣ. Въ Грузіи остались только три роты Горскаго егерскаго баталіона, расположенныя въ Сурамѣ и нобходимыя для защиты страны отъ Лезгинъ, производившихъ набѣги со стороны Ахалцыха. **

Не оставляя своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Грузіи, Солейманъ-паша содержалъ Лезгинъ на своемъ жалованьи и, давая имъ пріютъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, направлялъ

* Письмо мирзы Мисаила князю Герсевану Чавчавадзе 7го марта 1785 года. Госуд. Архивъ XV, № 197.

** Рапортъ Бурнашева Потемкину 22го февраля № 7. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, папка 49.

ихъ отъ времени до времени въ Грузію. На требованіе Потемкина чтобы паша не держалъ у себя Лезгинъ, Солейманъ отвѣчалъ что онъ не имѣетъ возможности воспретить имъ приходъ въ свои владѣнія и сваливалъ всю вину на Ираклія и его подданныхъ.

„Для чего Грузины, писалъ онъ, * пропускаютъ ихъ чрезъ свое отечество и не воспретятъ проходъ имъ въ Кахетію и Карталинію, чрезъ которыя они выходятъ и ко мнѣ. Какимъ образомъ мнѣ воспретить имъ входъ? тѣмъ болѣе что Леки (Лезгины) съ нами одного закона, по которому взаимная вражда и брань воспрещается. Не безызвѣстно также вамъ и то что Дагестанъ по своему положенію составляетъ ближайшее сосѣдство Грузіи и удаленнѣе отъ меня; что народу сему издревлѣ какъ Персія, такъ Ахалцыхъ и Карталинія не въ силахъ были въ отечества свои возбранить проходы. Довольно видно изъ сего что не я причиной и что я безсиленъ между двумя великими государями нарушить миръ нынѣ существующій.“

Солейманъ писалъ что не онъ нарушаетъ миръ, а Ираклій, который, вторгаясь въ турецкія владѣнія, выводитъ жителей въ Карталинію и что такимъ способомъ переселилъ къ себѣ нѣсколько сотъ крестьянъ.

Солейманъ считалъ себя въ правѣ поступать точно такимъ же образомъ и потому собралъ въ своихъ владѣніяхъ довольно значительную толпу (до четырехъ тысячъ) Лезгинъ и Ахалцыхскихъ Турокъ, которые, какъ „заподлинно извѣстно, писалъ князь Потемкинъ-Таврическій **, вызваны были въ сей походъ публичными крикунами“.

Въ апрѣлѣ 1785 года сборище это вторгнулось въ Карталинію, разорило три деревни и увлекло въ плѣнъ болѣе 600 человѣкъ жителей. Находившійся въ Сурамѣ майоръ Сенненбергъ, по полученіи свѣдѣній о вторженіи въ Грузію значительной толпы хищниковъ, взялъ 200 егерей съ однимъ орудіемъ и бросился ихъ преслѣдовать. 16го апрѣля онъ настигъ ихъ на Ахалцыхской дорогѣ, въ семи верстахъ отъ Сурама, прижалъ къ лѣвому берегу рѣки Куры, и послѣ четырех-

* Въ письмѣ П. С. Потемкину 12го марта 1785 года. Госуд. Архивъ XV, № 192.

** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 22го мая № 146. Госуд. Арх. XXIII, № 13й папка 49.

часоваго сраженія разбилъ ихъ наголову. Болѣе 1.300 человѣкъ непріятелей погибло въ этомъ сраженіи; многіе изъ нихъ, спасаясь отъ русскихъ пуль и штыковъ, бросались въ Куру и тонули будучи не въ силахъ достигнуть до противоположнаго берега; множество тѣлъ плыло по рѣкѣ Курѣ до самаго Тифлиса. Наибольшая потеря пала на долю Турокъ, изъ коихъ 200 человѣкъ было взято въ плѣнъ *. Побѣда была полная и ее торжествовали въ Грузіи и Имеретіи. „Опыты храбрости нашихъ войскъ, писалъ Потемкинъ по поводу этой побѣды полковнику Бурнашеву **, и всегдашнее сокрушеніе Лезгинъ дерзающихъ противустоять храбрымъ нашимъ войскамъ, послужатъ въ доказательство царю и всѣмъ Грузинамъ, сколь велико для нихъ благополучіе быть подъ щитомъ россійскаго воинства.“

Скоро Ираклій долженъ былъ самъ сознать справедливость словъ Потемкина, ибо Лезгины и Турки, желая отомстить пораженіе нанесенное имъ Сенненбергомъ, 27го мая, снова вторгнулись въ Грузію въ числѣ 1.200 Лезгинъ и 500 человѣкъ Турокъ. Выйдя ночью изъ Ахалцыха и спустившись внизъ по рѣкѣ Курѣ они опустошили нѣсколько селеній. Тотъ же майоръ Сенненбергъ взялъ 300 человѣкъ егерей, 125 Грузинъ и три орудія и выступивъ изъ Сурама пошелъ на встрѣчу хищникамъ. 28го мая обѣ стороны встрѣтились другъ съ другомъ. Непріятель со стремительностію бросился на Грузинъ, смялъ ихъ и атаковалъ егерей. Послѣ часоваго, весьма упорнаго сраженія, майоръ Сенненбергъ, несмотря на замѣшательство Грузинъ, разсѣялъ непріятеля, оставившаго на полѣ 300 человѣкъ убитыми и 63 человѣка плѣнными ***.

Хотя Турки и Лезгины потерпѣли вторичное пораженіе, тѣмъ не менѣе поступки Солейманъ-паши заставили наше правительство требовать отъ Порты полнаго удовлетворенія, въ ожиданіи котораго Потемкину поручено было отправить къ сераскиру Хаджи-Али-пашѣ своего посланнаго „съ жалобой и настоять чтобы съ Солейманъ-пашой поступлено было яко съ нарушителемъ мирныхъ постановленій и чтобы пресѣчена была впредь навсегда подобная дерзость“.

* Рапорты Бурнашева Потемкину 22го и 24го апрѣля, за №№ 18 и 19.

** Въ ордерѣ отъ 2го іюля № 30.

*** Государств. Арх. XX, № 263.

Письмо это точно также какъ и представленія нашего посланника въ Константинополѣ оставались безо всякаго исполненія. Турецкое правительство неравнодушно смотрѣло на пребываніе нашихъ войскъ въ Грузіи и втайнѣ не только одобряло поведеніе паши Ахалцыхскаго, но и старалось возмутить противъ Грузіи сосѣднихъ владѣльцевъ, не щадя для того ни денегъ, ни подарковъ. По всему Закавказью подъ именемъ путешественниковъ и торговцевъ разъѣзжали посланныя турецкимъ правительствомъ лица, стараясь убѣдить все магометанское населеніе что Россія обѣщала Ираклію покорить всю Персію. Какъ ни нелѣпы были эти толки, но они оказывали свое дѣйствіе и въ особенности когда лѣтомъ 1785 года въ Закавказьѣ появился Капиджи-баши развозившій фирманы султана, призывавшіе правовѣрныхъ къ сопротивленію замысламъ Россіи.

Правовѣрные принимали посланныхъ съ подобающимъ почетомъ, вѣрили въ широкое обѣщаніе Порты содѣйствовать имъ деньгами и войсками и ополчались противъ Грузіи. Въ августѣ Ираклій получалъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о сборѣ на его границахъ многочисленныхъ враговъ: въ Ахалцыхѣ собирались Лезгины и Турки, подстрекаемые и набираемые Солейманъ-пашой; Омаръ-ханъ Аварскій соединясь съ Джаро-Бѣлоканцами, также приготовлялся ко вторженію въ Грузію; магометанскіе подданные царя Ираклія волновались, переговаривались съ Лезгинами и обѣщали отложившись отъ царя присоединиться къ нимъ. Казахи дали даже слово съ появленіемъ Лезгинъ схватить жившаго среди нихъ царевича Георгія и передать въ ихъ руки. Посланные въ Дагестанъ лазутчики приносили каждый день все болѣе и болѣе угрожающія извѣстія и совѣтовали Грузинамъ заблаговременно сыскать для своихъ женъ и дѣтей убѣжища и скрыть въ безопасныя мѣста свое имущество *. Опасаясь болѣе всего вторженія Омаръ-хана, силы котораго простирались до 15.000 человѣкъ, Ираклій хотя и призывалъ къ себѣ на службу Ингушей и Осетинъ, обѣщая имъ хорошее жалованье, но считая свое положеніе безвыходнымъ, не думалъ уже объ оборонѣ границъ, а приказалъ жителямъ собираться въ четыре главные пункта, отстаивать которые и былъ намѣренъ. Пунктами

* Рапорты подполковника Кватнина-Самарина Бурнашеву 3го и 17го августа 1785 года.

этими были города: Гори, Тифлисъ, Телавъ и Сигнахъ. Приказаніе это осталось далеко неисполненнымъ. Въ то время въ Грузіи не было единства и многіе изъ князей и дворянъ, предпочитая слѣдовать собственнымъ интересамъ, остались въ своихъ маленькихъ зáмкахъ *. Положеніе страны было критическое; Грузины собирались на защиту отечества медленно, вяло и неохотно, такъ что на успѣхъ отраженія непріятеля разчитывать было трудно.

„Долгомъ поставляю представить, писалъ полковникъ Бурнашевъ ** что по испытанію моему черезъ два года худую я имѣю надежду на Грузинъ, причины сему не мѣсто теперь объяснять. Не имѣю я конныхъ войскъ и для разъѣздовъ, то нужно хотя бы сколько-нибудь имѣть оныхъ на сей случай; нужно и для того чтобы присланіемъ сикурса ободрить отъ унынія упадшихъ здѣшнихъ жителей, а непріятелямъ вперить страхъ умноженіемъ нашихъ силъ.“

Грузины находились дѣйствительно въ большомъ смятеніи, тѣмъ болѣе что Лезгины со стороны Ахалцыха, не ожидая Омаръ-хана Аварскаго, разсѣялись по всей Грузіи небольшими партіями, грабили и опустошали страну. Чрезвычайные жары изсушили всѣ рѣки, такъ что переправа черезъ нихъ не представляла никакихъ затрудненій и почти не было дня чтобы Лезгины не похищали гдѣ-нибудь скота, или людей, или не сжигали хлѣба, дò котораго до сихъ поръ они никогда не касались.

Ираклій, не надѣясь на собственную защиту, повторялъ свою просьбу о присылкѣ русскихъ войскъ въ Грузію и доставленіи ему заимообразно 200 пудовъ пороху. Полковникъ Бурнашевъ сосредоточилъ въ Тифлисѣ восемь ротъ своихъ баталіоновъ, съ тѣмъ чтобы двинуться съ ними противъ непріятеля, когда узнаетъ дѣйствительное направленіе которое онъ возьметъ при вторженіи въ Грузію. ***

Въ то время Потемкинъ не могъ оказать Ираклію никакой помощи, ибо всѣ войска расположенныя на Кавказской линіи были заняты усмиреніемъ волненій произведенныхъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа появившимся въ Чечнѣ пророкомъ.

---

* Рапортъ Бурнашева 4го октября, № 42.

** Рапортъ Бурнашева Леонтьеву 17го августа, № 38.

*** Рап. Бурнашева Потемкину 19 августа, № 33.

VI.

Пророкъ въ Чечнѣ и его ученіе о газаватѣ или священной войнѣ.— Неудачное дѣло полковника Піерра съ Чеченцами. — Волненія въ Кабардѣ.—Нападеніе горцевъ на Каргинскій редутъ и на Григоріополисъ.

Въ началѣ 1785 года въ Чечнѣ явился пророкъ, по имени Мансуръ, * начавшій проповѣдывать новое ученіе. Уроженецъ селенія Алтыкабака, ** пастухъ званіемъ, Мансуръ принадлежалъ къ самымъ бѣднымъ жителямъ аула и имѣлъ въ то время около двадцати лѣтъ отъ роду.

— Отецъ мой, говорилъ онъ, *** — именовался Шебессе; онъ умеръ, но изъ братьевъ моихъ еще двое въ живыхъ. Я бѣденъ, все мое имѣніе состоитъ изъ двухъ лошадей, двухъ быковъ и одной хижины. Въ первые годы своей юности пасъ я овецъ, а возмужавъ упражнялся въ земледѣліи; грамотѣ не ученъ, читать и писать не умѣю, а выучилъ наизусть повседневныя пять молитвъ и узналъ основные догматы религіи. Я видѣлъ что соотчичи мои какъ простой народъ, такъ ученые и духовенство уклонились отъ путей закона, впали въ различныя заблужденія и отринувъ должное къ Богу почтеніе, постъ и молитву, стали жить развратно, утопая во всѣхъ родахъ злодѣяній. Мнѣ извѣстно было что съ давняго времени народъ нашъ слѣдуетъ дурнымъ обычаямъ воровать, убивать безо всякаго сожалѣнія нашихъ ближнихъ, и вообще ничего иного не дѣлать кромѣ зла; и самъ я поступалъ такимъ же образомъ. Но вспомнивъ смертный часъ и вѣдая что за неисполненіе закономъ повелѣнныхъ обязанностей долженъ буду дать отвѣтъ Богу на страшномъ судилищѣ, я вдругъ освѣтился размышленіемъ о родѣ жизни мною провождаемомъ и усмотрѣлъ что онъ

---

* Дѣйствительное имя его было Учерманъ, передѣланное нами сначала въ Ушурму, а потомъ въ Мансура. Въ послѣдствіи и самъ пророкъ называлъ себя этимъ послѣднимъ именемъ.

** Такъ самъ Мансуръ называлъ то селеніе въ которомъ онъ родился. На нашихъ картахъ оно извѣстно подъ именемъ Алды.

*** Въ своихъ показаніяхъ Шетковскому и другимъ. Госуд. Арх. VII, № 2.777; XXIII, № 13, карт. 50—52.

совсѣмъ противенъ нашему святому закону. Я постыдился своихъ дѣяній и рѣшился не продолжать болѣе такой варварской жизни, а сообразить свое поведеніе съ предписаніями священнаго закона. Я далъ себѣ твердый зарокъ не слѣдовать худымъ примѣрамъ своихъ соотчичей, жить набожно и никогда не отставать отъ поста и молитвы. Я покаялся о грѣхахъ своихъ, умолялъ о томъ же другихъ, и ближайшіе мои сосѣди повиновались моимъ совѣтамъ.

Небольшое число послѣдователей новаго ученія не удовлетворяло однако же Мансура. Одаренный отъ природы гибкимъ умомъ и сильною волей, онъ умѣлъ вкрадываться въ довѣренность другихъ и, горя нетерпѣніемъ выйти изъ круга обыкновенныхъ людей, рѣшился для привлеченія къ себѣ бо́льшаго числа учениковъ прибѣгнуть къ хитрости и указать на себя какъ на посланника великаго Пророка. Однажды жители селенія Алды узнали что Мансуръ видѣлъ сонъ, доказывающій несомнѣнно что онъ избранникъ Божій.

— Во снѣ видѣлъ я, говорилъ Мансуръ его окружающимъ,— что пріѣхали ко мнѣ на дворъ два человѣка на лошадяхъ и звали меня къ себѣ. Я приказалъ женѣ выйти посмотрѣть и узнать: кто они и откуда? Жена, увидя верховыхъ лошадей, удивилась какъ могли они попасть на дворъ, ворота котораго были заперты накрѣпко.

Возвратясь къ мужу она объявила что на дворѣ дѣйствительно стоятъ два всадника, но кто они и откуда явились она не знаетъ. Тогда Мансуръ самъ пошелъ на дворъ. Пріѣхавшіе привѣтствовали его словами: селямъ алейкюмъ, на которыя хозяинъ отвѣтилъ обычнымъ привѣтомъ, и вслѣдъ за тѣмъ услышалъ отъ гостей необычайныя слова.

— Повелѣніемъ Бога нашего, говорилъ одинъ изъ нихъ,— Магометъ пророкъ его прислалъ насъ къ тебѣ сказать что народы ваши всѣ пришли въ заблужденіе и не исполняютъ совсѣмъ закона даннаго имъ отъ Магомета. Увѣщевай народъ и передай ему наши слова, дабы онъ оставилъ свои заблужденія и шелъ по пути данному намъ закономъ.

— Народъ нашъ, отвѣчалъ будто бы Мансуръ,—не послушаетъ меня бѣднаго человѣка; да и не смѣю я сказать ему объ этомъ.

— Не бойся, говори, Господь тебѣ поможетъ и народъ повѣритъ всему что̀ ты станешь проповѣдовать.

Всадники исчезли. Мансуръ три дня провелъ въ постѣ и

молитвѣ и затѣмъ передалъ свое сновидѣніе братьямъ. Онъ говорилъ имъ что безвѣріе, закоренѣлые пороки, склонность къ грабежамъ и убійствамъ губятъ Чеченцевъ и готовятъ имъ осужденіе въ будущей жизни; что онъ по власти данной ему Богомъ можетъ исправить пороки своихъ соотечественниковъ, научить ихъ истинному закону и тѣмъ отвратить отъ ожидающаго ихъ бѣдствія. Братья приняли этотъ разказъ за бредъ воспаленнаго воображенія и запретили Мансуру видѣнный имъ сонъ передавать постороннимъ.

— Люди тебѣ не повѣрятъ, говорили они,—а намъ будетъ стыдно.

Спустя два дня Мансуръ снова обратился къ братьямъ съ просьбой дозволить ему объявить сонъ народу.

— Приключеніе это тѣснитъ меня, говорилъ онъ со слезами,—и такъ мнѣ тягостно что если не объявлю народу, то долженъ умереть.

Послѣ такихъ словъ братья принуждены были согласиться. Мансуръ взошелъ, по обычаю, на крышу своего дома, закрылъ уста рукавомъ и тихимъ голосомъ сталъ созывать односельцевъ. „Какъ тихо ни пущалъ онъ свой голосъ, говорили въ послѣдствіи Алдинцы, но жители въ ту же минуту всѣ къ нему сбѣжались.“ *

Разказавъ собравшимся сновидѣніе, Мансуръ сталъ требовать покаянія.

— Оставьте взаимныя ссоры, убійства, кровомщеніе и простите другъ друга, говорилъ онъ народу.—Не курите табаку, не пейте ничего что̀ изъ солода приготовляется и не прелюбодѣйствуйте. Имѣніе теперешнее, какъ неправильно собранное и накопленное, истребите, хлѣба не сѣйте, ибо вмѣсто него каждый будетъ имѣть отъ Бога посланное. Именемъ Бога и его пророка Магомета упрашиваю васъ послушайте меня, а если не исполните сіи заповѣди и не послушаете моихъ сказаній, то въ скорости подвергнетесь гнѣву Божію.

По выходѣ изъ мечети Мансуръ приказалъ зарѣзать двухъ барановъ и мясо ихъ роздалъ собравшимся. На слѣдующій день изъ двухъ воловъ, составлявшихъ все его имущество, онъ взялъ одного, обвелъ его, по обычаю, три раза вокругъ

* Показаніе Кайтуки Бакова 1го марта 1785 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 49.

кладбища и за тѣмъ зарѣзавъ раздѣлилъ мясо его пополамъ: одну часть отдалъ бѣднымъ, а другую малолѣтнимъ учащимся въ школѣ. Благотворительность эта, на которую разчитывалъ и самъ Мансуръ, привлекла ему многихъ приверженцевъ. Безкорыстіе не въ характерѣ Чеченцевъ, и народъ, видя что Мансуръ раздаетъ бѣднымъ послѣднее свое имущество, преклонялся предъ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ видѣлъ въ бѣдномъ пастухѣ избранника пророка Магомета, подражать которому Мансуръ старался на каждомъ шагу. Одержимый подобно Магомету падучими припадками,—по понятію магометанъ признаками вдохновенія,—Мансуръ часто притворялся ослабѣвающимъ и больнымъ. Онъ обыкновенно изнемогалъ и падалъ предъ слушателями, которые относили его въ другую комнату, гдѣ пролежавъ часа съ три, какъ бы въ безчувственномъ состояніи, онъ возвращался къ собравшимся съ разными пророческими предсказаніями.

— Потерпите немного, говорилъ онъ имъ,—и повѣрьте что увидите чудеса отъ Бога сотворенныя.

— Какія они будутъ? спрашивали нѣкоторые скептики изъ числа собравшихся.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ и не далѣе какъ черезъ три недѣли, отвѣчалъ онъ,—будетъ гласъ съ неба. Принявшіе мое ученіе возрадуются возвѣщенію о мнѣ; не принявшіе—поразятся скорбію и умственнымъ разстройствомъ, отъ котораго будутъ исцѣлены мною не прежде какъ по чистосердечномъ раскаяніи.

Зная наклонность своихъ соотечественниковъ ко грабежу и хищничеству и желая удовлетворить народной страсти, Мансуръ сталъ проповѣдывать о необходимости войны противъ невѣрныхъ, придавая ей значеніе богоугоднаго дѣла.

— Волею Божіей, говорилъ онъ,—предстоитъ намъ идти для обращенія народовъ въ законъ магометанскій, сначала къ Карабулакамъ и Ингушамъ, потомъ въ Кабарду и наконецъ въ русскіе предѣлы, для истребленія христіанъ. Когда наступитъ то время, тогда мнѣ приказано свыше взять знамя, палатку и выѣхать на Чеченскую равнину *. Туда соберется ко мнѣ со всѣхъ сторонъ столько войска что едва въ состояніи

* Равнина эта извѣстна подъ именемъ Красной Поляны, находится между рѣками Чеахой и Аргунью.

будетъ оно на той полянѣ помѣститься. Я устрою изъ него стражу на девяти разныхъ мѣстахъ, по десяти тысячъ человѣкъ на каждомъ. Потомъ мы двинемся впередъ и тѣ кои не будутъ имѣть лошадей пойдутъ за нами пѣшими. Когда мы дойдемъ до Карабулаховъ и Ингушей, то встрѣтятъ насъ три бѣлыя лошади съ полнымъ уборомъ. Пѣшіе обрадуются и бросятся ихъ ловить; каждый поймаетъ себѣ лошадь, а тѣ три бѣлыя останутся свободными, пока всѣ пѣшіе не обзаведутся лошадьми. Слѣдуя по горамъ, мы станемъ обращать всѣхъ невѣрныхъ въ нашъ законъ и достигнемъ до рѣки Кумы, гдѣ присоединится къ намъ столь же большое войско изъ Стамбула.

Обѣщая своимъ послѣдователямъ все что по понятію Чеченца составляетъ прелесть жизни, то-есть хищничество, соединенное съ богоугоднымъ дѣломъ обращенія невѣрныхъ на истинный путь, Мансуръ грозилъ карой тѣмъ кто не послѣдуетъ его ученію и совѣтамъ.

— Кто не повѣритъ моимъ словамъ, говорилъ онъ,—и останется въ прежнемъ заблужденіи, тотъ не удостоится быть среди войска. Таковые принуждены будутъ возвратиться въ свои дома, гдѣ встрѣтятъ ихъ малолѣтнія дѣти, станутъ укорять ихъ и плевать въ глаза. Пристыженные дѣтьми пойдутъ они за войскомъ, но не найдутъ его, точно также какъ не сыщутъ и своихъ домовъ. Оставшись безъ крова они будутъ искать убѣжища въ казацкихъ городкахъ. Отъ рѣки Кумы я пойду по русскимъ селеніямъ, и каждый изъ моихъ послѣдователей долженъ имѣть съ собою небольшой мѣдный кувшинъ чтобы въ пути по землѣ Русской черпать имъ воду изъ рѣкъ которыя отъ того пересохнутъ, а зачерпнувшій будетъ имѣть воды для себя и для лошади на цѣлый мѣсяцъ. Когда настанетъ время сражаться, тогда каждый изъ васъ получитъ отъ меня по небольшому ножу, который при взмахѣ противъ христіанъ будетъ удлинняться, колоть и рубить невѣрныхъ, а противъ магометанъ скрываться. Ни пушки, ни ружья невѣрныхъ не будутъ вредить намъ, а выстрѣлы ихъ обратятся на нихъ самихъ. Всѣ жители русскихъ селеній послѣдуютъ нашему закону. Скрывшіеся у Русскихъ наши единовѣрные принуждены будутъ также слѣдовать новому ученію, ибо тѣ кои сего не исполнятъ будутъ разрублены нами надвое, причемъ одна половина тѣла обратится въ собаку, а другая—въ свинью.

Суевѣрные до крайности Чеченцы вѣрили предсказаніямъ, тѣмъ болѣе что случившееся вскорѣ послѣ начала пророчества землетрясеніе принято было народомъ за чудо предсказанное ихъ новымъ учителемъ. Во второмъ часу дня 12го и въ ночь на 13е февраля, на протяженіи Кавказской линіи слышенъ былъ подземный гулъ и ощущалось колебаніе земли, слѣдовавшее по направленію отъ горъ на плоскость. Колебаніе это было настолько сильно что вода въ рѣкѣ Терекѣ волновалась какъ бы отъ жестокой бури. Землетрясеніе ощущалось въ Моздокѣ, Наурѣ, Григоріополисѣ, Екатериноградѣ, въ Павловской, Маріинской и Георгіевской крѣпости. Охвативъ значительное пространство, оно навело ужасъ на все туземное селеніе. Чеченцы видѣли въ немъ гнѣвъ Божій, исполненіе предсказаній Мансура, число послѣдователей котораго послѣ этого происшествія значительно увеличилось. Жители селенія Алды рѣшили разрядить ружья въ доказательство готовности ихъ прекратить кровомщеніе, перестали курить табакъ, пить бузу, стали одѣваться такъ какъ одѣвался самъ Мансуръ, въ платье турецкаго покроя, и составили вокругъ него особую стражу простиравшуюся до пятидесяти человѣкъ. Изъ этого числа двадцать человѣкъ занимали караулъ у воротъ, пятнадцать человѣкъ находились постоянно на дворѣ дома и пятнадцать въ сѣняхъ. Сверхъ того Алдинцы постановили оберегать всѣ пути сообщенія со стороны Россіи *.

Вполнѣ положившись на слова предсказателя, многія деревни стали готовиться къ походу, шили знамена и говорили что пойдутъ съ Мансуромъ къ Ингушамъ для обращенія ихъ въ магометанство и отысканія какого-то древняго Корана, будто бы хранящагося у Ингушей. Алдинцы увѣряли что Омаръ-ханъ Аварскій прислалъ Мансуру письмо, въ которомъ, высказывая сочувствіе пророку, писалъ ему что получилъ отъ Порты въ подарокъ шубу и саблю при требованіи чтобъ онъ, собравъ войска, соединился со всѣми единозаконными. Омаръ-ханъ обѣщалъ черезъ двѣ недѣли самъ побывать въ Алдахъ и условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

* Показанія разныхъ лицъ приложенныя къ рапорту генерала Леонтьева И. С. Потемкину отъ 13го марта 1785 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 49.

Происшествіе въ селеніи Алды скоро стало извѣстнымъ и въ сосѣднихъ аулахъ. Чеченцы съ разныхъ концовъ спѣшили побывать въ Алдахъ сначала изъ любопытства, съ намѣреніемъ провѣрить ходившіе слухи, а въ послѣдствіи чтобъ удостоиться видѣть самого пророка. Послѣдній скрылся въ покояхъ своего дома и рѣдко показывался народу. Въ дни общественныхъ молитвъ или праздниковъ онъ выходилъ не иначе какъ одѣтый въ бѣлое платье и подъ покрываломъ. Любопытство прибывшихъ по большей части оставалось неудовлетвореннымъ и не видавъ пророка они обращались съ разспросами о немъ къ лицамъ его окружавшимъ и имъ избраннымъ. Естественно что въ интересахъ послѣднихъ было разказывать о своемъ учителѣ какъ о человѣкѣ необычайномъ и отмѣченномъ перстомъ Божіимъ. Придавая каждому слову и движенію таинственное значеніе и допуская къ себѣ лишь немногихъ, преимущественно тѣхъ свиданіе съ которыми могло принести ему нѣкоторую пользу, Мансуръ весьма успѣшно шелъ къ предположенной цѣли. Разказы о его святой жизни, его предсказаніяхъ и тому подобное, быстро распространялись, видоизмѣнялись, преувеличивались и скоро про Мансура стали разказывать необычайныя вещи. Одни говорили что пророкъ видѣлъ во снѣ будто онъ упалъ съ небесъ и оттого такъ сильно закричалъ что вся деревня то слышала; другіе увѣряли что онъ былъ мертвъ и потомъ воскресъ, и что это обстоятельство онъ самъ предсказалъ своимъ братьямъ.

— Сегодня я умру, сказалъ онъ имъ однажды,—но вы меня не хороните до другаго дня, и ежели я въ этотъ срокъ не возстану отъ мертвыхъ, то тогда погребите.

Притворившись мертвымъ Мансуръ имѣлъ терпѣніе пролежать цѣлыя сутки безъ движенія, а потомъ возсталъ къ удивленію своихъ ближайшихъ родственниковъ. Разказъ о его смерти и воскресеніи быстро разнесся по чеченскимъ селеніямъ и жители стали распространять про Мансура такія небылицы о которыхъ не подозрѣвалъ и самъ пророкъ. Чеченцы говорили что онъ изсушилъ источникъ и потомъ снова наполнилъ его водой; что однажды проснувшись нашелъ въ головахъ своихъ копье длиной въ четыре аршина, и потомъ объявилъ что если пойдетъ съ этимъ копьемъ противъ христіанъ, то станетъ оно длиной шестьдесятъ аршинъ, а если противъ магометанъ, то согнется и не станетъ колоть. Слава

о Мансурѣ распространились далеко за предѣлы Чечни; о немъ говорили на Кумыкской равнинѣ, въ горахъ и въ нѣдрахъ Дагестана.

Лжепророкъ старался воспользоваться такимъ всеобщимъ настроеніемъ.

Принявъ названіе шейха, * онъ сталъ требовать безусловнаго къ себѣ повиновенія. Въ послѣдствіи взятый въ плѣнъ и привезенный въ Петербургъ, онъ увѣрялъ что не присваивалъ себѣ никакихъ названій, но не отказывался отъ титуловъ будто бы данныхъ ему соотечественниками и другими горскими народами.

— Я ни эміръ, ни пророкъ и никогда таковымъ не назывался, говорилъ онъ, ** но не могъ воспрепятствовать чтобы народъ меня таковымъ признавалъ, потому что образъ моихъ мыслей и жизни казался имъ какимъ-то чудомъ. Въ уединеніи своемъ я не зналъ что слухъ о моемъ раскаяніи распространился и я извѣстился только о томъ чрезъ посѣщеніе многихъ приходившихъ слушать мои наставленія объ исполненіи долга по закону. Сіе пріобрѣло мнѣ названіе шейха и съ того времени почитали меня человѣкомъ чрезвычайнымъ, который могъ отрещись отъ столь прибыточныхъ приманокъ, каковы воровство и грабежъ... Каждое слово мое было выслушиваемо съ жадностью и каждыя уста разказывали объ ономъ различно по своему уму, способности или надеждѣ отличиться... Слухъ обо мнѣ разсѣялся повсюду и у отдаленныхъ народовъ дали мнѣ титулъ пророка. Мнѣ приносили подарки деньгами, овцами, быками, яицами, лошадьми, хлѣбомъ и плодами. Не имѣя при умѣренной жизни большой въ томъ надобности, я немедленно раздавалъ все получаемое и такимъ образомъ питалъ я бѣдныхъ послѣдователей закона Божія, которые съ своей стороны наставляли народъ не знающій донынѣ ни повиновенія, ни порядка.

Заручившись, при помощи благотвореній и подкула, значительнымъ числомъ послѣдователей и сознавая свое значеніе и силу, Мансуръ не остановился на полупути, но зашелъ уже слишкомъ далеко. Онъ провозгласилъ себя имамомъ и смѣло объявилъ что великій Пророкъ Магометъ предвидѣлъ

* Въ официальной перепискѣ онъ былъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Шиха.

** Шетковскому 17го октября 1791 года. Госуд. Архивъ VII, № 2.777.

появленіе такого имама и даже предсказалъ это въ одной обрядовой магометанской книгѣ, извѣстной подъ именемъ Зогратъ (?) и содержащей въ себѣ молитвы на каждую недѣлю.

— Есть, говорилъ Мансуръ,—магометанская книга называемая Зогратъ. Въ ней написано ясно въ какое время явится имамъ Мансуръ. Объ этомъ читается по волѣ Божіей въ молитвахъ нашихъ. Теперь исполнилось пророчество: я—предвозвѣщенный Мансуръ имамъ. Кто мнѣ не повѣритъ тотъ беззаконникъ и будетъ проклятъ. Помните что этотъ міръ есть преходящій, и мнѣ, Мансуру, предоставлено судьбой быть наставникомъ въ правилахъ Корана и указать надежный путь къ будущему блаженству. Если Богъ возлюбитъ кого изъ рабовъ своихъ, того осѣняетъ своею благодатію. Промысломъ и помощью Господа всемогущаго Мансуръ ввергнетъ беззаконниковъ въ ровъ погибели. Богъ милостивъ, наставникъ заповѣдей Его терпѣливъ, а дѣла терпѣливыхъ всегда увѣнчиваются успѣхами.

Признавая за собою право, по званію имама, толковать догматы религіи, Мансуръ не стѣснялся тѣмъ что, какъ человѣкъ неграмотный, онъ не читалъ Корана и не зналъ даже главнѣйшихъ его оснований. Онъ прежде всего хлопоталъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ горскихъ народовъ и съ этою цѣлью требовалъ прекращенія кровомщенія, какъ обычая служившаго къ разъединенію общества. Затѣмъ онъ требовалъ строгаго соблюденія заповѣдей Магомета, раздачи милостыни, прекращенія грабежей и воровства, конечно между своими,* и наконецъ самонадѣянно объявилъ что ѣздить въ Мекку вовсе ненужно, а что всѣ тѣ кои придутъ къ нему на поклоненіе получатъ наименованіе хаджей. **

Не имѣя образованія и никакого знакомства съ догматами религіи, Мансуръ въ подробностяхъ своего ученія впадалъ въ самыя грубыя ошибки и противорѣчія. Онъ дозволялъ себѣ такія уклоненія въ обрядахъ которыя явно противорѣчили основнымъ законамъ Магомета и потому на первыхъ же порахъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны ученыхъ

* Воровство и грабежи у горцевъ считались преступленіемъ только когда произведены были между своими.

** Рап. П. С. Потемкина князю Потемкину 2го октября, № 2, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

муллъ, считавшихъ себя оберегателями чистоты магометанской религіи.

Дозволеніе данное Мансуромъ женщинамъ совершать молитву во время обыкновенныхъ ихъ болѣзней и запрещеніе пить бузу произвело большое влечатлѣніе среди чеченскаго духовенства. Нѣсколько ученыхъ муллъ пріѣхали въ селеніе Алды и требовали отъ пророка объясненій, говоря что и разрѣшеніе имъ данное и запрещеніе совершенно противны Корану, написанному самимъ Магометомъ. Муллы доказывали Мансуру что запрещеніе приготовлять солодъ и варить бузу лишаетъ народъ возможности одѣться, ибо выдѣлываніе овчинъ безъ солоду невозможно. Послѣ долгихъ споровъ Мансуръ принужденъ былъ сознаться въ несостоятельности своего ученія и разрѣшить какъ приготовленіе бузы, такъ и солода. Уступка Мансура уронила его въ глазахъ муллъ вынесшихъ о немъ понятіе какъ объ обманщикѣ, пользующемся легковѣріемъ народа, но съ другой стороны возбудила въ самомъ Мансурѣ глубокую ненависть ко всему мусульманскому духовенству. Ненависть эта была настолько сильна что пророкъ рѣшался нарушить законы страны и презрить обычаемъ гостепріимства, священнымъ для каждаго Чеченца. Опасаясь однако же чтобы духовенство своимъ вліяніемъ не отклонило отъ него народъ, Мансуръ пустился на новую хитрость, на новый обманъ. Въ Шалинской деревнѣ жилъ братъ его жены, котораго онъ избралъ орудіемъ для исполненія своихъ намѣреній. Мѣсяца три спустя послѣ начала пророчествъ самого Мансура, Чеченцы узнали что въ Шалинской деревнѣ явился новый пророкъ, девятилѣтній мальчикъ Юсуфъ, сынъ Батыръхана, который, не обучавшись грамотѣ, читаетъ Коранъ, пишетъ, проповѣдуетъ, даже исцѣляетъ больныхъ и въ особенности бѣснующихся. Люди любопытные отправлялись въ Шалинскую деревню и возвращались оттуда съ убѣжденіемъ что нѣчто высшее руководитъ Юсуфомъ во всѣхъ его поступкахъ и порученіяхъ.

— Однажды ночью, такъ разказывала посѣтителямъ мать Юсуфа,—сынъ мой сталъ читать сквозь сонъ молитвы, тѣ самыя которыя отправляются обыкновенно при намазѣ. Удивясь такому происшествію, я разбудила сына, но онъ просилъ меня не безпокоить его болѣе и опять заснулъ. Въ теченіе всего сна онъ не переставалъ читать молитвы, и

когда всталъ поутру, то не былъ веселъ, какъ бывалъ прежде, а скорѣе печаленъ. Такъ прошло время до полудня, и когда наступилъ часъ для отправленія намаза, то Юсуфъ исполнилъ его при всѣхъ своихъ родственникахъ съ такою точностію съ какою можетъ исполнить только ученый мулла. Въ тотъ же день вечеромъ онъ въ сопровожденіи своихъ односельцевъ пошелъ въ мечеть, гдѣ отправилъ богослуженіе, читалъ Коранъ и поучалъ народъ.

Сначала Шалинцы считали Юсуфа за волшебника, но въ послѣдствіи, руководясь разказами матери, признали его человѣкомъ святымъ.

— Когда Юсуфъ ложится спать, говорила его мать своимъ односельцамъ,—тогда является къ нему неизвѣстный человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ и въ красной чалмѣ и вынимаетъ изъ него духъ, оставляя въ тѣлѣ вмѣсто его какую-то трубочку. Вынувъ духъ онъ возводитъ его на небо въ особый покой, гдѣ сидящій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, одѣтый въ зеленое платье и красную чалму, на подобіе эфенди, разспрашиваетъ о людяхъ оставшихся на землѣ. Юсуфъ отвѣчаетъ что теперь магометане законъ отправляютъ какъ должно и живутъ въ тишинѣ, а сидящій человѣкъ научаетъ его чтенію Корана, обѣщая ему дать и самый Коранъ.

Въ такомъ состояніи, по словамъ матери, Юсуфъ находился часа по два, но не всякую ночь, а иногда черезъ одну, иногда черезъ двѣ ночи.

Одинъ изъ числа бывшихъ въ Шалинской деревнѣ Чеченцевъ, Али-Солтанъ Тыевъ, чистосердечно увѣрялъ бригадира Вишнякова что самъ видѣлъ какъ Юсуфъ отправлялъ намазъ и читалъ молитвы по-арабски. Тыевъ говорилъ что Юсуфъ пользуется большимъ уваженіемъ жителей, повинующихся вполнѣ его постановленіямъ, состоящимъ въ томъ чтобъ исполнять законъ какъ предписано въ Коранѣ, избѣгать воровства, кровомщенія, а главное имѣть полное повиновеніе къ алдинскому пророку Шихъ-Мансуру.

Послѣдній пріѣзжалъ въ Шалинскую деревню, видѣлся съ Юсуфомъ, котораго называлъ своимъ духовнымъ сыномъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Юсуфъ оказывалъ ему почтеніе и уговаривалъ всѣхъ слѣдовать его ученію.

Сколько ни старалось чеченское духовенство выставить

несостоятельность ученія Мансура, оно не могло отвратить народа отъ хитро-сплетенныхъ сѣтей и только навлекло на себя ненависть лжепророка. Видя со стороны духовенства противодѣйствіе своимъ видамъ, Мансуръ сторонился мулаъ, не вступалъ съ ними ни въ какія объясненія, отказывалъ въ ночлегѣ въ своемъ домѣ и наконецъ не удержался отъ того чтобы въ одной изъ своихъ проповѣдей не предсказать имъ въ будущей жизни самыя жестокія мученія. Говоря о скоромъ появленіи антихриста Мансуръ увѣрялъ что тогда наступитъ время, когда всѣ народы побѣгутъ въ ужасномъ смятеніи въ Тифлисъ.

— Тамъ, продолжалъ онъ,—отъ великаго стеченія людей послѣдуетъ голодъ и люди будутъ пожирать платье и тетиву отъ луковъ. Почти всѣ погибнутъ и немногіе лишь останутся. Въ то же время выйдутъ изъ земли полчища Даджала (антихриста) многочисленныя какъ трава и умножатъ бѣдствія рода человѣческаго. Потомъ явится пророкъ Иса и убьетъ Даджала, легіоны же его будутъ совершенно истреблены ядовитыми червами. Смрадъ ихъ смоетъ трехдневный дождь, каждая капля котораго будетъ величиной со сливу. Останется разбросаннымъ на землѣ одно оружіе Даджала и народъ нашъ будетъ топить имъ печи триста лѣтъ. Во все это время будетъ царствовать пророкъ Иса для блага народа, а потомъ наступитъ преставленіе свѣта. Кто словамъ моимъ не вѣритъ, тотъ будетъ проклятъ въ этой жизни и въ будущей, особенно же адскому мученію подвергнутся нынѣшніе учители изъ духовенства.

Какъ ни нелѣпы были всѣ проповѣди Мансура и его предсказанія, но въ глазахъ суевѣрныхъ Чеченцевъ они имѣли значеніе полной достовѣрности. Большинство слушателей и послѣдователей проповѣдника были убѣждены что въ недалекомъ будущемъ должно совершиться торжество Ислама, и что всѣ страны куда ни пойдетъ пророкъ со своими учениками, покорятся ему и послѣдуютъ закону правовѣрныхъ.

Враждебное отношеніе Мансура ко всему населенію не исповѣдующему магометанской религіи, а главное стремленіе его соединить всѣхъ горцевъ въ одно цѣлое не могли быть оставлены безъ вниманія начальствомъ Кавказской линіи. Соединившись вмѣстѣ горцы могли образовать весьма значительную силу. По исчисленію генералъ-поручика П. С. Потемкина, въ случаѣ единодушнаго возстанія, Кумыки

(Андреевцы и Аксаевцы) могли легко выставить до 5.000 человѣкъ вооруженныхъ ружьями, Чеченцы до 4.000, обѣ Кабарды до 10.000, а съ присоединеніемъ къ нимъ мелкихъ племенъ, все ополченіе горцевъ могло достигнуть до 25.000 человѣкъ. Цифра эта была весьма велика, если вспомнить что число русскихъ войскъ разбросанныхъ по всему протяженію Кавказской линіи не превышало 27.000 человѣкъ, обязанныхъ защищать весьма обширную границу. Въ то время командующаго войсками не было на Моздокской линіи. Вызванный еще въ декабрѣ 1784 года въ Петербургъ, по вопросу объ открытіи Кавказскаго намѣстничества, генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ возвратился на линію не прежде конца сентября 1785 года. Командовавшій за его отсутствіемъ войсками генералъ-поручикъ Леонтьевъ не безъ опасенія смотрѣлъ на волненіе происходившее въ Чечнѣ и предписалъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ имѣть всю военную осторожность, приготовиться на случай нечаяннаго нападенія и всѣми мѣрами стараться захватить Мансура въ свои руки. Находившійся въ крѣпости Св. Маріи генералъ-майоръ Пеутлингъ, получивъ такое распоряженіе и имѣя извѣстіе что пророкъ намѣренъ прежде всего напасть на Карабулаховъ и Ингушей, усилилъ войсками ближайшіе къ Чеченцамъ пункты. Онъ отправилъ двѣ гренадерскія роты во Владикавказъ и 100 егерей въ Григоріополисъ чтобы на всякій случай быть въ лучшемъ оборонительномъ положеніи *.

Вслѣдъ за тѣмъ посты эти были еще болѣе усилены.

„Повторяемыя извѣстія съ Кавказа, писалъ князь Потемкинъ ** о появившихся тамъ лжепророкахъ и народномъ отъ сего волненіи сколь ни темны и ни обстоятельны, тѣмъ не менѣе требуютъ однако уваженія. Ваше превосходительство, не оказывая впрочемъ наружной заботы, могущей послужить къ ободренію мятежниковъ, прикажите сблизить нѣкоторое число войскъ на рѣкѣ Сунжѣ, гдѣ главное сколище лжепророческое. Единый страхъ таковымъ движеніемъ произведенный будетъ удобенъ къ разогнанію сей сволочи.... Страхъ наказанія и надежда мзды имѣютъ въ тѣхъ народахъ всегда сильное дѣйствіе.“

---

* Письмо Пеутлинга П. С. Потемкину 17го марта 1785 году. Госуд. Арх. XXIII № 13, пап. 49.

** Въ ордерѣ генералу Потемкину отъ 26го апрѣля 1785 года.

П. С. Потемкинъ еще до полученія этого распоряженія приказалъ отправить во Владикавказъ баталіонъ пѣхоты на усиленіе тамошняго гарнизона и сосредоточить на рѣкѣ Сунжѣ, подъ начальствомъ генералъ-майора Шемякина, особый довольно сильный по тому времени отрядъ. Въ составъ послѣдняго были назначены два полка пѣхоты, одинъ баталіонъ егерей, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и полкъ Уральскихъ казаковъ. Генералу Шемякину поручено было избрать позицію по своему усмотрѣнію и дѣйствовать рѣшительно, дабы усмирить волненіе въ самомъ началѣ и „не дать самой малой искрѣ произвести пламень". * Вмѣстѣ съ тѣмъ П. С. Потемкинъ призналъ полезнымъ отправить къ горскимъ народамъ прокламацію, въ которой просилъ ихъ не вѣрить Мансуру и не слѣдовать его ученію.

„Къ неудовольствію моему извѣщенъ я, писалъ Потемкинъ въ своей прокламаціи Чеченцамъ и прочимъ горскимъ народамъ, ** что въ предѣлахъ Чеченскаго народа явился нѣкто изъ бродягъ, возмущающій лживымъ прельщеніемъ спокойствіе народа. Называя себя пророкомъ, коего лжи никто изъ разумныхъ вѣрить не можетъ и не долженъ, привлекаетъ ослѣпленныхъ суевѣровъ и обманываетъ ихъ. Таковое происшествіе не можетъ мною оставлено быть безъ надлежащаго разсмотрѣнія, а какъ я вскорѣ отъ высочайшаго ея императорскаго величества двора отправлюсь паки въ кавказскіе предѣлы, симъ предварительно повелѣваю всѣмъ народамъ отнюдь не вѣрить лжепророчеству сего обманщика. По прибытіи моемъ, я скоро изобличу его обманы, его ложь и докажу народамъ что онъ не есть пророкъ, но льстецъ и обманщикъ, а дабы ослѣпленные его ложью не пострадали, тò объявляю всѣмъ и каждому не вѣрить его прельщеніямъ и отъ него удалиться; если за симъ моимъ объявленіемъ послѣдуетъ кто обманщику, таковые возчувствуютъ гнѣвъ и наказаніе."

Объявленіе это, разосланное въ Чечню, Аксай и Эндери, не имѣло никакихъ послѣдствій и партія приверженцевъ лжепророка быстро возрастала. Съ каждымъ часомъ усиливавшійся Мансуръ сталъ проповѣдывать газаватъ или священную войну, и его ученіе, теряя мало-по-малу чисто религіозный

---

* Ордеръ П. С. Потемкина генералъ-поручику Леонтьеву 2го апрѣля № 20.

** Отъ 2го апрѣля № 21. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, папка 50.

характеръ, обращалось въ политическое стремленіе весьма для насъ опасное. Сознавая необходимость подавить волненіе Чеченцевъ въ самомъ его началѣ, князь Потемкинъ поручилъ лично извѣстному ему по своей энергіи полковнику Піери взять Астраханскій полкъ съ нѣсколькими орудіями артиллеріи и быстрымъ движеніемъ въ самое мѣсто сборища лжепророка стараться захватить его въ свои руки. Для поддержанія Піери приказано было отряду генерала Шемякина придвинуться къ Амиръ-хановой деревнѣ, а Московскій пѣхотный полкъ отправленъ къ Григоріополису. * Прибывъ къ мѣсту назначенія, Піери долженъ былъ требовать выдачи лжепророка, и если послѣдуетъ какое-либо сопротивленіе, то силой возстановить въ томъ краю спокойствіе.

„Полковнику Піери, писалъ князь Потемкинъ, ** прикажите по прибытіи къ сборищу дать знать прельщеннымъ отъ лжепророка что единое средство къ отвращенію предстоящаго имъ бѣдствія есть выдача сего обманщика, безъ сомнѣнія подосланнаго отъ противной стороны, и что въ случаѣ упорства подвергнутъ они себя всей тяжести наказанія. Весьма желательно чтобы дѣло сіе было окончено безъ пролитія крови.“

Къ сожалѣнію первыя попытки наши въ этомъ отношеніи были неудачны. Полковникъ Піери слишкомъ увлекся, пренебрегъ непріятелемъ и не дождавшись посланнаго для его поддержки отряда бригадира Апраксина двинулся противъ Чеченцевъ, былъ окруженъ ими и потерпѣлъ пораженіе. Дѣло происходило такъ.

4го іюля между Науромъ и Калиновскою станицей собрались войска назначенныя для экспедиціи полковника Піери. Въ составъ отряда вошли: весь Астраханскій пѣхотный полкъ, баталіонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго пѣхотнаго полка и сотня казаковъ Терскаго войска. Около четырехъ часовъ пополудни полковникъ Піери выступилъ въ походъ, по направленію къ селенію Алды, до котораго считалось верстъ около пятидесяти. Пройдя всю ночь, онъ достигъ до береговъ рѣки Сунжи, отъ которой до селенія Алды оставалось не болѣе пяти верстъ. Путь къ селенію пролегалъ по густому и почти сплошному лѣсу. Желая застать жителей врасплохъ и воспользоваться всѣми

---

* Ордеръ П. С. Потемкина генералу Леонтьеву 10го мая, № 23. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, папка 50.

** П. С. Потемкину 6го мая, № 136. Тамъ же, папка 49.

преимуществами нечаяннаго нападенія, Піери рѣшился слѣдовать налегкѣ. Онъ оставилъ близь переправы черезъ рѣку Сунжу весь обозъ и для его прикрытія мушкатерскія роты Астраханскаго полка подъ начальствомъ полковника Тамары. Переправившись съ остальными войсками черезъ рѣку Сунжу Піери вскорѣ вступилъ въ лѣсъ, по которому пролегала весьма извилистая дорога и до такой степени узкая что по ней едва могли проходить рядомъ только четыре человѣка. Близь селенія Алды отрядъ встрѣтился съ тремя Чеченцами, изъ коихъ два были убиты, а третій успѣлъ дать знать лжепророку и его односельцамъ объ угрожающей имъ опасности. Несмотря на то Піери настигъ жителей врасплохъ, и въ десять часовъ утра, 6го іюля, зажегъ домъ Мансура и все селеніе Алды, состоявшее изъ четырехсотъ дворовъ. Лжепророкъ успѣлъ скрыться и селеніе было разграблено нашими гренадерами. Цѣль экспедиціи была достигнута и въ часъ пополудни Піери предпринялъ обратное движеніе къ рѣкѣ Сунжѣ, но это-то движеніе и было гибельнымъ для нашего отряда. Разсѣянные Алдинцы успѣли собраться въ лѣсу, и соединившись съ жителями сосѣднихъ селеній, совершенно окружили небольшой отрядъ полковника Піери. Всегда горячіе при отступленіи непріятеля Чеченцы съ необыкновеннымъ увлеченіемъ насѣдали на нашихъ егерей и почти уничтожили весь отрядъ. Командиръ Кабардинскаго егерскаго баталіона майоръ Комарскій предлагалъ остановиться на одной изъ полянъ и выждать прибытія отряда бригадира Апраксина, но Піери не принялъ этого предложенія и продолжалъ движеніе. Солдаты отступали мужественно, шагъ за шагомъ, но на половинѣ пути Піери былъ убитъ, а вслѣдъ затѣмъ и майоръ Комарскій смертельно раненъ. Потеря двухъ начальниковъ произвела совершенное разстройство въ отрядѣ. „Тутъ видно, доносилъ генералъ-поручикъ Потемкинъ, * что наши егеря совершенно побѣжали, ибо Чеченцы ихъ рѣзали безоборонныхъ, послѣ брали шатающихся по лѣсу въ плѣнъ.“ Успѣвшіе достигнуть до рѣки Сунжи бросились въ ея волны, нѣкоторые изъ нихъ утонули, другіе же достигли противоположнаго берега и соединились съ прикрытіемъ обоза. При отступленіи отрядъ потерялъ два орудія, отбитыя Чечен-

* Князю Потемкину отъ 8го ноября № 323. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, карт. 50.

цами, лишился восьми человѣкъ офицеровъ убитыми и пяти сотъ семидесяти шести человѣкъ нижнихъ чиновъ, * изъ коихъ четыреста четырнадцать человѣкъ было убито. **

„Происшествіе за Сунжей, писалъ князь Потемкинъ ***, тѣмъ сожалительнѣе что принятіе мѣръ надлежащихъ упущено. Я уже не говорю о томъ что покойный полковникъ Піери не обезпечилъ своей переправы и погорячился идти на Чеченцевъ, не дождавшись бригадира Апраксина къ своему подкрѣпленію, но удивляюсь что самъ генералъ-поручикъ (Леонтьевъ) не сталъ прежде въ близости сего мѣста станомъ чтобы наблюсть точность исполненія моихъ предписаній. Полковникъ Піери тутъ бы конечно не оставилъ требовать отъ Чеченцевъ лжепророка или лучше сказать орудіе присланное отъ Турокъ и по отказѣ слѣдовать въ то селеніе гдѣ онъ находился. Тогда бы знали Чеченцы за чѣмъ идутъ къ нимъ и можетъ-быть предпочли бы выдать злодѣя нежели за него драться и подвергнуть себя мщенію."

Полковникъ Піери былъ дѣйствительно оставленъ безо всякой поддержки, ибо бригадиръ Апраксинъ только 6го іюля получилъ приказаніе Леонтьева приблизиться къ Алдинской переправѣ, отъ которой находился не ближе двадцати вестръ. Хотя онъ тотчасъ же выступилъ по назначенію, но участь отряда Піери была уже рѣшена. Апраксинъ наткнулся на толпу Чеченцевъ, преслѣдовалъ ихъ до Алхановой деревни, сжегъ ее и возвратившись въ Малую Кабарду, написалъ пышное донесеніе о подвигахъ своего отряда.

„Если то были одни скрывшіеся жители деревни Алхановой, писалъ князь Потемкинъ, недовольный донесеніемъ Апраксина ****, то о преимуществѣ одержанномъ надъ ними столь

---

* Изъ Астраханскаго полка выбыло 110 человѣкъ нижнихъ чиновъ; изъ баталіона Кабардинскаго егерскаго полка 402 человѣка и изъ двухъ гренадерскихъ ротъ Томскаго полка 64 человѣка. Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину 31го іюля № 36. Тамъ же.

** Остальные 162 человѣка были взяты въ плѣнъ и потомъ въ разное время выкуплены; точно также Чеченцы возвратили намъ обѣ пушки, изъ коихъ за одну взяли сто рублей.

*** Въ ордерѣ П. С. Потемкину, отъ 1го августа. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, карт. 49.

**** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 5го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 135, карт. 49.

знатными силами можно было сказать короче. Достойно однакоже примѣчанія что нѣсколькими ядрами, коихъ всѣхъ пущено только двадцать шесть, погибло въ одной схваткѣ сто семьдесятъ человѣкъ и что еще однимъ выстрѣломъ повалено болѣе половины толпы,—искусство артиллеристовъ чрезвычайное. Но менѣе удачи въ профилахъ: снятый съ мертваго патронташъ, нѣчто похожее на барабанъ, и таковое жъ знамя могли бы быть преданы молчанію, особливо когда уже и отданы казакамъ...“

„Я желаю, писалъ свѣтлѣйшій въ другомъ своемъ ордерѣ, * чтобы ваше превосходительство вперили всѣмъ начальникамъ отрядовъ, дабы избѣгать пушками пугать, но употреблять выстрѣлы тамъ гдѣ артиллерія вредить можетъ, ибо я увѣренъ что всѣ горскіе жители, соединясь вмѣстѣ, не выдержатъ живаго огня нашихъ батарей.“

Увлеченіе полковника Піери имѣло гибельныя послѣдствія. Первый успѣхъ Мансура надъ русскими войсками народъ приписалъ его чудесамъ и исполненію пророчествъ. Значеніе пророка возвысилось не только въ глазахъ его соотечественниковъ, но и между сосѣдними народами. Кабардинцы волновались и готовы были пристать къ чеченскимъ хищникамъ. Побѣды бригадира Апраксина, о которыхъ онъ доносилъ съ такою подробностью, не испугали горцевъ и не ослабили ихъ приверженности къ Мансуру. Съ разныхъ мѣстъ и цѣлыми толпами шли они подъ знамена лжепророка и черезъ шесть дней послѣ сожженія Алхановой деревни напали на наши передовые посты. Мансуръ пріобрѣлъ теперь столь большую власть надъ народомъ что по собственному усмотрѣнію лишалъ жизни преступниковъ и вопреки ученію Магомета ввелъ обрядъ обрѣзанія. Чеченцы, не исключая стариковъ и женщинъ, спѣшили исполнить этотъ обрядъ, сулившій блаженство въ будущей жизни, и по неискусству операторовъ нерѣдко платились за это жизнью. Вся Чечня безпрекословно подчинилась Мансуру, но онъ, не довольствуясь этимъ, простиралъ виды еще далѣе. Лжепророкъ хотѣлъ привлечь подъ свои знамена все магометанское населеніе и обратить въ Исламъ и другія горскія племена не исповѣдывавшія до сихъ поръ магометанства. Его ученики—эмиссары появились у Осетинъ и Ингушей и старались склонить ихъ на свою

* П. С. Потемкину отъ 1го августа 1785 года.

сторону. Осетины отказались слѣдовать ученію чеченскаго пророка, а Ингуши отправили нарочнаго къ подполковнику Матцену, находившемуся съ отрядомъ у Владикавказа.

— Будемъ ли мы блаженны, совершивъ обрѣзаніе? спрашивалъ посланный.

— Еслибъ отъ обрѣзанія могло произойти какое-либо чудо, отвѣчалъ Матценъ,—то я первый совершилъ бы его.

Ингуши отвергли предложеніе Мансура и остались въ идолопоклонствѣ. Несмотря на эти неудачи, лжепророкъ не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ торжественно объявлялъ что въ скоромъ времени пойдетъ къ Кизляру и въ іюлѣ напалъ на Каргинскій редутъ находившійся верстахъ въ пяти отъ этого города. Хотя весь гарнизонъ редута состоялъ изъ одного оберъ-офицера и нѣсколькихъ человѣкъ рядовыхъ, но Чеченцы, несмотря на свою многочисленность, не могли овладѣть укрѣпленіемъ и принуждены были зажечь близь лежащія строенія. Распространившійся огонь достигъ до пороховаго погреба и укрѣпленіе съ храбрыми его защитниками взлетѣло на воздухъ *.

Шихъ-Мансуръ торжествовалъ новую побѣду и честнымъ словомъ увѣрялъ своихъ легковѣрныхъ послѣдователей что Кизляръ точно также падетъ къ ногамъ правовѣрныхъ. Жители города были въ большомъ страхѣ. Командовавшій войсками на линіи, за отсутствіемъ П. С. Потемкина, генералъ-поручикъ Леонтьевъ самъ отправился въ Кизляръ чтобъ усилить его войсками и принять мѣры къ его защитѣ. Въ Кизлярѣ онъ нашелъ два полка, Томскій и Астраханскій, причемъ двѣ роты послѣдняго находились на Очинской пристани для охраненія провіанта. Считая эти войска недостаточными для защиты такого пункта, Леонтьевъ просилъ астраханскаго губернатора прислать къ нему двѣ тысячи Калмыковъ, ** и приказалъ бригадиру Апраксину съ его отрядомъ слѣдовать къ рѣкѣ Малкѣ съ цѣлью не дозволить Кабардинцамъ соединиться съ Чеченцами, а подполковника Вреде съ баталіономъ мушкетеръ отправилъ на усиленіе Григоріополиса.

Между тѣмъ находившійся въ крѣпости Григоріополисъ

* Рапортъ Леонтьева П. С. Потемкину 16го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

** Рапортъ Леонтьева Потемкину 16го августа, № 140.

майоръ Жильцовъ донесъ подполковнику Вреде что 26го іюля поутру прискакалъ къ нему владѣлецъ Малой Кабарды князь Джембулатъ и объявилъ что князь Долъ со своими подвластными перешелъ на сторону Мансура; что жители подвластные князю Долу, опасаясь наказанія, приготовляются къ побѣгу, и что лжепророкъ, по соединеніи съ Кабардинцами, намѣренъ напасть на Григоріополисъ. Получивъ эти свѣдѣнія, подполковникъ Вреде выслалъ тотчасъ же разъѣздъ изъ тридцати пяти человѣкъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Павлова. Отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ укрѣпленія, разъѣздъ нашъ наткнулся на небольшую партію Чеченцевъ, которую хотя и преслѣдовалъ верстъ пять, но настичь не могъ. Поутру 27го числа Павловъ отправленъ былъ опять для открытія непріятеля, имѣлъ съ нимъ перестрѣлку и донесъ что значительная партія Чеченцевъ вступила уже во владѣнія Малой Кабарды. Пріѣхавшій въ тотъ же день князь Джембулатъ сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Онъ говорилъ что Мансуръ со значительною толпой Чеченцевъ и своихъ приверженцевъ прибылъ въ селенія князя Дола и расположился въ его домѣ; что пророкъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ князей и владѣльцевъ Малой Кабарды и требовалъ чтобъ они съ нимъ соединились. Недовольные своими владѣльцами уздени и простой народъ съ радостію приняли предложеніе Мансура, надѣясь при его посредствѣ избавиться отъ деспотическаго правленія своихъ князей. Еще раньше появленія пророка въ предѣлахъ Кабарды уздени нѣсколько разъ обращались съ жалобой на притѣсненія владѣльцевъ и просили о дозволеніи переселиться въ предѣлы Россіи. Они писали что князья въ противность обычаямъ и законамъ захватываютъ у нихъ барановъ, быковъ и употребляютъ въ пищу; что они берутъ лошадей и ѣздятъ на нихъ не спрашивая дозволенія хозяйскаго; берутъ деньги взаймы подъ поручительствомъ узденей и не отдаютъ ихъ, а заставляютъ платить поручителей; безъ разрѣшенія хозяина входятъ въ домъ и, отобравъ отъ родителей хорошенькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, уводятъ въ свои дома, гдѣ держатъ сколько вздумается. * Такой произволъ и вообще жестокое обращеніе владѣльцевъ со своими подвластными заставили

* Прошеніе кабардинскихъ узденей генералъ-майору Пеутлингу 21го марта 1785 года.

узденей просить Русское правительство или ограничить произволъ князей, или дозволить имъ выселиться изъ Кабарды и перейти на другое мѣсто. Уздени находили свое положеніе столь невыносимымъ что намѣрены были разбрестись въ разныя стороны если не получатъ удовлетворенія. Появленіе Мансура привлекло ихъ вниманіе и большинство изъявило готовность стать подъ его знамена. Владѣльцы были поставлены между двухъ огней: съ одной стороны они не рѣшались открыто присоединиться къ Мансуру, опасаясь наказанія со стороны Русскаго правительства, съ другой боялись быть разоренными своими же подвластными. Первое время они не давали никакого опредѣленнаго отвѣта Мансуру, но когда увидѣли что большинство населенія ихъ ненавидѣвшаго перешло на сторону пророка, то признали болѣе выгоднымъ послѣдовать общему теченію, но такъ чтобъ оставить себѣ нѣкоторый путь отступленія. Они уполномочили Джембулата отправиться въ Григоріополисъ, увѣдомить Русскихъ о происходящемъ и увѣрить начальника гарнизона что кабардинскіе владѣльцы, по силѣ данной ими присяги, остаются вѣрными Русскому правительству, но просятъ разрѣшенія отправить женъ, дѣтей и имущество къ сторонѣ Барсукловъ и Анзоровыхъ Кабаковъ, съ тѣмъ что все взрослое населеніе останется на своихъ мѣстахъ.

— Оставшись налегкѣ въ Кабардѣ, говорилъ Джембулатъ,— мы будемъ въ случаѣ нападенія развратника защищать себя и свои селенія.

Джембулатъ просилъ дать ему нѣсколько воловъ для перевозки своего имущества и обѣщалъ тотчасъ же возвратить ихъ. Подполковникъ Вреде отговаривалъ Кабардинцевъ отъ такого переселенія и, не будучи въ силахъ запретить, требовалъ чтобы тѣ изъ владѣльцевъ кои захотятъ переселиться прислали предварительно своихъ сыновей въ аманаты. Взявъ двѣ пары воловъ, Джембулатъ отправился въ Кабарду съ обѣщаніемъ исполнить требованіе русскаго начальника, но кабардинскіе князья аманатовъ не прислали, хотя изъ Григоріополиса видно было какъ длинные обозы ихъ съ имуществомъ покидали селенія.

Поутру 29го іюля въ укрѣпленіи замѣтили что въ близъ лежащемъ лѣсу собирались толпы вооруженныхъ людей; что по временамъ нѣсколько чеченскихъ всадниковъ со значками и знаменами показывались изъ лѣсу; что на встрѣчу имъ

изъ Кабардинскаго лѣса выѣзжало точно также нѣсколько всадниковъ со значками. Не трудно было убѣдиться что Кабардинцы дѣйствовали заодно съ Чеченцами и что обѣщаніе ихъ остаться вѣрными Русскому правительству было сдѣлано съ цѣлью усыпить бдительность нашихъ начальниковъ и успѣть удалить свое имущество.

Видя что толпа горцевъ все усиливается, подполковникъ Вреде отправилъ къ нимъ переводчика съ приказаніемъ спросить зачѣмъ они собираются. Вмѣсто отвѣта собравшіеся стали бранить Русскихъ и хотѣли встрѣтить выѣхавшаго выстрѣлами. Переводчикъ принужденъ былъ возвратиться въ укрѣпленіе, къ оборонѣ котораго и были приняты мѣры. Стоявшія лагеремъ войска были введены въ укрѣпленіе и расположены вдоль прикрытаго пути. Наиболѣе слабыя мѣста этого послѣдняго были заставлены провіантскимъ обозомъ, причемъ промежутки между фурами были забраны досками, бревнами и другими лѣсными матеріалами, имѣвшимися подъ руками. Казенныя лошади и волы, загнанные внутрь укрѣпленія, были размѣщены въ различныхъ строеніяхъ и во рву, а частный скотъ, по тѣснотѣ укрѣпленія, оставленъ былъ подъ пушечными выстрѣлами, за валомъ, въ бывшихъ близь укрѣпленія землянкахъ Селенгинскаго полка; двери и окна этихъ землянокъ были наскоро заложены.

Около двухъ часовъ пополудни горцы подошли къ Григоріополису и почти со всѣхъ сторонъ окружили укрѣпленіе; толпами и въ одиночку они разъѣзжали по горамъ и лощинамъ, стараясь пресѣчь всякое сообщеніе. Одна изъ такихъ партій наткнулась на семь человѣкъ казаковъ, конвоировавшихъ переводчика Цыганкова, ѣхавшаго изъ Владикавказа съ письмами и конвертами. За версту отъ укрѣпленія казаки были окружены толпой горцевъ, открывшихъ по нимъ весьма частый огонь. При первыхъ выстрѣлахъ подполковникъ Вреде отправилъ на помощь атакованнымъ хорунжаго Павлова съ нѣсколькими казаками, который хотя и выручилъ Цыганкова, но будучи самъ окруженъ скопившимся непріятелемъ принесъ его на своихъ плечахъ къ укрѣпленію. Толпа Кабардинцевъ и Чеченцевъ, спустившись въ овраги окружающіе укрѣпленіе, стреножили своихъ лошадей и открыли огонь по укрѣпленію; ихъ поддерживала еще бо́льшая толпа всад-

никовъ, посреди которыхъ виднѣлся одѣтый въ бѣломъ платьѣ самъ пророкъ.

Перестрѣлка, начавшаяся съ двухъ часовъ пополудни, продолжалась до самыхъ сумерекъ. Не надѣясь взять укрѣпленіе открытою силой, горцы зажгли сараи, конюшни и прочія строенія принадлежавшія Астраханскому пѣхотному полку. Подъ прикрытіемъ густаго дыма они ближе подошли къ укрѣпленію и усилили огонь, укрываясь сами въ лощинахъ и за закрытіями. Чтобы выманить ихъ на открытое мѣсто, подполковникъ Вреде употребилъ довольно удачно слѣдующую хитрость: зная алчность горцевъ и ихъ склонность ко грабежу и хищничеству, Вреде сталъ выпускать изъ крѣпости скотъ по одиночкѣ; горцы цѣлыми толпами бросались на добычу, а ихъ поражали картечью. Такой маневръ удавался довольно долгое время, и тринадцать штукъ скота, выпущеннаго разновременно, дорого стоили горцамъ все еще питавшимъ надежду овладѣть укрѣпленіемъ, гарнизонъ котораго сталъ ощущать недостатокъ въ водѣ.

Стояли жаркіе дни; вода которою успѣли запастись до осады была почти вся израсходована и потому подполковникъ Вреде рѣшился произвести вылазку и выгнать непріятеля изъ овраговъ и засадъ. Восемьдесятъ человѣкъ охотниковъ и сто казаковъ, подъ прикрытіемъ огня крѣпостныхъ орудій, съ крикомъ бросились съ разныхъ сторонъ изъ укрѣпленія. Ошеломленный непріятель отступилъ, зажегъ бывшіе на равнинѣ стоги сѣна и скрылся въ Чеченскихъ лѣсахъ.

Осада Григоріополиса была неудачна для горцевъ; они потеряли много убитыми и ранеными, не причинивъ намъ большаго вреда; вся наша потеря состояла изъ девяти убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: одного офицера и шестнадцати рядовыхъ. *

* Донесеніе полковника Вреде отъ 31 іюля 1785 года.

VII.

Нападеніе Кабардинцевъ на нашъ отрядъ при рѣкѣ Малкѣ и Шихъ-Мансура на Кизляръ.—Хищничество на линіи.—Дѣятельность Мансура и преслѣдованіе его нашими войсками. — Прокламаціи П. С. Потемкина.—Бой у Татартупа.

Отступая отъ Григоріополиса Чеченцы хотя и видѣли несбыточность предвѣщаній Мансура, будто выстрѣлы русскихъ пушекъ обратятся на самихъ стрѣляющихъ, но довольствовались тѣмъ что успѣли привлечь на свою сторону Кабардинцевъ. Бо́льшая часть жителей Малой Кабарды покинули свои селенія и страшась наказанія разсѣялись въ разныя стороны. Князь Долъ со своими подвластными и нѣкоторыми другими владѣльцами поселился въ вершинахъ рѣки Сунжи, въ сосѣдствѣ съ Ингушами; другая часть жителей Малой Кабарды удалилась къ верховьямъ рѣки Терека и лишь немногіе возвратились въ свои селенія и просили помилованія *.

Жители Большой Кабарды были также скорѣе враждебны чѣмъ покорны намъ. Вся Кабарда дѣлилась въ то время на три партіи: первая и самая сильная доброжелательствовала Мансуру, снабжала его толпу продовольствіемъ, готовилась присоединиться ко лжепророку и приглашала его въ свои владѣнія. Вторая партія подъ руководствомъ Мисоста Баматова оставалась въ нерѣшимости и скрытно сочувствуя Чеченцамъ, наружно показывала видъ будто бы не довольна приближеніемъ Мансура къ ихъ владѣніямъ. Наконецъ, третья партія, составлявшая меньшинство, подъ руководствомъ фамилій князей Касаевыхъ и Хамурзиныхъ, была чистосердечно предана Россіи, но опасаясь преслѣдованія большинства, была въ самомъ непріятномъ положеніи. Не было никакого сомнѣнія что если Мансуръ вступитъ въ Кабарду, то и эта послѣдняя партія, вынужденная силой обстоятельствъ, принуждена будетъ перейти на сторону противниковъ Россіи **.

Между тѣмъ волненіе въ Кабардѣ съ каждымъ днемъ все

---

* Госуд. Арх. XXIII, № 13 карт. 49.

** Рапортъ генерала П. С. Потемкина князю Потемкину 21 ноября, № 362. Тамъ же.

более усиливалось. Поддерживая постоянныя сношенія съ закубанскими Черкесами и Чеченцами и получая возбуждающія къ возстанію письма Мансура, большинство Кабардинцевъ продавали свое имущество, скотъ и на вырученныя деньги покупали оружіе и лошадей. Подстрекаемые Портой, обнадеживавшею ихъ своею помощью, Кабардинцы соединившись съ закубанскими Черкесами, вторгались въ наши предѣлы, грабили, уводили въ плѣнъ жителей и, наконецъ, послѣ взаимныхъ совѣщаній, собравшись въ значительномъ числѣ, произвели безуспѣшныя, впрочемъ, нападенія на Константиногорскъ, селеніе Нино и даже на крѣпость Георгіевскую.

Получивъ свѣдѣніе что главное скопище Кабардинцевъ находится на рѣкѣ Малкѣ, генералъ-майоръ Шемякинъ собралъ наскоро отрядъ съ намѣреніемъ разогнать собравшихся. Версты за четыре отъ рѣки Малки, 4 августа, около шести часовъ пополудни, Кабардинцы встрѣтили нашъ отрядъ тремя толпами, численность которыхъ простиралась до тысячи человѣкъ. Они требовали чтобы русскія войска вернулись назадъ и кричали что не позволятъ имъ расположиться лагеремъ на рѣкѣ Малкѣ. Считая подобное требованіе до крайности дерзкимъ, Шемякинъ приказалъ чрезъ переводчика Вилковскаго объявить собравшимся чтобъ они, оставя свою наглость, немедленно разошлись по домамъ. Вмѣсто изъявленія покорности Кабардинцы атаковали нашъ отрядъ, но были отражены и прогнаны за Малку *. Остановившись на мѣстѣ сраженія Шемякинъ просилъ генералъ-поручика Леонтьева прислать ему подкрѣпленія для наказанія Кабардинцевъ, но просьба эта не могла быть удовлетворена, за неимѣніемъ свободныхъ войскъ, занятыхъ въ то время дѣйствіями противъ Мансура, успѣвшаго собрать весьма значительную толпу хищниковъ.

Въ началѣ августа кизлярскій комендантъ бригадиръ Вишняковъ донесъ что бо́льшая часть Аксаевскихъ владѣльцевъ съ ихъ узденями присоединились къ Мансуру, который намѣренъ прежде всего напасть на Очинскую пристань, гдѣ онъ надѣялся захватить провіантъ и тѣмъ пріобрѣсти средство къ пропитанію своего сборища. Кромѣ значительнаго запаса провіанта, привлекавшаго на себя вниманіе лжепророка, Очинская пристань имѣла въ глазахъ Мансура то

* Рапорты Шемякина генералу Леонтьеву 4 и 5 августа. Тамъ же.

важное значеніе что овладѣвъ ею онъ прерывалъ сообщеніе Кизляра съ Астраханью и со станицами Гребенскаго и Семейнаго войскъ. Предоставленный собственнымъ средствамъ, Кизляръ казался горцамъ легкою добычей и они, обнадеженные обѣщаніями лжепророка, вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ. Охотники до всякаго рода поживы, туземцы толпами стекались съ разныхъ сторонъ подъ знамена Мансура. Здѣсь были Чеченцы, Кабардинцы, Лезгины различныхъ племенъ и поколѣній, жители Шамхальства Тарковскаго и главнѣйшимъ образомъ Кумыки, составлявшіе основаніе толпы. Ингуши вовсе не участвовали въ возмущеніи, а изъ Костюковцевъ лишь немногіе находились въ толпѣ Мансура. Костюковскій владѣлецъ Хамза, имѣвшій чинъ капитана, оставался непоколебимымъ ко всѣмъ внушеніямъ лжепророка и своимъ примѣромъ удержалъ многихъ отъ вступленія въ толпу хищниковъ. Андреевскій владѣлецъ старикъ Темиръ, съ тремя сыновьями, оставался вѣрнымъ Россіи; другой такой же старикъ Муртузя-Алій также выказывалъ свое усердіе, но сынъ его Чапаловъ былъ главнымъ пособникомъ Мансура *. Бо́льшая часть владѣльцевъ Малой Кабарды держали сторону лжепророка и въ особенности князь Долъ, который былъ главнымъ его орудіемъ въ собираніи толпы и въ распространеніи всякаго рода несбыточныхъ слуховъ о святости Мансура.

Поддержанный столь вліятельными лицами, приведшими къ нему своихъ вооруженныхъ подвластныхъ, чеченскій имамъ рѣшился напасть на Кизляръ. Пользуясь обмелѣніемъ рѣки Терека и возможностью перейти его во многихъ мѣстахъ въ бродъ, Мансуръ, 19 августа, около 11 часовъ утра, сталъ переходить на лѣвый берегъ рѣки, верстахъ въ пятнадцати ниже Кизляра. Послѣ переправы все скопище, численность котораго, по донесенію бывшихъ на пикетахъ Гребенскихъ казаковъ, простиралась до 10.000 тысячъ человѣкъ, подошло къ урочищу Буйвалы, находившемуся верстахъ въ семи отъ Кизляра и расположилось въ садахъ окружающихъ городъ. Добравшись до садовъ нестройная толпа хищниковъ не не внимала уже голосу своего предводителя и не слѣдовала его указаніямъ идти прямо на приступъ. Горцы видѣли предъ собой добычу и вмѣсто того чтобы слѣдовать далѣе преда-

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 8 ноября, № 323.

лись грабежу. Весь день 20 августа непріятель опустошалъ сады, жегъ находившіяся тамъ строенія и только ночью, желая ворваться въ городъ, пытался напасть на ретраншаментъ возведенный вокругъ форштадта *.

Медленность съ которою непріятель приготовлялся къ нападенію на Кизляръ дозволила бригадиру Вишнякову приготовиться къ его встрѣчѣ. Оборона ретраншамента была раздѣлена на двѣ части: правая его половина, прикрывавшая дома Татаръ, была поручена защитѣ Терскаго войска капитана князя Бековича-Черкасскаго, а лѣвая, съ домами Грузинъ и Армянъ—плацъ-майора Бояркина. Для защиты города былъ назначенъ отрядъ въ 2.500 человѣкъ, въ составѣ которыхъ находились: двѣ роты Астраханскаго и Кизлярскаго полковъ, Гребенскіе и Терскіе казаки и ополченіе, составленное изъ Грузинъ, Армянъ и Калмыковъ. Гарнизонный баталіонъ оставленъ былъ въ крѣпости, въ резервѣ, а внѣ ретраншамента стоялъ лагеремъ Томскій пѣхотный полкъ въ числѣ 720 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Лунина **.

Вечеромъ 20го августа, какъ мы уже сказали, непріятель пытался овладѣть ретраншаментомъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изо всѣхъ орудій бывшихъ въ укрѣпленіи. Засѣвъ во рву ретраншамента горцы до пяти разъ бросались на штурмъ и продолжали нападеніе до тѣхъ поръ пока спустившіеся въ ровъ защитники не выбили ихъ оттуда штыками. Видя неудачу, Мансуръ отступилъ къ урочищу Буйвалы, захвативъ съ собою и всѣ тѣла убитыхъ.

На слѣдующій день непріятель, оставивъ намѣреніе овладѣть укрѣпленіемъ, атаковалъ Томскій пѣхотный полкъ, который построившись въ каре встрѣтилъ его батальнымъ огнемъ. Но ни этотъ огонь, ни выстрѣлы съ крѣпости не могли первое время остановить горцевъ, дравшихся отчаянно; скрываясь въ ямахъ и лощинахъ, засѣвъ за разными закрытіями, они производили бѣглый огонь по каре, въ которомъ находилось только 720 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Видя многочисленность непріятеля и не желая терять напрасно людей, полковникъ Лунинъ построилъ изъ каре треугольникъ и одною изъ

* Рапортъ астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 2 сентября, № 104. Госуд. Арх. XVI, № 910. Рапортъ Леонтьева П. С. Потемкину 30 августа, № 172, тамъ же XXIII, № 13, карт. 49.

** Рапортъ Вишнякова генералу Леонтьеву 27 августа, № 766. Тамъ же.

вершинъ его сталъ отступать въ укрѣпленіе. Горцы хотя насѣдали на отступающихъ и старались окружить ихъ, но всюду встрѣчались лицомъ къ лицу и несли огромныя потери. При каждомъ натискѣ непріятеля полковникъ Лунинъ останавливался и принималъ его въ штыки и тѣмъ наносилъ жестокое пораженіе противнику. Съ отступленіемъ Томскаго полка въ ретраншаментъ горцы были встрѣчены огнемъ изо всѣхъ бывшихъ на укрѣпленіи орудій и принуждены отступить. Они оставили на мѣстѣ восемь значковъ и до 70 тѣлъ убитыхъ, которыхъ не успѣли захватить съ собой. При зарываніи ихъ было найдено сверхъ того много труповъ въ кустахъ заброшенныхъ хворостомъ.

Свидѣтельствуя о заслугахъ всего Кизлярскаго гарнизона, полковникъ Лунинъ доносилъ что особенно храбро защищались спѣшенные Гребенскіе казаки съ ихъ атаманомъ Петромъ Сехинымъ, Терское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, и всѣ жители за исключеніемъ Калмыковъ. „Они суть совершенные трусы, доносилъ Лунинъ,* за всѣми понужденіями и побоями, никакъ не могъ довесть дабы вслѣдъ за бѣгущими бросились или въ сраженіи вспомоществованіе чинили, а только стояли дрожа."

Отраженное отъ Кизляра скопище переночевавъ на рѣчкѣ извѣстной подъ именемъ Новаго Терека, въ двадцати верстахъ отъ Кизляра, чуть свѣтъ 22го августа поднялось всѣмъ своимъ станомъ, и раздѣлившись на три части, разошлось въ разныя стороны: одна часть двинулась по дорогѣ пролегавшей по морскому берегу, другая къ кумыкскому селенію Эндери и наконецъ третья—въ чеченскія селенія.

Неудача подъ Кизляромъ сильно подѣйствовала на сообщниковъ Мансура, теперь ясно видѣвшихъ что предсказанія его не сбываются и его послѣдователи терпятъ лишь однѣ неудачи. Чеченцы рѣшились оставить своего имама, который принужденъ былъ покинуть родину и скрыться въ кумыкскихъ селеніяхъ. Кавказское начальство не сумѣло воспользоваться этимъ охлажденіемъ и Мансуръ снова усилился. Тамъ гдѣ нужно было употребить силу, представители нашей власти употребляли убѣжденіе, совѣты и тратили напрасно время въ безполезныхъ переговорахъ. Горцы понимали что поступки ихъ достойны наказанія и ожидая его, Андреевцы

* Генералу Леонтьеву 27го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 49.

и Аксаевцы покидали свои дома и со всѣмъ имуществомъ удалялись въ горы. Такъ-называемые аульные Татары (осѣдлые Ногайцы), возбужденные старшинами, также поднялись со своихъ мѣстъ чтобы присоединиться ко лжепророку, но были остановлены полковникомъ Савельевымъ, подоспѣвшимъ съ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и занявшимъ всѣ переправы по Старому Тереку. * Генералъ-поручикъ Потемкинъ поручилъ Леонтьеву уговорить Кумыковъ и Ногайцевъ оставаться на мѣстѣ и принести чистосердечное раскаяніе. „Милосердіе Великой Екатерины, писалъ онъ, ** не отринетъ и ихъ раскаяніе, если оно будетъ чистосердечно.“

Вмѣсто того чтобы дѣйствовать скоро и рѣшительно, Потемкинъ откладывалъ всѣ дѣйствія до своего возвращенія на линію и поручалъ только кизлярскому коменданту бригадиру Вишнякову заготовить продовольствіе для четырехъ полковъ пѣхоты, пяти эскадроновъ и тысячи человѣкъ казаковъ.

Распоряжаясь издали, теряя напрасно время въ перепискѣ, упуская благопріятныя обстоятельства и связывая руки стоявшему у дѣла ближайшему начальству, Потемкинъ хотѣлъ устрашить горцевъ однимъ своимъ именемъ. Онъ приказалъ распустить слухъ что какъ только онъ прибудетъ на линію, то весь собранный отрядъ будетъ обращенъ для наказанія послѣдователей лжепророка. ***

Послѣдній, найдя себѣ пріютъ въ селеніи Эндери, не терялъ еще надежды на лучшую будущность и вербовалъ себѣ новую толпу хищниковъ. Всѣ искатели приключеній находили у него пріютъ и выслушивали хвастливыя обѣщанія. Жители селеній Казанишъ, Губдень, Хунзаха, Эрпели, Карабудаскентъ, Каякентъ и пр. партіями и по одиночкѣ стекались къ имаму; нѣкоторые кумыкскіе князья также приняли его сторону и выдали аманатовъ, но считали своею обязанностью увѣрить русское начальство что, будучи сами искренно преданы Россіи, не могутъ справиться со своими подвластными, которые несмотря на запрещеніе уходятъ въ толпу лжепророка. ****

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 2го октября, № 92 Государств. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

** Въ ордерѣ бригадиру Вишнякову 9го сентября, № 54. Тамъ же.

*** Ордеръ бригадиру Вишнякову 9го октября, № 54.

**** Показаніе Татарина Киликаева. Государств. Арх. XXIII, № 13, карт. 49.

Въ началѣ сентября Мансуръ явился въ Горячевское селеніе, подвластное князьямъ Аксаевскимъ, и увѣрялъ всѣхъ что ожидаетъ прибытія къ себѣ чеченскихъ войскъ, и что послѣ совѣщаній съ Андреевцами и Аксаевцами пойдетъ или опять на Кизляръ, или на Калиновскую станицу.

— Кумыки просятъ меня идти на Кизляръ, говорилъ имамъ,—а Чеченцы желаютъ напасть на Калиновскую станицу. Послѣ совѣта мы рѣшимъ куда идти.

Совѣщаніе это однако же не состоялось, и Мансуръ не дождавшись прибытія обѣщанныхъ имъ чеченскихъ войскъ отправился на рѣчку Ярыкъ-су, гдѣ и водрузилъ свое знамя. Съ нимъ прибыло нѣсколько человѣкъ Кабардинцевъ и кумыкскіе князья: Чапаловъ, Арсланъ-Гирей и Али-Солтанъ, изъ коихъ послѣдній, обѣщаясь доставить продовольствіе, отправилъ его въ лагерь лжепророка на большомъ числѣ арбъ *. Провіантъ этотъ, какъ единственный источникъ для продовольствія послѣдователей Мансура, число которыхъ простиралось до 500 человѣкъ, былъ весьма скоро израсходованъ и потому большинство собравшихся на рѣку Ярыкъ-су принуждено было разойтись по домамъ **. Остатки сборища вмѣстѣ съ имамомъ отправились къ деревнѣ Костюкамъ и не доходя верстъ десяти расположились лагеремъ. Здѣсь Мансуръ думалъ устроить себѣ постоянное пристанище и укрѣпиться *** чтобы въ случаѣ преслѣдованія нашими войсками имѣть убѣжище гдѣ можно бы было защищаться до послѣдней крайности.

Видя охлажденіе къ себѣ Чеченцевъ, имамъ отправилъ къ нимъ родъ окружнаго посланія, въ которомъ высказывалъ свое сожалѣніе о томъ что при немъ находятся всего только девять человѣкъ Чеченцевъ. Онъ призывалъ ихъ къ себѣ, говоря что послѣ Курбанъ-Байрама всѣ собравшіеся вокругъ него увидятъ посреди себя святаго человѣка, при покровительствѣ котораго легко овладѣютъ Кизляромъ и будутъ имѣть во всемъ удачу. Мансуръ писалъ что если и на этотъ разъ слова его окажутся несправедливыми, то готовъ предать себя сожженію ****. Чеченцы приняли это посланіе съ

* Показаніе Андреевскаго владѣльца Казія Темирова. Тамъ же.

** Показаніе узденя Салатъ-Гирея. Тамъ же.

*** Показаніе Костюковскаго владѣльца капитана Хамзы-Муртазы-Алія.

**** Показаніе Кайтуки Бакова 29го сентября. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 50

крайнею недовѣрчивостію и большинство не откликнулось на его приглашеніе. Мансуръ принужденъ былъ ѣздить по деревнямъ и собирать себѣ приверженцевъ по одиночкѣ, стараясь для того возстановить простой народъ противъ ихъ владѣльцевъ. Онъ посѣтилъ Качкалыковъ, Аксаевцевъ, Кабардинцевъ, былъ нѣсколько разъ въ селеніи Эндери, съ цѣлью пригласить всѣхъ жителей этихъ деревень идти съ нимъ на Кизляръ, гдѣ обѣщалъ богатую добычу *. Хотя при всѣхъ своихъ усиліяхъ лжепророкъ успѣлъ собрать себѣ шайку не болѣе какъ человѣкъ во сто, но намѣреніе Мансура сдѣлать вторичное нападеніе на Кизляръ заставило Потемкина принять мѣры къ тому чтобы не допустить его до города. Онъ приказалъ полковнику Лунину, въ случаѣ движенія непріятеля къ Кизляру, взять всѣ свободныя команды и выйдя изъ города разбить горцевъ въ полѣ **. Къ Кабардинцамъ же командующій войсками отправилъ воззваніе призывавшее ихъ къ порядку и повиновенію. Онъ просилъ ихъ опомниться, не навлекать на себя наказанія и быть увѣренными что „оказавшійся ложный имамъ Мансуръ не спасетъ обманными чудесами отъ грома и стрѣлъ которыя поразятъ преступниковъ“.

Майоръ князь Ураковъ, которому поручено было объявить это воззваніе, самъ отправился въ Кабарду и собравъ князей и владѣльцевъ въ домѣ Мисоста Баматова, прочелъ имъ воззваніе, но собравшіеся, вмѣсто покорности, требовали возвращенія ихъ холоповъ, вышедшихъ изъ Кабарды и поселившихся на линіи. Безусловная уступка требованію кабардинскихъ князей могла бы послужить для нихъ признакомъ нашей слабости и повлечь за собою новыя требованія, а потому П. С. Потемкинъ не призналъ возможнымъ тогда же удовлетворить желаніе Кабардинцевъ, но не отказывался исполнить его въ будущемъ, если князья и владѣльцы останутся вѣрными Русскому правительству. „Никогда подчиненные, писалъ онъ *, не дерзали начальнику дѣлать требованіе, но каждую нужду покорно представляютъ и просятъ.

* Рапортъ бригадира Вишнякова П. С. Потемкину отъ 4го октября, № 896. Тамъ же папка 96.

** Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Лунину 1го октября. № 77, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

*** Листъ Кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу 11го октября, № 167. Тамъ же.

Вѣрные рабы ея императорскаго величества всегда отличены будутъ: холопья принадлежащіе владѣльцамъ вѣрнымъ отданы были бъ. Но сей милости должно сдѣлаться достойными.“

Не удовлетворенные въ своемъ желаніи Кабардинцы не считали нужнымъ исполнить волю командующаго войсками и попрежнему продолжали свои сношенія со лжепророкомъ.

Владѣлецъ Малой Кабарды князь Долъ, переселившись къ Кавказскимъ горамъ, собралъ себѣ шайку болѣе 700 человѣкъ, съ которыми и разбойничалъ въ окрестностяхъ Владикавказа. Онъ нападалъ на всѣхъ проѣзжающихъ, прервалъ сообщеніе съ Грузіей, и когда въ октябрѣ была послана изъ крѣпости наша команда за сѣномъ, онъ напалъ на нее и захватилъ въ свои руки сѣно, въ виду всего владикавказскаго гарнизона. Бывшій во Владикавказѣ подполковникъ Матценъ выслалъ противъ хищниковъ 200 человѣкъ егерей и въ то же время послалъ сказать жившимъ вблизи крѣпости Ингушамъ чтобъ они ударили на шайку князя Дола. Ингушевскій старшина Чошъ собравъ въ полчаса 150 человѣкъ, подоспѣлъ съ ними къ нашимъ егерямъ и вмѣстѣ съ ними заставилъ князя Дола бросить захваченное имъ сѣно *.

Князь Долъ скрылся, но не оставилъ своихъ разбойническихъ дѣйствій. Соединясь съ другими кабардинскими владѣльцами, онъ производилъ безпрестанныя вторженія въ наши границы. Сынъ князя Мисоста Баматова, вскорѣ послѣ прочтенія въ домѣ его отца воззванія П. С. Потемкина, собралъ до 30 человѣкъ узденей, съ которыми и отправился къ чеченскому имаму съ тѣмъ чтобы пригласить его придти въ Кабарду со своимъ ополченіемъ. Подъ предлогомъ того что намѣренъ въ скоромъ времени идти къ Кизляру, а въ дѣйствительности опасаясь попасть въ наши руки, Мансуръ отказался исполнить предложеніе князя Мисоста, зная что среди Кабардинцевъ есть еще лица намъ преданныя. Онъ вручилъ прибывшимъ свое знамя и просилъ Кабардинцевъ производить по возможности частыя нападенія на различные пункты Кавказской линіи и въ особенности безпокоить Русскихъ.

---

* Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 24го октября, № 233. Въ поощреніе на будущее время подобныхъ поступковъ П. С. Потемкинъ выдалъ Чошу 100 червонцевъ, брату его 50 и обоимъ на платье по 5 аршинъ сукна. Всѣмъ же остальнымъ Ингушамъ съ нимъ бывшимъ было выдано по 4 аршина сукна на каждаго.

въ то время, когда онъ приведетъ въ исполненіе свое предпріятіе на Кизляръ *. Кабардинцы съ восторгомъ приняли знамя присланное Мансуромъ и обѣщали исполнить желаніе чеченскаго имама **. Они вошли въ сношенія съ закубанскими народами и согласились съ ними дѣйствовать единодушно. Будучи всегда готовы на хищничество, Закубанцы тѣмъ охотнѣе слѣдовали внушеніямъ Кабардинцевъ что надѣялись на помощь Порты. Въ то время по всему Закубанью прошелъ слухъ будто бы Турецкое правительство, всегда враждебное Россіи, прислало къ Мансуру письмо, въ которомъ говорилось что если ему нужны деньги, знамя, пушки и войско, то все это будетъ доставлено. Услужливые люди увѣряли даже что деньги и знамя уже присланы и находятся у Ахалцыхскаго паши ***. Хотя всѣ эти слухи и были ложны, но имѣли большое вліяніе на все горское населеніе праваго фланга Кавказской линіи: оно дѣйствовало смѣлѣе и съ большею настойчивостію. Такъ 2го октября Кабардинцы и Закубанцы одновременно напали на редуты Невинный и Кубанскій ****, а девять дней спустя, 11го октября, партія Кабардинцевъ, въ четыреста человѣкъ, напала на селеніе Нино, гдѣ успѣла отогнать пятьсотъ лошадей и восемьсотъ барановъ; другая такая же партія, человѣкъ въ пятьсотъ, пробравшись на линію выше Константиногорска, разграбила нѣсколько селеній и захватила тридцать одного человѣка поселенцевъ ѣхавшихъ на линію †.

Между тѣмъ лжепророкъ, не считая себя достаточно сильнымъ чтобы напасть на Кизляръ, увѣрялъ своихъ единомышленниковъ что не идетъ къ этому городу только потому что Качкалыки и Аксаевцы приглашаютъ его вторгнуться въ русскіе предѣлы между Шелкозаводскою и Щедринскою станицами, разорить селенія и отогнать табуны. Мансуръ говорилъ что движеніе его и направленіе удара будетъ зависѣть отъ того числа войскъ которое соберется подъ его знамена, а между тѣмъ чтобъ удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ собравшихся, занять ихъ и не оставлять праздными, лжепророкъ

* Рапортъ князя Уракова генералу П. С. Потемкину 5го октября.
** Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 6го октября, № 127.
*** Рапортъ его же отъ 13го октября, № 178.
**** Рапортъ его же отъ 13го октября, № 175.
† То же отъ 13го октября, № 176.

отправилъ партію человѣкъ въ четыреста для нападенія на Каргалинскую станицу. Предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ и горцы были разогнаны прежде чѣмъ успѣли переправиться черезъ рѣку.

Въ такомъ положеніи были дѣла когда генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ, возвращаясь изъ Петербурга на Кавказскую линію, прибылъ въ Георгіевскъ 30го сентября. Онъ нашелъ что вся наша граница, начиная отъ Каспійскаго до Чернаго Моря, была одинаково подвержена нападенію хищниковъ. „Обстоятельства здѣшнія въ крайнемъ замѣшательствѣ, доносилъ онъ *; лжепророкъ паки собирается напасть на Кизляръ и на всѣ наши селенія. Всѣ Кумыки, Чеченцы и прочіе горцы, даже часть Дагестанцевъ, стекаются къ нему для нападенія на наши предѣлы.

Наканунѣ пріѣзда П. С. Потемкина въ Науръ къ этому мѣстечку подходило до тысячи человѣкъ Чеченцевъ, покушавшихся переправиться черезъ рѣку Терекъ; другая такая же партія появилась у Моздока, но была прогнана. Партіи кабардинскихъ хищниковъ вторгались въ наши границы, производили грабежи, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Примѣру ихъ слѣдовали почти всѣ племена закубанскихъ Черкесовъ. Хищническіе набѣги горцевъ были тѣмъ удачнѣе что войска наши, состоявшія преимущественно изъ пѣхоты, не могли воспрепятствовать прорыву партіямъ наѣздниковъ, дѣлавшихъ быстрые и неожиданные переѣзды съ одного пункта на другой. Находившіеся на линіи кавалерійскіе полки были въ плохомъ состояніи: при некомплектѣ въ людяхъ они имѣли еще болѣе недостатка въ лошадяхъ, въ разное время отогнанныхъ горцами и не пополненныхъ. Пѣхотные полки были разбросаны по всей линіи небольшими частями, и потому чтобы собрать сколько-нибудь значительный отрядъ для наказанія волнующихся требовалось довольно значительное время. Все это заставило генералъ-поручика П. С. Потемкина стянуть войска къ главнѣйшимъ пунктамъ и образовать три самостоятельные отряда: первый противъ Кумыковъ, Чеченцевъ и Дагестанцевъ, второй противъ Большой и Малой Кабарды и наконецъ третій противъ Закубанцевъ. Сообразно съ этимъ, для дѣйствія

* Въ рапортѣ князю Потемкину 2го октября, № 89. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

противъ Мансура и его сколицъ, былъ расположенъ на рѣкѣ Терекѣ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора Шемякина *; противъ Большой и Малой Кабарды былъ сосредоточенъ другой отрядъ подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина ** и наконецъ третій отрядъ *** подъ начальствомъ бригадира Апраксина, расположившись у Невиннаго Мыса, долженъ былъ оберегать все пространство отъ Прочнаго окола до Константиногорска.

Не желая открывать военныхъ дѣйствій не испытавъ всѣхъ средствъ къ увѣщанію, П. С. Потемкинъ разослалъ повсюду прокламаціи, въ которыхъ требовалъ повиновенія и покорности. Кабардинцы, какъ мы видѣли, въ отвѣтъ на это требовали возвращенія ихъ подвластныхъ, выселившихся на линію. Жители селенія Большой Атаги увѣряли что они преданы Россіи, никакихъ шалостей не производили, а только выселились изъ своего селенія при приближеніи русскихъ войскъ, шедшихъ для наказанія Мансура. Старшины селенія Алды отвѣчали Потемкину что имамъ ихъ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, что онъ прославляетъ только магометанскую религію, подтверждаетъ вѣрно соблюдать законъ,

---

* Въ составъ этого отряда вошли Томскій и Астраханскій пѣхотные полки, два гренадерскіе баталіона (одинъ изъ двухъ ротъ Кабардинскаго и двухъ Селенгинскаго; другой изъ двухъ ротъ Астраханскаго и двухъ Томскаго полковъ), два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, казаки, тысяча Калмыковъ и восемь орудій полевой артиллеріи.

** По шести ротъ отъ полковъ: втораго Московскаго, Казанскаго, Кабардинскаго и Куринскаго; три гренадерскіе баталіона (первый изъ двухъ ротъ Казанскаго и двухъ Куринскаго; второй—двухъ ротъ втораго Московскаго и двухъ ротъ Владимірскаго; третій—двухъ ротъ Ладожскаго и двухъ Бутырскаго полковъ), четыре роты Свіяжскаго егерскаго полка, сто пятьдесятъ человѣкъ Кабардинскаго, четыре эскадрона Таганрогскаго, три эскадрона Астраханскаго драгунскаго полковъ, полкъ Уральскихъ, два полка Донскихъ казаковъ, Волгскіе казаки и двѣнадцать орудій полевой артиллеріи.

*** Изъ Бутырскаго и Ладожскаго пѣхотныхъ полковъ, четырехъ эскадроновъ Таганрогскаго, четырехъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полковъ, двухъ Финскихъ полковъ, Хоперскихъ казаковъ, тысячи Калмыковъ и шести орудій полевой артиллеріи (Рапортъ Потемкина князю Таврическому 2го октября, № 89. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 50).

убиваетъ и вѣшаетъ воровъ. Старшины откровенно признавались что безъ разрѣшенія Мансура ни въ какіе переговоры съ нашимъ правительствомъ вступать не могутъ и не смѣютъ. „Мы находимся, писали они, * въ точномъ послушаніи имама Мансура; чтò онъ прикажетъ, то и дѣлаемъ. Онъ есть удостоенный и избранный отъ Бога, человѣкъ добрый и справедливый. Онъ не велитъ обижать христіанъ и другихъ беззаконниковъ, приказываетъ наблюдать законъ магометанскій. Къ сторонѣ вашей убытку не дѣлалъ (?) и не желалъ; да и нынѣ чтò онъ прикажетъ, то исполнять будемъ, а къ сторонѣ вашей убытку не желаемъ."

Еслибы Потемкинъ вмѣсто безполезныхъ увѣщаній сталъ дѣйствовать рѣшительно, то онъ успѣлъ бы усмирить волненія, ибо въ это время дѣла лжепророка были въ довольно плохомъ состояніи. Костюковцы на приглашеніе его отказались къ нему присоединиться, а Чеченцы, которыхъ онъ ожидалъ, призывали его къ себѣ. Они говорили что Кизляръ хорошо укрѣпленъ и имѣетъ довольно войскъ для своей защиты, селенія же по рѣкѣ Тереку защищены слабо, что нападеніе на эти селенія обѣщаетъ бòльшій успѣхъ чѣмъ нападеніе на Кизляръ. Мансуръ готовъ былъ исполнить просьбу своихъ соотечественниковъ, но удержанъ былъ Дагестанцами, составлявшими большинство его ополченія.

— Рѣка Терекъ, говорили Дагестанцы,—вверху гораздо глубже и быстрѣе; идти намъ въ чеченскія селенія далеко, да мы не имѣемъ и провіанта. Мы готовы слѣдовать къ Кизляру, но въ чеченскія селенія не пойдемъ и разойдемся по домамъ. **

Опасаясь лишиться послѣднихъ средствъ, Шихъ-Мансуръ долженъ былъ уступить желанію Дагестанцевъ.

Оставивъ свой лагерь 12го октября, онъ потянулся къ Аксаю и подойдя къ Нижнему Яру сталъ готовиться къ переправѣ черезъ рѣку Терекъ. Неподалеку отъ избраннаго горцами мѣста переправы, и именно у Старогладковской станицы, находился полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ баталіона гренадеръ, двухъ мушкетерскихъ ротъ и всѣхъ казачьихъ войскъ расположенныхъ по рѣкѣ Тереку. Какъ только полковникъ Савельевъ получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля онъ тотчасъ же взялъ

* Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

** Показаніе Андреевца Али-Алханова, 12го октября 1785 года.

эскадронъ Моздокскаго казачьяго полка, 100 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ съ однимъ орудіемъ и поскакалъ съ ними къ мѣсту переправы. Густой лѣсъ прикрывалъ движеніе Савельева и непріятель не замѣтилъ его приближенія. Спокойно расположивъ свой станъ по берегу рѣки Терека, горцы заготовляли спуски и лодки для переправы. Полковникъ Савельевъ спѣшилъ казаковъ и разсылавъ ихъ по опушкѣ лѣса, приказалъ открыть огонь. Бѣглый ружейный огонь и десять выстрѣловъ изъ орудія заставили горцевъ поспѣшно удалиться отъ мѣста переправы; они поднялись выше по Тереку и прикрылись лѣсомъ. Дождавшись присоединенія къ себѣ пѣхотныхъ частей отряда, Савельевъ въ тотъ же вечеръ двинулся вверхъ по противоположному берегу рѣки и на утро заставилъ горцевъ отступить еще выше. * Лазутчики донесли что Мансуръ намѣренъ ворваться на линію между Щедринскою и Червленною станицами и потому полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ пошелъ параллельно движенію непріятеля. Подойдя къ рѣкѣ Сунжѣ сколище лжепророка остановилось въ лѣсу близь Брагунской деревни. Отрядъ Савельева также остановился у Щедрина и расположившись на противоположномъ берегу, продолжалъ слѣдить за непріятелемъ. **

Между тѣмъ Мансуръ, оставивъ свое ополченіе у Брагунскаго лѣса, отправился въ селеніе Алды чтобъ уговорить Чеченцевъ присоединиться къ нему. Собравъ съ разныхъ мѣстъ до 6.000 человѣкъ, имамъ около одиннадцати часовъ утра 22го октября переправился черезъ рѣку Сунжу и потянулся вверхъ по рѣкѣ Тереку съ намѣреніемъ соединиться съ Кабардинцами и дѣйствовать заодно съ ними.

По мѣрѣ того какъ сколище Мансура подвигалось къ Кабардѣ, оно входило въ районъ наблюденія двухъ отрядовъ. Изъ Щедрина за нимъ слѣдилъ полковникъ Савельевъ, а изъ Шадрина полковникъ Лунинъ, въ отрядѣ котораго находились: Томскій полкъ, гренадерскія роты Астраханскаго полка, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка и нѣсколько орудій полевой артиллеріи. Считая такое движеніе Мансура весьма удобнымъ для нанесенія ему окончательнаго пораженія, генералъ-поручикъ Потемкинъ приказалъ полковнику

* Рапортъ Савельева генералу Потемкину 14го октября.

** Рапортъ его же отъ 17го октября.

Нагелю отправиться въ Моздокъ, принять тамъ начальство надъ войсками и если представится необходимымъ и возможнымъ, то присоединить къ себѣ отряды полковниковъ Лунина и Савельева. Сформировавъ себѣ самостоятельный отрядъ, полковникъ Нагель долженъ былъ дѣйствовать наступательно чтобы воспрепятствовать соединенію Мансура съ Кабардинцами, а еслибы такое соединеніе не состоялось, то отрѣзать ему путь отступленія. * Самъ П. С. Потемкинъ, съ отрядомъ въ 5.000 строевыхъ чиновъ, ** двинулся къ Бештовымъ горамъ и 21го октября расположился на Малкѣ. Онъ все еще пытался возстановить спокойствіе одними убѣжденіями и отправилъ Кабардинцамъ объявленіе въ которомъ старался выставить обманъ и шарлатанство лжепророка.

„Богъ всемогущъ, писалъ Потемкинъ кадіямъ, духовенству и всему народу ***, всесиленъ, премудръ и безконеченъ, устроилъ

* Ордеръ полковнику Нагелю 25го октября, № 235.

** Отрядъ этотъ былъ въ слѣдующемъ составѣ:

	Офиц.	У.-оф. и капраловъ.	Рядов.	Нестр.	Итого.
Кабардинск. пѣхотн. п. .	17	56	666	104	843
Куринскій.............	14	30	422	87	553
Казанскій..............	7	24	221	54	306
Свіяжскій егерск. батал.	11	35	352	56	454
Кабардинскій...........	3	19	114	15	151
Гренадерскій баталіонъ изъ 6 соединенныхъ ротъ	12	40	595	68	715
Полевой артиллеріи и фурштата..............	10	25	237	127	399
Итого...	74	229	2.607	511	3.361
Таганрогскаго драг. полка 8 эскадроновъ.......	19	57	712	90	878
Казачьихъ полковъ.					
Θедора Грекова.........	—	—	426	—	426
Михаила Грекова........	—	—	175	—	175
Уральскаго полка.......	1	—	297	—	298
Калмыковъ.............	—	—	500	—	500
Всего...	94	286	4.717	601	5.698

(Рапортъ Потемкина князю Таврическому 30 октября, № 275).

*** Листъ Кабардинцамъ отъ 23 октября, № 221.

небеса, міръ и непремѣнное течeніе природы. Для блага человѣкъ силою Духа Своего поставилъ законодателей, изъ коихъ первый былъ Моисей, потомъ Іисусъ Христосъ и наконецъ вся Азія чтитъ Магомета третьимъ избраннымъ пророкомъ Божіимъ. Коранъ гласитъ что послѣ сихъ трехъ установителей законовъ не будетъ болѣе пророчества.

„Откуда взялся имамъ Мансуръ? Почему вѣрятъ слѣпо народы, невѣжествомъ полные, не зная ни силъ закона, ниже зная писанія Корана.

„Льстецъ и обманщикъ Шихъ, пользуясь ослѣпленіемъ людей, обѣщалъ имъ чудеса, но сдѣлалъ ли хоть единое? Обнадежилъ народы проліять въ бубны звукъ во всѣ концы вселенныя—кто слышалъ звукъ сей? Обѣщалъ спустить гласъ съ небесъ, ослѣпить и оглушить иновѣрныхъ,—кто слышалъ гласъ небесный, кто видитъ глухихъ и ослѣпленныхъ?

„Невѣжественный народъ, не внемля обману, продолжаетъ еще ожидать чудесъ; немысленные, привыкнувъ къ воровству, подъ предлогомъ мнимаго имама, пускаются на грабежи и разбои. Но вы, духовные богослужители, вы знаете писаніе Магомета, вы точно должны вѣдать что Шихъ не пророкъ, но льстецъ и обманщикъ, не отъ Бога посланный, но отъ дьявола явившійся на гибель здѣшнихъ народовъ.

„Когда вспомянете вы прошлые годы, въ какомъ благоденствіи была Кабарда; когда помыслите что я, будучи уставленъ отъ престола всеавгустѣйшей монархини вашей начальникомъ и повелителемъ здѣшнихъ странъ, утвердилъ было миръ, тишину и правосудіе, которыя продолжались до моего отъѣзда, представьте и сравните тѣ времена съ настоящими: повсюду проливается кровь и кровь сія вопіетъ о мщеніи; повсюду грабежи и зло разсѣяно и Богъ Всемогущій накажетъ злодѣевъ.

„Пусть скажутъ мнѣ какое было именно утѣсненіе Кабардинцамъ: утѣснялись ли они въ исповѣданіи магометанскаго закона? Нѣтъ. Всеавгустѣйшая императрица позволяетъ свободное каждому исповѣданіе вѣръ и требуетъ только вѣрности, которую Кабардинцы троекратно нарушали. Богъ самъ, видя клятвопреступниковъ, можетъ ли взирать на нихъ милосердымъ окомъ? Пусть скажутъ мнѣ какое отъ войскъ россійскихъ чинимо было угнетеніе Кабардинцамъ: дерзость и буйство ихъ возбудило въ нихъ духъ измѣны; они начали

владать во всѣ мѣста, рѣзали людей проѣзжающихъ и слабо вооруженныхъ, грабили селенія и отгоняли скотъ.

„Нынѣ, возвратясь я на линію, хочу обратить ввѣренное мнѣ оружіе въ наказаніе дерзкихъ преступниковъ. Духовенство да будетъ увѣрено что не коснусь я ихъ закона; народъ да будетъ увѣренъ что оставлю я всѣхъ вѣрныхъ въ покоѣ и пріиму ихъ подъ покровъ императорскаго оружія; преступниковъ же буду гнать, разить и карать доколѣ не придутъ они съ раскаяніемъ и падутъ къ ногамъ просить помилованія."

Получивъ такого рода объявленіе и видя что весьма значительный отрядъ русскихъ войскъ находится уже на рѣкѣ Малкѣ, Кабардинцы считали неудобнымъ выказывать сопротивленіе. Представители преданной намъ партіи тотчасъ же явились въ лагерь, просили защиты и оставались среди русскихъ войскъ до тѣхъ поръ пока они не оставили Кабарды. Нѣкоторые князья изъ враждебной намъ партіи также явились въ русскій лагерь съ повинною и увѣреніемъ въ своей преданности Россіи. П. С. Потемкинъ объявилъ имъ что требуетъ выдачи плѣнныхъ, возвращенія всего награбленнаго имущества и плату за убитыхъ. Князья обѣщали исполнить требованіе, и хотя по этому поводу созывали собраніе, но видно было что хотѣли только протянуть время, ибо одновременно съ совѣщаніемъ они отправляли въ горы свои семейства, подвластныхъ, скотъ и имущество. * Повидимому совѣщавшіеся ожидали прибытія въ Кабарду скопища лжепророка и тогда намѣрены были дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Получая ежедневно свѣдѣнія что Мансуръ дѣйствительно намѣренъ соединиться съ Кабардинцами и что толпа его весьма значительна, Потемкинъ присоединилъ къ себѣ бригадира Апраксина съ его отрядомъ, состоявшимъ изъ Владимірскаго полка, численность котораго вмѣстѣ съ его гренадерскими ротами не превышала 500 человѣкъ, изъ пяти эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка и 400 казаковъ Донскаго Кутейникова полка. ** Присоединеніе къ себѣ этого отряда командующій войсками признавалъ необходимымъ

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 30 октября, № 275.

** Предписаніе П. С. Потемкина бригадиру Апраксину 31 октября, № 277.

для того чтобы въ случаѣ появленія лжепророка въ Кабардѣ быть настолько сильнымъ чтобы нанести ему конечное пораженіе.

Желаніе П. С. Потемкина не исполнилось, такъ какъ предполагаемое соединеніе не состоялось. Худоба лошадей и недостатокъ въ продовольствіи парализовали всѣ движенія Мансура и принудили его просить Кабардинцевъ чтобъ они прислали для его ополченія съ каждаго двора по коровѣ и по мѣшку муки. * Въ ожиданіи этой присылки и пріисканія средствъ къ продовольствію, лжепророкъ остановился близь Червленной станицы и расположился лагеремъ на противоположномъ берегу рѣки Терека. Онъ пытался было переправиться на нашу сторону, но былъ прогнанъ выстрѣлами изъ орудій слѣдившаго за нимъ отряда полковника Лунина. ** Простоявъ нѣсколько дней на одномъ и томъ же мѣстѣ, Мансуръ двинулся далѣе, но на пути совершенно для него неожиданно встрѣтился съ отрядомъ полковника Нагеля.

Имѣя приказаніе дѣйствовать наступательно, полковникъ Нагель собралъ въ Моздокѣ отрядъ, въ который вошли: второй Московскій полкъ, гренадерскій баталіонъ изъ ротъ Кабардинскаго и Селенгинскаго полковъ, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, Моздокскій казачій полкъ, 150 человѣкъ Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ и 150 человѣкъ Донскихъ казаковъ. Желая воспрепятствовать соединенію лжепророка съ Кабардинцами, Нагель торопился выступить изъ Моздока и едва только сталъ подниматься на первые гребни горъ какъ встрѣтилъ уже непріятеля, занявшаго весь лѣсъ и ущелья между Григоріополисомъ и Малою Кабардой. По мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ горцы зажигали всѣ опустѣвшія селенія Малой Кабарды и постепенно окружали отрядъ полковника Нагеля. Русскія войска видѣли какъ отдѣльныя группы всадниковъ, скрывая главныя свои силы, вертѣлись предъ ними не смѣя приблизиться. Горцы думали заманить насъ въ лѣсъ и ущелья, но видя что желаніе ихъ не исполняется, съ разсвѣтомъ 30 октября атаковали отрядъ полковника Нагеля съ разныхъ сторонъ. Отбитые они засѣли въ ущельяхъ и открыли живой огонь по

---

* Рапортъ подполковника Матцена генералу Потемкину 30 октября.

** Рапорты Потемкину полковника Савельева отъ 23 октября, и полковника Лунина отъ 24 октября.

нашимъ войскамъ. Полковникъ Нагель вызвалъ охотниковъ, и подкрѣпивъ ихъ Гребенскими казаками и гренадерскими ротами Московскаго и Кабардинскаго полковъ, приказалъ выгнать непріятеля изъ закрытій. Послѣ пятичасоваго самаго ожесточеннаго штыковаго боя горцы принуждены были отступить и скрылись въ лѣсу, оставивъ на полѣ сраженія много убитыхъ и раненыхъ *.

Насчитывая въ своихъ рядахъ до двадцати тысячъ человѣкъ Мансуръ рѣшился повторить атаку, надѣясь что второе нападеніе будетъ удачнѣе перваго. Онъ отправилъ къ Кабардинцамъ ихъ соотечественника князя Дола съ объявленіемъ что не придетъ въ Кабарду будто бы потому что намѣренъ уничтожить отрядъ полковника Нагеля, который окруженъ имъ со всѣхъ сторонъ. На самомъ же дѣлѣ онъ отложилъ намѣреніе идти на соединеніе съ Кабардинцами оттого что получилъ извѣстіе о переправѣ черезъ рѣку Малку части отряда генерала Потемкина, который приступилъ къ этому съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе Кабардинцевъ и не дозволить имъ соединиться со лжепророкомъ. Послѣдній поручилъ князю Долу пригласить Кабардинцевъ къ нему на помощь и увѣрить ихъ что онъ или разобьетъ отрядъ полковника Нагеля, или, отведя воду, принудитъ его къ сдачѣ. Дѣйствительно горцы запрудили нѣсколько горныхъ рѣчекъ и тѣмъ заставили Нагеля перемѣнить мѣсто лагеря и придвинуться къ мѣстечку извѣстному подъ именемъ Татартула.

Переходъ нашихъ войскъ въ другой лагерь былъ принятъ Мансуромъ за отступленіе и потому, около семи часовъ утра 2 ноября, онъ вторично атаковалъ полковника Нагеля всѣми своими силами. Подкрѣпленное прибытіемъ владѣльцевъ Большой и Малой Кабарды съ ихъ сообщниками, скопище Мансура наступало на нашъ отрядъ одновременно съ разныхъ сторонъ: справа дѣйствовали лучшіе кабардинскіе наѣздники подъ руководствомъ князя Дола, съ тылу—Кумыки подъ начальствомъ самого Мансура, слѣва—Тавлинцы и наконецъ съ фронта—главное скопище, состоявшее изъ Чеченцевъ и прочихъ мелкихъ племенъ. Самая отчаянная атака была произведена Тавлинцами, сражавшимися пѣшими; Чеченцы же и прочіе народы держались вдалекѣ, прятались за разнаго рода закрытіями и ограничивались одною пере-

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 4 ноября, № 306.

стрѣлкой. Отбивъ атаку Тавлинцевъ Нагель перешелъ въ наступленіе, выгналъ Чеченцевъ изъ лощинъ и принудилъ ихъ отступить. Въ это время Мансуръ, ободряя Кумыковъ, самъ бросился въ атаку. Кумыки наступали подъ прикрытіемъ 50 щитовъ, сдѣланныхъ горцами въ защиту отъ огня нашей артиллеріи. Сколоченные изъ двухъ рядовъ бревенъ, съ насыпанною между ними землей, щиты эти имѣли по два колеса и катились довольно легко и свободно. Нагель встрѣтилъ наступавшихъ штыками, овладѣлъ щитами и разсѣялъ непріятеля. Горцы искали спасенія въ бѣгствѣ и самъ Мансуръ былъ однимъ изъ первыхъ оставившихъ поле сраженія. *

Торопясь укрыться отъ преслѣдованія, непріятель оставилъ въ ущельяхъ все свое имущество, такъ что въ послѣдствіи проходившія по этимъ мѣстамъ наши команды находили много котловъ, разнаго рода платья и въ особенности бурокъ. „Число убитыхъ у злодѣевъ весьма велико, доносилъ П. С. Потемкинъ. ** Знамена ихъ взятыя не почелъ я достойными поднести вашей свѣтлости, а обругавъ ихъ при собраніи тѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ кои у меня въ стану находятся, черезъ профоса сжечь приказалъ.“

Разсѣянные въ разныя стороны горцы находились въ самомъ печальномъ положеніи. Кумыки, какъ ближніе, вернулись въ свои дома, а Дагестанцы, не имѣя пропитанія, скитались по деревнямъ, прося милостыни. Многіе изъ нихъ отдавали за безцѣнокъ лошадей, оружіе и даже платье чтобы получить за нихъ небольшой кусокъ хлѣба. Жители селеній расположенныхъ по рѣкѣ Сунжѣ пользовались этимъ, обирали скитальцевъ, захватывали ихъ въ плѣнъ и отвозили на продажу. ***

Послѣ одержанной побѣды полковникъ Нагель не преслѣдовалъ бѣгущихъ, ибо его кавалерія была въ очень плохомъ состояніи. Четыре дня некормленныя лошади заставили Нагеля не только отказаться отъ преслѣдованія, но отступить ближе къ Моздоку и просить о присылкѣ подкрѣпленія. **** Генералъ Потемкинъ тотчасъ же отправилъ къ нему на помощь

* Рапортъ полковника Нагеля генералу Потемкину 1 и 2 ноября.

** Рапортъ Потемкина князю Потемкину 4 ноября, № 306й.

*** Показаніе капрала Ясноводскаго, Рапорты П. С. Потемкину бригадира Вишнякова отъ 3го ноября, и полковника Нагеля отъ 8го ноября.

**** Рапортъ Нагеля генералу Потемкину отъ 2го ноября.

двѣ гренадерскія роты Ладожскаго и Бутырскаго полковъ, двѣсти егерей Кабардинскаго полка, сто человѣкъ Волжскихъ и семьдесять человѣкъ Семейныхъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая что пораженіе нанесенное Мансуру и его сколищу образумитъ Чеченцевъ, Кумыковъ и прочихъ народовъ съ нимъ бывшихъ, командующій войсками опять обратился къ нимъ съ новымъ воззваніемъ, призывающимъ ихъ къ спокойствію, покорности и выдачѣ Мансура.

„Настало время, писалъ онъ, * чтобы всѣ народы, ослѣпясь обманами извѣстнаго злодѣя и развратника, дерзнувшаго назвать себя ложно священнымъ именемъ пророка и принявшаго имя имама Мансура, нынѣ скинувъ мракъ съ ослѣпленныхъ очей прозрѣли и обманъ сего злодѣя и преступленія свои.

„Да воспомянутъ владѣльцы, старшины и народъ что злодѣй Шихъ, принявъ ложно имя имама, многократно обманывалъ народъ, обѣщалъ имъ показать чудеса, ниспослать гласъ съ небесъ и проліять оный во всѣхъ концахъ вселенной; обѣщалъ ударить въ бубны и звукомъ оныхъ оглушить себѣ противныхъ; обѣщалъ что ни орудія, ни ружья россійскаго воинства не будутъ дѣйствовать, но кто видѣлъ чудеса его? кто слышалъ гласъ небесный? кто оглушенъ отъ звука бубновъ? а онъ злодѣй со всѣми сколищами къ нему прилѣпившимися опроверженъ, пораженъ оружіемъ воинства россійскаго, и сволочь его бѣжала отъ руки побѣдителей, яко прахъ вѣется отъ лица вѣтровъ.

„Я призываю владѣльцевъ, старшинъ и народъ: да опамятуются они въ своемъ недоумѣніи, да познаютъ ложь и обманъ злодѣя Шиха, да вразумятся что не пророкъ онъ, но разбойникъ и обманщикъ.

„Народы, узнавъ его обманы, видятъ его оставленнымъ отъ своихъ, скитаются, и дабы искоренить виновника толикой гибели ослѣпленныхъ людей, дабы пресѣчь язву сію, родившуюся на гибель его послушниковъ, обѣщаю что если народы Кумыкскіе, Чеченскіе, обратясь на путь истины, принесутъ раскаяніе и, поймавъ сего развратника, выдадутъ его въ руки мои, то будутъ во всемъ прощены, оставлены въ покоѣ и дано будетъ тѣмъ кто приведетъ его живаго три

* Всѣмъ Кумыкскимъ, Чеченскимъ и прочимъ народамъ, 6го ноября, № 319.

тысячи рублей; голову жь отъ мертваго—пятьсотъ рублей. Но если и за симъ народы не раскаются или паки къ нему прилѣпляться будутъ, тогда подвину я громъ оружія и мечъ острый на пораженіе преступниковъ.“

Объявленіе это, какъ появившееся тотчасъ послѣ пораженія Мансура, въ первое время хотя и испугало горцевъ, но зараженные ложнымъ фанатизмомъ, они не рѣшались однако же посягнуть на личность лжепророка и потому требованіе о выдачѣ его не было исполнено. Страшась наказанія за неисполненіе нашего требованія и не надѣясь на успѣхъ при сопротивленіи, они въ большинствѣ слѣдовали обыкновеному своему правилу—покидали дома и скрывались въ горы со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Тѣ же которые остались въ своихъ селеніяхъ готовились къ оборонѣ. Жители деревни Эндери рыли вокругъ селенія ровъ и строили укрѣпленія. Алдинцы, собравшись къ своему кадію и явившись вмѣстѣ съ нимъ къ Мансуру, спрашивали его что̀ имъ дѣлать.

— Ты много прежде обѣщалъ намъ, говорили они,—но ничего не исполнилъ и подвергъ только насъ мщенію Русскихъ. Что̀ теперь ты намъ скажешь: оставаться ли намъ на зиму въ деревнѣ или разойтись и скрыться въ горахъ?

— Я не князь вашъ, отвѣчалъ Мансуръ, — дѣлайте что̀ хотите. *

Такой отвѣтъ раздражилъ Алдинцевъ и сгоряча они хотѣли отобрать отъ своего учителя подаренныя ему вещи, но были удержаны кадіемъ. Довѣріе къ Мансуру значительно уменьшилось, тѣмъ болѣе что около этого времени въ Чечнѣ и Дагестанѣ явилось письмо одного изъ табасаранскихъ муллъ, въ которомъ отрицалось право Мансура на присвоенное имъ званіе имама. „Всевышній Господь Богъ, писалъ мулла, синспосылая благодать свою на рабовъ возлюбленныхъ, являетъ чрезъ нихъ чудеса и знаменія, а по сему самому и мы, яко рабы недостойные, должны святыхъ чудотворцевъ и угодниковъ Божіихъ неизреченно любить и почитать; чудеса же истинныя почитать свято и должное чинить чудотворцамъ почтеніе и послушаніе. Любить ихъ мы обязаны потому что чудотворцы суть угодники Божіи; въ нихъ почиваетъ Божія

* Рапортъ полковника Нагеля П. С. Потемкину 13го ноября. Объясненіе извѣстій полученныхъ въ лагерѣ 13го ноября.

благодать. Еслибы проявившійся въ Чечнѣ имамъ былъ изъ таковыхъ же преподобныхъ, въ коихъ почиваетъ благодать Божія, то великое бы произвелъ въ родѣ мусульманскомъ утѣшеніе и счастіе. Но чудотворцы и угодники Божіи, оставляя всѣ мірскія прихоти, отвращаются уже ото всего до сану ихъ не приличнаго; ищущіе душеспасенія злато и серебро почитаютъ какъ нѣкое бремя, похвалой не возносятся и поношеніе пріемлютъ они за благо. Отъ неимѣющихъ же таковаго набожнаго свойства ожидать чудесъ не можно. Пишу я сіе не въ поношеніе Шиха, но заключаю что дѣянія угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ сами по себѣ доказываютъ свое достояніе.

„О подвигахъ и дѣлахъ назвавшагося имамомъ слышно что они противны закону и святому нашему писанію: 1) что опущеніе поста и богослуженія довершать онъ уже возбраняетъ; 2) Богослуженіе отправляетъ онъ не такъ какъ по закону слѣдуетъ; 3) чинитъ поборы съ народа и пріемлетъ подарки. Народъ же, не считаясь тѣмъ, по непросвѣщенію своему ожидаетъ отъ него чего-либо полезнаго, но когда не сбудется отъ него ожидаемое въ надеждѣ коего народъ его теперь почитаетъ, то и пріобрѣтенное имъ отъ народа не будетъ ему въ душеспасеніе, но въ пагубу.

„Истинныхъ угодниковъ Божіихъ любить и почитать есть не что иное какъ любить и почитать самого Бога, но какъ вы со стороны своей принять описанное здѣсь изволите не оставьте своимъ увѣдомленіемъ, дабы могли мы слѣдовать сообразно здравому разсужденію вашему, иначе же не пострадалъ бы непросвѣщенный народъ своимъ Шиху послушаніемъ и не могъ бы обмануться. Долгъ бо есть просвѣщенныхъ наставлять заблуждающихся на путь истинный, ведущій къ тишинѣ и общему спокойствію."

Письмо это оказало свое дѣйствіе и бо́льшая часть приверженцевъ лжепророка искала прощенія и помилованія. Переправа черезъ рѣку Малку отряда генерала Потемкина и движеніе его въ Кабарду убѣдило населеніе въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Какъ только, 13го ноября, наши войска явились на рѣкѣ Баксанѣ, Кабардинцы сейчасъ же отправили въ лагерь своихъ представителей. Генералъ-поручикъ Потемкинъ принялъ ихъ ласково, но потребовалъ чтобы Кабардинцы немедленно возвратили все награбленное, заплатили пеню за убитыхъ родственниковъ и избрали бы депутатовъ для отправленія ихъ съ просьбой о помилованіи

сначала къ князю Потемкину, а потомъ въ Петербургъ къ высочайшему двору. Кабардинцы объявили что готовы исполнить всѣ требованія русскаго начальства, но отправить депутатовъ въ Петербургъ скоро не могутъ. Потемкинъ отвѣчалъ что не согласенъ давать имъ болѣе времени на разсужденія, что онъ ожидаетъ ихъ отвѣта въ тотъ же день, и если не получитъ его, то силой оружія заставитъ Кабардинцевъ исполнить свои требованія *. „Объявите имъ, писалъ онъ князю Уракову, ** что я до сей поры хотѣлъ только вывести ихъ изъ заблужденія и привести въ покорность, но упрямство ихъ будетъ причиной ихъ разоренія.“ Кабардинцы созвали собраніе, на которомъ большинство хотя и готово было просить помилованія, но не рѣшалось высказать этого, опасаясь преслѣдованія сильныхъ и вліятельныхъ владѣльцевъ. Воспользовавшись настроеніемъ большинства князь Мисостъ Баматовъ, какъ старшій владѣлецъ, предложилъ исполнить наше требованіе безпрекословно. Онъ указалъ противникамъ мира и покорности что несогласіе ихъ навлечетъ странѣ многія бѣдствія, что мостъ черезъ рѣку Баксанъ уже построенъ Русскими, что войска готовятся къ переправѣ и что конечно вслѣдъ за отказомъ послѣдуетъ разореніе ихъ селеній и потеря имущества. Собравшіеся выбрали четырехъ представителей и отправили ихъ въ русскій лагерь. Депутаты привезли съ собою письма на имя императрицы и князя Потемкина, дали обязательство исполнять всѣ требованія русской власти и возвратить все захваченное и награбленное. Именемъ императрицы генералъ-поручикъ Потемкинъ даровалъ прощеніе Кабардинцамъ и объявилъ имъ что отправляетъ депутатовъ и письма князю Потемкину, что назначаетъ приставомъ въ Кабарду маіора князя Уракова, которому и поручаетъ принять отъ Кабардинцевъ взятыхъ ими въ плѣнъ людей, все награбленное имущество и пеню за убитыхъ по 250 барановъ за каждаго. Въ обезпеченіе же точнаго исполненія нашего требованія Кабардинцы должны были выдать аманатовъ отъ каждой фамиліи по одному узденю ***. Въ концѣ ноября депутаты отправи-

* Ордеръ князю Уракову отъ 13го ноября, № 352.

** Въ ордерѣ отъ 13го ноября, № 353.

*** Листъ Кабардинцамъ, 15го ноября, № 358. Рапортъ Потемкина князю Потемкину 21го ноября, № 362.

лись въ Россію, причемъ командующій войсками просилъ князя Потемкина назначить ежегодныя пенсіи наиболѣе преданнымъ намъ владѣльцамъ. Онъ полагалъ что при жадности Кабардинцевъ къ деньгамъ, это былъ бы самый лучшій способъ для привлеченія ихъ къ видамъ и покорности Россіи *.

Подаривъ князю Мисосту Баматову перстень съ бриліантами ** и отправивъ такой же подарокъ Андреевскому владѣльцу Муртаза-Алію, Потемкинъ поручилъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ распустить слухъ между горцами что Кабардинцы страшась наказанія просили пощады и покорились Русскому правительству ***. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ устрашить жителей лѣваго фланга и самого Мансура, былъ собранъ подъ начальствомъ полковника Нагеля довольно сильный отрядъ, въ который вошли: Астраханскій, Томскій и Московскій полки, три баталіона гренадеръ ****, 8 полевыхъ орудій и всѣ казачьи войска Гребенскія, Семейныя и Моздокскія. Полковнику Нагелю приказано было стараться захватить лжепророка въ свои руки, обѣщать помилованіе всѣмъ покорившимся подобно Кабардинцамъ и изслѣдовать путь къ селенію Эндери, узнать о положеніи и числѣ его жителей и гдѣ пасутся ихъ стада; точно такія же свѣдѣнія собрать о деревняхъ Аксаевской и Брагунской.

Наступившее осеннее время и недостатокъ въ продовольствіи заставляли отложить военныя дѣйствія до болѣе благопріятнаго времени, но для устрашенія жителей и привлеченія ихъ къ покорности приказано было строить три переправы черезъ рѣку Терекъ. Приготовительныя работы эти оказали свое дѣйствіе и горцы мало-по-малу покидали лжепророка. Послѣдній, видя охлажденіе къ себѣ Чеченцевъ и въ особенности своихъ односельцевъ, оставилъ селеніе Алды и удалился къ брату своей жены въ деревню Шалинскую. Тамъ вы-

* Рапортъ Потемкина князю Потемкину 29го ноября, № 386.

** Письмо Потемкина князю Баматову 15го ноября.

*** Ордера бригадиру Вишнякову и прочимъ начальникамъ отъ 18го ноября.

**** Баталіоны Мансурова (2 роты Кабардинскаго и 2 Селенгинскаго полковъ); Кривцова (2 роты Томскаго и 2 Московскаго полковъ) и Раціуса (двѣ роты Астраханскаго, одна Ладожскаго и одна Бутырскаго полковъ).

просилъ онъ себѣ у жителей мѣсто для построенія дома и намѣренъ былъ поселиться навсегда, хотя и не отчаивался еще въ пріобрѣтеніи прежняго вліянія на народъ. Мансуръ отправилъ письма ко всѣмъ Закубанскимъ народамъ и Татарскимъ ордамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему или дѣлать частыя владенія въ русскія владѣнія. Своимъ новымъ односельцамъ и небольшому числу оставшихся послѣдователей онъ разказывалъ что предвидѣлъ всѣ случившіяся бѣдствія, радуется нанесенному горцамъ пораженію, въ которомъ народъ долженъ видѣть гнѣвъ Божій за ослабленіе вѣры, взаимное несогласіе и неисполненіе Его наставленій.

— Но если вы впредь будете мнѣ послушны, говорилъ Мансуръ,—то убіенные на полѣ брани, по предстательству моему, будутъ приняты въ царствіе небесное, а оставшіеся въ живыхъ на будущую весну будутъ очень обрадованы.

На вопросъ какая радость ожидаетъ ихъ въ будущемъ Мансуръ отказался отвѣчать, но готовилъ знамя, украшая его серебромъ и золотомъ.

— Для кого это знамя? спрашивали Мансура его приверженцы.

— Для того кто явится черезъ два мѣсяца, отвѣчалъ онъ загадочно,—и тогда я открою вамъ многія чудеса.

— У меня будетъ войска несравненно болѣе прежняго, говорилъ Мансуръ однажды сыну кумыкскаго владѣльца Чалалову, прежде бывшему главнымъ его сторонникомъ.

— Откуда у тебя можетъ быть войско? спрашивалъ Чалаловъ.—Дагестанцы отъ тебя отстали: они побиты, ограблены или запроданы, Чеченцы тебя презираютъ, Кабардинцы покорились, а наши просятъ пощады.

— Войско у меня будетъ сильное, повторилъ лжепророкъ,—но его никто не увидитъ.

Чалаловъ засмѣялся и уѣхалъ отъ своего бывшаго наставника *.

Н. ДУБРОВИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

* Рапортъ подполковника Матцена генералу Потемкину отъ 22го ноября. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 50.

МАРІЯ-АНТУАНЕТА И ГРАФЪ ФЕРЗЕНЪ

Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits de ses papiers, publiés par le baron de Klincowström, 2 vol.

I.

При Лудовикѣ XVI, точно также какъ при его предшественникѣ, блестящій Версальскій дворъ привлекалъ къ себѣ массу знатныхъ иностранцевъ изо всѣхъ концовъ Европы. Жизнь представляла здѣсь столько разнообразныхъ и изящныхъ удовольствій, нравы при всей ихъ распущенности отличались такою утонченностью что многіе изъ нихъ, пріѣзжая во Францію на короткое время, оставались въ ней по цѣлымъ годамъ и дѣлали изъ нея второе свое отечество. Между этими иностранцами было не мало и Шведовъ. Они такъ сроднились съ гостепріимною для нихъ страной что Французы привыкли считать ихъ своими. Еще С.-Симонъ помѣстилъ о нихъ такой отзывъ въ своихъ *Мемуарахъ*: „Сердце у этихъ людей чисто французское, они отлично воспитаны, никому не уступаютъ въ храбрости и при всемъ томъ пріятно поражаютъ своею сдержанностію и скромностію“. Въ настоящее время въ Версальской картинной галлереѣ можно видѣть превосходные портреты знатныхъ Шведовъ, игравшихъ тогда болѣе или менѣе видную роль при Версальскомъ дворѣ,— портреты, писанные Ларжильеромъ и другими извѣстными

художниками: то были или люди составившіе себѣ почетную репутацію подъ французскими знаменами въ Семилѣтней войнѣ, или участвовавшіе вмѣстѣ съ Французами въ войнѣ за независимость Американскихъ колоній, или же наконецъ служившіе въ полку извѣстномъ подъ названіемъ Королевско-Шведскаго полка (Royal-Suédois). Особенно три Шведа обращали на себя вниманіе при дворѣ Людовика XVI: одинъ изъ нихъ—баронъ Стедингкъ, бывшій въ послѣдствіи посланникомъ въ Россіи, другой—Сталь-Гольштейнъ, которому удалось жениться на дочери Неккера, прославившейся затѣмъ своими литературными трудами, и наконецъ графъ Аксель Ферзенъ, le beau Fersen, какъ называли его въ Версалѣ, сынъ извѣстнаго государственнаго человѣка Швеціи, долго стоявшаго во главѣ „партіи шапокъ“.

Ферзенъ пріѣхалъ во Францію когда ему еще было только девятнадцать лѣтъ и тотчасъ же сдѣлался любимцемъ французскаго общества. Много способствовала этому его наружность, дѣйствительно въ высшей степени привлекательная, сколько можно судить по портрету приложенному къ появившимся нынѣ его мемуарамъ: худощавое лицо, чрезвычайно тонкія черты, большіе глаза и какая-то задумчивость во взглядѣ. Другой портретъ его, когда уже минуло ему за пятьдесятъ лѣтъ, находимъ мы въ книгѣ Жефруа: *Gustave III et la cour de France*. Здѣсь Ферзенъ изображенъ въ мантіи съ цѣлью ордена Серафимовъ на груди,—красота несмотря на немолодые годы сохранилась въ полномъ блескѣ. Но умъ и нравственныя качества этого человѣка были также не изъ дюжинныхъ. При первомъ появленіи его въ Версали шведскій посланникъ Крейцъ писалъ о немъ королю Густаву III: „Изо всѣхъ Шведовъ посѣщавшихъ Фрэнцію на моихъ глазахъ, Ферзенъ имѣлъ наиболѣе успѣха въ высшемъ обществѣ. Королевская фамилія оказываетъ ему особую благосклонность. Поведеніе его отличается рѣдкимъ благоразуміемъ и знаніемъ приличій. Съ его умомъ и съ его изящною наружностью онъ не могъ конечно не имѣть успѣха, и дѣйствительно успѣхъ его былъ громадный. Въ его образѣ мыслей много благороднаго и возвышеннаго.“ Извѣстно что клевета не щадила королеву Марію-Антуанету, что она всегда и даже безъ сколько-нибудь достаточнаго повода готова была очернить ее, а потому не слѣдуетъ удивляться что при дворѣ очень скоро распространились слухи будто бы королева

питаетъ нѣжное чувство къ молодому Шведу. Увѣряли что госпожи Ламбаль и Полиньякъ нарочно устраиваютъ у себя интимные вечера съ цѣлью доставить имъ возможность свиданій, что свиданія эти происходятъ также на балахъ Оперы, старались подмѣтить каждый взглядъ Маріи-Антуанеты, говорили что она съ особеннымъ выраженіемъ пѣла арію изъ оперы *Дидона*:

Ah, que je fus bien inspirée
Quand je vous reçus dans ma cour,

и не могла при этомъ скрыть своего смущенія смотря на Ферзена. Подобные слухи были распространены такъ сильно что даже Крейцъ отчасти вѣрилъ имъ. Въ 1779 году, когда Ферзенъ готовился ѣхать на войну въ Америку, шведскій посланникъ доносилъ Густаву III: „Я долженъ сообщить вашему величеству что замѣтная благосклонность королевы къ молодому Ферзену возбудила здѣсь не мало толковъ. Признаюсь, я самъ не могу не вѣрить что королева питаетъ къ нему влеченіе: въ этомъ не позволяютъ мнѣ сомнѣваться слишкомъ ясные признаки. Но нельзя не отозваться съ похвалой о той удивительной скромности и сдержанности которыя обнаружилъ въ этомъ случаѣ Ферзенъ, особенно же о принятомъ имъ намѣреніи отправиться въ Америку. Удаляясь отъ двора, онъ этимъ самымъ устраняетъ всякія опасности, но чтобъ удалиться—нужна была твердость характера, не совсѣмъ обычная въ его годы. Въ послѣднее время королева почти не отводила отъ него глазъ; глаза ея были наполнены слезами. Прошу ваше величество сохранить это въ тайнѣ ото всѣхъ и между прочимъ отъ отца молодаго человѣка. Когда узнали о предстоящемъ его отъѣздѣ, фавориты были въ восторгѣ. Герцогиня Фицъ-Джемсъ сказала Ферзену: „„Какъ, вы уѣзжаете, вы рѣшаетесь отказаться отъ своей „побѣды?““—„„Еслибъ я одержалъ побѣду, отвѣчалъ онъ, то „не отказался бы отъ нея; я удаляюсь не связанный никаки-„ми узами и, увы, даже не оставляя по себѣ никакихъ сожа-„лѣній.““ Ваше величество должны согласиться что это достойный всякой похвалы отвѣтъ въ устахъ столь молодаго человѣка.“

Было ли въ отношеніяхъ королевы Маріи-Антуанеты къ графу Ферзену что-нибудь похожее на любовь—вопросъ этотъ долженъ остаться неразрѣшеннымъ, главнымъ образомъ

потому что еслибъ и питали они другъ къ другу подобное чувство, то Ферзенъ былъ вовсе не такой человѣкъ чтобы чѣмъ-нибудь проявить его. Герцогъ Левисъ выразился о немъ что онъ „походилъ на героя романа, но ужь никакъ не романа французскаго, ибо для этого у него не доставало ни самоувѣренности, ни страстнаго увлеченія“. Ферзенъ былъ постоянно серіозенъ, холоденъ въ обращеніи и съ молодыхъ лѣтъ привыкъ даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ тщательно скрывать свои ощущенія. Онъ никогда ни словомъ, ни взглядомъ не обнаружилъ ничего что̀ могло бы подтвердить распространенные о немъ слухи. Остается судить по догадкамъ. Догадки не прекращаются даже и теперь: такъ, напримѣръ, нѣкоторые критики находятъ весьма подозрительнымъ что въ обнародованныхъ нынѣ документахъ Ферзена издатели сочли нужнымъ очень часто выпускать въ письмахъ къ нему королевы по нѣскольку строкъ, замѣняя ихъ точками. Но это еще не оправдываетъ упомянутыхъ предположеній, ибо тѣ же издатели настойчиво утверждаютъ что Ферзенъ не былъ влюбленъ въ Марію-Антуанету, что въ то самое время когда наиболѣе толковали объ этомъ въ Версали онъ сватался за одну знатную свою соотечественницу и былъ не прочь даже вступить въ бракъ съ дочерью Неккера, но отказался отъ этого намѣренія узнавъ что у него есть два соперника—Сталь, который потомъ и женился на ней, и знаменитый англійскій министръ Питтъ младшій. Къ тому же графъ Мерси - Аржанто, повѣренное лицо Маріи-Терезіи, не забывавшій сообщать императрицѣ самыя ничтожныя мелочи касавшіяся ея дочери, не преминулъ бы конечно упомянуть объ отношеніяхъ ея къ Ферзену, еслибъ онъ придавалъ имъ какое-нибудь значеніе, а онъ ни слова не говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ, обнародованныхъ Арнетомъ. Впрочемъ нельзя отрицать что у людей упорно желающихъ предполагать романъ тамъ гдѣ, быть-можетъ, не было никакого романа, всегда останется сильный аргументъ: если Ферзена не одушевляло чувство любви къ Маріи - Антуанетѣ, то чѣмъ объяснить ту беззавѣтную преданность которую онъ оказывалъ ей, чѣмъ объяснить что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, до самой трагической ея кончины, онъ жилъ вдали отъ отечества, не хотѣлъ слушать увѣщаній отца, разстроилъ свое состояніе

только для того чтобъ оградить несчастную королеву отъ окружавшихъ ее опасностей?

Дѣйствительно, самоотверженіе обнаруженное имъ въ этомъ случаѣ представляетъ нѣчто необычайное. По возвращеніи своемъ изъ Америки онъ поселился въ Парижѣ и только одинъ разъ ѣздилъ въ Швецію для того чтобы принять участіе въ войнѣ Густава III противъ Россіи. Онъ былъ свидѣтелемъ первыхъ событій французской революціи: сначала отнесся онъ къ ней съ сочувствіемъ, ибо подобно многимъ другимъ лицамъ тогдашней знати отличался вообще либеральнымъ образомъ мыслей и въ 1771 году даже нарочно заѣзжалъ въ Ферней чтобы поклониться Вольтеру. Но по мѣрѣ того какъ развивалась революція, она приводила его въ ужасъ. Въ письмахъ его къ отцу мы находимъ нѣсколько замѣчаній которыми не пренебрегъ бы конечно воспользоваться г. Тенъ для извѣстной своей книги. Вотъ напримѣръ что̀ писалъ Ферзенъ въ концѣ 1789 года: „Авторитетъ короля совершенно потрясенъ; въ странѣ нѣтъ ни законовъ, ни порядка, ни юстиціи, ни религіи; всѣ связи порваны и трудно догадаться какимъ путемъ можно было бы возстановить ихъ... Само Національное Собраніе трепещетъ предъ Парижемъ, а Парижъ трепещетъ предъ 40 или 50.000 бандитовъ, предъ всякимъ сбродомъ, нашедшимъ себѣ пристанище въ Монмартрѣ и Пале-Роялѣ. Въ провинціяхъ народъ опьяненъ мыслью которую проповѣдывали философы о томъ что всѣ люди равны; отмѣна феодальныхъ правъ, такъ либерально провозглашенная Собраніемъ въ теченіе трехъ часовъ, убѣдила народъ что не слѣдуетъ платить никакихъ податей. Повсюду предается онъ страшнымъ неистовствамъ противъ дворянскихъ за̀мковъ, сожигаетъ, разрушаетъ ихъ и истязуетъ владѣльцевъ...“ А вотъ что̀ говоритъ Ферзенъ, находившійся самъ во французской военной службѣ, о настроеніи арміи: „Нѣсколько полковъ взбунтовалось; многіе изъ нихъ позволили себѣ насилія даже противъ своихъ начальниковъ. У насъ въ гарнизонѣ (въ Валансьенѣ) дѣло не доходило до этого, но все-таки солдаты выломали городскія ворота и цѣлые три дня бродили по деревнямъ, пьянствуя и совершая страшныя безчинства. Затѣмъ они вознамѣрились сжечь городъ; къ счастію удалось обуздать ихъ съ помощью милиціи. Странно что то же самое происходитъ во всѣхъ гарнизонахъ, что повсюду солдаты отказываютъ въ повиновеніи.“

Ферзенъ велъ аккуратно свой дневникъ, начиная съ 1780 года, но къ сожалѣнію первая половина этого дневника была уничтожена изъ страха подвергнуться обыску барономъ Франценъ, получившимъ ее для сохраненія; осталась только вторая часть за 1791 и 1792 годы, но слѣдуетъ замѣтить что хотя въ дневникѣ Ферзена можно найти не мало интересныхъ подробностей, главный интересъ обнародованныхъ нынѣ бумагъ заключается не въ немъ, а въ письмахъ автора и дипломатическихъ документахъ прошедшихъ чрезъ его руки. Ферзенъ, вынужденный спасаться бѣгствомъ изъ Франціи по той причинѣ что онъ главнымъ образомъ подготовилъ неудавшееся бѣгство королевской семьи въ Вареннъ, продолжалъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ Лудовика XVI и Маріи-Антуанеты. Онъ находился въ постоянной переепискѣ съ королевой; чрезъ него же поддерживала она корреспонденцію съ главнѣйшими своими совѣтниками и приверженцами въ Европѣ; въ дипломатическихъ переговорахъ между державами онъ служилъ главнымъ орудіемъ короля Густава III и ѣздилъ съ секретными порученіями отъ него къ императору Леопольду. Брюссель, гдѣ онъ утвердилъ свое мѣстопребываніе, былъ какъ бы одною изъ главныхъ квартиръ партіи поставившей себѣ задачей борьбу съ революціей. Много было уже писано о ней, но бумаги Ферзена проливаютъ новый и весьма любопытный свѣтъ какъ на главнѣйшихъ ея дѣятелей, такъ и на одушевлявшіе ея замыслы.

I.

Всѣ европейскія правительства, за исключеніемъ развѣ Англійскаго, которое въ началѣ поглощено было мыслью лишь о томъ какъ бы извлечь возможно болѣе выгодъ изъ страшныхъ смутъ взволновавшихъ Францію, одинаково желали спасти Лудовика XVI и его семейство, но относительно способа достигнуть этой цѣли между ними не было согласія. Еще менѣе указаній на этотъ счетъ можно было ожидать отъ самой несчастной королевской семьи. Король и его супруга безпрерывно мѣняли планы, но лишь одна забота никогда не покидала ихъ — забота оградить себя отъ людей которые обнаруживали наиболѣе ревностную готовность возстановить потрясенный престолъ. Мы говоримъ объ эмигран-

тахъ, дѣйствовавшихъ въ Кобленцѣ, Вормсѣ и Туринѣ подъ руководствомъ принцевъ королевскаго дома графа Прованскаго и графа Артуа. Извѣстно что Лудовикъ XVI и королева и въ прежнее время не могли похвалиться отношеніями къ нимъ этихъ родственниковъ. Рознь еще усилилась съ тѣхъ поръ какъ принцы удалились за границу. Въ письмахъ Маріи-Антуанеты къ Ферзену безпрерывно выражается тревога о томъ что партія образовавшаяся вокругъ нихъ отважится на какой-нибудь рискованный и легкомысленный поступокъ который только ухудшитъ положеніе короля. Если въ Парижѣ считали нужнымъ скрывать свои планы и надежды отъ вожаковъ революціи, то отнюдь не менѣе необходимымъ казалось это относительно эмиграціи. Подобная предосторожность была отнюдь не излишня. Эмигранты не обладали средствами дѣйствовать такъ какъ имъ хотѣлось бы, но за то не было у нихъ недостатка въ крайней самоувѣренности и заносчивости. Они задались мыслью что Лудовикъ XVI не обладаетъ надлежащею свободой и что нужно поэтому принимать тѣ или другія мѣры не соображаясь съ его желаніями; не рѣдко слышалось даже что лучше пожертвовать королемъ, лишь бы спасти престолъ. Отъ графа Прованскаго требовали чтобъ онъ принялъ титулъ регента и самъ онъ очень сочувствовалъ этому намѣренію; въ Кобленцѣ привыкли во всемъ обвинять короля, его нерѣшительность; считали его главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ и доказывали необходимость идти на проломъ не стѣсняясь ничѣмъ. Энергія проявлялась впрочемъ только на словахъ, но за то нигдѣ не было такъ много болтовни какъ при дворѣ принцевъ. Ферзенъ постоянно умолялъ Марію-Антуанету чтобъ она не довѣрила своихъ плановъ кому-нибудь изъ ихъ приверженцевъ, ибо „это значило бы что завтра весь городъ будетъ знать о нихъ, — такъ мало эти господа привыкли и считаютъ нужнымъ скрывать тайну“. Императоръ Леопольдъ писалъ сестрѣ своей, правительницѣ Австрійскихъ Нидерландовъ: „Отдѣлывайтесь отъ эмигрантовъ вѣжливостью и обѣдами, но не давайте имъ ровно ничего — ни войскъ, ни денегъ. Я сожалѣю о судьбѣ ихъ, но они поглощены лишь своими романическими затѣями, своими личными интересами и жаждой мести; принцы полагаютъ что всѣ обязаны приносить имъ себя въ жертву и окружены они какъ нельзя хуже.“ Главнымъ ихъ совѣтникомъ былъ Калоннъ, уже причинив-

шій не мало зла Франціи своимъ управленіемъ финансами, пустой и ничтожный болтунъ. „Бесѣдовать съ нимъ истинная мука, говоритъ Ферзенъ: онъ не слушаетъ васъ, изрѣдка только прерываетъ разговоръ восклицаніями: ахъ, мнѣ пришла въ голову великолѣпная мысль, но можно знать заранѣе что это какая-нибудь новая глупость....“ Если не разъ высказывалось предположеніе что Лудовикъ XVI и Марія-Антуанета дѣйствовали въ тѣсномъ союзѣ съ эмиграціей, то бумаги Ферзена окончательно подтверждаютъ что не только не было между ними согласія, но что ихъ раздѣлялъ непримиримый антагонизмъ.

Несмотря на свою крайнюю самонадѣянность партія принцевъ сознавала необходимость прибѣгнуть къ помощи европейскихъ государей. Пріемъ который она встрѣтила у нихъ былъ—какъ увидимъ ниже, весьма различенъ, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ государей оказывалъ ей съ самаго начала пламенное сочувствіе. То былъ шведскій король Густавъ III. Личность эта представляла въ тогдашнее время весьма интересное явленіе. Въ умѣ нельзя было отказать Густаву; онъ отличался замѣчательною начитанностью; у него было много великодушныхъ, благородныхъ порывовъ, но все это складывалось столь страннымъ образомъ что не приносило никакихъ плодовъ. Объяснять это нужно повидимому тѣмъ что Густавъ никогда не хотѣлъ оставаться въ тѣхъ границахъ въ которыхъ его дѣятельность могла бы принести существенную пользу, что всякое поприще казалось ему недостаточно широкимъ для его талантовъ: могъ ли онъ довольствоваться скромными заботами о благосостояніи Швеціи, когда внутренній голосъ говорилъ ему что онъ призванъ наполнить блескомъ своего имени всю Европу! Онъ не сомнѣвался что былъ предназначенъ совершить что-то великое, онъ хотѣлъ чтобы весь міръ говорилъ о немъ, не соображая того въ состояніи ли была тогдашняя Швеція послужить ему пьедесталомъ для подобной роли. Но если не хватало у нея для этого средствъ, то нужно было найти эти средства въ видѣ субсидій со стороны другихъ государствъ, съ которыми Густавъ готовъ былъ ополчиться въ самыя отважныя предпріятія, лишь бы отведено ему было при этомъ видное мѣсто. Одинъ историкъ * очень вѣрно замѣтилъ что въ теченіе

* Geffroy, *Gustave III et la cour de France*, 1867.

своего царствованія Шведскій король былъ постоянно терзаемъ одною заботой—добиться какъ можно больше денегъ и какъ можно больше славы. Увѣренность въ самомъ себѣ не покидала его ни на минуту, а крайняя впечатлительность натуры заставляла его увлекаться съ одинаковымъ пыломъ противоположными стремленіями XVIII вѣка: въ началѣ является онъ поклонникомъ философовъ, а затѣмъ становится мистикомъ, иллюминатомъ; онъ вступаетъ на престолъ съ намѣреніемъ осуществить въ своемъ управленіи идеи предъ которыми преклонялось современное ему общество, а кончаетъ тѣмъ что проповѣдуетъ такую реакцію которую преслѣдовали лишь кобленцскіе эмигранты. Г. Гротъ въ прекрасномъ очеркѣ своемъ *Екатерина II и Густавъ III* * высказываетъ глубоко вѣрное замѣчаніе, проводя параллель между Шведскимъ королемъ и Русскою императрицей: „Нельзя сказать чтобы между Екатериной и Густавомъ вовсе не было сходства; напротивъ, по своему образованію и вкусамъ, по одинаковому во многомъ положенію и наконецъ по самому существу своему они представляли нѣкоторыя общія черты; оба, напримѣръ, равно дорожили властью и славой, любили блескъ торжествъ и шумъ похвалъ, привыкли къ расточительности, но какъ мѣтко выразился одинъ изъ приближенныхъ Густава (графъ Ульрихъ Шефферъ, министръ иностранныхъ дѣлъ), общія имъ слабости, по странной игрѣ природы, въ Екатеринѣ принимали мужской характеръ, а въ Густавѣ женскій. Густавъ хотѣлъ только блистать и блистать всѣмъ чѣмъ могъ, даже драгоцѣнными камнями; Екатерина, напротивъ, стремилась къ дѣйствительной силѣ, хотѣла посредствомъ ея господствовать и управлять.“ Происходило это отъ того что Екатерина дѣйствительно обладала великимъ государственнымъ умомъ, а Густавъ былъ не болѣе какъ артистомъ на престолѣ; Екатерина среди шума удовольствій, среди расточаемой ей лести никогда не уклонялась отъ предначертанныхъ ею плановъ, а Густавъ легко измѣнялъ свои планы, сообразуясь лишь съ тѣмъ въ какой мѣрѣ тотъ или другой изъ нихъ удовлетворялъ его непомѣрное тщеславіе.

Начало его царствованія было ознаменовано впрочемъ важнымъ и обѣщавшимъ породить благотворныя послѣдствія событіемъ. Шведская конституція была олигархическою въ

---

* Приложеніе къ XXX тому *Записокъ Импер. Академіи Наукъ.*

самомъ дурномъ смыслѣ слова; королевская власть находилась въ совершенномъ упадкѣ; непрерывная борьба партій, воодушевляемыхъ эгоистическими интересами, осуждала страну на позорное безсиліе. Густавъ былъ основательно убѣжденъ что если продлится такой порядокъ вещей, то Швеціи угрожаетъ погибель. Получивъ извѣстіе о первомъ раздѣлѣ Польши онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Анархія и растлѣніе нравовъ—вотъ что̀ погубило Польшу; такая же участь ожидаетъ и насъ если не будутъ немедленно приняты энергическія мѣры“,—и онъ рѣшился ниспровергнуть ненавистную конституцію 1720 года, возникшую среди несчастныхъ для Швеціи обстоятельствъ, подъ конецъ продолжительной войны съ Россіей, и которую Россія гарантировала по Ништадтскому миру. Для будущихъ своихъ дѣйствій Густаву не надо было бы однако забывать кого слѣдовало главнымъ образомъ винить въ томъ что могла возникнуть подобная конституція: Карлу XII нельзя было пожаловаться на недостатокъ власти, но онъ самъ подорвалъ ея авторитетъ, истощивъ силы страны въ предпріятіяхъ безполезныхъ для его подданныхъ и въ которыхъ онъ искалъ только славы. Вотъ что̀ долженъ былъ имѣть въ виду Густавъ, совершивъ въ августѣ 1772 года свой знаменитый государственный переворотъ, но по послѣдствіямъ видно что указанія такого рода пропали для него даромъ. Изъ бумагъ его, обнародованныхъ нѣсколько времени тому назадъ шведскимъ профессоромъ Гейеромъ, и изъ документовъ найденныхъ Жефруа въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, оказывается что въ упомянутомъ переворотѣ принимала самое ревностное участіе Франція и что цѣли ея при этомъ не имѣли ничего общаго съ дѣйствительнымъ благомъ Шведскаго народа. Французское правительство желало воспользоваться Швеціей какъ своимъ орудіемъ среди тогдашнихъ политическихъ событій; оно глубоко скорбѣло о томъ что эта страна, бывшая союзницей Франціи со временъ Густава-Адольфа, утратила въ XVIII вѣкѣ всякое значеніе, не въ состояніи была принять участія въ Семилѣтней войнѣ, „не была способна, по выраженію Шуазеля, ни къ какой наступательной демонстраціи“ (était devenue incapable de toute demonstration offensive). Съ этою цѣлью правительство Лудовика XV очень содѣйствовало упроченію въ Швеціи королевской власти и согласилось дать Густаву значительныя субсидіи для осуществленія

его плановъ. Оно жаждало переворота и требовало чтобы переворотъ былъ совершенъ какъ можно скорѣе. Въ 1769 году Шуазель писалъ французскому посланнику въ Стокгольмѣ: „Опять пропущенъ удобный моментъ для революціи! Франція дѣлаетъ все что можно, она отвлекла вниманіе Россіи къ Польшѣ и къ Турціи, но всѣ эти благопріятныя обстоятельства пропадаютъ для короля даромъ. Объявите напрямикъ что если революція не совершится черезъ мѣсяцъ, мы не дадимъ ни копѣйки денегъ....“ Съ этой минуты тонъ Тюильрійскаго кабинета становится все настойчивѣе и даже раздражительнѣе. Онъ негодуетъ что король Густавъ „изощряетъ свой умъ въ оправданіи себя какими-то небывалыми затрудненіями“. Наконецъ переворотъ совершенъ къ великой гордости самого Густава и къ вящему удовольствію Французскаго правительства, полагавшаго что теперь облегчится ему возможность дѣлать полезныя для него диверсіи на Востокѣ.

Сочувствіе французской публики было одною изъ лучшихъ наградъ для Густава. Онъ испытывалъ непреодолимое влеченіе къ Франціи. Все его плѣняло тамъ и прежде всего блескъ и роскошь Версальскаго двора, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшіе его вкусамъ. Онъ любилъ предаваться удовольствіямъ, забывая въ эти минуты все въ мірѣ, съ какимъ-то опьяненіемъ. Гжа Кампанъ разказываетъ въ своихъ мемуарахъ что въ дѣтствѣ ее одѣвали иногда купидономъ съ колчаномъ, стрѣлами и золотыми крылышками и что по нѣскольку дней сряду она не покидала этого костюма; точно также и Густавъ, участвуя въ какомъ-нибудь придворномъ театральномъ представленіи, не рѣшался разстаться по окончаніи его съ одѣяніемъ въ которомъ отъ выступалъ въ своей роли. Надписывать своею рукой пригласительные билеты—иногда не менѣе пятисотъ!—распредѣлять роли, дирижировать репетиціями, все это служило для него неизсякаемымъ источникомъ наслажденій. Понятно, слѣдовательно, то чувство восторга съ которымъ онъ два раза посѣщалъ Версальскій дворъ, при Лудовикѣ XV и при его преемникѣ, но если онъ восхищался старою Франціей, доживавшею свой вѣкъ въ обольстительномъ чаду непрерывно смѣнявшихся празднествъ, то живой, блестящій, хотя и не глубокій умъ заставлялъ его не менѣе сильно увлекаться идеями предвѣщавшими новый порядокъ вещей. Онъ

хотѣлъ заслужить репутацію „короля-философа"; онъ поставилъ себѣ задачей занимать мѣсто наряду съ Екатериной, Фридрихомъ и Іосифомъ; онъ поддерживалъ близкія сношенія съ представителями тогдашняго умственнаго движенія, преимущественно съ дамами, въ салонахъ которыхъ собиралось все что̀ носило громкое имя въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Онѣ были въ восторгѣ отъ Густава и возлагали на него громадныя надежды. Густаву, по мнѣнію ихъ, суждено было осуществить идеалъ о которомъ мечталъ XVIII вѣкъ; гжа Эгмонтъ писала ему, послѣ совершеннаго имъ переворота, что „болѣе счастливый и болѣе благоразумный, но не менѣе великодушный чѣмъ Карлъ XII, онъ призванъ возстановить поколебленное равновѣсіе Европы..." Заботы ихъ о томъ чтобы Густавъ какъ-нибудь не уклонился отъ пути предначертаннаго ему самою судьбой выражались даже въ совѣтахъ о томъ какое чтеніе онъ долженъ избирать для себя. „На той высотѣ славы на которой вы теперь находитесь, государь,—говорила гжа Буффлеръ въ обширномъ трактатѣ, озаглавленномъ ею: *Effets du despotisme s'il s'établit en Suède*—не всякое чтеніе можетъ быть одинаково для васъ пригодно. Вы должны предаваться только такому которое способно поддержать въ васъ благородный энтузіазмъ и отказаться отъ книгъ проповѣдующихъ что добродѣтель есть дѣло случая и этимъ самымъ внушающихъ къ ней отвращеніе...Преимущественно чтеніе древнихъ классиковъ по предмету исторіи и морали, а также нѣкоторыхъ произведеній французской литературы XVII вѣка способно укрѣпить въ возвышенной душѣ стремленіе къ истинной славѣ,—стремленіе присущее вамъ и долженствующее сдѣлать дорогимъ потомству ваше имя." Густавъ старался оправдать составленную ему репутацію. „Постараюсь, писалъ онъ Мармонтелю, чтобы мое царствованіе сдѣлалось царствованіемъ истинной философіи, той философіи которая, уважая все что̀ заслуживаетъ уваженія, ведетъ непримиримую войну съ предразсудками, поучаетъ царей ихъ обязанностямъ и указываетъ народамъ въ чемъ должно заключаться ихъ благополучіе." Первыя его реформы отличались либеральнымъ характеромъ. Онъ расширилъ свободу печати, отмѣнилъ пытку въ уголовныхъ процессахъ, пытался ослабить въ своемъ королевствѣ религіозную нетерпимость. О всѣхъ этихъ преобразованіяхъ онъ извѣщалъ Вольтера и достигъ того что Вольтеръ написалъ

въ честь его похвальную оду, которая начиналась словами:

Jeune et digne héritier du grand nom de Gustave....

Но медовый мѣсяцъ прошелъ очень скоро для Густава и начались невзгоды. Онъ не былъ способенъ для упорной, послѣдовательной, осторожной и благоразумной политики которая могла бы залѣчить раны нанесенныя Швеціи прежнею системой управленія, онъ мечталъ о блестящихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, ему нужны были огромныя средства для удовлетворенія его страсти къ роскоши, а это вызывало необходимость увеличенія налоговъ. Популярность Густава была сильно поколеблена когда онъ отмѣнилъ право свободнаго винокуренія и присвоилъ его коронѣ: эта мѣра послужила одною изъ главнѣйшихъ причинъ нерасположенія къ нему народа. Между тѣмъ вѣчные поиски за субсидіями оказывались неудачными. Мы видѣли что государственный переворотъ 1772 года совершенъ былъ при содѣйствіи Французскаго правительства, но отношенія между Франціей и Швеціей значительно измѣнились со вступленія на престолъ Лудовика XVI: участіе въ войнѣ за независимость Америки истощило Францію и внутри ея начиналось броженіе, въ виду коего Тюильрійскому кабинету было не до внѣшнихъ предпріятій. Онъ заботился теперь о томъ чтобъ обуздать пылъ своего союзника. Министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ писалъ французскому посланнику въ Стокгольмѣ: „Существенная задача короля Густава должна была бы состоять въ томъ чтобъ увеличить источникъ богатства въ своихъ владѣніяхъ; всякій другой путь, еслибы даже то былъ путь славы, приведетъ его лишь къ бѣдствіямъ. Старайтесь внушить ему мысль что онъ достаточно обезпечитъ себѣ значеніе въ Европѣ заботясь о томъ чтобы какъ можно лучше управлять своимъ государствомъ.“ Не имѣя возможности разчитывать на Францію Густавъ вошелъ въ виды Англіи и Пруссіи для того чтобъ объявить войну Россіи, войну которая не принесла ему ровно ничего.

Одновременно съ этою войной вспыхнула французская революція. Подъ опасеніемъ послѣдствій того неудовольствія которое обнаруживалось противъ него въ Швеціи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней впечатлительности своей натуры Густавъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ врагомъ революціоннаго движенія. Онъ готовъ былъ идти на этомъ пути далѣе чѣмъ какой-либо другой изъ европейскихъ государей.

Онъ круто отвернулся ото всего предъ чѣмъ привыкъ преклоняться до тѣхъ поръ. Лыбопытно напримѣръ что императрица Екатерина, хотя и относившаяся съ ужасомъ къ перевороту постигшему Францію, до послѣдней минуты не хотѣла допустить мысль чтобы существовала какая-нибудь связь между этимъ переворотомъ и ученіями восхищавшихъ ее философовъ. „Повидимому, писала она Гримму въ 1792 году *, подъ конецъ XVIII вѣка считается достоинствомъ умерщвлять людей и вдругъ мнѣ говорятъ будто Вольтеръ проповѣдывалъ это. Вотъ какъ отваживаются клеветать на людей! Я полагаю что Вольтеръ предпочелъ бы остаться тамъ гдѣ его похоронили чѣмъ очутиться въ Св. Женевьевѣ, въ компаніи съ Мирабо.“ Для Густава, напротивъ, Вольтеръ тотчасъ же сдѣлался предметомъ ненависти. „Это полезный урокъ для насъ, восклицалъ онъ: вотъ что̀ значитъ допускать фамиліарность съ людьми. которые по ремеслу своему не созданы для нашего общества. Намъ нечего бояться знатныхъ; ихъ всегда можно привлечь къ себѣ наградами или страхомъ кары, но съ литераторами въ родѣ Вольтера близость никуда не годится.“ Екатерина настаивала на вооруженномъ вмѣшательствѣ во французскія дѣла, но великимъ умомъ своимъ она сознавала невозможность возвратиться безусловно къ прежнему порядку вещей, не сдѣлавъ въ немъ ровно никакихъ перемѣнъ. Густаву были чужды подобныя соображенія. Вотъ между прочимъ письмо Таубе, одного изъ довѣренныхъ лицъ короля, въ которомъ, по повелѣнію его, онъ сообщалъ Ферзену какую задачу должны имѣть въ виду союзники, если дѣйствія ихъ противъ революціонеровъ увѣнчаются успѣхомъ: „объявить членовъ Національнаго Собранія внѣ закона, предоставить каждому право погони за ними (courir sus), возстановить духовенство во всѣхъ его прежнихъ привилегіяхъ, возстановить раздѣленіе по сословіямъ въ средѣ генеральныхъ штатовъ, не вступать въ сдѣлку съ кѣмъ и съ чѣмъ бы то ни было относительно смѣшаннаго правленія, но упрочить королевскую власть совершенно такою какою она была до 1789 года, навсегда покинуть

* *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.* Томъ XXIII. Для цитатъ изъ писемъ императрицы Екатерины мы пользуемся часто переводомъ этихъ писемъ появившимся въ *Русскомъ Архивѣ*, 1878, кн. 9 и 10.

Парижъ и обречь на погибель этотъ притонъ злодѣевъ, ибо до тѣхъ поръ пока Парижъ будетъ существовать, процвѣтаніе монархіи ничѣмъ не обезпечено“ и т. д. Очень понятно что подобная программа приводила въ восторгъ эмигрантовъ, а Густавъ ручался что онъ исполнитъ ее безъ труда. Ему нужны были только субсидіи, да нужна была нѣкоторая помощь войсками, хотя и незначительная. Но главнѣйшимъ условіемъ ставилъ онъ чтобъ ему предоставлено было мѣсто во главѣ предпріятія. Тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше и онъ увѣнчаетъ свое чело новыми лаврами.

III.

Для субсидій и для вспомогательнаго отряда войскъ Шведскій король разчитывалъ прежде всего на императрицу Екатерину. Хотя нельзя предполагать чтобъ онъ былъ очень расположенъ къ ней, но сознавалъ ея высокія качества и даже—высшая похвала съ его точки зрѣнія—приравнивалъ ее къ самому себѣ! Въ разгаръ революціи онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Еслибы Екатерина сидѣла на французскомъ престолѣ, сколько великихъ дѣлъ совершили бы мы съ нею...“ Въ этомъ отношеніи императрица отнюдь не платила ему взаимностью. Изъ писемъ ея къ Гримму, обнародованныхъ недавно почтеннымъ академикомъ Я. К. Гротомъ въ *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества*, видно что она всегда смотрѣла свысока на Густава, не цѣнила способностей которыми по его мнѣнію онъ былъ одаренъ природой. Когда возгорѣлась война между Россіей и Швеціи, то ненависть ея къ нему не знаетъ предѣловъ—Густавъ становится героемъ сочиненной ею шуточной оперы *Горе-Богатырь*, для него нѣтъ другаго названія какъ фуфлыга донъ-Густавъ, сэръ-Джонъ Фальстафъ,—но и прежде, точно также какъ послѣ, Екатерина въ своихъ письмахъ отзывается о немъ не иначе какъ съ насмѣшкой или презрѣніемъ: „это самый лживый изъ людей“, говоритъ она. „Знаете ли, пишетъ она къ Гримму въ 1778 году, что продѣлываютъ Американцы? Они захватываютъ у меня купеческіе корабли, выходящіе изъ Архангельска; они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюлѣ и августѣ, но обѣщаю что первый изъ нихъ кто покусится на такой же подвигъ будущимъ

лѣтомъ, заплатитъ мнѣ дорого. Я—не братъ Густавъ; мнѣ нельзя безнаказанно утереть носъ; съ Густавомъ они могутъ дѣлать что̀ угодно, но не со мною, если не хотятъ чтобъ у нихъ были откусаны пальцы.“ Шведскій король предпринялъ путешествіе въ Петербургъ чтобы личнымъ свиданіемъ укрѣпить дружественныя отношенія съ императрицей, но и при этомъ она не измѣнила къ нему своихъ чувствъ. Еще до этой встрѣчи писала она госпожѣ Бьельке: „Предвижу что онъ будетъ страшно скучать со мной; онъ Французъ съ головы до ногъ, подражаетъ во всемъ Французамъ и даже усвоилъ себѣ весьма скучный этикетъ Французскаго двора; я же почти во всемъ составляю совершенную противоположность ему: сроду я не могла терпѣть подражанія, и ужь если выразиться прямо, то я такой же оригиналъ какъ самый истый Англичанинъ. Я не въ состояніи круглый годъ заниматься стихами и пѣснями или щеголять остротами; у всякаго, какъ видите, своя фантазія; ни тотъ, ни другой изъ насъ не перемѣнится и изъ всего этого слѣдуетъ что навѣрное Шведскій король соскучится со мной“ *. А въ послѣдствіи мы находимъ въ письмѣ Екатерины къ Гримму слѣдующій отзывъ о вторичномъ ея свиданіи съ Густавомъ, происходившемъ въ 1783 году во Фридрихсгамѣ: „Что̀ бы тамъ ни говорилъ про меня графъ Гага, ** для него я прескучная особа, скучная до смертельной зѣвоты, но онъ не смѣетъ въ этомъ признаться, потому что у насъ есть страстишка придавать цѣну тому что̀ цѣнится другими, а сами мы въ сущности остаемся ко всему безучастны и потому еще что мы вовсе не то чѣмъ хотимъ казаться. Во Фридрихсгамѣ мы считали нужнымъ каждый день, съ четырехъ часовъ до шести, проводить время одинъ на одинъ съ вашею покорнѣйшею слугой, Богъ знаетъ для какой радости; кажется для того только чтобы другіе видѣли. Ужь мы, бывало, говоримъ, говоримъ; я, бывало, замѣтивъ что онъ зѣваетъ и желая положить конецъ болтовнѣ, какъ скоро заслышу что есть какая-нибудь человѣческая душа въ пріемной, отворяю дверь чтобъ избавить ихъ Шведское и Россійское величества отъ этихъ скучныхъ и нелѣпыхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ. Отъ этого я смерть какъ

---

* *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII.

** То-есть Шведскій король, принявшій это имя во время своего заграничнаго путешествія.

потѣла, что̀ не мало способствовало тому что я простудилась прошлымъ лѣтомъ, такъ какъ это продолжалось цѣлыхъ шесть дней.“ Вотъ еще замѣтка о королѣ: „Хотите чтобъ онъ зѣвалъ? говорите ему о дѣлахъ серіозныхъ и вызывайте на разсужденія дѣльныя. Хотите заслужить полное его расположеніе? Станьте, повернувъ спину, предъ зеркаломъ и говорите съ нимъ про стихи, пѣсни, комедіи, уборы, и тогда, глядясь въ зеркало, онъ долго не уйдетъ отъ васъ.“

Мы имѣемъ не мало свѣдѣній о томъ какъ относилась императрица ко французской революціи, но нигдѣ взгляды ея не выразились такъ подробно и опредѣленно какъ въ упомянутыхъ нами письмахъ ея къ Гримму. Она старалась уразумѣть отдаленныя причины этого событія, и любопытно что уже тогда усвоила себѣ воззрѣніе которое лишь позднѣе было развиваемо нѣкоторыми французскими писателями, между прочимъ Буленвилье. Она хотѣла видѣть въ грозномъ переворотѣ реакцію Галловъ противъ ихъ завоевателей—Франковъ. Еще замѣчательна та геніальная проницательность которую обнаружила Екатерина въ сужденіи своемъ о послѣдствіяхъ революціи. Проницательность эта почти граничила съ пророческимъ даромъ: „Злодѣи захватили власть и превратятъ скоро Францію въ Галлію временъ Цезаря. Но Цезарь ихъ усмирилъ. Когда же придетъ Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь; онъ появится.“ При извѣстіи о созваніи генеральныхъ штатовъ императрица выражала сочувствіе предстоящей ихъ дѣятельности, ибо она не допускала мысли чтобы при высокой степени просвѣщенія которымъ отличалась тогдашняя Франція, не нашлось въ ней достаточно элементовъ для того чтобы довести дѣло широкихъ реформъ до благополучнаго конца. Правда, обстоятельства были крайне трудны, но она, судя по самой себѣ, имѣла право утверждать что нѣтъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ которыхъ нельзя было бы преодолѣть. Все зависитъ тутъ отъ яснаго сознанія цѣли, отъ непреклонной рѣшимости достигнуть ея *, тогда эта энергія увлекаетъ ихъ и другихъ. На закатѣ своихъ дней Екатерина выражала въ слѣдующихъ словахъ эту истину: „По моему мнѣнію во

---

* Je suis ordinairement douce, говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, mais par état je suis obligée de *vouloir terriblement* ce que je veux.

всякомъ государствѣ найдутся люди и искать ихъ нечего; нужно только употребить въ дѣло тѣхъ кто подъ рукой. Про насъ постоянно твердятъ что у насъ неурожай на людей; однако несмотря на это дѣло дѣлается. У Петра I были такіе люди которые и грамотѣ не знали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало-быть неурожая на людей не бываетъ, ихъ всегда многое множество; нужно только ихъ заставить дѣлать что̀ нужно, и какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно. Была бы добрая воля, такъ всѣ дороги открыты..." Примѣняя это соображеніе не къ самой только себѣ, но и къ другимъ, Екатерина не могла конечно предполагать что дѣла во Франціи получатъ столь гибельное направленіе. Когда же тотчасъ по созваніи генеральныхъ штатовъ оказалось что королевская власть все болѣе и болѣе уступала, потому что она была безсильна руководить чѣмъ бы то ни было, императрица не скрываетъ своего негодованія. Уже въ 1789 году она пишетъ Гримму: „Признаюсь, не люблю я этихъ безчинствъ, этой юстиціи безъ юстиціи, этой варварской расправы при помощи уличныхъ фонарей". „До сихъ поръ думали, замѣчаетъ она, что слѣдуетъ вѣшать всякаго кто замышляетъ гибель своей родины, а вотъ теперь это дѣлаетъ цѣлая нація или лучше сказать тысяча двѣсти представителей націи." Съ теченіемъ времени тонъ ея становится все рѣзче. Съ мрачнымъ чувствомъ смотритъ она на разыгрывавшуюся драму и на ея послѣдствія для Европы. „Какъ будто миръ покинулъ землю" (on dirait que la tranquillité a quitté la terre), восклицаетъ она.

Главное зло въ Тюильри—вотъ мысль которую не переставала повторять императрица. Зло заключалось, по ея мнѣнію, въ слабости, нерѣшительности короля, въ неумѣньи его привлечь къ себѣ людей. Составивъ себѣ далеко не выгодное мнѣніе о Лудовикѣ XVI какъ государѣ, она искренно однако сочувствовала бѣдствіямъ которыя онъ испытывалъ со своимъ семействомъ. „Никто болѣе меня, говоритъ она, не принимаетъ участія въ страданіяхъ королевы; я привязана къ ней какъ къ нѣжно любимой сестрѣ." Въ послѣдствіи, когда начала угрожать опасность свободѣ королевской семьи, она восклицаетъ: „Нужно предположить что у вашихъ Галловъ каменныя сердца. Чѣмъ объяснить что эта королева, которая, со слезами на глазахъ, не смѣетъ никому промолвить слова; этотъ плѣнный король, котораго заставляютъ

писать и обнародовать пошлости (platitudes) лишенныя всякаго достоинства, заявленія, унижающія какъ его, такъ и всю націю,—чѣмъ объяснить что они не находятъ спасителей, избавителей, что нѣтъ сердобольныхъ людей которые извлекли бы ихъ изъ этого гадкаго Тюильри, построеннаго Екатериной Медичисъ? Пусть вырвутъ ихъ изъ Парижа: вотъ о чемъ должна бы была помышлять вся Франція..." Соболѣзнуя о Лудовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическомъ отношеніи составивъ себѣ о нихъ далеко не высокое мнѣніе, императрица Екатерина вполнѣ сочувствовала такъ-называемой партіи принцевъ, образовавшейся изъ эмигрантовъ. Мы уже замѣтили сейчасъ что она считала самого короля главнымъ виновникомъ обрушившихся на него золъ: „Имъ слѣдовало, говорила она, усвоить себѣ прямой, открытый и строго честный образъ дѣйствій; они избавились бы отъ опасностей только этою твердою и непреклонною прямотой, а не тѣмъ что мѣняли свой образъ дѣйствій по двадцати разъ на день. Удивительно, до какой степени люди бываютъ не рѣдко лишены принциповъ!" Другое дѣло—партія эмигрантовъ. Она обнаруживала, къ сожалѣнію лишь на словахъ, необычайную энергію; она похвалялась тѣмъ что не отступитъ отъ своихъ принциповъ ни на шагъ—и эта стойкость не могла не нравиться Екатеринѣ. Императрица обольщалась мыслью что у этихъ людей есть опредѣленная программа и что для осуществленія ея они готовы принести всякія жертвы. Къ тому же чрезъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ они постоянно старались расположить ее въ свою пользу, тогда какъ о положеніи дѣлъ съ которымъ приходилось бороться Лудовику XVI имѣлись свѣдѣнія далеко не полныя, особенно послѣ того какъ Русское правительство, подобно почти всѣмъ европейскимъ правительствамъ, отозвало своего посланника изъ Парижа. Среди такихъ обстоятельствъ императрица сильно негодовала что король Лудовикъ, не умѣвъ самъ ничего сдѣлать для своего спасенія, препятствовалъ въ томъ и своимъ братьямъ. Ее возмущали слухи что между Тюильри и Кобленцомъ господствуетъ непримиримый разладъ. „Не люблю я, писала она осенью 1791 года, этого различія между партіей королевы и партіей принцевъ; я желала бы видѣть только одну партію,—партію короля, но никакихъ другихъ; къ сожалѣнію этотъ несчастный государь (Лудовикъ) слишкомъ слабъ чтобы сфор-

мировать ее". „Что бы тамъ ни толковали, замѣчаетъ она нѣсколько позднѣе, принцы болѣе чѣмъ кто-нибудь заинтересованы въ возстановленіи королевской власти." Особенно усилилось раздраженіе императрицы послѣ того какъ сдѣлалось извѣстнымъ что Лудовикъ принялъ конституцію 1791 года. „Что же это такое? восклицаетъ она. Лудовикъ XVI подписываетъ сумасбродную конституцію, спѣшитъ дать присягу, а самъ ни мало не желаетъ ее выполнить. Кто же эти безтолковые люди которые заставляютъ его дѣлать такія глупости? Вѣдь это подло и низко! Словно они забыли и вѣру, и нравственность, и честь. Я страшно разсердилась, топнула даже ногой когда прочла про всѣ эти гадости." Въ другомъ письмѣ императрицы мы читаемъ слѣдующія строки: „Зло коренится въ Тюильри, и между нами будь сказано, исключительно тамъ. Къ чему эти двойные, тройные, четверные ходы? Къ чему противорѣчивыя письма? Чего они хотятъ, чего не хотятъ, я право не знаю, да и никто ничего тутъ не понимаетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то, по словамъ своей половины, онъ даетъ согласіе, то опять отрекается. Не говорите объ этомъ никому, но это сущая правда..."

Екатерина заявляла что она „ни шагу не сдѣлаетъ безъ тѣхъ кому покровительствуетъ (то-есть безъ принцевъ) и безъ французскаго дворянства". Принцы очень хотѣли воспользоваться услугами Густава; отсюда вытекало желаніе Шведскаго короля сблизиться съ Русскою императрицей для возстановленія французскаго престола. Онъ толькочто окончилъ войну съ Россіей. Въ войнѣ этой онъ надѣялся увѣнчать себя лаврами насчетъ Екатерины, а теперь—когда надежды не сбылись—хотѣлъ попытать счастья на другомъ поприщѣ въ союзѣ съ нею. Можно было предвидѣть однако что изъ этого не выйдетъ ничего. Несомнѣнно что императрица желала спасти Лудовика XVI и поставить оплотъ разливу революціонныхъ страстей, но должна ли была она жертвовать для этого интересами своего государства и забывать о великихъ цѣляхъ которыя были намѣчены для Россіи ея политикой? Подобная роль была пригодна Густаву; онъ всегда былъ готовъ ополчиться въ какой угодно крестовый походъ, обольщавшій его призракомъ славы, но Екатерина оставалась чужда увлеченіямъ такого рода. Еслибъ она и

хотѣла, то не могла бы усвоить себѣ иной образъ дѣйствій, ибо ея сосѣди, все вниманіе коихъ было сосредоточено на Восточномъ и Польскомъ вопросахъ, вынудили бы ее вспомнить объ ея обязанностяхъ, а между тѣмъ они несравненно болѣе чѣмъ Екатерина были заинтересованы во французскихъ событіяхъ: Пруссія потому что не слишкомъ большое пространство отдѣляло ее отъ Франціи, Австрія потому что государь этой страны былъ блюстителемъ интересовъ Германіи и связанъ былъ близкими родственными узами съ Французскою королевскою семьей. Нареканія Лудовика XVI, Маріи-Антуанеты, Густава и эмигрантовъ на всю Европу были слѣдовательно менѣе всего основательны по отношенію къ Екатеринѣ, а между тѣмъ она подвергалась этимъ нареканіямъ. Любопытно что даже сочувствовавшіе ей люди, какъ напримѣръ Гриммъ, не одобряли ея политику, какъ видно изъ слѣдующаго замѣчательнаго письма, съ которымъ обратилась императрица въ маѣ 1792 года къ своему корреспонденту: „Скажите пожалуста, съ какой стати думаете вы что польскія дѣла не заслуживаютъ стоять на одной линіи и совмѣстно съ дѣлами французскими? Повидимому вамъ неизвѣстно что Варшавская якобинщина находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Парижскою, что тѣ же Мацции, которые устроили одну, устраиваютъ и другую, что никто иной какъ Піатоли сочинили знаменитый манифестъ Ванъ-деръ-Нота въ Брабантѣ, что они руководятъ и королемъ и теперешнимъ сеймомъ. Они стерли съ лица земли мою старинную союзницу—Польскую республику, уничтожили всѣ трактаты заключенные ею съ Россіей, и въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ не перестаютъ наносить Россіи всякія оскорбленія и обиды какія только могутъ быть измышлены ими, до такой степени что въ послѣднюю нашу войну съ Турками они отправили уполномоченнаго въ Константинополь для заключенія съ Портой оборонительнаго и наступательнаго союза. Еслибъ у меня въ рукахъ не было доказательствъ, никогда не повѣрила бы я чтобы Польскій король былъ такъ неблагодаренъ и неразсудителенъ какъ высказался онъ въ эти четыре года. Надо предположить что имъ управляютъ другіе или что онъ отупѣлъ если допускаетъ вовлекать себя въ дѣйствія столь вредныя для Польши и несогласныя съ ея благомъ, съ честностью и признательностью. Они вообра-

зили что Россія находится въ крайности, ergo его Польское величество дозволилъ себѣ нарушить утвержденныя его присягой pacta conventa, по которымъ въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ дозволялъ своимъ подданнымъ не повиноваться ему.... Словомъ, якобинцы стараются произвести повсюду смѣшеніе языковъ, ибо всѣ теперешнія нововведенія Поляковъ также идутъ къ существующимъ у нихъ законамъ какъ—по русской пословицѣ—къ коровѣ сѣдло. И вы хотите чтобъ я пренебрегла моими интересами, а также интересами моей союзницы республики и моихъ друзей республиканцевъ чтобы заниматься исключительно Парижскою якобинщиной? Нѣтъ, я буду бороться съ нею и нанесу ей пораженіе въ Польшѣ, но при всемъ томъ я буду не менѣе заниматься французскими дѣлами и помогу разбить сколица санкюлотовъ, совершенно также какъ сдѣлаютъ это и другіе, но ни въ какомъ случаѣ помимо принцевъ и французскаго дворянства, ибо я хочу чтобы дворянство это сохранило свое существованіе, хочу чтобы каждый французскій дворянинъ зналъ что я считаю его опорой трона и королевской власти. Чтò же, права я или нѣтъ?“

IV.

Ошибка какъ Лудовика XVI, такъ и эмигрантовъ состояла въ томъ что они были убѣждены будто вниманіе всѣхъ европейскихъ правительствъ сосредоточивалось исключительно на событіяхъ происходившихъ во Франціи, будто правительства эти только и помышляли объ опасностяхъ которыя съ этой стороны угрожали Европѣ. Въ бумагахъ Ферзена, вышедшихъ изъ-подъ пера разныхъ лицъ, нѣтъ почти и намека на то что у тогдашнихъ государей могли быть другія заботы кромѣ заботъ объ интересахъ Французскаго королевскаго дома. Эти люди готовы были объяснять нерѣшительностью характера и вообще всякими случайными причинами колебанія въ дѣйствіяхъ державъ, а у короля Густава было еще и другое объясненіе, какъ нельзя болѣе льстившее его самолюбію: если государи не отвѣчали поспѣшно на призывы его о крестовомъ походѣ противъ революціи, то происходило это отъ зависти къ нему, такъ какъ въ этомъ предпріятіи онъ отводилъ себѣ одно изъ главныхъ мѣстъ.

„Изъ Вѣны я получаю уклончивые отвѣты, писалъ онъ Ферзену, ибо тамъ до сихъ поръ не могутъ еще забыть о временахъ Густава-Адольфа и не хотятъ чтобы Швеція въ другой разъ разыграла такую же славную роль“, а посланникъ его въ Петербургѣ Стедингкъ, зная конечно чѣмъ можно было угодить королю, утѣшалъ его что Екатерина затягиваетъ переговоры о союзѣ съ Швеціей противъ Франціи единственно по той причинѣ что она „не желаетъ доставить вашему величеству случай увѣнчать себя новыми лаврами“. Только при полномъ самообольщеніи и крайней непроницательности можно было однако не замѣтить что на Востокѣ Европы существовало тогда такое положеніе дѣлъ которое должно было приковывать къ себѣ все вниманіе Россіи, Австріи и Пруссіи.

Если отъ кого-нибудь Лудовику XVI слѣдовало ожидать помощи, то конечно отъ Австріи. И по родственнымъ связямъ и по политическимъ интересамъ, ибо французскія событія угрожали прежде всего отразиться на Германіи, Австрійскій государь, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ Германскимъ императоромъ, былъ призванъ обуздать революціонный потокъ. Въ 1790 году умеръ Іосифъ II и мѣсто его занялъ Леопольдъ. Конечно несравненно болѣе чѣмъ Густавъ, котораго ставятъ иногда на ряду съ Екатериной, Фридрихомъ и Іосифомъ, имѣлъ онъ право быть причисленнымъ къ замѣчательнѣйшимъ правителямъ своего времени. Въ немъ не было такъ много блеска, онъ не заставлялъ такъ много говорить о себѣ, но всѣ его дѣйствія обнаруживаютъ тонкій политическій умъ и стремленіе сообразоваться съ общественными потребностями. Управляя въ теченіе двадцати лѣтъ, до вступленія своего на австрійскій престолъ, великимъ герцогствомъ Тосканскимъ, Леопольдъ явился однимъ изъ лучшихъ представителей такъ-называемой системы просвѣщеннаго деспотизма,—отмѣнилъ инквизицію, произвелъ не мало полезныхъ реформъ въ церковномъ законодательствѣ, поощрялъ промышленность, торговлю и земледѣліе. Съ огромными затрудненіями приходилось бороться ему послѣ Іосифа II: съ одной стороны онъ старался укрѣпить политическій организмъ Австріи, расшатанный отважными преобразованіями его предшественника, а съ другой—и во внѣшней своей политикѣ считалъ сообразнымъ со своими интересами усвоить другое направленіе. Вскорѣ послѣ кончины Іосифа II

Екатерина писала о немъ Гримму: „Касательно моего покойнаго задушевнаго друга я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ, будучи созданъ, рожденъ, воспитанъ для своего званія, съ умомъ, дарованіями и свѣдѣніями, онъ ухитрился управлять такъ плохо! Мало того что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, но еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Преемникъ его держится другихъ правилъ: онъ—единственный человѣкъ которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то мнѣ его жаль. Но вѣроятно онъ достигнетъ своей цѣли и тогда на долю его выпадетъ блестящая и славная роль. Если только въ него не вселится дьяволъ, то онъ останется другомъ друзей своего покойнаго брата"... Послѣднее предположеніе не осуществилось. Если императрица считала Іосифа II лучшимъ своимъ другомъ (mon meilleur ami Joseph II, выражается она о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ), то никакъ не могла сказать того же самаго о Леопольдѣ. По Польскому вопросу онъ дѣйствовалъ въ разрѣзъ съ русскою политикой; онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ конституціи 3го мая 1791 года въ Польшѣ и ему же принадлежала мысль о томъ чтобы по провозглашеніи польской короны наслѣдственною упрочить обладаніе ею въ Саксонскомъ домѣ. Онъ хотѣлъ чтобы Польша служила преградой между Австріей и Россіей, но въ сущности, при глубокомъ ея разложеніи, она была бы только орудіемъ всякихъ интригъ направленныхъ противъ нашего отечества. Для успѣшнаго осуществленія всѣхъ этихъ плановъ Леопольду не доставало впрочемъ содѣйствія Прусскаго правительства: въ послѣдніе годы предъ вторымъ раздѣломъ Польши Фридрихъ-Вильгельмъ преслѣдовалъ свои особыя цѣли, клонившіяся къ тому чтобъ одинаково обойти и Россію и Австрію, побудить Поляковъ добровольно уступить ему Данцигъ и Торнъ. Въ то же самое время вопросъ о Баварскомъ наслѣдствѣ грозилъ вызвать большія замѣшательства. Все это со дня на день предвѣщало возможность продолжительной войны. Россія должна была готовиться къ ней въ то самое время когда войска ея дѣйствовали на югѣ противъ Турціи и на сѣверѣ противъ Швеціи; Пруссія старалась всячески пользоваться ея затрудненіями, что̀ вызвало раздражительное замѣчаніе Екатерины въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму: „Конечно я не забыла что я имѣла честь въ 1762 году возвратить Фридриху II Прусское его

королевство и часть Помераніи; не сомнѣваюсь нисколько что если г. его племянникъ будетъ продолжать (дѣйствовать такъ какъ онъ дѣйствовалъ), то онъ рискуетъ потерять болѣе чѣмъ рисковалъ потерять г. его дядя, которому, несмотря на весь его геній, стóило много трудовъ чтобы выпутаться изъ бѣды.“ Леопольдъ спѣшилъ поправить у себя дѣла внутри чтобы быть въ готовности вступить въ состязаніе со своими соперниками, и въ эту-то самую минуту Версальскій дворъ, во имя родственныхъ чувствъ, обращался къ нему съ неотступными просьбами о вмѣшательствѣ во французскія дѣла. Ничто не могло быть для него затруднительнѣе этого при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Начать борьбу съ революціей значило отвлечь свое вниманіе отъ другихъ интересовъ гораздо болѣе существенныхъ для Австріи; борьба могла затянуться, но еслибы даже окончилась скоро и съ успѣхомъ, то какую выгоду извлекъ бы изъ этого Леопольдъ? Отъ Франціи онъ не въ состояніи былъ ожидать никакого содѣйствія своимъ планамъ, ибо—такъ разсуждалъ онъ—все въ ней было поставлено вверхъ дномъ и много времени потребовалось бы ей чтобъ оправиться отъ постигшаго ее переворота. Во всякомъ случаѣ нельзя было идти одному, ибо что̀ станутъ въ это время дѣлать сосѣди? Ужь если вмѣшательство окажется неизбѣжнымъ, то необходимо чтобъ оно было вмѣшательствомъ коллективнымъ, необходимо привлечь къ нему другія державы и прежде всего Пруссію. Но установить соглашеніе между Австріей и Пруссіей, при крайнемъ антагонизмѣ ихъ интересовъ, было дѣло нелегкимъ, какъ доказало между прочимъ личное свиданіе между Леопольдомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, въ Пильницѣ, въ августѣ 1791 года. Концертъ рѣшительно не удавался. Вотъ почему Леопольдъ тревожно обращалъ свои взоры ко Франціи — не уладятся ли тамъ дѣла такимъ образомъ чтобы не пришлось прибѣгать къ угрозамъ противъ Національнаго Собранія, чтобъ установилось наконецъ соглашеніе между нимъ и королемъ, чтобы возникъ тамъ сколько-нибудь нармальный порядокъ вещей. Изъ Версаля безпрерывно призывали его на помощь, а онъ по необходимости отвѣчалъ совѣтами о благоразуміи, умѣренности, совѣтами Лудовику XVI примѣниться къ существующимъ обстоятельствамъ. Ему хотѣлось развязать себѣ руки для рѣшенія Польскаго и Баварскаго вопросовъ.

V.

Обратимся теперь къ Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ, посмотримъ какіе планы и намѣренія питали они для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, которое подрывало всѣ основы вѣковаго порядка вещей во Франціи. Объ этихъ планахъ мы можемъ составить себѣ вѣрное понятіе по обширной корреспонденціи Ферзена. Онъ былъ едва ли не самымъ довѣреннымъ лицомъ королевы. Еще до 1791 года, когда вынужденъ былъ онъ спасаться бѣгствомъ изъ Франціи, ему было предоставлено право распечатывать секретныя депеши адресованныя на имя короля и мнѣніе его требовалось непремѣнно во всякомъ важномъ вопросѣ. Затѣмъ изъ Брюсселя продолжалъ онъ вести дѣятельную переписку съ королевскою семьей. Для писемъ почти всегда употреблялся шифръ, пересылались они чрезъ вѣрныхъ людей, а въ послѣдствіи, когда король и королева были повсюду окружены врагами, они были доставляемы въ ящикахъ съ печеньемъ, съ чаемъ, зашитыя въ шляпы или въ подкладку какого-нибудь платья. Иногда королева и Ферзенъ прибѣгали для той же цѣли къ газетамъ, печатая объявленія, смыслъ коихъ былъ доступенъ только для нихъ.

Корреспонденція Ферзена начинается съ той минуты когда было задумано бѣгство въ Варениъ. Людовикъ XVI убѣдился въ совершенной невозможности достигнуть чего-либо оставаясь въ Парижѣ и сознавалъ необходимость отважныхъ рѣшеній. Предстоялъ выборъ между двумя планами: съ одной стороны самъ король хотѣлъ удалиться изъ столицы въ лагерь, находившійся подъ начальствомъ маршала Буйе, и при нравственномъ или даже матеріальномъ содѣйствіи державъ начать борьбу съ революціонною партіей; съ другой—принцы убѣждали его потерпѣть немного до той минуты пока удастся имъ во главѣ эмигрантовъ и опираясь на нѣсколько чужеземныхъ отрядовъ вторгнуться во Францію. Но этотъ послѣдній планъ возбуждалъ сильное отвращеніе въ Людовикѣ XVI, преимущественно же въ Маріи-Антуанетѣ. И это не потому чтобъ они считали его неудобоисполнимымъ,—напротивъ, успѣхъ пугалъ ихъ гораздо болѣе чѣмъ неудача. При глубокомъ разладѣ который господствовалъ въ королевской

семьѣ, Лудовикъ особенно заботился о томъ чтобы не быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ своимъ братьямъ. „Рѣшено ускорить бѣгство, писалъ Ферзенъ барону Таубе, ибо иначе принцы отважутся пожалуй на какую-нибудь попытку, и если счастіе будетъ благопріятствовать имъ, воспользуются всѣми плодами и честью этого предпріятія, привлекутъ къ себѣ дворянство, всѣхъ недовольныхъ теперешнимъ порядкомъ вещей, захватятъ власть и станутъ помыкать даже особами ихъ величествъ.“ Въ рѣшительную минуту графъ Прованскій и графъ Артуа еще разъ обратились къ королю съ настойчивою просьбой чтобъ онъ поспѣшилъ и развязалъ имъ руки. По этому поводу мы читаемъ въ другомъ письмѣ Ферзена къ тому же Таубе: „Король находитъ что еслибы послушался онъ подобныхъ совѣтовъ, то разыгралъ бы слишкомъ страдательную роль и очутился бы въ невыносимой зависимости отъ своихъ братьевъ; онъ намѣренъ поэтому держаться собственнаго плана; получивъ свободу онъ постарается воспользоваться добрымъ расположеніемъ къ нему державъ и прибѣгнетъ къ ихъ содѣйствію.“ Впрочемъ настроеніе одной державы, а именно Англіи, возбуждало большія сомнѣнія. Отъ нея требовали только нейтралитета,—не болѣе этого, но и нейтралитетъ свой въ предстоявшихъ событіяхъ она разсчитывала продать дорогою цѣной. Еще до бѣгства въ Вареннъ много разсуждали о томъ чѣмъ можно было бы удовлетворить ея алчность. Маршалъ Бульe совѣтовалъ уступить ей всѣ французскія владѣнія въ Индіи. Лудовикъ XVI не отвергалъ положительно этой мысли, но находилъ только что для переговоровъ будетъ еще достаточно времени когда онъ вырвется изъ когтей революціонеровъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ убѣжденъ заранѣе что для обезпеченія нейтралитета Англіи необходимо будетъ „предложить ей благоразумныя выгоды и пожертвованія“ (pour obtenir sa neutralité il faudra lui offrir des avantages et des sacrifices raisonnables).

Къ сожалѣнію, какъ замѣчено выше, дневникъ Ферзена до 1792 года былъ уничтоженъ,—иначе мы почерпнули бы изъ него вѣроятно много интересныхъ свѣдѣній о томъ какъ Ферзенъ устраивалъ бѣгство королевской семьи изъ Парижа,—бѣгство, для котораго принесены были имъ значительныя денежныя пожертвованія. Онъ занялъ тогда у двухъ дамъ (изъ коихъ одна была Русская—гжа Корфъ) 296.000 ливровъ, присоединилъ къ нимъ 100.000 ливровъ своихъ, и эти суммы никогда не были возвращены ему.

Предпріятіе, какъ извѣстно, не имѣло успѣха и только ухудшило положеніе Лудовика XVI. Именно съ этой минуты является онъ плѣнникомъ въ рукахъ революціонеровъ. Неусыпный и оскорбительный надзоръ учрежденъ былъ за нимъ и за всѣми членами его семейства. Событіе о которомъ говоримъ мы возбудило въ партіи принцевъ отчасти даже удовольствіе, такъ какъ она полагала что теперь ей предстоитъ выступить на первый планъ. Въ первое время, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ отчаянія, даже самъ Лудовикъ XVI считалъ необходимымъ предоставить полную свободу дѣйствій своимъ братьямъ. „Не остается ничего болѣе, писалъ ему Ферзенъ, какъ облечь полномочіемъ графа Прованскаго“, и король подписалъ это полномочіе. Текстъ его сохранился въ бумагахъ Ферзена, но одновременно съ тѣмъ Марія-Антуанета умоляла друзей своихъ за границей принять всѣ мѣры чтобъ эмигранты не вторгнулись во Францію съ оружіемъ въ рукахъ. Не трудно предугадать, говорила она, гибельныя послѣдствія подобнаго шага съ ихъ стороны: „несомнѣнно что лишь только какая-нибудь вооруженная сила появится въ предѣлахъ страны, масса черни, давно уже снабженная оружіемъ, обратитъ всю свою ярость противъ гражданъ которыхъ привыкли считать нашими приверженцами“. По мнѣнію королевы, самымъ лучшимъ средствомъ было бы устроить конгрессъ европейскихъ державъ, который постарался бы подѣйствовать на общественное мнѣніе во Франціи, обратился бы съ угрозами къ Національному Собранію и обнаруживалъ бы готовность въ случаѣ нужды поддержать эти угрозы силой. Планъ такого рода болѣе чѣмъ всякій другой возбуждалъ сочувствіе императора Леопольда, именно потому что отстранялъ необходимость болѣе энергическихъ дѣйствій. Леопольдъ относился недоброжелательно къ бѣгству въ Вареннъ, страшась что въ случаѣ удачи оно повлекло бы за собою сначала междуусобную войну во Францію, а затѣмъ, быть-можетъ, войну европейскую, и теперь когда опасность миновала онъ былъ особенно расположенъ держаться своей выжидательной политики. Но принцами овладѣло совершенное отчаяніе. Они утѣшали себя мыслію, что наконецъ дѣла примутъ рѣшительный оборотъ, уже самъ Лудовикъ XVI не отказывалъ имъ въ полномочіи и вдругъ возникала ненавистная имъ мысль о какомъ-то конгрессѣ, который могъ лишь на неопредѣленное время затормозить все дѣло. Не менѣе

принцевъ волновался и король Шведскій. Онъ поспѣшилъ отправить въ Вѣну Ферзена съ порученіемъ, сущность коего заключалась въ слѣдующемъ: конечно, долженъ былъ говорить Ферзенъ, конгрессъ не совершенно безполезенъ, но нужно опредѣлить заранѣе съ какими именно требованіями обратится онъ ко французскимъ властямъ; необходимо настаивать чтобы Людовику XVI прежде всего была обезпечена полная свобода, чтобъ онъ могъ безпрепятственно переѣхать въ какой ему угодно изъ городовъ Франціи по своему выбору и взять съ собою туда извѣстное число войскъ для огражденія своей особы; необходимо назначить Національному Собранію самый краткій срокъ для удовлетворенія этихъ требованій Европы, и еслибъ оно отвѣчало отказомъ, прибѣгнуть къ дѣйствіямъ. Густавъ заявлялъ готовность произвести высадку и просилъ Леопольда о поддержкѣ. Но изо всего что̀ сказано нами выше легко предугадать что подобные планы не могли разчитывать на успѣхъ въ Вѣнѣ. „Я пріѣхалъ въ Вѣну, писалъ Ферзенъ Маріи-Антуанетѣ, съ предложеніемъ моего короля двинуться въ походъ съ шестнадцатью тысячами войска и съ просьбой о томъ чтобы для флота, который перевезетъ эту армію, былъ открытъ доступъ въ Остенде; для избѣжанія проволочекъ король снабдилъ меня бланками чтобы тотчасъ же заключить конвенцію съ императоромъ. Отъ него самого и отъ его министровъ я слышалъ лишь уклончивые отвѣты; необходимо, говорили мнѣ, подождать что̀ скажетъ Испанія; затѣмъ нужно отложить дѣло до предстоящаго свиданія съ Прусскимъ королемъ (въ Пильницѣ); потомъ вывѣдать намѣренія Россіи—и такимъ-то образомъ переговоры безплодно тянулись со дня на день“...

Рыцарское благородство Ферзена и готовность его жертвовать собой не подлежатъ никакому сомнѣнію, но онъ не могъ быть проницательнымъ и опытнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей которые съ беззавѣтною отвагой способны исполнять планы составленные другими, но не пригодны руководить самостоятельно какимъ-либо дѣломъ. Читая обширную его переписку трудно уяснить, чего собственно хотѣлъ онъ? Съ одной стороны Ферзенъ ненавидѣлъ партію принцевъ, которая платила ему конечно тою же монетой и распускала о немъ самые неблаговидные слухи. Клеветы ея оставляли по себѣ слѣдъ, какъ можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго замѣчанія императрицы Ека-

терины въ письмѣ ея къ Гримму отъ 10-го мая 1791 года: „Сказать между нами, нѣкоторые люди увѣряютъ будто чрезъ посредство графа Ферзена можно было бы обратиться къ королевѣ со словами утѣшенія, но вы сами знаете до какой степени ненадеженъ этотъ путь и съ какою осторожностью слѣдуетъ пользоваться имъ: къ тому же я полагаю что Ферзенъ принадлежитъ къ клубу Якобинцевъ.“ Ферзенъ относился съ крайнимъ раздраженіемъ къ императору Леопольду; онъ далеко не раздѣлялъ всѣхъ увлеченій Густава. Взоры его были исключительно обращены на Тюильрійскій дворецъ, но вмѣсто того чтобы подавать совѣты Маріи-Антуанетѣ, онъ самъ по большей части ждалъ отъ нея указаній. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно обращается къ ней съ вопросами что же слѣдуетъ предпринять среди тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, какъ будто несчастной королевѣ была по силамъ подобная задача....

Мы видѣли что конгрессъ не удавался, а между тѣмъ осенью 1791 года Лудовикъ XVI вынужденъ былъ утвердить конституцію выработанную Національнымъ Собраніемъ. Леопольдъ принялъ съ явнымъ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ событіи: онъ разсчитывалъ что послѣ того какъ новый порядокъ вещей получилъ организацію, послѣ того какъ король обязался содѣйствовать развитію конституціонныхъ учрежденій, политическое движеніе во Франціи утратитъ мало-по-малу свой насильственный характеръ: такимъ образомъ болѣе чѣмъ когда-нибудь возникала надежда устраниться отъ вмѣшательства. Слишкомъ обманчивые разчеты! Имъ не суждено было оправдаться, вопервыхъ, потому что конституція, о которой идетъ рѣчь, представлялась чистою невозможностью, сама въ себѣ носила задатки своей недолговѣчности, а вовторыхъ, по той причинѣ что Лудовикъ XVI лишь подъ угрозами выразилъ на нее свое согласіе. О томъ какъ дѣйствительно относился онъ къ ней, показываетъ слѣдующее письмо Маріи-Антуанеты: „Вслѣдствіе принятія королемъ конституціи мы очутились въ совершенно новомъ положеніи; было бы несравненно болѣе благородно отвергнуть ее, но мы не могли отважиться на это въ томъ положеніи въ которомъ находимся. Сумасбродныя выходки принцевъ и эмигрантовъ вынудили этотъ шагъ съ нашей стороны, ибо главное дѣло состояло въ томъ чтобы принявъ конституцію разсѣять сомнѣнія на нашъ счетъ. Я убѣждена что лучшее

средство возбудить отвращеніе ко всему что̀ совершается здѣсь, это—показывать видъ будто идешь вмѣстѣ съ другими; вскорѣ всѣ увидятъ что никуда идти нельзя...“ Леопольдъ смотрѣлъ на принятіе конституціи Лудовикомъ XVI какъ на благопріятное событіе среди тогдашнихъ обстоятельствъ, а Марія-Антуанета радовалась что Густавъ отказался видѣть въ этомъ выраженіе свободной воли ея супруга. „Король Шведскій, писала она Ферзену, возвратилъ офиціальное извѣщеніе о принятіи конституціи отказавшись даже распечатать его; я желала бы чтобъ и всѣ другіе государи поступили такимъ же образомъ.“ Вообще видно что королева окончательно упала духомъ среди своихъ тяжкихъ испытаній; она ждала чего-то, но сама не отдавала себѣ отчета въ томъ, откуда должно придти избавленіе; попрежнему разчитывала она на чужеземную помощь, но во всѣхъ своихъ письмахъ къ Ферзену не переставала говорить о необходимости избѣгать всякихъ рѣзкихъ дѣйствій. „Боюсь очень, писала она, чтобы взбалмошныя головы не увлекли вашего короля, чтобъ онъ не предпринялъ чего-либо что̀ могло бы компрометтировать его самого и слѣдовательно насъ.“ Чувство весьма понятное если вспомнить о тѣхъ ужасныхъ сценахъ которыя происходили тогда въ Парижѣ и во всей Франціи, о тѣхъ опасностяхъ которыя безпрерывно угрожали королевской семьѣ! Но эмигранты не хотѣли ничего этого принимать въ разчетъ. Утвержденіе конституціи Лудовикомъ XVI привело ихъ въ неописанную ярость, и ярость эта главнымъ образомъ изливалась на Марію-Антуанету. Королева, слышалось въ ихъ лагерѣ, виновна въ томъ что дѣла приняли столь несчастный оборотъ; она не переставала интриговать противъ принцевъ и она же обнаруживала по всему вѣроятію гибельное вліяніе на своего брата, императора Леопольда. Еслибъ не она, то эмиграція давно уже отважилась бы на какое-нибудь предпріятіе при содѣйствіи Швеціи, Испаніи и, быть-можетъ, Россіи. Дѣло устроилось бы и безъ Леопольда, еслибъ онъ продолжалъ до конца относиться съ равнодушіемъ къ судьбѣ своихъ родственниковъ. Съ этихъ поръ въ интимной перепискѣ эмигрантовъ и ближайшихъ совѣтниковъ Шведскаго короля для Леопольда нѣтъ другаго названія какъ „проклятый Флорентіецъ“. Принцы отваживались обращаться къ нему съ такими рѣчами какихъ не приходилось слышать ему ни отъ кого. „Національное Собраніе

влекло на себя общее презрѣніе, писалъ ему графъ Прованскій; страшное разстройство финансовъ предвѣщаетъ банкротство; нѣтъ никакого порядка, никакой власти въ государствѣ; враги наши видятъ разверзающуюся предъ ними пропасть, но они закоренѣли въ преступленіяхъ, и къ тому же—зачѣмъ не сказать правды?—загадочный образъ дѣйствій (la conduite mysterieuse) вашего величества поддерживаетъ ихъ надежды и заставляетъ ихъ вѣрить въ успѣхъ ихъ кровавыхъ замысловъ.“ Въ то же самое время и королевѣ Маріи-Антуанетѣ, къ довершенію всѣхъ ея несчастій, суждено было подвергаться жестокимъ нападкамъ со стороны лицъ, которыя выставляли себя самыми ревностными ея поборниками. Это были не укоризны, а почти проклятія. Вотъ, напримѣръ, что̀ читаемъ мы въ письмѣ Густава Шведскаго къ Ферзену отъ 11 ноября 1791 года: „Двусмысленное поведеніе императора и его безпрерывныя колебанія доказываютъ что онъ хотѣлъ лишь одного—помѣшать другимъ державамъ дѣйствовать, заставивъ ихъ потерять дорогое время; въ этомъ случаѣ постыдный образъ дѣйствій (la conduite honteuse) короля Лудовика XVI какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ его видамъ. Вообще политика Французскаго двора превзошла въ трусости и безчестіи (a surpassé en lâcheté et en ignominie) все чего можно было ожидать отъ нея. Унизивъ до послѣдней степени свое достоинство король имѣетъ еще духъ препятствовать своимъ братьямъ придти къ нему на помощь, и все это лишь потому что королева предпочитаетъ лучше подвергнуться опасностямъ, окружающимъ ее теперь чѣмъ очутиться въ какой-нибудь зависимости отъ принцевъ. Постарайтесь объяснить ей страшный вредъ происходящій отъ того не только для общаго дѣла, но и для нея самой, ибо она навлекаетъ на себя ненависть со стороны всѣхъ кто желалъ бы придти ей на помощь...“ Нареканія такого рода очевидно дѣйствовали и на Ферзена, несмотря на всю его привязанность къ Маріи-Антуанетѣ, потому что онъ тщательно старался доводить о нихъ до ея свѣдѣнія. „Здѣсь толкуютъ, писалъ онъ ей, что главнымъ образомъ вы противитесь всякому смѣлому предпріятію; что вы готовы подчиниться конституціи лишь бы не обязываться принцамъ; что съ этой точки зрѣнія вы согласитесь скорѣе довести государство до погибели; все дворянство усвоило себѣ подобный взглядъ и даже люди вполнѣ вамъ приверженные начинаютъ склоняться къ нему...“

Мы уже замѣтили выше что для французскихъ эмигрантовъ не существовало ничего въ мірѣ кромѣ Франціи, но если это было совершенно понятно въ ихъ положеніи, то нельзя не удивляться что и король Шведскій готовъ былъ смотрѣть на все ихъ глазами. Они и не допускали и мысли о томъ что у императора Леопольда могли быть какіе-нибудь интересы не дозволявшіе ему вступить въ борьбу съ революціей; все что̀ совершалось тогда на Востокѣ Европы для нихъ не существовало. Вотъ почему въ письмахъ Густава, Ферзена, графа Прованскаго, графа Артуа и другихъ, Леопольдъ, этотъ „проклятый Флорентіецъ“ (ce maudit Florentin), выставляется не иначе какъ человѣкомъ слабымъ, ничтожнымъ, находящимся въ самой жалкой зависимости отъ своихъ министровъ, которые пререкаются между собою и только сбиваютъ его съ толку, а Марія-Антуанета, съ своей стороны, изъ недоброжелательства къ братьямъ своего супруга, поощряетъ его бездѣйствіе. Пониманіе общаго характера европейскихъ событій того времени было вполнѣ чуждо людямъ старавшимся спасти Французскій престолъ и они готовы были видѣть личныя побужденія и интригу тамъ гдѣ были несравненно болѣе глубокія причины.

VI.

Весной 1792 года умеръ императоръ Леопольдъ. Это событіе имѣло громадную важность среди тогдашнихъ обстоятельствъ, и какъ партія Маріи-Антуанеты, такъ и партія принцевъ считали его весьма благопріятнымъ для своего дѣла. „Вчера, писалъ Ферзенъ королевѣ, пришло сюда (въ Брюссель) извѣстіе о кончинѣ императора; полагаю что теперь наступитъ счастливая для васъ перемѣна.“ Леопольдъ упорно отстранялъ возможность столкновенія съ Франціей, но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Не задолго до его смерти революціонная партія принудила Людовика XVI объявить войну германскимъ государямъ, открывшимъ у себя пристанище эмигрантамъ, и императоръ Германіи не могъ оставаться безучастнымъ въ виду этого рѣшительнаго поворота дѣлъ. Вмѣшательство его влекло за собою и вмѣшательство Пруссіи. События принимаютъ новый характеръ, но для насъ интересно только то что обнародованныя нынѣ бумаги

Ферзена какъ нельзя убѣдительнѣе подтверждаютъ тему которую развивалъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи знаменитый нѣмецкій историкъ Зибель: никакой дѣйствительной опасности не угрожало Франціи со стороны державъ; державы эти не шли далѣе интимидаціи и охотно избѣжали бы войны; если тѣмъ не менѣе война вспыхнула, то отвѣтственность за нее падала на революціонную Францію, которая подъ предлогомъ самообороны прибѣгла къ нападенію.

Одновременно съ императоромъ Леопольдомъ сошелъ въ могилу и другой видный дѣятель описываемаго времени—король Шведскій Густавъ III. До послѣдней минуты не покидала его мысль объ экспедиціи противъ Франціи и повидимому онъ уже близился къ исполненію своихъ завѣтныхъ желаній. Ему удалось заключить съ Россіей союзъ, по которому Россія обязывалась помогать ему, хоть и не въ значительныхъ размѣрахъ, сухопутнымъ войскомъ и флотомъ. Густавъ имѣлъ наивность думать что онъ увлекъ за собою Екатерину, но на дѣлѣ этого не было. Въ виду усложнявшихся событій императрица считала полезнымъ направить вниманіе его въ другую сторону чтобъ онъ не могъ служить орудіемъ въ рукахъ ея соперниковъ или враговъ. Еще предъ окончаніемъ второй Турецкой войны она выражалась, какъ видно изъ дневника Храповицкаго, такимъ образомъ: „Дайте мнѣ кончить съ Турками, и тогда я со Шведскимъ королемъ раздѣлаюсь; я рада что на время могла его занять французскими дѣлами.“ Тѣмъ же побужденіемъ руководилась она подписывая союзный договоръ заключенный съ нимъ въ Дротнингольмѣ. На это явно указываютъ между прочимъ слѣдующія слова которыми она извѣщала Гримма объ упомянутомъ событіи: „Несмотря на 100.000 рублей потраченныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ на укрѣпленія въ Финляндіи, я получила третьяго дня извѣстіе о союзномъ трактатѣ между мною и Густавомъ III. Итакъ желаніе ваше исполнилось,—онъ совершенно вырванъ теперь изъ когтей Вильгельма“ (то-есть Фридриха-Вильгельма, короля Прусскаго). Густавъ въ послѣднихъ своихъ письмахъ къ Ферзену часто повторяетъ что онъ вполнѣ доволенъ императрицей, что она какъ нельзя лучше вошла въ его планы, что приходится даже умѣрять ея рвеніе,—но отзывы самой Екатерины далеко не оправдывали это самообольщеніе: „Новый союзникъ, говорила она Гримму въ томъ же письмѣ, въ которомъ сообщала ему

о Дротнингольмской конвенціи, не постыдился выразить желаніе пріѣхать сюда, но мы дѣлаемъ все что только человѣчески возможно чтобъ отклонить его отъ этого. Какъ вы хотите чтобъ я ввѣрила ему свои войска! Онъ не сумѣетъ руководить ими"... Увѣренность въ своемъ вліяніи на Екатерину Густавъ умѣлъ однако внушить и своимъ приближеннымъ, и уже позднѣе, сѣтуя на то что она не усвоила себѣ безъ оглядки его планы относительно Франціи, Ферзенъ выражался такимъ образомъ: „Интересъ къ французскимъ дѣламъ былъ возбужденъ въ ней нашимъ покойнымъ несчастнымъ государемъ и умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Несмотря на приписываемый ей геній она не хотѣла взглянуть на положеніе Франціи такъ какъ слѣдовало бы истинно великому человѣку; она не обсуждала его съ точки зрѣнія общей опасности, слѣдовательно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, а старалась лишь извлечь выгоды для своей политики по Польскому вопросу..."

Судьба Густава была въ высшей степени печальна. Мы уже говорили выше объ отличительной чертѣ его характера браться съ увлеченіемъ за всякое дѣло, но не доводить его до конца, дорожить преимущественно тѣмъ что обѣщало блескъ и славу и упускать изъ виду существенное только потому что оно требовало постояннаго, упорнаго труда, и эти печальныя наклонности обнаружились между прочимъ во внутреннемъ его управленіи. Царствованіе его обѣщало съ самаго начала очень много, но не оправдало этихъ надеждъ. Онъ умѣлъ нанести ударъ своимъ противникамъ, но не примирилъ ихъ съ собою и давалъ имъ основательные поводы возбуждать противъ себя народъ. Съ теченіемъ времени все рѣзче проявлялись его нетерпимость, его раздражительность и самовластіе. Недовольство было всеобще: аристократія сожалѣла объ отнятыхъ у нея правахъ, въ среднемъ сословіи распространялись идеи французской революціи, которымъ и сама аристократическая партія сильно потворствовала изъ ненависти къ Густаву, духовенство считало его главнымъ виновникомъ невѣрія проникшаго въ публику, низшіе классы вопили противъ обременительныхъ налоговъ. Помня успѣхъ своего знаменитаго государственнаго переворота, король былъ убѣжденъ что насиліе единственное средство для отстраненія всѣхъ этихъ золъ, но насильственныя его мѣры только раздражали общественное мнѣніе. Почти наканунѣ своей

смерти задумалъ онъ лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственную власть въ свои руки; этотъ планъ долженствовалъ быть исполненъ на сеймѣ созванномъ въ Гефле, но волненіе умовъ было такъ сильно что у Густава не хватило для этого духа. Нерѣшительность обнаруженная имъ только придала смѣлости недовольнымъ, между которыми Анкарштрёмъ, Горнъ и Риббингъ отважились на злодѣйскій противъ него умыселъ. Ночью 16го марта король отправился въ театральный маскарадъ; прежде чѣмъ сойти въ залу гдѣ происходили танцы, онъ ужиналъ въ зданіи же театра съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, барономъ Эссеномъ. Пока они сидѣли за столомъ, подано было ему написанное по-французски карандашомъ анонимное письмо, въ которомъ содержались довольно подробныя свѣдѣнія о заговорѣ. Авторъ письма умолялъ короля не появляться на балѣ. Предостереженіе это не подѣйствовало однако на Густава, онъ молча перечелъ его нѣсколько разъ, окончилъ ужинъ и пошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ чтобы надѣть домино. Тутъ только сообщилъ онъ барону Эссену о содержаніи полученной имъ записки. Тщетно умолялъ его тотъ не подвергать себя опасности,—вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Густавъ вступилъ въ залу, гдѣ публика тотчасъ же узнала его. Онъ направился въ фойе, прошелся тамъ нѣсколько разъ и уже хотѣлъ выйти оттуда какъ вдругъ былъ окруженъ заговорщиками, одѣтыми въ черное домино, изъ которыхъ одинъ, графъ Горнъ, обратился къ нему со словами: „здравствуй, прекрасная маска". Это было условленнымъ знакомъ. Въ ту же минуту Анкарштрёмъ выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета. Сцена невыразимаго ужаса распространилась въ залѣ, всѣ бросились бѣжать, но выходныя двери были немедленно заперты и полиціи не стоило большаго труда открыть убійцъ, хотя въ первую минуту всеобщаго смятенія имъ и удалось укрыться въ толпѣ. Кажется уже было извѣстно на кого должно падать подозрѣніе. По крайней мѣрѣ когда Анкарштрёмъ подошелъ къ начальнику полиціи и самоувѣреннымъ тономъ сказалъ сказалъ ему: „Надѣюсь, вы меня не подозрѣваете?" тотъ отвѣчалъ ему: „Напротивъ, васъ-то я и подозрѣваю."

Со смертью Густава III и съ тѣхъ поръ какъ началась война прекращается дѣятельная роль Ферзена. Ему оставалось только быть свидѣтелемъ совершавшихся событій, за кото-

рыми слѣдилъ онъ попремѣнно или съ зарождавшимися въ немъ надеждами, или съ глубокимъ отчаяніемъ. Средства его къ жизни совершенно истощились; отецъ отказывалъ ему въ помощи если не возратится онъ въ Швецію, но Ферзенъ не рѣшался покинуть Брюссель, гдѣ онъ могъ по крайней мѣрѣ быстро получать всѣ интересовавшія его свѣдѣнія. „Охотнѣе обреку я себя на нищету, писалъ онъ Маріи-Антуанетѣ; конечно, отецъ мой можетъ склонить къ своимъ видамъ герцога * и тогда мое положеніе еще ухудшится, но я все-таки не подчинюсь ихъ приказаніямъ. У меня есть кое-какія вещи, можно будетъ ихъ распродать и жить на вырученную сумму.“ Ферзенъ продолжалъ съ прежнимъ рвеніемъ заниматься различными планами для спасенія королевской семьи,—планами которые доказываютъ только что онъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ въ Парижѣ. Такъ напримѣръ изъ его писемъ къ барону Бретёлю видно что осенью 1792 года обольщалъ онъ себя мыслью о возможности совершить переворотъ съ помощью какого-то Аклока (Acloque), пивовара въ предмѣстьи Сенъ-Марсо, увѣрявшаго будто бы онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ на народъ и можетъ разогнать клубъ Якобинцевъ. Если уже Аклокъ возбуждалъ надежды, то чтò же когда распространилась вѣсть о томъ что одинъ изъ главныхъ начальниковъ французской арміи, генералъ Дюмурье, порвалъ связи съ революціонною партіей и задумалъ возстановить королевскую власть! Всѣ приверженцы Людовика XVI и Маріи-Антуанеты перешли вдругъ отъ глубокаго упадка духа къ безграничному восторгу, успѣхъ казался имъ несомнѣннымъ, но письмо съ которымъ именно въ эту минуту обратился Ферзенъ къ королевѣ служитъ доказательствомъ какія мелкія побужденія руководили ими среди тогдашнихъ грозныхъ обстоятельствъ. „Положеніе ваше, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, будетъ все-таки затруднительно, ибо вы будете много обязаны бездѣльнику, который окажетъ вамъ услугу, хотя въ сущности онъ поступитъ такъ по необходимости, не имѣя возможности дѣйствовать иначе. Какъ бы то ни было онъ полезенъ и нужно эксплуатировать его. Бретёль хлопочетъ тутъ о сформированіи министерства; онъ желаетъ все сосредоточить

* Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Густава III, который послѣ его смерти былъ провозглашенъ регентомъ королевства.

въ своихъ рукахъ чтобъ избѣжать различныхъ противорѣчій; военное министерство отдаетъ онъ Галиссоньеру, морское—Мутье, юстиціи—Барантену, иностранныя дѣла—Бомбелю: извѣстите меня какъ можно скорѣе, одобряете ли вы эти назначенія?“ Грустною ироніей отзывались всѣ подобныя заботы въ то время когда королевская семья испивала послѣднія капли униженія и горя! Сама Марія-Антуанета старалась образумить своихъ доброжелателей: „Время ли теперь, отвѣчала она Ферзену, среди столькихъ опасностей думать о выборѣ министровъ? Нужно сосредоточить всѣ помыслы лишь на томъ чтобъ ускользнуть отъ кинжаловъ и разстроить происки людей которые хотятъ во что бы то ни стало ниспровергнуть престолъ. Они не скрываютъ уже своего намѣренія погубить всѣхъ насъ. Если помощь не придетъ немедленно, то одно только Провидѣніе можетъ спасти короля и его семейство.“ Еще не исполнилось то чего такъ страстно желалъ Ферзенъ, еще не былъ извѣстенъ въ точности исходъ переговоровъ начатыхъ генераломъ Дюмурье съ главною квартирой непріятельской партіи, какъ при первомъ слухѣ объ этихъ переговорахъ регентъ Швеціи спѣшилъ навязать Ферзену въ высшей степени ненавистную для него роль. „Вамъ извѣстно, писалъ онъ, что покойный король не щадилъ расходовъ для своихъ плановъ на пользу Франціи. Употребите всѣ усилія, чтобы по возстановленіи прежняго порядка вещей въ этой странѣ они были возмѣщены намъ. Это очень важно для Швеціи, ибо вамъ извѣстно незавидное положеніе ея финансовъ. Какою славой покроетесь вы если успѣете улучшить благоденствіе своего отечества“....

Но надежды и разчеты рушились очень скоро и дѣла неудержимо стали приближаться къ гибельной развязкѣ. Неудачу Австрійцевъ и Пруссаковъ, низверженіе Лудовика XVI, трагическую судьбу его и королевы—все это суждено было пережить Ферзену. Послѣднее письмо къ нему Маріи-Антуанеты, почти наканунѣ заключенія ея въ Тампль, содержитъ лишь нѣсколько словъ: „Я еще существую, говоритъ она,—и это великое чудо. *Прощайте*,—жестокое слово“....

VII.

Люди относящіеся съ сочувствіемъ къ французской революціи прошлаго вѣка и привыкшіе во всемъ обвинять королевскую власть не найдутъ въ бумагахъ Ферзена почти ничего что̀ служило бы подтвержденіемъ подобныхъ нареканій. Вполнѣ откровенныя письма Маріи-Антуанеты, адресованныя ею къ людямъ пользовавшимся безграничнымъ ея довѣріемъ, доказываютъ что она постоянно противилась вооруженному вмѣшательству во французскія дѣла. Другое дѣло какія побужденія руководили ею при этомъ, но самый фактъ несомнѣненъ. Въ корреспонденціи, съ содержаніемъ коей мы познакомили нашихъ читатетей, находятся конечно вещи которыми можно воспользоваться изъ желанія опорочить память королевы: мы видимъ что въ то время когда война началась, она сообщала Ферзену о планахъ французскихъ генераловъ, о передвиженіи французскихъ войскъ, но надо принять въ разчетъ среди какихъ обстоятельствъ отважилась она на этотъ шагъ. Королевской семьѣ приходилось отстаивать свою жизнь; спасаться бѣгствомъ было невозможно; единственною надеждой представлялась посторонняя помощь: великодушно ли позорить супругу Лудовика XVI за то что она прибѣгала въ эту критическую минуту къ самымъ отчаяннымъ средствамъ самосохраненія, и не падаетъ ли вина на революціонную партію, которая поставила ее въ такое безвыходное положеніе?

Въ заключеніе нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ферзена. Отношенія его къ новому правителю Швеціи были далеко не дружественны. Регентъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій не имѣлъ по своему характеру ничего общаго съ Густавомъ III, хотя и онъ былъ такимъ же отчаяннымъ мистикомъ, какимъ сдѣлался покойный король въ послѣдніе годы своей жизни. Вотъ портретъ его, начертанный искуснымъ перомъ французскаго историка *: „Герцо̀гъ Зюдерманландскій, — тотъ самый который принялъ въ свои руки управленіе Швеціей за малолѣтствомъ Густава IV, а потомъ сдѣлавшійся королемъ вслѣдствіе революціи 1809 года, оказалъ нѣсколько услугъ своей странѣ командуя флотомъ

* Geffroy, *Gustave III et la cour de France*, II, 261.

въ войнѣ 1789—1790 годовъ. Но вообще то былъ человѣкъ крайне презрѣнный: недовѣрчивый ко всѣмъ и коварный, постоянно со слезами на глазахъ и съ наклонностью подозрѣвать всѣхъ и каждаго, съ непомѣрнымъ хотя и ребяческимъ честолюбіемъ, ума недальняго, воплощенное слабодушіе—это была личность какъ нельзя болѣе пригодная для спиритовъ и магнетизеровъ: отличнѣйшій медіумъ, какъ выражались бы о немъ въ наше время. Сдѣлавшись главой одной масонской ложи онъ любилъ облекаться въ какой-то небывалый костюмъ, въ которомъ преобладали красный и голубой цвѣта, и появлялся иногда въ немъ даже на улицѣ; за нимъ постоянно слѣдовали его друзья по масонству. Ночью проводили они часто время въ какомъ-нибудь заброшенномъ домѣ, въ какомъ-либо церковномъ зданіи среди пустынной мѣстности; тамъ заклинаніями вызывали духовъ, ожидали появленія огней на могилахъ, предсказывали будущее. Карлъ очень вѣрилъ во сны и велъ подробный протоколъ ихъ. Одинъ изъ такихъ протоколовъ дошелъ до насъ; онъ гласилъ что ночью—не задолго до кончины Густава—одинъ изъ ближайшихъ друзей герцога, Рейтергольмъ, вдругъ входитъ къ нему въ комнату, всю обитую чернымъ, и говоритъ ему: „все кончено“, т.-е. что Густава уже нѣтъ на свѣтѣ. А вслѣдъ за Рейтергольмомъ главные чины государства появляются въ той же комнатѣ и умоляютъ Карла принять титулъ регента...“ Носился слухъ будто бы даже герцогъ Зюдерманландскій былъ не совсѣмъ чуждъ катастрофѣ постигшей его брата. Слухи такого рода не могли не доходить до Ферзена и конечно усиливали его нерасположеніе къ новому правителю. Самъ регентъ не замедлилъ выразить ему свое неудовольствіе: открытъ былъ заговоръ, составленный барономъ Армфельдомъ съ цѣлью провозгласить юнаго Густава-Адольфа совершеннолѣтнимъ, и возникло подозрѣніе будто заговорщики встрѣтили одобреніе своимъ планамъ въ Русскомъ правительствѣ. Императрица Екатерина съ негодованіемъ отрицала всякое участіе съ своей стороны въ этомъ дѣлѣ. Она подробно говоритъ о немъ въ одномъ изъ обнародованныхъ г. Гротомъ писемъ своихъ къ Гримму: „Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Кальскерѣ и подъ Ревелемъ (гдѣ онъ оказался большимъ трусомъ) прозвали въ насмѣшку Сидоромъ Ермолаевичемъ, вздумалъ приплесть къ никогда не

существовавшему заговору Неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя открыто упоминается въ его писаніяхъ и даже произносится на судебныхъ слѣдствіяхъ. Но еслибы дѣйствительно былъ заговоръ и я въ немъ участвовала, то ручаюсь вамъ что онъ удался бы. Армфельда, въ противность завѣщанію короля, изгнали изъ совѣта регента за приверженность къ монархической власти, а на мѣсто его хотѣли посадить отъявленнаго якобинца Рейтергольма. Армфельдъ уговорилъ покойнаго короля заключить миръ въ Верелѣ * и самъ составлялъ условія и подписывалъ вмѣстѣ съ Ингельштромомъ, что̀ и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной кончины покойнаго короля. Онъ былъ страстно къ нему привязанъ и теперь перенесъ всю свою любовь на молодаго короля; онъ зналъ что покойникъ, умирая, поручилъ мнѣ своего сына, зналъ что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ всѣхъ его враговъ, что я говорила и покойному королю и всѣмъ кто хотѣлъ только слушать что если отецъ признаетъ ребенка за своего сына, то никто уже не имѣетъ права оспаривать, тѣмъ болѣе что король имѣетъ болѣе власти чѣмъ всякій другой отецъ. ** Онъ видѣлъ что всѣ дѣйствія регента шли въ разрѣзъ какъ съ убѣжденіями покойника, такъ и съ интересами короля, и уѣхалъ изъ Швеціи. Но онъ писалъ слишкомъ откровенныя письма къ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, а потомъ къ этому еще присоединилась страсть регента къ дѣвицѣ Руденскіольдъ, любовницѣ Армфельда; по свѣту ходятъ два любовныя его письма къ ней. Изъ ревности регентъ вздумалъ приказать чтобъ ее высѣкли, велѣлъ везти ее на эшафотъ, а потомъ заперъ ее въ смирительномъ домѣ, вѣроятно за то что она предпочитала Армфельда его королевскому высочеству. Кромѣ того регенту вездѣ мерещатся заговорщики, а доказать существованіе заговоровъ онъ не можетъ. Убійца короля былъ только одинъ наказанъ за свое преступленіе,

---

* Верельскій миръ съ Россіей 3го августа 1790 года.

** Густавъ III никогда не былъ въ ладахъ съ своею супругой Софіей-Магдалиной, дочерью Фридриха V короля Датскаго. Говорили что онъ не хотѣлъ признавать законнымъ своего сына отъ нея, будущаго короля Густава IV, и призналъ его лишь вслѣдствіе того что Софія-Магдалина добровольно согласилась на разводъ съ нимъ. Въ послѣдствіи она тайно вступила въ бракъ съ Мункомъ.

но при этомъ многіе подверглись заточенію, другіе безъ всякаго суда были отставлены отъ должности. Неаполитанскому двору онъ объявилъ войну, а къ намъ придирается безпрестанно изъ-за пустяковъ. Мнѣ конечно все равно; еще неизвѣстно кто будетъ въ проигрышѣ. Регентству скоро наступитъ конецъ, и еслибъ я только вмѣшалась въ дѣло, то оно покончилось бы еще скорѣе, но въ Швеціи всѣ думаютъ, какъ и я, что изъ-за глупца не стóитъ заводить шуму." Въ перехваченныхъ письмахъ Ферзена къ Армфельду нашлись коекакія выраженія не совсѣмъ лестныя для регента и это послужило достаточнымъ поводомъ для того чтобы лишить его дипломатическаго поста который онъ занималъ въ Брюсселѣ.

Ферзенъ не жаловался на свою судьбу, ибо послѣ столькихъ разочарованій, послѣ всего пережитаго имъ начиная съ 1789 года, онъ нуждался въ глубокомъ спокойствіи. Къ тому же онъ былъ богатъ, потому что въ это время умеръ его отецъ оставивъ ему обширное наслѣдство; онъ былъ независимъ и радъ былъ отстраниться отъ своего правительства, которое совершило непростительный въ его глазахъ грѣхъ признавъ въ 1795 году Французскую республику. Онъ удалился въ уединеніе со своими горькими воспоминаніями. Впрочемъ когда прекратилось регентство Ферзенъ при Густавѣ IV получилъ возможность возобновить свою дѣятельность, которая на этотъ разъ отличалась чисто военнымъ характеромъ. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1805 года; молодой король былъ сначала очень расположенъ къ нему, но это расположеніе продолжалась не долго, ибо Ферзенъ не умѣлъ льстить и высказывалъ такія истины которыя не могли нравиться ни Густаву, ни его ближайшимъ совѣтникамъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ былъ вынужденъ, хотя и съ почетомъ, удалиться отъ двора.

Въ 1810 году произошла страшная катастрофа, стоившая ему жизни. Чтобъ уяснить ее, нужно обратить вниманіе на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Швеціи. Густавъ IV вынужденъ былъ въ 1809 году отказаться отъ престола въ пользу своего дяди Карла XIII, того самаго который съ титуломъ регента уже управлялъ страной въ его малолѣтство, но новый государь былъ старъ, не имѣлъ потомства, и заботы политическихъ партій были сосредоточены на вопросѣ кого назначить его преемникомъ. Выборъ палъ на Христіана-Августа, герцога Зондербургъ-Августенбургскаго. Черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ послѣ прибытія своего въ Швецію этотъ принцъ умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара. Тревожный вопросъ о престолонаслѣдіи возникалъ снова, возбуждая въ обществѣ крайнее раздраженіе страстей. Многочисленная партія отличавшаяся своими симпатіями ко Франціи заботилась главнымъ образомъ о томъ чтобы шансы не склонились въ пользу сына низверженнаго Густава IV; она страшилась что въ такомъ случаѣ не избѣжитъ возмездія, ибо была главною виновницей паденія этого государя. Всего лучше казалось ей отстранить вовсе прежнюю династію, посадить на престолѣ иностранца, а для успѣха подобнаго плана она считала не безполезнымъ какимъ-либо ударомъ устрашить своихъ противниковъ. Такъ какъ оппозиціи слѣдовало ожидать преимущественно со стороны аристократіи, то ударъ долженствовалъ быть направленъ противъ нея. Въ рядахъ высшаго сословія одно изъ первыхъ мѣстъ по знатности, богатству и общему къ нему уваженію принадлежало тогда Ферзену; все прошлое его доказывало что это такой человѣкъ съ которымъ невозможны никакія сдѣлки относительно того что̀ онъ считалъ своимъ долгомъ; онъ сохранялъ самое признательное воспоминаніе о Густавѣ III, ревностно служилъ Густаву IV, хотя тотъ и не умѣлъ оцѣнить надлежащимъ образомъ его заслугъ и не захотѣлъ бы конечно пожертвовать правами послѣдняго потомка династіи Вазы. Поэтому участь его была рѣшена. Всѣ усилія были употреблены на то чтобъ очернить его въ общественномъ мнѣніи; для этого была пущена въ ходъ клевета,—распускали слухъ будто герцогъ Августенбургскій былъ отравленъ Ферзеномъ, и хотя слухъ этотъ поражалъ своею очевидною нелѣпостью, такъ какъ смерть бывшаго наслѣдника престола произошла на глазахъ у всѣхъ, въ ту минуту когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, тѣмъ не менѣе онъ производилъ впечатлѣніе на толпу.

Правительство было кажется предупреждено что противъ Ферзена готовится что-то нехорошее, но оно не хотѣло или не сочло нужнымъ принять какія-либо мѣры. Карлу XIII приписываютъ даже слѣдующія слова: „было бы весьма не дурно еслибъ этотъ надменный господинъ получилъ урокъ“.... Наступило 20е іюня—день назначанный для перенесенія тѣла герцога Августенбургскаго въ Стокгольмъ. Въ числѣ другихъ и Ферзенъ слѣдовалъ за печальною колесницей въ каретѣ запряженной шестерикомъ. Лишь только процессія вступила

въ городъ, поднялись волпи, и камни полетѣли со всѣхъ сторонъ въ экипажъ Ферзена. Въ одной изъ главныхъ улицъ оттѣснили его отъ кортежа и отпрягли лошадей; несчастный успѣлъ выскочить и броситься въ ближайшей домъ, но толпа нагнала его тамъ, осыпала ударами, рвала за волосы и все это почти на глазахъ войска разставленнаго шпалерами на всемъ пути процессіи. Солдаты не оказали даже ни малѣйшаго сопротивленія когда мимо ихъ поволокли Ферзена изъ дома, гдѣ онъ надѣялся укрыться, въ городскую ратушу. Тамъ на минуту дали ему роздыхъ,—онъ сѣлъ на скамью, попросилъ стаканъ воды, но неистовства тотчасъ же возобновились еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Ферзена буквально заколотили до смерти. Когда онъ убѣдился что нѣтъ спасенія, то сталъ на колѣни и послѣднія слова его были: „Боже призывающій меня къ Себѣ, молю за моихъ мучителей, которымъ я прощаю.“

Можно быть различнаго мнѣнія о способностяхъ Ферзена какъ государственнаго человѣка, но нельзя не удивляться его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ. Справедливо выразился о немъ одинъ французскій писатель: „Ферзенъ не былъ только однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей дворянскаго сословія; это былъ рыцарь въ настоящемъ смыслѣ слова.“ *

Р.

---

* Альбертъ Сорель, въ критическомъ отзывѣ о разсмотрѣнной нами книгѣ въ *Revue critique d'histoire et de litterature*, 1878, № 42.

ЗАБЫВАЕМЫЙ ПОЭТЪ-СОВРЕМЕННИКЪ

Недавно на нашу сцену поставлена драма *Посадникъ*, и вотъ опять повторяется странное явленіе, которое можно наблюдать всякій разъ когда мы очутимся лицомъ къ лицу съ произведеніемъ искусства выходящимъ изъ дюжиннаго уровня. Между безотчетнымъ, такъ-сказать инстинктивнымъ чувствомъ публики и ея теоретическими понятіями обнаруживается рѣзкое противорѣчіе. Театръ полонъ; вы видите въ ложахъ и креслахъ лица весьма рѣдко тутъ встрѣчающіяся; всѣ внимательнѣе, серіознѣе обыкновеннаго, словно собрались не для развлеченія только; не слышится даже въ антрактахъ привычной болтовни; каждый какъ будто выведенъ неизвѣстною силой изъ вседневнаго настроенія и какъ будто радъ этому. Слава Богу, говорятъ иные, наконецъ-то не такая піеса какія намъ даютъ постоянно. На другой день является въ газетахъ неизбѣжный „отчетъ". Тутъ вы читаете напечатанныя даже курсивомъ для большей вразумительности слѣдующія изреченія: „мы можемъ художественно изображать только то что̀ критика—въ лицѣ публики и спеціалистовъ—въ состояніи провѣрить посредствомъ своего знанія той дѣйствительности какую мы изображаемъ предъ ней". * Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе въ которомъ подобные же глубокомы-

* *Русскія Вѣдомости* № 267.

сленные афоризмы перемѣшиваются съ выписками изъ учебника, и которое сводится къ тому что видѣнное вами вчера не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ, что вовсе не то и не такъ слѣдуетъ изображать. Увы! Въ нашемъ усердномъ стремленіи къ просвѣщенію мы не безъ робости смотримъ на листъ газеты, хотя бы сѣрый и плохо отпечатанный. Самоувѣренно сказанная безсмыслица ставитъ насъ въ тупикъ. Встрѣчая такія слова какъ „требованія современной критики", „правда художественнаго изображенія", мы рѣдко позволяемъ себя разбирать кстати ли, съ толкомъ ли употреблены они. И вотъ вынесенное изъ театра впечатлѣніе испорчено. Намъ становится стыдно что мы не безъ удовольствія смотрѣли на піесу не соотвѣтствующую современнымъ требованіямъ; мы обѣщаемъ себѣ впередъ быть осторожнѣе, не довѣряться собственному чувству, а выждать приговоръ спеціалистовъ пишущихъ фельетоны. Публика охладѣваетъ къ осужденному критикой произведенію, и *Тетерева*, *Мертвыя Петли*, попрежнему царятъ на нашей сценѣ, хотя въ сущности они всѣмъ намъ ужь очень надоѣли и всѣмъ намъ хотѣлось бы видѣть въ театрѣ не тѣ же самыя дрязги съ которыми внѣ театра приходится довольно возиться. Что̀ дѣлать! Спеціалисты говорятъ что въ изображеніи именно этихъ дрязгъ состоитъ задача современнаго искусства, и мы съ покорностью добронравныхъ учениковъ ходимъ по вечерамъ любоваться какъ маменьки ловятъ выгодныхъ жениховъ, какъ ухаживаютъ свѣтскіе юноши за богатыми старушками, какъ плутуютъ адвокаты и подрядчики, какъ кутитъ блестящая молодежь—всею этою хорошо знакомою намъ дѣйствительностью, и провѣряемъ, по предписанію, вѣрно ли она изображена. Не будь нашей такъ-называемой критики, вкусъ публики, не сбиваемый старательно съ толку, отвергъ бы самъ собою тѣ уродливыя произведенія которыя насъ заставляютъ находить хорошими, самъ собой распозналъ бы живопись отъ снимка, талантъ отъ дерзости, правду отъ фальши. Какъ ни жалуются на необразованность и невоспріимчивость нашего общества, оно все-таки стоитъ гораздо выше самозванныхъ спеціалистовъ, считающихъ себя въ правѣ поучать его; присущее человѣку чувство красоты, потребность идеальнаго не совсѣмъ еще подавлены въ немъ, несмотря на ихъ старанія; и на зло своимъ учителямъ, наперекоръ принятымъ теоріямъ, оно съ

невольною радостью встрѣчаетъ художественное произведеніе, не изображающее только знакомую намъ дѣйствительность. Тѣмъ сильнѣе такое произведеніе озлобляетъ нашихъ критиковъ. Писатель который попробуетъ уклониться отъ заявляемыхъ ими требованій осыпается площадною бранью, грубыми насмѣшками, или уязвляется презрительнымъ пренебреженіемъ. А такъ какъ мы привыкли составлять мнѣнія по газетнымъ отзывамъ, такъ какъ мы рѣдко заглядываемъ въ подлинникъ, довольствуясь нѣсколькими, произвольно вырванными, иногда искаженными цитатами, то нѣтъ апелляціи на судъ критиковъ. Произнесенный надъ писателемъ приговоръ повторяется даже тѣми которые сказали бы совсѣмъ другое, еслибы только прочли не однѣ выписанныя строки. Чего нельзя доказать цитатами? Я могу привести прекрасные стихи Третьяковскаго и очень плохіе стихи Пушкина; я могу подобрать цѣлый рядъ стихотвореній Гёте сочиненныхъ для торжественныхъ случаевъ при Веймарскомъ дворѣ; я могу выписать изъ драмъ Шекспира такія несообразныя нелѣпости, такія вычурныя и плоскія остроты которыя показались бы странными на балаганной сценѣ. Какъ вѣрно будетъ сужденіе основанное на такихъ выпискахъ! А на такихъ именно выпискахъ основываются слишкомъ часто наши сужденія. Чуть не всѣ наши литературныя свѣдѣнія получаются не изъ вторыхъ даже, а изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Начиная со школы, гдѣ подъ именемъ образцовъ насъ знакомятъ съ отрывками не имѣющими ни смысла, ни связи, которые составитель хрестоматіи почему-то считаетъ образцовыми, мы привыкаемъ замѣчать въ литературѣ только то что̀ другой кто-нибудь заблагоразсудитъ показать намъ, и за извлеченіями, сокращеніями, передѣлками, отчетами, совершенно теряемъ изъ виду самые подлинники, забываемъ вовсе объ ихъ существованіи. Не говоря уже объ иностранной литературѣ, не говоря о далекой старинѣ, изъ нашихъ русскихъ, современныхъ намъ писателей, даже выдающихся, какъ ни ограниченно число ихъ, мы многихъ не знаемъ въ подлинникѣ. Любопытныхъ примѣровъ такого незнанія недалеко искать. Вотъ играютъ у насъ драму *Посадникъ*. Выходя изъ театра всѣ думаютъ что видѣли произведеніе графа А. К. Толстаго, какъ значится на афишѣ. То же думаетъ и критикъ, опредѣляющій въ газетѣ значеніе и условія исторической драмы. Никто не подозрѣваетъ что значительная часть

видѣннаго нами никогда въ голову не приходила Толстому, что построеніе піесы измѣнено, что словомъ *Посадникъ*, въ томъ видѣ какъ даютъ его, былъ бы для самого автора такою же новостью какъ и для насъ. Спеціалистъ „изучавшій театръ, его прошедшее и настоящее“ серіозно говоритъ что „два первы дѣйствія и главное, *второе въ домѣ Посадника*, лишены движенія.“ Да вѣдь первое-то дѣйствіе не существуетъ. Вѣдь то что̀ вы считаете вторымъ дѣйствіемъ есть самое начало драмы Толстаго, которая открывается сценой въ домѣ Посадника, между его женой и старою боярыней, а все предыдущее для сцены полагать надо сочиненная приставка, не имѣющая ничего общаго съ подлинною драмой. Вѣдь еслибы вы заглянули въ оглавленіе сочиненій Толстаго, вы увидѣли бы что имъ написано было только три, а не четыре дѣйствія неоконченной драмы *Посадникъ*. Критикъ, однако, первому, не существующему въ подлинникѣ дѣйствію, отдаетъ предпочтеніе предъ вторымъ. Еслибъ онъ только передавалъ и обсуждалъ видѣнное въ театрѣ, говорилъ о бенефисѣ госпожи Талановой, его не въ чемъ было бы упрекнуть. Представляютъ четыре дѣйствія; я, зритель, имѣю полное основаніе, очевидный поводъ судить о каждомъ изъ нихъ, не справляясь откуда оно взялось. Но тотъ кто пускается въ разсужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ драмъ Толстаго, долженъ бы по крайней мѣрѣ прочесть эти драмы. Это одинъ примѣръ, ихъ можно набрать десятки. Вотъ какъ, стало-быть, цѣнимъ мы нашихъ писателей. Случайно попадается намъ на глаза какая-нибудь передѣлка, какой-нибудь отрывокъ; критикъ, самъ не читавшій подлинника, произноситъ въ газетѣ окончательный приговоръ не допускающимъ возраженія тономъ—и вопросъ рѣшенъ, поднимать его снова несвоевременно; интересъ общества поглощенъ сегодняшнимъ днемъ, вчерашнее старо и избито. Счастливъ писатель, если и публикѣ и критикѣ понравится то что̀ попалось имъ на глаза. Это бываетъ обыкновенно съ такими произведеніями которыя не требуютъ, да и не выдерживаютъ серіознаго анализа, которыя отвѣчаютъ ходячимъ понятіямъ, согласуются съ принятыми привычками, производятъ эффектъ при бѣгломъ взглядѣ, но потеряли бы много если вглядѣться въ нихъ внимательнѣе.

Чтò отступаетъ отъ обычнаго образца, чтò не подлаживается подъ обстоятельства дня, подъ господствующее настроеніе, чтò разчитано не для минутнаго эффекта, не для поверхностнаго просмотра, то встрѣчаетъ иногда можетъ-быть безотчетное сочувствіе въ публикѣ, но не находитъ пощады у нашей критики. Она съ непоколебимою настойчивостью, съ неуклонною послѣдовательностью преслѣдуетъ одну цѣль: ограничить искусство возможно точною копировкой того чтò встрѣчаемъ мы въ окружающей насъ, доступной внѣшнимъ чувствамъ дѣйствительности, то-есть, другими словами, уничтожить искусство въ самомъ существѣ его. Это называется у насъ реализмомъ, или еще болѣе моднымъ теперь словомъ—натурализмомъ. Выводите на сцену лица съ какими мы сталкиваемся въ гостиныхъ, въ трактирахъ, въ судахъ, въ вагонахъ, на биржѣ, одѣвайте ихъ такъ какъ они дѣйствительно одѣваются, заставляйте ихъ говорить такимъ именно языкомъ какой привыкли мы слышать, со всѣми свойственными каждому особенностями; если вы пишете портретъ, передайте съ фотографическою вѣрностью ничтожнѣйшія морщинки, малѣйшія бородавки и пятнышки на кожѣ, отдѣлайте со всевозможною тщательностью сукно сюртука или мѣховой воротникъ—и вы будете признаны великимъ художникомъ. Но горе вамъ если вы захотите изобразить не ту дѣйствительность которая бросается въ глаза каждому, а ту которая скрывается подъ наружною оболочкой, если вы попытаетесь воспроизвести не смазные сапоги, не долгополые сюртуки, не вицмундиры, не бѣлыя перчатки и модные фраки, а черты составляющія физіономію человѣка независимо отъ его костюма, пріемовъ и образа жизни. Васъ обзовутъ идеалистомъ, и не будетъ конца глумленію надъ вами.

Цѣль неуклонно преслѣдуемая такою критикой достигается успѣшно. Реализмъ царитъ въ нашей литературѣ. Въ романахъ и повѣстяхъ, въ комедіяхъ, драмахъ, сценахъ, очеркахъ, въ стихахъ и въ прозѣ съ удивительною точностью представляется намъ то самое чтò видимъ мы каждый день и цѣлый день; разговоры какіе мы слышимъ и сами ведемъ, какъ будто стенографированные невидимою рукой, пересказываются намъ отъ слова до слова. Тѣ самые общественные дѣятели съ которыми вы сидѣли рядомъ за обѣдомъ, тѣ самые сановники къ которымъ вы утромъ являлись съ просьбой,

тѣ самые ростовщики отъ которыхъ плакался вашъ знакомый, тѣ самые извощики которые чуть не вывалили васъ въ грязь, являются предъ вами если вы послѣ дневныхъ хлопотъ откроете литературное произведеніе или заглянете въ театръ. Васъ это радуетъ, не правда ли? Во всякомъ случаѣ это радуетъ нашихъ критиковъ. Стало-быть надо думать что это хорошо. Не всѣ однако такъ думаютъ. Находятся люди рѣшающіеся плыть „противъ теченія", какъ ни сильно оно. Къ числу такихъ людей принадлежалъ покойный графъ А. К. Толстой. Вотъ почему и дороги намъ его произведенія, и хотѣлось бы привлечь на нихъ болѣе серіозное вниманіе, добиться для нихъ болѣе справедливой оцѣнки, предохранить ихъ отъ роковой забывчивости, съ какою относимся мы къ самому близкому прошлому. Мы очень скоро и безъ разбора забываемъ. Люди и вещи, промелькнувъ предъ нами, исчезаютъ для насъ безъ слѣда. Многіе ли помнятъ тѣхъ даровитыхъ людей, характеристическихъ представителей своего времени, подъ вліяніемъ которыхъ развивались еще живущія теперь поколѣнія? Многіе ли знаютъ поэтовъ стихи которыхъ съ увлеченіемъ повторялись всѣми два-три десятка лѣтъ тому назадъ? Мы не сохраняемъ преданій, не держимся связи съ прошедшимъ, мы не дорожимъ ни чѣмъ что̀ досталось намъ по праву наслѣдства. Какъ избалованные, пресыщенные богачи, мы небрежно отворачиваемся отъ многаго что̀ берегли бы заботливо, чему рады были бы другіе. А вѣдь въ сущности мы вовсе не такъ богаты. Едва ли кто станетъ утверждать что у насъ литература процвѣтаетъ лучше чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, что мы стоимъ на болѣе высокой степени развитія чѣмъ всѣ западные народы. Вездѣ однако такіе таланты какъ Батюшковъ, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ цѣнились бы высоко, составляли бы часть общаго, всѣмъ дорогаго достоянія. У насъ современный читатель, смутно помнящій что-то о нихъ по наслышкѣ, улыбается презрительно при этихъ именахъ. Можно бы назвать не мало и другихъ, еще болѣе близкихъ къ намъ по времени. Кто знаетъ рано и трагически погибшаго поэта къ которому другой поэтъ обращался нѣкогда съ такимъ привѣтствіемъ:

Ты пѣлъ, и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вились передо мной;
Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ водой.
Ты пѣлъ, и подъ крыломъ бурана
Ревѣла степь и гнулся боръ,
И прорѣзая зыбь тумана
Вставали груды дикихъ горъ;
Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны и видѣній полнъ —
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Чего мы знать не хотимъ, то тщательно изучается на Западѣ, когда доходитъ туда хотя бы въ отрывкахъ. Наши критики удивились бы еслибы вѣдали какъ высоко ставятъ въ Германіи, Франціи и Англіи русскія произведенія которыя мы пропускаемъ безъ вниманія, съ какимъ сочувствіемъ произносятъ русскія имена которыя для насъ не болѣе какъ пустой, ничего не говорящій звукъ, или предметъ нападокъ и насмѣшекъ.

Не одни только высшія, совершеннѣйшія творенія искусства стóятъ уваженія и памяти; не одни только первенствующіе геніи достойны признательности и любви. Такія творенія рѣдки, такіе геніи возникаютъ вѣками. Чтобъ явились они, нужна почва уже подготовленная, нуженъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, неисполненныхъ задачъ, неосуществленныхъ стремленій. Правда и красота долго являются лишь проблесками, то тутъ, то тамъ, сказываются отрывочно, мелькаютъ въ отдѣльныхъ чертахъ среди уклоненій, ошибокъ и погрѣшностей, прежде чѣмъ воплотятся въ цѣльномъ художественномъ созданіи. И самаго этого созданія не поймемъ, не оцѣнимъ мы вполнѣ, не зная пути который привелъ къ нему, элементовъ изъ которыхъ оно сложилось, не прослѣдивъ среди темноты то ярко, то блѣдно вспыхивающихъ лучей свѣта, которые съ разныхъ сторонъ слились наконецъ въ одномъ сіяющемъ средоточіи. Недостатки присущи человѣческимъ произведеніямъ; спрашивается: какого рода эти недостатки? Состоятъ ли они въ безсиліи выразить красоту, или въ желаніи выразить безобразіе, въ неполномъ уразумѣніи правды, или въ довольствѣ ложью? Въ чемъ хотя среди неясныхъ и фальшивыхъ звуковъ слышится живая струна,

въ чемъ просвѣчиваетъ идея сквозь неосиленный матеріалъ, что затрогиваетъ не одни только прихотливые нервы, а истинное, человѣческое чувство—то составляетъ всегда цѣнный вкладъ въ умственную казну народа. Потому-то и дороги намъ забываемые наши поэты. У нихъ много слабаго, недодѣланнаго, ложнаго, но есть у нихъ и искренніе звуки, художественныя черты, доли красоты и правды, которыя радуютъ и согрѣваютъ душу. Потому-то дороги намъ и произведенія графа А. К. Толстаго. Мы не думаемъ отрицать ихъ недостатковъ, но это недостатки свойственные работѣ художника. Между исполненіемъ и замысломъ, между тѣмъ что видитъ, что чувствуетъ поэтъ, и тѣмъ что высказываетъ онъ словами, всегда остается болѣе или менѣе далекое разстояніе. Стремленіе къ цѣли недостижимой вполнѣ составляетъ сущность искусства. Иногда созданное творческою фантазіей какъ будто само собой облекается въ желаемую форму; слова, полныя силы и выразительности, послушно слагаются въ стройныя созвучія;

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возникнетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь чуднаго созданья
Передъ восторженной душой,
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ —
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.

Жаръ творчества остываетъ внезапно. Неожиданное безсиліе послѣ избытка силы раздражаетъ, мучитъ поэта. Онъ хочетъ преодолѣть его, продолжать, додѣлать начатое, хочетъ насильно вызвать ускользающіе образы, заставить непокорный языкъ повиноваться себѣ—и на мѣсто искусства является искуственность, простота смѣняется натянутостью, увлекающая гармонія изысканными сочетаніями словъ. Иногда художникъ злоупотребляетъ своимъ умѣньемъ и производитъ одну только форму безъ содержанія. Иногда въ шутливомъ, насмѣшливомъ настроеніи онъ сочиняетъ каррикатуры, не

имѣющія ничего изящнаго. Иногда онъ поддается посороннимъ искусству вліяніямъ, выходитъ изъ своей сферы. У многихъ ли изъ художниковъ не встрѣчается такихъ недостатковъ? Они встрѣчаются, конечно, и у Толстаго. Не трудно найти у него мелкія стихотворенія ничего не значащія, не трудно указать нескладныя мѣста, неудачныя подражанія, изысканныя сравненія и слова. Но онъ дорогъ намъ тѣмъ что смотрѣлъ на искусство не такъ какъ большею частью смотрятъ на него въ наше время. Онъ видѣлъ въ поэзіи ниспосланный свыше человѣку великій даръ въ мѣняющемся прозрѣвать неизмѣнное, во временномъ вѣчное, въ разнообразіи улавливать единство, въ разногласіи гармонію. Лучшую отраду находилъ онъ въ сознаніи идей безъ которыхъ жизнь не имѣла бы значенія, и этою отрадой онъ старался насколько могъ дѣлиться съ другими. Я употребляю слова безсмысленныя въ глазахъ нашихъ современныхъ критиковъ. Для нихъ не имѣютъ смысла и произведенія Толстаго. Потому-то и нравятся намъ эти произведенія что они не нравятся нашимъ критикамъ. Потому нравятся они и той части общества которая знаетъ ихъ не съ чужихъ словъ, не по короткимъ отрывкамъ, и не даетъ сбить себя съ толку фельетонными приговорами. Благодаря московской артисткѣ рѣшившейся поставить въ свой бенефисъ *Посадника*—и мы искренно благодаримъ ее за это—вниманіе публики опять привлечено, по крайней мѣрѣ временно, на забываемаго уже, хотя еще такъ недавно скончавшагося поэта. Воспользуемся этимъ случаемъ, постараемся нѣсколько серіознѣе остановить это вниманіе.

Кромѣ *Посадника*, оставшагося неоконченнымъ и не отдѣланнымъ, Толстой написалъ три драмы, служащія какъ бы продолженіемъ одна другой, составляющія трилогію: *Смерть Іоанна Грознаго*; *Ѳеодоръ Ивановичъ*; *Царь Борисъ*. Лучшею изъ нихъ кажется намъ послѣдняя. Предъ вами цѣльная, послѣдовательно развивающаяся трагедія, катастрофа которой является неизбѣжною, давно постепенно подготовлявшеюся, роковою развязкой. Главныя дѣйствующія лица живые, ярко очерченные характеры, и между ними со всѣмъ трагизмомъ само себя сокрушившаго величія выдается мрачное, но непреодолимо привлекательное лицо Бориса. Интересъ на немъ сосредоточенный при всемъ разнообразіи

явленій постоянно возрастаетъ; вы видите борьбу могучаго духа съ неотразимыми послѣдствіями злаго дѣянія, не искупаемаго высокою цѣлью. Вы слѣдите съ невольнымъ, болѣе и болѣе напряженнымъ участіемъ, какъ мало по-малу озлобляется, падаетъ этотъ благородный духъ, какъ все грознѣе встаютъ со всѣхъ сторонъ враждебныя карающія силы, какъ одна за другой рушатся опоры; и когда наступаетъ конецъ, вы признаете и справедливость судьбы, и достоинство человѣка, по своей винѣ погибшаго. Подражая можетъ-быть Шекспиру, можетъ-быть передавая разнообразіе самой жизни, авторъ мѣняетъ складъ рѣчи съ перемѣной сценъ. Свѣжею поэзіей вѣетъ отъ словъ Датскаго королевича, когда онъ разказываетъ Ксеніи какъ полюбилъ онъ ее, какъ провелъ свою первую молодость:

Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что̀ къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды
И крутизна, гдѣ замокъ нашъ повисъ.
Ребенкомъ тамъ, въ мечтаньи одинокомъ
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ,
И разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдаль меня манили приключенья....
.....Ты мнѣ предстала тою
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры—
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ,
Я рыцаря заслуживая шпоры
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

Въ другомъ покоѣ дворца ведутся другія рѣчи между царицей Марьей, дочерью Малюты Скуратова, и Воло-

ховой, бывшею мамкой Дмитрія царевича, предавшею его убійцамъ.

ЦАРИЦА.

...Развѣ
Своихъ князей-то не было? Не то
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньютку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще бы!
Еще бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ Нѣмчина Богъ вѣсть
Отколь выписывать!

ВОЛОХОВА.

Ахъ, свѣтъ-царица!
Сказать ли правду? Какъ узнала я
Что Нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно что не спроста, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ должно-быть обошелъ....

ВОЛОХОВА.

Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по-твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь? Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ, и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

Не встаетъ ли предъ вами темный міръ котораго слѣпая суевѣрная злоба безсмысленно и безжалостно подавляетъ при самомъ началѣ новую, непонятную ему жизнь? Силами этого темнаго міра пользовался Борисъ чтобы достигнуть высокой, манящей цѣли. Достигнувъ ея онъ отъ него отрекается, хочетъ порвать съ нимъ всякую связь. Онъ говоритъ въ сознаніи своей славы, своего могущества:

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я.
Держу бразды Россійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ—
И побѣдилъ. Кто можетъ осудить
Меня теперь что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
Проклятіе за то бы мнѣ изрекъ
Что для ея защиты и спасенья
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ на душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: чтò, если не достигну
Чего хочу? Чтò, если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счеты
Сегодня свелъ, и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Чрезъ пропасти и смрадныя болота

Къ престолу днесь меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы! Сіяетъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Но связь съ прошедшимъ не разрывается произвольно. Годуновъ продолжаетъ существовать въ царѣ Борисѣ, и темный міръ, разъ наложившій на него клеймо свое, не выпускаетъ, тянетъ его къ себѣ.

Мало-по-малу возникаютъ затрудненія, столкновенія.

Отмѣна Юрьева дня производитъ неудовольствіе въ народѣ. Бояре интригуютъ противъ царя. Семенъ Годуновъ совѣтуетъ крутыя мѣры, то же совѣтуетъ и князь Шуйскій, желающій втайнѣ чтобы царь пытками и казнями подорвалъ свою популярность.

Не трогать никого,

говоритъ Борисъ.

Вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ,

возражаетъ ему Шуйскій.

Борисъ отвѣчаетъ:

Надѣюся, не будетъ.
Не страхомъ я, любовію хочу
Держать людей. Прослыть боится слабымъ
Лишь тотъ кто слабъ; а я силенъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.

Но слишкомъ еще близки были времена Іоанна Грознаго, слишкомъ привыкла Россія къ страху. Подданные не въ состояніи были понять высокія цѣли и оцѣнить благія намѣренія царя. Благородная увѣренность въ силѣ добра, въ дѣйствіи справедливости, благости, великодушія на грубое, испорченное общество обманываетъ Бориса. Все начатое имъ усердно для блага страны кончается неудачей, обращается лишь ему во вредъ, потому что онъ слишкомъ выше стоитъ тѣхъ людей которымъ такъ искренно желаетъ добра, считаетъ ихъ лучшими нежели они оказываются на дѣлѣ. Этотъ истинно трагическій мотивъ проведенъ съ большимъ искусствомъ. Въ немъ-то и заключается художественное значеніе этой драмы. Злодѣй, послѣ временнаго успѣха наказываемый за преступленіе, совершенное съ корыстною цѣлью, не есть

предметъ для трагедіи. Не есть предметъ для нея и безвинно гибнущій, нравственно безупречный человѣкъ. Кара постигающая злодѣя, удовлетворяя чувству справедливости, представляя наглядно лежащій въ природѣ вещей вѣчный законъ, производитъ, правда, эстетическое впечатлѣніе; но если лицо на которомъ этотъ законъ проявляется ничѣмъ не возбуждаетъ нашего сочувствія, если его слова и дѣла не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны для насъ, а служатъ только къ замедленію или ускоренію исключительно интересующаго насъ конца, то дѣйствіе остается внѣшнимъ, мы не сознаемъ связи между совершающимся на сценѣ и тѣмъ что̀ существуетъ въ насъ самихъ; мы не видимъ тѣхъ колебаній, тѣхъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, того спора слабости съ твердостью, хорошихъ побужденій съ дурными наклонностями, изъ которыхъ слагается наша собственная жизнь, жизнь всякаго человѣка; предъ нами не выступаютъ во всей полнотѣ сокровенныя силы рѣшающія нашу судьбу точно также какъ и судьбу созданнаго поэтомъ лица. Участь злодѣя законна и естественна; но насъ она не касается. Мы одобряемъ показанный намъ примѣръ правосудія, и остаемся холодными. И такого холоднаго одобренія не вызываетъ у насъ гибель невиннаго. Напротивъ, она оскорбляетъ, возмущаетъ насъ, какъ нѣчто незаконное, неестественное. Это впечатлѣніе противуэстетическое. Причина возникновенія искусства, его raison d'être именно въ томъ заключается что видимая дѣйствительность не удовлетворяетъ потребности присущей человѣческому духу, потребности правды, добра, красоты. Подавить въ себѣ эту потребность мы не можемъ, какъ бы ни старались. Мы не можемъ, еслибъ и хотѣли, отказаться отъ вѣры что существуютъ правда, добро, красота. Мы чувствуемъ ихъ присутствіе, испытываемъ ихъ дѣйствіе, но во очію не видимъ ихъ. Показать ихъ намъ призвано искусство. Оно нравится намъ, радуетъ насъ, возвышаетъ, улучшаетъ насъ умственно и нравственно потому только что наглядно представляетъ строй мірозданія, общую гармонію, которую не нарушаютъ частные диссонансы. Воспроизводить эти диссонансы, не разрѣшая ихъ, изображать зло, не давая чувствовать его ничтожество, его призрачность въ общемъ порядкѣ вещей—противоположно самому смыслу, самому существу искусства. Не усиливать раздраженіе вызванное въ насъ противорѣчіемъ того что̀ есть тому что̀

должно быть — составляетъ его задачу, а пробуждать и укрѣплять въ насъ сознаніе что это противорѣчіе только кажущееся, что законы управляющіе нашимъ духомъ управляютъ точно также и внѣшнимъ, окружающимъ насъ міромъ. Ничѣмъ не заслуженное страданіе столько же не художественно сколько несправедливо и неразумно. Драма вращающаяся на такомъ мотивѣ была бы рядомъ раздражающихъ нервы, но не имѣющихъ смысла сценъ и оставила бы въ зрителѣ лишь утомленіе и неудовольствіе. За этимъ право не стоило бы ходить въ театръ. Внутренній голосъ говоритъ намъ что нѣтъ на свѣтѣ случайности, что все имѣетъ достаточную причину. Если въ томъ мірѣ въ которомъ живемъ мы эта причина часто отъ насъ скрывается, то въ созданномъ нами самими мірѣ искусства мы хотимъ ясно видѣть ее. Отказаться отъ этого требованія значитъ насиловать свою природу, наперекоръ себѣ производить то что сами мы находимъ нелѣпымъ. Мы можемъ не понимать разума царящаго въ окружающей насъ необъятной дѣйствительности и безропотно преклоняться предъ нимъ, но намѣренно сочинять непонятное человѣческому разуму—странная, неестественная причуда. Именно законность, разумность дѣйствительности, сознаваемую, требуемую внутреннимъ чувствомъ, но ускользающую отъ внѣшнихъ чувствъ, и должно осязательно представлять намъ искусство и тѣмъ мирить насъ съ этою дѣйствительностью, устранять раздраженіе, озлобленіе, страданіе вызываемое случайностями, явленіями, причины и цѣли которыхъ мы не въ силахъ уразумѣть. Вводить въ область искусства такія явленія значитъ отраду человѣка обращать на горе ему, сгущать произвольно темноту изъ которой непреодолимая потребность влечетъ насъ ко свѣту. Къ такимъ именно явленіямъ принадлежитъ встрѣчающаяся въ жизни, но недопускаемая нашимъ разумомъ и внутреннимъ чувствомъ побѣда зла надъ добромъ, гибель невиннаго. Такая случайность не имѣетъ въ себѣ ничего художественнаго, слѣдовательно ничего трагическаго. Трагизмъ заключается не въ борьбѣ со слѣпою, безсмысленною силой, не въ судьбѣ неизвѣстно какъ и за что овладѣвшей человѣкомъ, а въ неизбѣжныхъ, необходимыхъ послѣдствіяхъ его собственныхъ свободныхъ дѣйствій. Если человѣкъ своею волей нарушаетъ сознаваемый имъ самимъ нравственный законъ, если онъ наперекоръ своей совѣсти совершаетъ злое дѣло, хотя

бы въ надеждѣ достигнуть благихъ, высокихъ цѣлей, тогда только онъ подпадаетъ подъ власть вызванной имъ самимъ неотразимой уже судьбы. Неудачи, враждебно слагающіяся обстоятельства и конечная гибель не болѣе какъ проявленіе, естественное слѣдствіе внутренняго разстройства, болѣзни внесенной въ душу преступленіемъ. Роковое развитіе этой болѣзни, искажающей первоначальную красоту организма, причиненный сознаніемъ виновности разладъ душевныхъ силъ, сказывающійся въ непослѣдовательности, нецѣлесообразности дѣйствій, которыя вмѣсто желаемой пользы приносятъ вредъ, вызываютъ бѣдствія—вотъ настоящее содержаніе трагедіи. Чтобы производить въ насъ тотъ подъемъ духа какой чувствуемъ мы предъ истинно-художественнымъ произведеніемъ чтобы дѣйствительно быть трагическимъ, лицо созданное поэтомъ должно являться не безвинною жертвой, которой гибель возмущала бы насъ, и не злодѣемъ, въ которомъ мы не могли бы принимать никакого участія. Мы должны видѣть преступленіе, нарушеніе нравственнаго закона, влекущее за собой справедливую, необходимую кару; преступленіе это должно быть совершено свободною волей, отуманенною, соблазненною понятными намъ побужденіями, и зло, ярко представляющееся предъ нами, должно лишь наглядно свидѣтельствовать о вѣчномъ благѣ. Эту задачу трагедіи хорошо понялъ и исполнилъ Толстой. Высокія цѣли, могучія дарованія слились съ дурными побужденіями чтобы привести Бориса къ преступному дѣлу. Сознавая свое превосходство надъ окружающимъ обществомъ, чувствуя въ себѣ искреннее желаніе добра народу, страданій котораго былъ долго свидѣтелемъ, Борисъ пріучилъ себя къ мысли что какимъ бы путемъ ни достигъ онъ престола его воцареніе будетъ счастіемъ для Россіи; увѣрилъ себя что для Россіи, а не изъ личныхъ побужденій совершаетъ онъ преступленіе. Совершивъ его, достигнувъ цѣли, онъ хочетъ забыть о немъ, хочетъ чтобы никому не приходило въ голову заподозрить чистоту царя. Но ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ другихъ ему не удается стереть пятно лежащее на его совѣсти, разсѣять тѣнь омрачающую блескъ его величія. Онъ искренно отдается весь заботамъ о благѣ своей страны; онъ не допускаетъ чтобы личныя соображенія въ чемъ-либо вліяли на общественныя и государственныя дѣла. Но общество не понимаетъ его намѣреній; его побу-

жденія перетолковываются; тайные враги пользуются его кротостью и великодушіемъ чтобы возбуждать противъ него неудовольствіе; бояре между собой смѣются надъ нимъ, мутятъ почти открыто народъ. Въ сознаніи своей силы, своей искренности, Борисъ пренебрегаетъ неразумными толками, недоброжелательными рѣчами, затаенною злобой. Чрезмѣрная увѣренность въ себѣ, побудившая его когда-то рѣшиться на преступленіе, и теперь отуманиваетъ его умъ, лишаетъ его свойственной ему проницательности. Онъ не хочетъ видѣть накопляющихся опасностей, безплодности своихъ стараній. Вотъ проносится слухъ что царевичъ Димитрій живъ. Борисъ не выходитъ изъ себя, не теряется мгновенно, какъ у Пушкина, лишь только слухъ этотъ коснулся его ушей. Вопросъ государственный и тутъ является ему прежде личнаго вопроса; онъ видитъ въ нелѣпой молвѣ злостный умыселъ, намѣреніе подорвать любовь къ нему Россіи: этого допустить онъ не хочетъ; этого онъ себя считаетъ не въ правѣ терпѣть. Пока Семенъ Годуновъ уговариваетъ его принять строгія мѣры противъ бояръ, онъ говоритъ про себя:

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила.

Затѣмъ, обращаясь къ Семену Годунову:

... Если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться—
Въ тюрьму его!

Оставшись одинъ Борисъ ищетъ оправданія той строгости къ которой считаетъ себя обязаннымъ прибѣгнуть, и въ дѣйствіи которой не сомнѣвается:

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Ѳедоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть что съ дороги
Отклонитъ насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею,
Имъ гнѣвъ явить и кару я сумѣю.

Увѣренность въ себѣ не покидаетъ его. Лишь незамѣтно личныя побужденія: досада, тревога, боязнь за себя, примѣшиваются къ государственной необходимости, оправдываются, прикрываются ею. Разъ отклонившись отъ дороги которою хотѣлъ идти, Борисъ все болѣе и болѣе отъ нея отклоняется. Онъ уже хочетъ внушить тотъ страхъ который въ началѣ считалъ ненужнымъ, изъ кроткаго онъ становится грознымъ, милости смѣняются казнями, дурныя чувства все болѣе берутъ въ немъ верхъ надъ хорошими, внутренняя тревога усиливается и вмѣстѣ съ тѣмъ все ростетъ опасность, которую онъ надѣялся легко уничтожить. Борисъ видитъ что врагъ сильнѣе чѣмъ онъ думалъ, онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ совершающуюся перемѣну, уже шевелится въ немъ мысль, не на заблужденіи ли основалъ онъ свою дѣятельность, не даромъ ли совершилъ преступленіе. Но онъ подавляетъ въ себѣ эту мысль, онъ старается увѣрить себя что побѣда надъ этимъ врагомъ все-таки несомнѣнна, что перемѣна эта только временная.

Возможно ль?—

говоритъ онъ себѣ: —

Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ жъ свѣтъ тотъ лучезарный
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ
Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

И опять, въ виду свирѣпствующаго голода, живое состраданіе къ бѣдствующему народу, благородный порывъ сказывается въ этой смущенной душѣ вмѣстѣ съ умнымъ разчетомъ. Борисъ говоритъ Семену Годунову:

Когда вѣнецъ мой царскій я пріялъ,
Я обѣщалъ, послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать чѣмъ допустить чтобъ былъ
Кто-либо нищъ иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну

И раздавать народу: царь де помнитъ
Чтó обѣщалъ. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ—но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести.

Но ни жестокость, ни доброта, ни тонкій умъ не отвратятъ уже неизбѣжной судьбы. Тѣни сгущаются вокругъ Бориса и въ немъ самомъ. Разладъ изъ общественной жизни проникаетъ въ домашнюю жизнь. Носящіеся всюду слухи доходятъ до Ѳедора и Ксеніи. Они видятъ волненіе въ народѣ, видятъ перемѣну въ отцѣ, и тяжелое горе, мучительное сомнѣніе закрадывается въ ихъ душу. Движимые горячею любовью къ отцу, они съ безпощадностью невѣдѣнія затрогиваютъ затаенную его рану. До самой глубины потрясается виновная совѣсть Бориса. Ѳедоръ проситъ чтобъ его послали встрѣтить грозящую Россіи опасность, и когда Борисъ отвѣчаетъ что опасности нѣтъ, что не царевичу сражаться съ темнымъ воромъ, онъ спрашиваетъ, зачѣмъ же посылаютъ противъ этого вора князя Мстиславскаго, зачѣмъ велѣно хватать всѣхъ кто произноситъ имя покойнаго Димитрія, зачѣмъ, если нѣтъ опасности, строгія мѣры? За Ѳедоромъ приходитъ Ксенія.

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду—понесла утрату
Я страшную! Не я одна, мы всѣ,
Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ—ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты ли,
Ты ль это предо мной? Когда бывало
Народу ты показывался—радость
Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ;
Теперь же—о какая перемѣна!
Теперь со страхомъ смотрятъ на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепетъ;

Ужь были казни; о доносахъ шепчутъ,
Которые ты награждать велишь.
Москва дрожитъ. Такъ было, говорятъ,
Во времена царя Ивана.

БОРИСЪ.

Ксенья!

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ.

БОРИСЪ.

Опомнись, Ксенья! Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать,
То стало-быть я не могу иначе!
Ты то пойми.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету.

Что̀ долженъ чувствовать убійца при этихъ словахъ дочери? Не должно ли мучительное смятеніе охватить его душу? А снаружи опасность ростетъ и ростетъ. Является Шуйскій. „Что̀? утихаютъ толки?“ спрашиваетъ Борисъ.

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужь и не знаешь право
Кого хватать, кого не трогать. Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та же пѣсня: царь Борисъ хотѣлъ де
Димитрія Царевича известь,
Но Божіимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро...

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня
Что много ихъ? Но если бъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли—
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться

Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я жь его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винятъ упорно?
Такъ я жь упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ кто изъ насъ устанетъ прежде!

Вотъ какъ исказилось уже сознаніе превосходства надъ окружающимъ. А вотъ что между тѣмъ говорятъ бояре въ домѣ Өедора Никитича Романова.

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ *(наливая вина).*

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужь больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А если такъ,
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Ну-те жь:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозѣ покорить!

СИЦКІЙ,

А ужь не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ

Ты о Татарахъ что̀ ли?

РЕПНИНЪ.

Аль можетъ о Татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ
Еще крѣпокъ!

АЛЕКСѢЙ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взятъ.

Входитъ Шуйскій. Ѳедоръ Никитичъ спрашиваетъ его: „Ты сверху?“

ШУЙСКІЙ.

Былъ наверху.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну что̀ жь?

ШУЙСКІЙ.

Все слава Богу.
Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Что̀ ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ кто скажетъ
Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что̀ жь надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то что̀ было
При Ѳедорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно
Ужь онъ чиниться пересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнитъ; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ что когда къ Москвѣ
Подступитъ тотъ, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда жь мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

Острое оружіе ломается въ рукахъ Бориса; сила его сама себя лишь истощаетъ безплодно; увѣренность въ ней покидаетъ его. Онъ чувствуетъ себя осужденнымъ судьбой, чувствуетъ что не одолѣетъ ея, но не хочетъ однако признать ея справедливости, хочетъ бороться съ нею до конца. Лишенный сна, въ полубреду, преслѣдуемый грозящими видѣніями, бродитъ онъ ночью по своему дворцу. Вотъ престольная палата. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу. Двое часовыхъ стоятъ у дверей. Имъ жутко въ обширной, пустой, блѣднымъ мерцаніемъ озаренной комнатѣ. Они вполголоса говорятъ о томъ какъ страшно измѣнилась въ послѣднее время наружность царя. Слышится шорохъ, скрипъ двери, шаги. „Кто идетъ?" восклицаетъ въ испугѣ одинъ часовой. „Молчи, молчи! онъ самъ!" шепчетъ ему другой.

Борисъ (въ рубахѣ, поверхъ которой накинутъ опашень входитъ ихъ не замѣчая).

„Убитъ, но живъ"!
Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя! Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ и день и ночь
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется
Кружась безъ отдыха.... „Убитъ, но живъ!"
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятья даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я—
Когда онъ живъ—зачѣмъ же я, какъ Каинъ,

Брожу теперь? Безвинностью моею
Я заплатилъ за эту смерть, душою
Ее купилъ! Я требую чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату—
Такъ пусть же мой противникъ вправду сгинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

(Осматривается)

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ въ день вѣнчанья моего я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ.
Онъ мой еще! Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

(Подходитъ и отступаетъ въ ужасъ)

Престолъ мой занятъ!

(Приходитъ въ себя)

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ....
Безумный бредъ! Все та же мысль! Рожденье
Безсонницы!... Но нѣтъ, я точно вижу....
Вновь что-то тамъ колеблется, какъ дымъ—
Сгущается и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать!
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами.

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говоритъ?

(Увидѣвъ часовыхъ)

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ.

Великій государь—
Наряжены мы теремъ караулить..

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ же ваши очи?
Смотри туда! Что̀ на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь.... я ничего не вижу!

БОРИСЪ.

Такъ подойди жь и бердышемъ своимъ
Ударь въ престолъ. Чего дрожишь? Иди!
Ударь въ престолъ!
(*Часовой подходитъ къ престолу*)
Стой! Воротись! Не надо!
Я надъ тобой смѣялся. Развѣ ты
Не видишь, трусъ, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и не вѣсть что̀
Почудилось!

Болѣзнь достигла полнаго развитія, ясно уже чувствуется близость катастрофы. И катастрофа совершается въ такую минуту когда никто не ждетъ ея. На пиру въ честь Басманова Борисъ, указывая боярамъ на сына своего Өедора, какъ на того кто окончитъ начатое отцомъ,—подымаетъ за него заздравный кубокъ, вдругъ мѣняется въ лицѣ, шатается, ему дѣлается дурно. „Ахъ Господи,“ восклицаетъ царица, — „не п роста случился грѣхъ! Знать тутъ была отрава!“

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Отравленъ царь.

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не было отравы!
Иль мните вы, безсильна скорбь однá
Разрушить плоть?

Тутъ только, побѣжденный, умирая, признаетъ онъ несокрушимость вѣчнаго нравственнаго закона:

....Господь караетъ ложь!
Отъ зла лишь зло родится; все едино:
Себѣ ль мы имъ хотимъ служить, иль царству,
Оно ни намъ, ни царству въ прокъ нейдетъ!

Мы старались выписками, можетъ-быть слишкомъ длинными, показать ходъ и развитіе драмы. Но выписки, какъ ни длинны онѣ, могутъ дать лишь слабое понятіе о цѣломъ. Не торопливо, съ любовію долженъ работать художникъ чтобы воплотить виднѣющуюся ему красоту, и не торопливо съ любовію должны мы вглядѣться въ художественное произведеніе чтобы вся красота его предстала намъ. Не разсѣянно просмотрѣть три-четыре дѣйствія въ театрѣ, между обѣдомъ и ужиномъ, не бѣгло прочесть надо драму, на которую были потрачены можетъ-быть годы труда, чтобъ откры-

лось намъ все ея содержаніе, чтобъ она дала намъ все что можетъ дать. Кто удѣлялъ не разъ по нѣскольку свободныхъ спокойныхъ часовъ *Царю Борису*, тотъ, мы увѣрены, не жалѣетъ объ этихъ часахъ.

Самое извѣстное можетъ-быть изъ произведеній графа А. К. Толстаго лирическая поэма *Іоаннъ Дамаскинъ*. Тутъ затрогивается струна всего живѣе и глубже отзывающаяся въ душѣ самого автора: любовь художника къ своему искусству, потребность поэзіи для поэта. Теплая искренность слышится въ просьбѣ Іоанна уволить его отъ несродныхъ ему государственныхъ дѣлъ, отъ милостей не имѣющихъ для него цѣны. Блага завидныя другимъ тяготятъ поэта который мечтаетъ объ уединеніи, гдѣ онъ могъ бы

Двора волненія забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.....
И тяжкой думой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
— О, государь, внемли! Мой санъ,
Величье, пышность, власть и сила—
Все мнѣ несносно, все постыло!
Инымъ призваніемъ влекомъ,
Я не могу народомъ править!
Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ;
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
О, отпусти меня калифъ!
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Калифъ предлагаетъ ему полцарства, но и это не плѣняетъ того

Кому Господь дозволилъ взглядъ
Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещутъ творческія силы.

Іоаннъ повторяетъ свою просьбу:

О, отпусти меня, калифъ!
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Найдемъ ли мы въ этихъ строкахъ вѣрный мотивъ, глубокое чувство, или покажутся онѣ намъ пустымъ наборомъ словъ— это зависитъ отъ того считаемъ ли мы поэзію, искусство вообще, серіознымъ дѣломъ, которому въ правѣ всецѣло предаться человѣкъ, или препровожденіемъ времени, которымъ позволительно только развлекаться между другими занятіями. Къ этому вопросу, говоря о поэтѣ, поневолѣ постоянно возвращаешься: имъ обусловливается оцѣнка всякаго художественнаго произведенія. Но вопросъ этотъ такого рода что никогда не рѣшится для всѣхъ одинаково, потому что онъ не можетъ быть рѣшенъ однимъ разсужденіемъ. Цѣль искусства, говорятъ, удовольствіе. Спрашивается: что̀ доставляетъ намъ удовольствіе? Очевидно то что̀ согласуется съ нашею природой, содѣйствуетъ такъ или иначе нашему благосостоянію, удовлетворяетъ какой-нибудь нашей потребности. Не это ли же цѣль другихъ нашихъ дѣлъ и работъ? Можно ли представить себѣ чтобы человѣкъ охотой посвятилъ себя чему-нибудь что̀ доставляло бы ему неудовольствіе, уменьшало бы его благосостояніе, противорѣчило бы его природѣ? Если мы трудимся не жалѣя себя, если мы подвергаемся лишеніямъ, опасностямъ, то не потому ли что благо котораго мы достигаемъ цѣннѣе для насъ тѣхъ благъ которыми мы жертвуемъ; не потому ли, другими словами, что удовольствіе доставляемое намъ трудомъ, лишеніями, опасностями, перевѣшиваетъ причиняемыя ими непріятныя ощущенія? Ясно что блага доступныя человѣку, а слѣдовательно и доступныя ему удовольствія, имѣютъ разныя степени. Есть такія которыя онъ раздѣляетъ съ животными, есть такія которыя принадлежатъ ему одному. Вкусная пища, удобное житье, всѣ воспринимаемыя пятью чувствами пріятныя ощущенія, не составляютъ исключительной принадлежности человѣка, но ему одному принадлежитъ испытывать удовольствіе отъ того что̀ не воспринимается внѣшними чувствами: отъ справедливости, отъ самоотверженія, отъ истины. Ему принадлежитъ способность такимъ неосязаемымъ благамъ придавать осязательную форму, создавать предметы показывающіе наглядно все что̀ есть луч-

шаго вокругъ него и въ немъ самомъ. Это дѣлаетъ искусство. Почему же будемъ мы отрицать его пользу? Почему, если все что̀ намъ полезно тѣмъ самымъ доставляетъ намъ удовольствіе, и наоборотъ, будемъ мы считать искусство менѣе серіознымъ занятіемъ нежели другія занятія, удовлетворяющія различнымъ потребностямъ человѣка?

Все это хорошо; бѣда только въ томъ что я отрицаю самую исходную точку этого длиннаго и казалось бы послѣдовательнаго разсужденія. Мнѣ искусство не доставляетъ удовольствія. Глядя на строеніе, на статую, на картину, слушая музыку, читая стихотвореніе, я не испытываю ощущенія болѣе пріятнаго чѣмъ когда гляжу на обои, на кресло, на лампу, слушаю бой часовъ, читаю *Полицейскія Вѣдомости*. Стало-быть я не могу признать искусство серіознымъ дѣломъ, не вижу пользы какую оно приноситъ. На такое возраженіе нечего отвѣчать. Красота опредѣляется чувствомъ и не существуетъ помимо его. Нельзя доказать умозрительно, логическимъ разсужденіемъ, что извѣстное сочетаніе линій, красокъ и звуковъ пріятно. Если я не ощущаю этого, то этого нѣтъ для меня. Я въ правѣ отрицать для себя пользу искусства, но не въ правѣ отрицать ее для другихъ. Изъ того что я не бросилъ бы дворъ калифа для степной глуши не слѣдуетъ чтобъ Іоаннъ Дамаскинъ не долженъ былъ бросить его.

Живая, свѣтлая радость наполняетъ душу поэта, когда раздавъ казну свою бѣднымъ, замѣнивъ богатый уборъ простою одеждой, онъ съ посохомъ и сумой выходитъ изъ стѣнъ дворца въ широкое приволье лѣсовъ и полей:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!

О, еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Іоаннъ идетъ въ пустынную обитель. Тамъ среди простыхъ набожныхъ отшельниковъ онъ надѣется свободно и сецѣло отдаться своему призванію, словами и звуками возвѣщать и славить вѣчную правду.

И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.
—Тебя привѣтствую, пустыня!
Къ тебѣ стремился я всегда!
Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
Пріютомъ пѣсенъ и труда.
Всѣ попеченія мірскія
Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
Приноситъ вамъ, отцы святые,
Свой даръ и гусли новый братъ.

Но вмѣсто желанной свободы поэта встрѣчаетъ неволя болѣе тяжкая чѣмъ та отъ которой ушелъ онъ. Не всѣмъ понятна тѣсная связь искусства съ вѣрой, не всѣ сознаютъ что воспроизводить рѣзцомъ, кистью, звуками и словами вѣчную красоту Божіихъ твореній, значитъ тоже служить Творцу. Односторонній аскетизмъ видитъ въ Божьемъ дарѣ соблазнъ, въ мечтахъ поэта грѣховную гордость.

Держать посты уставы намъ велятъ,
Служенья жь мы не вѣдаемъ иного,

говоритъ суровый старецъ Іоанну.—

Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню
Умѣй мечты житейскія попрать,
И на уста, смиривъ свою гордыню,
Ты наложи молчанія печать.

Нежданный приговоръ какъ громъ поражаетъ пѣвца.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто бы отвѣта онъ искалъ—
Но отвѣчать не доставало мочи.
И тихо началъ онъ:—Всю бодрость силъ,
И мысли всѣ, и всѣ мои стремленья
Одной я только цѣли посвятилъ:
Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣньи.

Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать—
Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ;
Весельемъ сердце не взыграетъ болѣ,
Уста сомкнетъ молчанія печать.
Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
Что я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ!
Моей отрадой было пѣснопѣнье—
И въ жертву ты, Господь, его избралъ.
Настаньте жъ дни томленія и муки!
Прости, мой даръ! Ложись на гусли прахъ!
А вы, въ груди взлелѣянные звуки,
Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

И вотъ Іоанна охватываетъ безмолвіе суровой, спаленной пустыни.

Въ глубокомъ ущельи,
Какъ гнѣзда стрижей
По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынныя кельи,
Но рѣчи не слышно ничьей.
Все тихо, пока не сберется къ служенью
Отшельниковъ рой,
И вторитъ тогда ихъ обрядному пѣнью
Одинъ отголосокъ глухой.
А тамъ надъ краями долины,
Безлюдной пустыни царитъ торжество,
И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
Все пусто кругомъ и мертво.
Какъ жгучее бремя,
Такъ небо усталую землю гнететъ,
И кажется будто бы время
Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полетъ.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голоднаго льва;
И снова наступитъ молчанье,
И снова шумитъ лишь сухая трава,
Когда изъ-подъ камней змѣя выползая
Блеснетъ чешуей....

Наконецъ предъ смиреніемъ, предъ усердіемъ, предъ нравственною силой Іоанна колеблется самоувѣренность стараго монаха: въ немъ пробуждается сознаніе что не гонимый имъ пѣвецъ, а самъ онъ грѣшенъ въ гордости, что поэтическій даръ кажется ему безплоднымъ, ненужнымъ, потому только что самъ онъ имъ не обладаетъ. Ему является видѣнье. „Почто ты гонишь Іоанна?“—говоритъ оно:—

Его молитвенные звуки
Какъ голосъ неба для земли
Въ сердца послушныя текли,
Врачуя горести и муки.
Почто жь ты, старецъ, заградилъ
Нещадно тотъ источникъ сильный,
Который міръ бы напоилъ
Водой цѣлебной и обильной?
На то ли жизни благодать
Господь послалъ своимъ созданьямъ,
Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
Себя казнить и убивать?

Но радость поэта которому ничто уже не мѣшаетъ жить для поэзіи не такъ удалось Толстому выразить какъ горе причиненное непониманіемъ; можетъ-быть оттого что послѣднее чувство было ему знакомѣе перваго. Въ концѣ *Іоанна Дамаскина* мы видимъ ту искусственность которая показываетъ что авторъ старается произвести на читателя такое впечатлѣніе какого самъ не испытываетъ въ то время какъ пишетъ.

Между стихотвореніями А. К. Толстаго значительное мѣсто занимаютъ такъ-называемыя былины. Лучшими изъ нихъ кажутся намъ: *Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь*, *Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ*, *Канутъ*, *Змѣй Тугаринъ*, *Сватовство.* Это старыя сказанія, пересказанныя языкомъ старающимся приблизиться къ старому народному. Можно спорить о достоинствѣ этого рода произведеній, этого языка. Тутъ, несомнѣнно, много искусственнаго. Трудно возсоздать воображеніемъ богатырскій бытъ; трудно даже напомнить складъ рѣчи временъ Владиміра. Но эпическій міръ такъ полонъ могучей свѣжей поэзіи что и блѣдное отраженіе его дѣйствуетъ на насъ обаятельно. Въ этой далекой, полузабытой старинѣ чувствуется намъ что-то близкое, родное, и любовь къ ней поэта заставляетъ забыть неисполнимость его задачи. Лица очерчены слабо и произвольно, событія переиначены, но существенные мотивы схвачены вѣрно. Пусть Корсунь былъ взятъ не такъ какъ разказывается въ пѣснѣ Толстаго, но переломъ совершившійся въ душѣ Владиміра подъ вліяніемъ христіанства выраженъ ярко. Мы видимъ грознаго воина возвращающагося съ похода другимъ человѣкомъ.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.
Когда жь умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ начинаютъ дружины,
И громко доносятся съ разныхъ сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.
Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы;
И вотъ, передъ ними, на лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.
Владиміръ съ княжаго сѣдалища всталъ—
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье.
Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня,
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру, въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня...
И палъ на дружину Владиміра взоръ—
„Вамъ, други, до нынѣ со мною
Стяжали побѣду лишь мечъ да топоръ;
Но время настало, и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною.“

Краски картины принадлежатъ фантазіи, а не исторіи, но краски эти теплы и живы. Не то что̀ отжило изобразилъ намъ поэтъ, а то что̀ и теперь живетъ въ насъ. Не разстояніе отдѣляющее насъ отъ прошедшаго представляется намъ, а внутренняя, тѣсная связь съ нимъ, не порванная временемъ и событіями. Вотъ правда, искупающая все что̀ есть ложнаго въ этихъ „былинахъ“, дающая имъ, несмотря на всѣ недостатки, художественную цѣну. На языкъ ихъ сто̀итъ обратить вниманіе. Онъ отступаетъ отъ принятаго у насъ такъ-называемаго литературнаго языка. Гдѣ только представляется случай, поэтъ употребляетъ старыя слова, замѣняетъ книжные обороты рѣчи народными или разговорными.

Дворъ твой, княже, мнѣ не диво,

сердито ворчитъ Илья Муромецъ,

Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!...
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ,
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ.
Душно въ Кіевѣ, что въ скрынѣ,
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!
Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою—
Ну же, ну, шагай, чубарый!
Уноси Илью!

Жена пишетъ Кануту:

....Супругъ мой и князь!
Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрецъ нарядясь,
На Магнуса ты приглашенье.
Багрецъ твой сталъ кровью въ его терему;
Супругъ мой! Молю тебя слезно:
Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
Любимый, желанный, болѣзный!

Я городъ Мессину въ разоръ разорилъ,

говоритъ Гаральдъ Ярославу.

Непривычныя выраженія и сочетанія словъ встрѣчаются поминутно. Въ нихъ почитатели книжной рѣчи конечно усмотрятъ недостатокъ, но по нашему мнѣнію они составляютъ существенное достоинство, не малую заслугу. Нашъ русскій, богатый и сильный языкъ, бѣднѣетъ и слабѣетъ подъ вліяніемъ выдуманныхъ правилъ, произвольныхъ стѣсненій, неразумнаго подлаживанья подъ чужіе языки. Выучившись иностраннымъ грамматикамъ, мы наложили готовыя рамки на живой, еще слагающійся, не выработавшійся вполнѣ организмъ, и все что не входило въ эти рамки отбросили какъ ненужное, негодное. Такимъ образомъ мы искусственно остановили естественное развитіе языка, намѣренно отняли у него то именно въ чемъ

заключается его отличительный характеръ, его такъ-сказать индивидуальная жизнь. Отъ такого насилія потускнѣли краски свойственныя здоровью, пропала свободная гибкость, движеніе замѣнилось застоемъ, оскудѣли формы, предназначенныя вмѣщать все обиліе разнообразнаго, безпрестанно мѣняющагося содержанія. Кто давалъ себѣ трудъ сравнить внимательно русскій переводъ французскаго, нѣмецкаго или англійскаго литературнаго произведенія съ подлинникомъ, тотъ не могъ не замѣтить какъ безцвѣтно, тяжело и вяло выходитъ въ переводѣ то что̀ въ подлинникѣ полно легкихъ, тонкихъ, игривыхъ оттѣнковъ. Помочь причиненной нами самими бѣдности языка—одно средство: сойти наконецъ съ ложнаго пути на который вступили мы по недоразумѣнію, сбросить оковы добровольно на себя наложенныя, обратиться къ живымъ источникамъ, еще не изсякшимъ въ нашемъ народѣ, къ завѣщанной намъ стариной сокровищницѣ, слишкомъ долго уже остававшейся въ пренебреженіи. Областной говоръ, памятники древней русской рѣчи полны и теперь той силы, той выразительности которой недостаетъ нашему такъ-называемому литературному языку. Не чуждаться ихъ долженъ онъ, а съ любовью и смысломъ принимать отъ нихъ, перерабатывать, развивать все самородное, первобытное, своеобразное. Этимъ только путемъ можно достигнуть того обогащенія котораго мы напрасно ожидаемъ отъ присвоенія иностранныхъ словъ. Внося въ языкъ безъ разбору чужое, несвойственное, несродное ему, мы не усиливаемъ, а ослабляемъ, искажаемъ его. Можно, конечно, въ случаѣ надобности, заимствовать у другихъ то чего намъ недостаетъ, но безъ нужды обращаться къ чужой помощи, брать непринадлежащее намъ, не желая знать того что̀ наше по праву—странно и неразумно. Откажемся только отъ исключительности ни на чемъ не основанной, вспомнимъ то что̀ почему-то учили насъ забывать, рѣшимся вводить въ письменную рѣчь слова и обороты вышедшіе изъ употребленія, или не употреблявшіеся еще до сихъ поръ, и нашъ литературный языкъ оживится новою, полною, свѣжею жизнію. Всякій кто дѣлаетъ шагъ въ этомъ направленіи оказываетъ нашей литературѣ серіозную, существенную услугу. Такую услугу оказалъ ей графъ А. К. Толстой, не усомнившись пользоваться русскими выраженіями не встрѣчающимися въ образцахъ русской словесности.

На остальныхъ его произведеніяхъ не будемъ останавливаться. Драматическая поэма *Донъ-Жуанъ*, какъ показываетъ уже посвященіе ея памяти Моцарта и Гофмана, написана подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма и представляетъ талантливыя сцены прерываемыя слишкомъ длинными утомительными монологами, проблески юмора перемѣшанные съ отвлеченными разсужденіями, поэтическіе порывы заглушаемые замысловатою искусственностью. Это одна изъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ въ которыхъ не выяснились мысли тѣснившіяся въ умѣ поэта, не очертились отчетливо образы носившіеся предъ его воображеніемъ, изъ отрывковъ, мѣстами прекрасныхъ, не создалось художественное цѣлое.

Мелкія стихотворенія Толстаго выражаютъ, какъ бываетъ обыкновенно, временное, мѣняющееся настроеніе: иныя изящно и ярко, другія неопредѣленно и сбивчиво. Во многихъ изъ нихъ содержаніе не уложилось въ форму, поэтъ не сказалъ того что̀ хотѣлъ сказать. Часто замѣтна склонность къ разсужденію, нѣкоторая придуманность, нѣкоторая изысканность въ образахъ, но встрѣчаются легко набранныя картины на которыхъ глазъ отдыхаетъ, звуки которыхъ гармонія западаетъ въ душу.

Мы хотѣли напомнить поэта, не цѣнимаго, какъ намъ кажется, по достоинству, побудить читателя еще разъ заглянуть въ книгу находившуюся въ рукахъ у многихъ, но слишкомъ небрежно перелистанную, слишкомъ рано отложенную въ сторону. Если горячая любовь къ искусству, серіозное пониманіе его задачи и добросовѣстное стараніе исполнить ее по мѣрѣ силъ, если талантъ, укрѣпляемый, отрезвляемый трудомъ, живая чуткость не къ минутнымъ только, а къ постояннымъ интересамъ общества и твердая вѣра въ силу идей заслуживаютъ вниманія и памяти, графъ А. К. Толстой не долженъ быть забытъ. Въ его произведеніяхъ можно найти не мало недостатковъ, но въ нихъ чувствуется всегда та высота духа, та нравственная чистота, которая составляетъ существенную черту истиннаго искусства и отсутствіе которой не вознаграждается даже геніальностью; въ нихъ чувствуется убѣжденіе автора что красота неразлучна съ правдой и добромъ.

И. ПАВЛОВЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

LXXXIII

Никогда еще такъ угрюмо не проходилъ завтракъ въ Сицкомъ какъ въ этотъ день. Отыгранный *Гамлетъ* словно унесъ съ собой и весь тотъ духъ оживленія и веселости которымъ дышало до сихъ поръ молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Всѣ они какъ бы поприуныли, какъ бы поопустились. Слѣды вчерашней усталости читались на ихъ лицахъ, вмѣстѣ съ ощущеніемъ какой-то пустоты и того необъяснимаго, но неизбѣжнаго безпокойства которое овладѣваетъ каждымъ изъ постороннихъ лицъ въ домѣ, гдѣ между хозяевами происходитъ что-то неладное, какъ бы ни скрыто оно было отъ чужихъ глазъ.... А этимъ чѣмъ-то неладнымъ такъ и пахло теперь въ Сицкомъ. Непонятный отъѣздъ Надежды Ѳедоровны, о конечной цѣли котораго стало тотчасъ же извѣстнымъ во всѣхъ углахъ дома, отсутствіе княгини за завтракомъ, тоскливое настроеніе княжны Лины и ея дяди, сквозившее сквозь ихъ обычную привѣтливость и спокойный видъ, пустыя

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 6, 7, 8 10, и 11.

— Что это насъ такъ мало сегодня? Куда вся вчерашняя компанія дѣвалась?

— Кто у Солнкова, а кто у Храповицкаго, а кто въ отъѣзжій полкъ, въ Удиральскую роту записался, отвѣчалъ шутъ.

— Ахъ, какъ это старо! уронила свысока барышня, поморщившись,—вы бы что-нибудь новое выдумали!

— Нельзя, отвѣтилъ онъ, вытягивая неестественно-длинное лицо,—постъ насталъ, послѣ кутежа—кутья.

Она засмѣялась:

— Вотъ это правда; такія у всѣхъ лица сегодня будто за поминальнымъ обѣдомъ.... Надѣюсь что не такія они будутъ сегодня вечеромъ, на нашемъ торжествѣ съ вами, а?... Иванъ Ильичъ, крикнула она черезъ столъ Вальковскому,—будетъ у насъ утромъ репетиція?

— Непреложно сварганимъ! отпустилъ въ отвѣтъ тотъ, отваливая себѣ полную тарелку грибовъ.

У самаго уха барышни зашепталъ въ эту минуту таинственно докладывавшій голосъ:

— Ихъ сіятельство княгиня Аглая Константиновна приказали просить васъ, какъ изволите откушать, немедленно пожаловать къ нимъ.

Ольга невольно вздрогнула и отъ неожиданости, и отъ новой тревоги; та же мысль что ея свиданіе съ Ашанинымъ могло быть кѣмъ-нибудь доведено до хозяевъ дома ходуномъ заходила теперь въ ея головѣ.... Но она никому не дала замѣтить своего смущенія, улыбнулась, сказала черезъ плечо слугѣ „хорошо сейчасъ буду“, и повернувъ голову ко флигель-адъютанту сказала ему шутливо:

— Княгиня рѣшительно безъ меня жить не можетъ,—сейчасъ прислала просить къ себѣ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, живо сказалъ тотъ,—позвольте мнѣ просить васъ узнать отъ княгини когда дозволитъ она мнѣ придти къ ней проститься.

— Непремѣнно, графъ, и приду съ отвѣтомъ.... Лина, pardon, я ухожу къ вашей maman, сказала она, подымаясь тутъ же.

Ашанинъ, едва кончился завтракъ, побѣжалъ на верхъ, къ Софьѣ Ивановнѣ.

LXXXIV.

— Милочка моя, княгинюшка, прелесть моя, вбѣгая въ будуаръ княгини, щебетала Ольга Елпидифоровна обычные ей ласкательные эпитеты по адресу своей покровительницы, стараясь придать голосу своему и наружности выраженіе полной беззаботности и веселости,—вы за мной посылали! Какъ вамъ не стыдно! Неужели вы думаете что я бы сама... Но я ужасно заспалась сегодня, не успѣла еще... Княгинюшка моя, голубушка!...

И она съ разбѣга кинулась обнимать и лобызать ее.

Цѣлованья эти приходились повидимому по вкусу Аглаѣ Константиновнѣ: она только подставляла подъ свѣжія губы барышни то одну щеку, то другую, прищуривая при этомъ одинъ за другимъ круглые глаза свои и отвѣчая на каждый получаемый ею звонкій поцѣлуй не менѣе звонкимъ вздохомъ.

— Голубушка моя, княгинюшка, воскликнула Ольга,—вы рѣшительно нездоровы! У васъ голова болитъ, — да?... Вы такъ вздыхаете... Что съ вами?..

— Ты меня спроси какъ я еще на ногахъ держусь послѣ всего что я вынесла! забывая даже сказать это по-французски,—такъ глубоко сидѣло въ ней огорченіе, — отвѣтила на это княгиня.

— Боже мой, что же такое случилось?

— Lina et mon cher beau-frère ont décidé de me faire mourir de chagrin!... И Аглая разразилась слезами....

Послѣдовало объясненіе,—объясненіе подробное, безтолковое, нестерпимое, со вставкой въ него всякихъ аховъ, возгласовъ и постороннихъ подробностей, въ которомъ на одномъ и томъ же планѣ стояли, какъ величины равномѣрныя, и „désobéissance" Лины, которую „эта madame Pereverzine et son neveu qui est un sans-culotte" совсѣмъ съ ума свели, и огромный счетъ въ douze mille francs за вчерашній день, и воспоминанія объ „infidélités" князя Михайлы, и „trois cent mille de dettes" (то-есть, trois cent mille roubles), приписываемые „au jeune comte par cette princesse Dodo qui est si méchante", и „cette folle de Надежда Ѳедоровна", влюбившаяся на старости лѣтъ въ Гундурова и на мѣсто кото-

рой Аглая теперь не знаетъ кого взять, и наконецъ „Larion“, который наговорилъ ей такихъ „impertinences“ за то что она любитъ „prendre le thé avec monsieur Зяблинъ“ какихъ она въ жизнь свою никогда еще не слыхала, и даже „il y avait un moment“ когда она „совсѣмъ думала что онъ прибьетъ ее“....

Ольга слушала, старательно изображая на лицѣ своемъ вниманіе самаго сочувственнаго свойства, и говоря себѣ мысленно въ то же время что на мѣстѣ князя Ларіона она дѣйствительно „поколотила бы эту несносную дуру“, отъ разказовъ и жалобъ которой у нея начинало уже нестерпимо ныть подъ ложечкой.... Но во всемъ этомъ было то хорошо что о ней и объ Ашанинѣ не было рѣчи, что опасенія ея такимъ образомъ оказывались неосновательными....

Какъ же выразить изумленіе и ужасъ нашей барышни, когда въ заключеніе слезнаго повѣствованія Аглаи Константиновны о ея горестяхъ услыхала она слѣдующія слова:

— И онъ (то-есть князь Ларіонъ) прямо, en toutes lettres, объявилъ мнѣ уходя что онъ не хочетъ чтобы Лина épouse le jeune comte, что онъ этого мнѣ не позволитъ... понимаешь ты это? не позволитъ à moi, sa mère, qui l'ai mise au monde!.. и также то что ты должна уѣхать отсюда.

Ольга въ первую минуту не повѣрила ушамъ своимъ:

— Что̀ вы сказали? Я... уѣхать?...

— Да, сегодня же, il l'éxige, ma chère! повторила утирая глаза княгиня.

„Все знаютъ!“ громовымъ ударомъ отозвалось у барышни въ самой глубинѣ ея существа....

Но она не склонила головы подъ этимъ ударомъ, она надменно подняла ее напротивъ, и глядя на хозяйку во всѣ глаза:

— За что̀ же наносится мнѣ это оскорбленіе? твердо проговорила она,—чѣмъ я провинилась, можно узнать?

— Это онъ за то возненавидѣлъ тебя, ma chère, захныкала та ей въ отвѣтъ,—что ты говоришь про него что онъ amoureux fou de sa nièce....

Ольга такъ и вскочила, всплескивая руками:

— Но кому же, кому же я когда-нибудь это говорила?... Вѣдь никому на свѣтѣ, кромѣ вамъ одной... изъ моей преданности къ вамъ... Кто же могъ сказать это ему?

Аглая захлопала глазами, какъ бы удивляясь такому вопросу:

— Я, Ольга, c'est moi qui le lui ai dit; онъ требовалъ непремѣнно чтобъ я сказала ему кто мнѣ сказалъ про это, я и сказала...

— Вы! вы рѣшились!.... Такъ вы забыли что я умоляла васъ не говорить... что это можетъ повредить мнѣ, отцу моему.... и вы клялись, божились на образа что никто не узнаетъ... И вы теперь...

— Mon Dieu, Olga, comme tu es drôle, перебила ее недовольнымъ тономъ Аглая Константиновна,—конечно je t'ai juré что я ему не скажу, но я тебѣ говорю что онъ былъ такой злой что я думала un moment qu'il allait me battre; я ему и сказала.

Ольгѣ стало вдругъ такъ гадко что потокъ упрековъ готовый сорваться съ ея языка мгновенно стихъ и замеръ на ея устахъ. Она пристально и враждебно взглянула еще разъ на эту тупую и безсердечную женщину, и засмѣялась язвительнымъ, недобрымъ смѣхомъ:

— Я, конечно, не останусь ни часу долѣе въ вашемъ домѣ, княгиня, но вы знаете что я должна была играть вечеромъ на театрѣ, что изъ-за этого у васъ до сихъ поръ здѣсь гости, публика. Какъ же вы велите мнѣ отвѣчать—вѣдь всѣ спрашивать станутъ,—почему этого спектакля не будетъ и отчего я уѣзжаю? Можетъ-быть, такъ и говорить всѣмъ прикажете что князь Ларіонъ Васильевичъ выгоняетъ меня отсюда потому что онъ влюбленъ въ свою племянницу, и употребляетъ всѣ средства чтобъ она не выходила замужъ, что я это замѣтила и предварила васъ объ этомъ изъ дружбы, а вы поспѣшили выдать меня ему, испугавшись что онъ васъ прибьетъ за то что вы любите пить чай съ господиномъ Зяблинымъ? Вѣдь изъ того что̀ вы мнѣ сказали такъ, кажется, выходитъ?..

Не одинъ „Калабрскій бригантъ“ умѣлъ, какъ видно, говорить съ нашею княгиней: слова барышни доняли ее, что̀ называется, до живья. Ей сразу представилось что изо всего этого можетъ выйти „une histoire affreuse,“ сплетня, говоръ, скандалъ, который можетъ дойти „jusqu'à Pétersbourg“, что князь Ларіонъ, „qui n'est plus en faveur, mais qui a toujours une grande position dans le monde“, захочетъ тогда оправдаться и отомстить ей, и можетъ въ такомъ случаѣ написать „une lettre confidentielle à sa Majesté l'Empereur“ про отношенія ея къ Зяблину,—словомъ ужасы неописанные!..

Она отчаянно замахала обѣими руками:

— Что̀ ты, что̀ ты, Ольга, mais tu es tout-à-fait folle!.. Ты! ты хочешь всѣмъ разказывать! Развѣ ты не знаешь что dévoiler des secrets de famille—c'est un crime, Olga!

Злое чувство засверкало въ глазахъ барышни, ей любо было потѣшиться этимъ испугомъ который внушала она своей „предательницѣ"...

— Это ваши тайны, а не мои, хихикнула она,—мнѣ-то изъ-за чего ихъ хранить? Меня выгоняютъ отсюда; какъ же мнѣ отвѣчать когда спросятъ меня за что̀? Солгать что̀ ли на себя самую, поклепъ какой-нибудь взвести, сказать что я въ вашемъ домѣ неприличное что-нибудь сдѣлала, не это ли еще прикажете? дерзко промолвила она, совершенно успокоенная теперь насчетъ собственной тайны, и почерпая въ этомъ необыкновенную смѣлость:—ужь не пожертвовать ли вамъ, въ благодарность за поступокъ вашъ со мною, моею репутаціей de jeune personne comme il faut?

Аглая захныкала въ десятый разъ съ утра:

— Mais, mon Dieu, Olga, ты очень хорошо знаешь что это не я, а Larion, что я тебя, au contraire, всегда любила, потому что ты une fille d'esprit et aimable... И я ему говорила что ты сегодня должна играть et qu'on ne peut pas te renvoyer aujourd'hui, но онъ ничего слышать не хочетъ!

— Очень вамъ благодарна за такое предстательство, отвѣтила тѣмъ же язвительнымъ тономъ барышня,—и очень жалѣю что оно ни къ чему не повело; вы видите поэтому что мнѣ ничего не остается какъ разказывать все какъ есть.

— Mais c'est impossible, Olga, tout-à-fait impossible! вскрикнула Аглая Константиновна; — что̀ будутъ говорить про меня... и про всѣхъ... et puis Larion мнѣ бы этого никогда не простилъ... Послушай, Ольга, вдругъ осѣнилась она блестящею мыслью,—я знаю что ты une pauvre fille, и что когда ты не будешь жить у меня ты много потеряешь... pour la toilette et le reste что̀ я тебѣ давала. Но я тебя не оставлю... я готова даже сейчасъ... j'irai jusqu'à mille roubles ma chère! съ внезапнымъ азартомъ выговорила Аглая,—только найди средство d'éviter le scandale!..

— Деньги! вскрикнула Ольга, вся задрожавъ отъ негодованія,—вы предлагаете мнѣ деньги, „mille roubles!.." Да скажите пожалуста, княгиня, за кого же вы меня почитаете?.. Я могла

принимать отъ васъ все, когда я была у васъ въ домѣ своя, un enfant de la maison,—я себя по крайней мѣрѣ почитала такою. А вы меня предали и гоните теперь вонъ какъ собаченку какую-нибудь, и чтобъ я не говорила за что̀—вы мнѣ сулите деньги... Знаете, княгиня, это мнѣ просто смѣшно,—и она дѣйствительно захохотала нервнымъ, пронзительнымъ смѣхомъ,—у меня черезъ мѣсяцъ у самой будетъ сорокъ тысячъ дохода, такъ вотъ мнѣ что̀ ваши „mille roubles"! Можете ихъ отдать кому угодно... хоть тому самому съ кѣмъ вы пьете чай съ утра до вечера; ему, можетъ-быть, они нужны, а мнѣ не надо!..

Аглая Константиновна была до того поражена этою нежданною выходкой что ничего даже сообразить не могла. Это было нѣчто совершенно невѣроятное для нея и по смыслу рѣчей, и по дерзости ихъ. „La fille de l'исправникъ!" несльшно бормоталъ только языкъ ея...

А у нея, у этой „fille de l'исправникъ" были козыри въ рукѣ,—и она это понимала. Изгнанiе ея изъ Сицкаго рѣшало ея судьбу... Она могла колебаться, откладывать до этой минуты; теперь же все было кончено и рѣшено въ ея живой и сообразительной головѣ, планъ начертанъ, исполненiе въ ея волѣ... Она заговорила коротко, рѣзко, чуть не повелительно:

— Вы, княгиня Шастунова, насплетничали на бѣдную дѣвушку, и теперь боитесь чтобъ она вамъ не надѣлала скандала... „mille roubles" готовы дать чтобъ его не было... Извольте, скандала не будетъ... и рубли ваши въ карманѣ у васъ останутся, презрительно примолвила Ольга.—И не для васъ я это дѣлаю, прямо говорю, а для отца моего, на службѣ котораго это могло бы отозваться... Да и то!—И она высокомѣрно качнула головой. — Однимъ словомъ, скандала не будетъ, потому что я не хочу. Но для этого вы должны сдѣлать то что̀ я вамъ скажу.

Аглая Константиновна продолжала глядѣть на нее непомѣрно расширивъ зрачки и рѣшительно не чувствуя себя въ состоянiи понять, какъ эта „дѣвчонка", состоявшая у нея на побѣгушкахъ, „une autre Надежда Өедоровна comme position",—какими чудесами преобразилась она вдругъ въ эту дерзкую, рѣшительную, „командующую ей" особу!.. И эти „сорокъ тысячъ дохода" о которыхъ она говоритъ... откуда

это, что?.. „Во снѣ это или на яву я слышу?“ проносилось въ головѣ Аглаи.

А въ то же время она чувствовала себя въ полной власти этой особы... Ей бы слѣдовало окрыситься, протестовать противъ этой „insolence“, смутно сказывалось въ ея сознаніи, слѣдовало „remettre cette donzelle à sa place...“ А она, безпомощно ворочая зрачками и не отводя ихъ отъ барышни, могла только выговорить робко и покорно:

— Что же я должна сдѣлать, Ольга?...

— Скажитесь больной не на шутку, лягьте въ постель, „закомандовала“ тотчасъ та,—прикажите даже чтобы послали за докторомъ въ городъ,—онъ самъ въ постели второй мѣсяцъ и не будетъ,—все равно, всѣ будутъ знать... Вы скажете что вамъ очень хочется видѣть нашъ спектакль, но такъ какъ вы не можете на немъ быть, то вы просите отложить его на нѣсколько дней... Съ гостями вашими женироваться вамъ очень не для чего: изъ важныхъ ужь никого нѣтъ, нѣкоторые мущины только... вашъ молодой графъ уѣзжаетъ сегодня утромъ, я знаю... Я съ своей стороны скажу что охрипла, и что мнѣ нужно съ отцомъ въ городъ дня на два. А въ это время и остальные отсюда разъѣдутся... да и мнѣ самой будетъ уже не до спектакля, многозначительно протянула Ольга;—такимъ образомъ никто ничего не будетъ знать, и мы разойдемся съ вами какъ порядочные люди.

—Mais, Olga, ma chère, жалобнымъ голосомъ пискнула вдругъ Аглая Константиновна,—мнѣ очень скучно будетъ лежать въ постели, si je t'écoute!...

— Вы предпочитаете „скандалъ“? коротко отрѣзала на это барышня.

Аглая испуганно заерзала на своемъ диванѣ:

— C'est vrai что я сегодня въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ, совсѣмъ больна ото всѣхъ этихъ сценъ, заговорила она какъ бы вспомнивъ вдругъ, и тутъ же взялась за платокъ—утирать чаемыя слезы, — le repos me fera du bien... Mais, Olga, ma chère, я не могу никого не принимать, мнѣ нужно... Le jeune comte, par exemple, долженъ быть ко мнѣ проститься.

— Да, сказала Ольга,—онъ меня даже просилъ сказать вамъ и ждетъ когда я приду съ отвѣтомъ... Этому я сама скажу что нужно... А если monsieur Зяблинъ будетъ приходить къ вамъ чай пить,—она взглянула на княгиню и свысока улыбнулась,—такъ это тѣмъ лучше: онъ выходя отсюда будетъ

такъ усердно испускать вздохи что̀ напугаетъ каждаго насчетъ вашего здоровья.

Аглая опустила глаза не то стыдливо, не то самодовольно. Страхъ „скандала“ нисколько не мѣшалъ тому сюсюкающему чувству нѣжнаго томленія которое неукоснительно испытывала сорокалѣтняя барыня при одной мысли о страсти къ ней „бриганта“...

— А теперь прощайте, княгиня, молвила вставая Ольга,— примите мою благодарность за всѣ ваши ко мнѣ милости, прошедшія и *настоящія*, подчеркнула она съ короткимъ, ироническимъ смѣхомъ.—Лину поцѣлуйте, если я ея не увижу... ей теперь не до меня, я знаю!... А князю Ларіону Васильевичу посовѣтуйте поостыть немножко,—въ его годы юношескій жаръ никуда не годится...

— Olga, ma chère, воскликнула на эти слова какъ бы внезапно проснувшись Аглая Константиновна,—il doit t'être arrivé quelque chose de très heureux что ты вдругъ стала говорить теперь avec tant d'assurance?

— Можетъ-быть... Не увидите, такъ услышите! громко засмѣялась на это барышня, поклонилась и вышла.

LXXXV.

Въ первой гостиной застала она графа Анисьева; онъ опустивъ голову и крутя усы въ раздумьи ходилъ, въ ожиданіи ея, по комнатѣ.

— Княгиня одна, можете идти къ ней, графъ, сказала Ольга съ порога.

— Какой сеансъ у васъ былъ продолжительный! молвилъ онъ, подходя и улыбаясь.

— Да, отвѣтила она, улыбаясь тоже,—продолжительный... и рѣшительный, для меня по крайней мѣрѣ.

— А что̀?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Уѣзжаете!...

— Съ тѣмъ чтобы никогда сюда не возвращаться.

На лицѣ флигель-адъютанта изобразилось изумленіе и какое-то безпокойство.

— Что̀ же это.... ссора? проговорилъ онъ уже шепотомъ.

Ольга помолчала чуть-чуть, глянула ему въ лицо....

— Я вамъ скажу, потому что это вамъ, я думаю, пригодиться можетъ, начала она озираясь затѣмъ;—моего отъѣзда требуетъ этотъ противный старикашка князь, дядя Лины... Онъ, надо вамъ сказать, препламенный... онъ и за мною одно время ухаживалъ... Только главная его страсть—княжна... вы можете вообразить, родная племянница!... И онъ теперь рветъ и мечетъ, и всякія средства употребляетъ чтобъ она ни за кого не вышла замужъ, ни за васъ, ни за этого Гундурова... Я это давно замѣтила, и когда княгиня начала мнѣ говорить о васъ—еще далеко до вашего пріѣзда сюда—я ее предварила объ этомъ, и что онъ навѣрное будетъ отсовѣтывать и возбуждать Лину противъ васъ. Все это, разумѣется, я говорила ей подъ величайшимъ секретомъ и она клялась и божилась не выдавать меня... И вдругъ по своей непроходимой глупости и трусости,—вы, я думаю, сами поняли чтò это за женщина!—она возьми да и бухни все это прямо въ лицо князю, который сказалъ ей что-то насчетъ этого ея *protégé*, Зяблина, лукаво подчеркнула барышня,—и тутъ же испугалась, я выдала меня руками и ногами... Онъ само собою разсвирѣпѣлъ... И вотъ я какъ Агарь,—кажется ее Агарью звали, эту которую прогнали, вы знаете, въ Священномъ Писаніи?—удаляюсь теперь въ пустыню...—И Ольга Елпидифоровна весело засмѣялась.—Да, вотъ еще: Гундуровъ этотъ чрезъ свою тетку просилъ сегодня руки княжны, но ему самымъ рѣшительнымъ образомъ отказали... Впрочемъ старуха вамъ это, навѣрное, все сама подробно разкажетъ... А я передаю вамъ главное для того чтобъ вы на всякій случай взяли къ свѣдѣнію...

— Возьмемъ-съ, возьмемъ-съ.... какъ бы про себя проговорилъ петербургскій воинъ, прослушавшій весь этотъ разказъ то сжимая, то разжимая брови, согласно съ тѣми соображеніями какія вызывалъ онъ въ его хитродумной мысли;—а теперь... началъ было онъ, подымая на барышню вопросительный и какъ бы вдругъ просвѣтлѣвшій взглядъ...

— А теперь, подхватила она налету, — вашъ адресъ въ Петербургѣ?

— Моховая, домъ Слатвинскаго....

— Вы позволите мнѣ, когда я буду въ Петербургѣ, прислать вамъ сказать что я пріѣхала?

— Помилуйте, я буду счастливъ... Но развѣ вы думаете...

Она взглянула еще разъ ему въ глаза своимъ долгимъ, возбудительнымъ взглядомъ:

— Я думаю поступить по вашему совѣту, медленно вы-ворила она.

Онъ въ первую минуту не вспомнилъ....

— Вчера, въ мазуркѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ!..—Глаза его внезапно загорѣлись.—Что же, это прелестно, Ольга Елпидифоровна, умно....

Она встряхнула плечами:

— „Прелестно"—не знаю... „умно"—вѣроятно... когда другаго пути нѣтъ, проронила она, подавляя вздохъ.—Во всякомъ случаѣ, за совѣтъ спасибо! И она ему протянула руку.

Онъ, какъ вчера, быстро и осторожно оглянулся, схватилъ обѣими своими эту полную, свѣжую, красивую руку и приникъ къ ней выше кисти горячими и жадными губами...

— Совѣтникъ всегда къ вашимъ услугамъ, прошепталъ онъ;—можетъ ли разчитывать онъ и впередъ на подобныя награды?

— Какъ знать чего не знаешь! смѣясь отвѣтила Ольга довольно вульгарною фразой, отъ которой изящнаго флигель-адъютанта чуть-чуть покоробило опять.—А вотъ что, графъ, сказала она, отымая у него свою руку и кивая головой черезъ плечо на аппартаментъ княгини,—эта умная женщина ужасно боится чтобъ я не разказала всѣмъ этихъ ея „secrets de famille"; такъ мы положили такъ что она скажется больною, ляжетъ даже въ постель, сегодняшній спектакль будетъ отмѣненъ, и я подъ этимъ предлогомъ уѣду домой безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ.... Вы поняли?

— Совершенно! многозначительно улыбнулся на это смѣтливый Петербуржецъ:—вернувшись отъ княгини я скажу всѣмъ что нахожу ее весьма серіозно занемогшею и что не дурно было бы послать за докторомъ....

— Ахъ, какой вы умный, право, прелесть! вскликнула барышня,—я только-что объ этомъ именно хотѣла просить васъ сейчасъ... Ну, прощайте, графъ, мы съ вами вѣроятно здѣсь болѣе не увидимся,—я ранѣе васъ отсюда уѣду.

— Но въ Петербургѣ? спросилъ онъ тихо, не отрываясь глазами отъ ея соблазнительнаго облика.

— Тамъ непремѣнно.

— Скоро?

— Осенью, къ открытію Италіянской оперы, сказала она, какъ вещь порѣшенную.

— Надо бы вамъ пораньше.... устроиться.... Напишите

когда соберетесь,—мы постараемся соорудить вамъ un petit coin de paradis terrestre....

Онъ наклонился было еще разъ къ ея рукѣ, но она быстро откинула ее отъ него за спину, присѣла предъ нимъ большимъ, офиціальнымъ, институтскимъ реверансомъ—и со словами „хорошенькаго понемножку!“ выбѣжала, не оглядываясь на него, изъ гостиной.

Она спускалась съ лѣстницы, когда снизу раздался грубый голосъ „фанатика“:

— Что это вы тамъ балуетесь пусто, ждать васъ только приходится всегда! На репетиціи ужь всѣ!..

— Репетиція тю-тю! засмѣялась на это Ольга, прыгнувъ черезъ ступеньку.

— Что-о?!.

— И спектакль — фюить! свистнула она, прыгая черезъ другую.

Вальковскій однимъ прыжкомъ очутился на ступени рядомъ съ барышней.

— Вы меня морочить, аль что! Говорите толкомъ! забормоталъ онъ шипящимъ голосомъ.

— Безъ шутокъ, княгиня заболѣла, въ постели, сойти не можетъ, спектакль отмѣняется.

— До коихъ поръ?

— А когда выздоровѣетъ, должно-быть.

— Такъ она, можетъ, въ постели-то и Богъ знаетъ сколько проваландаться вздумаетъ! рявкнулъ „фанатикъ“.

— А этого ужь я не знаю, равнодушно проговорила Ольга Елпидифоровна, сходя въ сѣни.

Онъ очутился опять рядомъ съ нею.

— Такъ вѣдь до того разъѣдутся всѣ... Безъ публики играть что ли будемъ!..

Она только плечами пожала, и вышла на крыльцо.

Онъ звѣрски глянулъ кругомъ себя, какъ бы ища предмета на которомъ могъ бы сорвать свою злость, и не найдя ничего, повидимому, швырнулъ на полъ фуражку которую держалъ въ рукѣ, и бѣшено, съ какимъ-то дикимъ, волчьимъ рычаніемъ принялся топтать ее ногами...

— Бабы—куриный народъ! можно было только разслышать.

— Что тамъ такое? быстро обернулись на этотъ вой Духонинъ и Факирскій, стоявшіе на крыльцѣ, любуясь только

что въѣхавшею во дворъ лихою, подобранною стать ko стати тройкой гнѣдыхъ въ золоченыхъ и звенящихъ бляхахъ помщицки, запряженною въ щегольской съ иголочки небольшой тарантасъ, съ молодымъ русобородымъ кучеромъ въ гречневикѣ набекрень, убранномъ павлиньими перьями, и черной плисовой безрукавкѣ на красной шелковой рубахѣ навыпускъ...

— А это Левъ Гурычъ Синичкинъ собственною особой панихиду себѣ поетъ, отвѣтила на вопросъ расхохотавшись Ольга, между тѣмъ какъ Вальковскій ни на кого не глядя проносился мимо нихъ съ лихорадочно блуждавшими глазами, направляясь къ театральному флигелю...

Барышня передала двумъ пріятелямъ о болѣзни княгини, объ отмѣнѣ спектакля.

— Я очень рада этому, что меня касается, промолвила она:—вообразите, выходя отъ княгини сейчасъ, я попробовала сдѣлать руладу, и ни-ни, совсѣмъ голоса нѣтъ... Это Чижевскій вчера, послѣ мазурки, вздумалъ въ садъ всѣхъ повести, въ сырость,—нетрудно простудиться... Хорошо бы я пѣла сегодня вечеромъ!.. Я хочу воспользоваться этимъ и къ себѣ въ городъ съѣздить... Что̀, отецъ мой здѣсь?

— Нѣтъ, его я не видѣлъ, сказалъ Духонинъ;—вѣдь онъ графа провожать поѣхалъ.

— И говорилъ мнѣ что вернется сегодня къ завтраку, сказалъ въ свою очередь Факирскій;—задержали, видно...

— А это чьи лошади? спросила Ольга, прищурившись на гремѣвшую бубенцами своими и бляхами тройку на дворѣ:—пріѣхалъ кто или уѣзжаетъ?

— Это Ранцева тройка, отвѣтилъ студентъ, продолжая любоваться;—прелесть запряжка, не правда ли, Ольга Елпидифоровна?

— Капитана? протянула она,—куда же это онъ?

— Къ себѣ, въ Рай-Никольское.

— Для чего такъ?

— Не знаю. Послѣ завтрака разомъ собрался и велѣлъ запрягать.

Барышня громко разсмѣялась опять.

— Это онъ съ досады на меня за то что я не хотѣла сѣсть подлѣ него за столомъ. Уморительный!... А онъ мнѣ именно теперь нуженъ, сказала она тутъ же серіознымъ тономъ.—Семенъ Петровичъ, будьте такъ добры, сходите за

, и скажите ему чтобъ онъ сейчасъ же приходилъ въ, я буду ждать его тамъ у фонтана.

А если онъ спроситъ для чего, засмѣялся Факирскій,—ъ отвѣтить: для головомойки, или для поощренія?

Ольга засмѣялась тоже:

— Скажите только что раскаиваться не будетъ!

LXXXVI.

Какъ будто чуетъ жизнь двойную,
И ей обвѣяна она.

Фетъ.

Хорошо было въ саду, подъ развѣсистымъ кленомъ, на той каменной скамьѣ у фонтана на которой, глубоко задумавшись, сидѣла теперь наша барышня въ ожиданіи капитана... Капризными, перебѣгающими узорами ложились кругомъ нея свѣтъ и тѣни на красный песокъ дорожекъ, на густую зелень нескошенныхъ травъ: полуденные лучи, будто играя и радуясь, разбивались радужными брызгами въ пыли высоко бившаго предъ нею водомета. По горячей лазури неба бѣжали веселыя бѣлыя облачка, съ опаловыми отливами краевъ... Природа ласкала, нѣжила, убаюкивала, словно звала она все живущее уйти въ безбрежную ширь божественной красы своей и покоя....

Ольга сидѣла охваченная неожиданно этою таинственною, обаяющею силой... Мысль какъ бы замерла въ ней. Она знала что ей надо было думать о чемъ-то очень для нея рѣшительномъ и важномъ,—и не могла... Нервы ея, крайне возбужденные чрезмѣрнымъ расходомъ энергіи только что потраченной ею, какъ бы распускались теперь въ ощущеніи какого-то страннаго самоотчужденія. Предъ нею бѣжали картины, воспоминанія едва пережитой ею дѣйствительности, и это была для нея теперь будто чья-то посторонняя дѣйствительность, чей-то давно прочтенный, не интересный для нея романъ. Сцена съ княгиней, минувшая ночь съ извѣданными ею впервые безумными ласками, погромъ надеждъ которыми долго жила она, новая, возникающая предъ нею будущность,—все это сливалось во что-то, чего значеніе было какъ бы чуждо и не нужно ей, и проносилось мимо нея какъ

случайная лѣна струи уносимой теченіемъ... И ново, и жутко, и сладко было для нея это внезапное ощущеніе безучастія, оцѣпенѣнія личной жизни, и будто цѣлая вѣчность, казалось ей, уже успѣла пройти между этимъ и тѣмъ чѣмъ-то мимобѣгущимъ и „ненужнымъ“...

Заскрипѣвшіе по леску шаги пробудили ее на половину... Она медленно, неохотно повернула голову...

Капитанъ Ранцевъ робко приближался къ ней, облеченный въ свѣтлыя лѣтнія ткани и голубой галстукъ, и въ фуражкѣ съ краснымъ военнымъ околышемъ надъ гладко причесанными висками.

Все разомъ вернулось въ голову Ольги... „Вотъ она опять жизнь!..“ Она глубоко вздохнула и провела по лицу рукой.

Но помириться съ такимъ пробужденіемъ она въ первую минуту была не въ силахъ. Неблагосклоненъ былъ взглядъ которымъ взглянула она на своего пламеннаго обожателя.

— Вы опять въ этой фуражкѣ! встрѣтила она его этими словами;—сколько разъ говорила я вамъ что одно изъ двухъ, или военное, или штатское, а что при партикулярномъ платьѣ носить эту штуку на головѣ—въ высшей степени mauvais genre!

— И не ношу никогда-съ, окромя въ вояжъ, если ѣхать куда-нибудь, конфузливо и печально отвѣтилъ на это онъ, стоя предъ нею съ опущенными глазами.

— А вы хотите ѣхать?... Да, я слышала.... И это изъ-за меня? насмѣшливымъ голосомъ спросила она, помолчавъ.

Онъ помолчалъ тоже, и проговорилъ затѣмъ какъ бы со внезапною рѣшимостью:

— Такъ что̀ жь, Ольга Елпидифоровна, ужь лучше совсѣмъ не видѣть чѣмъ такія муки терпѣть!

Она засмѣялась:

— Это потому что я сказала вамъ что не каждый день праздникъ?

— Это-съ..... и прочее, одно къ одному.... Потому съ вами, Ольга Елпидифоровна, не знаешь никакъ когда милость, когда гнѣвъ, и угодить вамъ чѣмъ можно.... То-есть, просто подойти какъ къ вамъ не знаешь, ей Богу.... А ужь что̀ бы далъ, кажется, дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ капитанъ,— чтобъ успокоить васъ, чтобы не гнѣвались вы и не рѣзали понапрасну! Каждое слово ваше для меня безцѣнно, малѣйшій то-есть капризъ вашъ былъ бы счастливъ исполнить, лишь бы настоящее съ вашей стороны поощреніе....

Ольга взглянула на него опять и какъ будто въ первый разъ увидѣла глаза его, темные, глубокіе, съ мужественнымъ очеркомъ бровей и выраженіемъ почти дѣтскаго простодушія и доброты....

— Вы меня очень любите, Никаноръ Ильичъ? проговорила она съ медленною улыбкой.

Онъ весь вспыхнулъ:

— Отвѣчать даже на это безполезно, вскрикнулъ онъ,— потому сами, кажется, довольно должны это видѣть! Въ воду сейчасъ по первому вашему знаку кинусь, и за счастье почту!

— Это такъ и слѣдуетъ когда любишь, одобрила Ольга.— А помните ли что̀ я сказала вамъ вчера въ мазуркѣ?

— Это, то-есть, что я выучился ее въ Польшѣ танцовать? спросилъ онъ наивно....

— Нѣтъ, а что я испытываю васъ, хочу знать навѣрное, насколько я могу разчитывать на вашу любовь?

— Какъ не помнить! И онъ вздохнулъ всею грудью.

Она еще разъ примолкла на минуту:

— Испытаніе кончено, выговорила она затѣмъ,—я вамъ вѣрю. Берите!... И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее, недоумѣло, испуганно глянулъ ей въ лицо....

— Берите, повторила она, слабо усмѣхаясь,—совсѣмъ!...

Онъ вскрикнулъ, зашатался, схватился за розовый кустъ, у котораго стоялъ, накололъ себѣ имъ пальцы и упалъ на скамью подлѣ Ольги, зарыдавъ рыданіемъ безмѣрнаго, невыносимаго счастія....

— Совсѣмъ? Это навѣрное, не перемѣните? могъ только произнести онъ, судорожно прижимая руку ея къ своимъ губамъ.

Ольга была тронута.... И вдругъ все лицо ея запылало нежданною краской: ей вспомнились огненные глаза Ашанина, его жгучіе поцѣлуи....

— А вы держите крѣпко!... надо мною воля нужна! почти безсознательно вырвалось у нея... Но она тотчасъ же вернулась къ иному:—Слушайте, Никаноръ Ильичъ, поспѣшно заговорила она, — я не люблю ничего откладывать: свадьбу... Ахъ, я и забыла, въ этомъ мѣсяцѣ ужь нельзя,—Петровскій постъ...

— Двадцать девятаго числа кончается... Черезъ три недѣли ровно можно... Онъ глядѣлъ на нее между тѣмъ и гово-

рилъ себѣ мысленно: „Господи, дай только чтобъ это не былъ сонъ!...“

— Я согласна, сказала Ольга;—и на свадьбѣ никого, никакого парада, и прямо изъ церкви къ вамъ въ Рай-Никольское. У васъ вѣдь тамъ хорошо, вы говорили?

— Хоть сейчасъ вамъ въѣхать! Потому я, какъ по вашему обѣщанію, все ожидалъ что вы пріѣдете ко мнѣ съ Елпидифоръ Павлычемъ на денекъ, на два, такъ у меня все заново отдѣлано; кабинетъ для васъ даже особый и фортепіанъ новый, прямо изъ Петербурга, даже никто еще пальцемъ не притрогивался...

— И садъ, не правда ли, большой, тѣнистый? спросила она со внезапнымъ возвратомъ задумчивости.

— На десяти десятинахъ, старѣющій, дубы въ два обхвата человѣческіе; еще съ прошлаго года выпланировалъ я его вновь и въ порядокъ привелъ, потому у покойнаго владѣльца въ полномъ запущеніи оставленъ былъ...

— И я буду уходить туда когда мнѣ вздумается, и мнѣ никто мѣшать не будетъ, промолвила какъ бы про себя Ольга;—я вотъ тутъ сидѣла сейчасъ совсѣмъ одна... и такъ хорошо было, точно уносило куда-то... Со мною это бывало иной разъ когда я пою... точно собою перестаешь быть... Только это опять еще другое чувство...

Капитанъ глядѣлъ на нее, безконечно любуясь ею и откликаясь всею душой на произнесенныя ею слова. Онъ не подозрѣвалъ въ нихъ тайнаго смысла; онъ съ радостнымъ біеніемъ сердца говорилъ себѣ что она, она будетъ ходить по этому его старому саду въ Никольскомъ, куда, бывало, уязвленный или осмѣянный ею, уѣзжалъ онъ отъ нея и тоже „переставалъ быть собою“, лежа въ травѣ по цѣлымъ часамъ, вздыхая, плача и мечтая о ней до одурѣнія...

Но инымъ опять вѣтромъ тянуло уже въ подвижномъ воображеніи его возлюбленной:

— А на зиму въ Петербургъ! выговорила она коротко и рѣшительно.

— Въ Петербургъ? изумленно повторилъ онъ.

— Да, непремѣнно! Нечего намъ съ вами гнить въ провинціи, ничего не дѣлая. Вы еще молодой человѣкъ, имѣете состояніе... Я хочу чтобы вы служили, придворнымъ сдѣлались...

— Я придворнымъ! даже перепугался капитанъ;—гдѣ же мнѣ, помилуйте!

— Ничего не „гдѣ же мнѣ"! передразнила она его,—будете какъ всѣ. Только слушайтесь меня всегда, во всемъ; я дурнаго вамъ не посовѣтую. Вѣдь у насъ теперь все общее должно быть, одни интересы... Какъ это говоритъ пословица? мужъ, жена—одна сатана! Она расхохоталась и какъ бы обняла его всего при этомъ мгновеннымъ взглядомъ, ласковымъ чуть не до нѣжности...

— Ольга Елпидифоровна... Ольга! вскрикнулъ онъ загораясь весь,—мы теперь перво-наперво женихъ и невѣста, такъ ужь позвольте!...

Онъ потянулся къ ней.

Она отклонила голову на сторону и уперлась рукой въ его губы:

— Послѣ, послѣ, современемъ!... А теперь слушайте! Я ни часу больше не хочу оставаться здѣсь. Княгиня заболѣла, вы слышали; спектакль отложенъ... да и врядъ ли когда будетъ. Дѣлать здѣсь нечего, надоѣло!... Я хочу сейчасъ домой. Отца нѣтъ,—да если онъ и пріѣдетъ, я съ нимъ въ его скверномъ тарантаеѣ не поѣду. А у васъ лошади готовы... Это у васъ новая тройка? Вы все на сѣрыхъ ѣздили прежде?...

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Она вскочила съ мѣста:

— Погодите меня здѣсь десять минутъ! Я сбѣгаю къ себѣ въ комнату взять свое главное необходимое,—за остальнымъ всѣмъ пришлю потомъ — и вернусь сейчасъ. Вы повезете меня на своихъ гнѣдыхъ въ городъ... Сами мы господа, не уступимъ всякимъ князьямъ здѣшнимъ! вскликнула она во мгновенномъ порывѣ, такъ что ли, mon capitaine?

— Ни единой царицѣ не уступить вамъ, красавица моя неописанная! отвѣтилъ онъ на это, пожирая ее страстными глазами.

Она вскинулась и побѣжала:

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!" зазвенѣла она на ходу громкимъ смѣхомъ, передразнивая похоронный голосъ которымъ Ранцевъ произносилъ эти слова въ тѣ первые дни когда навязана ему была ею роль Тѣни въ *Гамлетѣ*...

Она давно уже исчезла за дверями дома, а капитанъ все еще улыбался ей какою-то словно пьяною отъ блаженства улыбкой... Онъ всталъ со скамьи, поднялъ глаза къ небу, повелъ ими затѣмъ кругомъ себя, улыбнулся еще разъ, уже съ видомъ человѣка которому цѣлый міръ теперь обязанъ

завидовать и поклоняться, и разставивъ свои длинныя лѣхотныя ноги въ формѣ буквы А, а руки стремительно опустивъ въ карманы брюкъ, внезапно залѣлъ фальшивымъ, но внушительнымъ басомъ:

Спаливъ бригантину султана,
Я въ морѣ врага утопилъ,
И къ милой съ турецкою раной
Какъ съ лучшимъ подаркомъ приплылъ.

Это былъ куплетъ изъ „Молодаго Грека“, не то чувствительнаго, не то бравурнаго романса, пользовавшагося большою популярностью въ средѣ тогдашней арміи, и принадлежавшаго, какъ видитъ читатель, къ тому спеціальному репертуару вокальной музыки, который, сохраняясь и понынѣ, можетъ по преимуществу быть названъ офицерскимъ....

LXXXVII.

Quibuscumque viis....

— Ah, cher comte! заметалась вскрикивая Аглая Константиновна на своемъ диванѣ, завидѣвъ входящаго Анисьева,— неужели вы въ самомъ дѣлѣ пришли проститься?...

— Непремѣнно, княгиня....

Онъ сѣлъ, поглядѣлъ на нее съ учтивою улыбкой и примѣсью къ ней извѣстной доли печали во взглядѣ, и примолвилъ:

— Я слышалъ что вы себя нехорошо чувствуете (разговоръ само собою шелъ теперь сплошь по-французски, и мы будемъ стараться передать его въ наиболѣе близкомъ къ оригиналу переводѣ).—Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокое соболѣзнованіе мое по этому поводу.

Она растерянно воззрилась на него, вспомнила что ей нужно было „expliquer“ что-то ему, не нашла что̀ именно, и вмѣсто „explication“ откинулась въ свои подушки и всхлипнула, закрывая глаза себѣ платкомъ:

— Дорогой графъ (cher comte), я ужасно несчастна!

Онъ холодно поглядѣлъ на нее, не проговорилъ, къ нѣкоторому ея удивленію, ни единаго слова въ утѣшеніе ея, и какъ бы, напротивъ, не желая дать ей распространяться на тему ея „несчастья“, поспѣшилъ заговорить самъ:

—Я имѣлъ честь видѣть княжну, дочь вашу, и разговаривать съ нею, добавилъ онъ, напирая на это слово.

Тонъ рѣчи, выраженіе его лица словно хлестнули нашу княгиню. Она перекинулась изъ глубины дивана къ столу раздѣлявшему ихъ, и глядя на него какъ будто намѣревалась вскочить ему въ самые глаза:

— О чемъ же былъ разговоръ этотъ, графъ? спросила она встревоженно.

Онъ передалъ его подробно, отчетливо, кругло, въ однихъ почти и тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣми же благородными жестами и оттѣнками голоса.

Аглая не смѣла прерывать его, но всю ее дергало и подмывало въ теченіе его разказа. Она *этого* никакъ не ожидала.

„Рыцарство“ его, произведшее въ нѣкоторой мѣрѣ впечатлѣніе на дочь, прошло для маменьки незамѣченнымъ. Она во всемъ этомъ видѣла предъ собою одинъ голый, ужасающій ее фактъ—отказъ его отъ руки Лины....

— Но, Боже мой, испуганно вздрогнула она, когда онъ кончилъ,—для чего же сказали вы ей все это, дорогой графъ! Развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите съ вашей стороны того о чемъ мы такъ дружно и горячо мечтали и хлопотали съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ?

— Не хочу? вскрикнулъ онъ въ отвѣтъ, самымъ эффектнымъ образомъ вскидывая при этомъ глаза къ потолку;—да я почелъ бы себя избраннымъ между избранными (élu entre les élus) еслибы могъ надѣяться... Но для этого, къ несчастію, перебилъ онъ себя съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи,—не достаточно моего желанія... ни даже вашего, княгиня... Я счелъ нужнымъ сказать княжнѣ то что̀ я сказалъ ей, потому что всякое иное мое слово внушило бы ей окончательно отвращеніе ко мнѣ, оскорбивъ ее въ чувствѣ, которое другой, болѣе счастливый чѣмъ я, умѣлъ внушить ей... Уѣзжая отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ (голосъ его послушно задрожалъ на этомъ мѣстѣ), я хотѣлъ по крайней мѣрѣ увезти съ собою уваженіе княжны, вашей дочери...

Аглая захныкала:

— Я вижу, графъ, что вы все узнали...

— Я понялъ это съ первой минуты моего пріѣзда въ Сицкое, сказалъ онъ, приподнявъ плечи.

— Нѣтъ, я, признаюсь вамъ, я ничего не знала объ этомъ, и не повѣрила бы этому никогда, еслибы госпожа Перевер-

зина—эта ужасная женщина! добавила Аглая, вздымая въ свою очередь глаза въ потолокъ,—не имѣла дерзости явиться ко мнѣ сегодня просить руки Лины для этого своего племянника... И вы повѣрьте, графъ, все это она надѣлала!.. Моя дочь, княжна Шастунова, не можетъ серіозно любить этого ничтожнаго господинчика (ce petit monsieur de rien), и желать сдѣлаться какою-нибудь Frau Professorin! Ее сбили съ толку дурные совѣты, и когда она придетъ въ себя, разсудитъ, ей станетъ стыдно за свое увлеченіе и глупость (son entraînement et sa bêtise): она пойметъ что ея мать (sa mère qui l'a mise au monde) не могла согласиться на ея вздоры... Я разумѣется отказала этой барынѣ наотрѣзъ. Линѣ это теперь можетъ быть непріятно, но повѣрьте, она очень скоро образумится, оцѣнитъ меня, и васъ оцѣнитъ, милый графъ, я вамъ ручаюсь...

Онъ глубоко вздохнулъ и недовѣрчиво закачалъ головой.

— Легко сказать, трудно ожидать на самомъ дѣлѣ! Княжна полюбила...

— Она разлюбитъ, дорогой графъ, клянусь вамъ! перебила его Аглая слезнымъ голосомъ, и умоляющимъ жестомъ простерла къ нему руки.

— Не вижу почему, княгиня! сказалъ флигель-адъютантъ съ новымъ ироническимъ оттѣнкомъ... особенно, примолвилъ онъ какъ бы про себя,—при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ она находится здѣсь.

— Вы хотите сказать, пока эта змѣя и ея племянникъ тутъ?.. Но я надѣюсь что они выберутся отсюда (qu'ils déguerpiront d'ici) сегодня же!..

— Разлука такъ же мало можетъ помѣшать княжнѣ думать о нихъ... о немъ, какъ не помѣшаетъ она мнѣ скорбѣть о ней и о моихъ потерянныхъ надеждахъ, театрально вздохнувъ еще разъ возразилъ на это Анисьевъ.

— Не теряйте ихъ, милый графъ, не теряйте, ради Бога! Я приму всѣ мѣры чтобы прекратить между ними какого бы ни было рода сношенія! заявляла княгиня, грозно насупливая брови.

Но онъ словно задалъ себѣ задачей разбивать одну за другою иллюзіи чувствительной маменьки:

— Другими словами, княгиня, подвергнете дочь вашу надзору, контролю... шпіонству, наконецъ,—извините меня за выраженіе! Но этимъ вы лишь достигнете результатовъ

совершенно противоположныхъ вашему желанію, вы оскорбите княжну и, сколько я могъ понять ея характеръ, укрѣпите только этимъ преслѣдованіемъ тѣ чувства которыя влекутъ ее... къ этому молодому человѣку...

— Но какъ же быть, графъ! вскрикнула Аглая, багровѣя отъ досады;—я не желаю, я не хочу дозволить ей выходить за этого господина!.. Я ей это сказала, и сдержу мое слово... Вы, милый графъ, избранникъ мой для нея (l'homme de mon choix pour elle), и еслибъ она продолжала не желать выйти за васъ, она отъ меня ничего не получитъ...

Флигель-адъютантъ невозмутимо слушалъ, скрестивъ руки на груди и слегка моргая пристально направленными на нее глазами.

— Я столько же польщенъ сколько и тронутъ вашимъ милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, княгиня, сказалъ онъ, наклоняя голову въ знакъ благодарности,—но смѣю продолжать думать что избранный вами путь не приведетъ къ желанной вами цѣли.... Въ какой мѣрѣ права княжна, сдѣлавъ выборъ не соотвѣствующій видамъ вашимъ, насколько, съ другой стороны, вы, ея мать, правы, отказывая утвердить согласіемъ вашимъ этотъ выборъ ея сердца,—объ этомъ я говорить не буду.... Въ этомъ случаѣ я въ нѣкоторой мѣрѣ сторона, примолвилъ онъ съ грустною улыбкой,—и потому не могъ бы здѣсь быть вѣроятно вполнѣ безпристрастнымъ судьей. Я позволю себѣ поэтому указать вамъ только на положеніе вещей, каково оно есть въ настоящую минуту. Княжна желаетъ выйти замужъ.... за господина Гундурова; вы не согласны на это. Чѣмъ болѣе будете вы употреблять усилій чтобы заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ упорнѣе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, будетъ она, по всей вѣроятности, укрѣпляться въ немъ.... Такъ можетъ продолжаться до безконечности....

— Я не уступлю! взвизгнула Аглая,—она будетъ вашею женой, или ничьею!...

Лицо Анисьева приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства:

— Позвольте замѣтить вамъ, княгиня, промолвилъ онъ холодно и строго,—что несмотря на все то глубокое чувство которое внушаетъ мнѣ княжна, я не согласился бы никогда получить ея руку путемъ насилія!

Княгиня перепуганно запрыгала въ своихъ подушкахъ:

— Боже мой, вы не понимаете меня, милый графъ!... Я говорю что она должна васъ полюбить, непремѣнно должна! И почему бы она не полюбила васъ? Вы соединяете въ себѣ все что̀ должно нравиться порядочной дѣвушкѣ (à une jeune fille bien née)!

Онъ скромно опустилъ глаза, и качнулъ головой.

— Я почелъ бы себя счастливымъ и тѣмъ, вздохнулъ онъ,— еслибы княжна могла убѣдиться въ моей безкорыстной и безпредѣльной преданности ей, могла бы увидѣть ближе какимъ пламеннымъ чувствомъ можетъ исполнить она сердце даже отверженнаго ею.... Но для этого,—примолвилъ онъ опять какъ бы про себя,—нужны были бы другія обстоятельства, другая обстановка.... Онъ пріостановился вдругъ, какъ бы не желая договаривать.

Аглая недоумѣло захлопала глазами.

— Что̀ хотите вы сказать, графъ?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ будто нехотя,— въ той рамкѣ жизни которая окружаетъ княжну, мысли ея трудно оторваться отъ предметовъ занимающихъ ее теперь, и мысль эта должна роковымъ образомъ (fatalement) обращаться все въ томъ же неизбѣжномъ кругу...

Онъ взглянулъ на свою собесѣдницу, и какъ бы вдругъ вспомнивъ что никакой превыспренности рѣчи она одолѣть не въ состояніи, заключилъ просто.

— Пока вы въ Сицкомъ, княгиня, вамъ нечего надѣяться на перемѣну въ чувствахъ и намѣреніяхъ княжны.

Она сразу поняла, завздыхала и таинственно замигала ему своими круглыми глазами:

— Повѣрьте, милый графъ, я бы завтра же въ Петербургъ переѣхала, еслибы не любезный мой деверь, который объ этомъ слышать не хочетъ...—Она оглянулась невольнымъ движеніемъ и примолвила шепотомъ:—я должна вамъ сказать что онъ же главнымъ образомъ и поддерживаетъ Лину въ ея упрямствѣ.

Анисьевъ чуть-чуть повелъ углами губъ, какъ бы желая выразить что онъ объ этомъ знаетъ, и медленно проговорилъ въ отвѣтъ:

— Могутъ случиться обстоятельства которыя заставятъ князя перемѣнить образъ его мыслей.

Аглая вопросительно уставилась на него.

— Какія же это обстоятельства, графъ? Ларіонъ ненави-

дить Петербургъ и согласился бы жить тамъ только по нуждѣ, еслибы поступилъ опять на службу... Но онъ ужасно гордъ и ни за что не станетъ просить объ этомъ!

— Можетъ сдѣлаться и безъ его просьбы, словно уронилъ флигель-адъютантъ, пуская въ ходъ свою многозначительную улыбку.

Фарфоръ, хрусталь и серебро стоявшаго еще на столѣ чайнаго сервиза внезапно затряслись и зазвенѣли отъ напора дебелыхъ прелестей княгини, нажавшейся всѣмъ тѣломъ на подносъ, въ избыткѣ охватившаго ее волненія. Она вся съѣхала съ дивана, и протягивая черезъ столъ руку къ своему собесѣднику, залопотала прерывающимся отъ радости и нетерпѣнія голосомъ.

— Ради Бога, дорогой графъ, не томите меня,—вы вѣрно знаете что-нибудь! Его хотятъ опять пригласить на службу, да?...

Улыбка мгновенно сбѣжала съ его губъ, лицо приняло обычное ему, холодное, сдержанное выраженіе.

— Я ровно ничего не знаю, княгиня, сказалъ онъ офиціальнымъ тономъ:—я выразилъ одно мое, лично мнѣ принадлежащее предположеніе, основывающееся единственно на блестящей репутаціи князя, деверя вашего, какъ государственнаго человѣка, которую оставилъ онъ по себѣ въ Петербургѣ... и о которой не было бы ничего удивительнаго еслибы вдругъ вспомнили въ высшихъ сферахъ сегодня или завтра... Я осмѣлюсь покорнѣйше просить васъ ничего далѣе этого простаго соображенія не искать въ моихъ словахъ.

Она закачала недовѣрчиво головой.

— О нѣтъ, милый графъ, я увѣрена что вы знаете что-нибудь болѣе положительное,—вы такъ хорошо поставлены при дворѣ (vous êtes si bien en cour)!

— Повторяю вамъ, княгиня, что я ничего не знаю, досадливо, почти рѣзко отвѣчалъ онъ на это,—и мнѣ приходится очень сожалѣть что вамъ угодно непремѣнно давать словамъ моимъ произвольное... и позвольте мнѣ прибавить—непріятное для меня толкованіе.

Но Аглая уже неслась головой внизъ и никакихъ отговорокъ принимать не хотѣла.

— Я вижу, милый графъ, что вы не хотите мнѣ сказать, потому что я женщина, и вы боитесь моего язычка. Но вы меня еще не знаете, я умѣю молчать какъ могила, когда

нужно,—и вотъ вамъ самое лучшее, кажется, доказательство: то о чемъ мы сговорились съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ, я сумѣла сохранить въ тайнѣ цѣлые полтора года и не сказала ни Линѣ, ни Ларіону, и онъ даже теперь узналъ объ этомъ не чрезъ меня, а чрезъ пріятеля своего, графа, которому писалъ вашъ дядя.

Анисьевъ пристально глядѣлъ на нее все время... Осторожность его сдалась на убѣдительность этого аргумента:

— И все-таки я ничего не скажу вамъ, княгиня! засмѣялся онъ... По принципу, по принципу! добавилъ онъ такъ же весело,—я никогда ничего не говорю ненужнаго. А это пока не нужно! Вамъ будетъ достаточно пока знать что „перемѣна жизни", какъ говорятъ гадальщицы (онъ сказалъ это, смѣясь, по-русски)—вещь для васъ возможная въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени... Но знать это должны вы только про себя, молвилъ онъ, принимая опять видъ озабоченный и строгій;—еслибы князь Ларіонъ провѣдалъ какъ-нибудь что вамъ что-либо извѣстно, онъ бы тотчасъ же заподозрилъ насъ съ вами въ заговорѣ, принялъ бы пожалуй съ своей стороны какое-нибудь неожиданное рѣшеніе.... а это могло бы скомпрометтировать и не меня одного! досказалъ флигель-адъютантъ, сопровождая эти слова такимъ мрачно-значительнымъ взглядомъ что Аглая Константиновна отъ испуга прижалась къ сидѣнью своему, какъ будто намѣревалась продавить его до самаго дна.

Она уже не смѣла ничего дальше спрашивать, и глухо повторила только:

— Я могила для секретовъ, графъ, могила, могила....

Онъ учтиво наклонилъ голову и продолжалъ опять:

— Смѣю думать что, въ виду того что̀ можетъ случиться, вамъ можно было бы, княгиня, принять по отношенію ко княжнѣ, дочери вашей, образъ дѣйствій выжидательный, такъ-сказать, и примирительный; другими словами, какъ бы забыть о ея.... забыть о причинахъ вашего недовольства ею, не напоминать ей о нихъ, и не вызывать ее такимъ образомъ на новыя... пренія съ вами. Княжна слишкомъ благовоспитана чтобы предпринять что-либо серіозное противъ вашей воли, и вамъ поэтому особенно безпокоиться нечего.... Еслибы однако, послѣшилъ онъ прибавить чуть-чуть сморщивъ брови,—вы замѣтили какіе-нибудь угрожающіе симптомы (quelques symptômes alarmants), то вы всегда найдете хоро-

щій совѣтъ у моей матушки... Вѣдь вы, надѣюсь, будете продолжать переписываться съ нею?

— О, непремѣнно!.. А что̀ лучше было бы, милый графъ,— это, разъ она уже въ Петербургѣ, еслибъ она могла сама пріѣхать теперь сюда?

— Я объ этомъ думалъ одну минуту, возразилъ онъ раздумчиво,—но нахожу это положительно непрактичнымъ. Матушка, кажется, никогда не сходилась съ княземъ, деверемъ вашимъ, и пріѣздъ ея сюда тотчасъ же возбудилъ бы его подозрѣнія. А этого надо положительно избѣгать.... Нѣтъ, княгиня, будемъ ждать лучшаго отъ времени и перемѣны мѣста... Быть-можетъ и ждать долго не придется! примолвилъ онъ со мгновенно блеснувшимъ взглядомъ. — А затѣмъ позвольте проститься съ вами, сказалъ онъ вставая и обходя столъ чтобы поцѣловать ей руку.

Она вскочила съ мѣста.

— Милый графъ, позвольте обнять васъ.... какъ сына, шепнула она ему на ухо, закидывая ему руку за шею и припадая къ его плечу.

Онъ приложился раздушенными усами къ жирной ея длани, изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкое подобіе сердечнаго умиленія, и направился къ двери.

— Я провожу васъ до лѣстницы, объявила Аглая, идя за нимъ.

— Что̀ вы, что̀ вы, княгиня! воскликнулъ онъ, оборачиваясь и вспоминая рекомендацію Ольги Елпидифоровны:—вы забыли что вы больны; вамъ не на лѣстницу, а въ постель надо... Непремѣнно въ постель, я вамъ совѣтую....

И онъ исчезъ за портьерой.

Она закивала головой ему вслѣдъ, вернулась къ своему дивану и торопливо зазвонила. Явившемуся Финогену она отдала приказаніе принести новый чайникъ съ кипяткомъ и „сейчасъ, сейчасъ отыскать и просить къ ней Евгенія Владиміровича“....

LXXXVIII.

Ольга Елпидифоровна объ руку съ блаженствовавшимъ капитаномъ выходила изъ сада въ большія сѣни дома, когда увидѣла предъ собою вваливавшееся изъ противоположныхъ дверей, со стороны двора, громоздкое туловище почтеннаго своего родителя. Елпидифоръ Павловичъ, покрытый пылью,

съ загорѣвшимъ докрасна отъ солнца и вѣтра лицомъ, несъ впередъ свой огромный животъ съ какимъ-то необыкновенно торжественнымъ и радостнымъ видомъ.... Завидѣвъ дочь онъ заковылялъ къ ней поспѣшно своими коротенькими ножками, махая ей еще издали руками....

— Чтò вы такъ поздно? крикнула она ему.

— Сто двадцать верстъ безъ малаго отмахалъ со вчерашняго вечера, отвѣтилъ онъ, отдуваясь все съ тѣмъ же торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ, и подходя къ ней.

— Это для чего же сто двадцать верстъ? спросила съ изумленіемъ Ольга.

— Въ чужой уѣздъ заѣхалъ, до самаго Подольска проводилъ его сіятельство, пояснилъ онъ со смѣхомъ, вопросительнымъ и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ обнимая дочь и ея кавалера, и протягивая послѣднему руку. Ранцевъ съ радости пожалъ ее такъ что Акулинъ чуть не крикнулъ отъ боли.

— Ну, дочурка, сказалъ онъ, тряхнувъ пальцами выдернутыми имъ изъ этой медвѣжьей лапы, — въ Бѣлокаменную собирайся!

— Это какъ?

— Назначеніе получаю.

— Полицеймейстеромъ въ Москву? вскрикнула Ольга.

— Пониже маленечко, да посытнѣе пожалуй! И жирная улыбка раздула еще разъ необъятныя ланиты Еллпидифора.

— Чтò же это такое „пониже“? спросила она хмурясь и надувая губы.

— А чтò пониже полицеймейстера бываетъ, и не слыхивали, можетъ, никогда? спросилъ онъ въ свою очередь, передразнивая голосъ ея и мину.

— Частный приставъ есть, сердито отвѣчала она;—такъ развѣ вы согласитесь пойти въ частные пристава?

Онъ разсмѣялся во всю мочь, уткнувъ руки въ бока и насмѣшливо глядя ей въ лицо своими лукаво подмигивавшими глазками.

— Въ Городскую-то часть? Да какой же, съ позволенія вашего сказать, лентюхъ и оселъ не пойдетъ на этакое мѣсто!

— Частный приставъ, протянула брезгливо и свысока Ольга,—какая гадость!

— А исправникъ не гадость? протянулъ и онъ, передразнивая ее еще разъ.—Имѣлъ уже я честь, матушка моя, Ольга

Елпидифоровна. докладывать вамъ не разъ что званіе—звукъ пустой, и что ни къ чему человѣку честь, коли нечего ему ѣсть.... Спроси-ка вотъ Никанора Ильича, какъ онъ про это скажетъ?...

— Извѣстно, Ольга Елпидифоровна, поспѣшилъ подтвердить тотъ,—званіе безъ средствъ тягость одна-съ...

— Колибъ я продолжалъ по военной лямку тянуть, заговорилъ опять Акулинъ,—я, по товарищамъ судя, въ настоящую пору въ ролѣ превосходительнаго пѣтуха глотку бы дралъ предъ бригадой, а за усердіе мое получалъ бы содержанія столько что на одну вотъ на статью на эту (онъ треснулъ себя рукой по животу) доходовъ бы не хватало, не говоря о другомъ прочемъ... А тутъ и не казиста съ виду должность, а какъ ежели, бѣдно, бѣдно, пятнадцать тысячъ цѣлковенькихъ получать съ нея ежегодно, такъ пожалуй съ низостью-то званія помириться можно, какъ вы полагаете, Никаноръ Ильичъ?

Капитанъ промычалъ что-то, не то сконфуженно, не то нѣжно поглядѣлъ на будущаго тестя, и слегка покраснѣвъ и ухмыльнувшись опустилъ глаза.

— Это то-есть, съ купцовъ взятки брать? громко и откровенно хватила за то Ольга.

Елпидифоръ Павловичъ и не подумалъ разсердиться; онъ только плечами пожалъ.

— И безо всякихъ взятокъ, и даже отцомъ-благодѣтелемъ всякій называть станетъ... потому матерію эту мы насквозь прошли, не сомнѣвайтесь, дочка моя достолюбезная... И какая вы тамъ ни на есть *грандамъ*, а какъ ежели захотите въ Благородное Собраніе, или къ самому графу на балъ туалетомъ блеснуть, такъ къ тому же отцу-частному приставу за презрѣннымъ металломъ отъявитесь, и *мерси боку* скажете что есть у него таковаго достаточно чтобы никогда вамъ въ немъ отказу не знать...

— Будьте покойны, возгласила на это Ольга,—никогда я за деньгами къ вамъ приходить не буду, и не вы, а мужъ мой будетъ платить за мои туалеты... Неправда ли, mon capitaine? И она улыбнувшись подняла на Ранцева свои зажигательные глаза...

Онъ не успѣлъ отвѣтить... Все огромное тѣло Елпидифора Павловича всколыхнуло вдругъ, словно двѣнадцативесельный барказъ подъ внезапнымъ набѣгомъ вала морскаго, маленькіе

глазки запрыгали, отвислыя щеки раздулись мгновенно, и также мгновенно опали...

— Да что же это такое? едва былъ онъ въ состояніи произнести,—что же вы не говорите?.. Кончено у васъ что ли?..

— Рѣшено и подписано! расхохоталась на это Ольга, между тѣмъ какъ капитанъ безъ словъ, но весь мокрый отъ слезъ, хлынувшихъ тутъ же у него изъ глазъ, кидался на шею дебелаго ея родителя.

— Голубчикъ... зятекъ ты мой любезный... Никанорушка! въ избыткѣ радости шепелявилъ тотъ, чмокая капитана влажными губами во всякое мѣсто воинственной его физіономіи.

— Вотъ видите, продолжала хохотать барышня,—и слѣшить вамъ не къ чему было мѣсто принимать... И надѣюсь что вы не поступите раньше чѣмъ насъ обвѣнчаютъ... Мы ужь порѣшили,—тридцатаго, безо всякаго парада, и сейчасъ же къ нему, въ Рай-Никольское...

Она оборвала вдругъ... Кто-то быстрыми шагами спускался съ лѣстницы... Она обернулась—и увидала Анисьева.

— Ахъ, графъ, это вы... Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, повторилъ, онъ смѣясь и сбѣгая къ ней,—сейчасъ заходилъ къ князю проститься...

Онъ еле замѣтно поморщился, замѣтивъ ея собесѣдниковъ, но принялъ тотчасъ же любезный видъ, и учтиво поклонился имъ общимъ поклономъ.

Ольга сочла нужнымъ представить ихъ ему, и при этомъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ, коротко, словно проглатывая слова, назвала Акулина: „отецъ мой“, и тутъ же отвернулась отъ него.

— А капитана, сказала она,—вы мнѣ говорили вчера, графъ, что знаете его еще съ прошлаго года, въ Венгріи?.. Никаноръ Ильичъ Ранцевъ, отчетливо прибавила она.

Флигель-адъютантъ протянулъ ему руку, изобразивъ на лицѣ любезнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

— Не знаю, помните ли вы меня, но мы съ вами встрѣтились въ Коморнѣ, куда я привозилъ награды за дѣло въ которомъ вы приняли такое блестящее участіе...

— Я что же-съ... исполнять долженъ, конфузливо пробормоталъ на это капитанъ,—а рота у меня, дѣйствительно, отличная была-съ... Покорнѣйше благодарю за вниманіе! примолвилъ онъ коротко, какъ бы не желая продолжалъ разговора на эту тему.

— Скроменъ какъ всѣ герои! расхохоталась Ольга.

— Совершенно справедливо! послѣшилъ примолвить Анисьевъ, наклоняя утвердительно голову.

Никаноръ Ильичъ растерянно повелъ на нихъ глазами.

— Не смущайтесь, cher capitaine, возгласила съ новымъ смѣхомъ барышня,—а просите лучше графа не оставить васъ своимъ знакомствомъ, когда вы будете въ Петербургѣ!

— Помилуйте, очень радъ, если только позволите, послѣшилъ сказать петербургскій воинъ, протягивая ему снова руку.

Онъ при этомъ взглянулъ на Ольгу, какъ бы спрашивая ее глазами, слѣдуетъ ли ему поздравить ее съ предстоящимъ бракомъ.

Она чуть-чуть приподняла плечи въ отвѣтъ, будто говоря „не стоитъ труда!“ и обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Когда же вы ѣдете? Сейчасъ?

— Сейчасъ, подтвердилъ онъ.

— И мы тоже... Ѣдемте, mon capitaine!..

— Куда это, куда? вскрикнулъ изумленный Акулинъ.

— Домой, въ городъ... Вѣдь и вы туда же, графъ? Вмѣстѣ и выѣдемъ...

— Такъ какъ же это? продолжалъ недоумѣвать родитель,—а спектакль сегодняшній?

Она разсмѣялась.

— Никакого спектакля нѣтъ, княгиня больна... Собирайтесь восвояси!

— Да у меня и лошадей нѣтъ, озадаченно молвилъ онъ,—пріѣхалъ я на почтовыхъ, а своимъ велѣлъ только къ завтрашнему утру прибыть...

— Я могу, если прикажете, довезти васъ до города, обязательно предложилъ Анисьевъ, побуждаемый къ такой любезности тѣмъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ впечатлѣніемъ которое производила на него Ольга.

Исправникъ былъ чрезвычайно польщенъ предложеніемъ.

— Почту себя счастливымъ, пробормоталъ онъ,—если только не обезпокою васъ, графъ...

— Нисколько, засмѣялся тотъ,—коляска у меня просторная, мѣшать другъ другу не будемъ.

Всѣ они вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Уже вся уложенная, запряженная почтовою четверкой коляска флигель-адъютанта, съ камердинеромъ его въ военной

ливреѣ у дверцы, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, готовая подать. За нею, на козлахъ капитанскаго тарантаса виднѣлось румяное лицо его молодаго кучера, сердито подергивавшаго вожжами отъ скуки ожиданія и самолюбія, оскорбленнаго надменнымъ тономъ съ которымъ слуга Анисьева приказалъ ему осадить чтобы дать проѣхать впередъ экипажу своего барина.

Онъ крайне возликовалъ поэтому, когда самъ этотъ „чужой баринъ" отдалъ первымъ дѣломъ приказаніе коляскѣ своей отъѣхать назадъ и дать мѣсто тарантасу, въ которомъ должна была занять мѣсто хорошо знакомая капитанскому возницѣ „исправникова дочка". Онъ подобралъ разомъ вожжи, натянулъ, тряхнулъ головой такъ что гречневикъ съѣхалъ ему прямо на правый глазъ и ухорски, будто едва сдерживая рвущихся коней, подкатилъ къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Образцовая упряжка! возгласилъ одобрительно флигель-адъютантъ, глядя на нее знатокомъ и цѣнителемъ.

— Ольга Елпидифоровна, что̀ же это такое, вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете, и никому не сказавъ! раздались голоса съ одной изъ висячихъ галлерей, огибавшихъ домъ съ обѣихъ сторонъ, и на которыхъ любила во всякое время собираться молодежь Сицкаго курить и болтать, лежа на расположенныхъ тамъ широкихъ турецкихъ диванахъ.

Толя Карнауховъ мигомъ перекинулъ оттуда ноги за перила, ухватился за водосточную трубу, и спустившись по ней благополучно внизъ, кинулся къ тарантасу, въ который только что подсадилъ капитанъ Ольгу.

— Розалинда безумной мечты, зашепталъ онъ ей, подбѣгая со стороны противоположной крыльцу, пока она усаживалась, а капитанъ дрожащими отъ счастія руками подкладывалъ ей подъ ноги какую-то подушку, — вы взаправду такъ и укатите въ тетатетѣ съ христолюбивымъ воинствомъ?

— Не правда ли какъ жалко что не съ вами! громко фыркнула она въ отвѣтъ повернувшись къ нему спиной, уткнулась въ уголъ экипажа и подняла голову.

Всѣ они были тамъ и глядѣли на нее жадно и удивленно,— и Чижевскій, и Шигаревъ, и Духонинъ съ Факирскимъ, и „стрялчій" Маусъ, и... и Ашанинъ, нѣсколько поблѣднѣвшій, показалось ей,—Ашанинъ, съ его искристыми, „насквозь прожигающими" глазами и не то злою, не то насмѣшливою улыбкой на устахъ...

Что-то въ родѣ сожалѣнія или раскаянія промелькнуло у нея въ душѣ... О чемъ, къ кому,—она сказать бы себѣ не могла... да и не такова она была чтобъ останавливаться долго на разборѣ своихъ ощущеній... Она на мигъ прижмурилась, открыла опять глаза, остановила ихъ на капитанѣ, робко заносившемъ ногу на подножку экипажа, и проговорила нетерпѣливымъ тономъ:

— Да садитесь же скорѣе наконецъ!...

Онъ заторопился, сѣлъ... Она еще разъ подняла голову, обвела взиравшихъ на нее съ галлереи какимъ-то вызывающимъ взглядомъ, и звонко, своимъ густымъ, контральтовымъ голосомъ, крикнула имъ, кивнувъ на Ранцева:

— Господа, честь имѣю представить вамъ моего жениха!... И тутъ же обернувшись къ кучеру, закомандовала уже полною госпожой и хозяйкой:—А ты трогай, и пошибче!...

Тройка дружно рванула, загремѣла, понеслась...

Флигель-адъютантъ многозначительно улыбнулся изъ-подъ прикрученныхъ усовъ, степенно усѣлся съ исправникомъ Акулинымъ въ поданную ему коляску, и коротко отдалъ ямщику своему приказаніе „не отставать".

— О, капитане, капитане, загаерничалъ имъ вслѣдъ Шигаревъ,—о герой Венгерскій, ходить тебѣ на четвереньках быть тебѣ въ армѣ!...

— А я тебѣ вотъ что̀ скажу, съ засверкавшими глазами обернулся на него Ашанинъ,—это единственная женщина изо всѣхъ какихъ я знаю, которая способна не надоѣсть тебѣ до конца жизни!

— Еще бы! засмѣялся Чижевскій,—она тебя до этого десять разъ успѣетъ разжевать и выплюнуть...

— Въ этомъ-то и прелесть, живо возразилъ московскій Донъ-Жуанъ,—въ этомъ-то и прелесть, какъ ты этого не понимаешь!...

Бѣдный Маусъ ничего не сказалъ. Онъ съ высоты своихъ правовѣдскихъ правъ и нѣмецкой крови такъ долго привыкъ презирать своего русскаго и непривилегированнаго ривала что неожиданное объявленіе побѣды Ранцева надъ нимъ кинуло его въ жаръ и подкосило ноги... Онъ повалился на диванъ безпомощно и безсильно, и надменные его воротнички, смоченные выступившимъ у него лихорадочнымъ потомъ, повисли внезапно жалкою тряпкой кругомъ его длинной, худой, съ большимъ напереди желвакомъ, нѣмецкой шеи...

LXXXIX.

Черезъ нѣсколько минутъ Ашанинъ всталъ и ушелъ съ галлереи.

„Что дѣлать теперь здѣсь?“ думалъ онъ. Для него лично все уже было кончено; съ отъѣздомъ Ольги и этою „забавною помолвкой“ ея съ однимъ изъ „ея фофановъ“ изсякалъ для него всякій интересъ, всякій поводъ дальнѣйшаго пребыванія въ Сицкомъ. Онъ сегодня же уѣхалъ бы въ Москву съ Чижевскимъ, который уже послалъ за лошадьми и предлагалъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ, еслибы не Гундуровъ... Нашъ Донъ-Жуанъ сердечно интересовался романомъ пріятеля, но, занятый самъ любовными похожденіями своими, не имѣлъ случая говорить съ нимъ со вчерашняго вечера, и послѣднія страницы этого романа были ему невѣдомы. Онъ, какъ мы видѣли, тотчасъ послѣ завтрака отправился къ Софьѣ Ивановнѣ, которую засталъ вдвоемъ съ Сергѣемъ, но немедленно вслѣдъ за нимъ вошла княжна Лина, и по первому взгляду кинутому ею на Гундурова, на его тетку, Ашанинъ понялъ что въ теченіе утра произошло для нихъ нѣчто важное и рѣшительное, о чемъ должно было идти между ними совѣщаніе, при которомъ онъ оказывался лишнимъ. Онъ поспѣшилъ уйти...

Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе часа. „Они вѣроятно успѣли ужь теперь передать другъ другу все нужное“, разсуждалъ Ашанинъ, направляясь опять къ покоямъ занимаемымъ госпожой Переверзиной. „Дѣло идетъ у нихъ очевидно о послѣднемъ шагѣ,—просить руки княжны у ея матери... И почти несомнѣнно что она откажетъ, и тогда придется имъ сегодня же уѣхать въ Сашино... Сережа будетъ съ ума сходить и Богъ знаетъ чѣмъ все это можетъ кончиться... Его оставить нельзя, бѣдной Софьѣ Ивановнѣ съ нимъ одной не справиться... Я уѣду съ ними во всякомъ случаѣ“, рѣшилъ онъ.

Проходя черезъ первую гостиную, онъ услышалъ шаги за собой, и машинально обернулъ голову.

Это былъ князь Ларіонъ. Ашанинъ остановился.

— Вы не къ Софьѣ ли Ивановнѣ Переверзиной? спросилъ его тотъ.

— Такъ точно-съ...

Князь замедлилъ шаги, и на лицѣ его какъ бы пробѣжало легкое выраженіе досады.

— Не знаете, у себя она... и одна ли? примолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Теперь не знаю, а съ часъ тому назадъ, когда я былъ тамъ, у нея былъ Гундуровъ и...

Онъ какъ-то безсознательно пріостановился.

— И кто же еще, развѣ это секретъ? нетерпѣливо вырвалось у князя, и онъ строгими глазами глянулъ на молодаго человѣка.

— Нисколько, отвѣтилъ нѣсколько смущенно улыбаясь Ашанинъ:—была княжна Елена Михайловна....

— А!...

Князь Ларіонъ остановился какъ бы въ раздумьи.

— Вы мнѣ можете оказать услугу, сказалъ онъ помолчавъ.

— Какую прикажете, князь?

— Я бы хотѣлъ поговорить съ пріятелемъ вашимъ... Сергѣемъ Михайловичемъ Гундуровымъ. Если увидите его, благоволите передать это ему и сказать что я буду ждать его у себя въ кабинетѣ.

— Сію же минуту, князь!

Они разошлись.

Лина была еще у Софьи Ивановны...

Гундуровъ сидѣлъ блѣдный какъ и она, и какъ она стараясь казаться спокойнымъ. Софья Ивановна ходила по комнатѣ, судорожно погружая то и дѣло пальцы свои въ табатерку, и каждый разъ просыпая табакъ прежде чѣмъ донести его до ноздрей...

Они дѣйствительно давно уже успѣли передать другъ другу все что̀ представляло для нихъ взаимный интересъ: княжна—разговоръ свой съ матерью и встрѣчу съ графомъ Анисьевымъ, Софья Ивановна — объясненіе съ княземъ Ларіономъ... На фактѣ подтвердилось то что̀ заранѣе предвидѣлъ, предчувствовалъ каждый изъ нихъ: княгиня отказывала наотрѣзъ, впереди стояла разлука, неизбѣжная, неперепосимая разлука... Правда, нельзя еще было назвать все потеряннымъ: князь Ларіонъ самымъ формальнымъ образомъ обѣщалъ вступиться, поговорить... Но никто изъ нихъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ этого представительства...

А между тѣмъ, всѣ трое они, невольно прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сосѣднемъ корридорѣ, безмолвствовали въ тревожномъ ожиданіи вѣсти объ исходѣ этого обѣщаннаго княземъ рѣшительнаго разговора съ невѣсткой, и чѣмъ долѣе тянулось время, тѣмъ мучительнѣе становилось это ожиданіе...

Въ эту минуту послышались спѣшные шаги въ корридорѣ, и кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите! вскрикнула Софья Ивановна.

Вошелъ Ашанинъ.

— Сережа, тебя князь Ларіонъ Васильевичъ желаетъ видѣть, сказалъ онъ.

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Тетка его и Лина съ измѣнившимися лицами глянули другъ на друга. У всѣхъ на минуту сперлось дыханіе.

— Не знаешь для чего? вырвалось безсознательно у Сергѣя.

— Не знаю..

Ашанинъ передалъ разговоръ свой съ княземъ.

— Ступай скорѣе, Сергѣй! заторопила его Софья Ивановна.

Лина подошла къ нему.

— И что̀ бы ни было, прошептала она вся зардѣвъ,—не теряйте спокойствія духа!

Она протянула ему руку.

— Можно? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и насилованно улыбаясь:—на счастіе?

Она чуть-чуть кивнула печальною головкой. Онъ прикоснулся губами къ ея нѣжнымъ пальцамъ и вышелъ, сопровождаемый Ашанинымъ.

— Послушай, Сережа, молвилъ ему этотъ, шагая съ нимъ рядомъ по пустыннымъ парадньмъ комнатамъ,—ты понимаешь что не изъ пустаго любопытства спрашиваю я тебя; скажи, на чемъ стоитъ въ эту минуту дѣло у васъ съ княжной?

— Тетѣ княгиня отказала... Вся надежда теперь на то что̀ могъ сдѣлать тамъ князь, проговорилъ отрывисто Гундуровъ.

У Ашанина болѣзненно защемило на сердцѣ.

— Ну, Сережа, голубчикъ, воскликнулъ онъ,—ты знаешь, денегъ у меня никогда не бываетъ, а только вотъ мое клят-

венное обѣщаніе: если ты теперь отъ князя выйдешь женихомъ, я прямо же отсюда въ Москву, и хоть послѣднее пальто заложу, а за тебя пудовую свѣчу Спасу у Воротъ поставлю!

Онъ довелъ пріятеля до покоевъ князя Ларіона, а самъ усѣлся на лавкѣ въ передней, въ ожиданіи его возвращенія.

XC.

Гундуровъ входилъ въ кабинетъ князя Ларіона въ первый разъ со дня того разговора съ нимъ внутренній смыслъ котораго заключался въ желаніи князя удалить молодаго человѣка отъ княжны. Видъ покоя, съ его величавыми свидѣтельствами минувшаго и чѣмъ-то внушительнымъ и строгимъ вѣявшимъ отъ его поблекло-роскошнаго убранства, сразу напомнилъ этотъ разговоръ нашему герою, и вызвалъ въ немъ тяжелое ощущеніе. Въ этихъ стѣнахъ, сказалось ему, не суждено тебѣ услышать слова надежды и радости...

Онъ былъ правъ.... на половину.

Князь разбиралъ какія-то бумаги за столомъ и такъ погруженъ былъ, казалось, въ это занятіе что замѣтилъ Гундурова лишь когда тотъ стоялъ уже въ двухъ шагахъ отъ него.

— А, Сергѣй Михайловичъ, проговорилъ онъ поспѣшно, вставая и закрывая папку съ бумагами,—милости просимъ!

Онъ отошелъ отъ стола къ дивану у противоположной стѣны, сѣлъ, и указалъ молодому человѣку кресло подлѣ себя...

Прошло долгое молчанье.

— Вы знаете вѣроятно чрезъ тетушку вашу, началъ наконецъ съ видимымъ усиліемъ князь,—что я долженъ былъ переговорить съ Аглаей Константиновной.... относительно сдѣланнаго ей сегодня утромъ Софьей Ивановной.... предложенія?

— Знаю, князь, глухо промолвилъ Сергѣй.

— Сломить я ея не могъ, заговоритъ тотъ опять послѣ новаго молчанія;—есть стѣны которыхъ ничѣмъ, никакимъ тараномъ не прошибешь, добавилъ онъ съ презрительною усмѣшкой.

Гундуровъ поблѣднѣлъ какъ полотно, несмотря на всю приготовленность его къ принятію такого удара.

Князь внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Ничѣмъ, повторилъ онъ, — кромѣ какъ терпѣніемъ... Способны ли вы на него?

— Князь, вскрикнулъ Гундуровъ,—долженъ ли я понимать изъ этого что надежда еще для меня не потеряна?

— На это, сказалъ князь Ларіонъ со страннымъ движеніемъ губъ,—можно было бы отвѣтить вамъ вопросомъ: насколько сами вы надѣетесь на себя... и на особу—онъ какъ бы не находилъ соотвѣтствующаго выраженія,—отвѣчающую вамъ взаимностью? досказалъ онъ наконецъ, хмурясь и глядя въ сторону.

— Не знаю, пылко выговорилъ на это молодой человѣкъ,— насколько заслуживаю я вѣры въ вашихъ глазахъ, но знаю что княжна не сомнѣвается во мнѣ... А я, я какъ въ Богѣ увѣренъ въ ней!

— Да, какъ бы про себя, тихо и печально сказалъ дядя Лины,—ей вѣрить можно, она не измѣнитъ... не измѣнится... Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, началъ онъ вдругъ, откидываясь отъ стѣнки дивана и облокачиваясь о стоявшій предъ нимъ столъ,—я буду говорить съ вами откровенно... Я не Аглая Константиновна, и вы должны понимать что я не признаю ни одного изъ тѣхъ основаній въ силу которыхъ она отказываетъ вамъ... Напротивъ, то какъ вы были воспитаны и какъ смотрите на задачи жизни —отвѣчаетъ вполнѣ моему понятію о томъ какой человѣкъ можетъ быть желателенъ для такой дѣвушки какъ... моя племянница... Князь пріостановился на мигъ и продолжалъ:

— Но, признаюсь, мнѣ все же не хотѣлось этого брака... Я не довѣрялъ вамъ,—не довѣрялъ вашей молодости... Вы увлечены Hélène, околдованы, влюблены... вы ее любите, не сомнѣваюсь, поспѣшилъ добавить онъ въ отвѣтъ на движеніе Гундурова, собиравшагося, показалось ему, протестовать противъ недостаточности первыхъ его выраженій,—но въ ваши годы кто же не любитъ? Весь вопросъ въ томъ: кого и какъ любятъ!... Вы провели теперь три недѣли въ ея обществѣ, могли оцѣнить ея наружную и душевную прелесть. Но вы ея еще всю не знаете, не знаете всей цѣны этой чуткой, нѣжной, глубокой души... Полюбитъ она—до могилы, отдастъ себя безъ

остатка, for better and worse, какъ говорятъ Англичане... Такую душу—я говорилъ это вашей тетушкѣ—заслужить надо, всю жизнь заслуживать, Сергѣй Михайловичъ! протянулъ дрогнувшимъ голосомъ князь Ларіонъ.—Заслуживать и беречь, промолвилъ онъ, еще разъ, не давая нашему герою возможности вставить слова, не такъ какъ поступили вы съ нею вчера...

— Князь, воскликнулъ Гундуровъ со мгновенно проступившими на глазахъ слезами,—я отдалъ бы десять лѣтъ жизни чтобы вычеркнуть эти минуты безумія! Повѣрьте...

Невольная горечь послышалась въ голосѣ его собесѣдника:

— Извиняться безполезно, она вамъ простила... и я напомнилъ вамъ это для очистки совѣсти, такъ-сказать... Ваша тетушка права, примолвилъ онъ, проводя рукой по лицу и какъ бы остановившись на окончательномъ рѣшеніи:—такія существа какъ Hélène прозрѣваютъ внутреннимъ чутьемъ и дальше, и глубже чѣмъ наше старая мудрость и опытность... Она васъ избрала; мнѣ остается отложить въ сторону всякія мои личныя сужденія и... протянуть вамъ руку. Да будетъ ея воля!...

Слова замирали въ горлѣ Гундурова; онъ схватилъ эту протягиваемую ему руку и горячо пожалъ ее обѣими руками...

— И вамъ, и ей предстоитъ тяжелый и долгій быть-можетъ искусъ, заговорилъ снова князь Ларіонъ, — его надо будетъ имѣть силу выдержать. Съ княгиней Аглаей Константиновной справиться не легко... а безъ материнскаго согласія ни Hélène, ни вы, я полагаю, не допускаете возможности брака?... Остается поэтому — ждать. Годъ, два, быть-можетъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, которое все измѣнить можетъ... Въ настоящую минуту выиграно, по крайней мѣрѣ, то что этотъ графъ Анисьевъ отложилъ, повидимому, намѣренія свои на время, а въ настоящую минуту должно-быть уже и уѣхалъ отсюда...

— Онъ положительно отказывается отъ всякихъ притязаній, поспѣшно сказалъ Сергѣй:—онъ это сказалъ княжнѣ.

— Вотъ какъ! Онъ объяснялся съ нею?

Гундуровъ передалъ сообщенное ему Линой.

— За этимъ цѣлый échafaudage интриги! внимательно прослушавъ, пропустилъ сквозь зубы его собесѣдникъ;—вы понимаете что, еслибъ онъ дѣйствительно хотѣлъ отказаться,

онъ этихъ чувствительныхъ словъ не далъ бы себѣ труда говорить, а уѣхалъ бы какъ уѣзжаютъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ разговоровъ и безъ рисовки... Все равно (глаза князя блеснули), что̀ бы они тамъ ни затѣвали, пока я живъ,—я это объявилъ Аглаѣ Константиновнѣ,—Hélène насильно замужъ не выдадутъ!... А когда меня не будетъ, съ загадочною улыбкой договорилъ князь Ларіонъ,—вы, я надѣюсь, будете уже ея мужемъ...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста.

— Князь, у меня нѣтъ словъ сказать вамъ все что̀ я чувствую, выразить вамъ мою благодарность, мое благоговѣніе къ вамъ... Я сознаю, вы имѣли право почитать меня недостойнымъ того счастія на которое указываете вы теперь мнѣ... Вы говорите вѣрно, счастіе это слѣдуетъ заслужить... заслужить годами терпѣнія, покорности, мукъ. И я вынесу, выдержу, заслужу, клянусь вамъ Богомъ... Что̀ всѣ эти искусы и муки предъ тѣмъ что̀ можетъ ждать меня!...

„О, молодость!“ слушая его безысходною тоской сжималось сердце князя Ларіона. Онъ опустилъ глаза чтобы не видѣть выраженія этихъ молодыхъ надеждъ на этомъ счастливомъ молодомъ лицѣ...

Сергѣй оборвалъ вдругъ:

— А теперь, князь, что̀ же, проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ,—намъ надо уѣзжать съ тетушкой?

— Я полагаю что самимъ вамъ въ настоящую минуту было бы неловко оставаться... послѣ отвѣта Аглаи Константиновны тетушкѣ вашей... Она все же хозяйка дома...

— И не видать болѣе княжны, не встрѣчаться съ нею... До какихъ же поръ? еле слышно прошепталъ молодой человѣкъ.

— Пока я въ Сицкомъ, не сразу отвѣчалъ князь,—я буду очень радъ если вамъ отъ времени до времени вздумается навѣщать меня... Вы можете встрѣтиться съ Hélène... „Чтобы гусей не раздразнить“, добавилъ онъ усмѣхаясь черезъ силу,—спѣшить не надо! Положимъ, напримѣръ, срокъ первому визиту въ концѣ этого мѣсяца.

— И за то великое спасибо, князь! вздохнулъ подумавъ Гундуровъ.

Послѣдовало новое, продолжительное молчаніе.

Сергѣй остановилъ глаза на князѣ. Его поразилъ его разстроенный лихорадочный видъ.

— Вамъ какъ-будто нездоровится, князь?

Тотъ поднялъ глаза, будто съ просонковъ.

— Усталъ, сплю плохо... Года, что̀ же дѣлать! примолвилъ онъ, пытаясь еще разъ вызвать улыбку на лицо, но молодому человѣку стало вдругъ жутко отъ вида этой улыбки.

— Нàдо будетъ пойти проститься съ княгиней, сказалъ онъ, возвращаясь къ предмету личной своей заботы;—не знаю, приметъ ли она насъ?

— Она сказывается больною, не выходила къ завтраку, отвѣтилъ князь Ларіонъ,—вѣроятно не приметъ... и избавитъ васъ такимъ образомъ отъ личной непріятности... Пошлите ее спросить во всякомъ случаѣ.

— А теперь, князь, молвилъ черезъ мигъ Гундуровъ,—мнѣ остается только выразить вамъ еще разъ мое глубое сердечное спасибо и проститься съ вами... до послѣднихъ чиселъ іюня, не такъ ли?...

Хозяинъ всталъ въ свою очередь.

— Да, да!... До свиданія, Сергѣй Михайловичъ!... А къ тетушкѣ вашей я самъ сейчасъ зайду пожелать ей добраго пути.

Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ.

„Что̀ же“, оставшись одинъ, спросилъ себя князь Ларіонъ,—„легче ли мнѣ стало теперь, какъ обѣщала эта добрая женщина?.. Нѣтъ, все то же!“ глухо вырвалось у него изъ груди, и онъ откинулся опять въ глубь дивана, нажимая глаза себѣ рукой.

XCI.

Les myrtes sont flétris, les roses mortes.

Nadaud.

На небо взглянулъ я, и тучи
Увидѣлъ я черныя тамъ.

Плещеевъ.

Читатель, если не даромъ прошла ваша молодость, и на разсвѣтѣ ея выпало вамъ на долю счастіе любви,—первой, чистой, благословенной любви, съ ея волшебною дѣйствительностью и золотыми снами, если вы подъ сѣдинами сохранили память о свѣтломъ существѣ въ которомъ въ тѣ дни соединялись для васъ вся прелесть, все добро, весь свѣтъ и

красота человѣческой жизни,—для васъ понятно будетъ все что̀ происходило въ душѣ Гундурова въ минуту разставанія съ княжной... Онъ походилъ на человѣка ошеломленнаго ударомъ грозы, хотѣлъ говорить—и не могъ, искалъ собрать мысли — и пуще терялся.... Тутъ были Софья Ивановна, князь Ларіонъ, Ашанинъ,—но онъ не видѣлъ никого, не отвѣчалъ ни на чьи рѣчи, не слыхалъ ихъ. Онъ только растерянно глядѣлъ на Лину, и чувствовалъ въ груди, въ сердцѣ словно тысячу иголокъ разомъ коловшихъ его и не дозволявшихъ ему сознавать никакого иного ощущенія, кромѣ этой острой, нестерпимой боли. Онъ пробормоталъ что-то въ послѣднюю минуту, и ушелъ вслѣдъ за теткой, спотыкаясь на каждой ступенькѣ лѣстницы... Уже въ коляскѣ, у крыльца, вспомнилъ онъ что не сказалъ и сотой доли того что̀ готовился сказать ей, внезапно, къ ужасу тетки, выскочилъ стремглавъ изъ экипажа, кинулся обратно въ домъ, догналъ княжну въ гостиной, куда она, проводивъ отъѣзжавшихъ до лѣстницы (Софья Ивановна упросила ее не идти далѣе), побѣжала взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ изъ окна, схватилъ ея руку, попытался что-то выговорить—и не могъ, а судорожно приникъ губами къ этой рукѣ,—и такъ и замеръ.... Ашанинъ прибѣжалъ за нимъ весь въ тревогѣ.

— Сережа, что̀ ты дѣлаешь? Увидятъ люди, узнаетъ весь домъ, княгиня....

— Что̀ жь такое, пусть знаютъ! неожиданно для него выговорила Лина, блѣдная какъ мраморное изваяніе и сіяя такимъ блескомъ широко раскрытыхъ глазъ, какого въ нихъ еще никогда не видывалъ никто.

— Ради Бога, уходите, княжна! воскликнулъ испуганно пріятель Гундурова,—иначе его не уведешь, не избѣжишь скандала... И сами вы, глядите, едва на ногахъ стоите!...

— Сейчасъ уйду, погодите минуту! сказала она... И тихо отнявъ руку отъ прильнувшихъ къ ней устъ Сергѣя, она скинула съ шеи возвращенную имъ послѣ вчерашняго представленія старинную крупнокольчатую золотую цѣпочку съ портретомъ отца ея, отомкнула, сняла съ нея медальйонъ и протянула ему ее.

— Возьмите и носите на рукѣ, пусть всѣ знаютъ что это отъ меня и что вы мой навсегда!..

Ашанинъ чуть не силой увелъ нашего героя.

— Ну, слава Богу! перекрестилась даже Софья Ивановна подъ своимъ бурнусомъ, когда выѣхали они изъ Сицкаго.

Ѣхали они втроемъ съ Ашанинымъ, на котораго тетка Гундурова глядѣла теперь глубоко признательными глазами; она безконечно рада была предложенію его ѣхать съ ними въ Сашино и „остаться тамъ пока его не прогонятъ“. Его присутствіе крайне облегчало тяжесть предстоявшей ей задачи „возиться съ этимъ сумашедшимъ“, говорила она себѣ, погладывая искоса на сидѣвшаго противъ нея съ опущенною головой племянника: „изныла бы я совсѣмъ одна-то съ нимъ“.... И тутъ же съ просящимися на глаза слезами вспоминалось Софьѣ Ивановнѣ какъ, въ минуту прощанія, нѣжно охвативъ ей шею рукой и крѣпко прижавшись золотистою головкой своею къ ея плечу, прошептала ей на ухо Лина: „тетя, берегите его!“

Быстро мчали ихъ добрыя караковыя лошадки. Сицкое скрылось за пригоркомъ; потянули поля съ желтоватою зеленью ржи, словно легкимъ туманомъ подернутою золотистою пылью цвѣтенія.... Вотъ и лѣсъ за границей Шастуновскихъ владѣній.... О, такимъ ли видѣлъ его Гундуровъ въ тотъ незабвенный полдень, послѣ первой встрѣчи съ княжной? Онъ не узнавалъ его: гдѣ тѣ краски, гдѣ тѣ волшебные переливы свѣта и тѣней? Погода съ утра успѣла измѣниться, надъ вершинами березъ низко проносились темнолиловыя тучи. Непривѣтно смотрѣла лѣсная чаща, птицы замолкли, весенніе ландыши отцвѣли давно.... Безцвѣтно и уныло, какъ и въ его душѣ, было теперь подъ густою сѣтью нависавшихъ надъ ними вѣтвей, и лишь шумъ плюскавшихъ по листьямъ капель засѣявшаго дождя, да индѣ гулкій стукъ дрозда о стволъ древесный доносились до его слуха, вмѣсто тѣхъ неисчислимыхъ голосовъ что̀ привѣтствовали его здѣсь на зарѣ его счастія.

Счастія.... Да развѣ закрылось оно для него навсегда, развѣ не ждетъ оно его впереди, развѣ все это не временная мука, не „искусъ“, о которомъ говорилъ ему князь Ларіонъ, и который самъ онъ такъ торжественно обѣщалъ „выдержать, вынести“.... Гундуровъ внезапно поднялъ голову, оглянулъ своихъ спутниковъ, ощупалъ на лѣвой рукѣ обмотанную о кисть ея цѣпь Лины, и улыбнулся мгновенною, безсознательною улыбкой.

— Дождь пошелъ, сказала ему Софья Ивановна, не покидавшая его взглядомъ,—садись съ нами подъ верхъ, усядемся всѣ трое.

— Спасибо, тетя, отвѣчалъ онъ, скидывая шляпу,—пусть капаетъ, головѣ свѣжѣе.

— Дождь—къ счастію! проговорилъ на это Ашанинъ съ такою комическою серіозностью что Софья Ивановна засмѣялась. Но Сергѣй уже снова впалъ въ свою задумчивость.

И много дней должно было пройти прежде чѣмъ сталъ онъ въ состояніи перемочь себя и внести извѣстную ровность въ душевный свой обиходъ, много дней, въ теченіе которыхъ онъ то проводилъ по цѣлымъ часамъ запершись въ своей комнатѣ, уткнувъ голову въ руки, недвижный и безмолвный, то пропадалъ до поздней ночи въ поляхъ и оврагахъ, возвращался истомленный домой, будилъ Ашанина, и заставлялъ его до зари выслушивать страстныя рѣчи о княжнѣ, объ обѣщаніяхъ князя Ларіона, о „случайностяхъ" которыя могли бы заставить Аглаю Константиновну измѣнить свое рѣшеніе.... Ашанинъ терпѣливо выслушивалъ его, утѣшалъ, напоминалъ о терпѣніи, и не разъ при этомъ посылалъ внутренно къ чорту пріятеля, прерывавшаго сонъ, въ которомъ онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ Ольгу Акулину,—Ольгу Акулину надолго, если не навсегда, потерянную для него теперь, но о которой каждый день думалъ московскій Донъ-Жуанъ.

— Мнѣ просто не въ мочь ждать до конца этого мѣсяца, говорилъ ему съ отчаяніемъ Гундуровъ черезъ недѣлю послѣ отъѣзда ихъ изъ Сицкаго,—хотя бы на мигъ, издалека взглянуть на нее!

— Только раздразнить себя больше, возражалъ Ашанинъ;—и гдѣ же это такъ взглянуть на нее чтобы не увидѣли другіе, не пошли толки, сплетни?

— Но какъ же жить такъ, безо всякихъ извѣстій! Она нездорова, можетъ-быть, заболѣла отъ непріятностей, отъ преслѣдованій матери....

— Объ этомъ узнать можно, сказалъ подумавъ красавецъ:—я поѣду въ Сицкое.

— Ты?...

— А что же? Я—сторона, никакой у меня размолвки съ княгиней не было, и благоволила она ко мнѣ всегда. Поѣду къ ней съ визитомъ, навезу ей скоромныхъ анекдотцевъ коробъ цѣлый. Она предовольна будетъ.

— Но она узнаетъ что ты отъ насъ, изъ Сашина...

— И не полюбопытствуетъ! А узнаетъ, такъ что̀ же такое! Если она заговоритъ о тебѣ, я тебя ругать стану! засмѣялся Ашанинъ:—скажу что ты ужасно гордишься и важничаешь своею Рюриковскою кровью и почитаешь поэтому что чортъ тебѣ не братъ. Это на ея Раскаталовщину произведетъ самое внушительное впечатлѣніе.... А княжну я тѣмъ временемъ увижу, переговорю, узнаю все....

— Володя, я напишу, передай ей! вскрикнулъ, блеснувъ взглядомъ Гундуровъ.

— Хорошо.... Нѣтъ пусть лучше напишетъ Софья Ивановна: и мнѣ передавать и княжнѣ получать будетъ этакъ ловчѣе...

Гундуровъ кинулся ему на шею.

XCII.

Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды недавнихъ слезъ.
Жуковскій.

А въ Сицкомъ.... Какое безмолвіе, какая тоска свили себѣ въ немъ теперь гнѣздо послѣ недавняго гама, смѣха, праздничнаго сіянія! Какъ пустынно и угрюмо глядѣли эти пышныя хоромы, по лощенымъ паркетамъ которыхъ кое-когда лишь развѣ безшумно проходилъ теперь полусонный дежурный официантъ, посланный бдительнымъ Витторіо спустить занавѣсы отъ солнца или смести насѣвшую на мебель пыль.... Изъ гостей оставался одинъ лишь Зяблинъ, каждый день впрочемъ заявлявшій о своемъ ближайшемъ отъѣздѣ, но изо дня въ день продолжавшій все также пить чай съ очарованною имъ хозяйкой. Сама она выходила изъ своихъ внутреннихъ аппартаментовъ лишь въ часы завтрака и обѣда; въ одни лишь эти часы видѣлась она съ деверемъ и дочерью. Невеселы и тяжелы для всѣхъ были эти трапезы, за которыми каждый сидѣлъ глядя въ свою тарелку, часто ни единымъ словомъ во все продолженіе ихъ не обмѣнявшись со своими сосѣдями, и прислушивался отъ нечего дѣлать къ ребяческой болтовнѣ князька „Базиля“ съ его невозмутимымъ Англичаниномъ. Аглая Константиновна не то дулась, не то конфузилась, не смѣя поднять глазъ на князя Ларіона, и отворачивая ихъ отъ Лины. Изъ-за стола вставали всѣ

послѣшно, какъ бы отбывъ обременительный долгъ, и тотчасъ же расходились каждый въ свою сторону. Князь Ларіонъ усиленно ходилъ, читалъ, ѣздилъ верхомъ. Лина гуляла до устали и заигрывалась по вечерамъ Бахомъ и Марчелло, строгія вдохновенія которыхъ ладились съ невеселымъ настроеніемъ ея духа.... Между дядей и племянницей отношенія какъ бы вдругъ совершенно порвались; они не сходились, не видѣлись, кромѣ какъ въ часы общихъ трапезъ, тяжелыхъ и безмолвныхъ. Какое-то взаимное недоразумѣніе лежало между ними. Онъ, послѣ того разговора съ ея матерью, наружно какъ бы столько же боялся возобновленія прежней интимности своей съ Линой, сколько внутренно жаждалъ и томился по ней. Онъ ждалъ что она „подойдетъ“ сама, сама почувствуетъ потребность тѣхъ прежнихъ, близкихъ, дружескихъ отношеній, „заставитъ его“ возобновить ихъ. „Не пожертвовалъ ли онъ себя весь“, не подарилъ ли себя, не обѣщалъ ли „избранному ею“ полное содѣйствіе и покровительство?... Княжна, въ свою очередь, чувствовала себя исполненною къ нему искреннѣйшей благодарности, и томилась желаніемъ выразить ее ему. Но какъ? Онъ казался ей мраченъ до суровости, онъ удалялся, не искалъ случая разговора съ нею. Она боялась сказать ему слишкомъ мало, или слишкомъ много,—все то же внутреннее чутье подсказывало ей что горячее выраженіе этой благодарности ея способно было бы только растравить ту рану которую, она знала, носилъ онъ въ себѣ съ первой почти минуты появленія Гундурова въ Сицкомъ... Она не старалась углубиться въ разгадку двигавшихъ его побужденій, она останавливалась на тѣхъ объясненіяхъ которыя самъ онъ далъ ей по этому поводу: онъ одинокъ, привыкъ, привязанъ къ ней, онъ видѣлъ въ ней свой „bâton de vieillesse,“ ему тяжела мысль потерять ее, разстаться съ существомъ близкимъ ему по крови, по чувствамъ, по симпатіямъ... „Онъ добръ, дядя, благороденъ, онъ это доказалъ намъ теперь, разсуждала Лина,—но въ немъ, какъ во всѣхъ старыхъ людяхъ, есть своя доля эгоизма: онъ рѣшился теперь стать прямо на нашу сторону, но все же простить мнѣ это онъ сразу не можетъ“...

Итакъ шли дни, и какъ бы все далѣе и далѣе расходились они, „и какъ враги избѣгали свиданія и встрѣчи“...

Не весело, но и не мятежно было на душѣ Лины. Она вѣрила,

она умѣла вѣрить. Тяжко было для нея отсутствіе любимаго человѣка, и слезы невольно текли о немъ изъ ея глазъ, но она знала что онъ думалъ ежечасно о ней, какъ и она ежечасно думала и молилась о немъ, знала что она его увидитъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, и терпѣливо считала дни отдѣлявшіе ее отъ этой минуты. О болѣе дальнемъ будущемъ она загадывать не смѣла, но и не отчаивалась въ немъ,—она была увѣрена и въ себѣ, и въ Сергѣѣ,—„да и не грѣхъ ли отчаяніе?..“ Забвеніе въ которомъ она была какъ бы оставлена окружавшими ее не тяготило ея, въ настоящую минуту оно было дорого ей, напротивъ: ей были дороги это царствовавшее кругомъ ея людское безмолвіе и ничѣмъ не стѣсняемая свобода долгихъ размышленій, и одинокія прогулки по межамъ засѣянныхъ полей, куда обыкновенно направляла она шаги, исчезая какъ птичка среди высокихъ хлѣбовъ, и эта тишь, и ширь, и простота волнующихся линій русской, еще новой для нея, природы, о которой съ дѣтства мечтала она на чужбинѣ и которая такъ близка, такъ родна была ея тихой душѣ. Ей слаще всего было именно здѣсь, среди этой природы, думать, вспоминать о Гундуровѣ... „Тамъ, за границей, такъ *узко* все, а здѣсь какимъ-то безбрежьемъ пахнетъ“, сказала она ему какъ-то однажды въ разговорѣ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ этого выраженія. „Надо, я вижу, горячо отвѣтилъ онъ на это,—быть какъ вы Европейкой по воспитанію, княжна, чтобы умѣть чувствовать русскую родину такъ какъ вы.“ И она каждый день теперь повторяла мысленно эти слова, и говорила себѣ, глядя влажными глазами на убѣгавшую предъ ней безконечную даль, что полюбить могла она никого иного какъ сына этой ея бѣдной, темной, но съ юныхъ лѣтъ неотразимо манившей ее къ себѣ своимъ „безбрежьемъ“ родины...

Она возвращалась какъ-то домой съ одной изъ такихъ своихъ прогулокъ (былъ третій часъ пополудни), какъ вдругъ увидѣла на дворѣ предъ крыльцомъ знакомую ей четверку караковыхъ. Сердце забилось у нея. „Неужели онъ“?..

— Кто это пріѣхалъ? спросила она насколько ей было возможно спокойнѣе, входя въ сѣни.

— Господинъ Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣчалъ слуга.

— Къ кому?

— Къ ея сіятельству княгинѣ.

Лина поднялась въ первый этажъ.

А Донъ-Жуанъ нашъ сидѣлъ тѣмъ временемъ въ ситцевомъ кабинетѣ княгини и потѣшалъ ее, какъ обѣщался Гундурову, всякими разказами легкаго содержанія. „Il est vraiment charmant, ce monsieur Ашанинъ!“ повторяла она, покатываясь и одобрительно относясь съ этими словами къ неизбѣжному Зяблину, сидѣвшему тутъ же, и на необычно оживленномъ лицѣ котораго изображалось не менѣе одобренія, а удовольствія вдвое, за то неожиданное развлеченіе которое пріѣздъ Ашанина вносилъ въ его безконечный tête-à-tête съ этою умною женщиной.

Ашанинъ сообразилъ совершенно вѣрно. Аглая Константиновна даже не „полюбопытствовала“ узнать—кто тѣ „друзья въ ея сосѣдствѣ“, у которыхъ, на ея вопросъ при его появленіи „откуда вы?“, онъ отвѣчалъ что „поселился на время“. Какое было ей до этого дѣло? Ее интересовало въ жизни единственно то что̀ касалось ея лично, да и въ этомъ лично касающемся ея она никакими дальнозоркими вопросами не задавалась. Ей и въ голову не пришло что визитъ молодаго человѣка могъ имѣть какое-либо отношеніе къ тому что̀ она на своемъ живописномъ французскомъ діалектѣ называла „ce bête d'amour de ma fille pour un monsieur de rien du tout“.

— А княжны я не увижу? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Ашанинъ, исчерпавъ до дна свой запасъ анекдотовъ.

— Она гуляетъ, должно-быть; это ея обыкновенный часъ, отвѣчалъ Зяблинъ.

— Вы увидите ее за обѣдомъ, промолвила хозяйка;—вѣдь вы съ нами обѣдаете?

— Извините, княгиня, не могу!..

— Pourquoi donc? Вы можетъ-быть боитесь que le diner sera mauvais, потому что мы одни, безъ гостей? полуигриво, полуобидчиво отпустила Аглая.

— Помилуйте! засмѣялся Ашанинъ,—я знаю что вы съ гостями и безъ гостей обѣдаете какъ обѣдалъ одинъ только покойный Лукуллъ.

Она недоумѣло вперила въ него свои круглыя очи...

— Ah oui, Lucullus, ce général de Rome qui avait un si bon cuisinier, вдругъ вспомнила она былые уроки madame Crébillon, и расхохоталась, несказанно обрадованная.—И а

toujours le mot pour rire! примолвила она, подмигивая все тому же Зяблину.—Такъ отчего же вы не хотите manger un bon dîner? допытывалась она опять у своего молодаго гостя.

— Мнѣ надобно еще въ городъ отъ васъ, объяснилъ онъ:—мнѣ поручено привезти оттуда ящикъ книгъ, присланный... моимъ друзьямъ...

— И ужь вѣрно не книги, съ новою игривостью закачала головою Аглая,—a quelque affaire de femme?.. Ахъ, я знаю вскрикнула она,—вамъ хочется, je suis sûre, увидѣть Olga Akouline; вы, кажется, были немножко amoureux d'elle?.. Только опоздали, она выходитъ замужъ за monsieur Ранцева.

— Это не новость, княгиня. Она это намъ всѣмъ громогласно объявила, уѣзжая съ нимъ отсюда, въ одинъ день что̀ и всѣ мы, когда разстроился *Левъ Гурьичъ Синичкинъ.*

— Нѣтъ, я это узнала недавно, вотъ чрезъ него!—И Аглая опять кивнула на „бриганта".—C'est une jolie fille, et de l'esprit, mais très impertinente n'est-ce pas? спросила она его.

Зяблинъ нѣжно покосился на нее, и испустилъ глубокій вздохъ.

— И какое ей счастіе! Il se trouve что этотъ monsieur Ранцевъ очень богатъ, говорятъ...

Апанинъ поспѣшно всталъ со своего кресла. Произнесенное имя Ольги внезапно пробудило въ немъ съ новою силой помыслъ о ней, желаніе увидѣться съ нею. Онъ, дѣйствительно, по просьбѣ Гундурова, взялся заѣхать въ городъ за ящикомъ книгъ высланныхъ по почтѣ изъ Москвы его пріятелю и говорилъ себѣ теперь что вѣдь „Ольга тамъ, и что кто чего сильно хочетъ тотъ того непремѣнно достигаетъ..."

— Позвольте поцѣловать вамъ ручку, княгиня, проговорилъ онъ,—мнѣ пора!

— Vous avez voulu voir Lina? молвила она, не безъ извѣстнаго внутренняго удовольствія касаясь жирными губами своими наклонившагося къ ней горячаго лба красавца.

— Я постараюсь найти ее на прогулкѣ...

— Надѣюсь, до свиданія, если вы останетесь въ нашихъ странахъ?

— Надоѣмъ еще вамъ моими посѣщеніями, княгиня, будьте покойны! смѣялся онъ, прощаясь.

Онъ вышелъ. Зяблинъ пошелъ проводить его.

Внезапная мысль блеснула по пути въ сообразительной головѣ Апанина.

— Евгеній Владиміровичъ? спросилъ онъ, когда очутились они вдвоемъ въ пустой и полутемной отъ спущенныхъ занавѣсъ гостиной, глядя во всѣ глаза на своего спутника:—скажите пожалуста, долго ли будетъ упорствовать княгиня въ намѣреніи выдать дочь противъ ея воли за этого петербургскаго флигель-адъютанта?

„Бригантъ" никакъ не ожидалъ этого, и пришелъ въ первую минуту въ конфузъ.

— Я, право, не знаю... и почему вы это меня спрашиваете? пробормоталъ онъ своимъ глухимъ, сдобнымъ голосомъ.

— Ахъ, полноте, засмѣялся красавецъ,—будто я не знаю какъ вы дружны со здѣшнею хозяйкой!

— Чтò же... друженъ... пролепеталъ еще болѣе смущаясь и хмуря брови Зяблинъ.

— Ну да, невиннѣйшимъ тономъ пояснилъ тотъ,—у всѣхъ бываютъ друзья, и несомнѣнно что вы болѣе близки съ княгиней чѣмъ всѣ мы вотъ, жившіе здѣсь такъ долго... И я совершенно понимаю васъ: она премилѣйшая женщина... Упряма немножко,—чтò дѣлать, у всѣхъ свои недостатки... Но вотъ я именно и думаю что обязанность настоящихъ друзей употреблять свое вліяніе на тѣхъ кого они любятъ и кто вѣритъ имъ чтобы предотвращать ихъ отъ ложныхъ поступковъ... особенно же когда съ этимъ соединяется и ихъ *собственная невыгода*, подчеркнулъ Ашанинъ.

Зяблинъ насторожилъ уши.

— Это, то-есть чья же невыгода?...

— Невыгода друзей, послѣшилъ объяснить Ашанинъ.

— Какъ же это вы понимаете?

— Очень просто! Согласись княжна выйти замужъ за того кого желаетъ мать, она уѣдетъ съ мужемъ въ Петербургъ, а за нею и сама княгиня, и мы такимъ образомъ лишимся дома, въ которомъ, и въ Москвѣ, и здѣсь, всѣ мы, а вы первый, находили столько удовольствія бывать... Объ этомъ стóитъ подумать!

— Княгиня не обязана ѣхать за дочерью, промямлилъ Зяблинъ, искоса поглядывая на своего собесѣдника,—она можетъ и въ Москвѣ остаться.

— Съ кѣмъ это, и для кого? воскликнулъ недовѣрчиво Ашанинъ;—чтò ее здѣсь можетъ удержать?

„Я", могъ бы себѣ, пожалуй, сказать „бригантъ"... Но онъ не сказалъ этого себѣ,—много уже воды успѣло примѣшаться

въ послѣднее время къ вину его первоначальныхъ иллюзій. Онъ въ глубинѣ души своей долженъ былъ сознаться что эта „тулая тетёха“, которую онъ въ первую пору ихъ отношеній думалъ, въ силу своихъ прежнихъ Печоринскихъ успѣховъ, держать „подъ ногами“, держала его въ дѣйствительности „при себѣ“, и нисколько не расположена была пока отдать ему верховенство надъ собою. Онъ мирился, скрѣпя сердце, съ этимъ положеніемъ, надѣясь добиться все-таки своего со временемъ, но понималъ насколько положеніе это было до сей минуты шатко, и какъ невозможно было бы ему и вовсе сохранить его въ случаѣ переселенія княгини въ Петербургъ. Въ качествѣ чего послѣдовалъ бы онъ за нею туда? (Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ дорожилъ наружнымъ своимъ гоноромъ.) Слова Ашанина заставили его призадуматься.

— Вы, конечно, таинственно пропустилъ онъ,—все это на пользу пріятеля вашего, Сергѣя Михайловича Гундурова говорите?

— Непремѣнно, засмѣялся еще разъ Ашанинъ;—прежде всего въ виду его, а потомъ „на пользу“ и насъ съ вами.

Зяблинъ помолчалъ.

— У этого Анисьева, все такъ же таинственно прошепталъ онъ затѣмъ,—большое количество долговъ, говорятъ... Но княгиня до сихъ поръ не хочетъ этому вѣрить.

— А на то, вотъ я и говорю, друзья, живо молвилъ на это красавецъ,—чтобъ умѣть убѣдить ее въ этомъ... а при томъ и намъ не мѣшать, примолвилъ онъ, многозначительно устремляя взглядъ на „бриганта“.

— Это само собою, будьте увѣрены! отвѣтилъ, осторожно озираясь кругомъ, тотъ, и протянулъ ему руку.—Ахъ да вотъ и княжна; я ретируюсь! послѣшно выговорилъ онъ, исчезая тутъ же за портьерой двери отдѣлявшей парадные покои отъ интимныхъ аппартаментовъ княгини.

Ашанинъ устремился на встрѣчу дѣйствительно показавшейся въ дверяхъ слѣдующей комнаты княжны.

— Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ, какъ я рада васъ видѣть! молвила она;—откуда вы, изъ Сашина?..

— Изъ Сашина, княжна... Я имѣю къ вамъ письмо, сказалъ онъ, засовывая руку въ боковой карманъ.

— Письмо? повторила она, невольно вся заалѣвъ.

— Отъ Софьи Ивановны Переверзиной...

— Ахъ, давайте, давайте!...

Оно заключалось лишь въ нѣсколькихъ задушевныхъ строкахъ. Софья Ивановна поручала Ашанину передать княжнѣ все что̀ могло бы интересовать ее въ „Сашинскомъ ихъ житьѣ-бытьѣ“, а ее просила „писать о себѣ, о своемъ здоровьѣ какъ можно подробнѣе...“ „Вы *съ нами* мысленно и душевно, и днемъ и ночью,—услышитъ ли Богъ наши молитвы, чтобы въ явѣ совершилось то что̀ такъ пламенно призываемъ въ мечтаньяхъ?“ говорилось въ концѣ записки.

Лина усадила подателя ея около себя на диванъ, жадно и умиленно глядя ему въ глаза, засыпая его вопросами. Онъ отвѣчалъ горячо и пространно, съ нѣжнымъ, братскимъ какимъ-то чувствомъ любуясь на нее, любуясь сердечною прелестью сквозившею сквозь каждое слово, каждый взглядъ ея, вызывая не разъ смѣхъ на ея уста намѣреннымъ комизмомъ передачи иныхъ разговоровъ своихъ о ней съ Гундуровымъ и тѣхъ якобы пытокъ которыя заставляетъ его переносить пріятель, рѣшившій де окончательно уморить его посредствомъ лишенія сна.....

— А теперь все, княжна, хоть выжмите, ни капельки не осталось! закончилъ онъ. Мнѣ остается только дождаться теперь отвѣта вашего на это письмо, и затѣмъ ѣхать...

— Я пойду, напишу сейчасъ, сказала подымаясь Лина.

— Отлично, а когда кончите, пошлите за мною къ Факирскому. Я у него ждать буду.

— Его нѣтъ здѣсь, всклакнула княжна:—у него въ Москвѣ заболѣла опасно мать, и онъ третьяго дня уѣхалъ къ ней.

— Жаль! сказалъ раздумчиво Ашанинъ.—Я, признаюсь вамъ, княжна, думалъ было устроить чрезъ него постоянныя сношенія съ Сицкимъ. Намъ въ Сашинѣ всего мало, промолвилъ онъ смѣясь,—мы бы желали имѣть тамъ о васъ ежедневныя, ежечасныя свѣдѣнія, и Факирскій съ этой стороны могъ служить для насъ живымъ дневникомъ... Нечего дѣлать, какъ-нибудь иначе устроимъ! договорилъ онъ какъ бы про себя.—Пойду прогуляться въ садъ въ ожиданіи вашего отвѣта... Вы скоро пишете, княжна?

— Да! А что̀?

— Часа вамъ будетъ довольно на письмо? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Постараюсь, отвѣчала она тѣмъ же.

— Такъ я черезъ часъ приду сюда за нимъ.

Онъ довелъ ее до лѣстницы. Она поднялась къ себѣ. Онъ собирался спуститься, когда услыхалъ шумъ шаговъ бѣжавшихъ по парадньымъ комнатамъ, и чей-то звавшій его голосъ.

— Господинъ... Мусью... Мусью Ашанинъ!...

Онъ повернулъ назадъ.

Къ нему бѣжала, вся запыхавшись, первая камеристка княгини, обильногрудая и неимовѣрно перетянутая въ таліи „Lucrèce", съ плетеною корзиночкой, укрытою широкими кленовыми листьями.

— Это вамъ-съ ихъ сіятельство, княгиня, изволили вишни прислать на дорогу, чтобы ѣхать вамъ было не скучно-съ, доложила она сюсюкая и устремляя на него свои живые, мышиные глазки.

Ашанинъ воззрился на нее.

„Какія монументальныя красы! подумалъ онъ:—ничего подобнаго, кажется, и не было до сихъ поръ въ моей коллекціи. И новое соображеніе мелькнуло тутъ же въ головѣ его.

— Искреннѣйше поблагодарите отъ меня княгиню за вниманіе, сказалъ онъ громко, помаргивая владѣлицѣ этихъ „монументальныхъ красотъ" своимъ искусительнымъ Донъ-Жуанскимъ взглядомъ,—только у меня такая привычка что я фруктовъ никакъ въ одиночествѣ ѣсть не могу, а чтобъ была у меня при этомъ пріятная компанія.

— Это то-есть какже-съ понимать надо-съ? принялась тотчасъ же поджиматься и скалить крупные бѣлые зубы опытная „Lucrèce".

— А я вотъ сейчасъ въ садъ иду, такъ мы можемъ съ вами тамъ, въ укромномъ уголку, опорожнить эту корзинку вдвоемъ.

„Lucrèce" сочла нужнымъ на первый разъ выразить извѣстнаго рода оппозицію.

— Извините, мусью, а такой променажъ не слишкомъ предпочитаю. Потому далеко идтить. Можно и совсѣмъ свое спокойствіе духа потерять.

— Напрасно! сказалъ невозмутимо Ашанинъ, приподымая двумя пальцами покрывавшіе корзину листья:—вишни преспѣлыя и превкусныя, надо быть.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Что же мнѣ съ ними дѣлать-то? молвила она ему вслѣдъ:—взять ихъ не желаете?

— Въ саду, не иначе! отвѣтилъ онъ не оборачиваясь.

— Такъ гдѣ же васъ тамъ найтить? уже шепоткомъ промолвила на это дебелая красавица.

— Въ гротѣ, надъ рѣкой. Знаете мѣсто?

— Бывала-съ...

XCIII.

Черезъ полчаса послѣ этого, подъ темнымъ и низкимъ сводомъ таинственно заросшаго кустами грота, въ корзинѣ стоявшей на широкой дерновой скамьѣ, между „монументальною Lucrèce“ и московскимъ Донъ-Жуаномъ, оставались отъ вишень однѣ косточки, а разговоръ принялъ въ нѣкоторомъ родѣ характеръ трогательной интимности.

— И ужь допподлинно можно сказать, говорила жирная Церлина,—что на нашу сестру вы самый какъ ни на есть ловкій, самый жестокій господинъ.

— Да, я ужасно жестокъ на женщинъ! пресеріозно молвилъ шалунъ, чиркая спичкой о скамью и закуривая папиросу.

— Потому главное, ужасный вы насмѣшникъ, продолжала она, примазывая рукой свои жесткіе растрепавшіеся волосы,— а которая себя чувствуетъ, очень для нея это обидно бываетъ, и даже иной разъ лучше совсѣмъ со свѣта сойтить... Вотъ, хоть бы сказать, Надежда Ѳедоровна наша въ монашенки теперича пошла, примолвила Lucrèce усмѣхаясь съ самымъ рѣшительнымъ лукавствомъ,—чьихъ это рукъ дѣло, не знаете?

— Я чужими дѣлами не интересуюсь, хладнокровнѣйшимъ тономъ отвѣчалъ онъ.

Она фыркнула во весь ротъ.

— Не антересуетесь? Безсовѣстный вы, прямо сказать!... А исправникова-то барышня, въ садъ сюда, ночью на свиданье къ кому ходила, можетъ тоже не знаете?

„О, всевидящее око переднихъ, кто уйдетъ отъ тебя!“ съ нѣкоторымъ ужасомъ произнесъ мысленно Ашанинъ.

— И все это вы вздоръ несете, милая моя, воскликнулъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ,— ничего подобнаго не бывало никогда!

— Ска-а-жите по-о-жалуста! медленно и гнусливо выговорила она, насмѣшливо закачавъ головой направо и налѣво.—Ну, а если васъ спросить теперича, для чего вы сегодня къ намъ пріѣхали? молвила она, чуточку помолчавъ предъ этимъ.

— Какъ для чего? Съ визитомъ пріѣхалъ къ княгинѣ..

— Та-акъ! И больше ничего?

— Чего же еще больше?

— Съ княжной нашею, съ Еленой Михайловной, не видались?

— Видѣлся...

Lucrèce осторожно потянулась головой ко входу грота и вполголоса спросила:

— Письмо ей привозили?

Онъ тотчасъ же сообразилъ что отрицаніе было бы совершенно безполезно.

— Привозилъ, отъ генеральши Переверзиной.

Lucréce сочувственно повела головой сверху внизъ.

— Солидная, такъ надо сказать, барыня эта генеральша! внушительно произнесла она.

— Вы одобряете? не могъ не засмѣяться Ашанинъ.

— А вы такъ полагаете, нѣсколько обидчиво вскликнула на это его новая жертва,—что мы, люди, всю эту коммерцію про господъ распознать не въ состояніи, кто *настоящій* есть, а кто только что, тяпъ-ляпъ, по-французскому обученъ, а самъ или сама, изъ того же хамства произошли? Очень вы ошибаетесь, потому мы можетъ лучше васъ самихъ до тонкости насчетъ этого самаго понимаемъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на нее.

— Я вижу, красавица моя, проговорилъ онъ,—что щедрая природа надѣлила васъ такимъ же умственнымъ какъ и тѣлеснымъ обиліемъ, а потому прямо васъ спрошу такъ: какъ вы насчетъ княжны полагаете?

Она подняла на него глаза.

— Что̀ про княжну говорить? Святая барышня, всему дому, и даже кажному чужому извѣстно.

— Ну-съ, а маменька ея, повелительница ваша?...

Lucrèce такъ и прыснула (очень ужь понравилось ей это выраженіе).

— „Повелительница“, повторила она, — это ужь точно!.... Ишь вѣдь вы бѣдовый какой, а еще меня спрашиваете! Что̀ же это вамъ про нихъ знать нужно?

Тонкій Ашанинъ сообразилъ тотчасъ же изъ этихъ отвѣтовъ что могъ смѣло приступить къ дѣлу.

— А вотъ что̀, достопрекрасная....

— Лукерья....

— По батюшкѣ какъ?

— Ильинична-съ.

— Такъ вотъ что̀, восхитительная Лукерья Ильинична, вопервыхъ, я желалъ бы продолжать съ вами столь пріятно начатое знакомство...

— Что̀ же, это можно-съ, прошептала она, признавъ при этомъ необходимымъ стыдливо опустить рѣсницы.

— А вовторыхъ, я очень любопытенъ, а потому весьма желательно было бы мнѣ знать всякую штуку какая у васъ здѣсь можетъ происходить.

Церлина лукаво подмигнула ему.

— Сами-то вы, мусью Ашанинъ, штука, у, какая тонкая! Это вамъ, значитъ, нужно знать все и прочее?

— Вы сказали, моя прелесть! расхохотался онъ, — именно такъ: „все и прочее"!

— И это можно, рѣшила она, — потому я у Французинки въ Москвѣ шесть лѣтъ въ обученіи находилась, и все, даже до послѣдняго почти слова, понять могу, и даже съ мусью Витторіо всегда по-ихнему говорю, и кромѣ того, все знаю насчетъ этого петербургскаго графа, что за него княжна не хочетъ идтить, а онъ все надѣется, потому княгиня имъ очень протежируетъ, и даже съ ихнею матушкой у нихъ переписка постоянно идетъ...

— Ну вотъ, ну вотъ, все это намъ знать и нужно! вскликнулъ радостно Ашанинъ, — если какое-нибудь новое письмо получится, и что̀ они затѣвать будутъ...

— Читать я сама по-французскому не училась, возразила Lucrèce,—а что княгиня безпремѣнно станутъ объ этомъ съ мусью Зяблинымъ разговаривать, и я всегда это услышать могу.

— Прелестно! А вотъ еще что̀, моя красавица, еслибы нужно было, напримѣръ, княжнѣ опять письмо доставить, или отъ нея получить?

Красавица подумала.

— Отчего же, вновь рѣшила она затѣмъ,—и доставить и получить опять-таки въ нашихъ рукахъ.

— Только при этомъ такъ надо было бы устроить чтобы княжна не знала что это вы.

— И не будутъ знать. Глаша ихная безграмотная, а я всегда вхожа въ ихъ комнаты, и могу имъ письмо на столъ положить, или взять ихнее, если напишутъ.

— Вы просто богъ Меркурій въ юлкѣ, очаровательная Лукерья! еще разъ вскликнулъ Ашанинъ;—ну, а теперь какъ же намъ собственно съ вами-то сообщеніе устроить, если увидаться или послать что̀ нужно?

И на этотъ предметъ нашлось въ умственномъ запасѣ бывалой Lucrèce подходящее рѣшеніе.

— А у меня тутъ на селѣ родной братъ живетъ, Ѳедоръ Ильинъ прозывается, потому я сама здѣшняя, Сицковская; третья его изба справа, если изъ города примѣрно ѣхать. Такъ если что̀ нужно, только къ нему пошлите, велите Ваську спросить: шустрый этто у него мальчикъ есть, племянникъ мой. Онъ это все сорудуетъ, если мнѣ что̀ отъ васъ, или къ вамъ отъ меня послать... Къ вамъ въ Сашино, въ Гундуровское посылать?

— Да, я тамъ, у Гундурова...

— Ахъ, какъ этотъ самый вашъ господинъ Гундуровъ прекрасно Гамлета представляетъ! нежданно воскликнула она;— очень даже, могу сказать, обожаю ихъ за это, скажите имъ! Когда онъ этто про мать свою говорилъ что она башмаковъ еще не износила, а за другаго вышла, а самъ въ слезы, я даже убѣжала, потому у самой-то такъ и текутъ у меня, такъ и текутъ, а лакеишки-дурачье смотрятъ и смѣются... Ужь потомъ пришла смотрѣть опять когда это они съ нашею княжной: „въ монастырь, говоритъ, ступай, въ монастырь!“ А пошла-то не она, а Надежда Ѳедоровна наша, безмозглая. Сто́итъ! И Lucrèce, поведя насмѣшливо взглядомъ въ сторону нашего Донъ-Жуана, прыснула еще разъ со смѣху. — А что̀ они, пріятель-то вашъ, въ княжну нашу очень врѣзамшись? спросила она тутъ же,—какъ вы скажете, мусью?

— Не мало, Лукерья Ильинична, не мало!...

— И сейчасъ видать что настоящее это у нихъ, а не изъза приданаго какъ у того, у петербургскаго-то. Хоть и холопка я, а понимать могу... Такъ вы имъ такъ и скажите, разсмѣялась она,—что отъ сердца даже желаю чтобы высватали они себѣ нашу княжну, потому ужь оченно они чувствительно этого самаго Гамлета умѣютъ играть.

„Господи, сказалъ себѣ мысленно Ашанинъ, — даже любовью къ искусству пылаютъ „сіи огромные сфинксы!“

— Восхитительная Лукерья, возгласилъ онъ, обнимая ея колѣноподобныя плечи, — добродѣтели ваши достойны всякихъ наградъ!...

— Баловникъ вы, баловникъ! залепетала она, зажмуривая отъ удовольствія свои плутоватые и сластолюбивые глазенки....

XCIV.

Княжна встрѣтила Ашанина въ гостиной съ письмомъ въ рукѣ.

— Не поручите ли вы мнѣ передать *имъ* еще что-нибудь на словахъ? спросилъ онъ, принимая письмо и опуская его въ карманъ.

— Я написала, молвила она съ тихою улыбкой, — но вы скажите имъ какою вы нашли меня сами... Я спокойна, здорова пока, какъ видите, думаю и не отчаиваюсь, примолвила она опуская вѣки.—Да, скажите *имъ* что я получила вчера письмо отъ графини Воротынцевой... Мы должны были ѣхать къ ней съ maman, но она вдругъ очень скоро собралась за границу и написала мнѣ очень милое, симпатичное письмо на прощанье, въ которомъ также проситъ *меня* передать много очень дружескаго Софьѣ Ивановнѣ.... и Гамлету.... Она не знала что мы уже... не видимся... заключила Лина слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Княжна, сказалъ Ашанинъ, — княгиня Аглая Константиновна весьма любезно пригласила меня посѣщать ее въ Сицкомъ, пока я „въ здѣшнихъ странахъ", какъ выразилась она (о томъ гдѣ эти „страны" она не справлялась, и едва ли, кажется, знаетъ что живу я именно въ Сашинѣ). Приглашеніемъ ея, я, само собою, не премину воспользоваться, и на будущей недѣлѣ пріѣду сюда опять. Но до этого, и вообще въ интервалахъ между моими пріѣздами сюда, могутъ случиться какія-нибудь обстоятельства о которыхъ вы сочтете быть-можетъ нужнымъ извѣстить немедленно... Софью Ивановну. Какъ думаете вы это сдѣлать?

— Какъ сдѣлать? повторила нѣсколько удивляясь вопросу Лина:—еслибы что-нибудь такое нужное случилось, я напишу и пришлю.

— Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ-нибудь изъ слугъ.

— Это можетъ быть доведено до свѣдѣнія княгини.

— Такъ что̀ жь такое? съ гордою интонаціей въ голосѣ проговорила княжна,—я не скрываю своихъ дѣйствій; никто

не можетъ находить преступнымъ что я пишу такой высокопочтенной женщинѣ какъ Софья Ивановна Переверзина.

— Да, молвилъ Ашанинъ,—но увѣрены ли вы что не подвергнете гнѣву княгини того кого вы пошлете съ письмомъ?.. Увѣрены ли вы, примолвилъ онъ понижая голосъ, — что не дано какого-нибудь приказанія по дому насчетъ такихъ *возможныхъ* писемъ вашихъ въ Сашино?...

Лина не отвѣчала, и все лицо ея покрылось краской стыда отъ мысли что ея мать дѣйствительно была способна отдать „по дому" подобныя приказанія...

— Я нашелъ средство, княжна, продолжалъ между тѣмъ уже нѣсколько таинственно Ашанинъ,—избавить васъ отъ всякой заботы относительно доставки вашихъ писемъ, если понадобится вамъ писать.

— Что̀ такое? Она внимательно глянула на него.

— Очень просто: напишите, положите письмо въ конвертъ съ адресомъ и оставьте на вашемъ столѣ. Оно будетъ доставлено по назначенію въ тотъ же день.

— Какимъ же образомъ? недоумѣло спросила княжна.

Онъ засмѣялся:

— Это мой секретъ, секретъ романа, примолвилъ онъ весело.

Она слегка нахмурилась и закачала головой.

— Я романовъ и всѣ эти таинственныя средства не люблю, сказала она,—и надѣюсь что не буду въ необходимости прибѣгать къ нимъ.

— Но не забудьте ихъ въ случаѣ надобности, отвѣтилъ на это Ашанинъ, кланяясь и протягивая руку проститься съ нею.

— Прощайте, Владиміръ Петровичъ... Вы дядю не видали? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, мнѣ говорили, онъ уѣхалъ верхомъ...

— Я его совсѣмъ не вижу, кромѣ какъ за столомъ, словно вырвалось у нея. Она тутъ же умолкла и слабо улыбнулась...

Ашанинъ поклонился еще разъ и вышелъ.

— А теперь въ городъ! сказалъ онъ кучеру, садясь въ Гундуровскую коляску, предовольный тѣмъ какъ успѣлъ онъ „устроить почту" между Сицкимъ и Сашинымъ и отвлечь „бриганта" отъ союза съ „противною стороной". Все это великолѣпно устроилось, говорилъ онъ себѣ, и мысли его обратились теперь опять къ предмету личной его заботы—

Ольгѣ Акулиной и къ шансамъ увидаться съ нею въ городѣ.

Доѣхавъ туда онъ прежде всего велѣлъ себя везти въ почтовую контору, гдѣ долженъ былъ получить по довѣренности посылку съ книгами на имя Гундурова, и первое лицо съ которымъ встрѣтился онъ тамъ на крыльцѣ былъ Вальковскій.

— Ты какъ сюда попалъ? вскрикнулъ онъ въ изумленіи.— И что̀ съ тобой? спросилъ онъ тутъ же, замѣтивъ блѣдное, сильно разстроенное лицо „фанатика".

— Маргоренька къ гусару ушла, сейчасъ отъ Васи Тимоѳеева письмо получилъ! могильнымъ голосомъ проговорилъ тотъ, звѣрски поводя глазами и показывая грязно-исписанный листокъ почтовой бумаги который держалъ въ рукѣ.

Ашанинъ померъ со смѣха (Маргоренька была та рябая швея которую Вальковскій готовилъ на сцену, на роли Селименъ).

— „Маргоренька къ гусару ушла!" повторилъ онъ передразнивая его,—плачь русскій театръ, плачь!

— Дуракъ! фыркнулъ ему на это „фанатикъ".

— Само собою! продолжалъ хохотать Ашанинъ;—а ты все же объясни мнѣ какъ ты очутился здѣсь?

— А такъ очутился, сердито молвилъ Вальковскій,—что уѣхали вы оттуда, изъ Сицкаго-то, съ Сережей, ничего мнѣ не сказавъ...

— Не до тебя было, братъ, не взыщи!

— *Льва-то Гурьича* къ тому же похоронили... Золъ я былъ какъ чортъ; въ виду ничего, а въ карманѣ ни гроша, въ Москву не съ чѣмъ вернуться... Ну и вспомнилъ я что туша эта, Елпидифоръ, звалъ меня къ себѣ сюда, говорилъ какъ-то что *театрикъ* можно будетъ здѣсь сварганить. А тутъ, вечеркомъ, подвода отъ него пришла за всякимъ тамъ скарбомъ что̀ оставила Ольга Елпидифоровна. Ну, я не долго думавъ, въ телѣгу, и съ юпками ея и прикатилъ къ нимъ.

— Ты у нихъ и живешь? вскрикнулъ радостно московскій Донъ-Жуанъ.

— У нихъ... Славнымъ виномъ поитъ онъ меня, толстопузый этотъ,—и Вальковскій облизнулся,—только надулъ подлецъ, никакого *театрика*...

— Вотъ что̀, Ваня, прервалъ его Ашанинъ,—я тутъ сейчасъ сбѣгаю въ контору посылку получить, а ты погоди минуточку, отсюда пойдемъ вмѣстѣ.

— Куда это?

— Къ нимъ, къ Акулинымъ.

— Да его нѣту. Съ утра уѣхалъ. Свадьба вѣдь эта у нихъ затѣялась...

— Такъ что же?

— Ну, вотъ тамъ всякіе у нихъ сборы. Къ зятю будущему уѣхалъ въ Рай-Никольское.

— Съ дочерью?

— Нѣтъ, она дома.

— Одна?

— Стало-быть одна, коли ни отца, ни жениха нѣтъ.

У Донъ-Жуана отъ радости въ глазахъ задвоилось.

— Сейчасъ, Ваня, сейчасъ!..

Минутъ черезъ двадцать полученная имъ тяжелая посылка уложена была на козлахъ коляски, и Ашанинъ, сидя въ ней съ „фанатикомъ", диктовалъ ему свои инструкціи.

— Ты, говоришь, застрялъ здѣсь потому что денегъ нѣтъ?

— Не было, хихикнулъ вдругъ Вальковскій, — а теперь будутъ; ты дашь.

— У самого въ обрѣзъ, а у Сережи найдемъ.

— Я и то думалъ завтра у Елпидифора лошадей просить, къ нему ѣхать.

— Сегодня же поѣдемъ... Только ты слушай, Ваня: придемъ мы теперь къ Акулинымъ, ты сейчасъ же войди, и скажи ей что вотъ я нарочно за тобою сюда пріѣхалъ увезти къ Гундурову, и что ты сейчасъ же пойдешь укладываться, а когда войду я, ты тутъ же убирайся къ себѣ и собирай свои пожитки, а меня оставь одного съ нею.

— На что это тебѣ? угрюмо отвѣтилъ, помолчавъ „фанатикъ":—вѣдь она невѣста, чортъ ты этакой!

— А это не твоего ума дѣло! Не разсуждай, а дѣлай что тебѣ говорятъ! Есть тутъ гостиница какая-нибудь?

— Есть, на почтовой станціи, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— Ну вотъ и прекрасно! Уложишь ты свой чемоданъ, и тутъ же, къ намъ не заходя, смотри! велишь его вынести въ коляску, самъ въ нее сядешь и прикажешь ѣхать на станцію. Тамъ скажи кучеру отпречь и лошадямъ корму дать, а намъ на двухъ закажи обѣдъ. Далеко отъ Акулинскаго-то дома до станціи?

— Недалеко, черезъ улицу...

— Такъ я приду къ тебѣ туда пѣшкомъ,—а ты меня жди тамъ!

Вальковскій помолчалъ опять глянулъ сбоку на товарища.

— Володька!...

— Чего тебѣ?

— Большой руки ты лакостникъ!

— Совершенно справедливое сужденіе имѣете вы въ мысляхъ, Иванъ Ильичъ! невозмутимо молвилъ на это красавецъ, смѣясь;—а ты все-таки дѣлай то что̀ тебѣ сказываютъ!

Коляска ихъ между тѣмъ подъѣзжала къ одноэтажному, чистенькому, веселаго сѣраго цвѣта домику, съ необыкновенно свѣтлыми, широкими и раскрытыми въ эту минуту, окнами, выходившими по улицѣ въ палисадникъ обнесенный низенькою, свѣжеокрашенною зеленою рѣшеткой, и въ которомъ пышно распускавшіеся кусты лилей и столиственныхъ розъ несомнѣнно свидѣтельствовали о развитости вкуса къ изящному у обитавшихъ здѣсь лицъ. (Толстый Елпидифоръ называлъ себя не даромъ „артистомъ".)

— Тутъ! притрогиваясь къ спинѣ кучера, указалъ Вальковскій.

Изъ оконъ домика лились волной звуки свѣжаго женскаго голоса...

— Стой! остановилъ Ашанинъ лошадей шагахъ въ десяти не доѣзжая до крыльца;—стой и не трогайся!...

Онъ выскочилъ изъ коляски, побѣжалъ къ калиткѣ, замѣченной имъ въ углу палисадника, отворилъ ее, вошелъ и подкравшись къ одному изъ оконъ, жадно погрузился въ него глазами.

Вальковскій, съ сумрачнымъ лицомъ, прошелъ въ домъ въ ворота чернымъ ходомъ.

Ольга была одна, и пѣла, аккомпанируя себѣ на „новомъ" выписанномъ Ранцевымъ фортепіано, о которомъ говорилъ онъ ей въ Сицкомъ, и которое теперь, до свадьбы ихъ, велѣлъ перевезти къ ней изъ Рай-Никольскаго.

> — Я помню чудное мгновенье,
> Передо мной явилась ты
> Какъ мимолетное видѣнье,
> Какъ геній чистой красоты!

пѣла она опять волшебный Глинкинскій романсъ, поднявшій въ душѣ Ашанина все обаяніе первыхъ встрѣчъ его съ нею, и самую ее всю проникало ея пѣніе, сама она словно вся

выливалась въ тѣ горячіе звуки что̀ излетали изъ ея груди. Въ сильныхъ мѣстахъ она приподымала свои великолѣпныя, сквозившія сквозь кисею платья плечи, длинныя рѣсницы прикрывали на половину блестящіе зрачки карихъ глазъ, губы пылали какъ тѣ алыя розы что̀ цвѣли тутъ подъ ея окномъ,— и вся она сама была и страсть, и нѣга, и вдохновенье...

Она ничего не слышала, не видѣла,—ни шума колесъ подъѣхавшей коляски, ни этой чернокудрой головы красавца подымавшейся надъ уровнемъ открытаго окна, прямо насупротивъ табурета на которомъ сидѣла она, ни вошедшаго Вальковскаго, который въ ожиданіи когда она кончитъ стоялъ теперь въ дверяхъ комнаты, глядя себѣ подъ ноги съ видомъ звѣря которому непремѣнно хочется укусить когонибудь.

Она кончила и какъ бы устало уронила руки на колѣни. „Фанатикъ“ передвинулъ ступнями. Она подняла глаза.

— А, Иванъ Ильичъ, лѣниво проговорила она,—что̀ скажете?

— А я пришелъ сказать вамъ, пропустилъ онъ въ отвѣтъ своимъ грубымъ тономъ,—что за мною Володька пріѣхалъ.

— Кто такой?

— Володька Ашанинъ, къ Гундурову съ нимъ ѣхать...

— Гдѣ онъ? громко вскрикнула Ольга.

— А во, въ окно глядитъ! И онъ ткнулъ пальцемъ по тому направленію.—А я ужь пойду собираться. Прощайте, за хлѣбъ, за соль вашу спасибо, вамъ и батькѣ вашему! промычалъ онъ, трогаясь съ мѣста и уходя, пока она съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и засверкавшими глазами оборачивалась на то окно.

— Вы! Здѣсь? могла она только вымолвить отъ волненія.

— Я, Ольга, я! можно войти? отвѣтилъ Ашанинъ торопливо и страстно...

— Къ чему? Чего вы хотите?...

Онъ оторопѣлъ весь.

— Ольга, что̀ съ тобою? Ольга! пробормоталъ онъ.

— Зовите меня Ольга Елпидифоровна, зовите какъ слѣдуетъ! Какъ вы смѣете! подбѣгая къ окну, крикнула она на него такъ что онъ съ невольнымъ страхомъ обернулся на улицу, по которой къ счастію никто не проходилъ въ эту минуту.

— Я хотѣлъ... началъ было онъ.

— А я не хочу! взвизгнула она, топая ногой,—не хочу, не хочу васъ видѣть!

— Извольте, Ольга Елпидифоровна, извольте! молвилъ оза-

даченный Ловеласъ, тщетно стараясь прикрыть видомъ ироніи те неодолимое смущеніе которое овладѣло имъ въ эту минуту,—благоволите только объяснить мнѣ за что вы такъ разгнѣвались?...

— Вы безчестный, скверный человѣкъ! говорила она понизивъ голосъ и свѣшиваясь къ нему слегка изъ окна,—вы клялись не искать меня, избѣгать со мною встрѣчи... А вы теперь дерзко, нахально смѣете являться сюда!... Зачѣмъ? Вы знаете что я невѣста... Женихъ мой добрый, честный, благородный человѣкъ... Что же вы думаете про меня, на что надѣетесь?...

Глаза ея, показалось ему, становились все злѣе, все безпощаднѣе... И тѣмъ соблазнительнѣе, тѣмъ желаннѣе была она для него въ эту минуту...

— Ольга Елпидифоровна, позвольте... попытался онъ было уговорить ее, но она не дала ему на это времени.

— Вы мнѣ противны, отвратительны! Уходите, а не то я погублю себя и васъ, скандалъ надѣлаю, разкажу все капитану, отцу!... Этого ли вы хотите?...

— Я удалюсь, сударыня, проговорилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, съ желчною улыбкой на побѣлѣвшихъ губахъ,—ни чьей гибели я не желаю. Успокойте ваши нервы, сдѣлайте милость!...

И онъ быстрыми и невѣрными шагами вышелъ изъ палисадника.

Она вскинулась съ мѣста, пробѣжала черезъ весь домъ въ свою комнату, и бросившись тамъ на постель разрыдалась въ подушки неудержимыми слезами:

— Противный, мерзкій, говорила она себѣ сквозь эти слезы,—хорошо что онъ стоялъ тамъ, за окномъ!... Будь онъ въ комнатѣ, я бы пожалуй, дура, подъ конецъ не выдержала, на шею ему кинулась...

Ашанинъ прошелъ изъ палисадника во дворъ дома, встрѣтилъ тамъ какого-то мальчика-слугу въ куцомъ фрачкѣ, метавшаго камешками въ сосѣдній заборъ, прервалъ его полезное занятіе пославъ его сказать Вальковскому собираться скорѣе, а самъ, отдавъ кучеру приказаніе пріѣхать съ Иваномъ Ильичемъ на станцію, направился туда, или вѣрнѣе направился самъ не зная куда, по улицамъ незнакомаго ему города, пытаясь заглушить усиленнымъ движеніемъ клокотавшее въ душѣ его бѣшенство... О, что бы онъ далъ теперь

чтобы сломить, смять, задушить это „своенравное, злое... и очаровательное созданіе“, задушить эту злость безконечными, безумными поцѣлуями...

„Фанатикъ“ давнымъ давно уже поджидалъ его на каменномъ крыльцѣ большой двухъэтажной станціи, изучая тѣмъ временемъ „подходцы и складку“ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ какого-то ямщика-ухоря съ наглымъ и льянымъ лицомъ („типъ“ этого ухоря онъ тутъ же порѣшилъ „воспроизвести“ въ піесѣ *Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ*, которую давно уже жаждалъ поставить на „благородномъ театрикѣ“), когда нашъ Донъ-Жуанъ, все такъ же злой, но успѣвшій уже порядочно устать, появился предъ нимъ.

— Гдѣ это ты шатался? Обѣдъ давно готовъ, пробурчалъ онъ,—у меня въ животѣ барабанщики съ часъ ужь времени зорю бьютъ.

— Тебѣ бы жрать все! злобно отрѣзалъ въ отвѣтъ Ашанинъ, подымаясь къ нему по ступенямъ крыльца.

— Ну, а что у тебя тамъ, подмигнулъ ему Вальковскій съ нескрываемымъ злорадствомъ въ тонѣ и усмѣшкѣ, сопровождавшей эти слова,—сорвалось, видно? И въ комнату то-есть не пустили даже?...

— Молчи, болванъ! прошипѣлъ на него красавецъ, сверкая загорѣвшимися новымъ бѣшенствомъ глазами.

— Работа! крикнулъ въ это же время сидѣвшій подлѣ „фанатика“ ямщикъ, кидаясь съ мѣста внизъ подъ шумъ колесъ подъѣзжавшей къ станціи дорожной кареты и, огибая крыльцо, побѣжалъ къ лошадямъ своимъ въ конюшню.

Городъ стоялъ на большомъ Московско-Курскомъ шоссе; проѣздъ былъ огромный, къ станціи съ громомъ колокольчиковъ и гикомъ ямщиковъ, то и дѣло подъѣзжали и отъѣзжали отъ нея экипажи всякихъ родовъ и видовъ.

Изъ подкатившей теперь къ ея крыльцу кареты вышла молодая, маленькая и худенькая барыня съ полуболѣзненнымъ, полупикантнымъ выраженіемъ блѣднаго и капризнаго лица. Она держала въ одной рукѣ дорожный мѣшокъ и, чуть-чуть приподнявъ другою спереди платье, брезгливо принялась всходить по пыльнымъ ступенямъ на самыхъ кончикахъ крохотныхъ ножекъ, обутыхъ въ ботинки бронзовой кожи.

— Зинаида Васильевна! воскликнулъ, уставясь глазами на эти ножки отверженный искуситель Ольги Акулиной.

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ! отвѣтила она такимъ же восклицаніемъ, моргнувъ съ видимо радостнымъ видомъ недурными, быстрыми, темными глазами,—здравствуйте! Какъ вы здѣсь?

— Проѣздомъ. А вы куда и откуда?

— Изъ Москвы въ деревню къ maman, которая должна прислать сюда за мною лошадей. И вообразите (личико ея при этомъ все сморщилось какою-то очень милою жалобною гримаской), горничная моя, какъ нарочно, заболѣла вчера горячкой, я должна была отправить ее въ больницу, а сама уѣхала fine seule, и если теперь лошади отъ maman не пришли, я принуждена буду ожидать одна здѣсь, въ этой отвратительной гостиницѣ,—я ее давно знаю...

— Можно сейчасъ провѣдать, сказалъ Ашанинъ:—Ваня, сходи тутъ, спроси, нѣтъ ли лошадей и посланнаго изъ деревни Маріи Николаевны Кошанской?

Вальковскій глянулъ злобнымъ взглядомъ на него и на говорившую съ нимъ даму, поднялся однако послушно съ мѣста и отправился исполнять порученіе.

— А у матушки вашей имѣніе тутъ не подалеку? сказалъ Ашанинъ, продолжая стоять на крыльцѣ съ пріѣзжею.

— Ахъ нѣтъ, еще цѣлыхъ тридцать верстъ, и отвратительной дороги...

— Ну, мужъ вашъ что̀? не давъ ей продолжать спросилъ онъ опять.

Она искоса глянула на него, и слегка приподняла плечи.

— Все то же: въ клубѣ, въ Паркѣ, у Цыганъ, est-ce que je sais?

Онъ все внимательнѣе глядѣлъ на нее.

— А вы все такъ же милы, другъ мой! тихо пропустилъ онъ на бархатныхъ нотахъ своего голосоваго репертуара.

Лицо молодой особы сложилось опять въ жалобно-забавную гримаску; маленькіе, бѣлые, ровные зубы сверкнули промежъ раскрывшихся, заалѣвшихъ губъ.

— Стара стала, третій годъ замужемъ, не шутка! молвила она улыбаясь.

— Опытъ пріобрѣли за то! проговорилъ онъ самымъ серіознымъ тономъ.

Она еще разъ подняла на него глаза, и страннымъ упрекомъ зазвучалъ ея голосъ:

— Для этого не нужно было и замужъ выходить. Вы чему не научите!

— Ахъ, Зиночка, для чего вы такія жестокія слова говорите! расхохотался на это откровеннѣйшимъ образомъ московскій Донъ-Жуанъ.

Она... она засмѣялась тоже...

Вальковскій вернулся къ нимъ съ отвѣтомъ, что „никого и никакихъ лошадей нѣтъ, и не бывало“

— Боже мой, какая скука! вскликнула молодая женщина,— каково мнѣ будетъ теперь ждать, быть-можетъ, до ночи въ этой saleté!...

— Нечего дѣлать, пойдемте, предложилъ ей тутъ же Ашанинъ,—можетъ-быть найдемъ нумеръ почище!

— Юлошникъ проклятый, тьфу! чуть не громко крикнулъ имъ въ слѣдъ „фанатикъ“, плюнулъ, и отчаянно махнулъ рукой.

„Барабанщики“ все неотразимѣе „били зорю въ его желудкѣ“,—а Ашанинъ какъ ушелъ съ пріѣзжею дамой, такъ и пропалъ... Вальковскій отправился отыскивать его на верхъ, въ гостиницу, и не нашелъ. Онъ рѣшилъ наконецъ не ждать его, и велѣлъ подавать себѣ „обѣдъ“, состоявшій изъ миски щей, какой-то котлеты, безпощадно посыпанной петрушкой, и двухъ бутылокъ пива, которыя „фанатикъ“, съ досады на пріятеля, выпилъ одну за другою.

Онъ кончалъ, когда явился наконецъ улизнувшій красавецъ, неся на лицѣ свое обычное, не то насмѣшливое, не то побѣдное выраженіе, давно и хорошо знакомое Вальковскому.

— А ты, уродина, смѣялся онъ,—такъ и не дождался меня?...

— А то какъ еще? буркнулъ тотъ:—околѣвать изъ-за тебя?...

— Ну, и прекрасно сдѣлалъ... Принеси, братецъ, что-нибудь поѣсть! обратился Ашанинъ къ слугѣ.

Онъ торопливо принялся за поставленныя предъ нимъ все тѣ же щи.

— Съ кѣмъ это ты теперь въ прятки вздумалъ? все тѣмъ же звѣремъ прохрипѣлъ Вальковскій.

— А ты не знаешь?... Зиночка Кошанская бывшая, за Смарагдова вышла... Не помнишь развѣ, три года назадъ, я тебѣ подробно разказывалъ...

— Не мало твоихъ такихъ сказовъ было, обо всѣхъ не вспомнишь... А ты вотъ скажи, когда лошадей-то запрягать?

Давно выкормили, седьмой часъ въ исходѣ. До Гундурова-то, сказываютъ, цѣлыхъ двадцать пять верстъ отсюда, вѣдь засвѣтло не доѣдемъ.

Ашанинъ доѣлъ, вскочилъ.

— А ты погоди маленько, Ваня, голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ нѣжненькимъ кошачьимъ, ласкательнымъ голосомъ,— доѣдемъ, непремѣнно доѣдемъ, прелесть моя. Ты только потерпи немножко, потерпи, Ваня, я сейчасъ, сейчасъ!...

Вальковскій не успѣлъ открыть рта какъ онъ уже исчезъ изъ комнаты.

Часы летѣли, лошади за „Зиночкой" все не приходили. Ашанинъ все также продолжалъ играть съ нею „въ прятки"... Желчныя пятна успѣли за это время покрыть все угреватое лицо „фанатика"....

Глубокая ночь стояла уже на дворѣ когда, наконецъ ругательски ругаясь, полѣзъ онъ въ поданную имъ коляску, вслѣдъ за Ашанинымъ, хохотавшимъ до упаду отъ его гнѣва, ни отъ веселаго воспоминанія только что пережитаго имъ новаго эпизода въ своей безконечной любовной эпопеѣ....

XCV.

Es denkt der Mensch die freie That zu thun,—
Umsonst..

Schiller. *Wallensteins Tod.*

Недѣли три послѣ представленія *Гамлета* въ Сицкомъ, въ одно прекрасное утро доложили князю Ларіону что къ нему пріѣхалъ исправникъ „съ порученіемъ", и проситъ дозволенія явиться.

— Проси, сказалъ князь нахмурясь, вспомнивъ невольно объ этомъ представленіи и о той „презрѣнной дѣвчонкѣ".

Толстый Елпидифоръ вошелъ съ видомъ серіознымъ и холоднымъ (выходъ его дочери замужъ за богатаго человѣка и завоеванное имъ личное расположеніе къ нему его прямаго начальства чрезвычайно подняли въ немъ чувство собственнаго достоинства), отвѣсилъ хозяину офиціальный поклонъ, и вынувъ изъ кармана письмо, запечатанное большою гербовою печатью, положилъ его на столъ предъ княземъ.

— Получилъ въ казенномъ пакетѣ, съ приказаніемъ лично

доставить вашему сiятельству, проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ намѣренной сухости въ интонацiи (безъ того-молъ ты, конечно, меня у себя бы не видалъ!).

— Очень вамъ благодаренъ! еще суше отрѣзалъ князь.

Елпидифоръ поклонился еще разъ, обернулся со свойственною грузному тѣлу его прыткостью, и вышелъ тутъ же изъ комнаты.

Письмо было отъ *графа* и поразило князя Ларiона неожиданностью своего содержанiя:

„Поздравляю тебя, *любѣзный Ларiвонъ* (писалъ ему его старый прiятель), *ѣсли* только *признаѣшь* что есть съ *чемъ* поздравлять? Получилъ *сйчасъ извещѣнiе* изъ *Петербурха* что *назначаешься* ты *чльномъ* Государственнаго Совѣта *о чомъ* выйдетъ указъ 1 iюля. Не знаю *будѣшь* ли доволенъ потому *конѣшно почотъ* а власти никакой и только непрiятности *ѣсли* противъ министра *какова очень* спорить. Я ожидалъ что тебѣ дадутъ постъ настоящiй а тутъ съ твоими способностями только болтать безъ толку или подписывать *сбольшинствомъ. Впрочѣмъ* это можетъ-быть только первый шагъ *кназначенiю.* Онъ (то-есть, сильный человѣкъ дядя Анисьева) *ничѣго* далѣе не пишетъ а только пишетъ *мне* сказать тебѣ *штобъ* ты былъ въ *Петербурхѣ* 1го iюля потому *этово желаютъ* (послѣднее слово было подчеркнуто въ подлинникѣ). Ѣхать тебѣ полагаю надо. Потому иначе не хорошо. *Совѣтую* и надѣюсь когда чрезъ Москву *проѣдишь* увидаться съ тобою. Поклонись своимъ *што милая дѣтя* племянница твоя. Обнимаю тебя.“

Князь Ларiонъ прочелъ письмо разъ, и два, останавливаясь на каждой строчкѣ, но разбирая не ихъ, а то что-то что̀ скрывалось за сообщаемою ему въ нихъ вѣстью. Лицо его становилось все раздраженнѣе и мрачнѣе, желчная усмѣшка кривила его тонкiя губы, и огонь глубокаго внутренняго негодованiя горѣлъ въ темной впадинѣ его глазъ.

„Впрочемъ это можетъ-быть только первый шагъ къ назначенiю“, прочелъ онъ еще разъ, и швырнулъ письмо на столъ презрительнымъ жестомъ!

„Утѣшить меня хочетъ, а и самъ не вѣритъ! Старикъ уменъ, чрезъ него шли ихъ предложенiя, онъ долженъ понимать, какъ и я, что *назначенiю* не бывать пока я... О безстыдные интриганы, какъ ловко подвели мину!... Не удалось въ первый разъ, такъ теперь новое: надѣть на меня погре-

мушки почета, чтобъ вызвать меня насильственно въ Петербургъ, а со мною ихъ, и тамъ... тамъ она склонится, думаютъ они, а меня будутъ водить все тою же перспективой портфеля, пока окажется что и безъ меня обойтись можно... можно будетъ оставить меня навѣки въ моемъ государственномъ бездѣйствіи... Ловко, удивительно ловко!..."

И князь Ларіонъ, какъ бы нежданно для себя самого, засмѣялся вдругъ короткимъ и злымъ смѣхомъ.

— Но они *ея* не знаютъ.... И меня не знаютъ! примолвилъ онъ, вставая и принимаясь шагать по своему огромному кабинету. Волненіе его все росло, и слова гнѣвно и обрывисто вырывались уже слышно изъ его устъ.—Я скажу... мнѣнія мои могутъ быть *пріятны* или *непріятны*, но не уважать... они не могутъ меня.... Я служилъ Россіи, государямъ моимъ вѣрно... и съ пользою... имя оставилъ! Они должны знать, понимать. Пусть тогда какъ прежде... дѣло... А *такъ*—нѣтъ!... Дѣло, а не... а не „болтать безъ толку", повторилъ онъ выраженіе стараго своего друга. — А ея не видать имъ тамъ... не видать! вырвалось у него съ новою силой,—я оберегу ее... до конца... *До конца*! повторилъ онъ съ какимъ-то вдругъ страннымъ движеніемъ губъ, и съ не менѣе страннымъ выраженіемъ глазъ направилъ ихъ и остановилъ на одномъ изъ угловъ покоя. Тамъ стоялъ старинный шкафъ изъ чернаго дерева, драгоцѣнный образчикъ италіянской работы XVIIго вѣка, украшенный превосходными изображеніями плодовъ изъ pietra dura; князь хранилъ въ немъ свои деньги, семейные документы и бумаги.

Но онъ черезъ мигъ отвелъ отъ него глаза, подошелъ къ висѣвшему у стѣны шнурку колокольчика и позвонилъ.

— Сходи къ княжнѣ, приказалъ онъ вошедшему камердинеру,—и скажи что мнѣ нужно переговорить съ нею, такъ не сойдетъ ли она сюда сейчасъ, если не занята... А затѣмъ распорядись уложить мои чемоданы, и чтобъ лошади были подъ коляску часамъ къ восьми. Я ѣду сегодня въ Петербургъ.

Лицо камердинера все заходило отъ удивленія и любопытства, но, встрѣтясь глазами со строгимъ взглядомъ князя, онъ немедленно же поникъ ими долу и поспѣшно вышелъ исполнить данное ему приказаніе.

Не менѣе удивлена и нѣсколько встревожена была имъ Лина (она только что вернулась къ себѣ съ прогулки), когда о немъ сообщено было ей. Она немедленно сошла къ дядѣ.

Онъ все такъ же ходилъ взадъ и впередъ мимо длиннаго ряда оконъ своего кабинета, отъ времени до времени подымая голову, какъ бы невольно заглядываясь на сіявшую сквозь эти окна горячую красу лѣтняго дня. Онъ обернулся на шумъ ея шаговъ, неторопливо пошелъ къ ней на встрѣчу, и указывая ей на кресло у стола:

— Садись, сказалъ онъ,—и прочти! И онъ подкинулъ ей письмо графа.

Княжна принялась читать, по временамъ чуть-чуть улыбаясь примитивному правописанію „дядинаго пріятеля", или сжимая слегка брови когда полнѣйшее отсутствіе запятыхъ въ его посланіи дѣлало на первый разъ читаемое не совсѣмъ понятнымъ. Но дойдя до конца его она внезапно поблѣднѣла: послѣдствія того что̀ сообщалось здѣсь совершенно ясно выступали предъ ней.

— Это, значитъ, намъ надо въ Петербургъ переѣзжать, дядя? вскрикнула она.

— Значитъ! подтвердилъ онъ ироническимъ тономъ:—они на это очевидно разчитываютъ, подчеркнулъ онъ.

Она пристально воззрилась на него:

— Вы полагаете что это все.... не договорила она.

— Все та же интрига, договорилъ за нее князь Ларіонъ;— я тебѣ тогда не говорилъ: мнѣ уже были сдѣланы предложенія изъ которыхъ истекало что меня можетъ ждать высокое положеніе, но что за это я долженъ заплатить содѣйствіемъ моимъ браку твоему съ этимъ.... Анисьевымъ. Ихъ комбинація, презрительно молвилъ князь, — не увѣнчалась успѣхомъ; этотъ петербургскій Макіавель изъ кавалеристовъ имѣлъ возможность лично убѣдиться что ничѣмъ подобнымъ меня не возьмешь.... Они это и придумали теперь (онъ кивнулъ на письмо), заставить меня жить въ Петербургѣ, зная что твоя мать только объ этомъ и мечтаетъ, что она тотчасъ же перетащится туда за мною.... что ты будешь у нихъ подъ руками, разчитывая что имъ тамъ будетъ легче купить насъ съ тобою. Тамъ у нихъ готовые, неотразимые, въ ихъ понятіяхъ, соблазны: свѣтъ, дворъ, обаянія власти, тщеславія.... Предъ этимъ, увѣрены они, не выдержитъ никто, измѣнитъ всякое убѣжденіе, склонится самая гордая голова.... Хочешь ли испробовать все это на себѣ, Hélène? спросилъ онъ съ легкою усмѣшкой, между тѣмъ какъ глаза его съ какою-то безконечною любовью и тоской останавливались на мигъ на ея наклоненной золотистой головкѣ....

Она подняла ее и отвѣчала его улыбкѣ такою же тихою, невеселою усмѣшкой:

— Нѣтъ, дядя, не нужно—я въ себѣ увѣрена.

— Я это зналъ заранѣе, сказалъ онъ,—и согласно съ этимъ и поступлю.

— Согласно съ моимъ желаніемъ? проговорила она съ замѣшательствомъ:—но, дядя, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ вы должны спросить себя, а не меня, какъ вамъ лучше поступить. Если служба ваша еще нужна, если вы опять можете приносить ту пользу которую вы всегда приносили, основательно ли было бы вамъ отказываться.... изъ-за меня? Меня бы это постоянно мучило, дядя!...

Онъ улыбнулся еще разъ.

— Напрасно мучилась бы, другъ мой! Я въ этомъ случаѣ не могу похвалиться даже тѣмъ что приношу тебѣ жертву. Служба моя, какъ оказывается изъ этого (онъ опять указалъ кивкомъ на письмо), никому не нужна, меня просто намѣрены, въ виду личныхъ соображеній, посадить почетнымъ образомъ въ Hôtel des Invalides.

— А вы не на это годны, дядя, сказала княжна, — съ вашимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ....

— Ну, возразилъ онъ,—на что̀ я годенъ теперь, право трудно сказать (и странное движеніе еще разъ передернуло его губы), но, какъ ты видишь, далеко не всѣ раздѣляютъ твое лестное мнѣніе обо мнѣ, примолвилъ онъ, насилуя себя на веселый тонъ. — Такъ или иначе, молвилъ князь Ларіонъ по минутномъ молчаніи, — надо отправляться *туда* чтобъ остановить все это... если еще не поздно, или распорядиться en conséquence въ противномъ случаѣ. Я выѣду сегодня вечеромъ чтобы попасть къ поѣзду въ Москву завтра утромъ.

Онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ:

— Что̀ у насъ сегодня? 26е число? Hélène, *онъ* долженъ былъ не сегодня, завтра быть у меня... Я лишаю тебя теперь моимъ отъѣздомъ случая увидѣть его. Прости меня, другъ мой!

И голосъ его зазвенѣлъ нотой какой еще никогда не доводилось слышать въ немъ Линѣ. Она поднялась съ мѣста съ глазами полными слезъ.

— Дядя, вскликнула она,—вы такъ добры, такъ благородны!... Я, вы знаете, не умѣю говорить, а вы, дядя, вы еще какъ будто сами отстраняли меня отъ себя въ послѣднее время... Я не смѣла подходить къ вамъ... Но теперь пред-

ставляется случай, я хочу вамъ сказать... какъ я вамъ благодарна, какъ я чувствую все... Я узнаю въ васъ папа, моего милаго, незабвеннаго.....

Онъ не далъ ей продолжать, подошелъ, взялъ ее обѣими руками за голову, и прикоснулся губами къ ея матово-блѣдному лбу.

— Спасибо за это, Hélène! Научиться и отцомъ быть на краю гроба, примолвилъ онъ нежданно тономъ шутки.

— Это что же такое „на краю гроба"? промолвила она, глядя на него тѣмъ не менѣе нѣсколько встревоженнымъ взглядомъ: — До этого еще далеко, дядя!

— Я сейчасъ и не собираюсь... Не умру пока тебѣ нуженъ! отвѣтилъ онъ, и уже громко разсмѣялся. — А о причинахъ моего отъѣзда,—тутъ же перемѣнилъ онъ разговоръ, — лучше чтобъ... Аглая Константиновна и этотъ перезрѣлый франтъ съ разбойничьею физіономіей (разумѣлся злополучный „бригантъ" Зяблинъ) ничего не знали.

— А если maman спроситъ? молвила Лина.

— Спроситъ меня, я скажу: нужно, и только... Она къ моимъ короткимъ отвѣтамъ привыкла, какъ бы уронилъ князь;— а спроситъ тебя, ты скажешь: не знаю. Вѣдь и не знала бы еслибъ я тебѣ не сказалъ?

— Это долго не можетъ остаться отъ нея скрытымъ, замѣтила княжна:—ей непремѣнно напишетъ про это графиня Анисьева, если какъ вы говорите все это ихъ „интрига".

— По всей вѣроятности (онъ повелъ утвердительно головой)! Пусть чрезъ нее и знаетъ, а намъ съ тобой не для чего давать заранѣе разыгрываться ея пылкому воображенію! домолвилъ князь Ларіонъ съ тою злою ироніей которая неизмѣнно прорывалась у него каждый разъ когда говорилъ онъ о своей невѣсткѣ, и которую не въ силахъ онъ былъ преодолѣть и теперь, несмотря на все его нежеланіе оскорбить дочернее чувство племянницы.

Лина только вздохнула.

XCVI.

Аглая Константиновна такъ и привскочила, когда по окончаніи обѣда, вставая изъ-за стола, князь Ларіонъ не глядя на нее, а какъ бы относясь ко всѣмъ тутъ бывшимъ, проговорилъ равнодушнымъ голосомъ и какъ о чемъ-то не имѣющемъ ни для него, ни для другихъ никакого особеннаго значенія:

— Я думаю сегодня вечеромъ въ Петербургъ ѣхать.

— Въ Петербургъ! вскрикнула она со мгновенно расширившимися зрачками своихъ круглыхъ глазъ, и даже губы ея вздрогнули отъ изумленія и любопытства;—et pourquoi cela prince Larion? (Со времени знаменитаго объясненія своего съ нимъ она просто „Larion" перестала его называть.)

Онъ повелъ взглядомъ черезъ ея голову.

— А тамъ, вы можетъ слышали, Исакіевскій храмъ строится; такъ я взглянуть хочу.

— И какъ скоро думаете вы вернуться? спросила опять княгиня, несмотря на далеко не вызывавшій на новые вопросы сухой и насмѣшливый тонъ этого отвѣта.

— Не загощусь долго, не безпокойтесь! еще рѣзче отвѣтилъ онъ теперь, и тутъ же вышелъ изъ комнаты.

Она поспѣшила въ свою очередь уйти къ себѣ на верхъ, пригласивъ взглядомъ Зяблина слѣдовать за ней.

— Oh, il y a quelque chose, il y a quelque chose! заголосила она, всплескивая руками, какъ только очутились они вдвоемъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ.

— Чтò такое? спросилъ „бригантъ".

— Ce départ Ларіона Васильевича, il ment говоря что онъ на какой-то храмъ тамъ хочетъ смотрѣть, il a assez vu de ces vieux temples en Italie! Онъ нарочно, pour me piquer такъ отвѣтилъ; тутъ я увѣрена, совсѣмъ другое. Мнѣ Vittorio говорилъ предъ обѣдомъ что у него былъ ce gros homme d'исправникъ, и я сейчасъ же подумала...

— Почта-съ! проговорилъ въ эту минуту Финогенъ, личный камердинеръ ея сіятельства, входя съ письмами и газетами на серебряномъ подносѣ.

— Une lettre de la comtesse! взвизгнула Аглая, узнавая знакомый почеркъ на одномъ изъ конвертовъ; — а теперь nous allons savoir, je suis sûre!

Она отослала слугу движеніемъ руки, торопливо сорвала обложку съ письма, и погрузилась въ него глазами.

— C'est cela, c'est cela! крикнула она черезъ мигъ, мечась отъ радости и подпрыгивая на своемъ диванѣ словно карась на сковородѣ, — я вамъ говорила!... Онъ назначенъ... Larion получилъ мѣсто! Читайте, lisez vous-même! восклицала она, протягивая Зяблину листокъ исписанный крупною, почти мужскою рукой графини Анисьевой.

„Une nouvelle que je Vous communique en toute hâte et très confidentiellement, chère princesse (прочелъ онъ громко). Vôtre beau-frère doit être nommé pour le 1 Juillet membre du Conseil de l'Empire. C'est magnifique, n'est ce pas, et tout-à-fait exceptionnel, car le prince est en retraite et n'a jusque là exercé des fonctions de ministre que temporairement, sans jamais en avoir porté le titre effectif; mais mon excellent frère a levé toutes les difficultés. Je lui en suis pour ma part chaleureusement reconnaissante, car nous allons grâce à cela Vous posséder enfin ici, chère amie. Je saute de joie d'avance à l'idée de reprendre avec Vous nos bonnes conversations de Rome....“

— Не правда ли, какъ она пишетъ délicieusement, cette chère comtesse? C'est un véritable génie pour la correspondance! голосила Аглая, взявъ обратно письмо изъ рукъ Зяблина и принимаясь снова за его чтеніе.—Дальше она мнѣ говоритъ про своего сына, какъ онъ влюбленъ въ Лину. Pauvre jeune homme, онъ такой интересный!.. Et tant d'esprit! Какъ онъ это хорошо устроилъ cette nomination Ларіона, n'est-ce pas?.. Ну, я надѣюсь теперь, молвила она уже таинственно, подмигивая безстрастно слушавшему ее „бриганту“,— когда мы будемъ въ Петербургѣ, les choses iront tout à-fait autrement, et Lina...

— Вы полагаете что въ Петербургѣ она непремѣнно должна перемѣниться и полюбить графа Анисьева? протянулъ Зяблинъ своимъ глухимъ и тягучимъ голосомъ.

— Конечно, должна! самымъ убѣжденнымъ тономъ подтвердила она;—c'est un jeune homme qui a tout pour lui... И потомъ, главное, тамъ je serai soutenue, за меня будетъ la comtesse, и братъ ея qui est si puissant; у меня будетъ такимъ образомъ l'appui de la Cour, примолвила Аглая уже шепотомъ,—а тутъ я одна et tout-à-fait impuissante противъ Ларіона... А онъ будетъ тамъ занятъ службой, и ему некогда будетъ даже знать et commenter mes actions... Да онъ и не

посмѣетъ là-bas, не посмѣетъ me faire les scènes affreuses которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать мнѣ здѣсь! воскликнула она, окончательно торжествуя.

— Сколько мнѣ извѣстно, заговорилъ опять „бригантъ“, сопровождая, по привычкѣ, слова свои глубокимъ вздохомъ,— въ Государственномъ Совѣтѣ служба болѣе почетная чѣмъ обременительная, и даже нѣкоторые его члены вовсе не засѣдаютъ, и живутъ даже не въ Петербургѣ.

Аглая даже въ лицѣ перемѣнилась.

— Вы думаете что Larion можетъ такъ устроить чтобы не жить à Pétersbourg?..

— Ничего не могу думать, потому что не знаю, возразилъ онъ,—а только полагаю что если другіе...

Она не дала ему кончить, раздула ноздри и ёрзнула по своему сидѣнью съ видомъ внезапной, охватившей мысль ея рѣшимости.

— Cela m'est égal! Если онъ не согласится жить въ Петербургѣ, я туда переселюсь и безъ него. Avec mon nom, ma fortune, у меня тамъ не послѣдній домъ будетъ, и съ поддержкой графини и ея брата, всѣ ко мнѣ пріѣдутъ, всѣ. même la Cour!..

— Князь опекунъ и попечитель вашихъ дѣтей, замѣтилъ насупливаясь Зяблинъ.

— Братъ графини можетъ такъ устроить что Ларіона смѣнятъ! фыркнула совсѣмъ ужь расходившаяся барыня.

„Бригантъ“ помолчалъ.

— Вы рѣшились? спросилъ онъ затѣмъ.

— Что̀?

— Переѣхать въ Петербургъ во всякомъ случаѣ?

— Конечно! вскликнула она.—Я ни за что̀ ужь другой зимы dans ce trou de Moscou не проведу.

Онъ вздохнулъ еще разъ, уже съ особою значительностью.

— Мнѣ очень жаль! пропустилъ онъ точно изъ желудка.

— Почему вамъ жаль, mon ami? пожелала она узнать, сентиментально и съ нѣкоторою тревогой воззрясь на него.— Развѣ вы также туда не переѣдете?

— Зачѣмъ? И онъ отвернулъ глаза къ окну.

— Зачѣмъ? повторила тономъ нѣжнаго упрека, впрягая круглые зрачки свои, Аглая.—Такъ *я* ужь... je ne suis plus rien pous vous.. Eugène?..

„Eugène“ вздохнулъ въ третій разъ.

— Я давно привыкъ къ битвамъ и обманамъ жизни, заговорилъ онъ, *разочарованно* улыбаясь и воскрешая въ лицѣ своемъ и складѣ рѣчи весь лошибъ своего былаго Печоринства,—давно знакомъ съ женскимъ сердцемъ и знаю какъ ничего ему не стóитъ ставить въ вину другаго свою собственную измѣну... или прихоть, извините меня княгиня!.. Вы приглашаете меня слѣдовать за вами на берега Невы...

— Mais pourquoi n'y viendriez vous pas, mon ami!

Онъ остановилъ ее рукой.

— Я знаю этотъ городъ! И я когда-то былъ на этой сценѣ, въ этомъ вихрѣ, который зовется петербургскимъ свѣтомъ... И я не прошелъ тамъ незамѣченнымъ, смѣю сказать, мои успѣхи... Но къ чему упоминать объ этомъ! Я всегда другаго искалъ... Мнѣ скоро опостыли эти „образы бездушныхъ людей, приличьемъ стянутыя маски"... Я уѣхалъ въ страну гдѣ однѣ горы и жужжаніе вражьихъ пуль, уѣхалъ на Кавказъ... Судьба перенесла меня затѣмъ „dans ce trou de Moscou", какъ вы презрительно выражаетесь, хотя именно тутъ, въ этой ямѣ суждено было встрѣтиться нашимъ двумъ жизнямъ...

Никогда еще такъ много—но и внушительно же какъ за то!—не говорилъ „бригантъ", и Аглая Константиновна глядѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ; она гордилась счастливымъ выборомъ своего сердца...

— Comme vous parlez bien, mon ami! вздохнула она, устремляя глаза въ потолокъ.—Но вы можете tout aussi bien жить въ Петербургѣ какъ и въ Москвѣ! настаивала она на своемъ.

Горечь человѣка познавшаго тщету земныхъ обольщеній изобразилась вторично на лицѣ „бриганта".

— Княгиня, началъ онъ опять, и уже нѣсколько въ носъ,—я мечталъ о неразрывномъ союзѣ этихъ двухъ жизней нашихъ, о тихой пристани, гдѣ послѣ бурь сердце мое могло бы отогрѣться у сердца любящей женщины. А вы меня въ Петербургъ зовете, гдѣ одна суета тщеславія, гдѣ посреди вѣчнаго „шума мірскаго" такъ легко забыть преданное сердце друга...

— Забыть васъ, Eugène? взвизгнула въ отвѣтъ Аглая, — oh, jamais, mon ami, jamais!

— Мнѣ не зачѣмъ въ вашъ Петербургъ, княгиня, язвительно заключилъ Зяблинъ,—для меня нѣтъ тамъ роли, нѣтъ положенія! Я отсталъ отъ всякихъ служебныхъ отличій... и наконецъ, самыя средства мои.... Онъ провелъ трагическимъ

жестомъ рукой по лицу: — оставьте же меня одинокимъ въ моемъ углу допить до дна чашу страданій!...

И съ этими словами „бригантъ" поднялся со своего кресла и направился къ двери.

— Куда же это вы, mon ami, куда? крикнула ему вслѣдъ Аглая.

— Нѣтъ, ужь позвольте, отвѣтилъ онъ въ полоборота,— разговоръ этотъ слишкомъ взволновалъ меня!..

И онъ исчезъ за портьерой.

Аглая Константиновна озабоченно закачала головой и задумалась.

— Il faudra payer ses dettes, а иначе я рискую de le perdre pour toujours! заключила она вслѣдъ за этимъ размышленіемъ, и вздохнула уже такъ что что-то опять крякнуло въ ея корсетѣ.—Только бы ужь не слишкомъ много было у него этихъ долговъ! тутъ же сказала себѣ разчетливая барыня, и съ новою озабоченностью на многодумномъ лицѣ принялась усиленно опахивать себя вѣеромъ.

А княжна Лина, простившись съ дядей (онъ уѣхалъ въ назначенный имъ часъ), и вернувшись затѣмъ въ свою комнату, долго раздумывала какимъ способомъ извѣстить скорѣе „Сашинскихъ друзей" объ этомъ обстоятельствѣ. Послать кого-либо изъ людей съ письмомъ она, послѣ того чтò говорилъ ей Ашанинъ по этому поводу, не рѣшалась,—а теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь, имѣя въ виду что за отъѣздомъ князя Ларіона ничто уже не могло помѣшать ея матери принять мѣры къ недопущенію ея переписки съ Софьей Ивановной. Прибѣгать, съ другой стороны, къ тѣмъ „романическимъ" средствамъ сообщенія о которыхъ ей говорилъ другъ Гундурова ей очень не хотѣлось: въ этомъ, въ ея понятіяхъ, было что-то не совсѣмъ честное, „неправдивое", какъ выражалась она. Самого Ашанина она не ждала такъ скоро: онъ пріѣзжалъ уже третій разъ въ Сицкое гдѣ княгиня принимала его все съ тою же любезностью съ письмами изъ Сашина къ Линѣ, и былъ тутъ не далѣе какъ за два дня предъ этимъ; пройдетъ непремѣнно пять, шесть дней пока онъ пріѣдетъ опять.... А между тѣмъ *ихъ* надо было извѣстить какъ можно скорѣе объ отъѣздѣ князя Ларіона чтобы Сергѣй не пріѣзжалъ понапрасну, и чтобы такой пріѣздъ его не подалъ повода ничего не знающей объ уговорѣ его съ княземъ Аглаѣ Константиновнѣ къ обвиненію его, пожалуй, въ

дерзости или желаніи нанести ей непріятность... Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?

Лина колебалась очень долго... Боязнь подвергнуть гнѣву матери, державшей домъ свой на очень строгой ногѣ, того изъ слугъ кого она послала бы съ письмомъ въ Сашино, взяла верхъ наконецъ надъ другими ея соображеніями. Предъ тѣмъ какъ отойти ко сну она написала Софьѣ Ивановнѣ о случившемся, сообщивъ при этомъ изъ разговора своего съ дядей все чтò могло успокоить ея друзей, запечатала конвертъ, надписала адресъ, и оставила письмо на своемъ письменномъ столѣ.

— Любопытно чтò изъ этого выйдетъ! невольно сказала она себѣ при этомъ.

На другой день, проснувшись (она долго не смыкала глазъ въ эту ночь), первая ея мысль была объ этомъ. Еще не одѣтая, въ утреннемъ пеньюарѣ, она поспѣшила изъ спальни своей въ кабинетъ, подошла къ столу, устремила взглядъ на мѣсто на которомъ оставила наканунѣ письмо. Его тамъ уже не было.

— Чтò это вы изволите искать, княжна? спросила ее горничная ея Глаша, идя за нею.

— Я тутъ, кажется, письмо одно оставила, отвѣтила Лина, глядя ей въ глаза.

Но Глаша такъ искренно и равнодушно проговорила на это: „Не знаю-съ, не видала", глядя, въ свою очередь, съ нѣкоторымъ изумленіемъ на вопрошавшую ее „какъ-то странно" княжну что та тотчасъ же должна была придти къ заключенію что молодая ея прислужница никоимъ образомъ не могла состоять на должности агента въ устроенной Ашанинымъ таинственной „почтѣ" между Сицкимъ и Сашинымъ.

Въ ту же пору, черезъ сутки, княжна одѣвалась въ своей спальнѣ, когда Глаша, вышедшая за чѣмъ-то въ кабинетъ, вернулась оттуда съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ.

— Вотъ-съ вы вчера какое-то письмо искали, такъ не это ли?

— Гдѣ ты его нашла? вскрикнула Лина.

— Да на столѣ же-съ. Не запримѣтили, должно-быть, али сунули куда-нибудь предъ тѣмъ...

Княжна тревожно кинула на него глаза... Но это было не ея письмо, а уже отвѣтъ на него Софьи Ивановны Переверзиной.

— Удивительно! невольно сказала она себѣ опять, улыбаясь.

Она вѣроятно удивилась бы еще болѣе еслибъ узнала что почталіономъ для этой корреспонденціи служила горничная ея матери, та самая „Lucrèce“, Лукерья Ильинишна, которую Глаша называла „аспидомъ“ и „ехидною“, и весь домъ почиталъ „шпіонкой“ княгини и клевретомъ ненавидимаго за его взыскательность „Тальянца Виторія“, и которая, ревнуя пламенно о вящемъ „продолженіи знакомства“ своего съ „жестокимъ“ московскимъ Донъ-Жуаномъ (почитавшимъ, съ своей стороны, священнѣйшимъ своимъ долгомъ, каждый разъ, когда бывалъ въ Сашинѣ, посвящать извѣстное время на ѣду съ нею вишенъ въ пустынномъ гротѣ, надъ рѣкой), каждое утро, подымаясь съ зарей, когда Лина и сама Глаша еще спали, прокрадывалась о-босу ногу въ кабинетъ княжны „навѣдаться“ и „исполнить, буде есть что“...

XCVII.

Setz'einen Spiegel in's Herz mir hinein
Und der Spiegel wird weisen: es ist nichts darin
Als Liebe und Treue und ehrlicher Sinne.

Volkslied.

Въ Сашинѣ полученное отъ княжны письмо произвело въ первую минуту очень тревожное впечатлѣніе. Гундуровъ, собиравшійся ко князю именно въ тотъ день когда получено было оно, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Свиданіе съ Линой, по которому онъ томился съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все болѣе отлагалось такимъ образомъ вновь на неопредѣленное время, и къ этому присоединялся еще Дамокловъ мечъ возможности переселенія всей семьи Шастуновыхъ въ Петербургъ, а „тамъ она пропала для меня навсегда!“ говорилъ себѣ съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца Сергѣй... Софья Ивановна старалась утѣшить его, успокоить, ссылаясь на сообщавшійся Линой разговоръ ея съ дядей, изъ котораго было очевидно что онъ не желаетъ поступать обратно на службу, не хочетъ жить въ Петербургѣ. Но въ душѣ тетка Гундурова была сама далеко не спокойна. „Онъ былъ всегда честолюбивъ, думала она о князѣ Ларіонѣ,

всегда былъ въ дѣлахъ, привыкъ ко власти; онъ разстался съ нею добровольно, но не можетъ не томиться теперь своимъ бездѣйствіемъ; онъ не доволенъ въ настоящую минуту что его посадили въ Совѣтъ, а не сдѣлали министромъ, но вѣдь, быть-можетъ, и сдѣлаютъ,—ясно что о немъ вспомнили, что вернули ему милость, а самъ онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, соблазнится, останется"... Софья Ивановна не менѣе племянника волновалась мыслью о томъ какой жестокій ударъ могъ быть нанесенъ его надеждамъ переѣздомъ Шастуновыхъ изъ Москвы. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Ѣхать и ему въ Петербургъ, поступить на службу (какое положеніе для молодаго человѣка въ Петербургѣ внѣ службы), пойти по извѣстной колеѣ свѣтскаго чиновничества, отъ котораго она всю жизнь свою мечтала уберечь его?... Софья Ивановна воспитана была, провела всю свою молодость на Невскихъ берегахъ, ей вѣдомъ былъ тотъ „нравственный воздухъ которымъ живутъ тамъ люди", тотъ строй взглядовъ и понятій чтò царилъ тамъ неумолимымъ деспотомъ въ тѣ времена. Она знала что „съ московскою, да еще студентскою, какъ она выражалась, независимостью Сергѣя" онъ такъ же мало былъ способенъ помириться съ „казенщиной" петербургской канцеляріи, какъ и съ „казенностью" петербургскаго большаго свѣта, что онъ или обратитъ тамъ „откровенностью своихъ сужденій" вниманіе на себя—вещь весьма опасная въ ту пору, или раздражится, вовсе не станетъ ѣздить въ то общество гдѣ единственно представлялся бы ему шансъ встрѣчаться съ княжной Линой. Да и наконецъ, говорила себѣ Софья Ивановна, еслибъ онъ и подчинился всему этому, рѣшился терпѣливо вынести все чтò такъ противно было тамъ и природѣ его, и воспитанію, еслибъ онъ и обратился въ „приличнаго молодаго человѣка съ хорошимъ служебнымъ будущимъ,"—насколько въ глазахъ этого свѣта прибавилось бы ему правъ отъ этого на руку одной изъ первыхъ по имени, богатству и красотѣ невѣстъ въ Россіи? Не такъ же ли все и вся заволило бы о неслыханной дерзости его „претензій", еслибы чувство его къ княжнѣ стало тамъ извѣстно?.. А сама она, Елена Михайловна, не подверглась ли бы она пересудамъ и толкамъ самаго злобнаго свойства за „поощреніе этого чувства, за такой amour indigne d'elle," какъ сказали бы эти люди? „Не измаялась ли бы она въ конецъ, сердечная, не истаяла ли бы, милая, подъ

гнетомъ неустанныхъ намековъ, уколовъ, упрековъ, среди этого неумолимаго, безпощаднаго безсердечія и пустоты?..“

Такъ разсуждала тетка Гундурова, и въ обнимавшей ее тревогѣ мысль о племянникѣ не отдѣлялась отъ мысли о княжнѣ; она сама не могла сказать себѣ теперь, кто изъ нихъ былъ дороже, былъ ближе ея душѣ... „Какъ она будетъ въ состояніи вынести все это“, озабочивало Софью Ивановну даже гораздо болѣе чѣмъ то какія послѣдствія „все это“ могло имѣть на жизнь, на всю судьбу Сергѣя.

Но у Софьи Ивановны, какъ и у глубоко родственной ей по душѣ княжны Лины, была одна великая внутренняя сила: она вѣрила! „Не унывай и борись до конца, а тамъ да будетъ воля Мудрѣйшаго насъ!“ Въ этихъ словахъ находила она неизмѣнно то „окрыляющее“, по выраженію ея, чувство, при которомъ бодрѣлъ ея духъ и яснѣлъ помыселъ въ самыя трудныя минуты жизни, и которое невольною властью своей подчиняло себя и всѣхъ ее окружавшихъ. (И счастливъ въ этой жизни тотъ кому суждено испытать надъ собой „окрыляющее“ вліяніе такой вѣрящей, любящей и не клонящей головы своей подъ грозой женщины!...)

И теперь произошло то же самое. „Никто какъ Богъ!“ сказала себѣ Софья Ивановна послѣ долгаго передумыванья всякихъ тяжелыхъ мыслей и ни къ чему не приведшихъ соображеній возбужденныхъ въ ней полученнымъ изъ Сицкаго извѣстіемъ. И она какъ-то вдругъ успокоилась и ободрилась, и вернувшуюся къ ней ясность духа сообщила и „ютившимся подъ ея материнскимъ крыломъ птенцамъ несмыслящимъ“, какъ называлъ въ шутку себя съ пріятелями Ашанинъ. Всѣмъ имъ, включая сюда и Гундурова, какъ бы вдругъ стало очевиднымъ что не изъ чего приходить заранѣе въ отчаяніе, что тонъ письма княжны былъ гораздо болѣе успокоительнаго чѣмъ устрашающаго свойства, и что сама она наконецъ не принадлежала къ числу тѣхъ созданій чья зыбкая воля клонится по прихоти всякой перемѣны вѣтра: „ее не сломить никакому Петербургу!“ подумалось всѣмъ имъ.

Оба пріятеля Гундурова одинаково ото всего сердца желали ему успѣха, хотя и руководились при этомъ не совсѣмъ одинаковыми побужденіями. Донельзя распущенный въ нравственномъ отношеніи, но искупавшій свои слабости дѣйствительно „золотымъ“, какъ говорила Софья Ивановна, пылкимъ и великодушнымъ сердцемъ, Ашанинъ не имѣлъ ничего иного

въ виду при этомъ какъ счастіе друга, котораго онъ любилъ какъ брата и глубоко уважалъ какъ человѣка. Искренній „фанатикъ“ театральнаго искусства, Вальковскій таилъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ своею, весьма часто намѣренною, грубостью не мало что̀ говорится „хитростцы“ и практическаго разчета. Онъ любилъ Гундурова по-своему, за „охоту и талантъ“ его ко сценѣ, и въ бракѣ его съ дѣвушкой, имѣвшею принести мужу въ приданое такое огромное состояніе какъ княжна, видѣлъ прежде всего ту выгоду которую самъ онъ, Вальковскій, въ случаѣ такого приращенія земныхъ благъ у пріятеля, могъ извлечь для себя какъ по части устройства всякихъ будущихъ „театриковъ“, такъ и относительно грядущаго размѣра тѣхъ вспоможеній всякаго рода которыми онъ искони привыкъ пользоваться со стороны обоихъ своихъ пансіонскихъ товарищей... На этомъ основаніи онъ гораздо болѣе Ашанина волновался заботой объ „исполненіи желаній“ Гундурова, и очень часто, самъ не подозрѣвая того, оскорблялъ нашего героя въ его чистомъ и благоговѣйномъ чувствѣ какимъ тотъ исполненъ былъ по отношенію къ Линѣ.

— Послушай, братъ, говорилъ онъ ему озабоченно на другой день послѣ полученія ея письма въ Сашинѣ,—я всю ночь продумалъ о твоихъ обстоятельствахъ, и пришелъ къ тому что нечего намъ тутъ всѣмъ киснуть, когда настоящее дѣло дѣлать треба!

— Какое это такое „настоящее дѣло“? спрашивалъ Сергѣй.

— А такое что колибъ эта лядащая фря, княгиня, захотѣла дочь силой въ Питеръ везти, такъ вѣдь и мы можемъ ей такой камуфлетъ подпустить... Я все сообразилъ подробно: на козлахъ ямщикомъ я! весь этотъ аллюръ ихній знаю я теперь до тонкости, то-есть въ самомъ настоящемъ видѣ изображу, не отличишь; Володька—лакеемъ. Мы же и свидѣтели. Подкатываемъ ночью къ саду, она тамъ ждетъ. Живо, въ коляску, валяй въ Анцыферово, село тутъ есть, двадцать верстъ, все это разузналъ я до ниточки, а въ селѣ-то попъ Гаврило, пропоица и шельма изумительнѣйшая, за сто цѣлкашей козла съ козой обвѣнчать готовъ, говорятъ, а не то что....

— Ты самъ не знаешь что̀ говоришь, Вальковскій! вскликнулъ весь вспыхнувъ Гундуровъ.

— Экая дубина, экая безобразина! расхохотался тутъ же бывшій Ашанинъ;—и вѣдь изъ того онъ это все изобрѣлъ въ дурацкой головѣ своей чтобъ ему ямщикомъ молодцомъ на козлахъ сидѣть, въ клыкѣ свой кабаній соловьемъ свистать... А что, Ваня, „Маргоренька-то къ гусару ушла"? закончилъ онъ вопросомъ, которымъ преслѣдовалъ его съ утра до вечера, съ самаго дня встрѣчи ихъ въ городѣ.

Вальковскій, само собою ругнулъ его, плюнулъ и отошелъ.

А вечеромъ сидѣли они опять всѣ трое за вечернимъ чаемъ у стола, за которымъ Софья Ивановна, въ круглыхъ очкахъ на носу, вязала какое-то одѣяло и восторгалась *Ромео и Юліей*, въ появившемся въ ту пору въ одномъ изъ повременныхъ изданій переводѣ этой драмы на русскій языкъ. Такія чтенія Шекспира, начатыя по мысли тетки Гундурова, видѣвшей въ этомъ лучшее средство развлекать Сергѣя отъ муки и тревогъ его личныхъ помысловъ, соединяли каждый вечеръ Сашинское общество, и часто заставляли засиживаться его далеко за полночь. Сама Софья Ивановна, сохранившая подъ сѣдыми волосами всю горячую впечатлительность молодости, увлекалась до слезъ геніальными красотами поэта и просила чтеца продолжать, забывая первая что обычный часъ ея отхода ко сну давно отзвонилъ во всѣхъ комнатахъ дома. Гундуровъ, душевное состояніе котораго такъ близко подходило къ тому страстному возбужденію коимъ исполнено все существо молодаго Веронца Шекспира, находилъ для передачи его рѣчей звуки глубоко потрясавшіе его слушателей и отъ которыхъ самъ онъ иной разъ пьянѣлъ и замиралъ въ неизъяснимомъ восторгѣ или растрогивался до рыданія въ горлѣ. Послѣ каждой нѣсколько значительной сцены начинались толки, комментаріи, споры. „Фанатикъ" сжималъ кулаки и зубы чтобы не ругнуться отъ избытка восхищенія въ присутствіи импонировавшей ему Софьи Ивановны. Ашанинъ, неустанно тѣшившійся имъ и преслѣдовавшій его все тѣми же незлобивыми насмѣшками, всячески поджигалъ и вызывалъ его энтузіазмъ на какую-нибудь забавную выходку.

— Да, говорилъ онъ однажды,—Ромео несомнѣнно первая изъ первыхъ молодыхъ ролей какія только существуютъ на театрѣ!

— Первѣющая! подтвердилъ Вальковскій,—сіяя непомѣрно раскрытыми глазами.

— Вотъ бы тебѣ попробовать себя когда-нибудь на ней Ваня? невиннѣйшимъ тономъ продолжалъ за этимъ красавецъ.

— Вѣдь ты не дашь, Володенька? возразилъ на это тотъ голосомъ исполненнымъ такого страстнаго внутренняго желанія, униженной мольбы и страха за отказъ что все кругомъ разразилось неудержимымъ хохотомъ.

— А вотъ вы, въ самомъ дѣлѣ, возьмите, прочтите намъ что-нибудь изъ роли Ромео, Иванъ Ильичъ, молвила Софья Ивановна, принимая тутъ же серіозный видъ и грозя пальцемъ Ашанину:—Владиміръ Петровичъ не одинъ здѣсь судья!

„Фанатикъ“ жадно потянулъ къ себѣ книгу, лежавшую предъ Гундуровымъ, остановившимся на первой сценѣ Ромео съ Лоренцо, и съ первыхъ же словъ загудѣлъ такимъ звѣремъ что Ашанинъ, ухватившись за бока, вскочилъ, выбѣжалъ въ гостиную и повалился тамъ на диванъ, надрываясь новымъ истерическимъ смѣхомъ. Гундуровъ уронилъ голову на столъ и залился тоже.

— Да, рѣшила Софья Ивановна, укалывая себя до боли спицей въ подбородокъ, чтобы не заразиться ихъ примѣромъ,—мнѣ кажется, дѣйствительно, Иванъ Ильичъ, что для васъ годятся роли... менѣе пламеннаго характера...

Вальковскій надулся, но только на этотъ вечеръ. Ему слишкомъ удобно жилось въ Сашинѣ, онъ слишкомъ хорошо тамъ ѣлъ, пилъ и спалъ, чтобы расходиться съ его гостепріимными хозяевами изъ-за какой-нибудь „рольки“, какъ выражался онъ своими обычными уменьшительными обозначеніями. Чтенія Шекспира продолжались попрежнему, и неудачная попытка „фанатика“ передать эту молодую „рольку“ не оставила малѣйшаго слѣда въ строѣ общаго добраго согласія, царствовавшаго въ тихой сѣни стараго Сашинскаго дома.

Такъ прошло болѣе недѣли. Съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе ждали теперь наши друзья новыхъ извѣстій изъ Сицкаго, отъ княжны. Но извѣстій не приходило....

XCVIII.

Готовься съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ!

Баратынскій.

Волшебный лѣтній вечеръ лежалъ надъ заснувшими липами Сашина. Нараждавшійся мѣсяцъ индѣ сверкалъ тонкимъ серебрянымъ очеркомъ сквозь темную сѣть ихъ многолиственныхъ вѣтвей, и нѣжный запахъ политыхъ къ вечеру цвѣтовъ несся проницающими струями на низенькій балконъ дома, двумя-тремя ступеньками спускавшійся въ садъ. Свѣтъ высокой лампы и свѣчей въ стеклянныхъ колпакахъ, стоявшихъ на столѣ на этомъ балконѣ, добѣгалъ до разбитой подъ нимъ клумбы, и какъ бы вынырнувшая изъ ближайшаго ея куста большая бѣлая роза чуть-чуть дрожала на невидимомъ стеблѣ своемъ, вся облитая и вся зачарованная словно этимъ нежданнымъ и незнакомымъ ей свѣтомъ...

Кругомъ стола сидѣлъ „Сашинскій квартетъ", какъ выражалась Софья Ивановна въ веселыя минуты. Они только-что отпили чай. Предъ Гундуровымъ лежалъ томъ Пушкина, открытый на *Каменномъ Гостѣ*, котораго собирался онъ читать вслухъ. Но онъ медлилъ приняться за книгу и глядѣлъ прищуренными глазами въ садъ, охваченный тишью и красотой ночи.

— Какъ хорошо! проговорилъ онъ ни на кого не глядя.

„Что за ночь, за луна, когда"... вспомнилось Ашанину тутъ же одно изъ любимѣйшихъ его стихотвореній.

— Нѣтъ, вы посмотрите на эту розу, молвила въ свою очередь Софья Ивановна,—какъ она выдѣляется изъ темноты, и точно глядитъ на насъ!

— Я давно на нее любуюсь, сказалъ Ашанинъ,—точно глядитъ и стыдится, прелесть!... Сережа, не напоминаетъ она тебѣ....

— Офелію? И Гундуровъ съ засверкавшимъ взглядомъ обернулся на него.

— Именно, именно! Вотъ что называется симпатія душъ, засмѣялся красавецъ,—мнѣ это сейчасъ пришло въ голову! она такъ...

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль, прерванный восклицаніемъ Софьи Ивановны:

— Кого это Богъ даетъ!

Всѣ разомъ примолкли. Изъ-за саду, мимо котораго шла дорога въ усадьбу, доносился звонъ колокольчика.

Гундуровъ вздрогнулъ отъ невольнаго нервнаго ощущенія. Колокольчикъ такъ живо напоминалъ ему пріѣздъ Анисьева въ Сицкое, трепетъ Лины, всю пережитую ими тогда муку.

— Кто это, въ самомъ дѣлѣ? пробормоталъ онъ.

— Ужь не за мною ли начальство шлетъ? У меня вторая недѣля какъ отпускъ просроченъ, заявилъ съ мгновеннымъ смущеніемъ Вальковскій.

Ашанинъ расхохотался:

— Станетъ оно еще давать себѣ трудъ посылать за тобой! Просто выключитъ если къ сроку не явился.

„Не изъ Сицкаго ли что̀?“ подумалось одновременно и Сергѣю, и его теткѣ; они переглянулись.

— Нѣтъ, тогда бы безъ колокольчика! сказала она громко въ отвѣтъ угаданному обоими ими вопросу, и успокоенно улыбнулась ему.

Топотъ лошадей между тѣмъ уже явственно слышался на дворѣ. Кто-то подъѣзжалъ ко крыльцу.

— Исправникъ! доложилъ, вслѣдъ за этимъ, выходя изъ комнатъ, старикъ Ѳедосей, камердинеръ Гундурова.

— Что̀ ему нужно? невольно вскрикнула Софья Ивановна.

— За мною, вѣрно за мною!... радостно возгласилъ „фанатикъ“,—театрикъ, должно-быть, устраивается, такъ онъ за мною, толстопузъ, прикатилъ!...

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся съ балкона.

— Они Сергѣя Михайловича спрашиваютъ! угрюмо пѣвучимъ голосомъ промолвилъ Ѳедосей, не трогавшійся съ мѣста.

— Меня?... Проси! сказалъ Сергѣй, взглянувъ на тетку.— Не попался ли въ чемъ кто-нибудь изъ нашихъ крестьянъ? объяснилъ онъ.

— Сюда!... сюда проси! торопливо добавила Софья Ивановна...

Въ гостиной уже раздавался скрипъ сапоговъ входившихъ, и на балконѣ черезъ мигъ, слегка споткнувшись о его порогъ, но сейчасъ же оправившись и молодцовато выставивъ грудь впередъ, появился Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ во всей внушительности своей громоздкой фигуры и съ такою же

внушительностью на неулыбавшемся и какъ бы чѣмъ-то чрезвычайно озабоченномъ лицѣ. Вальковскій шелъ за нимъ опустивъ голову и поводя изподлобья кругомъ какъ бы нѣсколько сконфуженными глазами. Пріѣздъ „толстопуза" очевидно не имѣлъ цѣлью театрикъ.

— Madame la générale! проговорилъ исправникъ, подходя къ хозяйкѣ и шаркая съ ловкостью бывалаго гвардейца.

— Здравствуйте, monsieur Акулинъ, проговорила Софья Ивановна, внимательно глядя на него:—не угодно ли присѣсть? примолвила она черезъ мигъ, указывая на кресло.

Елпидифоръ отблагодарилъ поклономъ, тяжело опустился въ это кресло, протянулъ и перекинулъ одна на другую толстыя свои ноги и, уложивъ фуражку на колѣняхъ, а голову опустивъ на грудь, принялся съ намѣренною какъ бы нетороплівостью стаскивать съ рукъ перчатки.

Софья Ивановна съ невольнымъ волненіемъ слѣдила за всѣми его движеніями.

— Да неугодно ли вамъ чаю? спросила она, вспоминая свою обязанность хозяйки, и поставила чайникъ на канфорку еще не потухшаго самовара.

— Если позволите... полстаканчика... Некогда больше! примолвилъ онъ, подымая глаза и останавливая ихъ на ней.

— А развѣ вамъ еще куда-нибудь отъ насъ нужно? проговорила она, скрывая подъ равнодушнымъ тономъ вопроса серіозное безпокойство которое начинало овладѣвать ею.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ исправникъ, принимая видъ человѣка который обязанъ, но весьма неохотно исполняетъ это, объявить другому непріятную вѣсть:—я имѣю дѣльце... къ Сергѣю Михайловичу...

— Какое такое? спросилъ Гундуровъ, хмуря брови.

— Вотъ, если позволите на минуточку... къ вамъ въ кабинетъ, медлительно выговорилъ исправникъ, протягивая руку къ налитому ему хозяйкой стакану чая,—мы съ вами переговоримъ...

— Отчего же не здѣсь, не сейчасъ? сказала выпрямляясь въ своемъ креслѣ Софья Ивановна,—у Сергѣя нѣтъ никакихъ тайнъ... и никакихъ *дѣлъ*, подчеркнула она,—о которыхъ нельзя было бы говорить громко, при всѣхъ!...

Елпидифоръ повелъ любезно головой внизъ.

— Отъ всей души готовъ вамъ вѣрить, madame la générale... тѣмъ болѣе что мнѣ лично ничего неизвѣстно... И даже

Всѣ примолкли на мигъ.

— Что̀ же, Сережа.... какъ ты думаешь? заговорила первая его тетка, подымая на него глаза.

Онъ пожалъ плечами.

— Собираться мнѣ не долго.... Хоть сію минуту!..

— Ты когда думаешь.... вернуться? не совсѣмъ твердо спросила она его опять.

— Да завтра же объ эту пору, я полагаю.

— Весьма бы желательно-съ, весьма! промолвилъ на это исправникъ съ интонаціей голоса злое намѣреніе которой не ускользнуло отъ Софьи Ивановны.

Багровыя пятна выступили у нея на лицѣ. Она взглянула на него такимъ негодующимъ взглядомъ что Елпидифоръ смутился и кашлянулъ въ руку чтобы скрыть это смущеніе,—и встала изъ-за стола.

— Вы мнѣ позволите васъ оставить одного пока племянникъ мой будетъ укладываться. Пойдемъ, Сережа!

— И я съ вами! послѣшно сказалъ Ашанинъ.

Они ушли втроемъ.

Вальковскій внезапно выскользнулъ изъ своего темнаго угла подошелъ озираясь къ исправнику и шепоткомъ проговорилъ:

— Не знаешь, братъ, для чего онъ требуется: дѣло въ самомъ дѣлѣ какое; или согрѣшилъ чѣмъ?

Тотъ глянулъ на него черезъ плечо.

— Слышалъ, сказано: „привезти самому“, значитъ, чтобы не утекъ. Не по головкѣ гладить, стало-быть! фыркнулъ онъ, доставая папироску изъ сигарочницы, и наклонясь съ нею къ одной изъ свѣчей стоявшихъ на столѣ.

„Фанатикъ“ опустилъ голову и словно съежился весь.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Сережа, говорила тѣмъ временемъ его тетка, уведя молодыхъ людей въ кабинетъ племянника,—не знаешь ли ты за собой чего-нибудь изъ-за чего могли бы тебѣ выйти непріятности?

Онъ засмѣялся даже.

— Что̀ же могу я знать такого за собою, тетя? Все что̀ я дѣлалъ и дѣлаю вамъ точно такъ же извѣстно какъ и мнѣ самому.

— И почему вы думаете, заговорилъ съ живостью Ашанинъ,—что Сережу должны ждать какія-нибудь „непріятности“ отъ нашего воеводы московскаго? Я такъ совсѣмъ напротивъ того думаю. Князь Ларіонъ Васильевичъ въ Сицкомъ,

при насъ же всѣхъ, такъ лестно и горячо рекомендовалъ ему Сережу, и вѣроятно теперь, проѣздомъ черезъ Москву, повторилъ это ему, что старцу, я увѣренъ, пришла въ голову блестящая мысль пригласить Сережу къ себѣ на службу. Онъ и вызываетъ его чрезъ исправника, какъ знающаго гдѣ его найти.

— Такъ такъ было бы и сказано, я полагаю, возразила Софья Ивановна,—а то *привезти*, точно арестанта какого-то, преступника.... Это просто оскорбительно!...

— А этого старецъ нашъ не понимаетъ, комическимъ тономъ объяснилъ Ашанинъ,—онъ по простотѣ: нужно ему кого-нибудь, ну и подавай его такъ или иначе. Вы на него не обижайтесь, генеральша; у пашей турецкихъ, говорятъ, еще простѣе обычай бываетъ!...

Софья Ивановна невольно усмѣхнулась, но глаза ея глядѣли все также невесело и озабоченно.

— Этотъ исправникъ, сказала она,—со своими какими-то грозящими намеками....

— Ну, вотъ эту толстую шельму я охотно бы поколотилъ! воскликнулъ пріятель Гундурова.—Вѣдь вы понимаете, генеральша, что онъ ровно ничего не знаетъ для чего вызывается Сережа къ графу, и знать не можетъ. А строитъ онъ эти угрожающія хари въ отместку вамъ за то что вы его къ себѣ въ домъ какъ знакомаго не пускали, а Сережа, когда мы въ Сицкомъ играли, ему, кромѣ репликъ, слова не сказалъ никогда. Такъ не тревожиться же вамъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за его рожи воронья пугала!...

Ашанинъ говорилъ тономъ такого глубокаго убѣжденія, и то что̀ онъ говорилъ имѣло за собою притомъ такъ много правдоподобности что Софья Ивановна въ эту минуту какъ-то вдругъ успокоилась. Она все время слѣдила за выраженіемъ лица Гундурова и осталась имъ довольна; ни малѣйшаго волненія, ниже суеты, а лишь та невольная брезгливость съ какою смотрѣлъ бы порядочный человѣкъ по ошибкѣ посаженный въ часть.

Онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и безсознательно перебиралъ пальцами по его сукну.

— Къ *нему* вѣдь во фракѣ явиться нужно, Сережа, сказала ему тетка,—не забудь взять!

— Возьму... И бѣлый галстукъ тоже нужно? спросилъ онъ насмѣшливо и чуть-чуть надменно улыбаясь.

— Само собою.... А что̀ ты ему однако скажешь, Сережа?

молвила черезъ мигъ Софья Ивановна, если онъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ предложитъ служить у него?

— Поблагодарю за честь, и откажусь... „Пашамъ“ я не слуга! промолвилъ онъ, повторяя выраженіе Ашанина.

Она помолчала.

— Однако вотъ что̀, другъ мой, начала она затѣмъ:—даю тебѣ два дня; если по истеченіи ихъ ты не вернешься въ Сашино, я поѣду въ Москву.

— Къ чему это, тетя? вскрикнулъ онъ.

— Я буду безпокоиться... у насъ всего ожидать можно....

— А позвольте мнѣ, милѣйшая моя генеральша, заговорилъ опять Ашанинъ все тѣмъ же, обычнымъ ему, шутливымъ и веселымъ тономъ,—позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: я поѣду теперь съ Сережей въ Москву, и еслибы что̀-нибудь дѣйствительно задержало его тамъ, даю вамъ честное слово что черезъ два дня, то-есть послѣзавтра, буду у васъ здѣсь съ извѣстіемъ.

— Отлично, Володя, спасибо! воскликнулъ, вставая съ мѣста Гундуровъ.—Мнѣ совѣстно было просить тебя, а я только что объ этомъ думалъ. Тетя будетъ спокойна, а меня ты избавишь отъ единственной непріятности во всемъ этомъ: ѣхать бокъ-о-бокъ цѣлую ночь съ этимъ господиномъ. Вы согласны, тетя?

— Хорошо, сказала она;—спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!.. А вотъ и Ѳедосей! Собирай барина!..

— Слышалъ-съ, проговорилъ угрюмо старый слуга, дѣйствительно слышавшій весь разговоръ изъ сосѣдней съ кабинетомъ спальни Гундурова,—у меня готово,

— Такъ вели въ старую коляску разгонныхъ четверку сейчасъ же! приказалъ Сергѣй.

— Да и его возьми съ собою! молвила ему тетка.

— А то развѣ отпущу я ихъ однихъ! уже совсѣмъ сердито отрѣзалъ старикъ, и даже дверью хлопнулъ уходя.

Всѣ невольно улыбнулись.

— А теперь я васъ оставлю, сказалъ Ашанинъ:—пойду крошечку надъ Елпидифоромъ потѣшиться.

Онъ вернулся на балконъ, на которомъ Акулинъ, развалившись по-хозяйски въ креслѣ, пускалъ кольца дыма въ недвижный воздухъ, а „фанатикъ“, опустивъ голову и сложивъ руки крестомъ на груди, шагалъ отъ перилъ до перилъ съ видомъ трагика обдумывающаго свой монологъ пятаго дѣйствія.

— Что же вашъ пріятель? спросилъ исправникъ, оборачиваясь ко входившему;—пора ѣхать!

Ашанинъ развелъ широко руками, въ подражаніе тому какъ разводилъ своими исправникъ въ разговорѣ съ Софьей Ивановной, и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ушелъ! Нѣту!

— Что-о? не понялъ въ первую минуту тотъ.

— Вы спрашиваете про Гундурова?

— Про него!

— Я вамъ и говорю, нѣтъ его, ушелъ! повторяя то же движеніе руками, подтверждалъ шалунъ.

Вся прыткость, вся юркость Елпидифора вернулись къ нему въ одно мгновеніе. Онъ привскочилъ съ кресла съ легкостью резиннаго мячика, и кинулся къ молодому человѣку.

— Удралъ? прохрипѣлъ онъ, и безконечныя щеки его мгновенно поблѣднѣли и запрыгали,—верхомъ?.. потому колесъ слышно не было...

— Нѣтъ, пѣшкомъ, отвѣчалъ Ашанинъ съ самою невозмутимою серіозностью.

— Такъ далеко еще не успѣлъ... Въ какую сторону?

— Недалеко, дѣйствительно:—въ сторону конюшни.

— За лошадью?

— За лошадьми;—приказалъ запрягать подъ коляску, ѣхать къ графу, въ Москву.

— Эхъ, чтобъ васъ! махнулъ со злостью рукой исправникъ,—я вѣдь подумалъ и въ самомъ дѣлѣ!.. И нашли чѣмъ шутить!..

— Я и не шучу,—вы спрашиваете, я даю отвѣты. Я не виноватъ что вы ихъ толкуете по-своему, по-полицейски.

Акулинъ надулся.

— И къ чему это ему коляску еще свою! Я думалъ его въ своемъ тарантасѣ везти...

— Не имѣете права! возгласилъ Ашанинъ.

— Чего это?

— Можете подъ уголовную отвѣтственность попасть!

— Да что это вы мнѣ расписываете! фыркнулъ исправникъ, все сильнѣе гнѣваясь.

— Вамъ предписано „привезти“ Гундурова къ графу для „личнаго объясненія“, значитъ привезти живаго, такъ какъ съ мертвымъ объясненія бываютъ обыкновенно нѣсколько затруднительны. Если же онъ бы съ вами сѣлъ рядомъ въ

экипажъ, вы бы его, надо полагать, при Богомъ вамъ данномъ преизобиліи тѣлесномъ, на первой же колеѣ придавили до смерти. Во избѣжаніе чего мы и порѣшили съ нимъ оставить васъ ѣхать въ одиночествѣ, а самимъ ѣхать въ его коляскѣ.

— Однако позвольте вамъ сказать, милостивый государь... началъ и не договорилъ уже весь красный отъ злости исправникъ.

— Что̀ сказать? съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ спросилъ тотъ, укладывая локти на столъ и глядя ему прямо въ глаза своими большими черными глазами.

Взбѣшенный, но осторожный Елпидифоръ вспомнилъ вовремя что этотъ черноглазый красавецъ, глядѣвшій на него такимъ вызывающимъ взглядомъ, былъ вхожъ „въ домъ его сіятельства“ и даже, какъ слышалъ онъ, пользовался особымъ расположеніемъ къ нему этого „дома“, и что поэтому размолвка съ нимъ была бы очевидно съ его стороны неразчетомъ.

— На васъ, конечно, сердиться нельзя, Владиміръ Петровичъ, повернулъ онъ неожиданно на шутливый тонъ,—вы привыкли съ дамами къ веселому разговору...

— А вамъ какого же угодно? протянулъ Ашанинъ, продолжая глядѣть ему въ глаза.

Неизвѣстно что̀ нашелъ бы отвѣтить исправникъ, но въ эту минуту „фанатикъ“, сосредоточенно прислушивавшійся къ пренію, трагически шагнулъ къ пріятелю.

— Это какъ же ты съ Гундуровымъ въ Москву собрался? А я?

— Что̀ ты?

— Мнѣ что̀ же оставаться-то здѣсь безъ васъ?..

— Мы вернемся завтра или послѣзавтра утромъ.

— А если какъ не вернетесь? мрачно промычалъ Вальковскій.

Ашанинъ уперся ему въ лицо проницательнымъ взглядомъ.

— Ты глупъ, Иванъ Непомнящій, подчеркнулъ онъ:—еслибы то что̀ ты предполагаешь должно было случиться, тѣмъ менѣе, кажется, слѣдовало бы тебѣ думать удирать теперь изъ этого дома!

„Фанатикъ“ понялъ и, покраснѣвъ до ушей, быстро отошелъ отъ него, и зашагалъ опять по балкону.

На порогѣ его показались хозяева.

—

— Лошади готовы; если вамъ угодно, можемъ ѣхать, какъ бы уронилъ Сергѣй, глядя черезъ голову исправника.—Ѳедосей твои вещи уложилъ, сказалъ онъ Ашанину.

— Спасибо!

Красавецъ отвелъ Софью Ивановну въ сторону.

— Вы извѣстите княжну? спросилъ онъ ее шепотомъ.

— Къ чему? выразила она:—это могло бы только ее встревожить, а вы надѣетесь, говорите, быть здѣсь послѣзавтра съ Сережей... или безъ него, примолвила она чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ,—всегда успѣемъ.

— Вѣрно, генеральша, вѣрно! согласился Ашанинъ:—позвольте ручку поцѣловать на прощанье.

Со двора доносился грохотъ выѣхавшихъ экипажей.

Всѣ прошли туда черезъ садъ.

— Какъ вамъ удобнѣе наблюдать чтобы мы отъ васъ какъ нибудь не „удрали", Елпидифоръ Павлычъ? громко и со смѣхомъ спросилъ исправника Ашанинъ, выходя на дворъ,—намъ ли ѣхать впередъ, или вамъ?

Въ толпѣ дворовыхъ собравшихся у крыльца смотрѣть на неожиданный отъѣздъ молодаго барина послышалось вызванное этими словами сочувственное и дружное хихиканье.

— Ахъ, сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно! отвѣтилъ съ досадой исправникъ (онъ чувствовалъ себя сильно не въ авантажѣ), направляясь къ поданному первымъ своему тарантасу.—Вашему превосходительству честь имѣю кланяться! сухо промолвилъ онъ, снимая на ходу фуражку предъ госпожой Переверзиной, и заковылялъ далѣе.

— Ну, Богъ съ тобою, Сережа! говорила она тѣмъ временемъ, остановившись съ племянникомъ въ темномъ углу у забора,—знаю что вздоръ, а сердце не на мѣстѣ, такое ужь глупое оно у меня...

Она подняла руку и трижды осѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

Тройка исправника уже выѣзжала за ворота. Молодые люди поспѣшили къ своей коляскѣ.

— Ваня, будь умникъ, крикнулъ изъ нея Ашанинъ Вальковскому, безмолвно и угрюмо глядѣвшему на нихъ съ крыльца,—и отучись подбирать съ тарелки горошекъ ножомъ, вилкой гораздо удобнѣе...

Среди дворовыхъ пискнулъ чей-то новый сочувственный смѣхъ... „Фанатикъ" плюнулъ, и ушелъ въ домъ подъ топотъ тронувшихъ лошадей.

XCIX.

Увѣшанная картинами угольная красная комната, предшествовавшая кабинету графа и выходившая четырьмя окнами на Тверскую площадь, въ бойкую пору года полная обыкновенно народа, была теперь, по случаю лѣтняго времени и еще ранняго часа дня, почти пуста. Пріемъ просителей—для чего графъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ въ городъ изъ своей подмосковной—былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. Въ красной комнатѣ поэтому въ ту минуту когда вошелъ въ нее Гундуровъ, за которымъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ исправникъ Акулинъ, находились только дежурный чиновникъ канцеляріи, длинный и худой молодой человѣкъ, глядѣвшій въ окно съ видомъ смертельной скуки, и такой же дежурный военный чиновникъ особыхъ порученій, лысый майоръ Чесминъ *, растянувшійся съ ногами на покрытомъ чехломъ, по-лѣтнему, какъ и вся мебель, диванѣ.

Услыхавъ шумъ шаговъ майоръ полуоткрылъ сонные глаза и спустилъ ноги съ дивана.

— А! Вы зачѣмъ къ намъ? лѣниво вымолвилъ онъ, узнавая нашего героя, съ которымъ встрѣчался въ одномъ знакомомъ имъ обоимъ домѣ въ Москвѣ.

— Вызвали! отвѣтитъ Гундуровъ съ невольнымъ пожатіемъ плечъ. (Онъ ѣхалъ всю ночь, только что успѣлъ обмыться и переодѣться, и лицо его носило видимые слѣды безсонницы и утомленія.)

— Вотъ какъ! зѣвнулъ Чесминъ, указывая ему мѣсто подлѣ себя на диванѣ;—а на что̀ вы ему нужны? (майоръ никогда иначе какъ этимъ мѣстоименіемъ не обозначалъ своего начальника, съ которымъ состоялъ въ самыхъ оригинальныхъ, брюзгливо-нѣжныхъ отношеніяхъ.)

— Это я у васъ хочу спросить, молвилъ хмурясь молодой человѣкъ:—живу я преспокойно у себя въ деревнѣ, пріѣзжаетъ вдругъ ко мнѣ вчера вечеромъ исправникъ...

— Вотъ эта туша, перебилъ его майоръ, кивая на Акулина, подошедшаго въ эту минуту къ длинному чиновнику, стоявшему у окна и затѣявшему съ нимъ шепотомъ какой-то разговоръ.

---

* См. *Типы Прошлаго.*

— Онъ самый.

— Слышалъ! Дочь, говорятъ, красавица и голосъ чудный... Въ любимчики за то попалъ (майоръ мигнулъ теперь по направленію кабинета графа); переводитъ онъ его сюда частнымъ приставомъ въ Городскую часть... все равно что тысячу душъ подарилъ, примолвилъ онъ своимъ хрипящимъ и насмѣшливымъ голосомъ.—И про васъ слышалъ. Вы тамъ съ нашимъ Чижевскимъ у Шастуновыхъ на сценѣ отличались!... И княжна играла, да?... Божественная особа! прохрипѣлъ опять Чесминъ, вздыхая, и сентиментально закатывая глаза подъ свой нескончаемый лобъ.

Гундуровъ отвернулся чтобы не дать прочесть ему на своемъ лицѣ волненіе вызванное въ немъ упоминаніемъ о княжнѣ.

— Не долго сегодня Өедоръ Петровичъ... проговорилъ въ эту минуту длинный чиновникъ, оборачиваясь отъ окна къ щелкнувшей замкомъ двери кабинета.

Дверь распахнулась, и изъ нея вышелъ довольно высокаго роста мущина съ крестомъ на шеѣ и чрезвычайно привѣтливымъ и открытымъ лицомъ, управляющій графскою канцеляріей. Онъ передалъ вынесенную имъ кипу только что доложенныхъ бумагъ поспѣшившему къ нему за ними чиновнику, и быстрыми шагами подошелъ къ окну, у котораго въ почтительной позѣ, переминаясь на толстыхъ ногахъ, стоялъ Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ.

— Господинъ исправникъ *** уѣзда? съ учтивою улыбкой проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше —ство!

— Графъ васъ проситъ!

Исправникъ, прижавъ шлагу въ колѣнку и вздрагивая всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, понесся на кончикахъ ногъ по направленію кабинета.

— Чтò онъ сегодня надолго пріѣхалъ, Өедоръ Петровичъ? спросилъ съ мѣста Чесминъ.

— Въ два часа, покончивъ съ просителями, уѣзжаетъ обратно въ Покровское, отвѣтилъ, подходя къ нему, правитель канцѣляріи, повелъ, слегка поклонившись, на сидѣвшаго рядомъ Гундурова бѣглымъ и какъ бы сочувственнымъ взглядомъ, подалъ майору руку, и вышелъ обычнымъ ему, торопливымъ шагомъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ васъ, думаете, вызвалъ? захрипѣлъ опять Чесминъ, оставшись вдвоемъ съ Гундуровымъ.

— Говорю вамъ, не знаю...

— И я не знаю, а догадываюсь.

— Скажите пожалуста, если такъ!

— Онъ вѣдь былъ у Шастуновыхъ, когда вы тамъ съ Чижевскимъ лицедѣйствовали?

— Былъ.

— Видѣлъ васъ на сценѣ?

— Да.

— Ну вотъ! У него тоже театръ въ его Покровскомъ. Прослышали его барыни про новый талантъ — мало у нихъ своихъ-то всякихъ ломакъ! промычалъ Чесминъ,—и загорѣлось видно, подавай молъ намъ его, да и только!... А онъ у насъ все чтò хотятъ онѣ, то и...

Онъ не успѣлъ договорить, какъ изъ кабинета бочкомъ выползъ пространный Акулинъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, скользнулъ черезъ всю комнату съ гвардейскою ловкостью, и какъ бы робѣя и смущаясь, между тѣмъ какъ на губахъ его играла самая плутоватая улыбка, подошелъ къ Чесмину.

— Извините меня, началъ онъ, — если такъ... не имѣя чести быть вамъ знакомымъ... но его сіятельство приказали мнѣ звать... а кого именно—я не понялъ...

— Господина Гундурова? указалъ майоръ на молодаго человѣка,—такъ вы вѣдь его знаете!

— Нѣтъ-съ, Сергѣй Михайловичъ не подходитъ къ тому слову... промямлилъ Елпидифоръ.

— Къ какому слову? Какъ онъ вамъ сказалъ?

— А они сказали: „Пошли ко мнѣ плешандаса!“ объяснилъ исправникъ, стыдливо опуская глаза и закусывая въ то же время губу чтобы не расхохотаться.

— Вѣдь вотъ—нà поди! буркнулъ майоръ, сердито подымаясь съ мѣста,—самъ до пятокъ лысъ, а туда же насчетъ другихъ прохаживается!...

И онъ лѣвино разваливаясь на ходу, какъ дѣлалъ это самъ графъ, съ которымъ Чесминъ имѣлъ и этотъ пунктъ сходства, отправился къ нему въ кабинетъ.

— Здравствуй, плешандасъ! тѣмъ же словомъ привѣтствовалъ его изъ самой глубины длинной и довольно темной комнаты голосъ начальства.

Графъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, въ большихъ серебряныхъ очкахъ на носу, и перебиралъ бумаги.

— А вамъ очень нужно, затворяя за собою дверь и дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, огрызся Чесминъ,—очень нужно обращать меня въ смѣшки предъ каждымъ встрѣчнымъ?

— Не сердись, майоръ! запѣлъ со смѣхомъ графъ, не оборачиваясь къ нему, и продолжая искать въ своихъ бумагахъ.

— И откуда вы этакого слона добыли? Насилу къ вамъ въ двери влѣзъ!

— Слонъ, а распорядительный! Я такихъ люблю!... И на театрѣ пресмѣшно играетъ!...

— На что̀ я вамъ нуженъ? спросилъ Чесминъ за наставшимъ послѣ этихъ словъ молчаніемъ.

— Хотѣлъ спросить: у чьихъ ногъ лежишь теперь? (это была стереотипная шутка которою старецъ допекалъ влюбчиваго майора чуть не каждый день.)

— Только за этимъ и звали! фыркнулъ тотъ.

— За этимъ! продолжалъ смѣяться графъ.—Тамъ есть одинъ молодой человѣкъ?

— Есть.... Гундуровъ?

— Да, Гундуровъ.... Отца зналъ! Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Какъ ты, майоръ былъ, веселая голова!"..

— Ну, а его, сына-то, вы зачѣмъ теперь къ себѣ вызвали?

— Мое дѣло, а не твое! запѣлъ опять „московскій воевода".—Зови его сюда!

Чесминъ повернулся и вышелъ.

Нашему герою было не по себѣ: и усталость, и чувство человѣческаго достоинства оскорбленнаго безцеремонностью вызова его и „доставленія" сюда, и перспектива объясняться съ этимъ московскимъ „пашой" въ качествѣ актера, какъ предсказывалъ ему Чесминъ,—все это мутило его и раздражало.... Съ угрюмымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица вошелъ онъ въ кабинетъ графа.

— Дверь за собой заприте! едва успѣвъ переступить порогъ его услыхалъ онъ голосъ хозяина.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ назадъ, потянулъ незатворенную имъ при входѣ дверь....

— Подойдите, продолжалъ голосъ.

Онъ подошелъ къ самому столу.

Графъ засыпалъ пескомъ только-что подписанную имъ бумагу, излишекъ песку ссыпалъ обратно въ песочницу,

снялъ очки, вложилъ ихъ аккуратно въ футляръ, и только теперь взглянувъ на молодаго человѣка, указалъ ему кивкомъ на стоявшій противъ него у стола стулъ:

— Садитесь!

Гундуровъ молча опустился на него.

— Ну, что̀ же вы теперь дѣлаете? началъ „паша", помолчавъ и уставившись на него.

„Какъ же я это ему объясню?" сказалъ себѣ нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ Сергѣй.

— Я жилъ теперь у себя въ деревнѣ.... отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Хозяйствомъ занимаетесь?

„На что̀ это все ему?" продолжалъ думать молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.... я въ хозяйствѣ мало смыслю. У меня.... тетушка воспитавшая меня.... и которая продолжаетъ управлять моимъ имѣніемъ....

— Какъ зовутъ?

— Меня.... или тетушку? нѣсколько оторопѣло спросилъ Сергѣй.

— Вашу тетушку!

— Софья Ивановна Переверзина.

— Переверзина! Мужъ служилъ по интендантской части? Генералъ-майоръ? Онуфрій Петровичъ звали?

— Да-съ.

— Знаю! И ладони графа поднялись вверхъ:—добрый человѣкъ былъ, только слабый! Мошенники окрутили, подъ судъ попалъ. Хорошо что умеръ, въ солдаты бы разжаловали!

„Къ чему это все, къ чему?" спрашивалъ себя, ничего не понимая, Гундуровъ.

— Зачѣмъ не служите? услышалъ онъ новый ex abrupto вопросъ.

— Я готовилъ себя къ ученой карьерѣ, отвѣчалъ онъ,—имѣлъ въ виду занять каѳедру въ здѣшнемъ университетѣ, и для этой цѣли думалъ съѣздить въ славянскія земли....

— Не пустили, знаю! прервалъ его голосъ,—все знаю! Сами виноваты! Зачѣмъ ѣздили въ Петербургъ? Должны были явиться ко мнѣ, какъ главному здѣшнему начальнику! Я бы отпустилъ.

— Я.... очень жалѣю.... въ такомъ случаѣ, пробормоталъ Сергѣй.

— Жалѣть поздно! А тамъ неосторожно себя вели, кричали, обратили на себя вниманіе!

— Я не кричалъ, сказалъ Гундуровъ,—а удивлялся и старался узнать тѣ поводы которыми я могъ бы себѣ самому объяснить этотъ отказъ мнѣ въ паспортѣ за границу, когда цѣль моей поѣздки была прямо и ясно прописана въ моемъ прошеніи...

— Нечего было удивляться, и прописывать нечего было! прервалъ его опять голосъ,—сами виноваты!... И до сихъ поръ не унялись, всякій вздоръ мелете!..

Герой нашъ вспыхнулъ весь, и отъ рѣзкости выраженія, и отъ неожиданности самаго обвиненія.

— Позвольте узнать... ваше сіятельство, неловко какъ-то примолвилъ онъ, вспомнивъ что надо было хоть разъ употребить этотъ титулъ въ разговорѣ съ „воеводой",—что̀ же я говорилъ такого вздорнаго?

Ладони поднялись.

— Императора Петра Перваго браните! Пьяницѣ мужику, говорите, надо волю дать! О Славянахъ какихъ-то болтаете!

Сергѣя покоробило опять, но глядя на добродушное лицо сидѣвшаго противъ него старца онъ не могъ не сознавать внутреннимъ чутьемъ что въ словахъ его не было никакого обиднаго намѣренія, и что все очевидно это говорилось имъ такъ, потому что онъ иначе говорить не умѣлъ. Гундурову и досадно было, и смѣяться хотѣлось.... „Но какъ же объяснить ему цѣлую теорію, цѣлую историческую школу?" думалъ онъ.

— Мы, сказалъ онъ безсознательно, разумѣя именно всю ту „школу" къ которой принадлежалъ онъ (и противъ которой, объяснялъ онъ себѣ, московскій правитель почиталъ почему-то нужнымъ ратовать въ его лицѣ)—Петра Перваго не бранимъ, а упрекаемъ его въ томъ что онъ все русское незаслуженно подавилъ, а все иностранное не въ мѣру возвысилъ.

— И иностранцы есть хорошіе и полезные слуги! пропѣлъ графъ;—князь Барклай-де-Толли Нѣмецъ былъ, и его дураки у насъ измѣнникомъ считали, и я самъ видѣлъ что почтенный человѣкъ плакалъ отъ этого! А онъ лучше каждаго Русскаго служилъ государству, и съ нашими войсками въ Парижъ вошелъ!

Сергѣй могъ только смолкнуть на этотъ неожиданный аргументъ.

— И опять вы про мужиковъ, продолжалъ не останавливаясь пѣть свой акаѳистъ графъ,—что ихъ надо отпустить

на волю. Вы хотите разбойниковъ наплодить, Россію вверхъ дномъ поставить!

— Не разбойниковъ, а вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Россіи и ея государя чаемъ мы видѣть въ освобожденномъ Русскомъ народѣ, отвѣтилъ нѣсколько рѣзко задѣтый за живое Гундуровъ, — и, какъ извѣстно, примолвилъ онъ, приводя доводъ который по его мнѣнію долженъ былъ имѣть наиболѣе вѣса въ глазахъ его собесѣдника,—мысль эта существуетъ у самого правительства, и оно уже два раза пыталось...

— Знаю! перебилъ его графъ, вознося горѣ свои ладони;— и что̀ было бы хорошаго? Одинъ вредъ! Потому распустить легко, а потомъ и остановить нельзя!

— Мы полагаемъ напротивъ, графъ...

— Что̀ вы мнѣ говорите „мы"! вскрикнулъ вдругъ тотъ, раздосадованный недостаточною почтительностью тона съ которымъ объяснялся съ нимъ молодой человѣкъ,—я про васъ говорю, а не про другихъ! Все отъ того что нечего вамъ дѣлать! Отъ того и болтаете пустяки!... Я получилъ изъ Петербурга.. сказать вамъ чтобъ вы опредѣлились на службу! неожиданно заключилъ онъ.

„Насильно заставляютъ, значитъ!" воскликнулъ мысленно Гундуровъ, и все лицо его вспыхнуло вновь.

— О васъ уже писано оренбургскому генералъ-губернатору! запѣлъ опять старецъ, не давъ ему времени произнести слова,—вы, я знаю, хорошо учились, можете быть тамъ полезны!

— Въ Оренбургъ! Что̀ же это, ссылка!..

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Громовой ударъ павшій у его ногъ не поразилъ бы его такъ какъ эта „невозможная" вѣсть.

— За что̀ же это, графъ? Что̀ я сдѣлалъ!.. Вѣдь это насиліе! Я никогда не готовилъ себя къ административной службѣ, я посвятилъ себя ученымъ занятіямъ....

— Можете заниматься и тамъ! возразилъ невозмутимо старецъ;—а вы дворянинъ, должны служить!

— Противъ воли, противъ призванія? Кто имѣетъ право дѣлать это съ неповиннымъ ни въ чемъ человѣкомъ!... Это гибель всѣхъ надеждъ моихъ, всего моего будущаго!..

Ладони вознеслись еще разъ.

— Неправда! Будущее все отъ васъ зависитъ! Василій Але-

ксѣичъ * умный человѣкъ, любитъ образованныхъ! Можете у него карьеру сдѣлать!

— Но я не хочу карьеры, я ѣхать не согласенъ! вскрикнулъ Гундуров,ъ безсильный сдержать негодованіе свое и волненіе.

— О согласіи вашемъ не спрашиваютъ! Я васъ отправлю съ жандармомъ!

Сергѣй глянулъ на него во всѣ глаза, глянулъ на этого „пашу", сидѣвшаго предъ нимъ въ наглухо застегнутомъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ мясистыми подбородкомъ и щеками, подпертыми высокимъ чернымъ галстукомъ, и все такъ же добродушно выпяченною впередъ нижнею губой, словно смѣявшеюся надъ строгостью напущенною ея владѣльцемъ на всѣ остальныя черты его широкаго, оголеннаго лица, и понялъ что протестовать, что возражать было бы безполезно, что цѣлый міръ лежалъ между его понятіями и тѣмъ строемъ воззрѣній среди которыхъ взроесъ, дѣйствовалъ и благодушествовалъ этотъ старецъ такъ жестоко располагавшій теперь его судьбой, и что поступая съ нимъ такъ, старецъ этотъ поступалъ безъ малѣйшей злобы, какъ и безо всякой тѣни сомнѣнія въ законности своего права и правильности своего рѣшенія.

„Что же съ этимъ подѣлаешь!" подумалъ несчастный. Онъ стиснулъ зубы и смолкъ.

Графъ остался видимо очень доволенъ впечатлѣніемъ произведеннымъ грозой его словъ. Онъ уже почти ласково взглянулъ на молодаго человѣка.

— Вы не должны огорчаться на то что̀ для вашей же пользы дѣлается! Послужите, вернетесь назадъ—все будетъ позабыто! Я первый готовъ буду тогда оказать вамъ содѣйствіе!

„Что̀ позабыто, что̀ я сдѣлалъ!" говорилъ себѣ Сергѣй, все такъ же не понимая какъ могъ пасть на него этотъ ударъ.

— Гдѣ вы остановились здѣсь? спрашивалъ его между тѣмъ „московскій воевода".

— Въ собственномъ домѣ, въ Денежномъ переулкѣ.

Графъ взялъ со стола карандашъ, и записалъ на бумажкѣ.

---

* Перовскій, тогдашній генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края.

— Даю вамъ три дня на сборы. А потомъ отправляйтесь съ Богомъ! пропѣлъ онъ,—о васъ въ Оренбургъ уже писано, я вамъ сказалъ. Я велю полиціи наблюсти чтобы вы черезъ три дня выѣхали!

Гундуровъ поднялъ глаза.

— Я говорилъ вамъ, графъ, что у меня тетушка; она меня воспитала замѣсто матери... Я не могу не повидаться съ нею; она осталась въ деревнѣ... позвольте мнѣ (какъ странно, обидно зазвучало въ его ушахъ это произнесенное имъ сейчасъ слово „позвольте") съѣздить къ ней!

— Совсѣмъ не нужно вамъ самимъ! Тетушка ваша можетъ сюда пріѣхать, напишите ей!

— Но на это пройдетъ двое сутокъ, пока она получитъ извѣщеніе, пока пріѣдетъ! Я не успѣю переговорить...

— Въ сутки можно обо всемъ переговорить! пропѣлъ графъ, не допускавшій чтобы могло найтись какое-либо возраженіе тому что̀ въ головѣ его было уже разъ рѣшено и подписано.

Гундуровъ хотѣлъ что-то сказать, но старецъ не далъ ему на это времени. Онъ всталъ и поклонился.

— Я вамъ все сказалъ. Прощайте!.. Поѣзжайте на Нижній! Тамъ теперь по Волгѣ пароходы внизъ ходятъ! уже совсѣмъ добродушно говорилъ онъ черезъ мигъ, идя къ двери вслѣдъ за уходившимъ героемъ нашимъ.

— Акулинъ! крикнулъ онъ, высовывая лысину свою въ красную гостиную.

Исправникъ, стоявшій тамъ въ ожиданіи у окна, понесся стремглавъ на этотъ зовъ.

— О какихъ это государственныхъ тайнахъ толковали вы съ нимъ такъ долго? прохрипѣлъ Чесминъ, подымаясь съ дивана на встрѣчу Гундурова.

Тотъ остановился, взглянулъ растерянно на вопрошавшаго и проговорилъ мгновенно блеснувъ глазами:

— Меня ссылаютъ!..

— Куда? И брови майора отъ удивленія приподнялись чуть не поверхъ лба.

— Въ Оренбургъ на службу...

— За что̀!

Гундуровъ руками развелъ.

— Ничего не понялъ!.. Про мои славянофильскія мнѣнія говорилъ... про то что я будто „кричалъ" когда мнѣ отказали

въ Петербургѣ въ заграничномъ паспортѣ... Но послѣ этого отказа я цѣлые полгода прожилъ тамъ, и никто ко мнѣ не придирался, а мнѣнія мои тѣ же самыя которыя съ дозволенія цензуры печатаются въ *Москвитянинѣ*, въ *Бесѣдѣ*... Словомъ, придрались чтобы сдѣлать со мною нѣчто совершенно невозможное, неслыханное!

— И не то совсѣмъ! промычалъ майоръ, внимательно выслушавъ и глядя на него изподлобья,—онъ у насъ въ этомъ отношеніи либералъ, за такой вздоръ не преслѣдуетъ... Не отсюда это вышло! пояснилъ Чесминъ, кивая на кабинетъ.

— Онъ мнѣ говорилъ что получилъ что-то изъ Петербурга, вспомнилъ Сергѣй.

— Ну вотъ!.. Тамъ и ищите! произнесъ многозначительно „плешандасъ".

— Но отчего же, разсуждалъ Гундуровъ,—меня тамъ не думали преслѣдовать, а теперь здѣсь...

— А зачѣмъ вы Гамлета такъ хорошо играете? помолчавъ и подымая на него еще разъ глаза, пропустилъ вполголоса тотъ.—А впрочемъ знаете что̀, примолвилъ онъ, подумавъ,—разчетъ плохой: долго васъ тамъ держать нельзя, а вернетесь вы—герой!

— А пока—изгнанникъ! выговорилъ съ неудержимою горечью Сергѣй.

— Счастливецъ, и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь! Повѣрьте, я понимаю, отвѣтилъ Чесминъ съ глубокимъ вздохомъ, и повалившись снова на диванъ воздѣлъ нѣжно очи свои къ потолку.

„Изгнанникъ" поглядѣлъ на него съ невольнымъ изумленіемъ, но охваченный вновь сознаніемъ „павшаго на него удара", поспѣшно вышелъ изъ комнаты, забывъ и проститься съ чувствительнымъ и милѣйшимъ майоромъ.

C.

Будетъ буря,—мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.
Языковъ.

Nunc animis opus, nunc pectore firmo!
Virg.

Ашанинъ, пріѣхавшій съ Гундуровымъ въ домъ московскаго правителя и ожидавшій въ швейцарской окончанія его „объясненія“, выскочилъ оттуда въ сѣни, увидавъ быстро проходившаго по нимъ ко крыльцу пріятеля.

— Ну, что? съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ онъ... И самъ весь перемѣнился въ лицѣ, вглядѣвшись въ лицо его...

— Потомъ, потомъ! глухо только проговорилъ тотъ,—поѣдемъ скорѣе!

Они садились на извощика, какъ изъ дверей дома выбѣжалъ весь запыхавшись толстый Елпидифоръ и кинулся къ нимъ.

— Позвольте узнать, Сергѣй Михайлычъ, куда вы намѣреваетесь ѣхать въ настоящую минуту?

— А вамъ это очень любопытно? иронически вскрикнулъ въ отвѣтъ Ашанинъ.

— Я не изъ любопытства, а по долгу-съ, позвольте вамъ замѣтить! отрѣзалъ ему на это въ свою очередь Акулинъ.

— Я къ себѣ домой, сказалъ насколько могъ хладнокровнѣе Гундуровъ,—а гдѣ, это вы знаете, такъ какъ доѣзжали туда сегодня утромъ вслѣдъ за нами. Трогай, любезный! молвилъ онъ извощику.

Онъ молчалъ во все время пути. Молчалъ и его пріятель, какъ ни ныли въ немъ безпокойство и любопытство; онъ понималъ что вышло что-то очень серіозное, о чемъ не объясняться же тутъ, за спиной извощика.

Они пріѣхали, вошли въ гостиную. Гундуровъ какъ бы безсильно опустился въ большое кресло у окна, и оставался такъ съ минуту недвижимъ, но поднялъ затѣмъ вдругъ голову и сказавъ: „а теперь слушай!“ передалъ все Ашанину.

Тотъ слушалъ, попеременно то блѣднѣя, то краснѣя, сверкая своими большими черными глазами и прерывая раз-

казъ восклицаніями глубокаго негодованія, вырывавшимися у него противъ воли изъ горла:

— Вѣдь это чортъ знаетъ что̀ такое, вѣдь этому повѣрить нельзя! Нашъ старецъ совсѣмъ съ ума спятилъ!

Гундуровъ закончилъ разговоромъ своимъ съ Чесминымъ.

— Ну вотъ, это такъ! вскликнулъ тутъ же красавецъ,— это изъ Петербурга идетъ, несомнѣнно! А папа нашъ только... Послушай, Сережа, перебилъ онъ себя,—вѣдь это отпарировать можно, передѣлать! Надъ нимъ барыни его всевластны; я сейчасъ поскачу къ нимъ въ Покровское, подыму ихъ, возмущу, разкажу какой ты актеръ превосходный, а тебя ссылать хотятъ... Какъ подымутся онѣ на него ополченіемъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, остановилъ его Сергѣй, — къ барынямъ его ѣхать я тебя не уполномочиваю, а коли ты не усталъ, поѣзжай не теряя времени въ Сашино извѣстить обо всемъ и привезти сюда тетушку. Самому мнѣ туда ѣхать, какъ видишь, не позволяютъ... а черезъ три дня мнѣ надо выѣхать... въ Оренбургъ...

— Да, да, ты правъ, Софью Ивановну прежде всего надо! Я сейчасъ въ путь!... Сережа, а княжна!... вырвалось у Ашанина.

Гундуровъ безъ словъ закрылъ себѣ лицо руками...

— Ахъ ты мой бѣдный, бѣдный! вскликнулъ Ашанинъ съ полными слезъ глазами.—Да это не можетъ быть, я не вѣрю, все это устроится! прервалъ онъ себя еще разъ.—Вѣдь вотъ, какъ нарочно, князя Ларіона нѣтъ! Онъ бы ужь конечно нашелъ средство помѣшать этому. Отсутствіемъ его видимо и воспользовались... Но теперь некогда объ этомъ говорить... И онъ выбѣжалъ въ переднюю.

Черезъ часъ времени онъ скакалъ въ коляскѣ Гундурова по Московско-Курскому шоссе, давая по рублю на водку ямщикамъ, которые и мчали его „по-курьерски“ въ волнахъ удушающей пыли палящаго лѣтняго дня.

Онъ въ осьмомъ часу вечера былъ уже въ Сашинѣ.

— Вы одни! Что̀ случилось? было первымъ словомъ Софьи Ивановны, вышедшей на крыльцо при первомъ донесшемся до нея звукѣ его колокольчика.

— Пойдемте къ вамъ, я вамъ все разкажу, отвѣтилъ онъ.

Она увела его къ себѣ въ комнату, заперла дверь и спокойно промолвила, сдерживая нервную дрожь которая всю проникала ее:

— Говорите! Чтò съ Сережей?

— Нѣчто противъ чего надо скорѣе дѣйствовать....

Она выслушала его разказъ все такъ же спокойно, вперивъ въ него неподвижно глаза, и ни единымъ мускуломъ лица своего не изобличая того чтò происходило въ душѣ ея. Особенность характера Софьи Ивановны сказывалась здѣсь еще разъ: она волновалась пока неслышная еще гроза только чуялась ею въ воздухѣ,—но „громъ ударилъ“, и она снова обрѣтала всю свою твердость, всю силу духа для борьбы съ „несчастіемъ“....

— Какъ онъ это принялъ? спросила она когда Ашанинъ кончилъ.

— Онъ бодръ... пока... Раненые, говорятъ, въ первую минуту никогда не чувствуютъ всей боли своей раны, примолвилъ печально пріятель Гундурова.

— Не даромъ говорило мнѣ предчувствіе, проговорила тихо Софья Ивановна,—какъ только пріѣхалъ этотъ исправникъ.... Вы казались мнѣ тогда правы объясняя это просто и въ добромъ смыслѣ, и я все время старалась себя успокоить... Но я тогда же говорила, я знала—у насъ все возможно.. Ссылка Сережи—это басня Волка и Ягненка. Привязались теперь къ тому чтò онъ въ Петербургѣ, послѣ отказа ему въ паспортѣ, могъ сказать неосторожнаго... рѣзкаго, пожалуй; онъ горячъ, не спорю, но принимать противъ него такія мѣры....

Она встала вдругъ съ кресла.

— Но все это пустыя слова! Надо ѣхать!

— Я предложилъ Сережѣ... началъ и не кончилъ Ашанинъ.

— Чтò предлагали?

Онъ передалъ о намѣреніи своемъ ѣхать въ подмосковную графа, „ополчить“ на него его „барынь“ и добиться чрезъ нихъ отмѣны его распоряженія относительно Гундурова.

Софья Ивановна вся покраснѣла даже.

— Сережа не согласился, надѣюсь?

— Нѣтъ!

— И вамъ, конечно, сказала она,—могла придти эта мысль лишь сгоряча, въ первую минуту, въ добромъ желаніи помочь Сережѣ... Но не этими путями, Владиміръ Петровичъ, не этими! Сергѣй виноватъ, или не виноватъ. Въ первомъ случаѣ, пусть несетъ онъ наказаніе, во второмъ, съ нимъ поступать такъ нельзя! Ему не протекція, а оправданіе нужно!.. Я его воспитала, знаю съ пеленъ,—онъ не рабъ, но и не

революціонеръ; онъ вѣрноподданный своего государя и сынъ родины своей!.. Не въ *его* подмосковную, а въ Петербургъ надо ѣхать... И я поѣду; меня тамъ еще помнятъ, я найду доступъ... еслибы нужно было я кинусь къ ногамъ самого государя!...

Ашанинъ схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Вы всегда и тысячу разъ правы, милая генеральша! Само собою что этотъ путь безо всякаго сравненія достойнѣе и васъ, и Сережи.. Но это потребуетъ времени; вы, надѣюсь, выхлопочете что его вернутъ оттуда, а ѣхать ему туда все-таки надо. У меня же, дѣйствительно, въ первую минуту одна только мысль была: добиться чтобы нашъ старецъ тутъ же отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобы Сережа не уѣзжалъ вовсе: потому что ссылка его произведетъ потрясающее дѣйствіе на княжну, на Елену Михайловну... А я, признаюсь вамъ, столько же о ней, сколько о немъ думалъ въ ту минуту!

Софья Ивановна, въ свою очередь, схватила руку молодаго человѣка.

— А я теперь болѣе еще о ней думаю чѣмъ о немъ!.. Еслибы не она, я бы такъ же негодовала на поступокъ съ Сергѣемъ, но помирилась бы легко съ самимъ фактомъ отъѣзда его на службу въ Оренбургъ. Разъ каѳедра для него вещь невозможная въ настоящее время, пусть онъ ужь лучше постарается принести посильную помощь тамъ, на окраинѣ Россіи, гдѣ образованные люди нужны, и гдѣ онъ самъ можетъ многому научиться среди живой и новой дѣйствительности... Но она, милая моя, дорогая, для нея этотъ отъѣздъ его—гибель! Она изноетъ, исчахнетъ по немъ, мучась еще при томъ мыслью что онъ страдаетъ изъ-за нея, потому что ей... точно такъ же какъ мнѣ, невольно должна придти въ голову мысль что ссылка Сережи—дѣло людей имѣющихъ интересъ удалить его отъ нея многими тысячами верстъ....

— И она будетъ права такъ же какъ и вы! воскликнулъ Ашанинъ:—Чесминъ, котораго вы знаете, прямо говорилъ Сережѣ что все это затѣяно не въ кабинетѣ графа, а въ Петербургѣ!

Софья Ивановна помолчала.

— Гадко объ этомъ думать, сказала она затѣмъ съ брезгливымъ движеніемъ губъ,—да и не для чего пока!.. Теперь надо прежде всего написать Еленѣ Михайловнѣ, предварить ее и успокоить, а затѣмъ спѣшить въ Москву... и далѣе. Пошлите мнѣ мою горничную Машу, Владиміръ Петровичъ!...

Ашанинъ вышелъ исполнить порученіе. Въ гостиной онъ наткнулся на „фанатика“, который со скрещенными на груди руками и страшно взъерошивъ ворохъ волосъ своихъ на головѣ прохаживался по комнатѣ съ совершенно растерзанною физіономіей. Увидавъ пріятеля, онъ остановился на ходу, обернулся и пропустилъ какъ изъ подземелья:

— Ну что̀, по моему вышло?

— Что̀ это „по-твоему“?

— Сережу-то въ узилище ввергли?

Ашани́нъ, невольно засмѣявшись этому библейскому выраженію, прошелъ мимо него не отвѣчая, отыскалъ горничную Софьи Ивановны и, отправивъ ее къ барынѣ, вернулся въ гостиную, по которой Вальковскій продолжалъ расхаживать со своимъ растерзаннымъ видомъ провинціальнаго трагика.

— Пойдемъ-ка въ садъ, сказалъ онъ ему,—коли хочешь узнать обо всемъ.

Они усѣлись тамъ на скамьѣ.

„Фанатикъ“ слушалъ, и все мрачнѣе становилась его физіономія. Его недавнія розовыя мечты разлетались какъ дымъ, уносились какъ „тѣнь бѣгущая отъ дыма“. Гундуровъ, этотъ пріятель, котораго онъ и любилъ по-своему, и на блестящую женитьбу котораго онъ такъ разчитывалъ для устройства будущихъ „театриковъ“ и своихъ собственныхъ благъ, этотъ пріятель оказывался теперь опальнымъ лицомъ, ссыльнымъ, не только не имѣющимъ уже болѣе возможности „поддержать товарища при случаѣ“, но и уносящимъ съ собою лучшія упованія Вальковскаго на эти чаявшіеся имъ въ будущемъ театрики, „потому теперь тю-тю, съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ, на первыя драматическія роли некого рѣшительно поставить!“

— Оренбургъ, вѣдь это къ Азіи ближе, а, чортъ ихъ возьми! вопросительно промычалъ онъ, когда договорилъ Ашанинъ.

— Къ Азіи, точно! подтвердилъ тотъ съ новою невольною усмѣшкой.

— Это, значитъ, то самое мѣсто откуда „въ три года ни до какого государства не доѣдешь“, куда „воронъ костей не заноситъ“?...

— Да въ этомъ родѣ.

— Это въ тартары, значитъ, упрячутъ бѣднягу? продолжалъ живописать Вальковскій.

Красавецъ не отвѣчалъ.

— Ну, а съ княжной-то что же? началъ опять тотъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— А съ княжной, молвилъ Ашанинъ, быстро поднявъ свою опустившуюся было подъ вліяніемъ невеселаго разговора кудрявую голову,— то что ты ей завтра отвезешь письмо отъ Софьи Ивановны.

— Я!!... А ты же самъ что!

— Я не успѣю; мы съ Софьей Ивановной сейчасъ въ Москву ѣдемъ.

— А я-то когда же туда уѣду? воскликнулъ Вальковскій.

— Когда исполнишь порученіе въ Сицкомъ.... Я пріѣду за тобой сюда опять, какъ только съ Сережей простимся. Мнѣ необходимо повидать княжну, узнать какъ это все будетъ ею принято, какъ она рѣшитъ.... Но я могу пріѣхать никакъ не раньше какъ черезъ три дня, а ее надо извѣстить по возможности скорѣе чтобъ объ отъѣздѣ Гундурова не дошло ранѣе изъ Москвы въ Сицкое въ такомъ видѣ что она страшно перепугаться можетъ. Ты поэтому долженъ непремѣнно ѣхать туда завтра утромъ.

— Да, вѣдь, у тебя же, ты говорилъ, „почта" устроена...

— Есть, только вѣрнѣе будетъ если ты лично передашь письмо княжнѣ, и при томъ для меня важно то что когда я пріѣду сюда я буду имѣть возможность узнать сейчасъ черезъ тебя о томъ какое впечатлѣніе произвела на нее эта вѣсть и что затѣмъ слѣдовало.... Но слушай, Ваня, добавилъ Ашанинъ:—ты долженъ вести себя тамъ крайне умно. Во-первыхъ, какъ пріѣдешь, не спрашивай сразу о княжнѣ, а вели о себѣ доложить княгинѣ. Она тебя, по всей вѣроятности, приметъ, но долго не продержитъ,—разговоровъ у тебя для нея интересныхъ нѣту: она тебя, надо полагать, сама скоро отошлетъ къ дочери, а нѣтъ, такъ ты ее спроси, можно ли тебѣ засвидѣтельствовать почтеніе княжнѣ, простись и уходи. Еслибъ она тебя спросила: откуда вы къ намъ пріѣхали? ты отвѣчай какъ я ей всегда отвѣчалъ на это: живу молъ, въ окрестностяхъ, у знакомыхъ. Понялъ?

— Да ужь не расписывай, самъ знаю какъ говорить! промычалъ „фанатикъ" недовольнымъ тономъ.

Ашанинъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ продолжать.

— Когда же ты будешь съ княжной наединѣ, сдѣлай ты мнѣ милость, никакихъ твоихъ собственныхъ заключеній о

происшедшемъ ей не передавай, и перепуганныхъ твоихъ рожъ предъ нею не строй, а просто-на-просто вытащи письмо изъ кармана и отдай ей, сказавъ что велѣно передать, и ни полслова болѣе! Если же она тебя начнетъ спрашивать о какихъ-нибудь подробностяхъ, говори что я буду въ Сицкомъ черезъ два дня, и все объясню ей лично, а что ты ничего не знаешь, кромѣ того что Софья Ивановна и я уѣхали въ Москву, и что оба мы нисколько не теряемъ духа и надѣемся на добрый конецъ...

— Ну, извѣстно, что̀ же мнѣ больше-то говорить ей! пробурчалъ еще разъ Вальковскій, одобрительно качнувъ головой.

— Еще вотъ, послѣднее,—надо все предвидѣть! Въ случаѣ еслибы какъ-нибудь ты не добился увидаться съ княжной наединѣ и не могъ ей такимъ образомъ передать письма, надо тебѣ будетъ прибѣгнуть къ содѣйствію моей „почты"... Живя въ Сицкомъ, молвилъ красавецъ, чуточку помолчавъ,—ты вѣрно видалъ и знаешь съ лица старшую горничную княгини Аглаи Константиновны?

— Лукерьюшку... Лукерью Ильинишну, поправился „фанатикъ", и угреватое лицо его осклабилось широкою и самодовольною улыбкой,—знаю!

— А-а! протянулъ Ашанинъ, пристально глядя ему въ глаза и покатился со смѣху.—Ваня, ты удивительно хорошъ бываешь когда заходитъ рѣчь о твоихъ побѣдахъ! Точно самооблизывающійся кабанъ какой-то!.. Такъ ты „Лукерьюшку" знаешь!.. Гдѣ же позналъ ты ее, Ловеласъ ты этакой непроходимый? Въ гротѣ надъ рѣкой, что̀ ли?

— Нѣтъ, въ театрикъ она ко мнѣ хаживала, вечеркомъ, на сцену... когда я тамъ устраивалъ, отвѣчалъ Валдковскій, пофыркивая отъ пріятнаго воспоминанія.

— Вишни ѣсть съ дружкомъ?

— Гдѣ же вишни тогда, еще не поспѣли! Малину носила она мнѣ... Очень я эту ягоду люблю!.. пресеріозно объяснилъ „фанатикъ".

Ашанинъ долго не могъ придти въ себя отъ проявлшаго его новаго хохота.

— Ну, такъ вотъ, сказалъ наконецъ онъ,—постарайся, еслибы не удалось тебѣ лично передать княжнѣ письмо, пригласить опять „Лукерьюшку" на малину въ укромное мѣстечко, и передай его ей отъ меня,—она доставитъ...

— Владиміръ Петровичъ! раздался съ балкона голосъ Софьи Ивановны.

Онъ поспѣшилъ къ ней.

Она увела его опять въ свою комнату.

— Вотъ чтò я пишу княжнѣ, сказала она;—какъ вы находите? „Вслѣдствіе недоразумѣнія которое, я надѣюсь, скоро разъяснится, племянникъ мой обязанъ уѣхать изъ Москвы на нѣкоторое время. Я сама уѣзжаю изъ деревни въ Москву и вѣроятно въ Петербургъ. Полагаю вернуться дней черезъ десять и тогда напишу вамъ подробно, дорогая моя Елена Михайловна. Не повѣрите какъ хотѣлось бы увидать самою васъ, обнять и обо многомъ, многомъ переговорить. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни повернули обстоятельства, я молюсь о васъ ежедневно и нахожу душевное успокоеніе въ томъ что если Отецъ нашъ Небесный посылаетъ намъ испытанія, то Онъ же во благости своей даетъ намъ и силу переносить ихъ, и часто уготовляетъ намъ неожиданный и счастливый послѣдствіями своими исходъ изъ такихъ даже обстоятельствъ которыя по слѣпотѣ нашей принимаются нами за конечную гибель. Знаю что и вы такъ же чувствуете и вѣрите. Потерпимъ же, милая княжна, храня себя паче всего отъ унынія и ропота, и надѣясь на Него, всевѣчнаго Покровителя, Утѣшителя и Устроителя нашего. Прижимаю васъ мысленно къ сердцу и остаюсь до могилы горячо васъ любящая С. Переверзина.“

— Прекрасно, милая генеральша! сказалъ прочтя Ашанинъ,— только прибавьте къ этому что я черезъ три дня буду въ Сицкомъ, и сообщу ей устно все чтò вы не почитаете нужнымъ или возможнымъ передать ей въ настоящую минуту письменно.

— Это хорошая мысль, спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!

Софья Ивановна приписала, запечатала письмо и протянула ему.

— Какъ вы его отправите, какъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, его отвезетъ завтра Вальковскій и вручитъ самой княжнѣ.

Она чуть-чуть нахмурилась и закачала головой.

— Боюсь чтобъ онъ бѣдную Елену Михайловну не напугалъ своимъ похороннымъ выраженіемъ, сказала она осторожно озираясь; — онъ на меня этимъ съ утра самаго тоску нагналъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ усмѣхнувшись Ашанинъ,—ему на этотъ счетъ даны мною строжайшія инструкціи: просто отдать

ей письмо въ руки, и при этомъ никакихъ объясненій, и никакихъ рожъ.

Черезъ часъ послѣ этого сборы Софьи Ивановны были кончены, чемоданы ея уложены, и сама она въ дорожныхъ плащѣ и шляпѣ выходила на балконъ, по пути къ садовой калиткѣ, у которой стояла запряженная четверкой коляска.

Она повела кругомъ себя послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ, и глаза ея остановились на пышной бѣлой розѣ въ клумбѣ подъ балкономъ, которая словно млѣла вся и трепетала подъ обливавшимъ ее багрянымъ лучемъ заходившаго солнца.

— Поглядите, сказала Ашанину тетка Гундурова. — Это та самая которою такъ любовался *онъ* въ ту минуту когда пріѣхалъ... за нимъ... этотъ исправникъ... Я ее отвезу ему,— ему ужь не видать въ этомъ году Сашинскихъ розъ...

Она потребовала ножницы, срѣзала цвѣтокъ, осторожно опустила его стебель въ какой-то флаконъ съ водой, и увязавъ кругомъ всего листъ газетной бумаги колпакомъ, отправилась съ *его* розой въ экипажъ, въ сопровожденіи Ашанина.

CI.

На другой день утромъ они втроемъ съ Гундуровымъ пили чай въ его хорошенькомъ домикѣ, въ Денежномъ переулкѣ, въ Москвѣ.

Сергѣй почти не смыкалъ глазъ въ теченіе предшествовавшей ночи, но бодрился и всячески старался не обнаружить предъ теткой снѣдавшей душу его муки.

Онъ и жаждалъ, и боялся свиданія съ нею, боялся увидать ее испуганною, встревоженною, больною отъ „всего этого“, пожалуй.

Онъ ошибся. Софья Ивановна была спокойна, спокойнѣе чѣмъ онъ на видъ, говорила ровно, отчетливо, не торопясь... Только глаза ея какъ будто расширились и горѣли не совсѣмъ обычнымъ въ нихъ блескомъ, и рука чаще опускалась въ карманъ за табатеркой, чаще просыпала захваченную изъ нея щепоть табаку не донося ее до назначенія.

— Что̀ же, спрашивала она, помѣшивая ложечкой сахаръ въ своей чашкѣ,—онъ тебя такъ и отправитъ „съ жандармомъ“, какъ грозилъ тебѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гундуровъ, насильно улыбаясь:—одумался, или уговорили, не знаю, только вчера, часу въ третьемъ, пріѣзжалъ ко мнѣ отъ него добрякъ этотъ Чесминъ сказать что если я готовъ дать честное слово выѣхать въ положенный срокъ, а до того времени, замѣтьте, не ѣздить мнѣ къ себѣ въ деревню, то онъ мнѣ дозволитъ отправиться одному, безъ казеннаго провожатаго.

— И ты далъ слово?

— Далъ.

— Хорошо сдѣлалъ!...

— Чесминъ сказалъ мнѣ даже, продолжалъ Сергѣй,—что я могу „не торопиться пріѣздомъ къ мѣсту назначенія", какъ выражался онъ смѣясь.... И при этомъ передалъ мнѣ странную фразу, примолвилъ, замолкнувъ предъ тѣмъ на мигъ, молодой человѣкъ.

— Какую? Софья Ивановна живо отвела глаза свои отъ чашки и устремила ихъ на племянника.

— „Скажи ему", приказалъ онъ Чесмину сообщить мнѣ, „что попутешествовать по Россіи будетъ ему полезно."

— То-есть то самое что̀ говорилъ тебѣ тогда въ первое наше время въ Сицкомъ князь Ларіонъ Васильевичъ? воскликнулъ Ашанинъ.

— Да... Оттого это и поразило меня, молвилъ раздумчиво, какъ бы про себя его пріятель.

Всѣ какъ-то разомъ замолчали.

„Неужели это его штуки?" сказалось мысленно Софьѣ Ивановнѣ, но она тутъ же отогнала эту „нехорошую" мысль и громко отвѣтила на нее себѣ самой.

— Не можетъ быть!...

— Что̀ „не можетъ быть"? повторилъ съ удивленіемъ Сергѣй.

Она слегка покраснѣла.

— Нѣтъ, я думала... Развѣ князь Ларіонъ видѣлся съ нимъ проѣздомъ въ Петербургъ? поспѣшила она спросить тутъ же.

— Нѣтъ; я нарочно узнавалъ у Чесмина: онъ говоритъ что они не видѣлись, что графъ былъ у себя въ подмосковной когда проѣхалъ князь черезъ Москву, а въ подмосковную онъ къ нему не заѣзжалъ. Чесминъ это навѣрное знаетъ, потому что самъ тамъ былъ въ это время.

— Онъ долженъ вернуться на дняхъ, мнѣ надо застать его въ Петербургѣ, не разъѣхаться съ нимъ! проговорила вдругъ

Софья Ивановна, вся выпрямляясь въ своемъ креслѣ.—Я сегодня же уѣду!

— Сегодня, тетя? невольно вырвалось у Гундурова.

— Да, молвила она рѣшительнымъ тономъ.—Лишнія сутки намъ утѣшенія не принесутъ; только луще размаеться, а время дорого!.. Я уѣду сегодня, а ты отправляйся завтра же, совѣтую, не ожидая даннаго тебѣ срока... Разлука наша долго не продолжится: я добьюсь чтобы тебя вернули, добьюсь справедливости!.. Если жь нѣтъ, какъ продамъ хлѣбъ, пріѣду къ тебѣ осенью въ Оренбургъ. А пока, благо соизволили разрѣшить тебѣ „не слѣшить", остановись по пути во Владимірѣ у родныхъ нашихъ Паншиныхъ, и жди отъ меня письмо изъ Петербурга. А какъ осмотрюсь тамъ, повидаюсь съ кѣмъ нужно, сейчасъ же напишу тебѣ.

На этомъ было порѣшено. Изъ сарая выкатили на дворъ старый, объемистый дормезъ Софьи Ивановны, сохранявшійся у нея еще отъ временъ мужа и оказавшійся прочнымъ и годнымъ для проѣзда въ Петербургъ и обратно. Племянника она отправила съ Ашанинымъ за подорожной, а сама принялась съ горничной перекладывать въ важи дормеза привезенныя въ чемоданахъ изъ Сашина бѣлье и платья. Ей, видимо, хотѣлось отвлечь себя этою внѣшнею возней отъ гнодавшихъ ее внутренно тяжелыхъ и возмущенныхъ мыслей,—ей хотѣлось скорѣе уѣхать, скорѣе вступиться за нарушенныя права безвиннаго племянника, а до тѣхъ поръ ей было невыносимо больно видѣть его, оставаться съ нимъ, потому что она за себя не ручалась, потому что „не выдержу какъ-нибудь", говорила она себѣ, „разольюсь слезами, доведу его до отчаянія, Боже сохрани!.."

Покончивъ со своими дорожными сборами, она перешла въ кабинетъ Сергѣя, пересмотрѣла весь его гардеробъ, составила, съ помощью Ѳедосея, реестръ вещамъ предназначавшимся ему въ дорогу, передала старику, постоянному приходорасходчику своего молодаго барина, деньги привезенныя ею на этотъ предметъ, и, не чувствуя наконецъ ногъ подъ собою отъ усталости, присѣла на минуту на диванъ, и тутъ же мгновенно заснула послѣ сорока восьми часовъ мучительной безсонницы.

Отдыхъ этотъ,—ее разбудилъ часамъ къ четыремъ звонъ колокольчика вернувшихся молодыхъ людей,—подкрѣпилъ ее

тѣлесно, придалъ новую бодрость ея духу. Лошади, по ея инструкціи Ашанину, были заказаны въ шесть часовъ, и въ ожиданіи ихъ сѣли за обѣдъ, принесенный изъ какого-то ближайшаго трактира и оказавшійся очень плохимъ. Но никому и такъ ѣсть не хотѣлось, и Софья Ивановна была очень рада случаю взвалить вину за это насчетъ „поварихи, изъ-за красотъ которой, увѣряла она, по всей вѣроятности Владиміръ Петровичъ Ашанинъ счелъ нужнымъ заказать ей, а не въ порядочномъ ресторанѣ эти невозможныя брашна". Она все время старалась поддерживать этотъ шутливый тонъ, далеко не обычный ей, и отклонять всякіе зачатки разговора о томъ что̀ единственно стояло теперь въ головѣ у нея и сердцѣ... На Сергѣѣ она старалась вовсе не останавливать взгляда, боясь прочесть въ его глазахъ то что̀ нестерпимо ныло на днѣ ея собственной души. Тѣмъ прилежнѣе занималась она его пріятелемъ и „приставала" къ нему. Прозорливый Ашанинъ угадывалъ до тонкости двигавшія ее побужденія, и помогалъ ей, вызывая все новыя шутки съ ея стороны всякими подходящими разказами, признаніями и намеками... Гундуровъ въ свою очередь, чтобъ не отстать отъ нихъ, наладилъ себя на притворное оживленіе. Этотъ прощальный обѣдъ близкихъ другъ къ другу лицъ, разлучавшихся Богъ вѣсть на какое время, прошелъ почти весело.

Въ условленный часъ пришли лошади. Почтовая шестерка подкатила старый дормезъ подъ крыльцо дома. Софья Ивановна поспѣшила облечься въ дорожный плащъ свой и шляпу, затѣмъ сѣла. За нею сѣли остальные: Гундуровъ, Ашанинъ, горничная Маша, старикъ Ѳедосей. Посидѣли молча и сосредоточенно минуты съ три, встали, обернулись къ иконѣ въ углу, набожно крестясь и склоняя голову.

— Ну, прощай, Сережа! прервала всеобщее молчаніе Софья Ивановна, простирая руки къ нему.

Онъ кинулся къ ней.

— Мы васъ проводимъ до Тріумфальныхъ воротъ, сказалъ Ашанинъ.

— А и то! молвила она на это, прикасаясь вскользь губами ко лбу племянника, и торопливымъ шагомъ направилась къ сѣнямъ.

— Не сѣсть ли мнѣ съ вами, тетя, до заставы, а Маша доѣхала бы съ Ашанинымъ? спросилъ Гундуровъ.

— Нѣтъ, что̀ тамъ опять пересаживаться! Поѣзжай съ Вла-

диміромъ Петровичемъ! послѣшила отвѣтить она, занося ногу на первую ступеньку своего безконечно высокаго экипажа.

Она избѣгала оставаться съ нимъ глазъ на глазъ, она попрежнему отводила взглядъ свой отъ него.

Только у Тріумфальныхъ воротъ, когда онъ, въ свою очередь, полѣзъ къ ней прощаться по безконечнымъ ступенькамъ стараго дормеза, она охватила его шею рукой, припала головой къ его плечу—и такъ и замерла...

Она отпустила его всего облитаго ея слезами и наклоняясь къ нему въ открытыя дверцы трижды перекрестила его сверху, шепча:

— Надѣйся на Бога и не унывай, а думай о насъ съ нею!

Это было первое и единственное слово относившееся ко княжнѣ, произнесенное ею съ минуты пріѣзда ея изъ Сашина.

CII.

Mais elle était du monde où les plus belles choses
Ont le pire destin...

Malherbe.

Вальковскій, оставшись одинъ въ Сашинѣ на положеніи хозяина, заказалъ себѣ прежде всего въ тотъ же вечеръ ужинъ съ поросенкомъ и варениками, которые онъ, вѣрный своему хохлацкому происхожденію, предпочиталъ всѣмъ тончайшимъ яствамъ на свѣтѣ, наѣлся по горло, залегъ спать, и проснулся на слѣдующій день чуть свѣтъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Совершивъ свои омовенія, онъ вздѣлъ на плечи оставленный Гундуровымъ старый бухарскій халатъ, и въ этомъ костюмѣ, въ туфляхъ обутыхъ на босую ногу, вышелъ во дворъ, къ немалому скандалу попавшейся ему на встрѣчу старой экономки Софьи Ивановны, привыкшей къ чинности домашняго обихода своихъ господъ, и которой онъ весьма величественно отдалъ приказаніе принести ему крынку молока.

— На то, батюшка, есть среди мужскаго пола кому приносить вамъ... въ этомъ видѣ, а меня ужь, старуху, увольте! фыркнула она ему въ отвѣтъ, съ цѣломудреннымъ негодованіемъ отворачивая взоръ отъ зрѣлища нижняго бѣлья, откровенно выступавшаго наружу изъ-подъ развѣвавшихся полъ его халата и поспѣшно отходя отъ него.

Вальковскій все такъ же величественно запахнулъ халатъ, и прошелъ въ конюшню, которую нашелъ запертою, а оттуда въ кучерскую избу, гдѣ засталъ всѣхъ спящими, за что, разбудивъ виновныхъ, прочелъ имъ строгую нотацію, и повелѣлъ чтобы къ девяти часамъ „была у него готова, смотри! четверка караковыхъ подъ новую коляску, ѣхать въ Сицкое.“

Вернувшись затѣмъ въ комнаты „фанатикъ“, чтобъ убить какъ-нибудь время до отъѣзда, закусилъ остатками вчерашняго поросенка, залилъ его огромнымъ кувшиномъ молока, и перечелъ цѣлыя двѣ драмы изъ коллекціи театральныхъ піесъ которую неизмѣнно возилъ съ собою въ чемоданѣ, куда бы онъ съ нимъ ни отправлялся.

Въ девять часовъ неотступно сѣлъ онъ въ щегольскую „выѣздную“ коляску Гундурова, развалился въ углу ея и сказавъ себѣ мысленно: „а славно, чортъ его возьми, пропріетеромъ быть, въ собственномъ экипажѣ разъѣзжать!“ велѣлъ „катить къ Шастуновымъ“. Онъ разчитывалъ попасть туда прямо къ часу перваго завтрака.

Но застоявшаяся въ конюшнѣ за послѣднее время добрая молодая четверка караковыхъ помчала его такъ рѣзво по гладко наѣзженной лѣтней дорогѣ что большіе часы висѣвшіеся подъ угломъ фронтона Сицковскаго дома только что отзвонили половину десятаго когда Валковскій подъѣзжалъ подъ ворота.

По случаю отъѣзда князя Ларіона, официальный breakfast въ столовой былъ вовсе отмѣненъ распоряженіемъ Аглаи Константиновны: его замѣнилъ русскій, попросту, „чай“, сервировавшійся въ ситцевомъ кабинетѣ ея внутреннихъ аппартаментовъ и на который сходились утромъ, въ десятомъ часу, дѣти княгини и неизбѣжный другъ, наперсникъ и совѣтникъ ея, Зяблинъ.

Чай этотъ теперь только что былъ отпитъ, князекъ со своимъ Англичаниномъ уже поднялись и ушли совершать свою обычную гигіеническую прогулку, а Лина собиралась послѣдовать ихъ примѣру, когда вошедшій Финогенъ громко возгласилъ у дверей:

— Иванъ Ильичъ Вальковскій!

— Кто такой? переспросила княгиня, въ числѣ другихъ прирожденныхъ ей духовныхъ даровъ имѣвшая необыкновенную способность перезабывать всѣ имена и фамиліи.

— Monsieur Вальковскій, maman, который устраивалъ у

насъ театръ, молвила княжна Лина съ невольнымъ волненіемъ въ голосѣ: она знала по разказамъ Ашанина что „фанатикъ“ гостилъ въ Сашинѣ, и объяснила себѣ тотчасъ же его пріѣздъ въ Сицкое тѣмъ что онъ привезъ къ ней оттуда извѣстія.

— Ah oui! возгласила Аглая Константиновна, глядя на Зяблина,—ce monsieur qui est si mal élevé et si glouton aux repas!.. Проси! обернулась она, подумавъ и слегка нахмурясь, къ ожидавшему у дверей камердинеру.

„Фанатикъ“ вошелъ самоувѣренно и развязно („откатавъ“ въ полчаса времени пятнадцать верстъ на „своихъ“ лошадяхъ, въ щегольскомъ экипажѣ, высаживать его изъ котораго кинулось изъ сѣней этого „княжескаго дома“ съ полдюжины слугъ, Вальковскій чувствовалъ себя болѣе чѣмъ когда-нибудь независимымъ пропріетеромъ, которому что̀ говорится „чортъ не братъ“).

— Добраго утра, княгиня! сказалъ онъ, кланяясь ей и Линѣ, пожалъ руку Зяблину и не ожидая приглашенія хозяйки, которая на его привѣтствіе отвѣчала довольно сухимъ поклономъ, опустился въ стоявшее противъ нея кресло, улыбаясь и оглядывая съ видомъ знатока отянутыя стѣны ея кабинета, въ который входилъ онъ въ первый разъ въ жизни, такъ какъ въ пору пребыванія его въ Сицкомъ она его въ святилище внутреннихъ своихъ аппартаментовъ не допускала.

— Прекрасный ситецъ у васъ, княгиня! проговорилъ онъ баскомъ и тономъ любезной снисходительности.

Аглая Константиновна съ нѣкоторымъ удивленіемъ повела взглядомъ на Зяблина, потомъ на дочь, какъ бы спрашивая ихъ „что̀ это за жанръ?“ и проговорила въ свою очередь тономъ высокомѣрной насмѣшливости:

— Vous trouvez?

— Чего-съ? спросилъ Вальковскій.

„Il ne comprend pas même le français!“ съ глубокимъ презрѣніемъ сказала себѣ мысленно княгиня. И громко:

— Вамъ нравится мой ситецъ?

— Д-да, произнесъ все такъ же снисходительно онъ, — со вкусомъ выбранъ... Вы гдѣ его покупали?

— Изъ Парижа выписала, коротко и раздувъ ноздри отвѣтила она.

— Только даромъ деньги кидать, отрѣзалъ на это про-

пріетеръ,—потому у насъ теперь ситцы ничѣмъ не хуже чѣмъ у Французовъ дѣлаютъ...

И онъ тутъ же вспомнивъ о письмѣ имѣвшемся у него въ карманѣ, обернулся въ сторону княжны, поднявъ неестественно брови ко лбу и глядя на нее такъ какъ глядитъ актеръ на публику готовясь сказать „въ сторону“ тайну которая въ дѣйствительности должна быть услышана всѣми находящимися съ нимъ въ эту минуту на сценѣ.

Лина съ своей стороны тревожно глядѣла на него, чувствуя что онъ непремѣнно, вотъ-вотъ, скажетъ что-нибудь неподходящее, вызоветъ ея мать на неприличную выходку, или скомпрометтируетъ „друзей“ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. „Онъ привезъ мнѣ письмо, навѣрно, говорила она себѣ,—но отчего онъ, а не Владиміръ Петровичъ? не случилось ли чего-нибудь особеннаго?..“ И она чувствовала что сердце ея начинаетъ биться учащеннымъ болѣзненнымъ біеніемъ... „Его надо скорѣе увести отсюда, думала она,—но какъ?..“

Она опустила глаза чтобы заставить его, по крайней мѣрѣ, отвести отъ нея эти „такъ неловко и безполезно“ выпученные глаза его.

Онъ ихъ отвелъ, дѣйствительно, и перевелъ на княгиню.

— А вы ужь чай отпили? спросилъ онъ ее.

— Да... А вы еще нѣтъ? небрежно промолвила она, подставляя нехотя остывшій чайникъ подъ кранъ стоявшаго предъ нею серебрянаго англійскаго „чайнаго котла“.

— Я, признаться вамъ, молвилъ на это игриво Вальковскій, поросеночкомъ сегодня хоть уже и закусилъ, только давно этому, а теперь, послѣ дороги, чашечку съ бутербродцемъ (онъ кивнулъ на стоявшую на столѣ тарелку съ сандвичами) пропустить невреднымъ считаю.

— А гдѣ же это ужь вы успѣли поросеночка „пропустить“? спросилъ подсмѣиваясь Зяблинъ.

— Да у себя, въ Сашинѣ, сорвалось съ устъ „фанатика“.

— Сашино, attendez donc! возгласила, неожиданно вспомнивъ вдругъ княгиня!—je crois savoir ce que c'est!.. Это имѣніе этой генеральши... de cette madame Pereverzine, n'est ce pas?..

— Д-да, Гундуровское, то-есть, племянника... пробормоталъ онъ, почувствовавъ вдругъ что „залѣзъ въ болото“,

— А вы тамъ теперь, у нихъ, живете? протянула Аглая

Константиновна, такъ и уставившись на него круглыми и грозными, показалось ему, глазами.

Вальковскій обозвалъ себя мысленно „дурнемъ“, пришелъ въ конфузъ, и разчитывая „поправиться“, поспѣшилъ возразить:

— Я тамъ совершенно одинъ теперь... А *Левъ Гурьичъ Синичкинъ* такъ у насъ и провалился, княгиня? заговорилъ онъ тутъ же, въ надеждѣ „покончить съ тѣмъ разговоромъ“.

Зяблинъ, угадывая его смущеніе и боясь съ своей стороны продолженія бесѣды на тему Сашина въ виду находившейся тутъ княжны, тотчасъ же отозвался на этотъ вопросъ:

— Да, очень жаль что тогда болѣзнь княгини помѣшала: вы были превосходны въ этой роли... А ваша водевильная дочка, засмѣялся онъ слегка,—Ольга Елпидифоровна Акулина, замужъ успѣла выйти съ тѣхъ поръ?

— Какъ же, какъ же, окрутили! хихикнулъ Вальковскій.

— Une personne bien impertinente! фыркнула, услыхавъ непріятное для нея имя барышни, хозяйка.

— Это то-есть вы насчетъ ея бойкости? продолжалъ смѣяться онъ, предовольный тѣмъ что рѣчь перешла на этотъ предметъ;—что̀ говорить, юнкеръ въ юпкѣ! Только ужь и умна, бестія!..

Аглая Константиновна изобразила на лицѣ презрительную гримасу, продолжая все такъ же глядѣть на него недовольными и подозрительными глазами. Она, обыкновенно ничего не замѣчавшая и не предвидѣвшая, озарилась теперь вдругъ какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ: неосторожно выпущенное Вальковскимъ слово о его пребываніи въ Сашинѣ приводило ее къ убѣжденію что его пріѣздъ теперь былъ подсылъ со стороны этой „ужасной madame Pereverzine“ и ея племянника, что они задумали, „qu'ils fomentent quelque affreuse intrigue“ противъ нея съ цѣлью поддержать Лину въ ея непослушаніи матери, „de sa mère qui l'a mise au monde“.... Аглая Константиновна была настроена на подозрѣніе во вражескомъ умыслѣ всѣхъ и каждаго противъ задушевныхъ плановъ своихъ и разчетовъ. Не далѣе какъ наканунѣ получила она изъ Петербурга письмо отъ друга своего, графини Анисьевой, въ которомъ сообщались „des choses incroyables“ насчетъ деверя ея, князя Ларіона. „Mon excellent frère, говорилось въ этомъ письмѣ, n'y comprend rien. Le prince a été reçu ici avec une grâce, une attention, dirais je,

toute particulière, mais il y semble plus qu'indifférent et sous prétexte de maladie prétend tout haut se voir obligé de décliner l'honneur de siéger au Conseil"…. Quant à nos projets, говорилось въ заключеніи, il s'y déclare tout-à-fait hostile, ainsi qu'il l'annonce très péremptoirement à mon frère. Je ne Vous en dis pas davantage"…. Съ другой стороны „бригантъ", которому она „дала понять" что если онъ согласится переѣхать за нею въ Петербургъ, „une main amie pourra racheter tous ses векселя", принялъ этотъ великодушный намекъ очень холодно, и отвѣтилъ что „это не дастъ ему въ Петербургѣ того общественнаго положенія которымъ онъ всегда пользовался въ Москвѣ, и надѣется пользоваться пока душевныя страданія не сократятъ его дней"…. А теперь этотъ „подсылъ" изъ Сашина „de ce monsieur si mal élevé!" О, надо отъ него все вывѣдать, все!…

— Вы говорите что вы тамъ одни, въ этой деревнѣ? огорошила она вновь „фанатика", возвращаясь этимъ вопросомъ къ предмету бесѣды отъ котораго онъ думалъ было счастливо „улизнуть".

— Одинъ совершенно! повторилъ онъ, стараясь не глядѣть на „допрощицу".

— А гдѣ же сами они, les maîtres de la maison?

— То-есть, это кто-съ?

— Эта madame Pereverzine и ея племянникъ? фыркнула презрительно Аглая.

— Въ Москву уѣхали.

— Въ Москву? C'est très drôle! промолвила недовѣрчивымъ тономъ княгиня;—даже невѣроятно!…

— Да чтò жь, я вамъ лгать чтò ли буду, княгиня? огрызся Вальковскій.

Она свысока усмѣхнулась:

— Je ne dis pas cela, а только удивляюсь: кто же посреди лѣта изъ деревни въ городъ уѣзжаетъ?

— Поѣдешь и лѣтомъ коли надобность! сказалъ онъ, не находя другаго возраженія.

— Какая же „надобность"?

„Ишь допекаетъ-то какъ!" подумалъ Вальковскій, и вдругъ озлился, какъ всегда это бывало съ нимъ когда чувствовалъ онъ себя припертымъ къ стѣнѣ.

— Вызвали, ну и поѣхали! крикнулъ онъ почти.

Но она продолжала „допекать" его: къ ея подозрѣніямъ

примѣшивалась теперь еще бо́льшая доля женскаго, назойливаго, неотступнаго любопытства.

— Вызвали? повторила она:—что́ же такое? Какія-нибудь дѣла?

Онъ ломался на мѣстѣ, не отвѣчая и сердито исподлобья озираясь.

Но она хотѣла знать непремѣнно, во что́ бы ни стало.

— Un procès, или что-нибудь другое?

— Не „просе",—графъ! буркнулъ онъ со злости—„на; вотъ, молъ, отвяжись!" и невольно покосился въ сторону Лины.

Она сидѣла, ни жива, ни мертва, съ широко раскрытыми вѣками недвижныхъ, словно застывшихъ, глазъ.

— C'est très drôle! воскликнула еще разъ Аглая Константиновна,—графъ „вызвалъ" къ себѣ madame Pereverzine?

— Да не ее же, его! взвизгнулъ, уже весь красный отъ досады, „фанатикъ".

— Его?... Вы, то-есть, говорите про сея племянника.... de ce monsieur Hamlet? пояснила она съ злорадною усмѣшкой:—для чего же его вызвали?

Вальковскій не выдержалъ и, окончательно выходя изъ себя, ляпнулъ, что́ говорится, во всю:

— Ну, исторія тамъ какая-то вышла, неосторожность, чортъ ихъ тамъ знаетъ!... а только его, бѣднягу, въ Оренбургъ ссылаютъ, коли желаете знать! прохрипѣлъ онъ словно давясь и глядя на нее глазами озлобленнаго волка.

— Княжна, что́ съ вами? крикнулъ вдругъ Зяблинъ, съ перепуганнымъ лицомъ вскакивая съ мѣста.

Лина, ухватившись рукой за сердце, безъ вопля, безъ слова, валилась съ кресла своего на полъ.

CIII.

Въ Москвѣ, въ тотъ же день раннимъ утромъ, Ашанинъ съ дрожащими на рѣсницахъ слезами прощался съ Гундуровымъ на крыльцѣ его дома, къ которому уже подана была его совсѣмъ снаряженная въ путь коляска.

— Ты сейчасъ же, сейчасъ отсюда въ Сицкое? говорилъ ему герой нашъ.

— Будь покоенъ, ни минуты не помедлю. Лошади мои сейчасъ придутъ сюда.... Еслибъ я могъ предвидѣть что ты

цѣлыми сутками ранѣе уѣдешь, я бы не поручилъ Вальковскому отвезти письмо Софьи Ивановны княжнѣ, а самъ успѣлъ бы это сдѣлать прежде чѣмъ какіе-либо слухи могли дойти къ нимъ отсюда.

— Ты ее увидишь, вырвалось чуть не стономъ изъ груди Сергѣя,—скажи ей что я все выдержу, все вынесу, безъ ропота, безъ.... какъ сказалъ ей... Она пойм... Дыханіе его сперлось, онъ былъ не въ силахъ продолжать.

— Знаю, голубчикъ, знаю что̀ ей сказать!.. А ты живи себѣ спокойно во Владимірѣ и жди дня черезъ два-три письма отъ меня. Еслибы что-нибудь особенное приключилось, я самъ къ тебѣ туда буду.

— Смотри же! вскрикнулъ Гундуровъ,—а иначе, ссылай они меня потомъ хоть въ Камчатку, я прискачу оттуда въ Сицкое.... О, Боже мой, хоть бы издали, мелькомъ, взглянуть мнѣ на нее!..

— Увидишь, скоро, я увѣренъ въ этомъ! твердилъ успокоивая его Ашанинъ....

Они еще разъ обнялись, поцѣловались... Гундуровъ сѣлъ въ коляску рядомъ со старикомъ Ѳедосеемъ. Экипажъ тронулъ.

— Стой, стой! раздался крикъ съ дрожекъ въѣзжавшихъ въ эту минуту на встрѣчу имъ во дворъ. Ямщикъ откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ осадилъ свою четверку.

— Позвольте узнать, куда это вы изволите отправляться? прохрипѣлъ, юрко соскакивая съ дрожекъ и подбѣгая къ коляскѣ, слонообразный исправникъ Акулинъ.

Гундуровъ отвернулся.

— Покажи ему подорожную, Ѳедосей! сказалъ онъ.

Елпидифоръ, разобиженный этимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ старика слуги свѣже бѣлый еще казенный листъ, и полугромко принялся читать:

... Въ городъ Оренбургъ, съ будущимъ, подъ собственный экипажъ....—Но его сіятельству графу угодно было дать вамъ дозволеніе пробыть три дня въ Москвѣ? смущенно проговорилъ онъ.

— А если мнѣ не угодно воспользоваться этимъ дозволеніемъ, сказалъ Сергѣй,—а угодно не завтра выѣхать, а сегодня?.. Или вы можетъ-быть почитаете себя въ правѣ заставить меня оставаться здѣсь лишнія сутки?..

Исправника передернуло; онъ не отвѣчая отвелъ глаза отъ молодаго человѣка.

— Такъ ужь позвольте мнѣ отправляться съ Богомъ, сказалъ тотъ тѣмъ же презрительнымъ тономъ.—Трогай ямщикъ!.. Прощай Ашанинъ! обернулся онъ къ нему послѣднимъ кивкомъ уже выѣзжая за ворота дома.

— Прощай, Сережа, до свиданія, до скораго! крикнулъ въ отвѣтъ, подчеркивая, красавецъ.

Онъ стоялъ на крыльцѣ въ трехъ шагахъ отъ Акулина и глядѣлъ на него своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: „ну, что̀ взялъ, старый шельмецъ?..“

Тотъ, какъ бы мгновенно сообразивъ что-то, шагнулъ къ нему.

— Такъ, повѣрите, непріятны подобныя порученія, заговорилъ онъ вдругъ,—и даже совсѣмъ къ прямымъ обязанностямъ моимъ не относящіяся... Сами понимаете, что̀ я могу имѣть противъ Сергѣя Михайлыча, а между тѣмъ и онъ и вы, Владиміръ Петровичъ, какъ мнѣ кажется, почитаете что тутъ съ моей стороны какъ будто что-нибудь...

— А, вотъ и лошади мои пришли! вскрикнулъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

На дворъ въѣзжала тройка подъ почтовою телѣгой.

— Заворачивай, братъ, заворачивай, да сѣна спроси тутъ у дворника побольше. А я сейчасъ готовъ!

Онъ побѣжалъ въ домъ и тутъ же вернулся со своимъ дорожнымъ чемоданомъ и кожаною подушкой.

Акулинъ не трогался съ мѣста: ему видимо хотѣлось довести свое объясненіе до конца.

Но пріятель Гундурова въ свою очередь никакъ не хотѣлъ доставить ему этого удовольствія. Онъ принялся возиться съ убивкой сѣна подъ сидѣнье, потребовалъ веревку для устройства себѣ переплета, уложилъ подушку, сунулъ чемоданъ подъ мѣсто ямщика, и когда все это было кончено, живо вскочилъ въ телѣгу и, усѣвшись, огорошилъ Елпидифора слѣдующимъ нежданнымъ вопросомъ:

— Такъ такъ и прикажете сказать графу? Я къ нему въ Покровское ѣду.

— Что̀ это „сказать“? вскрикнулъ растерянно исправникъ.

— Что вы находите очень „непріятными“ порученія которыя онъ возлагаетъ на васъ?

Акулинъ, мгновенно поблѣднѣвъ, подбѣжалъ къ его телѣгѣ.

— Да что̀ вы это, Владиміръ Петровичъ, Богъ съ вами! Да развѣ это можно говорить! перепуганнымъ шепотомъ пробормоталъ онъ.

— Почему же? засмѣялся Ашанинъ:

Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ!
Не ссорься, а поссорившись будь твердъ!...

— Да что это вы мнѣ говорите? Къ чему? прервалъ его съ отчаяніемъ въ голосѣ Елпидифоръ.

— А вы ужь и забыли? Да это изъ вашей же роли Полонія,—напутственная его рѣчь Лаерту. Вы еще такъ прелестны были въ этомъ мѣстѣ... Вотъ увижу Чижевскаго въ Покровскомъ, вѣроятно... припомнимъ вмѣстѣ... Прощайте, Елпидифоръ Павлычъ!...

— Но, Владиміръ Петровичъ, позвольте вамъ сказать...

— Некогда, Полоній Павлычъ, некогда, спѣшу!

И несказанно тѣшась перепугомъ изображавшимся на всѣхъ чертахъ толстаго представителя благочинія, красавецъ съ громкимъ смѣхомъ выѣхалъ за ворота.

Къ обѣду, то-есть часу въ пятомъ въ началѣ, онъ былъ въ городѣ знакомомъ уже нашему читателю, черезъ который лежала ему прямая дорога въ Сицкое, гдѣ онъ разчитывалъ застать еще Вальковскаго („не уѣдетъ же онъ отъ хорошаго обѣда", говорилъ себѣ Ашанинъ), и переговоривъ съ княжной Линой, уѣхать къ вечеру съ „фанатикомъ" на Гундуровскихъ лошадахъ въ Сашино.

Но едва успѣлъ онъ подъѣхать ко крыльцу гостиницы станціи, какъ со скамьи у этого крыльца поднялся съ поклономъ по его адресу степеннаго вида мущина въ лѣтнемъ армякѣ и поярковой шляпѣ, въ которомъ онъ узналъ хорошо ему знакомаго кучера Гундурова.

— Ты какъ здѣсь, Павелъ? вскрикнулъ онъ изумившись, выскакивая изъ телѣги.

— Съ лошадьми, отвѣчалъ пѣвучимъ и какъ бы недовольнымъ тономъ тотъ.

— Съ какими лошадьми?

— Да съ молодыми, съ нашими... Господина Вальковскаго привезъ, примолвилъ онъ, уже видимо хмурясь.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтути... Уѣхали! Почтовыхъ взяли.

— Куда?

— А тутъ верстъ за двадцать, Шатилово село есть...

— Ничего не понимаю! вскрикнулъ еще разъ Ашанинъ;— откуда вы сюда пріѣхали?

— А мы, значитъ, перво-наперво въ княжое, въ Сицкое выѣхали...

— Ну?..

— А оттуда—и съ полчаса тамъ не пробыли—выскочили они опять, сѣли, велѣли сюда въ городъ гнать... во всю, тоись, мочь, не жалѣючи... Лошади, сами знаете, молодыя, по пятому году, долголь испортить? Не годится такъ дѣлать господину! Я имъ, хоша и гнѣваться, знамо, стали на меня за это, не хорошо, говорю, баринъ, не ваши лошади, а я въ отвѣтѣ завсегда должонъ быть, потому господа мои уѣхали, а я завсегда тутъ... Такъ и не согласенъ я сталъ съ ними дальше ѣхать, въ село въ это самое, потому зарѣзать лошадей надо...

— Да зачѣмъ ему въ это село? нетерпѣливо прервалъ красавецъ резонера возницу.

— За дохтуромъ, стало-быть, поскакали, потому онъ туда, слышнó, съ вечера еще уѣхалъ...

— За докторомъ? повторилъ Ашанинъ. У него похолодѣли руки. Онъ какъ-то разомъ, чутьемъ угадалъ что докторъ понадобился для Лины и что въ этомъ виноватъ „фанатикъ“, а болѣе всего онъ самъ, отправившій въ Сицкое этого „волка безобразнаго“.

— Это тамъ въ княжемъ... заболѣлъ кто-нибудь? проговорилъ онъ невѣрнымъ, словно соскакивавшимъ съ мѣста языкомъ и не рѣшаясь поднять глазъ.

Павелъ принялъ тотъ дипломатическій видъ на который были такъ падки пожилые дворовые старыхъ временъ.

— Я опять вамъ, баринъ, про этотъ самый предметъ въ точности объяснить не могу, потому, сами знаете, наше дѣло—на козлахъ сиди, да вожжами орудуй... А только такъ понять что барышня... княжна тоись тамошная, договорилъ онъ уже шепотомъ.

— И доктора нѣтъ... Онъ поѣхалъ за нимъ? растерянно спрашивалъ Ашанинъ, проклиная мысленно и себя, и Вальковскаго, и замирая отъ тревоги.

По площади на углу которой стояла станція шелъ въ это время сѣдой, но бодро выступавшій старичокъ въ форменной съ синимъ бархатнымъ околышемъ фуражкѣ и съ суковатою палкой въ рукѣ. Онъ направлялся къ сосѣдней улицѣ, но проходя мимо станціи поднялъ глаза и замѣтивъ разговаривавшихъ, остановился вдругъ, приподнялъ свободную

руку къ глазамъ отъ солнца чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и пошелъ прямо на Ашанина.

— Извините меня, имѣлъ несчастіе позабыть фамилію вашу, вы изволили участвовать въ представленіи *Гамлета* на домашнемъ спектаклѣ у княгини Шастуновой... и даже именно исполняли роль Гораціо?

— Такъ точно, молвилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Тутъ сейчасъ былъ одинъ изъ вашихъ товарищей по спектаклю...

— Вальковскій? Ради Бога, скажите, не видѣли ли вы его?

— Я потому именно осмѣлился подойти къ вамъ не имѣя чести быть вамъ знакомымъ, заговорилъ торопливо старичокъ:—товарищъ вашъ заѣзжалъ ко мнѣ, такъ какъ мы имѣли случай встрѣчаться съ нимъ въ пору его кратковременнаго пребыванія въ нашемъ городѣ, заѣзжалъ справляться насчетъ доктора Ферапонтова...

— Да, да, я объ этомъ знаю, прервалъ его Ашанинъ,— тамъ, въ Сицкомъ, заболѣла княжна Елена Михайловна, неправда ли?..

Старичокъ поднялъ глаза къ небу.

— Вамъ это, быть-можетъ, покажется удивительнымъ, и такъ-сказать, даже невѣроятнымъ, только повѣрьте что я, совершенно незнакомый въ вашемъ обществѣ индивидуй, пораженъ былъ этою вѣстью такъ что съ той минуты просто, что̀ говорится, мѣста себѣ не нахожу... Я имѣлъ счастіе видѣть княжну въ роли Офеліи, и послѣ того обмѣняться съ нею нѣсколькими словами...

— Вы господинъ Юшковъ, смотритель здѣшняго училища? воскликнулъ красавецъ,—мнѣ о васъ недавно говорила княжна, она васъ помнитъ, интересуется вами...

— Небесное созданіе эта дѣвушка! перебилъ его въ свою очередь Юшковъ;—отъ того такъ и страшно за нее, физическая оболочка-то у этихъ созданій очень ненадежна всегда бываетъ...

— Да что̀ случилось съ нею? разкажите мнѣ ради Бога.

— Ничего обстоятельнаго отъ вашего товарища добиться я не могъ; самъ онъ очень былъ разстроенъ и напуганъ. Прибѣжалъ онъ ко мнѣ спросить куда уѣхалъ Ферапонтовъ, такъ какъ у того на квартирѣ ни до какого отвѣта добиться онъ не могъ, а только указали на меня, потому что докторъ у меня, дѣйствительно, засидѣвшись вчера вечеромъ поздно,

остался ночевать, а утромъ за нимъ прислали изъ Шатилова лошадей къ больному ѣхать. Я это господину Вальковскому такъ и передалъ, а онъ успѣлъ мнѣ только сообщить что Офелія наша безподобная вдругъ, посреди разговора, лишилась чувствъ, и въ теченіе того времени пока былъ тамъ вашъ товарищъ, никакими средствами въ сознаніе приведена быть не могла. Матушка ея и всѣ домашніе потеряли голову, суетня пошла, стонъ по всему дому, а пользы никакой... Наконецъ надоумило ужь кого-то за докторомъ послать. Онъ и поскакалъ, и вотъ когда-то еще найдетъ...

— Вѣдь пожалуй до ночи не успѣетъ привезти... И никого другаго здѣсь нѣтъ? спрашивалъ съ отчаяніемъ Ашанинъ.

— Одинъ врачъ на весь городъ! молвилъ пожимая плечами смотритель.—Не знаю, догадались ли они, примолвилъ онъ въ раздумьи,—руки и ноги ей въ теплую воду поставить? Такой продолжительный обморокъ очевидно анемію сердца или мозга обозначаетъ... Компрессы холодной воды на сердце были бы также полезны, полагаю...

— А вы разумѣете нѣсколько по части медицины?

— Три года медицинскимъ студентомъ былъ, отвѣтилъ Юшковъ,—только запаху кадаверовъ, признаюсь, никогда переносить не могъ,—перешелъ на филологію.

— Послушайте, вскрикнулъ молодой человѣкъ, схватывая его за руку,—поѣдемте сейчасъ въ Сицкое! Вы можете принести ей хоть какую-нибудь помощь...

У старичка блеснули глаза.

— Сказать вамъ поистинѣ, самъ я объ этомъ думалъ что все же могу, вспомнивъ старую науку, кое-какими указаніями послужить до пріѣзда доктора... да не рѣшался. Съ барами съ этими, знаете, не ровенъ часъ, какъ это еще ими принято быть можетъ!..

— Я беру все на себя, скажу что привезъ васъ, уговорилъ... Ѣдемте!.. Павелъ, обратился Ашанинъ къ молча стоявшему тутъ же и внимавшему кучеру Гундурова,—лошади у тебя отдохнули, кормлены? Можешь сейчасъ же запречь и ѣхать? А за Вальковскимъ и докторомъ сейчасъ же вышлемъ экипажъ изъ Сицкаго.

— Сею минутой готово будетъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣтилъ тотъ съ видимымъ сочувствіемъ и разумѣніемъ правильности принятаго теперь „господами“ рѣшенія, и побѣжалъ къ своимъ лошадямъ.

— А вы захватите съ собою бѣлья, сказалъ старику смотрителю предвидчивый Ашанинъ,—придется намъ, можетъ-быть, ночевать тамъ...

— Вы полагаете? молвилъ Юшковъ, какъ бы нѣсколько испугавшись этой перспективѣ ночевать въ „барскихъ хоромахъ", какъ выражался онъ мысленно.

— Конечно, если докторъ, задержанный своимъ больнымъ, не пріѣдетъ ранѣе чѣмъ завтра утромъ.

— Это точно... Такъ я сейчасъ, живу тутъ по близости, заберу узелокъ, и сюда... Офелія-то наша, Офелія божественная, не дай Господи! бормоталъ про себя старикъ, громко вздыхая и сбѣгая со ступенекъ съ торопливостью двадцатилѣтняго юноши.

CIV.

Два дня спустя послѣ того что̀ сейчасъ передано нами читателю, въ кабинетъ къ графу, пріѣхавшему въ Москву изъ своего Покровскаго по случаю какого-то празднества, въ девятомъ часу утра входилъ только что вернувшійся изъ Петербурга князь Ларіонъ Шастуновъ.

— Здравствуй, здравствуй, Ларивонъ, очень радъ тебя видѣть! заголосилъ старецъ, быстро идя ему на встрѣчу изъ глубины комнаты;—давно ли пріѣхалъ?

— Сейчасъ, и....

Графъ не далъ ему продолжать.

— Ну, садись, разказывай! Когда проѣзжалъ не заѣхалъ ко мнѣ, ничего про тебя не знаю! Что̀ жь, какъ ты тамъ былъ принятъ?

— Очень милостиво и....

Графъ поднявъ свои ладони прервалъ его опять:

— Знаю, писалъ мнѣ (все тотъ же петербургскій сильный другъ графа) что даже обрадовались искренно видѣть тебя, но что ты все отпрашивался, „въ лѣсъ глядишь", не хочешь въ Петербургѣ жить, отъ нездоровья будто бы?

— Все это совершенно справедливо, молвилъ поспѣшно князь Ларіонъ съ видомъ человѣка которому хочется скорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго и скучнаго для него разговора,— приняли прекрасно, но серіознаго дѣла очевидно дать мнѣ намѣрены не были, а „болтать безъ толку", какъ вы совер-

шенно основательно выразились въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, не представляетъ для меня заманчивой перспективы.

— Способныхъ людей надо на дѣло настоящее употреблять! пропѣлъ на это акаѳистомъ старецъ;—какъ же ты устроилъ? Будешь ѣздить въ Совѣтъ?

— Тамъ вакантъ теперь, что же ѣздить! молвилъ на это его собесѣдникъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ интонаціи.

— Осенью начнется опять.

— До осени еще долга пѣсня! проговорилъ сквозь зубы князь Ларіонъ,—но Петербургъ меня болѣе не увидитъ.... если только вы, подчеркнулъ онъ, пристально и съ какимъ-то укоромъ въ глазахъ воззрившись въ лицо стараго своего пріятеля,—если вы не заставите меня сегодня же уѣхать туда обратно.

— Я? воскликнулъ въ величайшемъ изумленіи графъ,—что это ты говоришь?

— Вотъ что....

Князь вдругъ примолкъ, провелъ рукой по глазамъ, какъ бы съ тѣмъ чтобъ удобнѣе сосредоточиться внутренно, и началъ затѣмъ, медленно и вѣско роняя слова свои одно за другимъ:

— На полдорогѣ изъ Петербурга встрѣтился я на станціи съ хорошою знакомой моею, теткой того молодаго человѣка, Гундурова, котораго я вамъ представилъ когда вы у насъ были въ Сицкомъ....

— Знаю, запѣлъ графъ,—вдова покойнаго Онуфрія Петровича Переверзина, который подъ судомъ умеръ въ тысяча восемьсотъ....

Князь продолжалъ не слушая его.

— Она ѣхала въ Петербургъ для того чтобы кинуться къ ногамъ государя просить за „безвинно", говоритъ она, сосланнаго вами въ Оренбургъ племянника ея. Я не повѣрилъ чтобы вы могли это сдѣлать безъ настоящихъ, уважительныхъ на то причинъ, и просилъ ее не подымать дѣла прежде чѣмъ я не повидаюсь съ вами. Мы порѣшили что она доѣдетъ до Петербурга, но ни къ чему не приступитъ прежде чѣмъ получитъ отъ меня обстоятельное объ этомъ письмо. Я съ своей стороны далъ ей слово вернуться тотчасъ же на содѣйствіе ей въ Петербургъ, если ссылка Гундурова рѣшена тамъ, а не здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ. Я едва успѣлъ пріѣхать, переодѣться, и, какъ видите, прямо къ вамъ.... Пред-

варяю васъ что имѣю самыя серіозныя причины интересоваться этимъ молодымъ человѣкомъ, и прошу васъ именемъ нашей почти сорокалѣтней пріязни сказать мнѣ всю истину. За что̀ онъ сосланъ?

— Онъ всякій вздоръ болталъ, возгласилъ старецъ.

— Да кто вамъ сказалъ, откуда вы это знаете?

— Я тебѣ покажу, на бумагѣ!...

И графъ, отомкнувъ ключомъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, въ которомъ хранились „конфиденціальныя“ бумаги и письма, отыскалъ въ кипѣ одно изъ нихъ, и передалъ его сидѣвшему противъ него князю Ларіону.

— Вотъ что̀ *онъ* (все тотъ же сильный человѣкъ) пишетъ мнѣ *за нумеромъ*!

Въ письмѣ сообщались всѣ тѣ пункты виновности Гундурова которые въ разговорѣ съ нимъ пересчиталъ ему „московскій воевода“; напиралось въ особенности на „высказываемыя Гундуровымъ мнѣнія о необходимости будто бы освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей надъ ними власти“,— мнѣнія, „распространеніе которыхъ могло бы повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія“. Въ заключеніе письма говорилось слѣдующее: „Считая необходимымъ о такомъ вредномъ направленіи несслужащаго дворянина Сергѣя Гундурова поставить ваше сіятельство въ извѣстность, а съ другой стороны принимая во вниманіе что его неосторожныя и запальчивыя рѣчи могутъ быть отнесены столько же къ его еще очень молодымъ лѣтамъ, сколько къ праздности въ которой онъ проводитъ жизнь со времени его выхода изъ мѣста ученія, полагаю на ваше усмотрѣніе: не признаете ли ваше сіятельство полезнымъ склонить кандидата Гундурова на поступленіе на службу въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ, при полученномъ имъ въ Московскомъ университетѣ прекрасномъ образованіи, о чемъ правительству извѣстно, могъ бы принести несомнѣнную пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ отдаленіи отъ центровъ опасныхъ умственныхъ увлеченій, нашелъ бы возможность достичь большей зрѣлости въ образѣ мыслей и приготовить изъ себя въ послѣдствіи вполнѣ способнаго, благонадежнаго и опытнаго чиновника? На случай еслибы мѣра сія признана была вашимъ сіятельствомъ сообразною необходимости, присемъ препровождается надлежащее письмо къ оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору.“

Князь Ларіонъ, съ избороздившими весь лобъ его морщинами, недвижно и сосредоточенно дочелъ это письмо до конца.

— Любезный графъ, сказалъ онъ затѣмъ, подымая на него невольно сверкнувшіе глаза,—что же вы дѣйствительно убѣдили, „склонили“ этого молодаго человѣка ѣхать въ Оренбургъ?

— Да, самымъ наивнымъ образомъ подтвердилъ тотъ,—я ему сказалъ чтобъ онъ ѣхалъ; онъ и отправился.

— Вы поняли что этого именно требовало отъ васъ это письмо? молвилъ князь съ едва скрываемою желчною ироніей, передавая ему черезъ столъ „конфиденціальный“ документъ;—а знаете что изъ этого выйдетъ? Тетка Гундурова далеко не дюжинная женщина, это натура энергическая и настойчивая. Ее притомъ въ Петербургѣ знаютъ, помнятъ: она была одна изъ любимыхъ воспитанницъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Смольномъ Монастырѣ, у нея много въ свѣтѣ старыхъ подругъ и связей... Она своего добьется, дойдетъ, будетъ жаловаться...

Ладони графа вознеслись горѣ.

— Пусть жалуется!

— Да, но вслѣдствіе этой жалобы пожелаютъ узнать сущность дѣла. Писавшій вамъ это сообщеніе откажется отъ всякой личной отвѣтственности за послѣдовавшее, скажетъ что онъ все передалъ на ваше усмотрѣніе, что вы распоряжались какъ знали, и говоря съ полною откровенностью, какъ я тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ привыкъ говорить съ вами, вы, человѣкъ и добрый, и умный, окажетесь тутъ разомъ и жестокимъ—и обойденнымъ...

— Что такое? Объясни, говори откровенно! залѣпеталъ старецъ, видимо пораженный и смущенный внутренно этими словами.

— Объясненіе не долго, сказалъ князь:—услать Гундурова подальше потребовалось въ надеждѣ облегчить этому Анисьеву, котораго вы знаете, путь къ рукѣ, или вѣрнѣе къ приданому моей племянницы. А обдѣлали это такъ что въ случаѣ чего отвѣтчикомъ за это являетесь вы и „произволъ“ вашъ, и никто больше.

Графъ внимательно выслушалъ и затѣмъ, слегка перегнувшись черезъ столъ, зорко глянулъ въ глаза пріятелю.

— Да вѣдь и тебѣ же это „требовалось“, молвилъ онъ,—я признаюсь, для тебя я это больше и сдѣлалъ: когда я былъ

у васъ въ деревнѣ ты меня просилъ чтобъ ему выхлопотать паспортъ за границу, а что пока ты ему совѣтовалъ проѣхаться по Россіи? Я его и отправилъ, пусть поѣздитъ.. Думалъ ты будешь радъ!

Князь Ларіонъ смутился въ свою очередь теперь.

— Да, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—я дѣйствительно думалъ тогда.. тогда это еще не было слишкомъ поздно, и не этимъ насильственнымъ путемъ во всякомъ случаѣ... А теперь... Я прямо долженъ сказать вамъ, любезный графъ: племянница моя любитъ этого молодаго человѣка, и если вѣсть о случившемся дойдетъ... или дошла уже можетъ-быть до нея, это произведетъ на нее самое потрясающее впечатлѣніе. Съ ея не сильнымъ здоровьемъ всего можно бояться въ этихъ случаяхъ... Вы не хотѣли бы быть ея палачомъ, не правда ли? вскрикнулъ князь со свойственною ему страстностью, и глаза его загорѣлись мгновеннымъ, лихорадочнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ? Милое дитя! Я не зналъ! протянулъ, раскидывая длани свои вѣеромъ, его старый пріятель, сочувственно глядя на него.

— Вы его сослали въ силу этого письма... Но вы могли и не дѣлать этого, могли ограничиться наставленіемъ, если ужь въ самомъ дѣлѣ „мнѣнія" этого молодаго человѣка кажутся имъ тамъ такими „опасными", примолвилъ князь съ новою ироническою усмѣшкой,—а мнѣнія эти, долженъ я вамъ сказать между прочимъ, составляютъ ученіе цѣлой у насъ школы, такъ-называемыхъ „славянофиловъ"...

— Знаю! возгласилъ графъ.

— Совершенно благонадежной въ политическомъ отношеніи, продолжалъ князь Ларіонъ,—которая съ дозволеніемъ цензуры печатаетъ эти мнѣнія, и имѣетъ даже для этого здѣсь, въ Москвѣ, два весьма почтенные журнала...

— Я всѣхъ этихъ глупостей не читаю! объявилъ старецъ.

— Да, съ невольною усмѣшкой возразилъ князь,—но вы согласитесь что совершенно неосновательно было бы подвергать человѣка наказанію за то что онъ выражаетъ устно то самое что безнаказанно и съ согласія правительства говорится печатно?

— Я противъ него ничего не имѣю, объяснилъ графъ, причемъ его нижняя губа съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ выпятилась впередъ,—я для его же пользы думалъ сдѣ-

лать, я не зналъ что у васъ дѣло такъ стоитъ!... И что же невѣстка твоя, согласна она?

— Разумѣется, нѣтъ! Князь дернулъ плечомъ.

— Она неумная! засмѣялся старецъ.

— Скажите: непроходимая! вскрикнулъ князь Ларіонъ;—не будь тутъ я, она давно вогнала бы въ гробъ несчастную дочь моего брата!... Послушайте, почтенный другъ мой, вамъ нужно поправить эту... ошибку, поправить какъ можно скорѣе! примолвилъ онъ настоятельно, замѣтивъ какъ бы какое-то колебаніе въ выраженіи лица графа.

— Надо подождать! сказалъ тотъ,—я уже написалъ въ Петербургъ что онъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія.

— Такъ что же такое, развѣ это можетъ васъ стѣснять? Онъ выѣхалъ, а вы его вернули. Вамъ предоставлено поступить „по вашему усмотрѣнію"; я полагаю что вы такъ и поступили, а не по командѣ изъ Петербурга, добавилъ старый дипломатъ, давно и хорошо разумѣвшій слабыя струнки пріятеля.

Графъ гордо поднялъ вверхъ голову и руки.

— Никто не можетъ мнѣ командовать, окромя моего государя!... Хорошо, я пошлю чтобъ онъ вернулся! рѣшилъ онъ тутъ же.

Онъ быстро всталъ съ мѣста, направляясь къ двери своею раскачивающеюся походкой, и просунувъ въ нее голову кликнулъ дежурнаго чиновника.

— Ѳедоръ Петровичъ здѣсь?

— Здѣсь, съ бумагами, ваше —ство! доложилъ тотъ.

— Просить ко мнѣ!

Управляющій канцеляріей вошелъ съ портфелемъ и учтивымъ поклономъ по адресу князя.

— Скажите, когда отправлено письмо объ этомъ Гундуровѣ, вы знаете? спросилъ его „московскій воевода".

— Оно не отправлено, ваше сіятельство, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—вы его изволили удержать у себя, желали послать вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ къ...

— Точно! забылъ! пропѣлъ графъ:—началъ писать къ нему и не успѣлъ! Осталось, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня, въ Покровскомъ... Ну, твое счастіе! обратился онъ, смѣясь и подмигивая, къ князю Ларіону.—А вы, Ѳедоръ Петровичъ, пошлите сейчасъ казака за этимъ толстакомъ котораго я назначилъ въ Городскую часть частнымъ приставомъ... Исправникъ

вашъ бывшій, еще у васъ на театрѣ такъ хорошо игралъ, и дочь хорошенькая! пояснилъ онъ обернувшись еще разъ къ князю.

— Онъ у меня въ канцеляріи теперь, доложилъ Ѳедоръ Петровичъ,—ему какая-то справка тамъ оказалась нужна.

— Пошлите скорѣй ко мнѣ!

Черезъ пять минутъ еле дышавшій отъ усердія съ которымъ несся онъ на коротенькихъ ножкахъ своихъ изъ канцеляріи черезъ дворъ и по лѣстницѣ Елпидифоръ Акулинъ предсталъ предъ очи начальства, почтительно остановившись у дверей.

— Здравствуй, толстякъ! Въ должность вступилъ?

— Нѣтъ еще, ваше —ство, завтра, надѣюсь, совсѣмъ.

— Нѣтъ, пропѣлъ графъ,—и не завтра! Пузо свое порастрясти еще тебѣ надо! Сейчасъ поѣзжай!...

— Куда прикажете, ваше —ство?

— Догнать Гундурова, ты знаешь котораго ты привозилъ ко мнѣ. Когда онъ, бишь, уѣхалъ?

— Третій день, ваше —ство.

— Ну, еще не очень далеко стало-быть! Я ему позволилъ не спѣшить... Догони и скажи что я его простилъ, что онъ можетъ ѣхать себѣ домой, въ деревню!

— Слушаю, ваше —ство.

— Сейчасъ отправляйся!... А что̀ дочь?

— Замужъ вышла, ваше —ство...

— Вотъ какъ! За кого?

Князь Ларіонъ поднялся съ мѣста.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, любезный графъ, и поблагодарить васъ, промолвилъ онъ тише и какъ бы нехотя, и взялся за шляпу.

— Зачѣмъ спѣшишь? молвилъ графъ;—мнѣ еще время! А въ одиннадцать часовъ ѣду въ Воспитательный Домъ; князь Сергій Михайлычъ Голицынъ пригласилъ туда на молебствіе.

— Нѣтъ, я спѣшу, домой скорѣе хочется... Я вамъ говорю что имѣю основанія безпокоиться... не договорилъ князь.

— Да, да, знаю! Ничего, пустяки! Милое дитя! голосилъ старецъ, обнимая пріятеля и провожая его до дверей.—Когда ко мнѣ въ Покровское будешь?

— Постараюсь быть непремѣнно, непремѣнно, машинально повторилъ князь Ларіонъ, нисколько не думая исполнить обѣщаніе и отвѣчая разсѣяннымъ головнымъ кивкомъ на низкіе поклоны прижавшагося къ окну чтобы дать ему свободно пройти въ дверь и какъ-то непріятно дышавшаго при этомъ всею громоздкою фигурой своею Елпидифора.

CV.

Князь Ларіонъ остановился въ гостиницѣ Дрезденъ, въ двухъ шагахъ отъ казеннаго дома въ которомъ жилъ графъ. Переходя отъ него черезъ площадь, онъ замѣтилъ что къ крыльцу гостиницы подъѣхали дрожки съ какимъ-то сидѣвшимъ въ нихъ молодымъ человѣкомъ въ сѣрой шляпѣ на кудрявыхъ черныхъ волосахъ, обликъ котораго показался ему знакомымъ. Обмѣнявшись какими-то словами со стоявшимъ на крыльцѣ швейцаромъ, молодой человѣкъ быстро обернулъ голову, увидалъ князя и, спрыгнувъ съ дрожекъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Князь узналъ Ашанина.

— Я къ вамъ, ваше сіятельство, началъ тотъ какимъ-то смущеннымъ, показалось князю, голосомъ,—я сейчасъ былъ у васъ на дому и засталъ вашего камердинера; онъ сказалъ мнѣ что вы остановились здѣсь.... Я изъ Сицкаго....

— Что̀ тамъ? поспѣшно спросилъ князь Ларіонъ, глядя на него тревожнымъ взглядомъ.

— Вы теперь къ себѣ? молвилъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ

— Да.

— Такъ позвольте зайти къ вамъ; я вамъ все разкажу...

— Пойдемте!..

— Недобрыя вѣсти, а? съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ проговорилъ князь, едва вошли они въ его нумеръ.

— Богъ дастъ ничего не будетъ, молвилъ молодой человѣкъ,—она пришла въ себя....

— Она, Hélène? прервалъ его князь Ларіонъ, воззрясь ему прямо въ лицо.

— Да...

— Она узнала что... вашего пріятеля отправили въ Оренбургъ?

— Именно!..

— Я сейчасъ отъ графа. Гундурова послано вернуть обратно. Все это кончилось ничѣмъ... Но что̀ случилось, разказывайте! Я встрѣтился на дорогѣ съ Софьей Ивановной Переверзиной. Она передала мнѣ что писала къ Hélène, и

письмо вы послали съ пріятелемъ вашимъ господиномъ Вальковскимъ?

— И этого я простить себѣ не могу, князь! всkликнулъ Ашанинъ, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову:—я полагалъ лучше сдѣлать, вышло не въ примѣръ хуже. Его княгиня Аглая Константиновна принялась допрашивать, онъ не сумѣлъ найтись, сконфузился и бухнулъ объ этомъ прямо при княжнѣ...

— Какъ это было и что̀ произошло затѣмъ? обрывисто спрашивалъ князь Ларіонъ.

Ашанинъ передалъ ему все что̀ онъ зналъ объ этомъ по разказу очевидца происшествія, Зяблина. Княжна упала въ обморокъ, изъ котораго ни одно изъ употребленныхъ затѣмъ домашнихъ средствъ не могло ее вывести. Она лежала съ судорожно сжатыми конечностями, полуоткрытые глаза глядѣли недвижно какъ у восковыхъ фигуръ, и только учащенное, но чрезвычайно слабое біеніе сердца свидѣтельствовало что жизнь еще не совсѣмъ ее покинула. Въ этомъ каталептическомъ состояніи застали ее Ашанинъ и привезенный имъ съ собою старикъ смотритель, прискакавшіе въ Сицкое въ седьмомъ часу вечера, то-есть, восемь часовъ послѣ перваго момента обморока. Въ домѣ всѣ потеряли голову. Вальковскій ускакалъ за докторомъ. Княгиня, въ ожиданіи его, лежала пластомъ у себя на диванѣ и голосила во все горло: „ma fille est morte, je n'ai plus de fille" не умѣя ничего придумать лучшаго и приличнѣйшаго въ эту минуту. Въ ладъ барынѣ шелъ вой и стонъ женской дворни съ верху до низу дома.... Юшковъ, импровизованный докторъ, велѣлъ принести теплой воды и льду: въ воду погрузили руки и ноги княжны, а ледъ приложили въ пузырѣ къ темени. Минутъ черезъ двадцать конечности отошли, а вскорѣ затѣмъ княжна пришла въ себя. Она открыла глаза, но весьма долго какъ бы никого не узнавала и глядѣла на всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ. На вопросы матери она не отвѣчала и, повидимому, не понимала ихъ... Ее до того времени успѣли только, поднявъ съ полу, перенести на ближайшій диванъ ситцеваго кабинета княгини, подложивъ ей подушку подъ голову и распустивъ шнуровку ея корсета. Ей было видимо неловко на этомъ короткомъ и узкомъ диванѣ. Княгиня отдала приказаніе принести сверху ея кровать съ

постелью, говоря при этомъ что желаетъ „чтобы дочь ея осталась тутъ, поближе къ ней"... Больная вдругъ застонала и на лицѣ ея изобразилось страданіе, но говорить была она еще не въ состояніи. Когда же принесена была кровать и ее уложили на нее, она черезъ силу прошептала: „домой, до..." „Тебѣ будетъ лучше здѣсь, chère enfant", стараясь ее увѣрить мать,—„я за тобой ходить буду". Она чуть-чуть задвигала головой и слезы закапали изъ ея глазъ. Старикъ смотритель замѣтилъ шепотомъ Аглаѣ Константиновнѣ что „желанія и даже прихоти больныхъ должны быть вообще исполняемы", и что въ настоящемъ случаѣ было бы даже и весьма опасно противорѣчить имъ. Онъ подошелъ ко княжнѣ и наклонившись къ ней спросилъ, желаетъ ли она чтобы перенесли ее въ ея спальню. Она чуть-чуть улыбнулась приподнявъ на него глаза съ удивленнымъ и довольнымъ видомъ и поспѣшно проговорила „да, да!" Княгиня замѣтно поморщилась, но должна была согласиться. Княжну, какъ была она, въ кровати, перенесли въ ея спальню. Тамъ горничная ея Глаша съ помощью „Lucrèce" переодѣли ее и уложили „на ночь"... Но она спать не хотѣла или не могла и долго металась съ боку на бокъ. Затѣмъ притихла и укладываясь щекой на руку тихо, но внятно проговорила: „Гдѣ ста-ри-чокъ?" Ее сначала не поняли, но Аглая Константиновна догадалась наконецъ и выйдя изъ ея спальни, обратилась съ досадливо-высокомѣрною улыбкой къ Юшкову, усѣвшемуся съ Ашанинымъ въ кабинетѣ княжны, сказавъ ему: „Она васъ кажется требуетъ!" послѣ чего, не возвращаясь уже къ дочери, сошла въ свои аппартаменты, приказавъ чтобы, „въ случаѣ она будетъ нужна, прислать ей сказать". Она очевидно, забывъ какъ за часъ предъ этимъ ревѣла что „ma fille est morte", дулась теперь на больную и на этого „старичка", котораго потребовала дочь „когда она тутъ, sa mère qui l'a mise au monde", и на Ашанина, привезшаго его, и заставъ въ своемъ ситцевомъ кабинетѣ ожидавшаго ее тамъ Зяблина, фыркнула: „Je ne sais pas vraiment ce que c'est que ce vieux drôle que monsieur Ашанинъ nous a colloqué!..."

А княжна видимо обрадовалась „старичку". Она указала ему взглядомъ стулъ противъ нея. Онъ подвинулъ его и сѣлъ. Она, не перемѣняя положенія, долго глядѣла на него съ легкою улыбкой на блѣдныхъ губахъ и наконецъ прогово-

рила: „Я васъ... узнала... вы... добрый!“ — „Постарайтесь заснуть, милая княжна!“ сказалъ онъ въ отвѣтъ. Она послушно закрыла глаза и принялась дремать. Но вѣки ея то и дѣло раскрывались, и она каждый разъ устремляла на него взоръ полный какой-то тревоги, какъ бы боясь чтобъ онъ не ушелъ, не переставъ охранять ее... Онъ такъ и просидѣлъ всю ночь у ея изголовья. Посылать за княгиней не оказалось нужнымъ, а сама она сочла безполезнымъ приходить навѣдываться: „не присылають, значитъ я не надобна!“ разсуждала она весьма логично и весьма гнѣвно... На зарѣ княжна наконецъ уснула спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

На другой день, только часу въ десятомъ утра, пріѣхали Вальковскій съ докторомъ Ферапонтовымъ.

Длинный, несуразный, изъ бурсаковъ, похожій на Донъ-Базиліо, уѣздный врачъ произвелъ на княжну своимъ *фатальнымъ* видомъ и не совсѣмъ чисто вымытыми руками которыми ощупывалъ онъ ей пульсъ довольно отталкивающее впечатлѣніе. Она послѣ подкрѣпившаго ее сна находилась въ полномъ сознаніи и говорила безъ труда, къ великому горю старика-смотрителя (она его потребовала опять къ себѣ какъ только покончила съ утреннимъ умываньемъ и туалетомъ), который страдалъ и за нее и за пріятеля своего Ферапонтова, извѣстнаго ему за недурнаго практиканта и добраго, хотя неотесаннаго человѣка. Тотъ съ своей стороны произведя діагностъ княжны по всѣмъ правиламъ тогдашнихъ медицинскихъ пріемовъ и способовъ опредѣленія, какъ бы смутился вдругъ, и долго безмолвно глядѣлъ на нее, насупившись и сопя сквозь не въ мѣру расширившіяся ноздри. Юшковъ въ свою очередь глядѣлъ на него во всѣ глаза, въ страхѣ за возможность какого-нибудь „неловкаго“ слова. Но докторъ никакого слова не произнесъ. Заговорила сама больная.

— Мнѣ сегодня хорошо, усталость одна, но я бы хотѣла встать, сѣсть въ кресло... Можно, докторъ?

— Если чувствуете себя въ силахъ, почему же?..

— Такъ я встану? (Ей хотѣлось чтобъ онъ скорѣе ушелъ отъ нея.)

— Какъ угодно!

Онъ вышелъ въ кабинетъ съ Юшковымъ, и все также, молча, закачалъ головой. У старика задвоилось въ глазахъ...

Въ то же время явилась сюда княгиня со всякими вопросами, вздохами и неестественнымъ ворочаньемъ круглыхъ глазъ, нисколько впрочемъ не точившихъ тѣхъ слезъ которыя она, повидимому, ожидала отъ нихъ теперь. Докторъ отвѣчалъ неопредѣленными и немногосложными фразами... Онъ сказалъ что вчерашнее каталептическое состояніе княжны свидѣтельствуетъ очевидно объ *анеміи мозга* (княгиня услыхавъ этотъ невѣдомый ей научный терминъ захлопала глазами пуще прежняго, но ей и въ голову не пришло спросить что́ именно долженъ былъ означать онъ), и что вмѣстѣ съ тѣмъ по общимъ указаніямъ организма слѣдуетъ предполагать извѣстное пораженіе въ полости сердца

— Ah, mon Dieu, вскликнула на это княгиня,—мнѣ уже объ этомъ говорилъ докторъ Чипріяни въ Ниццѣ, qu'elle a un défaut au coeur, но я думала что это у нея совсѣмъ прошло.... И это очень опасно, докторъ? возгласила она такъ громко что Юшковъ кинулся притворять дверь спальни, испугавшись что больная могла услышать эти слова.

— Конечно-съ, отвѣтилъ помолчавъ Ферапонтовъ,—еслибы такіе припадки возобновились... Тутъ необходимо постоянное наблюденіе врача... притомъ главное условіе—полное душевное спокойствіе больной; въ этихъ случаяхъ психія играетъ весьма существенную роль...

Княгиня еще разъ не поняла, и спросила:

— А лѣкарство вы ей дадите?

— Успокоительную микстурку прописать можно-съ.

Онъ подошелъ къ письменному столу Лины прописать рецептъ.

— А впрочемъ, молвилъ онъ, расчеркиваясь,—осмѣлился бы предложить вашему сіятельству адресоваться въ Москву съ приглашеніемъ къ себѣ спеціальнаго врача для пользованія княжны, такъ какъ я уже выразилъ вамъ о необходимости постояннаго наблюденія; я же его принять на себя не могу, въ виду обязанностей моихъ по больницѣ въ городѣ...

— Ah, mon Dieu, я сегодня же пошлю, сегодня же! заголосила Аглая Константиновна, и поплыла сообщать объ этомъ дочери.

— А... Василій Григорьевичъ, поспѣшно проговорила на это, вспоминая вдругъ имя и отчество старика-смотрителя, Лина,—онъ останется?

— На что̀ онъ тебѣ, chère enfant? нѣжнымъ голосомъ молвила ей маменька,—вѣдь онъ не докторъ!

— Мнѣ... лучше когда онъ тутъ, тихо сказала княжна.

Аглая Константиновна повела плечомъ.

— Caprice de malade!.. И вернулась опять въ кабинетъ, гдѣ Ферапонтовъ съ фуражкой въ рукѣ, готовясь уѣхать, переговаривался вполголоса съ Юшковымъ.

— Она вотъ *иххъ* все проситъ! сказала она доктору, кивая на смотрителя.

— Василія Григорьевича? улыбнулся тотъ;—что̀ же, это хорошо-съ! Онъ наше дѣло маракуетъ не хуже другаго иного, только что степени надлежащей не имѣетъ... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству.

Вальковскій, все время поджидавшій его выхода въ аппартаментѣ Зяблина (куда забился онъ тотчасъ по пріѣздѣ, во избѣжаніе Ашанина, съ которымъ страшно боялся встрѣчи, предвидя всѣ тѣ упреки которыми тотъ не преминулъ бы осыпать его), выскочилъ на дворъ, едва заслышалъ скрипъ колесъ подаваемаго тарантаса доктора.

Онъ кинулся къ сидѣвшему уже въ немъ Ферапонтову.

— И я съ вами, погодите!

Въ то же время изъ сѣней выскочила полногрудая Lucrèce и быстро сбѣжавъ по ступенькамъ крыльца, передала доктору незапечатанный бумажный конвертецъ.

— Отъ ея сіятельства княгини.

— Здравствуйте, Лукерья Ильинишна! молвилъ, скаля зубы по ея адресу, „фанатикъ“, влѣзавшій къ своему попутчику въ тарантасъ.

Она даже не взглянула на него и, проговоривъ сухо: „здравствуйте-съ!“ обернулась и побѣжала въ домъ.

Лошади тронули. Докторъ, державшій въ опущенной на колѣни рукѣ переданный ему пакетецъ, полюбопытствовалъ, какъ только выѣхали они за ограду, узнать о количествѣ содержимаго въ немъ и, опустивъ надъ нимъ глаза, осторожно вытащилъ изъ него на половину двѣ красныя бумажки, которыя тотчасъ же и сунулъ обратно.

— Мзда приличная, а? тутъ же полюбопытствовалъ узнать „фанатикъ“, подмѣтившій это движеніе и успѣвшій уже сойтись съ Ферапонтовымъ на самую короткую дружескую ногу.

— Извѣстно, люди богатые могутъ! промычалъ тотъ, — а

только я все же предпочелъ отклонить дальнѣйшее полученіе таковой, добавилъ онъ съ выраженіемъ грубоватой бурсацкой ироніи.

— Что̀ такъ?

Докторъ помолчалъ.

— Баре большіе! Съ ними и говорить-то какъ не знаешь... Да и субъектъ очень ужь нѣжный, принимать на свою отвѣтственность тоже штука опасная можетъ быть! какъ бы неохотно пояснилъ онъ наконецъ.

Вальковскій глубоко вздохнулъ. Онъ по-своему искренно любилъ княжну, и желалъ ей всякаго блага, что̀ не мѣшало ему уѣзжать теперь въ Москву изъ боязни отвѣтственности предъ Ашанинымъ за то что чуть не уморилъ ее на мѣстѣ, и изъ желанія поскорѣе отдѣлаться отъ самой мысли о ней въ затѣяхъ какого-либо новаго „театрика", хоть бы въ Замоскворѣчьи, у того же знакомаго ему купца Телятникова у котораго устраивалъ таковые „за полтораста цѣлкашей". Таковы люди!...

А Лину, между тѣмъ чувствовавшую себя еще слишкомъ слабою чтобы подняться на ноги, перекатили въ большомъ креслѣ изъ спальни въ кабинетъ, къ открытому въ садъ окну, куда она просила подвезти ее и гдѣ вскорѣ очутилась одна со старикомъ-смотрителемъ. (Аглая Константиновна, никогда, а теперь тѣмъ менѣе не умѣвшая находить предметы разговора съ дочерью, и которую, къ тому же давно ждали и чай, и Зяблинъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ, отправилась туда почти тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ доктора.)

— Вамъ не тяжело оставаться со мной, скажите? начала дѣвушка,—а я, примолвила она, не ожидая отвѣта,—мнѣ бы хотѣлось чтобы вы всегда оставались тутъ, со мною...

Онъ поднялъ на нее свои большіе голубые глаза.... Они мгновенно подернулись влажнымъ туманомъ, и онъ въ перепугѣ чтобы не испугалась она, отвернулся смущенный и безмолвный.

Лина провела рукой по лицу.

— Какъ удивительно Богъ все устраиваетъ... Мы съ вами разъ только видѣлись и говорили, а между тѣмъ еслибы меня вчера когда я совсѣмъ пришла въ себя послѣ этого обморока, еслибы меня спросили чье лицо было бы мнѣ всего пріятнѣе видѣть подлѣ себя, я бы, кажется, прямо указала на васъ... И вдругъ именно вы! Скажите, какимъ чудомъ вы здѣсь?

Онъ ей разказалъ свою встрѣчу въ городѣ, сначала съ Вальковскимъ, отъ котораго узналъ о случившемся съ нею, потомъ съ Ашанинымъ, предложившимъ ему ѣхать съ нимъ въ Сицкое, на что онъ согласился, зная что Ферапонтовъ можетъ пріѣхать не скоро, и полагая что онъ, имѣя кое-какія медицинскія свѣдѣнія, могъ на первыхъ порахъ оказать ей нѣкоторую помощь.

— Да, сказала она, тихо улыбаясь, — и привели меня въ чувство... Помните когда мы съ вами познакомились, вы мнѣ сказали что, если вы мнѣ будете нужны, вы всегда явитесь... И вотъ явились! И больше никого не надобно, промолвила она страннымъ тономъ.

Юшковъ недоумѣло поглядѣлъ на нее.

— Maman хочетъ посылать въ Москву за докторомъ? продолжала она черезъ мигъ.

— Да.

— Онъ мнѣ не поможетъ.

— Почему вы думаете, княжна?

Она поглядѣла вдаль, въ садъ съ его зелеными вершинами, по которымъ играли золотые лучи солнца, обернулась затѣмъ къ нему какъ бы для отвѣта... но не отвѣтила, а спросила:

— Владиміръ Петровичъ... Ашанинъ здѣсь? Или я во снѣ видѣла вчера?

— Здѣсь, подтвердилъ старикъ,—онъ тутъ рядомъ въ комнатѣ до утра пробылъ, пока вы не заснули и я отъ васъ не ушелъ.

— И онъ добрый... очень добрый, прошептала Лина и примолкла... Какая-то глубокая, внутренняя тоска выразилась вдругъ въ чертахъ ея лица.

— Василій Григорьевичъ, неожиданно проговорила она,— знаете что̀, я дурная! Мнѣ надобно, я хочу его видѣть... и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь...

Онъ понялъ (наканунѣ, ѣдучи въ Сицкое, Ашанинъ счелъ нужнымъ объяснить ему причину обморока княжны), и поспѣшилъ возразить:

— Напрасно вы боитесь, Елена Михайловна; я полагаю что онъ васъ скорѣе успокоитъ можетъ чѣмъ причинить лишнюю тревогу.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Да?... Скажите, вы знаете? протянула она, многозначительно глядя ему въ глаза.

— О... объ Офеліи и Гамлетѣ? сказалъ онъ съ улыбкой послѣ легкаго колебанія.

— Да!... Я не скрываю.... ни отъ кого! молвила она, медленно закачавъ головой и все также не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Вы божественное существо, Елена Михайловна! восторженно вскликнулъ старый идеалистъ, изъ глазъ котораго на этотъ разъ уже прямо брызнули слезы.

— Не надобно такъ говорить, грѣхъ! усмѣхнулась и она теперь.—Такъ вы думаете я могу повидаться съ нимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ?...

— Я полагаю, княжна, если только вы не станете волноваться; для васъ это вредно!...

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я вѣдь знаю что мнѣ нужны силы... чтобы дождаться его, добавила она съ какимъ-то опять загадочнымъ выраженіемъ.

Юшковъ ушелъ за Апанинымъ, который, уснувъ на зарѣ весь одѣтый на диванѣ въ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны, только-что проснулся въ эту минуту и приводилъ кое-какъ въ порядокъ свое измятое платье и спутавшіеся во время сна волосы.

Входя ко княжнѣ онъ наладилъ черты свои на такое спокойное, чуть не веселое выраженіе что одинъ видъ его произвелъ на нее благотворное впечатлѣніе. Она протянула ему съ кресла свою тонкую, прозрачно бѣлую руку.

— Спасибо вамъ! Вы оба такіе хорошіе,—она повела глазами на старика Юшкова;—я васъ измучила обоихъ...

— Мы отъ этого не растаемъ, княжна, возразилъ Апанинъ, широко улыбаясь,—и я за тревожно проведенную изъ-за васъ ночь вознагражу себя съ избыткомъ удовольствіемъ оттрепать самымъ наиположительнымъ образомъ этого болвана Вальковскаго, напугавшаго васъ такъ дурацки, а затѣмъ и самого себя, за то что возымѣлъ несчастную мысль послать его сюда.

И, не давъ ей времени сказать слова, онъ поспѣшно принялся передавать ей о письмѣ къ ней Софьи Ивановны, съ которымъ посланъ былъ въ Сицкое „фанатикъ“ (смотритель было всталъ, съ намѣреніемъ отойти въ другую сторону комнаты, оставя ихъ говорить вдвоемъ, но княжна удержала

его на мѣстѣ сказавъ „у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ говорила!“), о томъ что Гундуровъ отправленъ графомъ въ Оренбургъ вовсе не „въ ссылку“, а *на службу*, и то вслѣдствіе очевиднаго какого-то недоразумѣнія, для разъясненія котораго Софья Ивановна поѣхала въ Петербургъ, гдѣ она увидится съ княземъ Ларіономъ, и что нѣтъ сомнѣнія что въ самомъ скоромъ, скоромъ времени, Сережа будетъ возвращенъ къ себѣ, въ деревню, и пріѣдетъ въ Сицкое, ко князю.

Лина слушала его молча, оперпись щекой объ руку, и пристально глядя ему въ лицо своими какимъ-то таинственнымъ пламенемъ вдругъ загорѣвшимися васильковыми глазами.

— Да, медленно вымолвила она,—я *знаю* что я его еще увижу...

Ашанинъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ, отъ выраженія этого взгляда...

Она все такъ же тихо продолжала:

— Дядя долженъ пріѣхать завтра или послѣзавтра въ Москву; я отъ него третьяго дня письмо получила.

— Боже мой, неужели они разъѣхались съ Софьей Ивановной? вскликнулъ вскакивая съ мѣста Ашанинъ.—Я сейчасъ же поскачу въ Москву: надо предварить князя чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, повидался съ графомъ прежде чѣмъ сюда вернуться...

— Поѣзжайте, это хорошо, сказала княжна,—и зайдите къ maman. Она хочетъ выписать мнѣ оттуда доктора, такъ выберите мнѣ, пожалуста, такого чтобы былъ добрый и не мучилъ меня лѣкарствами...

— Непремѣнно, княжна!..

Онъ подошелъ проститься съ нею.

Она подала ему руку, которую Ашанинъ наклонился поцѣловать.

Она не дала ему коснуться ее губами и, сжимая его руку, проговорила дрожащимъ голосомъ, подымая на него свои лазуревые глаза:

— А *онъ*, что̀ онъ, скажите мнѣ?

— Онъ бодръ, онъ вѣритъ въ васъ, княжна, и онъ ни въ чемъ не виновенъ, отвѣчалъ другъ Гундурова;—онъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ что это лишь временное испытаніе...

Она удержала вздохъ просившійся у нея изъ груди, и улыбнулась черезъ силу...

Ашанинъ побѣжалъ ко княгинѣ, засталъ за чаемъ, въ компаніи неизбѣжнаго „бриганта“. Предложенію его привезти изъ Москвы доктора она очень обрадовалась.

— Sans cela ce bon monieur Зяблинъ, voulait en vrai ami y aller lui même, объяснила она съ нѣжнымъ взглядомъ по адресу „vrai ami“.—Привезите monsieur Овера! прибавила она величественно къ этому.

— Это будетъ довольно трудно, княгиня: Оверъ такъ занятъ, и такой большой баринъ.

— Je veux absolument que ce soit lui! Je le payerai ce qu'il voudra. Я, конечно, ничего не пожалѣю quand il s'agit de sauver ma fille. Поѣзжайте, cher monsieur Ашанинъ и скажите Vittorio чтобы вамъ заложили коляску...

CVI.

— Когда вы пріѣхали? спросилъ князь Ларіонъ когда Ашанинъ передалъ ему въ общихъ чертахъ все что могло быть ему лично извѣстно изъ того что мы, по нашему праву повѣствователя, имѣли возможность представить читателю въ подробномъ изложеніи.

— Вчера вечеромъ.

— У Овера были?

— Былъ. Онъ уже легъ спать, но я настоялъ чтобы ему было передано о моемъ порученіи. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить что сегодня у него какая-то серіозная операція, и что онъ рѣшительно ѣхать не можетъ.

Князь поднялся съ мѣста.

— Я его уговорю. Застану ли я его теперь дома, какъ вы думаете?

— Нѣтъ! вспомнилъ Ашанинъ:—мнѣ сказали у него что операцію онъ дѣлаетъ въ десятомъ часу въ Екатерининской больницѣ. Онъ долженъ быть тамъ теперь.

— Хотите вы поѣхать со мною?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, князь!

Операція была благополучна окончена, и Александръ Ивановичъ Оверъ, московская знаменитость тѣхъ временъ, въ вицмундирѣ застегнутомъ на двѣ пуговицы, въ темномъ паричкѣ съ хохолкомъ на правомъ боку, и съ высоко и тѣсно повязаннымъ чернымъ галстукомъ, на который твердо опи-

ралось его еще замѣчательно красивое, оголенное, съ живыми, проницательными черными глазами лицо, стоялъ въ сѣняхъ Екатерининской больницы, торопливо передавая своему ассистенту послѣднія инструкціи относительно оперированнаго субъекта, въ ожиданіи своей выѣзжавшей со двора кареты, когда въ эти сѣни вошли князь Ларіонъ Шастуновъ и его молодой спутникъ.

— Какъ я радъ что застаю еще васъ здѣсь, Александръ Ивановичъ! молвилъ князь, поспѣшно подходя къ нему и подавая ему руку (они были лично знакомы, и знаменитый практикантъ пользовалъ князя зимой отъ какого-то подагрическаго припадка).

— И я радъ видѣть васъ, князь, отвѣтилъ тотъ,—хотя заранѣе могу сказать, примолвилъ онъ съ улыбкой глядя на Ашанина,—что вы намѣрены потребовать отъ меня того чтò я въ настоящую мунуту не нахожу никакой возможности исполнить.

— И все-таки исполните, быстро возразилъ князь Ларіонъ,—когда я вамъ скажу что я твердо рѣшился не отставать отъ васъ, обратиться въ вашу тѣнь, ждать васъ у всѣхъ дверей, мѣшать вамъ ѣсть, пить, спать пока вы не поѣдете со мною!

Немотря на полу-шуточную форму этихъ словъ, Оверъ былъ пораженъ глубокою страстностью настоянія сквозившаго сквозь нихъ. Онъ понялъ что дѣйствительно этотъ человѣкъ отъ него не отстанетъ. Онъ провелъ машинально рукой по хохолку своего пáрика и пристально взглянулъ на князя.

— Развѣ ваша невѣстка такъ больна? спросилъ онъ.

— Кто вамъ говоритъ про мою невѣстку! вскрикнулъ весь даже покраснѣвъ князь Ларіонъ,—дѣло идетъ о моей племянницѣ, которую вы видѣли, о которой я говорилъ вамъ зимой..

— Oh, pardon, cher prince, pardon!—Я не понялъ! Я ужь совсѣмъ засылалъ вчера когда мнѣ пришли сказать что они (онъ указалъ на Ашанина, котораго зналъ, какъ знала его вся Москва) пріѣхали приглашать меня. Не разслышалъ я, или мнѣ переврала человѣкъ, но понялъ я такъ что зоветъ *княгиня* Шастунова, то-есть, для себя. Чтò съ ней можетъ случиться—грибковъ развѣ обкушалась... Изъ-за этого скакать оставляя серіозно больныхъ паціентовъ... А вы говорите княжна, племянница ваша?... Une adorable créature! вырвалось при этомъ изъ устъ Овера, принадлежавшаго къ числу

горячихъ поклонниковъ женской красоты.—Да, я помню, вы мнѣ говорили: она страдаетъ сердцемъ? Что же было съ нею теперь?

— Я вамъ все это разкажу подробно дорогой, а до тѣхъ поръ примите мое честное слово что случай серіозный... вопросъ о жизни и смерти быть-можетъ... Голосъ князя Ларіона болѣзненно задрожалъ.

Оверъ сочувственно повелъ на него своими живыми темными глазами.

— Далеко это ѣхать къ вамъ? молвилъ онъ помолчавъ.

— Къ ночи вы будете дома въ Москвѣ.

— Я живу на дачѣ въ Кунцовѣ; дýмалъ, признаюсь вамъ, поотдохнуть сегодня in's Grüne... Но дѣлать нечего: для такого прелестнаго созданія какъ ваша племянница готовъ пожертвовать этимъ днемъ... Когда жь ѣхать?

— Сейчасъ же, если можете!

— Нѣтъ! Мнѣ еще надо отсюда къ одному тяжелому больному... Черезъ часъ если хотите, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—надо же и домой заѣхать... Я пріѣду къ вамъ. Все тамъ же на Покровкѣ?

— Нѣтъ, я только что изъ Петербурга, и остановился въ Дрезденѣ, разчитывая сейчасъ же ѣхать въ деревню.

— Тѣмъ лучше, мнѣ туда ближе.

— Такъ я буду ждать васъ. Навѣрное?

— Навѣрно!

Они подали руки другъ другу; и разъѣхались.

— А теперь вотъ что, сказалъ князь Ашанину, садясь въ коляску:—я сейчасъ напишу Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной въ Петербургъ, а вы потрудитесь свезти это письмо на почту и немедленно отправить его туда эстафетой. Она ждетъ его и несомнѣнно тотчасъ же вернется когда получитъ... За вашимъ пріятелемъ Гундуровымъ графъ уже распорядился послать этого толстяка, исправника нашего бывшаго. Онъ въ настоящую минуту ускакалъ даже вѣроятно. Но весьма было бы важно знать гдѣ онъ его можетъ нагнать, и когда, слѣдовательно, можно разчитывать что Сергѣй Михайловичъ будетъ въ своемъ Сашинѣ... Разъ уже вы принимаете такое живое участіе... во всемъ этомъ дѣлѣ, вамъ необходимо было бы слѣдить за минутой его возвращенія и...

— Я лучше сдѣлаю, князь, прервалъ его Ашанинъ,—я самъ поскачу къ нему. Онъ во Владимірѣ, и ждетъ письма отъ

меня именно объ этомъ... о княжнѣ... Я передамъ ему все и привезу... Черезъ два дня мы будемъ съ нимъ въ Сашинѣ. Мнѣ теперь фельдъегерская служба ни по чемъ! добавилъ онъ съ невольною вспышкой обычной своей веселости.

Князь кивнулъ одобрительно головой.

— Это хорошо, но вы должны дать мнѣ честное слово что вы не допустите пріятеля вашего пріѣхать въ Сицкое ранѣе чѣмъ вы, или онъ, извѣстите меня о возвращеніи его въ Сашино, и не получите отъ меня разрѣшенія пріѣзжать... Вы понимаете что... для Hélène каждое волненіе, каждая неожиданность могутъ имѣть....

Голосъ его оборвался.

— Даю вамъ въ этомъ, за него честное слово, князь! молвилъ глубоко тронутый молодой человѣкъ,—моего вамъ не нужно.

Они вернулись въ гостиницу.

Князь Ларіонъ потребовалъ свой портфель и усѣлся за письмо къ Софьѣ Ивановнѣ. Онъ запечаталъ его и передалъ Ашанину вмѣстѣ съ деньгами на эстафету.

— До свиданія, сказалъ онъ, и какъ бы черезъ силу примолвилъ:—дай Богъ при лучшихъ обстоятельствахъ!...

Ашанинъ поспѣшилъ уйти.

— Извощикъ! крикнулъ онъ, выбѣгая на крыльцо, и вытаскивая на ходу изъ кармана бумажникъ, чтобъ уложить въ него письмо и деньги князя.—А у самого-то сколько у меня осталось? пришло ему въ эту минуту въ голову.

Онъ развернулъ бумажникъ: въ немъ оказывались одна трехрублевая и двѣ рублевыя бумажки.

„Съ этимъ до Владиміра не доскачешь!“ сказалъ онъ себѣ вытягивая губы кружечкомъ.

Онъ на мигъ задумался, и тутъ же разсмѣялся этому думанью:

— На Кузнецкій Мостъ! закомандовалъ онъ, садясь на извощика.

На Кузнецкомъ Мосту онъ велѣлъ остановиться у входа въ знакомый ему магазинъ золотыхъ издѣлій. Онъ вошелъ въ него и направился къ конторкѣ, за которою хозяинъ записывалъ что-то въ свою книгу.

— Можете ли вы дать мнѣ двадцать пять рублей на два дня подъ залогъ вотъ этого? сказалъ онъ ему, отстегивая отъ

жилетной пуговицы часовую цѣпочку и передавая ее съ часами черезъ рѣшетку.

Ювелиръ, у котораго нашъ Донъ-Жуанъ пріобрѣталъ не разъ всякіе колечки и браслетцы для своихъ Эльвиръ и Церлинъ, повелъ на него глазами, улыбнулся, и приподнявъ доску своей конторки вынулъ оттуда сѣренькую, и протянулъ ему.

— Извольте-съ, а часики ужь при себѣ оставьте, пригодятся.

— Ну и спасибо вамъ! расхохотался красавецъ, пожалъ ему руку, и выбѣжавъ изъ магазина вскочилъ на своего извощика.

— Въ почтамтъ, и полтинникъ на водку, если хорошо поѣдешь!

Черезъ часъ онъ скакалъ въ перекладной по дорогѣ къ Троицѣ. Фельдъегерская служба дѣйствительно была для него теперь обычнымъ дѣломъ....

CVII.

Аглая Константиновна выскочила даже самолично на лѣстницу когда въ началѣ восьмаго послѣ обѣда пришли ей сказать, что пріѣхалъ ея деверь, а съ нимъ и „господинъ докторъ Оверъ". Она была польщена тѣмъ что эта первая „célébrité médicale de Moscou" поспѣшила прискакать къ ней въ деревню по первому ея зову, и положила по этому „être très aimable pour lui..." Но болѣе всего подмывало ее любопытство поскорѣе взглянуть на князя Ларіона, и если не изъ его устъ, то „à l'expression de sa figure" надѣялась она узнать „съ чѣмъ" пріѣхалъ онъ изъ Петербурга, какое окончательное рѣшеніе принялъ онъ „relativement à sa position là-bas."

Ничего, разумѣется, не прочла она относительно всего этого на его строгомъ, блѣдномъ и страшно осунувшемся, показалось только ей, лицѣ. Князь сухо поклонился ей и даже не спросилъ о здоровьѣ Лины, онъ почиталъ совершенно безполезнымъ обращаться къ ней съ такимъ вопросомъ, а указывая на своего спутника сказалъ первымъ словомъ:

— Мы съ Москвы ничего не ѣли, и Александръ Ивановичъ, я увѣренъ, умираетъ съ голода. Дадите ли вы ему скорѣе пообѣдать?

Vittorio, выбѣжавшій въ сѣни встрѣчать пріѣхавшихъ, поспѣшилъ отвѣтить что князя ждутъ второй день и обѣдъ будетъ „servi à la minute".

Княгиня повела сама пожелавшаго привести себя нѣсколько въ порядокъ послѣ дороги Овера въ одну изъ комнатъ для гостей въ бельэтажѣ, разказывая ему по пути о „fâcheux accident“ случившемся съ ея дочерью, но болѣе всего о томъ какую „secousse“ произвелъ этотъ „accident“ на ея собственную персону на ея „système nerveux“, причемъ объявила что она была всегда „d'une nature de sensitive“, которую вѣроятно и „имѣла несчастіе передать дочери“.

Умные глаза доктора такъ и запрыгали отъ пронявшаго его внутренняго смѣха. Онъ глянулъ искоса на эту расплывшуюся бабищу, сентиментально ворочавшую своими глупыми круглыми зрачками, и, обдернувъ парикъ, проговорилъ насколько могъ серіозно:

— Я бы этого никогда не подумалъ, въ виду вашей цвѣтущей наружности, княгиня... А впрочемъ les apparences sont trompeuses,—même pour un médecin, примолвилъ онъ тутъ же съ любезностью бывалаго свѣтскаго практиканта.

Князь Ларіонъ между тѣмъ прямо поднялся въ верхній этажъ.

Лина, которую Глаша прибѣжала извѣстить о его пріѣздѣ, выслала просить его скорѣе къ себѣ старика смотрителя, котораго все также продолжала не отпускать отъ себя, и который съ своей стороны съ чувствомъ какого-то болѣзненнаго блаженства въ душѣ исправлялъ при ней должность сидѣлки. Онъ все утро сегодня провелъ за чтеніемъ ей *Ундины* къ великому обоихъ ихъ наслажденію.

Князь не видалъ его никогда до этой минуты, но взглянувъ въ лицо стараго романтика, въ это доброе, открытое лицо съ ворохомъ сѣдыхъ волосъ разлетавшихся во всѣ стороны и большими юношескими глазами, въ которыхъ говорила какая-то совершенно дѣтская чистота и впечатлительность, онъ сразу понялъ то внутреннее душевное родство которое должно было сказаться этому простому старику и этой дѣвушкѣ, такъ далеко поставленнымъ другъ отъ друга на общественной лѣстницѣ, съ первой же минуты знакомства ихъ другъ съ другомъ. То что̀ для Аглаи Константиновны могло само собою быть объясняемымъ единственно какъ „caprice de malade“, принимало совсѣмъ иное значеніе въ глазахъ князя Ларіона: онъ прозрѣвалъ за этимъ ту тоскливую потребность страждущаго существа въ другомъ, близкомъ ему по духу существѣ, въ которомъ

увѣрено было бы оно найти необходимыя ему въ эту минуту нѣжность, опору, покровительство... Больная Лина, говорилъ себѣ князь, инстинктивно ограждала себя опорой и нѣжностью этого старика „съ улицы“ отъ тупаго и назойливаго безсердечія родной матери...

— Племянница моя очень полюбила васъ, я слышалъ, сказалъ онъ, пожимая Юшкову руку.—Я очень радъ этому... Не говорю *благодарю*; потому что за такія вещи не благодарятъ.

— За что̀ благодарность, ваше сіятельство! возразилъ тотъ восторженнымъ и дрожащимъ голосомъ,—за то что допустили послужить ангелу небесному!...

— Такъ можно къ ней теперь? спросилъ князь.

— Пожалуйте, проситъ васъ.

Она встала со своего кресла, и пошла на встрѣчу дядѣ какъ только его увидѣла. Онъ поспѣшилъ къ ней, обнялъ ея голову обѣими руками, прильнулъ губами къ ея золотистымъ волосамъ...

— Садись, садись! поспѣшно заговорилъ онъ, отводя ее опять на мѣсто,—ты еще слаба...

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, я гораздо лучше себя чувствую сегодня!

Онъ сѣлъ противъ нея, уткнувшись руками въ колѣни, съ невыразимымъ восхищеніемъ и мучительною тоской воззрясь въ черты ея лица. Никогда еще такою красотой не исполнены были эти черты... но это была какая-то никогда еще имъ невиданная, пугавшая его красота.

Онъ чрезмѣрнымъ усиліемъ заставилъ себя улыбнуться заставивъ голосъ свой зазвучать ровнымъ, обычнымъ ему звукомъ:

— И болѣть совсѣмъ не нужно было, началъ онъ:—я тебѣ привезъ очень хорошія вѣсти.

— Да, дядя?... Я была увѣрена! промолвила она тутъ же.

— Ты была увѣрена что я не допущу несправедливости, что *это* могло случиться только въ моемъ отсутствіи? спросилъ онъ въ объясненіе себѣ ея восклицанія.

— Да... и *такъ*, отвѣчала она, слегка сжимая брови, и какъ бы спрашивая теперь себя сама, откуда могло явиться у нея это убѣжденіе.

— „И такъ“, повторилъ онъ, вызывая новую улыбку на свои уста;—такъ отчего же ты такъ испугалась, лишилась чувствъ?

— Нѣтъ, это послѣ... со мною сдѣлалось, молвила Лина.

— Что „послѣ“?

— Я право не умѣю вамъ это объяснить, oncle (она въ свою очередь теперь старалась улыбнуться):—будто что-то раскрывается предо мною, говоритъ впередъ... Такъ странно!.. И она провела себѣ рукой по лицу.

— А если такъ, поспѣшилъ заговорить опять князь Ларіонъ,—заговорить свою тревогу,—то говоритъ ли тебѣ это что-то что испытанія твои близятся къ концу?...

Внезапный румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

— Что хотите вы сказать, дядя?

— А то что послѣ того что было съ тобою теперь, Аглая Константиновна сама пойметъ, надѣюсь, что вещи не могутъ оставаться въ томъ положеніи въ какомъ онѣ стояли до сихъ поръ, что дальнѣйшее ея упорство было бы преступленіемъ... Это скажетъ ей и Оверъ, котораго она выписала для тебя; я всю дорогу стилировалъ его въ этомъ смыслѣ... Повторяю, испытанія твои кончены! Все оказалось фальшивою тревогой. За Сергѣемъ Михайловичемъ послано въ догонку; никакой ссылки нѣтъ, и не будетъ; онъ во Владимірѣ, и господинъ Ашанинъ, поскакавшій съ своей стороны за нимъ, обѣщалъ привезти его домой въ Сашино послѣзавтра. Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной я сегодня же отправилъ въ Петербургъ эстафету; мы встрѣтились съ нею на дорогѣ и условились: она тотчасъ же выѣдетъ, получивъ мое письмо. Черезъ нѣсколько дней ты ихъ увидишь здѣсь... увидишь *его* на правахъ жениха твоего, Hélène, промолвилъ князь невольно дрогнувшимъ голосомъ.

Она откинулась вдругъ въ спинку своего кресла, и поднесла руку къ глазамъ.

— О, если бы это раньше, раньше! вырвалось у нея мучительнымъ стономъ.

— Hélène, другъ мой, что съ тобою? вскрикнулъ онъ помертвѣвъ.

Она не отвѣчала, но изъ-подъ этой тонкой, прозрачной руки прикрывавшей глаза ея потокъ слезъ двойнымъ ручьемъ покатился и закапалъ на легкія сборки корсажа ея лѣтняго платья.

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею безсильный сказать слово.

А Лина какъ-то вдругъ собралась, совладала съ собою,

отерла глаза платкомъ и, глядя на него уже съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ, схватила его руку.

— Дядя, милый, простите!... Я еще слаба, нервна... я печалю васъ когда мнѣ слѣдуетъ такъ благодарить васъ... Вы говорите вы привезли доктора, поспѣшно промолвила она,— я очень рада, дядя, пусть онъ вылѣчитъ меня скорѣе, скорѣе если можетъ....

CVIII.

Пообѣдавъ наскоро въ обществѣ князя Ларіона, который отъ обнимавшаго его внутренняго волненія едва прикасался къ подаваемымъ имъ блюдамъ, знаменитый московскій врачъ просилъ провести его ко княжнѣ.

— Я желалъ бы чтобы вы мнѣ позволили остаться наединѣ съ больною, сказалъ онъ Аглаѣ Константиновнѣ, которая почитала теперь нужнымъ не отставать отъ него и свидѣтельствовать ему своими охами и сентиментальнымъ ворочаньемъ глазъ о своей нѣжности къ дочери и тревогѣ за нее:— присутствіе домашнихъ всегда невольно отвлекаетъ и врача, и паціента, и мѣшаетъ имъ сосредоточиться настолько насколько это требуется въ данномъ случаѣ.

— Vous êtes un prince de la science, comme on dit, monsieur Auvert, отпустила Аглая любезно усмѣхаясь,— et puis vous êtes un homme si comme il faut; il ne peut avoir rien de mauvais que vous restiez seul avec ma fille.

Оверъ слегка закусилъ губу и обмѣнялся съ княземъ Ларіономъ быстрымъ говорящимъ взглядомъ.

— Пойдемте, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему тотъ вставая.

— Вотъ, Hélène, кто поможетъ тебѣ обрадовать тѣхъ кто тебя любитъ скорѣйшимъ исцѣленіемъ, молвилъ онъ, вводя его въ комнату племянницы:—ты Александра Ивановича не разъ видѣла у меня зимой, и страшнымъ онъ тебѣ вѣроятно не покажется.

— Non, non, воскликнулъ Оверъ смѣясь,—je me flatte de n'avoir jamais fait l'effet d'un Croquemitaine à mes belles malades... Что̀ это съ вами случилось, милая княжна? заговорилъ онъ, садясь противъ нея и беря ее за руку,—не надо себя такъ дурно вести!... Онъ какъ бы беззаботно улыбался, зорко въ то же время глядя на нее и собирая въ мысли всѣ

болѣзненныя подробности улавливаемыя имъ въ ея наружности.

Она тоже чуть не улыбалась весело, и все между тѣмъ угадывала, все понимала.

— Я дурная, я знаю, говорила она, — и совсѣмъ не такъ веду себя какъ слѣдуетъ......

— Александръ Ивановичъ хорошенько побранитъ тебя за за это, и чтобы не мѣшать ему, я ухожу, въ свою очередь тономъ шутки сказалъ князь, выходя за двери кабинета съ какимъ-то невыносимымъ ноющимъ чувствомъ тоски и чуть не злости на ту никого не обманывавшую комедію которую разыгрывали сейчасъ всѣ трое.

Онъ прошелъ въ бывшую комнату Надежды Ѳедоровны, куда ранѣе его удалился старикъ смотритель и сидѣлъ теперь у окна воззрясь въ даль, въ садъ, залитый въ эту минуту багрянцемъ вечерней зари, и такъ всецѣло погруженный въ это зрѣлище что и не замѣтилъ, не слыхалъ шаговъ входившаго князя. Онъ вполголоса бормоталъ что-то про себя.

Князь Ларіонъ опустился на стулъ въ глубинѣ комнаты, машинально прислушиваясь. Старикъ читалъ старинные стихи Жуковскаго:

— Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна цвѣтетъ;
Для тебя иная,
Тамъ, въ долинѣ рая,
Снова жизнь блеснетъ...

— „Тамъ!“ громко повторилъ князь Ларіонъ въ порывѣ неудержимаго раздраженія;—что мы знаемъ объ этомъ! Мы знаемъ только что здѣсь отъ насъ уходитъ безвозвратно неловинная жизнь...

Старикъ быстро обернулся на звукъ этого голоса... Юношескіе глаза его загорѣлись какимъ-то вдохновеннымъ пламенемъ. Онъ вытянулъ руку, указывая на пламенѣвшее въ огняхъ заката небо.

— Какъ это вѣчное солнце угасаетъ здѣсь чтобы загорѣться лучезарно надъ другимъ міромъ... И не какимъ-нибудь

отцомъ церкви сдѣлано это превосходное сравненіе: „великій язычникъ“ Гёте * нашелъ его, ваше сіятельство!..

Онъ вдругъ, разомъ, смутился и замолкъ, отвернувшись лицомъ къ раскрытому окну... Смутился словно за нимъ и князь, нахмурился и опустилъ голову... Оба они, безсознательно, противъ воли, вымолвили громко то чего внутренно допустить никто еще изъ нихъ не хотѣлъ, противъ чего возмущались они оба душой какъ бы противъ какого-то неслыханнаго, невозможнаго, недопустимаго насилія... Обоимъ имъ словно страшно стало отъ этихъ Богъ вѣсть какъ вырвавшихся у нихъ словъ.

Такъ просидѣли они долго молча и не глядя другъ на друга, пока не раздались въ корридорѣ шаги выходившаго отъ княжны Овера.

Князь поспѣшно всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— Зайдемте сюда, Александръ Иванычъ, сказалъ онъ вводя его въ ту же комнату Надежды Ѳедоровны.—Ну что̀? примолвилъ онъ съ усиліемъ.

Тотъ вскинулъ на него на мигъ свои проницательные глаза.

— Прямой опасности въ настоящую минуту я не вижу началъ онъ помолчавъ,—въ особенности если никакого повода къ новой коммоціи не будетъ ей дано извнѣ, моральными опять-таки причинами... Но въ полости сердца неладно, неладно! повторилъ онъ хмурясь, — скрывать отъ себя этого нельзя...

— И ваша медицина не имѣетъ противъ этого средствъ? невольнымъ упрекомъ зазвучалъ голосъ князя Ларіона.

Опытный и умный московскій практикантъ только плечомъ дернулъ.

— Eh, mon cher prince, la chirurgie c'est quelque chose,— la médécine ce n'est rien!.. ** Надежды въ настоящемъ случаѣ

---

* Подлинныя слова Гёте передаются въ извѣстныхъ разговорахъ съ Эккерманомъ такъ:

„Unser Geist ist ein Wesen ganz unstörbarer Natur; es ist ein fortwirkendes von Ewigkeit zu Ewigkeit. Es ist der Sonne ähnlich die blos unsern irdischen Augen unterzugehen scheint, die aber nie untergeht, sondern unaufhörlich vorleuchtet.“

** Слова слышанныя лично отъ покойнаго Овера пишущимъ эти строки.

надо возлагать не на насъ, эскулаповъ, а на молодость паціентки... Молодость—необыкновенный врачъ и производитъ иногда совершенно невѣроятныя цѣленія. Молодость и счастіе, добавилъ онъ, — отсутствіе душевныхъ заботъ, страданій...

— Вы, надѣюсь, не забудете это сказать моей невѣсткѣ? молвилъ князь Ларіонъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, и сейчасъ же!.. Онъ направился къ двери.

— А насчетъ гигіены княжны не будетъ никакихъ предписаній? вскинувшись съ мѣста за уходившимъ спросилъ смотритель, жадно прислушивавшійся все время къ разговору.

Оверъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Господинъ Юшковъ, поспѣшилъ назвать его князь Ларіонъ,—о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ.

— Ахъ да, и княжна сейчасъ тоже говорила мнѣ... Вы привели ее въ чувство, и внушаете ей большое довѣріе. Это очень хорошо, и всегда полезно больному...

Онъ взялъ старика подъ руку и повелъ его по корридору, сообщая ему о томъ что̀ предписано было имъ Линѣ.

Отпустивъ его съ этимъ къ ней, Оверъ обратился ко князю.

— У нея какая-то удивительная, необыкновенная красота, у вашей племянницы... La beauté d'une inspirée, сказалъ онъ въ объясненіе своей мысли.

— Это меня пугаетъ, глухо проговорилъ князь Ларіонъ,— у нея какія-то прозрѣнія, что-то въ родѣ галлюцинацій...

— Въ этихъ болѣзняхъ явленіе это довольно обычно, сказалъ Оверъ,—нервная система дѣлается особенно воспріимчивою, чуткою, и...

— Да, это я такъ и понялъ, перебилъ его князь, видимо обрадованный этимъ объясненіемъ.—Я еще одного боюсь, Александръ Иванычъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ опять:— перваго свиданія ея съ молодымъ человѣкомъ... Не произведетъ ли это опять на нее коммоціи, какъ вы говорите?

— Вы предварили ее что она его увидитъ?

— Да, я ей сказалъ.

— Хорошо сдѣлали... А когда онъ пріѣдетъ, надо будетъ опять приготовить ее къ этому, дать ей время освоиться съ мыслью что она его увидитъ сейчасъ. Я надѣюсь что сойдетъ

совершено благополучно... Сколько мнѣ извѣстно по крайней мѣрѣ, счастіе никого не убивало! засмѣялся онъ въ заключеніе, спускаясь по лѣстницѣ съ княземъ въ бельэтажъ.

Аглая Константиновна ждала ихъ въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ. Зяблинъ, увидѣвъ входившихъ, тотчасъ же исчезъ (онъ постоянно, когда только могъ, избѣгалъ находиться въ обществѣ князя Ларіона).

— Eh bien, cher docteur? заголосила она, идя на встрѣчу Овера.

— Eh bien, princesse, началъ онъ съ оника,—ваша дочь страдаетъ серіозно сердцемъ, а чтобъ избѣжать могущихъ произойти отъ этого... весьма печальныхъ послѣдствій, надо прежде всего устранить тѣ моральныя причины которыя вызвали, напримѣръ, ея третьягодняшній припадокъ... Я не имѣю права вмѣшиваться въ семейныя дѣла и тайны, но почитаю своимъ долгомъ медика предупредить васъ что исцѣленія княжны можно ожидать единственно тогда quand elle se sentira moralement satisfaite et heureuse, примолвилъ онъ для бóльшаго эффекта на нее по-французски.

Аглая растерянно захлопала глазами.

— Mais mon Dieu, cher docteur, je ne pense qu'à son bonheur! слезливо пролепетала она, испуганно косясь въ то же время на князя Ларіона, безмолвно, не садясь стоявшаго противъ нея и глядѣвшаго на нее неотступнымъ, прожигавшимъ ее взглядомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, княгиня, возразилъ Оверъ со всею свойственною ему свѣтскою любезностью,—какъ и не сомнѣваюсь въ томъ что вы для счастія вашей дочери желаете того же самаго чего и она желаетъ... Въ противномъ случаѣ, повторяю, ни за что поручиться нельзя!

— Mais il faut la traiter contre son mal, cher monsieur Auvert! испуганно вскрикнула на это умная маменька,—я знаю что вы сами не можете à cette distance, mais je vous supplie прислать намъ изъ Москвы хорошаго доктора, который все время былъ бы при ней... Je ne me fie pas du tout à ce vieux monsieur, котораго Богъ знаетъ откуда взяли, et dont ma fille s'est engouée...

Глупость этой женщины начинала раздражать Овера.

— Объ этомъ мы уже уговорились съ княземъ, beau-frère'омъ вашимъ, перебилъ онъ ее:—завтра же я вамъ вышлю изъ Москвы одного изъ моихъ ассистентовъ, даровитаго и уже

опытнаго молодаго человѣка... Но я долженъ вамъ сказать еще разъ, княгиня, что ни онъ, ни я, никакой врачъ въ мірѣ не въ силахъ принести ей пользы, если прежде всего не будутъ отстранены тѣ моральные поводы которые привели дочь вашу къ настоящему ея состоянію... Еще такой обморокъ—и ничто уже пожалуй не будетъ въ состояніи вернуть ее къ жизни, предваряю васъ! Если ея домашнимъ угодно принять на себя отвѣтственность за такой исходъ дѣла—воля ихъ, но медицина во всякомъ случаѣ умываетъ себѣ въ этомъ руки!..

Онъ сухо поклонился ей, и обратился ко князю Ларіону:

— А за симъ позвольте, любезный князь, напомнить вамъ ваше обѣщаніе отпустить меня какъ только минуетъ во мнѣ надобность... Я бы хотѣлъ хоть къ раннему утру завтра вернуться въ Москву, чтобы не опоздать къ пріему больныхъ...

— Я велѣлъ ужь запрягать, отвѣтилъ тотъ, пройдемте ко мнѣ пока.

Оверъ еще разъ поклонился княгинѣ, которая была до того поражена тѣмъ что̀ выслушала отъ него что не въ состояніи была вымолвить слова, и только руку потянула ему съ мѣста на прощанье, между тѣмъ какъ отъ испытаннаго ею ужаса крупныя капли испарины выступили изо всѣхъ поръ ея жирнаго и тупаго лица,—и вышелъ съ княземъ Ларіономъ.

Аглая долго не могла придти въ себя. Въ первый еще разъ сознавала она себя притиснутою къ стѣнѣ, лишенною всѣхъ тѣхъ средствъ обойти, солгать, обмануть которыми орудовала она до сихъ поръ въ борьбѣ ея съ чувствомъ дочери и авторитетомъ ненавистнаго ей деверя, и надѣялась въ будущемъ достигнуть „полнаго исполненія желаній"... Этотъ московскій „prince de la science", котораго „всѣ тамъ знаютъ" и который „будетъ всѣмъ тамъ объ этомъ разказывать," онъ прямо сказалъ ей теперь что за всякія „печальныя послѣдствія" которыя могутъ быть съ Линой „отвѣтственность должна лежать на ея домашнихъ..." „Домашніе—c'est moi, разсуждала Аглая,—parceque Larion et Lina ne font qu'un!.." Она конечно жалѣла о болѣзни дочери и боялась за нее, но слово „отвѣтственность" болѣе всего пугало ее. „On dira des horreurs de moi en cas d'accident, que Dieu nous en préserve!" съ ужасомъ повторяла она мысленно. Да, но

тогда „la comtesse, le jeune comte qui a tout pour lui, l'oncle premier favori, la Cour où Lina ferait si bien," всѣ эти завѣтные планы ея и лучшія мечты, все это надо было забыть, вычеркнуть, признать поконченнымъ, погибшимъ навсегда. Вмѣсто Петербурга съ его дворомъ и грандмондомъ, „ce trou de Moscou;" вмѣсто „jeune comte"—„un petit monsieur de rien du tout;" вмѣсто того чтобы попасть въ министерши un jour, дочери ея предстоитъ сдѣлаться „Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!" О позоръ, о горе неисходное!.. Сердце благородной дочери цѣловальника Раскаталова обливалось кровью думая объ этомъ.

„Que faire, mon Dieu, que faire?" повторяла она себѣ, мечась по дивану своего ситцеваго кабинета и не находя себѣ на немъ мѣста. Еслибы только она могла надѣяться что Лина скоро выздоровѣетъ... Но нѣтъ, „prince de la science" ей прямо сказалъ что выздоровленіе Лины зависитъ отъ удовлетворенія ея желаній, „c'est à dire de son mariage avec ce petit monsieur," перевела это на реальный языкъ свой Аглая. А впрочемъ, осѣнила ее вдругъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей съ образцами которыхъ не разъ уже встрѣчался читатель въ теченіе этого длиннаго повѣствованія,—si ce monsieur Auvert exagérait... et mentait même, pour faire plaisir à mon cher beau-frère?..

И вслѣдъ за счастливою мыслью уже цѣлый планъ дѣйствій начиналъ созидаться въ многодумной головѣ ея. Она прежде всего „привлечетъ на свою сторону" того доктора котораго Оверъ долженъ прислать имъ изъ Москвы; она „обѣщаетъ ему mille roubles", чтобъ онъ сказалъ ей только „la vraie vérité" насчетъ здоровья Лины, дастъ ему „еще другія mille" если онъ обѣщаетъ вылѣчить ее независимо отъ всѣхъ тѣхъ „causes morales dont parle ce monsieur Auvert въ угоду князю Ларіону"... Что касается этого „petit monsieur" въ котораго Лина „a eu le malheur влюбиться", то она про него ни слова не будетъ говорить „pour ne pas aggraver l'état de la malade." Но вѣдь онъ сосланъ въ дальнія страны, „откуда его скоро не выпустятъ", и потому бояться его въ настоящую минуту нечего, а пока онъ еще вернется Лина успѣетъ выздоровѣть „et deviendra plus raisonnable, надо надѣяться"...

Остановившись на такомъ мудромъ соображеніи Аглая облегчила себя вздохомъ полною грудью, и отложивъ вѣеръ

которымъ все время лихорадочно обмахивала свое вспотѣвшее лицо, схватила со стола колокольчикъ и зазвонила.

— Попросить сейчасъ ко мнѣ Евгенія Вла... обратилась она было къ показавшемуся въ дверяхъ камердинеру, и не договорила.

— А я васъ осмѣлюсь попросить отложить это на полчаса! молвилъ входя на эти слова князь Ларіонъ.

Финогенъ тотчасъ же исчезъ. Аглая Константиновна ёрзнула пугливо на своемъ диванѣ, предчувствуя „une scène affreuse“...

Князь остановился предъ нею.

— Вы слышали что̀ сказалъ докторъ? тихо и медленно проговорилъ онъ.

— Да, Larion, certainement, я слышала...

— И что̀ же полагаете вы теперь дѣлать?

— Mon Dieu, Larion, залепетала она,—я право не знаю... но я думаю qu'il exagère beaucoup, и особенно quant aux causes du mal. Вы помните что у Лины были такія же припадки въ Ниццѣ...

— Вызванные совершенно однородными причинами, досказалъ князь Ларіонъ:—то-есть такими же „моральными“ страданіями, тоской по умершемъ отцѣ... Впрочемъ, если вамъ недосточно авторитета Овера, никто вамъ не мѣшаетъ выписать сюда на консультацію хоть цѣлый медицинскій факультетъ изъ Москвы. Я же вполнѣ довѣряю его словамъ, и сто́итъ только взглянуть на Hélène чтобъ убѣдиться насколько они вѣрны. А такъ какъ вы слышали какими средствами можно способствовать ея исцѣленію, то, я предваряю васъ, и сообщилъ Hélène что она черезъ нѣсколько дней увидится съ молодымъ человѣкомъ... котораго она любитъ, какъ бы съ нѣкоторымъ усиліемъ договорилъ онъ.

Аглая такъ и вспрыгнула.

— Mais il est éxilé, ce jeune homme! взвизгнула она расширивъ вопросительно и растерянно зрачки, устремленные на деверя.

Онъ усмѣхнулся презрительно и желчно.

— Да, вы на это надѣялись, кажется, и ваши петербургскіе друзья устроили эту штуку такъ что невиннаго человѣка чуть было въ самомъ дѣлѣ не отправили въ Азію... Но мы все же не Турція, слава Богу, и произволу есть мѣра! Гундурова послали воротить, и онъ будетъ у себя завтра или

послѣзавтра... И благо что этимъ кончилось! вскрикнулъ раздраженнымъ голосомъ князь Ларіонъ:—потому иначе я твердо положилъ вернуться тотчасъ же въ Петербургъ и поднять тамъ такую исторію отъ которой имъ не сдобровать бы, какъ они ни почитаютъ себя сильными!..

Аглая, усиленно и трепетно дыша, такъ и прижалась въ уголъ своего дивана.

„Il est revenu plus fort que jamais en Cour, Larion!" объяснила она себѣ тотчасъ же мысленно владычный и рѣшительный тонъ этой выходки.

Князь прошелся раза два по комнатѣ, и подходя опять къ ней заговорилъ уже болѣе спокойно, но съ тою же рѣшительностью выраженія:

— Вы видите изъ этого что вамъ предстоитъ теперь одно изъ двухъ: или согласиться на желанія вашей дочери, или принять на себя окончательно отвѣтственность за... за ея смерть. Выбирайте!

Нѣжная маменька замахала неистово руками, кинулась лицомъ внизъ въ свои подушки, и зарыдала во всю глотку:

— Дѣлайте что хотите! Je suis la plus malheureuse des mères!..

Князь Ларіонъ глянулъ на нее съ невыразимою ненавистью:

— Вотъ какъ разъ для васъ время теперь посылать за вашимъ утѣшителемъ! словно выронилъ онъ изъ устъ, повернулся и вышелъ.

CIX.

Прошло двое сутокъ. Князь Ларіонъ только что вернулся со своей утренней прогулки, когда ему доложили о пріѣздѣ Ашанина.

— Здравствуйте! сказалъ онъ идя ему на встрѣчу;—вы изъ Владиміра? Когда пріѣхали?

— Сегодня въ ночь.

— Въ Сашино?

— Да!

— Что.... вашъ пріятель?....

Молодой человѣкъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ поднялъ глаза на вопрошавшаго.

— Онъ здѣсь, князь, проговорилъ онъ вполголоса.

— Какъ здѣсь!... Вы дали мнѣ честное слово за него что онъ не явится сюда прежде чѣмъ не получитъ на то моего дозволенія?

— Онъ и не явится, живо возразилъ Ашанинъ:—но вы сами поймете какъ невыносимо было бы для него, зная что̀ было съ княжной, ожидать въ Сашинѣ пока я привезу ему извѣстіе о ней отсюда. Онъ пріѣхалъ со мною чтобъ узнать скорѣе....

— Гдѣ же онъ? перебилъ его князь.

— Я его выпустилъ на селѣ, откуда онъ долженъ былъ пройти въ садъ, и тамъ ждать меня въ гротѣ надъ рѣкою гдѣ его никто не увидитъ.

Князь Ларіонъ чуть-чуть усмѣхнулся.

— Въ надеждѣ что я положу гнѣвъ на милость, сказалъ онъ, — и найду возможнымъ дозволить ему сегодня же увидаться съ Hélène?

— О, князь, воскликнулъ пріятель Гундурова, — какъ онъ счастливъ былъ бы!... На него смотрѣть больно: онъ не спитъ, не ѣстъ вотъ уже пятый день....

Князь Ларіонъ повелъ на него мелькомъ своими впалыми глазами; губы его сложились въ какую-то болѣзненную, горькую улыбку. „Меня этимъ не удивишь!" словно говорила она.

— А что́ княжна, какъ? участливо спрашивалъ между тѣмъ Ашанинъ.

— Ей какъ будто лучше.... По наружности и совсѣмъ лучше; она ходитъ, даже выходитъ.... Вчера она довольно долго гуляла по саду....

— А *духомъ* какъ? спросилъ Ашанинъ, понижая безсознательно голосъ.

— Бодра.... или силится казаться такою, — князь Ларіонъ вздохнулъ;—ждетъ! примолвилъ онъ черезъ мигъ.

— Его ... Гундурова?

Князь не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, и сжавъ брови глянулъ въ сторону.

— Препятствія со стороны Аглаи Константиновны, кажется, отстранены, сказалъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Какое счастіе! радостно вырвалось изъ устъ Ашанина, и онъ сіяя благодарнымъ взглядомъ глянулъ на своего собесѣдника.

Тотъ еще разъ не отвѣтилъ ему, и принялся, все такъ же

щурясь на сторону, за обычное ему хожденіе вдоль оконъ своего обширнаго кабинета.

Молодой человѣкъ машинально слѣдилъ за нимъ глазами, нетерпѣливо ожидая продолженія разговора.

Князь остановился посреди комнаты и поднялъ глаза къ потолку, какъ бы разглядывая на немъ что-то или прислушиваясь.

— Она встала и одѣта, молвилъ онъ,—у нея заходили (кабинетъ и спальня княжны приходились какъ разъ надъ библіотекой служившею ему кабинетомъ). Я схожу къ ней, а вы погодите меня здѣсь! обрывисто прибавилъ онъ, направляясь къ дверямъ маленькой лѣстницы, которая изъ его покоевъ вела прямо въ ту часть верхняго этажа гдѣ находилась комнаты княжны.

Выйдя на эту лѣстницу онъ услыхалъ шумъ шаговъ кого-то спускавшагося по ней съ верхняго этажа. Князь Ларіонъ прищурившись поднялъ глаза.

Крѣпко прильнувъ къ желѣзнымъ периламъ одною рукой а другою придерживая на груди полы своей рясы, сходилъ тщедушнаго вида маленькій, съ рѣденькими волосами на головѣ и такою же жидкою бородой, священникъ... За нимъ шелъ старикъ-смотритель, очевидно провожая его.

Князь былъ такъ пораженъ что не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ остановился на ступенькѣ съ широко, испуганно открытыми глазами.

Священникъ, низко кланяясь и косясь на него такими же испуганными отъ робости глазами, торопливо проскользнулъ мимо него внизъ.

— Чтò это? остановилъ этимъ вырвавшимся у него восклицаніемъ князь Ларіонъ сходившаго вслѣдъ Юшкова.

— Отецъ Іоаннъ... прихода здѣшняго, пробормоталъ тотъ нетвердо.

— Для чего онъ?..

— Княжна пожелала, молвилъ онъ еще тише.

Князь Ларіонъ схватилъ его за руку.

— Пойдемте! безсознательно проговорилъ онъ, увлекая его съ собою по ступенькамъ.—Чтò съ ней, дурно! молвилъ онъ, останавливаясь на верхней площадкѣ и осиливая первый порывъ тревоги.

— Нѣтъ, князь, не замѣтно... не видать... А только пожелала, объяснялъ старикъ:—рано утромъ сегодня, шестаго въ

началѣ, послала ко мнѣ горничную разбудить меня что княжнѣ молъ очень нужно видѣть... Я, само собою, поспѣшилъ... Она, совсѣмъ одѣтая, ожидаетъ меня, извиняется,—просто даже больно слушать такія извиненія, ваше сіятельство, потому что для нея, кажется, готовъ бы всю душу... Только говоритъ она мнѣ что вотъ Успенскій постъ насталъ, что она говѣть собиралась, а тутъ съ ней этотъ припадокъ случился, и слаба стала, въ церковь не въ силахъ ѣздить; а только что очень хотѣлось бы ей Святыхъ Таинъ пріобщиться. И проситъ меня сейчасъ же за отцомъ Іоанномъ сходить,—но только, говоритъ, чтобы никто этого не зналъ, потому что если дойдетъ до дяди и maman, они перепугаются, пойдутъ разспросы... А мнѣ, говоритъ, хуже отъ этого будетъ!.. И даже прибавила: „а мнѣ силъ нужно сегодня и чтобы спокойна я была духомъ..."

Онъ оборвалъ вдругъ, и со внезапнымъ смущеніемъ поднялъ глаза на князя, какъ бы только теперь сообразивъ все чтó было тревожнаго въ переданномъ имъ.

Князь Ларіонъ съ подрагивавшими судорожно губами уставился на него въ свою очередь.

Прошло довольно долгое молчаніе.

— Чтò же теперь къ ней можно? спросилъ наконецъ князь.

— Можно, ваше сіятельство. Мы какъ уходили отъ княжны съ отцомъ Іоанномъ, такъ къ ней, я видѣлъ, по коррвдору докторъ шелъ...

— Такъ пойдемте...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ, только ужь позвольте просить васъ, говорилъ, запинаясь и двигаясь за нимъ смотритель,—не показывать княжнѣ виду что вы объ этомъ узнали. Она меня такъ объ этомъ просила, и съ горничной своей взяла слово никому не говорить, и отца Іоанна провелъ я изъ сада по этой лѣстницѣ, такъ что никто не видалъ его...

— Будьте покойны!...

Лина сидѣла за чайнымъ столомъ съ докторомъ Рудневымъ, бѣлокурымъ, еще молодымъ человѣкомъ, съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ (онъ только наканунѣ утромъ пріѣхалъ изъ Москвы), и разказывала ему чтò-то.

— А вотъ и дядя! вскликнула она, увидавъ входящаго князя;—здравствуйте, oncle; вы, кажется, у меня еще никогда чаю не пили? Позвольте предложить вамъ какъ хозяйка....

На лицѣ ея игралъ румянецъ, лазоревые глаза горѣли какими-то искристыми брызгами.

— Ты очень оживлена, Hélène. Какъ вы находите ее сегодня? обратился къ доктору князь Ларіонъ, стараясь придать голосу своему самую ровную, спокойную интонацію.

— Ничего, улыбнулся тотъ,—княжна очень крѣпко, хотя и не долго спала, говоритъ. Пульсъ—позвольте ручку, княжна!—нѣсколько сильнѣе противъ вчерашняго, но вчѐра онъ былъ слабѣе противъ нормальнаго, такъ что въ этомъ надо видѣть хорошій признакъ....

— Да, мнѣ сегодня хорошо, очень хорошо! молвила поспѣшно Лина, глядя на дядю неотступнымъ и проницающимъ взглядомъ, производившимъ на него жуткое, тяжелое впечатлѣніе.

Разговоръ какъ бы оборвался на этомъ словѣ. Смотритель и Рудневъ поспѣшили допить свои чашки, поклонились молодой хозяйкѣ и вышли.

Она ихъ не удерживала.

— Oncle, прошептала Лина, какъ только остались они вдвоемъ, перегибаясь къ нему черезъ столъ,—онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь?...

— Почему ты думаешь? спросилъ князь невольно вздрогнувъ.

— Я чувствую... я вижу... Это у васъ на лицѣ написано, дядя! быстро промолвила она какъ бы въ объясненіе.

— Да, онъ пріѣхалъ, сказалъ онъ не сейчасъ.

— И здѣсь! настоятельно повторила Лина.

— Да.... Но я его еще не видѣлъ! счелъ нужнымъ прибавить князь.

— Дядя!... проговорила она только.

Его что-то словно рѣзануло по сердцу, но онъ тотчасъ же осилилъ въ себѣ мгновенный отзвукъ чувства, представлявшагося ему теперь чѣмъ-то чуть не святотатственнымъ.

— Ты желаешь видѣть его, Hélène? съ тихою улыбкой сказалъ онъ.

Она только головой повела.

— Но довольно ли ты сильна для этого, не произведетъ ли это на тебя слишкомъ сильнаго впечатлѣнія?

— Я каждый день молила Бога объ этомъ, отвѣтила она съ какимъ-то сосредоточеннымъ движеніемъ бровей,—вы видите, я дожила.... Я готова...

— Да, вспомнились князю Ларіону слова сказанныя ему

Оверомъ: „счастье еще никогда никого не убивало“.—Погоди же, молвилъ онъ громко,—господинъ Ашанинъ сидитъ у меня въ кабинетѣ, ты позволишь мнѣ послать за нимъ?

— Я буду очень рада, oncle, я его очень люблю!

— Гдѣ звонокъ къ твоей горничной?

Появившейся на этотъ звонокъ Глашѣ князь приказалъ сбѣгать къ нему въ покои и пригласить находившагося тамъ молодаго человѣка ко княжнѣ.

Ашанинъ вошелъ въ комнату весь раскраснѣвшійся и запыхавшійся отъ спѣха съ которымъ несся снизу по лѣстницѣ.

Она привѣтствовала его дружескою улыбкой.

— Ну, вотъ и вы, молвила она,—и все хорошо, не правда ли?

— Все хорошо, Елена Михайловна, если только вамъ хорошо! отвѣчалъ онъ, весело подавая ей знакъ глазами что онъ понялъ ее, понялъ все, и что „ихъ Сережа“ тутъ, и только ждетъ минуты войти въ эту самую дверь въ которую онъ только что вошелъ.

Она его поняла тоже, и на мигъ, показалось ему, въ глазахъ ея сказалось опять то загадочное, зловѣщее выраженіе которое такъ пугало его въ нихъ на другой день послѣ ея обморока.

Но она тутъ же улыбнулась еще разъ и обернула голову въ сторону дяди, какъ бы ожидая теперь его слова.

Онъ обернулся въ свою очередь.

— Гдѣ же вашъ пріятель таится? спросилъ онъ молодаго человѣка, налаживая себя на шутливый тонъ.

— Въ гротѣ, надъ самою рѣкой, засмѣялся широко тотъ,—чтобъ отправиться въ нее головой внизъ, если вы не смилуетесь надъ нимъ, ваше сіятельство!

Князь Ларіонъ чуть-чуть повелъ бровями, и взглянулъ на племянницу.

— Такъ пригласить его сюда, Hélène?

— Пригласите, дядя! пролепетала она съ загорѣвшимся взглядомъ.

CX.

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour...

A. Chénier.

Гундуровъ, шагая объ руку съ Ашанинымъ по пути отъ рѣки къ дому, испытывалъ ощущенія существа у котораго въ одно и то же время выросли бы крылья за плечами и очутились бы пудовыя гири на ногахъ. Онъ хотѣлъ летѣть— и не могъ. Сердце рвалось къ безумной, безконечной радости, и тутъ же замирало.... „Препятствія со стороны княгини устранены“, сообщилъ ему сейчасъ Ашанинъ, но что-то колющее, язвительное, мертвящее словно вънтило внутри его, словно шептало въ какомъ-то израненномъ углу его мозга что отстранены они лишь потому что „все равно“, что „счастія ему все-таки не видать“, что *она*... Дрожь пронимала его, въ глазахъ двоилось при этой страшной мысли, ноги подкашивались подъ его изнуреннымъ пятидневною безсонницей туловищемъ. Онъ алчно, судорожно, ждалъ минуты свиданія съ нею, и боялся, и вздрагивалъ, и замедлялъ безсознательно шаги.

— Чтò же ты, Сережа, говорилъ ему Ашанинъ, прижимая крѣпче локтемъ его локоть, — усталъ что ли такъ, или испугался предъ входомъ въ рай?

— Очень она перемѣнилась, скажи? въ десятый разъ спрашивалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да нѣтъ же, говорятъ тебѣ, нѣтъ! Сегодня ей даже значительно, замѣтно лучше. И совсѣмъ то лицо, тотъ художественный обликъ какой былъ у нея, помнишь, въ третьемъ дѣйствіи *Гамлета*, въ сценѣ съ тобою, гдѣ была она такъ прелестна, примолвилъ Ашанинъ.

О, какой зудящей, до сихъ поръ не зажитой раны коснулся неосторожно красавецъ этимъ напоминаніемъ! Гундуровъ весь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ мгновенно набѣжали, и также мгновенно исчезли краски.

— Нѣтъ, не можетъ быть, неужели все *оттуда* идетъ?.. Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! глухимъ и прерывающимся голосомъ вскрикнулъ онъ, увлекая теперь за собою пріятеля, который, занятый въ ту пору собственною эпопеей съ

Ольгой Елпидифоровной, не владѣлъ достаточно вниманіемъ чтобы вникнуть въ интимную драму разыгрывавшуюся между Гундуровымъ и княжкой въ упомянутой имъ сейчасъ сценѣ, и приписывалъ поэтому теперь вырвавшіяся у Сергѣя слова какому-то горячечному припадку.

— Не напугай ты княжну, ради Бога! говорилъ онъ ему, взбѣгая за нимъ на лѣстницу, и пугаясь теперь въ свою очередь.

Гундуровъ остановился передохнуть въ коридорѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ комнаты Лины, и прислонился къ стѣнѣ, боясь упасть отъ усталости и волненія.

Дверь этой комнаты отворилась; изъ нея вышелъ князь Ларіонъ.

— Здравствуйте Сергѣй Михайловичъ, очень радъ васъ видѣть, промолвилъ онъ, протягивая ему руку; — войдите, Hélène васъ ждетъ!

Онъ пропустилъ его мимо себя, затворилъ за нимъ дверь и обращаясь къ Ашанину стоявшему тутъ же:

— Пойдемте покурить по сосѣдству, какъ бы уронилъ онъ, направляясь къ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны.

Гундуровъ переступилъ черезъ порогъ, усиленно сдерживая трепетъ пронимавшій всѣ его члены, приказывая себѣ смотрѣть твердо и спокойно.

Его точно ослѣпило солнечнымъ лучомъ въ первую минуту. Онъ на мигъ прижмурилъ глаза, открылъ ихъ опять. Прямо предъ нимъ, привставъ съ кресла, словно готовясь летѣть къ нему, стояла Лина, озаряя его всего блескомъ своихъ лазоревыхъ, жадно устремленныхъ на него глазъ, съ невыразимо счастливою улыбкой на заалѣвшихъ устахъ.

Всю жизнь свою потомъ не могъ онъ забыть этотъ взглядъ, эту улыбку.

— Вы... вы, наконецъ!... пролепетала она, опускаясь снова въ кресло.

Онъ кинулся къ ней....

Лицо ея сіяло... Она протянула ему руку.

Вся тревога, страхъ, все что̀ наполняло душу его суевѣрною, невыносимою мукой за мгновеніе предъ этимъ, все это разомъ исчезло, стаяло теперь какъ пѣна „горныхъ рѣкъ вытекающихъ въ степь“, по выраженію поэта... * Вериги

* Полонскій.

спали; какъ птица небесная несся онъ теперь на вольныхъ крыльяхъ въ самую глубь лазури, въ голубыя поля надежды счастья, довѣрья.

Онъ схватилъ эту протянутою ему руку, нагнулся глядя ей всѣми глазами въ глаза... и очутился у ногъ ея.

Что происходило у нея на душѣ? Кто это скажетъ? Но и она отдавалась, хотѣла отдаваться вся блаженству этой минуты. И она забывала въ эту минуту все что тамъ, глубоко внутри ея, рокотало глухимъ, роковымъ звукомъ объ иномъ, близкомъ, ожидающемъ ее... Онъ смолкъ теперь, она заставила его смолкнуть, этотъ роковой, могильный голосъ. Она опять какъ въ тѣ дни, предъ пріѣздомъ Анисьева, хотѣла жить, жить хоть бы только этотъ краткій мигъ, но исчерпавъ въ немъ все блаженство какое лишь способна давать земная жизнь.

Она, въ свою очередь, не сводила съ него глазъ.

— Какъ вы блѣдны, худы!... Вы изстрадались изъ-за меня, бѣдный? тихо говорила она.

— А вы сами развѣ не.... Онъ не осмѣлился договорить.

— Да, изъ-за васъ.... и я! молвила она, какъ бы радуясь этому страданію *изъ-за него*.

Его охватила и понесла неотразимая волна.

— Вы моя... навсегда? прошепталъ онъ, прижимаясь горячими губами къ ея тонкимъ, блѣднымъ пальцамъ.

— Да, ваша... Въ этой жизни, и въ вѣчной, такъ же тихо произнесла она, торопливо надъ его наклоненною головой отирая свободною рукой выступившія у нея внезапно слезы.— А что наша милая тетя? поспѣшила она тутъ же спросить, улыбаясь опять, заставляя опять смолкнуть зловѣщій голосъ прорывавшійся изъ тайника ея души.

Онъ поднялся, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская руки ея изъ своей, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ. Они заговорили... То были тѣ слова, тѣ рѣчи которыхъ „значенье темно иль ничтожно“, но выше и слаще которыхъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ.

Такъ прошло болѣе часа.

— Не довольно ли на сегодня? молвилъ имъ князь Ларіонъ, входя въ комнату съ Ашанинымъ, съ которымъ они тѣмъ временемъ успѣли раза два обойти кругомъ сада.—Не правда ли, Hélène? Ты рано встала сегодня, утомиться можешь...

Она и Гундуровъ взглянули на него какъ съ просонья...

Этотъ голосъ дѣйствительно будилъ ихъ ото сна, отъ того лучезарнаго сна молодой любви который лишь разъ въ жизни снится на землѣ человѣку, и проносится предъ нимъ какъ мимолетный отблескъ, быть-можетъ, его первоначальной, небесной родины.

Ни Гундуровъ, ни Лина не отвѣчали на слова князя.

— И Сергѣю Михайловичу надо отдохнуть, настаивалъ князь между тѣмъ: — онъ нѣсколько ночей сряду не спалъ. Уѣзжайте къ себѣ, Сергѣй Михайловичъ, отдохните хорошенько, и возвращайтесь завтра. Я предварю о вашемъ пріѣздѣ Аглаю Константиновну, значительнымъ тономъ добавилъ онъ.

Гундуровъ понялъ что оставалось еще окончательно уломать княгиню, а что онъ пока допущенъ лишь контрабандой въ Сицкомъ. Онъ вздохнулъ, уныло взглянулъ на Лину и поникъ головой.

Лина страшно поблѣднѣла вдругъ. Она словно вся приковалась неподвижными зрачками къ лицу Сергѣя. Мучительная борьба изображалась на ея собственномъ лицѣ. Мгновенная буря словно смела съ него разомъ теперь весь цвѣтъ все обаяющее оживленіе жизни; выраженіе какой-то леденящей тоски и страха пробѣгало теперь въ этихъ тонкихъ, въ этихъ нѣжныхъ чертахъ... „За что̀, за что̀?“ словно вырывалось изъ глубины души ея наружу.

Но она превозмогла себя еще разъ. Вѣки ея опустились; она приподняла руку, и уронила ее опять.

— Да, такъ лучше, прошептала она чуть слышно: — уѣзжайте, отдохните... вамъ силы нужны...

Онъ безмолвно, растерянно глядѣлъ на нее... повелъ глазами въ сторону князя, встрѣтился съ его глазами, настойчиво требовавшими чтобъ онъ уходилъ, уходилъ скорѣе.

— Прощайте, Елена Михайловна, до свиданія! пробормоталъ онъ, наклоняясь поцѣловать ей руку.

Она какимъ-то стыдливо-любовнымъ жестомъ занесла ему другую руку на плечо, прильнула блѣдными губами къ его лбу и, оторвавшись отъ него, проговорила надъ самымъ его ухомъ:

— Молитесь за меня... Я за васъ не перестану молиться...

Онъ испуганно, со страшнымъ біеніемъ сердца поднялъ на нее глаза.

Но она уже улыбалась своею обычною, тихою улыбкой.

— Да, вы измучились, вамъ отдохнуть надо. Уѣзжайте!

— Я привезу его вамъ завтра свѣжимъ какъ роза, княжна, вмѣшался Ашанинъ, подходя и продѣвая руку подъ руку Гундурова.

— Завтра, да.... завтра! повторила она черезъ силу. Губы ея дрожали.

— Ну, и довольно, Сережа, пойдемъ!

И Ашанинъ почти силой увлекъ пріятеля изъ комнаты.

Лина откинулась въ спинку своего кресла и съ глухимъ рыданіемъ закрыла глаза себѣ платкомъ.

Князь Ларіонъ кинулся къ двери за которую только что вышли наши друзья, притворилъ ее, и поспѣшно вернулся къ ней.

— Тебѣ дурно, Hélène? Я говорилъ.... мнѣ не нужно было, не нужно пускать его сюда!

— Нѣтъ, дядя, ничего, пройдетъ.

Она скоро успокоилась, отняла платокъ, повела на него мутными, какъ бы слипавшимися глазами.

— Тебѣ нехорошо... я сейчасъ доктора позову! вскликнулъ онъ.

— Не надо, мнѣ ничего.... напротивъ... мнѣ только очень спать захотѣлось, дядя.

— Ступай, я пошлю тебѣ горничную...

— Нѣтъ, здѣсь хорошо, въ креслѣ, совсѣмъ уже соннымъ голосомъ говорила она.

— Такъ положить тебѣ, по крайней мѣрѣ, подушку подъ голову?

— Да, спасибо, oncle!

Она уложила руку на приставленную имъ къ углу кресла подушку, прижалась къ ней щекой,—и тутъ же уснула.

Онъ опустился на близь стоявшій стулъ, уперся локтями въ колѣни, и погрузился въ это спящее, прелестное лицо неотступными и помертвѣлыми отъ внутренней муки глазами.

CXI.

А Аглая Константиновна въ это время переживала свое послѣднее разочарованіе. Надежды которыя она возлагала на прибывшаго изъ Москвы доктора окончательно рушились. Пригласивъ его къ себѣ во внутренніе аппартаменты, она весьма пространно и весьма запутанно начала объяснять ему

что, по ея мнѣнію, болѣзнь дочери, которая страдала сердцемъ когда онѣ еще жили въ Ниццѣ, нисколько не зависитъ отъ тѣхъ какихъ-то „моральныхъ причинъ“ которыми этотъ monsieur Auvert veut bien объяснять ихъ теперь, и что, ей кажется, каждая болѣзнь должна быть лѣчима какъ это слѣдуетъ, то-есть лѣкарствами и другими средствами, между тѣмъ какъ ce monsieur Auvert никакихъ лѣкарствъ не предписалъ, а только говорилъ объ этихъ causes morales, которыя совсѣмъ не дѣло доктора, а принадлежатъ къ secrets de famille, въ которые постороннимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться“, а потому она проситъ его, Руднева, „сказать ей настоящую правду, можетъ ли онъ взять на себя лѣчить Лину *просто*, безо всякихъ этихъ хитростей, которымъ она не вѣритъ, потому что знаетъ откуда онѣ идутъ“ (тутъ разумѣлся, само собою, князь Ларіонъ, подговорившій или подкупившій, по ея понятіямъ, Овера изъ злости къ ней, Аглаѣ, съ цѣлью противодѣйствія ея планамъ относительно замужства ея дочери), и что за эту „правду“ она „съ большимъ удовольствіемъ готова ему дать mille roubles хоть сейчасъ же.“ На это молодой врачъ, весь вспыхнувъ, весьма рѣшительно и рѣзко объявилъ ей что то чѣмъ страдаетъ княжна—не нарывъ на пальцѣ или жировая шишка, которые можно вылѣчить мазью или надрѣзомъ, что всякая внутренняя болѣзнь тѣсно связана съ условіями жизни больнаго, съ тѣми именно „моральными причинами“ о которыхъ говорилъ докторъ Оверъ, а тѣмъ болѣе такія страданія какъ страданія сердца, чувствительнѣйшаго изъ нашихъ органовъ, находящіяся въ прямой зависимости отъ этихъ условій и причинъ. „Это извѣстно каждому профану, заключилъ разгорячившись онъ,—а потому я въ вашемъ предложеніи, княгиня, вижу не только обиду для себя, но и какое-то намѣреніе съ вашей стороны, въ обсужденіе котораго я не вхожу, но участвовать въ которомъ я не намѣренъ, и предпочту лучше сегодня же покинуть вашъ домъ!“ Аглая страшно перепугалась и, облившись мгновенно слезами, принялась клясться и божиться что она ничего другаго не имѣла въ виду кромѣ „le bonheur de ma fille“, и готова все сдѣлать для этого, а потому умоляетъ доктора остаться и „лѣчить больную какъ онъ знаетъ“. По его уходѣ она тотчасъ же послала за Евгеніемъ Владиміровичемъ для обычнаго совѣщанія. Но „бригантъ“ напугалъ ее еще болѣе, сказавъ ей что докторъ весьма основательно

могъ заключить изъ ея предложенія и разговора съ нимъ что она довела свою дочь до серіозной болѣзни, и теперь хочетъ скрыть это, подкупая его деньгами, и что это можетъ сдѣлаться тотчасъ же извѣстнымъ всей Москвѣ.

— Mais c'est affreux, affreux! заволила Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своемъ диванѣ.—Que faire, mon ami, que faire?...

— Доказать на дѣлѣ ему и всѣмъ что это неправда, протянулъ Зяблинъ своимъ сдобнымъ голосомъ,—и воспользоваться представляющимся вамъ для этого случаемъ!

— Какимъ случаемъ, que voulez vous dire?

— Гундуровъ здѣсь, молвилъ „бригантъ" съ нѣкоторою торжественностью.

Она привскочила другой разъ.

— Гунду... Déjà! Гдѣ онъ?...

— У княжны, къ которой привелъ его князь Ларіонъ Васильевичъ...

— Il l'a mené chez ma fille!...

— Вы дали ему на это полное право: вы сказали ему чтобъ онъ дѣлалъ „какъ хочетъ".

— C'est donc fini, fini! заголосила Аглая, роняя отчаянно руки и разражаясь новыми слезами.

— Да что же это наконецъ, княгиня, воскликнулъ Зяблинъ, теряя всякое терпѣніе (а сколько его было у него съ этою умною женщиной про то могло бы сказать одно небо!),—неужели вы еще надѣялись послѣ всего что было навязать вашей дочери этого петербургскаго... молодца! Пора, кажется, понять что она умретъ скорѣе чѣмъ выйти за него!

— Je dois donc accepter ce petit monsieur pour mon beau-fils! злобно вскрикнула Аглая.

— Если вы не хотите чтобы съ вашею дочерью...

— Знаю, знаю! перебила она его съ желчнымъ хихиканьемъ,—и вы съ ними говорите заодно! Je n'ai personne pour me défendre!...

Зяблинъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства на разбойничьемъ лицѣ поднялся съ мѣста.

— Если вы такъ принимаете мои слова, мнѣ ничего болѣе не остается какъ удалиться....

Она отчаянно замахала руками.

— Ну bien, ну bien, зовите его сюда, зовите, et que cela finisse!...

„Бригантъ" медленными шагами вышелъ изъ кабинета,—и черезъ пять минутъ вернулся. За нимъ шла Lucrèce, съ которою онъ встрѣтился на лѣстницѣ.

— Она говоритъ что онъ уѣхалъ, промолвилъ онъ, кивая на полногрудую Церлину, и опускаясь въ любимое свое кресло подлѣ дивана хозяйки.

— Господинъ Гундуровъ? Такъ точно, ваше сіятельство, залопотала немедля та,—уѣхали сейчасъ, я сама видѣла. Съ господиномъ Ашанинымъ изволили уѣхать....

— Чтò же это значитъ? вскликнула княгиня, изумленно разводя руками.

— Ничего этого я не могу знать, ваше сіятельство, возразила горничная,—потому что они... ни даже господинъ Ашанинъ, недовольнымъ голосомъ примолвила она,—ни съ кѣмъ въ домѣ кромѣ князя и княжны не говорили...

Аглая, вся покраснѣвъ, обернулась къ „бриганту".

— On vient chez moi, dans ma maison, къ моей дочери отправляются, et l'on ne se donne même pas la peine de se présenter chez moi!... j'éspère que la princesse Lina voudra bien m'expliquer ce què cela veut dire!...

И она гнѣвно поднялась съ дивана, намѣреваясь тотчасъ же идти къ дочери съ требованіемъ этой „экспликаціи"....

— Княжна уснула, поспѣшила сказать понимавшая по-французски Lucrèce:—сейчасъ отъ нихъ вышли князь Ларіонъ Васильичъ, и наказывали Глашѣ чтобы къ нимъ кромѣ доктора никого не пускать.

Княгиня опустилась снова на мѣсто.

— Весь домъ теперь у меня вверхъ дномъ поставили! фыркнула она, сердито махнувъ рукой, и принимаясь тутъ же усиленно обмахивать себя вѣеромъ.

CXII.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ, —
Потухъ огонь на алтарѣ!...
Пушкинъ.

Часу въ шестомъ въ комнату которую занималъ Василій Григорьевичъ Юшковъ въ верхнемъ этажѣ дома постучала горничная княжны, Глаша. Онъ поспѣшилъ отворить дверь и вышелъ къ ней въ корридоръ.

— Я опять за вами, сказала она ему: — проснулись, просять васъ къ себѣ опять.

— Что̀, какъ ей?

— Ничего-съ... Сидятъ у окна, задумались очень, добавила со вздохомъ Глаша.

Лина такъ задумалась дѣйствительно что не слышала какъ онъ вошелъ къ ней, какъ приблизился къ самому ея креслу. Она глядѣла въ садъ пристальнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, словно уйдя всѣмъ существомъ своимъ въ эту тишь и ширь, и свѣтъ сіявшей предъ нею подъ лучами солнца природы.

„Будто никогда не видѣла ея, или прощается съ нею навсегда", пронеслось въ мысли старика, тревожно глядѣвшаго на нее. Ему стало жутко... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и присѣлъ къ окну рядомъ съ нею.

— Вы почивали до сихъ поръ, Елена Михайловна? тихо спросилъ онъ.

Она вздохнула всею грудью, медленно повернула къ нему голову, по верху которой словно золотистымъ вѣнчикомъ бѣжала горячая полоска свѣта, и остановила на немъ глаза. Еще никогда не сіяли они такимъ глубокимъ... „уже не земнымъ", показалось ему, блескомъ.

Она повела утвердительно головой внизъ.

— Я его опять видѣла, сказала она послѣ долгаго, томительнаго для него молчанія.

— Кого, княжна? вскликнулъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Папа... Отца моего покойнаго, пояснила она.—Онъ мнѣ и ночью сегодня являлся... Онъ меня ждетъ.

— Ждетъ? повторилъ безсознательно Юшковъ.

— Да!.. Я умру сегодня, промолвила она твердымъ голосомъ.

У него зазелѣнѣло въ глазахъ.

— Что̀ вы, Елена Михайловна, что̀ вы, Богъ съ вами!..

Все лицо ея озарилось улыбкой...

— Не страшно, нѣтъ!.. Тамъ хорошо... гдѣ онъ... Не страшно, Василій Грогорьевичъ, право!

— Княжна, придите въ себя, вы разстроены... Я позову сейчасъ доктора! бормоталъ вскакивая бѣдный Юшковъ, чувствуя какъ ужасъ охватывалъ всѣ его члены и силясь вырваться изъ-подъ его гнета...

Она протянула къ нему руку:

— На что? Только мучить меня!.. Вы добрый, вы не захотите...

Онъ безсильно опустился снова въ кресло; большіе, зеленые круги забѣгали у него опять предъ глазами...

— Все равно, счастья бы не было, заговорила она, опять опуская голову и, какъ бы отвѣчая на какой-то не сдѣланный имъ вопросъ:—maman никогда бы не простила.... дядя Ларіонъ, онъ не пережилъ бы... я знаю!.. Я бы все, за всѣхъ ихъ... мучилась... Счастья здѣсь нѣтъ! Его всѣ ищутъ... вотъ и графиня Воротынцева говорила мнѣ... и не найдутъ никогда... никогда! повторила она трепетнымъ и прерывистымъ шепотомъ;—здѣсь счастья нѣтъ... правда, Василій Григорьевичъ?...

Онъ сложилъ руки, едва сдерживая стоявшее у него у горла рыданіе.

— Елена Михайловна, родимая, голубушка моя, не говорите такъ!...

Она улыбнулась ему опять нѣжною, ласкающею улыбкой.

— Вы добрый... Но вы сами знаете... Въ Богѣ въ одномъ....

Она не договорила и повернула опять голову къ саду, пламенѣвшему подъ лучами вечерняго солнца. Цѣлая гамма птичьихъ голосовъ неслась изъ-подъ его зеленыхъ кущей, разлеталась въ воздухѣ пѣвучими струями....

Она долго, чутко прислушивалась къ нимъ... Старикъ глядѣлъ на нее, едва дыша.

„Офелія, Офелія!" повторялъ онъ мысленно, охваченный внезапно какимъ-то мучительнымъ восторгомъ.

— Василій Григорьевичъ, сказала она вдругъ, и на длинныхъ рѣсницахъ ея росинки слезъ сверкнули подъ косымъ лучомъ солнца, — скажите мнѣ, прошу васъ, эти стихи, вы знаете: Ich habe geliebt und gelebt, вы говорили ихъ мнѣ по-русски...

— Въ превосходнѣйшемъ переводѣ Жуковскаго, княжна! добавилъ невольно старый романтикъ.

— Да! Повторите ихъ мнѣ, прошу васъ.

Онъ опустилъ голову и началъ читать, медленно, благоговѣйно, со слезами въ горлѣ, со слезами въ глазахъ:

—Не узнавай куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла:
Мой другъ, я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила...

— „Любила и жила“, повторила она чуть слышно, подымая руки и нажимая глаза обѣими ладонями... И не отымая ихъ:— Василій Григорьевичъ, когда... когда все будетъ кончено... скажите ему, я не хотѣла чтобъ онъ былъ тутъ... Онъ такъ измученъ былъ, я не хотѣла чтобъ онъ видѣлъ... Ему жить надо! Онъ не забудетъ меня, я знаю... память моя убережетъ его отъ... Онъ вѣрить будетъ, вѣрить... до конца...

Она не докончила, и откинулась въ спинку кресла...

Въ широко раскрывшуюся дверь входилъ князь Ларіонъ, въ сопровожденіи доктора Руднева.

Увидавъ его, старикъ смотритель быстро поднялся съ мѣста, и устремилъ на него многозначительно глаза, указывая ими на Лину...

Князь Ларіонъ съ исковерканнымъ лицомъ бросился къ ея креслу.

— Что же это? былъ онъ только въ силахъ прошептать.

Рудневъ, съ своей стороны, ухватилъ ея руку, ища пульса.

— Докторъ, не мучьте... напрасно... проговорила она, болѣзненно сжимая брови.—Дядя, вы пришли... я рада... я...

Голосъ ея внезапно дрогнулъ и оборвался.

— Лина, другъ мой, тебѣ хуже! въ безумномъ молчаніи лепеталъ князь Ларіонъ.—Я виноватъ, я дозволилъ... Онъ своимъ пріѣздомъ...

Она тоскливо закачала головой.

— Нѣтъ, вы знаете... зачѣмъ говорить?... Какъ онъ страдать будетъ, бѣдный!..

Онъ слушалъ, содрогаясь, не смѣя дышать.

Она смолкла, и схватилась вдругъ за сердце. Ея помутившіеся зрачки неестественно расширились, судорожно подкатываясь подъ трепетно бившіяся вѣки.

Рудневъ быстрымъ движеніемъ наклонился къ самому лицу ея.

Онъ внезапно отшатнулся съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ.

— Я... умираю... пронесся слабый, какъ сонный и счастливый вздохъ ребенка,—и тутъ же замеръ послѣдній звукъ ея голоса.

Князь Ларіонъ глухо вскрикнулъ, схватилъ ея холодѣющіе пальцы.

Старикъ смотритель какимъ-то экстатическимъ движеніемъ вскинулъ глаза свои и руки вверхъ.

— Отлетѣла! вырвалось у него стономъ изъ груди.

Дверь широко распахнулась еще разъ, и съ раскинутымъ вѣеромъ въ одной рукѣ, съ распущеннымъ платкомъ въ другой, вплыла въ комнату Аглая Константиновна.

— En bien, Lina, le sommeil vous a-t-il fait du bien? Et moi je meurs de chaud et d'avoir monté cet essalier si raide! заголосила она еще съ порога, тяжело отдуваясь и никого не видя изъ-за прыгавшаго предъ лицомъ ея огромнаго опахала.

Молчаніе въ отвѣтъ. Эти три темныя мужскія фигуры какою-то зловѣщею группой обступившія кресло ея дочери и застилавшія ее собою. Аглаѣ стало вдругъ страшно.

— Qu'est ce qu'il y a donc? крикнула она, подбѣгая и отталкивая наклонившагося еще разъ къ лицу Лины доктора. Она глянула, увидала эти закатившіеся, уже недвижимые глаза.

— Ils m'ont tué ma fille, ils m'ont tué ma fille! взвизгнула она во всю силу своихъ легкихъ, и повалилась навзничь въ истерическомъ припадкѣ.

CXIII.

Настала ночь.... Она лежала на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ шандалахъ, вся бѣлая, въ бѣлой кисеѣ, усыпанная свѣжими цвѣтами, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ на распущенныхъ волосахъ, со сложенными на груди крестомъ руками.... Такими на полотнахъ старыхъ мастеровъ пишутся непорочныя съ летящими встрѣчать ихъ съ неба дѣтскими головками ангеловъ на трепещущихъ свѣтлыхъ крылахъ.... Она уснула—и небесныя видѣнія, казалось, видѣлись ей теперь; что-то проницающее, глубокое, божественно-счастливое лежало на этомъ обликѣ, говорило въ складкѣ строго, таинственно улыбавшихся устъ. Такой улыбки, такого выраженія нѣтъ у живыхъ,—ихъ даетъ на грани земнаго бытія какъ бы мгновенное прозрѣніе иной, вѣчно сущей, безпредѣльной жизни....

Въ открытыя настежъ окна покоя глядѣли съ темнаго неба сверкающія звѣзды; изъ сада лился волной ночной воздухъ, примѣшивая свою живительную свѣжесть къ проницающему запаху раскиданныхъ по ней цвѣтовъ.... Она уснула и улыбалась небеснымъ видѣніямъ....

Старикъ смотритель стоялъ у нея въ ногахъ, разбитый, съ подгибавшимися то и дѣло колѣнями и глядѣлъ на нее неотступно, сквозь влажную пелену застилавшую ему глаза. Подлѣ него, на выдвинутомъ теперь изъ ея спальни prie-Dieu княжны лежала между двумя свѣчами книга въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застежками, Псалтирь ея, по которому онъ собирался теперь читать надъ нею... Но старый романтикъ медлилъ приступить къ этому чтенію, и дрожавшія уста его шептали строки, неустанно, неотразимо звенѣвшія теперь въ его ухѣ:

> Мой другъ, я все земное совершила,
> Я на землѣ любила и жила....

Онъ былъ одинъ. Княгиня Аглая Константиновна въ преизобиліи горя удалившаяся вслѣдъ за обморокомъ подъ сѣни своего ситцеваго кабинета, гдѣ долго лежала пластомъ на диванѣ зарывшись головой въ подушкахъ, заснула теперь на немъ какъ сурокъ. Всѣ обитатели дома, приходившіе поклониться усопшей, перебывали уже тутъ.... Глаша, горничная ея, только что вышла изъ комнаты,—и изъ-за стѣны отдѣлявшей спальню княжны отъ бывшей комнаты Надежды Ѳедоровны глухимъ и надрывающимъ звукомъ доносилось до слуха старика ея нескончаемое, отчаянное рыданіе....

Онъ отеръ еще разъ глаза, подошелъ къ налою, и раскрывъ книгу началъ медленнымъ, прерывающимся голосомъ: „Блажени непорочніи, въ пути ходящіи въ законѣ Господни"...

Кто-то притронулся до его локтя. Онъ вздрогнулъ, и обернулся.

Подлѣ него стоялъ князь Ларіонъ, и старикъ вздрогнулъ еще разъ взглянувъ ему въ лицо.... Оно было страшно, страшно своимъ ледянымъ, мертвящимъ спокойствіемъ. Глаза словно ушли въ какую-то пещеру и горѣли оттуда ровнымъ, но прожигающимъ пламенемъ. „Я не жилецъ уже земной", сказали съ перваго раза глаза эти Юшкову.

— Можете оставить меня одного здѣсь? сказалъ ему шепотомъ вошедшій;—не надолго, успѣете всегда начать.... не договорилъ онъ.

Старикъ повелъ чуть-чуть головой и отошелъ отъ налоя.

— И еще, промолвилъ еле слышно князь, прикасаясь еще разъ рукой къ его рукѣ,—если можно, чтобы никто не входилъ сюда....

Юшковъ молча кивнулъ, и вышелъ.

Князь Ларіонъ неслышно подошелъ къ изголовью покойницы. Онъ низко наклонилъ надъ ней голову и жадно впился глазами въ недвижныя черты ея. Судороги поводили все лицо его.

Онъ долго, долго стоялъ такъ, съ наклоненною головой, не отрываясь отъ этого прелестнаго, отъ этого говорившаго теперь о какой-то чудной тайнѣ лица... Онъ стоялъ въ какомъ-то священномъ ужасѣ, пораженный его выраженіемъ, силясь проникнуть мыслью въ эту страшную загадку смерти.

— Вотъ ты какая теперь, произносилъ онъ какъ въ бреду, несвязно и не раскрывая губъ,—вотъ какая!... Чтò ты видишь, чтò узнала? Вся твоя жизнь... да, теперь такъ ясно,—была только преддверіе... предлогъ къ *этому*... Для тебя земное, человѣческая любовь... ты сама обманывала себя здѣсь... къ иному неслась ты... тебя звало вотъ это... невѣдомое, чудное... и страшное... Hélène, гдѣ же ты?... Чтò говоритъ этотъ счастливый и строгій ликъ твой... чтò обѣщаешь ты мнѣ оттуда?... Или это все то же одно: реакція мускуловъ, покой безчувствія... все то же,—тлѣнъ, прахъ, уничтоженіе!... Hélène—прахъ!... О, еслибы на мигъ только, на мигъ одинъ взглянуть въ твои синіе глаза... О, какіе глаза это были! повторилъ онъ со страстнымъ, охватившимъ его мгновенно порывомъ.

Онъ выпрямился вдругъ всѣмъ своимъ высокимъ станомъ: изъ-за стѣны долетѣло до него глухое стенаніе Глаши.

— Кто тамъ рыдаетъ? Не онъ ли успѣлъ узнать, и тутъ теперь... Онъ улыбнулся вдругъ, улыбнулся словно торжествующею, злою улыбкой:—Да, ты не возьмешь ее себѣ, не возьмешь!... Вы умѣли всѣ, и любовью вашей, и тупостью довести ее до могилы... а сойду туда, лягу рядомъ съ нею—я!... А вы живите, живите!...

Онъ повелъ блуждающимъ взоромъ кругомъ себя... опустилъ его снова.

— Hélène, красота моя! вырвалось у него неудержимо изъ груди... И прилавъ головою къ головѣ усопшей, онъ приникъ горячечно пылавшими устами къ этимъ оледенѣлымъ, чистымъ устамъ, которыхъ при жизни не коснулось ни чье мужское лобзаніе,—и такъ и замеръ...

— Князь, вамъ дурно? пробудилъ его чей-то дрожавшій голосъ и прикосновеніе чьей-то руки.

Это были голосъ и рука старика смотрителя, поспѣшившаго войти въ комнату на вопль донесшійся до него въ корридоръ.

— Я ухожу... довольно!... Можете начинать свое, пробормоталъ князь Ларіонъ, глядя на него растеряннымъ и какъ бы внезапно потухшимъ взглядомъ.

Но онъ тутъ же оправился, наклонился въ послѣдній разъ надъ покойницей и, захвативъ изъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ бѣлую на тонкомъ стеблѣ лилію, быстро направился къ дверямъ.

— Докторъ еще не спитъ, князь, говорилъ выходя за нимъ въ корридоръ Юшковъ, — позволите ли вы мнѣ послать его къ вамъ?...

— Очень прошу васъ этого не дѣлать, очень прошу, мнѣ никого не нужно! вскрикнулъ на это почти запальчиво князь Ларіонъ.—Благодарю васъ за доброе намѣреніе, примолвилъ онъ черезъ мигъ ласковымъ тономъ и стараясь улыбнуться,—но мнѣ, право, никого не нужно, а всего менѣе доктора; я всю жизнь проходилъ мимо этихъ господъ, говоря: nescio vos!... *

Онъ кивнулъ ему, пошелъ... и вернулся.

— Благодарю васъ за нее: она одолжена была вамъ многими добрыми часами предъ смертью...

Старикъ схватился руками за голову, и залился слезами.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, князь Ларіонъ опустился въ кресло у своего письменнаго стола, сжалъ виски обѣими ладонями, и долго оставался такъ недвижимъ, закрывъ глаза, и какъ бы уйдя весь въ какую-то неизмѣримую глубь тоски и муки... Онъ вскинулъ затѣмъ голову, протянулъ руку къ колокольчику, и позвонилъ.

Вошелъ его камердинеръ.

— Раздѣваться!.. сказалъ онъ ему, направляясь въ свою спальню.

Совершивъ свой обычный туалетъ предъ сномъ, князь какъ бы вспомнилъ:

— Рязанскій мой управитель долженъ былъ пріѣхать сегодня.... началъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, онъ тутъ... Только я не смѣлъ доложить, пробормоталъ слуга,—по тому случаю что какъ княжна....

— Да, да... Такъ ты скажи ему что я приму его завтра.

---

* Я васъ не знаю.

послѣ моей прогулки, въ восемь часовъ, чтобъ приходилъ со счетами...

— Слушаю-съ... Свѣчи въ библіотекѣ прикажете погасить? спросилъ помолчавъ слуга, видя что баринъ его собирается спать ложиться въ тотъ же обычный ему часъ, и говоря себѣ не безъ нѣкотораго удивленія что смерть племянницы нисколько, повидимому, не должна внести измѣненій въ его „аккуратный" образъ жизни.

— Нѣтъ, сказалъ какъ бы еще разъ вспомнивъ князь Ларіонъ, — мнѣ написать нужно будетъ... Подай шлафрокъ и туфли!.. Да принеси мнѣ туда графинъ воды холодной,— жарко!..

Онъ облекся въ длинный сюртукъ, служившій ему шлафрокомъ, перешелъ опять въ кабинетъ и отпустилъ камердинера...

Князь Ларіонъ долго прислушивался къ его удалявшимся шагамъ,—затѣмъ взялъ со стола связку ключей и свѣчу, и направился съ ними въ уголъ библіотеки, къ стоявшему тамъ старинному флорентинскому шкафу изъ чернаго дерева, уже знакомому нашему читателю. Внутренность его представляла видъ портика, съ колонетками, оконными капителями и ступеньками изъ разноцвѣтнаго штучнаго дерева и слоновой кости, скрывавшими за собою многое множество всякихъ выдвигавшихся ящиковъ и ящичковъ. Растворивъ дверцы шкафа, князь прежде всего вынулъ изъ одного изъ нихъ хранившіяся тамъ бумаги, выбралъ какой-то, повидимому, денежный документъ,—и кинулъ остальное въ прежнее мѣсто. Задвинувъ ящикъ, онъ на мигъ задумался, какъ бы вспоминая, нагнулся ища чего-то глазами, нашелъ, и подавилъ невидимую пружину. Одно изъ концевъ портика откинулось въ сторону, открывая потайное, темное углубленіе. Онъ опустилъ въ него пальцы, и вытащилъ небольшой, гладкій хрустальный флаконъ, головка котораго тщательно обвязана была лоскуткомъ бѣлой лайки. Онъ, какъ бы машинально, поднесъ его къ свѣчѣ поставленной имъ на откинутую доску шкафа, и сквозь толстыя стѣнки его отличилъ переливавшуюся въ немъ влагу.

Князь Ларіонъ закрылъ шкафъ, вернулся къ письменному столу, присѣлъ къ нему, и доставъ листъ почтовой бумаги написалъ слѣдующія строки:

„Прошу Василія Григорьевича Юшкова принять, въ память *ея*, заключающееся въ семъ пакетѣ, для вспомощество-

ванія бѣднымъ по своему полному усмотрѣнію, но имѣя преимущественно въ виду дѣтей недостаточныхъ родителей, желающихъ получить образованіе; имя же жертвователя сохранить навсегда въ тайнѣ.“

Онъ подписался, сложилъ листъ, бѣгло взглянулъ на вынутый имъ изъ шкафа документъ (это былъ билетъ Олекунскаго Совѣта въ 25.000 рублей), и вложивъ то и другое въ конвертъ, запечаталъ его, надписалъ имя старика смотрителя и, выдвинувъ передній ящикъ стола, сунулъ пакетъ въ кипу сложенныхъ тамъ бумагъ.

Глаза его, поднявшись отъ задвинутаго имъ опять ящика, остановились внезапно на стоявшемъ на столѣ портретѣ... То была *живая* Лина, та Лина которая упала ему головой на плечо въ Ниццѣ, при первой встрѣчѣ его съ нею послѣ смерти князя Михайлы, когда онъ пріѣхалъ туда разбитый, истомленный трудами и разочарованіями своей петербургской дѣловой жизни... Она стояла въ ростъ, вдумчиво смотря впередъ своими лазоревыми глазами изъ-подъ темнаго капюшона накинутаго на золотистые волосы, съ букетомъ бѣлыхъ фіалокъ въ рукѣ... О, съ какою невыносимою болью воскресало теперь предъ нимъ то волшебное время!... Вся его была она въ тѣ дни,—не было у него совмѣстниковъ въ душѣ ея, предъ нимъ однимъ раскрывала сокровища свои эта свѣтлая душа, для него одного благоухала эта нѣжная, эта дѣвственная прелесть... А самъ онъ... Какъ примятая трава въ полѣ, расправляющая свои больные стебельки подъ врачующимъ вліяніемъ весеннихъ лучей, расцвѣтало подъ ея обаяніемъ усталое его существо въ тѣ блаженные дни. Покинутая имъ власть, Россія, враги, чаянія и недочеты его честолюбія, все чѣмъ до тѣхъ поръ жила его мысль, полонъ былъ его умъ,—все это теперь какъ снѣгъ таяло подъ ея лучами, все это такъ скоро на его глаза не стало стоить этого букета бѣлыхъ фіалокъ, который тогда, въ Ниццѣ, ходилъ онъ каждое утро заказывать для нея у садовника... И вотъ... „Изъ праха твоего теперь выростутъ фіалки,“ вспомнилось ему вдругъ смутно изъ словъ Лаерта надъ гробомъ Офеліи...

„Она для меня его сдѣлала, сюрпризомъ, ко дню моего рожденія,—я нашелъ его у себя въ комнатѣ, на столѣ, вернувшись съ прогулки“, вспоминалъ князь Ларіонъ, захвативъ себѣ голову обѣими руками, и потухшими глазами глядя на портретъ... „Пусть же и исчезнетъ онъ вмѣстѣ со мною!

всклишкнулъ онъ, срываясь съ мѣста, и простирая къ нему руку...“ Нѣтъ,—и онъ упалъ опять въ кресло,—подозрѣніе... его не нужно... Пусть же хоть не этому тупому палачу—матери ея съ ея сынкомъ достанется онъ!...“

Онъ взялъ новый листъ бумаги:

„Въ случаѣ моей смерти, имѣющійся у меня акварельный, дѣланный въ Ниццѣ, въ 1849 году, портретъ племянницы моей, княжны Елены Михайловны Шастуновой, прошу передать, въ память обо мнѣ и какъ свидѣтельство искренняго моего уваженія, вдовѣ генералъ-майора, Софіи Ивановнѣ Переверзиной“,—написалъ онъ, помѣтилъ днемъ 4 іюня (днемъ объясненія своего съ Софьею Ивановной) и, вложивъ это въ обложку съ надписью „Моимъ наслѣдникамъ“, запечаталъ гербовою своею печатью, и заперъ въ тотъ же ящикъ письменнаго своего стола.

Онъ всталъ.... „Пора кончить!“ вымолвилъ онъ про себя, прищурился, и пошелъ къ камину. Онъ взялъ съ него небольшой, изящной формы, на стройной, тонкой ножкѣ, венеціанскаго стекла бокалъ, вдоль краевъ котораго бѣжала легкая гирлянда зеленыхъ листьевъ и розъ, и перенесъ осторожно хрупкую вещицу на столикъ стоявшій у открытаго окна, и на который поставленъ былъ его камердинеромъ принесенный по его приказанію графинъ съ водой и стаканъ на подносѣ.... Князь Ларіонъ налилъ въ стаканъ, жадно отпилъ изъ него—во рту у него было невыносимо сухо, — и небольшое количество оставшейся въ немъ воды перелилъ въ бокалъ....

Онъ вздрогнулъ вдругъ, насторожилъ ухо.... Сверху, сквозь открытыя окна, долетали до него изъ кабинета покойницы дрожавшіе, обрывавшіеся звуки голоса читавшаго надъ нею старика смотрителя.... „Единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть пріемлетъ“, явственно разслышалъ князь Ларіонъ...

Онъ машинально кивнулъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ донесшихся до него словъ, вынулъ изъ кармана шлафрока добытый имъ изъ тайника шкафа флаконъ и, развязавъ обматывавшій его лоскутъ лайки (онъ тутъ же кинулъ его въ стоявшую подъ столомъ корзину съ рваною бумагой), осторожно вытащилъ стеклянную пробку,—и вылилъ въ бокалъ до капли содержавшееся въ стклянкѣ....

„Теперь уничтожить это!“ молвилъ онъ, отвѣчая мысленно послѣдовательному ходу своего заранѣе, и давно, обдуманнаго плана. Онъ направился къ одному изъ баютовъ библіо-

теки, вынулъ изъ стоявшаго тамъ ящика съ англійскими ручными инструментами молотокъ, и подойдя затѣмъ къ камину, отставилъ стоявшій предъ нимъ экранъ, нагнулся, положилъ стклянку на плиты камина, и принялся дробить ее молоткомъ. Онъ дѣлалъ это спокойно, не спѣша, съ тою „аккуратностью“ которая дѣйствительно входила въ привычки его западнаго воспитанія.... и какъ бы находя теперь какое-то удовольствіе въ этой механической работѣ, оттягивавшей на нѣсколько мгновеній *то*, рѣшенное, послѣднее....

Обративъ флаконъ въ порошокъ, князь Ларіонъ выпрямился, раскидалъ его ногой по плитамъ, смѣшавъ съ разсѣяннымъ по нимъ пепломъ, поставилъ экранъ на прежнее мѣсто, а молотокъ положилъ въ тотъ же ящикъ съ инструментами—и, заперевъ шкафъ на ключъ, вернулся къ столику у окна.

„Видимыхъ слѣдовъ нѣтъ, по наружнымъ признакамъ окажется — апоплексія.... а добираться глубже ни для кого не будетъ интереса“... Онъ повелъ усталымъ взглядомъ по обширному покою, въ которомъ все говорило ему о его прошломъ, о завѣтахъ и преданіяхъ его рода, и горькая усмѣшка, какъ бы прощальнымъ привѣтомъ этимъ преданіямъ и идеаламъ прошлаго, скользнула по его губамъ.

„Со мною кончится.... Не Шастуновы... Раскаталовы пойдутъ“, несвязно прошепталъ онъ, болѣзненно прижмуривая вѣки. Онъ взялъ со стола принесенную имъ отъ усопшей лилію и жадно наклонилъ къ ней лицо, какъ бы желая вычерпать изъ нея весь ея обаяющій запахъ.

„Какъ ты... цвѣла...“ не договорилъ онъ, выронилъ цвѣтокъ изъ руки и, протянувъ ее къ бокалу, поднялъ его—и подошелъ съ нимъ къ самому окну.

Луна зашла... Сверкавшія звѣзды, словно миріады вопрошавшихъ глазъ, представилось ему на мигъ, глядѣли на него съ недостижимой высоты неба. Вѣковыя липы прадѣдовскаго сада склоняли надъ землею свои неподвижныя вѣтви, будто задумавшись о немъ, и ожидая....

Онъ еще разъ болѣзненно моргнулъ вѣками.

„Какъ любила она эти звѣздныя ночи!“ пронеслось у него въ памяти.

„Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится!“ донеслось до него сверху.

„Сейчасъ узнаемъ!“ проговорилъ онъ, быстро поднося

бокалъ къ губамъ—и, опорожнивъ разомъ, выкинулъ его разчитаннымъ послѣднимъ движеніемъ далеко за окно.

Слабый звонъ тонкаго стекла, разлетѣвшагося въ мельчайшія дребезги на пескѣ аллеи, не успѣлъ еще замереть въ сонномъ воздухѣ, какъ бездыханное тѣло князя Ларіона, ударившись вискомъ о косякъ стѣны, опрокидывалось всею тяжестью своею на паркетъ....

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НА НИЗОВЬЯХЪ ДУНАЯ

Посвящается Маріи Устиновнѣ Араповой.

I.

Это было 24го іюля 1877 года. Ночь была дивная. Звѣзды сіяли на темноголубомъ небѣ, луны не было.... Да ея и не нужно было. Два электрическія солнца волшебно освѣщали Одесскій рейдъ. При газовыхъ фонаряхъ, по асфальтовой мостовой, я ѣхалъ на перекладной телѣгѣ. Странно немного было при всѣхъ этихъ европейскихъ удобствахъ трастись въ родномъ экипажѣ. Но я былъ счастливъ и доволенъ своею судьбой. Я ѣхалъ курьеромъ въ дѣйствующій отрядъ генерала Веревкина и долженъ былъ участвовать въ занятіи Сулина и вытѣсненіи турецкаго флота съ рейда. Послѣ десяти лѣтъ отставки, я поступилъ на службу съ пламеннымъ желаніемъ принять активное участіе въ борьбѣ за независимость Славянъ. Генералъ-адъютантъ Семека поручилъ мнѣ осмотрѣть и изучить мѣстность, ввести эскадру въ Очаковское гирло Дуная и сгрузить мортиры. Темная ночь мѣшала мнѣ что-нибудь видѣть до Ольвіополя. Заря только что занялась, волненіе и мечты успокоились, пять часовъ траски меня утомили. Я съ наслажденіемъ протянулся въ ладьѣ, полюбовался красивыми пирамидальными тополями и виноградниками и заснулъ.

„Ваше высокоблагородіе, пріѣхали". Голосъ матроса и толчокъ о пристань меня разбудили. Мы были въ Аккерманѣ; его отъ Ольвіополя раздѣляетъ широкій Днѣстровскій лиманъ... Днемъ ходитъ пароходъ, но я пріѣхалъ въ четыре часа ночи. На пристани дрожекъ конечно не было, и мнѣ чуть не пришлось идти двѣ-три версты пѣшкомъ до почтовой станціи. Какой-то господинъ предложилъ мнѣ свою бричку, я поблагодарилъ, воспользовался, но къ стыду моему не полюбопытствовалъ узнать его фамилію. Городъ Аккерманъ одинъ изъ самыхъ скромныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Замѣчательнаго только виноградники и старинная турецкая крѣпость, скорѣе похожая на большой укрѣпленный замокъ... Во всѣхъ приморскихъ городахъ Чернаго Моря, Очаковѣ, Кинбурнѣ, Аккерманѣ и проч., гдѣ только не начнутъ копать землю, находятъ черепа и кости. Это все прахъ тѣхъ забытыхъ дѣятелей которые славили и расширяли нашу матушку Русь.... Вино аккерманское славится, его покупаютъ въ громадномъ количествѣ въ Москву, и говорятъ многіе виноторговцы продаютъ его намъ подъ названіемъ разныхъ *шато*. Мнѣ ужасно хотѣлось чаю, было холодно, а трактиры заперты.

— Кто содержитъ станцію?

— Жиды, ваше благородіе.

— Гмъ выпью лучше изъ фляжки коньяку.

Но каково же было мое удовольствіе, когда я вошелъ въ комнату станціи. Кругомъ все чисто, опрятно, на окнахъ цвѣты, и фортепіано! Я рискнулъ спросить чаю. Войдя въ корридоръ, я остолбенѣлъ! Не галлюцинація ли это? Предо мною стояла красавица въ бальномъ платьѣ!

— Кто это? спросилъ я угрюмаго Еврея.

— Дочь хозяйки, она была у священника на балѣ, онъ дочь просваталъ.

Въ ожиданіи чая и лошадей я легъ на диванъ. Сонъ меня клонилъ; предо мной вертѣлся какой-то калейдескопъ: роскошныя улицы Одессы, перекладная телѣга, прибой Аккерманскаго лимана и Турки, волшебный рейдъ и красавица Жидовка на балѣ у священника.

— Проснитесь, я вамъ чай принесла.

Она! проснулся я. Нѣтъ, старая кухарка.

„Лошадей!" и опять перекладная. Перемѣнивъ нѣсколько разъ лошадей на разныхъ трихатныхъ станціяхъ (на трихатной станціи три хаты), я пріѣхалъ въ большое русское

село; было 10 часовъ дня. Обѣдня только что отошла, народъ валилъ на базаръ, наполненный тоже народомъ. У мущинъ и у женщинъ все русскія лица, только къ чему эти европейскія платья и зонтики? Портятъ впечатлѣніе.

Вдали за рѣкой громадное красивое зданіе, окруженное зеленью. Я пріѣхалъ на станцію.

— Какъ зовутъ это село?

— Байрамча.

— А рѣку, и какое это зданіе?

— Рѣка Аржиберъ, а то учительская семинарія.

— Красивое же зданіе вы выстроили для семинаріи.

— Да оно же было, это бывшее войсковое правленіе. Вѣдь мы были Новороссійскіе казаки. А Байрамъ была станица.

Вотъ они русскіе колонизаторы-то, казаки. Я поѣхалъ далѣе.... Чрезъ 20 верстъ опять рѣка, опять село.... Да это городокъ, да еще не русскій.

— Ямщикъ, какая это станція?

— Саратская, отъ рѣки Сараты такъ прозывается.

— Да это что-то не русское село.

— Оно точно, ваше высокоблагородіе, тутъ все Нѣмецъ проживаетъ, колонистъ, сплошной, нашихъ тутъ нѣтъ.

Чтò за опрятный городокъ: правильно разбитыя улицы, чистенькіе домики, даже дома, съ кружевными занавѣсками окна, просторные зажиточные дворы, цвѣты и зелень, просто чудо!... Вѣдь и Байрамча богатое село, да не то, курною избой отзывается; да къ тому же кабаковъ много... Въ Саратѣ только одну Bierhalle и видѣлъ. Хорошо бы имъ кажется жить, нѣтъ, въ Америку, за море хотятъ ѣхать, сказываетъ ямщикъ... Пять верстъ далѣе молдаванское село, а тамъ станція Татаръ-Бунаръ, наша граница. Говорятъ тутъ много мошенниковъ... Все контрабандисты. Чрезъ шлагбаумъ меня пропустили безпрепятственно, даже ничего не спрашивали. Двое часовыхъ, русскій и румынскій, мнѣ сдѣлали на караулъ. Я выѣхалъ за границу, но не выѣхалъ изъ предѣла владычества русскаго оружія и русскаго языка... Проѣхавъ шаговъ двадцать меня остановила баба съ дубинкой, у костра, и что-то то кричитъ. Я было уже приготовилъ монету, думалъ что она погадать хочетъ, нѣтъ.

— Остановись, брось сѣно и солому, я сожгу.

— Зачѣмъ?

— Да у васъ тамъ моръ, мы не хотимъ чтобы вашъ кормъ попадался нашей скотинкѣ и она бы дохла.

Пожалуй можно бы было эту мѣру рекомендовать нашему земству, какъ и румынскому земству можно было бы рекомендовать нашихъ лошадей: до Жебріены, гдѣ мнѣ нужно было отдать секретный пакетъ начальнику наблюдательнаго поста, я ѣхалъ три съ половиной часа тридцать верстъ, при отличной дорогѣ.

Жебріены жалкая беззащитная деревушка, знаменитая только тѣмъ что ее недавно бомбардировалъ турецкій флотъ. Объ этомъ побѣдоносно-позорномъ фактѣ турецкая газета *Turquie* не упомянула; но о бомбардированіи и разрушеніи Севастополя, котораго не было, написано три столбца. Турецкій флотъ прошелъ въ десяти миляхъ отъ Севастополя... Но это съ ней бываетъ... Она часто, за неимѣніемъ побѣдъ подъ рукой, печатаетъ старыя реляціи о Крымской войнѣ... Отдавъ пакетъ капитану перваго ранга Палеологу и собравъ у него драгоцѣнныя свѣдѣнія, я хотѣлъ отправиться въ Вилково, передать начальнику отряда депеши и бумаги. Мнѣ сказали что онъ самъ сейчасъ пріѣдетъ... Я остался. Разбитый, усталый я не ложился спать, боясь что не проснусь. Для освѣженія я выкупался въ морѣ. Генералъ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу. Когда я вошелъ онъ только что садился за столъ. Я подалъ депеши и передалъ что̀ нужно на словахъ. Я хотѣлъ удалиться, но генералъ просилъ остаться. Пока онъ читалъ депеши, я сидя на стулѣ дремалъ. Наконецъ во второмъ часу я легъ на постланный въ отведенной мнѣ хатѣ пледъ и заснулъ какъ убитый. Въ семь часовъ утра я уже ѣхалъ опять на перекладной въ Вилково. Мнѣ сопутствовалъ штабсъ-капитанъ Сонкъ, помощникъ г. Палеолога. Вилково пожалуй еще хуже чѣмъ Жебріены. Оно построено на мысу, образуемомъ Дунаемъ и моремъ, и потому постоянно наводнено и почти всегда ѣздятъ на лодкахъ. Но когда вода спадаетъ какъ теперь, то остаются лужи и грязь, испускающія міазмы и миріады комаровъ.

Вилково, какъ и все низовье Дуная, населено старообрядцами. Это все русскіе типы; они прежде не любили насъ, но теперь преданы намъ вполнѣ, по пословицѣ: что̀ имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.

Покойный государь Николай Павловичъ отдалъ имъ въ пользованіе дунайскія воды. Въ 1856 году они отошли къ

Румыніи, и Бѣлогородское гирло отдѣляетъ ихъ отъ дунайскихъ водъ, которыя принадлежатъ Турціи.

За право пользованія рыболовствомъ они должны платить Туркамъ двѣ тысячи червонцевъ, что при ихъ порядкахъ обходится бѣдному населенію до трехъ тысячъ червонцевъ. Въ довершеніе несчастія, они, возвращаясь въ Бѣлогородское гирло, должны платить и румынской таможнѣ какъ за привозный товаръ. Слѣдовательно стремленіе ихъ если не въ лоно православія, то въ лоно отечества, вполнѣ искренно — что и входило въ разчетъ при моихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ ними. Г. Соинъ познакомилъ меня съ лоцманомъ Осипомъ, находящимся у насъ на жалованьи, и Тимоѳеемъ Васильевичемъ Гайдуковымъ. Это замѣчательная личность. Богатый купецъ русскій, но ходящій въ европейскомъ костюмѣ, бывалый на Руси, на Волгѣ, онъ служилъ намъ безкорыстно. Можетъ-быть онъ и желаетъ что-нибудь на шею: желаніе вполнѣ законное, онъ сто разъ заслужилъ награду.

Позавтракавъ отвратительной яичницы и заливъ превосходнымъ пивомъ изъ Галаца, мы поѣхали осматривать Дунай. Я изучалъ мѣстность, выбралъ стоянку для эскадры и приказалъ поставить вѣхи на фарватерѣ. Мнѣ было еще приказано приготовить четырехъ лоцмановъ и десять лодокъ для встрѣчи эскадры; и я уже получилъ двѣ секретныя экстренныя депеши: будутъ ли лоцманы и навѣрное ли? Я отвѣтилъ что встрѣчу эскадру съ лоцманами и шлюпками самъ. Хотя и боялись что Турки откроютъ пальбу съ праваго берега маленькаго архипелага, но я рискнулъ, такъ какъ главный островъ Лети былъ занятъ безъ выстрѣла въ день моего пріѣзда въ Жебріены. Попалось только два заподлые Турка, да захватили еще Жидка шпіона.

Обѣдалъ я у старообрядца въ трактирѣ. Нашло пропасть народу. Дѣвочка поднесла мнѣ цвѣты, старикъ икру. Мы остались очень довольны другъ другомъ.

Поздно вечеромъ Соинъ и я опять на телѣгѣ (другихъ экипажей тутъ нѣтъ) отправились обратно въ Жебріены.

Ночь была чудо какъ хороша. Мы ѣхали вдоль берега, синее море сливалось съ синимъ горизонтомъ. Звѣзды сіяли. Тишина нарушалась только шумомъ прибоя, волна катилась тихо за волной, разбиваясь о песчаный берегъ. Вдали на горизонтѣ выходилъ красный багровый Марсъ.

Вдругъ намъ на встрѣчу скачутъ двѣ пары безъ экипажей съ верховыми.

— Свои что ли? кричатъ они.—Поворачивайте назадъ. Турки десантъ дѣлаютъ.

Что за чепуха, подумалъ я, быть не можетъ.

— Стой! что вы за люди?

— Обозные, ваше высокоблагородіе, какъ увидали что Турки высаживаются, то отпрягли и ускакали.

— Врете, поворачивайте назадъ.

— Ей Богу, ваше высокоблагородіе, сами видѣли: огонь красный такой, колеса шумятъ, и шлюпки спущаетъ.

— Назадъ, пошелъ и бери полуфурки.

Видя что мы ѣдемъ, поѣхали и они за нами.

Бѣгутъ опять солдаты.

— Куда?

— Турки, страсть сколько, за нами гонятся.

Въ это время въ темнотѣ изъ-за песчаныхъ бугровъ показалась еще толпа людей. Я все не вѣрилъ, но вынулъ револьверъ. Соинъ тоже.

— Кто идетъ? отвѣчай, стрѣлять буду!

— Мы, ваше благородіе, Турки за нами.

Въ это время Марсъ высоко отдѣлился отъ горизонта. Я догадался, они его приняли за фонарь на пароходѣ, а прибой за шумъ колесъ; остальное дополнило воображеніе. Несмотря на то что это были нестроевые и безъ ружей, имъ досталось порядочно. Воображаю какую тревогу они подняли бы въ Вилковѣ, не встрѣтивъ насъ. Доложивъ генералу о результатѣ моихъ изслѣдованій, я легъ спать. Въ ночь пришли секретныя депеши, и я долженъ былъ ѣхать опять въ Вилково; наша эскадра должна была сняться въ этотъ же день изъ Одессы и на разсвѣтѣ слѣдующаго быть въ виду Очаковскаго гирла.

Рано утромъ я отправился въ Вилково, но уже не на перекладной: генералъ пригласилъ меня съ собой въ коляску. Мы пріѣхали въ Базарджикъ, въ трехъ верстахъ отъ Вилкова, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Чудная была картина. Живописно раскинулся лагерь, грозно смотрѣли орудія, штыки сверкали: Дунай величественно катилъ свои воды, огибая острова. Въ лагерѣ я встрѣтилъ князя Урусова, онъ тоже состоитъ при генералъ-адъютантѣ Семекѣ. Урусовъ, всегда элегантно одѣтый въ Одессѣ, въ американскомъ тюльбери, на кровномъ рысакѣ, предсталъ предо мной небритый и въ кителѣ еще грязнѣе моего. Онъ забросалъ меня вопросами объ Одессѣ,

хотя и выѣхалъ только тремя днями ранѣе моего. Былъ счастливъ вполнѣ что попалъ въ дѣйствующій отрядъ и что уже командовалъ отдѣльною частью.

При нашемъ пріѣздѣ войска начали переправляться — артиллерія на понтонахъ, пѣхота на лодкахъ. Я съ жадностью любовался этою картиной. Болѣе сотни лодокъ, имѣя отъ десяти до пятнадцати человѣкъ на бортѣ, быстро переправлялись на островъ Лети. Вѣдь эти же Вилковцы, на этихъ же лодкахъ, перевозили войска въ 1828 году, въ виду императора Николая Павловича подъ Исакчей. Вѣдь на этихъ же лодкахъ въ первый разъ переплылъ Дунай Румянцевъ-Задунайскій... Вѣроятно на такихъ же лодкахъ шелъ по Черному Морю Олегъ, прибивать свой щитъ ко вратамъ Царьграда. Дунай—русская рѣка, кто не знаетъ на Руси Дуная! Здѣшніе жители только и переносили румынское управленіе потому что вѣрили въ свое скорое избавленіе, то-есть присоединеніе вновь къ Россіи. Но надо было оторваться отъ Дуная и переправы. Я взялъ лодку и спустился въ Вилково. Тамъ меня уже дожидались семь казаковъ для развозки эстафетъ. Телеграфъ только до Жебріенъ. Я зналъ что Т. В. Гайдуковъ ставитъ вѣхи на фарватерѣ, но мнѣ надо было знать готовы ли лоцманы и будутъ ли лодки. Послалъ на возморье—отвѣта нѣтъ, а пять часовъ.

Получаю депешу за депешей. Готовы ли лоцманы? есть ли лодки? Что̀ дѣлать? Послалъ за Кондратіемъ Григорьевичемъ Галкинымъ. Галкинъ личность тоже замѣчательная и мнѣ рекомендованная. Пришелъ.

— Кондратій Григорьевичъ, мнѣ нужно десять лодокъ сегодня ночью; можно ихъ достать?

— Что̀ дѣлать?

— Ѣхать на взморье и спрятаться въ камышахъ. Я пріѣду и скажу что̀ дѣлать.

— Можно, все можно. Когда прикажете отправиться?

— Къ восьми часамъ вечера они должны быть готовы.

Въ семь часовъ вечера вернулся Гайдуковъ и доложилъ мнѣ что вѣхи поставлены, лоцманы готовы и лодки есть. Я телеграммой успокоилъ начальство. Еще я получилъ приказаніе снять всѣ рыболовныя снасти и корнаки. Позвалъ коммиссара. Проситъ предписаніе. Далъ. Съ фарватера на Дунаѣ успѣли снять, но въ морѣ нѣтъ. Я учредилъ казачій постъ на колокольнѣ старообрядческой церкви, или какъ тутъ

говорятъ „звонница". Они должны были смотрѣть въ море и давать мнѣ знать обо всемъ что увидятъ. Въ особенности бдительно смотрѣть за Сулиной, для чего и далъ имъ бинокль. Наши лазутчики дали мнѣ знать что вчера вечеромъ на Сулинскій рейдъ пришелъ броненосецъ, а сегодня утромъ другой. Два уже стояли прежде. Мы всѣ были увѣрены что Турки узнали нашъ планъ и завтра дадутъ морское сраженіе. Я все думалъ: какое будетъ мое положеніе, на рыбачьей лодкѣ, при борьбѣ лоловокъ съ броненосцами? А идти все-таки надо. Разъ восемь лазилъ я на колокольню. Все ничего не видать.

Взлѣзъ я разъ на колокольню, вижу—казакъ преважно говоритъ съ какимъ-то господиномъ, и уступилъ ему бинокль.

— Вы что тутъ дѣлаете?

— Да вотъ, ваше превосходительство, его благородію помогаю.

— Кто вы такой?

— Діаконъ, ваше превосходительство, туточной церкви діаконъ.

— Я васъ прошу уйти. А ты, ваше благородіе, никого сюда не пускай. Турецкіе лазутчики точно также могутъ наблюдать, идетъ ли наша эскадра.

Въ девять часовъ вечера лазутчикъ далъ мнѣ знать что два турецкіе броненосца развели паръ и вышли изъ-за боновъ * на рейдъ. Ну, значитъ, завтра будетъ сраженіе. Послалъ телеграмму въ Одессу и эстафету въ Жебріены, такъ какъ адмиралъ Чихачевъ долженъ былъ пройти сначала мимо Жебріенъ. Сталъ дожидаться что будетъ.

Вообще томительно ждать, но каково же ждать морскаго сраженія и быть одному-одинехонькому во всемъ городѣ, да еще чужомъ. Лоцманы и лодки просились идти ночевать на взморье. Отпустилъ. Самъ рѣшилъ отправиться въ два часа ночи чтобы до свѣта быть на мѣстѣ.

Спать не хочется, комары кусаютъ, тоска, а еще только десять часовъ: четыре часа ждать. Въ одиннадцать я наконецъ легъ, но не могъ заснуть, комары просто выли и съ какою-то особенною злобой кусали. Сама природа за Турокъ. Въ два часа спросилъ самоваръ, напился чаю, помолился Богу и вышелъ садиться. Гребцы и рулевой изъ мѣстныхъ

---

* Бономъ называется загражденіе въ рѣкѣ или узкости, изъ бревенъ и цѣпей.

рыбаковъ, или какъ ихъ тутъ зовутъ рыбалокъ, стоя безъ шапокъ, встрѣтили меня. Мы сѣли. Я перекрестился и скомандовалъ: „съ Богомъ, на воду!“ Мы поплыли по узкому Бѣлогородскому гирлу и черезъ пять минутъ вышли на средину Дуная.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, когда надо еще помолиться, сказали гребцы. Казакъ вложилъ патронъ въ винтовку *. Мы плыли внизъ по Очаковскому гирлу Дуная. Весь архипелагъ маленькихъ островковъ на правомъ берегу не былъ нами занятъ. Сначала я всматривался въ низменный правый берегъ, но потомъ другія думы, другія мысли толпились въ головѣ.

Дунай широко несъ свои воды въ Черное Море, звѣзды стали меркнуть, на горизонтѣ показалась свѣтлая полоса, предвѣстница зари.

— Вотъ и Бугасъ, ваше высокоблагородіе, сказалъ рулевой,— скоро нашихъ встрѣтимъ. Черезъ пять минутъ на лѣвомъ берегу показалось съ десятокъ рыбацкихъ хижинъ и нѣсколько лодокъ.—Это теперь ихъ мало, ваше высокоблагородіе, они на переправѣ, а то ихъ тутъ пропасть, лодокъ-то. Эй! Анисимъ, Тимоѳей Васильевичъ тутъ что ли?

— Ступайте скорѣй! догоните, сейчасъ поплылъ на баръ, отвѣчали съ берега.

Мы выходили изъ устья. Волны поднимались все выше и выше, почти перебивая теченіе. Вѣтеръ былъ противный для меня, но благопріятный для нашей эскадры. На востокѣ загорѣлась заря, фантастически освѣщая облака и открывшееся Черное Море. Я пристально съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ налѣво, не идетъ ли наша эскадра и съ невольною тревогой глядѣлъ направо, не идетъ ли отъ Сулины турецкій флотъ.

Мы обогнали Т. В. Гайдукова. Лодки выходя изъ камышей шли за нами. Мы пошли на баръ.

Волны все усиливались, вѣтеръ свѣжѣлъ, лодку качало. Утомившись смотрѣть на горизонтъ, я сладко задремалъ.

— Дымъ на горизонтѣ!

Я проснулся, взялъ бинокль и съ радостію увидѣлъ дымъ и въ сторонѣ двѣ мачты. Я посмотрѣлъ на часы: было пять часовъ и одна минута 28го іюля. Солнце всходило во всемъ блескѣ. Что-то оно освѣтитъ?

Дымъ приближался, за двумя мачтами показались еще ран-

* Я взялъ одного казака чтобы въ случаѣ нужды послать телеграмму въ Одессу къ командующему войсками.

гоуты, не было болѣе сомнѣнія что это эскадра свиты Его Величества контръ-адмирала Чихачева. Я успокоился. Все мое вниманіе было обращено теперь на югъ къ Сулинѣ. Выйдутъ Турки или нѣтъ?

Долго мнѣ пришлось томиться, эскадра какъ будто все стоитъ на мѣстѣ. Наконецъ въ девять часовъ она стала приближаться. Я пошелъ на встрѣчу. Эскадра состояла изъ поповки *Вице-Адмиралъ Поповъ*, подъ флагомъ контръ-адмирала Чихачева, поповки *Новгородъ*, пароходовъ *Ливадія*, *Эльборусъ* и *Константинъ*. Они конвоировали флотилію, предназначенную въ Очаковское гирло и состоящую изъ парохода *Опытъ*, на немъ начальникъ флотиліи капитанъ-лейтенантъ Диковъ, двухъ плоскодонныхъ шкунъ *Лебедь* и *Утка*, двухъ баржъ № 1й и № 2й, и четырехъ паровыхъ миноносныхъ катеровъ, подъ командой лихихъ лейтенантовъ: Лощинскаго, Фредерикса, Сомова и Скрягина.

Въ десять часовъ пятнадцать минутъ я подошелъ къ *Ливадіи*, она вела на буксирѣ обѣ баржи; меня на буксиръ взялъ паровой катеръ Скрягина. Мы пошли къ бару. * Эскадра контръ-адмирала Чихачева остановилась въ виду, готовая вступить въ бой чтобы прикрыть флотилію капитанъ-лейтенанта Дикова. Но Турки не рѣшились выйти изъ Сулины помѣряться съ нами силами. Флотилія начала входить, пароходъ *Опытъ* впереди ведя за собой двѣ баржи. Паровые катера рыскали по морю какъ чайки, грозно покачивая своими миноносными шестами. Когда пароходъ *Опытъ* уже прошелъ баръ, я замѣтилъ что на одной изъ шкунъ что-то не ладно, и вернулся. Дѣйствительно, шкуна *Лебедь* приткнулась къ отмели. Я присталъ къ ней, снялъ ее съ мели и лично выведя на фарватеръ провелъ черезъ баръ. Другую шкуну взялъ на буксиръ пароходъ *Опытъ* и провелъ ее вслѣдъ за мной, предварительно поставивъ баржи на якорь. Флотилія вошла въ устье, если не побѣдоносно, то торжественно. И это въ виду четырехъ сильныхъ броненосцевъ! Я немедленно послалъ казака въ Жебріены съ депешей генералъ-адъютанту Семекѣ что флотилія благополучно прошла баръ, вошла въ устье и идетъ становиться на якорь, на предварительно избранномъ мною мѣстѣ. Мѣсто это представляло всѣ удобства. Оно было мною избрано въ неширокомъ рукавѣ между островами Чер-

* Баромъ называется гряда образующаяся въ устьѣ рѣкъ впадающихъ въ море отъ наноса по теченію и отъ прибоя съ моря.

навскій и Лети, къ которому суда могли стать вплотную и между которыми легко можно завезти бонъ. Лагерь былъ напротивъ на лѣвомъ берегу. Въ три часа пополудни флотилія стала на свои мѣста. Первая половина программы была исполнена удачно. Когда какое-нибудь предпріятіе хорошо обдумано и точно и добросовѣстно исполнено, результатъ всегда бываетъ достигнутъ; даже сама судьба какъ будто благопріятствуетъ въ такихъ случаяхъ.

Но еслибы Турки атаковали насъ? скажутъ мнѣ. Мы этого ждали, адмиралъ Чихачевъ даже отвѣтилъ на этотъ вопросъ:

— У меня есть пушки.

Да, у насъ были двѣ поповки и четыре миноносные катера. Незнакомыя поповки грозно смотрѣли своими одиннадцатидюймовыми орудіями, съ катерами Турки были знакомы по грустному опыту. Остальная эскадра представляла имъ нѣчто неопредѣленное. Послѣ дѣла парохода *Веста* они знали что каждый изъ пароходовъ можетъ ихъ взорвать и быть опаснымъ какъ и сильный противникъ одѣтый броней.

При атакѣ турецкаго флота самое куріозное положеніе было бы мое: присутствовать на рыбачьей лодки при борьбѣ грозныхъ броненосцевъ. Но Турки не посмѣли атаковать эскадру контръ-адмирала Чихачева, они признали если не физическую нашу силу, то моральную. Это тоже побѣда. Мы торжествовали!

II.

29го іюля. Вчера послѣ постановки эскадры, я поздно вечеромъ возвратился на берегъ. Квартиры у меня еще не было, я вошелъ въ первый трактиръ съ комнатами и спросилъ себѣ пить, ѣсть и спать. Все обѣщали и для начала подали кислаго краснаго вина. Я съ жадностью выпилъ нѣсколько стакановъ, оно легко какъ квасъ, и сталъ ждать ѣду. Жду часъ, ничего не даютъ; я разсердился.

— Покажите мнѣ комнату, я ѣсть не хочу.

— Простите пожалуста, господинъ что̀ хотѣлъ уѣхать остался, нѣтъ лошадей.

Я послалъ къ примеру (голова, меръ города) чтобъ онъ немедленно отвелъ мнѣ квартиру.

Пока я ждалъ, нашъ агентъ Осипъ меня выручилъ, предложилъ переночевать рядомъ у Жида, содержателя корчмы.

Я согласился. Меня, который недавно воевалъ съ союзниками Турокъ, комарами, очаровалъ новый ночлегъ: всѣ окна были затянуты марлей и ни одного союзника Турокъ. Я повалился и спалъ какъ убитый до пяти часовъ утра.

Въ шесть часовъ утра я отправился къ генералъ-лейтенанту Верѣвкину, начальнику Нижне-Дунайскаго отряда.

Въ девять часовъ мы поѣхали на эскадру, которая была назначена дѣйствовать совмѣстно съ войсками при операціяхъ на Сулину. На пристани у Бѣлогородскаго гирла насъ ожидалъ паровой миноносный катеръ. Не только армейскихъ офицеровъ, меня моряка поразилъ бравый видъ экипажа. Все это охотники, на подборъ молодецъ къ молодцу. Командиръ, лейтенантъ Фридериксъ, былъ достойный ихъ представитель. Глядя на ихъ открытыя, мужественныя лица можно было поручиться что Дубасовыхъ, Шестаковыхъ, Скрыдловыхъ у насъ во флотѣ еще много. Фридериксъ и вся команда имѣли сверхъ матросскихъ рубахъ пробковые спасательные пояса.

Генералъ видимо остался доволенъ эскадрой. Да и нельзя было не остаться довольнымъ. Остальные три миноносные катера походили на первый. Лица экипажей точно также были разумно мужественны. Да, разумны, потому что одного мужества на миноносномъ катерѣ мало. На немъ только пять-шесть человѣкъ экипажа, и каждый спеціалистъ. Помимо мужества, онъ подъ огнемъ долженъ обладать полнымъ хладнокровіемъ и полнымъ присутствіемъ разсудка. Одно фальшивое движеніе руки можетъ вести къ гибели. Одинъ правитъ рулемъ, онъ долженъ слѣпо слушать приказаній командира; другой управляетъ машиной, его ошибка—гибель катера; третій, минеръ, онъ долженъ въ данный моментъ соединить токъ батареи; два остальные направляютъ шестовую мину. Только совокупно-разумное дѣйствіе всѣхъ ведетъ къ удачѣ. И всѣ эти спеціалисты-герои 1877 года — мальчики призыва 1875—76 годовъ. Господи, и что только можно сдѣлать съ русскимъ человѣкомъ!

30го іюля. Сегодня мы должны были ѣхать дѣлать рекогносцировку острова Лети (Понтисъ), но опоздали перевезти лошадей. Отложили до завтра, а сегодня рекогносцировали Дунайскія гирла Килійскаго рукава.

Что это за прелесть Дунай! Широкъ, глубокъ и богатъ рыбой. У Вилкова Килійскій рукавъ образуетъ вилку изъ

Въ прошлую Крымскую кампанію на островѣ Лети не было поселковъ, были одни таможенные кордоны. Теперь уже три села съ хорошими церквами: Свистовка, въ ней живутъ Липоване, Сатуново, молдаванское село, Лети, малороссійскіе выходцы, и четвертый поселокъ, вездѣсущая нѣмецкая колонія. Всѣ они жили очень богато, пока ихъ не ограбили баши-бузуки, предъ самымъ нашимъ приходомъ. Солнце уже было на закатѣ, собиралась гроза, когда мы подъѣхали къ мѣсту стоянки нашей эскадры. Молодежи нашей все еще не было. Генералъ сталъ безпокоиться. Онъ заходилъ на суда, видимо тянулъ время, поджидая, не пріѣдутъ ли. Наконецъ въ 8 часовъ поѣхалъ обѣдать. Я отказался и остался дожидаться.

Когда мы пріѣхали къ берегу и слѣзли съ лошадей, я увидѣлъ что на шкунѣ *Лебедь* пьютъ чай. Что̀ прежде: пить чай или купаться? Жажда взяла верхъ, я выпилъ стаканъ чаю и бросился въ Дунай. Никогда въ жизни я не испытывалъ такого наслажденія. Цѣлый день подъ палящимъ солнцемъ, 45 верстъ верхомъ, и вдругъ прохладныя волны Дуная. Еслибы не жажда, я бы кажется всю ночь просидѣлъ въ водѣ. Не помню сколько стакановъ я выпилъ, было уже 11 часовъ, командиры катеровъ все еще не пріѣхали, надъ Вилковымъ нависли тучи. Я попросилъ паровой катеръ и отправился въ городъ, подъ звукъ раскатовъ грома. Молнія ослѣпительно освѣщала окрестности, удары оглушали. Не успѣлъ я ступить на берегъ, полилъ ливень. Но я былъ въ кожанѣ. По колѣна въ грязи я кое-какъ добрался до генерала. Онъ былъ не въ духѣ, получилъ важныя бумаги, а тутъ я еще донесъ что командировъ еще нѣтъ. Одна бумага была на мое имя, безъ меня на квартирѣ ея не оставили и не знали гдѣ она. Черезъ часъ она отыскалась; я написалъ отвѣтъ и въ два часа измученный легъ спать. Но не суждено мнѣ было спать въ эту ночь, раскаты и удары грома были страшные, вѣтеръ сорвалъ ставень. Участь командировъ меня томила.

Утромъ сегодня, какъ я уже говорилъ, меня поразилъ новый запахъ. Я шелъ къ генералу, отъ котораго узналъ что молодежь, слава Богу, вернулась. Я успокоился и вернувшись домой легъ спать. Но опять мнѣ не суждено было спать, за то этотъ разъ меня ожидало удовольствіе, даже болѣе. Ко мнѣ ввалились всѣ четыре командира катеровъ. Я несказанно обрадовался и тутъ же ихъ выругалъ.

— Да съ нами же ничего особеннаго не случилось, погода задержала, да еще съ дороги сбились.

— Да разкажите толкомъ, какъ и что было?

— Ну, пускай они разказываютъ, отвѣтилъ Скрягинъ и завалился спать.

Лейтенантъ Сомовъ началъ.

— Когда мы съ вами разъѣхались, то направились по дефилею около плавень, къ Сулину. Не доѣзжая верстъ двухъ, мы замѣтили на судахъ движеніе. Два казака бывшіе съ нами объявили что далѣе идти невозможно. Говорятъ, это прямо Туркамъ въ руки отдаваться. Мы слѣшились, а лошадей отдали казакамъ отвести въ плавни. Приблизились еще на версту; на рейдѣ движеніе усилилось, на бельведерѣ дома международной коммиссіи собралось человѣкъ десять съ трубами и биноклями. Подойдя на ружейный выстрѣлъ мы сняли планъ и вернулись назадъ. Про батарею вы знаете, она люнетъ о четырехъ орудіяхъ.

— Ну, а еще что?

— Да болѣе ничего. Да, трехъ коровъ отогнали.

— Это какимъ образомъ?

— Да пить больно хотѣлось, мы ихъ подоили и напились, а потомъ уже жалко стало ихъ бросать. Мы ихъ казакамъ отдали.

Ну, какъ было не расхохотаться. Три лейтенанта отгоняютъ изъ-подъ непріятельской батареи трехъ коровъ.

2го августа. Сегодня особеннаго ничего не случилось. Жара, комары и скука. Вечеромъ пріѣхалъ начальникъ отряда судовъ И. М. Диковъ и объявилъ что минное загражденіе въ Сулинскомъ рукавѣ заложено.

3го августа. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ Вилково адъютантъ генерала Семеки, Маркъ, и остановился у меня. Я несказанно ему обрадовался, но былъ огорченъ что онъ не захватилъ моей почты.

4го августа. У меня положительно разстроены нервы, никогда мнѣ не было такъ грустно. Я остался одинъ. Маркъ уѣхалъ. Ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ холерины, я все время не спалъ. Въ 4 часа за обѣдомъ у генерала я познакомился съ полковникомъ генеральнаго штаба Александромъ Карповичемъ Тимлеромъ. Онъ у насъ начальникъ штаба. Говорятъ, его переводятъ: жаль, я рѣдко встрѣчалъ такого симпатичнаго и образованнаго человѣка. Онъ правовѣдъ.

5го августа. Наша колонія увеличивается, сегодня пріѣхалъ военный инженеръ-капитанъ Генрихъ Викентьевичъ Яцевичъ Ему я тоже обязанъ многими пріятными минутами въ самое тяжелое время; мы остались съ нимъ почти вдвоемъ.

6го августа. Сегодня мы всѣ были приглашены командиромъ Дорогобужскаго полка, полковникомъ Н. П. Карасевымъ, на полковой праздникъ. Тимлеръ, Яцевичъ и я (мы стали неразлучны) отправились въ Базарджикъ, гдѣ стоялъ 3й баталіонъ этого полка. Все что можно было привезти изъ Татаръ-Бунара, все было на столѣ. Но главное было радушіе, которое ничѣмъ незамѣнимо. Во время обѣда игралъ оркестръ музыки и пѣли два хора пѣсенниковъ. Одинъ пѣлъ съ претензіями, даже пѣлъ Беранже: „ей-ей умру отъ смѣха". Другой пѣлъ русскія залихватскія пѣсни. Я любовался удалымъ запѣвалой. Это былъ изъ тѣхъ русскихъ солдатъ который послѣ тридцативерстнаго перехода, въ присядку идетъ впереди полка съ бубномъ, имѣя ранецъ и ружье за плечами. И что только онъ ни выдѣлываетъ этимъ бубномъ! Но когда запѣли:

Ѳеня ягодка моя

то на него напалъ какой-то пароксизмъ. Онъ билъ себя бубномъ въ лобъ, билъ имъ о локоть, о колѣно, вертѣлся какъ дервишъ, просто выходилъ изъ себя. Сначала я слушалъ ихъ съ удовольствіемъ, потомъ мнѣ стало грустно. Скоро многихъ изъ нихъ прикроетъ мать сырая земля. Назадъ я вернулся одинъ. Мнѣ нужно было заѣхать на эскадру, откуда я возвратился на паровомъ катерѣ.

7го августа. Все то же, служба, жара и комары. Я начинаю свободно дышать только предъ закатомъ солнца. Мнѣ выносятъ на улицу стулъ, и я наблюдаю за жизнью Невскаго Проспекта Вилкова. Что прямо бросается въ глаза, это множество коровъ и свиней на улицѣ. Свиней двѣ породы: одна обыкновенная, другая помѣсь съ дикими кабанами, послѣднія постоянно обижаютъ первыхъ. Въ Вилковѣ почти нѣтъ лошадей, это Венеція. Вилковцы никогда не несли воинской повинности, а ихъ дѣти постоянно только и играютъ что въ лошадки и солдатики, даже дѣвочки принимаютъ участіе. Противъ меня православная церковь. Каждый день, какъ только зайдетъ солнце, прилетаетъ аистъ и садится на крестъ на одной ногѣ. Съ восходомъ солнца онъ улетаетъ.

Говорятъ аисты примѣрные супруги, невѣрность у нихъ наказывается смертью. Опять же говорятъ былъ такой случай: аисту подмѣнили яйца, положили гусиныхъ; monsieur-аистъ пришелъ въ ужасъ когда гусенята вылупились и подалъ жалобу. Аисты собрались полукругомъ, призвали невѣрную madame-аистъ, супругъ притащилъ гусенка какъ вещественное доказательство. Улика была налицо, и несчастную заклевали. Поневолѣ вспомнишь надпись надъ судилищемъ въ Венеціи: „Помните смерть булочника“. Сегодня я наконецъ получилъ свою почту.

8го августа. Положительно невыносимо. Жара еще сильнѣе, комаровъ еще больше. Предъ закатомъ солнца мнѣ по обыкновенію вынесли стулъ на улицу. Я сѣлъ и продѣлавъ всѣ движенія запѣвалы на полковомъ праздникѣ, то-есть побивъ себя въ лобъ, спину, колѣна и проч., хотѣлъ уйти; но хозяинъ (все тотъ же Еврей, у котораго я ночевалъ въ первый день) просилъ меня остаться. Онъ разложилъ тутъ же на улицѣ кучку навоза и зажегъ. Комары улетѣли, но я тоже ушелъ.

На этомъ мѣстѣ я окончилъ свой дневникъ и не зналъ что̀ дѣлать. Было только половина десятаго. Читать было нечего, думы приходили скверныя. Вдругъ входятъ Тимлеръ и майоръ Бестужевъ.

— Я ѣсть хочу, дайте мнѣ ужинать, сказалъ Тимлеръ,— только не икры и не яицъ, надоѣло.

— Хотите стразбургскаго пирога?

— Отстаньте, зачѣмъ дразнить человѣка.

Я показалъ послѣднюю коробку.

— И это въ странѣ лягушекъ! воскликнулъ Тимлеръ.

Въ двѣнадцать часовъ они ушли.

9го августа. Наблюдая постоянно за турецкимъ флотомъ въ Сулинѣ, я убѣдился что наши агенты врутъ и насъ надуваютъ. Они не доѣзжаютъ до того мѣста гдѣ суда видны, а доносятъ зря. Сегодня въ Сулинѣ была пальба. Агенты донесли что это по кордону и войскамъ тамъ расположеннымъ, ружейная же пальба была по свистовскимъ рыбакамъ. Пріѣхавшій генералъ Салатскій объявилъ напротивъ что съ рыбаками Турки разговаривали, а стрѣляли по казакамъ. А вѣдь кто-нибудь да продаетъ насъ Туркамъ. Они знаютъ все что̀ у насъ дѣлается.

10го августа. Опять все то же. Со мной случилось несча-

стіе, я потерялъ образъ благословеніе моей матери. Я его носилъ всю Крымскую кампанію, онъ былъ на мнѣ въ Синопѣ, Инкерманѣ, на вылазкахъ и пять съ половиной мѣсяцевъ въ Севастополѣ. Единственный день, когда на мнѣ его не было, былъ тотъ когда меня ранили. Слава Богу, я его нашелъ, поднявъ все и вся на ноги. Вечеромъ мы ловили рыбу. Я поймалъ сома, щуку и нѣсколько краснoперокъ. Сома еле вытащилъ, барахтался ужасно. Становится нестерпимо скучно. Новостей въ газетахъ тоже нѣтъ.

11е, 12е, 13е и 14е августа у меня въ дневникѣ отмѣчены: жара, комары, скука. День проходитъ однообразно. Я у Тиллера завтракалъ; онъ, по окончаніи занятій, приходилъ ко мнѣ въ десять часовъ ужинать.

15е. Сегодняшній день былъ обиленъ происшествіями. Новостей много и все хорошія. Рано утромъ за мной присылалъ генералъ.

— Радуйтесь, пароходъ *Константинъ* тремя катерами взорвалъ въ Сухумѣ турецкій броненосецъ. За *Ливадіей* гнались два броненосца, но она ушла благополучно въ Севастополь.

— Подробности есть?

— Еще нѣтъ. Но у насъ тоже было морское сраженіе. Постъ на минномъ загражденіи взялъ турецкій барказъ съ орудіемъ.

Туркамъ на водѣ положительно не везетъ. Барказъ ихъ шелъ по нашему минному загражденію, охраняемому на берегу двадцатью солдатами подъ командой подпоручика Калицкаго, который приказалъ сдѣлать залпъ. Турки отвѣтили тремя пушечными выстрѣлами и пальбой изъ ружей; но не выдержали батальнаго огня. Они бросились въ камыши, на правый берегъ, забрали раненыхъ и бѣжали, оставивъ на барказѣ двухъ убитыхъ и свое орудіе.

Наши молодцы сейчасъ же переплыли Дунай и прибуксировали барказъ къ нашему лѣвому берегу. Вечеромъ насъ поразила еще одна новость, аистъ не прилетѣлъ на свое мѣсто при закатѣ солнца. Что-нибудь да случится. Мои ожиданія оправдались, явившійся ординарецъ потребовалъ меня къ генералу.

— Вы поѣдете въ Одессу, мнѣ нужно отправить важныя бумаги къ командующему войсками. Пошлите въ полкъ за лошадьми и будьте готовы.

Хотя я былъ радъ съѣздить въ Одессу, но боялся что Сулину возьмутъ безъ меня.

— Ваше превосходительство, успѣю я вернуться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ?

— Успѣете, но торопитесь и постарайтесь вернуться скорѣй.

Уложился я въ пять минутъ, но долго пришлось записывать всѣ коммиссіи остающихся. И чего только ни поручали купить: и ваксы, и почтовыхъ марокъ, чаю, кофе и т. д. Но преимущественно всѣ просили табаку. Въ Румыніи его нѣтъ.

Въ десять часовъ я зашелъ къ генералу и объявилъ что я готовъ. Но пришлось ждать генеральнаго штаба подполковника Барановскаго, который поѣхалъ на островъ Лети, гдѣ наши отбили барказъ. 16го августа прошла ночь, Барановскаго все нѣтъ. Наконецъ подъ вечеръ пришла отъ него записка: Турки подошли къ нашему посту и обстрѣливали его картечью. Наши отступили, забравъ съ барказа орудіе, но барказъ сжечь не успѣли. Поздно вечеромъ я уѣхалъ.

17го августа. Сегодня въ пять часовъ пополудни я пріѣхалъ въ Одессу. Командующій войсками позволилъ мнѣ остаться тутъ впредь до приказаній. Мнѣ какъ-то не вѣрилось что я въ Одессѣ. Первое время не зналъ что̀ съ собой дѣлать.

18го августа. Я спалъ на постели съ пружинами, пилъ холодную сельтерскую воду, иду купаться въ море.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

А. САТИНЪ.

ИГРУШКА СУЛТАНА

(Изъ Барбье.)

На разныя диковинки глазѣя,
Въ углу одной изъ отдаленныхъ залъ
Центральнаго Британскаго Музея
Я странную вещицу увидалъ.
Сперва почти не обратилъ вниманья
Я на нее; теперь же цѣлый рой
Тяжелыхъ думъ смущаетъ мой покой,
Когда о ней мелькнетъ воспоминанье.
На первый взглядъ заманчиваго въ ней
Нѣтъ ничего; отдѣлка дубовата:
Представленъ тигръ, подъ лапою своей
Повергшій въ прахъ британскаго солдата.
Горятъ глаза животнаго, полны
И торжества, и кровожадной страсти;
Британцу нѣтъ спасенья изъ-подъ власти
Его когтей; минуты сочтены!....
Но чтобъ еще усилить впечатлѣнье
Невидимо внутри игрушки той
Есть механизмъ, ребячески простой,
Стремящійся представить вожделѣнье
Мучителя и безнадежный стонъ

Несчастнаго.... Я, полный отвращенья,
Хотѣлъ уйти, но проводникъ значенье
Игрушки объяснилъ мнѣ. Вотъ что онъ
Сказалъ: „Та вещь сюда изъ Индостана
„Какъ доблестный трофей привезена;
„Любимою забавою она
„Служила для Мейсурскаго султана.
„Бывало, лишь денницы лучъ блеснетъ,
„Султанъ, склонясь на мягкія подушки,
„Младаго дня привѣтствовалъ восходъ
„Подъ ревъ и стонъ чудовищной игрушки.
„Онъ ей внималъ, любуясь страстно ей,
„Какъ отблескомъ иль какъ отзвучьемъ рая,
„А ненависть къ врагамъ родного края
„Въ душѣ его кипѣла все больнѣй.“

—

Постыдная игрушка! Наслажденья
Разумнаго никто въ ней не найдетъ;
Понять ее способенъ только тотъ
Въ комъ бѣшено пылаетъ жажда мщенья,
Кто, какъ султанъ Мейсурскій, въ горькій часъ,
Когда толпой враговъ неодолимой
Изъ боя въ бой безжалостно гонимый,
Себѣ, увы! говаривалъ не разъ:—
Я властелинъ страны привольной и богатой!
Въ ней столько золота и дорогихъ камней,
Что ихъ пересыпай, пожалуй, хоть лопатой!...
Да, счета нѣтъ моимъ сокровищамъ: коней
Моихъ и самый вихрь пустыни не обгонитъ;
Несмѣтный сонмъ рабовъ покорно выю клонитъ
Предъ волею моей; среди моихъ дворцовъ
Таится цѣлый рой красавицъ черноокихъ....
Чего жь еще желать?!... Но вотъ, изъ странъ далекихъ
Является толпа какихъ-то пришлецовъ,
Гонимыхъ нищетой изъ родины голодной,
Поработить меня, страну мою; затѣмъ,
Все, все отнявъ у насъ, вдругъ обратить эдемъ
Въ такой же край тоски, какъ островъ ихъ холодный!...
Неужто шею мнѣ покорно подставлять
Подъ рабское ярмо на томъ лишь основаньи
Что сотнѣ торгашей угодно исполнять

Малѣйшій свой капризъ, пустѣйшее желанье?
Нѣтъ, никогда!... Клянусь: иль наглыхъ Англичанъ
Я прогоню опять за дальній Океанъ,
Иль лягу самъ костьми за счастье, за свободу
Родной страны!... Что смерть? — ничто!.. Страшнѣй, въ угоду
Врагамъ, носить ярмо стыда!... Свобода, честь
Дороже во сто кратъ чѣмъ жизнь!... Итакъ, не знаю,
Что станется со мной... но заклятую месть
Къ Британцамъ я навѣкъ отчизнѣ завѣщаю!...
И клятву ту сдержалъ Типпу-Сагибъ:
Еще царемъ, въ шальномъ разгарѣ боя
За свой вѣнецъ, за родину погибъ
Безвременно онъ смертію героя;
Сраженный палъ въ неравной онъ борьбѣ,
Но сохранилъ и честь свою и славу,
Въ укоръ врагамъ кровавую забаву,
Какъ памятникъ, оставивъ по себѣ.

—

Типпу-Сагибъ является предъ нами
Не кроткою овечкой, спора нѣтъ!
Дикарь онъ, да, не больше!... Ну, а сами
Враги его, морочащіе свѣтъ
Слащавыми и лживыми рѣчами
О честности намѣреній своихъ,
Святѣе, что ль? а памяти позорной
Всѣ Гестингсы, всѣ Клайвы, какъ и ихъ
Пособники, съ алчбой своей тлетворной
Къ стяжанію, не хуже ль дикарей?...
Нагрянули они изъ-за морей
На Индію какимъ-то ураганомъ,
Какою-то губительной волной,
Чтобъ завладѣть гдѣ силой, гдѣ обманомъ
Свободною, цвѣтущею страной....
А что сказать о шайкѣ той злодѣйской,
Подъ именемъ компаніи Индѣйской
Извѣстной всѣмъ и каждому? Полна
Одной любви къ стяжанію, она
Всей хлѣбною торговлей завладѣла
За Гангомъ и въ иной голодный годъ,
Губя нуждой задавленный народъ,

Сама межь тѣмъ безстыдно богатѣла!
Пока не сотнями, не тысячами, нѣтъ,
А милліонами туземцы погибали,
Чѣмъ побѣдители злодѣйства объясняли?
Чьимъ именемъ святымъ, обманывая свѣтъ,
Они безбожные поступки прикрывали?
Они клялись что цѣль стремленій ихъ чиста;
И всѣ повѣрили что эти лицемѣры
Несутъ язычникамъ безцѣнный свѣточъ вѣры,
Идутъ распространять ученіе Христа!
Все ложь и ложь одна!... Дитя, и то едва ли,
Способно вѣровать въ завѣдомую ложь....
Европа не дитя! Итакъ, изъ-за чего жь
Злодѣйства извергов безъ кáры оставляли!...

—

Я понялъ смыслъ игрушки, и съ тѣхъ поръ
Всѣ доблести войны я ненавижу,
Когда имъ цѣль—одна корысть! и вижу
Въ побѣдахъ я не славу, а позоръ!
И не могу смотрѣть безъ чувства злобы
На тѣ пиры чтò въ Лондонѣ набобы
Пресыщеннымъ друзьямъ своимъ даютъ,
Гордясь своей милліонерской славой!
Какъ рядомъ съ Мàкбетомъ тѣнь Банко, тутъ
Сагибъ съ своей игрушкою кровавой
И призраки загубленныхъ войной
Являются мгновенно предо мной....
И я за то судьбу благословляю
Что пиршествъ ихъ я самъ не раздѣляю,
Иначе бы лишь смрадъ гніющихъ тѣлъ
Мнѣ чудился-бъ въ волнахъ благоуханій;
Не вальса бъ звукъ въ ушахъ моихъ звенѣлъ,
А дикій вопль безвыходныхъ страданій;
Не старое бургонское вино
Въ той жидкости, смакуемой съ любовью
Набобами, я видѣлъ бы:—оно
Казалось бы пролитою мнѣ кровью,
И бросилъ бы я торгашамъ въ укоръ
Свой грозный стихъ и желчный свой укоръ!

К. Н. Ш—НЪ.

ДОѢЗЖАЧІЙ

РАЗКАЗЪ.

Я никогда не забуду того чуднаго утра когда мы веселою компаніей отправились изъ гостепріимной усадьбы нашего хозяина вспомнить старину, „побаловаться“ съ борзыми и гончими. Да, прежде это называлось охотой, дѣломъ, „занятіемъ, а теперь — баловствомъ! Мягкая, какъ бы жалостливая осень срединной Россіи вступила въ свои права, позолотивъ и поле, и лѣсъ. Утреннее небо, прозрачное, бѣлесоватое, чуть-чуть освѣщало длинный отлогій подъемъ на который мы взбирались. Торчащіе стебли скошенной соломы на его верхушкѣ, пронизанные первыми лучами всходящаго за пригоркомъ солнца, рдѣлись и всполыхнутые вѣтеркомъ то темнѣли, то снова загорались, отражая солнечный свѣтъ. На вспаханныхъ подъ озимь поляхъ, извивающихся черными полосами между желтымъ ковромъ убраннаго хлѣба, весело подпрыгивали и щебетали птички, въ ожиданіи полнаго восхода солнца, обѣщающаго согрѣть ихъ послѣ долгой и морозной ночи. Подъ чарующимъ вліяніемъ этого ранняго утра, свѣжаго, дышащаго нѣгой воздуха, мы всѣ невольно забыли житейскія дрязги, забыли неприглядную дѣйствительность

Даже сѣдой старикъ сосѣдъ, съ горя уже два года занимающійся тяжебными дѣлами, вдругъ прояснѣлъ и на его устахъ засвѣтилась честная, добродушная улыбка. Нѣтъ, что бы ни говорили противъ охотыо, хота та же поэзія! Она нужна нашей душѣ какъ сонъ послѣ дневнаго труда, какъ успокоеніе души и совѣсти на лонѣ природы....

Мы уже приближались къ вершинѣ покатаго пригорка. Солнышко, не горячее, не знойное, а доброе, теплое и нѣжное, свѣтило надъ нашими головами, словно любовною улыбкой радуя и усадьбу, и поля. Не успѣли мы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ какъ всѣ невольно остановились и замолкли; такъ поразительно хороша была картина представшая предъ нашими глазами. За вершиной пригорка слѣдовалъ длинный скатъ черной вспаханной земли, затѣмъ маленькій ровъ, съ текущимъ по немъ осеннимъ ручейкомъ, извивающійся причудливою змѣйкой по подошвѣ, а за нимъ какъ свѣтлое пятно, Золотая роща. Высокій, ровный, стройный и густой березовый лѣсокъ стоялъ какъ великанъ за ручейкомъ. Его пожелтѣвшіе, но еще/ не опавшіе листья, колеблющіеся подъ легкимъ напоромъ согрѣтаго сверху воздуха, отражали солнечные лучи и блестѣли чистымъ золотымъ отливомъ на черномъ фонѣ вспаханнаго ската.

— Боже мой, какъ это дивно хорошо! шептали мы тихо, какъ бы боясь звукомъ своего голоса нарушить очарованіе. И долго мы стояли на пригоркѣ, любуясь волшебною картиной золотаго лѣса. Его листья, отрываясь отъ могучихъ вѣтвей и направляемые вѣтромъ, летѣли къ ручейку; они казались намъ издали золотымъ дождемъ, идущимъ изъ золотыхъ солнечныхъ лучей....

— Смотрите, тутъ вспаханная земля трудомъ дня и ночи; покатость ровная, гладкая, постеленная.... за ней волшебный золотой лѣсъ, тихо заговорилъ одинъ изъ насъ, указывая, рукой впередъ,—это исторія Россіи....

— Дай Богъ, вздохнули мы въ отвѣтъ. отрываясь отъ очарованія и начиная спускаться по направленію къ березовой рощѣ, „острову“ нашей охоты. Ловчій, уже давно проведшій собакъ на другую сторону лѣса, замѣтилъ насъ и привѣтствовалъ тихимъ долгимъ сигналомъ рожка. Этотъ звукъ то словно обрывался, то снова гулко и широко раскатывался по полю....

Увы, мы такъ давно не охотились что, подойдя къ острову, не знали кого изъ насъ назначить распорядителемъ. Хозяинъ, которому предводительство принадлежало по обычному праву, отказался отъ этой чести.

— Теперь такія времена, господа, когда не знаешь есть ли что въ твоихъ лѣсахъ... Когда-то, ахъ, когда-то мы изъ этого острова по десятку русаковъ сразу выгоняли, а теперь можетъ-быть и воробья въ немъ не найдешь... Лѣсъ рубятъ, звѣря пугаютъ... Нѣтъ, не хочу, ни за что не хочу и распоряжаться, упорно отнѣкивался онъ, печально осматривая любимое мѣстечко его старыхъ, бурныхъ помѣщичьихъ охотъ.

Дѣлать нечего. Сложили платки и выдернули одинъ. Какъ на зло, распорядительство все-таки досталось хозяину усадьбы.

Старая кровь заговорила. Онъ выпрямился, лихо покрутилъ свои сѣдые, длинные усы, молодецки подбодрилъ шпорами коня-ветерана и поправилъ на себѣ ремешокъ отъ серебрянаго охотничьяго рога. Мы окружили его, ожидая распоряженій и назначеній мѣстъ.. Съ загорѣвшимся огонькомъ охотничьей страсти въ глазахъ бывшій собственникъ тысячи душъ превратился въ настоящаго командира.

— Васька, направо, у высокой березы что треснула надвое, слышишь? Евлампій съ парой собакъ, Заливайкой и Барсукомъ—становись у ручья, да не плошай какъ увидишь звѣря, пускай собакъ сразу, а не по одной! кричалъ онъ грозно помахивая нагайкой.

Остатки барской дворни всѣ назначены по мѣстамъ. Очередь за нами. Хозяинъ очевидно не совсѣмъ довѣрялъ охотничьимъ способностямъ гостей и поставилъ каждаго изъ насъ рядомъ съ его бывшими доѣзжачими, ловчими или стремянными. Я попалъ на крутой выступъ невысокаго, тѣнистаго и каменистаго оврага по которому протекалъ ручей; прямо предъ моими глазами виднѣлся весь скатъ, откуда мы любовались Золотою рощей, теперь блестящею сзади меня. Черезъ нѣсколько минутъ сюда же подъѣхалъ старый, любимый доѣзжачій хозяина Евлампій, держа на сворѣ пару пеждарыхъ собакъ. Сѣдокъ, лошадь и собаки носили на себѣ слѣды „знаменій" нашего времени. Строгое лицо, сурово смотрящіе глаза, щетинистые лихо закрученные усы старика говорили о его страсти и прежней спеціальности охотника; зеленый бекешъ съ ободранною мерлушкой и полинялыми позументами, кривыя ноги худаго какъ скелетъ высокаго коня съ не-

помѣрно толстою мордой на ссохшейся и опавшей на сторону шеѣ; уныло вялыя, словно сонныя борзыя напоминали что ширина барской воли и потѣхи переживаетъ тяжелую пору. Пока хозяинъ объѣзжалъ „островъ“, повѣряя охотниковъ, я разговорился со старымъ доѣзжачимъ.

— Какая жь нонче жизнь, баринъ, говорилъ онъ какъ бы нехотя,—и умирать такъ въ пору, не жалко кажись. Теперича хоть бы я самъ: съ малолѣтства,—вона еще какимъ—въ стременные былъ взятъ, а подросъ, ловчимъ сталъ и доѣзжачимъ потомъ. И охота у насъ была не въ примѣръ теперешней—утромъ выѣхать, а къ вечеру по домамъ—это развѣ охота? Нѣтъ, бывало не по днямъ, а по недѣлямъ бродимъ и скачемъ по лѣсамъ и лугамъ; а кончилась охота, ложись на печь и не думай ни о чемъ; а теперь.... срамно сказать, вѣдь я за повара служу! Вотъ какія времена-то пришли, прости Господи!

Старикъ глубоко вздохнулъ и набожно перекрестился.

— Вотъ эта лошадь теперича воду таскаетъ, а прежде-то ее Орломъ звали; лихой былъ конь, какъ трубу бывало зачуетъ, не удержишь...

„Го, го, го!“ послышалось изъ-за рощи. Звонко раздался лай первой собаки; загрохотали трубы, изъ ихъ общаго хора рѣзко выдѣлялся звукъ серебрянаго рога хозяина. Около насъ раздался трескъ надломленныхъ вѣтвей и шумъ сухихъ листьевъ подъ ногами нѣсколькихъ борзыхъ отбившихся отъ своры и теперь мчавшихся стремглавъ на лай ихъ сотоварищей. Изъ другаго конца Золотой рощи выскочилъ на скатъ матерой заяцъ и пустился вверхъ по покатости.

— Эхъ, далеконько проклятый гонитъ! съ досадой проговорилъ доѣзжачій, сдерживая оживившихся собакъ.

Русакъ мчался впередъ какъ стрѣла пущенная изъ лука. Безъ скачковъ онъ словно стлался и скользилъ по полю. Собаки дружною кучкой замѣтно догоняли его и, выражаясь по-охотничьи, уже готовы были „насѣсть“, какъ вдругъ заяцъ, подобравъ подъ себя свои длинныя заднія лапки, сразу остановился на мѣстѣ, обернулся къ собакамъ и присѣлъ, поднявъ уши. Борзыя звякнули и съ новою силой рванулись къ нему. Въ тотъ моментъ когда они были у носа русака онъ высоко подскочилъ, собаки прорвались подъ нимъ впередъ, а хитрый заяцъ снова стлался и скользилъ по полю внизъ къ ручью, направляясь прямо на насъ. Пока борзыя, оторо-

лѣвшія отъ неожиданной хитрости звѣрка, успѣли остановиться и поворотить назадъ, русакъ былъ уже далеко отъ нихъ, внѣ всякой опасности отъ своры.

Я взглянулъ на старика-доѣзжачаго. Онъ, не спуская глазъ съ приближающагося зайца, наклонился съ сѣдла и дрожащею рукой готовился снять ошейники со своихъ борзыхъ. Наконецъ насталъ моментъ его торжества. Заяцъ, не замѣтивъ насъ, вскочилъ въ овражекъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки.

— Ату, ату его! задыхающимся голосомъ крикнулъ доѣзжачій, спуская собакъ.

Борзыя въ одинъ прыжокъ очутились на спинѣ оплошавшаго русака.

— Го, го-го-го! еще громче закричалъ старикъ и низко приклонясь къ лукѣ, съ азартомъ взмахнувъ нагайкой. Конь, уже забывшій счастливые давно прошедшіе дни удали и отважныхъ salto mortale, отчаянно рванулся впередъ, сдѣлалъ напрасное усиліе перескочить ручей и грохнулся вмѣстѣ со старымъ сѣдокомъ на каменистое дно. Я, не довѣряя прочности ногъ и моей лошади, спрыгнулъ съ сѣдла и бросился внизъ. Старикъ лежалъ неподвижно: его конь, понурый, словно сконфуженный, стоялъ около. Подлетѣла стая борзыхъ, подскакали охотники. Общими силами мы, поднявъ безчувственнаго доѣзжачаго, смастерили изъ вѣтвей нѣчто въ родѣ носилокъ и понесли его въ усадьбу. Мы шли и ѣхали молчаливые и опечаленные прискорбнымъ происшествіемъ. Но, чу, гончія снова залились лаемъ, да такимъ дружнымъ, звонкимъ и радостнымъ что у многихъ изъ насъ забилось охотничье сердце.

— По красному! громко проговорилъ хозяинъ, привставая на сѣдлѣ и останавливаясь въ нерѣшительности.

— Да, да, по красному! тихо отвѣтили самые ярые охотники.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, мы донесемъ его, поспѣшили мы посовѣтовать тѣмъ у кого глаза уже горѣли страстнымъ желаніемъ помчаться назадъ къ Золотой рощѣ. Долго уговаривать ихъ было и не нужно.... Мы тихо двигались впередъ съ неудобными носилками, а хозяинъ съ тремя, четырьмя изъ гостей понеслись тяжелымъ галопомъ внизъ, къ ручью.

Длинныя, сѣрыя осеннія сумерки уже наступили, когда мы донесли доѣзжачаго до усадьбы. Его комнатка, около кухни,

маленькая, повернуться негдѣ. Кое-какъ втащили мы старика въ нее и стали класть на постель.

— О, охъ! закряхтѣлъ онъ, ложась на соломенный жесткій матрацъ.

Къ счастію въ усадьбѣ проживалъ отставной фельдшеръ. Онъ осмотрѣлъ старика и нашелъ что у него переломлена правая ключица. Сдѣлали компрессы, перевязку. Старикъ охалъ громко и жаловался на нестерпимую боль. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, и тѣснота комнаты не позволяла намъ перемѣнить ему изголовье.

Было уже совсѣмъ темно, когда раздался веселый говоръ возвратившихся охотниковъ.

— Прямо мнѣ подъ лошадь, слышался громкій разказъ хозяина,—я его нагайкой по головѣ, онъ кувыркнулся, а тутъ собаки и подхватили!

— Ну что̀, старина, обратился онъ любовно къ больному доѣзжачему входя въ его комнатку,—что̀ съ тобой, за докторомъ не послать ли, что̀ стонешь такъ, больно тебѣ очень?

— О охъ, застоналъ въ отвѣтъ старикъ,—кого, баринъ, затравили, аль краснаго?

— Волка, старина, матераго волка, да что̀ у тебя болитъ-то, скажи?

— Матераго? О - охъ.... батюшка-баринъ.... о - охъ.... прикажите принести, показать.... какой-такой матерой.... не вѣрю я.... чтобы матерой былъ.... О - охъ, умоляющимъ голосомъ запросилъ старикъ, не отвѣчая на вопросы о болѣзни.

— Вотъ что̀ значитъ охотничья-то душа! съ состраданіемъ замѣтилъ хозяинъ и тотчасъ приказалъ принести убитаго волка.

Старикъ медленно закусивъ губу, и закрывъ отъ боли глаза, охая и кряхтя, сталъ поворачиваться на больной бокъ.

— Что̀ ты, что̀ ты дѣлаешь, лежи смирно, какъ можно тебѣ ворочаться! стали мы удерживать его.

— Пустите, дайте, посмотрѣть, о - охъ, сердито махнулъ онъ на насъ здоровою рукой, повернулся и взглянулъ на волка. Затѣмъ, закрывъ глаза, онъ сразу оборотился опять къ стѣнѣ и захрипѣлъ. Мы перепугались.

— Обморокъ! Натрудилъ себя и повязку-то вонъ сбилъ съ мѣста! заворчалъ фельдшеръ, суетливо поправляя бинты.

— О-охъ, снова застоналъ еле слышно старый доѣзжачій,—какой-же онъ матерой, баринъ, переяръ проклятый!....

А. МОЛЧАНОВЪ.

ПОРТУГАЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ

ИНЕСА ДЕ-КАСТРО

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

СОЧИНЕНІЕ ГОМЕСА. ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

Драматическая литература въ Португаліи, совершенно намъ неизвѣстная, появилась въ этой странѣ позднѣе чѣмъ другія отрасли литературы. Португалія обладала уже нѣсколькими поэтами въ то время когда въ ней не было еще ни одного драматическаго произведенія.

Первый драматическій поэтъ явился въ Португаліи въ началѣ XVI вѣка, въ блестящую эпоху португальской исторіи. Это былъ Жиль Виценте, не имѣвшій предъ собою никакихъ другихъ образцовъ, кромѣ древнихъ и заслужившій названіе португальскаго Плавта. Онъ написалъ нѣсколько священныхъ autos (представленій) и нѣсколько комедій и трагикомедій, послужившихъ въ послѣдствіи образцами для Кеведа и Лопе де-Вега. Виценте имѣлъ нѣсколько послѣдователей. Но первую настоящую трагедію встрѣчаемъ въ половинѣ XVI столѣтія. Ужасный конецъ Инесы де-Кастро, который

несмотря на слишкомъ два столѣтія былъ еще живъ въ памяти Португальцевъ, показался одному изъ послѣдователей Виценте, Антоніо Ферейра, достойнымъ возбудить сочувствіе въ зрителяхъ, оплакивавшихъ ужасную смерть несчастной Инесы. Ферейра задумалъ обработать этотъ національный сюжетъ, придавъ ему форму греческихъ трагедій. Вѣроятно Ферейра былъ обязанъ своею любовью къ Грекамъ Буханану, преподававшему въ Коимбрѣ въ то время какъ Ферейра учился тамъ такъ же какъ и Камоэнсъ. Этотъ ученый Бухананъ, родомъ Шотландецъ, былъ друженъ со многими Португальцами, воспитывавшимися тогда въ Парижѣ, и былъ призванъ вмѣстѣ съ ними Іоанномъ III въ Коимбру для занятія тамъ каѳедры философіи. Онъ перевелъ на латинскій языкъ двѣ трагедіи Эврипида и написалъ также по-латыни трагедіи *Іеѳвай* и *Іоаннъ Креститель*.

Кромѣ трагедіи *Инеса*, Ферейра написалъ еще двѣ комедіи: *Сіосо* (*Ревнивый*) и еще прежде нея, будучи 26 лѣтъ, *Bristo*.

Первый португальскій поэтъ прославившійся во всѣхъ родахъ поэзіи, хотя иностранцамъ и извѣстна только его *Лузіада*, безсмертный Камоэнсъ, также захотѣлъ испытать себя и въ комедіи, но въ этомъ родѣ онъ оказался ниже своего таланта и его *Филодемо*, *Селевкъ* и *Амфитріонъ* не много прибавляютъ къ его славѣ.

Въ *Селевкѣ* Камоэнсъ изобразилъ Антіоха, умирающаго отъ любви къ Стратонисѣ, супругѣ его отца, Селевка. Говорятъ что при выборѣ этого сюжета онъ имѣлъ въ виду сдѣлать упрекъ Филиппу II, умертвившему своего сына Карлоса за любовь его къ мачихѣ. Піеса Камоэнса написана въ формѣ autos, и трудно въ настоящее время опредѣлить, къ какому роду принадлежитъ эта піеса носящая названіе комедіи. Піеса написана стихами, но ей предшествуетъ прологъ въ прозѣ, въ которомъ хозяинъ дома приглашаетъ слушателей насладиться приготовляющимся спектаклемъ; шутъ, на вопросы нѣкоторыхъ участвующихъ въ разговорѣ, отвѣчаетъ неприличными выходками, нисколько не относящимися къ піесѣ. Ходъ піесы чрезвычайно простой. Она не раздѣлена ни на акты, ни на сцены; показано только что такое-то лицо выходитъ и говоритъ. Въ піесѣ особенно замѣчательна сцена, когда Селевкъ спрашиваетъ у доктора чѣмъ боленъ его сынъ Антіохъ. Докторъ отвѣчаетъ что Антіохъ влюбленъ въ жену его, доктора, и что только обладаніе ею можетъ спасти Антіоха отъ смерти. Селевкъ уговариваетъ доктора согласиться на связь Антіоха съ его женою. Тогда докторъ объявляетъ Селевку что Антіохъ влюбленъ въ жену Селевка, Стратонису, и что эта страсть можетъ свести его въ могилу. Селевкъ, послѣ борьбы съ самимъ собою, рѣшается уступить сыну свою жену. Замѣчательно что въ этой піесѣ докторъ говоритъ постоянно по-испански.

Испанскій языкъ встрѣчается и въ другой комедіи Камоэнса *Амфитріонъ*, написанной имъ въ подражаніе Плавту.

Хотя положенія въ этой піесѣ лучше и занимательнѣе чѣмъ въ *Селевкѣ*, но португальскій поэтъ въ ней неизмѣримо ниже Мольера, подражавшаго тоже Плавту въ своемъ *Амфитріонѣ*. Третья піеса Камоэнса *Филодемо* выше другихъ его піесъ. Въ ней не всѣ сцены рифмованныя; многія написаны прозой, но стиль ея гораздо лучше и поэтичнѣе другихъ его піесъ. Въ ней есть нѣсколько хорошихъ, талантливыхъ сценъ.

Въ срединѣ XVIII вѣка населеніе Лисабона привлекали въ театръ Bairo Alto піесы несчастнаго Антоніо Хозе. Онъ оставилъ значительное собраніе піесъ, изданное безъ имени автора и извѣстное болѣе подъ именемъ *Театра Жида*, хотя настоящее его названіе *Theatro Comico Portuguez*. Антоніо Хозе, руководимый своимъ жаромъ и веселостію, не соблюдалъ никакихъ театральныхъ правилъ. Онъ выводилъ иногда на сцену цѣлую жизнь человѣка, вовсе не заботясь связать интригой отдѣльныя сцены, но его дѣйствующія лица большею частью занимательны и были бы еще болѣе интересны, еслибы не впадали часто въ тривіальность. Піесы Хозе имѣли большой успѣхъ и долго держались на португальской сценѣ.

Знаменитый графъ Эрисейра, другъ Буало и авторъ многихъ поэмъ уважаемыхъ въ Португаліи, обратилъ вниманіе на талантъ Хозе, а также и на его недостатки. Однажды послѣ представленія одной изъ піесъ Хозе, онъ посовѣтовалъ ему прочесть Мольера и идти по его стопамъ. Хозе только на половину послушался его совѣта, прочелъ Мольера, но все-таки попрежнему слѣдовалъ влеченію собственнаго дарованія и писалъ такія же неправильныя піесы.

О жизни Хозе ничего неизвѣстно, но извѣстна его ужасная кончина. Обвиненный въ іудаизмѣ онъ былъ брошенъ въ тюрьмы инквизиціи, страдалъ въ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ и погибъ среди пламени на кострѣ. Онъ сдѣлался жертвой ауто-да-фе въ 1740 году.

Около 1761 года явились два поэта: Тиберіо Педегаче и Доминго Досъ-Реисквита написавшіе вмѣстѣ піесы: *Астарта*, *Мегарра*, *Герміона* и *Инеса де-Кастро* (въ трехъ дѣйствіяхъ). Лучшею изъ этихъ піесъ почитается *Мегарра*.

Комическій театръ португальскій былъ совершенно заброшенъ, когда Педро Антоніо Коррея Гарсанъ, извѣстный своими прекрасными одами, написалъ двѣ комедіи: одна, извѣстная подъ именемъ *Theatro novo*, не имѣла большаго успѣха, но другая, извѣстная подъ именемъ *Ассамблеи*, заслужила общее одобреніе. Когда во второй половинѣ XVIII столѣтія французская драматическая литература завладѣла португальскою сценой, академія въ 1788 назначила премію за лучшую оригинальную трагедію. Премію эту получила графиня Вимієйра за свою трагедію *Осьмія*.

Но лучшимъ произведеніемъ португальской сцены почитается трагедія *Инеса де-Кастро*, сочиненіе Гомеса, написанная въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Настоящее

названіе ея *Nova Castro*, т.-е. *Новая Кастро*, данное ей ея авторомъ для отличія отъ двухъ еще прежде написанныхъ піесъ на сюжетъ трагической смерти несчастной Инесы. Послѣ *Инесы де-Кастро* Гомеса явилось въ Португаліи нѣсколько замѣчательныхъ піесъ, какъ *Тріумфъ натуры*, *Король донъ-Себастіанъ*, *Катонъ*, *Петръ Первый*, *Фридрихъ*, *посѣщающій темницы*, *Голландскій слесарь*, и даже былъ очень даровитый драматургъ Пимента де-Агіаръ, но всѣ названныя піесы, равно какъ и произведенія Агіара, не могутъ равняться съ *Инесою де-Кастро* Гомеса, почитаемою лучшею изъ португальскихъ піесъ и доселѣ пользующеюся успѣхомъ въ Португаліи. Авторъ ея считается лучшимъ португальскимъ драматургомъ.

Несчастія Инесы де-Кастро, внушившія Камоэнсу такіе трогательные стихи, почти у всѣхъ народовъ Европы служили предметомъ для драматическихъ представленій. Вообще изъ убійства Инесы де-Кастро Португальцы написали пять піесъ. Ихъ сосѣди Испанцы также обрабатывали этотъ сюжетъ подъ разными названіями. Въ 1796 году Англичанинъ Эдвардсъ написалъ на этотъ же сюжетъ піесу; Французъ Ламотъ изъ убійства Инесы де-Кастро сочинилъ трагедію, которая въ переводѣ на русскій языкъ игралась на Московской сценѣ. Италіанцы и Нѣмцы тоже имѣютъ піесы написанныя на этотъ сюжетъ, обошедшій такимъ образомъ всю Европу.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Дѣйствующіе:

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ IV, король португальскій.
ДОНЪ-ПЕДРО, его сынъ.
ДОНА-ИНЕСА ДЕ-КАСТРО.
ДОНЪ-САНХО, бывшій воспитатель ДОНЪ-ПЕДРО.
КОЭЛЬО } совѣтники.
ПАЧЕКО }
ДОНЪ-НУНЬО, камергеръ.
Посланникъ короля Кастильскаго.
Двое дѣтей, сыновья донъ-Педро и доны-Инесы.

Дѣйствіе въ Коимбрѣ, во дворцѣ, въ которомъ живетъ Инеса. Дѣйствіе начинается на разсвѣтѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ИНЕСА и ЭЛЬВИРА.

Инеса (*появляется какъ бы въ бреду*). Неумолимая тѣнь! Ужасный призракъ! Не преслѣдуй меня! Констанція! * Я умираю!

Эльвира. Какое мученье!.. Какой бредъ, принцесса....

Инеса (*садясь почти безъ чувствъ*). Гдѣ онъ, гдѣ мой супругъ?

---

* Констанція была первая супруга принца донъ-Педро, сына Португальскаго короля донъ-Альфонса IV. Родителями ея были: герцогъ донъ-Хуанъ-Мануэль и дона-Констанція, дочь короля Аррагонскаго Іакова II. Отецъ привезъ ее въ Вальядолидъ чтобы выдать тамъ замужъ за Кастильскаго короля, но тотъ, находя ее еще слишкомъ молодою, отдалъ ее на попеченіе своего дѣда, который долженъ былъ докончить ея образованіе, однакожь около 1330 года этотъ монархъ отказался отъ брака съ нею чтобы жениться на инфантѣ Португальской. Въ послѣдствіи она вышла замужъ за донъ-Педро, наслѣдника португальскаго престола, и проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, умерла, оставивъ ему троихъ дѣтей. Португальскіе историки не говорятъ, впрочемъ, ускорила или нѣтъ ревность ея кончину, хотя и извѣстно что еще при ея жизни мужъ ея вступилъ въ связь съ ея фрейлиной и подругой Инесой де-Кастро.

Эльвира. Принцъ еще почиваетъ. Никто еще не вставалъ... только ты одна страдаешь, не зная покоя.... Какое же горе терзаетъ тебя и какія видѣнія такъ тебя пугаютъ?..

Инеса. И небо и земля—все противъ Инесы! (*Встаетъ.*) Даже мертвые встаютъ изъ могилъ чтобы мучить меня. Мрачные призраки постоянно являются мнѣ! О, какъ это ужасно! Даже теперь еще, Эльвира, мнѣ кажется что я вижу эти страшныя привидѣнія.... вижу какъ они кружатся около моей постели. Мнѣ явилась Констанція.... она будто встала изъ гроба и съ гнѣвомъ подошла ко мнѣ. Демоны, изрыгнутые адомъ, при блескѣ молніи и колебаніи земли, окружили меня и угрожали пронзить меня мечами!.. Напрасно звала я на помощь моего супруга! Его имя, произнесенное мною, еще болѣе раздражаетъ Констанцію и она низвергаетъ меня въ жилище смерти. Видѣнія эти—гибельныя послѣдствія преступленія!..

Эльвира. Неужели сновидѣнія могутъ....

Инеса. Это не сновидѣнія, а угрызенія совѣсти.

Эльвира. Они не должны терзать тебя! Неужели бракъ не могъ ихъ заглушить?.. Хотя увлеченная страстью, ты отдалась еще до брака, но своимъ раскаяніемъ ты вполнѣ загладила этотъ, скорѣе другихъ извиняемый грѣхъ *.

* Инеса де-Кастро была съ донъ-Педро тайно обвѣнчана Жилемъ, епископомъ гардскимъ, въ присутствіи Эстевана Лобато, кастеллана принца. Донъ-Педро, впрочемъ, при жизни Альфонса отрицалъ этотъ бракъ, хотя его отецъ и говорилъ ему что въ случаѣ если церковь подтвердитъ этотъ бракъ, то и онъ его признаетъ и предоставитъ Инесѣ пользоваться всѣми почестями соединенными съ саномъ принцессы. Донъ-Педро боялся что Альфонсъ обѣщаетъ это только изъ хитрости, чтобъ удостовѣриться въ существованіи этого брака и потомъ расторгнуть его подъ предлогомъ незаконности происхожденія Инесы, которая была дочь донъ-Педро Фернандеза де-Кастро и доны Беренгуэллы Лоренцо, на которой этотъ вельможа не былъ женатъ, хотя она и была знатнаго рода. По словамъ историка Фаріи, донъ-Фернандезъ былъ родня принцу, женившемуся на его дочери, такъ какъ донъ-Фернандо Роизъ де-Кастро, его отецъ, былъ женатъ на донѣ Віолантѣ Санхезъ, незаконной дочери Кастильскаго короля донъ-Санхо Храбраго, брата Португальской королевы Беатрисы. Донъ-Фернандезъ былъ также законнымъ отцомъ Іоанны де-Кастро, которая, оставшись вдовой послѣ донъ-Діего, сеньора бискайскаго,

Инеса. Я не могу допустить мысли что загладила мои грѣхи. Брачныя узы узаконили мою любовь, но все-таки ея началомъ было преступленіе.... Да, любовь наша причинила столько горя Констанціи, первой супругѣ донъ-Педро, что свела ее въ могилу. Да, еслибы не было меня, несчастная Констанція, любимая своимъ супругомъ, можетъ-быть была бы жива и теперь. Я виновна во всѣхъ ея несчастіяхъ! Я измѣнила ея дружбѣ и была къ ней неблагодарна, ставъ ея соперницей! Боже, я погубила ее! Невольное, но все-таки ужасное преступленіе!.. Да, Констанція, твой гнѣвъ справедливъ; казни меня!.. Но что я говорю?.. Нѣтъ... пощади меня... Что будетъ съ принцемъ?... Пожалѣй его! Вѣдь онъ все равно не разлюбитъ меня... Если ты и тамъ, за гробомъ, любишь его, ты поймешь меня и простишь. Тебѣ ли не знать что противиться любви донъ-Педро выше человѣческихъ силъ! Если ты, не бывъ имъ любима, такъ обожала его, могла ли я не любить его, зная что онъ меня любитъ?... Видитъ Богъ, какъ долго я боролась съ моимъ сердцемъ: ни религія, ни разсудокъ не помогли мнѣ... Разсудокъ молчитъ, когда говоритъ сердце!.. Побороть страсть, подобную моей!.. Нѣтъ, нѣтъ, это выше человѣческихъ силъ... Но что я говорю, несчастная?.. Я богохульствую!.. Прости меня.

Эльвира. Господь милосердъ, Онъ проститъ тебя.... Успокойся....

Инеса. Смерть скоро прекратитъ мои страданія.

Эльвира. Ты желаешь смерти.... но развѣ ты забыла что твоя жизнь принадлежитъ твоему супругу?... Какъ бы страшно онъ былъ огорченъ, еслибъ увидалъ тебя въ такомъ состояніи!... Заклинаю тебя его любовью къ тебѣ, успокойся, не предавайся воображаемому горю.... постарайся отогнать всѣ печальныя мысли....

вступила на кастильскій престолъ, выйдя замужъ за Петра Жестокаго. Такимъ образомъ Инеса имѣла предками принцевъ и была сестрой королевы. Мы видимъ что, несмотря на незаконное рожденіе, она носитъ имя своихъ родителей; по всей вѣроятности, отецъ призналъ ее публично. Совѣтники короля, завидуя могуществу ея братьевъ, увѣрили донъ-Альфонса что если она дѣйствительно замужемъ за донъ-Педро, то въ случаѣ его смерти, братья ея не замедлятъ убить другаго сына короля чтобы возвести на тронъ своихъ племянниковъ.

Инеса. О, еслибъ это было возможно!... Но я постараюсь скрыть отъ него мои страданія. Его покой мнѣ дороже моего. Пусть Господь меня одну покараетъ.... а онъ пусть будетъ счастливъ!.. Какъ тяжело мнѣ постоянно казаться покойною, веселою, чтобы не огорчить его!.. Иногда это просто невыносимо! Чѣмъ больше я стараюсь скрыть мое горе, тѣмъ больше оно меня мучитъ, и я чувствую что оно прекратится только вмѣстѣ съ жизнью. Воспоминаніе о прошломъ приводитъ меня въ ужасъ.... точно также страшитъ меня и мысль о будущемъ. Интриги, зависть, грозный гнѣвъ монарха, все это вмѣстѣ роетъ мнѣ могилу.... мое сердце предчувствуетъ это....

Эльвира. Оно обманываетъ тебя. Чего ты можешь страшиться, имѣя такого достойнѣйшаго супруга, наилучшаго изъ принцевъ? Онъ защититъ тебя ото всего. Чѣмъ предаваться постоянно мрачнымъ мыслямъ и припоминать пагубные сны, подумай о счастливой участи которую готовитъ тебѣ будущее: тебя ожидаетъ тронъ Португаліи, любовь и уваженіе подданныхъ, слава царствовать надъ народомъ котораго весь свѣтъ боится и почитаетъ. Все, всё, моя дорогая Инеса, обѣщаетъ тебѣ благополучіе... Ты ничего не должна бояться.

Инеса. Это воображаемое благополучіе, это обманчивое счастіе, о которыхъ ты мнѣ говоришь, именно и страшатъ меня. О, еслибы донъ-Педро не былъ наслѣдникомъ престола! Я была бы счастлива, жила бы спокойно и весело.... политика не вмѣшивалась бы въ наши сердечныя дѣла, никто бы не препятствовалъ нашему явному браку. Принадлежа другъ другу, окруженные дѣтьми, мы всецѣло предались бы нашей любви, нашему счастью. Мы бы ни разу и не вспомнили объ этихъ призракахъ величія.... но судьба не хотѣла....

Эльвира. Донъ-Санхо идетъ.

Инеса. Что̀ ему нужно? Я уважаю этого старика. Немного такихъ людей у короля.

II.

ДОНЪ-САНХО, ИНЕСА И ЭЛЬВИРА.

(Какъ только донъ Санхо входитъ, Эльвира удаляется въ глубину сцены и немного погодя уходитъ.)

Донъ-Санхо. Слава Богу что я нахожу тебя здѣсь. Я долженъ тебѣ сказать откровенно, дона Инеса, что тебѣ грозитъ опасность; но ты своимъ благоразуміемъ можешь ее отвратить. Принцъ не хочетъ больше слушать ни моихъ совѣтовъ, ни моихъ просьбъ.... его не трогаютъ даже слезы старика, для котораго его слава дороже жизни! Воспитывая его, я старался удалять отъ него лесть, этотъ опасный придворный ядъ, губящій принцевъ, я старался показать ему истину во всей ея наготѣ. Горячій, вспыльчивый, воспламененный теперь еще любовью, онъ противится даже родительской волѣ... Ты должна его образумить. Ты знаешь раздражительный характеръ непреклоннаго Альфонса. Три раза уже онъ давалъ своему сыну приказаніе явиться ко двору, но донъ-Педро не послушался. Я страшусь гнѣва нашего строгаго короля. Слушая наговоры своихъ злыхъ совѣтниковъ и видя сопротивленіе сына, онъ можетъ забыть что онъ отецъ. Постарайся, дона Инеса, предотвратить пагубныя послѣдствія которыя могутъ произойти отъ упрямства принца. Для его же пользы постарайся убѣдить его немедленно исполнить свой долгъ. Я знаю, ты имѣешь на него большое вліяніе, и надѣюсь на твое благоразуміе.

Инеса. Я уважаю твою искренность и честность и хвалю твое усердіе. Ты не ошибся, предполагая найти во мнѣ готовность предпринять все, хотя бы даже съ опасностію моей жизни, чтобы только заставить донъ-Педро исполнить свой долгъ. И прежде я пыталась для этого сдѣлать все что могла, не разъ я умоляла его ѣхать ко двору, броситься къ ногамъ отца; но моихъ просьбъ онъ не слушаетъ, ты знаешь его характеръ. Впрочемъ, донъ-Санхо, я обѣщаю тебѣ сдѣлать все что могу, хотя врозь съ нимъ мнѣ будетъ тяжело. Беззащитная отъ враговъ, я можетъ-быть сдѣлаюсь жертвой политическихъ интригъ; но я предпочитаю лучше умереть, чѣмъ быть причиной того что принцъ не исполнитъ сыновняго долга.

Донъ-Санхо. Съ такими благородными чувствами, тебѣ легче будетъ перенесть опасность. Противъ тебя много интригъ, зависти, но все это нужно устранить... да...

Инеса. Вотъ донъ-Педро.

Донъ-Санхо. Помоги тебѣ Господь убѣдить его! Я васъ оставляю. (*Уходитъ.*)

III.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА.

Донъ-Педро. Какъ долго длится время, когда я не съ тобой, Инеса! Я только и покоенъ и счастливъ подлѣ тебя; только и существую, когда вижу тебя.

Инеса. Я знаю какъ ты меня любишь, мой дорогой. Я не могу безъ слезъ видѣть твоей нѣжной привязанности ко мнѣ; но сегодня не будемъ говорить о любви; нужно подумать о болѣе священныхъ обязанностяхъ. Милый мой, я хочу просить у тебя одной милости, ты мнѣ не откажешь?..

Донъ-Педро. Что̀ ты говоришь, Инеса! Я весь въ твоей власти... Можешь ли ты сомнѣваться что я исполню твою просьбу?

Инеса. Хорошо, слушай же меня, не откажи моей мольбѣ. Я также какъ и ты покойна и счастлива только тогда когда мы вмѣстѣ. Но судьбѣ угодно и долгъ велитъ чтобы ты оставилъ меня на нѣкоторое время.

Донъ-Педро. Тебя оставить? Боже мой! Что̀ ты говоришь?.. Тебя оставить?.. И это говоришь ты, ты, Инеса?

Инеса. Да, это я говорю, я, твоя Инеса, для которой твоя слава выше всего. Я не могу допустить чтобы твоя любовь была причиной нарушенія твоихъ обязанностей. Ты знаешь, я никогда не умѣла и не желала хитрить. Я отдалась твоей любви потому что любила тебя, потому что ты честенъ и благороденъ, и я желаю чтобы ты и остался такимъ. Я не хочу чтобъ изъ любви ко мнѣ ты забылъ свой долгъ. Я этого не перенесла бы. Милый мой, заклинаю тебя этою самою любовью, поѣзжай сейчасъ же къ отцу. Повиновеніе родителямъ—самый "священный законъ природы," ты долженъ ему подчиниться, поѣзжай...

Донъ-Педро. Довольно... я самъ знаю мои обязанности и исполняю ихъ. Я знаю что слѣдуетъ повиноваться роди-

телямъ; но знаю также и то что власть родителей должна имѣть предѣлы. Я хорошо обдумалъ, какъ надо мнѣ поступить. Ты не знаешь причины которая заставляетъ меня не повиноваться приказаніямъ короля. Отцу я повиновался бы; тирану—не хочу.

Инеса. Остановись... онъ твой отецъ! Какъ бы жестокъ онъ ни былъ съ тобой, ты долженъ уважать его и повиноваться ему.

Донъ-Педро. Если онъ хочетъ чтобъ я уважалъ его и повиновался ему, пусть по-человѣчески поступаетъ со мной.

Инеса. Не обѣщалъ ли ты мнѣ сдѣлать все что̀ я попрошу?

Донъ-Педро. Но этого я не могу; еслибы ты знала причину отчего я не повинуюсь отцу...

Инеса. Никакой не можетъ быть причины.

Донъ-Педро (*съ негодованіемъ, не обращая вниманія на Инесу*). Тираны... смотрятъ на насъ какъ на́ невольниковъ!.. Даютъ намъ жизнь чтобы мучить насъ!..

Инеса. Ты меня пугаешь!

Донъ-Педро. Узнай же все. Альфонсъ и король Кастильскій заключили новый договоръ, по которому они рѣшили безъ моего согласія что я долженъ жениться на Беатрисѣ; для этого меня и требуютъ ко двору. Альфонсу нѣкогда силой удалось заставить меня жениться на Констанціи. Но я самъ тогда былъ виноватъ: не слѣдовало повиноваться. Теперь, хотя бы даже мы и не были соединены священными узами, я не покорюсь. Я знаю его гордый характеръ. Онъ захочетъ во что̀ бы то ни стало чтобъ я исполнилъ данное имъ слово. Не слѣдовало бы пока объявлять о нашемъ бракѣ, а между тѣмъ какое бы другое оправданіе ни найти, все ни къ чему не поведетъ. Посуди сама, могу ли я ѣхать? Можетъ случиться что я выйду изъ себя до того что нарушу должное уваженіе... Но ты плачешь?.. Ты боишься?..

Инеса. Я вижу что мнѣ грозитъ опасность, чувствую что близка моя погибель; но за себя я ничего не боюсь, я боюсь за тебя, меня пугаетъ и мучитъ то что я стала причиной раздора между отцомъ, сыномъ и цѣлымъ государствомъ. Ужасное положеніе! Лучше бы не существовало нашего брака! Ты могъ бы свободно повиноваться отцу и сдѣлать счастливыми двѣ націи, женясь на Беатрисѣ! Но нѣтъ, что̀ я сказала? Мой мужъ въ объятіяхъ другой! О, нѣтъ... ни за что̀... лучше смерть!...

Донъ-Педро. Мое сердце всегда будетъ принадлежать тебѣ одной... никакихъ обрядовъ, никакихъ клятвъ не нужно. Когда любить, любовь сильнѣе клятвъ... И безъ церковнаго обряда я любилъ бы тебя вѣчно, и никакія человѣческія силы не могли бы насъ разлучить.

Инеса. Но можетъ-быть политика потребуетъ чтобы мы разошлись!

Донъ-Педро. Политическія сѣти я разсѣку мечомъ.

Инеса. Твоя рука не должна вооружаться иначе какъ для предпріятій достойныхъ твоего имени. При нашихъ трудныхъ обстоятельствахъ, кротость болѣе умѣстна чѣмъ гнѣвъ, и несмотря на высказанныя тобою причины, я полагаю что тебѣ все-таки слѣдуетъ отправиться ко двору. Если ты не поспѣшишь остановить начатые переговоры о свадьбѣ инфанты Кастильской, твой отецъ въ надеждѣ на твое согласіе зайдетъ такъ далеко что ему невозможно будетъ...

Донъ-Педро. Я ужь ему далъ понять что эта свадьба невозможна; но причины не сказалъ.

Инеса. Не лучше ли было бы...

IV.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро! Спѣши на встрѣчу отцу.

Инеса. О, Боже мой!

Донъ-Педро. Что ты говоришь?

Донъ-Санхо. Альфонсъ приближается къ Коимбрѣ... поспѣши скорѣе *.

Инеса (*сама съ собой*). Моя погибель неизбѣжна.

Донъ-Педро (*задумчивый и удивленный*). Мой отецъ! Боже мой, мой отецъ!...

Донъ-Санхо. Ему сопутствуютъ злые совѣтники Коэльо и Пачеко. Весь дворъ въ волненіи отъ этой неожиданной поѣздки. Мендоса прискакалъ сказать тебѣ эту новость... онъ говоритъ что народъ ропщетъ на то что ты отказываешься отъ брака съ Беатрисой.

Донъ-Педро. Пусть ропщетъ народъ, пусть сопутствуе-

* По исторіи Альфонсъ для своего пріѣзда въ Коимбру (въ 1355) воспользовался временемъ когда его сынъ уѣхалъ на охоту.

мый местью и злобой явится тотъ кому къ несчастью обязанъ я существованіемъ. Если онъ желаетъ быть тираномъ, онъ найдетъ въ своемъ сынѣ врага, способнаго на ужасные поступки!... Въ такомъ случаѣ преступленіе не преступленіе, оно становится необходимымъ долгомъ честнаго человѣка. Я не пойду къ нему на встрѣчу.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро, что̀ ты дѣлаешь?

Донъ-Педро. То что̀ хочу.

Инеса. О, донъ-Педро, не говори такихъ страшныхъ словъ! Со слезами умоляю тебя, спѣши на встрѣчу къ отцу, не огорчай меня, не мучь меня!

Донъ-Педро (*на нѣкоторое время задумывается, потомъ говоритъ рѣшительнымъ тономъ*). Хорошо, я дѣлаю это для тебя, я иду. Но я открою ему нашу тайну; я хочу чтобъ Альфонсъ, вступая на этотъ порогъ, зналъ что въ Инесѣ де-Кастро онъ долженъ уважать принцессу. (*Хочетъ идти, донъ-Санхо его удерживаетъ.*)

Донъ-Санхо. Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь. Обдумай прежде, выжди благопріятнаго случая для открытія такой важной тайны. Не раздражай Альфонса; ты знаешь на что̀ онъ способенъ въ порывѣ гнѣва.

Донъ-Педро. Что̀ онъ можетъ сдѣлать? Ничего. Онъ самъ долженъ бояться меня; за малѣйшую обиду Инесѣ я отомщу страшно!

Инеса. Сердце мнѣ правду предвѣщало... Моя погибель близка, мой мужъ самъ толкаетъ меня въ могилу. Ни гнѣвъ короля, ни злоба враговъ, ни ропотъ народа, ничто не страшно мнѣ; но всего я боюсь за тебя. Припомни, донъ-Педро, что прежде чѣмъ вести меня къ алтарю ты поклялся мнѣ хранить всегда должное уваженіе къ твоему монарху и не нарушать мира въ государствѣ, иначе я не согласилась бы сдѣлаться твоею женой. Теперь наступило то что̀ я предвидѣла, ты обязанъ сдержать свою клятву. О, дорогой мой, постарайся удержать свои порывы, поспѣши броситься къ ногамъ великаго Альфонса съ покорностью, цѣлуй руки твоего августѣйшаго отца, облей ихъ слезами!... Не забывай что въ порывѣ гнѣва ты можешь погубить и себя, и меня; только кротостью и послушаніемъ ты можешь насъ спасти.

Донъ-Педро. Изъ любви къ тебѣ я на все готовъ; буду почтителенъ, даже нѣженъ, если онъ тоже обойдется со мною съ любовью; не бойся ничего, принцесса. Прощай. Клянусь

Богомъ и тобой, если вся вселенная будетъ противъ меня, Инеса де-Кастро будетъ королевой Португаліи! (*Уходитъ.*)

Инеса. Не оставляй его, донъ-Санхо, пусть твои совѣты умѣрятъ его порывы.

Донъ-Санхо. Господи, дай силу моимъ словамъ, смилуйся надъ Португаліей! (*Уходитъ.*)

V.

Инеса (*одна, смотритъ по направленію куда ушелъ донъ-Педро*). Несчастная! Какъ мнѣ страшно! Милый мой, дорогой мой, увижу ли я тебя снова? Господи, вручаю Твоей святой волѣ себя и моихъ дѣтей; пойду къ нимъ: я ихъ еще сегодня не цѣловала.

АКТЪ II.

I.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ И ДОНЪ-ПЕДРО.

Донъ-Альфонсъ. Довольно, довольно, принцъ. Мы сумѣемъ отличить пустыя причины отъ важныхъ; ты не хотѣлъ пріѣхать — я пріѣхалъ самъ; я забуду, прощу твои проступки, ты исправишь ихъ послушаніемъ. Для блага страны и твоего счастія необходимо чтобы состоялся этотъ бракъ, такъ благоразумно мною устроенный. Ты съ удовольствіемъ увидишь, когда вмѣстѣ со мной явишься въ Лисабонъ, какъ радуется народъ этому союзу; готовятъ такія пышныя празднества какихъ никогда не бывало. Какъ отрадно монархамъ доставлять радость своимъ подданнымъ! Не правда ли? Какъ пріятно слышать ихъ мольбы къ Богу о сохраненіи королевскаго дома который даетъ имъ миръ, счастіе и славу! Какое удовольствіе слышать какъ народъ хвалитъ наши дѣйствія, благословляетъ наше правленіе и охотно подчиняется ему! Этого не могутъ достигнуть дурные короли. Я благодарю Бога за то что Португальцы довольны мной и ничего болѣе не желаю, какъ только оставить имъ въ моемъ сынѣ другаго самого себя, чтобъ онъ

былъ всегда любимъ ими и любилъ ихъ. Положи теперь начало ихъ счастью этимъ бракомъ. Да, сегодня же ты долженъ ѣхать со мной ко двору, для того чтобы немедленно по пріѣздѣ инфанты Кастильской отпраздновать свадьбу.

Донъ-Педро. Какое несчастье для меня что лучшій монархъ во вселенной вмѣстѣ съ тѣмъ и не самый нѣжный отецъ! Неусыпно стараясь о благѣ своихъ подданныхъ, онъ хочетъ сдѣлать несчастнымъ своего сына! Государь, ты рѣшилъ этотъ бракъ, не спросивъ даже меня, желаю ли я, могу ли соединить свою судьбу съ той которую ты мнѣ назначаешь! Ты находишь что мое согласіе тутъ не нужно? Развѣ я самъ не въ правѣ избрать себѣ жену, которую обязанъ любить?.. О, государь, не дѣлай такого насилія!

Донъ-Альфонсъ. Замолчи, безразсудный; мнѣ стыдно слушать тебя. Я очень хорошо знаю причину почему ты это говоришь! Какія недостойныя чувства для будущаго монарха! Какъ будешь ты управлять государствомъ, когда ты не можешь побороть собственныхъ страстей? Какъ ты заставишь повиноваться себѣ, когда ты самъ не повинуешься своему королю? Какъ тяжело будетъ Португальцамъ видѣть на тронѣ, гдѣ возсѣдало столько героевъ, женоподобнаго, порабощеннаго страстами короля, неспособнаго держать могущественнѣйшій скипетръ!..

Донъ-Педро. Но способнаго ихъ защищать, когда нужно. Я согласенъ, я слишкомъ чувствителенъ; но я ненавижу слабость и трусость, ты это хорошо знаешь. На полѣ битвы я сумѣю показать на дѣлѣ что я твой сынъ. Чтобы быть хорошимъ королемъ, прости меня, государь, я не вижу необходимости быть жестокимъ. Напротивъ, я убѣжденъ что безчувственный король не долженъ управлять людьми. Кому недоступны любовь и состраданіе, тотъ не можетъ сочувствовать горю ближняго, трогаться чужими слезами...

Донъ-Альфонсъ. Твой умъ помутился, слѣпецъ! Короли должны быть чужды страстей. Общественная нравственность зависитъ отъ ихъ поведенія. Если они подаютъ дурные примѣры своимъ поведеніемъ, то пороки ихъ подданныхъ ихъ пороки! Они должны жертвовать своими желаніями, должны быть жестоки къ самимъ себѣ для блага народовъ которыхъ вручило имъ Небо. Тѣ которые готовятся давать законы другимъ должны быть способны на эти благородныя жертвы. Бракъ принца—это дѣло государственнаго интереса, который

и долженъ руководить и располагать нами. Предоставимъ простымъ людямъ заботиться о томъ чтобы любовь скрѣпляла брачныя узы: счастье любви не должно много значить для государя; эти мелочи не для насъ!

Донъ-Педро. Если необходимо тѣмъ которые должны царствовать отказаться отъ правъ и премуществъ предоставленныхъ природой всѣмъ людямъ, за такую цѣну, государь, я не хочу трона! Заключеніе союза отвергаемаго сердцемъ,—это источникъ золъ и преступленій. Я это хорошо испыталъ. Я такъ долго несъ тяжелыя цѣпи наложенныя на меня твоею рукой..... И снова наложить на себя такія же цѣпи.... О, нѣтъ, государь, нѣтъ.... я этого не могу!

Донъ-Альфонсъ. Дерзкій, неблагодарный, ты не хочешь уступить просьбѣ добраго отца, покорись же волѣ справедливаго и строгаго монарха! Я далъ слово, ты долженъ его исполнить. Договоры королей неотмѣнимы; ты напрасно противишься моей волѣ.

Донъ-Педро. Но, отецъ, подумай....

Донъ-Альфонсъ. Я рѣшилъ. Если мой договоръ не будетъ исполненъ, у насъ возгорится страшная война. Неужели же ты захочешь видѣть Португалію плавающею въ крови? Вся Европа будетъ противъ насъ, чтобъ отмстить за нанесенную Кастиліи обиду.

Донъ-Педро. Чего ты боишься? Португалія, какъ и всегда, останется побѣдительницей. И развѣ Испанія посмѣетъ идти противъ насъ? Король Испанскій не тебѣ ли всѣмъ обязанъ? Давно ли, видя свое шаткое положеніе на тронѣ и окруженный непріятелемъ, онъ присылалъ къ тебѣ свою супругу, дочь твою, умолять помочь ему? Забылъ онъ, какъ ты, сжалясь надъ слезами дочери, самъ лично повелъ войско на помощь ему? Неужели онъ пойдетъ противъ того кто помогъ ему отразить непріятеля, кто сумѣлъ укрѣпить корону на его головѣ.... и кто всегда, когда захочетъ, можетъ его уничтожить?... * Нѣтъ, кто видѣлъ Португальцевъ предводимыхъ

---

* Инфанта Португальская дона Марія имѣла много причинъ жаловаться на своего мужа, который открыто жилъ съ Леонорой де-Гусманъ, и обращался съ женой крайне пренебрежительно; но несмотря на это, она не колеблясь отправилась просить помощи своего отца противъ Галибоасема, который, соединясь съ Гренадскимъ калифомъ, сдѣлалъ набѣгъ на Кастилію. Альфонсъ,

тобою въ бою на берегахъ Саладо, тотъ не посмѣетъ идти противъ нихъ А еслибъ онъ и былъ такъ безуменъ, то дорого бы пришлось ему поплатиться. Я бы даже желалъ войны: тогда я могъ бы доказать что сумѣю подражать тебѣ, когда нужно, прибавя новые лавры къ твоей коронѣ.

хотя и раздраженный противъ своего зятя, не отказалъ ему въ помощи, благодаря слезамъ несчастной дочери, красота и добродѣтель которой были всѣми признаваемы, кромѣ ея супруга, недостойнаго обладать ею. Альфонсъ отправился въ Севилью, куда собрались всѣ владѣтели Испаніи и были заняты рѣшеніемъ вопроса, нужно ли давать сраженіе Маврамъ. Португальскій монархъ возбудилъ въ нихъ мужество, и наступательное движеніе было рѣшено. Въ воскресенье 27 октября 1340 показались безчисленныя непріятельскія полчища въ Пена-де-Куэрво близь рѣки Саладо. Въ понедѣльникъ, 28 октября, съ восходомъ солнца, послѣ обѣдни, отслуженной архіепископомъ Толедскимъ, были двинуты войска; но во время атаки густой туманъ поднялся надъ христіанскимъ лагеремъ, такъ что съ трудомъ можно было различить другъ друга на небольшомъ разстояніи. Страхъ овладѣлъ войсками, но Альфонсъ, котораго никогда не оставляло присутствіе духа, сказалъ имъ чтобъ они не пугались, такъ какъ этотъ туманъ не что иное какъ манна, ниспосланная Небомъ своему народу, чтобы поддержать его мужество въ борьбѣ противъ невѣрныхъ. Потомъ Альфонсъ запѣлъ псаломъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его*, и сраженіе началось. Битва была ужасная; Португальскій монархъ оказывалъ чудеса храбрости. Тѣ изъ непріятелей которые не были изрублены бѣжали до самой Альгезиры и потеряли больше людей въ бѣгствѣ чѣмъ въ самомъ пылу сраженія. Кастильскій король велъ себя также очень храбро и разбилъ Галибоасема. Новая Кассандра, султанша Фатима, предсказала несчастье долженствовавшее случиться, но не могла заставить послушаться ея совѣтовъ; она попала въ руки христіанскихъ солдатъ, которые и умертвили ее, къ большому сожалѣнію королей-побѣдителей. Добыча была огромная; Фарія утверждаетъ что число убитыхъ съ непріятельской стороны доходитъ до 450.000, тогда какъ число убитыхъ христіанъ было незначительно до невѣроятности. Суевѣріе не преминуло увидѣть въ этой достопамятной побѣдѣ чудо; Фарія наивно утверждаетъ что побѣжденные сами говорили, какъ они видѣли гигантовъ въ блистающемъ вооруженіи сражавшихся въ рядахъ христіанъ. Король Кастильскій предложилъ Альфонсу взять бо́льшую часть богатствъ добытыхъ благодаря его мужеству; но Португальскій король удовольствовался взять себѣ только принца плѣненнаго въ сраженіи, немного оружія и пять знаменъ, отнятыхъ имъ самимъ у непріятеля. Ихъ долгое время можно было видѣть въ Лисабонскомъ соборѣ.

Донъ-Альфонсъ. Какое безумie! Мнѣ стыдно за тебя!... О, несчастные мои подданные, дорогія дѣти, какого монарха оставлю я вамъ! Ты желаешь войны, этого бича который безчеститъ и опустошаетъ человѣчество! Какое дѣло подданнымъ до капризовъ королей? Послушай совѣта отца.... хотя я и сильно раздраженъ противъ тебя, но моя обязанность стараться исправить тебя. Мой долгъ дать тебѣ хорошій совѣтъ, научить тебя.... можетъ-быть уже скоро тебѣ придется замѣнить меня; не забывай моихъ правилъ, береги кровь подданныхъ, цѣни ихъ жизнь какъ свою собственную; бойся войны: она всегда пагубна даже и для побѣдителя. Добрые монархи плачутъ и среди побѣдъ. Въ томъ знаменитомъ бою, гдѣ, по твоему мнѣнію, я пожалъ столько лавровъ, когда берега Саладо усѣяны были горами непріятельскихъ труповъ, у меня пало только тридцать человѣкъ, и я находилъ что это слишкомъ много. Я выплакалъ больше слезъ чѣмъ мои солдаты пролили крови. Короли должны быть отцами своихъ подданныхъ; ихъ благо для королей должно быть дороже всего. Бракъ который я тебѣ повелѣваю необходимъ для ихъ блага. Вотъ почему я не могу уважить твоей просьбы. Повторяю, ты долженъ сдержать слово данное мною. Альфонсъ твой король, онъ тебѣ повелѣваетъ, этого довольно. Помни же. Сегодня ты поѣдешь со мной. Иди, приготовься.

Донъ-Педро. Я поѣду съ тобой, но жениться я не могу. Я желалъ бы повиноваться тебѣ; но это невозможно.... я не скажу тебѣ ничего болѣе... я уже достаточно сказалъ. (*Уходитъ.*)

II.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ (*одинъ*).

Возможно ли?.. Мой сынъ упорствуетъ?.. Какое ослѣпленіе, какая дерзость!.. Необходимо всѣми силами уничтожить въ немъ эту пагубную страсть которая его увлекаетъ.... но какимъ образомъ?.. Надо подумать.... Необходимо чтобы мой договоръ состоялся. Неблагодарный сынъ, вмѣсто нѣжнаго отца, ты теперь увидишь во мнѣ строгаго короля! (*Зоветъ.*) Донъ-Нуньо!

III.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-НУНЬО *(изъ глубины сцены).*

Донъ-Нуньо. Чтò прикажешь, государь?

Донъ-Альфонсъ. Позови совѣтниковъ.... Но подожди, сюда идетъ Пачеко....

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-ПАЧЕКО, ДОНЪ-НУНЬО.

(Донъ-Альфонсъ идетъ на встрѣчу Пачеко, донъ-Нуньо удаляется въ глубину сцены.)

Донъ-Альфонсъ. Кто бы могъ сказать это, мой другъ? Мнѣ стыдно даже подумать.... Ни гнѣвъ монарха и отца, ни убѣжденія, ни угрозы, ничто не подѣйствовало! Непокорный, онъ смѣетъ отказываться отъ этого брака, смѣетъ не повиноваться мнѣ; но клянусь Богомъ, я заставлю его повиноваться! Пріищемъ подѣйствительнѣе средство побѣдить его упрямство. Если необходимо, я употреблю самыя сильныя мѣры.

Пачеко. Государь, для вѣрнаго, но добраго подданнаго очень тяжела необходимость умолять короля потушить жалость и употребить наказаніе; но интересъ страны, а главное слава трона требуютъ этого.... Я неоднократно доказалъ мою неизмѣнную преданность королю и государству. Я не могу, потому только что это касается твоего сына, извинить пагубную страсть принца, причину его упрямства; я выскажу откровенно мои чувства. Опасеніе подвергнуться немилости принца, котораго я люблю и уважаю, не заставитъ меня молчать. Если ты хочешь чтобы твой сынъ повиновался тебѣ, прерви недостойную цѣль оковавшую его сердце и не допускающую его исполнять свой долгъ. Устрани, накажи ту которая поработила его разумъ. Иначе никакія средства не помогутъ.

Донъ-Альфонсъ. Пусть же будетъ наказана, да, пусть будетъ наказана эта женщина, причинившая столько зла! Она осмѣлилась похитить уваженіе ко мнѣ сына. Преступленіе ея.... Но, можетъ-быть мой сынъ болѣе виновенъ.

чѣмъ она?.. Не буду ли я пристрастенъ, осудивъ Инесу, не наказавъ также и того кто долженъ быть вдвое болѣе наказанъ?

Пачеко. Принцъ—твой сынъ, и этого достаточно чтобъ онъ былъ оправданъ. Положеніе Инесы совсѣмъ другое.

Донъ-Альфонсъ. Слѣдуетъ наказать преступленіе, не разбирая званія, или положенія преступника. Прежде всего я долженъ ее видѣть. Донъ-Нуньо, позови Инесу! (*Донъ-Нуньо уходитъ.*) Я желаю слышать ее, узнать ея мысли, и потомъ мы увидимъ, достойна ли она наказанія.

Пачеко. О, государь! Она своими хитрыми рѣчами, своимъ притворнымъ горемъ сумѣетъ разжалобить тебя и заставить забыть правосудіе. Кто могъ такъ очаровать сына, тотъ можетъ ослѣпить и отца. Любовь поселяетъ лживое искусство въ сердца женщинъ, когда онѣ объяты преступнымъ пламенемъ; не слова отъ души, отъ сердца прямо, произносятъ онѣ тогда, онѣ убѣждаютъ слезами. Имѣй въ виду только благо страны. Ты долженъ показать примѣръ народу, который уже началъ роптать и будетъ сильно раздраженъ, если предосудительная страсть принца навлечетъ новую войну. Кастилія не потерпитъ обиды, если, вопреки договору, Беатриса будетъ отвергнута твоимъ сыномъ, а донъ-Педро ни за что не согласится на этотъ бракъ до тѣхъ поръ, пока даже воспоминаніе объ Инесѣ не изгладится изъ его мыслей. Удали же, пока еще можешь, все зло; наказаніе иногда бываетъ спасительно.

Донъ-Альфонсъ. Ты мнѣ напомнилъ мой долгъ. Чтобы рѣшиться осудить ее, достаточно вспомнить о благѣ народа. Когда интересы государства заговорятъ въ сердцѣ монарха достойнаго трона, состраданіе, любовь, сама природа—все должно умолкнуть. Инеса должна быть удалена отъ принца, изгнана далеко и заключена въ тюрьму до тѣхъ поръ пока не совершится условленный мною бракъ; если же этого недостаточно, мы найдемъ средство болѣе строгое и болѣе дѣйствительное.

Пачеко. Этого можетъ-быть не будетъ достаточно; какъ бы далеко, какъ бы недоступно ни было то мѣсто которое ты назначишь для ея ссылки, твой сынъ вырветъ ее ото всюду. Если ты хочешь быть сострадателенъ къ ней и желаешь избавить ее отъ болѣе строгаго, но справедливаго наказанія, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, изгнать ее изъ Порту-

галіи. Тебѣ, государь, есть теперь удобный случай отправить ее къ королю Кастильскому, который въ интересахъ своей дочери помѣстить въ надежное мѣсто соперницу, осмѣлившуюся оспаривать сердце принца. Послѣдуй этому совѣту, если ты благоволишь признать его хорошимъ, хотя я и нахожу что это очень легкое наказаніе за такую большую вину.

Донъ-Альфонсъ. Я послѣдую твоему совѣту; но прежде я хочу и кротостью, и угрозами испытать сердце Инесы. Посмотрю, не могу ли заставить ее самую уничтожить зло которое она причинила. Но вотъ она идетъ.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ПАЧЕКО, ДОНЪ-НУНЬО.

(Пачеко удаляется въ глубину театра какъ только Инеса подходитъ къ королю; сопровождавшій ее донъ-Нуньо уходитъ.)

Инеса (*въ сторону*). Мнѣ дурно.. Боже мой!... (*Вслухъ.*) Великій Альфонсъ, позволь Инесѣ упасть къ твоимъ ногамъ... (*Бросается къ ногамъ короля.*)

Донъ-Альфонсъ. Встань, хитрая женщина! Вассалка виновная въ такихъ важныхъ преступленіяхъ недостойна цѣловать королевскую руку.

Инеса. Я виновна въ преступленіяхъ? Чтò такое я сдѣлала? Я не знаю чѣмъ могла оскорбить его величество вассалка всегда вѣрная и преданная королю.

Донъ-Альфонсъ (*смотритъ на нее съ гнѣвомъ*). Ты напрасно хитришь и лицемѣришь. Мнѣ все извѣстно; твое притворство только больше раздражаетъ меня. Осмѣлишься ли ты отрицать что любишь моего сына?

Инеса. Нѣтъ, государь, я не отважусь отрицать это; да хоть бы и желала, я не могу не сознаться въ томъ чтò и глаза мои, и лицо вполнѣ высказываютъ. Да, если любить и быть любимой—преступленіе, мое сердце преступно, государь... но я не виновна.

Донъ-Альфонсъ. Чтò?... Ты сама сознаешься въ своей винѣ и говоришь что не виновна?

Инеса. Я всегда говорю правду, и ты ошибаешься обвиняя меня въ притворствѣ. Я довольно высказалась... сказала бы и болѣе еслибы мнѣ это было дозволено.

Донъ-Альфонсъ. Говори, доканчивай. Скажи, какое пагубное ослѣпленіе, какая безумная гордость внушили тебѣ эти тщеславныя, надменныя мысли! Какъ ты осмѣлилась, дерзкая, возымѣть такое вліяніе надъ сердцемъ принца? Забыла ты великое, недосягаемое разстояніе между величіемъ трона и твоимъ происхожденіемъ?

Инеса. Когда любовь господствуетъ надъ нами, разумъ молчитъ, тутъ не помнишь о разницѣ состояній; всѣ люди равны предъ любовью. Добродѣтель можетъ любить только добродѣтель, вотъ почему я и люблю твоего сына.

Донъ-Альфонсъ. Ты смѣешь говорить о добродѣтели? Не оскверняй этого святаго слова. Скажи лучше что тобой руководила безумная надежда царствовать. Ты можетъ-быть съ нетерпѣніемъ ждешь моей смерти чтобы поскорѣе надѣть корону на свою недостойную голову?

Инеса. Какая несправедливость!.. Ты не понимаешь безкорыстія любви. Кто любитъ, тотъ желаетъ только быть любимымъ. Какая корона можетъ сравниться съ такимъ сердцемъ какъ сердце донъ-Педро? Цѣлый міръ не стоитъ его! Кому донъ-Педро отдалъ свою любовь, тому больше ничего не нужно. Я не только не желаю трона, я ненавижу его. Для меня онъ только ненавистная преграда къ нашему соединенію... Я знаю что я несчастна и всегда буду несчастна.

Донъ-Альфонсъ. Ты можешь еще избѣгнуть бо́льшаго несчастія: чистосердечное раскаяніе смываетъ вину. Инеса, ты сама должна сознаться что поступала преступно. Связь эта не должна продолжаться; постарайся исправить сдѣланное тобою зло. Постарайся вполнѣ заслужить прощеніе. Покажи принцу его заблужденія, убѣди его согласиться на предлагаемый ему бракъ. Бракъ этотъ необходимъ. Не возмущай общественнаго спокойствія... не раздражай меня продолженіемъ этой преступной страсти. Бойся ужасной кары, если ты не разорвешь презрѣнныхъ узъ которыми ты опутала сердце принца.

Инеса. Ты многаго отъ меня требуешь... Ахъ, еслибъ я могла разорвать цѣпь связывающую насъ, вѣрь мнѣ, я бы сдѣлала это; но какъ могу я вдругъ, въ одну минуту вырвать изъ груди твоего сына любовь ко мнѣ и бросить его въ объятія другой! Еслибъ онъ былъ такъ вѣтренъ и непостояненъ, меня не упрекали бы такъ строго за то что я люблю

его. Но я забываюсь... Прости, прости мнѣ, государь, можетъ-быть время заглушитъ... Сама не знаю что̀ говорю....

Донъ-Альфонсъ. Довольно! Я разгадалъ тебя, надменная женщина: ты смѣешь хвастаться своимъ гнуснымъ беззаконіемъ! Какого наказанія достаточно будетъ для твоего преступленія? Все что̀ только можетъ быть ужаснаго....

VI.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО.

Коэльо. Прибылъ кастильскій посланникъ и проситъ аудіенціи.

Донъ-Альфонсъ. Можетъ войти. (*Коэльо уходитъ.*)

VII.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ПАЧЕКО.

Донъ Альфонсъ. Удались, дерзкая, долой съ глазъ моихъ! Ты скоро узнаешь мою волю!

Инеса. Почтительно и покорно я исполню ее; но только прошу тебя: прежде чѣмъ осудить меня, разсмотри мое преступленіе безпристрастно. Если ты взвѣсишь какъ должно мои поступки, я надѣюсь, ты не признаешь меня виновною. (*Уходитъ. Донъ-Альфонсъ стоитъ задумчивый во время словъ Пачеко*).

VIII.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ПАЧЕКО.

Пачеко. Какая неслыханная надменность! Я жалѣю тебя, государь, когда ты поставленъ въ тяжелую необходимость не слушать своего сострадательнаго сердца, когда ты принужденъ строго наказывать чтобъ избѣжать ужасныхъ послѣдствій.

IX.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО, ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ. Тебя привѣтствуетъ дочь моего короля. Она уже вступила въ предѣлы твоихъ владѣній. Но, государь, общая молва о томъ что твой сынъ, увлеченный сильною страстью, отказывается отъ брака съ Беатрисой, достигла до слуха моего короля; онъ повелѣваетъ мнѣ сказать тебѣ и увѣрить тебя что если заключенный договоръ будетъ къ стыду его нарушенъ, чему онъ впрочемъ не хочетъ и вѣрить, онъ сумѣетъ всею своею властью достойно поддержать честь дочери и трона.

Донъ-Альфонсъ. Скажи отъ меня своему государю: для того чтобы разсѣять напрасныя опасенія, достаточно будетъ напомнить ему что короли Португаліи умѣютъ вѣрно и свято держать свое слово не изъ боязни, но по долгу и по обычаю; чтобъ успокоить его, я сегодня же изгоняю Инесу де-Кастро изъ моего государства и поручаю ее его надзору. Ты можешь увѣрить его что дочь его будетъ супругой моего сына.

Посланникъ. Ничего другого и нельзя было ожидать отъ такого мудраго короля. Я сейчасъ отправлю этотъ благопріятный отвѣтъ моему государю. (*Уходитъ.*)

X.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО.

Донъ-Альфонсъ. Пачеко, прикажи немедленно приготовить отрядъ сопровождать Инесу, а ты, Коэльо, поди вели ей приготовиться. Сегодня же Инеса отправится въ Кастилію, а мой сынъ поѣдетъ со мной ко двору.

Каэльо. Дай Богъ! Но я сомнѣваюсь, ты слишкомъ склоненъ къ милосердію, государь. Хотя изгнаніе Инесы очень малое наказаніе за ея проступки; но я боюсь чтобъ и оно не имѣло дурныхъ послѣдствій.... гораздо бы лучше было употребить мѣры крайнія, какъ средство болѣе дѣйствительное. Я знаю донъ-Педро: онъ не потерпитъ удаленія Инесы,

и я боюсь что онъ до того забудется что подниметъ руку на своего отца.

Донъ-Альфонсъ. Не произноси подобныхъ словъ. Ты несправедливъ относительно моего сына. Одно подобное предположеніе приводитъ меня въ ужасъ. Ступай и смотри чтобы мое приказаніе было скорѣе исполнено. Страшно будетъ наказанъ тотъ кто осмѣлится мнѣ противиться!.. Наказаніе его будетъ памятнымъ примѣромъ для цѣлаго свѣта!...

АКТЪ III.

I.

Инеса (*одна*). О, я несчастная! Какія ужасныя страданія!.. Жестокій приговоръ!.. Судьба противъ меня!.. Я должна навсегда покинуть мѣста дорогія моему сердцу! Легче было бы умереть чѣмъ разстаться съ супругомъ! Какъ? Развѣ я его оставлю?.. Я оставлю моего дорогаго супруга? Нѣтъ, это невозможно! Господи! Ты не допустишь этого! Развѣ Ты можешь осудить чувство любви, которое Ты Самъ же въ насъ вдохнулъ? Какое мое преступленіе что я такъ строго наказана? Если Тебѣ угодно наказать меня, порази меня лучше громомъ, сразу уничтожь меня... но разлучить меня съ тѣмъ съ кѣмъ Ты Самъ соединилъ?.. Хотя для Тебя и все возможно: но этого Ты не можешь сдѣлать... Но что̀ я говорю? Я богохульствую!.. Разсудокъ, не оставляй меня!.. Гдѣ моя вѣра, гдѣ мое мужество?.. Инеса, ты ли это? Приди въ себя! Орудіе Творца, король, велитъ тебѣ разстаться съ мужемъ... Не противься, заглуши свое горе, оставь свои сѣтованія, не прибавляй преступленія къ своему несчастію; ты должна повиноваться... Но разстаться съ нимъ... Боже мой, оставить его!.. Вотъ теперь-то я узнаю всю силу любви; она не покоряется ни разсудку, ни добродѣтели, ни даже самому небу!

II.

ИНЕСА, ЭЛЬВИРА.

Эльвира. О, моя бѣдная, насчастная Инеса! Горе душитъ меня! Если правда что тебѣ велѣно оставить Португалію, и я поѣду съ тобой. Куда бы тебя судьба ни забросила,

я всюду за тобой послѣдую... Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ тобой... Надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ этой милости.

Инеса. Не прибавляй еще больше горя къ моему несчастью. Твои слезы еще сильнѣе заставляютъ меня страдать!

Эльвира. Неужели нашлись такія безчувственныя души чтò мучатъ мою дорогую, мою милую Инесу! Но зачѣмъ отчаиваться? Донъ-Педро—твой мужъ, онъ долженъ защитить тебя противъ такого тиранства. Положись на него... Твои слезы заставятъ его...

Инеса. Чтò ты говоришь? Какую мысль подаешь мнѣ?.. Вмѣсто того чтобы поддержать меня ты хочешь поколебать во мнѣ мужество!.. Ты совѣтуешь мнѣ заставить сына возмутиться противъ отца!.. О, нѣтъ, я лучше всю жизнь буду несчастна, но никогда не буду причиной преступнаго возмущенія. Я начинаю понемногу приходить въ себя. О, Господи, подкрѣпи меня, не допусти чтобы любовь затмила во мнѣ разсудокъ. Да, пусть совершится моя роковая участь! Я должна ей покориться! Убитая горемъ, вдали отъ мужа, я буду докончивать свою несчастную жизнь... А мои милыя дѣти... О, я возьму ихъ съ собой! Они мнѣ будутъ утѣшеніемъ въ моемъ горѣ. Они постоянно будутъ со мной, своими милыми личиками будутъ напоминать мнѣ черты дорогаго отсутствующаго мужа. Они узнаютъ отъ меня... Но чтò я говорю?.. Зачѣмъ связывать участь невинныхъ дѣтей съ моею страшною судьбой, зачѣмъ отнимать у нихъ счастье? Нѣтъ, пусть они остаются у отца, онъ будетъ ихъ покровителемъ. Они будутъ напоминать ему обо мнѣ. Для меня не нужно воспоминаній о моемъ мужѣ; его черты сохранятся въ моемъ сердцѣ до конца моей жизни.

III.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ЭЛЬВИРА.

(Инеса, увидавъ донъ-Педро, поспѣшно утираетъ слезы; Эльвира удаляется въ глубину театра и потомъ уходитъ.)

Донъ-Педро. Инеса, дорогая моя Инеса! Но чтò я вижу? Напрасно ты стараешься скрыть отъ меня свои слезы, отъ любящаго сердца ничто не скроется. Какая причина?.. Но къ

чему я спрашиваю? Развѣ мнѣ неизвѣстна причина твоей грусти? Да, я самъ твой бичъ, но я также твой защитникъ и мужъ. Вотъ опять слезы!.. Боже мой! Какъ мнѣ это тяжело!..

Инеса. Другъ мой, не обращай вниманія на мои слезы, не огорчайся ими. Ты своимъ присутствіемъ еще больше причиняешь мнѣ печали. Позволь мнѣ уйти чтобъ облегчить мое сердце слезами...

Донъ-Педро. Я лучше готовъ пролить свою кровь чѣмъ видѣть твои слезы! Успокойся, не бойся ничего... все это пройдетъ. Мы преодолѣемъ всѣ препятствія. Да, дорогая моя, мы будетъ всегда вмѣстѣ, всегда счастливы!

Инеса. Всегда вмѣстѣ, говоришь ты?.. О, Боже мой!

Донъ-Педро. Кто же можетъ насъ разлучить?..

Инеса. Необходимо сказать ему... но какъ я скажу? Какой ударъ должна я ему нанести?.. Всѣмъ сердцемъ желала бы я не огорчать тебя; но не смѣю оставить тебя, не простившись съ тобою. Милый, дорогой мой, мы должны разстаться.... Обними меня....

Донъ-Педро. Что? Что такое случилось? Инеса, что ты говоришь?

Инеса. Я навсегда должна оставить тебя!

Донъ-Педро. Разстаться со мной?

Инеса. Ужасная минута! Милый принцъ, дорогой мужъ, не забывай несчастной Инесы.... Но что я говорю?.. Нѣтъ, забудь меня, если можешь, будь счастливъ, заклинаю тебя... только не оставляй нашихъ милыхъ сыновей. Люби ихъ, защищай ихъ отъ зависти и безчеловѣчія. Будь ихъ покровителемъ, обо мнѣ не думай, заботься только о нихъ. Надо покориться волѣ судьбы. Вдали отъ тебя, снѣдаемая печальными воспоминаніями, я скоро испущу мой послѣдній вздохъ.

Донъ-Педро. О, отчаяніе! Какая ужасная мысль проникаетъ въ мою душу!.. Я трепещу!... Неужели мой отецъ осмѣлился...

Инеса. Мы должны повиноваться его приказаніямъ. Я изгнана изъ Португаліи и сегодня же должна отправиться въ Испанію.

Донъ-Педро. О, бѣшенство! Возможно ли? О, тиранъ, ты не сдѣлаешь этого.... ни онъ, ни небо, ни адъ не вырвутъ тебя изъ моихъ объятій! Я сейчасъ бѣгу къ нему. Пусть онъ затрепещетъ предо мною если не отмѣнитъ своего варварскаго рѣшенія.

Инеса. Боже мой! Что ты дѣлаешь?

IV.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро! Тебя зоветъ отецъ. Приготовься ѣхать съ нимъ. Но что я вижу? Вотъ онъ самъ идетъ сюда.

Донъ-Педро. Инеса, уйди! Прошу тебя.... не бойся ничего.

Инеса. Я уйду. Помни же что ты сынъ и подданный. (*Уходитъ.*)

Донъ-Педро. Но я также и мужъ, а это важнѣе всего.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Альфонсъ. Что тебя здѣсь удерживаетъ? Ты поѣдешь сейчасъ со мной.

Донъ-Педро. Что? Нѣтъ, я не поѣду, я не оставлю ея.

Донъ-Альфонсъ. Что такое ты сказалъ?

Донъ-Педро. Я еще не все сказалъ тебѣ. Выслушай меня со вниманіемъ, государь, мнѣ необходимо объясниться съ тобой. Пора тебѣ меня узнать: вникни въ мое сердце, полное отчаянія; ты найдешь его честнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ способнымъ на преступленіе, если его будутъ тиранить. Ты знаешь что я люблю Инесу и хочешь отнять ее у меня! Какая адская злоба внушаетъ тебѣ мысль карать невинную женщину?.. Ты надѣялся что я безъ ропота покорюсь и потерплю такую величайшую несправедливость? Да я былъ бы самый презрѣнный изъ подлецовъ, еслибы допустилъ нанести ей малѣйшую обиду!

Донъ-Альфонсъ. Не продолжай дальше; замолчи, мятежникъ! Какая дерзость! Какъ ты смѣешь порицать мои приказанія?

Донъ-Педро. Я не только ихъ порицаю, но даже не покоряюсь имъ!... Мой долгъ и моя честь этого требуютъ.... я защищаю мою жену!

Донъ-Альфонсъ. Твою жену?

Донъ-Педро. Да, мою жену. Я обвѣнчанъ съ Инесой. Захочешь ли ты и теперь ее оскорблять?

Донъ-Альфонсъ. Не думай обмануть меня; напрасно ты прибѣгаешь къ такой ловкой хитрости, я тебѣ не вѣрю. Какъ? Вассалка—жена моего сына?

Донъ-Педро. Да, вассалка; но предъ нею всѣ царства міра—ничто, не сомнѣвайся въ этомъ, государь. Почему ты считаешь ее недостойною быть женой твоего сына? Я не стану говорить о томъ что въ ней течетъ царская кровь нашихъ предковъ, она одарена еще лучшими, еще болѣе высокими достоинствами. Вассалкѣ, такъ щедро одаренной отъ Бога всѣми совершенствами, не нужно быть дочерью монарха чтобы стать достойною твоего сына. Чего не достаетъ Инесѣ? Кто болѣе ея достоинъ трона? Но оставимъ ея качества,—Инеса моя жена—этого довольно. Признай ее принцессой и имѣй къ ней уваженіе котораго она достойна.

Донъ-Альфонсъ. Съ нею будетъ поступлено по ея заслугамъ, ты скоро это увидишь.

Донъ-Педро. Сообрази, что̀ ты хочешь дѣлать; ты заставишь меня рѣшиться на преступленіе, если будешь неумолимъ. Если ты поступишь со мной какъ добрый отецъ и милосердый король, ты увидишь во мнѣ и преданнаго подданнаго и почтительнаго сына; но если будешь настаивать на удаленіи моей жены, смотри на меня какъ на твоего смертельнаго врага. Въ припадкѣ гнѣва и отчаянія, я способенъ буду на ужасное преступленіе. Во избѣжаніе этого отмѣни свое рѣшеніе, исправь свою несправедливость!

Донъ-Альфонсъ. Хорошо, будь покоенъ, я замѣню свое рѣшеніе болѣе справедливымъ: кровью этой гнусной женщины я потушу въ твоемъ сердцѣ пожирающее тебя пламя.

Донъ-Педро (*въ отчаяніи*). Прежде ты убьешь меня! Прежде прольется моя кровь, а если нужно, то и твоя!

Донъ-Альфонсъ. Боже! Я дрожу отъ ужаса!

Донъ-Санхо. Донъ-Педро, опомнись! Ты смѣешь противъ отца....

Донъ-Педро. Отца? Развѣ у меня есть отецъ?... (*Къ донъ-Альфонсу съ порывомъ неистовства*). Нѣтъ, нѣтъ, тиранъ, ты больше не отецъ мнѣ и я не сынъ тебѣ.... Такой извергъ какъ ты.... Но что̀ это со мной?.. Съ кѣмъ я говорилъ? Гдѣ я? Отчего я такъ взбѣшенъ? Во мнѣ цѣлый адъ!... Кто это говоритъ?.. Это не я! Мнѣ страшно!.. Что̀ я сдѣлалъ?..

Донъ-Альфонсъ. И небо остается глухо, и громъ не разразитъ этого чудовища за его кощунство!.. Проклятіе! Мщеніе!..

Донъ-Педро. Я всего достоинъ! Небо, ужаснувшись моихъ словъ, не хочетъ поразить меня громомъ. Земля дрожитъ подо мной, хочетъ разступиться и не смѣетъ поглотить меня! Сама бездна страшится чудовища, которое произнесло столько богохульствъ!.. Ужасъ!.. Какое угрызеніе совѣсти!.. Но, государь, Богъ видитъ что мое сердце не участвовало въ невольныхъ словахъ, внушенныхъ дьяволомъ.... Никто не признаетъ меня виновнымъ.... Несчастный! Что̀ я говорю?.. Я еще ищу оправданія!.. Я самъ презираю себя; не смѣю, государь, молить о прощеніи.... нѣтъ, я его не сто̀ю. Прекрати мою тягостную жизнь. Ты въ правѣ казнить меня за то что я, въ моемъ изступленіи, попралъ уваженіе которымъ я обязанъ государю, ты долженъ показать надо мной примѣръ для всего свѣта. Пусть эти стѣны, слышавшія мои богохульства, запятнанныя моею кровью, передадутъ будущимъ вѣкамъ мой плачевный конецъ. При видѣ ихъ, будущее потомство побоится подражать мнѣ. (*Бросается къ ногамъ донъ-Альфонса.*) Я у ногъ твоихъ, вотъ моя грудь, наноси ударъ, забудь что ты былъ моимъ отцомъ.... Я виновенъ.... Помни, что ты король; казни преступленіе.... но.... пощади невинность!.. Меня ты долженъ казнить: я виноватъ; но помилуй Инесу: она невинна. Умереть мнѣ не страшно; но я не хочу чтобъ Инеса страдала.... и пока я живъ, она не будетъ страдать.... Разлучить насъ невозможно. Сама смерть не въ состояніи этого сдѣлать. (*Опомнясь.*) Видя мою любовь, прости мнѣ мой бредъ!... (*Сильно.*) Я люблю и любимъ!

Донъ-Альфонсъ. Я отъ гнѣва и презрѣнія не въ состояніи говорить. Пусть удалятъ отъ меня этого мятежника! Донъ-Санхо! Отведи его въ сосѣдній за̀мокъ и наложи на него оковы.... Я тебѣ поручаю стеречь его. Я справедливъ, хотя и неумолимъ. Государственный совѣтъ рѣшитъ какого онъ достоинъ наказанія и опредѣлитъ казнь той которая всему причиной. Трепещи, несчастный, трепещи! Можетъ-быть, этотъ страшный день будетъ долгіе годы ужасомъ Португаліи и всего свѣта!.. (*Уходитъ.*)

VI.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Педро. Можетъ-быть этотъ день будетъ ужаснѣе чѣмъ ты думаешь, если ты не отмѣнишь своего жестокаго намѣренія! Какое безчеловѣчіе! Казнить Инесу, мою жену! Какъ могу я не возмутиться, не возстать?.. Какъ избѣгнуть необходимаго преступленія, которое повелѣваетъ самъ долгъ? Я сказалъ: преступленіе? О, нѣтъ! Защищать жену не преступленіе; было бы преступленіемъ бросить ее!... Я не признаю законовъ угнетающихъ невинность!... Мы ничѣмъ не обязаны родителямъ за наше существованіе; одни ихъ попеченія, заботы и благодѣянія даютъ имъ право на наше повиновеніе, иначе мое сердце отвергаетъ ихъ права. Я раскаиваюсь только въ томъ что поддерживалъ ихъ... Ты желаешь, жестокій король, заключить меня въ цѣпи для того чтобы безпрепятствено отнять у меня мою дорогую жену! Нѣтъ, тебѣ это не удастся, нѣтъ!

Донъ-Санхо. Ты бредишь! Какія твои намѣренія? Ты хочешь противиться приказаніямъ короля? Подумай!...

VII.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО, ИНЕСА.

Инеса. Донъ-Педро, что съ тобой? Боже мой! Я вся дрожу! Твой голосъ будитъ эхо этого замка. Альфонсъ съ пылающимъ лицомъ, взбѣшенный, громко зоветъ своихъ совѣтниковъ. Вѣроятно ты своимъ непочтеніемъ къ нему усилилъ его гнѣвъ! Что ты сдѣлалъ?

Донъ-Педро. Я сдѣлалъ меньше чѣмъ можетъ-быть слѣдовало бы мнѣ сдѣлать. Не безпокойся объ этомъ; не бойся бѣшенства этого тирана. Сдѣлай то что я тебѣ скажу... приведи дѣтей; мы сію минуту ѣдемъ.

Инеса. Какъ? Куда?...

Донъ-Педро. Покинемъ этотъ замокъ, мѣсто раздора, несправедливости и беззаконія; поѣдемъ со мной, если ты не хочешь видѣть меня отцеубійцей...

Донъ-Санхо. О, Господи!

Инеса. Какое безуміе! Чтò ты хочешь дѣлать?

Донъ-Педро. Хочу защищать тебя, хочу чтобъ я спокойно могъ обладать тобой, хочу избѣгнуть преступленія. Инеса, осмѣлились грозить посягнуть на твою жизнь! Альфонсъ хотѣлъ заключить меня въ тюрьму, можетъ-быть для того чтобы во время моего заточенія приказать казнить тебя. Онъ самъ осмѣлился мнѣ сказать объ этомъ. Надо бѣжать, или вооруженною рукой не допустить такого варварства. Поскорѣе же бѣжимъ... Не мѣшкай.

Инеса. Мнѣ дурно!... Мой бѣдный другъ... Куда мы поѣдемъ?

Донъ-Педро. На край свѣта, если будетъ надо. Всегда вмѣстѣ гдѣ бы то ни было мы будемъ безопасны и счастливы. Самая бѣдная хижина, самая послѣдняя землянка будетъ для насъ пріятнѣе раззолоченнаго дворца, гдѣ обитаетъ столько зла.

Инеса. Донъ-Педро, чтò ты предлагаешь? Ахъ, у меня нѣтъ силы...

Донъ-Санхо. Ахъ, принцъ, ты бросаешься въ пропасть и меня губишь съ собой! Я долженъ отвѣчать за тебя...

Донъ-Педро. Я не стану ничего слушать. Если хочешь, можешь ѣхать съ нами... Пожалуста, поѣзжай съ нами, тебѣ нужно отдохнуть, ты слишкомъ долго находился въ зараженномъ воздухѣ, которымъ привыкъ дышать во дворцѣ. Ядовитое дыханіе предательской лести, интрига, обманъ постоянно окружаютъ тронъ короля. Поѣдемъ, удались подальше ото всѣхъ этихъ ужасовъ, насладись спокойствіемъ въ послѣдніе годы твоей жизни.

Донъ-Санхо. Я былъ бы счастливъ еслибы вчерашній день былъ послѣднимъ въ моей жизни!... Ты желалъ бы чтобъ я, смотря уже въ гробъ, сталъ измѣнникомъ моему королю? Чтобъ я содѣйствовалъ подобному безумію?... Мнѣ онъ довѣрилъ твое воспитаніе. Я сдѣлался бы сообщникомъ твоихъ преступленій, еслибы допустилъ тебя нарушить твой долгъ.

Донъ-Педро. Долгъ? Это пустая химера! Первый долгъ— это быть счастливымъ, слѣдовать внушенію своихъ чувствъ. Пойдемъ, Инеса!

Инеса. Господи, какой ужасъ! Чтò ты хочешь предпринять?... Своимъ безуміемъ ты губишь себя. Неужели ты

думалъ что я допущу тебя бросить изъ-за меня твое отечество, твой тронъ... Ахъ, что̀ скажетъ свѣтъ?

Донъ-Педро. Что̀ скажетъ свѣтъ? Онъ скажетъ что величіе трона не прельщаетъ меня. Я ничего не теряю промѣнявъ его на тебя; нѣтъ, лучше быть счастливымъ чѣмъ быть королемъ!

Инеса. Можетъ ли быть счастливъ тотъ кто попираетъ законы общества, кто презираетъ голосъ правды? Оставь твои намѣренія. Повинуйся королю. Не надѣйся чтобы я одобрила твои заблужденія и согласилась съ ними. Я и сама не поѣду, и тебя не пущу... Я не желаю отнимать сына у отца и лишать счастія Португалію, отнявъ у нея лучшаго изъ монарховъ. Если просьбы мои...

Донъ-Педро. Онѣ безполезны. Какъ, Инеса, ты отказываешься ѣхать со мной? Развѣ ты не видишь что здѣсь, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, мы окружены преступленіемъ, смертію....

Инеса. Для того-то, чтобъ избѣгнуть всего этого, я и не ѣду. Честь и слава дороже жизни; если выбирать между преступленіемъ и смертью, то я выбираю смерть... Но гдѣ ты видишь смерть? Развѣ твой отецъ присудилъ меня?... Не скрывай отъ меня ничего. Знаетъ ли онъ что мы обвѣнчаны?

Донъ-Педро. Я сказалъ ему. Но гордый, упрямый тиранъ показалъ видъ что не можетъ этому повѣрить и грозилъ мнѣ, о, ужасъ, лишить тебя жизни! И для того чтобы можно было осудить тебя по его желанію, онъ и велѣлъ меня заключить въ сосѣдній за̀мокъ. Необходимо....

Инеса. Ему повиноваться!

Донъ-Педро. Повиноваться?

Инеса. Это необходимо. Покорись волѣ короля и отца прошу тебя отправиться въ тюрьму. У тебя нѣтъ другаго средства спасти меня; да я и не желаю быть спасена другимъ средствомъ. Еще разъ увѣряю тебя, я никогда не поѣду съ тобой.

Донъ-Педро. Довольно. Ты не согласна уѣхать отсюда? Ты хочешь заставить меня пролить кровь? Ты хочешь чтобъ я сталъ отцеубійцей? Хорошо же! Я готовъ на все.... я сейчасъ же, да сейчасъ же....

Инеса. Остановите его! Жестокій! Ни мои слезы, ни мольбы не трогаютъ тебя?... Гдѣ же моя власть надъ тобой?

Донъ-Педро. Всѣ твои слезы, всѣ мольбы теперь напрасны.

Только кровью я могу заглушить мое отчаяніе. Никто, даже ты, не помѣшаетъ мнѣ нанести страшный ударъ.

Инеса. Начни же съ меня! Пусть кровь твоей жены прольется первою; а если этого будетъ недовольно, чтобъ удовлетворить твою ярость—совершай кощунство!... Какой ужасъ!... Мнѣ страшно смотрѣть на тебя. Ты ли это? Нѣтъ, нѣтъ, ты не мужъ мнѣ. Мой мужъ не можетъ быть преступнымъ; я любила честнаго человѣка; у тебя нѣтъ больше чести, и я не могу тебя любить. Прочь, кровожадное чудовище.... Но чтò я говорю?... Не вѣрь мнѣ, развѣ я могу не любить тебя? Посмотри на мои слезы.... (*Бросается къ ногамъ донъ-Педро и обнимаетъ его колѣни.*) Я у ногъ твоихъ.... умоляю тебя уступи моимъ мольбамъ....

Донъ-Педро (*тронутый хочетъ поднять Инесу*). Боже мой!... Милая, дорогая моя Инеса!

Инеса. Я не встану до тѣхъ поръ пока ты не успокоишься и не обѣщаешь мнѣ сейчасъ же исполнить волю короля. Ахъ, если ты любишь меня, ты не откажешь въ моей просьбѣ!

Донъ-Педро. Да, я не откажу тебѣ. (*Поднимая ее.*) Кто можетъ не повиноваться тебѣ? Я ѣду сейчасъ. Пусть меня заключаютъ въ тюрьму. (*Донъ-Санхо.*) Пойдемъ, мой другъ. (*Оборачиваясь къ Инесѣ съ большою нѣжностью.*) Теперь ты видишь, какую власть имѣешь ты надо мной!

Инеса. О, Боже милосердый! (*Съ сильнѣйшею нѣжностью.*) Не разрывай моего бѣднаго сердца!... (*Съ притворнымъ спокойствіемъ.*) Нужно быть разсудительнымъ.... отправляйся же....

Донъ-Педро. А ты?

Инеса. Не безпокойся, я ничего не боюсь. Господь внушитъ мнѣ средство смягчить гнѣвъ Альфонса; я пойду къ нему съ дѣтьми, брошусь къ его ногамъ. Никто, какъ бы онъ ни былъ жестокъ, не устоитъ предъ голосомъ крови. Все же у него есть сердце, онъ тронется слезами своихъ внуковъ и проститъ меня. Не бойся ничего.... Прощай, прощай.... (*Поспѣшно уходитъ.*)

Донъ-Педро. Господи, какое мученіе!... (*Уходитъ вмѣстѣ съ донъ-Санхо.*)

АКТЪ IV.

I.

КОЭЛЬО и ПАЧЕКО.

Коэльо. Наша судьба, наконецъ, рѣшится: насталъ роковой день, въ который фортуна или погубитъ насъ, или вознесетъ высоко. Надо смѣло идти на встрѣчу опасности. Или сами погибнемъ, или погубимъ Инесу де-Кастро. Мы на все рѣшились. Замышляя погибель своимъ врагамъ, могущественный любимецъ долженъ уничтожить ихъ прежде чѣмъ они его уничтожатъ; онъ долженъ предвидѣть интриги и умѣть искусно управлять ими. Лучше лишиться жизни чѣмъ впасть въ немилость. До сихъ поръ пока намъ все удавалось. Принцъ заключенъ въ тюрьму, Альфонсъ раздраженъ въ высшей степени, кажется результатъ будетъ счастливый. Предупредилъ ли ты нашихъ совѣтниковъ? Всѣ ли они подадутъ голосъ за смерть Инесы?

Пачеко. На мое предложеніе они сейчасъ же всѣ согласились. Завися вполнѣ отъ насъ, эти послушные болваны считаютъ за особенную честь служить нашей волѣ. Между ними одинъ только, равнодушный ко всѣмъ почестямъ старикъ донъ-Санхо могъ бы воспротивиться нашимъ замысламъ; но главный судья Альваро Гонзалесъ * заинтересованъ такъ же какъ и мы въ смерти Инесы; онъ взялъ на себя убѣдить донъ-Санхо въ необходимости этой смерти.

Коэльо. Теперь этого не нужно. Донъ-Санхо порученъ надзоръ надъ донъ-Педро. Поэтому донъ-Санхо не можетъ присутствовать въ совѣтѣ. Намъ остается только постараться еще больше раздражить Альфонса. Не надо терять времени... надо воспользоваться благопріятнымъ случаемъ... Пойдемъ...

Пачеко (*задумчиво*). Подожди.

Коэльо. Какъ? Ты колеблешься?

Пачеко. Признаюсь, я не совсѣмъ покоенъ... надо на все разчитывать: я боюсь что принцъ можетъ страшно отмстить намъ... Кто тогда насъ поддержитъ?

---

* Этотъ Альваро Гонзалесъ былъ верховный судья и вмѣстѣ съ другими королевскими совѣтниками содѣйствовалъ смерти Инесы.

Коэльо. Ты, стоя на краю пропасти, слишкомъ поздно сталъ бояться. Нужно или перешагнуть ее, или упасть; мы не можемъ отступить. Принцъ уже достаточно знаетъ о нашихъ намѣреніяхъ. Онъ ненавидитъ насъ. Чтò же ожидаетъ насъ, если мы теперь трусливо отступимъ отъ начатаго предпріятія? Не сами ли мы ускоримъ свою гибель и сдѣлаемъ ее болѣе жестокою? Мы строили заговоръ противъ Инесы, боясь что сестра нашихъ злѣйшихъ враговъ можетъ сдѣлаться королевой, и тогда наши заклятые враги неминуемо погубятъ насъ. Намъ остается одно средство: продолжать съ твердостью начатое. Очень можетъ-быть что принцъ со временемъ забудетъ Инесу и согласится на предлагаемый ему бракъ, а какъ только страсть пройдетъ, то и гнѣвъ не страшенъ! А можетъ случиться что обожая такъ Инесу, онъ не переживетъ ея. Горе иногда сводитъ въ могилу. Но чтò бы тамъ ни случилось, Альфонсъ долженъ насъ защитить. Если нашъ планъ и не удастся, я не буду объ этомъ жалѣть. Лучше умереть чѣмъ быть растоптаннымъ своими противниками, братьями будущей королевы *.

Пачеко. Я того же мнѣнія. Нужно отважиться нанести послѣдній ударъ. Пойду, соберу совѣтъ и получше удостовѣрюсь въ подачѣ голосовъ. А ты въ это время поди къ королю, постарайся побольше подлить масла въ огонь, а я потороплю совѣтъ поскорѣе призвать его.

Коэльо. Хорошо, не жалѣй же обѣщаній, да не забудь постоянно извинять донъ-Педро предъ королемъ, сваливая всю вину единственно на Инесу. Альфонсъ идетъ сюда; не теряй времени. (*Пачеко уходитъ. Входитъ донъ-Альфонсъ. Онъ задумчивъ.*)

II.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЭЛЬО.

Донъ-Альфонсъ. Жестокое угрызеніе совѣсти! Ужасное наказаніе за мои преступленія! Какое мученіе! Послѣдніе годы моей жизни будутъ отравлены жестокимъ горемъ! Бѣдный отецъ!.. Несчастный монархъ!..

Коэльо. Прости меня, государь, если я осмѣлюсь напомнить тебѣ что ты долженъ устранить печаль, которая тебя

* Этихъ братьевъ звали: Фернандо и Альваро.

такъ терзаетъ. Жизнь твоя, государь, принадлежитъ не одному тебѣ, но также и народу. Ты долженъ беречь ее. Я знаю, чего стоитъ королю перенести такое неуваженіе отъ сына: но принца можно извинить, принявъ во вниманіе сильную страсть которая его совершенно поработила. Невольный проступокъ....

Донъ-Альфонсъ. Я боюсь что болѣе важная причина чѣмъ эта страсть, влечетъ его къ преступленію; но меня болѣе всего огорчаетъ то что я достоинъ этого наказанія. Божіе проклятіе лежитъ на мнѣ! О, угрызенія совѣсти! Такой отецъ и долженъ былъ ожидать этого. Я былъ еще неблагодарнѣе чѣмъ онъ, я былъ еще бо́льшимъ мятежникомъ *. О ужасъ! Я осмѣлился вооружиться противъ моего отца Дениса. Я взбунтовалъ его вассаловъ, я объявилъ ему войну и тѣмъ ускорилъ его смерть. Я попралъ всѣ законы природы.

---

* Предполагаютъ что первою причиной возстанія Альфонса противъ отца было предпочтеніе которое Денисъ оказывалъ своимъ двумъ незаконнымъ сыновьямъ, Алонзо Санхезу и Хуану Алонзо. Альфонсъ соединился съ донъ-Педро, братомъ этихъ незаконныхъ сыновей, и возмутился противъ отца. Довольно странное стеченіе обстоятельствъ что въ то время какъ Португальскій принцъ возмущалъ народъ чтобы завладѣть трономъ, въ то же самое время Іаковъ Аррагонскій боролся со своимъ отцомъ чтобы тотъ дозволилъ не наслѣдовать ему послѣ его смерти. „Оба, говоритъ Фаріа, совершали преступленіе, только по различнымъ причинамъ. Принцъ Португальскій хотѣлъ преступно наслѣдовать своему отцу; принцъ же Аррагонскій хотѣлъ заставить отца лишить его наслѣдства, потому что сдѣлавшись королемъ, онъ не могъ уже вести ту порочную жизнь которую велъ.“ Самые ужасные способы употребляль Альфонсъ чтобы достигнуть своей цѣли. Папа Іоаннъ XXII хотѣлъ употребить противъ него свою архипастырскую власть, но все было напрасно; король Денисъ выказалъ столько же кротости сколько Альфонсъ ярости; Денисъ не захотѣлъ даже взять его въ плѣнъ, когда послѣдній былъ обращенъ имъ въ бѣгство подъ Синтрой. Несмотря на старанія королевы Изабеллы возстановить согласіе между отцомъ и сыномъ, война еще долго продолжалась; во время одного сраженія, происходившаго въ полумилѣ отъ Лисабона, Изабелла, пренебрегая опасностью, бросилась къ Альфонсу, находившемуся въ самомъ пылу сраженія, и заставила его просить прощенія у отца. Денисъ для упроченія мира отправилъ Алонзо Санхеза въ Кастильскія владѣнія.

теперь она мнѣ мститъ. Да, мятежный сынъ, ты достойный сынъ отца возмутившагося противъ своего отца. Денисъ перенесъ еще больше страданій чѣмъ я. Но ты еще превзойдешь мои злодѣянія; но можетъ-быть ты уже и опоздалъ. Господи! Ты не оставишь ненаказанными такихъ гнусныхъ преступленій! По божественному правосудію почти всегда дѣти отца который былъ дурнымъ сыномъ, бываютъ дурные сыновья и становятся неумолимыми мстителями своихъ предковъ. Денисъ, великій Денисъ! Наноси ударъ моей преступной головѣ рукой своего дерзкаго потомка; я заслужилъ этотъ ударъ; ты и такъ долго ждалъ. Твоя грозная тѣнь встаетъ предо мной.... Ты съ угрозой показываешь мнѣ ожидающее меня будущее!.. Какой бичъ! Какой ужасъ!.. Цѣлое море крови! Мои несчастные подданные..... Сынъ мой! Сынъ мой! Остановись!

Коэльо. Какой бредъ! Твоя великая душа не должна чувствовать угрызеній совѣсти: они приличны людямъ злымъ. Не вспоминай о своихъ прошлыхъ ничтожныхъ ошибкахъ, не бойся непріятностей которыя ты самъ можешь устранить.

Донъ-Альфонсъ. Отчего смерть не избавитъ меня отъ тягостнаго существованія?

Коэльо. А что тогда сталось бы съ нами? Португалія погибла бы отъ безпорядковъ. Внемли голосу народа, сохрани ему короля. Никогда ты такъ не былъ нуженъ для своихъ бѣдныхъ подданныхъ: имъ предстоитъ много бѣдствій, ты одинъ можешь спасти ихъ.

Донъ-Альфонсъ. Но какъ? Какимъ образомъ я могу устранить безпорядки?

Коэльо. Уничтожь причину зла и зло не будетъ существовать. До тѣхъ поръ пока Инеса жива, никакое средство не поможетъ.

Донъ-Альфонсъ. Что ты сказалъ? Осудить Инесу на смерть?... Развѣ преступленіе ея такъ велико что достойно казни?

Коэльо. Преступленіе ея, государь? Къ несчастью, свѣтъ еще не видалъ такихъ преступленій которыхъ бы послѣдствія были такъ пагубны, такъ ужасны. Мнѣ не для чего ихъ тебѣ передавать, ты ихъ знаешь, тебя они достаточно заставляютъ страдать. Если твой сынъ сталъ мятежникомъ и преступникомъ, кто всему причиной, какъ не эта ловкая

обольстительница? Не колеблись государь; казнь ея становится необходимою. Но если всего того что̀ я говорю не достаточно для ея приговора, у тебя есть лучшіе, умнѣйшіе совѣтники. Ты велѣлъ ихъ созвать; слушайся ихъ; если у нихъ столько же усердія къ тебѣ и ко благу народа, какъ у меня, они всѣ единогласно должны просить тебя немедленно повелѣть казнить Инесу; они укажутъ тебѣ на тѣ бѣдствія которыя могутъ произойти для Португаліи въ случаѣ твоего отказа. Возгорится страшная война съ Испаніей, а на эту войну уже и теперь ропщутъ твои подданные, не отдохнувшіе еще отъ недавнихъ битвъ. Вдовы, потерявшія въ нихъ мужей, не хотятъ лишаться сыновей; сыновья не желаютъ бросать матерей и идти на смерть. Все воніетъ, государь, чтобы ты лучше пожертвовалъ одною жизнью чѣмъ многими. Пусть послужитъ это примѣромъ для будущаго поколѣнія не обольщать королей, подобно Инесѣ.

Донъ-Альфонсъ. Если требуетъ того спокойствіе народа, пусть рѣшитъ совѣтъ чему должно быть; я теперь такъ огорченъ что самъ ничего не могу придумать.

Коэльо (*увидя Инесу еще за сценой*). Инеса! Это удивительно. Она смѣетъ еще являться къ тебѣ! Государь, лучше тебѣ уйти, не видавшись съ ней.

Донъ-Альфонсъ. Да, пожалуй... Однако жь нѣтъ, я долженъ ее выслушать!...

Коэльо. Совѣтъ, вѣроятно, уже ждетъ тебя.

Донъ-Альфонсъ. Поди, скажи что я скоро приду. (*Коэльо уходитъ.*)

III.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ЭЛЬВИРА, ДВОЕ ДѢТЕЙ ИНЕСЫ *

Инеса. Подойдите, дѣти, подойдите. Падите къ ногамъ вашего дѣдушки, цѣлуйте его руки. (*Она бросается вмѣстѣ съ дѣтьми къ ногамъ Альфонса. Эльвира уходитъ.*) Государь! Вотъ дѣти твоего сына... Они со слезами умоляютъ пожалѣть

* Король, по свидѣтельству Фарія, въ сопровожденіи большаго числа вооруженныхъ людей, какъ будто бы онъ шелъ на берегъ Саладо сражаться съ Маврами, отправился въ Коимбру чтобъ убить Инесу въ то время какъ мужъ ея былъ на охотѣ. „Инеса накло-

ихъ несчастную мать. Дѣти мои, плачьте, просите мнѣ прощенія. Государь, смилуйся надъ ними, не отнимай у нихъ матери! За что жь казнить меня? За то что я люблю твоего сына? Осмѣлюсь сослаться на твое правосудіе: развѣ это преступленіе и оно достойно смертной казни? Умоляю тебя, не слушай ничьихъ совѣтовъ. Вездѣ интриги, зависть! Посовѣтуйся со своимъ серцемъ: оно скажетъ тебѣ что не за что лишать меня жизни. Сжалься надо мною несчастною!

Донъ-Альфонсъ (*очень тронутый*). Встань, бѣдная!... (*Цѣлуетъ своихъ внучатъ и съ горемъ говоритъ.*) Какъ тяжело быть монархомъ! Встань, несчастная! (*Инеса встаетъ.*) Мнѣ жаль тебя, хотя ты и много причинила мнѣ зла. Какъ отецъ я хотѣлъ бы простить тебя, какъ король—не могу!

Инеса. Ахъ, государь, прощать несчастныхъ—это самое пріятное, самое высокое право королей! Послушайся своего сердца, ты не будешь раскаиваться въ томъ что былъ сострадателенъ... Напротивъ, если осудишь меня на смерть, тебя будутъ вѣчно мучить угрызенія совѣсти. Слава, надежды Португаліи пропадутъ съ моею смертью; твой сынъ не перенесетъ ея. Убивая меня, ты также убьешь и его. Мы не можемъ существовать одинъ безъ другаго. Не для меня, а для него помилуй меня. (*Опять бросается къ ногамъ короля.*) Еще разъ обнимаю твои ноги, пожалѣй жену твоего сына. Ахъ, еслибы мы не были обвѣнчаны, я не стала бы умолять даро-

---

дилась въ это время во дворцѣ Santa-Clara. Узнавъ что король явился за тѣмъ чтобъ отнять у ней жизнь, она вышла встрѣтить его у дверей. Прекрасная и невиновная женщина бросилась къ его ногамъ и просила прощенія въ преступленіяхъ никогда ею не совершенныхъ; она велѣла своимъ троимъ малолѣтнимъ, прелестнымъ дѣтямъ цѣловать ноги ихъ дѣда. Альфонсъ не могъ противиться этому трогательному зрѣлищу и ушелъ, говоря что онъ едва не совершилъ ужаснѣйшей жестокости. Но вельможи которые побудили его на этотъ поступокъ и въ числѣ которыхъ были верховный судья Альваро Гонзалесъ, Діэго Лопезъ Пачеко и Педро Коэльо стали осуждать это раскаяніе, подвергавшее ихъ гнѣву принца, какъ будто бы они скорѣе утишили бы этотъ гнѣвъ умертвивъ Инесу чѣмъ оставивъ ей жизнь. Они такъ настойчиво просили позволенія сдѣлаться палачами что Альфонсъ согласился, запятнавъ свое имя вѣчнымъ позоромъ. Они совершили одно изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ отвратительныхъ преступленій, когда-либо покрывавшихъ кровью мечи измѣнниковъ."

вать мнѣ жизнь, я спокойно, безъ жалобы, пошла бы на смерть; но вѣдь я мать... жена... Боже мой!... Я чувствую, силы оставляютъ меня... (*Въ большомъ горѣ цѣлуетъ своихъ дѣтей.*) Милыя мои дѣти, несчастныя сироты! Что̀ станется съ вами, когда обоихъ насъ не будетъ?... Государь, если тебѣ не угодно меня помиловать, не оставь дѣтей: они ни въ чемъ не виноваты. Забудь что они мои дѣти; помни только что они твои внуки... Но что̀ я вижу?... Ты плачешь? Господь услышалъ меня—ты простишь меня!... Да? Скажи, государь, скажи что прощаешь меня!...

Донъ-Альфонсъ. Я не могу этого выносить!... Ахъ, кто пожелалъ бы въ эту минуту быть королемъ?

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ЕЯ СЫНОВЬЯ, КОЭЛЬО.

(*Инеса, увидавъ Коэльо, съ ужасомъ встаетъ.*)

Коэльо. Государь, тебя ждутъ, поспѣши скорѣе... народъ начинаетъ бунтоваться.

Инеса. Господи, я умираю!

Донъ-Альфонсъ. Инеса, не отчаивайся; я не неумолимъ: мои слезы тому доказательство; но я не могу нарушить мой долгъ; я въ моихъ дѣйствіяхъ долженъ дать отвѣтъ Богу и моимъ подданнымъ; но я не деспотъ,—надѣйся на Альфонса. Въ совѣтѣ мой голосъ будетъ за тебя! Господи, вразуми меня!

V.

ИНЕСА И ДѢТИ ЕЯ.

Инеса. Не для чего больше обманывать себя пустыми надеждами; сердце предчувствуетъ что близокъ мой несчастный конецъ. Да, милыя мои дѣточки, скоро не будетъ у васъ матери... Подойдите, я обниму васъ... Бѣдныя мои, несчастныя мои... кто пожалѣетъ, кто приласкаетъ васъ?... Мы разстанемся навсегда... навсегда... Боже мой! Я не могу... мнѣ тяжело смотрѣть на нихъ. Сердце разрывается... силы измѣняютъ мнѣ... Господи, какое мученіе!... Мнѣ кажется что ужь смерть

приближается... Да, вотъ она... какая страшная... Постой... подожди... дай мнѣ прежде... Дѣти, гдѣ мои дѣти?... Я еще хочу посмотрѣть на нихъ... Жестокіе, не отнимайте ихъ у меня; я хочу еще хоть разъ поцѣловать ихъ предъ смертью; да кто же смѣетъ отнимать у меня моихъ дѣтей?... Варвары!... Злодѣи!... Мужъ мой, мужъ мой, гдѣ же ты?... Отъ чего ты не слѣшишь ко мнѣ на помощь?... Но напрасно... теперь уже поздно.. вотъ могила...

VI.

ИНЕСА, ДѢТИ ЕЯ, ЭЛЬВИРА.

Эльвира. Что̀ такое? О, Боже мой!

Инеса (*все еще въ бреду*). Бездна разверзлась....

Эльвира. Инеса! Инеса!

Инеса. Что́?... Кто меня зоветъ? Это ты, Констанція?... Ты опять пришла меня мучить?

Эльвира. Приди въ себя, Инеса. Развѣ ты не узнаешь меня? Не видишь бѣдной Эльвиры?

Инеса. Какъ?... Эльвира?... Это ты?... Да гдѣ же я? Что̀ тебѣ нужно?...

Эльвира. Я пришла облегчить твое горе, успокоить тебя. Ободрись, Инеса, надѣйся, ты будешь еще счастлива; увидишь что скоро твоя печаль смѣнится радостью.

Инеса. Не видать мнѣ больше радостей!

Эльвира. Какъ? Развѣ ты не видала что король былъ растроганъ?... Его слезы обѣщаютъ помилованіе.

Инеса. Не надѣйся! Онъ и желалъ бы меня помиловать, но его не допустятъ!... Эльвира́, смерть моя неизбѣжна; возьми дѣтей и отведи ихъ въ тюрьму къ моему мужу и скажи ему.... Нѣтъ, не говори ему ничего.... Зачѣмъ прежде времени наносить ему ударъ?... Потомъ, когда все будетъ кончено.... я прошу тебя.... (*Смотритъ со страхомъ вокругъ себя.*) Кажется, я слышу ихъ шаги.... Это мои палачи.... они давно ужъ жаждутъ моей крови.... О, я несчастная!.... Да, это они.... я не ошибаюсь.... Боже мой!... Пойдемъ, запремся въ моей комнатѣ; тамъ я передамъ тебѣ мою послѣднюю волю.... тамъ я испытала горе и радость, тамъ хочу и умереть.... Пойдемъ, дѣти мои!...

АКТЪ V.

I.

Донъ-Альфонсъ. Какое тяжелое, мучительное состояніе!.. Я совершенно изнемогъ.... Колебаться, не знать на что рѣшиться!... Ужасное положеніе!... Съ одной стороны жалость, состраданіе.... съ другой справедливость.... Грозное правосудіе побѣдило.... дрожащею рукой я подписалъ приговоръ Инесы... Сердце мое разрывается.... Мать моихъ внуковъ будетъ казнена.... За что? За то что любитъ моего сына? Ужасно!... Какъ могъ я согласиться?... Но еще есть время отмѣнить этотъ жестокій приговоръ,..... Что же мнѣ дѣлать?... Примѣръ необходимъ.... народное спокойствіе... благо страны.... ропотъ народа..... все, все принуждаетъ меня не щадить несчастной... Лишаетъ меня удовольствія простить.... О, ужасное состояніе! Скипетръ, какъ ты тяжелъ! А еще завидуютъ королямъ!

II.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Ахъ, государь, если твой сынъ тебѣ еще дорогъ, если ты не хочешь лишить Португалію наслѣдника твоего престола и твоей славы, не теряй времени.... отчаяніе убьетъ его; я не могу видѣть его страданій. Въ бреду, въ конвульсіяхъ, въ изступленіи, онъ страшно кричитъ и грызетъ свои цѣпи.... Потомъ измученный, усталый, онъ плачетъ.... съ нимъ дѣлается въ родѣ агоніи и онъ падаетъ замертво. Сію минуту онъ подзываетъ меня и говоритъ: „другъ мой, бѣги, узнай поскорѣе что сталось съ моею женой и дѣтьми. Неужели злодѣи осмѣлились погубить ихъ? Поди къ отцу, умоляй его помиловать Инесу, ради меня! Скажи ему, въ какомъ я состояніи, и если онъ будетъ неумолимъ, скажи ему....“ Ахъ, я не смѣю передать....

Донъ-Альфонсъ. Довольно, не увеличивай моего горя. Боже мой!...

Донъ-Санхо. Прости меня... ты запрещаешь мнѣ говорить, но я не могу повиноваться тебѣ. Здоровье принца въ большой

опасности... Моя любовь и привязанность къ нему заставляютъ докучать тебѣ, умолять тебя помиловать несчастную Инесу. Отъ этого зависитъ жизнь твоего сына. Инеса супруга донъ-Педро... и она достойна его. Не вѣрь этимъ честолюбцамъ, этимъ завистникамъ которые изъ ненависти стараются очернить ее. Они обманываютъ тебя, государь; ты долженъ мнѣ повѣрить, я никогда не лгалъ. У Инесы благородное, чувствительное сердце, она не могла не полюбить твоего сына, вотъ ея единственная вина. Такой проступокъ, женщинѣ честной, благородной, добродѣтельной, долженъ былъ извиненъ. (*Бросается къ ногамъ Альфонса.*) Помилуй ее, государь, да не скажетъ свѣтъ что ты своею строгостью зашелъ за предѣлы справедливости, что ты не помиловалъ даже жены твоего сына.

Донъ-Альфонсъ (*немного подумавъ*). Нѣтъ, нѣтъ, свѣтъ этого не скажетъ. (*Зоветъ.*) Донъ-Нуньо! (*Про себя.*) Развѣ потому что я монархъ, я перестану быть отцомъ? О, нѣтъ!

III.

ДОНЪ-САНХО, ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-НУНЬО.

Донъ-Нуньо. Что̀ угодно, государь?

Донъ-Альфонсъ. Позови поскорѣе сюда Инесу, да скажи совѣтникамъ что я отмѣняю приговоръ, я ее прощаю.

Донъ-Санхо. Да пошлетъ тебѣ Господь всѣ свои милости, добрый король!

Донъ-Нуньо (*убѣгая*). Счастливая Инеса! Бывши такъ близко къ смерти, ты возвращаешься къ жизни.

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Какъ? Развѣ ты уже отдалъ приказъ привести приговоръ въ исполненіе!..

Донъ-Альфонсъ. Прочь отъ насъ страшныя воспоминанія! Поди, освободи принца, пусть придетъ обнять меня. Инеса его.

Донъ-Санхо. Какое счастье! (*Падаетъ на колѣни и цѣлуетъ руку короля*). Позволь, государь, оросить твою руку

слезами радости. (*Поднимается.*) Я побѣгу.... счастье придаетъ мнѣ крылья; радостною вѣстью я возвращу донъ-Педро къ жизни.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ.

Тысячу разъ счастливъ тотъ кто можетъ дать счастье несчастнымъ! Какъ легко стало моему сердцу.... Король только тогда и король, когда милуетъ. Я заранѣе предвкушаю радость Инесы и моего сына. Объятія, восторгъ того и другаго, невинная веселость моихъ внучатъ.... Какая радость!... О, природа! Всѣ другіе законы уступаютъ твоимъ.

VI.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ. Государь, позволь просить тебя помиловать несчастную Инесу; мнѣ извѣстно что она приговорена противъ твоего желанія; ты хотѣлъ этимъ дать удовлетвореніе моему королю; но это совершенно напрасно: и безъ этого онъ вполнѣ убѣжденъ въ твоей вѣрной дружбѣ, и я знаю, онъ не пожелалъ бы чтобы ты удостовѣрилъ его въ этомъ кровью Инесы, которая также и его кровь. Осмѣливаюсь завѣрить тебя его словомъ и прошу оказать милость, столь свойственную твоему доброму сердцу.

Донъ-Альфонсъ. Меня очень радуетъ что чувства наши сходны. Да, я надѣюсь что твой король не упрекнетъ меня за то что я былъ сострадателенъ къ Инесѣ; я сдѣлалъ даже больше: я призналъ ее супругой донъ-Педро. Я не смѣю разорвать узы освященныя церковью. Это обстоятельство мнѣ не было извѣстно, когда я заключалъ договоръ по которому мой сынъ долженъ былъ вступить въ бракъ съ Беатрисой. Ты долженъ увѣдомить твоего короля, какія важныя причины помѣшали совершиться этому браку, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить его въ моей постоянной и неизмѣнной дружбѣ къ нему.

Посланникъ. Я представлю ему въ настоящемъ видѣ твое благородное рѣшеніе и причины побудившія тебя такъ

поступить. Будь увѣренъ что такое рѣшеніе будетъ ему пріятно.

Донъ-Альфонсъ. Сердце мнѣ внушило его и я не долженъ раскаиваться что послушалъ голоса сердца: состраданіе не можетъ уменьшить царскаго достоинства. Свѣтъ удивляется Бруту, но еще болѣе жалѣетъ Тита и боготворитъ его память. Но что̀ это значитъ? Донъ-Нуньо весь въ слезахъ! Боже мой!

VII.

ТѢ ЖЕ И ДОНЪ-НУНЬО.

Донъ-Нуньо. О, какое несчастье!..

Донъ-Альфонсъ. Что̀ случилось?

Донъ-Нуньо. Слезы мѣшаютъ мнѣ говорить. Я опоздалъ, государь.... Инеса....

Донъ-Альфонсъ. Умерла?

Донъ-Нуньо. Умираетъ.

Посланникъ. О, Боже мой!..

Донъ-Нуньо. Твое прощеніе уже было не нужно несчастной. Жестокіе исполнители поспѣшили прежде времени....

Донъ-Альфонсъ. Кровожадныя чудовища!

Донъ-Нуньо. Со счастливою вѣстью я спѣшу къ Инесѣ; не доходя ея комнаты я услыхалъ вопли... бросаюсь къ двери, отворяю и кричу: Прощеніе! прощеніе!.. Но... о, ужасъ! Злодѣи успѣли уже изранить ей всю грудь! При словѣ „прощеніе", они бросили кинжалы; но было уже поздно... кровь струилась изъ ранъ. Коэльо и Пачеко превратились въ статуи, долго не могли произнести ни слова, въ ужасѣ смотря другъ на друга, потомъ вдругъ бросились изъ комнаты со словами: „теперь намъ остается только бѣжать!" Инеса, услыхавъ что ты прощаешь ее, съ усиліемъ подняла руки къ небу и слабымъ голосомъ благословляла тебя и молилась за тебя. При твоемъ имени, лицо ея, покрытое смертною блѣдностью, озарилось улыбкой. „Прошу послѣдней милости, сказала она, отведите меня къ Альфонсу, я хочу поцѣловать его руку, хочу съ благодарностью умереть у его ногъ." Ей перевязали раны и несчастная идетъ къ тебѣ со своими дѣтьми.

Донъ-Альфонсъ. Жестокая судьба! Несчастная Инеса! Бѣдный мой сынъ!.. Несчастный я отецъ!.. Съ колыбели и до могилы меня преслѣдуютъ горе и несчастье. Я рожденъ быть бичомъ для людей; Португалія, въ своей блестящей исторіи, справедливо назоветъ меня дурнымъ братомъ, неблагодарнымъ сыномъ, тираномъ отцомъ. Обманутый нечестивцами, я слишкомъ поздно послушался голоса человѣчности: я виновенъ въ смерти Инесы. Ахъ, бѣжать, бѣжать отсюда! Я не смѣю взглянуть на несчастную! Но, Боже мой, силы оставляютъ меня... Вотъ она... Друзья, помогите мнѣ, уведите меня отсюда.

VIII.

ТѢ ЖЕ, ИНЕСА, ДВОЕ ЕЯ ДѢТЕЙ, ЭЛЬВИРА, ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.
(Онѣ поддерживаютъ раненую Инесу.)

Инеса. Ахъ, не убѣгай отъ меня, не убѣгай, государь.. возьми твоихъ внуковъ... Материнская любовь заставила меня придти къ тебѣ... вручить тебѣ несчастныхъ сиротъ. Прощайте, прощайте, дѣти мои! Поручаю ихъ тебѣ, государь. Будь ихъ защитникомъ, покровителемъ: у нихъ нѣтъ матери!.. Да поможетъ имъ Богъ быть достойными тебя и ихъ отца и своею добродѣтелью и честностью заслужить тебѣ за мое прощеніе... Послѣдней милости прошу: позволь мнѣ предъ смертью назвать тебя отцомъ.

Донъ-Альфонсъ. Называй меня своимъ палачомъ!.. Не давай мнѣ имени котораго я не стою. О, еслибъ я могъ назвать тебя моею дочерью!.. Но я не смѣю... Нѣтъ, вся природа содрогнулась бы, еслибъ я осмѣлился произнести это дорогое имя... Кровь твоя воліетъ... Ты должна ненавидѣть своего убійцу!.. Но ты отмщена жестоко!.. Я тысячу разъ несчастнѣе тебя, я адски страдаю. Ахъ, пощади своего палача, позволь мнѣ не слыхать твоихъ послѣднихъ вздоховъ... Я уйду, мое присутствіе должно быть ненавистно для тебя.. (*Хочетъ уйти, но увидавъ что донъ-Нуньо идетъ за нимъ, оборачивается и говоритъ.*) Чтобы никто не шелъ за мной! Оставьте меня! Бѣгите отъ меня! Я желаю скрыться отъ людей до конца моей жизни!.. (*Поспѣшно уходитъ.*)

IX.

ТѢ ЖЕ, кромѣ АЛЬФОНСА.

Инеса. Ахъ, государь!.. Но онъ не слушаетъ меня... Еще ударомъ больше!.. Его отчаяніе—другая смерть для меня... Сколько несчастныхъ изъ-за меня!.. Бѣдный отецъ! Бѣдный мужъ!.. Донъ-Нуньо, Эльвира, утѣшайте ихъ, постарайтесь ихъ успокоить, не давайте предаваться горю... Ахъ, еслибъ я могла увидать еще моего мужа, легче было бы умереть... Дѣти! дѣти! Какъ мнѣ тяжело видѣть ихъ!.. Эльвира, уведи ихъ. Нѣтъ... постой... куда ты?.. Дѣти, подойдите ко мнѣ... я хочу поцѣловать васъ... я хочу въ моемъ послѣднемъ поцѣлуѣ излить всю мою душу... Передайте его вашему отцу... въ немъ я посылаю мой послѣдній вздохъ... Ахъ, это они!.. Да, они... Какое мученіе... въ глазахъ темнѣетъ... Дѣти, дѣти мои... Мой милый мужъ... Прощайте... я умираю... (*Падаетъ на руки женщинъ и умираетъ.*)

Посланникъ. Ужасно!..

X.

ТѢ ЖЕ, ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Педро (*радостно вбѣгаетъ на сцену, не замѣчая Инесы*). Жена моя, дорогая моя, милая Инеса, скорѣе въ мои объятія, доверши мое счастіе! (*Увидавъ донъ-Нуньо и посланника плачущихъ подлѣ Инесы.*) Что̀ это значитъ? Зачѣмъ вы плачете? Какое дурное предзнаменованіе!... (*Увидавъ позади ихъ мертвую Инесу, хочетъ броситься къ ней, но съ ужасомъ отступаетъ и падаетъ безъ чувствъ на руки донъ-Санхо и посланника.*)

Донъ-Санхо. Несчастный принцъ! Какъ страшно онъ страдаетъ!... Унесите отсюда трупъ его жены!.. (*Женщины уносятъ Инесу, Эльвира уводитъ дѣтей.*)

Донъ-Педро (*въ бреду*). Гдѣ моя жена?... Позовите ее ко мнѣ!...

Донъ-Нуньо. Ахъ, донъ-Педро!

Донъ-Педро. Подите же, позовите ее. Нѣтъ, я самъ... я

самъ пойду къ ней... Инеса!... Милая моя Инеса!... (*Хочетъ идти, но не въ состояніи.*)

Посланникъ. Ужасное горе лишаетъ его разсудка.

Донъ-Нуньо. Донъ-Педро! Твоя жена... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Твоя жена... умерла!

Донъ-Педро. Умерла? Проклятіе!... Какъ, донъ-Санхо, и ты меня обманулъ!... (*Смотритъ туда гдѣ онъ видѣлъ Инесу.*) Ахъ, да... я видѣлъ ее... мнѣ все не вѣрится... моя Инеса умерла, а я еще живу!... (*Хочетъ вынуть шпагу.*) Сейчасъ, сейчасъ, Инеса, и я къ тебѣ... (*Донъ-Нуньо и донъ-Санхо удерживаютъ его; немного подумавъ, онъ говоритъ.*) Но, нѣтъ, прежде нужно отмстить ея смерть... Кто ее убилъ?... Говорите! Можетъ-быть это онъ, этотъ тиранъ, который называется моимъ отцомъ?...

Донъ-Нуньо. О, нѣтъ, твой отецъ простилъ ее. Коэльо и Пачеко были такъ безчеловѣчны что...

Донъ-Педро. Довольно, ни слова больше! Всѣ они безчеловѣчны, я всѣхъ ихъ убью. Трепещи, король-варваръ! Я объявляю тебѣ жестокую войну! Клянусь кровью Инесы, слѣды которой видны здѣсь и воліютъ о мщеніи, клянусь что свергну тебя съ престола и посажу на него мою супругу, которую ты у меня отнялъ!... Хоть и мертвая, Инеса де-Кастро будетъ королевой и будетъ царствовать вмѣстѣ со мной! Чтò до того что тѣло ея бездыханно, душа ея живетъ во мнѣ. Всѣ будутъ цѣловать ея холодную руку и воздадутъ ей всѣ должныя почести... Тѣла ея убійцъ послужатъ ступенями ея трона и я буду попирать ихъ ногами. Я собственноручно вырву у нихъ сердце. Они не избѣгнутъ моего гнѣва, хоть бы спрятались въ самый адъ, месть моя и тамъ найдетъ ихъ. О, моя месть будетъ такова что заставитъ дрожать цѣлый свѣтъ при моемъ имени! Я всюду внесу слезы, отчаяніе и ужасъ! Я всю Португалію затоплю кровью! Дуро, Мондего и Таго вмѣсто воды будутъ изливать въ море кровь, а море съ ревомъ выброситъ кровавыя волны на самые дальніе берега. Мщеніе!... (*Въ сильномъ раздраженіи, быстро убѣгаетъ.*) *

---

* Дѣйствительно, донъ-Педро самымъ ужаснымъ образомъ отмстилъ за совершенное злодѣяніе. Братья и родные Инесы соединились съ нимъ и они прошли провинціи Энтредуэро, Минго, Трасосмонтесъ, всюду неся за собою огонь и смерть и грабя земли убійцъ. Донъ-Педро подступилъ наконецъ къ городу Порто; но

Донъ-Санхо. Принцъ остановись! Но чѣмъ утишить злобу, волнующую его душу?

видя что архіепископъ Гонзаго Перейра, котораго принцъ очень любилъ, рѣшился умереть, защищая этотъ городъ, снялъ осаду и вступилъ въ крѣпость Канавезъ. Тамъ онъ встрѣтилъ королеву Беатрису которая, по примѣру Изабеллы, сдѣлала всѣ усилія чтобы водворить согласіе между своимъ мужемъ и сыномъ. Какъ кажется, донъ-Педро согласился на увѣщанія матери, но все-таки не простилъ убійцамъ Инесы. Король, знавшій до какой степени принцъ жаждетъ мщенія и предчувствовавшій свою скорую кончину, предложилъ имъ бѣжать. Они послушали его благоразумнаго совѣта и удалились въ Кастилію. Какъ только принцъ вступилъ на престолъ, тотчасъ же объявилъ этихъ трехъ преступниковъ измѣнниками отечества и роздалъ ихъ имѣнія нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ; но это было слишкомъ мало, чтобъ удовлетворить ненависть которую онъ къ нимъ питалъ. Онъ зналъ что нѣсколько испанскихъ вельможъ искало убѣжища въ Португаліи отъ преслѣдованій Испанскаго короля Петра Жестокаго; онъ предложилъ этому королю выдать ихъ съ тѣмъ чтобы получить въ замѣнъ убійцъ Инесы. Предложеніе было принято секретно, но Пачеко въ тотъ день, какъ схватили его товарищей, находился въ деревнѣ. Нищій, которому онъ часто подавалъ милостыню, предупредилъ его что его ожидаютъ у городскихъ воротъ чтобы схватить; онъ помѣнялся одеждой съ этимъ нищимъ и успѣлъ пробраться во Францію подъ видомъ погонщика муловъ. Участь двухъ другихъ убійцъ Инесы была ужасна; ихъ подвергли пыткѣ чтобы заставить открыть ихъ сообщниковъ; но ничто не могло вызвать у нихъ признанія, которое, конечно, еще многихъ привело бы къ погибели. Король взбѣшенный тѣмъ что не могъ вызвать у нихъ отвѣта, схватилъ буравъ и ударилъ имъ по лицу Педро Коэльо, отвѣтившаго ему на это ругательствами. Донъ-Педро, въ свою очередь прибавивъ насмѣшку ко всѣмъ мученіямъ, сказалъ „чтобъ ему принесли луку и уксусу приправить этого кролика". Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ ужасную игру словъ на имя Coelho, значащее по-португальски „кроликъ". Эти слова были началомъ тѣхъ мученій на которыя онъ обрекъ виновныхъ: у нихъ у живыхъ вырвали сердца и бросили въ огонь, въ то время какъ донъ-Педро, приказавъ накрыть себѣ столъ предъ палачомъ, наслаждался зрѣлищемъ происходившимъ предъ его глазами. Послѣ этого донъ-Педро торжественно покаялся предъ главными сановниками государства что шесть лѣтъ тому назадъ онъ женился на Инесѣ де-Кастро. Были выслушаны свидѣтельства епископа Гардскаго и Эстевана Лобато, подтвержденныя

Донъ-Нуньо. Сколько страшныхъ бѣдъ! Вотъ гибельный примѣръ слѣпыхъ страстей!... Какого состраданія достойны несчастные супруги!... Страстно любили другъ друга и были несчастны!... Пусть свѣтъ жалѣетъ ихъ, но не подражаетъ имъ!...

новыми свидѣтельствами епископовъ Порто и Лиссабона. Они вмѣстѣ съ грандами объявили народу объ этомъ бракѣ, объяснивъ причины по которымъ онъ оставался въ тайнѣ, а также предъявили и буллы папы Іоанна XXII относительно степени родства между супругами. Нѣсколько времени спустя послѣ этой церемоніи, донъ-Педро велѣлъ сдѣлать двѣ великолѣпныя гробницы изъ бѣлаго мрамора для себя и для Инесы, которая и была изображена на гробницѣ съ царскою короной на головѣ. Эти мавзолеи были поставлены въ пантеонѣ Алкобаки, король же отправился въ церковь Санта-Клары въ Коимбрѣ, гдѣ онъ велѣлъ вырыть тѣло женщины боготворимой имъ даже послѣ ея смерти. Онъ приказалъ чтобъ его Инесу одѣли въ царскія одежды и посадили на тронъ; подданные приходили, по словамъ Фаріо, и цѣловали кости, которыя были нѣкогда рукой прекрасной Инесы. По окончаніи этой мрачной церемоніи, тѣло было отправлено на богатыхъ носилкахъ въ Алкобаку, въ сопрожденіи печальнаго кортежа изъ вельможъ одѣтыхъ кающимися, дамы и дѣвицы самаго знатнаго происхожденія въ бѣлыхъ вуаляхъ и бѣлыхъ платьяхъ съ длинными шлейфами также участвовали въ этомъ погребальномъ шествіи. Несмотря на то что отъ Коимбры до Алкобаки 17 миль, нѣсколько тысячъ людей съ зажженными факелами въ рукахъ стояли по обѣимъ сторонамъ дороги по которой двигалась процессія.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО ВЧЕРА

Дневникъ вспомогательной больницы Общества Краснаго Креста въ 1877 году.

Въ одной изъ юго-западныхъ губерній по тракту желѣзной дороги изъ Яссъ въ Вильну находится владѣльческій городокъ, бѣдный, грязный, растрепанный, замѣчательный однако по живописнымъ развалинамъ древняго зáмка и гдѣ по преданіямъ была одна изъ первыхъ типографій въ Россіи, въ то время когда книгопечатаніе было еще новое изобрѣтеніе. Въ немъ были учебныя учрежденія какъ православныя, такъ и римско-католическія, словомъ онъ въ свое время былъ центромъ просвѣщенія и вмѣстѣ оплотомъ Русскихъ противъ Татаръ, а одинъ изъ его князей ходилъ на выручку Гусситовъ. Въ наше время, Министерство Народнаго Просвѣщенія и русское духовенство задались мыслію, въ малыхъ конечно и весьма слабыхъ размѣрахъ, оживить въ немъ память былаго основаніемъ среднихъ учебныхъ заведеній и церковнаго братства, по мѣстному, древнему обычаю. Этотъ маленькій кружокъ преподавателей и братчиковъ не могъ отнестись равнодушно къ великимъ событіямъ войны съ Турками 1877 года, и когда раненые стали привозиться въ такомъ множествѣ что не хватало помѣщенія въ лазаретахъ, русскіе жители древняго города князей Острожскихъ рѣшились примкнуть къ Кіево-Житомірскому отдѣлу Краснаго Креста, и не имѣя средствъ основать большой госпиталь, открыли маленькую

вспомогательную больницу для легко раненыхъ или выздоравливающихъ воиновъ.

Этой-то больнички дневникъ предлагаемъ здѣсь въ сокращеніи, какъ живую память недавняго, но славнаго времени, какъ фотографическій снимокъ одного изъ неизвѣстныхъ уголковъ Россіи пріютившихъ въ своихъ стѣнахъ малую горсть нашихъ страдальцевъ въ эту знаменательную пору народной жизни.

2го іюля 1877 года.

Сегодня мы освящали наше маленькое помѣщеніе для выздоравливающихъ раненыхъ: пять комнатъ дортуаровъ, двѣ читальни, столовая, комната для врача и комната для перевязки, ванная и баня. Изъ этихъ комнатъ одна на четыре кровати для нижнихъ чиновъ была устроена изъ денегъ пожертвованныхъ Домомъ крестьянскихъ воспитанниковъ прогимназіи, въ замѣнъ угощенія въ Троицынъ день (праздникъ этого дома) отъ котораго они отказались *. Мы всячески старались чтобы комнаты не были похожи на лазаретъ, а смотрѣли бы во всей простотѣ устройства какъ домъ небогатаго, но многочисленнаго семейства. Кажется что въ лѣтнее время будетъ удобнѣе и веселѣе. Лазаретъ выходитъ чѣмъ-то въ родѣ швейцарскихъ дешевыхъ *pensions*. Сегодня празднуется положеніе ризы Богородицы во Влахернѣ. Праздникъ церковный этотъ напоминаетъ великое событіе русской исторіи. Эта самая риза была привезена изъ Влахерна и опущена въ воды Мраморнаго Моря, когда Русскіе съ Аскольдомъ и Диромъ пришли со своимъ флотомъ осаждать Царьградъ и чудесно поднявшаяся буря разбила ихъ ладьи. Чудо это такъ поразило Аскольда и Дира и многихъ Кіевлянъ что они приняли крещеніе у Грековъ. Съ этого времени можно считать христіанскую вѣру получившею гражданство въ Кіевѣ, несмотря на убіеніе Аскольда и Дира и скрѣпленіе язычества во время Олега. Очевидно, вѣра истинная все болѣе и болѣе распространялась, и обращеніе Ольги было послѣдствіемъ этого распространенія. Отъ этой бури на Бос-

* Старшины крестьянскіе положили отрадить двухъ изъ воспитанниковъ прогимназіи крестьянскаго сословія на время каникулъ прикомандировавъ къ братской лѣчебницѣ для приготовленія къ должности больничаръ и помощниковъ фельдшера подъ руководствомъ нашего врача и сестры милосердія при нашей лѣчебницѣ.

форѣ взволновались сердца Русскихъ и все дальше и дальше неслась волна и разлилась въ необъятное Русское море. Къ Босфору ли опять она принесетъ насъ? Не весело думать что относительно флота мы нынѣ чуть ли не въ томъ же первоначальномъ состояніи какъ тогда: обладаемъ только ладьями.

Какъ-то тревожно собирались мы къ молебну. Третьяго дня привезли девяносто человѣкъ больныхъ въ Ровенскій госпиталь и намъ казалось что должно-быть очень много больныхъ и раненыхъ, если ужь изъ Кіева привозятъ. У обѣдни были нѣкоторыя изъ приходящихъ воспитанницъ женскаго училища; пѣли ученики учительской семинаріи. Пошли крестнымъ ходомъ изъ церкви въ нашу Бѣлую комнату (актовую), неся икону Святаго Пантелеимона-Цѣлителя и большую икону Иверской Божіей Матери, присланную намъ въ благословеніе монахомъ Аѳонской горы. Погода великолѣпная, зелень, солнце, маленькія дѣвочки въ своихъ лѣтнихъ платьицахъ, священникъ въ праздничномъ облаченіи, стройное пѣніе хора, колокольный звонъ, огромная икона византійскаго письма, все сливалось въ одно тихое, меланхолическое впечатлѣніе при мысли о тѣхъ кого собираемся помѣстить тутъ, о тѣхъ которые въ эту самую минуту можетъ-быть падаютъ тамъ, подъ вражьимъ огнемъ, или мучаются на перевязочномъ пунктѣ отъ операцій и ранъ!

Отецъ Яковъ Немоловскій просто и тепло сказалъ нѣсколько словъ о сегодняшнемъ Евангеліи * о томъ что мы молимъ Бога удостоиться принять тѣхъ которые по истинѣ взяли крестъ и, слѣдуя по стопамъ Спасителя, идутъ отдать жизнь свою за други своя, за страждущихъ братьевъ, по повелѣнію Божьяго Помазанника, который Самъ со Своими Сыновьями раздѣляетъ труды и поддерживаетъ силы ихъ, да не падутъ подъ ношей своею. За многолѣтіемъ Государю и всему Царствующему Дому пропѣли вѣчную память павшимъ (это трогательная особенность военныхъ молебновъ), и чтобы не кончать такъ грустно пропѣли многолѣтіе Свято-Кирилло-Меѳодіевскому Братству и всѣмъ православнымъ христіанамъ

* „Иже любитъ отца или матерь паче Мене нѣсть Мене достоинъ и иже любитъ дщерь или сына паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. И иже не приметъ креста своего и во слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ.“

и пошли кропить вновь отдѣланное помѣщеніе. Въ это самое время получена телеграмма что Тырново взято 25го іюня, главная квартира туда переведена и Государь скоро туда прибудетъ. Такою радостью обрадовалъ насъ Господь, какъ бы въ отвѣтъ на нашу молитву. Онъ поможетъ намъ принести свою лепту въ святомъ трудѣ русскихъ людей для нашей арміи. Это очень ободрило насъ и вечеромъ мы опять собрались на посидѣлки, продолжали шить бѣлье и распредѣлили дежурство между братчиками по два въ день; положили между прочимъ чтобы присутствовать за обѣдомъ, особенно нижнихъ чиновъ, дабы имѣть присмотръ за кушаньемъ и за прислугой. Вечеромъ чай должны разливать дежурныя братчицы. Читальню для офицеровъ устроили въ Бѣлой комнатѣ, для солдатъ — внизу въ комнатѣ съ балкономъ прямо въ цвѣточный палисадникъ.

Но не посчастливилось намъ въ теплую, лѣтнюю погоду, на которую все было у насъ разчитано, начать нашу маленькую дѣятельность. По неблагопріятному стеченію обстоятельствъ два мѣсяца помѣщеніе наше стояло пустое: первые раненые были назначены къ намъ только въ послѣдніе дни августа.

1го сентября 1877 года.

27го августа, въ день годовщины Севастопольской, опять узнали мы что почти одновременно дерутся подъ Плевной и что къ намъ везутъ шестнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ по желѣзной дорогѣ изъ Козятина. День весь проведенъ былъ въ молитвѣ: утромъ была обѣдня съ панихидой по Севастопольцамъ и по павшимъ въ нынѣшнихъ жестокихъ бояхъ. Около третьяго часу былъ у насъ молебенъ въ церкви о дарованіи побѣды, когда узнали о сраженіи подъ Плевной, а въ шестомъ часу началась всенощная наканунѣ нашего придѣльнаго праздника святаго Ѳеодора князя Острожскаго. Нечего и говорить что̀ дѣлалось въ душѣ. Только что кончилось величаніе, приносятъ телеграмму о немедленномъ прибытіи раненыхъ. Условлено было что за три дня дадутъ знать; вмѣсто того за нѣсколько часовъ вечеромъ увѣдомили. Прибудутъ ночью въ Кривинъ, откуда до насъ еще шестнадцать верстъ весьма плохой дороги. Къ тому же, послѣ нашихъ теплыхъ, лучезарныхъ ночей августа мѣсяца, перемѣнилась внезапно погода на самый новый мѣсяцъ: буря, градъ и за-

тѣмъ пронзительный холодъ, проливной дождь и тьма кромешная. Братчики были въ церкви, но нужно было въ потьмахъ и въ слякоть отправляться за лошадьми и повозками, дать знать исправнику и воспользоваться присутствіемъ въ городѣ губернатора, чтобы просить его, если самъ уѣдетъ раньше, оставить намъ на первое время опытнаго медика, инспектора врачебной управы, который былъ съ нимъ. Все это было суетливо во время церковной службы. По окончаніи всенощной, мы собрались у начальницы училища, и оказалось что братчики были уже готовы выѣхать на станцію, а исправникъ обѣщалъ что четыре коляски и четыре двухконныя подводы требуемыя телеграммой будутъ на станціи. Сговорились мы что нашъ врачъ вышлетъ намъ передоваго чтобы сказать въ которомъ часу ожидать его, ибо положили необходимымъ напоить больныхъ горячимъ чаемъ на станціи и дождаться разсвѣта. Нечего говорить что не спалось никому. Точно ли мы сумѣемъ принести пользу? Не выйдетъ ли суматоха и вредъ для несчастныхъ больныхъ *выздоравливающихъ*, но еще не вышедшихъ изъ опасности. Особенно при этой бѣдственной перемѣнѣ погоды? Около пяти часовъ пришли сказать что нашъ врачъ Левицкій далъ знать: „больныхъ привезутъ около восьми или девяти часовъ“. Вслѣдъ затѣмъ воротились изъ Кривина Петръ Васильевичъ Л. и А. передогшіе и съ печальнымъ, разстроеннымъ выраженіемъ лица. Въ Кривинѣ случилось на оборотъ того что̀ было въ Ровенскомъ госпиталѣ. Тамъ вышли съ носилками и покрывалами, со всякими приспособленіями къ переноскѣ раненыхъ, и къ удивленію видятъ: выходятъ сами, чуть не выпрыгиваютъ изъ вагоновъ, совершенно здоровые на видъ люди, которые быстро идутъ пѣшкомъ въ госпиталь, даже скорѣе своихъ сконфуженыхъ санитаровъ и сидѣлокъ. Раненыхъ не было никого, а больные—кто страдалъ глазами, кто горломъ и т. д. Мы же ожидали *выздоравливающихъ*, которымъ нужно только сытное кушанье да здоровый воздухъ въ саду чтобы воротиться въ строй черезъ недѣли двѣ-три. Вмѣсто того наши братчики услышали отъ уполномоченнаго Кіевскаго округа что неизвѣстно кого везутъ, поѣздъ совсѣмъ не былъ въ Кіевѣ, и онъ самъ узналъ только въ тотъ же вечеръ (посѣщая другой госпиталь) что прямо изъ Яссъ везутъ легко раненыхъ, которыхъ высадятъ на станціи Кривинъ съ назначеніемъ въ Острожскую больницу. Около четырехъ часовъ, опоздавъ на два

часа, подъѣзжаетъ поѣздъ, и наши братчики съ ужасомъ видятъ что *выносятъ* на носилкахъ и кладутъ прямо на полъ (ибо не было ничего запасено для нихъ) одного за другимъ, продрогшихъ, одѣтыхъ въ лохмотьяхъ, искалѣченныхъ, полуокоченѣлыхъ людей, которые сердобольнымъ, не привыкшимъ братчикамъ показались почти трупами. „Кажись, всѣ люди умирающіе, съ руками и ногами простреленными, говоритъ Петръ Васильевичъ, а одинъ такой сердитый...“ Господи! что же мы будемъ дѣлать? У насъ ни хирурга нѣтъ, ни инструментовъ, ни даже носилокъ, чтобъ изъ повозокъ перенести ихъ. Я послала за ближайшимъ врачомъ Милковскимъ и къ губернатору опять просить оставить намъ единственнаго хирурга который имѣетъ инструменты здѣсь, врача городской больницы, долженствующаго уѣхать въ этотъ день въ Ровно. Когда Мильковскій и инспекторъ врачебной управы съѣхались у насъ, мы нѣсколько пріободрились, потому что можно было сдѣлать кое-какія распоряженія. Рѣшено было помѣстить по степени болѣзни раненыхъ въ разные этажи; тѣхъ которые совсѣмъ не могутъ ходить — внизу, въ лучшую комнату, просторную, съ высокимъ сводомъ, большими окнами, на солнечной сторонѣ. Для переноски я вспомнила что у насъ есть, благодаря баронессѣ Раденъ, приславшей намъ модели, приспособленные матрасы-носилки, то-есть чехлы на сѣнники, сдѣланные съ петлями, въ которыя вдѣваются палки: такимъ образомъ эти носилки кладутся прямо на кровать не утомляя больныхъ перекладкой. Послали къ воинскому начальнику нарядить нѣсколько солдатъ на подмогу нашимъ сторожамъ, и такъ устроили первую помощь, имѣя моральную поддержку въ опытности доктора Могилянскаго (инспектора врачебной управы) и стали ожидать, приготовивъ разумѣется чаю и вина и перемѣну бѣлья, ибо бѣдные люди съ самыхъ Яссъ не останавливались, не перевязывали ранъ, не мѣняли бѣлья; не была даже перемѣнена солома на которой они лежали въ товарныхъ вагонахъ съ открытою дверью (или лучше сказать воротами) и пробитыми отверстіями вмѣсто оконъ, приспособленныхъ къ лѣтней порѣ, а ѣхали они въ холодъ и ураганъ. Мы послѣ узнали что нашъ уполномоченный (къ счастію мировой посредникъ) досталъ въ своемъ участкѣ Кривинѣ нѣсколькѣ *свитокъ* (кафтановъ) у крестьянъ взаймы чтобы закутать больныхъ въ дорогу, такъ какъ обѣщанные намъ теплые халаты изъ Кіева не

привезены и у насъ не сдѣланы, потому что погода перемѣнилась въ самые жидовскіе праздники, когда ни за какія блага нельзя достать портнаго въ Острогѣ. Ждали мы всѣ то на дворѣ, то въ комнатахъ, то въ корридорѣ. Пріѣхалъ Ѳ., пріѣхалъ губернаторъ. Мы узнали что двое изъ раненыхъ въ дисентеріи, вѣроятно отъ холода въ вагонахъ; оба занемогли дорогой. Рѣшено этихъ двухъ привезти прямо въ городскую больницу, гдѣ и платить за нихъ, ибо эпидемическихъ больныхъ въ нашемъ помѣщеніи держать нельзя. Мы спросили О, что̀ это за сердитый больной? Оказалось что это юнкеръ, то-есть вольноопредѣляющійся, изъ одной петербургской гимназіи, служившій въ Болгарской дружинѣ и раненый легко въ голову, но съ весьма раздражительными нервами. Понятно что девять дней такого путешествія не расположили его дружелюбно и можно простить, но не должно мирволить. Рѣшили помѣстить его въ отдѣленіи крестьянскихъ воспитанниковъ, гдѣ только четыре кровати и обстановка какъ можно меньше похожа на лазаретъ. Между тѣмъ вѣтеръ завывалъ. Мы ждали въ сѣняхъ со двора въ нижней комнатѣ, гдѣ уже собраны были наши сторожа съ импровизованными носилками.

1го сентября.

Наконецъ пріѣхали. Показались отецъ Игнатій впереди, а сбоку Левицкій (нашъ врачъ), высокій, блѣдный, посинѣлый отъ холоду, провожающій тихими шагами человѣка лежащаго на носилкахъ. Впечатлѣніе было точно какъ у Петра Васильевича что несутъ умирающаго или умершаго. Мы воротились въ домъ, въ большую комнату нашей школы и распорядились, по указанію Могилянскаго и Мильковскаго, чтобы тѣхъ которые совсѣмъ не встаютъ положили на кровати посрединѣ комнаты, дабы можно было подходить съ обѣихъ сторонъ для перевязки.

Перваго внесли и положили на матрасъ-носилки человѣка лѣтъ двадцати пяти, * котораго круглое, полное, даже румяное лицо, русые волосы и усы, голубые, добрые тихіе глаза (настоящій типъ русскаго солдата) тутъ же успокоили меня. Слава Богу! это не умирающій человѣкъ— это добродушіе и покорность судьбѣ живучей русской натуры не обманчивы. Онъ оказался рядовымъ Иваномъ Лав-

* Ему 22 года.

рентьевымъ Ѳедорчукомъ, раненымъ еще подъ Систовымъ въ ногу, которая вѣроятно никогда не воротится въ первобытное положенiе свое; но кость уже срослась отчасти и не много мучаетъ его. Онъ такой симпатичный и мы такъ обрадовались что онъ совсѣмъ на ладанъ не дышетъ, что съ этой первой минуты его признали *нашимъ любимымъ больнымъ*.

Еще двоихъ положили рядомъ (но съ большими промежутками), тоже раненыхъ въ ногу, и одного молоденькаго Молдавана, чернѣе всякаго Цыгана, раненаго въ руку. Пока стали заниматься ихъ перевязкой и перемѣной бѣлья, я пошла вверхъ. Въ нашемъ большомъ дортуарѣ помѣстили четырыхъ. Одинъ уже не молодой и съ типомъ какимъ-то знакомымъ, но не чисторусскимъ, некрасивымъ, не могъ согрѣться, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и говорилъ: „озябъ, озябъ, мнѣ холодно", чай его не согрѣвалъ, ни теплое байковое одѣяло, и мы сказали чтобъ ему дать хересу, вспомнивъ какъ онъ скоро дѣйствуетъ. Засуетилась наша маленькая санитарная команда: не было вина подъ рукой, а когда принесли, то хотѣли почти насильно напоить имъ всѣхъ которые и не желали и морщились. Вообще пришлось усомниться въ нашихъ способностяхъ къ больничному дѣлу. Уже съѣзжались къ обѣднѣ на праздникъ и стали входить къ больнымъ съ сердечнымъ участiемъ, но безъ большой пользы, чтобы не сказать во вредъ. Къ счастiю раздался трезвонъ и всѣ свободные отъ настоящаго дѣла пошли въ церковь. Въ палатѣ крестьянскихъ учениковъ сердитый юнкеръ поуспокоился; съ нимъ было еще двое бодро и весело смотрящихъ, но третiй, унтеръ-офицеръ, еле дышалъ, съ трудомъ могъ выговорить слово: его душила жаба. Къ этому времени прiѣхалъ добрый нашъ ровенскiй докторъ Сильвестровъ. Онъ прижегъ горло, далъ выпить сиропу Здекауера и предписалъ полосканье. Мы пошли въ церковь. Молебенъ служилъ отецъ Игнатiй. Мысль переносилась отъ давно прошлаго, славянской борьбы празднуемаго нами князя Острожскаго за Чеховъ, къ великому настоящему. Душа успокоивалась вѣрой что въ великомъ подвигѣ Россiи и ея Царя, какъ и въ маломъ нашемъ старанiи здѣсь, не оставитъ Господь труждающихся и обремененныхъ и по непреложному Своему обѣтованiю „сотворитъ отмщенiе вскорѣ".

Послѣ обѣдни по случаю праздника пришлось угостить

хотя только пирогомъ и чаемъ, собравшихся братчиковъ, а мы еще наканунѣ звали командировъ двухъ батарей 5го корпуса пришедшихъ сюда на постой. Они уже успѣли навѣстить нашихъ раненыхъ и обѣщали не забывать ихъ. Съ ними (оба они съ севастопольскими медалями, что конечно сблизило меня съ ними), глядя на фотографію Морской улицы въ Севастополѣ, мы вспоминали прошлое и говорили о новой Плевнинской битвѣ. Мы одинаково понимаемъ нынѣшнюю войну какъ продолженіе той вражды собственно противъ Россіи, вражды которой намъ ничѣмъ не обезоружить въ западныхъ правительствахъ. Мы однако скоро окончили чай и разговоръ, а завтракъ не могли подать гостямъ, потому что маленькій запасъ намъ нуженъ былъ для другихъ нашихъ дорогихъ гостей — раненыхъ. Не зная за три дня объ ихъ пріѣздѣ, мы не закупили лишней провизіи, а теперь жидовскіе праздники, слѣдовательно и бойни и булочныя также наглухо заколочены какъ мастерскія портныхъ и суконныя лавки. Какъ бы ни было, больные не были безъ обѣда и заснули потомъ всѣ, только бѣдный Гурскій слишкомъ страдалъ горломъ, но и у того около вечера прорвался нарывъ и онъ уже могъ свободно дышать и говорить и проглотить нѣсколько ложекъ манной каши на молокѣ.

Уже нѣсколько позже, когда они отдохнули всѣ и выспались, мы могли хорошенько ознакомиться съ ними и устроить должный порядокъ въ дежурствѣ и уходѣ. Теперь три дня сряду праздники: воскресенье, Усѣкновеніе главы Предтечи, именины Государя, такъ что наши два усердные и уже хорошо подготовленные больничары изъ крестьянскихъ воспитанниковъ могли безвыходно заниматься своимъ дѣломъ; оба они, особенно Грищукъ, отъ всей души съ наслажденіемъ взялись за свои обязанности. Они уже около двухъ мѣсяцевъ учились дѣлать перевязки и составлять простыя лѣкарства; знаніе латинскаго языка пригодилось для пониманія рецептовъ, которые не ставили ихъ въ тупикъ. Не могу выразить какъ меня эти молодые люди, въ сущности еще мальчики, радуютъ. Послѣ этихъ трехъ дней, Грищукъ и товарищъ его должны быть на урокахъ и замѣститъ ихъ одинъ изъ вышедшихъ уже изъ прогимназіи, Формалюкъ, который живетъ у своихъ въ деревнѣ, учился нѣсколько у фельдшера и также охотно и усердно взялся за свою обязанность.

Они помогаютъ на перевязкѣ, прислуживаютъ, читаютъ

вслухъ, разказываютъ эпизоды изъ Священной и Русской исторіи, исполняютъ маленькія порученія, ночуютъ подлѣ дортуара, чтобы быть готовыми на всякій случай, еслибы понадобились. Грищукъ читалъ раненымъ Евангеліе и объяснялъ прочитанное, читаетъ утреннія молитвы; словомъ разумно, дѣльно и сердечно относится къ своему дѣлу, не хуже сестеръ милосердія. Семеро изъ крестьянскихъ воспитанниковъ просили у директора позволенія дежурить по одному дню въ недѣлѣ (послѣ уроковъ), т.-е. отъ 3хъ часовъ до слѣдующаго утра, а по утрамъ будетъ уже постоянно свободный одинъ больничаръ. Суета и сумятица перваго дня улеглись.

Дежурили уже З. и Надежда Ивановна А. серіозно, дѣльно и въ этотъ день разъяснилось и установилось уже все. Вышли маленькія отступленія отъ правилъ, но я сказала очень серіозно и внушительно: „и вы и мы всѣ желаемъ одного — вашего выздоровленія. Для больныхъ первое дѣло самая строгая дисциплина. Поэтому я должна васъ предупредить что отъ правилъ положенныхъ докторами мы не позволимъ себѣ отступать и вамъ не позволимъ.“ Слѣдующіе два дня все пошло гладко, и сердитый юнкеръ сталъ шелковый.

За то мы ему указали читальню и давали всякій день газеты, самыя свѣжія. Въ нашей нижней палатѣ, одинъ нашъ первый знакомый Иванъ Лаврентьевичъ Ѳедорчукъ, уроженецъ Херсонской губерніи, но съ очень чистымъ русскимъ выговоромъ, рядовой Подольскаго пѣхотнаго полка раненъ 15 іюня подъ Систовымъ, при переправѣ черезъ Дунай, въ ногу, близь колѣна, съ поврежденіемъ кости; лѣчился въ Зимницѣ, т.-е. около Зимницы въ госпиталѣ, гдѣ старшою сестрой была тогда Надежина (Крестовоздвиженская). Онъ вообще обо всѣхъ и обо всемъ отзывается съ похвалой или одобреніемъ; когда я спросила: ѣхать-то вамъ было очень трудно и не хорошо въ вагонахъ? „Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ онъ, хорошо.“ Но когда заговорятъ о Надежиной, все лицо его озаряется счастіемъ. Надобно было видѣть съ какою любовью онъ смотрѣлъ на свой костыль, говоря мнѣ: „и это сестра Надежина мнѣ дала, она сама заказала столяру для меня. Она была у насъ старшая сестра. Хорошо было у нея!“ Онъ всѣмъ доволенъ, ничего не проситъ, послушенъ какъ доброе дитя и такъ усердно молится. Придумывая какъ занять его я спросила его:

Вы грамотны? „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ грустію, но товарищъ мнѣ прочтетъ, если дадите книгу.“ Такъ вотъ, вы у насъ выучитесь, предложили мы обрадовавшись такому занятію для него. „Да я слишкомъ старъ, сказалъ онъ вздохнувъ, и вѣдь не долго здѣсь буду, не успѣю выучиться, а раньше не могъ, ужь такъ не пришлось.“ Мы успокоили его что эта наука скоро дается. Нашелся еще неграмотный, молодой Молдаванъ. Мы имъ на другой день достали подвижную азбуку, наклеили ее и Грищукъ съ увлеченіемъ сталъ учить, а Иванъ Лаврентьевичъ еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ учиться. Особенно поощряло его то что во всѣхъ книгахъ все тѣ же буквы будутъ встрѣчаться.

Вечеромъ къ ужину уже пришлось употребить нашъ авторитетъ чтобы прекратить ученіе. Грищуку и его ученикамъ не хотѣлось оставить ученіе. Особенно Иванъ Лаврентьевичъ который уже составлялъ слова: „Богъ“, „Милость“, „Божія милость“ и имя свое „Иванъ“, очень неохотно повиновался, удержавъ еще въ рукѣ листокъ съ азбукой, когда мы стали прибирать подвижныя буквы, но Молдаванъ меня порадовалъ своимъ признаніемъ дисциплины; отошелъ отъ стола тотчасъ къ своей кровати, говоря: „если приказано оставить, такъ оставить“. Сказано это было безо всякаго раздраженія, и даже нѣсколько внушительно въ сторону Ивана Лаврентьевича. Насъ очень успокоило все это. Грамотнымъ у насъ есть книги, но неграмотные очень озабочивали. Лежать весь день и ничего не дѣлать, какая тоска! Теперь все обстоитъ благополучно, слава Богу, и нижняя палата больницы осталась вѣрна своему первоначальному назначенію школы грамотности: больничары наши уже про начало Кіева разказывали и про Кирилла и Меѳодія.

4го сентабря.

Душа и сердце и всѣ мысли подъ Плевной, гдѣ нѣтъ еще окончательнаго рѣшенія, хотя въ самый день именинъ Государевыхъ, въ присутствіи Его самого на полѣ сраженія, наше войско конечно превзошло себя въ храбрости. Одинъ изъ нашихъ больныхъ, Рыльскаго полка, Мигаевъ (уроженецъ Подольской губерніи), раненый подъ Плевной 18го іюля (замѣчательно толковый, сдержанный человѣкъ), на мои разспросы говорилъ что, „въ то время главное затрудненіе представляла мѣстность, то-есть густой кустарникъ въ ростъ че-

лить: такой „*ёмилый гинираль* что съ такимъ начальникомъ всегда *побида*; боится чтобы не пропало все теперь когда раненъ Драгомировъ, и не будетъ командовать. Я его успокоивала обнадеживая что Драгомировъ черезъ шесть недѣль будетъ опять въ строю; но онъ не совсѣмъ довѣряетъ мнѣ и думаетъ что ужь не вести Драгомирову молодцовъ въ атаку.

У насъ, какъ я уже написала кажется, по недоразумѣнію съ Кіевскимъ отдѣленіемъ Краснаго Креста, не было заготовлено теплыхъ халатовъ. Но у юнкера и у Деденки случились свои, а 29го вдругъ сдѣлалась ясная, даже сравнительно довольно теплая погода. Я предложила этимъ двумъ больнымъ, которые ранены оба въ голову, а не въ ноги, пройтись по саду. и сама отправилась съ нашимъ братчикомъ погулять. Черезъ полчаса повернули на боковую дорожку; вижу что-то бѣлѣетъ на скамейкѣ; подходимъ: нашъ артиллеристъ въ одномъ бѣломъ халатѣ, съ кепи набекрень, опираясь на свой толстый сукъ, сидитъ въ бесѣдѣ съ землякомъ изъ Острожской стражи, какъ здоровый человѣкъ въ жаркій іюльскій день. Я ахнула и подойдя спросила, какъ онъ съ лѣстницы сошелъ. и развѣ не боится простудиться? Онъ увѣрялъ по обыкновенію что ему очень легко ходить, что впрочемъ товарищъ ему помогъ, а что касается простуды, очень тепло и ничего. Однако на другой день при перевязкѣ оказалось что онъ разбередилъ ногу, и докторъ совѣтовалъ перевести его внизъ чтобъ онъ не имѣлъ искушенія бѣгать по лѣстницамъ и былъ бы подъ присмотромъ; лучше если совсѣмъ не вставать съ кровати. Онъ было отказался идти внизъ, объявилъ что уйдетъ опять вверхъ, что тамъ его товарищъ (Гурскій), а его перевели къ чужимъ.—Кого же зовете чужими? спросилъ отецъ Андрей (дежурный въ этотъ день), и мы не чужіе, а русскіе раненые солдаты развѣ могутъ быть чужими для васъ? Онъ замолчалъ, но однако часа черезъ два послѣ этой маленькой размолвки я застала его нахмуреннымъ, сидящимъ подлѣ кровати у столика, пишущимъ что-то очень усердно и скоро. Я ему сдѣлала выговоръ, а онъ отвѣчалъ все то же, что у него тамъ вверху товарищъ и зачѣмъ ихъ разлучили.—Давно онъ вамъ такъ близокъ? спросила я его. „Нѣтъ, да вотъ какъ ранили меня, стали перевязывать и отправили насъ вмѣстѣ и всю дорогу мы ѣхали вмѣстѣ, такъ свой человѣкъ и сталъ мнѣ.“ Я ужь тутъ ему растолковала что онъ повредилъ себѣ

ногу, что докторъ *меня* выбранилъ изъ-за него, а что его нельзя перевести назадъ вверхъ, потому что на него нельзя положиться, онъ уходитъ безъ спросу гулять, и вотъ ему хуже.— Сколько вамъ лѣтъ? спросила я.—Двадцать семь.—Что же за охота искалѣчить себя навѣки, когда Богъ помиловалъ и рана такая что можете совсѣмъ выздоровѣть. Онъ призадумался. Я ему разказала какъ мой братъ былъ раненъ въ Севастополѣ и какъ долго ему пришлось беречь свою ногу, и предложила устроить такъ скамейку что можно будетъ сидѣть у стола и писать, и все-таки не сгибать ноги. Онъ обѣщался быть послушнымъ, и поэтому какъ только вхожу въ комнату, вскакиваетъ на кровать и протягиваетъ ногу, что разумѣется еще хуже чѣмъ еслибы сидѣлъ спокойно. Авось съ устройствомъ скамейки въ родѣ лубка онъ *усмирится.*

Итакъ онъ теперь пятый въ нижней палатѣ.

10го сентября.

Инспекторъ врачебной управы пріѣзжалъ для обозрѣнія и нашелъ что благодаря хорошему уходу и гигіеническимъ условіямъ состояніе больныхъ блестящее. Слава Богу! но это было въ порядочную погоду, а теперь стоитъ гнилая, холодная осень и обнаруживаются всѣ неудобства нашего помѣщенія въ отношеніи къ вентиляціи, которую никто въ этомъ жидовскомъ уголкѣ не умѣлъ устроить, хотя мы хлопочемъ объ этомъ уже восемь лѣтъ. Однако я точно нашла раненыхъ гораздо лучше, и веселыми, бодрыми; даже бѣдный Прушинскій меньше страдаетъ рукой. Грамотность же въ блестящемъ состояніи. Иванъ Лаврентьевичъ по складамъ читаетъ не только въ книгѣ которую уже знаетъ, но и въ *Иллюстраціи*, и заглавіе газетъ (крупными буквами). Черный Молдаванъ меньше сдѣлалъ успѣховъ; но ему труднѣе, самый русскій языкъ ему не совсѣмъ родной. Къ тому же Иванъ Лавретьевичъ уже слишкомъ увлекается азбукой и чтеніемъ, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и какъ-то смотритъ изнуреннымъ, а ни на что не жалуется. Вообще его ровность характера, спокойствіе духа и смѣтливость замѣчательны. Онъ изъ деревни въ семи верстахъ отъ станціи Веселый Кутъ на Одесской желѣзной дорогѣ; его братъ пріѣзжалъ къ нему на Рождество въ Румынію. На Великъ День (то-есть на Пасху) онъ послалъ письмо домой (диктованное), но еще не имѣлъ отвѣта.

Канониръ Петунинъ свыкся съ новою палатой и даже

истина, ужь теперь я стану ему вѣрить (то-есть газетѣ или редактору ужь не знаю).

О Драгомировѣ отрадно слышать какъ отзываются всѣ эти люди бывшіе съ нимъ въ огнѣ. Такъ хорошо на душѣ, какъ узнаешь о хорошихъ талантливыхъ людяхъ между нашими командирами. Радецкаго они тоже очень любятъ и хвалятъ. Вечеромъ я нашла сердитаго юнкера въ читальнѣ и первый разъ разговорилась съ нимъ. Онъ кажется понялъ что его дебютъ здѣсь былъ не совсѣмъ любезный. Разказывалъ какъ попалъ къ намъ. Ихъ партію раненыхъ везли въ Вильну,—какъ вдругъ на разсвѣтѣ въ холодную, дождливую, бурную погоду, разбудили его съ извѣстіемъ что сейчасъ надобно выходить на станцію: тутъ высаживаются. Рана на головѣ сильно болѣла, одѣться въ теплое было не во что; посмотрѣлъ кругомъ—какой-то пустырь. А наканунѣ онъ поссорился съ ихъ докторомъ и ему показалось что это нарочно вмѣсто Вильны куда-то въ глухой уголъ его выбрасываютъ. „Куда же это меня везутъ?“ спросилъ онъ сквозь сонъ у начальника станціи.—Въ Острогъ, отвѣчалъ тотъ.—„Ну, въ острогъ-то знаю что не повезутъ.“—Да это городъ Острогъ отвѣчали ему. Онъ увѣрялъ что забылъ что есть такой городъ, хотя и зналъ.

— Я кажется сказалъ что-то неловкое (продолжалъ онъ) одному изъ братчиковъ, но мнѣ было такъ скверно, такъ холодно, такъ болѣла голова и все кругомъ было такъ непривѣтливо что я просто былъ золъ на все. Когда я выпилъ теплаго чаю и согрѣлся немножко, такъ стало лучше, а потомъ поѣхали—рессорный экипажъ—какъ-то семейно; выѣхали въ лѣсъ сосновый, точно ѣдишь въ деревню; тутъ ужь стало мнѣ совсѣмъ хорошо.

14го сентября. Острогъ.

Сегодня день Воздвиженія Креста. Наши раненые были предъ обѣдней въ церкви (не на хорахъ какъ обыкновенно), прикладывались ко Кресту съ частицей Животворящаго Древа и пожелали остаться слушать обѣдню; ни за что не хотѣли садиться, что по правдѣ сказать меня нѣсколько потревожило. Но вечеромъ только одинъ сказалъ мнѣ что у него голова закружилась. Другіе напротивъ были веселы и довольны какъ дѣти.

Пѣніе было у насъ прекрасное и за причастный стихъ пѣли мой любимый псаломъ неизвѣстнаго мнѣ композитора:

„Помилуй мя Боже“. Но это растянуло службу на 20 минутъ. Наши дорогіе раненые говорятъ что очень было хорошо, что служба прекрасная.—Только немножко длинна, сказала я Деденкѣ. „Для меня не длинна“, отвѣчалъ онъ, и кажется ему польстило, когда я сказала что это пѣли славные малорусскіе голоса.

А въ моей нижней палатѣ самый праздничный видъ: Молдаванъ и Сильвестръ Николаевъ (бывшій съ бронхитомъ) подпрыгивали и перебѣгали съ одного конца комнаты на другой когда я пришла къ нимъ вечеромъ. Иванъ Лаврентьевичъ смотрѣлъ весьма утомленнымъ, но тихо счастливымъ. Даже бѣдный плевнинскій Мигаевъ повеселѣлъ и перебиралъ цвѣты въ стаканѣ на столикѣ подлѣ кровати, куда я принесла ихъ утромъ къ нему изъ-подъ Креста.

Вообще эта палата рѣшительно не имѣетъ лазаретнаго вида; смотритъ семейно, какъ въ деревнѣ комната куда наѣхали школьные товарищи къ сыновьямъ хозяйки.

Рѣчь зашла о Болгарахъ. Мой плевнинскій пріятель съ душевнымъ сожалѣніемъ говоритъ о нихъ, о ихъ прекрасномъ краѣ, съ восхищеніемъ хлѣбопашца о дивномъ хлѣбѣ *, который какъ стѣна стоитъ, и о тяжелой работѣ (въ родѣ барщины) которую они несутъ. Обрабатывать поля должны за Турокъ и изъ своего хлѣба и изо всего чтò народится отдавать процентъ, да и за всѣмъ тѣмъ не быть увѣреннымъ ни въ остальномъ имуществѣ ни даже въ жизни. „И сколько, сколько перебито ихъ, почти на нашихъ глазахъ! народъ былъ бы богатъ, еслибы не Турки, край чудный, сами хорошіе хлѣбопашцы, хорошіе работники, прибавилъ Иванъ Лаврентьевичъ, все у нихъ такъ аккуратно идетъ, въ родѣ какъ у Нѣмцевъ колонистовъ **. Жинки у нихъ не работаютъ (т.-е. въ полѣ)“.—Да и у насъ, сказала я, женщины только жнутъ.—„Въ нашемъ краѣ, отвѣчалъ онъ, не жнутъ хлѣбъ, а косятъ все. А у Болгаръ и сѣна не косятъ и не ворошатъ жинки, развѣ только дѣвушки. Жинки только дома работаютъ, все волну прядутъ. Плевнинскій Мигаевъ подхватилъ: „онѣ тоже ткутъ сукно и вышиваютъ. А есть гдѣ деревья (тутовыя) и шелкъ дѣлаютъ. Хорошіе люди, жаль ихъ!“

— Ну а съ Русскими каковы они?

* Онъ самъ изъ Подольской губерніи.

** Иванъ Лаврентьевичъ Херсонской губерніи.

— А какъ же можетъ быть? разумѣется какъ свои. Хорошіе люди. Мы съ ними все одно что братья.

Этотъ отзывъ много разнился отъ того что̀ вчера говорилъ сердитый юнкеръ, не совсѣмъ довольный, оказалось, Болгарами. Не въ первый разъ встрѣчать разладъ сужденій между простолюдиномъ и людьми изъ „интеллигенціи", не имѣющими вдобавокъ тѣхъ правъ быть раздражительными какъ нашъ раненый юнкеръ; а въ итогѣ выходитъ что простой солдатъ видитъ и понимаетъ положеніе и бытъ Славянъ и вѣрнѣе, и разумнѣе, и сочувственнѣе.

А покуда не будемъ удивляться что книжники видя не видятъ и слыша не слышатъ; а свѣтлымъ взглядомъ узнаютъ и понимаютъ простые, полуграмотные или совсѣмъ безграмотные преемники галилейскихъ рыбаковъ!

19го сентября 1877 года.

Слава Богу, кажется есть надежда на лучшую погоду, сегодня солнце ярко свѣтитъ, даже немножко грѣетъ. Наши больные тоже оживаютъ и крѣпнутъ; въ большомъ дортуарѣ уже по вечерамъ не только поютъ молитву, но стали спѣваться для солдатскихъ пѣсенъ и очень желаютъ достать гармонику. Къ сожалѣнію нашъ Нѣмецъ-стрѣлокъ, который одинъ умѣетъ играть, владѣетъ всего только мизинцемъ правой руки, такъ что гармонику еще рано доставать. Въ саду раненые тоже сидѣли на скамейкѣ и спѣвались. Трое изъ моихъ друзей нижней палаты просятъ выписать ихъ въ семейство для окончательнаго выздоровленія. Весело смотрятъ, и только дурныя извѣстія изъ арміи опечаливаютъ ихъ столько же какъ меня. Но плевнинскій Мигаевъ и Иванъ Лаврентьевичъ медленно поправляются, хотя никогда не говорятъ что страдаютъ. Грамотность идетъ своимъ чередомъ, хотя кажется не такъ уже бойко. Иванъ Лаврентьевичъ уже читаетъ въ *Молитвословѣ* (гражданской печати) хорошей четкой печати почаевской. У Мигаева одно развлеченіе: цвѣты въ стаканѣ которыми онъ любуется и переставляетъ когда утомляется чтеніемъ. Вотъ два мѣсяца минуло вчера какъ онъ упалъ раненый въ кустарникѣ турецкой позиціи, и съ тѣхъ поръ ни шагу не можетъ сдѣлать. Не могу смотрѣть на него безъ грусти и глубокаго уваженія къ его долготерпѣнію.

Одну изъ маленькихъ воспитанницъ здѣшнихъ, Леночку, я уже водила въ нижнюю палату познакомить съ публикой, которой она собирается читать.

Все входитъ въ зимнюю колею.

20го сентября.

Вечеромъ вчера Леночка читала вслухъ раненымъ. Но книгу должны были взять какая случилась подъ рукой, ибо не было ключей отъ библіотеки. Читала Толычевой о Св. Сергіи и Лаврѣ. Трудновато вышло для пониманія и лектрисы и слушателей. Пришлось толковать слово „инокъ", а для херсонскихъ уроженцевъ, даже „келлія", „рака", „мощи" оказались незнакомыми предметами, за то канониръ, въ качествѣ Задонца, все это зналъ, и припоминалъ открытіе мощей Святаго Тихона когда ему было одиннадцать лѣтъ. Петръ Васильевичъ былъ дежурный и съ навыкомъ своимъ въ преподаваніи чутко понималъ что̀ именно для слушателей трудно.

Слушали однако съ напряженнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и про Татаръ и о Дмитріи Донскомъ по нашимъ объяснительнымъ разказамъ. Такимъ образомъ дошли мы до преставленія Святаго Сергія. Прочитавъ какъ Дмитрій Донской приходилъ къ Святому Сергію за благословеніемъ отправляясь на войну противъ Татаръ, я сказала что и теперь наши Государи ѣздятъ къ мощамъ Святаго Сергія предъ началомъ войны, и что Государь съ Императрицей ѣздили туда молиться когда Государь возвращался изъ Кишинева послѣ обнародованія манифеста о войнѣ. Иванъ Лаврентьевичъ сказалъ на это что ихъ полкъ былъ въ Кишиневѣ когда служили молебенъ и прямо съ молебна вышелъ въ походъ. Очевидно этотъ молебенъ глубоко врѣзался въ память его. Онъ задумчиво глядѣлъ какъ бы въ даль воспоминанія, тише еще обыкновеннаго говорилъ и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ: „Государь молился и плакалъ, слезы видны были. Онъ насъ жалѣлъ. Да, Государь жалостливый, хорошій у насъ Государь." Утѣшительно слышать и видѣть съ какимъ сердечнымъ чувствомъ растроганной души отвѣчаетъ русскій солдатъ, русскій народъ на сердечныя отношенія къ нимъ Государя.

26го сентября.

Я выѣхала изъ Острога 22го въ деревню. Я какъ на позиціи противъ непріятеля вся обносилась; къ тому же и отдохнуть было необходимо, ужь слишкомъ нездоровилось; а жаль было разстаться съ новыми друзьями, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ нихъ уже разъѣзжаются. Одинъ новый къ намъ поступилъ наканунѣ моего отъѣзда. Здѣшній воинскій начальникъ, Калатничевъ, уговорилъ насъ дозво-

лить перевезти къ намъ изъ городской больницы одного изъ двухъ непринятыхъ нами по случаю эпидемическаго характера болѣзни. Болѣзнь вылѣчили, раны у обоихъ зажили и одинъ уже выписался и ѣдетъ обратно въ полкъ; но другой Ѳедоръ Улановъ, Брянскаго полка, тамбовскій уроженецъ до такой степени слабъ что совсѣмъ не поправляется. Не спитъ, не ѣстъ и питается только чаемъ; да и отъ него дѣлаются боли. Въ городской больницѣ тѣсно и воздухъ спертый, а выходить онъ не въ состояніи, да и погода такая что на воздухъ нельзя выходить. Умолялъ чтобъ его взяли мы. И мы согласились, съ тѣмъ что если чуть покажется прежняя болѣзнь, его опять возьмутъ въ городскую больницу. Левицкій осмотрѣвъ его, сказалъ мнѣ что по его мнѣнію должно быть какое-нибудь внутреннее поврежденіе и надобно стараться открыть что̀ такое. Мы его помѣстили все-таки отдѣльно и для этого заняли покуда ванную комнату. Я была у него два дня сряду; больно и страшно на него смотрѣть; слабость, худоба, истощеніе, взглядъ страдальческій. Послѣ ванны онъ заснулъ на нѣсколько часовъ; но опять боли его разбудили. Пробовали краснаго вина ему дать—опять боли. дали ему вина въ чаѣ — затошнило. Какъ и чѣмъ поддержать его силы? На второй разъ, именно предъ моимъ отъѣздомъ, я зашла къ нему съ нашей сестрицей Настасьей Степановной, и подъ впечатлѣніемъ разговора съ Левицкимъ, мы обѣ спросили, когда эти боли начались? Уже очень давно, послѣ второй плевнинской битвы, когда онъ еще не былъ раненъ. Я спросила, не надсадился ли онъ? Онъ не понялъ.—Не надорвался ли? спросила Настасья Степановна. Я стала растолковывать: Не поднимали ль вы чего тяжелаго?—Нѣтъ, ничего тяжелаго не поднималъ.—Постарайтесь вспомнить, не упали ль какъ-нибудь неловко? или перелѣзали, или перескакивали неловко и тѣмъ повредили себѣ? Онъ сталъ припоминать.—Вотъ развѣ что̀ я послѣ Плевны очень усталъ, несъ раненаго.—Какъ же это было?—Мы отступали сперва тихо, а потомъ приказали прибавить шагу, въ это время одного товарища ранило, его подобралъ казакъ, на свою лошадь посадилъ. А тутъ его лошадь убили: онъ и не могъ того унести, а Турки налетѣли и на куски его изрѣзали; мы видѣли да нельзя было помочь. Шли мы очень скоро, вотъ ранило другаго нашего, онъ упалъ и сталъ кричать намъ вслѣдъ. „Братцы не оставляйте меня! Братцы, неужели-то бросите!" Очень ужъ жалко стало его, я и

говорю товарищу: нельзя его оставить, изрѣжетъ Турка. Мы и отдали свои ружья товарищамъ, да сами вдвоемъ подняли его на руки да и унесли. Слава Богу! вынесли. Такъ развѣ тутъ-то. Очень онъ былъ тяжелъ? Не то чтобъ ужь очень, но мы долго его несли, съ версту или полторы, и я очень измаялся. Развѣ тогда, я впрочемъ нѣсколько дней такъ себѣ ничего особеннаго не чувствовалъ. А потомъ начался рѣзъ, да все съ тѣхъ поръ и болитъ.—Ну, а какъ ранили, хуже стало?—Нѣтъ не хуже, а вотъ дорогой должно-быть растрясло когда, такъ ужь страхъ какъ стало болѣть, да съ тѣхъ поръ и не перестаетъ. Ни встать, ни ходить, ни пить, ни ѣсть не могу, отъ всего хуже болитъ.

Кажется что несчастный точно надсадился, перенося бѣднаго товарища котораго они спасли отъ истязаній хуже смерти. Смотрѣть на Уланова такъ же жалко, какъ ему было жалко оставить раненаго товарища. Боже мой! и все это повторяется въ каждомъ бою, въ каждомъ отрядѣ, въ каждомъ полку, на каждомъ шагу! И все это благодаря народу, который въ разчетахъ корыстной политики употребляетъ всѣ усилія удержать христіанъ подъ ненавистнымъ имъ игомъ и помогаетъ Туркамъ и своими милліонами, и своимъ присутствіемъ въ ихъ рядахъ. Не удивительно что мой пріятель, мягкій и добрый Иванъ Лаврентьевичъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ въ прямодушномъ, кроткомъ взглядѣ своихъ голубыхъ дѣтскихъ глазъ, сказалъ мнѣ: „Позволено ли спросить, Англичане крещеные или нѣтъ?“

Да и не Ивану Лàврентьевичу въ его простотѣ душевной, а и намъ, людямъ бывалымъ, придетъ на мысль: христіане ли это?

2го октября.

Только что успѣла воротиться изъ деревни, пришлось услышать хотя не про бѣду, но про бѣдоваго человѣка, надѣлавшаго непріятную кутерьму. Въ прошлую субботу выписали двухъ раненыхъ: одного на окончательное излѣченіе въ семействѣ, именно канонира въ Задонскъ; другаго молодаго парня Херсонской губерніи, Сильвестра Николаева, который самъ просится въ свой полкъ назадъ на Шипку. Они явились къ воинскому начальнику, получили свои виды, снарядились въ путь и только остались переночевать въ нашей больницѣ. Они уже считались вольными казаками и разумѣется сходили въ городъ поглазѣть ли или чтò купить, а канониръ для размѣна золотыхъ на ассигнаціи, чтò составило

167 рублей. Канониръ воротился подпивши, сталъ еще болѣе говорливъ чѣмъ обыкновенно. Однако мы на это не обратили вниманія. Но на другое утро въ день отъѣзда онъ нашелъ средство еще напиться, и явился въ такомъ возбужденномъ видѣ что одинъ изъ товарищей, Макѣевъ, сказалъ ему безъ церемоніи: „Неблагодарная тварь, ты насъ всѣхъ срамишь.“ И никто не хотѣлъ съ нимъ проститься. Отправились они съ нашимъ прикащикомъ въ Кривинъ. Но видно дорогой его еще болѣе разобрало. Пріѣхавъ на станцію вдругъ закричалъ что у него украли деньги и схватилъ за воротъ прикащика, воля неистово: „Меня обокрали въ Братствѣ, отдайте деньги мои и проч.“ Потомъ хотѣлъ бѣжать въ лѣсъ; наконецъ такъ расходился что его привезли назадъ къ воинскому начальнику и тутъ обшаривъ его самого нашли деньги спрятанныя въ голенищѣ, по солдатскому обычаю. Одни полагаютъ что онъ сльяна забылъ въ самомъ дѣлѣ куда дѣвалъ деньги, другіе что онъ надѣялся получить ихъ вдвое, скрывъ что размѣненные полуимперіалы у него находятся. Во всякомъ случаѣ его отправили по эталу; онъ продолжалъ размахивать руками и громко говорить: „Вотъ прокричалъ, такъ и нашлись деньги.“ Всѣ товарищи были возмущены. По мнѣнію воинскаго начальника все это сльяна,— il a le vin mauvais.

Что касается здоровья, слава Богу, всѣ видимо поправляются и пятерыхъ еще выпишутъ. Съ легкой руки Лидіи Дмитріевны подарившей красную фланель на фуфайки, которыя они носятъ не въ родѣ казакина, а какъ рубашку, у нихъ выходитъ видъ элегантный, но они похожи на гарибальдійцевъ. Одинъ Мигаевъ ни за что не хочетъ носить такой фуфайки, говоритъ: „Еще бы красную шапку—выйдетъ прямой баши-бузукъ.“ Но такъ какъ бѣлая фланель очень марка, такъ я предлагаю ему помириться на сѣрой фуфайкѣ: пожалуй будетъ похоже на гонведа или графа Андраши. Ну да объ этихъ онъ не знаетъ.

4го октября.

Вчера вечеромъ весьма неожиданно прислали къ намъ четверыхъ нижнихъ чиновъ изъ Кіева, двое раненыхъ—Егерскаго полка: унтеръ-офицеръ Степанъ Николаевъ и Архангелогородскаго полка рядовой Ермолай Артемьевъ Евстихѣевъ, раненый 8го іюля въ дѣлѣ Шильдера подъ Плевной, и двое больныхъ, по ошибкѣ попавшихъ къ намъ, потому что назначенныхъ къ намъ раненыхъ не могли доискаться на станціи.

По полученіи телеграммы, мы думали что эти четыре воина должны быть тѣ четыре юнкера которыхъ Демидовъ хотѣлъ прислать къ намъ вмѣсто офицеровъ отказавшихся ѣхать сюда. Наши сестры испугались было, опасаясь нашествія сердитыхъ больныхъ. Больные земляки мои. Смоляне, Духовщинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, требовали не ухода уже, а укрѣпленія здоровья послѣ лихорадки. Рядовой серіозно раненый въ плечо разрывною пулей еще при первомъ Плевнинскомъ дѣлѣ, Курчанинъ уже давно на излѣченіи въ Кіевскомъ госпиталѣ; говорливый, живой, съ обиліемъ разсказовъ обличительнаго характера. Новые гости пріѣхали мы не знаемъ какими судьбами прежде нежели у насъ открылись ваканціи, ибо наши выписанные въ то же утро, но не представленные еще воинскому начальнику, Забалканскіе друзья еще не уѣхали, и не будь юнкеръ переведенъ, по случаю телеграммы о его собратахъ-юнкерахъ, въ другую комнату, а бѣдный Улановъ отдѣленъ, намъ рѣшительно негдѣ было бы помѣстить пріѣхавшихъ. На бѣду еще вечеромъ у насъ загорѣлась половица въ коррядорѣ отъ затлѣвшаго бревна неосторожно оставленнаго близь трубы, проходящей черезъ стѣнку изъ кухни. Богъ помиловалъ. Нашъ больничаръ, прогимназистъ Грищукъ, замѣтилъ вовремя и не потерявъ голову схватилъ топоръ, вырубилъ доску и позвалъ на помощь безъ суеты и крика. Наши солдатики какъ разъ превратились въ пожарную команду, заливая водой изъ чего попало, даже изъ кружекъ и кувшинчиковъ. И самъ сердитый юнкеръ забылъ свою напускную величавость и съ огромнымъ корытомъ носилъ воду и заливалъ.

Братчики отправились въ Кривинъ на встрѣчу, а мы сидѣли съ воинскимъ начальникомъ до двухъ часовъ, но не дождались пріѣзда. Уже всѣ разошлись кромѣ нашихъ сестеръ милосердія и сторожей, когда въ 6 часовъ утра, врачъ нашъ и отецъ Андрей Барановичъ воротились съ тремя ранеными, изъ которыхъ одного, Патанина, Сѣвскаго полка, орловскаго уроженца, раненаго въ Эски-Загрѣ въ ногу, пришлось помѣстить въ нижней палатѣ. Нога его въ такомъ дурномъ положеніи что ему совсѣмъ нельзя двигаться. Мы устроили его подлѣ Мигаева. Надѣюсь что онъ окажется такимъ же добронравнымъ и терпѣливымъ какъ его сосѣдъ.

5го октября.

Сейчасъ простилась съ пятью изъ нашихъ раненыхъ, выписанныхъ кто въ отставку, кто на окончательное излѣченіе ранъ въ семействѣ. Глубоко трогательное было это прощаніе. Наши сестры милосердія, больничары-прогимназисты и сторожъ даже, всѣ плакали; слезы были на глазахъ у всѣхъ уѣзжающихъ, а Макѣевъ говорилъ съ прямотой простолюдина: „Такъ хотѣлось ѣхать домой что просто тоска брала, а теперь такъ жаль разстаться что и ѣхать не хочется." Да, русскій человѣкъ чутко понимаетъ сердечныя къ нему отношенія и сердечно же отвѣчаетъ на нихъ. Вчера вечеромъ предъ ужиномъ и послѣ ужина уѣзжающіе собрались въ нижней палатѣ, около кровати неподвижнаго Мигаева, и въ послѣдній разъ Леночка читала хорошенькій разказъ Коваленской: *Крутиковъ*, „про двухъ Севастопольцевъ, одинъ безъ руки, другой безъ ноги". Нѣмецъ Вель, ѣхавшій съ Иваномъ Лаврентьевичемъ, хохоталъ веселымъ басомъ, говоря: „а это я и ты: вмѣстѣ у насъ три руки и три ноги". Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ и тѣмъ веселѣй что къ нашей общей радости за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ мы узнали что на Кавказѣ блестящая побѣда: армія Мухтара разбита на голову и отрѣзана отъ Карса.

Простились на ночь уже нѣсколько грустно на этотъ разъ; это былъ послѣдній вечеръ и послѣднее чтеніе вмѣстѣ. Погода стояла эти два дня лѣтняя, вечеръ былъ славный, мѣсяцъ всходилъ и звѣзды сіяли, а въ открытое окошко входилъ чистый, прохладный воздухъ. Леночка со своимъ вздернутымъ кверху носикомъ и густыми волосами стояла грустная; ея слушатели поблагодарили ее какъ-то застѣнчиво: ребенокъ, а все же барышня.

Сегодня утромъ по случаю дня рожденія Государыни Императрицы былъ царскій молебенъ въ нашей церкви и мы слили въ одно: благодарственный за побѣду и напутственный, за отправляющихся раненыхъ нашихъ. Дѣвочки пѣли полнымъ хоромъ на клиросѣ. Главные члены братскаго совѣта были тутъ. Послѣ молебна съ многолѣтіемъ и колокольнымъ звономъ всѣ подошли ко кресту. Какъ празднично встрѣтили мы этихъ нашихъ друзей, такъ празднично и проводили ихъ! Отецъ Яковъ надѣлъ на каждаго въ напутственное благословеніе и на память образокъ Свв. Кирилла и Меѳодія. Я предварительно спросила у Веля: хочетъ ли онъ тоже получить образокъ? „Хочу", сказалъ онъ поспѣшно и въ свою очередь

поцѣловалъ образокъ и благоговѣйно наклонилъ голову когда отецъ Яковъ надѣлъ его ему на шею, какъ всякій набожный православный, только крестомъ не осѣнялъ себя, что всегда возбуждаетъ недоумѣніе въ Иванѣ Лаврентьевичѣ. „Точно ли протестанты крещеные? отчего же они не любятъ креста?“ Вообще и протестанты и католики такъ усердно молятся въ нашей церкви что далъ бы Богъ такой искренній, христіанскій союзъ сердецъ и душъ всѣмъ намъ какъ между солдатами этими, ходившими вмѣстѣ на встрѣчу смерти. Изъ церкви всѣ пошли обѣдать. Я не могла не сказать: „Бога ради, берегитесь, не вылейте лишняго дорогой чтобы не было того же что съ канониромъ. Поберегите себя, поберегите и насъ! Онъ насъ всѣхъ посрамилъ. „Не бойтесь, сказалъ Макѣевъ, намъ всѣмъ стыдно за него. Мы не такіе неблагодарные чтобъ отблагодарить такимъ образомъ за добро и ласку.“

Отобѣдавъ, мы пошли въ школу (нижнюю палату). Бѣдный Мигаевъ, всегда сдержанный, не могъ однако скрыть свою грусть: „Мы же съ *одного краю*, говорилъ онъ объ Иванѣ Лаврентьевичѣ, и такъ долго все вмѣстѣ были.“ Иванъ Лаврентьевичъ почти глазъ не подымалъ, а взглянетъ—полны слезъ. Совсѣмъ собрались. Александра Давыдовна пришла проститься. Я послала за Леночкой; она еще разъ простилась, и Иванъ Лаврентьевичъ всталъ и поклонился съ чѣмъ-то въ родѣ *крауфуса* костылемъ, говоря: „благодаримъ барышня“, и покраснѣлъ. Я обѣщала Велю постараться достать ему карточку Гурко, котораго онъ очень любилъ и съ благодарностью къ нему относится, а Деденкѣ карточку Драгомирова, котораго онъ обожаетъ; другихъ всѣхъ просила писать какъ пріѣдутъ на мѣста. Посидѣли мы всѣ, помолчали; Леночка (какъ моложе всѣхъ) встала и перекрестилась, всѣ за ней, и простились съ нашими недавними, но столь близкими друзьями.

8 октября.

Бѣдный Улановъ такъ слабѣетъ и такъ страдаетъ что просто тоска меня беретъ за него! Недавно онъ самъ просилъ причастія чтобы не умереть безъ покаянія, и пріобщился съ тѣмъ спокойствіемъ, и миромъ душевнымъ съ какимъ готовится къ смерти русскій простолюдинъ. Потомъ сказалъ мнѣ „какъ бы мнѣ пойти въ церковь?“ Но онъ такъ слабъ что нечего и думать объ этомъ. Я ему предложила на другой

день отслужить молебенъ у него въ комнатѣ предъ иконой Спасителя, въ которой вдѣланъ ковчежецъ съ частицей Ризы Господней. Ужь какъ онъ усердно молился! Всѣ его здѣсь полюбили, онъ такой тихій, кроткій, терпѣливый, и все проситъ читать ему Евангеліе, или самъ читаетъ. Ему стали было читать разказы Погосскаго чтобы развеселить. Онъ сказалъ: „Да, хорошо, но Евангеліе лучше. Прочитайте мнѣ Евангеліе.“ Онъ былъ такъ слабъ, такъ задыхался что казалось не проживетъ до слѣдующаго утра. Разумѣется при немъ мы старались казаться веселыми, сестра Люба и я, но когда я отъ него пришла въ нашу (нижнюю палату) и сѣла по обыкновенію между кроватями Мигаева и Потанина чтобы читать или разказывать имъ что-нибудь, я не могла совладать съ собою и плакала.—Мнѣ жаль Уланова, отвѣчала я на ихъ вопросы о моихъ слезахъ, онъ такъ плохъ!

Оба эти страдальца въ запуски стали меня утѣшать и уговаривать не скорбѣть. Такъ были они трогательны что я еще пуще расплакалась, хоть и сознавала что они правы, и что умирать всѣмъ надобно и что не должно плакать о Божіей волѣ.

24 октября.

Все это время я не дежурила: была больна.

Въ день Казанской Божіей Матери я вышла на хоры къ обѣднѣ въ качествѣ больной съ нашими ранеными и потомъ была у нихъ. За это время (14 дней) Мигаевъ, Молдаванъ и мои земляки смоленскіе много поправились и даже пополнѣли. Смоляне Башкаревъ и Петровъ смышленые, грамотные и тихіе, настоящій типъ моихъ земляковъ, такъ усердно, да если можно выразиться, толково молятся. Они уже на выпискѣ. Но Земцевъ такъ дуренъ что Левицкій поручилъ уже поговорить ему о причастіи, и Подгорѣцкій тоже сомнѣвается въ выздоровленіи, но я надѣюсь послѣ Бога на легкую руку Левицкаго, нашего врача, и на молоко, которое больной началъ вчера пить.

Сегодня празднуется иконѣ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Я всегда служу молебенъ въ этотъ день. Я предложила моимъ неподвижнымъ друзьямъ нижней палаты просить отца Якова послѣ молебна принести образъ съ Ризой Господней къ нимъ приложиться. Потанинъ попросилъ: „ужь если безпокоить священника, нельзя ли у нихъ и молебенъ отслужить: они не могутъ двинуться и такъ

давно не слыхали божественной службы.“ Такъ мы и сдѣлали. Тутъ случились изъ прежняго хора прогимназіи Бугай и Шафарукъ, да Грицукъ пришелъ на дежурство, такъ что составился маленькій хоръ. Всѣ раненые съ верхняго этажа сошли тоже, и не могу выразить какъ трогательно было это молебствіе. Потанинъ все время тихо плакалъ отъ умиленія, такъ давно онъ не молился съ церковнымъ обрядомъ; Мигаевъ, который уже слушалъ молебенъ, какъ пріѣхалъ къ намъ, усердно крестился большимъ крестомъ. Прушинскій также усердно слѣва направо; мои земляки, сестры наши, да и всѣ кто тутъ былъ, такъ единодушно соединялись въ молитвѣ что самъ отецъ Яковъ не могъ удержаться отъ слезъ. Мы пошли потомъ съ отцомъ Яковомъ въ комнату Земцева чтобъ онъ приложился къ иконѣ, и я оставила нижнюю палату чтобы дать Потанину отдохнуть или уснуть послѣ душевнаго волненія. Погода свѣжая, но ясная, и мы за образомъ прошли въ церковь черезъ дворъ. Золотой узоръ крестовъ на главахъ церкви какъ-то торжественно тихо вырѣзался на чистой синевѣ неба.

29 октября.

На дняхъ телеграфируютъ изъ Яссъ: „22. Посылаю вамъ пять больныхъ.“ Извольте разчитать когда придетъ поѣздъ. Пришлось отправиться уполномоченному врачу, дежурному братчику, по разчету Фрума 24го, съ тремя экипажами въ 17 лошадей. Пріѣзжаютъ. Говорятъ, идетъ поѣздъ. Но этотъ поѣздъ не изъ Яссъ, никого не привезъ къ намъ; а когда будетъ другой — неизвѣстно. Между тѣмъ всѣ у насъ на ногахъ, а нашъ раненый Земцевъ такъ опасенъ что Левицкій утромъ возвращается къ нему; нашъ фельдшеръ занемогъ было, а его помощникъ Формалюкъ оставленъ на станціи въ ожиданіи пятерыхъ больныхъ, и лошади ждутъ, и надобно за нихъ платить, и дежурство братчика кончено, а онъ долженъ тамъ сидѣть, а наши бѣдныя сестры не спавъ, не отдохнувъ, должны были весь день проработать и опять всю ночь напролетъ ожидать; дежурные и наша ключница съ ними. Поздно приходитъ вѣсть что къ намъ прибудутъ не пять раненыхъ, для которыхъ все приготовлено, а девять человѣкъ больныхъ. На разсвѣтѣ дѣйствительно привозятъ девять человѣкъ, изъ нихъ семь зараженныхъ болѣзнями для которыхъ у насъ нѣтъ отдѣленія, и ихъ отвозятъ въ городскую больницу въ распоряженіе воинскаго начальника.

Сегодня счастливый день: солнце свѣтитъ, воздухъ теплый, Улановъ былъ въ церкви въ первый разъ съ прошлаго апрѣля; Земцовъ, этотъ почти отчаянный больной отъ раны и отековъ, первый разъ прокатился въ пролеткѣ и радовался и веселился какъ ребенокъ, а вечеромъ получилъ письмо съ добрыми вѣстями изъ дома. Мой терпѣливый страдалецъ Мигаевъ спустилъ съ кровати ногу и попытался стать на нее (ему сняли гипсовую повязку), но это было не при мнѣ, и онъ не можетъ, или думаетъ что не можетъ ни шагу сдѣлать безъ костылей. У Галяна вышелъ кусочекъ рубашки, который какъ заволока мѣшалъ ранѣ закрыться, а Потанина вынесли съ кроватью на дворикъ (съ клумбой по серединѣ) на воздухъ, на солнце. Между остатками зелени кое-гдѣ еще выглядывали цвѣточки. Онъ связалъ себѣ букетъ съ такимъ восторгомъ что его истомленное, страдальческое лицо, казалось, поздоровѣло. Пріѣзжалъ инспекторъ врачебной управы и докторъ Озеровъ изъ Житоміра и успокоили насъ насчетъ присылки заразительныхъ больныхъ. Такой удачный вышелъ день мнѣ на прощаніе.

Кіевъ, 5 ноября.

Съ послѣднимъ числомъ октября кончила я свои дежурства въ нашей больницѣ. Дѣла потребовали поѣздки въ Петербургъ. Выѣхала я въ 6 часовъ утра изъ Братства. Грустно было мнѣ разставаться съ дорогими гостями нашими больными, да и они очевидно свыклись со мной. По обыкновенію сдержано и безъ многоглагольствія простились они со мною съ вечера, послѣ чтенія про оборону Севастополя (Погосскаго). Теперь я въ Кіевѣ. Сегодня прощалась съ моими милыми церквами кіевскими. Утромъ видѣлась съ одною доброю знакомой; со слезами умиленія радовались мы старыя (ей 85 лѣтъ), среди всѣхъ настоящихъ невзгодъ, тому величію христіанскаго подвига которымъ *открылъ душу* свою Русскій народъ, солдаты и офицеры, русскія женщины и во главѣ всѣхъ Русскій Царь. Шесть недѣль проведенныя мною въ ежедневномъ общеніи съ нашими ранеными и все что слышу о Государѣ совершенно успокоили душу мою; горесть и тягота злобы дня все тутъ, но тревога, но страхъ и недоумѣніе далеко....

ДЕЖУРНАЯ БРАТЧИЦА.

НЫНѢ И ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ

Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. Б. М. Маркевича.
Скрежетъ зубовный. Романъ. В. Г. Авсѣенка.

Романы заглавіе коихъ выписано во главѣ настоящей замѣтки давно замѣчены цѣнителями истинно-художественной беллетристики; появленіе каждой новой главы этихъ романовъ ожидалось съ нетерпѣніемъ: главы эти прочитывались залпомъ и вызывали размышленія, толки, споры даже внѣ спеціально-литературныхъ кружковъ.

Еслибы насъ спросили, за кѣмъ изъ двухъ названныхъ романистовъ мы признаемъ болѣе таланта и который изъ двухъ поименованныхъ романовъ мы предпочитаемъ, — отвѣчать было бы намъ трудно; но мы охотно укажемъ на характеристическія особенности этихъ романовъ и на своеобразныя стороны таланта гг. Маркевича и Авсѣенка. Г. Маркевичъ очевидно вышелъ изъ той школы которую можно пожалуй назвать классическою, изъ школы Пушкина, Жоржъ Санда, Тургенева; вѣроятно онъ изучалъ и Вальтеръ Скотта; г. Авсѣенко усвоилъ пріемы англійскихъ романистовъ, той школы патріархами которой были Диккенсъ и Теккерей Г. Маркевичъ пишетъ неторопливо, онъ отдѣлываетъ съ

любовію, онъ смакуетъ свою работу; онъ дорожитъ формой: даже чисто техническая сторона дѣла, стилистика, очевидно не бездѣлица въ его глазахъ, и въ этомъ отношеніи онъ вѣренъ завѣту своихъ образцовъ; за то нѣкоторыя его страницы переносятъ васъ къ лучшимъ временамъ г. Тургенева. Онъ позволяетъ себѣ лирическія мѣста и описанія природы. Число его дѣйствующихъ лицъ вообще не велико, или по крайней мѣрѣ не велико число лицъ активныхъ: въ послѣднемъ его романѣ ихъ всего два-три, а именно княжна Лина, Гундуровъ, князь Ларіонъ, да еще пожалуй петербургскій флигель-адъютантъ. Прочіе сюжеты романа или простые статисты, или второстепенные дѣятели (кромѣ Ольги Акулиной) въ той драмѣ которой средоточіе княжна Шастунова. Поэтому завязка его романа проста, разказъ идетъ послѣдовательно, безъ скачковъ и отклоненій; дѣйствіе развивается неторопливо, съ правильною постепенностью, какъ въ лучшихъ, наиболѣе обдуманныхъ романахъ его образцовъ. Подобно Тургеневу, г. Маркевичъ не относится слишкомъ педантически къ требованіямъ объективности. Онъ не скрываетъ сочувствія къ нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; его авторская личность сквозитъ въ страницахъ его романа; онъ самъ появляется въ числѣ выводимыхъ имъ лицъ и видимо заинтересованъ въ томъ чтобы развязка произошла въ такомъ, а не въ другомъ направленіи. Г. Авсѣенко поступаетъ совершенно иначе. Онъ усвоилъ пріемы англійскихъ романистовъ и ихъ французскихъ подражателей. За дѣйствующими лицами его романовъ его самого не видно. Какъ нѣкій магъ онъ сидитъ невидимо въ своемъ кабинетѣ и безстрастно приводитъ въ движеніе пружины того аппарата который заставляетъ выведенныхъ имъ людей ходить, сидѣть, плакать, смѣяться, ссориться и обниматься, жениться и умирать. Между ними у него нѣтъ любимцевъ; ни кѣмъ изъ нихъ онъ не заинтересованъ спеціально; ни чье психическое развитіе, ни чья судьба не составляетъ задачи автора и цѣли романа, но всѣ они образуютъ сомкнутый баталіонъ, который ускореннымъ шагомъ стройно идетъ по командѣ автора къ указанной цѣли. Надъ обрисовкой характеровъ авторъ повидимому вовсе не трудится; онъ никого изъ своихъ героевъ не описываетъ, а развѣ нѣсколькими штрихами очерчиваетъ ихъ внѣшность, а затѣмъ пускаетъ въ ходъ свою машину: герои его и героини приходятъ въ движеніе, начинаютъ говорить, дѣйствовать,—

жить, и читателю остается только всматриваться въ нихъ, изучать и дѣлать выводы. Но при этомъ читатель долженъ разчитывать единственно на собственную наблюдательность, на одно свое пониманіе жизни; пусть онъ не ожидаетъ что авторъ подскажетъ ему: вотъ де, всмотритесь хорошенько въ этого господина, прислушивайтесь къ словамъ которыя сейчасъ будутъ сказаны. Жизнь, дѣйствіе кипятъ предъ вами,—смотрите и слушайте, наблюдайте и замѣчайте: имѣющіе очи да видятъ и имѣющіе уши да слышатъ. Романъ г. Авсѣенка—это многолюдный раутъ, на которомъ хозяина не найдешь. Что̀ за люди толкутся въ его гостиныхъ—Богъ вѣсть; кто-то провозглашаетъ безстрастнымъ голосомъ: г. Каричъ, г. Безбѣдный, гжа Олжанская, баронъ Поль, Липочка. Подходите къ нимъ, знакомьтесь съ ними сами, а познакомитесь, не будете въ накладѣ: вечеръ проведется не только занимательно, но и поучительно.

И что̀ же однако? Не взирая на чрезвычайное различіе пріемовъ, оба названные автора достигаютъ своей цѣли. И отъ разказа г. Маркевича, и отъ романа г. Авсѣенка просто нельзя оторваться, и какъ одинъ, такъ и другой представляютъ живую, полную картину того общества которое въ нихъ изображается. Я говорю „полную“ картину и разумѣю то что гг. Маркевичъ и Авсѣенко даютъ намъ живое представленіе не только о той группѣ людей которые названы на страницахъ ихъ романовъ, но и о цѣлой безконечной вереницѣ существъ угадываемой за ними, о цѣломъ современномъ имъ обществѣ; такъ мѣтки, такъ типичны выведенныя нашими романистами лица, и событія, побужденія этихъ лицъ и мотивы этихъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно придумать для характеристики сороковыхъ годовъ въ Россіи обстановку болѣе типичную какъ домашній спектакль въ богатомъ подмосковскомъ имѣніи: это симптомы отживающаго барства и сильно обхватывавшаго въ то время людей болѣе или менѣе свободныхъ и достаточныхъ стремленія къ отвлеченной наукѣ и безкорыстному искусству. Съ явнымъ намѣреніемъ уколоть г. Маркевича роману его присвоивалось названіе „аристократическаго“: это несправедливо. Между его дѣйствующими лицами есть и аристократы по крови, общественному положенію и воспитанію, каковы князь Ларіонъ и его племянница и графиня Воротынцева; но есть и такія которыя проникли въ высшіе слои общества

благодаря лишь богатству нажитому ихъ отцами, какон. гиня Аглая, или вслѣдствіе высокаго служебнаго пол- каковъ „графъ, въ которомъ многіе конечно узнали вѣстнаго въ свое время московскаго генералъ-губер настоящаго fils de ses oeuvres. Вмѣстѣ съ ними авторъ вы и обѣднѣвшихъ, „захудалыхъ" князей, и провинціаль столбовыхъ дворянъ, и юныхъ гвардейскихъ офицеров. значительныхъ гражданскихъ чиновниковъ, исправника дочерью, смотрителя уѣзднаго училища съ его учит приживалку, и все это вмѣстѣ, начиная съ „lord W (князя Ларіона), графини Воротынцевой и москов паши, до этихъ провинціальныхъ дворянъ средней уѣздныхъ учителей, возвышаемыхъ любовью къ искусс пониманіемъ его, все это, говорю, составляло тогдашн щество", ту среду изъ которой извлекали и извлекают типы Пушкинъ, Тургеневъ и Л. Толстой, отчасти Гог то общество которое съ нѣкоторыми видоизмѣненіям но было встрѣтить во всей Россіи, и средоточіемъ, про помъ котораго была тогдашняя Москва. Если же г. М вичъ не выводилъ на сцену крестьянъ, купцовъ и дьяч то это потому что они были тогда не извѣстны. Внѣ изо женнаго имъ „общества", весьма немногочисленнаго, но ко, какъ видимъ, не исключительнаго, а напротивъ очень ступнаго, была terra incognita. Г. Островскій только съ жалъ еще въ то время корабль для открытія своей Ам Замоскворѣчья, а гг. Тургеневъ и Григоровичъ только раз дывали на проселочныхъ путяхъ къ деревнямъ и се русскихъ крестьянъ.

Что же, каково впечатлѣніе выносимое изъ того общ въ которое вводитъ г. Маркевичъ? Не взирая на нѣкот смѣшныя, а отчасти и непривлекательныя черты, впечатлѣніе не можетъ, кажется, не быть симпатичнымъ этомъ обществѣ очевидны благія стремленія; оно им идеалъ, а эти идеалы принадлежатъ къ самымъ возвыш нымъ. Что привлекло въ Сицкое (подмосковное княгини Ш стуновой) массу именитыхъ и не именитыхъ гостей? Отчас разумѣется, любопытство, жажда развлеченій; но больш ство ихъ собралось ради служенія искусству. Чтобы сыгр роль Гамлета при особенно благопріятной обстановкѣ прі жаетъ изъ Москвы далеко не искательный, нѣсколько ра кальный въ своей гордости Гундуровъ; пріѣзжаетъ бѣдн

чиновникъ Вальковскій, жадно напавшій на лакомыя блюда Сицкихъ кухмистеровъ, но твердо отказывающійся отъ нихъ въ день представленія, потому что роль которую онъ исполняетъ не допускаетъ, по его мнѣнію, сытаго вида; пріѣхали, а можетъ-быть и пѣшкомъ пришли изъ сосѣдняго города, смотритель и учителя изъ уѣзднаго училища, и первый изъ нихъ старикъ, приведенный въ умиленіе превосходнымъ исполненіемъ „божественнаго Шекспира", говоритъ, выходя изъ театральной залы, отирая слезы: „нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ; я видѣлъ настоящаго Гамлета, настоящую Офелію!" Замѣтимъ что въ этомъ представленіи не побрезгали принять участіе, наряду съ мелкими чиновниками, мелкопомѣстными сосѣдями, исправникомъ, приживалкой, такая „аристократка" какъ княжна Лина, и самъ ея дядя не находитъ въ этомъ ничего предосудительнаго; ему не приходитъ даже мысль о томъ. А графиня Воротынцева,—эта царица петербургскихъ баловъ, внушившая Лермонтову нѣсколько восхитительныхъ стихотвореній, посмотрите какъ она ласкаетъ Гамлета-Гундурова, comme elle le produit она понимаетъ что талантъ отворяетъ и неопытному мастранду двери въ высшія общественныя сферы. Да, симпатиченъ тотъ міръ въ который насъ переноситъ г. Маркевичъ, очень симпатиченъ, не взирая на глупость и тщеславіе владѣтельницы Сицкаго, на бездушность графа Анисьева, на хищническіе инстинкты исправника Акулина и его дочери. Послѣдняя, впрочемъ, случайная комета въ созвѣздіи Сицкаго,—это личность совсѣмъ другаго закала, другой эпохи чѣмъ остальные гости княгини Шастуновой. Что же касается отца Акулина, то плутоватая особа исправника облагораживается до нѣкоторой степени любовью къ сценическому искусству: это все-таки зерно золота въ кучѣ грязи.

Скажутъ пожалуй, вольно г. Маркевичу изображать такими красками сороковые года; на самомъ дѣлѣ они были не таковы. Но почему же вы думаете что ваше представленіе о нихъ вѣрнѣе чѣмъ представленіе г. Маркевича? Онъ говоритъ о сороковыхъ годахъ какъ очевидецъ,—это ясно. Этотъ „графъ", эта Воротынцева, а можетъ-быть и другіе персонажи личности дѣйствительныя, которыхъ многіе могутъ назвать ихъ настоящими именами, и очевидно г. Маркевичъ зналъ ихъ; онъ былъ на представленіи *Гамлета* въ Сицкомъ, и можетъ-быть принималъ въ немъ участіе, какъ повидимому

принималъ нѣкоторое участіе и въ романѣ Лины съ Гундуровымъ, ибо иначе едва ли возможно было бы провести такія сближенія между драмой Шекспира и тою которая разыгрывалась между ея исполнителями. Романъ г. Маркевича есть столько же картина списанная съ натуры какъ и *Горе отъ ума*; какъ же сомнѣваться въ ея правдивости? Дѣло въ томъ, сквозь какія очки смотрѣть на людей, въ болѣе свѣтлыя или болѣе темныя, и въ этомъ отношеніи г. Маркевичъ еще разъ оказывается послѣдователемъ Пушкина и Тургенева, въ лучшей порѣ таланта этого послѣдняго. Г. Маркевичъ оказывается сыномъ своего времени, онъ такъ же чуждъ желчности какъ бо́льшая часть нарисованныхъ имъ лицъ: это новая характеристическая черта въ изображенной имъ эпохѣ, это новое право на то чтобы назвать его романъ симпатичнымъ. Бичеваніе — дѣло необходимое, пожалуй даже полезное, но уже конечно не симпатичное, и какъ-то странно видѣть, что бичеваніе, отмѣненное въ уголовномъ законодательствѣ, находитъ пріютъ въ литературѣ...

Обратимъ вниманіе еще на одну черту въ романѣ г. Маркевича. Завязка его состоитъ въ томъ что между небогатымъ молодымъ человѣкомъ, не имѣющимъ еще никакого опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, и знатною, богатою дѣвушкой вспыхиваетъ почти мгновенно взаимная любовь. Вздоръ, скажутъ иные, любовь не можетъ вспыхнуть мгновенно! Однако въ романахъ, комедіяхъ и драмахъ прежняго времени это явленіе очень часто встрѣчается: съ чего-нибудь да взялось же оно... Но это только мимоходомъ къ слову. Разумѣется мать Лины, какъ истая выскочка, намѣтила для Лины жениха совсѣмъ другаго рода, и вотъ первое затрудненіе. Принципъ „самоцѣли" не былъ тогда еще провозглашенъ; каждый считалъ себя хоть въ нѣкоторой степени обязаннымъ подчиняться общимъ нравственнымъ началамъ,— правда стѣснительнымъ въ иныхъ случаяхъ, но я думаю благодѣтельнымъ для общества. И княжна Шастунова предвидѣла что ея любовь къ Гундурову будетъ стоить ей тяжелой борьбы, что она ее поставитъ въ необходимость открыто отказаться или отъ счастія, или отъ повиновенія матери, а повиноваться матери, беречь ее, любить ее, завѣщалъ Линѣ на смертномъ одрѣ ея отецъ, къ которому она сохранила не только безграничную привязанность, но какое-то обожаніе.

„Я не далъ ей счастія, говорилъ Линѣ умирающій; я много виноватъ предъ нею: пусть найдетъ она въ тебѣ то чѣмъ не умѣлъ, чѣмъ пренебрегъ я быть для нея.“ И Лина дала себѣ слово выкупить грѣхи отца предъ матерью, подобно тому какъ графиня Орлова-Чесменская возложила на себя обѣтъ отмолить предъ Богомъ грѣхъ Рымникскаго героя.... Это, конечно, далеко не подходитъ подъ понятіе о самоцѣли, но съ нѣкоторой точки зрѣнія представляется большимъ геройствомъ, удивительнымъ актомъ самоотверженія. У Тургенева встрѣчается нѣчто подобное; но это въ старомъ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, давнымъ давно уже разоренномъ...

Такова завязка романа, главный его мотивъ, содержаніе его, независимо перипетій болѣе или менѣе внѣшняго свойства,—перипетій чисто психическихъ, обусловливаемыхъ взаимными отношеніями княжны Шастуновой и Гундурова, безнадежною страстью князя Ларіона къ своей племянницѣ, тревогъ гжи Переверзиной за своего племянника и пр. и пр.,—мотивовъ вообще духовныхъ, психическихъ. Перезрѣлая дѣва Надежда Ѳедоровна и та живетъ сердцемъ, и ея сердечныя скорби находятъ мѣсто на страницахъ романа, потому что и она человѣкъ, и она имѣетъ свой духовный міръ.

Какая рѣзкая разница, какая діаметральная противоположность съ тѣмъ что̀ мы сейчасъ видѣли, обнаруживается въ романѣ г. Авсѣенка, хоть всего четверть вѣка прошло между эпохой изображаемою имъ и тою которую изобразилъ г. Маркевичъ! Что̀ движетъ персонажами г. Авсѣенка,—Безбѣднымъ, Каричемъ, гжой Олжанской, Полемъ, Грабеномъ, Коко̀ Луховицкимъ, его женой, его отцомъ и всѣми прочими съ Mme Vermicelle включительно? Нажива, барышъ, матеріальныя удобства, наслажденія пріобрѣтаемыя за деньги. Адвокатъ Безбѣдный, вопреки всеобщему ожиданію, не исключая и самого Карича, вопреки собственной совѣсти, выигрываетъ скандальный процессъ этого Карича. Услышавъ оправдательный приговоръ онъ нѣсколько смущается; ему неловко подать руку оправданному имъ человѣку; онъ колеблется, принять ли приглашеніе на обѣдъ который на радостяхъ задаетъ освожденный имъ отъ каторги мошенникъ. Этотъ уколъ совѣсти и это колебаніе суть впрочемъ единственные психологическіе мотивы замѣченные нами въ Безбѣдномъ, по крайней мѣрѣ до VII главы романа включительно, да при томъ они продолжаются всего одинъ мигъ. Блестящій адвокатъ

(„широкая натура", какъ говоритъ съ благоговѣніемъ одинъ изъ его собратовъ и думаетъ—„ахъ, еслибы мнѣ то же!") отправляется на обѣдъ къ Каричу, получаетъ отъ него приличное вознагражденіе и вскорѣ потомъ они вмѣстѣ устраиваютъ одно изъ тѣхъ *дутыхъ* финансовыхъ предпріятій которыя быстро обогащаютъ ловкихъ дѣльцовъ, но и разоряютъ сотни довѣрчивыхъ ихъ кліентовъ. Богачъ и спекуляторъ Каричъ тоже немножко смущенъ разоблаченіями послѣдовавшими на судѣ и настроеніемъ публики ошеломленной его оправданіемъ. Но группа пріятелей собралась на его обѣдъ, капиталы его остались цѣлы, репутація ловкаго человѣка утвердилась за нимъ прочнѣе прежняго, именно потому что никто не ожидалъ чтобъ ему удалось оправдаться, а ловкость и богатство значатъ въ томъ мірѣ въ который вводитъ насъ г. Авсѣенко то же самое что̀ талантъ, красота, любезность и всевозможныя доблести. значили въ эпоху изображенную г. Маркевичемъ. Кто же не отдастъ своихъ денегъ и всего себя такому человѣку который изъ воды сухъ выходитъ, который молотитъ хлѣбъ на обухѣ! И вотъ, на него, немолодаго, но виднаго вдовца, начинаетъ сладко поглядывать гжа Олжанская, красивая, тоже не совсѣмъ молодая женщина, живущая врозь со своимъ мужемъ. Этотъ мужъ, конечно, помѣха ея планамъ, но при помощи Безбѣднаго можно надѣяться получить формальный разводъ.... Счастливая гжа Олжанская! Не всякій можетъ позволить себѣ даже и мечтать о томъ чтобы быть другомъ великаго Безбѣднаго и женой колоссальнаго Карича! Но приблизиться къ нимъ лестно каждому, связать свою судьбу съ ихъ судьбой желалъ бы всякій. Не попытаться ли барону Грабену, человѣку съ солиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ и притомъ брату Безбѣднаго (такъ какъ послѣдній побочный сынъ стараго барона Грабена)? Барону Полю удается пристроить свой капиталъ въ предпріятіе Карича-Безбѣднаго. Ему удается уговорить и свою мать сдѣлать то же самое и кромѣ того туда же пристроить и часть своего брата, что̀ особенно выгодно: этотъ братъ ничего не смыслитъ въ денежныхъ дѣлахъ; онъ будетъ воображать что его деньги продолжаютъ лежать въ банкѣ и получать съ нихъ банковые проценты, а весь излишекъ, все то что̀ принесетъ предпріятіе Карича-Безбѣднаго сверхъ банковыхъ процентовъ пойдетъ въ пользу его, барона Поля. Счастливецъ тоже и этотъ баронъ, да и ловкій человѣкъ:

Ему удается попасть въ число директоровъ помянутаго предпріятія; посудите сами: 5.000 жалованья и дѣла почти никакого!.. Но вотъ бѣда: баронъ Грабенъ *вѣритъ* предпріятію въ которое онъ вложилъ капиталъ, а вѣрить даже въ денежное предпріятіе глупо и несвоевременно. Смотрите на Карича и Безбѣднаго и поучайтесь. Они, устроивъ дѣло и вздувъ его приличнымъ образомъ, тайкомъ сбываютъ свои акціи съ большою выгодой; затѣмъ эти акціи, вслѣдствіе наводненія ими биржи, быстро падаютъ, предпріятіе лопаетъ, и баронъ Грабенъ разоренъ, равно какъ и его мать и братъ. Разоренъ! Это ужасно! Что такое человѣкъ безъ денегъ! На что теперь нашему барону его титулъ и его солидное служебное положеніе? Все это хорошо только при деньгахъ. А онъ лишился кромѣ капитала и 5.000 дароваго содержанія. При такихъ условіяхъ ему невозможно, ему неприлично жить, и онъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ что чопорный, преисполненный чувства приличія баронъ рѣшился на такой родъ смерти, на такой *скандалъ*; но съ другой стороны, возможна ли для него жизнь безъ денегъ и большихъ денегъ, безъ положенія въ свѣтѣ, которое опять-таки всего болѣе зависитъ отъ возможности жить ни въ чемъ себѣ не отказывая....

Баронъ покончилъ съ собою. За то другіе герои романа г. Авсѣенка: Безбѣдный, Каричъ, гжа Олжанская, Коко благоденствуютъ. „Еслибы боги милосердые были боги справедливые“, мы должны бы въ концѣ-концевъ встрѣтить этихъ господъ на скамьѣ подсудимыхъ; но очень можетъ быть что они и до конца дней своихъ будутъ благоденствовать, были бы деньги, да здоровье, да „боги милосердые“, счастію ихъ не будетъ конца.

Но между всѣми этими людьми, созданными для счастія во вкусѣ древняго Рима, есть одна личность не подходящая къ общему строю, личность съ иными порывами и стремленіями: это Лилочка, то-есть Олимпіада Илатова. Она тоже комета забредшая изъ другаго созвѣздія, какъ и Ольга Акулина въ романѣ г. Маркевича. Въ провинціальной глуши, гдѣ протекла первая ея молодость, сложились ея понятія подъ вліяніемъ Безбѣднаго, тогда только-что расправлявшаго еще свои орлиныя крылья, и книгъ, разумѣется журналовъ главнымъ образомъ, „прогрессивнаго характера“. Подъ этимъ двой-

нымъ вліяніемъ молодая, красивая, счастливо одаренная провинціалка „развилась". Г. Авсѣенко могъ бы сразу зачислить ее въ легіонъ стриженыхъ барышень, нигилистокъ, послать ее учиться повивальному искусству, пустить „въ народъ", заставить курить папиросы до потери сознанія, и все это было бы не внѣ границъ реальности. Но онъ задумалъ задачу болѣе сложную. Ему хотѣлось показать что̀ происходитъ когда „прогресивныя" ученія прививаются къ натурѣ поэтической и возвышенной. Видя какъ оперяется ея молодой другъ Безбѣдный, она чувствуетъ что и у нея выростаютъ крылья. Провинціальный городъ, маленькій садикъ при маленькомъ домѣ ея отца кажутся ей тюрьмой; воля, широкое поле дѣятельности манятъ ее. Право женщины на независимость, на трудъ, на славу, на наслажденіе такъ же не пререкаемо, какъ и право мущинъ. Старое отжило: новая заря занимается, начинается новая эра, нужны новые люди. И эти новые люди—а Липочка вѣритъ этому своимъ сердцемъ—будутъ лучше прежнихъ, крѣпостниковъ, тирановъ, пустыхъ романтиковъ, безполезныхъ идеалистовъ. Эта новая эра будетъ эрой свободы мысли, слова и дѣла со всѣми благими ея послѣдствіями: мысль освобожденная отъ старинныхъ путъ отнесется критически къ жизни и очиститъ ее отъ лжи заблужденій, предразсудковъ; свободное слово загремитъ противъ старинныхъ злоупотребленій и за право младшихъ братій; свободные въ своихъ дѣйствіяхъ люди будутъ относительно избранія поприща дѣятельности слѣдовать своему призванію каждый, всѣ силы будутъ употреблены слѣдовательно наилучшимъ, наираціональнѣйшимъ образомъ, и эти силы быстро понесутъ обновленный міръ, мгновенно прозрѣвшее человѣчество на пути прогресса, этого современнаго, этого новосозданнаго бога.

Нельзя сказать чтобы книжки которыя читала Липочка писали въ такомъ восторженномъ тонѣ, чтобъ онѣ рисовали такіе розовые идеалы. Дѣло ихъ ограничивалось безпощаднымъ глумленіемъ надо всѣмъ настоящимъ и прошедшимъ; въ томъ и другомъ онѣ не оставили живаго мѣста. Но восторженная душа молодой провинціалки создавала положительные идеалы по предлагавшимся ей отрицательнымъ чертамъ; ей говорили о томъ что̀ нужно разрушать: ея фантазія, направленная къ творчеству, создавала новое зданіе изъ этихъ развалинъ, и

она, эта восторженная провинціалка, рвалась туда, гдѣ казалось ей пробивались уже ростки новой жизни и гдѣ въ числѣ борцовъ обновленія, въ первыхъ рядахъ находился ея другъ, ея блистательный, ея великій Евгеній (Безбѣдный). Онъ тоскуетъ по ней, онъ ее ждетъ. Правда, письма отъ него становились все болѣе и болѣе рѣдки и даже вовсе прекратились; но онъ такъ занятъ; исполненіе гражданскаго долга поглощаетъ все его время. За то какое счастье облегчать своими заботами, своею любовью эти суровыя обязанности и въ то же время трудиться самой, самой добывать извѣстность и деньги, потому что и она, Липочка, не обдѣлена природой: у нея прекрасный голосъ, который стоитъ только обработать чтобы сдѣлаться замѣчательною пѣвицей.

И вотъ Липочка рѣшается ѣхать въ Петербургъ. И вотъ она видитъ своего Евгенія: онъ богатъ, онъ сыплетъ деньгами; положеніе его блестящее; онъ звѣзда первой величины въ благородномъ созвѣздіи адвокатовъ. И онъ любитъ свою дорогую Липочку, осыпаетъ ее горячими ласками, возитъ въ театръ, катаетъ на своихъ рысакахъ.... Какъ это скандализовало бы провинціаловъ! Но въ Петербургѣ, слава Богу, предразсудки исчезаютъ; и что̀ же въ самомъ дѣлѣ дурнаго что невѣста проводитъ долгіе вечера вдвоемъ со своимъ женихомъ бокъ-о-бокъ съ нимъ на диванѣ, замирая и млѣя подъ его страстными поцѣлуями?...

Что̀ дурнаго, Липочка? Но знаешь ли ты что̀ хорошо и что̀ дурно? Для того чтобы сказать: это хорошо, а это дурно, необходимо чтобы существовало понятіе объ абсолютномъ отвлеченномъ добрѣ и злѣ, объ истинѣ „внѣ насъ находящейся“, какъ говорилъ нѣкогда г. Тургеневъ: а признаютъ ли его твои книжки? Эти понятія существуетъ для твоего простака-отца; онъ не мудрствуя и не справляясь съ теоріями называетъ одно добромъ, а другое зломъ; но для тебя оба эти понятія не ясны; ты мчишься по волнамъ житейскаго моря безъ нравственнаго компаса. Въ нѣкоторомъ отношеніи ты гораздо несчастливѣе всѣхъ этихъ Олжанскихъ, Каричей и тому подобныхъ. Ихъ единственный законъ— наслажденіе; а въ твоей душѣ сохранились отъ дѣтскихъ лѣтъ иныя стремленія, ты покланялась нѣкогда другимъ кумирамъ, и твоя совѣсть неспокойна, она протестуетъ противъ софизмовъ Безбѣднаго. „Свободная любовь“, говоритъ онъ. Но въ чемъ состоитъ эта свобода? Не въ томъ ли чтобы

мѣнять предметъ любви какъ рысаковъ? А если это не такъ, если „свобода любви" состоитъ только въ свободномъ выборѣ предмета любви, и если прочность привязанностей, равно какъ прочность убѣжденій, есть доблесть; то почему же не сдѣлать этотъ свободный выборъ неразрывнымъ?

Сомнѣніе закрадывается въ душу бѣдной Лилочки, и она собственными страданіями убѣждается что не сомнѣніе, а вѣра есть благо. За то сомнѣніе освѣщаетъ предъ нею все то что̀ было скрыто отъ ея вѣрившаго сердца. Безбѣдный оказывается не тѣмъ чѣмъ представлялся ей. Эгоистъ безъ всякихъ нравственныхъ основъ, онъ систематически ее развращаетъ; онъ не только окружаетъ ее людьми между которыми нечувствительно спутываются всѣ нравственныя ея понятія, но вводитъ ее въ общество вивёровъ и вивёрокъ, собирающееся у Mme Vermicelle; онъ ее подкупаетъ кружевами, бриліантами... „О, будьте вы прокляты!" вырывается изъ надрывающагося ея сердца. Но какъ же Лилочка ты говоришь о душѣ, о совѣсти, о сердцѣ? Развѣ объ этихъ предметахъ упоминается въ тѣхъ книжкахъ которыми ты зачитывалась? Или откажись отъ этихъ книжекъ, или бросься въ объятія „свободной любви", пей шампанское и чокайся съ кокотками у Mme Vermicelle, ломки что матерія есть все, что человѣкъ есть „самоцѣль". Съ чего ты взяла что честной дѣвушкѣ стыдно быть у Mme Vérmicelle, пить шампанское и получать бриліанты не отъ отца или мужа? это весело и выгодно, слѣдовательно хорошо. И чѣмъ кокотки хуже тебя? Ихъ инстинкты также естественны какъ твои, и общество цѣнитъ ихъ больше чѣмъ тебя. Стыдно одно—имѣть „средневѣковые предразсудки", это постоянно твердили тебѣ твои книжки.

Лилочка дѣлаетъ нѣсколько новыхъ шаговъ по тому пути на который увлекаетъ охватившая ее жизнь; она поселяется на квартирѣ Безбѣднаго. Но это кульминаціонная точка на этомъ пути, та точка за которою начинается быстрая реакція. Живя подъ одною кровлей съ Безбѣднымъ она невольно видитъ такія черты въ его жизни которыя безъ того могли бы остаться ей неизвѣстными. Она узнаетъ что ея милый разорилъ своего брата, барона Грабена, что этотъ баронъ Грабенъ полосонулъ хлыстомъ ея любезнаго по лицу, что Безбѣдный принялъ этотъ „афронтъ" лишь съ той стороны что онъ можетъ повредить его положенію въ свѣтѣ.

Сердце Лилочки закрывается для любви къ такому человѣку; она не находитъ ни ласки, ни даже словъ чтобъ утѣшить его по поводу „афронта". Затѣмъ, узнавъ о смерти Грабена, она восклицаетъ: „ты убилъ его, Евгеній!" Наконецъ она ядовито припоминаетъ что онъ же оправдалъ Карича и спасъ отъ заслуженной каторги.

Когда писаны эти строки; окончаніе романа было намъ еще неизвѣстно. Чѣмъ кончитъ Лилочка? спрашивали мы. Выдастъ ли авторъ ее замужъ за добраго чудака Андрея Грабена, или можетъ быть порѣшитъ съ нею такъ какъ порѣшилъ графъ Толстой съ Анной Карениной? Лилочкѣ еще натуральнѣе броситься подъ движущійся поѣздъ чѣмъ. Аннѣ, потому что у той все-таки были друзья, были дѣти; она была не одинока въ мірѣ, а Лилочка не только совершенно одинока, но находится въ полномъ разладѣ со всею окружающею ее средой, видитъ себя вполнѣ ей чуждою и находитъ ее ненавистною. Существо если не совсѣмъ чистое, то не утратившее по крайней мѣрѣ правъ на сочувствіе, она въ кругу Каричей и Олжанскихъ похожа на дитя попавшее въ притонъ разбойниковъ, въ вертепъ разврата. Ее окружаетъ отовсюду, ее преслѣдуетъ „скрежетъ зубовный". Онъ слышится ей во всемъ: въ трагической смерти Грабена, въ благоденствіи мошенника Карича, въ бойкихъ аллюрахъ съ какими его дочь выступаетъ въ свѣтъ, въ семейной жизни Луховицкихъ, въ этомъ *пс*... которымъ Кокò отвѣчаетъ на намекъ о томъ что жена его обзавелась любовникомъ. Скрежетъ зубовный слышится въ этой бѣшеной погонѣ за наживой, въ этомъ всеобщемъ крушеніи идеаловъ, въ этомъ языческомъ строѣ жизни изображаемой г. Авсѣенкомъ.

Но не преувеличиваетъ ли г. Авсѣенко въ смыслѣ обратномъ г. Маркевичу? Не принадлежитъ ли онъ къ многочисленной фалангѣ пессимистовъ? Увы, все то что̀ мы видимъ вокругъ себя и что̀ ежедневно докладываютъ намъ газеты, не допускаетъ этой мысли. И вотъ что̀ еще замѣтить надобно: то же самое, тотъ же зубовный скрежетъ доносится къ намъ и изъ другихъ странъ. И тамъ скандальные процессы и продажные адвокаты, и тамъ изступленная страсть къ наживѣ и бѣшеная погоня за наслажденіемъ, причемъ чоканью стакановъ наслаждающейся кучкѣ счастливцевъ отвѣчаетъ не иносказательный, а весьма реальный скрежетъ зубовный голод-

ной толпы, проникнутой такимъ же стремленіемъ къ наслажденію, только къ наслажденію. И тамъ какъ у насъ, еще болѣе чѣмъ у насъ, не люди, а какіе-то хищные звѣри, образующіе двѣ группы—сытыхъ и голодныхъ, изъ коихъ одни смирны только потому что сыты, а другіе безусловно плотоядны... Вражда повсемѣстная, огульная, перекрестная; вражда между политическими партіями, вражда между сословіями и состояніями, вражда между старымъ и новымъ поколѣніемъ. Вражда не между правительствами, какъ бывало, причемъ общественная совѣсть сдерживала честолюбіе правителей, но между цѣлыми народами, причемъ нерѣдко правительствамъ приходится сдерживать хищные инстинкты массъ.... Вотъ что̀ докладываютъ намъ заграничныя газеты и что̀ представляютъ въ образахъ современные романисты и драматурги Западной Европы. А и тамъ, хотя въ нѣкоторыхъ слояхъ давно истлѣвшихъ поколѣній, хоть въ нѣкоторыхъ углахъ давно измѣнившихся государствъ обитало же довольство своею судьбой, а слѣдовательно счастіе! Не даромъ же Англія называла себя нѣкогда „веселою старою“ Англіей и жизнь нѣсколькихъ сотъ тысячъ Французовъ была непрерывнымъ, хотя безразсуднымъ праздникомъ. На эту тему начинаютъ говорить такіе сильные умы какъ Зибель, Тэнъ и даже Ренанъ, такъ много содѣйствовавшій сверженію старыхъ идеаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, новые изслѣдователи, не умаляя темныхъ сторонъ минувшаго, начинаютъ указывать что не все было тогда темно, не все заслуживало порицанія, не все подлежало безусловному истребленію. Новѣйшія изслѣдованія открываютъ что, какъ нѣкогда выразился одинъ изъ героевъ Бальзака, „ничто въ мірѣ не было столько оболгано и оклеветано какъ XVIII вѣкъ“. Они, эти изслѣдованія, убѣждаютъ насъ что старинное французское „общество“, при всей своей поверхностности, обладало множествомъ прекрасныхъ качествъ и даже высокихъ доблестей. Эти изслѣдованія доказываютъ также что поколѣніе его смѣнившее было во многихъ отношеніяхъ хуже его, и что совершенный въ послѣднее столѣтіе прогрессъ, если принимать это слово въ смыслѣ улучшенія, а не перемѣны только, далеко не есть нѣчто неоспоримое. Негодные люди были всегда и вездѣ: но въ прежнее время общественная совѣсть осуждала ихъ, — нынѣ единодушное осужденіе невозможно, потому что не существуетъ общаго для всѣхъ, всѣми признаваемаго, для всѣхъ обязательнаго

мѣрила добру и злу. Сотни тысячъ, милліоны людей находятъ что сознательная ложь, что клевета дозволительны, если направлены противъ враждебнаго ученія, противъ соперничествующей политической партіи; Гэдели, Нобилинги, убійцы Мезенцева имѣютъ легіоны приверженцевъ готовыхъ ихъ оправдывать, прославлять, поощрять. Во всѣ времена человѣческое правосудіе наносило нерѣдко невѣрные удары, оставляло безнаказанными явныхъ преступниковъ. То же видимъ и нынѣ; только прежде фаворъ, протекція удерживали руку карающаго правосудія, а нынче ее обезоруживаютъ адвокаты: что мы выигрыли отъ этого—я не знаю. Въ старину самоуправство, притѣсненія, грабительства были какъ бы привилегіей людей высшаго сословія или попавшихъ „въ случай"; нынѣ на это открыта свободная конкурренція и выгодный промыселъ видимо развивается: хозяева фабрикъ, владѣльцы частныхъ конторъ, директоры промышленныхъ ассоціацій крупные подрядчики, оказываются не лучше, если не хуже дворянъ-помѣщиковъ, губернаторовъ прежняго времени, Екатерининскихъ вельможъ, фаворитовъ Версальскаго двора. При томъ для успѣха въ названномъ промыслѣ не достаточно условій привилегированнаго происхожденія: нужны ловкость, знаніе, умъ,—умъ, та изъ человѣческихъ способностей которою единственно занимаются новѣйшіе мыслители. А потому къ естественному стремленію нажиться, дать почувствовать свою власть, присоединяется желаніе почести: что и мы де не обижены способностями, и промыселъ становится не только выгоднымъ, но и почетнымъ. Къ Безбѣдному и Каричу петербургское человѣчество льнетъ какъ мотыльки къ свѣчкѣ.... Всегда и во всѣхъ странахъ были убійцы; но они выходили въ прежнее время почти исключительно изъ низшихъ, невѣжественныхъ слоевъ населенія; человѣкъ убивалъ другаго обыкновенно съ тѣмъ чтобъ его ограбить. Можно слѣдовательно было надѣяться что по мѣрѣ проникновенія нравственныхъ понятій въ низшіе слои населенія, по мѣрѣ уменьшія въ нихъ нищеты, число уголовныхъ преступленій будетъ уменьшаться. Вышло однако нѣчто другое. Съ нѣкотораго времени убійцами являются люди образованные, убійства совершаются не подъ давленіемъ голода, число побужденій къ убійствамъ увеличалось, и страшнѣйшее изъ преступленій перестаетъ бояться закона и смущаться предъ общественною совѣстью. Привлечен-

ные къ суду убійцы, не отрицая факта, преступными себя не признаютъ, но напротивъ становятся сами въ позу обвинителя противъ современнаго общества, исторіи и особенно той власти которая привлекла ихъ къ суду. Они требуютъ чтобъ ихъ судили не по общему кодексу, который они признаютъ никуда негоднымъ, а по тому который они сочинили для собственнаго употребленія. Мы, говорятъ они, мстители за старинное, историческое зло, мы борцы за благо человѣчества. Но вспомните, что̀ говорила еще Екатерина объ этихъ радикальныхъ пріемахъ исправлять человѣчество даже въ тѣхъ случаяхъ когда эти пріемы употребляетъ всѣми признанная легальная власть. Положимъ, говоритъ она въ своемъ *Наказѣ*, что въ данномъ случаѣ учиненныя вами казни принесли пользу, что онѣ истребили такое-то зло; но онѣ повредили общественной нравственности частымъ зрѣлищемъ проливаемой крови. И право—если внимательно вглядѣться,—нашъ гордый вѣкъ, такъ много толкующій о средневѣковомъ варварствѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лучше эпохи тайныхъ судовъ и замаскированныхъ bravi. Тогда по крайней мѣрѣ было общепринятое, общеуважаемое ученіе, былъ обязательный нравственный кодексъ помощью коихъ можно было надѣяться излѣчить зло....

Но безъ надежды нельзя жить. Будемъ надѣяться слѣдовательно что война каждаго противъ всѣхъ близка къ окончанію, и что духъ любви снова повѣетъ надъ человѣчествомъ. Будемъ надѣяться что религіозное чувство не изсякло еще между людьми. Да оно и дѣйствительно еще не изсякло; но люди съ авторитетомъ какъ бы стыдятся громко заявлять о немъ: вотъ что̀ прискорбно, и вотъ, мы надѣемся, что̀ пройдетъ. Нѣкоторые признаки даютъ основаніе такой надеждѣ. Если человѣкъ съ такимъ громаднымъ авторитетомъ и производящій такое обаяніе на окружающихъ какъ князь Бисмаркъ недавно, въ полномъ засѣданіи парламента, со спокойствіемъ твердаго убѣжденія, не смущаясь присутствіемъ прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ, объявилъ себя вѣрующимъ христіаниномъ, то можно надѣяться что его примѣру послѣдуютъ многіе изъ тѣхъ которые, вѣруя втайнѣ въ божественный Промыслъ, явно поклоняются матеріи и человѣческому разуму. По словамъ біографа князя Бисмарка, „желѣзный канцлеръ“ сказалъ однажды: „если въ Германіи есть еще самоотреченіе и преданность къ королю и отечеству, то

это остатокъ религіозныхъ понятій который безсознательно удержался въ народѣ отъ прежняго времени". То же самое и въ большей еще мѣрѣ можно сказать о Россіи, ибо въ ней раціонализмъ пустилъ гораздо меньше корней чѣмъ въ Германіи и религіозное чувство у насъ гораздо чаще встрѣчается чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей. Оно гораздо чаще встрѣчается даже и въ средѣ нашего образованнаго общества; но не многіе имѣютъ въ немъ достаточно самостоятельности чтобы не скрываться. Повторяемъ, можетъ-быть примѣръ князя Бисмарка подѣйствуетъ на нихъ такъ же (только въ обратномъ смыслѣ) какъ на ихъ дѣдовъ дѣйствовалъ примѣръ Вольтера. А можетъ-быть случится и нѣчто еще того лучшее: можетъ-быть религіозное чувство и самостоятельно, и сознательно найдетъ болѣе достойнымъ себя заявить себя такимъ какъ оно есть....

П. Щ.

ГЕРМАНСКІЯ ПАРТІИ

И

НОВЫЙ ЗАКОНЪ ПРОТИВЪ СОЦІАЛИСТОВЪ

Тревога охватившая нѣмецкое общество послѣ извѣстны событій и во время избирательной борьбы прошлаго ... понемногу улеглась и жизнь его повидимому снова вош... обычную мирную колею. Но впечатлѣніе это обманчи... спокойствіе это кажущееся. Неопредѣленная тревога за бу... щее, сознаніе того что почва колеблется подъ ногами, ... зывается постоянно. Германія походитъ на человѣка то... что разочаровавшагося въ любимой женщинѣ, которой о... долго вѣрилъ безгранично. Громадное большинство образов... ныхъ Нѣмцевъ изъ средняго сословія твердо вѣрило въ ... преложность началъ которыя принято именовать либерал... ными, въ неизбѣжность ихъ торжества и въ тѣ блага ко... рыя это торжество неминуемо съ собой принесетъ. Съ эт... вѣрой оно дружно поддерживало всѣ требованія либераль... програмы относительно полной свободы промышленности ... торговли, печати и сходокъ, и не менѣе дружно, вслѣдъ з... правительствомъ, ринулось въ такъ-называемую культурн... борьбу. И что жь оказывается теперь? Во всѣхъ этихъ ... любленныхъ положеніяхъ приходится усомниться. Нѣмецк... промышленность въ упадкѣ, недовольство въ рабоч... населеніи ростетъ, неограниченная свобода печати и сходокъ

ела къ непомѣрнымъ успѣхамъ соціалистской пропады и ультрамонтанская оппозиція съ каждымъ годомъ ливается. Если таковы плоды нашей дѣятельности заслѣднія десять лѣтъ, разсуждаютъ многіе Нѣмцы, то знагъ мы ошиблись и въ цѣли къ которой стремились, и въ дствахъ примѣненныхъ къ дѣлу.

Нѣмецкій либерализмъ уже понесъ двѣнадцать лѣтъ тому задъ тяжкое пораженіе. Послѣ долгой и безуспѣшной борьı съ правительствомъ ему пришлось съ умиленіемъ преониться предъ геніемъ человѣка котораго онъ до Австрорусской войны поносилъ самыми позорными именами. Но огда по крайней мѣрѣ, утрачивая свою оппозиціонную невисимость, націоналъ-либеральная партія спасала свою проамму; само правительство взялось за ея исполненіе.

Въ настоящее время уже не то. Націоналъ-либераламъ риходится видѣть какъ все болѣе слабѣетъ вѣра въ ихъ рограмму среди общества, и правительство въ свою очередь творачивается отъ нихъ и готово искать сближенія съ ихъ ротивниками.

Это разложеніе стариннаго нѣмецкаго либерализма составляетъ, какъ намъ кажется, главную, основную черту современной германской общественной жизни. Либеральныя газеты всячески силятся отрицать этотъ фактъ, но для безпристрастнаго наблюдателя онъ очевиденъ.

Очень понятно что тѣ партіи которыя никогда не ладили съ либералами указываютъ на современное положеніе дѣлъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, видя въ немъ подтвержденіе того что̀ они безпрестанно твердили.

Консерваторы умываютъ себѣ руки относительно невзгодъ постигшихъ Германію и приписываютъ ихъ излишнимъ уступкамъ сдѣланнымъ либераламъ. Соціалисты и ультрамонтаны торжествуютъ, съ тѣмъ однако различіемъ что первые съ каждымъ днемъ становятся болѣе дерзкими, а вторые, съ притворнымъ смиреніемъ, въ современныхъ событіяхъ видятъ Божію кару за гоненіе на католицизмъ. Неудивительно что партіи эти сходятся въ критикѣ направляемой ими противъ либеральной программы. Полная свобода конкурренціи и передвиженія (Freizügigkeit), сосредоточеніе капитала и господство акціонерныхъ предпріятій въ промышленности, отмѣна законнаго роста и пониженіе ввозныхъ пошлинъ, все это равно

осуждается соціалистами и консерваторами, сторонниками римскаго духовенства и павшей Ганноверской династіи.

Конечно, доводы приводимые каждою изъ этихъ партій не тождественны, какъ различны и преслѣдуемыя ими цѣли. Въ полной свободѣ торговаго рынка соціалъ-демократы видятъ порабощеніе слабаго сильнымъ, эксплуатацію рабочаго капиталистомъ. Консерваторы въ свою очередь приписываютъ, и не безосновательно, либеральнымъ промышленнымъ законамъ усиленіе соціализма, и увѣрены что безъ запретительныхъ пошлинъ нѣмецкая промышленность не можетъ конкуррировать съ иностранною.

Такимъ образомъ и съ лѣвой, и съ правой стороны раздаются многочисленные голоса за упраздненіе принципа laissez faire и въ пользу большей регламентаціи промышленности.

Еще знаменательнѣе поворотъ во мнѣніяхъ относительно безконтрольнаго примѣненія свободы печати и собраній. Любимымъ положеніемъ нѣмецкихъ либераловъ было всегда то что лучшимъ способомъ борьбы противъ всякихъ зловредныхъ ученій служитъ предоставленіе имъ полной свободы высказываться гласно. Открытая борьба несравненно лучше подпольной,—такъ всегда говорили либералы,—и тайная пропаганда опаснѣе свободнаго слова. Факты не оправдали этихъ воззрѣній.

Въ теченіе слишкомъ двѣнадцати лѣтъ соціалъ-демократической агитаціи не было поставлено никакихъ законныхъ или административныхъ препятствій. Если оставить въ сторонѣ немногочисленные процессы направленные противъ редакторовъ соціалистскихъ изданій, то распространенію пропаганды и свободной борьбѣ мнѣній былъ предоставленъ совершенный просторъ. Скажемъ болѣе: тѣ судебные приговоры которыми нѣкоторые изъ вождей соціализма, гг. Бебель, Либкнехтъ, Гассельманъ, неоднократно присуждались къ тюремному заключенію, являлись какъ бы аномаліей среди общаго безнаказаннаго провозглашенія въ печати самыхъ разрушительныхъ идей. Либералы и правительство, повидимому, ожидали успѣха отъ „здраваго смысла“ населенія и отъ раздоровъ среди соціалъ-демократовъ, раздѣлившихся на два лагеря, послѣдователей Лассаля и Маркса. Нельзя же предположить чтобъ и правительство, и буржуазія, сильно заинтересованная въ дѣлѣ, были совершенно слѣпы въ виду грознаго развитія соціализма. И что̀ жь вышло? Обѣ соціа-

листскія партіи слились въ одну, забывъ прежніе раздоры. Число періодическихъ изданій въ соціалистскомъ духѣ достигло 64; въ 1877 году вышло разныхъ сочиненій въ этомъ направленіи всего 247. Послѣдніе выборы, несмотря на потрясающее дѣйствіе произведенное двумя покушеніями на жизнь императора, несомнѣнно доказали быстрый ростъ соціализма: въ настоящемъ году въ пользу его кандидатовъ было подано слишкомъ 1.420.000 голосовъ, противъ 1.170.000 въ 1877 году (хотя число соціалъ-демократовъ въ палатѣ упало съ 12 на 9). Эти факты краснорѣчивы, если разчитать что число голосовъ на выборахъ соотвѣтствуетъ лишь взрослому мужскому населенію, то уже въ настоящее время соціализмъ въ Германіи располагаетъ боевою силой равною арміямъ самыхъ великихъ державъ. Они доказываютъ что агитаціей руководятъ умѣлыя руки, и что она не терпитъ недостатка въ денежныхъ средствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе чего стóитъ изданіе многочисленныхъ летучихъ брошюръ, распространенныхъ десятками тысячъ среди рабочаго населенія, если сообразить что выборы не могутъ обходиться даромъ, то приходится удивляться тому, откуда берутся необходимыя для того значительныя суммы.

Намъ приходилось слышать догадки о томъ что соціалистская пропаганда встрѣчала помощь денежными средствами изъ чужихъ рукъ, что ее поддерживали ультрамонтаны или даже недовольные ходомъ дѣлъ знатные члены старо-консервативной партіи. Намъ сдается что эти слухи, неподтвержденные доказательствами, не имѣютъ основаній, хотя вѣроятно что иное нематеріальное покровительство было оказываемо соціалистамъ иногда въ очень высокихъ сферахъ. Деньги которыми агитація располагаетъ въ Германіи, повидимому, исключительно рабочія деньги. Въ Германіи нѣтъ тѣхъ записныхъ агитаторовъ изъ высшихъ сословій которые почти всегда въ другихъ странахъ имѣютъ руководящее значеніе въ революціонномъ подстрекательствѣ. Современные вожди соціалъ-демократовъ почти безъ исключенія вышли изъ наиболѣе образованной части рабочаго класса. Основатели нѣмецкаго соціализма, Лассаль, Швейцеръ, графиня Гацфельдъ, были, правда, люди высокообразованные и съ блестящимъ общественнымъ положеніемъ.

Но съ тѣхъ поръ какъ они сошли со сцены, ряды соціальной демократіи пополняются изъ среды рабочихъ, ихъ боевыя средства—изъ трудовыхъ денегъ. Эта особенность нѣмецкаго соціализма во всякомъ случаѣ показываетъ — слѣдуетъ это замѣтить мимоходомъ—что матеріальный и умственный уровень рабочаго класса значительно поднялся, и что плата за трудъ все-таки даетъ возможность копить сбереженія.

Нѣмецкій соціализмъ представляетъ еще ту особенность что способъ веденія агитаціи въ Германіи совершенно иной чѣмъ въ другихъ странахъ: въ Англіи, во Франціи, въ особенности въ Швейцаріи, деньги рабочихъ ассоціацій преимущественно тратятся на устройство и поддержаніе стачекъ. Въ Германіи, напротивъ, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы, стачки немногочисленны. Нѣмецкіе соціалъ-демократы считаютъ, повидимому, болѣе цѣлесообразнымъ тратить свои денежныя средства на распространеніе своихъ теорій путемъ печати. Слѣдуетъ признать что имъ удалось завербовать очень талантливыхъ сотрудниковъ; крупные органы соціализма редактируются съ большимъ умѣньемъ и изобилуютъ дѣльными статьями, хотя рядомъ на ихъ столбцахъ нерѣдко попадаются неистовыя, бѣшеныя ругательства. Значительное распространеніе крупныхъ органовъ соціализма, какъ лейпцигской *Vorwärts* и берлинской *Новой Прессы*, давало имъ возможность хорошо оплачивать литературный трудъ и сверхъ того оставляло въ рукахъ главныхъ редакторовъ порядочные барыши. Нѣкоторые изъ этихъ господъ, какъ Газенклеверъ, Либкнехтъ, Вольтейхъ, сдѣлались даже, благодаря этому, очень достаточными людьми. Гораздо большихъ расходовъ конечно требуетъ изданіе мелкихъ, летучихъ листковъ и брошюръ, служащихъ главнымъ орудіемъ пропаганды; и здѣсь-то и приходится невольно остановиться на вопросѣ: сколько на самомъ дѣлѣ полезнаго могло бы быть сдѣлано для рабочихъ еслибы суммы идущія на печатаніе этихъ изданій служили для образованія вспомогательныхъ кассъ, для содержанія больницъ и т. п. Мѣстомъ распространенія соціалистскихъ изданій служатъ большею частью безчисленные мелкіе трактиры; на улицахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, эти изданія почти не продаются. такъ что путешественнику по Германіи они вовсе не попадаютъ въ руки. Независимо отъ этого, агенты партіи усердно

раздают, конечно безплатно, брошюры и отдѣльные нумера газет фабричным рабочим.

Замѣчательно что этому распространенію соціалистских произведеній до сих пор не ставилось никаких преград, хотя почти всѣ они такого содержанія что безусловно подходят под статьи уголовнаго закона. Повидимому, среди буржуазіи и самого правительства господствовало убѣжденіе, будто соціализм не опасен и его легко побороть орудіем слова. В этом орудіи, конечно, недостатка не было: за послѣднія десять лѣт соціальный вопрос подвергся в Германіи всестороннему обсужденію, но разрѣшеніе его от того яснѣе и легче не стало. Напротив, многочисленныя теоретическія словопренія обнаружили только полное отсутствіе согласія во взглядах на этот вопрос среди тѣх самых классов которым соціализм угрожает опасностью.

Консервативная партія и ея органы до самых покушеній на жизнь императора придерживались абсолютнаго нейтралитета, отчасти даже благопріятнаго соціализму; они как будто радовались что против ненавистной буржуазіи и ненавистнаго либерализма,—эти два понятія в Германіи привыкли соединять в одно,—возстает гроза, вызванная преувеличеніем самых либеральных теорій. К этому весьма понятному, хотя крайне прискорбному злорадству, примѣшивались еще не совсѣм гласныя, личныя чувства недовольства за „измѣну" консервативным интересам со стороны правительства, или говоря попросту желаніе насолить канцлеру и разсорить его с либералами. Всякій раз когда из рядов консерваторов выходило в печать какое-нибудь изслѣдованіе о соціальном вопросѣ, оно было наполнено двусмысленными намеками на то что в сущности требованія соціализма во многом вовсе уже не так неразумны, что всемогуществу капитала и принципу laissez faire должны быть положены предѣлы, и весьма ясными, по своей враждебности, жалобами на безсовѣстную эксплуатацію капиталистами, не только рабочих, но и поземельных собственников. Поговаривали даже о нѣкоторой солидарности интересов рабочих и юнкерства и результатом этого оказалась даже вновь образовавшаяся „аграрная" партія, впрочем, совсѣм стушевавшаяся на послѣдних выборах.

Стоитъ прочесть сочиненія Рудольфа Мейера *der Emancipationskampf des vierten Standes* и бывшаго австрійскаго министра Шефле,—которые оба выдаютъ себя за консерваторовъ,—*die Quintessenz des Socialismus*, и наконецъ, недавно вышедшую анонимную брошюру *die Lösung der socialen Frage, von einem practischen Staatsmanne*, чтобъ убѣдиться какъ далеко заходило иногда это заигрыванье съ соціалистами.

Еще далѣе шли ультрамонтаны; но ихъ игра, хотя болѣе сложная, была кажется вѣрнѣе разчитана на успѣхъ: ультрамонтаны говорятъ не обинуясь что современное государство отвернулось отъ Бога, что его законодательство лишь примѣненіе начала борьбы за существованіе, то-есть порабощенія слабыхъ, и что потому интересы подавленнаго рабочаго населенія тождественны съ нуждами поруганной совѣсти вѣрующаго. Въ этомъ духѣ было написано, уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, извѣстное сочиненіе майнцскаго епископа Кеттелера о рабочемъ вопросѣ; на Майнцскомъ католическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1871 году, подъ предсѣдательствомъ того же Кеттелера, были формулованы даже весьма опредѣленныя требованія въ пользу рабочихъ, въ томъ числѣ введеніе десятичасовой поденной работы. Вообще ультрамонтаны отличаются въ своихъ взглядахъ на соціальный вопросъ отъ консерваторовъ тѣмъ что они не становятся, какъ послѣдніе, на почву усиленія государственнаго контроля, а желаютъ реформы исходящей отъ самого общества. Вражда клерикализма противъ современнаго государства не дозволяетъ ему поддерживать любимую мысль Лассаля—вмѣшательство государственной власти; напротивъ, ультрамонтаны всегда обращаются къ частной иниціативѣ, взываютъ къ чувству справедливости фабрикантовъ, и образуютъ „католическія ассоціаціи“ для вспомоществованія рабочимъ.

Ассоціаціи эти процвѣтаютъ, между тѣмъ какъ рабочіе союзы и общества потребителей, устроенные по либеральному рецепту Шульце-Деличемъ и Максомъ Гиршемъ, быстро приходятъ въ упадокъ. На Рейнѣ клерикализмъ такъ успѣшно конкуррируетъ съ соціалъ-демократами что здѣсь, въ главномъ центрѣ нѣмецкой промышленности, послѣднихъ сравнительно гораздо менѣе чѣмъ въ остальныхъ фабричныхъ округахъ, въ особенности въ Саксоніи. Число чле-

вовъ католическихъ ассоціацій, напротивъ, съ каждымъ годомъ растетъ, какъ то несомнѣнымъ образомъ доказываютъ выборы. Сами соціалисты признаютъ что ихъ опаснѣйшій противникъ въ будущемъ—католицизмъ, хотя они въ то же время прибавляютъ что и ему въ концѣ-концовъ противъ нихъ не устоять. Такой результатъ нельзя не признать въ извѣстной степени благопріятнымъ, хотя онъ купленъ дорогою цѣной многочисленныхъ теоретическихъ уступокъ соціализму, и въ особенности тою несомнѣнно безнравственною поддержкой которую ультрамонтаны оказываютъ соціалистамъ на выборахъ, тамъ гдѣ сами они не имѣютъ большинства. Такъ неоднократно поступали католики въ Саксоніи, Тюрингіи и Ганноверѣ. Правда что съ своей стороны соціалисты имъ отплачиваютъ тѣмъ же, и только благодаря содѣйствію послѣднихъ клерикаламъ удалось окончательно отвоевать у либераловъ нѣкоторые округа, какъ напримѣръ Майнцъ и Триръ.

Но всего замѣчательнѣе то что и со стороны либераловъ, противъ которыхъ особенно направлена злоба соціалъ-демократіи, раздаются голоса въ смыслѣ благопріятномъ соціализму. Конечно, большинство публицистовъ либеральнаго лагеря, какъ Трейчке, Блунчли, Бёмертъ, Бамбергеръ,—мы называемъ только наиболѣе извѣстныхъ,—горячо отстаиваютъ начала собственности и свободы личныхъ отношеній. Еще недавно прогрессистъ Dr. Вирховъ произнесъ блистательную рѣчь въ которой онъ съ большимъ жаромъ опровергалъ воззрѣнія соціалъ-демократіи. Но рядомъ съ этими мы слышимъ и многочисленные голоса иного рода, и притомъ такіе которые говорятъ именемъ экономической науки. Теоретическій споръ между фритредерами, такъ-называемою Манчестерскою школой, и сторонниками ученія Kathedersocialist'овъ, дошелъ до того что нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ Адольфъ Вагнеръ и Шкоmenлеръ, прямо признали что свобода договора между нанимателемъ и рабочимъ ложь, подъ которою скрывается юридическое насиліе, что свобода конкурренціи—зло, губящее мелкаго производителя. Остается сдѣлать одинъ шагъ чтобы сказать вслѣдъ за Лассалемъ и Марксомъ что правильная организація промышленности требуетъ обезпеченія за рабочимъ всего продукта его труда: der Arbeit ihr voller Ertrag. Другіе публицисты либеральнаго лагеря, какъ Ланге и Константинъ Францъ, не остаются даже на почвѣ спокойнаго научнаго

обсужденія. Первый изъ нихъ * прямо говоритъ что бороться противъ соціальнаго движенія безразсудно, потому что ему принадлежитъ будущее, а можно лишь стремиться къ тому чтобы мирнымъ преобразованіемъ имущественнаго строя избѣгнуть кроваваго переворота. Онъ хочетъ чтобъ и правительство и общество „помогли" рабочимъ освободиться отъ гнета имущественной зависимости. Въ виду будущаго перехода большинства фабрикъ непосредственно въ руки рабочихъ (?), Ланге рекомендуетъ такія мѣры какъ „содѣйствіе" раздробленію крупныхъ имѣній, наконецъ даже „упраздненіе" (!) личной поземельной собственности. „Люди воображающіе", говоритъ Ланге — „что рабочимъ можно вкоренить сознаніе законности ихъ теперешняго положенія, возбуждаютъ лишь улыбку состраданія." Константинъ Францъ,** говоря о современномъ положеніи дѣлъ, съ своей стороны восклицаетъ: „и это называютъ христіанскимъ обществомъ, когда въ немъ процвѣтаетъ бѣлое невольничество, и, подъ защитой закона, во сто разъ болѣе производится законныхъ грабежей чѣмъ накрадено тѣми негодями которыми переполнены дома заключенія!"

Такое отношеніе къ вопросу со стороны значительной части нѣмецкой интеллигенціи несомнѣнным образомъ содѣйствовало успѣху агитаціи. Уступать безъ боя врагу осаждающему крѣпость одну позицію за другою—плохое средство обороны. Нечего удивляться тому что признаніе многихъ положеній соціализма со стороны его естественныхъ противниковъ усилило его заносчивость и подорвало убѣжденія многихъ, особенно мало образованныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе два года соціализмъ сталъ проникать далеко за предѣлы рабочаго сословія. Нѣмецкія газеты переполнены свѣдѣніями о томъ что его сторонники насчитываются сотнями среди мелкаго чиновничества и личнаго состава управленія желѣзныхъ дорогъ; имъ заразилась, судя по отзывамъ печати, и значительная часть университетской молодежи, остававшейся до самаго послѣдняго времени совершенно чуждою движенію.

Конечно, на быстрое развитіе соціализма въ Германіи вліяли и другія, экономическія причины; никакая пропаганда не

---

* *Die Arbeiterfrage und deren Bedeutung für Gegenwart und Zukunft.*

** *Der Untergang der alten Parteien und die Parteien der Zukunft.*

въ состояніи такъ скоро покорить себѣ умы значительной части населенія, если она не находитъ для себя въ немъ благопріятной почвы. Первою основною причиной, общею впрочемъ всей западной Европѣ, было то что увеличеніе благосостоянія рабочаго класса, хотя оно сомнѣнію не подлежитъ, далеко не идетъ въ уровень съ развитіемъ промышленнаго богатства вообще. Заработки безъ сомнѣнія ростутъ и ростутъ быстрѣе цѣнъ на жизненныя потребности, но они все-таки отстаютъ отъ роста и накопленія капиталовъ. Явленіе это усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ что тѣ предметы потребленія которые большею частью доступны только людямъ съ извѣстнымъ достаткомъ, повсюду понижаются въ цѣнѣ съ развитіемъ промышленности, между тѣмъ какъ предметы роскоши съ одной стороны и предметы первой необходимости съ другой, какъ напримѣръ: пища, топливо, квартиры, становятся дороже. Другими словами, жизнь дешевѣетъ для среднихъ классовъ и напротивъ дорожаетъ для самыхъ богатыхъ и самыхъ бѣдныхъ. Это увеличеніе довольства буржуазіи и придаетъ западнымъ европейскимъ странамъ тотъ видъ ростущаго благосостоянія который сказывается въ постоянномъ увеличеніи удобствъ жизни и извѣстной, дешевой роскоши. Между тѣмъ недовольство своимъ положеніемъ не столько обусловливается дѣйствительными лишеніями какъ сравненіемъ его съ условіями жизни прочихъ. На этой избитой истинѣ не стоитъ настаивать. Въ ней кроется вѣроятно лучшее объясненіе той необыкновенной популярности которую далеко не новое ученіе соціализма пріобрѣло среди рабочихъ какъ разъ за послѣднія два десятилѣтія. Но въ Германіи къ этой причинѣ присоединились многія другія и первое мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, быстрое развитіе биржевой спекуляціи и возникновеніе безчисленныхъ дутыхъ предпріятій послѣ Австрійской и въ особенности послѣ Французской войны. Эта „учредительская лихорадка" Gründungsfieber) была явленіемъ совершенно новымъ въ Германіи и ознаменовалась настоящею оргіей мошенническихъ родѣлокъ. Непомѣрно быстрое обогащеніе нѣкоторыхъ лицъ ь помощію самаго наглаго обмана послужило конечно плоою школой нравственности для народа и несомнѣнно созда› то яркое негодованіе противъ капиталистовъ которое ›оявляется теперь и притомъ не у однихъ рабочихъ. тому въ свою очередь способствовала и горестная участь

многочисленныхъ жертвъ спекуляціи: люди очутившіеся нищими послѣ финансовой катастрофы 1874 — 75 года стали легкою добычей для соціалистской агитаціи. Ихъ судьба вполнѣ оправдывала увѣренія публицистовъ утверждавшихъ что современное промышленное устройство пагубно не для однихъ рабочихъ. Масса цѣнностей пущенныхъ въ оборотъ во время промышленной горячки и чрезмѣрное усиленіе производства (Überproduction) имѣли къ тому же и иныя послѣдствія, съ которыми Германіи придется считаться еще долго. Внезапное появленіе на рынкѣ большаго количества денежныхъ или товарныхъ цѣнностей имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой же быстрый переворотъ въ цѣнахъ и, сообразно тому, измѣненіе въ условіяхъ жизни. Въ Германіи какъ разъ случилось почти одновременно что усиленіе мануфактурнаго производства, не шедшее въ уровень съ возвышеніемъ спроса, понизило цѣны на многіе товары, между тѣмъ какъ вновь пущенные въ оборотъ денежные знаки, и въ особенности спекулятивныя бумаги, вдругъ значительно подняли цѣны на жизненныя потребности и на сырыя произведенія, а слѣдовательно и на плату за трудъ. Такимъ образомъ расходы на производство стали значительнѣе въ то самое время когда излишекъ промышленныхъ издѣлій не находилъ покупателей.

Понятно что многіе фабриканты разорились, и промышленное колесо, слишкомъ быстро пущенное въ ходъ, вдругъ остановилось. Но этимъ не ограничились послѣдствія кризиса. Пертурбація цѣнъ, вызванная какимъ-либо экономическимъ переворотомъ, обыкновенно еще продолжается, когда создавшія ее причины уже перестали дѣйствовать. И вотъ до сихъ поръ, когда промышленная горячка давно прошла, въ Германіи продолжаютъ жаловаться на дороговизну, хотя въ то же время дѣла уцѣлѣвшихъ фабрикантовъ не поправляются. Понятно, какъ все это должно было отразиться на бытѣ рабочихъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, благодаря усиленному спросу на трудъ, рабочая плата вдругъ быстро поднялась; но увлеченіе прошло, многія фабрики закрылись, остальныя сократили свое дѣйствіе и тысячи рабочихъ остались безъ занятій, а цѣны на жизненныя потребности все-таки не понижались. Одновременно съ этимъ въ Германіи происходитъ еще одно экономическое явленіе, тоже не остающееся безъ вліянія на развитіе соціализма.

Нѣмецкая промышленность,—и въ этомъ она не составляетъ исключенія,—стремится къ централизаціи капиталовъ и къ увеличенію размѣровъ производства (Grossindustrie). Промышленный кризисъ еще усилилъ это стремленіе: для того чтобъ устоять въ конкурренціи съ заграничными произведеніями, нѣмецкіе фабриканты должны работать какъ можно дешевле, и въ виду увеличенія расходовъ на производство, стараются придавать ему, путемъ ассоціаціи, все бо́льшіе размѣры. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, старинныя фирмы въ большомъ числѣ переходятъ въ руки товариществъ,—и это, какъ извѣстно, всегда дурно отзывается на отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ. Съ другой, мелкіе производители и ремесленники, не будучи въ состояніи конкуррировать съ крупными, все болѣе становятся зависимыми отъ нихъ, т.-е. перестаютъ работать на себя и мало-по-малу обращаются въ простыхъ рабочихъ поставщиковъ. Мелкая кустарная промышленность, уцѣлѣвшая въ нѣкоторыхъ углахъ Германіи, въ южной Саксоніи, въ Силезіи, въ Тюрингіи, въ Шварцвальдѣ, тоже быстро приходитъ въ упадокъ. Такимъ образомъ мирнымъ путемъ конкурренціи происходитъ обширная экспропріація мелкихъ промышленниковъ и обращеніе ихъ изъ свободныхъ производителей въ рабочихъ. Неудивительно что они плохо съ этимъ мирятся и съ большею готовностью идутъ пополнять собою ряды соціальной демократіи.

Изъ сказаннаго ясно что на ряду съ мѣрами къ обузданію соціализма, требуются въ Германіи мѣры къ исцѣленію экономическаго зла изъ котораго соціализмъ почерпаетъ свою силу. Это понимаютъ отлично и правительство и общество: если князь Бисмаркъ возвѣщаетъ палатѣ что онъ намѣренъ представить ей нѣсколько проектовъ реформъ въ системѣ косвенныхъ налоговъ, то съ своей стороны печать громко требуетъ пересмотра всего промышленнаго законодательства. Въ этомъ вопросѣ правительство опередило поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Уже въ прошлой палатѣ, распущенной въ маѣ, былъ поднятъ вопросъ о введеніи табачной монополіи и шла рѣчь о повышеніи таможенныхъ пошлинъ. Эти реформы, въ связи съ проектомъ обращенія желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ въ казенныя, доказывали что князь Бисмаркъ далеко не другъ начала правительственнаго невмѣшательства въ промышленной

сферѣ и на этомъ пути онъ совершенно разошелся съ націонал-либералами.

Проектъ покупки желѣзныхъ дорогъ, правда, встрѣтилъ съ ихъ стороны нѣкоторую поддержку, потому что онъ составлялъ новый шагъ на пути къ объединенію имперіи. Но за то финансовыя преобразованія канцлера, пущенныя въ ходъ въ прошлую сессію, до того не понравились національ-либераламъ что съ этимъ вопросомъ приводятъ въ связь неудачу той комбинаціи благодаря которой трое изъ ихъ вождей, въ томъ числѣ г. фонъ-Беннигсенъ, должны были вступить въ министерство. Рѣшительная оппозиція финансовымъ видамъ канцлера послужила, вѣроятно, главнымъ поводомъ къ распущенію палаты, такъ какъ для проведенія закона противъ соціалистовъ соглашеніе съ національ-либеральнымъ большинствомъ было вполнѣ возможно. Выборы несомнѣнно доказали что въ экономическихъ вопросахъ, такъ же какъ и въ политическихъ, большинство населенія уже не раздѣляетъ взглядовъ прежняго большинства палаты. Какъ всегда бываетъ въ политической жизни, поворотъ во мнѣніяхъ подготовлялся издавна и шелъ незамѣтно; неожиданное событіе, покушенія Гэделя и Нобилинга, только вызвало его наружу. А между тѣмъ состояніе нѣмецкой промышленности дѣйствительно таково что возбуждаетъ самыя серіозныя опасенія за будущее. Вторая половина пятидесятыхъ и шестидесятые года были въ цѣлой Европѣ эпохой заключенія торговыхъ трактатовъ и пониженія таможенныхъ пошлинъ. Это было время торжества фритредеровъ, всюду провозглашавшихъ что, по примѣру Англіи, свобода торговли принесетъ несомнѣнную пользу населенію. Реакція противъ этого направленія не замедлила явиться, какъ скоро сказались послѣдствія открытія границъ для иностранныхъ товаровъ. Но въ большинствѣ странъ, какъ во Франціи, она осталась мѣстною и касалась только отдѣльныхъ отраслей производства. Въ Германіи, наоборотъ, кризисъ захватилъ почти всѣ виды промышленности, и вслѣдъ за необыкновеннымъ усиленіемъ производства наступилъ всеобщій застой, какъ его неизбѣжное послѣдствіе. Дѣло въ томъ что нѣмецкіе товары за границей не въ состояніи конкуррировать съ англійскими и французскими, между тѣмъ какъ послѣдніе, наоборотъ, наводняютъ собою нѣмецкій рынокъ. Въ нѣмецкой промышленности нѣтъ ни одной отрасли въ которой она достигла бы превосходства надъ своими запад-

ными сосѣдками; англійскіе и французскіе потребители не имѣютъ безусловной нужды въ нѣмецкихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы не обходятся безъ французскихъ винъ, французскаго шелка и англійскихъ металлическихъ и машинныхъ издѣлій. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является то что балансъ отпускной торговли Германіи не въ ея пользу. Даже и въ остальныхъ отрасляхъ производства нѣмецкимъ фабрикантамъ приходится выносить трудную борьбу съ заграничными издѣліями на своемъ домашнемъ рынкѣ; по крайней мѣрѣ жалобы на это слышатся въ Германіи повсюду. Явленіе это кажется страннымъ, въ виду сравнительной дешевизны труда въ Германіи. Объясненіе ему можно найти въ томъ что въ Германіи находятся лишь въ очень ограниченномъ количествѣ два сырыя произведенія играющія въ производствѣ главную роль—уголь и желѣзо. Ихъ приходится въ большомъ количествѣ привозить изъ-за границы, преимуществено изъ Австріи. Къ тому же товарные тарифы на нѣмецкихъ дорогахъ не только чрезмѣрно высоки вообще, но еще какъ разъ составлены невыгоднымъ образомъ для сбыта домашнихъ произведеній. Намъ передавали неоднократно что мѣстности сосѣднія съ Австріей предпочитаютъ издѣлія богемскихъ фабрикъ домашнимъ, несмотря на ввозныя пошлины, если только свой товаръ приходится перевозить издалека: такъ велика разница въ тарифахъ на австрійскихъ и на нѣмецкихъ дорогахъ. На ряду съ заграничными издѣліями; фабрикантамъ коренныхъ нѣмецкихъ областей надѣлала много хлопотъ и вновь присоединенная Альзасъ-Лотарингія. Тамошніе фабриканты вынуждены были искать сбыта на нѣмецкихъ рынкахъ, въ виду пошлины ожидающей ихъ на французской границѣ, и этотъ излишекъ производства,—а вывозъ изъ Альзаса достигаетъ громадныхъ размѣровъ,—послужилъ не къ обогащенію Германіи, а къ разоренію ея же фабрикантовъ. Альзасскія издѣлія оказались и изящнѣе, и дешевле нѣмецкихъ. Несомнѣнно также что „крахъ“ 1874 года и происшедшій оттого переворотъ въ имущественномъ положеніи очень многихъ значительно повліяли на сокращеніе спроса. Намъ передавали неоднократно—и это мы слышали непосредственно отъ нѣмецкихъ заводчиковъ—что многочисленные желѣзодѣлательные и чугуноплавильные заводы Трирскаго округа вотъ въ теченіе трехъ лѣтъ работаютъ въ убытокъ и что не

видно даже конца этому кризису, потому что съ каждымъ годомъ спросъ на товаръ сокращается.

Фабрики не перестаютъ работать лишь потому что не хотятъ порвать отношеній установившихся съ постоянными рабочими и потому также что временные убытки все-таки выгоднѣе реализаціи или остановки, при которой оборотный капиталъ остался бы безъ дѣйствія. Если присоединить ко всему этому еще то обстоятельство что кредитъ въ Германіи далеко не такъ доступенъ и не такъ упругъ какъ напримѣръ во Франціи, то становится понятнымъ что нѣмецкая промышленность съ трудомъ переноситъ кризисъ и съ каждымъ годомъ болѣе уступаетъ французской. Это несомнѣнное превосходство Франціи, которое Нѣмцы не только сознаютъ, но въ которомъ они даже сознаются, дѣйствуетъ на нихъ особенно удручающимъ образомъ и потому въ Германіи уже исчезла та самоувѣренность которая охватила Нѣмцевъ послѣ 1870 года.

Всюду слышатся голоса о необходимости вспомогательныхъ мѣръ для устраненія промышленнаго застоя.

Конечно, табачная монополія, которой домогается князь Бисмаркъ для усиленія средствъ казны, не можетъ быть популярна въ народѣ который такъ много куритъ какъ Нѣмцы. Но за то повышеніе ввозныхъ пошлинъ, открытіе государственнаго кредита для фабрикъ, пересмотръ тарифовъ дорогъ, теперь у всѣхъ на языкѣ, и всѣ усердно открещиваются отъ начала laissez faire, нѣкогда столь дорогаго либераламъ и въ экономическихъ и въ политическихъ вопросахъ.

Таково было настроеніе общества, когда начались выборы. Было бы вполнѣ естественно, еслибъ они усилили оппозицію правительству, выказавшему поразительную неумѣлость въ своей финансовой и промышленной политикѣ. Но, вопервыхъ, очень хорошо помнили что неудачные промышленные законы послѣднихъ лѣтъ состоялись подъ вліяніемъ либераловъ; вовторыхъ, со стороны правительства уже проявлялись признаки обращенія къ болѣе здравымъ экономическимъ началамъ; втретьихъ, наконецъ, два покушенія на жизнь императора оживили въ странѣ чувства династической преданности. Правительство воспользовалось этимъ настроеніемъ чтобы возбудить избирателей противъ либераловъ, представляя ихъ косвенными виновниками той распущенности которая создаетъ Гёделей и Нобилинговъ. Судя по тону прави-

тельственныхъ газетъ, даже ультрамонтанскіе кандидаты считались менѣе вредными, менѣе анти-правительственными, чѣмъ недавніе друзья, либералы. Эта агитація удалась, насколько вообще что-нибудь можетъ удасться въ такой пестрой и разнохарактерной странѣ, какова Германія. Націоналъ-либералы и прогрессисты поплатились и за промышленный застой и за попытки цареубійства. Число первыхъ упало въ палатѣ со 167 на 101, число вторыхъ съ 46 на 25. Если принять во вниманіе не число избранныхъ, а счетъ поданныхъ голосовъ, то разница выйдетъ еще значительнѣе.

Въ то же время кандидаты нелиберальныхъ оппозиціонныхъ фракцій пріобрѣли и болѣе голосовъ и болѣе мѣстъ въ палатѣ: ультрамонтаны достигли почтенной цифры 103 (вмѣстѣ съ альзасскими католиками и партіей протеста), ганноверскіе партикуляристы, имѣвшіе только 4 мѣста въ прежней палатѣ, пріобрѣли ихъ десять. Если прибавить къ этимъ депутатамъ одного Датчанина, 13 Поляковъ, 3 южно-германскихъ демократовъ и 9 соціалистовъ, то вся фаланга анти-имперскихъ партій насчитываетъ въ новой палатѣ 139 голосовъ, что представляетъ собою уже очень замѣтное усиленіе. Но наибольшее приращеніе выпало на долю обѣихъ консервативныхъ фракцій, получившихъ въ новой палатѣ, вмѣсто 67, 116 мѣстъ. Остальные 16 голосовъ принадлежатъ 5 альзасскимъ автономистамъ и такъ-называемымъ „дикимъ", не причисленнымъ ни къ какой партіи, хотя въ числѣ ихъ находятся такія старинныя парламентскія извѣстности, какъ докторъ Бозелеръ и фонъ-Бокумъ-Дольфсъ.

Если распредѣлить вновь избранныхъ депутатовъ по областямъ, то окажется что въ Восточной Пруссіи, Помераніи и Нижней Силезіи консерваторы обоихъ оттѣнковъ совершенно вытѣснили либераловъ; даже Кёнигсбергъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крайній радикалъ Dr. Якоби обладалъ неизмѣннымъ большинствомъ, послалъ въ новую палату однихъ консерваторовъ. Въ Западной Пруссіи и Познани отношеніе партій почти не измѣнилось, хотя произошло нѣсколько перемѣщеній депутатскихъ мѣстъ отъ консерваторовъ къ ультрамонтанамъ и Полякамъ или обратно. Въ герцогствахъ, въ Прусской Саксоніи и Тюрингіи консерваторы отняли у либераловъ нѣсколько мѣстъ, большею частью при содѣйствіи ультрамонтановъ; въ Бранденбургѣ, напротивъ, либералы

выиграли два мѣста и въ самомъ Берлинѣ счетъ голосовъ показалъ упадокъ силъ не только консервативной, но и національ-либеральной партіи въ пользу прогрессистовъ. Въ Ганноверѣ почти вездѣ восторжествовали партикуляристы. Въ Баваріи и Вестфаліи окончательно побѣдили клерикалы; въ первой изъ этихъ странъ только Нюрнбергъ и Аугсбургъ подали голоса въ либеральномъ смыслѣ; даже Мюнхенъ послалъ въ палату ультрамонтановъ. Въ Рейнской провинціи не произошло измѣненій: въ Кобленцѣ и Эссенѣ либералы побили ультрамонтановъ, но за то потеряли Дюссельдорфъ и Триръ. Подача голосовъ въ этой области дала единственный въ Германіи примѣръ ослабленія соціалистовъ.

Въ Баденѣ и Виртембергѣ консервативная партія нѣсколько усилилась; за то въ Гессенѣ, королевской Саксоніи и Верхней Силезіи она понесла совершенное пораженіе. Въ Альзасъ-Лотарингіи партія протеста снова пріобрѣла 4 лишнія мѣста насчетъ автономистовъ и католиковъ. Наконецъ 9 соціалистскихъ депутатовъ распредѣлились такъ: два изъ нихъ выбраны въ Берлинѣ, одинъ въ Бреславѣ, одинъ въ Бременѣ, одинъ въ Готѣ, остальные четверо принадлежатъ Саксоніи.

Такимъ образомъ, на ряду съ пораженіемъ обѣихъ либеральныхъ фракцій, выборы значительно усилили тѣ партіи которыя относятся враждебно къ имперскому единству и слѣдовательно къ канцлеру. Если принять въ соображеніе что изъ числа консерваторовъ наиболѣе выиграла крайняя правая (съ 27 мѣстъ на 64), которая собственно представляетъ собою старопрусскій автономизмъ, то окажется что депутаты не сочувствующіе всему ходу дѣлъ въ Германіи со времени Австрійской войны обладаютъ въ палатѣ даже большинствомъ чего не было до сихъ поръ никогда. Конечно, большинство это до того разношерстное что никогда соединиться не можетъ, но при такомъ составѣ палаты продолженіе культурной борьбы и изданіе какихъ-нибудь „майскихъ“ законовъ становится уже немыслимымъ. Результатъ этотъ никакъ нельзя назвать благопріятнымъ для князя Бисмарка; онъ свидѣтельсвуетъ во всякомъ случаѣ о томъ что главное направленіе политики князя перестало уже пользоваться сочувствіемъ избирателей. Въ нѣкоторой степени, впрочемъ, такой исходъ выборовъ былъ подготовленъ самимъ правительствомъ.

Въ оффиціальныхъ кругахъ и въ правительственной печати, какъ разъ послѣ распущенія палаты, стали поговаривать

о возможности сближенія съ „католическимъ центромъ“ и о необходимости покончить съ культурною борьбой. Заклятые враги князя, ультрамонтаны, выставлялись какъ люди съ консервативнымъ направленіемъ, ставшіе въ оппозицію только вслѣдствіе культурной борьбы. Съ прекращеніемъ ея эти люди могли вернуться къ своимъ естественнымъ симпатіямъ и помочь правительству въ подавленіи революціонныхъ началъ. Въ правительственныхъ органахъ это говорилось лишь вскользь; руководящая газета ультрамонтановъ *Germania* напечатала нѣсколько статей въ правительственномъ духѣ; но во всѣхъ либеральныхъ газетахъ ежедневно повторялось что союзъ правительства съ клерикалами вполнѣ возможенъ и что въ Германіи настанетъ эра слѣпой реакціи. Какъ разъ въ это самое время начались переговоры князя Бисмарка съ пап-;кимъ нунціемъ въ Мюнхенѣ, монсиньоромъ Мазелла. Како-ю будетъ поведеніе центра въ будущей палатѣ, разгадать было довольно трудно. На ряду съ примирительнымъ тономъ :лерикальной печати, кандидаты центра открещивались отъ сякой солидарности съ правительствомъ и громко объявля-я что не подадутъ своихъ голосовъ въ пользу исключитель-аго закона.

На эти заявленія смотрѣли какъ на попытку надбавить ѣну за свои услуги и склонить правительство на большія тупки. Положеніе націоналъ-либераловъ, то-есть вождей льшинства прежней палаты, было крайне затруднитель-ымъ. Съ одной стороны, въ виду начатой противъ нихъ войны, и вступили въ союзъ съ прогрессистами, которые ниче-и слышать не хотѣли объ исключительныхъ законахъ. Съ гой, они боялись окончательно разсориться съ правитель-омъ, особенно въ виду грозящаго союза его съ клерикала-и потому обѣщали свое содѣйствіе въ составленіи нова-зрѣло обдуманнаго и умѣреннаго закона противъ соціа-товъ.

та крайняя запутанность отношеній между партіями, это ждаліе ихъ во тьмѣ“, отозвалось на выборахъ: вопервыхъ, 5 округахъ изъ 397 понадобились перебаллотировки, что зываетъ ожесточенность борьбы, вовторыхъ, на этихъ баллотировкахъ произошли самыя странныя коалиціи. Со-либераловъ съ прогрессистами оказался недѣйствитель-; въ нѣкоторыхъ округахъ консерваторы подавали голо-одно съ клерикалами, но какъ союзники стыдящіеся

взаимно другъ друга, въ другихъ они соединились съ либералами. Противъ либераловъ ультрамонтаны сплошь да рядомъ сходились съ соціалистами.

Вообще несмотря на то что главная цѣль выборовъ заключалась въ борьбѣ съ соціалъ-демократами, ни одна партія не воздержалась отъ союза съ ними. Въ Дрезденѣ и Готѣ имъ помогли либералы противъ консерваторовъ, въ Бреславѣ консерваторы противъ либераловъ, въ Майнцѣ, Трирѣ и Дюссельдорфѣ съ ними заодно подавали голоса клерикалы. Въ Ганноверѣ соціалисты усердно помогали „гвельфамъ"; при перебаллотировкѣ въ Гамбургѣ они вмѣстѣ съ католиками провели въ палату партикуляриста графа Гроте. Напротивъ, въ Гамбургѣ и Брауншвейгѣ противъ нихъ соединились всѣ партіи. Въ Пфорцгеймѣ и Дурлахѣ они вмѣстѣ съ прогрессистами доставили торжество клерикально-консервативному кандидату, въ Мангеймѣ—демократу. Наконецъ при перебаллотировкѣ въ Констанцѣ они подавали голоса за консервативнаго кандидата, принца Вильгельма Баденскаго. Не подлежитъ сомнѣнію что подобные союзы сильно подрываютъ всякое понятіе о политической честности.

Прямымъ послѣдствіемъ выборовъ оказалось, такимъ образомъ, полное отсутствіе какого-бы то ни было прочнаго большинства въ палатѣ и по тому самому неизбѣжность парламентскихъ коалицій. Представительство распалось на три почти равносильныя группы; вдобавокъ къ прежнимъ распрямъ либераловъ съ прогрессистами присоединилось глубокое раздраженіе, причиненное недавнимъ поведеніемъ тѣхъ и другихъ во время избирательной борьбы. Когда результатъ выборовъ сталъ извѣстенъ, всѣ задали себѣ вопросъ о томъ какъ поступитъ правительство и какимъ образомъ составится большинство необходимое для проведенія закона противъ соціалистовъ. Сначала всѣ шансы, казалось, были на сторонѣ коалиціи правой стороны и центра. Начатые переговоры съ монсиньйоромъ Мазелла повидимому привели если не къ формальному соглашенію, то по крайней мѣрѣ ко взаимному признанію его возможности. Обмѣнъ писемъ между имперскимъ принцемъ и папой обнаруживалъ примирительное настроеніе съ обѣихъ сторонъ. Оставалось стало-быть заручиться согласіемъ депутатовъ центра на законопроектъ составленный въ началѣ іюля союзнымъ совѣтомъ и, несмотря на недавнюю оппозицію центра, трудно было сомнѣваться въ успѣхѣ такой комбинаціи, какъ скоро католическимъ

путатамъ представится вѣроятность прекращенія культур-
ой борьбы, даже безъ отмѣны конфессіональныхъ зако-
овъ. На самомъ дѣлѣ, законы эти такого свойства что
ть ихъ заключается не въ ихъ текстѣ, а въ способѣ при-
ѣненія: въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Виртембергѣ,
здавна существовали законы почти совершенно однородные,
все-таки они не приводили ни къ какому столкновенію съ
уховенствомъ, ибо не употреблялись какъ орудіе борьбы.

Что же касается промышленыхъ вопросовъ, то на этой
очвѣ соглашеніе было еще легче, потому что большинство
епутатовъ центра всегда относилось враждебно къ экономи-
ескимъ воззрѣніемъ либераловъ. Но тутъ произошло нѣчто
овершенно неожиданное. Центръ не только не пошелъ на
оглашеніе съ правительствомъ, но его органы вдругъ снова
риняли крайне враждебный тонъ, и двое изъ его коноводовъ,
. фонъ-Рейхенпифгеръ и фонъ-Шорлемеръ-Альстъ, выска-
ались предъ своими недавними избирателями въ томъ смыслѣ
то цѣной сокращенія политическихъ вольностей они не
огласятся купить даже религіознаго примиренія. Вслѣдъ за
ими то же повторили и нѣкоторые другіе депутаты; словомъ
ентръ выступилъ поборникомъ безусловнаго либерализма.
Если принять въ соображеніе что почти всѣ депутаты
ентра принадлежатъ дворянству и до открытія куль-
урной борьбы вовсе не отличались особымъ либерализ-
омъ, если припомнить что защита политической свободы
овсе не входитъ въ составъ римскаго катихизиса, то
вленіе это должно поразить своею странностью. Между
ѣмъ оно объясняется очень просто. Въ теченіе многихъ
ѣтъ центру приходилось жаловаться на притѣсненія со
тороны правительства и взывать къ принципамъ свободы,
арушенной, въ лицѣ католиковъ, въ одномъ изъ своихъ глав-
ыхъ проявленій, въ религіозномъ чувствѣ. Для усиленія
воей популярности, они въ теченіе долгаго времени щего-
яли своимъ либерализмомъ и вносили въ палату предложенія
амаго передоваго свойства. Быть-можетъ сначала это былъ
олько маневръ съ ихъ стороны, и они были очень рады
то предложенія эти проваливались. Но демократическія
фразы, и въ особенности та плебейская среда гдѣ центръ вер-
бовалъ себѣ голоса, имѣютъ заразительное дѣйствіе. Долговре-
менная оппозиція не проходитъ даромъ, и политическія маски
носимыя долго наконецъ пристаютъ къ лицу и придаютъ

ему уже неизгладимыя черты. Такъ и случилось съ центромъ. Онъ оказался связаннымъ своими многочисленными заявленіями и въ особенности тою массой двусмысленныхъ kліентовъ kоторыми себя окружили его вожди.

Если они только прикидывались либералами, то измѣнить этой роли становилось уже неудобнымъ, и они, kакъ увѣряютъ, даже вопреки увѣщаніямъ изъ Рима, объявили что подадутъ голоса противъ законопроекта. Быть-можетъ также они имѣли въ виду еще выторговать у правительства лишнія уступки; но если таковъ былъ ихъ разчетъ, то они въ немъ ошиблись.

Одновременно съ этими заявленіями центра заговорили и націоналъ-либералы, но совершенно въ иномъ смыслѣ. Имъ, повидимому, все мерещилось пугало сближенія канцлера съ клерикалами, и это опасеніе на нихъ подѣйствовало. Главные органы либеральной партіи, берлинская *National Zeitung*, аугсбурская *Allgemeine Zeitung*, далѣе *Кельнская Газета*, которая во время избирательной борьбы горько жаловалась на поведеніе правительства, вдругъ понизили тонъ и заявили что слѣдуетъ поддержать канцлера въ его борьбѣ съ соціалистами и что законопроектъ Союзнаго Совѣта можетъ быть принятъ съ небольшими измѣненіями. Въ этомъ же смыслѣ высказался одинъ изъ главныхъ вождей партіи, г. фонъ-Бенигсенъ, въ рѣчи сказанной имъ въ защиту кандидатуры бывшаго вице-президента палаты фонъ-Штауффенберга, который прошелъ только на перебаллотировкѣ. Это заявленіе Беннигсена было тѣмъ знаменательнѣе что на первомъ обсужденіи проекта онъ особенно настаивалъ на томъ что существующій законъ совершенно достаточенъ для обузданія агитаціи.

Самымъ важнымъ въ этомъ „поворотѣ направо“ либераловъ было собственно то что они не только изъявляли свое согласіе на принятіе исключительныхъ мѣръ kакъ на печальную необходимость, но стали поддерживать ихъ kакъ свое собственное дѣло: другими словами, они вполнѣ отказались отъ обычной точки зрѣнія либераловъ, для которыхъ свобода печати и сходокъ—непосягаемая святыня. Органы консерваторовъ съ большою предупредительностью отвѣтили на это заявленіе, и заговорили даже о возстановленіи большинства помощью союза націоналъ-либераловъ и правой стороны. Если князь Бисмаркъ только затѣмъ сталъ заигрывать съ Римомъ чтобы добиться этого, то онъ достигъ своей цѣли. Но для

того чтобы такое большинство состоялось, необходимо было чтобы вся національ-либеральная фракція съ группой Леве включительно подавала голоса какъ одинъ человѣкъ, потому что вмѣстѣ съ консерваторами она обладала бы только 220 голосами, то-есть большинствомъ очень скромнымъ. А насчетъ этого позволительно было сомнѣваться. Правое крыло фракціи, такъ-называемая группа „профессоровъ", то-есть тѣ самые 15 депутатовъ которые и при первомъ обсужденіи анти-соціалистскаго закона подали голоса за проектъ съ поправкой Гнейста, очень мало отличалось отъ консерваторовъ. После заявленій Беннигсена можно было разчитывать и на главныя силы партіи, въ томъ числѣ на такія выдающіяся личности какъ фонъ-Форкенбекъ, Бамбергеръ, фонъ-Унру. Но затѣмъ осталось лѣвое крыло партіи и группа Леве, то-есть 35—40 депутатовъ съ г. Ласкеромъ во главѣ, содѣйствіе которыхъ было крайне сомнительно. Эти господа высказывались мало; противъ нихъ, и въ особенности противъ Ласкера, главнымъ образомъ направлены были громы консерваторовъ во время избирательной борьбы, и позволительно было думать что они сохранили о томъ не совсѣмъ добрую память. Для удержанія ихъ отъ раскола съ главными силами партіи былъ пущенъ въ ходъ довольно удачный маневръ: какъ скоро съ ихъ стороны, или со стороны ихъ органовъ въ печати, проявлялись оппозиціонные симптомы, правительственныя газеты немедленно возвѣщали объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ съ Римомъ, или о томъ что папа Левъ XIII далъ почувствовать нѣмецкимъ клерикаламъ свое неудовольствіе за ихъ потворство соціалистамъ.

Какъ бы то ни было, нельзя было поручиться за исходъ голосованія, когда открылись засѣданія палаты. Безусловно можно было разчитывать только на консерваторовъ, которые, послѣ двухъ покушеній на жизнь императора, во всѣхъ своихъ органахъ съ большою горячностью настаивали на принятіи исключительныхъ мѣръ. Но именно эта горячность съ такой стороны и была причиной недовѣрія либераловъ. Извѣстно было что консерваторы, особенно правое ихъ крыло, никогда не высказывали особой боязни предъ соціализмомъ, всегда считали либеральное управленіе страной за несравненно большее зло чѣмъ революціонную агитацію. Признаніе соціализма за вполнѣ нормальный плодъ либеральныхъ идей было всегдашнимъ тезисомъ консервативной печати. Если

бы шла рѣчь только о преслѣдованіи соціалистовъ предъ судомъ и объ изданіи болѣе строгаго уголовнаго закона, то противъ этого націоналъ-либералы и не заспорили бы; въ сочувствіи соціалистамъ ихъ менѣе всего можно упрекнуть, и они уже давно отказались отъ мысли что соціалъ-демократическую агитацію слѣдуетъ предоставить самой себѣ. При обсужденіи перваго законопроекта Союзнаго Совѣта въ прежней палатѣ фонъ-Бенигсенъ совѣтовалъ правительству болѣе энергически воспользоваться существующими законными средствами, какъ бы намекая на то что до сихъ поръ соціалистамъ была оказана нѣкоторая поблажка. Но дѣло въ томъ что законопроектъ допускалъ принятіе не судебныхъ, а административныхъ мѣръ противъ соціалистскихъ ассоціацій, сходокъ и изданій, предоставляя не суду, а полиціи сужденіе о томъ, подходитъ ли данный случай подъ тѣ которые предусмотрѣны новымъ закономъ. Отъ полиціи должно зависѣть прекращеніе изданія, запрещеніе сходки или закрытіе кружка, смотря по тому, признаетъ ли она ихъ соціалистскими. Этимъ нарушалась свобода ассоціацій и печати и налагалась рука на священный для либераловъ принципъ раздѣленія властей суда и администраціи; этимъ, наконецъ, давалось въ руки правительства орудіе помощію котораго оно могло запретить любое собраніе и любую газету.

Правда, законопроектъ установлялъ аппелляціонную инстанцію для всѣхъ подобныхъ дѣйствій; но составъ этого специальнаго суда былъ такого рода что не представлялъ какихъ-либо гарантій независимости предъ властью.

Вдобавокъ консервативные органы, какъ *Сѣверо-Германская Газета* и *Крестовая Газета*, громко заявляли что нельзя дѣлать различіе между полицейскимъ чиновникомъ и судьей, и предполагать будто послѣдній представляетъ болѣе условій безпристрастія чѣмъ первый. Подобные аргументы какъ разъ противорѣчили завѣтнымъ убѣжденіямъ либераловъ. Но правительство при открытіи преній такъ поставило вопросъ что подавать голоса противъ закона значило выразить полное недовѣріе канцлеру и прямо объявить ему войну на смерть; стало-быть въ будущемъ мерещились: второе распущеніе, союзъ съ клерикалами и тому подобные ужасы.

Мы не станемъ утруждать читателя изложеніемъ событій еще столь свѣжихъ въ памяти. Послѣ долгихъ преній законъ былъ принятъ съ небольшими поправками, изъ кото-

рыхъ главною была замѣна особой аппелляціонной инстанціи Союзнымъ Совѣтомъ, т.-е представителями всѣхъ государствъ имперіи. Законъ былъ принятъ въ окончательной редакціи довольно значительнымъ большинствомъ; за него, вмѣстѣ съ консерваторами, подали голоса всѣ націоналъ-либералы съ группой Лёве включительно. Центръ, прогрессисты, гвельфы, Альзасцы всѣхъ оттѣнковъ, Поляки, и, разумѣется, соціалъ-демократы также дружно подали голоса противъ него.

Аргументація прогрессистовъ во время преній была очень проста: она сводилась къ тому что законъ опасенъ какъ обоюдоострое оружіе и сверхъ того безполезенъ, потому что никакое полицейское преслѣдованіе не можетъ искоренить распространеніе какой-либо идеи. На этотъ послѣдній вопросъ и сводится весь интересъ новаго фазиса, въ которой теперь вступило соціалистское движеніе въ Германіи. Если вѣрить англійскимъ газетамъ всѣхъ оттѣнковъ, то Германское правительство отъ новаго закона не выиграетъ ничего и тайная агитація окажется болѣе страшною чѣмъ явная. Со стороны Англичанъ такое воззрѣніе понятно. Въ Англіи издавна существуетъ полная свобода ассоціаціи и печати; съ ней всѣ свыклись; рабочіе союзы всегда имѣли полную возможность устроиться и дѣйствовать по своему усмотрѣнію; съ ними считаются какъ съ признанною силой, они обладаютъ значительными средствами. И эта система попустительства въ Англіи удалась. Рабочіе союзы мало занимаются, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, революціонною пропагандой; они добиваются ближайшихъ, практическихъ цѣлей—увеличенія платы и сокращенія рабочихъ часовъ. Они рискуютъ потерять слишкомъ многое если навлекутъ на себя судебное преслѣдованіе. И на этой реальной почвѣ практическихъ компромиссовъ установилось более или менѣе правильное состязаніе интересовъ и признаніе взаимныхъ правъ: недавно было нѣсколько примѣровъ добровольной сбавки трудовой платы въ виду промышленнаго застоя. Но Германія не Англія. Въ ней рабочіе союзы очень быстро уклонились съ этого трезваго направленія на путь дальнихъ, революціонныхъ идеаловъ. Тяжелое бремя воинской повинности, возвышеніе налоговъ, низкій уровень платы за трудъ, наконецъ страданіе причиненное промышленнымъ кризисомъ, все это создало среди рабочихъ сильное раздраженіе: мы выше указали на причины сло-

собствовавшія быстрому распространенію агитаціи. Въ свою очередь германское общество не привыкло къ самозащитѣ. Среди его публицистовъ и ученыхъ страсть къ отвлеченному мышленію зачастую пролагаетъ путь теоріямъ опаснымъ потому особенно что онѣ неопредѣленны. Между дворянствомъ и буржуазіей не совсѣмъ изсякла древняя вражда, и оба сословія охотно подкапываютъ взаимно другъ у друга подъ ногами почву. Несмотря на грозное развитіе соціализма, со стороны общества не видно попытокъ къ организованному отпору. Что-либо похожее на самодѣятельность было выказано только со стороны католической партіи, но это сила столь же враждебная правительству какъ и соціализмъ. Не слѣдуетъ забывать что въ Германіи значительная часть населенія находится въ постоянномъ антагонизмѣ противъ всего имперскаго устройства: это стремленіе врозь идетъ на ряду съ соціальною агитаціей и помогаетъ ей. При такихъ условіяхъ германское общество не можетъ обойтись безъ сильной руки центральной власти. Примѣръ десяти истекшихъ лѣтъ показалъ что безъ правительственной иниціативы оно не въ состояніи удержать потокъ соціалистской пропаганды. Эти соображенія, какъ намъ кажется, вполнѣ оправдываютъ принятіе исключительныхъ мѣръ какъ единственно возможныхъ. Приведутъ ли онѣ къ желаемой цѣли, это, конечно, иной вопросъ. Намъ кажется однако что знаменитое ученіе будто всякое преслѣдованіе усиливаетъ оппозицію—далеко не безусловная истина. Рабочее населеніе, какъ среда полуобразованная, легко поддается увлеченіямъ; далеко не всѣ тѣ кто до сихъ поръ участвовали въ соціалистскихъ кружкахъ соціалисты по убѣжденію готовые отъ словъ перейти къ дѣлу. Отсутствіе прежняго подстрекательства на сходкахъ и со стороны газетъ мало-по-малу успокоитъ этихъ колеблющихся точно такъ же какъ пламя потухаетъ отъ недостатка тяги. Что̀ бы ни говорили соціалъ-демократы, пропаганда посредствомъ тайныхъ агентовъ и подпольной печати не можетъ быть ни такъ дѣятельна, ни такъ сильна какъ прежняя агитація подъ открытымъ небомъ. Соціальная революція не можетъ совершиться путемъ заговора. Наконецъ при отсутствіи организаціи у соціалистовъ изсякнетъ главное средство агитаціи, деньги, le nerf de la guerre, а это уже значитъ весьма много. На первыхъ же порахъ имперское правительство

очень дѣятельно воспользовалось своими новыми правами. Каждый день приноситъ извѣстіе о закрытіи какого-нибудь собранія или о запрещеніи какой-нибудь газеты. Многія изъ остальныхъ ассоціацій и газетъ прекратили свое существованіе добровольно и ликвидировали свои фонды.

Итакъ, позволительно думать что новый законъ ослабитъ распространеніе соціализма, особенно если примѣненіе его будетъ осмотрительно, чтобы преслѣдованіемъ безвредныхъ ассоціацій и произведеній печати не увеличить массу недовольныхъ, и если рядомъ съ мѣрами репрессивными будутъ приняты и такія которыя бы помогли бѣдственному состоянію промышленности. Наконецъ, для успѣха дѣла, требуется чтобы сами заинтересованныя въ дѣлѣ частныя лица подумали о своей защитѣ, ограждая свои фабрики отъ агитаторовъ и отыскивая себѣ опору среди самихъ рабочихъ, чрезъ посредство въ особенности мастеровъ. Эти масте- ра, наиболѣе способные и развитые изъ рабочихъ, могутъ и при теперешнихъ порядкахъ обезпечить себя и возвыситься надъ уровнемъ прочихъ. Они должны быть проводниками обрыхъ вліяній на рабочихъ, а не проводниками соціалист- кихъ ученій, какъ то было обыкновенно до сихъ поръ. Что асается огражденія отъ агитаторовъ, то нѣкоторый почин ь этомъ отношеніи уже сдѣланъ. Желѣзнодорожныя компаніи дали распоряженіе объ исключеніи изъ личнаго состава всѣхъ хъ служащихъ которые принадлежатъ къ одной изъ соціа- стскихъ ассоціацій. Такъ же поступили относительно своихъ бочихъ согласившіеся между собою фабриканты Фрейберг- аго округа въ Саксоніи и Дортмундскаго въ Рейнской об- сти. Такое лишеніе работы сторонниковъ агитаціи было вѣрнымъ средствомъ борьбы съ нею: здравая политика бует чтобы всѣмъ было какъ можно выгоднѣе мириться существующимъ порядкомъ и какъ можно опаснѣе про- ъ него возставать. Правда, эта мѣра затрудняется при омъ законѣ, который явныя ассоціаціи превратитъ въ ныя, но здѣсь потребуется только нѣсколько усиленный оръ, а для фабричныхъ хозяевъ онъ гораздо легче чѣмъ полиціи.

овому большинству германскаго рейхстага предстоитъ въ щемъ не легкая задача, сохраненіе вновь образовавшаго- оюза между консерваторами и либералами. Когда прави- ство вело культурную борьбу и издавало либеральные

законы, а немногіе консерваторы шли у него на буксирѣ, сохранять эту связь было и не трудно, и не особенно необходимо. Въ настоящее время уже не то. Распаденіе этой коалиціи повело бы къ такой анархіи въ палатѣ что изъ нея могли бы выдти самыя неожиданныя сочетанія, не говоря уже о всегдашней угрозѣ распущенія. Но кромѣ того, національ-либералы совершили такой шагъ послѣ котораго поворотъ обратно уже невозможенъ по крайней мѣрѣ для большинства партіи. Сохранять свою прежнюю программу дѣйствій для этого большинства значило бы продавать новый товаръ подъ старою вывѣской. Если гг. Ласкеръ, Штауффенбергъ и нѣкоторые другіе подавали голоса за новый законъ скрѣпя сердце, то нельзя того же сказать о прочихъ вождяхъ либераловъ. Въ Германіи нельзя скрыть уже ни отъ кого что въ рядахъ партіи произошелъ расколъ: что правый ея флангъ съ гг. Трейчке и Зибелемъ во главѣ перетянулъ всѣхъ на свою сторону, и что гг. фонъ-Бенигсенъ, Бамбергеръ и многіе другіе перешли въ ряды правительственной партіи. Если прослѣдить какъ шли голосованія поправокъ къ закону и въ коммиссіи, и въ палатѣ, то этотъ расколъ обнаружится ясно. Большинство либераловъ пожертвовало своими принципами въ пользу того что казалось ему необходимостью; меньшинство неохотно за нимъ послѣдовало, надолго ли — это покажетъ будущее. Для этого меньшинства всегда открыты ряды прогрессистовъ которые продолжаютъ находить что политическими правами не слѣдуетъ жертвовать ни для чего, согласно извѣстному изреченію: périssent nos colonies plutôt qu'un principe. Такой переходъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, лѣваго крыла національ-либераловъ въ лоно прогрессистовъ очень вѣроятенъ. Онъ можетъ совершиться уже въ ближайшую сессію, при обсужденіи промышленныхъ вопросовъ. По отношенію къ нимъ группировка партій совершенно измѣняется, потому что здѣсь уже преобладаютъ личные взгляды. Большинство консерваторовъ и клерикаловъ не въ пользу свободной торговли и образовало въ виду этого особое собраніе „анти-фритредеровъ". Почти всѣ либералы и всѣ прогрессисты держатся противнаго мнѣнія. Но и тутъ ходъ выборовъ и постоянное опасеніе союза консерваторовъ и центра оказали свое дѣйствіе, и г. фонъ-Бенигсенъ, о которомъ снова поговариваютъ какъ о будущемъ министрѣ,

обратился ко мнѣнію о необходимости повышенія пошлинъ. Какъ бы ни сложилось по этимъ вопросамъ большинство палаты и удастся ли князю Бисмарку провести свои личные, не особенно популярные взгляды, но во всякомъ случаѣ для всѣхъ очевидно что насталъ конецъ той промышленной и торговой политикѣ которую всегда защищали націоналъ-либералы. Итакъ, для этой партіи и въ политической, и въ экономической сферѣ настало время ликвидаціи; она должна распроститься со своимъ прежнимъ знаменемъ, и если ей придется пожертвовать немного своею „либеральною" окраской въ пользу „національной", то быть-можетъ этотъ поворотъ все-таки послужитъ началомъ конца той вѣковой антипатіи которая до сихъ поръ господствовала между двумя руководствующими сословіями нѣмецкаго общества...

К. Г—НЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20 декабря 1878 г.

Мы уже имѣли случай въ прежнихъ политическихъ обозрѣніяхъ упоминать что разчитывать на дѣйствія оппозицій въ Англіи и Австро-Венгріи, въ смыслѣ осужденія азартно-враждебной Россіи и славянскому дѣлу политики, значитъ увлекаться иллюзіями. Въ теченіе послѣдняго мѣсяца и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, оба руководящіе дѣлами графа одержали надъ оппозиціею полныя побѣды: главная цѣль—полученіе требуемыхъ кредитовъ — достигнута, никакого недовѣрія министерствамъ не заявлено, и они остаются преспокойно у руля и могутъ двигать государственный корабль въ прежнемъ направленіи. А направленіе это настолько уже выяснилось что едва ли требуетъ особыхъ комментаріевъ.

Въ послѣднихъ рѣчахъ графа Андраши окончательное присоединеніе Босніи и Герцеговины уже не прикрывалось никакими масками; вызванный на откровенность, въ минуту раздраженія противъ назойливыхъ возражателей, онъ снялъ послѣднюю завѣсу съ австрійскихъ вожделѣній, завѣсу покрывавшую до сихъ поръ, вслѣдствіе дипломатическаго этикета, самую суть дѣла отъ взоровъ толпы. Сербія и Черногорія теперь уже окончательно включены въ сферу вліянія Австро-

Венгріи и могутъ жить только ея милостью. До какой степени это вліяніе уже сильно, можно видѣть изъ недавнихъ преній на скупчинѣ въ Нишѣ: заявленія одного изъ народныхъ представителей что Сербія сочувствуетъ положенію Босніи вызвало такія тревожныя опасенія въ Ристичѣ и его товарищахъ что они употребили все свое вліяніе замять слова депутата, не допустить ихъ до обсужденія и включенія въ адресъ. „Съ практической точки зрѣнія, сказалъ Ристичъ, рѣчь о національныхъ желаніяхъ можетъ имѣть мѣсто пока положеніе дѣлъ еще не окончательно рѣшено; но какъ только послѣднее совершилось, всѣ національные вопросы съ почвы *желаній* и *традицій* должны перейти въ область рѣшенныхъ фактовъ, въ особенности если такія рѣшенія *налагаются извнѣ*. Послѣ рѣшеній въ Берлинѣ было бы неблагоразумно продолжать періодъ желаній: мы можемъ навлечь на себя этимъ неудовольствіе. Берлинскій конгрессъ держался принципа который въ правѣ возбудить опасенія мелкихъ націй. Тотъ кто слѣдитъ за ходомъ событій долженъ согласиться что Сербія должна быть осторожна и никого (читай Австрію) не возстановлять противъ себя."

Нужно отдать полную справедливость политическому благоразумію сербскаго министра: послѣ положенія созданнаго послѣдними событіями малымъ славянскимъ княжествамъ, больше ничего не остается какъ забыть о *желаніяхъ и традиціяхъ*, прислушиваться къ приказаніямъ и ежечасно благодарить что имъ оставили нѣкоторую самостоятельность.

За тѣмъ, едва ли могутъ быть въ этомъ еще сомнѣнія, *победоносныя войска* гонведовъ займутъ и Новобазарскій пашалыкъ, а тамъ исподоволь и Салоники. За предлогами дѣло не станетъ, а всѣ эти яко бы требующіяся конвенціи и согласія Турецкаго султана—комедія какъ будто для того только и придуманная чтобъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ имѣлъ предлогъ для совѣщаній съ визирами, а корреспондентъ *Politische Correspondenz* готовый матеріалъ для ихъ писемъ. Достиженіе такого результата послѣднихъ событій на почвѣ Восточнаго вопроса есть не больше какъ вопросъ времени, и къ тому же весьма не продолжительнаго. Въ это ручается не только самый ходъ дѣлъ, но еще болѣе личное содѣйствіе „честнаго маклера".

Въ Лондонѣ созванный до времени парламентъ большинствомъ 101 голоса одобрилъ дѣйствія графа Биконсфильда и

предоставилъ ему распоряжаться насчетъ индійскаго бюджета расходами для войны противъ злосчастнаго Афганскаго эмира. Краснорѣчивая рѣчь Гладстона о безчестности политики нынѣшняго Британскаго правительства, о тяжкомъ грѣхѣ войны противъ Ширъ-Али, о томъ что по вѣчнымъ законамъ божескимъ и человѣческимъ грѣхъ такой будетъ наказанъ страданіями англійской націи; категорическое изобличеніе герцогомъ Аргайлемъ и бывшимъ вице-королемъ Индіи лорда Кренбрука въ передержкахъ и лжи въ его отвѣтной нотѣ, оправдывавшей афганскую войну,—все это оказалось гласомъ воліющаго въ пустынѣ. Война продолжается съ успѣхомъ; Лейярдъ въ Константинополѣ продолжаетъ свою неугомонную работу, а десятки ретивыхъ британскихъ агентовъ, не брезгающихъ никакими средствами, также интригуютъ, гдѣ можно лгутъ, клевещутъ, подкупаютъ, пугаютъ и—достигаютъ своихъ цѣлей. Сколько ни опровергаютъ услужливыя газеты слухи о готовящихся новыхъ сюрпризахъ, въ родѣ кипрской конвенціи 4 іюня, о новыхъ пріобрѣтеніяхъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ Чернаго Моря, мы думаемъ что замотавшійся банкротъ, у котораго единственный помыслъ гдѣ бы и на какихъ бы ни было условіяхъ раздобыть денегъ, пойдетъ по настланной дорожкѣ спусканія съ рукъ остатковъ имущества. Закладывать уже нечего, остается продавать, благо *другъ* съ полнымъ карманомъ подъ рукой; да впрочемъ, продавай не продавай, — все равно и такъ заберутъ. Ужъ кажется какого болѣе сердечнаго друга могъ себѣ представить султанъ какъ не городъ Пештъ, который въ лицѣ своей интеллигенціи бѣсновался въ 1876 и 1877 годахъ до поклоненія гробу какого-то мусульманскаго святаго, и что же? Недѣли двѣ тому назадъ *Pester Lloyd* безъ обиняковъ выступилъ съ предложеніемъ что пришла пора отбросить церемоніи въ сторону и—приступить къ раздѣлу Турціи! (Конечно, послѣ ухода русскихъ войскъ изъ Болгаріи и безъ всякаго участія Россіи.)

По ходу дѣлъ, мы готовы повѣрить и этому. Покончивъ съ Афганистаномъ, создавъ „научную", т.-е. укрѣпленную кромѣ природы еще и по всѣмъ правиламъ инженерной науки границу для обезпеченія Индіи отъ всякихъ случайностей, Англія еще рѣшительнѣе возьмется за окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса въ желательномъ ей направленіи. Для сдѣлки съ Италіей и Франціей она ужъ найдетъ почву:

къ тому же вожди республиканской Франціи чуть ли не враждебнѣе самого Биконсфильда относятся къ борящимся за свои человѣческія права христіанскимъ племенамъ Балканскаго полуострова, и особенно къ Болгарамъ. Червь тщеславія не дастъ имъ покоя: зачѣмъ возбужденъ и доведенъ почти до окончательнаго рѣшенія Восточный вопросъ именно теперь, когда Франція лишена возможности выступить въ роли капельмейстера; когда не въ Парижѣ, а въ ненавистномъ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ завзятаго врага, Бисмарка, собирается Европа рѣшать дѣло? Зачѣмъ эти Славяне своими воплями подняли вопросъ, зачѣмъ эта варварская Россія *теперь* затѣяла войну, когда мы, Французы, вынуждены играть третьестепенную роль? И какъ бы съ досады на это *республиканцы* протягиваютъ руку имперіалисту Биконсфильду, силящемуся закрѣпить южную Болгарію за Турками; въ своемъ усердіи слѣдовать за нимъ и противъ насъ они идутъ такъ далеко что рискуютъ нанести ущербъ своимъ дѣйствительнымъ интересамъ, не говоря о крайней близорукости *добиваться* вражды Россіи.

Что касается Турціи, то ее едва ли уже приходится и считать въ числѣ дѣятельныхъ и дѣйствительныхъ факторовъ въ разрѣшеніи вопроса, всего ближе ея касающагося. Ежемѣсячные заговоры, смѣны министровъ, ссылки однихъ, только что державшихъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, вызовы другихъ, только что признанныхъ измѣнниками; полнѣйшее банкротство, потеря всякаго авторитета, видимый хаосъ и разложеніе,—вотъ теперешнее положеніе безнадежно больнаго человѣка.

Со всѣхъ сторонъ и съ видимымъ упорствомъ повторяются слухи о состоявшихся соглашеніяхъ между Россіей и Англіей, о скоромъ возвращеніи домой части нашей арміи занимающей Адріанополь и его окрестности, наконецъ о непремѣнномъ отступленіи въ срокъ и всѣхъ войскъ нашихъ изъ Болгаріи. Главное основаніе соглашенія заключается якобы въ томъ что Россія оставляетъ Англіи совершенную свободу дѣйствій въ Афганистанѣ (это уже состоялось), въ Малой Азіи, не препятствуетъ захвату турецкихъ портовъ въ Средиземномъ Морѣ, чуть ли не въ Мраморномъ, еще чего-то кажется и около самаго Константинополя, а Англія за то допускаетъ соединеніе Восточной Румеліи, то-есть Забалканской Болгаріи съ сѣвернымъ автономнымъ княжествомъ.

Все это, очевидно, пустые слухи, измышленія разныхъ телеграфныхъ агентствъ и газетныхъ болтуновъ. Облегчать и санкціонировать своимъ согласіемъ новые захваты Англіи, содѣйствовать ея водворенію на мѣста улетучивающагося призрака Оттоманскаго государства, да это было бы политическимъ самоубійствомъ для Россіи! И это послѣ той ужасной, ни предъ чѣмъ не уступавшей вражды, послѣ неустаннаго причиненія намъ гдѣ только можно было вреда и нравственныхъ оскорбленій, послѣ наглой лжи, нахальнѣйшихъ клеветъ на наши священнѣйшія чувства, послѣ низведенія до minimum результатовъ нашихъ геройскихъ военныхъ подвиговъ и неисчислимыхъ жертвъ? Возможно ли это? И въ замѣнъ чего же? Согласія на соединеніе фантастической Восточной Румеліи съ Болгаріею! Да неужели думаютъ что безъ этого согласія онѣ не соединятся? Не ясно ли что Забалканскіе Болгары или будутъ поголовно истреблены, или добьются своего—избавятся отъ турецкаго ига и соединятся со своими братьями. Слѣдовательно намъ предлагаютъ согласіе на то чтò все равно и безъ согласія должно состояться. Это было бы злою насмѣшкой.

Въ настоящую минуту, конечно, все клонится къ миролюбивому разрѣшенію, потому что Россія очевидно идетъ на значительныя уступки, лишь бы не доводить дѣла до новыхъ тревогъ и громовъ войны. Однако трудно себѣ представить какъ устроится положеніе Забалканской части Болгаріи. Оправдается ли слухъ о смѣшанной оккупаціи ея войсками всѣхъ державъ, или по смыслу берлинскихъ постановленій турецкія войска войдутъ таки опять въ эту многострадальную землю болгарскихъ мучениковъ и протянутъ цѣпь своихъ крѣпостей по гребню Балканъ?... Грустная перспектива, хотя даже и въ этомъ случаѣ мы сохраняемъ твердое убѣжденіе что бѣдствіе будетъ временное, и разсѣченныя части Болгаріи соединятся, не взирая ни на чтò. Скорбѣть приходится за неизбѣжныя жертвы, которыхъ придется еще принести для достиженія этой цѣли, жертвы, отвѣтственность за кои должна всецѣло пасть на государственныхъ людей, правящихъ Англіею.

Судьба Забалканской Болгаріи—важнѣйшій пунктъ въ числѣ предстоящихъ окончательному разрѣшенію. Затѣмъ слѣдуетъ вводъ Черногоріи во владѣніе присужденными ей землями. На этомъ обстоятельствѣ тоже лежитъ до сихъ поръ

kakoй-то туманъ: сама ли Порта лукавитъ и уклоняется исполнить это постановленіе Берлинскаго трактата, Албанская ли лига—если это не миѳъ, изобрѣтенный для оправданія предъ Черногоріей и Россіей—дѣйствительно противится и достаточно сильна чтобъ оказать фактическое сопротивленіе, или быть-можетъ и другой близкій сосѣдъ Черной Горы, въ интересахъ коего не допускать усиленія славянскаго *независимаго* княжества, мутитъ изподтишка, — сказать трудно. Но неужели же, не добившись дѣйствительнаго исполненія и этого пункта, — мы уйдемъ съ Балканскаго полуострова?

Что касается затѣмъ прочихъ пунктовъ, о коихъ Россіи предстоитъ войти въ соглашеніе непосредственно съ Портой, то извѣстія нашихъ и заграничныхъ газетъ вотъ уже мѣсяца два чуть не ежедневно противорѣчатъ сами себѣ: то Порта уже совсѣмъ готова утвердить проектъ договора составленный нашимъ посломъ, то она и не думаетъ объ этомъ, то Лейярдъ *запрещаетъ* ей вступать въ переговоры съ Россіей, то Лейярдъ уже перестаъ вмѣшиваться и препятствовать; вотъ-вотъ кажется договоръ будетъ подписанъ, вдругъ извѣстіе что и конца не предвидится. Впрочемъ невольно навертывается вопросъ: какое именно значеніе можетъ имѣть договоръ заключаемый съ Турціею? Если договоры и обязательства, данныя ею въ болѣе благопріятныя для нея времена, когда, хоть и крѣпко больная, она все же еще самостоятельно двигалась, находила щедрыхъ кредиторовъ и обладала цѣлымъ Балканскимъ полуостровомъ, были мертвою бумагой, такъ - сказать векселями сомнительнаго качества, то чѣмъ же будутъ трактаты и обязательства выданные теперь? Говорятъ, недавно корреспондентъ какой-то газеты спросилъ князя Лобанова-Ростовскаго: правда ли что Порта, придравшись къ тому что въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ объ уплатѣ контрибуціи не обозначено какими рублями—металлическими или бумажными считать,—настаиваетъ теперь на бумажныхъ рубляхъ? „Я могу только сказать, отвѣчалъ князь, что мы будемъ очень сговорчивы по этому вопросу и примемъ опредѣленную сумму бумажными рублями, *если ее предложатъ намъ.*“ Вся суть въ томъ что предложеніе будетъ *на бумагѣ, но не бумажками.*

Но можетъ-быть договоръ нуженъ намъ для предъявленія при ликвидаціи? Для этого, пожалуй, онъ и можетъ имѣть

свое значеніе... Нельзя однако не вспомнить, какъ настойчиво требовала Англія отъ насъ чтобы мы не выговаривали себѣ въ замѣнъ денежной контрибуціи территоріальнаго вознагражденія, а сама за тѣ же деньги, или за гарантію займа, требуетъ уступки острововъ и портовъ.

И тѣмъ не менѣе нельзя сказать чтобы наши торжествующіе противники были въ положеніи допускающемъ искреннее, полное удовольствіе. Не говоря объ Австро-Венгріи, съ ея внутренними недугами, рознью и враждебностью ея національностей, съ ея разстроенными финансами, въ самой могущественной Англіи есть много кое-чего, на размышленія вызывающаго. Даже война въ Афганистанѣ, хотя и нельзя отвергать успѣховъ достигнутыхъ занятіемъ Джеллалабада и Курумской долины,—уже по объявленію генерала Робертса жителямъ навсегда присоединенной къ владѣніямъ ея британскаго величества,—все еще далеко не кончена и очевидно идетъ не такъ гладко какъ бы хотѣлось Англичанамъ. Извѣстія оттуда въ послѣднее время сплошь и рядомъ стали оказываться фальшивыми и даже офиціальныя депеши нельзя принимать на вѣру.

Внутреннія дѣла находятся въ крайне непригладномъ положеніи. Экономическій бытъ Англіи такъ сложился что существованіе ея зависитъ отъ дѣятельности фабрикъ и заводовъ, а эти опять отъ требованій на ихъ произведства изъ другихъ странъ. Основаніе не совсѣмъ прочное: съ развитіемъ однородной дѣятельности въ другихъ странахъ требованія само собою будутъ сокращаться и могутъ когда-нибудь если не прекратиться совсѣмъ, то дойти до minimum. Чѣмъ же прокормиться тогда половинѣ населенія Соединеннаго Королевства? Но и помимо этой нѣкоторымъ образомъ отдаленной опасности, разныя другія обстоятельства вліяютъ на количество производства и сбытъ англійскихъ фабрикъ, слѣдовательно на заработки массъ, неимѣющихъ другихъ средствъ существованія. Въ настоящее время, напримѣръ, приписываютъ застой, кромѣ авантюристской политики Биконсфильда, еще и голоду въ Китаѣ и Индіи, а также отсутствію заказовъ изъ Россіи и Турціи. Положимъ что это и такъ; но вѣдь голодъ можетъ завтра повториться и въ другихъ мѣстахъ; Турція уже едва ли скоро явится важнымъ заказчикомъ, а Россія постарается наконецъ развивать у себя производство имѣя подъ рукою неис-

ерпаемыя богатства угля, рудъ и пр., да пожалуй вздумаетъ редпочесть обращаться въ Америку?

Само собою разчитывать, при соображеніяхъ о дальнѣйіемъ ходѣ событій на Востокѣ, на плохое экономическое оложеніе Англіи, на паденіе ея матеріальнаго могущества и есомнѣннаго громаднаго вліянія во всѣхъ частяхъ свѣта, ыло бы еще большею иллюзіей чѣмъ разчитывать на блиайшіе результаты отъ торжества оппозиціи министерству Беконсфильда. Что паденіе возможно, что оно можетъ произойти въ ближайшій историческій періодъ отъ какого-нибудь совершенно непредвидѣннаго толчка, едва ли станется кто оспаривать: примѣровъ подобныхъ паденій не мало: Венеція, Генуя, Голландія были то же въ свое время звѣздами первой величины на политическомъ горизонтѣ. Но не на такихъ соображеніяхъ должны основываться разчеты и планы дѣйствій Россіи въ настойчивомъ преслѣдованіи своихъ государственныхъ цѣлей. Развитіе собственныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, развитіе полное, всестороннее, энергически, съ настойчивостію проводимое, увѣренность въ собственныхъ силахъ безъ разчетовъ на друзей и честныхъ посредниковъ, прекращеніе традиціоннаго поклоненія иностранному идолу въ ущербъ собственнаго достоинства и собственныхъ интересовъ, вѣчнаго расшаркиванія и спиногибанія предъ Западомъ; побольше искренняго патріотическаго чувства, не въ узкомъ смыслѣ единственно матеріальнаго, буржуазнаго довольства, готоваго считать газовое освѣщеніе и хорошую мостовую превыше всякихъ государственныхъ интересовъ, вотъ чего нужно Россіи чтобы прахомъ пошли всѣ ухищренія и махинаціи Беконсфильдовъ, Андраши и другихъ, чтобы наши единственные, естественные союзники были освобождены отъ работы кому бы то ни было, чтобы мы стали хозяевами въ нашемъ Черномъ Морѣ. Въ какомъ бы печальномъ видѣ ни находилось внутреннее положеніе Россіи, (мы не говоримъ о томъ, до абсурда доводимомъ изображеніи якобы удручающихъ насъ бѣдствій, какое можно встрѣтить въ различныхъ чужихъ и своихъ газетахъ) ни одно государство не находится въ такомъ благопріятномъ положеніи въ отношеніи способовъ въ короткое время выйти изъ затрудненій и залѣчить недуги, причиненные войной, а пожалуй еще болѣе плохимъ хозяйничаніемъ. Свободная отъ пролетаріата, отъ фатальнаго рабочаго вопроса,

сдавившаго теперь всѣ западныя государства въ своихъ тискахъ, богатая необъятными пространствами плодородныхъ земель и всякихъ угодій, могущихъ прокормить тройное народонаселеніе, съ народомъ богато надѣленнымъ духовною и физическою силой, привыкшимъ къ усиленному труду, ко всякимъ невзгодамъ, умѣющимъ безропотно, съ покорностію и надеждою на лучшее будущее переносить всяческія тягости, Россія находится въ такомъ положеніи что стòитъ только взяться наконецъ за дѣло, ввести другой духъ, духъ строгой экономіи и бережливости въ управленіе финансами, разстаться съ пагубными вѣковыми привычками: широкою натурой, излишнею торовaтостью, дѣяніями на авось да какъ-нибудь, съ поклоненіемъ формѣ, съ равнодушіемъ къ общественнымъ и народнымъ интересамъ, и многимъ, многимъ, что всякій мыслящій читатель безъ сомнѣнія самъ дополнитъ,—и Россія въ какой-нибудь одинъ-другой десятокъ лѣтъ, стряхнувъ съ себя ветхаго человѣка, предстанетъ болѣе сильною и могучею чѣмъ многіе иные, нынѣ предъ нею кичащіеся. Повторяемъ, ни у одной страны нѣтъ такихъ задатковъ, такихъ рессурсовъ подъ рукой для скораго исправленія порчи и полнаго возстановленія силъ какъ въ Россіи, если умѣючи, искренно и честно за это взяться. Это наше горячее убѣжденіе. Это не наивный оптимизмъ, не шапкозакидываніе; это убѣжденіе основанное на многолѣтнемъ знакомствѣ съ землей и народомъ, знакомствѣ реальномъ, безъ школьническихъ увлеченій фантастическими утопіями безъ излишняго пессимизма, а въ сознаніи, что полнаго благополучія и счастія, какъ вообще никакого совершенства, на свѣтѣ не бываетъ, что безъ этого не было бы вѣчнаго стремленія человѣчества къ лучшему, а слѣдовательно не было бы жизни, а какое-то животное существованіе ради брюха; въ сознаніи, наконецъ, что всякая медаль имѣетъ оборотную сторону, и заслуга зрѣлаго, разумнаго человѣка въ томъ и заключается чтобы не требовать отъ жизни невозможнаго и не тыкать вѣчно пальцемъ въ одно мрачное, неприглядное...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАГО.

НОЯБРЬ.

Стр.

Братья Потемкины на Кавказѣ. Гл. I—III. *Н. Ѳ. Дубровина* 5

Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. LXIX—LXXII. *А. Л. Зиссермана* 56

Изъ дневника русской женщины въ Эрзерумѣ въ 1878 году. *В. Ѳ. Духовской* 98

О драмѣ. Отдѣлъ четвертый. Гл. I—IV. *Д. В. Аверкіева.* 159

Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. LXIX—LXXXII. *Б. М. Маркевича* . . . 201

Новѣйшія открытія въ области физики. Телефонъ, фонографъ и микрофонъ. *Я. И. Вейнберга* 288

Скрежетъ Зубовный. Романъ. Окончаніе. *В. Г. Авсѣенка.* 317

На горахъ. Разказъ. Гл. LXXXIV—XCII. *Андрея Печерскаго* 359

Молитва. Стихотвореніе. *А. Н. Майкова* 430

Новости литературы: I. *Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.* Е. Шмита. Переводъ съ нѣмецкаго А. Нейлисова.—II. Книга доктора Буша о Бисмаркѣ. Dr. Morits Busch: *Graf Bismarck und Seine Leute während des Kriegs mit Frankreich.* 1878, 2. Bände.—III. *Новая исторія культуры въ Греціи и Римѣ.* Jakob von Falke: *Hellas und Rom, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums.* 1878 . . . 431

Политическое обозрѣніе. *А. Л. Зиссермана* 474